3 1761 06607822 1

ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

ИСТОРІЯ

СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ

ВЪ

ЕЯ ПИСАТЕЛЯХЪ И ИЗСЛѢДОВАНІЯХЪ НОВѢЙШИХЪ УЧЕНЫХЪ.

М. СТАСЮЛЕВИЧА.

I

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ:

Отъ паденія западной римской имперіи до Карла Великаго. 476—771 г.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

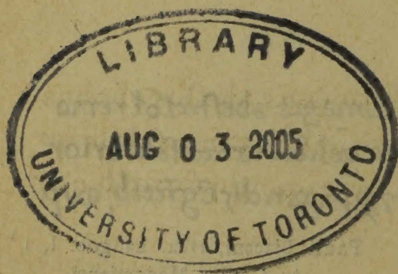
Septemtrional plaga qnto magis ab estu sol remota ē et nivali frigore gelida, tanto salubrior corporib; hominū et ppagandis gentib; coaptata.

Pauli Diaconi, Hist. Langob. I. 1
ex Codice Modoetiensi.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.
1902.

Septentrionalis plaga, quanto magis ad aestu solis remota est et nivali frigore gelida, tanto salubrior corporibus hominum, et propagandis est gentibus magis cooptata.

Павелъ Діаконъ, Истор. Лонгоб. I, 1 (см. перев. на стр. 231).
Изъ рукописи г. Модиція (нынѣ г. Монца).



По поводу второго изданія.

Прошло болѣе двадцати лѣтъ со времени выхода въ свѣтъ моего перваго опыта ввести также и въ преподаваніе исторіи среднихъ вѣковъ чтеніе памятниковъ и новѣйшихъ изслѣдованій. Преподаваніе древней исторіи, въ этомъ отношеніи, поставлено болѣе выгодно, такъ какъ тамъ рядомъ съ историческимъ обученіемъ всегда идетъ, или должно идти, и знакомство съ произведеніями писателей классической древности, а потому я и началъ прямо съ исторіи среднихъ вѣковъ. Планъ, задуманный мною тогда, долженъ былъ обнять всѣ десять столѣтій (V—XV) этой эпохи, въ теченіе которой окончательно сложился новый міръ; но я успѣлъ въ первыхъ трехъ томахъ покончить только съ тремя первыми періодами, обнимающими восемь вѣковъ. Послѣднія два столѣтія, XIV-ое и XV-ое, служатъ, впрочемъ, уже переходнымъ временемъ отъ среднихъ вѣковъ къ новой исторіи; въ теченіе этихъ двухъ вѣковъ подготовилась реформація; эта именно эпоха такъ называемаго „возрожденія“ и не успѣла войти въ мое изданіе. Такимъ образомъ, оно, въ настоящемъ своемъ видѣ, оканчивается вмѣстѣ съ крестовыми походами. Первый томъ содержитъ въ себѣ первые три вѣка (V, VI, VII) постепеннаго разложенія древняго греко-римскаго міра, заключившагося возстановленіемъ западной римской имперіи при Карлѣ Великомъ, почти на всемъ прежнемъ ея пространствѣ. Послѣдовавшіе, затѣмъ, три вѣка (VIII, IX, X) составляютъ содержаніе второго тома; этотъ періодъ является началомъ политической самостоятельности новѣйшихъ народовъ западной Европы. Наконецъ, третій томъ обнимаетъ собою всего два столѣтія (XI и XII) — эпоху крестовыхъ походовъ; эта эпоха была вмѣстѣ и эпохою высшаго расцвѣта средневѣковой образованности, за которымъ послѣдовали другіе два вѣка (XIV и XV) быстраго па-

денія этой образованности, подъ вліяніемъ идей „возрожденія" и реформаціи.

Не повторяю теперь того, что̀ было мною сказано о выгодахъ соединенія преподаванія исторіи по учебнику съ чтеніемъ современныхъ писателей; мнѣ кажется, теперь это не вызываетъ болѣе тѣхъ споровъ, какіе послѣдовали за появленіемъ перваго тома моего изданія, въ 1863 году. Доказательствомъ тому служитъ то, что съ того времени начали у насъ появляться подобныя же историческія пособія и для древней исторіи, и для новаго времени; а потому, если полемика была необходима двадцать лѣтъ тому назадъ, то теперь — полемизировать—значило бы „enfoncer la porte ouverte". Первое изданіе разошлось болѣе 15 лѣтъ тому назадъ; я все надѣялся повторить его вмѣстѣ съ изданіемъ четвертаго и послѣдняго тома, но для исполненія такого намѣренія никакъ не могъ найти достаточно времени. Если теперь я позволяю себѣ повторить старое изданіе въ прежнемъ его объемѣ, то только потому, что, съ одной стороны, надежда на окончаніе его очень уменьшилась, а съ другой — обращенія ко мнѣ съ запросами книги не прекращаются до сихъ поръ; пріобрѣтеніе же прежняго изданія сдѣлалось непомѣрно дорого.—Вслѣдъ за первымъ томомъ не замедлятъ появиться въ свѣтъ и два послѣдующіе.

М. С.

20 октября 1885 г.

Изъ предисловія къ первому изданію.

А. Очеркъ общей исторіографіи среднихъ вѣковъ.

Подъ исторіографіею среднихъ вѣковъ слѣдуетъ разумѣть: 1) сознаніе самихъ современниковъ о цѣлости и внутренней связи міровыхъ событій, совершавшихся по частямъ на ихъ глазахъ и записанныхъ ихъ предшественниками, и 2) взгляды новаго времени на эпоху среднихъ вѣковъ, какъ на періодъ, окончившій свое поприще.

Что касается до сознанія самихъ современниковъ, которые одни только не могли подозрѣвать, что они переживаютъ „средніе“ вѣка, то оно оставалось постоянно на той точкѣ зрѣнія, что продолжается безпрерывно римская и библейская исторія. Потому всѣ хроники среднихъ вѣковъ ставили во главѣ сокращеніе библейской исторіи, связывали ее съ римскою, и потомъ продолжали въ порядкѣ слѣдованія папъ, императоровъ и королей до своего времени. Такъ какъ исключительнымъ языкомъ хроникъ былъ латинскій, то и исторія была достояніемъ однихъ ученыхъ, и ходъ ея мало подвергался вліянію общественной жизни. Только въ концѣ среднихъ вѣковъ, а именно въ XIV и XV ст., исторіографія начала обнаруживать совершенно новыя явленія: сухая форма хроники исчезаетъ, хотя, правда, замѣняется на первый разъ риторическими украшеніями, а съ другой стороны, латинскій языкъ уступаетъ мало-по-малу мѣсто національнымъ языкамъ. То и другое обстоятельство служитъ доказательствомъ того, что ученые начали переставать писать для самихъ себя и разсчитывали на читателей въ обществѣ. Еще въ XII стол. *Готфридъ изъ Витербо* написалъ первую всемірную хронику въ прозѣ и стихахъ; такъ какъ онъ имѣлъ въ виду представить подвиги королей, боговъ земли, то его хроника была названа *Пантеономъ*, т.-е. храмомъ боговъ. Но въ XIV и XV в. появилось уже множество раз-

личныхъ сборниковъ съ цѣлью дать интересное историческое чтеніе; авторы придумывали самыя заманчивыя заглавія, чтобы привлечь читателей; такъ, въ XIII стол. были въ большой модѣ: *Историческое Зерцало* — Speculum historiale — написанное *Винцентомъ изъ Бове*, и *Цвѣтникъ исторіи* — Flores historiarum — составленный бенедиктинскимъ монахомъ *Матвѣемъ Вестминстерскимъ*. Въ XIV ст. *Германъ Гигасъ* написалъ, въ подражаніе послѣднему, *Цвѣтникъ временъ* — Flores temporum. Въ XV стол. любители историческаго чтенія были засыпаны подобными сборниками, соперничествовавшими витіеватостью заглавій: *Поприще міра*—Cosmodromium—составилъ *Gobelinus Persona*; Summa historialis, архіеп. флорентинскаго *Антонина*; Fasciculus temporum (Пучекъ временъ) составилъ *Вернеръ Ролевинкъ* изъ Кёльна; Rudimentum novitiorum, Mare historiarum (Море исторій) и множество другихъ. Эти сборники всѣ написаны на латинскомъ языкѣ и разукрашены множествомъ басней и сказокъ съ цѣлью заинтересовать читателей. Но между ними начали появляться хроники, писанныя на родномъ языкѣ; такъ, еще въ XIII вѣкѣ, *Вильгельмъ изъ Нангиса* (н. г. Нантъ), извѣстный біографъ Лудовика IX Св., перевелъ свою хронику на французскій языкъ. Чаще всего начинаетъ употребляться народная рѣчь въ хроникахъ Германіи. Особенно были замѣчательны и пользовались большою популярностью подобныя сочиненія *Фрица Клозенера* (хроника отъ I. X. до Рудольфа Габсбургскаго) и *Якова Твингера*, отъ сотворенія міра до 1415 г., подъ слѣдующимъ замысловатымъ заглавіемъ:

„Hienach folget
„ein Cronica
„vô allen kaysern und könnigen die seyder XPi
„geburt geregiert und gereichnest haben welich
„Cronica gar kurzweilig nüczlich und lieplich zu
„hören ist.
„Augsb. 1476—87".

т.-е.: „За симъ слѣдуетъ Хроника о всѣхъ императорахъ и короляхъ, которые правили и царствовали отъ Р. Х.,—Хроника, которую можно выслушать скоро, полезно и пріятно". Аугсб. 1476—87.

Эти послѣднія произведенія вошли и въ XVI вѣкъ, когда въ западномъ обществѣ явилось первое убѣжденіе, что въ исторіи его образованности совершился какой-то переворотъ, начавшій собою новый порядокъ вещей. Признаки такого переворота, который мы теперь называемъ концомъ среднихъ вѣковъ и началомъ новаго времени, въ ту эпоху могли быть очевидны и для простого глаза въ необыкновенномъ и внезапномъ развитіи успѣховъ общежитія и благо-

состоянія. Такъ, напримѣръ, во Франціи, при Лудовикѣ XII, правленіемъ котораго открывается въ этой странѣ XVI столѣтіе, современники, смотря съ изумленіемъ на все совершавшееся предъ ихъ глазами, говорили: „Теперь повсюду, на всемъ пространствѣ государства возводятся огромныя зданія, какъ частныя, такъ и публичныя... Внутренности домовъ украшены разнообразною мебелью гораздо роскошнѣе, нежели какъ то бывало до сихъ поръ. Серебряная утварь употребляется всѣми состояніями несравненно болѣе прежняго... Точно также одежды, комфортъ жизни (la manière de vivre) сдѣлались роскошнѣе... Доходы съ земель, усадьбъ и помѣстій увеличились повсемѣстно... Обмѣнъ товаровъ, какъ морскимъ, такъ и сухимъ путемъ, усилился чрезвычайно... Всякаго рода люди (исключая благородныхъ, да и между ними я не исключаю всѣхъ) занялись торговлею. На одного богатаго и зажиточнаго купца въ Парижѣ, Руанѣ, Ліонѣ и другихъ значительныхъ городахъ (bonnes villes) королевства, какъ то было во времена Лудовика XI (т.-е. во второй половинѣ XV вѣка), въ настоящее правленіе (т.-е. при Лудовикѣ XII, 1498—1515 г.) считается до пятидесяти. Въ маленькихъ городахъ теперь находится больше купцовъ, нежели прежде то было въ большихъ и главныхъ городахъ. Такъ что въ настоящее время не строятъ домовъ на улицѣ безъ того, чтобы не оставить внизу помѣщенія для магазина или мастерской... Я разузналъ у тѣхъ, которые завѣдуютъ государственными финансами, людей хорошихъ и съ вѣсомъ, что теперь и подати собираются безъ затрудненія и несравненно съ меньшимъ насиліемъ и издержками, какъ то было при предшествующихъ короляхъ“ (Hist. de Louys XII Roy de France, ou les louanges du bon Roy de France Louys XII, dict. père du peuple, et de la felicité de son règne; par *Cl. de Seyssel*. Par. 1615, стр. 111).

Такъ отразилось въ сознаніи тѣхъ, которые жили на рубежѣ двухъ эпохъ, впечатлѣніе отъ наплыва новыхъ идей, лежавшихъ въ основаніи реформаціоннаго времени. Вмѣстѣ съ улучшеніемъ и измѣненіемъ общественнаго быта, въ XVI столѣтіи произошло возрожденіе искусствъ и наукъ. Начавшееся въ то время изученіе классическихъ древностей, памятниковъ образованности грековъ и римлянъ, и сравненіе ихъ съ жалкими произведеніями искусствъ и наукъ средневѣковыхъ, обнаружили еще бо́льшее различіе между прошедшимъ временемъ до XVI столѣтія и наступавшимъ новымъ. *Гуманисты* — такъ назывались тогда ученые, занявшіеся классическою образованностью — смотрѣли съ презрѣніемъ на періодъ 10 вѣковъ, отдѣлявшихъ ихъ отъ классическаго міра, павшаго въ V-мъ столѣтіи вмѣстѣ съ з. р. имперіею; для нихъ пространство времени отъ V-го до

XV-го ст. было эпохою одного варварства и невѣжества. Изъ всѣхъ гуманистовъ XVI стол. въ особенности замѣчателенъ Ульрихъ фонъ-Гуттенъ [1]). Его ненависть къ тому періоду времени, какъ и вообще всѣхъ гуманистовъ XVI ст., въ XVII вѣкѣ наслѣдовали такъ называемые *полигисторы*, которые заботились въ своемъ увлеченіи возстановить языкъ Цицерона, презирая средневѣковую латынь. Наконецъ, въ XVIII стол. *энциклопедисты*, хотя и по другимъ причинамъ, а именно по своимъ соціальнымъ убѣжденіямъ, съ тѣмъ же отвращеніемъ, какъ и полигисторы, отозвались о среднихъ вѣкахъ и его феодальномъ игѣ; Вольтеръ прямо объявилъ, что не стоитъ изучать эту варварскую эпоху. Но такая крайность въ нападеніяхъ на средніе вѣка вызвала другую крайность въ ихъ защитникахъ нашего времени. Первымъ замѣчательнымъ изъ такихъ апологетовъ среднихъ вѣковъ былъ Гегевишъ, профессоръ кильскаго университета (р. 1760, ум. 1815) [2]); въ этомъ же направленіи, но еще съ бóльшимъ искусствомъ, писалъ Даніилъ Бекъ [3]). Защита среднихъ вѣковъ, наконецъ, достигла совершеннаго ослѣпленія у Фр. Шлегеля [4]). Этому апологическому направленію историковъ явились на помощь поэты, воспѣвавшіе вѣрность средневѣковыхъ рыцарей, ихъ честь, храбрость, преданность, уваженіе къ женщинѣ—качества, которыми не можетъ гордиться въ той же степени и новое время.

При такомъ направленіи господствующихъ убѣжденій о значеніи средневѣкового времени, наука объ исторіи среднихъ вѣковъ долгое время не могла имѣть правильнаго развитія; въ теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій европейскіе ученые, какъ гуманисты, полигисторы и энциклопедисты, даже не считали этого періода достойнымъ изученія. Романическое и вмѣстѣ мистическое направленіе ученыхъ позднѣйшихъ еще болѣе повредило наукѣ объ исторіи среднихъ вѣковъ самою ихъ защитою. Такимъ образомъ, правильное и чисто научное изученіе средневѣковой исторіи началось не ранѣе, какъ въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ первой половины нашего вѣка.

Впрочемъ, ученыя попытки къ занятію исторіею среднихъ вѣковъ можно начинать уже съ половины XVII столѣтія, когда въ первый

---

[1]) См. о немъ и его времени лучшая монографія: D. Strauss, Ulrich von Hutten. 2 Th. 1858.

[2]) *Характеръ и нравы германцевъ въ средніе вѣка. 1786.—Мысли объ исторіи прогресса у германцевъ до Максимиліана I, 1788.* — См. въ его Sammlung der historischen Werke.

[3]) Chr. Dan. Beck, проф. ист. въ Лейпцигѣ: Würdigung des Mittelalters und seiner algemeinen Geschichte. 1780.

[4]) Vorlesungen über die neuere Geschichte. 1828.

разъ явилось и самое выраженіе: medium aevum, *средніе вѣка.* До того времени въ исторической системѣ не употребляли раздѣленія исторіи на древнюю, среднюю и новую, которое съ половины XVII ст. остается господствующимъ и до сихъ поръ. Историки, писавшіе всеобщую исторію, держались, прежде, порядка вѣковъ; въ половинѣ XVII ст. французскій іезуитъ Phil. Labbe (р. 1607, ум. 1667) первый рѣшился измѣнить прежнюю систему: „До меня, говоритъ онъ, всѣ довольствовались порядкомъ вѣковъ (saeculorum distinctionibus), но я вознамѣрился, не столько по своей собственной волѣ, сколько по убѣжденію и совѣту другихъ, раздѣлить исторію на три эпохи: Mundi, Romae et Christi“ [1]). На основаніи того онъ и изложилъ всемірную исторію въ трехъ частяхъ: Mundana, Romana и Christiana. Но эта система не удержалась; надъ нею восторжествовала система другого іезуита въ Германіи, Келлера (ум. 1631), извѣстнаго, по модѣ того времени, подъ переводнымъ латинскимъ именемъ Cellarius: онъ былъ первымъ (сколько мнѣ извѣстно), который написалъ на своемъ трудѣ: Historia medii aevi, т.-е. *Исторія среднихъ вѣковъ.* Съ того времени это названіе осталось техническимъ для извѣстнаго періода всемірной исторіи. Но оно имѣло при первомъ своемъ появленіи только филологическое значеніе. Такъ какъ въ XVII стол. одни филологи занимались историческою наукой, то неудивительно, если они выбрали языкъ за основаніе раздѣленія и политической исторіи. Они раздѣлили судьбу латинскаго языка на три большіе періода: считая послѣднюю эпоху исторіи среднихъ вѣковъ за низшую степень паденія латинскаго языка (infima latinitas), они отдѣлили это время отъ золотого времени римской литературы, окончившагося временемъ Антониновъ, и назвали этотъ періодъ отъ Антониновъ и до XV ст. среднею эпохою латинскаго языка (*media* latinitas). Это названіе „средней латыни“, относившееся собственно къ исторіи латинскаго языка, сдѣлалось впослѣдствіи названіемъ соотвѣтствующаго по времени періода и въ политической исторіи. Въ такомъ смыслѣ уже является названіе „исторіи среднихъ вѣковъ“ у преемника Келлера, Лёшера (Löscher), котораго можно назвать настоящимъ основателемъ господствующей нынѣ системы раздѣленія всемірной исторіи на три большіе отдѣла. Онъ въ первый разъ только опредѣляетъ крайніе предѣлы средневѣковой исторіи, отъ V до XV столѣтія, какъ то дѣлается и до настоящаго времени. Въ одномъ изъ своихъ трудовъ по исторіи римскихъ папъ, написанномъ въ 1705 г. [2]), Лёшеръ говоритъ, что уче-

---

[1]) Phil. Labbe, Breve temporum compendium. 1652, стр. 6.

[2]) *Dr Ernst Löscher*, Historie des Römischen H....-Regiments der Theodorae und Marosiae, nebst einer Einleitung in die Historia medii aevi. Leipz. 1705.

ныя занятія средними вѣками въ первый разъ только начались за 40 лѣтъ предъ нимъ. Его сочиненіе было издано вторично съ дополненіями и исправленіями въ 1725 г., и на этотъ разъ оно было озаглавлено на нѣмецкомъ языкѣ: *Historie der mittleren Zeit*. Лёшеръ является въ первый разъ строгимъ критикомъ средневѣковыхъ источниковъ; особенно велики его заслуги въ отношеніи географіи и хронологіи среднихъ вѣковъ. Сочиненіе и методъ Лёшера оставались господствующими до половины прошедшаго столѣтія, когда его смѣнилъ подобный же трудъ теолога *Землера*; его изслѣдованія объ источникахъ средневѣковой исторіи и до сихъ поръ не потеряли своего значенія. Къ такой критической оцѣнкѣ матеріала исторіи среднихъ вѣковъ въ прошедшемъ столѣтіи присоединилось философское воззрѣніе на ихъ значеніе, которому начало положило сочиненіе Гердера: Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. Riga, 1784 [1]).

Прошедшее столѣтіе для науки объ исторіи среднихъ вѣковъ заключилось появленіемъ въ свѣтъ „Исторіи разрушенія и паденія римской имперіи" Гиббона [2]). Онъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ Антониновъ и доводитъ до завоеванія Византіи турками.

Въ теченіе первой половины XIX ст. въ общей судьбѣ науки объ исторіи среднихъ вѣковъ оказало большое вліяніе произведеніе англійскаго ученаго юриста Галлама: „Взглядъ на состояніе Европы во время среднихъ вѣковъ" [3]), и курсъ бывшаго профессоромъ въ Сорбоннѣ Гизо: „Исторія цивилизаціи въ Европѣ" [4]). Но первое сочиненіе имѣетъ въ виду главнымъ образомъ Англію и исторію остальныхъ государствъ только группируетъ около нея; точно также общій

---

[1]) Къ среднимъ вѣкамъ относятся только послѣднія 5 главъ, отъ 15 до 20. Это сочиненіе помѣщено въ полномъ собраніи сочиненій Гердера, въ числѣ 60 томовъ, in-18. Отдѣльное изданіе философіи исторіи его же сдѣлано извѣстнымъ нѣмецкимъ историкомъ Луденомъ въ 1821 г. съ обширнымъ введеніемъ. Въ 1827 г. вышелъ переводъ того же сочиненія на французскій языкъ, сдѣланный Эдгаромъ Кине.

[2]) History of the decline and fall of the Roman Empire. 1755 — 88. 6 т.; нѣмецкій переводъ 1805—1820 съ предисловіемъ Д. Бека, и въ 1837 г. Споршиля; — лучшій и позднѣйшій французскій переводъ Buchon'a въ 1841. – См. Мемуары Гиббона, оставленные имъ самимъ и изданные въ 1799 г., переведены на французскій яз. Marignié. Par. an VIII (1799). См. подробности ниже, на стр. 168.

[3]) H. Hallam, A view of the state of Europe during the middle-age. Lond. 1818. 2 t. 1826. 3 t. Нѣмец. перев. Halem, Leipz. 1820; — франц. перев. Borgers et Dudouit, Par. 1822 и 1837. 4 t

[4]) Histoire de la civilisation en Europe depuis la chute de l'empire romain jusqu'à la révolution française. 1828. 6-е изданіе 1857.—Русскій перев. Н. Барсова. Спб. 1860.

курсъ Гизо былъ собственно введеніемъ къ его же специальному курсу исторіи цивилизаціи во Франціи, которая доведена имъ только до начала XIV столѣтія. При всемъ томъ оба эти писателя оказали большую услугу средневѣковой исторіи строгимъ анализомъ конституціонныхъ и политическихъ идей въ средніе вѣка, и правильнымъ методомъ въ ихъ изученіи. Наконецъ, во второй половинѣ XIX стол. явился обширный трудъ англійскаго писателя Heinrich Thomas Buckle: „Исторія цивилизаціи въ Англіи“ [4]), замѣчательная по новости историческаго пріема чисто опытнаго и практическаго.

Таковъ ходъ и развитіе исторіографіи среднихъ вѣковъ, въ ея главныхъ представителяхъ, отъ половины XVII в. до нашего времени. Подъ ихъ вліяніемъ время отъ времени появлялись въ послѣднюю эпоху общіе обзоры среднихъ вѣковъ, начиная отъ многотомныхъ сочиненій до краткихъ учебниковъ. Таковъ трудъ теолога *Эйхгорна*, Weltgeschichte (1799) въ 4 т. (позднѣйшее изд. въ 5 т. 1817—1820), весьма ученое изслѣдованіе, но мало критическое; бывъ оріенталистомъ, онъ далъ слишкомъ широкое мѣсто развитію исторіи Востока. Взглядъ Эйхгорна на характеръ исторіи среднихъ вѣковъ одностороненъ, какъ то видно и изъ раздѣленія ея на два періода: до Карла В. варварскій хаосъ, и послѣ Карла В. феодальный хаосъ. Въ концѣ прошедшаго столѣтія проф. въ Страсбургѣ *Кохъ* издалъ Tableau des Révolutions de l'Europe depuis le bouleversement de l'empire d'Occident jusqu'à nos jours. Strasb. 1771 (продолжено и повторено Par. 3 т. 1807 и 4 т. 1813); это сочиненіе имѣетъ значеніе болѣе дипломатическое. Замѣчательнымъ явленіемъ въ исторіографіи среднихъ вѣковъ было сочиненіе *Шлоссера*, Weltgeschichte. Frf. 1817—1824. Авторъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ средневѣковую исторію, и древняя исторія составляетъ у него какъ бы введеніе къ ней; при своей огромной начитанности Шлоссеръ собралъ богатый матеріалъ, расположилъ его весьма искусно, и потому его трудъ имѣлъ весьма важное исторіографическое значеніе. Почти въ одно время съ нимъ составлялось много подобныхъ трудовъ съ тою же исторіографической цѣлью. Такъ, первый профессоръ исторіи въ Берлинѣ *Ruehs* издалъ Handbuch der Geschichte des Mittelalters; и нѣсколько позже за нимъ проф. марбургскаго университета *Rehm*, Handbuch der Geschichte des Mittelalters. Marburg. 1821—1839, въ 4 т., составляющихъ 8 книгъ; послѣднее сочиненіе замѣчательно какъ по объему, такъ и по тщательному изученію и указанію источниковъ, но по своему изложенію

---

[1]) Два первые тома съ общими взглядами на цѣль и задачу исторической науки явились въ нѣмец. перев. Arn. Ruge. 1860. См. ниже, стр. 31.

оно весьма сухо. Не менѣе обширенъ появившійся въ то же время трудъ *Tillier*, Histoire du moyen âge. Par. 1826, 4 т. (нѣм. перев. Frf. 1829—30, 4 т.), но онъ весьма поверхностенъ, и въ немъ критика уступаетъ мѣсто риторикѣ. Несравненно выше его стоятъ два нѣмецкихъ историка, писавшихъ съ цѣлью популярнаго изложенія: *Rotteck*, Allgemeine Geschichte. Freib. 1822—24, 7 т. (1838—39, 9 т.), и *Becker*, Weltgeschichte. Berl. 1824, 12 т. (новѣйш. изд. съ дополненіемъ Лебеля. Berl. 1838. 18 т.).

Въ 30-хъ годахъ исторіографія среднихъ вѣковъ обогатилась тремя произведеніями, которыя до сихъ поръ остаются лучшими учебниками средневѣковой исторіи: 1) проф. Галле-Виттенбергскаго университета *H. Leo*, Lehrbuch der Geschichte des Mittelalters. 1830; не надобно смѣшивать этой спеціальной исторіи среднихъ вѣковъ съ изложеніемъ того же предмета *Leo*, Universal-Geschichte, особенно въ послѣднемъ изданіи 1851 года; авторъ былъ увлеченъ впослѣдствіи своими богословскими и политическими теоріями и во многомъ измѣнилъ прежнія убѣжденія; а потому эта послѣдняя передѣлка стоитъ гораздо ниже изданія 1830 года, по вѣрности взгляда на характеръ историческихъ событій и лицъ. 2) *Desmichels*, Histoire générale du moyen âge. Par. 1837, 2 т. (вышло въ сокращеніи Précis de l'histoire du moyen âge. Par. 137); замѣчательно по ясной системѣ и хорошему выбору фактовъ (сокращеніе перев. на русскій языкъ, Спб. 1837, но не совсѣмъ удовлетворительно и исполнено ошибокъ). 3) *Kortuem*, Geschichte des Mittelalters, 1836, 2 т.; замѣчательно по живости и картинности изложенія, чему много содѣйствовало частое заимствованіе текста изъ современныхъ источниковъ [1]).

Исторіографія среднихъ вѣковъ въ новѣйшее время заключилась, можно сказать, трудомъ проф. и директора въ Гейдельбергѣ *Георга Вебера* въ его Allgemeine Weltgeschichte [2]).

Лучшій и почти единственный изъ современныхъ журналовъ исторической науки, издаваемый проф. мюнхенскаго унив. Зибелемъ [3]), отдавалъ труду Вебера первое мѣсто между всѣми произведеніями общей исторической литературы; при своемъ обширномъ планѣ, всеобщая исторія Вебера заключаетъ самый богатый матеріалъ, тщательно обработанный и ясно расположенный.

---

[1]) Нѣмецкій историкъ Ранке всегда указывалъ своимъ университетскимъ слушателямъ на учебникъ Кортюма, какъ на лучшій изъ всѣхъ существующихъ.

[2]) Weber: Allgemeine Weltgeschichte mit besonderer Berücksichtigung des Geistes-und Culturlebens der Völker und mit Benützung der neueren geschichtlichen Forschungen für die gebildeten Stände bearbeitet. Leipz. 1857—61.

[3]) Historische Zeitschrift, herausg. v. Siebel. Erst. Jahrg. 1859. I Hft, стр. 199.

Наша отечественная литература до послѣдняго времени не принимала вовсе участія въ двухвѣковой разработкѣ всеобщей исторіи среднихъ вѣковъ; мы не имѣемъ ни одного самостоятельнаго труда съ исторіографическимъ значеніемъ; лучшіе наши историческіе дѣятели послѣднихъ десятилѣтій, какъ Грановскій, Кудрявцевъ, Ешевскій и Вызинскій, примкнули своими трудами къ монографическому направленію западныхъ ученыхъ. Труды на поприщѣ общей исторіи среднихъ вѣковъ у насъ весьма немногочисленны и ограничиваются исключительно учебною цѣлью.

В. Важнѣйшіе сборники средневѣковой исторической литературы.

Въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ никто не думалъ о необходимости сдѣлать сводъ историческихъ памятниковъ; еще менѣе могло придти кому-нибудь на мысль повѣрить текстъ ходившихъ въ то время по рукамъ манускриптовъ древнихъ писателей, сблизить показанія очевидцевъ и т. п. Изобрѣтеніе искусства книгопечатанія въ XV вѣкѣ дало не только средство къ бо̀льшему распространенію историческихъ произведеній въ публикѣ, но и содѣйствовало къ ихъ совокупному изданію. Дѣйствительно, вскорѣ затѣмъ обнаружилась мысль о необходимости соединенія разсѣянныхъ хроникъ въ одно цѣлое; честь первенства въ этомъ отношеніи принадлежитъ Германіи, и въ этой же странѣ подобныя изданія въ наше время, по своему методу и совершенству, оставляютъ далеко за собою все, что̀ сдѣлано для того въ другихъ странахъ.

А. Германія. Идея сборника историческихъ памятниковъ при первомъ своемъ появленіи въ этой странѣ имѣла въ виду не науку, но политику: когда въ началѣ XVI вѣка австрійско-габсбургскій домъ, при Максимиліанѣ I, поставилъ себѣ цѣлью уничтожить феодальное раздробленіе Германіи и соединить ее въ одну монархію, мысль— какъ то случается нерѣдко—призвать исторію на помощь политикѣ, побудила императора позаботиться о составленіи отдѣльной національной всеобщей исторіи нѣмцевъ. Такимъ образомъ, отъ исторіи требовалось укоренить въ общественномъ мнѣніи убѣжденіе о цѣлости германской націи со временъ глубокой древности. Дѣло было поручено одному извѣстному ученому того времени *Стабію*. Меланхтонъ, другъ Лютера, пишетъ: „Мнѣ говорилъ Стабій (Stabium audivi narrantem), что императоръ хочетъ дать ему и другимъ ученымъ порученіе собрать всѣ хроники и изъ этихъ отрывковъ составить все-

цѣлую исторію Германіи“ (ex fragmentis illis integram Germaniae historiam componere). Но это порученіе не было осуществлено вполнѣ: въ 1515 г. Stabius вмѣстѣ съ Poittinger и Cuspinianus издали одного Оттона Фрейзингенскаго съ его продолжателями; важно было то, что они нашли себѣ скоро подражателей. Въ томъ же году *Іоан. Миллеръ* издалъ въ Аугсбургѣ Іордана и Павла Дьякона, съ императорскою привилегіею, въ которой выражалась мысль о необходимости покровительствовать всѣмъ, кто предприметъ подобный трудъ; за нимъ базельскій книгопродавецъ *Герберъ*, при помощи извѣстнаго ученаго того времени Beatus Rhenanus (Seligbild von Rhein), издалъ Прокопія, Агатія и Іордана. Въ 1532 г. *Martin Frecht*, профессоръ теологіи въ Тюбингенѣ, напечаталъ саксонскую исторію Видукинда, присоединивъ къ ней Эгингардта и Ліутпранда. Таковы были первыя попытки издать нѣмецкихъ средневѣковыхъ историковъ; но это было одно простое отпечатаніе манускриптовъ безъ всякихъ признаковъ критики.

Реформаціонныя войны пріостановили дѣятельность издателей; но послѣ аугсбургскаго мира (1555 г.) явился цѣлый потокъ новыхъ сборниковъ; изъ нихъ замѣчательны: 1) *Sim. Schard*: Germaniae rerum quatuor chronographi. Francof. ad M. 1566: Tuprinus, Regina, Lambert et Sigebert; 2) докторъ медицины *Pistorius*, сначала протестантъ, а потомъ католикъ и каноникъ, что̀ невыгодно отразилось и на его трудѣ: Rerum Germanicarum scriptores. Francof. ad M. 1583. 3 vol.; и 3) профессоръ математики *Urstisius* (Wursteisen): Germaniae historicorum illustrium tomi II. Francof. 1585.

Съ XVII столѣтія открывается новый періодъ появленіемъ перваго общаго и болѣе полнаго сборника, между тѣмъ какъ до того времени издавали писателей по выбору. *Marcquardt Freher* въ 1600 г. издалъ во Франкфуртѣ: *Directorium* in omnes fere, quos habemus superstites chronologos, annalium scriptores et historicos potissimum Romani Germanicique imperii. Этотъ *Директорій*, какъ назвалъ Фрееръ свой сборникъ, былъ цѣлые полтора вѣка настольною книгою для занимавшихся исторіею Германіи. Послѣдователи Фреера только распространили объемъ его изданія присоединеніемъ къ нему новыхъ документовъ: таковы были два Директорія, изданные Кёлеромъ (Köler) въ 1720 и 1734; но особенно замѣчателенъ по своей полнотѣ: *Hamberger*, Directorium historiae medii potissimum aevi. Götting. 1772. Революція пріостановила дѣятельность издателей, и только по окончаніи этого времени она была возобновлена вмѣстѣ съ возвращеніемъ независимости Германіи. Лицо, стоявшее тогда во главѣ національнаго движенія, а именно, прусскій министръ *Штейнъ*, обратился къ

исторіи, какъ къ вѣрнѣйшему средству поддержать національное чувство, и написалъ статью о томъ, какъ должно привести въ исполненіе его мысль о созданіи народнаго *монумента* исторической литературы (1818 г.). По его плану образовалось общество во Франкфуртѣ на Майнѣ; тамъ находилась центральная дирекція общества, къ которому принадлежалъ и Гёте. Открыта была подписка, и самъ Штейнъ пожертвовалъ 30 т. гульденовъ на это дѣло. Во главѣ всего предпріятія былъ поставленъ *Пертцъ*. Pertz, род. 1775 г., въ то время извѣстный по своему сочиненію: „О палатныхъ мэрахъ при Меровингахъ", а впослѣдствіи заслужившій европейскую извѣстность, какъ первый знатокъ и изслѣдователь средневѣковой эпохи Германіи; въ 60-хъ годахъ онъ занималъ мѣсто директора Публичной Библіотеки въ Берлинѣ. Основная мысль Пертца состояла въ томъ, чтобы раздѣлить все изданіе на пять отдѣловъ: 1) Scriptores, 2) Leges, 3) Diplomata, 4) Epistola и 5) Antiquitates, родъ смѣси, куда помѣстились бы некрологи, календари, родословныя; цѣлое изданіе получило слѣдующее оглавленіе: Monumenta Germaniae historica, inde ab anno Christi 500 usque ad annum 1500; т.-е. „Историческіе Памятники Германіи отъ 500 г. по Р. Х. до 1500 г.". Трудъ Пертца, и до сихъ поръ остается образцовымъ для всѣхъ подобныхъ изданій, какъ по своей критической разработкѣ, такъ и по расположенію частей. Главная задача издателя состояла въ отысканіи подлиннаго текста, очисткѣ его отъ позднѣйшихъ вставокъ (interpolationes) и отысканія источниковъ, изъ которыхъ заимствовалъ свой текстъ составитель той или другой хроники.

Изъ названныхъ выше 5 отдѣловъ начаты были только два: Scriptores и Leges. Первый томъ вышелъ въ Ганноверѣ въ 1826 г., а послѣдній, по общему счету XVII-ый—1861. *Scriptores* заключаются въ томахъ: I, II, V, VI, VII, VIII, IX, X, XI, XII, XVI и XVII; *Leges* отпечатаны въ томахъ: III и IV, а именно: капитуляріи Меровинговъ и нѣмецкихъ, французскихъ и итальянскихъ Карловинговъ въ первомъ изъ нихъ, а въ послѣднемъ имперскіе законы, трактаты и постановленія сейма до 1313 г. Томы же XIII и XIV для Scriptores, и XV для Leges, опоздали, такъ какъ не всѣ работы, относящіяся къ нимъ, были окончены; туда предназначались: Scriptores rerum merovingicarum и Gesta pontificum Romanorum. Для удобства справокъ въ 1848 г. былъ изданъ подробный Inhaltsverzeichnisse къ первымъ десяти томамъ Monumenta Germaniae [1]).

---

[1]) Пертцъ, для распространенія въ школѣ и въ обществѣ исторической литературы среднихъ вѣковъ, сдѣлалъ еще два изданія, общедоступныхъ по цѣнѣ и по

Dahlmann, Quellenkunde der deutschen Geschichte. Göttingen. 1830. 2-е изд. 1838.

Waitz, Ueber die Entwickelung der deutschen Historiographie im Mittelalter —помѣщено въ Schmidt's Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. II, стр. 39 и слѣд., 97 и слѣд.; IV, стр. 97 и слѣд.

Wattenbach, Deutschland's Geschichtsquellen im Mittelalter bis zur Mitte des XIII Jahrh. Berl. 1858.

В. Франція, по колоссальности трудовъ своихъ ученыхъ, занимавшихся собраніемъ и изданіемъ историческихъ памятниковъ, стоитъ выше Германіи, хотя ея сборники уступаютъ по своимъ критическимъ достоинствамъ тому, что̀ представляютъ въ себѣ Monumenta Germaniae. Въ XVI стол. во Франціи, какъ и въ Германіи, многіе занимались изданіемъ древнихъ манускриптовъ, но это былъ трудъ чисто механическій. Между такими сборниками по полнотѣ и богатству матеріаловъ занималъ первое мѣсто: *Pithoeus* (Pithou, род. 1539 г., ум. 1596 г.), знаменитый юристъ, гугенотъ, едва не погибшій во время Варѳоломеевой ночи, одинъ изъ авторовъ извѣстной сатиры на Гизовъ „Мениппея“, и ревностный приверженецъ Генриха IV Великаго. Онъ издалъ: 1) Annalium et historiae Francorum ab a. 708—990 scriptores coaetanei XII. Paris, 1588; и 2) Historiae Francorum ab a. 990—1285 scriptores veteres XI. Paris, 1596. Гораздо болѣе важны труды французскихъ ученыхъ XVII столѣтія, и не только для одной исторіи Франціи, но и вообще для изученія средневѣковой эпохи. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ *Дю-Канжу* (Du Cange, Charles du Fresne, seigneur, род. 1610 г., ум. 1688 г.), *Дю-Шеню* (Du Chesne, въ лат. перев. имени Quercetanus, род. 1584 г., умеръ 1640 г.), и *Балузію* (Baluze, род. 1630 г., ум. 1678). Дю-Канжъ сдѣлалъ извѣстнымъ свое имя изданіемъ Жуанвилля, историка Людовика IX Святого съ объясненіями, которыя и до сихъ поръ остаются драгоцѣннѣйшими (въ 1668 г.); но трудъ, обезсмертившій его имя, явился 10 лѣтъ спустя: это—Glossarium mediae et infimae latinitatis. Par. 1678, въ 3 том.; въ послѣдующихъ изданіяхъ прошедшаго столѣтія этотъ „Лексиконъ средняго и нижняго латинскаго языка“ былъ

формѣ, а именно: 1) *Scriptores rerum germanicarum*, in usum scholarum, ex Monumentis Germaniae historicis. Hannov. 1840–56 (всего вышло до сихъ поръ 13 томовъ, стоющихъ на мѣстѣ 6 тал. 5 згр.). Тамъ можно найти: Adamus Bremensis, Einhardus, Lambertus-Hersfeldendis, Liudprandus, Nithardus, Richerus, Widukindus и др. 2) *Die Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit*, in deutscher Bearbeitung, nach der Ausgabe der Monumenta Germaniae. Berlin, 1849—62 (всего вышло 40 выпусковъ, цѣною на мѣстѣ 14 тал. 28 згр.). По времени, этотъ нѣмецкій переводъ обнимаетъ собою главнѣйшихъ писателей о Германіи отъ Цезаря, Тацита, Плутарха и т. д. до XIII вѣка, и заключается хроникою Арнольда Любекскаго.

распространенъ учеными бенедиктинцами и явился въ шести томахъ (1733—1766 г.); а въ новомъ изданіи F. Didot, болѣе общедоступномъ, по сравненію съ прежними, онъ составляетъ 7 томовъ, изъ нихъ 7-й томъ служитъ лексикономъ старо-французскаго языка (Paris, 1840—47). Лексиконъ Дю-Канжа, результатъ колоссальной начитанности и глубокихъ археологическихъ познаній, кладется и до сихъ поръ въ основаніе всякаго изслѣдованія по исторіи среднихъ вѣковъ. Современникъ Дю-Канжа, Дю-Шень, сдѣланный при Ришелье королевскимъ исторіографомъ, трудился неутомимо надъ копировкою манускриптовъ и ихъ изданіемъ; самымъ капитальнымъ результатомъ его усилій было и до сихъ поръ необходимое изданіе: Historiae Normannorum scriptores antiqui. Par. 1619 (оно весьма рѣдко, и его можно имѣть только въ позднѣйшихъ сборникахъ нашего времени, гдѣ оно было перепечатано цѣликомъ). Не менѣе замѣчательно и другое его собраніе: Historiae Francorum script. coaetanei. Par. 1639—49. 5 vol. (послѣдніе два тома изданы его сыномъ). Оно доходитъ до начала XIV вѣка, т.-е. до конца эпохи Капетинговъ. Почти въ одно время съ Дю-Канжемъ и нѣсколько позже Дю-Шеня появился и трудъ Балузія, юриста, посвятившаго всю свою жизнь на собраніе манускриптовъ древнихъ законовъ, которые были имъ изданы, въ 1677 г., подъ заглавіемъ: Capitularia regum Francorum — богатѣйшій сборникъ въ этомъ родѣ, которымъ пользуются и до настоящаго времени (въ 1780 г. P. de Chiniac сдѣлалъ послѣднее изданіе Балузія въ 2 т., присоединивъ къ нему Marculphi et aliorum formulae veteres et notae doctiss. virorum).

Наконецъ, въ XVIII столѣтіи предпринято было самое полное изданіе всѣхъ историческихъ памятниковъ, которое продолжается и до настоящаго времени. Это изданіе имѣетъ то же значеніе для исторіи Франціи, какъ и работа Пертца для Германіи; основаніе ему положилъ ученый бенедиктинецъ конгрегаціи св. Мавра *dom Martin Bouquet* (библіотекарь въ парижскомъ аббатствѣ St Germain-des-Près; род. 1685 г., ум. 1754 г.). Названіе сборника: Scriptores rerum Gallicarum et Francicarum, или Recueil des historiens des Gaules et de la France. Буке́ началъ изданіе въ 1738 г. и успѣлъ при своей жизни выпустить VIII томовъ (послѣдній въ 1752 г.). До французской революціи это изданіе продолжали другіе бенедиктинцы и успѣли къ 1786 г. выпустить отъ IX до XIII тома включительно. Послѣ революціи Академія Надписей въ Парижѣ взяла на себя продолженіе этого труда, и отъ 1806 г. до 1855 г. издала отъ XIV до XXI тома, на которомъ остановилась работа въ послѣднее время.

*

Вотъ краткое содержаніе каждаго тома:

Томъ I. Древнѣйшія извѣстія о Галліи до прибытія франковъ, и о франкахъ до времени Клодовея. 1738.

Т. II и *III.* Галлія и франки подъ управленіемъ Меровинговъ 1739 и 1741.

Т. IV. Письма, законы, формулы, трактаты и другіе памятники при Меровингахъ. 1741.

Т. V. Время Пипина и Карла Великаго (752—814), съ присоединеніемъ изданныхъ ими законовъ, указовъ и договоровъ. 1744.

Т. VI. Время Лудовика-Благочестиваго, какъ короля Аквитаніи и императора (781—840) съ такимъ же приложеніемъ. 1749.

Т. VII. Дѣянія сыновей и внуковъ Лудовика-Благочестиваго (840—877). 1749.

Т. VIII. Время отъ Лудовика-Косноязычнаго до Лудовика V, послѣдняго Карловинга (877—987), съ приложеніемъ капитулярій Карла-Лысаго и другихъ памятниковъ дѣтей и внуковъ Лудовика-Благочестиваго. 1752.

Т. IX. Собраніе различныхъ памятниковъ отъ Лудовика-Косноязычнаго до первыхъ лѣтъ правленія Гуго-Капета (т.-е. 877—991). 1757.

Т. X. Отъ Гуго-Капета до Генриха I (987—991).

Т. XI. Время Генриха I (1031—1060).

Т. XII, XIII, XIV, XV и *XVI.* Три правленія: Филиппа I, Лудовика VI Толстаго и Лудовика VII Юнаго (1060—1180). 1781—1814.

Т. XVII, XVIII и *XIX.* Время Филиппа-Августа и Лудовика VIII (1180—1226). 1818—1833.

Т. XX и *XXI.* Время Лудовика IX Св., Филиппа-Смѣлаго, Филиппа-Красиваго, Лудовика X, Филиппа V и Карла IV (1226—1328). 1840 и 1855.

Рядомъ съ сборникомъ Буке́, и какъ бы въ дополненіе къ нему, стоятъ: 1) огромный трудъ бенедиктинскихъ монаховъ конгрегаціи св. Мавра: Histoire littéraire de la France, ouvrage commencé par les religieux Bénédictins de la congregation de St Maur et continué par des membres de l'Institut. Paris, 1735—63; 1807—57. Въ настоящее время это изданіе, продолженное послѣ революціи парижскою академіею наукъ, достигло 23-го тома, и по содержанію обнимаетъ всѣ примѣчательныя произведенія письменности во Франціи отъ древнѣйшей эпохи до конца XIII вѣка; 2) сборникъ исключительно мемуаровъ, относящихся къ исторіи Франціи, предпринятый въ концѣ прошедшаго столѣтія цѣлымъ обществомъ ученыхъ и озаглавленный: Collection universelle des mémoires particuliers relatifs à

l'histoire de France. Londres et Paris, 1785—1789. Въ короткое время 4 лѣтъ вышло въ свѣтъ 65 томовъ; по окончаніи революціи взялись продолжать эту работу, и въ 1806—7 г. выпущено было еще 7 томовъ, отъ 66 до 72. Сборникъ начинается XIII столѣтіемъ съ мемуаровъ Жуанвилля, къ которымъ присоединена диссертація Дю-Канжа, и доходитъ до XVII стол.; изданіе остановилось на 72-мъ томѣ.

Но вся слава въ области изданія историческихъ памятниковъ Франціи принадлежитъ нынѣшнему столѣтію, а именно правленію Лудовика-Филиппа и дѣятельности его министра народнаго просвѣщенія *Гизо*. Гизо сдѣлалъ для Франціи то же, что̀ Штейнъ и Пертцъ для Германіи, соединяя въ своемъ лицѣ государственнаго человѣка и отличнаго спеціалиста. Вотъ какъ онъ самъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ (III, 176 и сл.) о предпринятомъ имъ систематическомъ изданіи всѣхъ историческихъ памятниковъ Франціи:

„Никто не обнаруживалъ такого нетерпѣнія, какъ я, стремясь къ открытію животворныхъ источниковъ для той науки, которая была особенно дорога мнѣ, и которой опасное положеніе дѣлалось очевиднымъ. Общественное настроеніе умовъ много помогло мнѣ. Хотя въ послѣднее время высшее преподаваніе исторіи понесло большія утраты, но любовь къ изслѣдованію и историческому разсужденію распространялась все болѣе и болѣе; причина послѣдняго заключалась въ томъ, что послѣ 1830 г. политика не привлекала болѣе къ себѣ дѣятельные умы и не доставляла имъ ни удовлетворенія, ни средствъ пріобрѣсть литературную репутацію ни въ своемъ кружкѣ, ни въ цѣломъ обществѣ. Нѣкоторые изъ моихъ друзей начали говорить о своемъ проектѣ основать, подъ именемъ Société de l'histoire de France, общество съ спеціальною цѣлью издавать оригинальные памятники нашей національной исторіи и распространять свѣдѣнія о трудахъ разсѣянныхъ или неизвѣстныхъ по этому предмету, какъ при помощи послѣдовательныхъ сообщеній, такъ и чрезъ ежемѣсячные отчеты. Я поспѣшилъ одобрить и содѣйствовать исполненію такого проекта. Мы сошлись 27 іюня 1833, въ числѣ 20 членовъ-основателей, опредѣлили уставъ общества, а шесть мѣсяцевъ спустя „Историческое общество Франціи“, считавшее уже до 100 членовъ, 23 генваря 1834, открыло свое общее собраніе, утвердило окончательно уставъ, избрало комитетъ для руководства трудами и немедленно приступило къ своей дѣятельности. Всѣ знаютъ результаты ея за первыя 25 лѣтъ; общество издало 71 томъ мемуаровъ и неизданныхъ памятниковъ, представляющихъ почти безъ исключенія великій интересъ для нашей исторіи, а нѣкоторые изъ нихъ могутъ считаться замѣчательными историческими открытіями, одинаково любопытными для публики и важ-

ными для ученыхъ. Общество издержало на свое изданіе 360 т. франковъ, и разрослось до 450 членовъ.

„Но при самомъ основаніи общества, чрезъ разговоры съ самыми ревностными изъ его членовъ, мнѣ сдѣлалось очевиднымъ, что у него не достанетъ силъ, и что одно правительство располагаетъ необходимыми и литературными (въ архивахъ), и финансовыми средствами къ выполненію такого предпріятія. Потому я рѣшился, какъ министръ народнаго просвѣщенія, взять на себя это дѣло, и съ перваго раза придалъ ему такіе большіе размѣры, для которыхъ стоило бы вызывать щедрость палатъ, къ которымъ я обратился съ представленіемъ. Въ порядкѣ интеллектуальномъ, какъ и въ порядкѣ политическомъ, только большія надежды и великія требованія вызываютъ къ энергіи симпатію и человѣческую дѣятельность. Въ проектѣ бюджета, представленнаго палатѣ депутатовъ, 10 генваря 1834, я требовалъ ассигновать спеціально 120 т. франк. для начала предпріятія. Но со всѣхъ сторонъ поднялись возгласы противъ такого новаго и *огромнаго* расхода. Коммиссія, назначенная для разсмотрѣнія бюджета моего департамента, предложила уменьшить сумму до 50 т. фр., а общая коммиссія абсолютно отвергла мое предложеніе. Я настаивалъ. Пренія были весьма сильныя и перепутанныя, такъ что мнѣ случалось находить защитниковъ между противниками, и противниковъ среди друзей. Гарнье-Пажé обвинялъ меня за то, что я намѣренъ своимъ предпріятіемъ отвлечь молодыхъ людей отъ журналовъ, гдѣ они поддерживали *принципы*, съ цѣлью подавить ихъ изученіемъ, чуждымъ политикѣ. Зато Могень (Mauguin) привѣтствовалъ меня за намѣреніе сдѣлать архивы и дипломатическую переписку достояніемъ публики; это—хорошая школа, говорилъ онъ, для образованія во Франціи людей политическихъ, въ которыхъ она нуждается, и заключилъ словами: „Если вамъ удастся образовать хотя нѣсколько политическихъ головъ, то вы будете вознаграждены сторицею за свои расходы“. Палата оказала мнѣ довѣріе, и я выигралъ дѣло“.

Результатомъ дѣятельности Гизо и его преемниковъ было одно изъ обширнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ изданій, которое въ настоящее время достигло 125 томовъ: Collection de documents *inédits* sur l'histoire de France, publiés par ordre du roi et par les soins du ministre de l'instruction publique etc. Paris. 1835—60, съ 4 атласами. Все изданіе раздѣляется на три серіи: 1) Histoire politique, 2) Histoire des lettres et des sciences, и 3) Archéologie. Въ первой серіи особенно замѣчательны: „Recueils de monuments inédits de l'histoire du tiers-état, par Aug. Thierry. 1850—56.

Основатель этого изданія, Гизо, былъ приготовленъ къ новому

труду своими прежними попытками познакомить французское общество съ древними, еще прежде изданными памятниками, издавъ ихъ съ примѣчаніями и объясненіями. Обязанности профессора и кабинетная дѣятельность много помогли Гизо въ этомъ предпріятіи, и отъ 1823 г. до 1835 г. онъ успѣлъ издать 21 томъ: Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France, depuis la fondation de la monarchie française jusqu'au XIII siècle; avec une introduction, des supplements, des notices et des notes. Этотъ сборникъ замѣчателенъ въ особенности по своему хронологическому распорядку. Когда Гизо остановился въ своемъ трудѣ, подобную же работу предприняли *Michaud* и *Poujoulat*, и начали ее съ той эпохи, которою кончается изданіе ихъ предшественниками, а именно съ XIII вѣка. Изданное ими: Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France, depuis le XIII siècle jusqu'à la fin du XVIII, etc. Par. 1836 — 39 (всего 32 тома), далеко уступаетъ, по своимъ достоинствамъ, предъидущему труду; этотъ сборникъ изданъ весьма не тщательно и не вполнѣ надеженъ. Несравненно выше цѣнится другой подобный же сборникъ мемуаровъ, начинающійся съ XIII вѣка, и предпринятый *Buchon*, но онъ уступаетъ Michaud и Poujoulat въ полнотѣ, потому что ограничивается выборомъ лучшихъ произведеній: Choix de chroniques et mémoires sur l'histoire de France, avec notices biographiques. Paris, 1836—38 (вышло всего 17 томовъ). Нѣкоторые изъ писателей, помѣщенныхъ въ этомъ изданіи, повторены для удешевленія въ Pantéon littéraire, какъ, напримѣръ, Les chroniques de sire Jean Froissart.

Древняя исторія Франціи имѣетъ для себя еще одинъ сборникъ, подобнаго которому мы не встрѣчаемъ для исторіи другихъ странъ: это — изданіе *Leber*: Collection de meilleurs dissertations, notices et traités particuliers, relatifs à l'histoire de France, composés en grande partie de pièces rares, ou qui n'ont jamais été publiées séparément. Paris, 1826 — 38. 20 vol. Въ этомъ превосходномъ изданіи можно встрѣтить драгоцѣнныя изслѣдованія ученыхъ прежняго времени, помѣщенныя въ журналахъ или присоединенныя къ какимъ-нибудь дорогимъ и рѣдкимъ изданіямъ, такъ, наприм., только тамъ можно найти собраніе документовъ относительно Іоанны д'Аркъ. Для занимающагося средневѣковою исторіею Франціи особенно важно, какъ мѣсто для справокъ, классическое по своему совершенству изданіе *Lelong*: Bibliothèque historique de la France, contenant le catalogue de tous les ouvrages tant imprimés que mss., qui traitent de l'histoire de ce royaume ou qui y ont rapport. Avec des notes historiques et critiques. Par. 1719. Нов. изд. Par. 1768—78. 5 vol.

J. Ampère, Histoire de la littérature française au moyen âge. Par. 1839—41 4 vol.
Villemain, Littérature du moyen âge en France, en Italie, en Espagne et en Angleterre. Par. 1830. 2 vol.
Nisard, Histoire de la littérature française. Par. 1849, 3 vol.
Fauriel. Histoire de la poésie provençale. Par. 1846, 3 vol.

С. *Италія* имѣетъ для своей средневѣковой исторіи одинъ только сборникъ полный и систематическій, который можетъ быть сравненъ съ изданіями Буке и Пертца; это именно: *Muratori*: 1) Rerum italicarum scriptores ab anno aerae christianae 500 ad 1500. Mediolani, 1723 — 51 (всего 25 томовъ, въ 28 книгахъ, потому что 1, 2 и 3 состоятъ каждый изъ двухъ частей); и 2) Antiquitates italicae medii aevi post declinationem Romani imperii ad a. 1500, Mediolani, 1738—42. 6 vol. Муратори (род. 1672, ум. 1750) былъ библіотекаремъ знаменитой Амвросіанской библіотеки въ Миланѣ и въ библіотекѣ Моденской. Въ новѣйшее время прежнее сардинское правительство предприняло для Италіи такое же изданіе, какое дѣлается въ Пруссіи для Германіи, подъ тѣмъ же заглавіемъ: Monumenta historiae patriae edita jussu Caroli Albert. Aug. Taurin. 1836—57. До сихъ поръ вышло 9 томовъ.

Muratori, De literarum statu, neglectu et cultura post barbaros in eam in vectos usque ad a. 1100 (въ Antiquit. t. III).
Tiraboschi, Historia della litteratura italiana antica e moderna. Modena. 1872—82, 13 томовъ. (Въ сокращеніи на франц. языкѣ. Berne, 1784, 5 том.).
Guinguené, Histoire littéraire d'Italie, 1811—19, 10 том.
Gervinus, Geschichte der florentinischen Historiographie bis zum 17 Jahrh. (помѣщено въ его Historische Schriften, I, 1833).
Ozanam, Documents inédits pour servir à l'histoire littéraire d'Italie depuis le VIII siècle jusqu'au XIII. Paris, 1851.

D. *Англія* въ первые три вѣка новаго времени имѣла, подобно прочимъ странамъ западной Европы, свои историческіе сборники, которые точно также не отличались никакими критическими достоинствами и составлялись случайно по личному произволу и наклонностямъ составителя. Но такъ какъ Англія и до настоящаго времени не имѣетъ для своей средневѣковой исторіи ничего подобнаго колоссальнымъ монументамъ Пертца, Буке и Муратори, или только еще начинаетъ приступать къ подобнымъ изданіямъ, то ея собиратели XVI, XVII и XVIII вѣковъ не утратили и до сихъ поръ своей важности для ученыхъ, обращающихся къ отдаленнымъ эпохамъ исторіи Англіи. Замѣчательно, что первый сборникъ историческихъ доку-

ментовъ Англіи былъ составленъ въ Германіи и изданъ въ Гейдельбергѣ: Rerum Britannicarum, i. e. Angliae, Scotiae, vicinarumque insularum ac regionum scriptores vetustiores ac praecipui. Heidelb. 1587 (весьма рѣдкій теперь сборникъ). Но вслѣдъ за нимъ обнаружилась большая въ этомъ отношеніи дѣятельность внутри Англіи: въ концѣ эпохи Елисаветы и тамъ появилось нѣсколько сборниковъ; изъ нихъ особенно замѣчательны тѣ два, на которые ссылаются нерѣдко и до настоящаго времени: 1) *Camden*, Anglica, Normannica, Hibernica, Cambrica, a veteribus scripta. Francof. 1602; и 2) *Savile*, Rerum anglicarum scriptores post Bedam praecipui Londini. 1596. Самый замѣчательный изъ старинныхъ сборниковъ явился въ половинѣ XVII вѣка, вскорѣ послѣ англійской революціи; составителями его были: *Twysden* и *Selden*, Historiae Anglicanae scriptores decem, cum Seldeni de iisdem judicio, adjectis variis lectionibus, glossario etc. Lond. 1682. Vol. I, II: 1) Simeon Dunelmensis, 2) Johannes Hagustald, 3) Richardus Hagustald, 4) Aelredus, 5) Radulphus de Diceto, 6) Johannes Brompon, 7) Gervasius Dorobornensis, 8) Stubbs, 9) Thorne, 10) Knigthon, 11) Glossary.

Въ наше время, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, въ Англіи обнаружилась необыкновенная частная дѣятельность единовременно съ оффиціальнымъ движеніемъ во Франціи въ пользу сохраненія средневѣковыхъ памятниковъ и ихъ изданія. Почти въ одно время образовалось до 8 обществъ съ такою цѣлью, и каждое общество издавало въ свѣтъ свои Publications: 1) The Anglia christiana society, 2) Bannatyne club, 3) Camden society, 4) Caxton society, 5) English historical society, 6) Maitland club, 7) Roxburghe club, 8) Surtees society. Изъ нихъ „Англійское историческое общество“ издало 30 том. отъ 1838 — 56; „Общество Кэмденъ“, самое дѣятельное, издало 69 том. отъ 1838—57; „Общество Какстонъ“, названное въ честь перваго типографщика Англіи и основанное въ 1845 г., обнародуетъ древнія произведенія отдѣльныхъ авторовъ. Наконецъ, и въ Англіи правительство, подобно тому какъ во Франціи и Пруссіи, рѣшилось взять на себя такое предпріятіе и въ тѣхъ же размѣрахъ, которые представляютъ Monumenta Пертца; работа была поручена членамъ такъ называемаго Record commissions (археологическая коммиссія), а главная редакція предоставлена *Petrie*. Въ 1848 г. вышелъ первый томъ этого сборника, подъ заглавіемъ: *Monumenta historica Britanniae*, or materials for the history of Britain, from the earliest period to the end of the reign of king Henry VII. Publiched by command of Her Majesty. Vol. I, extending to the Norman conquest. Repared and illustrated with notes by Henry Petrie. Lond. 1848 (т.-е. *Историческіе*

памятники Британіи, или матеріалы для исторіи Британіи отъ древнѣйшей ея эпохи до правленія короля Генриха VII. Издано по повелѣнію ея величества. Т. I, простирающійся до норманнскаго завоеванія. Изготовленъ и снабженъ примѣчаніями Генр. Петри. Лонд. 1848). Планъ этого изданія былъ составленъ еще въ 1822 г., но до сихъ поръ оно ограничивается однимъ первымъ томомъ; Петри не дожилъ до выхода его и умеръ еще въ 1842 г., хотя тѣмъ не менѣе имя его осталось во главѣ изданія, и даже обыкновенно на него ссылаются такъ: *Petrie*, collection of the english historians (т.-е. *Петри*, собраніе англійскихъ историковъ). Содержаніе перваго тома слѣдующее: Gildas—Nennius—Beda, chron. et hist. eccles.—Chronologia breviss. — Anglo-Saxon chronicle—Asserius — Florentius Wigorn — Nomina archiepisc. et episcop. — Genealogia regum Angl.—Simeon Dun.—Henricus Hunt.—Gaimar—Annales Cambriae—Brut y Tyw—Carmen de bello Hasting.

Но это изданіе имѣло самую жалкую участь: члены Record commission перессорились между собою; жалованье, получаемое ими, давно уже обратилось въ ихъ синекуру: они медлили работой, чтобы продлить свое содержаніе; и наконецъ, когда вышелъ первый томъ, стоившій огромныхъ суммъ, парламентъ, получая отовсюду упреки за растрату общественныхъ денегъ, долженъ былъ закрыть Record commissions и прекратить изданіе. Но общественное мнѣніе и настоянія Маколея принудили парламентъ, не ограничиваясь такою отрицательною мѣрою, подумать о лучшихъ средствахъ къ выполненію національнаго предпріятія, и въ началѣ 1857 г. Master of the Rolls, Sir *John Romilly* предложилъ государственному казначейству взять на себя полнѣйшее изданіе всѣхъ историческихъ памятниковъ Англіи отъ Юл. Цезаря до Генриха VIII, по системамъ, уже утвердившимся на этотъ случай на материкѣ. Результатомъ новыхъ работъ было изданіе, продолжающееся и донынѣ подъ заглавіемъ: *Rerum Britanicarum medii aevi scriptores*, or Chronicles and Memorials of Great Britain and Ireland during the middle ages. Publisched by the authority of Her Majesty's treasury, under the direction of the master of the rolls. London. 1858—61. До сихъ поръ вышло всего 24 тома, въ 33 частяхъ, in 8°. Оно замѣчательно по удобству формата для кабинетныхъ работъ и крайней дешевизнѣ (на мѣстѣ томъ продается менѣе 3 руб. на наши деньги); но, какъ замѣчаетъ Зибель, въ своемъ Historische Zeitschrift (1859, стр. 548 и слѣд.), по поводу рецензіи этого изданія, оно не можетъ выдержать сравненія, наприм,, съ изданіемъ Пертца, уже по одному тому, что для главной редакціи не избрано никого, кто могъ бы ручаться за дѣло, и все возложено, какъ

служебная обязанность, на оффиціальное лицо, Master of the rolls (начальникъ государственнаго архива).

Baleus, Scriptorum illustrium majoris Britanniae, quam nunc Angliam et Scottiam vocant, catalogus. Basileae, 1557—59, 2 vol. Неоцѣненный источникъ всѣхъ свѣдѣній о древнихъ писателяхъ Англіи.

Van Bruyssel, Etude biographiques sur les chroniqueurs anglais, écossais et irlandais depuis les temps les plus reculés jusqu'a l'invention de l'imprimerie, Brux. 1861. Помѣшено въ Compte rendu des séances de la commission royale d'histoire, и еще не окончено.

Lappenberg, Geschichte von Englands. Hamb. 1838, въ предисловіи.

Wright, Biographia britannica literaria of Biography of literary characters of Great Britain and Ireland, arranged in chronological order. Lond. 1842—46, 2 vol. Изданіе весьма полезное для справокъ.

Schoell, De ecclesiast. Britonum Scotorumque historiae fontibus. Berol. 1861.

Schmid, Ueber die Chroniken der Angelsachsen, 1828. Помѣщено въ „Hermes". Band 30.

E. *Испанія* совершенно отстала въ дѣлѣ историческихъ сборниковъ отъ другихъ западноевропейскихъ національностей, и для ея средневѣковаго времени надобно довольствоваться дѣятельностью предшествовавшихъ столѣтій. Важнѣйшій изъ старинныхъ сборниковъ Испаніи, на который обыкновенно ссылаются, былъ составленъ въ Германіи: *Schott*. Hispaniae illustratae seu rerum urbiumque Hispaniae, Lusitaniae, Aethiopiae et Indiae scriptores varii. Francof. 1603 — 8. 4 vol. Изъ національныхъ предпріятій особенно замѣчательны только два, принадлежащія прошедшему столѣтію: 1) *Llaguno Amirola*, Collection de las cronicas y memorias de los reyes de Castilla. Madrid. 1779—87. 8 vol; и 2) *Florez*, Espana sagrada. Theatro geografico-historico de la iglesia de Espana. Madrid. 1747—1856. 48 том. Послѣдній сборникъ, по своей полнотѣ и богатству содержанія, занимаетъ то же мѣсто для Испаніи, какъ Муратори и Буке для исторіи Италіи и Франціи.

Dozy, Recherches sur l'histoire politique et littéraire de l'Espagne pendant le moyen âge. Leyd. 1860. 2 тома.

Bouterweck, Geschichte der Spanischen Poesie und Beredsamkeit. 1804.

L. Wiardot, Etudes sur l'histoire des institutions, de la littérature et de beaux arts en Espagne. Paris, 1835.

Кромѣ національныхъ сборниковъ, въ западной Европѣ существуютъ изданія, которыя по своему содержанію имѣютъ одинаковый интересъ для всѣхъ странъ и служатъ однимъ изъ главныхъ источ-

никовъ для изученія въ особенности первыхъ эпохъ средневѣковой исторіи. Между ними первое мѣсто занимаетъ изданіе Болландистовъ, названное такъ по имени своего основателя, бельгійскаго іезуита *Болланда* (ум. 1665 г.) и извѣстное подъ заглавіемъ *Acta Sanctorum*, quotquot toto orbe coluntur, collegit, digessit, notis illustravit Joh. Bollandus. Оно началось въ 1643 г. и продолжается до настоящаго времени; послѣдній 56-ой томъ вышелъ въ 1861 г. Это—жизнеописанія святыхъ, распредѣленныя, въ порядкѣ календаря, слѣдующимъ образомъ: Генварь — 2 т., Февраль — 3 т., Мартъ — 3 т., Апрѣль — 3 т., Май — 7 т., Іюнь—7 т., Іюль—7 т., Августъ—6 т., Сентябрь — 8 т., Октябрь до 21 числа — 10 т. Второй сборникъ подобнаго же содержанія составилъ французскій ученый бенедиктинецъ *Mabillon* (ум. 1707): Acta Sanctorum ordinis s. Benedicti in saeculorum classes distributa. Saecul. I — VI. Par. 1667 — 1701, 9 том. Десятый томъ этого важнаго сборника лежитъ и до сихъ поръ въ манускриптѣ въ библіотекѣ аббатства С. Жерменъ, въ Парижѣ.

Въ новѣйшее время появился во Франціи сборникъ отдѣльный для церковныхъ писателей, какой бы странѣ они ни принадлежали; онъ издается подъ редакціею *Migne*, Patrologiae cursus completus, sive bibliotheca universalis, integra, uniformis, commoda, œconomica, omnium SS. Patrum, doctorum, scriptorumque ecclesiasticorum, sive Latinorum, sive Graecorum, qui ab ævo apostolico ad ætatem Innocentii III (1216 a.) pro Latinis, et ad Photii tempora (863 a.) pro Græcis floruerunt. Paris, 1844 — 57. Всего издано для латинскихъ Отцовъ церкви 221 томъ и для греческихъ 20 томовъ.

Для занимающихся исторіею среднихъ вѣковъ особенно полезенъ трудъ нѣмецкаго библіофила Потгаста; этотъ трудъ можетъ служить весьма важнымъ пособіемъ для справокъ относительно изданій всѣхъ средневѣковыхъ памятниковъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ: *Bibliotheca historica medii aevi* oder Wegweiser durch die Geschichtswerke des Europaeischen Mittelalters, von 375—1500. Von *Aug. Potthast*. Berl. 1862. 1010 стр.

М. С.

16 января 1863.

ВВЕДЕНІЕ.

I

ОБЩІЯ ПОНЯТІЯ

О НАУКѢ ВООБЩЕ И ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКѢ ВЪ ОСОБЕННОСТИ.

---

1. — Мы учимся для жизни, а не для школы.

1800 г.

Что̀ значитъ *учиться для жизни?* Повидимому, это значитъ учиться тому, что̀ въ жизни бываетъ полезно, что̀ можетъ быть приложено къ чему-нибудь, что̀ даетъ намъ средство жить лучше. Но жизнь дѣлаетъ весьма обширныя и разнообразныя требованія, а съ другой стороны, приложимость и полезность рѣдко бываютъ непосредственны, ибо одно знаніе строится на другомъ, и въ свою очередь само служитъ основаніемъ новымъ познаніямъ; а потому было бы крайне нелѣпо, при всякомъ случаѣ, когда я чему-нибудь научаюсь, тотчасъ задавать себѣ вопросъ: на что̀ я могу употребить это знаніе? что̀ оно мнѣ принесетъ и какую окажетъ пользу? Но развѣ ты можешь предвидѣть впередъ всю свою жизнь и всѣ обстоятельства, съ которыми тебѣ придется столкнуться? Можешь ли ты знать, что̀ тебѣ будетъ пригодно во всякую минуту жизни и при каждомъ новомъ предпріятіи? Когда ты пріобрѣтаешь деньги, спрашиваешь ли ты себя, или можешь ли впередъ опредѣлить, какую именно вещь пріобрѣтешь на нихъ, и когда ты учишься языку, знаешь ли ты, съ кѣмъ именно тебѣ придется говорить на немъ? Итакъ, наше выраженіе: *учиться для жизни,* сводится на достиженіе болѣе простой и опредѣленной цѣли: „приготовить себя въ своихъ средствахъ и способностяхъ, въ качествахъ души и тѣла, къ тому, что̀ называютъ жизнью, чтобъ не остаться грубымъ невѣждой, насколько то дозволяютъ случай, время и обстоятельства, и трудиться надъ тѣмъ, чтобъ образовать изъ себя здоровую личность, пригодную для всякой дѣятельности, на какую укажетъ жизнь“. Такимъ образомъ на долю каждаго выпадаетъ учить *свой* урокъ, который нуженъ ему самому, а не кому другому. Подобно тому какъ въ дѣйствительной жизни каждый подвергаетъ испытанію *свои* душевныя и физическія силы, *свои* средства, имѣетъ *свои* жизненныя цѣли, точно также каждый учится *для себя,* а не для кого другого,—*для своей жизни.*

Потому въ нашемъ ученіи должно быть исключено не только все совершенно безполезное, но и все чужое, выработанное не въ насъ

самихъ. Было бы ребячествомъ предпочесть украшеніе себя чужими тряпками простому, но собственному и цѣльному платью, сшитому по нашей мѣркѣ. Нелѣпо испортить или скривить себѣ глазъ для того, чтобы привыкнуть смотрѣть въ чужое стекло. Лучше развивай и образуй свои собственныя душевныя и тѣлесныя силы, въ правильномъ ихъ соотношеніи другъ къ другу и пропорціонально, тогда ты можешь себѣ сказать: *я учусь для жизни.*

Какъ достигнуть такой цѣли, на это каждому должно отвѣтить его собственное сердце и добрый совѣтъ благоразумнаго наставника, подъ руководствомъ котораго онъ образуется. Кто учится въ школѣ тупо, вяло, болѣзненно; кто развиваетъ однѣ душевныя силы и пренебрегаетъ физическими, какъ будто бы онъ былъ чистый, отвлеченный духъ; кто работаетъ исключительно одною изъ душевныхъ силъ, наприм., воображеніемъ, памятью, не заботясь о другихъ, о разсудкѣ; кто учится для головы, не думая о сердцѣ, или кто, заносясь воображеніемъ въ облака, не вырабатываетъ хладнокровно правильныхъ воззрѣній, на все смотритъ слегка, и отъ труда тяжелаго и продолжительнаго бѣжитъ, какъ отъ ада, тотъ работаетъ не для жизни, потому что для жизни нуженъ цѣльный, изъ одного куска человѣкъ, человѣкъ здоровый, вооруженный всѣми силами души и тѣла: онъ долженъ работать и головой, и сердцемъ, и мыслью, и дѣломъ, и работать не только охотно, но и всесильно: кто того не можетъ, кто себя не пріучилъ къ тому заранѣе, тотъ не для жизни учился. И кого въ этомъ случаѣ не наказываетъ его собственная совѣсть! Сколькому учимся мы и теряемъ на то время, безъ чего мы могли бы легко обойтись, и опускаемъ изъ виду необходимое, только потому, что изученіе его намъ казалось непріятнымъ! Мы отлагаемъ въ сторону многое, чего жизнь требуетъ неопровержимо, и вслѣдствіе такого недостатка являемся въ жизнь хромыми. Бодрствуй, юноша, и учись для жизни! Время, для котораго ты растешь и готовишь себя, требуетъ людей опытныхъ въ жизни, т.-е. людей, которые изучили жизнь, людей разсудка, съ здравыми взглядами, съ твердою рукою въ дѣлѣ строенія, съ здоровымъ слухомъ, чтобъ хорошо прислушиваться и понимать все сказанное и на все вѣрно отвѣтить, слѣдовательно, людей съ правильною и ясною рѣчью, коротко знакомыхъ съ природой, съ положеніемъ міра, съ его требованіями и нуждами. Времена, когда люди писали пастушескія идилліи, переводили стихи Анакреона, или какъ-нибудь въ этомъ родѣ упражнялись въ прозѣ и поэзіи, прошли невозвратно, потому что современная наша жизнь, къ которой готовится наше юношество, требуетъ бо̀льшихъ силъ, нежели сколько было нужно для анакреонтическихъ и пастушескихъ пѣснопѣній. Съ 1800 годомъ начинается иное время, и 1801 годъ будетъ только его первымъ шагомъ; этотъ новый рядъ годовъ вызываетъ новыя усилія, требуетъ новаго прилежанія. Вы, юноши, идете на встрѣчу новому столѣтію, въ которое мы входимъ полуотжившими людьми; учитесь для новаго вѣка, учитесь, чтобы съумѣть въ немъ прожить.

Наконецъ, такъ какъ жизнь наша требуетъ не одныхъ новыхъ познаній и мыслей, но и воли, побужденій, а изъ нихъ-то жизнь

и состоитъ по преимуществу, то наше выраженіе: „учиться для жизни, а не для школы", относится преимущественно къ образованію сердца и характера. Къ чему послужатъ тысячи познаній, безъ воли, безъ наклонностей, безъ желанія жить честно и справедливо? Мы живемъ прежде всего волею; сердце должно насъ осуждать или утѣшать, подкрѣплять или ронять, награждать или наказывать; счастье или несчастіе нашей жизни опирается не на одни познанія, но и на нашъ характеръ, побужденія; вся цѣна жизни заключена въ нашей груди. Такимъ образомъ, тотъ учился для жизни, кто умѣлъ своимъ наклонностямъ дать вѣрное направленіе, уяснить себѣ основы жизни и укрѣпить ихъ, затѣмъ громко и твердо стоять за убѣжденія, и жить не только головой, но и сердцемъ для людей и для Бога...

Гердеръ.

І. Фр. Гердеръ (р. 1744 г., ум. 1803 г.) принадлежитъ вмѣстѣ съ Ж. Б. Вико (о немъ см. ниже, ст. 9) къ числу основателей философіи исторіи, задачу которой главнымъ образомъ составляетъ открытіе общихъ законовъ человѣческой дѣятельности. Гердеръ учился въ Кенигсбергѣ естественнымъ наукамъ, потомъ перешелъ къ теологіи, былъ проповѣдникомъ въ Ригѣ, затѣмъ профессоромъ теологіи въ Геттингенѣ, и кончилъ жизнь проповѣдникомъ при дворѣ въ Веймарѣ, который былъ въ концѣ прошлаго столѣтія интеллектуальною столицею Германіи; тамъ жили въ то время Шиллеръ, Гёте, Лессингъ и др. Въ Ригѣ Гердеръ издалъ свое знаменитое произведеніе: Ideen zur Philosophie der Geschichte. 1784, 2 т. (Мысли о философіи исторіи;—Edgard Quinet перевелъ на франц. яз. въ 3 т. 1834 г.). Это сочиненіе было первою попыткою дать философіи исторіи опытныя начала, заимствованныя изъ ближайшаго изученія свойствъ человѣческаго тѣла и физической природы. Собраніе сочиненій Гердера (Herder's Werke zur Philosophie und Geschichte) въ 60 томахъ, было издано въ 1827 году. Его статья: „*Nicht für die Schule, für das Leben muss man lernen*", помѣщена въ 10-мъ т., въ отдѣлѣ Schulreden; это была рѣчь, произнесенная имъ на актѣ въ первый годъ, которымъ открылось наше столѣтіе (Для критическаго обзора вообще всѣхъ главныхъ системъ философіи исторіи см. Essai sur le principe et les limites de la philosophie de l'histoire, par Ferrari. Par. 1843;—и Essai sur l'histoire de l'humanité, par. M. Antonides. Leipz. 1859).

---

2. — Вообще о методахъ наукъ и о характерѣ древней и новой науки.

1623 г.

Науки были обрабатываемы до сихъ поръ или эмпириками, или догматиками. Эмпирики, какъ муравьи, умѣютъ только накоплять въ кучу и накопленное потребляютъ на мѣстѣ. Догматики, на подобіе пауковъ, ткутъ ткань изъ самихъ себя. У пчелы же процедура занимаетъ средину между ними; она собираетъ, какъ муравей, свой ма-

терiалъ на цвѣтахъ садовъ, въ поляхъ, но она ихъ преобразуетъ и дистиллируетъ въ силу прирожденной ей способности. Таковъ образъ истинной научной работы, которая не считаетъ, какъ паукъ, самоё-себя источникомъ познанiя; или, какъ муравей, не ограничивается наносомъ въ нашу память множества опытныхъ фактовъ, но влагаетъ ихъ въ нашъ духъ видоизмѣненными и преобразованными. Надобно ожидать великихъ результатовъ отъ тѣснаго соединенiя этихъ двухъ методовъ, опытнаго и рацiональнаго, соединенiя до сихъ поръ невстрѣчавшагося (Nov. Org. I, 95 гл.).

Наши науки ведутъ свое начало почти отъ однихъ грековъ. То, чтò къ нимъ присоединили римляне, арабы и другiе позднѣйшiе народы, не велико и не такъ важно; и при томъ, какова бы ни была важность того, все же оно основывается на томъ, чтò было открыто греками. Но вся мудрость грековъ опиралась на одномъ мудрствованiи (sapientia professoria) и разливалась въ словопренiяхъ; такой характеръ изслѣдованiя всего менѣе выгоденъ для достиженiя истины. Потому названiе софистовъ, которымъ обыкновенно имѣвшiе сами притязанiе быть философами пятнали древнихъ риторовъ, Горгiя, Протагора, Гиппiя, Пола, одинаково пристало и той цѣлой семьѣ, Платону, Аристотелю, Зенону, Эпикуру, Өеофрасту, и ихъ преемникамъ, Хризиппу, Карнеаду и друг. Различiе между ними состоитъ развѣ въ томъ, что первые (т.-е. софисты) бродили по всему свѣту и, такъ сказать, торговали, бѣгая изъ одного города въ другой, выставляя на показъ свою мудрость и требуя за то платы; другiе (т.-е. философы) оставались, напротивъ, въ опредѣленномъ мѣстѣ, и были потому и замѣтнѣе, и великодушнѣе: они открыли школы и просвѣщали даромъ. Но какъ тѣ, такъ и другiе, хотя между ними и замѣчалось различiе въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ, были одинаково чѣмъ-то въ родѣ наставниковъ, обращали познанiе въ предметъ словопренiй, творили и защищали секты и ученые расколы, такъ что ко всѣмъ ихъ ученiямъ можно было весьма справедливо примѣнить эпиграмму Дiонисiя на Платона: „все это рѣчи праздныхъ стариковъ къ неопытнымъ юношамъ“. Но первые мудрецы Грецiи, Эмпедоклъ, Анаксагоръ, Левкиппъ, Демокритъ, Парменидъ, Гераклитъ, Ксенофанъ, Филолай и друг. (исключаемъ Пиөагора, за его суевѣрiе), они, сколько намъ извѣстно, не основывали школъ, трудились надъ изслѣдованiемъ истины безъ шуму, но зато съ большею строгостью и простотою, т.-е. съ меньшею аффектацiею и безъ желанiя выказаться. Вотъ почему они, по нашему мнѣнiю, гораздо болѣе успѣли; но, съ теченiемъ времени, ихъ труды были стерты тѣми легкими произведенiями, которыя наиболѣе соотвѣтствовали низкому уровню массъ и лучше подходили къ ихъ вкусу; время, какъ рѣка, доноситъ до насъ въ своемъ потокѣ все, чтò пусто и легко, и потопляетъ подъ собою массивное и солидарное. Но, впрочемъ, и эти серьезные умы платили иногда дань недостаткамъ своего общества: они, побуждаемые честолюбiемъ и тщеславiемъ, также основывали особыя школы, съ тѣмъ, чтобы стяжать себѣ почести и славу. Изслѣдованiе истины внушаетъ недовѣрiе, когда оно пускается на такую жалкую спекуляцiю; нельзя при этомъ не вспомнить того приговора или скорѣе

прорицанія, которое было высказано египетскимъ жрецомъ относительно грековъ: „они всегда останутся дѣтьми; у нихъ не будетъ ни науки древностей, ни древности наукъ“. Въ самомъ дѣлѣ, они обладали всѣми свойствами дѣтей: всегда готовые поболтать, они были неспособны дѣйствовать; ихъ наука состояла изъ словъ и оказывалась безплодною въ примѣненіи. Вотъ почему происхожденіе нашей науки и характеръ народа, изъ среды котораго она вышла, не составляетъ добраго знака для нея и не служитъ въ ея пользу.

Какъ время и эпоха, въ которую родились наши научныя познанія, не служатъ для нихъ хорошимъ предзнаменованіемъ, такъ точно неблагопріятенъ для нихъ и характеръ страны и народа, среди которыхъ они были начаты. Въ то время познаніе прошедшаго и настоящаго было весьма ограниченно и поверхностно, что̀ чрезвычайно неудобно для каждаго, кто хочетъ все основывать на опытѣ. Исторія едва восходила на тысячу лѣтъ и не заслуживала даже имя исторіи; басни и темныя преданія старины—вотъ всѣ ея матеріалы. Древніе знали самую небольшую часть странъ и земель свѣта; они называли безразлично всѣ сѣверные народы скиѳами, всѣ западные—кельтами; въ Африкѣ имъ были извѣстны однѣ самыя близкія страны къ границамъ Эѳіопіи; въ Азіи — по сю сторону Ганга; еще менѣе знали они о земляхъ Новаго Свѣта, ни по слуху, ни по какому-нибудь правдоподобному преданію; они считали не населенными многіе климаты и пояса, подъ которыми живутъ и дѣйствуютъ безчисленные народы. Въ тѣ времена восхваляли, какъ нѣчто весьма замѣчательное, путешествія Демокрита, Платона, Пиѳагора, которыя, безъ сомнѣнія, не простирались далеко и заслуживаютъ названія прогулокъ. Теперь же, напротивъ, намъ извѣстны большая часть Новаго Свѣта и самыя отдаленныя страны древняго; число наблюденій увеличилось въ громадной пропорціи. Вотъ почему, если бы кто захотѣлъ, подражая астрологамъ, отъискивать, подъ какими знаками явились въ свѣтъ начатки нашихъ наукъ у грековъ, онъ не нашелъ бы ничего благопріятнаго для нихъ.

Такъ же шатки и маловажны тѣ знаки, которые мы стали бы искать въ результатахъ древней науки. Полезныя изобрѣтенія служатъ ручательствомъ и удостовѣреніемъ истинности всякаго умозрѣнія. Что же?! Можемъ ли мы указать, чтобы изъ умозрѣнія грековъ и практическихъ наукъ, на немъ основанныхъ, въ теченіе столькихъ вѣковъ, явился бы на свѣтъ какой-нибудь опытъ, который содѣйствовалъ бы улучшенію или облегченію быта народовъ, и который можно было бы съ достовѣрностью выводить изъ ихъ умозрѣній и философскихъ догматовъ? Цельзъ [1]) открыто и благоразумно сознается, что медицина, напримѣръ, началась у грековъ не съ опытовъ, а съ выдумокъ; потомъ люди построили на нихъ цѣлыя системы, расписали и подвели причины; такимъ образомъ, наоборотъ, духъ человѣка начиналъ съ размышленія о причинахъ вещей и отсюда выводилъ и

---

[1]) Философъ II-го вѣка по Р. Х., эпикурейской школы, писавшій противъ христіанъ.

творилъ опытъ. Вотъ почему не должно удивляться, что египтяне, приписывая божеству искусство изобрѣтеній, приносили ему въ жертву болѣе животныхъ, нежели людей: животныя своимъ инстинктомъ сдѣлали болѣе полезныхъ изобрѣтеній, нежели древніе люди; человѣкъ того времени мало или почти ничего не могъ вывести пригоднаго для практики изъ своихъ разсужденій и логическихъ умозаключеній. Химики достигли еще нѣкоторыхъ результатовъ, но и то благодаря случайнымъ обстоятельствамъ и разнообразію попытокъ (какъ-то дѣлаютъ и механики), а не искусству или какой-нибудь теоріи; теоріи же, придуманныя ими, были болѣе способны вредить при опытахъ, нежели имъ содѣйствовать. Тѣ, которые занимались натуральной магіей, какъ называютъ эту науку, также успѣли сдѣлать нѣкоторыя открытія, но весьма неважныя и болѣе похожія на фокусы. Религія требуетъ доказывать вѣру добрыми дѣлами; въ наукѣ, къ которой это требованіе можетъ быть вполнѣ примѣнено, всякая теорія должна быть судима по своимъ плодамъ, и безплодная теорія есть пустая теорія; еще болѣе это заключеніе справедливо, если наука, вмѣсто плодовъ винограда и оливы, производитъ сучки и терніе разсужденій и словопреній.

Прогрессъ, сдѣланный науками древнихъ, также не въ ихъ пользу. Все, что̀ основано на природѣ, растетъ и развивается само собою; все, что̀ основано на умозрѣніи, можетъ имѣть видоизмѣненія, но не ростъ. Если бы научныя системы древнихъ, похожія на растеніе безъ корня, почерпали бы свои силы въ природѣ, онѣ не привели бы человѣчество къ тому результату, который онѣ представляютъ цѣлыхъ 2000 лѣтъ: науки, остановившись на своемъ пути, остаются почти на одной точкѣ и не дѣлаютъ никакого замѣчательнаго прогресса; онѣ процвѣтали при своихъ первыхъ основателяхъ, но съ того времени стремились безпрерывно къ паденію. Въ одной механикѣ, которая поневолѣ основывалась на природѣ и опытѣ, произошло обратное явленіе; это искусство, направляемое вкусомъ, росло и процвѣтало безпрестанно, сначала грубое, потомъ удобное, наконецъ изящное, но всегда прогрессивное.......

Есть одно убѣжденіе весьма распространенное, что философія Аристотеля соединила въ одно цѣлое разнообразіе научныхъ системъ, господствовавшихъ въ Греціи, потому что съ появленіемъ ея исчезли всѣ предшествовавшія системы, и затѣмъ не появилось ни одной лучшей; такъ что она является столь прочною, что совмѣщаетъ въ себѣ все прошедшее и будущее. Но мнѣніе объ исчезновеніи прочихъ древнихъ системъ съ появленіемъ Аристотеля весьма ложно: произведенія ученыхъ древности читались долго, до самаго времени Цицерона и въ теченіе послѣдующихъ столѣтій; но затѣмъ, когда римская имперія была наводнена варварами, которые затопили и человѣческую науку, тогда на поверхность потока этихъ водъ выплыли, какъ болѣе легкіе обломки дерева, системы Аристотеля и Платона. Что касается до всеобщаго одобренія, которымъ пользовались эти системы, то мы объявляемъ, что всеобщее согласіе въ подобномъ дѣлѣ можетъ быть ошибочно. Истинное согласіе есть то, которое основано на сужденіи, произнесенномъ свободно и по зрѣломъ размышленіи.

Но огромное большинство тѣхъ, которые протягивали руки къ философіи Аристотеля, основывалось въ своемъ сужденіи на предразсудкѣ или вѣрѣ въ другихъ: тутъ мы видимъ не согласіе, а умѣнье повиноваться и поддакивать....... Весьма дурно уже и то, что хотѣли умственные вопросы рѣшить подачею голосовъ, которая можетъ имѣть мѣсто только въ дѣлахъ религіозныхъ и политическихъ. Ничто такъ не нравится толпѣ, какъ то, что̀ поражаетъ ея воображеніе и облегчаетъ умъ подчиненіемъ авторитету. Къ наукѣ можно примѣнить слова Фокіона о мо̀рали: „когда толпа одобряетъ и рукоплещетъ, нужно тотчасъ же обратиться къ себѣ съ вопросомъ: въ чемъ же я ошибся или погрѣшилъ?“ (Nov. Organ. кн. I, гл. 72—74 и 77).......

Нашъ научный методъ легко указать, но трудно слѣдовать ему въ практикѣ. Его задача состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить при всякомъ дѣлѣ различныя степени достовѣрности; помочь нашему чувственному воспріятію, ограничивая его; отвергнуть совершенно работу голой мысли, слѣдующей за чувственнымъ воспріятіемъ; наконецъ, открыть и обозначить нашему разуму новую и несомнѣнную дорогу, которой точка отправленія находилась бы въ томъ же самомъ чувственномъ воспріятіи. Безъ сомнѣнія, такія идеи занимали и тѣхъ, которые придавали такое важное значеніе діалектикѣ; они тѣмъ самымъ уже доказывали, что имъ были нужны постороннія опоры для мыслительной способности, и что они не довѣряютъ произвольной игрѣ нашихъ мыслей. Но все это было позднимъ противоядіемъ противъ безнадежнаго зла діалектики, когда духъ человѣка былъ испорченъ привычками обыденной жизни, обращеніемъ съ людьми, ложными ученіями, и обставленъ со всѣхъ сторонъ пустыми предразсудками (idolis). Потому діалектическое искусство, спѣша оказать позднюю помощь мыслительной способности и не исправивъ ее, было болѣе способно породить новыя заблужденія, нежели открыть истину. Единственный путь къ спасенію, который остается намъ — начать всю работу нашей мыслительной способности съизнова, не предоставлять ее самой себѣ, непрерывно направлять ее, и дѣло нашего развитія совершить какъ бы при помощи машинъ. Безъ сомнѣнія, если бы люди употребляли на совершеніе механическаго труда однѣ голыя руки, не прибѣгая къ содѣйствію и силѣ инструментовъ, точно такъ, какъ они не боятся приступить къ интеллектуальной работѣ съ однѣми силами мыслительной способности, то количество вещей, которыя они могли бы произвести, было бы чрезвычайно мало, даже и при употребленіи на то самыхъ большихъ усилій. Остановимся на этомъ размышленіи и взглянемъ на слѣдующій примѣръ, какъ мы смотримъ въ зеркало; предположимъ, что вопросъ шелъ бы о перенесеніи обелиска громадной величины, для украшенія какого-нибудь тріумфа или какой-нибудь великолѣпной церемоніи, и что люди рѣшились бы обойтись при этомъ безъ инструментовъ; человѣкъ съ здравымъ смысломъ не счелъ ли бы такое намѣреніе большимъ безуміемъ? Но если бы вздумали увеличить число рукъ, въ надеждѣ тѣмъ преодолѣть препятствія, не было ли бы то еще бо̀льшимъ безуміемъ? Но если бы предпочли отобрать для того силачей и устранить слабыхъ, не представилось ли бы тутъ двойное безуміе? Но если бы,

послѣ напрасныхъ попытокъ, прибѣгнули бы къ силѣ атлетовъ и умастили бы имъ руки и мускулы по всѣмъ правиламъ искусства, не подумалъ ли бы человѣкъ здраваго смысла, что люди рѣшились быть глупцами по всѣмъ правиламъ строгой системы? А между тѣмъ, когда дѣло идетъ о какомъ-нибудь умственномъ подвигѣ, люди дѣйствуютъ именно въ этомъ родѣ, то разсчитывая на численную помощь, то на превосходство и проницательность ума, или укрѣпляя мускулы мыслительной способности діалектикой, которую можно разсматривать, какъ извѣстнаго рода атлетическое искусство; и всякій разъ при всѣхъ усиліяхъ и ревности, они никогда не перестаютъ употреблять однѣ, такъ сказать, голыя силы мысли. Въ ручной же работѣ всякій понимаетъ, что безъ инструмента и машины не могутъ быть достаточны ни силы одного, ни соединенныя силы всѣхъ (Nov. Org. Introduct. 2).

Бэконъ.

Францискъ Бэконъ (Bacon, род. 1561 г., ум. 1626 г.) принадлежалъ къ числу людей, составившихъ славу времени Елисаветы, королевы англійской; при ея преемникѣ Іаковѣ I Стюартѣ, онъ былъ возведенъ въ достоинство великаго канцлера, барона Веруламскаго и графа С.-Альбана. Отецъ Франциска, Николай Бэконъ, былъ однимъ изъ замѣчательныхъ министровъ при Елисаветѣ. Обезславивъ себя корыстолюбіемъ въ дѣлахъ управленія, Францискъ Бэконъ былъ приговоренъ къ пенѣ и тюремному заключенію, отставленъ отъ должности (1621) и удаленъ изъ Лондона. Въ эту послѣднюю эпоху онъ закончилъ двѣ части своего произведенія, которое было трудомъ всей его жизни и которое составило ему славу разрушителя старыхъ научныхъ методовъ и основателя науки новаго времени. Весь его трудъ долженъ былъ носить названіе: Instauratio Magna (Великое возстановленіе), но изъ его 6 предполагаемыхъ частей мы имѣемъ оконченными только двѣ: De dignitate et augmentis scientiarum (о достоинствѣ и возрастаніи наукъ) и Novum Organum (Новая система), названный такъ въ подражаніе произведенію Аристотеля того же имени, которое до Бэкона было всеобщимъ руководствомъ и авторитетомъ науки среднихъ вѣковъ. Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи Бэконъ отвергаетъ господствовавшія до того времени метафизическія основы и пріемы познанія и указываетъ на необходимость ближайшаго и опытнаго изученія силъ природы при помощи наведенія (inductio). Вышеизложенная статья, заимствованная изъ Novum Organum, заключаетъ въ себѣ одно изъ лучшихъ объясненій взгляда Бэкона на значеніе науки у древнихъ, какъ она сохраняла свой характеръ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ до самаго времени Бэкона, и на то направленіе, которому должны слѣдовать науки новаго времени, и которому онѣ дѣйствительно слѣдовали до сихъ поръ (для подробностей см. Bacon, sa vie, son temps, sa philosophie et son influence jusqu'à nos jours, par Ch. de Rémusat. Par. 1858;— лучшее изданіе подлинника сочиненій Бэкона съ примѣчаніями сдѣлалъ Bouillet; переводъ Novum Organum на франц. языкъ Lorquet въ его сборникѣ подъ заглавіемъ: Descartes, Bacon, Leibnitz. Par. 1847).

3.—О характерѣ науки въ наше время.

1829 г.

Какой духъ преобладаетъ въ настоящее время въ интеллектуальномъ мірѣ, въ изслѣдованіи истины, каковъ бы ни былъ ея предметъ?—Духъ точности, обдуманности, осторожности; духъ научный, методъ философскій. Онъ заботливо наблюдаетъ факты, позволяетъ себѣ обобщеніе весьма медленное, прогрессивное, по мѣрѣ того какъ они изучаются. Такой духъ очевидно господствуетъ болѣе полустолѣтія въ наукахъ, занимающихся матеріальнымъ міромъ; онъ составилъ ихъ успѣхъ и славу. Въ настоящее время онъ все болѣе и болѣе стремится проникнуть въ науки моральнаго порядка вещей, въ политику, исторію, философію. Такіе научные пріемы всюду распространяются и утверждаются; всюду чувствуется необходимость брать факты за основаніе и мѣрило; убѣждаются, что именно они составляютъ сущность науки, что ни одна общая идея не можетъ имѣть дѣйствительной силы, не истекая изъ нѣдра фактовъ, не питаясь ими постоянно по мѣрѣ своего возрастанія. Теперь факты въ интеллектуальномъ порядкѣ вещей составляютъ силу, въ которую болѣе всего вѣрятъ.

Но въ реальномъ мірѣ, соціальномъ порядкѣ вещей, въ управленіи, администраціи, политической экономіи, проявляется иное направленіе. Тамъ преобладаютъ идеи, разсужденія, общія начала, то, что̀ называютъ теоріями. Очевидно, таковъ характеръ великаго переворота, совершившагося незадолго предъ началомъ нашего времени и всѣхъ трудовъ XVIII вѣка; и такой характеръ принадлежитъ не только самому кризису, не только скоропреходящей эпохѣ разрушенія, но въ то же время это постоянный, обыкновенный и нормальный характеръ общественнаго быта, который слагается въ настоящее время и является всюду. Такое состояніе опирается на обсужденіи и гласности, т.-е. на власти общественнаго мнѣнія, общихъ всѣмъ началъ и убѣжденій. Съ одной стороны, никогда факты не занимали такого мѣста въ наукѣ, съ другой—никогда идеи не играли въ матеріальномъ мірѣ такой важной роли, какъ въ настоящее время.

Иначе то было лѣтъ за сто предъ симъ; въ интеллектуальномъ мірѣ, собственно въ наукѣ, факты дурно изучались, на нихъ обращалось мало вниманія; резонёрство и воображеніе были въ полномъ разгулѣ; поднимались на крыльяхъ ипотезъ; пускались въ самыя смѣлыя предположенія, не руководствуясь при этомъ ничѣмъ другимъ, кромѣ нити логическихъ выводовъ. Напротивъ же, въ политическомъ, реальномъ мірѣ факты были всемогущи и признавались естественно-законными за одно только свое существованіе. Не рисковали ихъ оспаривать даже и тогда, когда жаловались на нихъ; мятежъ былъ обыкновеннѣе отваги мысли, и разумъ тщетно являлся бы требовать за идею, во имя одной только истины, какого-либо участія для себя въ нашихъ дѣлахъ на землѣ.

Итакъ, ходъ цивилизаціи сломилъ прежній порядокъ вещей: онъ ввелъ преобладаніе фактовъ тамъ, гдѣ прежде господствовало необузданное движеніе мысли, и вліяніе идей туда, гдѣ почти исключительно царствовалъ авторитетъ фактовъ. Что такой результатъ отразился, и сильно отразился, во всемъ, это видно изъ того, что печать его носятъ на себѣ даже самые упреки, которымъ подвергается современная цивилизація. Говорятъ ли ея противники о настоящемъ умственномъ состояніи человѣка, о направленіи дѣятельности его трудовъ, они обвиняютъ ихъ въ сухости и мелочности. Точный и положительный методъ, научный характеръ, унижаетъ, какъ говорятъ они, идеи, леденитъ воображеніе, отнимаетъ у мышленія все его величіе, свободу, съуживаетъ и дѣлаетъ его матеріальнымъ. Идетъ ли дѣло о состояніи общества, о томъ, къ чему въ немъ стремятся, что̀ всѣхъ занимаетъ; и тамъ, говорятъ они, преслѣдуются химеры, или все дѣлается на вѣру теоріямъ, между тѣмъ какъ должно изучать, принимать въ уваженіе и цѣнить только факты, довѣрять одному только опыту. Такъ что современную цивилизацію обвиняютъ разомъ и въ сухости, и въ мечтательности, въ колебаніи и торопливости, въ робости и въ излишней смѣлости. Какъ философы, заключаютъ они, мы ползаемъ по землѣ, какъ политики, мы покушаемся на предпріятіе Икара и будемъ имѣть ту же участь.

Таковъ двойной упрекъ или, лучше сказать, двойная опасность, которую мы должны устранить. Въ самомъ дѣлѣ, мы обязаны разрѣшить слѣдующую задачу. Мы обязаны давать болѣе и болѣе мѣста въ интеллектуальномъ мірѣ фактамъ, въ соціальномъ—идеямъ; управлять нашимъ разумомъ сообразно съ дѣйствительностью и дѣйствительностью сообразно съ разумомъ; удерживать вмѣстѣ и точность научнаго метода, и законную силу разума. Здѣсь нѣтъ ничего противорѣчащаго, по крайней мѣрѣ настолько, насколько отсутствіе противорѣчія необходимо для каждаго дѣла; напротивъ того, это противорѣчіе составляетъ естественный, необходимый результатъ положенія человѣка, какъ зрителя въ мірѣ, и его призванія, какъ дѣятеля въ немъ. Мы брошены въ міръ, который не нами созданъ, или выдуманъ: мы его находимъ готовымъ, мы всматриваемся въ него, изучаемъ; мы принуждены принять его, какъ фактъ, ибо онъ существуетъ внѣ насъ, независимо отъ насъ; нашъ умъ изощряется на фактахъ; факты служатъ ему матеріаломъ; и когда онъ открываетъ въ нихъ общіе законы, эти самые законы суть не что иное, какъ дознанные имъ факты. Того требуетъ наше положеніе, какъ зрителей. Какъ дѣятели, мы поступаемъ иначе: когда мы сдѣлали наблюденіе надъ внѣшними фактами, то ознакомленіе съ ними развиваетъ въ насъ идеи, которыя выше ихъ; мы сознаемъ себя призванными къ преобразованію, усовершенствованію, управленію тѣмъ, что̀ уже существуетъ; мы сознаетъ себя способными дѣйствовать на міръ и расширять въ немъ торжествующее царство разума. Вотъ въ чемъ состоитъ назначеніе человѣка: какъ зритель, онъ подчиненъ фактамъ; какъ дѣятель, онъ овладѣваетъ ими, сообщаетъ имъ болѣе правильную и чистую форму. Поэтому я имѣлъ право сейчасъ сказать, что нѣтъ ничего противорѣчащаго въ задачѣ, которую намъ предстоитъ разрѣшить. Весьма

справедливо, что съ такимъ двойнымъ назначеніемъ человѣка всегда будетъ двойная опасность; изучая факты, умъ можетъ быть раздавленъ ими; онъ можетъ унизиться, съузиться, сдѣлаться матеріальнымъ; онъ можетъ повѣрить, что нѣтъ иныхъ фактовъ, кромѣ тѣхъ, которые поражаютъ его съ перваго взгляда, которые мы осязаемъ, которые подпадаютъ, какъ говорится, подъ наши чувства: величайшая и грубая ошибка! Есть еще факты отдаленные, неизмѣримые, темные, возвышенные, которыхъ трудно досягать, наблюдать, описывать, и которые тѣмъ не менѣе факты; они также обязываютъ человѣка изучать; и если онъ не признаетъ или забудетъ ихъ, въ такомъ случаѣ помыслы его дѣйствительно будутъ въ высшей степени унижены, и вся его наука понесетъ на себѣ печать такого униженія. Съ другой стороны, можетъ случиться, что гордость человѣческаго ума относительно его вліянія на вещественный міръ будетъ слишкомъ заносчива, требовательна, нелѣпа; что она заблудится, распространяя слишкомъ далеко и слишкомъ быстро власть своихъ идей надъ матеріальнымъ порядкомъ. Но что̀ же доказываетъ эта двойная опасность, какъ не двойственность призванія, которое ее порождаетъ? Такое призваніе необходимо должно быть выполнено, задача разрѣшена, и современное состояніе цивилизаціи ясно выставляетъ ее и не дозволяетъ терять изъ виду. Въ настоящее время, если кто-нибудь въ изслѣдованіи истины отступитъ отъ научной методы и не положитъ изученія фактовъ въ основаніе всякаго интеллектуальнаго развитія, и если кто-нибудь въ управленіи обществомъ не будетъ обращать должнаго вниманія на принципы, на общія идеи, на теоріи, тотъ не достигнетъ прочнаго успѣха, будетъ лишенъ дѣйствительной власти; ибо теперь всякая власть, всякій успѣхъ, какъ умственный, такъ и соціальный, обусловливается гармоніею нашихъ трудовъ съ тѣми двумя законами человѣческой дѣятельности, съ тѣми двумя стремленіями цивилизаціи.

Это еще не все; намъ предстоитъ еще разрѣшить иную задачу. Изъ двухъ задачъ, которыя были мною представлены, одна—научная, другая—соціальная; одна касается чистаго разума, ученія истины; другая—приложенія результатовъ этого изученія къ внѣшнему міру. Есть еще третья, которая одинаково вытекаетъ изъ современнаго состоянія цивилизаціи, и которую намъ также предстоитъ разрѣшить—задача нравственная, относящаяся уже не къ наукѣ, не къ обществу, а къ внутреннему развитію каждаго изъ насъ, къ личному достоинству и значенію индивидуальнаго человѣка.

Кромѣ помянутыхъ мною упрековъ, предметомъ которыхъ служитъ наша цивилизація, ее обвиняютъ еще въ томъ, что она оказываетъ на нашу нравственную природу гибельное вліяніе. Говорятъ, что, по своему постоянно резонёрному характеру, своей страсти все обсуждать, все измѣрять, все приводить къ точной и вѣрной оцѣнкѣ, она охлаждаетъ, сушитъ, сосредоточиваетъ человѣческую душу; что, въ силу притязаній ни въ чемъ не ошибаться, отрѣшаться отъ всякихъ заблужденій ума и произвола мысли, знать настоящую цѣну всего, она кончитъ тѣмъ, что отъ всего получитъ отвращеніе, будетъ заботиться только о себѣ. Въ то же время говорятъ, что вслѣдствіе

спокойствія современной жизни, легкости и пріятности общественныхъ отношеній, безопасности, царствующей всюду въ обществѣ, люди изнѣжатся и ослабѣютъ душой; что, привыкая заботиться только о себѣ, они привыкаютъ въ то же время привязываться ко всему ради самихъ себя, не умѣютъ ни въ чемъ отказывать себѣ, ничего не переносятъ, ничѣмъ не жертвуютъ. Словомъ, полагаютъ, что, съ одной стороны, эгоизмъ, а изнѣженность, съ другой, сухость и слабость нравовъ: таковы будутъ естественныя и самыя вѣроятныя слѣдствія настоящаго состоянія цивилизаціи; что преданность и энергія—двѣ величайшія силы, какъ и двѣ величайшія доблести человѣка, которыя такъ блистали во времена, называемыя нами варварскими—оставляютъ его, и все больше и больше будутъ оставлять его во времена, называемыя нами цивилизованными, и особенно въ наше время.

Я думаю, что было бы легко устранить такой двойной упрекъ и постановить, во-1-хъ, какъ общее положеніе, что настоящее состояніе цивилизаціи, разсматриваемое во всей своей сущности и цѣлости, судя по всѣмъ нравственнымъ вѣроятіямъ, никакимъ образомъ не должно имѣть главнѣйшими результатами эгоизмъ и вялость; во-2-хъ, какъ фактъ, что и преданность, и энергія, всегда являлись въ случаѣ необходимости въ новѣйшія времена у цивилизованныхъ народовъ. Но этотъ вопросъ заведетъ меня далеко, а между тѣмъ, пора кончить. Правда, настоящее состояніе цивилизаціи поставляетъ новую преграду преданности и нравственной энергіи, точно такъ же, какъ и патріотизму, какъ всѣмъ достоинствамъ, такъ и чувствованіямъ человѣка. Эти высшія способности нашей природы часто развивались случайно, необдуманнымъ путемъ, не слишкомъ много заботясь о побужденіи, и, если позволено такъ выразиться, они развивались безъ разбора, вкривь и вкось. Отнынѣ же они обязаны быть оправдываемы разумомъ; отъ ихъ отправленій будутъ требоваться законность побужденія и польза слѣдствій. Конечно, все это составляетъ новое затрудненіе, но его должна побороть человѣческая природа для того, чтобы потомъ развиться во всемъ своемъ величіи. Она одолѣетъ это затрудненіе; никогда человѣческая природа не отказывалась отъ того, что̀ требовалось отъ нея обстоятельствами; чѣмъ болѣе отъ нея спрашиваютъ, тѣмъ болѣе она даетъ; богатство ея возрастаетъ вмѣстѣ съ растратами. Энергія и преданность почерпнутся изъ иныхъ источниковъ, обнаружатся подъ иными формами. Конечно, мы еще не вполнѣ овладѣли общими идеями, задушевными убѣжденіями, которыя должны ихъ внушить: въ насъ еще слабы, темны, шатки вѣрованія, соотвѣтствующія нашимъ нравамъ; принципы преданности и энергіи, когда-то могущественные, лишены теперь всякой доблести, ибо они потеряли наше довѣріе. Намъ должно искать и найти такіе, которые могли бы могущественно овладѣть нами, убѣдить насъ и въ то же время двигать нами. Они-то и внушатъ намъ преданность и энергію, будутъ поддерживать насъ въ состояніи безкорыстной дѣятельности и постоянной непоколебимости, которая одна составляетъ нравственное здравіе. Тѣ же успѣхи, которые налагаютъ на насъ эту обязанность, укажутъ и то, чѣмъ ей удовлетворить.

Вы видите, что въ нашихъ занятіяхъ дѣло идетъ далеко не объ одномъ знаніи; въ настоящее время интеллектуальное развитіе не можетъ и не должно оставаться изолированнымъ явленіемъ; мы обязаны извлекать изъ него для нашего отечества новыя средства цивилизаціи, для себя же самихъ нравственное возрожденіе. Конечно, знаніе—прекрасно, и само по себѣ стоитъ усилій человѣка; но оно въ тысячу разъ прекраснѣе, когда становится силою и порождаетъ доблесть. Итакъ, вотъ что̀ всякому предстоитъ сдѣлать: открыть истину; осуществить ее внѣ, во внѣшнихъ явленіяхъ, на пользу общества; обратить ее внутри насъ въ вѣрованіе, способное вдохнуть въ насъ безкорыстную и нравственную энергію, составляющую силу и достоинство человѣка въ этомъ мірѣ; вотъ наша тройная задача, вотъ къ чему долженъ клониться нашъ трудъ,—трудъ тяжелый и медленный, который вслѣдствіе успѣха расширяется, вмѣсто того, чтобы приходить къ концу. Но, можетъ быть, ни въ чемъ не дано человѣку достигать цѣли: идти къ ней,—вотъ его слава.

Гизо.

Истор. цивил. во Франц. I, 19.

Гизо (Guizot), новѣйшій французскій историкъ, оказавшій важныя услуги наукѣ, какъ профессоръ и писатель, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣвшій политическое значеніе, какъ государственный человѣкъ и министръ въ 30 и 40-хъ годахъ. Первое его литературное поприще и вмѣстѣ профессорское началось при Наполеонѣ I въ 1812 г.; политическія перемѣны въ судьбахъ Франціи прервали на нѣсколько лѣтъ его профессорскую дѣятельность, и только въ 1828—30 г. онъ возобновилъ свои лекціи въ Сорбоннѣ. Тогда-то и былъ имъ прочитанъ курсъ: „Исторіи цивилизаціи въ Европѣ“ и „Исторіи цивилизаціи во Франціи“, который и составилъ его славу. Второй курсъ, изданный въ 4 частяхъ, останавливается на началѣ XIV вѣка (на русскій языкъ переведена „Исторія цивилизаціи въ Европѣ“ и I-ый томъ „Истор. цивил. во Франціи“, который простирается до Карла В.). Главная заслуга Гизо, какъ ученаго, состоитъ въ томъ, что онъ въ своихъ лекціяхъ представилъ первый образецъ глубокаго анализа историческихъ фактовъ той темной эпохи начала европейскаго общества, которая до того времени изучалась дурно и не полно, и при изслѣдованіи прошедшаго никогда не забывалъ, что это изслѣдованіе можетъ имѣть важность только по степени, въ которой прошедшее дѣлаетъ намъ яснымъ и вразумительнымъ наше настоящее.—Полное изданіе сочиненій Гизо заключаетъ въ себѣ 23 тома. Для изученія его жизни и дѣятельности служатъ его собственные мемуары.

4.—О задачѣ историка.

1820 г.

Задача историка состоитъ прежде всего въ *изображеніи совершившагося.* Чѣмъ чище и полнѣе ему удалось такое изображеніе, тѣмъ совершеннѣе разрѣшена его задача. Это есть въ то же время первое, неизбѣжное требованіе, которое можно сдѣлать его произведенію, и вмѣстѣ высшее предназначеніе, какое онъ только въ состояніи выполнить. Съ этой стороны историкъ является не болѣе какъ излагающимъ, воспроизводящимъ, но нисколько не самодѣятельнымъ; тутъ онъ лишенъ творческой силы.

Совершившееся только отчасти доступно нашему чувственному воспріятію; еще многое остается къ тому присоединить при помощи соображенія, аналогіи, догадки. Совершившійся фактъ является намъ всегда чѣмъ-то отрывочнымъ, изолированнымъ; то, что̀ его связываетъ со всѣмъ остальнымъ, что̀ его поставляетъ въ истинномъ свѣтѣ, придаетъ ему видъ цѣлаго,—все это ускользаетъ отъ непосредственнаго наблюденія. Непосредственное наблюденіе можетъ подмѣчать обстоятельства, какъ они сопровождаютъ одно другое, слѣдуютъ другъ за другомъ, но для него недоступна внутренняя причинная связь, на которой одной и покоится внутренняя правда. Когда желаютъ изложить какое-нибудь ничтожное событіе, но такъ, чтобы сказать о немъ ровно столько, сколько на дѣлѣ случилось, то тотчасъ же тогда замѣчаютъ, какъ, при отсутствіи крайней осторожности въ выборѣ выраженій, начинаютъ примѣшиваться отвсюду мимоходныя дополненія относительно случившагося, изъ которыхъ потомъ является ложь и неопредѣленность. Самый языкъ нашъ содѣйствуетъ такому обману: его выраженія рождаются изъ извѣстнаго цѣльнаго настроенія духа и для извѣстнаго случая, а потому эти же самыя выраженія, употребленныя для другихъ случаевъ и при другомъ настроеніи духа, заключаютъ въ себѣ постороннюю примѣсь, т.-е. то, чего нѣтъ въ самой вещи. Вотъ почему ничто такъ не рѣдко, какъ буквально точный разсказъ; такой разсказъ служилъ бы лучшимъ доказательствомъ здоровья, порядка, ясности головы и свободнаго, объективнаго настроенія духа; оттого-то историческая правда въ извѣстномъ смыслѣ походитъ на облака, которыя принимаютъ различные образы только тогда, когда они удалены отъ зрителя; оттого же самаго и историческіе факты, съ своими единичными и вмѣстѣ взятыми подробностями, являются какъ результаты преданія и изслѣдованія, которыя мы условились принимать за истину, потому что они по большей части правдоподобны и наилучшимъ образомъ соотвѣтствуютъ связи цѣлаго.

Но голое изложеніе дѣйствительно совершившагося едва составляетъ остовъ событій. То, что̀ достигается подобнымъ изложеніемъ, конечно, служитъ необходимою основою исторіи, матеріаломъ для нея; но это еще не сама исторія. Остановиться на этомъ, значило бы по-

жертвовать настоящею истиною, внутреннею, основанною на отдаленномъ сцѣпленіи событій, въ пользу истины внѣшней, буквальной, кажущейся, и предпочесть извѣстную ошибку, чтобъ избѣжать неизвѣстной опасности ошибиться. Истина совершившагося требуетъ присоединенія къ внѣшнему его изложенію той вышеупомянутой, неосязаемой части каждаго событія; ее-то отыскать и долженъ историкъ. Разсматриваемая съ этой стороны *дѣятельность историка* является *самодѣятельною* и даже *творческою*, не въ томъ смыслѣ, что онъ вноситъ въ фактъ то, чего въ немъ не было, но потому что онъ *изъ себя* добываетъ то, чего недоставало факту для внутренней его истины, и что̀ не можетъ быть непосредственно воспринято чувствами. Различнымъ путемъ, но точно такъ же, какъ и поэтъ, историкъ обязанъ то, что̀ является въ дѣйствительности разсѣяннымъ и отрывочнымъ, переработать въ себѣ въ одно цѣлое.

Можетъ показаться страннымъ, что мы могли найти хотя что-нибудь общаго между задачею историка и поэта. Но дѣятельность ихъ обоихъ неопровержимо имѣетъ нѣкоторое сродство. По вышесказанному, историкъ не иначе достигаетъ истины въ своемъ изложеніи совершившагося, какъ только чрезъ совокупленіе и пополненіе того, что̀ являлось предъ непосредственнымъ наблюденіемъ какъ отрывочное и неполное, а для достиженія такой цѣли историку, какъ и поэту, нужно *воображеніе*. Но такъ какъ историкъ свое воображеніе подчиняетъ опыту и изслѣдованію истины, то въ этомъ заключается его отличіе отъ поэта, парализирующее всякую опасность. При такомъ подчиненіи воображеніе историка не дѣйствуетъ, какъ чистая фантазія, и потому справедливѣе можетъ быть названо *даромъ предугадыванія, силою совокупленія* (Ahndungsvermögen und Verknüpfungsgabe). Но такого рода дѣятельность сама по себѣ поставила бы историка еще слишкомъ низко. Правда совершившагося является, конечно, чѣмъ-то простымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она выше всего, что̀ можетъ быть создано воображеніемъ. Если бы мы и достигли исторической правды, то въ ней осталось бы необъясненнымъ то, что̀ *необходимо* обусловливаетъ всякую дѣйствительность. Къ объясненію такого *элемента необходимости* и долженъ стремиться историкъ; поэтъ подчиняетъ матерію господству формальной необходимости; историкъ долженъ имѣть въ виду *идеи* — эти законы необходимости; проникнутый ими, онъ легко ихъ отыщетъ при строгомъ изслѣдованіи дѣйствительнаго въ его дѣйствительности.

Такимъ образомъ, историкъ обнимаетъ всѣ нити условнаго дѣйствія и отпечатки безусловныхъ идей; болѣе или менѣе, предметъ его работы составляетъ сумма бытія, и потому духъ его долженъ работать всѣми своими отправленіями. Умозрѣніе, опытъ, фантазія не суть изолированныя, другъ другу противоположныя и ограниченныя, каждая своею областью, силы нашего духа; они составляютъ различные лучи, различныя направленія одной и той же душевной способности.

Итакъ, историку предстоятъ разомъ двѣ дороги для достиженія исторической правды: 1) точное, безпристрастное, критическое изслѣдованіе совершившагося, и 2) совокупленіе изслѣдованнаго, предугадываніе того, что̀ первымъ путемъ недостижимо. Кто слѣдуетъ одному

первому пути, тотъ рискуетъ сущностью исторической правды; кто пренебрегаетъ первымъ путемъ и прямо идетъ по второму, тотъ подвергается опасности погрѣшить въ подробностяхъ. При простомъ описанiи предметовъ физической природы дѣло состоитъ не въ одномъ исчисленiи и описанiи частей тѣла и не въ одномъ измѣренiи его сторонъ и угловъ; надъ этими частями носится живое дыханiе цѣлаго, изъ нихъ говоритъ внутреннiй характеръ предмета, а то и другое не можетъ быть ни измѣрено, ни просто описано. Потому натуралистъ также устремляется на вторую дорогу, и говоритъ намъ объ общихъ и индивидуальныхъ формахъ бытiя физическихъ тѣлъ. Точно такъ же и въ исторiи, второй путь ведетъ не къ открытiю чего-нибудь особеннаго, а еще менѣе къ выдумкѣ чего-нибудь. Духъ историка чрезъ то, что онъ усвоиваетъ себѣ форму всего совершившагося, лучше постигаетъ изслѣдуемый предметъ и изучаетъ его въ немъ самомъ лучше, нежели сколько то возможно одною операцiею мыслительной способности. Все дѣло состоитъ именно въ этомъ взаимномъ проникновенiи лица изслѣдователя и изслѣдуемаго предмета. Чѣмъ глубже понимаетъ историкъ человѣчество и его дѣятельность силою своего генiя и труда, или чѣмъ человѣчнѣе настроенъ онъ природою и обстоятельствами и чѣмъ болѣе даетъ онъ простору всему человѣчному, тѣмъ полнѣе онъ разрѣшаетъ задачу своихъ занятiй. Доказательствомъ тому служатъ хроники. При всемъ обезображенiи факта и нѣкоторыхъ очевидныхъ побасенкахъ, никто не откажетъ лучшимъ изъ нихъ въ основахъ настоящей исторической истины. Къ хроникамъ примыкаютъ древнѣйшiе изъ такъ называемыхъ мемуаровъ, хотя, впрочемъ, ближайшее отношенiе ихъ къ жизни недѣлимаго очень часто причиняетъ ущербъ общимъ взглядамъ на человѣчество, которыхъ требуетъ исторiя даже и при разработкѣ отдѣльныхъ пунктовъ.

Несмотря на то, что и исторiя, какъ и всякое другое научное занятiе, можетъ служить многимъ другимъ второстепеннымъ цѣлямъ, но тѣмъ не менѣе ея произведенiя, какъ и произведенiя философiи и поэзiи, могутъ быть свободнымъ, законченнымъ въ себѣ *искусствомъ*. Громадный потокъ отвсюду стремящихся событiй, вызванныхъ отчасти характеромъ почвы, человѣка, народности, недѣлимыхъ, а отчасти появляющихся какъ бы изъ ничего, брошенныхъ на землю какимъ-то чудомъ, зависимыхъ отъ однихъ темно сознаваемыхъ силъ и управляемыхъ очевидно вѣчными идеями, глубоко зароненными въ груди человѣка, — все это безконечно, чего духъ никогда не будетъ въ состоянiи обнять въ одной формѣ, но что̀ всегда подталкиваетъ его на такую попытку и даетъ ему силы осуществить ее по крайней мѣрѣ отчасти. Какъ *философiя* стремится къ первой основѣ вещей, *искусство* — къ идеалу изящнаго, такъ и *исторiя* стремится къ выполненiю образа человѣчества во всей его правдѣ, живой полнотѣ и ясности, причемъ всякiе личные взгляды, ощущенiя и притязанiя должны исчезнуть и распуститься. Вызвать такую гармонiю и питать ее составляетъ послѣднюю цѣль историка, но которой достигнуть, однако, онъ можетъ не иначе, какъ преслѣдуя добросовѣстно ближайшую свою цѣль—простое изображенiе совершившагося...

Изъ всего сказаннаго можно вывести слѣдующiй двойной резуль-

тать: 1) во всемъ, что̀ совершается, управляетъ идея, которая не воспринимается непосредственно; но 2) эта идея можетъ быть узнана только изъ событій. Историкъ не долженъ потому, ища всего въ матеріалахъ предмета, упускать изъ виду господство идеи; онъ долженъ во всемъ оставлять мѣсто для ея воздѣйствія; далѣе, онъ долженъ, подвигаясь впередъ, настраивать себя для открытія идеи, предугадывать ее, узнавать; но онъ долженъ болѣе всего остерегаться навязать дѣйствительности свои собственныя идеи, или, стремясь къ созданію заранѣе обдуманнаго цѣлаго, пожертвовать живымъ богатствомъ подробностей. Такая свобода и вмѣстѣ осторожность воззрѣнія должны быть окончательно усвоены духомъ историка и сопровождать его при всякомъ обсужденіи вопроса; въ мірѣ нѣтъ ничего совершенно изолированнаго отъ общей цѣли событій, а съ другой стороны, одна часть во всемъ совершившемся, какъ выше было показано, всегда лежитъ внѣ круга непосредственнаго наблюденія. Если историку недостаетъ свободы воззрѣнія, онъ не можетъ постигнуть событій во всемъ ихъ объемѣ и глубинѣ; если же въ историкѣ нѣтъ тщательной осторожности, тогда пострадаетъ живая и простая правда событій.

В. Гумбольдтъ.

Ueber die Aufgabe des Geschichtschreibers.

Вильгельмъ Гумбольдтъ (род. 1767 г., ум. 1835), по окончаніи университетскаго образованія въ Гёттингенѣ, гдѣ онъ получилъ первое направленіе подъ руководствомъ филолога Гейне, долгое время жилъ, въ блестящемъ кругу веймарскаго общества, въ эпоху Шиллера и Гёте; потомъ, нѣсколько лѣтъ путешествовалъ по Европѣ, и, возвратившись въ Берлинъ съ извѣстнымъ уже литературнымъ именемъ, В. Гумбольдтъ вступилъ на дипломатическое поприще и былъ отправленъ посланникомъ въ Римъ (1802—1808); по возвращеніи оттуда въ Пруссію, ему было предложено министерство народнаго просвѣщенія (1809—10), но вскорѣ онъ снова обратился къ дипломатіи, былъ посланникомъ въ Вѣнѣ, участвовалъ на вѣнскомъ конгрессѣ; но когда послѣ того началась реакція, Гумбольдтъ явился въ оппозиціи и въ 1819 г. былъ совсѣмъ отставленъ. Удалившись отъ дѣлъ политическихъ, Гумбольдтъ, въ своемъ уединеніи, предался научнымъ занятіямъ, и его разсужденіе „О задачѣ историка“ было однимъ изъ лучшихъ произведеній его пера и вмѣстѣ полнымъ изображеніемъ его убѣжденій, добытыхъ имъ изъ лучшей поры своихъ научныхъ занятій до поступленія на службу и изъ опыта политической жизни. Основная идея Гумбольдта состоитъ въ томъ, что историческая наука невозможна безъ языкознанія, такъ какъ предметъ исторіи есть судьба человѣческаго духа, а языкъ есть самый глубокій и самый древній фактъ его внутренней жизни. Самъ В. Гумбольдтъ основательно изучилъ классическіе языки древности, вмѣстѣ съ санскритскимъ и древнѣйшими языками Европы; его изслѣдованія въ этой области оказали большую услугу филологіи.—О его жизни и трудахъ см.: Wilhelm von Humboldt, Lebensbild und Charakteristik, von Haym. Berl. 1856. Brandes издалъ всѣ его сочиненія въ 7 т. подъ заглавіемъ Gesammelte Werke v. Wilhelm von Humboldt. Berl. 1841—52.

5.—О цѣли исторической дѣятельности человѣка.

Намъ кажется, что между человѣческими дѣяніями, безъ сравненія, самое замѣчательное то, которое надѣляетъ міръ важными изобрѣтеніями, и такъ думали люди о томъ и въ древніе вѣка. Они оказывали божескія почести изобрѣтателямъ; тѣмъ же, которые отличались въ государственной дѣятельности, какъ-то: основывали города и имперіи, издавали законы, освобождали отечество отъ бѣдствій, свергали тиранновъ и т. п., древность давала титулъ только героевъ. Если по справедливости сравнить тѣ два рода услугъ, то надобно будетъ одобрить сужденіе древнихъ: благодѣянія изобрѣтателей распространяются на весь міръ, а гражданскія заслуги относятся къ одной странѣ; однѣ временныя, другія вѣчныя. Очень часто прогрессъ государственной жизни сопровождается смятеніемъ и жестокими потрясеніями, но изобрѣтенія распространяютъ свои благодѣянія, не вредя никому и не заставляя проливать слезъ. Изобрѣтеніе есть вторичное твореніе; оно подражаетъ дѣламъ Творца, какъ сказалъ поэтъ: „Минерва въ древности научила людей садить плодоносныя деревья, и люди создали вторую жизнь (recreaverunt vitam)“. Замѣчательно, что Соломонъ, осыпанный всѣми благами, надѣленный богатствомъ, имуществомъ, имѣя армію, слугъ, флотъ, славу, ничѣмъ изъ всего того не гордился и говорилъ: „слава Творца скрывать секреты природы, слава царя—открывать ихъ“.

Съ другой стороны, пусть подумаютъ люди о различіи между бытомъ человѣка въ образованныхъ странахъ Европы и бытомъ дикаря Новаго Свѣта; это различіе такъ велико, что можно по справедливости сказать: „человѣкъ—богъ для человѣка“ (homo homini deus est), не только по услугамъ, которыя первый можетъ оказать послѣднему, но и по сравненію ихъ внѣшняго положенія. И это различіе установлено не землею, не небомъ, не планетами, но искусствами. Нельзя не обратить вниманія на мощь, силу и послѣдствія изобрѣтеній: ни въ чемъ это такъ ясно не выразилось, какъ въ тѣхъ трехъ изобрѣтеніяхъ, неизвѣстныхъ древнему міру, и которыхъ происхожденіе, хотя и новѣйшее, но весьма темно и не блестяще: типографскій станокъ, порохъ и компасъ измѣнили видъ міра, первый въ литературѣ, второй въ военномъ искусствѣ, третій въ мореплаваніи; отъ нихъ произошли столь безчисленныя перемѣны, что ни одна власть, ни одна философская школа, ни планета не могутъ гордиться тѣмъ, что они имѣли одинаковое съ этими изобрѣтеніями вліяніе на человѣческія дѣла. На основаніи того мы различаемъ три степени и три вида честолюбія въ исторіи: первая представляетъ намъ людей, которые стремятся увеличить личную власть въ своей странѣ; это—самая пошлая и низкая степень; на второй стоятъ люди, которые стремятся усилить власть своей страны надъ остальнымъ человѣчествомъ; здѣсь больше достоинства, но характеръ страсти тотъ же; но тѣ, которые стремятся утвердить и расширить власть рода человѣческаго надъ матеріальной природой, они обладаютъ честолюбіемъ (если только такъ

можно назвать то), несравненно болѣе мудрымъ и болѣе возвышеннымъ, нежели другіе. А власть человѣка надъ природой основана единственно на искусствахъ и наукахъ, потому что природою повелѣвать можно только повинуясь ей...

На это дѣлаютъ одно возраженіе: говорятъ, что науки и искусства очень часто служатъ средствомъ къ выполненію злыхъ намѣреній, удовлетворенію худыхъ страстей; но этимъ не должно тревожиться. То же самое можно сказать о всѣхъ благахъ міра: талантѣ, храбрости, силѣ, красотѣ, богатствахъ, о самомъ дневномъ свѣтѣ и о многихъ другихъ. Пусть родъ человѣческій стремится пріобрѣсть власть надъ матеріальной природой, которая ему принадлежитъ, какъ даръ Провидѣнія, и ему будетъ дано многое: а здравый разсудокъ и хорошая нравственность направятъ его на добро.

Бэконъ.

Nov. Organ. I, 129.

О Бэконѣ см. выше подъ ст. 2.

6.—Что́ такое исторія, какъ опытная наука?

Всякое совершившееся событіе имѣетъ предъ собою цѣлый рядъ фактовъ, которые ему предшествуютъ или внутреннимъ, или внѣшнимъ образомъ; отсюда ясно, что все разнообразіе событій, или, другими словами, всѣ перемѣны, которыми преисполнена исторія, всѣ превратности, постигшія родъ человѣческій, его успѣхи и его паденіе, его благополучіе и его бѣдствія, — все это должно быть результатомъ двоякаго дѣйствія: дѣйствія внѣшнихъ явленій на духъ человѣка и духа человѣческаго на внѣшнія явленія.

Только изъ такого матеріала можетъ быть построена научная исторія. Съ одной стороны, предъ нами *человѣческій духъ*, который повинуется законамъ своего собственнаго естества, и, если только онъ не подвергается внѣшнему вліянію, идетъ своимъ путемъ. Съ другой стороны, мы имѣемъ предъ собою такъ называемую *природу*, которая тоже повинуется своимъ законамъ, но безпрестанно приходитъ въ столкновеніе съ человѣческимъ духомъ, будитъ страсти людей, подстрекаетъ ихъ умъ и даетъ такимъ образомъ ихъ дѣйствіямъ то направленіе, котораго они не приняли бы безъ посторонняго вмѣшательства. Итакъ, мы всегда имѣемъ предъ собою человѣка, дѣйствующаго на природу, и природу, дѣйствующую на человѣка; вотъ то взаимодѣйствіе, изъ котораго необходимо должны вытекать всѣ событія.

Такимъ образомъ, непосредственная задача историка состоитъ въ пріисканіи способа открытія законовъ этого двойственнаго обоюднаго вліянія, а это, какъ мы сейчасъ увидимъ, приводитъ его къ предварительному рѣшенію вопроса: которое изъ этихъ двухъ вліяній важнѣе, вліяніе ли физическихъ явленій на мысли и желанія людей, или

же вліяніе этихъ послѣднихъ на физическія явленія. Конечно, болѣе дѣйствительное вліяніе должно быть и прежде изслѣдовано, частью потому, что результаты его рельефнѣе выступаютъ наружу и, слѣдовательно, удобнѣе могутъ быть наблюдаемы; частью же и потому, что, открывъ законы болѣе сильнаго дѣятеля, мы на первыхъ порахъ будемъ имѣть менѣе необъясненныхъ фактовъ, чѣмъ когда бы мы начали съ изслѣдованія законовъ второстепенной силы. Но прежде, нежели кто-нибудь приступитъ къ такому изслѣдованію, ему неизлишне будетъ привести себѣ на память нѣкоторыя изъ самыхъ разительныхъ доказательствъ правильности, съ какою слѣдуютъ одно за другимъ явленія духа. Это значительно подкрѣпитъ приведенное нами выше воззрѣніе и дастъ намъ, въ то же время, возможность видѣть, что̀ было сдѣлано до сихъ поръ наукою для уясненія этого важнаго предмета.

Великое значеніе добытыхъ уже наблюденіемъ результатовъ явствуетъ не только изъ обширности круга самихъ наблюденій, на который простирается обобщеніе явленій, но и изъ крайней осмотрительности, съ которою при этомъ дѣйствовали. Ибо между тѣмъ какъ большая часть изслѣдованій внутреннихъ явленій основывалась до сихъ поръ на какой-нибудь теологической или метафизической ипотезѣ,— тѣ изслѣдованія, о которыхъ я говорю, исключительно основаны на наведеніи. Они опираются на собраніи, можно сказать, безчисленныхъ фактовъ, объемлющихъ многія страны и представленныхъ въ самой ясной формѣ — формѣ ариѳметическихъ таблицъ; наконецъ, они собраны людьми (большею частью обыкновенными чиновниками), неотстаивавшими никакой теоріи и неимѣвшими потому интереса въ томъ, чтобы искажать истину въ требуемыхъ отъ нихъ донесеніяхъ.

Самые обширные выводы, относительно дѣятельности людей, неопровержимыя истины, которыя признаются такими одинаково всѣми сторонами, заимствованы именно изъ этихъ или подобныхъ имъ источниковъ; они опираются на статистическія данныя и выражаются языкомъ математики. Всякій, кто только знаетъ, какъ много сдѣлано открытій, однимъ этимъ путемъ, долженъ не только признать единообразіе, съ которымъ слѣдуютъ одно за другимъ явленія духовной природы, но и питать надежду, что намъ предстоятъ еще болѣе важныя открытія, какъ скоро будутъ употреблены въ дѣло тѣ новыя дѣйствительныя средства, которыя появляются въ изобиліи даже при нынѣшнемъ состояніи нашихъ знаній. Но здѣсь дѣло идетъ, конечно, только о доказательствахъ существованія единообразія въ дѣлахъ человѣческихъ, которое впервые было подмѣчено статистиками.

Дѣйствія людей раздѣляются легко и естественно на два класса: на добрыя и порочныя; такъ какъ эти два класса находятся въ соотношеніи между собою и, взятые вмѣстѣ, составляютъ весь итогъ нашей нравственной дѣятельности, то отсюда слѣдуетъ, что увеличеніе одного класса влечетъ за собою соотвѣтственное уменьшеніе другого. Такимъ образомъ, если намъ удастся въ какой-нибудь періодъ времени замѣтить единообразіе и нѣкоторую послѣдовательность въ проявленіи пороковъ какого-нибудь народа, то должна существовать соотвѣтствующая тому правильность въ проявленіи его добродѣтелей;

или, еслибъ мы могли доказать правильность въ проявленіи его добродѣтелей, то мы съ увѣренностью могли бы заключить о такой же правильности и въ проявленіи его пороковъ; ибо эти двѣ категоріи дѣйствій, согласно нашему подраздѣленію ихъ, служатъ дополненіемъ одна другой. Выражаясь яснѣе, мы должны сказать, что еслибъ можно было подтвердить, что дурныя дѣйствія людей видоизмѣняются согласно перемѣнамъ окружающаго ихъ общества, то мы тогда имѣли бы право отсюда вывести, что и хорошія дѣйствія ихъ, составляющія какъ бы остатокъ за вычетомъ дурныхъ, видоизмѣняются такимъ же образомъ; итакъ, мы придемъ далѣе къ тому заключенію, что эти измѣненія составляютъ результатъ широко распространенныхъ общихъ причинъ, которыя, своимъ вліяніемъ на все общество, должны произвести извѣстныя послѣдствія, не взирая на волю отдѣльныхъ людей, составляющихъ общество.

Такой-то именно правильности мы и ожидаемъ въ дѣйствіяхъ людей, если только эти дѣйствія зависятъ отъ состоянія общества, среди котораго они совершаются; если же, напротивъ, мы не будемъ въ состояніи найти такой правильности, то мы должны вѣрить, что дѣйствія людей зависятъ отъ какого-то произвольнаго, личнаго принципа, усвоеннаго каждымъ человѣкомъ для себя въ видѣ свободы, воли или чего-то подобнаго. Потому для насъ въ высшей степени важно удостовѣриться въ томъ, существуетъ ли, или не существуетъ правильность во всей нравственной дѣятельности даннаго общества; а это и есть именно одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, для разрѣшенія которыхъ статистики даютъ намъ драгоцѣнный матеріалъ.

Изъ главной задачи законодательной власти—огражденія невиннаго отъ виновнаго — естественно слѣдуетъ, что европейскія правительства, убѣдившись разъ въ важности статистики, стали собирать данныя относительно тѣхъ преступленій, которымъ угрожало извѣстное наказаніе. Свѣдѣнія эти все болѣе накоплялись, и въ настоящее время составили сами по себѣ обширную отрасль литературы, которая, вмѣстѣ съ необходимыми объясненіями, содержитъ огромную массу фактовъ, столь тщательно собранныхъ и такъ хорошо и наглядно приведенныхъ въ порядокъ, что изъ нихъ можно болѣе узнать о нравственной природѣ человѣка, чѣмъ изъ всей совокупности опытовъ предшествовавшихъ вѣковъ. Но такъ какъ, въ настоящемъ случаѣ, я не могу даже и приблизительно представить вполнѣ выводы, которые мы вправѣ были бы сдѣлать при настоящемъ состояніи статистики, то я ограничусь разборомъ двухъ или трехъ важнѣйшихъ изъ нихъ и указаніемъ находящейся между ними связи.

Можно было бы предположить, что изъ всѣхъ преступленій самое произвольное и неправильное есть убійство. Ибо если мы примемъ въ соображеніе, что это преступленіе, хотя оно и составляетъ, такъ сказать, вѣнецъ долгаго преступнаго образа жизни, однако бываетъ часто непосредственнымъ результатомъ, повидимому, внезапнаго побужденія; что предумышленное убійство, для того, чтобы имѣть хотя малѣйшую надежду на безнаказанность, требуетъ рѣдкаго стеченія благопріятныхъ обстоятельствъ, котораго преступнику часто приходится долго выжидать; что такимъ образомъ преступникъ долженъ дождаться времени и вы-

сматривать удобный случай, отъ него независящій; что въ рѣшительную минуту ему можетъ недостать духа исполнить задуманное; что вопросъ, совершить ли ему преступленіе или нѣтъ, можетъ часто затрудниться равновѣсіемъ противоборствующихъ побужденій, какъ-то: боязни закона, страха наказаній, которыми угрожаетъ религія, голоса собственной совѣсти, или опасенія угрызеній ея послѣ совершенія преступленія, ревности, жажды мщенія, отчаянія; если же возьмемъ все это вмѣстѣ, то тутъ выйдетъ такое сплетеніе причинъ, что мы вправѣ усомниться въ возможности открыть какой-либо порядокъ или методъ въ проявленіи тѣхъ тонкихъ и неуловимыхъ побужденій, отъ которыхъ зависитъ совершеніе убійства или воздержаніе отъ него. Но какъ это бываетъ на самомъ дѣлѣ? Опытъ показываетъ, что преступленіе убійства совершается съ такою же правильностью и находится въ такомъ же постоянномъ отношеніи къ извѣстнымъ обстоятельствамъ, какъ и движеніе морскихъ приливовъ и отливовъ, или смѣна временъ года. Г. Кетле (Quetelet), посвятившій всю жизнь свою собиранію и приведенію въ систему статистическихъ свѣдѣній о различныхъ странахъ, представляетъ, какъ результатъ своихъ трудолюбивыхъ изысканій, слѣдующій выводъ: „касательно преступленій одни и тѣ же числа повторяются съ такимъ постоянствомъ, что его нельзя не замѣтить; то же бываетъ и съ такими преступленіями, которыя, повидимому, вовсе не зависятъ отъ человѣческаго разсчета, какъ, напримѣръ, убійства, которыя совершаются обыкновенно послѣ ссоръ, возникающихъ изъ обстоятельствъ, повидимому, случайныхъ. Однакожъ, мы знаемъ изъ опыта, что не только ежегодно совершается почти одно и то же число убійствъ, но что и самыя орудія, служащія для совершенія ихъ, употребляются въ тѣхъ же пропорціяхъ [1])“. Такъ говорилъ въ 1835 году безспорно первый статистикъ въ Европѣ, и каждое послѣдующее изысканіе подтверждало справедливость его словъ. Позднѣйшія изслѣдованія обнаружили тотъ необыкновенный фактъ, что равномѣрное повтореніе преступленій можетъ быть указано яснѣе и предусмотрѣно легче, чѣмъ физическіе законы, отъ коихъ зависятъ болѣзнь и разложеніе нашего тѣла. Такъ, напримѣръ, число лицъ, обвиненныхъ въ преступленіяхъ во Франціи между 1826 и 1844 годами, по странному совпаденію, равнялось числу умершихъ мужескаго пола въ Парижѣ, въ теченіе того же періода времени, съ тою только разницею, что колебанія въ итогѣ преступленій были менѣе значительны, чѣмъ колебанія въ смертности; въ то же время, замѣчена подобная же правильность по каждому изъ преступленій; каждое слѣдовало одному и тому же закону равномѣрнаго, періодическаго повторенія.

Это, въ самомъ дѣлѣ, покажется страннымъ для тѣхъ, кто полагаетъ, что дѣйствія человѣческія зависятъ болѣе отъ свойствъ каждаго лица, чѣмъ отъ состоянія всего общества. Но есть еще и другое обстоятельство, еще болѣе поразительное. Между оффиціально заявленными преступленіями, нѣтъ ни одного, которое казалось бы

---

[1]) Quetelet. Sur l'homme. Par. 1835. vol. I, p. 7 и II, 164, 247.

болѣе зависящимъ отъ личности, какъ самоубійство. Покушенія на убійство и грабежъ могутъ быть предупреждены и постоянно бываютъ съ успѣхомъ останавливаемы иногда сопротивленіемъ самыхъ лицъ, подвергающихся нападенію, иногда же блюстителями порядка. Покушеніе же на самоубійство гораздо труднѣе предупредить. Человѣкъ, рѣшившійся убить себя, не встрѣчаетъ въ послѣднюю минуту сопротивленія борющагося противника; а такъ какъ ему легко уберечься и отъ вмѣшательства власти, то дѣйствіе его становится какъ бы изолированнымъ; оно устранено отъ внѣшнихъ помѣхъ и представляется результатомъ собственной рѣшимости, несравненно съ бо̀льшею очевидностью, чѣмъ всякое другое преступленіе. Къ тому же оно рѣдко совершается по внушенію сообщниковъ, какъ то бываетъ при другихъ преступленіяхъ; и вліяніе многочисленныхъ внѣшнихъ случайностей, стѣсняющихъ свободу воли, здѣсь не имѣетъ мѣста. Поэтому-то можетъ весьма естественно показаться невозможнымъ подвести самоубійство подъ общія правила, или открыть какую-либо равномѣрность въ преступленіи, которое такъ эксцентрично, такъ изолировано, такъ мало доступно законодательной власти, и которое не можетъ быть предупреждено даже самою бдительною полиціею. Затѣмъ, нашимъ наблюденіямъ надъ случаями самоубійства мѣшаетъ еще другое обстоятельство, а именно то, что и самыя лучшія улики самоубійства всегда бываютъ далеко несовершенны. Такъ, въ случаяхъ утопленія, ненамѣренная смерть легко можетъ быть принята за самоубійство, и наоборотъ. Такимъ образомъ, самоубійство представляется чѣмъ-то не только произвольнымъ и неуловимымъ, но и весьма труднымъ въ отношеніи доказательства; и по всѣмъ этимъ причинамъ позволительно было бы отчаяться въ возможности подвести его подъ тѣ общія начала, отъ которыхъ оно можетъ находиться въ зависимости.

При такихъ особенностяхъ этого страннаго преступленія, представляется, конечно, весьма удивительнымъ тотъ фактъ, что всѣ данныя, какія мы имѣемъ о немъ, приводятъ къ одному важному заключенію и не оставляютъ въ насъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что самоубійство есть не болѣе, какъ продуктъ извѣстнаго состоянія всего общества, и что каждый отдѣльный преступникъ осуществляетъ только то, что̀ составляетъ необходимое послѣдствіе предшествовавшихъ обстоятельствъ. При извѣстномъ состояніи общества, извѣстное число лицъ лишаютъ себя жизни. Это общій законъ; частный же вопросъ о томъ, кому именно совершить это преступленіе, зависитъ, конечно, отъ частныхъ законовъ, которые однако въ совокупномъ своемъ дѣйствіи должны слѣдовать общему закону, которому всѣ они подчинены. А сила главнаго закона такъ непреодолима, что ни привязанность къ земной жизни, ни опасенія въ жизни загробной, не въ силахъ оказать и малѣйшаго вліянія на его дѣйствіе. Причины этой замѣчательной правильности я разсмотрю особо, существованіе же ея хорошо извѣстно всякому, кто знакомъ съ нравственною статистикою. Въ различныхъ странахъ, о которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія, мы находимъ годъ за годомъ одну и ту же пропорцію лицъ, добровольно лишающихъ себя жизни; и если примемъ въ разсчетъ невозможность

собрать полныя данныя по этому предмету, то, не выходя изъ предѣловъ самыхъ ничтожныхъ погрѣшностей, мы въ состояніи предсказать число добровольныхъ смертей для каждаго послѣдующаго періода времени, предположивъ, конечно, что состояніе общества не подвергнется въ это время значительному измѣненію. Даже въ Лондонѣ, несмотря на случайности, неизбѣжныя въ обширнѣйшей и роскошнѣйшей столицѣ въ мірѣ, мы находимъ въ этомъ отношеніи такую правильность, которой не могъ бы ожидать и самый ревностный поклонникъ соціальныхъ законовъ; ибо политическія волненія, движеніе меркантильное и бѣдствія, происходящія отъ дороговизны жизненныхъ припасовъ—все это причины самоубійства, постоянно измѣняющіяся. Тѣмъ не менѣе, въ этой обширной столицѣ ежегодно около 240 человѣкъ лишаютъ себя жизни, при чемъ годичное число самоубійствъ колеблется, подъ вліяніемъ временныхъ причинъ, между maximum 266 и minimum 213. Въ 1846 г., въ годъ великаго волненія, произведеннаго желѣзными дорогами (railway panic), самоубійствъ въ Лондонѣ было 266; въ 1847 произошло незначительное улучшеніе, и число это понизилось до 256; въ 1848 ихъ было 247; въ 1849—213; а въ 1850—229.

Вотъ нѣкоторыя, и только нѣкоторыя, изъ тѣхъ доказательствъ, которыя мы имѣемъ въ настоящее время, въ пользу правильности, съ какою при одинаковомъ состояніи общества необходимо повторяются тѣ же преступленія. Чтобы оцѣнить все значеніе этихъ доказательствъ, мы должны припомнить, что это не произвольный наборъ частныхъ фактовъ, а общіе выводы изъ обильныхъ показаній уголовной статистики, сложившейся изъ многихъ милліоновъ наблюденій, и простирающейся на страны, стоящія на различныхъ степеняхъ цивилизаціи, имѣющія различные законы, мнѣнія, нравы и обычаи. Если мы прибавимъ, что эти статистическія свѣдѣнія собраны лицами, спеціально назначенными для этой цѣли, обладавшими всѣми средствами для достиженія истины и неимѣвшими никакого интереса въ ложномъ представленіи фактовъ, то нужно, конечно, допустить, что подчиненіе преступленій твердой и однообразной нормѣ есть фактъ, доказанный очевиднѣе всякаго другого факта въ нравственной исторіи человѣка. Мы имѣемъ длинные ряды доказательствъ, составленные съ величайшимъ тщаніемъ и при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ, и всѣ они указываютъ въ одномъ и томъ же направленіи, всѣ они ведутъ насъ къ тому заключенію, что проступки людей происходятъ не столько отъ пороковъ отдѣльныхъ преступниковъ, сколько отъ состоянія общества, въ которое эти лица брошены. Заключеніе это опирается на многочисленныхъ осязательныхъ доводахъ, доступныхъ для всего свѣта, и поэтому не можетъ быть опровергнуто, ни даже подвержено сомнѣнію со стороны той или другой ипотезы, которыми метафизики и теологи запутывали до сихъ поръ изученіе исторіи.

Тѣ изъ читателей, которые знаютъ, какъ законы физической природы постоянно встрѣчаютъ препятствія въ своихъ дѣйствіяхъ, безъ сомнѣнія, ожидаютъ встрѣтить такія же препятствія и въ мірѣ нравственномъ. Какъ въ той, такъ и въ другой сферѣ подобныя уклоне-

нія происходятъ отъ второстепенныхъ законовъ, которые въ извѣстныхъ пунктахъ встрѣчаются съ главными и нарушаютъ такимъ образомъ ихъ нормальную дѣятельность. Хорошій примѣръ этого представляетъ механика въ своей теоремѣ, называемой параллелограмомъ силъ, по которой силы относятся между собою, какъ діагонали ихъ параллелограмовъ. Законъ этотъ богатъ послѣдствіями; онъ находится въ связи съ важнѣйшими вспомогательными средствами механики, съ сочетаніемъ и разложеніемъ силъ; знакомый съ доказательствами этого закона не усомнится въ его справедливости. Но когда мы примѣняемъ этотъ законъ на практикѣ, то мы замѣчаемъ, что дѣйствіе его нарушается вліяніемъ другихъ законовъ, напримѣръ, закономъ сопротивленія воздуха и различной плотности тѣлъ, смотря по ихъ химическому составу или, какъ полагаютъ иные, по расположенію ихъ атомовъ. Подъ вліяніемъ этихъ препятствій исчезаетъ чистое и простое дѣйствіе закона механики. Однако же самый законъ, несмотря на безпрерывное нарушеніе его дѣйствія, все же остается неоспоримымъ. Такъ точно и тотъ великій общественный законъ, что нравственныя дѣйствія людей суть слѣдствія не ихъ воли, а предшествовавшихъ причинъ, также подверженъ нарушеніямъ, которыя измѣняютъ его дѣйствія, но не вредятъ его справедливости. Этого совершенно достаточно для объясненія тѣхъ незначительныхъ измѣненій, которыя мы находимъ по годамъ въ общемъ итогѣ преступленій, совершаемыхъ въ одной и той же странѣ. Дѣйствительно, имѣя въ виду то обстоятельство, что міръ нравственный гораздо изобильнѣе матеріалами, чѣмъ міръ физическій, можно удивляться развѣ только тому, что измѣненія эти не довольно значительны; изъ того же, что они такъ ничтожны, мы можемъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о дивной силѣ, съ какою эти многообъемлющіе общественные законы, несмотря на постоянныя помѣхи въ ихъ дѣйствіи, торжествуютъ, повидимому, надъ всѣми препятствіями, и, при повѣркѣ въ числахъ бо̀льшихъ размѣровъ, почти не обнаруживаютъ никакихъ замѣтныхъ уклоненій.

И не одни только преступленія отличаются такою равномѣрностью и послѣдовательностью. Даже число ежегодно заключаемыхъ браковъ зависитъ не только отъ согласія и наклонностей отдѣльныхъ лицъ, но и отъ великихъ, общихъ событій, на которыя лица эти не могутъ имѣть никакого вліянія. Теперь уже дознано, что браки имѣютъ постоянное и опредѣленное отношеніе къ цѣнѣ на хлѣбъ; въ Англіи же опытъ цѣлаго столѣтія доказалъ, что браки зависятъ не столько отъ личныхъ чувствованій, сколько просто отъ средней величины задѣльной платы для массы народа; такъ что это важное общественное и религіозное учрежденіе находится не только въ связи съ цѣнами на хлѣбъ и размѣромъ задѣльной платы, но и въ полной отъ нихъ зависимости. Въ другихъ случаяхъ жизни открыта такая же равномѣрность, но остаются еще неизвѣстными ея причины. Какъ на отдѣльный замѣчательный примѣръ мы въ настоящее время можемъ указать на то, что даже ошибки памяти носятъ на себѣ тотъ же самый общій отпечатокъ необходимаго и неизмѣннаго порядка. Почтовыя конторы въ Лондонѣ и Парижѣ обнародовали недавно свѣдѣнія о числѣ писемъ,

на которыхъ, по забывчивости писавшихъ ихъ, не были обозначены адресы; и если принять въ разсчетъ разницу, причиняемую случайными обстоятельствами, то все же оказывается, что каждый годъ какъ бы повторяются однѣ и тѣ же цифры. Ежегодно одно и то же число лицъ, пишущихъ письма, забываютъ соблюсти эту простую формальность, такъ что для каждаго послѣдующаго періода времени мы теперь дѣйствительно можемъ предсказать, у какого числа лицъ память откажется служить при этомъ ничтожномъ и повидимому нечаянномъ случаѣ. Кто спокойно наблюдаетъ за такою правильностью явленій, кто твердо усвоилъ себѣ ту великую истину, что дѣйствія людей, подъ вліяніемъ предшествовавшихъ имъ причинъ, въ дѣйствительности всегда строго послѣдовательны, и при всей кажущейся произвольности своей составляютъ не болѣе какъ часть одной обширной системы всеобщаго порядка, который, при настоящемъ состояніи нашихъ знаній, мы можемъ представить только въ одномъ лишь очеркѣ; кто понимаетъ эту истину и чрезъ то владѣетъ ключемъ и основою исторіи,—того приведенные нами выше факты такъ мало удивятъ, что они представятся ему самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, котораго слѣдовало ожидать, и которое давно уже должно было быть извѣстно. Да, успѣхи изслѣдованій становятся до того поразительными и серьезными, что я почти не сомнѣваюсь, что не пройдетъ столѣтія, и рядъ доказательствъ пополнится, такъ что будетъ даже трудно найти историка, отрицающаго неуклонную правильность въ мірѣ нравственномъ, какъ теперь трудно найти философа, отвергающаго правильность въ мірѣ матеріальномъ.

Приведенныя нами доказательства послѣдовательности нашихъ дѣйствій, основанной на законахъ, извлечены изъ статистики той отрасли знанія, которая, несмотря на то, что сама находится еще въ младенчествѣ, успѣла уже пролить болѣе свѣта на изученіе человѣческой природы, чѣмъ всѣ науки, взятыя вмѣстѣ. Но хотя статистики первые стали изслѣдовать этотъ важный предметъ по тому методу, который оказался столь успѣшнымъ въ другихъ изученіяхъ, и хотя они изъ своихъ чиселъ сдѣлали весьма сильное орудіе для раскрытія истины, мы не должны однако полагать, что нѣтъ кромѣ того никакихъ другихъ вспомогательныхъ средствъ для разработки того же самаго предмета, и не должны заключать отсюда, что если *естествознаніе* не было до сихъ поръ примѣнено къ исторіи, то оно въ самомъ дѣлѣ непримѣнимо къ ней. Дѣйствительно, въ виду безпрестанныхъ столкновеній человѣка съ внѣшнимъ міромъ, мы не можемъ не дойти до убѣжденія въ томъ, что должна существовать связь между дѣяніями человѣческими и законами природы, и что если естествознаніе еще не было примѣнено къ исторіи, то это или потому, что историки не замѣтили этой связи, или, если они и замѣтили ее, то не имѣли достаточныхъ познаній, чтобы доказать ея вліяніе. Отсюда произошло неестественное разъединеніе этихъ двухъ великихъ отраслей знанія—разъединеніе изученія внутренняго міра отъ изученія внѣшняго; и хотя въ настоящее время европейская литература обнаруживаетъ нѣкоторые несомнѣнные признаки желанія прорвать эту искусственную преграду, но все же должно сознаться,

что до сихъ поръ еще не было сдѣлано ничего существеннаго для достиженія этой великой цѣли. Моралисты, теологи и метафизики продолжаютъ свои изслѣдованія, обращая мало вниманія на труды ученыхъ, предметъ изслѣдованія которыхъ они относятъ къ низшему разряду; даже часто они нападаютъ на ихъ изслѣдованія, какъ на что-то будто бы враждебное успѣхамъ религіи и внушающее намъ слишкомъ большое довѣріе къ человѣческому разуму. Съ другой стороны, натуралисты, сознавая свои успѣхи, естественно гордятся ими; они ставятъ свои открытія рядомъ съ сравнительнымъ застоемъ своихъ противниковъ и проникаются презрѣніемъ къ тѣмъ занятіямъ, безплодность которыхъ теперь всѣми признана.

Историкъ долженъ стать посредникомъ между этими двумя партіями и примирить ихъ враждебныя притязанія, указавъ пунктъ, на которомъ ихъ изученія должны соединиться. Установить условія этого соединенія—значитъ положить основаніе всякому историческому изслѣдованію. Такъ какъ исторія занимается дѣяніями людей, а дѣянія эти суть не что иное, какъ результатъ столкновенія между явленіями внѣшняго и внутренняго міровъ, то необходимо испытать относительную важность этихъ явленій, изслѣдовать, до какой степени извѣстны ихъ законы и отыскать вспомогательныя средства для будущихъ открытій, находящіяся въ распоряженіи этихъ двухъ главныхъ классовъ ученыхъ: естествоиспытателей и изслѣдователей человѣческаго духа.

Бокль.

Hist. of the civilization in England.
Lond. 1858, т. I, отд. I.

Бокль (Bukle, род. 1823 г., ум. 1862 г.), сынъ англійскаго банкира, составилъ себѣ громкую славу первокласснаго историка первымъ и единственнымъ сочиненіемъ, которое должно остаться неоконченнымъ. History of the civilization in England. Lond. 1858. Оно издавалось въ шестидесятыхъ годахъ въ русскомъ переводѣ; въ подлинникѣ вышло 2 тома, и оба были переведены на нѣмецкій языкъ Арнольдомъ Руге. Основная идея Бокля состоитъ въ мысли о необходимости сдѣлать исторію точно такъ же правильною, по своему методу, наукою, какими уже давно являются опытныя естественныя науки. Въ 14 главахъ перваго тома авторъ излагаетъ критику господствовавшихъ до него методовъ въ исторіи и планъ своего метода; примѣняетъ свой методъ къ ходу и развитію историческихъ идей въ теченіе среднихъ вѣковъ; затѣмъ дѣлаетъ съ той же точки зрѣнія обзоръ прогресса и различнаго направленія въ цивилизаціи Франціи и Англіи отъ XVI до конца прошлаго вѣка; и наконецъ, во второмъ томѣ помѣщаетъ подобное же сравненіе въ судьбахъ двухъ такихъ странъ, какъ Испанія и Шотландія, совершенно различныхъ по своему направленію— одна строго католическая, другая строго протестантская — но пришедшихъ почти къ одинаковымъ результатамъ, вслѣдствіе общаго имъ фанатизма. Такимъ образомъ, эти 2 тома могутъ быть только разсматриваемы, какъ введеніе

въ громадный трудъ, написанное съ цѣлью не только объяснить новый опытный и физіологическій методъ, но и примѣнить его къ частнымъ вопросамъ. Методъ Бокля въ своемъ основаніи не новъ и составляетъ только опредѣленное и ясное развитіе общихъ идей Бэкона, какого и можно было ожидать въ наше время при громадныхъ успѣхахъ, сдѣланныхъ другими вспомогательными науками исторіи. Необыкновенная начитанность Бокля дала ему большія средства къ всестороннему обслѣдованію каждаго частнаго вопроса, а его свѣтлый и геніальный умъ предохранилъ его отъ тѣхъ преувеличеній и легкихъ выводовъ, которые, при принятомъ имъ физіологическомъ методѣ, представляютъ столько опасности для всякаго посредственнаго ума. Методъ Бокля простъ, ясенъ, общедоступенъ, а потому подверженъ наибольшимъ злоупотребленіямъ. Повидимому, на основаніи этого метода должно всегда говорить настолько, насколько видишь, т.-е. всему предпосылать опытъ; но въ этомъ-то и состоитъ вся безконечная трудность физіологическаго метода: нѣтъ ничего проще для посредственнаго ума, какъ принять свое первое наблюденіе, сдѣланное иногда безъ всякихъ условій критики, за основаніе для дальнѣйшихъ выводовъ, и считать свои выводы добытыми физіологическимъ путемъ. Въ такомъ опытномъ пріемѣ будетъ больше метафизики, чѣмъ во всей метафизикѣ вмѣстѣ взятой. Точный опытъ есть самый тяжелый трудъ, въ которомъ человѣкъ осужденъ сомнѣваться въ своихъ силахъ до тѣхъ поръ, пока сомнѣніе сдѣлается невозможнымъ.

7.—Опредѣленіе цивилизаціи, какъ предмета исторіи, и различный ея характеръ по современнымъ народностямъ.

Цивилизація, по общему мнѣнію, состоитъ существенно изъ двухъ явленій: развитія соціальнаго порядка и интеллектуальнаго; развитія какъ внѣшнихъ и общихъ условій жизни, такъ и внутренней и личной природы человѣка; однимъ словомъ, изъ усовершенствованія общественности и человѣчности. И не только эти два явленія просто составляютъ цивилизацію, но ихъ смежность, тѣсное и быстрое сліяніе, ихъ взаимодѣйствіе—вотъ что̀ необходимо для совершенства въ цивилизаціи. Если эти два явленія и не всегда приходятъ вмѣстѣ, если иногда развитіе общества, а иногда развитіе недѣлимаго человѣка, идутъ быстрѣе и дальше, то тѣмъ не менѣе они необходимы другъ для друга и рано или поздно взаимно вызываютъ, приводятъ одно къ другому. Когда они долго идутъ раздѣльно, когда приходится долго ждать ихъ соединенія, зрителями овладѣваетъ мучительное чувство чего-то пустого, неполнаго, чувство сожалѣнія. Явится ли у какого-либо народа важное общественное улучшеніе, важный прогрессъ матеріальнаго благосостоянія, но несопровождаемый развитіемъ интеллектуальнымъ, соотвѣтственнымъ тому прогрессомъ духа, самое общественное улучшеніе кажется тогда непрочнымъ, необъяснимымъ, почти незаконнымъ. Тогда спрашиваютъ у такого народа, какія общія идеи произвели это матеріальное улучшеніе и оправдываютъ его, изъ ка-

кихъ началъ оно вытекаетъ? Всѣ увѣрены, что оно не должно ограничиваться нѣсколькими поколѣніями, извѣстной мѣстностью, что оно сообщается, распространяется, дѣлается достояніемъ всѣхъ народовъ. Но какимъ же образомъ матеріальное улучшеніе можетъ сообщаться, распространяться, если не съ помощью идей, не на крыльяхъ науки? Только идеи смѣются надъ пространствомъ, переходятъ моря, всюду постигаются и принимаются. Впрочемъ, такова уже возвышенная природа человѣка, что онъ не можетъ видѣть великаго развитія матеріальной силы, не стремясь вмѣстѣ съ тѣмъ къ нравственной силѣ, которая должна соединяться съ первой и господствовать надъ нею; общественное благосостояніе отзывается чѣмъ-то мелочнымъ, пока оно не приноситъ иныхъ плодовъ, кромѣ самаго благосостоянія, пока оно не возвышаетъ духа человѣка до уровня его матеріальнаго положенія. Съ другой стороны, если проявится въ исторіи какого-нибудь общества высшее развитіе ума, несоединенное повидимому ни съ какимъ общественнымъ прогрессомъ, то удивляешься, боишься за это общество. Какъ будто видишь прекрасное дерево, не дающее плодовъ,—солнце, которое не грѣетъ, не оплодотворяетъ. Къ такимъ безплоднымъ идеямъ, которыя не имѣютъ силы овладѣть внѣшнимъ міромъ, получаешь родъ презрѣнія. И не только чувствуешь презрѣніе, но кончаешь тѣмъ, что сомнѣваешься въ ихъ разумной законности и истинѣ; невольно считаешь ихъ призрачными, когда онѣ являются безсильными и не могутъ управлять матеріальнымъ бытомъ человѣка. Такъ сильно въ человѣкѣ убѣжденіе, что онъ здѣсь, на землѣ, предназначенъ переводить идеи въ дѣйствительность, преобразовывать, управлять населяемымъ имъ міромъ въ духѣ истины, какъ она имъ постигнута; на сколько оба великія явленія цивилизаціи, интеллектуальное и общественное развитіе, тѣсно связаны между собой, настолько справедливо и то, что совершенство цивилизаціи заключается не только въ ихъ соединеніи, но и въ ихъ совмѣстимости, равномѣрности, въ той легкости и быстротѣ, съ которою они взаимно вызываютъ и производятъ другъ друга.

Теперь попытаемся обозрѣть съ этой точки зрѣнія различныя страны Европы. Изслѣдуемъ особенныя отличительныя черты цивилизаціи каждой изъ нихъ и посмотримъ, до какой степени эти черты совпадаютъ съ существеннымъ, основнымъ, великимъ явленіемъ, въ которомъ мы теперь видимъ совершенство цивилизаціи. Мы разрѣшимъ этимъ путемъ вопросъ, какая изъ различныхъ европейскихъ цивилизацій полнѣе всѣхъ другихъ, наиболѣе соотвѣтствуетъ типу цивилизаціи вообще, слѣдовательно, какая изъ нихъ имѣетъ преимущественное право на наше изученіе и лучше другихъ изображаетъ исторію Европы въ ея всецѣлости.

Начинаю съ *Англіи*. Англійская цивилизація была главнымъ образомъ направлена къ соціальному усовершенствованію, къ улучшенію внѣшняго и публичнаго положенія людей, къ улучшенію не только матеріальнаго, но и моральнаго быта, къ введенію какъ наибольшей справедливости въ обществѣ, такъ и наибо̀льшаго благосостоянія, къ развитію какъ права, такъ и благоденствія. Однакоже, вообще въ Англіи развитіе общества было шире, блистательнѣе, чѣмъ гуманное

развитіе; матеріальные интересы, общественныя явленія занимали въ ней больше мѣста, оказывали бо̀льшее вліяніе, чѣмъ общія идеи; нація представляетъ больше величія, чѣмъ индивидуальный человѣкъ. Это такъ справедливо, что самые философы въ Англіи, которые, какъ кажется, по призванію посвятили себя развитію чистаго мышленія, Бэконъ, Локкъ, вся шотландская школа принадлежатъ къ тому отдѣлу философовъ, который можно назвать практическимъ; они въ особенности заботятся о непосредственныхъ и положительныхъ результатахъ; они не довѣряютъ ни порывамъ воображенія, ни логическимъ выводамъ: они обладаютъ геніемъ здраваго смысла. Я обращаю взглядъ на время наибольшей умственной дѣятельности Англіи, на эпохи, въ которыя идеи, умственное движеніе занимали повидимому самое важное мѣсто въ ея исторіи; я беру политическій и религіозный кризисъ въ XVI и XVII вѣкахъ. Всякій знаетъ, какое изумительное движеніе овладѣло тогда Англіею. Но кто можетъ указать, какую важную философскую систему, какія великія общія положенія, и которыя сдѣлались бы въ то же время всеевропейскими, породило это движеніе? Оно имѣло огромные, изумительные результаты; оно положило основу и новымъ правамъ, и новымъ нравамъ; оно могущественно подѣйствовало не только на общественныя отношенія, но и на душу; оно произвело сектаторовъ, энтузіастовъ; но оно нисколько не возвысило, не расширило, по крайней мѣрѣ, непосредственно, горизонтъ человѣческаго духа; оно не зажгло ни одного изъ тѣхъ великихъ умственныхъ свѣточей, которые озаряютъ цѣлую эпоху. Можетъ быть, ни въ какой странѣ религіозныя вѣрованія не имѣли, и теперь еще не имѣютъ, больше власти, чѣмъ въ Англіи; но тамъ и они прежде всегда практичны; они оказываютъ огромное вліяніе на образъ дѣйствій, благосостояніе, чувствованія отдѣльныхъ лицъ; но они представляютъ весьма мало общихъ и отвлеченныхъ результатовъ, которые относились бы къ цѣлости человѣческаго познанія. Съ какой точки зрѣнія вы ни разсматривали бы эту цивилизацію, вы нашли бы въ ней повсюду тотъ же *существенно-практическій соціальный характеръ*. Я могъ бы провести это развитіе гораздо дальше, я могъ бы обозрѣть всѣ частности англійскаго общества, и меня вездѣ поразило бы то же самое явленіе. Напримѣръ, въ литературѣ господствуетъ тамъ и до сихъ поръ заслуга практическая. Всякій скажетъ, что англичане не слишкомъ искусны въ литературной композиціи, въ умѣньи раціонально и вмѣстѣ съ тѣмъ художественно распредѣлить части сочиненія, выполнить его такъ, чтобы воображеніе читателя поражалось тѣмъ совершенствомъ искусства, формы, которое преимущественно стремится удовлетворить разумъ. Эта чисто-интеллектуальная сторона произведеній ума составляетъ слабую сторону англійскихъ писателей, но зато они отличаются въ умѣньи убѣждать ясностью изложенія, частымъ обращеніемъ къ однѣмъ и тѣмъ же идеямъ, очевидностью здраваго смысла, и употребляютъ наконецъ всѣ средства для того только, чтобы привести читателя къ практическимъ результатамъ. Тѣмъ же характеромъ запечатлѣвается и самый языкъ англичанъ: это вовсе не систематическій, правильный, раціонально построенный языкъ; онъ заимствуетъ слова отовсюду, изъ самыхъ

разнородныхъ источниковъ, не заботясь о симметріи и гармоніи; въ немъ очевиденъ существенный недостатокъ въ томъ изяществѣ, въ той логической красотѣ, которая блеститъ въ греческомъ и латинскомъ языкахъ; онъ имѣетъ какую-то пеструю и грубую наружность; но онъ богатъ, гибокъ, готовъ на все, способенъ удовлетворить вполнѣ потребностямъ человѣка, въ матеріальныхъ вопросахъ его жизни. Въ Англіи начало пользы, приложенія господствуетъ всюду, составляетъ какъ внѣшнюю физіономію, такъ и самую силу ея цивилизаціи.

Отъ Англіи я перехожу къ *Германіи*: въ ней развитіе цивилизаціи было медленное, позднее; въ теченіе многихъ вѣковъ грубость германскихъ нравовъ была пословицею въ Европѣ. Однакоже, изслѣдуя подъ такою грубою наружностью сравнительный ходъ обоихъ основныхъ элементовъ цивилизаціи, находишь, что интеллектуальное развитіе въ Германіи постоянно обгоняло и превосходило соціальное, что тамъ бытъ интеллектуальный преуспѣвалъ преимущественно предъ бытомъ матеріальнымъ. Сравните, въ XVI вѣкѣ, интеллектуальное развитіе въ лицѣ германскихъ реформаторовъ, въ Лютерѣ, Меланхтонѣ, Бусерѣ [1]) и многихъ другихъ—сравните, говорю я, развитіе разума, обнаруживающееся въ ихъ произведеніяхъ, съ современными нравами страны и съ ихъ собственными нравами: какое различіе! Въ XVII вѣкѣ сопоставьте идеи Лейбница, труды его учениковъ и германскихъ университетовъ съ нравами, господствовавшими не только въ народѣ, но и въ высшихъ классахъ: прочтите, съ одной стороны, произведенія философовъ, съ другой—записки, рисующія дворъ курфирстовъ бранденбургскаго или баварскаго: какая противоположность! Переходя къ новому времени, мы еще болѣе будемъ поражены этимъ контрастомъ: въ настоящее время утверждать, что по ту сторону Рейна идеи и факты, интеллектуальный и дѣйствительный порядокъ, почти совершенно отдѣлены другъ отъ друга,—значило бы высказать общее мѣсто. Всякій знаетъ, какова была въ Германіи умственная дѣятельность послѣднихъ 50 лѣтъ; она подвинулась впередъ далеко во всѣхъ родахъ, и въ философіи, и въ исторіи, литературѣ, поэзіи; можно сказать, что она не всегда слѣдовала лучшими путями; можно оспаривать нѣкоторые изъ результатовъ, которыхъ она достигла; но что касается энергіи, обширности самого развитія, то оспаривать того невозможно. Однако, вѣрно то, что общественный бытъ, бытъ публичный, развивался тамъ не съ одинаковою быстротою. Безъ сомнѣнія, и въ этомъ отношеніи былъ прогрессъ и усовершенствованія; но нѣтъ никакого сравненія между обоими явленіями. Поэтому, въ Германіи особенный характеръ всѣхъ произведеній ума, поэзіи, философіи, исторіи состоитъ въ недостаткѣ знакомства съ внѣшнимъ міромъ, въ отсутствіи чувства реальности: читая ихъ, сознаешь, что жизнь и факты оказывали на этихъ людей мало вліянія, не занимали преимущественно ихъ воображенія; они жили, углубленные въ самихъ себя, съ своими идеями, попеременно, то энтузіасты, то строгіе логики. Какъ въ Англіи всюду проявляется практическій геній, такъ *интеллектуальная дѣя-*

---

[1]) Настоящая фамилія Бусера была Kuhorn, какъ и Меланхтона—Schwarzerde.

тельность часто составляетъ господствующую черту германской цивилизаціи.

Въ *Италіи* мы не найдемъ ни того, ни другого характера; итальянская цивилизація не была ни по преимуществу практическая, какъ англійская, ни почти исключительно умозрительная, какъ германская. Въ Италіи не было недостатка ни въ высшемъ развитіи индивидуальнаго ума, ни въ навыкѣ и дѣятельности общественной жизни; человѣкъ и общество развивались въ ней съ одинаковымъ блескомъ; итальянцы блистали, отличались и въ чистыхъ наукахъ, въ искусствахъ и философіи, равно какъ и въ практической дѣятельности и въ жизни. Правда, уже съ давняго времени Италія, кажется, остановилась въ отношеніи того и другого развитія; въ ней, повидимому, ослабли и парализировались какъ общество, такъ и индивидуальный умъ; но, всматриваясь въ нее ближе, чувствуешь, что это нисколько не вслѣдствіе внутренней и національной ея неспособности. Внѣшнія обстоятельства тяготятъ и задерживаютъ Италію: она подобна прекрасному цвѣтку, который готовъ распуститься, но который отвсюду сдавленъ холодною и грубою рукою. Въ Италіи не погибли ни интеллектуальная, ни политическая способность; ей недостаетъ того, чего ей недоставало постоянно, но что̀ всюду составляетъ одно изъ жизненныхъ условій цивилизаціи: ей недостаетъ вѣры, вѣры въ истину: Мнѣ хотѣлось бы быть точно понятымъ, хотѣлось бы, чтобъ словамъ, употребляемымъ мною, приписывали только тотъ смыслъ, который я самъ имъ придаю. Въ этомъ случаѣ подъ словомъ „вѣра“ я разумѣю то довѣріе къ истинѣ, которое не ограничивается однимъ признаніемъ ея таковою и удовлетворительностію ея для разума, но даетъ увѣренность въ правѣ царствовать надъ міромъ, управлять событіями, и въ могуществѣ истины, достаточномъ для успѣха въ томъ. При такой увѣренности, если только человѣкъ успѣлъ овладѣть истиной, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сознаетъ свое призваніе перевести ее во внѣшнія событія, преобразовать и устроить ихъ по началамъ разума. Но именно этой-то вѣры почти всегда недоставало Италіи; она всегда изобиловала великими умами, общими идеями; въ то же самое время она представляла людей съ рѣдкой практическою ловкостью, опытныхъ въ пониманіи всѣхъ условій внѣшней жизни, въ искусствѣ руководить и направлять общество; но эти два рода людей и явленій оставались чужды другъ другу. Люди, проникнутые общими идеями, спекулятивные умы, вовсе не считали своимъ назначеніемъ, ни, можетъ быть, правомъ дѣйствовать на общество; даже вѣруя въ истинность своихъ началъ, они сомнѣвались въ ихъ силѣ. Съ другой стороны, практическіе люди, руководители общества, почти ни во что не ставили общія идеи; они почти никогда не чувствовали въ себѣ влеченія расположить подчиненныя ихъ власти явленія по извѣстнымъ началамъ. И тѣ и другіе дѣйствовали такъ, какъ будто бы истина годится только какъ предметъ знанія и ничего не требуетъ, ни къ чему не обязываетъ. Въ этомъ состоитъ слабая сторона итальянской цивилизаціи какъ въ XV, такъ и въ слѣдующихъ столѣтіяхъ. Это-то и поразило какъ ея умозрительный духъ, такъ и ея практическій навыкъ въ

жизни какою-то безплодностью: въ ней обѣ силы вовсе не жили во взаимномъ довѣріи, согласіи, въ постоянномъ взаимодѣйствіи.

Есть другая обширная страна, о которой, правду сказать, я упоминаю скорѣе по вниманію, уваженію къ благородному и несчастному народу, чѣмъ по необходимости; я говорю объ *Испаніи.* Въ Испаніи не было недостатка ни въ великихъ умахъ, ни въ великихъ событіяхъ; иногда интеллектуальное развитіе общества являлось тамъ во всемъ своемъ блескѣ; но эти явленія изолированы и разбросаны тамъ-и-сямъ въ исторіи Испаніи, какъ пальмы въ песчаной пустынѣ. Въ Испаніи, кажется, и человѣческому уму, и обществу было отказано въ основномъ характерѣ цивилизаціи, въ общемъ, непрерывномъ прогрессѣ. Тамъ — или торжественная неподвижность, или безплодные перевороты. Отыщите какую-либо важную идею, или важное общественное улучшеніе, философскую систему, или благотворное учрежденіе, которое Европа получила бы отъ Испаніи; нѣтъ ничего подобнаго: этотъ народъ былъ изолированъ въ Европѣ; онъ мало получилъ отъ нея и мало далъ ей. Не упомянувъ имени Испаніи, я упрекалъ бы себя; но ея цивилизація имѣетъ мало значенія въ исторіи цивилизаціи европейской.

Вы видите, что основной, заключительный актъ цивилизаціи, который состоитъ вообще въ тѣсномъ и быстромъ соединеніи, гармоническомъ развитіи идей и внѣшнихъ явленій интеллектуальнаго и вещественнаго міра, не воспроизводится ни въ одной изъ четырехъ великихъ странъ, разсмотрѣнныхъ нами. Въ дѣлѣ цивилизаціи имъ всѣмъ недостаетъ чего-нибудь существеннаго; ни одна изъ нихъ, во всѣхъ своихъ положеніяхъ, во всѣхъ своихъ отличительныхъ чертахъ, не представляетъ сколько-нибудь полнаго ея изображенія, чистаго типа.

Совершенно другое, я полагаю, представитъ намъ *Францiя.* Во Франціи никогда общественное и интеллектуальное развитіе не отставали другъ отъ друга. Въ ней всегда человѣкъ и общество шли и росли, не скажу, рядомъ и въ одинаковой степени, но, во всякомъ случаѣ, на весьма незначительномъ разстояніи другъ отъ друга. Въ нашей исторіи постоянно видишь вмѣстѣ съ великими событіями, общественными переворотами и улучшеніями соотвѣтствующія имъ общія идеи и начала. Ничто не произошло въ дѣйствительномъ мірѣ, чтобы тотчасъ же не было воспринято разумомъ, и изъ чего бы онъ не извлекъ для себя новыхъ богатствъ; и съ другой стороны, ничего не явилось въ области разума, что̀ почти съ одинаковою быстротою не отозвалось бы и не принесло бы своихъ результатовъ въ дѣйствительномъ мірѣ. Вообще во Франціи идеи предшествовали и вызывали успѣхи общественнаго міра; прежде чѣмъ онѣ осуществлялись внѣ, онѣ подготовлялись въ теоріяхъ, и разумъ шелъ впередъ на пути цивилизаціи. Этимъ двойнымъ характеромъ интеллектуальной дѣятельности и практическаго навыка, размышленія и приложенія, запечатлѣны всѣ важнѣйшія событія французской исторіи, всѣ классы французскаго общества: онъ сообщаетъ имъ особенную физіономію, которая нигдѣ болѣе не встрѣчается. Въ началѣ XII вѣка, напр., проявляются движенія къ эманципаціи городскихъ общинъ; конечно, это—великій

прогрессъ въ общественной жизни; но въ то же время обнаруживается и живое стремленіе къ эманципаціи мысли: Абелларъ былъ современникомъ граждань городовъ Лана и Везеле. Первая сильная борьба свободныхъ мыслителей противъ безусловной власти въ интеллектуальномъ мірѣ современна борьбѣ горожанъ за политическую свободу. Строго говоря, оба движенія повидимому были совершенно чужды другъ другу; мыслители были даже весьма дурного мнѣнія о возстававшихъ горожанахъ, которыхъ они считали варварами; и горожане, слушая ихъ, въ свою очередь смотрѣли на нихъ какъ на еретиковъ. Но тѣмъ не менѣе двойственный прогрессъ совершился единовременно. Оставимъ XII-й вѣкъ и обратимся къ одному изъ учрежденій, которое играло самую важную роль въ умственной исторіи Франціи; я разумѣю парижскій университетъ. Всякій знаетъ, каковы были его научные труды, начиная съ XIII вѣка. Это было первое европейское учрежденіе въ этомъ родѣ; и въ то же время ни одно другое не имѣло столь важнаго политическаго значенія и такой широкой дѣятельности. Парижскій университетъ принималъ участіе въ политикѣ королей, въ каждой борьбѣ французскаго духовенства съ римскимъ дворомъ, духовенства съ свѣтской властью; въ его средѣ развивались идеи, устанавливались начала, и онъ старался почти тотчасъ же перевести ихъ во внѣшній порядокъ вещей. Таковы были основы парижскаго университета, которыя служили знаменемъ при попыткахъ констанцскаго и базельскаго соборовъ; онѣ же породили и поддержали практическую санкцію Карла VII. Въ теченіе многихъ вѣковъ интеллектуальная дѣятельность и практическое вліяніе были нераздѣльны въ этой великой школѣ. Перейдемъ къ XVI вѣку; бросимъ бѣглый взглядъ на исторію реформаціи во Франціи; и ее отличаетъ одинъ характеръ: она была болѣе учена, или по крайней мѣрѣ столь же учена, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе умѣренна, раціональна, чѣмъ гдѣ-либо. Французскою реформаціею поддерживалась главная борьба учености и науки противъ католической церкви; именно во Франціи или въ Голландіи, но всегда на французскомъ языкѣ, писалось множество философскихъ, историческихъ, полемическихъ произведеній, явившихся на помощь этому дѣлу; безъ сомнѣнія, въ ту эпоху ни Германія, ни Англія не обнаружили больше ума и знанія; и въ то же время французская реформація осталась чуждою заблужденій нѣмецкихъ перекрещенцевъ и англійскихъ сектаторовъ; въ ней нерѣдко недоставало практической мудрости, и между тѣмъ нельзя сомнѣваться въ энергіи и чистосердечіи ея вѣрованій, ибо она долго сопротивлялась самымъ тяжкимъ ударамъ. Въ новѣйшія времена, въ XVII и XVIII вѣкахъ, тѣсное и быстрое соединеніе идей и явленій, соотвѣтственное развитіе общества и человѣка такъ очевидны, что даже не стоило бы долго настаивать на томъ.

Итакъ, вотъ четыре или пять важныхъ эпохъ, важныхъ событій, въ которыхъ отпечатлѣлся особенный характеръ французской цивилизаціи. Возьмемъ различные классы нашего общества; всмотримся въ ихъ нравы и физіономію: насъ поразитъ то же самое явленіе. Французское духовенство, напримѣръ, вмѣстѣ и учено, и дѣятельно: оно принимаетъ участіе во всѣхъ интеллектуальныхъ трудахъ и во

всѣхъ дѣлахъ міра. Оно и мыслитель, и ученый, и администраторъ; оно не посвящаетъ себя, такъ сказать, исключительно ни религіи, ни наукѣ, ни политикѣ, но постоянно стремится слить ихъ въ одно, согласить ихъ. Французскіе философы представляютъ также рѣдкое соединеніе умозрительной дѣятельности и практическаго ума; они мыслятъ глубоко и смѣло; они ищутъ отвлеченную истину, безъ всякой цѣли примѣненія; но они постоянно сохраняютъ сознаніе внѣшняго міра, явленій, среди которыхъ живутъ; они поднимаются весьма высоко, но не теряя изъ виду земли. Нельзя назвать Монтаня, Декарта, Паскаля, Байля и почти всѣхъ другихъ великихъ философовъ Франціи ни строгими логиками, ни энтузіастами. Одинъ краснорѣчивый профессоръ [1]) справедливо характеризовалъ геній Декарта: „будучи человѣкомъ въ одно и то же время свѣтскимъ и ученымъ, прямымъ, твердымъ, рѣшительнымъ, отважнымъ, Декартъ мыслилъ въ своемъ кабинетѣ съ тою же неустрашимостью, съ какою сражался подъ стѣнами Праги“; онъ одинаково любилъ какъ житейскія треволненія, такъ и дѣятельность мысли. Не всѣ наши философы обладали геніемъ Декарта, и жизнь не всѣхъ ихъ представляетъ столько приключеній, какъ его жизнь; но почти всѣ они въ одно и то же время и изслѣдовали истину, и были близки къ интересамъ свѣтской жизни; умѣли вмѣстѣ наблюдать и размышлять. Наконецъ, какая черта во французской исторіи особенно характеризуетъ единственный классъ людей, игравшихъ истинно общественную роль, единственный классъ, пытавшійся приблизить страну къ ея правительству, дать странѣ правительство въ духѣ законности; какая черта характеризуетъ именно французскую магистратуру и судейское сословіе, парламенты и все, что̀ ихъ окружало? Не вездѣ ли мы видимъ то же соединеніе учености и практической мудрости, уваженіе къ идеямъ и фактамъ, наукѣ и ея примѣненіямъ? На всѣхъ поприщахъ, гдѣ только дѣйствуетъ чистый разумъ, въ дѣлѣ учености, въ философіи, литературѣ и исторіи, всюду вы встрѣтите людей, принадлежащихъ къ французскому парламенту и судейскому сословію; и въ то же время эти люди принимали участіе во всѣхъ общественныхъ и частныхъ дѣлахъ: они входили во всѣ матеріальные и положительные интересы общества.

Съ какой бы стороны мы ни разсматривали и ни переворачивали французское общество, мы всюду встрѣтимъ тотъ двойственный характеръ: оба существенныя явленія цивилизаціи развились въ ней въ тѣсномъ согласіи: въ ней всегда человѣкъ могъ достигать индивидуальнаго величія, и оно въ то же время не оставалось безъ послѣдствій и общественной пользы.

Гизо.

Ист. цив. во Фр. I, 5—17.

См. Примѣч. къ ст. 3.

---

[1]) Кузенъ, проф. философіи въ Сорбоннѣ того времени.

8.—О происхожденіи европейской исторіи и о состояніи исторической литературы въ средніе вѣка.

Европейская образованность обязана своимъ расширеніемъ успѣху наукъ, а успѣхъ послѣднихъ зависитъ отъ количества истинъ, открываемыхъ человѣческимъ духомъ, и отъ степени, въ которой онѣ бываютъ распространены въ массахъ. Для доказательства справедливости такого положенія необходимо обратиться къ судьбамъ исторической науки, принимаемой въ обширнѣмъ ея смыслѣ. Изслѣдованіе общаго прогресса въ человѣчествѣ тѣсно связано съ изслѣдованіемъ прогресса исторіи, какъ науки. Послѣднее проливаетъ большой свѣтъ вообще на успѣхи развитія человѣческихъ обществъ, потому что всегда находится тѣсная связь между тѣми воззрѣніями и понятіями, которыя составляются людьми о ихъ прошедшемъ, и тѣми воззрѣніями и понятіями, которыми они обнимаютъ свое настоящее; всѣ эти воззрѣнія, въ сущности, суть не что иное, какъ различныя формы одного и того же способа мыслить; они переносятъ въ прошедшее современныя симпатіи и сочувствія. При этомъ всегда оказывается, что подобное изслѣдованіе *исторіи самой исторіи*, если можно такъ выразиться, приводитъ насъ къ двумъ, весьма замѣчательнымъ, результатамъ. Во-первыхъ, въ теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій историки обнаруживаютъ постоянно возрастающее уваженіе къ человѣческому разуму и отвращеніе къ безчисленнымъ искаженіямъ, которыми онъ былъ прежде окованъ. Во-вторыхъ, въ теченіе того же самаго періода времени начала усиливаться наклонность не обращать никакого вниманія на тѣ предметы, которые считались прежде весьма важными, и заниматься всѣмъ тѣмъ, что̀ относится къ состоянію народовъ и содѣйствуетъ распространенію познаній.

Въ этомъ отношеніи изслѣдованіе вопроса о происхожденіи европейской исторіи представляетъ большой интересъ, потому что оно даетъ ключъ къ разрѣшенію вопросовъ, которые остаются мало извѣстными, и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ средство составить понятіе о тѣхъ великихъ затрудненіяхъ, съ которыми пришлось имѣть дѣло исторіи, прежде нежели она успѣла достигнуть современнаго намъ состоянія, хотя и удовлетворительнаго отчасти, но все же еще далекаго до совершенства. Матеріалы для изученія древнѣйшаго быта Европы давно уже погибли, но тѣ разнообразныя свѣдѣнія, которыми мы обладаемъ въ настоящее время о варварскихъ народахъ, могутъ служить намъ неоцѣненнымъ пособіемъ, такъ какъ всѣ эти свѣдѣнія почерпаются нами изъ источниковъ, имѣющихъ чрезвычайно много общаго другъ съ другомъ. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣнія крайне невѣжественныхъ людей вездѣ одни и тѣ же, и въ различныхъ странахъ они видоизмѣняются только физическими свойствами природы. Я потому вовсе не намѣренъ пользоваться тѣми показаніями, которыя были собраны новѣйшими путешественниками, для того, чтобы по нимъ заключать о періодѣ европейской образованности, не оставившемъ по себѣ непосредственныхъ извѣстій. Такія заключенія, весьма естественно, носятъ на

себѣ умозрительный характеръ, а въ наше время мы чувствуемъ себя совершенно независимыми отъ подобныхъ заключеній, тѣмъ болѣе, что каждая великая европейская народность, начиная съ IX вѣка, имѣетъ свои собственныя хроники, а Франція даже съ VI вѣка, и притомъ въ непрерывной послѣдовательности. Въ настоящей статьѣ я хочу объяснить примѣрами, какимъ образомъ обыкновенно писалась исторія лучшими европейскими авторитетами до самаго XVI-го столѣтія; только въ XVII и XVIII столѣтіяхъ она сдѣлала успѣхъ, но до того времени историческая литература была не чѣмъ инымъ, какъ сплетеніемъ самыхъ грубыхъ заблужденій. Потому и мнѣ предстоитъ прежде всего обратить вниманіе и объяснить главныя причины всеобщей несостоятельности исторіи, вслѣдствіе которой она была искажена до того, что въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій Европа не могла добыть ни одного человѣка, который изучилъ бы ея прошедшее критически, или по крайней мѣрѣ былъ бы въ состояніи изложить съ точностью событія собственнаго времени.

Въ самый ранній періодъ образованности, прежде нежели народъ успѣетъ познакомиться съ искусствомъ письма, чувствуется потребность чего-то, чѣмъ можно было бы во время мира наполнить досугъ и возбудить отвагу на случай войны. Эта потребность удовлетворяется появленіемъ балладъ. Онѣ служатъ основою всякаго историческаго познанія и въ той или другой формѣ встрѣчаются у самыхъ грубыхъ народовъ. Онѣ обыкновенно поются извѣстнаго рода людьми, которыхъ все назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы такимъ способомъ сохранять запасъ преданій. Страсть къ познанію прошедшаго до такой степени естественна, что мало найдется народовъ, которымъ были бы неизвѣстны барды или пѣвцы. Они сохраняли тѣ народныя саги, которыя раздавались не только въ Европѣ, но и въ Китаѣ, Тибетѣ и Татаріи, также въ Индіи, Белуджистанѣ, на островахъ Чернаго моря, въ Египтѣ, западной Африкѣ, сѣверной Америкѣ, южной и на островахъ Тихаго Океана.

Во всѣхъ этихъ странахъ искусство письма было долгое время неизвѣстнымъ; народъ для сохраненія своей исторіи не имѣлъ другого средства, какъ устное преданіе, и облекалъ его въ форму, которая всего лучше приноровлялась къ облегченію памяти. Начатки всякаго познанія слагались всегда въ формѣ поэзіи и были риѳмованные. Созвучіе нравится уху варвара и вмѣстѣ служитъ ручательствомъ того, что дѣтямъ передается преданіе въ неизмѣнной формѣ. Это стремленіе обезпечить преданіе противъ искаженій увеличиваетъ достоинство тѣхъ балладъ и возвышаетъ ихъ отъ значенія простого разсказа до юридическаго авторитета. Намеки, заключающіеся въ нихъ, обращались часто въ удовлетворительное доказательство заслугъ какой-нибудь фамиліи и разрѣшали споры о первенствѣ и даже о границахъ земель. Потому мы часто встрѣчаемъ, что тѣ люди, которые посвящали себя на воспѣваніе древнихъ сагъ, признавались судьями въ распряхъ, и такъ какъ они были вмѣстѣ и жрецами, а слѣдовательно, стояли во главѣ религіи, то, вѣроятно, на этомъ было основано убѣжденіе въ божественномъ происхожденіи поэзіи. Такія баллады, естественно, по нраву и характеру различныхъ народностей

и по климату, въ которомъ онѣ жили, были весьма различны. На югѣ приняли онѣ формы упоительныя и страстныя, на сѣверѣ былъ имъ приданъ характеръ трагическій и кровавый; но при всемъ своемъ различіи такія баллады всегда представляли одну общую черту, онѣ не только были основаны на истинѣ, но и были истинны до самой своей поэтической окраски. Люди, повторявшіе безпрестанно народныя пѣсни и на основаніи ихъ произносившіе приговоры въ случаѣ распри, не могли легко допускать ошибокъ въ вопросахъ, точность которыхъ представляла для нихъ живой интересъ.

Вотъ древнѣйшая и самая простая изъ тѣхъ ступеней, чрезъ которыя всегда и вездѣ должна проходить исторія. Но съ теченіемъ времени, если только не помѣшаютъ неблагопріятныя обстоятельства, каждое общество подвигается впередъ, и искусство письма составляетъ важнѣйшее нововведеніе, которое можетъ ожидать его на дальнѣйшемъ поприщѣ; это искусство чрезъ нѣсколько поколѣній производитъ рѣшительный переворотъ въ характерѣ и въ преданіяхъ народа. Въ чемъ состоитъ переворотъ, сколько я знаю, не было до сихъ поръ достаточно объяснено, и потому наша попытка объяснить отчасти такой вопросъ не будетъ лишена интереса.

Первое и ближайшее послѣдствіе введенія письменности состоитъ въ томъ, что оно сообщаетъ познаніямъ народа характеръ прочности и тѣмъ самымъ уменьшаетъ значеніе устнаго преданія, въ которомъ заключались всѣ свѣдѣнія безграмотнаго народа. Такимъ образомъ, по мѣрѣ развитія какого-нибудь общества, вліяніе устныхъ преданій уменьшается, и сами преданія становятся менѣе достовѣрными. Сверхъ того, хранители преданій на этой степени развитія общества много теряютъ изъ своего прежняго значенія. Въ народѣ безграмотномъ, пѣвцы балладъ являются единственными хранителями тѣхъ историческихъ фактовъ, отъ которыхъ зависитъ слава и нерѣдко даже собственность племенныхъ вождей. Но когда народъ ознакомляется съ искусствомъ письма, то онъ не хочетъ болѣе довѣрять важнѣйшіе факты своей жизни памяти странствующихъ пѣвцовъ, и прибѣгаетъ къ новому искусству, чтобы изложить ихъ въ прочной, наглядной формѣ. Послѣ того значеніе тѣхъ, которые прежде повторяли народныя преданія, значительно уменьшается; они оттѣсняются въ низшіе слои общества, теряютъ свою прежнюю славу, и между ними не появляются болѣе тѣ замѣчательные люди, талантамъ которыхъ они были обязаны прежнею своею славой.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что, хотя безъ письменности, и могли бы сохраняться сколько-нибудь значительныя свѣдѣнія, тѣмъ не менѣе справедливо и то, что ея введеніе имѣло въ двухъ отношеніяхъ вредное вліяніе на историческія преданія; во-первыхъ, оно ослабило самое преданіе, а во-вторыхъ, оно уничтожило тотъ классъ людей, который посвящалъ себя на сохраненіе этихъ преданій.

Но это еще не все. Искусство письма не только уменьшаетъ число истинъ, переходящихъ изъ устъ въ уста, но оно даже прямо содѣйствуетъ къ распространенію лжи. Это послѣднее совершается на основаніи начала, которое можно назвать *началомъ накопленія*; на немъ покоятся всѣ языческія религіозныя системы. Такъ, напри-

мѣръ, въ древнія времена, имя Геркулеса придавалось многимъ болѣе значительнымъ разбойникамъ, которые были бичами рода человѣческаго, и которые, если имъ удавалось, въ своихъ преступленіяхъ быть столь же счастливыми, сколько они были ужасны, то они послѣ смерти своей навѣрно попадали въ число героевъ. Происхожденіе самаго имени Геркулеса неизвѣстно; но вѣроятно, что сначала оно принадлежало одному человѣку, а потомъ оно сообщалось всѣмъ тѣмъ, которые могли походить на него характеромъ и своими подвигами. Такое распространеніе имени отдѣльнаго человѣка на многихъ свойственно каждому варварскому народу, и оно не производитъ почти никакого смѣшенія въ лицахъ, пока преданія народа ограничиваются одною мѣстностью и остаются изолированными. Но лишь только преданія начнутъ получать письменную форму, разсѣянные факты собираются во-едино, и люди, обманутые сходствомъ имени, приписываютъ всѣ дѣянія различныхъ героевъ одному лицу и чрезъ то низводятъ исторію на степень преисполненной чудесъ миѳологіи. Такимъ образомъ, вскорѣ послѣ того, какъ письменность утвердилась на сѣверѣ Европы, *Саксонъ-Грамматикъ* [1]) составилъ жизнеописаніе извѣстнаго Рагнара Лодброка. По случаю или съ намѣреніемъ, этому великому скандинавскому герою, заставлявшему трепетать Англію, дано было имя, которое за сто лѣтъ передъ тѣмъ носилъ одинъ изъ королей Ютландіи. Такое совпаденіе именъ двухъ различныхъ лицъ не производило никакой запутанности, пока каждая мѣстность сохраняла свои отдѣльныя преданія о своемъ Рагнарѣ. Но именно искусство письма дало возможность слить разныя событія въ одинъ разсказъ и составить изъ двухъ достовѣрныхъ преданій одно ложное. Легковѣрный лѣтописецъ Саксонъ соединилъ вмѣстѣ подвиги обоихъ Рагнаровъ, и, приписавъ ихъ одному своему любимому герою, затемнилъ тѣмъ самымъ одну изъ интереснѣйшихъ эпохъ древнѣйшей исторіи Европы.

Лѣтописи сѣвера представляютъ еще другой замѣчательный примѣръ подобнаго источника заблужденій. Одно изъ финскихъ племенъ, называемое *квинами*, владѣло значительною частью восточнаго берега Ботническаго залива. Ихъ страна называлась *Квинландіею*, и это имя подало поводъ думать, что на сѣверъ отъ Балтійскаго моря живутъ амазонки. Это заблужденіе легко бы уничтожилось при одномъ ознакомленіи съ мѣстностью; но письменность сохранила эту случайную ошибку, и нѣкоторые изъ древнѣйшихъ историковъ европейскихъ положительно увѣряли въ дѣйствительномъ существованіи такого *народа женщинъ*. Далѣе, Або, древняя столица Финляндіи, называлась прежде *Турку*, что̀ по-шведски означаетъ *рынокъ* (отъ шведскаго слова torg, т.-е. мѣсто торговли). На основаніи этого факта, Адамъ Бременскій (XI ст.), говоря о странахъ, прилегающихъ къ Балтійскому морю, утверждаетъ, что въ Финляндіи живутъ турки.

Къ этимъ примѣрамъ можно было бы присоединить еще много другихъ, для доказательства, какъ одни простыя имена могли вводить въ заблужденіе древнихъ историковъ, поддерживать ложныя из-

[1]) Датскій лѣтописецъ конца XII ст.

вѣстія, которыя, оставаясь на мѣстѣ, легко были бы исправляемы, но посредствомъ письменности перешли въ отдаленныя страны и стали такимъ образомъ внѣ опроверженія. Еще одинъ примѣръ изъ исторіи Англіи. Ричардъ I, наиболѣе варварскій изъ англійскихъ королей, получилъ отъ своихъ современниковъ прозваніе *Льва*, за свою неустрашимость и необузданность. Говорили, что у него сердце льва и назвали его въ честь того *Львиное-Сердце*. Это простое обстоятельство подало поводъ къ побасенкѣ, повторяемой безчисленными писателями, а именно, что будто онъ собственноручно убилъ льва. Имя подало поводъ къ разсказу, а разсказъ утвердилъ за Ричардомъ имя, и такимъ-то образомъ эта новая сказка присоединилась къ длинному ряду выдумокъ, изъ которыхъ почти исключительно состоитъ вся исторія среднихъ вѣковъ.

Такому искаженію исторіи, вслѣдствіе одного только введенія письменности, въ Европѣ содѣйствовало еще другое обстоятельство. Вмѣстѣ съ искусствомъ письма проникало по большей части и католичество; новая религія не только уничтожала языческія преданія, но и уцѣлѣвшія изъ нихъ успѣла исказить примѣсью къ нимъ католическихъ легендъ. Вопросъ о степени такого искаженія могъ бы служить интереснымъ предметомъ для изслѣдованія, но для большинства читателей будетъ достаточно одного, двухъ примѣровъ.

Мы имѣемъ слишкомъ мало положительныхъ свѣдѣній о древнѣйшемъ бытѣ сѣверныхъ народовъ; однако до насъ дошли многія пѣсни, въ которыхъ скандинавскіе поэты прославляютъ дѣла своихъ предковъ или современниковъ; несмотря на искаженіе, которому онѣ подвергались, лучшіе знатоки скандинавской поэзіи утверждаютъ, что ея произведенія заключаютъ въ себѣ историческую истину. Но въ IX или въ X вѣкѣ католическіе миссіонеры переплыли Балтійское море и познакомили сѣверные народы съ началами новой религіи, и съ того времени древніе историческіе источники начали искажаться. Въ концѣ XI вѣка Семундъ Зигфуссенъ, католическій монахъ, собралъ устныя народныя преданія сѣвера въ такъ называемую *древнѣйшую Эдду*, ограничиваясь на первый разъ одною прибавкою къ ней нѣсколькихъ назидательныхъ христіанскихъ гимновъ. Спустя сто лѣтъ, появился новый сборникъ мѣстныхъ преданій; но тогда христіанское начало господствовало уже давно, что̀ и отразилось на самомъ сборникѣ, извѣстномъ подъ именемъ *новѣйшей Эдды*. Въ ней мы встрѣчаемъ смѣсь греческихъ, еврейскихъ и христіанскихъ преданій; и въ первый разъ въ лѣтописяхъ Скандинавіи можно найти повсюду распространенное сказаніе о троянскомъ происхожденіи ея населенія.

Если мы обратимся къ другимъ частямъ свѣта, то найдемъ и тамъ обильныя подтвержденія нашему взгляду. Въ странахъ, гдѣ религія не измѣнялась, исторія достовѣрнѣе и связнѣе, чѣмъ въ тѣхъ, гдѣ произошла такая перемѣна. Въ Индіи браманизмъ, который и нынѣ еще господствуетъ, утвердился такъ давно, что начало его теряется въ глубокой древности. Вслѣдствіе того, туземные историческіе источники никогда не были искажаемы какимъ-нибудь новымъ суевѣріемъ, и индусы владѣютъ болѣе древними преданіями,

чѣмъ всѣ другіе азіатскіе народы. Точно такъ же китайцы сохранили въ теченіе болѣе 2000 лѣтъ религію Фо, видъ буддизма, потому-то хотя цивилизація ихъ никогда не могла сравниться съ индійскою, однакожъ у нихъ существуетъ народная исторія, если и не такая древняя, какъ увѣряютъ насъ китайцы, но все же она начинается за нѣсколько столѣтій до Р. Х. и непрерывно продолжается до нашего времени. Напротивъ, персы, которые по умственному развитію несомнѣнно стоятъ гораздо выше китайцевъ, не сохранили достовѣрныхъ извѣстій о первоначальной судьбѣ своей древней монархіи. Я не нахожу другой причины тому, кромѣ завоеванія Персіи мусульманами вскорѣ послѣ начала распространенія корана, который окончательно ниспровергнулъ религію персовъ и произвелъ тѣмъ перерывъ въ нити народныхъ преданій. Вотъ почему, кромѣ миѳа Зендавесты, мы не имѣемъ никакихъ сколько-нибудь важныхъ туземныхъ источниковъ персидской исторіи до появленія въ XI в. Шахнаме, въ которой Фердоуси смѣшалъ легенды обѣихъ религій, господствовавшихъ другъ за другомъ въ его отечествѣ. Вслѣдствіе того, еслибъ не были открыты древнѣйшіе туземные памятники, надписи и монеты, то намъ пришлось бы довольствоваться скудными и неточными извѣстіями грековъ, для того, чтобы узнать что-нибудь объ исторіи одной изъ самыхъ важныхъ азіатскихъ монархій.

Даже у самихъ варварскихъ народовъ, мы видимъ, господствуетъ то же самое начало. Малайско-полинезійское племя, какъ извѣстно этнографамъ, населяетъ огромный рядъ острововъ отъ Мадагаскара, не доходя 2000 мил. до западнаго берега американскаго материка. Первоначальною религіею этого широко растянутаго племени было многобожіе, сохраняющееся и до сихъ поръ въ своей чистѣйшей формѣ на Филиппинскихъ островахъ; но въ XV в. многіе изъ полинезійскихъ племенъ обращены были въ исламизмъ, и это обстоятельство принесло тѣ же результаты, которые я указалъ въ другихъ странахъ: новая религія, измѣнивъ направленіе народныхъ мыслей, исказила чистоту древней народной исторіи. Изъ всѣхъ острововъ индійскаго архипелага, высшей степени образованности достигла Ява, и несмотря на то, не только яванцы потеряли историческія преданія, но въ самые списки ихъ царей вставлены имена мусульманскихъ героевъ. Напротивъ, на сосѣднемъ островѣ Бали, гдѣ сохранилась еще древняя религія, народъ до сихъ поръ помнитъ древнія яванскія легенды. Другихъ доказательствъ не нужно. Я замѣчу только, что подобнымъ образомъ католическіе миссіонеры затемнили лѣтописи всѣхъ европейскихъ народовъ, которые были ими обращены въ христіанство. Такъ, они запутали и исказили преданія галловъ, валлійцевъ, ирландцевъ, англо-саксовъ, славянъ, финновъ и даже исландцевъ.

Ко всему этому присоединились еще и другія обстоятельства, имѣвшія подобное же вліяніе. Вскорѣ послѣ окончательнаго паденія римской имперіи, европейская литература была исключительно въ рукахъ духовнаго сословія, которое долго считалось единственнымъ наставникомъ человѣчества. Въ теченіе многихъ столѣтій весьма рѣдко можно было встрѣтить грамотнаго мірянина, и, конечно, еще

рѣже встрѣчался такой, который могъ бы написать книгу. Такимъ образомъ, литература сдѣлалась собственностью одного класса и, естественно, приняла его особенности. Католическое же духовенство всегда считало своимъ дѣломъ болѣе укрѣплять свою вѣру, чѣмъ поощрять критическія изслѣдованія; послѣ того неудивительно, что и въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ оно развило духъ самого сословія. Потому-то, какъ я уже замѣтилъ, литература въ теченіе многихъ вѣковъ не только не служила въ пользу обществу, но вредила ему, увеличивая легковѣріе и тѣмъ препятствуя успѣхамъ наукъ. Дѣйствительно, люди такъ привыкли ко лжи, что они были готовы всему вѣрить. Ничто не поражало ихъ жаднаго и легковѣрнаго слуха. Разсказы о знаменіяхъ, чудесахъ, явленіяхъ, особенно худыхъ примѣтахъ, чудовищно страшныхъ знакахъ на небѣ и другія безсмысленныя и пошлыя нелѣпости переходили изъ устъ въ уста, переписывались изъ книги въ книгу съ такою заботливостью, какъ будто дѣло шло о самыхъ рѣдкихъ сокровищахъ человѣческой мудрости. Что Европа, наконецъ, вновь пробудилась изъ такого состоянія—это служитъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ необыкновенной силы человѣка, ибо мы не можемъ даже и вообразить себѣ чего-нибудь болѣе неблагопріятнаго для успѣховъ образованности. Но понятно, что доколѣ такое побужденіе еще не совершилось, всеобщее легковѣріе и отсутствіе самостоятельной мысли отучало людей отъ изслѣдованія, препятствовало имъ съ успѣхомъ изучать событія прошедшаго и даже передать вѣрно то, что̀ совершалось на ихъ глазахъ.

Послѣ всего сказаннаго, мы можемъ указать три главныя причины искаженія исторіи въ средніе вѣка. Во-первыхъ, быстрое введеніе письменности и послѣдовавшее затѣмъ смѣшеніе различныхъ мѣстныхъ сказаній, которыя въ отдѣльности были вѣрны, но взятыя вмѣстѣ—ложны. Во-вторыхъ, перемѣна религіи—перемѣна, которая не только прервала нить преданій, но и исказила его чуждою примѣсью; и наконецъ, въ-третьихъ, безъ сомнѣнія, сильнѣйшею причиною искаженія было сосредоточеніе историческихъ занятій въ классѣ людей, нравы и дѣятельность которыхъ дѣлали ихъ легковѣрными, и которые, сверхъ того, имѣли прямой интересъ въ томъ, чтобы увеличивать вообще легковѣріе, ибо на этомъ послѣднемъ основывалось ихъ значеніе.

Этими тремя средствами исторія Европы была искажена въ такой степени, которая не имѣетъ ничего себѣ подобнаго ни въ какомъ другомъ періодѣ. То обстоятельство, что тогда совсѣмъ не было исторіи, составляетъ еще самое меньшее зло; но, къ несчастью, люди не удовольствовались утайкою истины: они замѣнили ее изобрѣтенными вымыслами. Между безчисленными родами вымысловъ, замѣчателенъ особенно тотъ, который свидѣтельствуетъ о любви къ археологіи, что̀ составляетъ характеристическую черту людей, писавшихъ въ то время исторію. Я разумѣю вымыслы о происхожденіи народовъ—вымыслы, въ которыхъ ясно виденъ весь духъ средневѣковой. Въ теченіе многихъ вѣковъ каждый европейскій народъ вѣрилъ, что онъ происходитъ отъ предковъ, участвовавшихъ при осадѣ

Трои. Никому не приходило въ голову усомниться въ этомъ фактѣ. Споръ шелъ только о томъ, отъ кого именно происходили отдѣльныя націи. Однакожъ, и касательно этого вопроса образовалось извѣстное единогласіе; такъ—не говоря о второстепенныхъ народахъ—полагали, что французы происходятъ отъ Франка, и всякій зналъ, что это былъ сынъ Гектора; точно также было тогда извѣстно, что бритты произошли отъ Брута, отцомъ котораго былъ не кто другой, какъ самъ Эней.

Великіе историки среднихъ вѣковъ были столь же сообщительны и касательно происхожденія разныхъ городовъ. Въ извѣстіяхъ о нихъ, равно какъ и въ біографіяхъ великихъ людей разсказъ начинается обыкновенно съ древнѣйшихъ временъ, и нерѣдко въ своихъ подробностяхъ восходитъ до того момента, когда Ной оставилъ свой ковчегъ, или когда Адамъ покинулъ врата Эдема. При другихъ случаяхъ древность, приписываемая ими предмету своего разсказа, бываетъ не такъ отдалена; но все же сообщаемыя ими извѣстія всегда восходятъ очень далеко. Такъ, нѣкоторые утверждаютъ, что Парижъ (Paris) названъ по имени Париса [1]), сына Пріама, который бѣжалъ туда послѣ разоренія Трои; городъ же Туръ получилъ, по ихъ мнѣнію, свое имя оттого, что тамъ былъ погребенъ троянецъ Туронъ, а что г. Троа (Troyes, во Франціи) построенъ самими троянцами, это очевидно изъ самой этимологіи. Всѣ были убѣждены, что Нюренбергъ получилъ свое названіе отъ императора Нерона; Іерусалимъ—отъ царя Іеба (Iebus), лица весьма извѣстнаго въ средніе вѣка, и въ подлинномъ существованіи котораго позднѣйшіе историки никакъ не могли убѣдиться. Рѣка Гумберъ названа такъ потому, что въ древнія времена здѣсь будто бы потонулъ какой-то царь гунновъ. Галлы произошли, согласно мнѣнію однихъ—отъ Галатіи, ведшей свой родъ отъ Іафета, а по мнѣнію другихъ—отъ Гомера, сына Іафета. Пруссаки названы такъ по имени Прусса, брата Августа. Но эта послѣдняя генеалогія была еще весьма поздняя. Силезія получила свое названіе отъ имени пророка Елисея. Напротивъ, годъ основанія Цюриха составлялъ предметъ спорный; достовѣрно было только то, что этотъ городъ былъ основанъ въ эпоху Авраама. Непосредственно отъ Авраама и Сары происходятъ также цыгане. Кровь же сарацынъ была не такъ чиста, ибо они происходятъ отъ одной только Сары—какимъ образомъ, не говорится: вѣроятно, отъ другого брака, и, можетъ быть, она зачала родоначальника сарацынъ еще въ Египтѣ. Во всякомъ случаѣ, шотландцы происходятъ изъ Египта, какъ потомки какой-то Скотты, дочери Фараона, отъ которой они получили самое имя. И о многихъ другихъ предметахъ средневѣковые писатели сообщаютъ намъ въ этомъ же родѣ драгоцѣнныя свѣдѣнія. Такъ, всѣ знали, что Неаполь построенъ на яйцахъ; столь же достовѣрно было извѣстно, что рыцарскій орденъ св. Михаила былъ основанъ лично архангеломъ Михаиломъ. Онъ самъ былъ первымъ рыцаремъ, и все рыцарство обязано ему своимъ происхожденіемъ. Татары естественно

---

[1]) См. объ этомъ въ превосходномъ сочин. Monteil, Histoire de divers états, V, 70.

происходятъ отъ Тартара. Этотъ же послѣдній, по мнѣнію однихъ теологовъ, былъ только низшій слой ада, по мнѣнію же другихъ—настоящій адъ. Но какъ бы то ни было, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что татары родились въ преисподней, а это доказывается различными обстоятельствами, свидѣтельствовавшими о роковомъ и таинственномъ вліяніи, которое они могли имѣть. Такъ турки тождественны татарамъ, и извѣстно, что съ тѣхъ поръ какъ крестъ попалъ въ руки турокъ, у дѣтей христіанъ стало десятью зубами меньше, чѣмъ прежде—бѣдствіе столь общее, что противъ него не было даже никакого медицинскаго средства.

Другіе историческіе вопросы, касающіеся болѣе древнихъ событій, объяснялись съ такою же легкостью. Въ Европѣ въ теченіе многихъ вѣковъ свинина составляла единственную общеупотребительную животную пищу; говядина, телятина и баранина были почти не употребляемы. Съ немалымъ удивленіемъ услышали въ Европѣ отъ крестоносцевъ, возвратившихся съ востока, что они были у народа, который, подобно евреямъ, считаетъ свинину нечистою и не ѣстъ ее. Но это удивленіе разсѣялось, когда узнали причину такого обычая. За этотъ предметъ взялся Матвѣй Парижскій, замѣчательнѣйшій историкъ XIII вѣка и вообще одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ средневѣковыхъ писателей. Этотъ-то знаменитый историкъ сообщаетъ намъ, что мусульмане не ѣдятъ свинины вслѣдствіе одного довольно страннаго казуса, случившагося съ ихъ пророкомъ. Мы узнаемъ отъ него, что Магометъ однажды такъ наѣлся и напился, что упалъ безъ чувствъ и заснулъ на навозной кучѣ, гдѣ замѣтило его въ этомъ позорномъ состояніи стадо свиней. Свиньи бросились на пророка и задушили его. Поэтому мусульмане, его послѣдователи, презираютъ свинью и не ѣдятъ свинины. Такимъ замѣчательнымъ случаемъ объясняется одна изъ главныхъ особенностей мусульманской религіи; другой же подобный случай указываетъ намъ, какъ произошла эта религія вообще. Извѣстно, что Магометъ былъ кардиналомъ и сдѣлался еретикомъ потому, что ему не удалось достигнуть папскаго достоинства.

Средневѣковые историки были особенно любознательны въ отношеніи древнѣйшей исторіи христіанства, и сохранили намъ извѣстія о событіяхъ, которыя безъ того остались бы намъ совершенно неизвѣстны. Послѣ Фроасара замѣчательнѣйшимъ историкомъ XIV ст. былъ, безъ сомнѣнія, Матвѣй Вестминстерскій, съ именемъ котораго знакома навѣрное большая часть нашихъ читателей. Этотъ-то знаменитый писатель обратилъ свое вниманіе, между прочимъ, на исторію Іуды, чтобы раскрыть ближайшія обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ развился характеръ этого архи-отступника. Изслѣдованія его были, какъ кажется, очень обширны, но главнымъ результатомъ ихъ было слѣдующее. Еще въ дѣтствѣ Іуда былъ брошенъ своими родителями и оставленъ на островѣ, называвшемся Искаріотъ — отсюда онъ получилъ свое названіе *Искаріотскій*; когда же Іуда выросъ, прибавляетъ этотъ историкъ, онъ, между прочимъ, убилъ своего отца и женился на своей матери. Въ другомъ отдѣлѣ своей исторіи онъ упоминаетъ объ одномъ случаѣ, который можетъ за-

интересовать изучающихъ древности папскаго престола. Въ средніе вѣка было возбуждено сомнѣніе касательно вопроса, прилично ли цѣловать папѣ ноги, и даже теологи не всѣ были согласны между собою относительно этой странной церемоніи; но Матвѣй Вестминстерскій разрѣшаетъ эти затрудненія, сообшая свѣдѣнія объ истинномъ происхожденіи самого обычая. Прежде, разсказываетъ онъ, было въ обыкновеніи цѣловать папѣ руку, но около VIII вѣка одна подозрительная женщина не только поцѣловала папѣ руку, но и пожала ее. Папа — его звали Львомъ — считая себя оскверненнымъ такимъ прикосновеніемъ, отрѣзалъ себѣ руку и тѣмъ избавился отъ оскверненія, которому подвергся. Съ тѣхъ поръ приняли мѣру предосторожности, и было повелѣно вмѣсто руки цѣловать папѣ ногу; а дабы никто не усомнился въ справедливости этого извѣстія, историкъ увѣряетъ, что та рука, отрѣзанная за 500 или 600 лѣтъ, хранится въ Римѣ и—такое чудо—ее и тогда можно было видѣть въ Латеранѣ въ ея первоначальномъ видѣ, неиспорченною. Но такъ какъ нѣкоторые читатели могли бы захотѣть, быть можетъ, знать что-нибудь объ этомъ Латеранѣ, гдѣ хранится та рука, то нашъ историкъ и на это обратилъ свое вниманіе въ другой части своего огромнаго сочиненія, гдѣ онъ восходитъ до временъ Нерона; оказывается, что этотъ жестокій гонитель вѣры Христовой выплюнулъ однажды, по словамъ нашего историка, лягушку, покрытую кровью, и считая ее своимъ дѣтищемъ, велѣлъ заключить ее въ склепъ, гдѣ она долгое время и оставалась. По-латыни же *latere* значитъ скрывать, а *rana*—лягушка; если соединить эти оба слова, то получимъ *Латеранъ*, который въ самомъ дѣлѣ былъ построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ была найдена лягушка.

Можно было бы наполнить цѣлые томы подобными разсказами, въ которые смиренно вѣрили въ тѣ времена мрака, или, вѣрнѣе сказать, во времена легковѣрія. Это было золотое время для католическаго духовенства, ибо легковѣріе людей достигло той степени, которая, казалось, упрочила за нимъ долгое и всеобщее господство. Какъ эти католическія надежды впослѣдствіи помрачились и какъ человѣческая мысль стала потомъ возмущаться — это мы разскажемъ въ другомъ мѣстѣ нашего изслѣдованія, гдѣ мы попытаемся показать происхожденіе свѣтскаго и скептическаго духа, которому Европа обязана своею цивилизаціею. Но, прежде того, будетъ кстати привести еще нѣсколько образчиковъ средневѣковыхъ воззрѣній, и для того я хочу избрать два историческихъ преданія, которыя были наиболѣе популярны, имѣли наибольшее вліяніе, и въ которыя болѣе всего вѣрили.

Таковы были разсказы объ Артурѣ и Карлѣ Великомъ. Оба эти разсказа составлены весьма важными католическими прелатами, и потому передавались съ тѣмъ уваженіемъ, которое подобаетъ ихъ высокимъ авторамъ. Разсказъ о Карлѣ называется „Лѣтописью Турпина“, которая была будто бы написана Турпиномъ, архіепископомъ реймскимъ, другомъ и ратнымъ товарищемъ самого императора. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ лѣтописи можно было бы заключить, что она составлена только въ началѣ XII вѣка; но въ средніе вѣка не были

слишкомъ точны въ такого рода вопросахъ, и было бы невѣроятно, чтобы кто-нибудь тогда вздумалъ оспаривать подлинность ея. Имя архіепископа реймскаго было, конечно, достаточною рекомендаціею, и такимъ образомъ мы видимъ, что въ 1122 году лѣтопись была формально одобрена папою, и Вицентій Бовезскій (Vincent de Bauvais), одинъ изъ знаменитѣйшихъ писателей XIII вѣка и наставникъ сыновей Людовика IX, упоминаетъ объ этой лѣтописи, какъ о важномъ сочиненіи и какъ о главномъ источникѣ исторіи Карла Великаго.

Подобное сочиненіе, читавшееся тогда повсемѣстно и одобренное самыми компетентными судьями, можетъ служить достаточнымъ масштабомъ для оцѣнки историческихъ знаній и взглядовъ того времени. Потому для нашей цѣли будетъ полезно вкратцѣ познакомить читателя съ этимъ сочиненіемъ. Оно покажетъ намъ, какъ крайне медленно успѣвала исторія въ умахъ людей, какъ она едва замѣтно подвигалась впередъ, прежде нежели великіе мыслители XVIII вѣка вдохнули въ нее настоящую жизнь.

Изъ лѣтописи Турпина мы узнаемъ, что нападеніе Карла на Испанію было совершено по непосредственному побужденію св. Іакова, брата св. Іоанна. Этотъ апостолъ, который былъ виновникомъ нападенія, принялъ и мѣры для обезпеченія его успѣха. Когда Карлъ Великій осаждалъ Пампелуну, городъ этотъ упорно сопротивлялся; но когда осаждающіе совершили молитву, стѣны города вдругъ пали. Затѣмъ императоръ быстро покорилъ всю страну, истребилъ почти всѣхъ мусульманъ и построилъ безчисленное множество церквей. Но средства сатаны неистощимы. Въ рядахъ непріятеля является тогда исполинъ, по имени Ферракутъ, происходившій отъ древняго Голіаѳа. Этотъ Ферракутъ былъ страшнѣйшій противникъ, какого только встрѣчали христіане. Сила его равнялась силамъ сорока человѣкъ; лицо его было въ локоть длины, руки и ноги въ четыре локтя, а ростомъ онъ былъ въ 20 локтей. Карлъ Великій посылалъ противъ него своихъ сильнѣйшихъ воиновъ, но исполинъ съ легкостью побѣждалъ ихъ. О дивной же силѣ его можно составить себѣ понятіе по тому факту, что каждый палецъ его былъ въ три кисти руки длиною. Христіане пришли въ отчаяніе; напрасно двадцать отборныхъ воиновъ выступили противъ него — никто изъ нихъ не возвращался съ боя. Ферракутъ забралъ ихъ всѣхъ подъ мышки, и унесъ въ плѣнъ. Наконецъ выступилъ славный Роландъ и вызвалъ его на жизнь и на смерть. Наступилъ упорный бой и христіанинъ, не предвидя желаннаго успѣха, завлекъ своего противника въ богословскій споръ. На этомъ поприщѣ язычникъ легко былъ побѣжденъ, а Роландъ, воспламененный диспутомъ, бросился на противника, ударилъ великана мечемъ и нанесъ ему смертельную рану. Такъ погибла послѣдняя надежда мусульманъ; христіанское оружіе вполнѣ восторжествовало, и Карлъ Великій раздѣлилъ Испанію между своими удалыми сподвижниками, помогавшими ему покорить страну.

Объ исторіи Артура средніе вѣка имѣютъ такія же точныя свѣдѣнія. Относительно подвиговъ этого знаменитаго короля были пущены въ ходъ самые различные разсказы; но ихъ достоинство до-

сихъ поръ еще не было опредѣлено. Въ началѣ XII столѣтія этотъ предметъ обратилъ на себя вниманіе Жоффрея (Geoffrey of Monmouth), знаменитаго архидіакона монмаутскаго. Этотъ замѣчательный человѣкъ издалъ въ 1147 году результаты своихъ изслѣдованій въ сочиненіи, названномъ имъ „Исторіею Бриттовъ". Въ ней онъ разсматриваетъ вопросъ съ широкой точки зрѣнія и не только разсказываетъ исторію Артура, но приводитъ и обстоятельства, приготовившія появленіе этого великаго завоевателя. Относительно описанія дѣяній Артура Жоффрей былъ очень счастливъ, такъ какъ его другъ Вальтеръ, архидіаконъ оксфордскій, одинаково заинтересованный исторіею, собралъ матеріалъ для этой части его сочиненія. Такимъ образомъ, этотъ трудъ принадлежитъ двумъ архидіаконамъ и заслуживаетъ потому полнаго вниманія, даже если бы онъ и не былъ однимъ изъ популярнѣйшихъ явленій средневѣковой литературы.

Первую часть этого обширнаго труда занимаютъ результаты изслѣдованій архидіакона монмаутскаго о состояніи Британіи до вступленія Артура на престолъ. Эта часть насъ не касается; замѣтимъ только, что при этомъ архидіаконъ утверждаетъ, что послѣ взятія Трои Асканій бѣжалъ изъ этого города и имѣлъ сына, который и былъ отцемъ Брута. Въ то время Англія была населена исполинами, и всѣ они были убиты Брутомъ. По истребленіи этого племени, онъ построилъ Лондонъ, привелъ въ порядокъ земскія учрежденія и назвалъ страну по своему имени *Британіею.* Архидіаконъ продолжаетъ далѣе разсказывать о дѣяніяхъ цѣлаго ряда королей, слѣдовавшихъ за Брутомъ. Почти всѣ они были отличные люди, а нѣкоторые изъ нихъ сверхъ того замѣчательны по чудесамъ, совершившимся въ ихъ царствованіе. Такъ, въ царствованіе Ривалло, три дня сряду шелъ кровавый дождь, а въ царствованіе Морвида какое-то страшное подводное чудовище опустошило морской берегъ. Оно поглотило безчисленное множество людей, а наконецъ и самого короля.

Такія и подобныя событія архидіаконъ монмаутскій сообщаетъ, какъ результатъ своихъ собственныхъ изслѣдованій; но въ исторіи самого Артура ему помогалъ другъ его, архидіаконъ оксфордскій. Оба архидіакона свидѣтельствуютъ, что король Артуръ былъ обязанъ своимъ существованіемъ волшебству знаменитаго чародѣя Мерлина; подробности этого происшествія разсказываются обоими историками съ такою точностью, которая кажется странною при духовномъ санѣ авторовъ. Дѣянія Артура соотвѣтствовали его сверхъестественному происхожденію. Ничто не могло противостоять его силѣ. Онъ умертвилъ безчисленное множество саксовъ, прошелъ съ войскомъ Норвегію, напалъ на Галлію, поселился въ Парижѣ и приготовлялся къ завоеванію всей Европы. Онъ имѣлъ поединокъ съ двумя исполинами и умертвилъ ихъ обоихъ. Одинъ изъ нихъ жилъ на горѣ св. Михаила и былъ ужасомъ всей окрестности; онъ убивалъ всѣхъ воиновъ, которыхъ противъ него посылали, если только не забиралъ ихъ въ плѣнъ, чтобы съѣсть живьемъ. Но и онъ палъ отъ неотразимыхъ ударовъ Артура. Точно такъ же дѣйствовалъ другой исполинъ Рито, который былъ, пожалуй, еще страшнѣе, ибо онъ

не удовольствовался убіеніемъ простого народа, но одѣвался въ платье, сотканное изъ бородъ убитыхъ имъ королей.

Вотъ извѣстія, которыя въ XII столѣтіи предлагались публикѣ подъ именемъ исторіи, и предлагались не какими-нибудь неизвѣстными писателями, но высокими сановниками церкви. Все служило къ обезпеченію успѣха того произведенія. Составителями его были архидіаконы монмаутскій и оксфордскій; посвящено оно было графу глостерскому, сыну англійскаго короля Генриха I, и считалось такимъ важнымъ пособіемъ для національной исторіи, что первый его авторъ возведенъ былъ въ санъ епископа азафскаго (Asaph, мѣстечко въ Валлисѣ); при чемъ было именно сказано, что этимъ повышеніемъ онъ обязанъ своимъ изслѣдованіямъ объ исторіи Англіи. Подобное сочиненіе, удостоившееся всевозможныхъ одобреній, можетъ служить вѣрнымъ мѣриломъ цивилизаціи того вѣка, въ которомъ ему удивлялись. Это чувство удивленія дѣйствительно было такъ всеобще, что въ теченіе многихъ столѣтій нашлось только два-три критика, усомнившихся въ вѣрности тѣхъ показаній. Извлеченіе изъ этой книги было издано на латинскомъ языкѣ извѣстнымъ историкомъ Беверлеемъ, а для дальнѣйшаго его распространенія оно было переведено на англійскій языкъ Лайямономъ и на англо-нормандскій — сперва Гаймаромъ, а потомъ Васомъ (Wace). Эти ревностные люди желали по возможности распространить важныя истины, сообщаемыя тѣмъ твореніемъ.

Едва ли нужно приводить другіе примѣры, чтобы показать, какъ писалась исторія въ средніе вѣка; приведенные нами примѣры взяты не наугадъ, а выбраны изъ лучшихъ и знаменитѣйшихъ писателей; они даже даютъ намъ еще весьма выгодную идею о познаніяхъ и образѣ мыслей тогдашней Европы. Въ XIV и XV вѣкѣ впервые начинаютъ появляться слабые симптомы приближающейся перемѣны въ понятіяхъ; но только въ концѣ XVI, или даже въ началѣ XVII вѣка, эта перемѣна дѣлается чувствительною. Но хотя такое движеніе и обнаружилось еще въ XVII столѣтіи, однако только въ половинѣ XVIII в. сдѣлана была настоящая попытка поставить исторію на болѣе независимую точку зрѣнія. Въ это время взялись за такую задачу прежде всего великіе французскіе мыслители, затѣмъ одинъ или два шотландца, и нѣсколько лѣтъ спустя начали трудиться въ этомъ смыслѣ и нѣмцы. Такая реформа исторіи находилась въ связи съ другими умственными переворотами, ей соотвѣтствующими, и которые имѣли вліяніе на соціальныя отношенія всѣхъ главныхъ странъ Европы. Я не хочу забѣгать впередъ и замѣчу только, что до конца XVI вѣка не только не было исторіи, но состояніе общества дѣлало даже невозможнымъ ея появленіе. Знаніе въ Европѣ не было еще достаточно зрѣло, чтобы съ успѣхомъ можно было его обратить на изученіе минувшихъ событій. Мы не должны думать, что ошибки прежнихъ историковъ произошли отъ недостатка ихъ природныхъ способностей. Вообще, умъ человѣческій всегда, вѣроятно, одинъ и тотъ же, но давленіе на него общества постоянно измѣняется, и такимъ образомъ общее состояніе массы въ прежнее время заставляло умнѣйшихъ писателей вѣрить въ са-

мыя нелѣпыя ребячества. Пока не измѣнилось это состоянiе, исторiя была невозможна, ибо трудно было встрѣтить человѣка, который зналъ бы, что̀ достаточно важно, чтобы быть переданнымъ въ исторiю, что̀ должно отвергать, и чему должно вѣрить.

Потому-то если исторiя въ XV и XVI вѣкѣ изучалась такими свѣтлыми умами, какъ Макiавелли и Бодэнъ [1]), то они не могли сдѣлать изъ нея лучшаго употребленiя, какъ избрать ее орудiемъ политическихъ теорiй, и ни въ одномъ изъ ихъ сочиненiй мы не находимъ ни малѣйшей попытки возвыситься до общихъ взглядовъ, которые могли бы обнять всѣ общественныя явленiя. То же самое должно сказать о Комминѣ [2]), который хотя стоялъ ниже Макiавелли и Бодэна, но былъ необыкновенно тонкiй наблюдатель и въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ характеровъ показалъ много проницательности. Но этимъ онъ былъ обязанъ своему уму, между тѣмъ какъ вѣкъ (XV ст.), въ которомъ онъ жилъ, дѣлалъ его суевѣрнымъ, а относительно великихъ цѣлей исторiи крайне близорукимъ. Близорукость его поразительно обнаруживается въ его полнѣйшемъ невѣдѣнiи того великаго умственнаго движенiя, которое въ то время стремительно низвергало феодальныя учрежденiя среднихъ вѣковъ; онъ ни разу не намекаетъ на это движенiе, и обращаетъ все свое вниманiе на тѣ тривiальныя политическiя интриги, въ которыхъ, по его мнѣнiю, заключается исторiя. Что касается его суевѣрiя, то было бы излишне представлять образчики того, ибо человѣку XV вѣка невозможно было сохранить свой умъ здравымъ среди всеобщаго легковѣрiя. Замѣчу только, что хотя онъ лично былъ знакомъ съ государственными людьми и дипломатами, и имѣлъ потому хорошiй случай усмотрѣть, что самыя многообѣщательныя предпрiятiя разбивались о неспособность тѣхъ, которые предпринимали ихъ, тѣмъ не менѣе онъ во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ приписывалъ неудачу не дѣйствительнымъ причинамъ, но непосредственному вмѣшательству божества.

Такiя попытки сдѣлать политику прибавленiемъ къ богословiю характеризуютъ то время, и тѣмъ болѣе представляютъ интереса, что онѣ принадлежатъ человѣку съ большимъ талантомъ, состарѣвшемуся въ опытѣ общественной жизни. Если такiя мнѣнiя высказываются не католическимъ монахомъ за монастырскою оградою, а отличнымъ государственнымъ человѣкомъ, искуснымъ въ дѣлахъ общественныхъ, то мы можемъ себѣ представить, каково вообще должно было быть умственное состоянiе тѣхъ, которые во всѣхъ отношенiяхъ стояли ниже его. Очевидно, что отъ нихъ ничего нельзя было ожидать, и что нужно было сдѣлать много шаговъ, пока Европа могла выйти изъ того легковѣрiя, въ которое она была погружена, и пока она могла прервать тѣ преграды, которыя стояли на пути ея къ прогрессу.

Но хотя оставалось еще много сдѣлать, однако, нельзя усомниться въ томъ, что движенiе продолжало идти впередъ, и даже въ то время, когда писалъ Комминъ, начали уже являться несомнѣнные признаки

---

[1]) Bodin—первый публицистъ Францiи; жилъ въ половинѣ XVI вѣка и въ своихъ идеяхъ о государственномъ устройствѣ былъ предшественникомъ Монтескьё.

[2]) Commines—авторъ мемуаровъ временъ Людовика XI.

великой и рѣшительной перемѣны. Впрочемъ, все это было только намекомъ на то, что̀ приближалось; и прошло еще около столѣтія послѣ смерти Коммина, пока прогрессъ со всѣми своими послѣдствіями сдѣлался очевиднымъ; ибо хотя протестантская реформація была слѣдствіемъ этого прогресса, но она однакожъ долго еще мѣшала ему: она направила наиболѣе талантливыхъ людей на изслѣдованія такихъ вопросовъ, которые недоступны человѣческому разуму, и отвлекала ихъ отъ такихъ предметовъ, гдѣ ихъ усилія были бы полезны для общихъ цѣлей цивилизаціи. Поэтому-то мы видимъ, что до конца XVI вѣка дѣйствительно очень мало сдѣлано для исторіи. Но вскорѣ теологическое рвеніе протестантовъ улеглось какъ въ Англіи, такъ и во Франціи, гдѣ приготовленъ былъ путь для той философіи, толкователями которой (но никакъ не творцами) были Бэконъ и Декартъ. Эта эпоха принадлежитъ XVII столѣтію, и ею мы можемъ начать умственное возрожденіе Европы, точно такъ же, ка̀къ мы XVIII столѣтіе считаемъ началомъ соціальнаго возрожденія ея. Но въ теченіе бо̀льшей части XVI в. легковѣріе было еще всеобщее, ибо оно было сильно не только въ низшихъ и необразованныхъ массахъ, но и въ тѣхъ, которыя получили самое лучшее воспитаніе. Это можно подтвердить безчисленными доказательствами; для краткости я ограничусь двумя, которыя наиболѣе поразительны по сопровождавшимъ ихъ обстоятельствамъ и по вліянію ихъ на такого рода людей, которые, казалось бы, не должны были подвергаться подобнымъ заблужденіямъ.

Въ концѣ XV и въ началѣ XVI в. знаменитый астрономъ Стёфлеръ былъ профессоромъ математики въ Тюбингенѣ. Этотъ замѣчательный человѣкъ оказалъ астрономіи большія услуги, и одинъ изъ первыхъ указалъ на способы исправленія юліанскаго календаря, по которому тогда вели времясчисленіе. Но ни талантъ, ни знанія не защитили его отъ духа времени. Въ 1524 году онъ издалъ результатъ мистическихъ исчисленій, которыми онъ долго занимался, и при посредствѣ которыхъ онъ сдѣлалъ замѣчательное открытіе, что въ томъ же году земля вновь будетъ залита потопомъ. Эта публикація, сдѣланная такимъ человѣкомъ и съ крайнею увѣренностью, произвела сильное и всеобщее безпокойство. Извѣстіе о предстоящемъ бѣдствіи быстро распространилось и наполнило ужасомъ всю Европу. Для избѣжанія первой опасности люди покидали свои дома, стоявшіе на рѣкахъ или на морско̀мъ берегу, между тѣмъ какъ другіе поняли, что такія средства могутъ быть только временною отсрочкою и принимали болѣе дѣйствительныя мѣры предосторожности. Предлагали, чтобы императоръ Карлъ V предварительно назначилъ людей для осмотра страны и для назначенія тѣхъ мѣстъ, которыя наименѣе могутъ подвергаться потопу и навѣрное могли бы послужить убѣжищемъ. Этого желалъ императорскій полководецъ, стоявшій тогда во Флоренціи, и по настоянію котораго написана была книга, предлагавшая эти мѣры. Но умы людей были слишкомъ взволнованы для такой благоразумной мѣры, и сверхъ того, такъ какъ никто не зналъ, какой высоты достигнетъ потопъ, то никто не могъ сказать, не покроетъ ли вода вершины даже самыхъ высокихъ горъ? Среди этихъ и подобныхъ предложеній наступилъ роковой день, а между тѣмъ не было еще при-

нято никакихъ рѣшительныхъ мѣръ противъ угрожавшей опасности. Перечислить всѣ предложенныя и отвергнутыя мѣры было бы слишкомъ долго. Объ одной изъ нихъ стоитъ упомянуть, такъ какъ она была съ усердіемъ приведена въ исполненіе и характеризовала ту эпоху. Нѣкто, по имени Авріоль, профессоръ каноническаго права въ тулузскомъ университетѣ, размышлялъ о различныхъ средствахъ къ предупрежденію этого всеобщаго бѣдствія. Наконецъ, ему пришла мысль, что можно сдѣлать то же, что̀ совершилъ съ такимъ успѣхомъ патріархъ Ной въ подобномъ же случаѣ. Едва только мысль эта была заявлена, какъ она и была осуществлена. При помощи жителей Тулузы былъ построенъ ковчегъ, въ надеждѣ, что хотя часть населенія земли будетъ спасена для продолженія рода человѣческаго, когда понизится вода и обсохнетъ земля.

Спустя лѣтъ 70 послѣ этой тревоги, случилось другое событіе, долго занимавшее знаменитѣйшихъ людей въ одномъ изъ первоклассныхъ государствъ Европы. Въ концѣ XVI столѣтія вызвано было сильное движеніе распространившимся тогда слухомъ, что въ Силезіи родилось дитя съ золотымъ зубомъ. По слѣдствію, слухъ этотъ оказался справедливымъ. Невозможно было скрыть это отъ народа; чудо вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ во всей Германіи, всѣ считали его таинственнымъ предзнаменованіемъ, и всѣ въ страхѣ ломали себѣ голову, что̀ могло бы означать это явленіе. Впервые раскрылъ истину докторъ Горстъ. Въ 1595 году этотъ отличный медикъ опубликовалъ результаты своихъ изслѣдованій; онъ указалъ на то обстоятельство, что при рожденіи дитяти солнце сошлось съ Сатурномъ въ знакѣ Овна. Итакъ, событіе это, хотя сверхъестественно, но нисколько не опасно. Золотой зубъ былъ предвѣстникомъ золотого вѣка, когда императоръ выгонитъ турокъ изъ Европы и положитъ основаніе новой имперіи, которая просуществуетъ тысячу лѣтъ. „На все это,—говоритъ Горстъ,—есть ясные намеки у пр. Даніила въ извѣстной второй главѣ, гдѣ онъ говоритъ объ изображеніи съ золотою головою“.

Бöкль.

Hist. of the civil. in Engl. I, гл. 6.

См. примѣч. къ ст. 6.

---

9. — Эпохи исторіи человѣчества вообще и среднихъ вѣковъ въ особенности.

(1725 г.)

Порядокъ идей слѣдуетъ за порядкомъ вещей; *порядокъ человѣческихъ вещей* требуетъ слѣдующей послѣдовательности: сначала люди укрываются въ *лѣсахъ*, потомъ въ *шалашахъ*, затѣмъ въ *селеніяхъ*, наконецъ въ *городахъ*, гдѣ они устраиваютъ *академіи*. Это предложеніе составляетъ *главное правило этимологіи*, которая научаетъ насъ,

что *исторія первыхъ языковъ* можетъ быть легко отыскана и возстановлена на основаніи того *порядка человѣческихъ вещей.* Такъ, мы замѣчаемъ, что бо́льшая часть словъ *латинскаго языка* имѣетъ происхожденіе въ той эпохѣ, когда римляне были *дикарями* и *земледѣльцами.* Напримѣръ, слово *lex* (законъ) означало прежде *уборку желудей*, откуда произошло слово *ilex* или *illex*, дубъ; *aquilex* (водовозъ) означало, безъ сомнѣнія, *собирателя* (raccoglitore) *водъ*; позже *lex* обозначало *уборку овощей*, откуда происходитъ слово *legumina* (овощи); потомъ, когда еще буквы для написанія законовъ не были изобрѣтены, *lex* должно было означать *собраніе гражданъ*, т.-е. парламентъ; оно выражало то, что народъ въ своемъ присутствіи дѣлалъ законы, которыми признавалась сила опредѣленій, постановленныхъ въ собраніи. Наконецъ, искусство *соединять буквы* въ отдѣльныя группы или слова было названо *legere* (читать).

Люди управляются сначала *необходимостью*; позже они заботятся о *полезномъ*; ищутъ *удобнаго* и затѣмъ *пріятнаго*; тогда они опять погибаютъ отъ *роскоши*, и, наконецъ, безразсудно растрачиваютъ то, чѣмъ *владѣютъ*.

Сначала *народы* являются *жестокими*, потомъ *строгими*, далѣе *добрыми*, *нѣжными*, и наконецъ изнѣживаются.

Исторія рода человѣческаго представляетъ намъ сначала людей жестокими и грубыми, какими были *Полифемы*; затѣмъ слѣдуютъ великодушные и славолюбивые, какъ *Ахиллесы*; потомъ являются мужественные и справедливые, какъ *Аристиды* и *Сципіоны*; приближаясь къ своей эпохѣ, мы встрѣчаемъ людей, которые соединяютъ съ призрачностью великихъ доблестей дѣйствительность величайшихъ пороковъ и снискиваютъ у толпы репутацію громкой славы. Мы говоримъ объ *Александрахъ* и *Цезаряхъ*; позже являются мрачныя, угрюмыя, разсчитывающія личности, каковы *Тиберіи*, и все это заключается развратомъ, бѣшенствомъ и безстыдствомъ *Калигулъ*, *Нероновъ Домиціановъ.* Эта аксіома показываетъ намъ, что *перваго* рода люди были необходимы для подчиненія человѣка человѣку въ *семейномъ быту* и для приготовленія его къ повиновенію законамъ *городского быта*; люди *второго* рода необходимы для подчиненія семейнаго быта *аристократической республикѣ; третьи* открываютъ путь къ *общественной свободѣ*; *четвертые* вводятъ *монархическую форму*; *пятые* устанавливаютъ ее и утверждаютъ; *шестые* и *послѣдніе* содѣйствуютъ къ ея ниспроверженію. Это размышленіе, вмѣстѣ съ предыдущимъ, даетъ намъ въ руки часть *принциповъ вѣчной и идеальной исторіи*, въ которой мы увидимъ, что *всѣ націи* идутъ однимъ и тѣмъ же путемъ въ своемъ *рожденіи*, *развитіи*, *устройствѣ*, *разложеніи* и *паденіи*...

Единообразный путь націй, на основаніи раздѣленія по *тремъ возрастамъ*, установленнаго египтянами, представляетъ: *божескій*, *геройскій* и *человѣческій* возрасты, потому что въ каждой націи мы замѣчаемъ *тройную природу.* Эта тройная природа представляетъ три рода нравовъ, три рода права, три рода языка и письменности, три рода власти, и все это соотвѣтствуетъ тѣмъ тремъ возрастамъ...

Мы нѣсколько разъ указывали на поразительное сходство, которое представляютъ между собою *времена перваго варварства* (древней

исторіи) и *времена второго варварства* (средней исторіи). Послѣднія болѣе темны первыхъ, хотя Варронъ и называетъ ихъ темными временами. Утвердивъ сверхъестественными путями истину христіанской религіи, доблестью мучениковъ доказавъ ея превосходство предъ римскою силою, и чудесами и твореніями Отцовъ обнаруживъ превосходство ея мудрости надъ греческою мудростью, Богъ, предвидя борьбу, которую предстояло религіи выдержать противъ новыхъ воинственныхъ народовъ, дозволилъ, чтобы между людьми установился *новый порядокъ образованности*, и содѣйствовалъ ему къ занятію надлежащаго мѣста. Съ этою цѣлью былъ возвращенъ *божескій возрастъ* (открывающій собою исторію среднихъ вѣковъ), когда католическіе короли, защитники христіанской религіи, облачались въ ризы діаконовъ и посвящали свою королевскую особу Богу, отчего и до сихъ поръ они носятъ титулъ священнаго величества. Они домогались духовныхъ должностей, какъ то мы видимъ въ генеалогіи королей французскихъ Симфоріона Шампье (Généalogie des rois de France, par Symphorion Champier), гдѣ сказано, что Гуго Капетъ носилъ званіе графа и аббата Парижскаго. Мы находимъ также въ анналахъ Бургундіи Парадинона весьма древнія извѣстія, въ которыхъ французскіе государи называются герцогами и аббатами, или графами и аббатами. Первые христіанскіе короли учредили военные духовные ордена, при помощи которыхъ они установили христіанскую и католическую религію на развалинахъ аріанизма, который заражалъ, по выраженію св. Іеронима, весь міръ, исламизма и другихъ невѣрныхъ. Затѣмъ начался *геройскій* возрастъ (среднихъ вѣковъ), когда героическіе народы открыли священныя войны, pia et pura bella. Въ ту эпоху, мы видимъ, христіанскіе государи носятъ на своихъ коронахъ шаръ съ водруженнымъ на немъ крестомъ; это встрѣчается въ первый разъ на знаменахъ во время крестовыхъ походовъ. Замѣтимъ мимоходомъ примѣръ поразительнаго сходства между *двумя варварствами* (древнимъ и новымъ). Въ древности, герольды evocabant deos, т.-е. отзывали боговъ изъ городовъ, которымъ объявлялась война, при помощи изящной и блестящей формулы, которую сохранилъ намъ Макробій; этотъ обычай заставляетъ думать,—древніе народы полагали, что побѣжденные оставались безъ боговъ и слѣдовательно безъ гаданій; таковъ главный характеръ *героическаго права*, лишавшаго побѣжденныхъ всѣхъ публичныхъ, гражданскихъ и частныхъ правъ, которыя находятся въ связи съ религіозною службой. Мы находимъ подтвержденіе нашей ипотезы въ формулѣ той капитуляціи героической эпохи, которую употребилъ Тарквиній Гордый при г. Коллаціумѣ, и вслѣдствіе которой побѣжденные должны были выдать побѣдителямъ *divina et humana omnia*, т.-е. все божеское и человѣческое. Новые варвары точно такъ же домогались и уносили съ собою священные останки, сокрытые въ завоеванномъ городѣ; оттого осажденные старались зарыть въ землю и скрыть такія сокровища отъ глазъ. Мощи святыхъ обыкновенно были запираемы въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ церкви; а обычай выкупать у побѣдителя городскіе колокола сохраняется до настоящаго времени. Европа, Африка, Азія были наводняемы съ *пятаго вѣка* народами варварскими и враждебными христіанству. По-

бѣдители и побѣжденные не понимали другъ друга, и невѣжество первыхъ въ дѣлѣ наукъ было причиною того, что мы не имѣемъ ни одного письменнаго памятника той эпохи на народномъ языкѣ, итальянскомъ, французскомъ, испанскомъ, ни даже на нѣмецкомъ. Авентинъ, составитель баварскихъ Анналовъ (Annales Bojorum), утверждаетъ, что до Фридриха I Барбаруссы (XII стол.) грамоты не писались ни на одномъ изъ этихъ языковъ; другіе отлагаютъ это до Рудольфа I Габсбургскаго (XIII ст.). До того времени все писалось на *варварской латыни*, которая была понятна для весьма малаго числа знатныхъ и для духовенства; такимъ образомъ, въ то несчастное время народы были осуждены на нѣмоту. Такая бѣдность письменности должна была ввести въ употребленіе *іероглифы*, какими и были (въ средніе вѣка) изображенія гербовъ, которыми указывалось по крайней мѣрѣ имя владѣльца дома, могилы, земли и стадъ. Тогда же возродился божескій судъ, подъ именемъ каноническаго очищенія; героическіе разбои придали имени корсаровъ новый блескъ и сдѣлались признаками благородства, какъ нѣкогда древніе герои гордились названіемъ вора и разбойника. Героическая месть, продолжавшаяся до времени Бартольда, появилась снова по поводу войнъ, которыя, подобно священнымъ войнамъ древности, были чисто религіозными войнами. Героическое рабство появилось точно такъ же снова и долгое время удерживалось между христіанскими народами, которые, отнимая и боговъ у побѣжденныхъ, смотрѣли на нихъ, какъ на животныхъ. Этотъ взглядъ существуетъ и до сихъ поръ между христіанами и турками въ отношеніи другъ къ другу; самое имя турка означаетъ собаку, и христіане изъ снисхожденія называютъ его мусульманиномъ, т.-е. правовѣрнымъ. Турки же называютъ христіанъ свиньями. Но всего болѣе удивительно встрѣчать во вторичномъ варварствѣ (т.-е. среднихъ вѣковъ) тѣ *убѣжища* древняго варварства, которыя, по выраженію Тита Ливія, послужили основаніемъ первымъ городамъ. Совершавшіяся насилія при вторичномъ возвращеніи человѣчества къ варварству (въ средніе вѣка), точно такъ же, какъ и жестокость людей древняго варварства, принуждали слабыхъ укрываться въ пещерахъ, и такъ какъ спасеніемъ противъ такихъ насилій служило религіозное чувство, какъ и прежде, то обыкновенно преслѣдуемые вмѣстѣ съ своими семействами и имуществомъ прибѣгали къ лицамъ, бывшимъ представителями религіи, т.-е. къ епископамъ и аббатамъ. Отсюда произошли феоды, и этимъ объясняется, почему въ Германіи, самой варварской странѣ изъ всѣхъ европейскихъ націй, было менѣе государствъ свѣтскихъ, нежели духовныхъ, какъ-то епископствъ, аббатствъ, и почему свѣтскіе государи Франціи безразлично принимали титулы графовъ, герцоговъ и аббатовъ. Въ Европѣ встрѣчается большое число земель, городовъ и замковъ, носящихъ имя какого-нибудь святого, именно потому, что при вторичномъ возвращеніи къ варварству строили на мѣстахъ возвышенныхъ и уединенныхъ небольшія церкви—мѣсто божественной службы и убѣжища для христіанъ; эти послѣдніе около церквей ставили свои бѣдныя хижины. Вотъ почему развалины церквей, построенныхъ въ мѣстахъ почти неприступныхъ, служатъ древнѣйшими памятниками того порядка вещей. Аббатство св. Лаврентія въ Аверсѣ, къ

которому было присоединено аббатство св. Лаврентія въ Капуѣ, завѣдывало въ Кампаніи, Самніумѣ, Апуліи, древней Калабріи, отъ р. Волтурна до Тарентскаго моря, 110 церквями, или непосредственно, или посредственно чрезъ аббата или ему подчиненнаго монаха. Аббаты св. Лаврентія были въ то же время и баронами всѣхъ тѣхъ земель.

Послѣ такого добровольнаго подчиненія людей протекторской власти духовныхъ, при возвращеніи къ новымъ героическимъ временамъ, начинаетъ появляться различіе между возрастомъ героическимъ и *человѣческимъ*. Такое переходное значеніе имѣетъ феодальная эпоха.

Ж.-Б. Вико.

Nuova Scienza, кн. I, афор. LXIV—LXVIII;
начало IV и V кн.

Жанъ-Батистъ Вико (J.-B. Vico, род. 1668 г., ум. 1744 г.), сынъ бѣднаго книгопродавца въ Неаполѣ, послѣ глубокаго изученія философіи и юриспруденціи, занималъ каѳедру риторики въ неаполитанскомъ университетѣ. Пораженный хаосомъ и ложными притязаніями наукъ того времени, онъ вступилъ въ борьбу съ старыми убѣжденіями, и первый внесъ критику въ науку древностей и исторію; ему принадлежитъ первая мысль о несуществованіи Гомера. Все это вызвало вражду современниковъ къ Вико, и потому, когда онъ въ 1722 г. явился къ конкурсу на вакансію юридической каѳедры, ему предпочли его ограниченнаго соперника. Тогда-то Вико рѣшился въ первый разъ изложить въ системѣ сумму всѣхъ своихъ убѣжденій о необходимости перестроить научный методъ вообще и открыть новую дорогу къ познанію исторіи прошедшаго. Результатомъ его труда и было знаменитое произведеніе: Principi di una Nuova Scienza d'intorno alla natura delle nazioni. Неаполь 1725 г. (втор. изд. 1739, и третье 1744 г.), т.-е. „Начало Новой Науки по отношенію къ природѣ народовъ". Это послѣднее сочиненіе Вико оставлено было современниками почти безъ всякаго вниманія, и только въ наше время оцѣнили его, какъ одно изъ геніальныхъ произведеній ума человѣческаго, составившее эпоху въ исторической наукѣ. Вико является въ немъ отцемъ философіи исторіи. Но до начала нынѣшняго столѣтія Вико былъ совсѣмъ забытъ, хотя его идеями воспользовались многіе для новѣйшей разработки филологіи и исторіи, которыхъ успѣхи онъ первый поставилъ въ тѣсной, взаимной связи. Современный намъ французскій историкъ Мишле, своимъ переводомъ Новой Науки: „Principes de la philosophie de l'histoire". Par. 1827 г., и изданіемъ въ переводѣ Oeuvres choisies de Vico, contenants les Mémoires écrits par lui même, la Science Nouvelle, les Opuscules, les Lettres, вмѣстѣ съ Introduction sur sa vie et ses ouvrages. Par. 1836, 2 vol., сдѣлалъ наконецъ имя Вико вполнѣ извѣстнымъ, какъ того заслуживаетъ геній этого замѣчательнаго преобразователя метода наукъ. Въ 1822 г. явился нѣмецкій переводъ „Новой Науки" Вебера. Изъ монографій замѣчательно: *Ferrari*, Vico et l'Italie. Par. 1841—42.

II

ДРЕВНІЙ МІРЪ

ВЪ ЭПОХУ ПАДЕНІЯ З. РИМСКОЙ ИМПЕРІИ.

(V-й ВѢКЪ)

Историческій очеркъ эпохи.

456—476.

Двадцатилѣтіе, предшествовавшее окончательному паденію западной римской имперіи (456—476), было послѣднею эпохою политическаго существованія древняго міра. Въ 476 г., съ прекращеніемъ императорскаго титула, выражавшаго собою политическое и административное единство всего историческаго запада, а именно: *Италіи* съ ея *Придунайскими провинціями*, *Галліи*, *Британніи*, *Испаніи* и *западной Африки*,—самое единство исчезло, и во всѣхъ поименованныхъ провинціяхъ бывшей имперіи образовались варварскія *королевства*, послужившія началомъ соотвѣтственныхъ имъ *національностей* западной Европы. Короли германскаго происхожденія не только привели съ собою въ провинціи дружину, вытѣснившую или слившуюся съ старой римской аристократіей и разнообразными народностями, вошедшими въ составъ римской имперіи, но принесли съ собою и новое законодательство, новую администрацію и новые нравы. Все это, вмѣстѣ взятое, и послужило началомъ средневѣковой образованности, которая, послѣ тысячелѣтняго развитія (отъ 500 до 1500 года), преобразовалась религіозною реформаціею XVI вѣка и революціею прошедшаго столѣтія въ новѣйшую, современную намъ образованность.

Западная римская имперія начала свое отдѣльное существованіе вслѣдствіе раздѣленія древней единой имперіи Ѳеодосіемъ Великимъ (395 г.) на двѣ части между двумя линіями его дома: одна линія, въ лицѣ старшаго сына, *Аркадія*, утвердилась въ восточной или византійской имперіи (Bas-Empire) съ столицею Константинополемъ; она продолжала свое непрерывное существованіе до завоеванія ея турками-оттоманами въ 1453 году; другая линія, въ лицѣ младшаго сына, *Гонорія*, получила западную имперію, съ столицею Римомъ [1]). Послѣдняя имперія существовала всего 80 лѣтъ (395—476), а фамилія Ѳеодосія прекратилась въ ней еще ранѣе, съ его внукомъ *Валенти-*

[1]) Съ 404 г. Равенна была мѣстопребываніемъ з. р. императоровъ.

ніаномъ III, умерщвленнымъ въ 455 году. Убійца его, *Петроній-Максимъ*, провозглашенный императоромъ, имѣлъ въ томъ же году ту же участь; съ того времени, какъ въ древней имперіи послѣ Августа преторіанцы, такъ тогда начальники тѣлохранительной стражи изъ варваровъ, съ титуломъ патриціевъ или куропалатовъ (министръ двора, qui curam palatii gerebat), возводятъ и низводятъ императоровъ, по своему произволу. Потому въ послѣднія 20 лѣтъ существованія з. р. имперіи (456—476), самый порядокъ событій можетъ быть веденъ не по имени императоровъ, а по имени возводившихъ ихъ на престолъ патриціевъ. Такъ, отъ 456 до 472 г. имперіею управлялъ предводитель германской дружины свевовъ, *Рицимеръ*, а титулъ императора при немъ переходилъ пять разъ, по его волѣ, отъ одного лица къ другому; такимъ образомъ, слѣдовали другъ за другомъ: *Флавій-Авитъ*, *Юлій-Майоріанъ*, замѣчательнѣйшій изъ всего этого ряда, *Юлій-Северъ*, *Антемій-Грекъ* и *Аницій-Олибрій*. По смерти Рицимера, его мѣсто занялъ племянникъ, предводитель бургундской дружины, *Гундобальдъ* (472—474). Съ того времени въ Римѣ начинается борьба не столько за императорскій престолъ, не имѣвшій большого значенія, но за титулъ патриція, который давалъ настоящую власть въ имперіи. Гундобальдъ былъ изгнанъ новымъ патриціемъ, *Орестомъ*, однимъ изъ сподвижниковъ Аттилы, короля гунновъ, который еще при Валентиніанѣ III опустошилъ з. имперію и вынудилъ германцевъ докончить великое переселеніе народовъ за Рейнъ и Дунай. Орестъ свергнулъ императора *Юлія-Непота*, возведеннаго Гундобальдомъ, и замѣнилъ его своимъ малолѣтнимъ сыномъ, *Ромуломъ-Августомъ*, прозваннымъ въ семействѣ, по своей молодости, Августуломъ (Августикъ). Господство Ореста продолжалось два года (474—476); его соперникъ, предводитель дружины геруловъ, *Одоакръ* (Otacher), получивъ титулъ патриція отъ Юл.-Непота, вступилъ съ нимъ въ борьбу. Такъ, въ Римѣ явилось два патриція и два императора. Побѣда осталась на сторонѣ Одоакра; онъ умертвилъ Ореста и сослалъ его сына Ромула въ южную Италію, гдѣ онъ и жилъ до самой смерти частнымъ человѣкомъ на древней виллѣ Лукулла, близъ Неаполя. Хотя мѣсто Ромула, въ санѣ императора, занялъ Юл.-Непотъ, но и онъ, подобно Ромулу, продолжалъ вести частную жизнь въ своихъ далматскихъ помѣстьяхъ до 480 года, когда одинъ изъ приближенныхъ, по личной ненависти, умертвилъ его. Съ того времени, Одоакръ не возводилъ болѣе никого на престолъ, и началъ править Италіею съ мѣстнымъ титуломъ *короля народовъ* (rex gentium). Такимъ образомъ, Италія перестала быть центромъ всего запада и сдѣлалась въ первый разъ самостоятельнымъ политическимъ цѣлымъ, съ отдѣльнымъ правительствомъ, которое впослѣдствіи должно было послужить центромъ къ образованію отдѣльной итальянской національности. Подобно Италіи, около того времени явились и другія самостоятельныя правительства въ прочихъ провинціяхъ бывшей з. р. имперіи, въ Галліи, Британніи, Испаніи и з. Африкѣ. Это явленіе и составляло внѣшнюю исторію такъ называемаго паденія з. р. имперіи, имѣвшаго своимъ послѣдствіемъ происхожденіе новыхъ правительствъ, присоединившихъ къ древнему римскому порядку вещей новый порядокъ, выразившійся въ

появленіи новыхъ законодательствъ, новыхъ языковъ и новыхъ нравовъ (Подробное, основательное и живое изображеніе картины этой эпохи паденія з. р. имперіи см. у Am. Thierry: Récits de l'histoire romaine au V-e siècle. Par. 1860; рус. перев. Клеванова. Москва, 1861).

Почти наканунѣ паденія з. р. имперіи, когда начало разрушаться политическое единство древняго историческаго міра, возникла въ первый разъ мысль объ *универсальной* (*всеобщей*) *исторіи* человѣчества, въ которой отдѣльные народы какъ будто бы смѣняютъ другъ друга, стремясь къ одной отдаленной, общей цѣли. Древніе народы принимали свою собственную исторію за исторію всего человѣчества; такова была исторія у восточныхъ народовъ, у грековъ и даже у древнихъ римлянъ. Универсальная римская имперія и универсальная христіанская религія породили универсальную форму исторіи. Еще въ первой половинѣ IV-го столѣтія была сдѣлана попытка составить подобный общій кодексъ исторіи человѣчества: епископъ цезарейскій *Евсевій*, современникъ Константина В., написалъ въ 10-ти книгахъ первую *Всемірную хронику*, начиная отъ сотворенія міра и слѣдуя далѣе въ порядкѣ ассирійскихъ и вавилонскихъ династій, а потомъ римскихъ консуловъ и императоровъ до 20-го года правленія Константина В., т.-е. до 329 г. по Р. Х. Оригинальный греческій текстъ этой хроники дошелъ до насъ только въ латинскомъ переводѣ св. Іеронима (род. 331 г. въ Далмаціи, ум. 420 г.; жилъ большею частью въ Виѳлеемѣ;—полное изданіе его сочиненій Maffei, Venetia, 1770; см. у Collombet: Histoire de St-Jérôme, Par. 1846), который продолжилъ хронику Евсевія до 380 года, и въ армянскомъ, найденномъ въ 1784 г. и изданномъ Анжело Майемъ въ 1818 г. Трудъ Евсевія послужилъ основаніемъ всѣхъ средневѣковыхъ хроникъ, и потому справедливо можно считать Евсевія отцомъ универсальной исторіи въ средніе вѣка. Сто лѣтъ спустя послѣ Евсевія, явился другой новый кодексъ универсальной исторіи, написанный испанскимъ пресвитеромъ *Орозіемъ* (ж. въ концѣ IV в. и въ началѣ V в.). Язычники обвиняли въ то время христіанское ученіе въ паденіи древней религіи и вмѣстѣ съ нею нравственности, что̀, по ихъ мнѣнію, было источникомъ всѣхъ бѣдствій той эпохи. По совѣту св. Августина, Орозій написалъ VII книгъ всемірной исторіи подъ заглавіемъ: *Adversus paganos historiarum libri VII* (Противъ язычниковъ, VII книгъ исторіи), съ цѣлью защитить христіанство и доказать, что бѣдствія міра предшествовали ему и были результатомъ язычества. Всѣ средневѣковыя хроники были и по формѣ, и по сущности продолженіемъ трудовъ Евсевія и Орозія; особенно Орозій пользовался большою популярностью въ средніе вѣка, и еще въ концѣ IX вѣка англосакскій король Альфредъ перевелъ хронику Орозія на народный языкъ (лучшее изданіе трудовъ Орозія сдѣлалъ голландскій ученый Havercamp, Leyd. 1738 г.,—превосходное изслѣдованіе объ Орозіѣ, какъ источникѣ всѣхъ средневѣковыхъ хроникъ: Beck, De Pauli Orosii vita, fontibus et auctoritate. 1834; срав. Moerner: De Pauli Orosii vita, etc. Berol. 1844.

Начиная съ V-го вѣка, исторіографы переписываютъ или передѣлываютъ хронику Евсевія, и затѣмъ по его же методу продолжаютъ, каждый до своего времени включительно. Такъ, въ V стол., испан-

скій епископъ *Idacius* провелъ хронику Евсевія отъ того года, на которомъ остановился его продолжатель, св. Іеронимъ, т.-е. отъ 380 г.,— до 468 года, за 8 лѣтъ до паденія з. р. имперіи. Самый моментъ паденія з. р. имперіи былъ занесенъ въ хронику составителями послѣдующаго вѣка (VI-го); между ними замѣчательнѣйшими были: *Marcellinus*, канцлеръ имп. Юстиніана, впослѣдствіи comes Illyrici; онъ началъ съ того же времени, какъ и Идацій, но довелъ до 518 г.; и *Cassiodorus*, министръ Ѳеодорика В., остъ-готскаго короля въ Италіи; по приказанію послѣдняго онъ составилъ хронику по предшествовавшимъ образцамъ и довелъ ее до 519 года. Эпоха Кассіодора, по отношенію хронологической системы, ознаменовалась введеніемъ нашей эры въ историческое лѣтосчисленіе: современникъ Кассіодора, *Dionysius Exiguus* (Діонисій Малый), родомъ скиѳъ, ввелъ въ первый разъ христіанскую эру, т.-е. обычай считать года отъ Р. Х. (Всѣ поименованныя хроники, продолжавшія Евсевія, собраны и изданы вмѣстѣ у Roncalli, Veterum Latinorum scrirpt. Chron. T. II, стр. 1, 161, 266 и сл.).

Но всѣ эти хроники временъ паденія з. р. и., какъ и продолжатели ихъ въ теченіе среднихъ вѣковъ, ограничиваются одною оффиціальною исторіею, или заносятъ на свои страницы безсвязные, отрывочные факты, перемежая ихъ разсказами о слухахъ, неповѣренныхъ никакою критикою. Причины историческихъ явленій, скрывающіяся въ экономическомъ, соціальномъ и интеллектуальномъ бытѣ общества, ускользали отъ составителей хроники V-го вѣка, и современный историкъ долженъ потому обращаться, помимо хроникъ, къ тѣмъ писателямъ V-го вѣка, которые, вовсе не думая составлять исторію своего времени, разсуждали сами съ собою о совершавшемся вокругъ нихъ, какъ *Сальвіанъ*, священникъ марсельскій, или переписывались съ друзьями, какъ *Сидоній-Аполлинарій*, епископъ клермонтскій, и тѣмъ самымъ начертали живую картину внутренней жизни римскаго общества въ эпоху его паденія, то, что̀ осталось совершенно незамѣченнымъ въ сухихъ перечняхъ лѣтописцевъ того времени.

10.—Путешествіе по Италіи современника паденія з. р. имперіи.

(467 г.).

(Письмо къ Геронію).

По пріѣздѣ въ Римъ, я получилъ твое письмо, въ которомъ ты меня убѣдительно просишь увѣдомить, идетъ ли, сообразно съ всеобщимъ желаніемъ, то дѣло, ради котораго я предпринялъ свое путешествіе изъ Галліи въ Италію. Ты желаешь также знать, какими путями и какъ я странствовалъ, какіе видѣлъ на дорогѣ замѣчательные по положенію города, какія извѣстныя горы, какія долины, просла-

вленныя данными на нихъ битвами; ты находишь удовольствіе въ томъ, чтобы познакомиться изъ вѣрнаго разсказа очевидца съ предметами, описаніе которыхъ ты читалъ. Я радъ выраженному тобою желанію узнать ближе подробности моего пути; такая любознательность идетъ прямо отъ сердца. Противъ принятаго обычая, я хочу съ божіею помощью изобразить тебѣ пріятную сторону моего путешествія, хотя наши предки любили начинать разсказомъ о своихъ бѣдствіяхъ.

Покинувъ стѣны нашего Ліона, я поѣхалъ на почтовыхъ (publicus cursus mihi usui fuit), такъ-какъ я ѣхалъ по высочайшему повелѣнію (sacris apicibus). На дорогѣ мнѣ встрѣчалось много родныхъ и знакомыхъ; я опаздывалъ не по недостатку лошадей на станціяхъ, но по изобилію въ друзьяхъ. Всѣ меня обнимали и провожали желаніями счастливаго пути и возвращенія. Такъ я добрался до Альпъ; я переѣхалъ горы легко и скоро, между крутыми скалами ужасающихъ горныхъ вершинъ, по дорожкѣ, проложенной по снѣгу. Если случались несудоходныя рѣки, ихъ можно было безъ труда перейти въ бродъ, или по крайней мѣрѣ по мостамъ, укрѣпленнымъ на сводахъ, воздвигнутыхъ въ древности, и которыхъ связи идутъ отъ фундамента до дороги, усыпанной мелкимъ камнемъ. Въ Тицино (Тессино) я сѣлъ на почтовую лодку (cursoria), на которой мы спустились въ р. Эриданумъ (По); я много смѣялся по поводу сестеръ Фаэтона (сына Аполлона), которыхъ мы часто воспѣвали за столомъ, и тѣхъ золотыхъ слезъ, которыя онѣ пролили предъ обращеніемъ въ дерево (см. Овидія Метаморфозы, кн. II). Мы проѣхали мимо устьевъ мутной рѣки Ламбры, голубоватой Адды, быстраго Адиджа, лѣниваго Минчіо—рѣкъ, которыя берутъ свое начало въ горахъ Лигурійскихъ и Эвганскихъ; ихъ берега покрыты лѣсами дубовъ. Въ нихъ слышится сладкое пѣніе птицъ, которыхъ гнѣзда качаются между тростниковъ, или на гибкихъ вѣтвяхъ кустарника; вся эта растительность, питаемая сыростью земли, разсѣяна по берегамъ тѣхъ рѣкъ. Странствуя такимъ образомъ, я прибылъ въ Кремону, которой близкое сосѣдство было когда-то оплакиваемо мантуанскимъ Титиромъ (Виргиліемъ). Потомъ, пока венетскіе гребцы перемѣнялись съ эмиліантскими, я сошелъ посмотрѣть Браксилуумъ (нынѣ Берселло, въ Моденѣ), и тотчасъ же воротился; взявъ направо, мы пріѣхали въ Равенну: тамъ, нельзя сказать, раздѣляетъ ли, или соединяетъ, дорога Цезаря старый городъ отъ новаго порта. Рѣка По расходится двумя рукавами: одинъ пересѣкаетъ оба города, другой омываетъ ихъ. Эта рѣка была прежде свернута въ сторону отъ своего естественнаго ложа противопоставленными ея теченію плотинами; нынѣ она растекается по каналамъ такимъ образомъ, что въ одно и то же время служитъ защитою города и средствомъ къ сообщенію. Въ этомъ мѣстѣ все благопріятствуетъ торговлѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ морская вода стремится въ каналы, а съ другой стороны, густая грязь поднимается къ верху барками, ходящими внизъ и вверхъ, и шестами лодочниковъ, то мы, среди воды, испытываемъ жажду. Впрочемъ, въ цѣломъ городѣ не найдешь, чтобы вода въ аквадукахъ была чиста, чтобы колодцы были въ порядкѣ и чтобы источники не были мутны, а фонтаны грязны.

Выѣхавъ изъ Равенны, мы достигли Рубикона (н. р. Луза, а по другимъ, р. Пизателла), названнаго такъ по красноватому цвѣту своихъ камешковъ. Эта рѣка служила нѣкогда границею цизальпинскихъ галловъ и древнихъ италовъ, когда города, расположенные на берегу Адріатики, были раздѣлены между этими двумя народами. Оттуда я пріѣхалъ въ Ариминумъ и Фанъ (Римини и Фано), города одинаково знаменитые: одинъ возстаніемъ Юлія Цезаря, другой смертью Аздрубала. Близъ перваго города протекаетъ р. Метавръ, составившій себѣ вѣчную славу въ одинъ день, какъ будто бы и до сихъ поръ онъ несетъ на своихъ мутныхъ волнахъ окровавленные трупы (карѳагенянъ; битва ихъ съ римлянами, 207 г. до Р. Х.) въ Далматское море. Далѣе, я только проѣзжалъ мимо городовъ, лежащихъ на Фламинской дорогѣ (одно изъ древнѣйшихъ шоссе Италіи отъ Рима къ Адріатическому морю); налѣво оставалась страна пиценовъ, направо—умбровъ. Въ этой-то мѣстности, или калабрійскій атабулъ (холодный вѣтеръ), или заразительный воздухъ Тосканы, наполненный ядовитыми испареніями, или быстрые переѣзды и перемѣна теплой и холодной атмосферы истощили меня, и я заболѣлъ. Лихорадка и жажда пожирали мои внутренности. Для утоленія ихъ я предлагалъ этимъ жаднымъ гостямъ не только пріятныя воды фонтановъ и скрытыхъ источниковъ, но и все, что попадалось мнѣ на глаза: и прозрачныя воды Фуцина (притокъ Тибра), и холодныя—Клитумна, и голубыя—Аніена (н. Теверона), и сѣрныя—Наро, и свѣтлыя—Фабариса, и наконецъ мутныя воды Тибра, но все было напрасно.

Наконецъ, представился и Римъ моимъ глазамъ; мнѣ казалось отъ внутренняго жара, что я выпью всѣ его водопроводы и навмахіи (пруды для морскихъ эволюцій). Прежде нежели я вступилъ въ городскую черту (pomoerium), я распростерся у подножія церкви апостоловъ (нынѣ соборъ св. Петра) и вдругъ почувствовалъ, что утомленіе моихъ членовъ внезапно прошло. Испытавъ такимъ образомъ на себѣ чудесную помощь свыше, я отправился въ гостинницу (conductum diversorium) и взялъ комнату; здѣсь-то я въ эту минуту пишу тебѣ, лежа на кровати, чтобы немного отдохнуть. Я еще не подходилъ къ шумнымъ воротамъ дворца. Во время моего пріѣзда праздновалась свадьба патриція Рицимера съ дочерью Августа (Антемія), соединенныхъ въ виду общественнаго спокойствія.

Среди всеобщей радости не только всѣхъ сословій, но и всѣхъ партій, я завидую тихому спокойствію, которымъ вы наслаждаетесь за Альпами. Въ эту минуту, когда я пишу тебѣ эти строки, вездѣ наклеиваютъ эпиталаміи (брачныя оды), на всѣхъ театрахъ, рынкахъ, присутственныхъ мѣстахъ, площадяхъ и на стѣнахъ храмовъ и гимназій (т.-е. мѣстъ для гимнастическихъ упражненій). Классы въ учебныхъ заведеніяхъ закрыты, дѣла прекращены, суды умолкли, депутаціи отложены, и всякое важное предпріятіе должно уступить мѣсто фарсамъ и комедіямъ... Какъ только кончатся эти удовольствія, если только они могутъ кончиться, я сообщу тебѣ о ходѣ нашего дѣла. Прощай.

Сидоній Аполлинарій.
Т. I, кн. I, пис. 5-ое, стр. 20.

Сидоній Аполлинарій (Cajus-Sollius-Apollinaris-Sidonius, род. въ Ліонѣ 430 г., ум. въ Клермонѣ 488 г.) принадлежалъ къ одной изъ самыхъ знатныхъ фамилій въ Галліи; отецъ и дѣдъ Сидонія Аполлинарія были префектами Галліи; самъ онъ женился на Папіаниллѣ, дочери гальскаго патриція Авита, за которою онъ получилъ богатое помѣстье въ Оверни, Авитакумъ. Возведеніе Авита на императорскій престолъ открыло Сидонію дорогу къ почестямъ, а панегирикъ, сказанный имъ тестю, доставилъ ему литературную славу. Сверженіе Авита, 456 г., Рицимеромъ заставило Сидонія удалиться въ Галлію, гдѣ онъ долженъ былъ защищать родину и отъ Рицимера, и отъ вторженія в. готовъ. Майоріанъ, возведенный на престолъ Рицимеромъ по изгнаніи Авита, простилъ возстаніе Галліи, и Сидоній произнесъ какъ ему, такъ и Рицимеру, новый панегирикъ, принесшій автору титулъ графа (comes). По умерщвленіи Майоріана (467 г.), жители Оверни послали къ новому императору Антемію того же Сидонія ходатайствовать по дѣламъ провинціи, но Сидоній предпочелъ произнести третій панегирикъ Антемію и получилъ за то должность префекта Рима. Изъ этого-то путешествія въ Италію Сидоній и писалъ къ своимъ землякамъ въ Галлію свои письма, составляющія живую картину римскаго общества предъ его паденіемъ.

Новые перевороты въ Италіи принудили Сидонія по умерщвленіи Антемія возвратиться на родину, гдѣ ему было предложено (471 г.) мѣсто епископа въ гор. Клермонѣ. Въ этомъ новомъ званіи Сидоній принялъ на себя роль защитника Оверни отъ притязаній Еврика в. готскаго короля, то вооружая противъ него своихъ соотечественниковъ, то умилостивляя варваровъ своими литературными дарованіями и воспѣвая въ стихахъ подвиги ихъ королей. При такой разнообразной жизни, письма Сидонія касаются всѣхъ главныхъ интересовъ того времени и служатъ живымъ изображеніемъ всѣхъ сторонъ тогдашняго общества, какъ римскаго, такъ и варварскаго. По смерти Сидонія въ 488 г., гальская церковь причла его къ лику святыхъ.—Отъ литературной дѣятельности Сидонія до насъ дошли 9 книгъ его *Писемъ* и 24 *поэмы*, написанныя на различные случаи. Первое изданіе сочиненій Сидонія было сдѣлано въ Утрехтѣ, въ 1473 г.; изъ новѣйшихъ лучшее изданіе текста съ французскимъ переводомъ и комментаріями принадлежитъ Grégoire et Collombet: Oeuvres de C.-Sollius Apollinaris Sidonius. Lyon et Paris, 1836 г. въ 3 т.—Для подробностей см. изслѣдованіе проф. Ешевскаго: Сидоній Аполлинарій и его время. Москва. 1855.

11.—Изслѣдованіе причинъ паденія древняго общества.

(1833 г.).

Большая часть римскихъ цезарей III вѣка, провозглашенныхъ провинціями и называемыхъ обыкновенно *тридцатью тиранами*, были великіе люди; но тѣ, которые слѣдовали за ними и возстановили единство имперіи, Авреліаны, Пробы, эти были еще болѣе велики. И между тѣмъ имперія разрушалась въ ихъ рукахъ. Въ этомъ нельзя обвинять варваровъ; вторженіе кимвровъ во время республики было болѣе страшно, чѣмъ во времена имперіи. Такимъ же образомъ нельзя объяснить того паденія личными пороками императоровъ. Наиболѣе жестокіе изъ нихъ, какъ частные люди, не были въ то же время самыми худшими. Часто провинціи отдыхали во время правленія наиболѣе жестокихъ правителей, которые ручьями проливали кровь римской знати. Правленіе Тиверія было благоразумно и бережливо [1]; правленіе Клавдія кротко и снисходительно. Даже Неронъ былъ оплакиваемъ народомъ, и долгое время его могила была украшаема живыми цвѣтами [2]). Во время Веспасіана лже-Неронъ былъ принятъ съ энтузіазмомъ въ Греціи и Азіи. Геліогабалъ, получивъ верховную власть, гордился тѣмъ, что его считали внукомъ Септимія Севера и сыномъ Каракаллы.

При императорахъ провинціи не мѣняли ежегодно своихъ проконсуловъ, какъ то было во времена республики. Діонъ приписываетъ Августу введеніе такой новой мѣры. Светоній порицаетъ небрежность Тиверія за нарушеніе ея. Но Іосифъ Флавій положительно говоритъ, что и Тиверій дѣйствовалъ въ этомъ отношеніи какъ Августъ, чтобы „облегчить народъ". Въ самомъ дѣлѣ, проконсулъ, оставаясь въ провинціи болѣе долгое время, знакомился съ потребностями, пріобрѣталъ нѣкоторую привязанность къ ней, былъ гуманнѣе, и все это умѣряло деспотизмъ. Такой правитель не былъ, какъ во времена республики, арендаторомъ, спѣшившимъ поскорѣе нажиться, чтобы послѣ наслаждаться жизнью въ Римѣ. Извѣстна басня о лисицѣ, у которой мухи сосали кровь; она отказывается на предложеніе ежа смахнуть ихъ: другія налетятъ голодныя, а эти по крайней мѣрѣ уже насосались досыта, отвѣчала она.

Прокураторы, люди низкаго происхожденія, креатуры цезарей и отвѣтственные предъ ними, должны были бояться ихъ надзора. Желать обогатиться, значило искушать жестокость властелина, который, по одному корыстолюбію, былъ уже строгъ. Этотъ властелинъ былъ судьей какъ для первыхъ, такъ и для послѣднихъ лицъ въ государствѣ. Цезари сами творили судъ. У Тацита, одинъ подсудимый, боясь предупрежденій народа и сената, предпочитаетъ судъ Тиверія, какъ

---

[1]) О томъ свидѣтельствуетъ даже самъ Тацитъ, Annal. VI, 30, 17; Светоній, in Tib. c. 32.

[2]) Светон. in Nerone, c. 57.

стоящаго выше всякихъ интригъ; онъ думалъ сверхъ того, что одинъ судья лучше распознаетъ истину. Во время Тиверія и Клавдія, подсудимые избѣгали осужденія, подавая апелляцію на имя императора. Клавдій, побуждаемый взять на себя судъ въ одномъ дѣлѣ, гдѣ были затронуты и его интересы, объявляетъ, что дѣло будетъ разбирать онъ самъ, чтобы показать, въ лично его касающемся случаѣ, насколько онъ можетъ быть справедливъ и къ интересу другого; никто, безъ сомнѣнія, не осмѣлился рѣшить дѣла противно выгодамъ императора.

Домиціанъ производилъ судъ весьма тщательно и съ умомъ; часто онъ уничтожалъ рѣшенія центумвировъ, подозрѣваемыхъ въ пристрастіи по интригѣ. Адріанъ въ дѣлахъ, подлежавшихъ его суду, совѣтовался не съ приближенными, а съ законовѣдами. Самъ Септимій Северъ, этотъ суровый воинъ, не уклонялся отъ этой обязанности, и, отдыхая въ своей виллѣ, производилъ судъ и охотно входилъ въ мелочныя подробности дѣла. Юліана также хвалятъ за его усердіе къ исполненію должности судьи. Такая ревность императоровъ къ гражданской справедливости уравновѣшивала бо̀льшую часть золъ имперіи; она должна была внушить полезный страхъ судьямъ-притѣснителямъ и уничтожить, въ мелочахъ, безконечное множество всеобщихъ злоупотребленій.

Даже во время самыхъ дурныхъ императоровъ гражданское право всегда получало счастливое развитіе. Юрисконсультъ Нерва, дѣдъ императора того же имени (ученикъ республиканца Лабеона, другъ Брута и основатель стоической школы законовѣдѣнія) былъ совѣтникомъ такого императора, какъ Тиверій. Папиніанъ и Ульпіанъ имѣли силу во времена Каракаллы и Геліогабала, какъ Дюмуленъ, Л'Опиталь, Бриссонъ, въ эпоху Генриха II, Карла IX и Генриха III. Гражданское право, приближаясь болѣе и болѣе къ естественной справедливости и, слѣдовательно, къ здравому смыслу народовъ, сдѣлалось сильнѣйшею опорою имперіи и вознагражденіемъ за ея политическій деспотизмъ.

Этотъ деспотизмъ императоровъ и еще болѣе тяжкій деспотизмъ чиновниковъ не былъ такимъ образомъ главною причиною разрушенія имперіи. Существенное зло, которое ее подрывало, не заключалось ни въ правительствѣ, ни въ администраціи. Если бы оно въ самомъ дѣлѣ состояло въ одной администраціи, то сколько было добродѣтельныхъ и великихъ императоровъ, которые могли бы исцѣлить зло. Но это было общественное зло, источникъ котораго не могъ изсякнуть, пока новый человѣкъ не смѣнилъ древняго. Такимъ зломъ было рабство; другія язвы имперіи, по крайней мѣрѣ, бо̀льшая часть изъ нихъ, какъ напримѣръ, поглощеніе фискомъ народнаго богатства, постоянное возрастаніе нуждъ правительства, опиравшагося на одну военную силу,— все это было только результатомъ, прямымъ или косвеннымъ послѣдствіемъ коренного зла. Рабство не было изобрѣтеніемъ императорскаго правительства. Мы находимъ его готовымъ у всѣхъ народовъ древняго міра. Всѣ историки свидѣтельствуютъ о его существованіи, напримѣръ, въ Галліи, еще до покоренія ея римлянами. Если рабство представляется намъ въ болѣе ужасающемъ и бѣдственномъ видѣ

во времена имперіи, то причина того, во-первыхъ, состоитъ въ томъ, что римская эпоха намъ извѣстна болѣе предъидущихъ; во-вторыхъ, древняя система государственнаго устройства была основана на войнѣ и на побѣдѣ человѣка надъ человѣкомъ (промышленность же есть побѣда человѣка надъ природой); эта система, отъ одной войны до другой, отъ рабства къ рабству, должна была наконецъ заключиться страшнымъ безлюдьемъ. Какой-нибудь народъ древности могъ, какъ американскіе дикари, гордиться тѣмъ, что онъ успѣлъ поглотить, напримѣръ, пятьдесятъ націй.

Классъ мелкихъ собственниковъ почти исчезъ во времена имперіи; ихъ смѣнили богатые землевладѣльцы, обрабатывавшіе поля рабами. Но и рабы отъ тяжелыхъ работъ стали вырождаться и рѣдѣть, а наконецъ и совсѣмъ исчезли. Принадлежа, большею частью, къ образованнымъ національностямъ древности—это были греки, сиріяне, карѳагеняне—они занимались ремеслами для комфорта своихъ владѣтелей. Новые рабы, которыми они были замѣнены, ѳракіяне, германцы, скиѳы, которые смѣнили ихъ, могли только грубо подражать образцамъ, оставшимся отъ первыхъ. Отъ подражанія къ подражанію, всѣ предметы, добываемые ремесломъ, дѣлались грубѣе и грубѣе. Люди, способные къ усовершенствованію производства, становились все рѣже, съ каждымъ днемъ поднимали цѣну на свои продукты. Въ той же пропорціи должно было расти жалованье тѣхъ, которые служили государству. Бѣдный солдатъ, который платилъ $2^1/_2$ франка, на нынѣшнюю монету (франкъ=около 40 к. с.), за фунтъ говядины и 22 франка за самый грубый солдатскій сапогъ (caligae), не былъ ли онъ вынужденъ безпрестанно жаловаться и стремиться къ переворотамъ? Много говорятъ противъ насилія и жадности римскихъ солдатъ, которые, для увеличенія оклада, возводили и низводили императоровъ. Обвиняли Севера и Каракаллу въ жестокихъ насиліяхъ, которыя истощали страну для прокормленія солдатъ. Но подумалъ ли кто-нибудь о чрезмѣрныхъ цѣнахъ на тѣ вещи, которыя приходилось имъ покупать изъ своего ограниченнаго жалованья? У Тацита возмутившіеся солдаты говорятъ: „нашу кровь и жизнь цѣнятъ въ день 10 ассовъ (въ эпоху паденія *ассъ*=7 сантимамъ, и 16 ассовъ соотвѣтствовали 1 франку); а этого не хватитъ на платье, оружіе, палатку; еще надобно платить за отпуски и откупаться отъ жестокости центуріона“ и т. д.

Мишле.

Hist. de France. Par. 1835. I, 90—97.

Jules Michelet, знаменитый французскій историкъ нашего времени, родился въ 1798 г. въ семействѣ бѣднаго типографщика, получилъ высшее образованіе подъ руководствомъ лучшихъ профессоровъ Сорбонны: Вильменя и Леклерка, и началъ свою дѣятельность учителемъ исторіи въ коллегіи (гимназіи) св. Варвары въ Парижѣ, 1821 г. Въ 1826 г. онъ издалъ свои синхронистическія таблицы новой исторіи и вслѣдъ за тѣмъ Précis de l'histoire moderne—произведеніе, которое и до сихъ поръ остается замѣчательнымъ въ этомъ родѣ.

Извѣстность Мишле началась съ изданія имъ перевода „Новой науки“ Вико; онъ первый обратилъ во Франціи всеобщее вниманіе на забытаго всѣми генія прошедшаго столѣтія. Наградою Мишле было мѣсто профессора исторіи въ Ecole Normale (1827 г.), а въ 1838 г. онъ получилъ каѳедру исторіи въ Collège de France, гдѣ онъ и составилъ себѣ европейскую славу. Изъ произведеній Мишле самое замѣчательное и обширное *Histoire de France*, начатое въ 1833 г.; впрочемъ, послѣдніе томы, начиная съ XVII столѣтія, представляютъ болѣе таланта, нежели серьезнаго изученія событій. Изъ другихъ произведеній Мишле обращаютъ на себя вниманіе: 1. *Histoire romaine*, въ 2 томахъ, 1831 г.; 2. *Histoire de la Révolution*, 1847—1856 г., и 3. *Memoires de Luther, écrits par lui-même, traduits et mis en ordre*. 1825. Политическіе перевороты Франціи, послѣдовавшіе за февральскою революціею 1848 г., были причиною удаленія Мишле отъ всякой общественной дѣятельности и сообщили его духу то настроеніе, подъ вліяніемъ котораго онъ написалъ свои послѣднія произведенія: l'Oiseau, l'Insecte и многія другія.

12.—Разсужденіе современника-очевидца о причинахъ паденія З. Р. имперіи.

(Около 450 г.).

Мы (т.-е. римляне) заботимся объ обращеніи готовъ и вандаловъ, но чѣмъ мы сами лучше ихъ, или въ чемъ можемъ сравниться съ ними? Въ отношеніи взаимной любви и милосердія (а Господь ставитъ эту добродѣтель на первое мѣсто и не только чрезъ священное писаніе указываетъ на нее, но и самъ говоритъ: „если будете любить другъ друга взаимно, то тѣмъ покажете, что вы мои ученики“. Іоан. 13), почти всѣ варвары, принадлежа къ одному племени и управляемые однимъ королемъ, связаны другъ съ другомъ, а у римлянъ почти всѣ преслѣдуются обоюдно. Какой гражданинъ у насъ не ненавидитъ другого гражданина? Кто вполнѣ расположенъ къ своему сосѣду? Всѣ далеки другъ отъ друга, если не мѣстомъ, то сердцемъ; живутъ въ одномъ домѣ, а въ мысляхъ раздѣлены. О, еслибъ это худшее изъ всѣхъ золъ ограничивалось согражданами и сосѣдями! Родственники не чтутъ узъ родства. Кто бываетъ близокъ съ своими близкими? Кто считаетъ себя обязаннымъ къ милосердію хотя бы по имени? Кто изъ родственниковъ по сердцу или по крови не снѣдается злобою, у кого чувство не облито желчью, кто не казнится благополучіемъ другого? Кто не считаетъ чужого счастья своимъ бѣдствіемъ? Кто доволенъ своимъ счастьемъ настолько, чтобы пожелать того же и другому? Бо̀льшая часть людей заражена новымъ и неизмѣримымъ зломъ: никто не считаетъ себя счастливымъ, пока не видитъ другихъ несчастными. А то жестокое зло, которое рождается изъ того же источника, и которое столько же чуждо варварамъ, сколько привычно для римлянъ, и именно то зло, что они разоряютъ другъ друга на-

логами? Впрочемъ, и не другъ друга: было бы гораздо сноснѣе, еслибъ каждый заставлялъ другого терпѣть то, что̀ онъ самъ переноситъ; но хуже всего то, что большинство обирается меньшинствомъ, и общественныя подати обратились въ частную добычу; такъ смотрятъ не только высшіе сановники, но и всякая мелочь, не только судьи, но и имъ подчиненные чиновники.

Найдется ли городъ, община или село, гдѣ не было бы столько же тирановъ, сколько куріаловъ (т.-е. гражданъ, несущихъ повинности)? Чиновники гордятся такимъ прозвищемъ, потому что оно даетъ силу и почесть; подобно тому, и воры радуются и торжествуютъ, когда ихъ считаютъ болѣе ужасными, нежели каковы они на дѣлѣ. Еще разъ повторяю, существуетъ ли такой городъ, въ которомъ начальники не пожирали бы внутренностей вдовъ и сиротъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всякую святыню? Духовные имѣютъ ту же участь; они не хотятъ защищать себя или потому, что по своему званію презираютъ земныя блага, или потому, что не могутъ, не имѣя другой опоры, кромѣ своей невинности и смиренія. Такимъ образомъ, у насъ никто не считаетъ себя въ безопасности; и если вы исключите тѣхъ, которые по своей власти и связямъ стоятъ внѣ грабежа или сами участвуютъ въ немъ, то ни одинъ человѣкъ не ускользаетъ отъ жадности этого особеннаго рода воровъ. Дѣло дошло до того, что только тотъ и безопасенъ, кто имѣетъ силу ставить другого въ опасность.

Но неужели среди этого множества злодѣевъ не найдется людей добродѣтельныхъ, которые оказали бы покровительство честнымъ людямъ, которые, по выраженію писанія, исторгнули бы бѣднаго и нищаго отъ рукъ грѣшниковъ? *Нѣтъ человѣка, который сдѣлалъ бы добро; нѣтъ, или всего только одинъ.* Такъ мало добрыхъ, что сказано: *всего только одинъ* (Псал. 13). На самомъ дѣлѣ, находятъ ли несчастные гдѣ-нибудь помощь для себя, когда даже пастыри церкви не имѣютъ довольно твердости, чтобы удерживать отъ насилія угнетателей. Между этими пастырями одни хранятъ молчаніе, а другіе говорятъ не лучше, какъ если бы они молчали; нельзя сказать, чтобъ имъ недоставало смѣлости, но ихъ удерживаетъ разсчетъ и политика. Они не хотятъ высказывать горькую истину, потому что безчестные люди не въ состояніи вынести ее; ихъ убѣгаютъ и преслѣдуютъ ненавистью и проклятіями. Не уважая и не боясь слова пастыря, они презираютъ его по своей необузданной гордости. И потому молчатъ тѣ, которые могли бы говорить, пока не трогаютъ ихъ самихъ. Они не осмѣливаются открыто противопоставлять имъ силу истины, по страху уколоть ихъ истиною и возбудить къ бо̀льшимъ преступленіямъ. А между тѣмъ, бѣдные разграбляются, вдовы стонутъ, сироты угнетены до того, что многіе, принадлежа къ извѣстной фамиліи и получивъ хорошее воспитаніе (liberaliter instituti), бываютъ вынуждены искать убѣжища у непріятелей римскаго народа (германцевъ), чтобы не сдѣлаться жертвою несправедливыхъ преслѣдованій; они идутъ искать у варваровъ римскаго человѣколюбія (romanam humanitatem), потому что не могутъ перенести у римлянъ варварской безчеловѣчности. Хотя они чужды варварамъ, къ которымъ бѣгутъ, и по нравамъ, и по языку, хотя ихъ поражаетъ грязный образъ жизни варваровъ, но,

несмотря на все то, имъ легче привыкнуть къ варварскому быту, нежели переносить несправедливую жестокость римлянъ. Они идутъ на службу къ готамъ, или бакаудамъ, или къ какимъ-нибудь другимъ повсюду господствующимъ варварамъ, и не раскаиваются въ своемъ поступкѣ. Они предпочитаютъ жить свободно, нося званіе рабовъ, нежели быть рабами, сохраняя одно имя свободныхъ. Въ прежнее время высоко цѣнилось и дорого покупалось званіе римскаго гражданина; теперь же отъ него отказываются и бросаютъ его, такъ-какъ оно сдѣлалось презрѣннымъ и отвратительнымъ. Итакъ, я спрашиваю, какое мы могли бы представить болѣе сильное доказательство римской несправедливости, какъ то, что лучшіе люди, которымъ Римъ обязанъ своей славой и честью, доводятся до того, что не хотятъ быть римлянами? По той же самой причинѣ и тѣ, которые не бѣгутъ къ варварамъ, стараются на мѣстѣ сдѣлаться варварами: такимъ образомъ, бо̀льшая часть Испаніи и не малая часть Галліи, наконецъ, всѣ тѣ, которые на римскомъ шарѣ (per universum Romanum orbem) оскорблены римскою несправедливостью, перестали называть себя римлянами.

Теперь поговоримъ о *бакаудахъ* (bacaudi) [1]): съ ними обращались жестоко, ихъ грабили и казнили несправедливые и кровожадные судьи; потерявъ право римской свободы, они не дорожили честью римскаго имени. И мы вмѣняемъ имъ въ преступленіе ихъ несчастіе, даемъ имъ ненавистное имя, которое сами сдѣлали. Мы считаемъ ихъ мятежниками, называемъ потерянными людьми, послѣ того, какъ сами принудили ихъ къ преступленію. Что̀ же сдѣлало ихъ бакаудами, какъ не наши насилія и неправда нашихъ судей, какъ не пени и грабежи со стороны тѣхъ, которые обратили общественныя подати въ свой частный доходъ и сдѣлали налоги своею добычею? Они, на подобіе хищныхъ звѣрей, не жуютъ, но глотаютъ свою жертву; они не только грабятъ, какъ разбойники одно имущество, но раздираютъ жертву и, такъ сказать, напояются ея кровью; вотъ какимъ образомъ люди, задушенные и раздавленные разбоемъ судей, обратились въ варваровъ: имъ не было позволено оставаться римлянами. Пришлось привыкнуть быть тѣмъ, чѣмъ не были, когда не позволяли быть тѣмъ, чѣмъ прежде были; имъ остается защищать жизнь, потому что свобода давно уже потеряна. Теперь продолжается то же, а именно, что тѣ, которые еще не сдѣлались бакаудами, принуждены скоро сдѣлаться тѣмъ же. Мы своими насиліями побуждаемъ ихъ къ бакаудству, и только по малодушію нѣкоторые изъ нихъ не рѣшаются на послѣдній шагъ. Они стонутъ подъ игомъ своихъ враговъ и переносятъ насилія по необходимости, а не по охотѣ; въ душѣ они желаютъ свободы, но изнемогаютъ подъ тяжестью рабства. Такъ бываетъ со всѣми униженными; одно и то же обстоятельство производитъ въ нихъ двоякое явленіе: насиліе, испытываемое ими, побуждаетъ ихъ искать средствъ сдѣлаться свободными; но въ то же время это же самое насиліе ставитъ ихъ въ невозможность привести свое намѣреніе въ исполненіе. Напрасно

[1]) По другимъ спискамъ *Bagaudi*; такъ назывались въ то время возставшіе крестьяне въ Галліи, что̀ на туземномъ кельтическомъ языкѣ означало: *сожигатель*.

обвиняютъ такихъ людей въ томъ, что они желаютъ иногда того, чего не пожелали бы, еслибъ ихъ не принудили къ тому. Дѣйствительно, они часто желаютъ того, что̀ можетъ составить ихъ несчастіе; но они не пожелали бы, если бы не были къ тому вынуждены. Чего же могутъ желать эти несчастные при угнетеніяхъ ихъ безпрестанными налогами, когда надъ ними виситъ тяжелая и нежданная проскрипція, и они покидаютъ свои дома, изъ страха найти въ нихъ мѣсто своихъ мученій, такъ что изгнаніе представляется имъ единственнымъ средствомъ противъ угнетенія? Даже сами непріятели кажутся имъ менѣе ужасными тѣхъ, которые разоряютъ ихъ поборами; опытъ убѣждаетъ ихъ въ справедливости того: у непріятеля они спасаются отъ насилія. Какъ все это ни безчеловѣчно и ни жестоко, не было бы менѣе тягостно, если бы всѣ одинаково и сообща терпѣли; всего же недостойнѣе то, что общая тяжесть выносится не всѣми: налоги падаютъ даже на самыхъ бѣдныхъ людей въ пользу богатыхъ, и слабѣйшіе служатъ опорою сильнѣйшимъ. Причина же, почему они не могутъ выносить такого состоянія, заключается въ томъ, что тяжесть, несомая бѣдными, превышаетъ ихъ силы. Потому-то они вызываютъ противъ себя двухъ весьма различныхъ враговъ — корысть и бѣдность: корысть вооружается противъ нихъ, потому что они отказываются платить; бѣдность угнетаетъ ихъ, потому что ставитъ въ невозможность удовлетворять чужой корысти. Судя по тому, что̀ они должны платить, ты сочтешь ихъ богатыми, а по ихъ дѣйствительному имуществу ты примешь ихъ за нищихъ. Кто можетъ одобрить дѣло такой несправедливости?

Но вотъ обстоятельство еще болѣе вопіющее. Люди богатые сами увеличиваютъ налоги, а бѣдные за нихъ платятъ. Ты скажешь: но богатые принадлежатъ къ высшему цензу, какимъ же образомъ они захотятъ увеличить и свои налоги? Я и не говорилъ, что они себѣ увеличиваютъ, они именно увеличиваютъ другимъ, потому что могутъ въ то же самое время не увеличивать себѣ. Объясню, какъ это бываетъ возможно. Являются, напримѣръ, въ провинцію новые посланцы (novi nuntii) или секретари (epistolarii), присланные изъ высшихъ сферъ (a summis sublimitatibus); они снабжены рекомендаціею къ мѣстнымъ властямъ, и вотъ источникъ всеобщаго разоренія. Гостямъ нужно поднести новые подарки, а для того нужно сдѣлать новый поборъ. Власти и назначаютъ количество, которое имѣютъ внести бѣдные, и такимъ образомъ толпа нищихъ осуждается заплатить за любезность богатыхъ къ своимъ гостямъ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ богатые назначаютъ количество побора, не испытывая сами его тяжести.

Но, ты скажешь, можно ли не почтить и не принять щедро посланнаго отъ высшихъ лицъ? Пусть такъ; но вы, богатые, бывая первыми при назначеніи налоговъ, будьте первыми и при взносѣ ихъ. Будьте первыми въ щедрости, какъ вы бываете первыми при расточеніи комплиментовъ (in liberalitate verborum). Ты даешь изъ моего кармана, дай и изъ своего (qui das de meo, da et de tuo). Было бы даже весьма справедливо, чтобы расходы на всякаго рода торжественные пріемы падали исключительно на тѣхъ, которые разсчиты-

ваютъ при этомъ на благоволеніе. Но мы, бѣдные, повинуемся вашей волѣ; что вы, немногіе, повелѣваете, то мы всѣ исполняемъ. Что же въ этомъ, однако, справедливаго и человѣчнаго? Надъ нами тяготѣютъ подати, опредѣленныя вашими декретами. Мы желаемъ не больше какъ того, чтобы подати были общи, и для насъ, и для васъ. Что можетъ быть несправедливѣе и недостойнѣе, какъ то, что вы освобождаете себя отъ податей, вы, которые другихъ осуждаете на плату. При этомъ несчастные бѣдняки, взнося подати, совершенно не знаютъ, для чего и почему они платятъ. Кому позволено разсуждать, для чего онъ платитъ, или кто можетъ изслѣдовать вопросъ, сколько платить? Но все это дѣлается очевиднымъ, когда богатые вздумаютъ поссориться другъ съ другомъ, когда нѣкоторые изъ нихъ сочтутъ себя обиженными тѣмъ, что какое-нибудь постановленіе сдѣлано безъ ихъ вѣдома и согласія. Тогда такіе сами кричатъ: „о, недостойное дѣло! двое или трое опредѣляютъ то, что̀ давитъ многихъ; нѣсколько знатныхъ назначаютъ налогъ, который придется нести всѣмъ бѣднякамъ". Но такіе люди только по самолюбію протестуютъ, потому что не спросили ихъ при изданіи постановленія, а не по чувству справедливости, которое не позволило бы имъ ни въ какомъ случаѣ согласиться на несправедливое. Потомъ, эти же самые люди дѣлаютъ то же, что̀ осуждали въ другихъ, или по желанію выместить за оказанное имъ прежде неуваженіе, или по заразительности власти (pro potestatis praesumptione). Вслѣдствіе того, несчастнѣйшіе бѣдняки видятъ себя всегда между двухъ столкнувшихся бурь среди моря: сегодня на нихъ обрушиваются волны съ одной стороны, а завтра съ другой.

Но на свѣтѣ бываетъ, что иногда тѣ же люди, которые оказываются несправедливыми въ одномъ дѣлѣ, въ другомъ являются умѣренными и справедливыми, такъ что зло, причиненное ими въ одномъ случаѣ, заглаживается честнымъ поступкомъ при другомъ. Такимъ образомъ, если при увеличеніи податей страдаютъ исключительно бѣдные, то при уменьшеніи податей они, можетъ быть, первые облегчаются: если при первомъ случаѣ ихъ давятъ, то при второмъ даютъ имъ вздохнуть. Но, увы, несправедливость въ обоихъ случаяхъ одинакова. При увеличеніи налоговъ, бѣдныхъ угнетаютъ первыми, и послѣдними вспомнятъ, когда дѣло идетъ объ облегченіи. Еще недавно, когда бѣдствія городовъ принудили высшую власть уменьшить налоги, это облегченіе, которое должно было распространяться одинаково на всѣхъ, было отнесено къ однимъ богатымъ. Кто вспомнилъ при этомъ о бѣдныхъ? Кто пригласилъ униженныхъ и нуждающихся къ участію въ облегченіи налоговъ? Ихъ первыхъ вспоминаютъ при увеличеніи, а при уменьшеніи они остаются позади всѣхъ. Короче, о податныхъ бѣднякахъ вспоминаютъ только при увеличеніи налоговъ; но при облегченіи ихъ выключаютъ изъ числа податныхъ. И мы думаемъ, обращаясь съ бѣдными съ такою жестокостью, что мы не заслуживаемъ божескаго наказанія, и вѣримъ, что намъ позволено быть несправедливыми, а Богъ не будетъ справедливъ въ отношеніи насъ. Гдѣ и у кого, какъ не у римлянъ, можно найти такое зло? Чья несправедливость превышаетъ нашу? Франки не зна-

ютъ такого зла; его нельзя встрѣтить и у гунновъ. Ничего подобнаго у вандаловъ, ничего подобнаго у готовъ. Это зло чуждо готамъ до того, что даже римляне, живущіе среди нихъ, не испытываютъ его на себѣ. Единственное желаніе всѣхъ римлянъ состоитъ въ томъ, чтобы не пришлось опять когда-нибудь подпасть подъ римскіе законы. Единственная и всеобщая мечта римскаго простолюдина (romanae plebis) относится къ тому, чтобы жить съ варварами. И мы еще удивляемся, что не можемъ побѣдить готовъ, когда сами римляне предпочитаютъ быть съ ними, нежели съ нами. Итакъ, наши братья не только не желаютъ перейти отъ готовъ къ намъ, но еще къ нимъ бѣгутъ и насъ покидаютъ. По этому поводу меня удивляетъ только одно обстоятельство: отчего не всѣ наши податные бѣдные и несчастные обращаются къ этому средству, чтобы спастись отъ угнетенія? Ихъ удерживаетъ одна трудность перенести съ собою въ чужую землю свою рухлядь, свои хижины и свое семейство. Многіе оставляютъ свои огородишки и домишки, чтобы спастись отъ притѣсненій, и какъ имъ не желать бросить то, откуда ихъ гонятъ, и унести съ собою что-нибудь, если откроется къ тому возможность. Въ случаѣ же совершенной невозможности того, чего они такъ сильно желаютъ, они обращаются къ послѣднему средству. Они отдаютъ себя подъ покровительство и защиту богатыхъ, дѣлаются ихъ крѣпостными (dedititii), и, такъ сказать, предаютъ себя ихъ власти и суду (in jus eorum ditionemque transcendunt [1]). Я не охуждаю, впрочемъ, эту мѣру; я былъ бы даже готовъ похвалить богатыхъ, въ руки которыхъ предаютъ себя бѣдные, если бы они предлагали защиту бѣднымъ по человѣколюбію, а не по своекорыстію, и не торговали бы своимъ покровительствомъ (patrocinia). Но то ужасно и безчеловѣчно, что своимъ покровительствомъ они грабятъ бѣдныхъ и, защищая несчастныхъ, дѣлаютъ ихъ тѣмъ еще болѣе несчастными. Всякій для пріобрѣтенія защиты долженъ предварительно отдать своему защитнику (defensor) почти все свое достояніе, такъ что отцы получаютъ защиту цѣною наслѣдства дѣтей. Безопасность отцовъ пріобрѣтается нищетою ихъ потомства. Вотъ какова помощь и покровительство богатыхъ. Получая, они ничего не даютъ, и все берутъ себѣ. Этими договорами облегчается временно участь родителей, но въ будущемъ все отнимается у дѣтей. Итакъ, богатые продаютъ тяжелою цѣною свои услуги. Я говорю: *продаютъ*; о, если бы они только продавали по общепринятому въ торговлѣ обычаю, тогда что-нибудь осталось бы и покупателю; но они изобрѣли новый родъ покупки и продажи, по которому продавецъ ничего не продаетъ, а все получаетъ, покупатель же ничего не получаетъ, и почти всего лишается. При всякой торговой сдѣлкѣ, у покупателя увеличивается число вещей, у продавца оказывается недочетъ, потому что покупатель пріобрѣтаетъ для умноженія имущества, а продавецъ лишается проданной вещи; но что

---

[1]) Изъ этого бѣдственнаго положенія римскихъ поселянъ могли развиться впослѣдствіи феодальныя права; римское правительство строго преслѣдовало такое patrocinium (см. Код. Θеодос. г. 395, 396, 399), но фактъ одержалъ верхъ надъ закономъ.

это за неслыханный родъ торговли: у продавца увеличивается имущество, а покупатель остается при нищенской сумѣ! Что̀ сказать о другомъ нестерпимомъ и чудовищномъ злѣ, которое не только умъ человѣка не можетъ переварить, но и слухъ не можетъ вынести: эти бѣдные и несчастные, лишившись разъ своего хозяйства и выгнанные изъ своихъ земель, потерявъ имущество, не теряютъ обязанности платить за него подати; отказавшись отъ права владѣнія, несутъ подушный окладъ (capitatio). Имущества уже нѣтъ, но налоги гнетутъ. Кто можетъ себѣ представить такое зло? Ихъ имуществомъ владѣютъ злоупотребители, а бѣдные несутъ за нихъ подати. Дѣти, по смерти отца, не наслѣдуютъ его полей, но угнетаются тѣми же полевыми повинностями. Вслѣдствіе такихъ злодѣяній, они отъ частнаго грабежа теряютъ имущества, а отъ общественныхъ повинностей—жизнь: грабежъ отнимаетъ достояніе, а подати—животъ. Вотъ почему нѣкоторые изъ тѣхъ, о которыхъ мы говоримъ, или будучи благоразумнѣе, или наученные опытомъ, послѣ того какъ они потеряли свои дома и поля или отъ частнаго завладѣнія, или спасаясь бѣгствомъ отъ сборщиковъ и бросая свое достояніе, которое не могли сохранить,—берутъ землю у знатныхъ на аренду (fundos majorum expetunt) и дѣлаются фермерами (coloni) богатыхъ. Такимъ образомъ, подобно тѣмъ, которые при вторженіи непріятеля ищутъ спасенія въ крѣпости, или тѣмъ, которые, потерявъ защиту законовъ, съ отчаяніемъ прибѣгаютъ въ мѣста убѣжища (ad asilum aliquod), фермера не ищутъ родного очага, не домогаются достоинства предковъ, но налагаютъ на себя ярмо и доводятся до такой крайности, что теряютъ права и имущества и состоянія, изгоняются не только изъ имѣнія, но, такъ сказать, изъ самихъ себя, и, лишаясь всего, лишаются и собственности, и права свободы.

Но ко всему этому вынуждаетъ необходимость, и участь ихъ, какъ она ни крайня, была бы еще сносною, если бы къ ней не присоединялось самое послѣднее бѣдствіе. Это-то и ужасно, и горько, что съ этимъ зломъ сопряжено еще бо̀льшее зло. Фермеровъ принимаютъ какъ гостей, но скоро ихъ обращаютъ въ туземцевъ; какъ одна злая волшебница превращала людей въ животныхъ, такъ и эти несчастные, взявшіе аренду у богатыхъ, подвергаются извѣстной метаморфозѣ, совершенной напиткомъ Цирцеи. Въ самомъ дѣлѣ, большіе собственники, принявъ фермеровъ, какъ поселенцевъ, начинаютъ съ ними обращаться какъ съ крѣпостными; люди свободные обращаются въ рабовъ. И мы еще удивляемся, какъ варвары могутъ брать насъ въ плѣнъ, когда мы сами полонимъ своихъ братьевъ? Нѣтъ ничего удивительнаго, что наши непріятели (германцы) такъ легко опустошаютъ и грабятъ цѣлыя страны.

Сальвіанъ.

De Gubernatione Dei, кн V, 4—9.

Salvianus, presbyterus Massiliensis—Сальвіанъ, марсельскій пресвитеръ, жилъ и писалъ въ половинѣ V столѣтія; отъ его литературной дѣятельности до насъ дошли слѣдующія сочиненія: 1) De gubernatione Dei (о міроправленіи) въ 8 книгахъ; 2) Adversus avaritiam (противъ жадности) въ 4 книгахъ; и 3) небольшое собраніе писемъ, въ числѣ 9. Подробности его жизни остались совершенно неизвѣстными; изъ отдѣльныхъ мѣстъ его сочиненій видно только, что онъ родился въ окрестностяхъ г. Кёльна. Нравственное вліяніе на современниковъ Сальвіана было такъ велико, что ближайшее потомство придало ему титулъ епископа, котораго онъ никогда не имѣлъ, оставаясь до смерти простымъ священникомъ. Въ своемъ сочиненіи De gubernatione Dei (въ древнѣйшихъ спискахъ оно называется De providentia ac justitia Dei) Сальвіанъ доказываетъ неосновательность ропота на провидѣніе людей, которые хотѣли сложить съ себя вину въ общественныхъ бѣдствіяхъ, и по этому поводу авторъ представляетъ подробный и глубокій анализъ нравственнаго состоянія римскаго общества незадолго до его окончательнаго паденія. Дополненіемъ къ этому сочиненію служитъ другое произведеніе Сальвіана: Adversus avaritiam, въ которомъ авторъ бичуетъ пороки, вкравшіеся въ самое христіанское общество, и въ особенности въ его представителей, начиная отъ самаго низшаго духовенства и до епископовъ: hoc malum ad Levitas etiam atque Presbiteros, et quod his feralius multo est, etiam ad Episcopos pervenisse, говоритъ онъ въ 9 письмѣ, которое служитъ предисловіемъ къ сочиненію Adversus avaritiam, бывшему извѣстнымъ подъ псевдонимомъ: Thimothei ad ecclesiam catholicam, т.-е. Посланіе Тимоѳея къ каѳолической церкви.—Лучшее изданіе сочиненій Сальвіана съ подробными комментаріями сдѣлано еще въ XVII вѣкѣ Стефаномъ Балузіемъ: Sanctorum presbyterorum Salviani Massiliensis et Vincentii Lirinensis opera. Par. 1684. Новѣйшее изданіе—Grégoire et Collombet; французскій переводъ P. Bonnet. См. также у *Migne*, Patrologiae cursus competus, etc. 1857, т. XLIII.

13.—Общая картина римскаго общества предъ паденіемъ западной римской имперіи.

(1833 г.).

Древнее общество, отличаясь многимъ отъ нашего, не умѣло возобновлять непрерывно богатства промышленностью. Постоянно потребляя, но не производя болѣе, послѣ того какъ промышленныя сословія были разорены рабствомъ, общество требовало все болѣе и болѣе отъ земли, а руки, которыми обрабатывалась эта земля, съ каждымъ днемъ становились рѣже и неспособнѣе.

Нѣтъ ничего ужаснѣе картины Лактанція (писат. IV вѣка), изображающей эту смертельную борьбу между алчнымъ фискомъ и обезсиленнымъ народомъ, который могъ страдать, умирать, но не пла-

тить. „Число сборщиковъ податей, говоритъ онъ, въ сравненіи съ тѣми, которые должны были платить столь чрезмѣрные налоги, сдѣлалось такъ велико, что у земледѣльцевъ не хватало силъ; поля обращались въ пустыни, и обработанныя земли покрывались лѣсами... Я не знаю, сколько должностей и чиновниковъ обрушивалось на каждую провинцію, на каждый городъ, подъ именами *Magistri Rationales*, намѣстники префектовъ. Всѣ эти люди пускаютъ въ ходъ одни приговоры, конфискаціи, насилія, и насилія, не только часто повторяющіяся, но постоянныя и соединенныя съ невыносимыми оскорбленіями... Но всеобщее бѣдствіе, всеобщая печаль послѣдовали только тогда, когда бичъ ценза проникъ въ провинціи и города; цензоры распространились повсюду и разорили все: вы сказали бы, что это нашествіе непріятелей, городъ, взятый штурмомъ. Поля измѣряли до послѣдняго клочка, считали деревья, корни винограда. Записывали число животныхъ, переписывали поголовно людей. Слышны были только бичи, крики мученій; мученіями выпытывали ложныя показанія у вѣрнаго раба противъ своего господина, у жены противъ мужа, у сына противъ отца; за недостаткомъ свидѣтельствъ, ихъ самихъ мучили для вынужденія показаній противъ самихъ себя; и когда они уступали, побѣждаемые болью, и тогда еще записывалось то, чего они не говорили. Не было снисхожденія ни къ старости, ни къ болѣзни; приносили больныхъ, дряхлыхъ. Годился возрастъ всякаго, прибавляли лѣта дѣтямъ, уменьшали старикамъ; все было полно унынія и смущенія. И еще не удовлетворялись этими первыми агентами, посылали всегда другихъ, чтобы лучше разслѣдовать; и тягости всегда удвоивались, потому что эти, не находя ничего, на всякій случай прибавляли, чтобы не показаться недѣятельными. Между тѣмъ, количество животныхъ уменьшалось, люди умирали, и тѣмъ не менѣе установлена была подать за мертвыхъ“.

На кого падало столько оскорбленій и притѣсненій, терпимыхъ людьми свободными? На рабовъ, на колоновъ или зависимыхъ землепашцевъ, положеніе которыхъ съ каждымъ днемъ приближалось къ рабству. На нихъ-то владѣльцы вымещали всѣ оскорбленія и взятки, которыми ихъ отягощали императорскіе чиновники. Ихъ бѣдность и отчаяніе достигли высшей степени въ эпоху, картину которой рисуетъ Лактанцій. Тогда всѣ рабы Галліи взялись за оружіе, подъ именемъ *багаудовъ*. Въ короткое время они овладѣли всѣми селами, сожгли многіе города, и произвели болѣе опустошеній, чѣмъ варвары. Они избрали двухъ предводителей, Эліана и Аманда, которые, по преданію, были христіане. Нѣтъ ничего удивительнаго, что такое обращеніе къ естественнымъ правамъ человѣка частью было внушено ученіемъ христіанскаго равенства. Сальвіанъ особенно сожалѣетъ о ихъ злополучіи...

Восшествіе на престолъ Константина и утвержденіе христіанства было эпохой радости и надежды. Рожденный въ Бретани, какъ и отецъ его, Констанцій Хлоръ, онъ былъ сынъ и питомецъ Бретани и Галліи. По смерти отца онъ уменьшилъ число тѣхъ, которые платили поголовную подать въ Галліи, отъ двадцати пяти тысячъ до 18

тысячъ. Армія, съ которой онъ побѣдилъ Максенція, принадлежала большею частью этой послѣдней провинціи.

Законы Константина суть законы руководителя партіи, который представляется имперіи какъ освободитель и спаситель. „Подальше, восклицаетъ онъ, подальше отъ народа хищныя руки фискальныхъ чиновниковъ! Всѣ пострадавшіе отъ ихъ грабительства могутъ объявить то правителямъ провинцій. Если и эти будутъ потворствовать, мы дозволяемъ всѣмъ обращаться съ жалобами ко всякому графу (comes) провинціи или префекту преторіи, если онъ находится въ сосѣдствѣ, для того, чтобы, узнавъ о такихъ грабительствахъ, мы могли искупить ихъ наказаніемъ, котораго они заслуживаютъ".

Эти слова оживили имперію. Уже одинъ видъ торжествующаго креста успокоивалъ сердца. Этотъ знакъ всеобщаго равенства возбуждалъ неопредѣленную и неизмѣримую надежду. Всѣмъ казалось, что приблизился конецъ бѣдствій.

Между тѣмъ христіанство нисколько не помогло матеріальнымъ бѣдствіямъ общества. Христіанскіе императоры, подобно своимъ предшественникамъ, не исцѣлили ихъ. Всѣ попытки, которыя были сдѣланы, доказывали только окончательное безсиліе закона. Въ самомъ дѣлѣ, что онъ могъ сдѣлать, вращаясь въ безвыходномъ кругу? Если онъ старался, страшась уменьшенія народонаселенія, облегчить участь колона, защитить его отъ владѣльца, тогда владѣлецъ кричалъ, что онъ не можетъ болѣе платить налоговъ; если онъ оставлялъ колона, предавалъ его владѣльцу, погружалъ его въ рабство, усиливался прикрѣпить къ землѣ—тогда несчастный колонъ умиралъ или убѣгалъ, и земля оставалась необработанною. Со временъ Августа зло вызывало законы, которые всѣмъ жертвовали интересамъ населенія, даже нравственностью. Пертинаксъ обезпечивалъ собственность и давалъ льготу отъ налоговъ на десять лѣтъ тѣмъ, которые займутъ пустопорожнія земли въ Италіи, провинціяхъ и у союзныхъ королей. Авреліанъ подражалъ ему. Пробъ былъ принужденъ переселить людей съ ихъ стадами изъ Германіи для обработки земли въ Галлію. Онъ приказалъ пересадить туда виноградныя лозы, уничтоженныя Домиціаномъ. Максиминъ и Констанцій Хлоръ переселили франковъ и другихъ германцевъ въ пустыни Геннегау, Пикардіи и Лангра; а между тѣмъ безлюдье увеличивалось въ городахъ и селахъ. Нѣкоторые граждане переставали платить налоги: потому тѣ, которые еще оставались, платили болѣе. Жадный и безжалостный фискъ пополнялъ дефицитъ на куріалахъ и городскомъ магистратѣ.

Если кто хочетъ видѣть зрѣлище народной агоніи, тому стоитъ пробѣжать ужасный сводъ постановленій, которымъ имперія старалась удержать гражданина въ городѣ, давившемъ его и обрушавшемся на него. Несчастные куріалы, одни имѣвшіе еще помѣстья при всеобщемъ обѣднѣніи, называются *невольниками и рабами* общественнаго дѣла. Имъ предоставлена честь управлять городомъ, распредѣлять налоги по своему усмотрѣнію; но недостатокъ пополняется на ихъ счетъ. Они же имѣютъ счастіе платить императору *aurum coronarium*. Они—*высокопочтенный сенатъ* города, *знаменитѣйшее сословіе* куріи. Но, несмотря на то, они такъ мало цѣнятъ свое счастіе,

что безпрестанно стараются избѣжать его. Законодатель постоянно принужденъ изыскивать новыя предосторожности, чтобы замкнуть, огородить курію. Странно видѣть сановниковъ, которыхъ законъ старается, такъ сказать, не выпускать изъ виду и прикрѣпить къ ихъ курульскому креслу. Онъ имъ запрещаетъ отлучаться, жить въ деревнѣ, идти въ войско, быть священниками; они могутъ поступить въ другое сословіе не иначе, какъ оставивъ свое состояніе кому-нибудь желающему быть куріаломъ на его мѣсто. Законъ ихъ не щадитъ: „Нѣкоторые низкіе и лѣнивые люди оставляютъ обязанности гражданъ, чтобы предаться созерцательной жизни и проч. Мы не освободимъ ихъ, или пусть они откажутся отъ своихъ родовыхъ помѣстій. Прилично ли умамъ, занятымъ божественнымъ созерцаніемъ, сохранять привязанность къ имуществу?...“

Несчастный куріалъ не имѣлъ даже надежды смертью прекратить рабство. Законъ преслѣдовалъ и его сыновей. Его бремя наслѣдственно. Законъ требуетъ, чтобы онъ женился, родилъ и воспиталъ ему жертвъ. Тогда всѣ упали духомъ. Мертвящая недѣятельность распространилась во всемъ обществѣ. Народъ распростерся по землѣ отъ усталости и отчаянія, какъ вьючная скотина ложится подъ ударами и отказывается подняться. Напрасно императоры, предложеніями льготъ и исключеній, старались призвать обратно земледѣльца на его оставленное поле. Ничто не помогало. Пустыня увеличивалась съ каждымъ днемъ. Въ началѣ пятаго вѣка, въ *счастливой* Кампаніи, лучшей въ имперіи провинціи, было пятьсотъ-двадцать-восемь тысячъ десятинъ необработанной земли.

Ужасъ императоровъ, при видѣ такого опустошенія, былъ такъ великъ, что заставилъ ихъ прибѣгнуть къ отчаянному средству. Они отважились произнести слово свободы. Граціанъ убѣждалъ провинціи устроивать сеймы; Гонорій пытался образовать подобныя же собранія въ Галліи: онъ приглашалъ, просилъ, угрожалъ, налагалъ денежные штрафы на тѣхъ, которые отказывались участвовать въ этихъ собраніяхъ. Все это было безполезно, ничто не возбуждало народа, отупѣвшаго подъ тяжестью бѣдствій. Народъ обратилъ взоры въ другую сторону. Онъ не безпокоился болѣе объ императорѣ, безсильномъ какъ на хорошее, такъ и на дурное. Онъ умолялъ только о смерти, по крайней мѣрѣ, общественной смерти, и о вторженіи варваровъ. „Они призываютъ непріятеля, говорятъ писатели того времени, они домогаются плѣна... Наши братья, живущіе у варваровъ, остерегаются возвратиться; они оставили насъ съ тѣмъ, чтобы соединиться съ ними, и удивляются даже, что всѣ бѣдные не сдѣлаютъ того же, но это потому, что они не могутъ унести съ собой своихъ хижинъ“.

Наконецъ, приходятъ эти варвары. Древнее общество осуждено. Долгая работа побѣды, рабства и обезлюденія приходитъ къ концу. Можно ли сказать, однакожъ, что все это совершилось напрасно, что этотъ всепоглощающій Римъ не оставилъ ничего, напримѣръ, на гальской почвѣ, откуда онъ также удалился? То, что онъ оставилъ здѣсь, было въ самомъ дѣлѣ неизмѣримо. Онъ оставилъ здѣсь организацію, администрацію. Онъ основалъ *общину* (cité); Галлія прежде имѣла только села и, самое бо̀льшее, города.

Эти театры, цирки, водопроводы, эти дороги, которымъ мы до сихъ поръ удивляемся, служатъ прочнымъ символомъ цивилизаціи, основанной римлянами, оправданіемъ ихъ покоренія Галліи. И такова сила этой организаціи, что даже тогда, какъ жизнь ея, казалось, удалялась, тогда какъ варвары готовы были ее уничтожить, она подчинила ихъ себѣ, противъ ихъ воли. Они принуждены были, хотя-нехотя, жить подъ этими несокрушимыми сводами, которыхъ не могли поколебать; они склоняютъ голову, и, несмотря на то, что они побѣдители, получаютъ законы отъ побѣжденнаго Рима. Римъ завѣщалъ этой землѣ то великое имя имперіи, ту идею равенства при одномъ монархѣ, столь противоположную аристократическому началу Германіи. Короли варваровъ извлекали отсюда свою выгоду. Сохраняемыя церковью, вошедшія въ народное преданіе, тѣ идеи проложатъ себѣ дорогу въ лицѣ Карла Великаго и Лудовика Святого. Онѣ же приведутъ насъ, въ теченіе исторіи вѣковъ, мало-помалу, къ паденію аристократіи во Франціи, равенству и справедливости новѣйшихъ временъ.

Все это относится къ гражданскому устройству. Но рядомъ съ этимъ устройствомъ сложилось другое, долженствовавшее принять въ себя и спасти первое, во время вторженія варваровъ. Вездѣ, вмѣстѣ съ римскимъ чиновничествомъ, готовымъ исчезнуть и оставить общество въ опасности, новая религія установила другое, которое его современемъ поддержитъ. Римскій титулъ defensor civitatis (защитникъ города) вездѣ былъ присвоенъ епископами. Раздѣленіе на духовныя епархіи соотвѣтствовало раздѣленію на императорскіе округи. Стремленіе императоровъ къ всемірной монархіи пало, но зато возникла универсальность католицизма. Первосвятительство Рима и св. Петра начинаетъ восходить еще сумрачное и смутное. Міръ поддерживается и управляется церковью; его зарождающаяся іерархія служитъ планомъ, по которому все располагается и образуется. Она—причина внѣшняго порядка и внутренней жизни. Послѣдняя болѣе всего замѣтна у монаховъ. Уставъ святого Бенедикта даетъ древнему міру, изнуренному рабствомъ, первый примѣръ свободнаго труда. Гражданинъ, уничиженный паденіемъ города, въ первый разъ обращаетъ глаза къ землѣ, которою онъ такъ долго пренебрегалъ. Онъ вспоминаетъ о работѣ, заповѣданной отъ начала міра приговоромъ Адаму. Это великое нововведеніе свободнаго и добровольнаго труда кладетъ основаніе существованію новаго порядка вещей.

Мишле.

Hist. de France. I, 98—113.

См. примѣчаніе къ ст. 11.

14.—Дворъ цезарей въ эпоху паденія З. Р. имперіи.

(Письмо къ Геронію, въ 467 г.).

Послѣ свадьбы патриція Рицимера, то-есть послѣ расточенія богатствъ обѣихъ имперій, все возвратилось къ покою, и дѣла приняли обычный ходъ. Подъ кровлею бывшаго префекта Павла, знаменитаго столько же своею ученостью, сколько и добродѣтелью, я пользуюсь всѣми выгодами ласковаго и внимательнаго гостепріимства. Поистинѣ, ни въ одномъ родѣ наукъ никто не можетъ стать выше этого человѣка. Боже милосердый, какой онъ мастеръ на шарады, какое у него блестящее краснорѣчіе, какая легкость стиха, и какія удивительныя штуки онъ умѣетъ дѣлать пальцами! Однако, одно изъ всѣхъ его блестящихъ качествъ превосходитъ всѣ прочія, а именно, онъ имѣетъ такую душу, которая выше всѣхъ его удивительныхъ познаній. Прежде всего, я старался развѣдать чрезъ него, нѣтъ ли средства получить хорошій пріемъ при дворѣ; съ нимъ же я обсуждалъ вопросъ, кто изъ вельможъ лучше другихъ могъ бы помочь мнѣ осуществить мои надежды. По правдѣ сказать, мы колебались недолго, потому что покровителя приходилось выбирать изъ весьма небольшого числа лицъ. Конечно, сенатъ представляетъ много именъ, извѣстныхъ огромными богатствами, знатнаго рода, почтенныхъ по лѣтамъ, опытныхъ въ дѣлѣ совѣта, высоко поставленныхъ по званію и равныхъ по общественному положенію; но все же, будь сказано не въ укоръ другимъ, двое знатнѣйшихъ консуларовъ, Геннадій-Авіенъ и Цецина-Василій, выдавались передъ прочими. Они въ кругу высшихъ сановниковъ, если исключить военныхъ начальниковъ, были, безспорно, первыми лицами въ государствѣ послѣ императора. Между ними было однакоже различіе въ характерахъ, и скорѣе они походили другъ на друга по общественному значенію, чѣмъ по нравамъ. Въ нѣсколькихъ словахъ я хочу сообщить тебѣ нѣкоторыя подробности касательно этихъ лицъ. Авіенъ достигъ консульства счастіемъ, Василій—заслугами; Авіенъ былъ извѣстенъ по легкости достиженія почестей; въ Василіи поражала ихъ многочисленность, хотя они достались ему и поздно. Около обоихъ, когда они выходили изъ дому, тѣснилась многочисленная толпа кліентовъ, предшествовавшихъ, сопровождавшихъ и окружавшихъ ихъ со всѣхъ сторонъ; но при одинаковой многочисленности, не одинаковы были характеры и надежды ихъ приверженцевъ. Авіенъ все свое вліяніе употреблялъ на возвышеніе сыновей, зятьевъ и братьевъ; безпокоимый постоянно домашними кандидатами, онъ не такъ легко могъ заботиться объ удовлетвореніи требованій постороннихъ искателей. Въ этомъ отношеніи предпочитали фамилію Децієвъ фамиліи Корвиновъ (къ которымъ принадлежали оба консулара), потому что сколько блестящій Авіенъ помогалъ своимъ родственникамъ, столько скромный Василій дѣлалъ для лицъ, ему совершенно чужихъ. Авіенъ очень скоро сближался со всѣми, но это сближеніе приносило немного пользы. Съ Василіемъ

удавалось сойтись немногимъ и не вдругъ, но зато съ пользой. Тотъ и другой не были неприступны и горды въ обращеніи, но если бы заискивать у обоихъ, то отъ Авіена можно скорѣе дождаться короткости, отъ Василія — дѣйствительнаго одолженія. Взвѣсивъ основательно всѣ эти соображенія и попытавъ обоихъ, я рѣшился, сохраняя все уваженіе къ старому консулару, у котораго я продолжалъ бывать довольно часто, примкнуть однакоже къ толпѣ кліентовъ Василія. Между тѣмъ какъ я старался, при помощи этого достойнаго мужа, сдѣлать что-нибудь для достиженія цѣли овернской депутаціи, приблизились январскія календы, когда Августъ (т.-е. императоръ Антемій) во второй разъ долженъ былъ внести свое имя въ консульскій списокъ [1]. „Любезный Соллій, сказалъ мнѣ мой патронъ, хотя ты обремененъ занятіями по порученнымъ тебѣ дѣламъ, но мнѣ хотѣлось, чтобы, въ угоду новому консулу, ты вызвалъ свою старую музу, пусть она, хотя наскоро, продиктуетъ тебѣ поздравительное стихотвореніе. Я съ своей стороны постарался бы устроить принятіе и произнесеніе панегирика и подготовить успѣхъ его. Если ты вѣришь моей опытности, эта бездѣлица можетъ сильно подвинуть впередъ и твое дѣло“. Я повиновался; Василій не оставилъ стиховъ моихъ своею благосклонностью, и, ручаясь за мою преданность, онъ такъ обошелъ моего консула, что тотъ сдѣлалъ меня префектомъ своего сената.

Но, если я не ошибаюсь, проскучавъ надъ моимъ длиннымъ письмомъ, ты, можетъ быть, съ бо̀льшимъ удовольствіемъ прочиталъ бы теперь эти небольшіе стихи; моя поэма достигнетъ тебя съ этимъ же посланіемъ, которое, во ожиданіи моего прибытія, займетъ тебя нѣсколько дней моею особою. Если твой голосъ будетъ въ мою пользу, то я буду этимъ также доволенъ, какъ еслибъ въ комиціяхъ или на каѳедрѣ передъ народомъ мои слова были приняты громкими рукоплесканіями сенаторовъ и трибъ. Не пытайся, однакоже, я тебя прошу, сравнивать эти бездѣлицы съ произведеніями своей музы. Ибо, сличивъ мои стихи съ твоими, ихъ можно будетъ уподобить не блестящимъ героическимъ пѣснямъ, а слезливымъ эпитафіямъ. Порадуйся однакожъ тому, что мой панегирикъ имѣлъ если не славу, то, по крайней мѣрѣ, всю выгоду, какой только можно ждать отъ хорошаго произведенія. Потому, если можно шутки примѣшивать къ важнымъ вещамъ, мнѣ хочется, подражая Пиргополинику Плавта, кончить мое письмо хвастовствомъ въ родѣ Тразона. Такъ какъ я, по милости Христа, достигъ префектуры, благодаря моему сочиненію, то устрой во уваженіе моего высокаго званія, чтобы общія похвалы и одобренія превознесли до небесъ или мой панегирикъ, если онъ тебѣ понравится, или, въ противномъ случаѣ, мое счастіе. Я вижу отсюда, какъ ты улыбаешься, сравнивая мои притязанія съ самохвальствомъ Тразона, героя плавтовской комедіи „Именитый воинъ“. Прощай.

Сидоній Аполлинарій.

Т. I, кн. 1, письмо IX, стр. 46.

---

[1]) Въ V стол. императоры, какъ и при Августѣ, продолжали быть избираемы въ древнія республиканскія должности, хотя это избраніе было одною формою.

См. примѣчаніе къ ст. 10. Сидоній, по случаю провозглашенія новаго императора въ Римѣ, Антемія, на мѣсто умерщвленнаго Майоріана, отправляется по назначенію своихъ согражданъ изъ Оверни въ Галліи въ Италію. Антемій былъ назначенъ собственно византійскимъ дворомъ, по просьбѣ римскаго сената, который хотѣлъ тѣмъ самымъ освободиться отъ самовластія Рицимера. Левъ, византійскій императоръ, назначилъ Антемія, зятя своего предшественника Маврикія, и чтобы склонить на свою сторону Рицимера, предложилъ Антемію выдать дочь свою за Рицимера. Сидоній явился въ Римъ именно во время празднованія этого политическаго брака, остановившаго всѣ общественныя дѣла, и оттуда писалъ письмо къ своему земляку, Геронію, о предварительныхъ своихъ работахъ для подготовленія успѣха по дѣламъ своей провинціи.

15.—Нравы высшаго римскаго общества въ Италіи предъ его паденіемъ.

Величіе древняго Рима было основано на рѣдкомъ и почти невѣроятномъ союзѣ счастья и доблести [1]). Длинный періодъ своего дѣтства Римъ провелъ въ борьбѣ съ мелкими племенами Италіи, сосѣдними и вмѣстѣ враждебными рождавшемуся городу. Достигнувъ полной юношеской силы, онъ съ жаромъ предался великимъ трудамъ; онъ пронесъ свое побѣдоносное оружіе за горы, рѣки и моря и пожалъ лавры на всѣхъ концахъ земного шара. Наконецъ, склонившись къ старости и все еще иногда торжествуя надъ непріятелемъ страхомъ своего имени, онъ ищетъ теперь наслажденія въ покоѣ. Уважаемое всѣми государство, предъ которымъ склонялись главы могущественныхъ націй, и которое создало кодексъ законовъ для покровительства правосудію и свободѣ, передало, какъ мудрая и могущественная мать [2]), цезарямъ, своимъ возлюбленнымъ дѣтямъ, заботу управлять своими безграничными владѣніями. Твердый и прочный миръ, напоминавшій счастливое правленіе Нумы, смѣнилъ кровавую революцію республики. Римъ попрежнему былъ обоготворяемъ, какъ царь вселенной, и побѣжденные народы не переставали уважать достоинство римлянина и величіе его сената.

Но этотъ врожденный блескъ помрачился отъ испорченности нравовъ высшаго сословія, которое. забывъ и собственную славу, и славу своей страны, предалось постыднымъ образомъ самымъ ничтожнымъ порокамъ и разврату. Споря безпрестанно о титлахъ и рангахъ, они начинаютъ теперь выдумывать себѣ звучныя прозвища, какъ-то: Reburrus, Fabunius, Pagonius, Tarracius, Perrasius, чтобы озадачить тѣмъ легковѣрную толпу и заслужить удивленіе и уваженіе. Въ суетной на-

---

[1]) Въ текстѣ: foedere pacis aeternae Virtus convenit atque Fortuna (ч. I, стр. 16)

[2]) Въ текстѣ: velut frugi parens, et prudens, et dives (стр. 17).

деждѣ упрочить о себѣ память, они заказываютъ собственныя статуи изъ бронзы и мрамора, и вѐрхомъ счастія считаютъ возможность обдѣлать ихъ въ золото; у предковъ это считалось отличіемъ для такого консула, какъ Ацилій, послѣ того, когда онъ, при помощи своихъ талантовъ и храбрости, успѣлъ разрушить могущество Антіоха. Хвастовство, съ которымъ они выставляютъ напоказъ списки своихъ помѣстій въ провинціяхъ восточной и западной имперій—причемъ иногда приписываются и лишнія — возбуждаетъ негодованіе, особенно когда припомнишь мужество и бѣдность нашихъ предковъ, которые не отличались отъ простого солдата ни пищей, ни одеждой; но современная намъ знать измѣряетъ свое достоинство и важность высотою экипажа и тяжеловѣснымъ великолѣпіемъ своихъ одеждъ. Длинныя одежды изъ пурпура и шелку развѣваются по вѣтру и даютъ возможность разсмотрѣть подъ ними богатую тунику, украшенную вышивками, изображающими различныхъ животныхъ (болѣе благочестивые въ то время давали вышивать вмѣсто того изображенія святыхъ или изреченія). Сопровождаемыя свитою въ пятьдесятъ человѣкъ прислуги, ихъ закрытыя колесницы потрясаютъ мостовую и дома, когда онѣ катятся по улицѣ съ необыкновенною быстротою. Матроны (знатныя дамы) подражаютъ примѣру сенаторовъ, и ихъ экипажи безпрерывно снуютъ по городу и его окрестностямъ. Если кто-нибудь изъ этого блестящаго класса удостоитъ войти въ термы (бани, соединенныя съ ресторанами, магазинами, прогулками и т. д.), онъ распоряжается повелительнымъ тономъ и требуетъ, чтобы предметы общаго употребленія были отданы въ его исключительное пользованіе. Если ему случайно придется встрѣтиться тамъ съ людьми ничтожными, но которымъ они чѣмъ-нибудь обязаны, они выражаютъ объятіями свое удовольствіе встрѣчи съ ними, между тѣмъ они проходятъ, какъ бы не замѣчая поклоновъ другихъ согражданъ и съ трудомъ позволяютъ имъ поцѣловать свою руку или колѣно. При выходѣ изъ ванны эти великолѣпныя личности надѣваютъ свои перстни, драгоцѣнные каменья и знаки своего отличія; потомъ облекаются въ дорогіе хитоны, полотна которыхъ хватило бы на 12 человѣкъ; затѣмъ слѣдуютъ верхнія одежды, которыя льстятъ ихъ самолюбію, и при всемъ этомъ они заботятся принять на себя величественную осанку, какой нельзя было бы простить великому Марцеллу, по завоеваніи имъ Сиракузъ. Впрочемъ, иногда и эти герои предпринимаютъ также смѣлые походы: они пускаются въ свои итальянскія помѣстья и тамъ предаются охотѣ, труды и усталость отъ которой выпадаютъ на долю работы. Если случайно, особенно въ жаркій полдень, они имѣютъ храбрость переплывать, на раззолоченныхъ баркахъ, озеро Лукринъ, отправляясь въ свои великолѣпныя дачи, которыя окаймляютъ приморскій берегъ у Пуццеоли и Гаэты, они сравниваютъ эти трудныя предпріятія съ походами Цезаря или Александра. Если муха проникнетъ за шелковыя занавѣски палубы, если чрезъ складки проникнетъ лучъ солнца, они оплакиваютъ бѣдствіе своего положенія и съ свойственною имъ аффектаціею воздыхаютъ, что они не родились въ странахъ киммерійскихъ, покрытыхъ вѣчнымъ мракомъ. Когда они ѣдутъ въ деревню, за господиномъ слѣдуетъ весь его домъ; какъ въ походѣ, предводитель дѣ-

лаетъ распоряженіе для кавалеріи и пѣхоты, для авангарда и арріергарда, такъ старѣйшіе слуги съ жезломъ въ рукѣ, символомъ своей власти, разставляютъ многочисленную свиту служителей и рабовъ. Багажъ и гардеробъ движутся во главѣ процессіи, затѣмъ слѣдуетъ кухня и толпа поваровъ съ своими учениками. Центръ процессіи составляютъ рабы, перемѣшанные съ кліентами. Въ арріергардѣ слѣдуютъ евнухи, расположенные по возрасту, отъ стариковъ до мальчиковъ. Ихъ число и внѣшнее безобразіе внушаютъ ужасъ и омерзѣніе; зрители проклинаютъ память Семирамиды, которая придумала жестокое средство искажать природу и уничтожать въ человѣкѣ, при самомъ его рожденіи, надежду на потомство.

При домашнемъ судѣ и расправѣ надъ рабами, знатные обнаруживаютъ величайшую чувствительность, при малѣйшемъ огорченіи, и безразличное презрѣніе ко всему человѣческому роду. Если кто-нибудь изъ нихъ спрашиваетъ кувшинъ теплой воды, и слуга промедлитъ, ему отпускается триста ударовъ плетью; но если этотъ же слуга совершитъ убійство, его господинъ съ совершеннымъ равнодушіемъ замѣчаетъ ему, что онъ величайшій негодяй, и что другой разъ будетъ наказанъ по заслугамъ. Въ прежнія времена римляне отличались гостепріимствомъ: каждый чужестранецъ имѣлъ право на ихъ радушіе; они отличали достойныхъ и помогали несчастнымъ. Введите же теперь чужестранца къ кому-нибудь изъ нашихъ богатыхъ сенаторовъ: онъ будетъ принятъ тоже весьма хорошо, и притомъ съ такими знаками дружелюбія, что уйдетъ очарованный своимъ превосходительнымъ другомъ, даже будетъ весьма сожалѣть, что такъ долго откладывалъ свое путешествіе въ столицу, центръ вѣжливости и хорошаго тона. Увѣренный такимъ образомъ въ радушномъ пріемѣ, онъ повторяетъ свой визитъ, какъ можно скорѣе, на слѣдующій же день, и къ удивленію замѣчаетъ, что сенаторъ забылъ и его лицо, и страну, откуда онъ пріѣхалъ, и самое его имя. Если онъ будетъ имѣть терпѣніе, несмотря на то, продолжать свое знакомство, то непремѣнно попадетъ въ число кліентовъ и получитъ дозволеніе ухаживать безплодно за своимъ патрономъ, неспособнымъ ни къ признательности, ни къ дружбѣ; его присутствіе, приходъ и уходъ едва будутъ даже замѣчены.

Когда богатый человѣкъ даетъ публичный праздникъ (distributio sportularum — обычай, сохранившійся и до сихъ поръ на свадьбахъ: corbeilles des noces), онъ долго передъ тѣмъ совѣщается о выборѣ гостей. Честныхъ, свѣдущихъ и скромныхъ приглашаютъ весьма рѣдко; распорядители, по личнымъ причинамъ, умѣютъ ловко помѣстить на первое мѣсто, въ спискѣ приглашенныхъ, самыхъ презрѣнныхъ людей. Но лучшими и дорогими гостями у знатныхъ считаются тѣ темные паразиты (см. 19 статью), которые умѣютъ рукоплескать всякому поступку, всякой улыбкѣ своего патрона; они смотрятъ съ восторгомъ на мраморныя колонны и полы комнатъ, и разсыпаются въ похвалахъ убранству, которое хозяинъ считаетъ частью своего личнаго достоинства. За столомъ, птицы и рыбы необыкновенной величины вызываютъ всеобщее удивленіе; являются вѣсы, чтобы удостовѣриться въ ихъ полновѣсности, и въ то время, когда благоразумные гости отворачи-

ваются отъ такой сцены, паразиты требуютъ нотаріуса, чтобы составить протоколъ въ удостовѣреніе подлинности такихъ чудесъ. Профессія игрока есть лучшая рекомендація для знакомства въ знатномъ домѣ. Игроки связаны между собою неразрывными узами дружбы или, скорѣе, обоюднаго грабежа; хорошее знаніе игры: ludus duodecim scriptorum (игра въ кости на столѣ, раздѣленномъ на 12 линій) составляетъ лучшее средство пріобрѣсть богатство и славу. Если за ужиномъ или въ собраніи артистъ такого искусства увидитъ себя помѣщеннымъ ниже какого-нибудь сановника, то онъ обнаружитъ такое же негодованіе, какое испыталъ Катонъ, когда капризный народъ не избралъ его въ преторы.

Желаніе научиться чему-нибудь рѣдко овладѣваетъ нашею знатью; она боится всякаго рода утомленія и не цѣнитъ преимуществъ знанія. Сатиры Ювенала, многословныя и фантастическія побасенки Марія Максима (описывалъ жизнь императоровъ отъ Траяна до Александра Севера)—единственныя книги, удостоиваемыя ихъ вниманія. Библіотеки ихъ предковъ заперты, какъ гробницы, и дневной свѣтъ не проникаетъ туда; зато они окружены театральными принадлежностями, флейтами, колоссальными лирами и гидравлическими органами; ихъ палаты оглашаются безпрерывно звуками пѣнія и инструментовъ; у нихъ звукъ предпочитается здравому смыслу, и всѣ заботятся больше о тѣлѣ, нежели о духѣ. Между ними принято за правило, что малѣйшее подозрѣніе въ прилипчивости болѣзни служитъ извиненіемъ, которое освобождаетъ отъ обязанности посѣщать самыхъ близкихъ друзей; въ этомъ случаѣ, если и посылаютъ слугу узнать о здоровьѣ, то онъ, по возвращеніи, не входя въ домъ, долженъ взять ванну. Впрочемъ, корысть одерживаетъ иногда верхъ надъ этимъ женоподобнымъ страхомъ. Если смерть пріятеля принесетъ какое-нибудь наслѣдство, то сенаторъ, наиболѣе страдающій отъ подагры, пройдетъ пѣшкомъ до Сполетты. Надежда на наслѣдство или даже на упоминовеніе въ завѣщаніи истребляетъ всякую гордость. Богатый и бездѣтный гражданинъ, у римлянъ, самый почетный и всего болѣе ласкаемый. Они весьма искусны въ дѣлѣ ускоренія подписи благопріятнаго завѣщанія, и даже ускоренія самаго времени воспользованія имъ. Случалось, что въ одномъ и томъ же домѣ мужъ и жена призываютъ на свою половину нотаріуса, каждый отдѣльно, и въ похвальномъ намѣреніи пережить другъ друга, дѣлаютъ прямо противоположныя завѣщанія. Отчаяніе, которое бываетъ слѣдствіемъ и вмѣстѣ наказаніемъ чрезмѣрной роскоши, принуждаетъ гордую знать къ самымъ безстыднымъ продѣлкамъ. Идетъ ли дѣло о займѣ, они унижаются и ползаютъ, какъ рабъ въ комедіи; но если несчастный кредиторъ явится съ требованіемъ денегъ, они принимаютъ трагическую и повелительную осанку внуковъ Геркулеса; если кредиторъ надоѣдаетъ слишкомъ, они безъ всякаго труда успѣваютъ обвинить его, при помощи одного изъ своихъ паразитовъ, въ покушеніи отравить или въ колдовствѣ, и кредитору рѣдко удается выйти изъ тюрьмы, не выдавъ росписки въ полученіи долга.

Къ тѣмъ постыднымъ порокамъ присоединяется у нихъ смѣшное суевѣріе, оскорбительное для здраваго смысла. Они довѣрчиво вы-

слушиваютъ предсказанія гадателей, которые думаютъ открыть знаки ихъ будущаго величія и счастія во внутренностяхъ жертвы; большая часть ихъ не осмѣлится взять ванну, пообѣдать, выйти на прогулку, не посовѣтовавшись съ правилами астрологіи о положеніи Меркурія или видѣ луны. Забавно встрѣчать такое суевѣріе въ людяхъ, зараженныхъ возмутительнымъ скептицизмомъ и осмѣливающихся отрицать или подвергать сомнѣнію существованіе всемогущаго Бога.

Амміанъ Марцеллинъ.

Rerum gestarum libri XXXI: XIV, 6
и XXVIII, 4 (редакція Гиббона).

Ammianus Marcellinus родился въ Греціи, но вся его жизнь прошла въ походахъ на востокъ или на западъ, гдѣ онъ успѣлъ усвоить себѣ латинскій языкъ, на которомъ и написалъ свою исторію въ 31 книгѣ (Rerum gestarum libri XXXI). Годъ его рожденія и смерти не можетъ быть опредѣленъ точно, какъ и служебныя должности, занимаемыя имъ въ имперіи. Изъ его же сочиненія можно заключить, что онъ родился при Константинѣ Вел., въ началѣ IV в.; при его сынѣ Констанціѣ, Амміанъ поступилъ въ военную службу и продолжалъ ее при послѣдующихъ императорахъ, отправляя иногда и гражданскія обязанности; при этомъ онъ служилъ и въ Римѣ, какъ то доказываетъ его близкое знакомство съ нравами римской знати. Правленіе преемниковъ Констанція, Юліана-Апостата, Валентиніановъ, Валента, Граціана и Ѳеодосія В., было временемъ жизни Амміана. Онъ умеръ въ самомъ концѣ IV вѣка, слѣдовательно, за 80 лѣтъ до паденія з. р. имперіи, и потому его показанія можно принять наравнѣ съ показаніями ближайшихъ современниковъ. Сравненіе словъ Амміана съ словами Сальвіана о тѣхъ же предметахъ показываетъ, что римское общество въ послѣднія 80 лѣтъ, послѣ того, какъ писалъ Амміанъ, измѣнилось развѣ только къ худшему.

Амміанъ въ своей *Исторіи* какъ бы продолжалъ анналы Тацита, потому что началъ тамъ, гдѣ остановился древній историкъ, а именно съ правленія императора Нервы, и довелъ до смерти имп. Валента, убитаго въ сраженіи съ германцами при Адріанополѣ, въ 378 г. Но первыя 13 книгъ *Исторіи* Ам. Марцеллина потеряны, и до насъ дошли только 18 послѣднихъ, обнимающихъ событія отъ возстанія узурпатора Галла въ 353 г. и до смерти Валента.

Заимствованная у Амміана Марцеллина картина нравовъ высшаго римскаго общества не есть буквальный и подстрочный переводъ оригинала. Сочиненіе его вообще отличается постоянными отступленіями, не идущими къ главному предмету разсказа, и различными риторическими прикрасами во вкусѣ того времени. Извѣстный англійскій историкъ паденія западной римской имперій, Гиббонъ (см. примѣч. къ ст. 23), привелъ въ порядокъ разбросанныя у Амміана Марцеллина извѣстія о нравахъ высшаго римскаго общества въ 6-й главѣ XIV книги и въ 4-й главѣ XXVIII книги, и составилъ связный разсказъ; потому въ настоящемъ случаѣ можно предпочесть редакцію Гиббона (Ист. пад. р. имп. часть I, гл. XXXI) самому тексту оригинала, принявъ во вниманіе предостереженіе, сдѣланное знаменитымъ историкомъ: „Я предупреж-

даю, писалъ Гиббонъ въ примѣчаніи, что въ текстѣ Амміана сдѣланы слѣдующія измѣненія: 1) я слилъ въ одно цѣлое 6 главу XIV книги и 4 главу XXVIII книги; 2) я привелъ въ порядокъ и связалъ въ одно разбросанные матеріалы; 3) я смягчилъ нѣкоторыя причудливыя гиперболы и опустилъ нѣкоторыя ни къ чему неидущія подробности оригинала; 4) я развилъ подробнѣе то, что у автора выражено иногда однимъ намекомъ. Принявъ въ соображеніе эти отступленія отъ текста, читатель имѣетъ передъ собою переводъ, если не буквальный, то тѣмъ не менѣе вѣрный и точный".

Изъ множества изданій Амміана Марцеллина, считается лучшимъ сдѣланное въ 1786 г. цвейбрикенскимъ обществомъ филологовъ: Ammiani Marcellini Rerum gestarum qui de XXXI supersunt libri XVIII, studiis Societatis Bipontinæ, съ біографіею, написанною Chifflet. 2 ч. Изъ французъ. переводовъ лучшій Fleutelot, помѣщенный въ Collection Nisard.

16.—Вилла знатнаго римлянина въ провинціи, предъ паденіемъ З. Р. Имперіи.

(Письмо къ Домицію, около 470 г.)

Ты журишь меня за то, что я живу въ деревнѣ, между тѣмъ какъ скорѣе я могу упрекать тебя за то, что ты остаешься въ городѣ. У насъ весна уже уступила мѣсто лѣту, и солнце, достигнувъ въ своемъ странствованіи наибольшей высоты, устремляется къ сѣверному полюсу. Не буду говорить тебѣ о нашемъ климатѣ: Творецъ помѣстилъ насъ такъ, что мы находимся подъ вліяніемъ западныхъ жаровъ. Что же еще прибавлять? теперь мы въ огнѣ; ледъ таетъ на вершинахъ Альпъ и засуха раскалываетъ землю. Броды высохли, илъ на берегахъ окрѣпъ; поля въ пыли, ручейки едва сквозятся и жаръ кипятитъ воду. Всѣ въ поту, одинъ подъ полотномъ, другой подъ шелкомъ. А ты, завернувшись въ мантію и прикованный къ школьной каѳедрѣ въ Камерино (въ средней Италіи), объясняешь твоимъ зѣвающимъ ученикамъ, блѣднымъ больше отъ страха, нежели отъ жары, стихи: Samia mihi mater fuit, т.-е. мать моя была изъ Самоса и т. д. [1]). Поторопись же, если ты дорожишь своимъ здоровьемъ, бросить узкія городскія улицы, гдѣ трудно дышать, и явись къ намъ для борьбы, въ тихомъ убѣжищѣ, съ каникулярными жарами.

Хочешь знать положеніе моей виллы, куда я тебя приглашаю? Я живу въ Авитакумѣ: такъ называется мое помѣстье; я получилъ его за женой и потому оно мнѣ милѣе отцовскаго наслѣдія. Здѣсь я и всѣ мои—не приписывай того какому-нибудь колдовству—слава Богу, живемъ въ тихомъ согласіи. На западной сторонѣ у насъ гора, довольно крутая; она пускаетъ, какъ отпрыски отъ себя, два отрога

---

[1]) Изъ комедіи Теренція.

невысокихъ холмовъ на разстояніи четырехъ десятинъ одинъ отъ другого. До самаго луга, который раскинутъ предъ нашей виллой, холмы тянутся по прямой линіи, окаймляя долину, заключенную между ними, и упираются въ самую виллу, одинъ фасадъ которой обращенъ на сѣверъ, другой на югъ. На юго-западѣ помѣщается баня, прилѣпленная къ скалѣ, заросшей лѣсомъ; когда рубятъ деревья, осѣняющія баню, то они скатываются сами къ печкѣ, гдѣ нагрѣваютъ воду. Назначенная для того комната, по величинѣ, равна сосѣдней комнатѣ благовонныхъ мазей, если только исключить въ послѣдней довольно большую полукруглую ванну, въ которую согрѣтая вода втекаетъ по свинцовымъ трубамъ, проложеннымъ въ стѣнахъ. Внутри бань—совершенный день, и такое обиліе свѣта увеличиваетъ стыдливость тѣхъ, которые тамъ моются. Вблизи находится прохладительная ванна, которая, по обширности, можетъ смѣло поспорить съ общественными купальнями. Крыша, сдѣланная надъ нею, оканчивается конусомъ и по краямъ обложена черепицей; самая комната четырехъугольна, достаточной величины и пропорціональныхъ размѣровъ; прислуга не стѣсняетъ здѣсь при исполненіи своихъ обязанностей, потому что въ комнатѣ находится столько сидѣній, сколько можетъ помѣститься лицъ въ ваннѣ. Архитекторъ прорубилъ подъ сводомъ два окна, чтобы дать возможность видѣть, съ какимъ вкусомъ устроенъ потолокъ. Внутри стѣны покрыты бѣлымъ, полированнымъ цементомъ. На нихъ нѣтъ никакихъ нескромныхъ изображеній, постыдно обнаженныхъ, и которыя, быть можетъ, заставляютъ удивляться искусству, но унижаютъ художниковъ. Нѣтъ никакихъ каррикатуръ, въ смѣшныхъ одеждахъ и маскахъ, раскрашенныхъ, изъ подражанія Филистіону, разноцвѣтными красками. Нѣтъ также изображеній бойцовъ, которые стоятъ въ различныхъ позахъ, то желая отразить ударъ, то устремляясь нанести его своему противнику: теперь, если бойцы позволяютъ себѣ что-либо нескромное, то распорядитель тотчасъ же останавливаетъ ихъ своимъ жезломъ скромности. Однимъ словомъ, нѣтъ ничего, что̀ оскорбляло бы чистоту нравовъ. Однакоже, нѣсколько стихотвореній могутъ на минуту остановить входящаго; они, правда, не возбуждаютъ желанія перечитать ихъ снова, но и не оставляютъ сожалѣнія, что прочиталъ ихъ разъ.

Что касается до мрамора, то у меня нѣтъ ни паросскаго, ни каристскаго, ни проконисскаго, ни фригійскаго, ни нумидійскаго, ни спартанскаго, со всѣми ихъ видоизмѣненіями; у меня нѣтъ ни камней, обдѣланныхъ на подобіе эѳіопійскихъ скалъ, ни издѣлій изъ раковинъ пурпуроваго цвѣта нашей поддѣлки, съ цѣлью обмануть горами, сдѣланными изъ стружекъ. Но если ни одинъ чужеземный мраморъ не обогащаетъ наше скромное жилище, то зато оно украшено естественными произведеніями страны. Къ чему же стараться обставлять себя болѣе тѣмъ, чего не имѣемъ, нежели тѣмъ, что̀ рождается около насъ? Далѣе, съ восточной стороны примыкаетъ къ виллѣ купальня, или, если ты хочешь, по-гречески, baptisterium, которая содержитъ въ себѣ около двадцати тысячъ мѣръ воды. Сюда-то и переходятъ чрезъ двери, продѣланныя въ стѣнѣ, въ формѣ свода, изъ теплой бани; посреди бассейна возвышаются не пилястры, но колонны,

которыя хорошими архитекторами почитаются за лучшее украшеніе. Снаружи, вокругъ купальни, проложено шесть трубъ, которыми стремятся съ вершины горы потоки водъ; каждая изъ нихъ заканчивается львиною пастью, такъ хорошо сдѣланною, что люди, входящіе туда, не бывъ предупреждены заранѣе, думаютъ, что дѣйствительно видятъ передъ собою зубы, готовые пожрать ихъ, глаза, сверкающіе отъ ярости, и всклоченную гриву. Если хозяинъ бываетъ окруженъ кѣмъ-либо изъ домашнихъ или постороннихъ, то за шумомъ падающей воды они совершенно не слышатъ другъ друга и бываютъ принуждены разговаривать на ухо; такимъ образомъ, ихъ разговоръ, препятствуемый внѣшнею причиною, принимаетъ видъ секрета и со стороны кажется смѣшнымъ. Выходя оттуда, встрѣчаешь женскую половину, къ которой прилегаетъ съѣстной чуланъ, отдѣленный только перегородкой отъ рабочей комнаты. На востокъ, съ портика, поддерживаемаго скорѣе простыми подпорками, чѣмъ великолѣпными колоннами, открывается прудъ. Отъ прихожей начинается длинный, крытый корридоръ безъ боковыхъ стѣнъ; въ немъ нѣтъ ни одного предмета, на которомъ можно было бы остановить взоръ, и, мнѣ кажется, его можно назвать если не ипподромомъ, то по крайней мѣрѣ галлереей. Только въ концѣ корридоръ съуживается и заключается весьма прохладною залою; сюда-то спѣшатъ удалиться болтливые кліенты и нянюшки, чтобы воспользоваться часомъ отдыха на скамьяхъ, разставленныхъ тамъ, когда я и всѣ мои удаляемся въ спальню. По этой галлереѣ переходятъ въ зимнюю половину; въ ней часто отъ слишкомъ сильнаго огня верхнія части каминовъ бываютъ покрыты сажей. Но къ чему тебѣ всѣ эти подробности, когда я тебя приглашаю не зимой. Лучше поговоримъ о томъ, что̀ относится къ тебѣ и къ настоящему сезону.

Изъ этихъ аппартаментовъ входишь въ малую столовую залу, изъ которой видно все озеро, а съ озера видна она сама. Тамъ стоитъ полукруглое ложе и блестящій шкафъ; надъ залой сдѣлана платформа, на которую незамѣтно поднимаешься изъ портика по отлогой и широкой лѣстницѣ. На платформѣ, лежа за столомъ, между блюдами, можно наслаждаться прелестью видовъ. Если тебѣ принесутъ воды изъ того славнаго свѣжестью фонтана, то ты увидишь, что на сосудѣ, въ который ее вольютъ, вдругъ начинаютъ образовываться снѣжныя пятна и ледяная плёнка; такое быстрое замерзаніе, подобно жиру, затемнитъ блескъ сосуда. Питье соотвѣтствуетъ сосуду, и оледенѣвшіе края его пугаютъ не только тѣхъ, которые не чувствуютъ охоты пить, но даже и такихъ, кого мучитъ жажда. Съ платформы же ты увидишь, какъ рыбакъ скользитъ въ своей лодкѣ надъ глубиною озера, или какъ закидываетъ сѣти, поддерживаемыя съ одной стороны на поверхности воды поплавками изъ коры, или какъ, насадивъ приманку, онъ забрасываетъ лесу съ крючкомъ на концѣ и, двигаясь быстро по озеру, подхватываетъ жадныхъ форелей, бросающихся на угощеніе.

Послѣ обѣда ты можешь пройти въ рекреаціонную залу (diversorium), гдѣ вовсе не жарко и больше лѣтней прохлады. Такъ какъ она обращена на сѣверъ, то и пропускаетъ одинъ дневной свѣтъ,

безъ солнечныхъ лучей; около нея помѣщается маленькая людская (consistorium), гдѣ вѣчно сонливая прислуга находитъ уголокъ скорѣе для того, чтобы вздремнуть, чѣмъ выспаться. Какъ пріятно слушать здѣсь въ полдень тиликанье кузнечиковъ, въ сумерки кваканье лягушекъ, звонкую пѣснь лебедей и гусей въ полночь, въ непогоду крикъ пѣтуховъ, ворона, троекратный возгласъ соловья, привѣтствующаго изъ купы деревьевъ появленіе багряной зари, и щебетанье прогмена на вѣткѣ. Къ этому концерту присоединяются сельскіе звуки семиклáпаннаго рожка, на которомъ въ полночь часто соперничаютъ неусыпные титиры (пастухи) нашихъ горъ, среди пасомыхъ ими стадъ съ ихъ колокольчиками и мычаньемъ; всѣ эти голоса и разнообразные звуки еще болѣе расположатъ тебя ко сну.

Спускаясь отъ портика къ берегу пруда по зеленой лужайкѣ, ты увидишь на небольшомъ разстояніи рощу, доступную для всѣхъ; двѣ широкія липы, съ переплетенными вѣтвями, при отдѣльныхъ пняхъ, бросаютъ длинную тѣнь, и въ этой-то прохладѣ я иногда играю въ мячъ съ Эндиціемъ, когда онъ жалуетъ ко мнѣ въ гости; это продолжается до тѣхъ поръ, пока тѣнь не сократится въ полдень, и тогда мы садимся подъ дерево играть въ кости и вмѣстѣ отдохнуть отъ усталости.

Такова моя вилла; мнѣ еще остается описать тебѣ озеро. Оно имѣетъ теченіе на востокъ и поднимается до фундамента виллы, когда подуетъ сильный вѣтеръ. Мѣсто, откуда оно получаетъ свои воды, представляетъ болотистую почву, съ провалами и неприступную; тамъ множество илу, который густитъ воду; со всѣхъ сторонъ бьютъ источники холодной воды, а берега покрыты травой. Если вода въ озерѣ стоитъ спокойно, то вдали небольшія лодочки бороздятъ колеблющуюся поверхность пруда; но когда поднимается вихрь съ юга, то страшнымъ образомъ надуваются волны, и, перепрыгивая вершины прибрежныхъ деревьевъ, съ шумомъ падаютъ на нихъ въ видѣ ливня. Слѣдуя мѣрѣ, принимаемой моряками, озеро занимаетъ семнадцать стадій въ длину. Оно выпускаетъ изъ себя рѣку, которой воды, разбиваясь о подводные камни, кажутся совершенно бѣлыми отъ пѣны и теряются на время ниже пороговъ, которые какъ будто бы хотятъ остановить ея теченіе. Эта же рѣка впадаетъ въ это же озеро съ другой стороны и течетъ въ немъ, то смѣшивая свои воды съ его водами, то оставаясь несмѣшанною, при помощи подземныхъ источниковъ; она теряетъ только рыбу, которая слѣдовала по ея теченію; попавъ въ болѣе спокойную воду, рыба быстро кружится, перевертываясь на мѣстѣ, и бѣлизна ея нижней части дѣлаетъ еще замѣтнѣе красноту хребта; не имѣя свободнаго выхода, она находитъ въ озерѣ свою темницу, но живую и обширную.

Съ правой стороны берегъ озера обрывистъ, излучистъ и покрытъ лѣсомъ; слѣва же, напротивъ, все открыто, ровно и подернуто травой. На юго-западѣ вода представляется зеленою отъ деревьевъ, вѣтви которыхъ купаются въ волнахъ; какъ песчаное дно принимаетъ цвѣтъ воды, такъ вода на глазъ окрашивается отъ деревьевъ; на восточной сторонѣ, тотъ же зеленоватый цвѣтъ налагается другою группою деревьевъ. Съ сѣверной стороны вода имѣетъ натуральный цвѣтъ.

На западѣ находится множество кустарнику, вѣтви котораго сгибаются подъ проходящей лодкой; тутъ же колышется слизкій тростникъ, а на волнахъ качаются толстые листья болотныхъ растеній, и зеленая ива придаетъ водѣ горькій вкусъ. Посреди озера небольшой островокъ, а на немъ, на камняхъ, скученныхъ случайно, воткнуты обломки весла, служащіе мѣтою при гонкѣ лодочниковъ; около этого мѣста они подвергаютъ другъ друга веселымъ крушеніямъ. Наши предки имѣли обычай у этого же острова устраивать навмахіи (морскія игры), которыя, по троянскому повѣрью, были учреждены въ Дрепанитатѣ (Drepanum, городъ на о-вѣ Сициліи: нынѣ Трепано) [1].

Объ окрестностяхъ скажу одно, такъ какъ я вовсе и не думалъ объ этомъ говорить: всѣ онѣ поросли рощами, раскиданными тамъ и сямъ; около насъ есть луга, покрытые цвѣтами, пастбища съ ихъ стадами и пастухами, богатыми своею бережливостью. Но я на этомъ не остановлюсь дольше: если мое письмо будетъ безконечно, то, я боюсь, осень застанетъ тебя за чтеніемъ его. Потому торопись пріѣхать; въ такомъ случаѣ ты облегчишь себѣ и возвращеніе домой. Извини, если мое подробное посланіе перешло обыкновенныя границы, изъ страха что-нибудь пропустить. Все же я не хотѣлъ еще говорить о многомъ, чтобъ не надоѣсть. Хорошій судья и умный читатель найдутъ, что велика не страница, которая описываетъ пространство, но вилла, которая описана пространственно (non paginam, quae spatia describit, sed villam, quae spatiosa describitur, grandem pronuntiabunt). Прощай!

Сид. Аполлинарій.

Т. I, кн. 2, письмо II; стр. 132.

См. примѣчаніе къ ст. 10.—Сидоній получилъ Авитакумъ, богатое помѣстье въ Оверни, въ приданое за дочерью императора Авита. Оттуда онъ писалъ пригласительное письмо къ Домицію, какому-то учителю латинскаго языка, въ небольшой городъ средней Италіи, Камерино, и желая расположить его къ такому далекому путешествію, представилъ ему подробное описаніе своей виллы.

---

17. — Городъ въ Италіи предъ паденіемъ з. р. имперіи.

(Письмо къ Кандидіану, въ 467 г.).

Ты меня поздравляешь съ пріѣздомъ въ Римъ, но твои привѣтствія порядочно пересыпаны насмѣшками. Ты радуешься тому, что я, твой другъ, наконецъ увидѣлъ солнце, съ которымъ мы, пьющіе изъ водъ Соны, едва знакомы. Ты мнѣ ставишь въ упрекъ и туманы, среди которыхъ живутъ бѣдные жители Ліона, и наши дни, утрен-

[1]) Жители Оверни считали себя потомками троянъ.

няя роса которыхъ едва разсѣевается къ полудню. И ты, уроженецъ Цезены (городъ въ средней Италіи), смѣешь такъ упрекать насъ, когда твоя родина больше походитъ на раскаленную печь, нежели на городъ. Впрочемъ, ты далъ намъ понять, какъ ты смотришь на увеселенія своей родины, когда предпочелъ убѣжать въ Равенну, гдѣ тучи комаровъ лѣзутъ вамъ въ уши, а въ сосѣдствѣ—лягушки, ваши согражданки, толпа боязливая и нахальная, которая въ свое удовольствіе перемежаетъ танцы кваканіемъ. Что̀ за городъ или, лучше сказать, что̀ за болото, гдѣ ты живешь! У васъ извращены всѣ законы природы! Стѣны плаваютъ, а вода стоитъ; башни ходятъ, а корабли сидятъ на мели; въ баняхъ холодно, а въ комнатахъ сгоришь отъ жара; вотъ твоя Равенна! Живые у васъ хоть умри отъ жажды, а мертвые плаваютъ въ могилахъ. Самая жизнь, которую вы ведете, представляетъ прямо обратное тому, что̀ видишь въ другихъ мѣстахъ. У васъ бдительность составляетъ качество воровъ, а магистратъ спитъ; духовенство отдаетъ деньги въ ростъ, а сирійцы (такъ называли мѣнялъ, потому что они были большею частью изъ Сиріи), а сирійцы распѣваютъ по улицамъ, какъ духовные; купцы ведутъ войну, а солдаты торгуютъ; евнухи упражняются въ фехтованіи, а мирные варвары предаются наукамъ. Городъ, въ который ты перенесъ свои лары и пенаты, имѣетъ болѣе земли, чѣмъ почвы. Будьте же нѣсколько снисходительнѣе къ намъ, бѣднымъ заальпійскимъ жителямъ Галліи; мы по крайней мѣрѣ умѣемъ наслаждаться благодѣтельными лучами своего солнца и не думаемъ, что намъ нужно гордиться тѣмъ, что мы не можемъ выдержать сравненія съ тѣми, климатъ которыхъ ничего не стоитъ.—Прощай.

Сид. Аполлинарій.

Т. I, кн. I, письмо VIII, стр. 44.

См. примѣчаніе къ ст. 10. — Сидоній отправился изъ Галліи въ Италію (см. прим. къ ст. 16) сначала на Равенну, разсчитывая тамъ встрѣтить имп. Антемія, только-что прибывшаго изъ Греціи; но опоздалъ и поспѣшилъ оттуда въ Римъ. Въ Римѣ Сидоній получилъ письмо изъ Равенны отъ Кандидіана, на которое и отвѣчалъ своими воспоминаніями о Равеннѣ.

18.—Картина городской жизни въ провинціяхъ предъ паденіемъ З. Р. имперіи.

(около 450 г.).

Кто не видитъ въ Галліи, что люди самые знатные не извлекли другихъ плодовъ изъ своихъ несчастій, какъ только то, что сдѣлались еще болѣе безнравственными въ жизни? Я видѣлъ самъ, въ Трирѣ, людей благороднаго происхожденія и въ важномъ санѣ, ко-

торые, несмотря на то, что лишились своихъ имуществъ, среди разграбленной провинціи, обнаруживали гораздо бòльшій упадокъ въ нравахъ, нежели каково было разстройство ихъ имѣній. Опустошеніе страны не было такъ велико, чтобъ не оставалось какого-нибудь средства къ исправленію дѣлъ; но испорченность нравовъ была до того глубока, что для нея не было излеченія. Римляне наносятъ себѣ бòльшіе удары, чѣмъ ихъ внѣшніе непріятели: варвары ихъ бьютъ, но еще болѣе они поражаютъ сами себя. Печально описывать картину того, чего я былъ свидѣтелемъ: почтенные старцы, престарѣлые христіане, любятъ еще пирушки и чувственныя наслажденія. Съ чего начать упреки? Ихъ санъ, возрастъ, имя христіанъ, грозящая всѣмъ опасность — чтò изъ всего этого можетъ вызвать первый упрекъ? Можно ли подумать, что старцы были бы способны предаться той безнравственности во время мира, которую молодые люди могутъ позволить себѣ во время войны, и чего христіане не должны никогда позволять? Санъ, возрастъ, званіе, имя, все забыто въ вихрѣ распутства. Кто не принялъ бы правителей этого города за безумныхъ? И такая горячка не могла остынуть послѣ многократныхъ разрушеній этого преступнаго города. Четыре раза Триръ, этотъ самый цвѣтущій городъ по всей Галліи, былъ взятъ варварами и разграбленъ. Одно первое несчастіе должно было бы обратить жителей къ искреннему раскаянію, для того, чтобы вторичное паденіе не навлекло вторичнаго наказанія. Невѣроятное дѣло! Число несчастій только увеличивало роковую склонность къ пороку. Подобно тому, какъ въ баснѣ намъ представляютъ ту гидру, у которой новыя головы росли, по мѣрѣ того, какъ ихъ отрубали, въ городѣ Трирѣ происходило то же самое; его несчастія возрастали, и въ то же самое время возрастала страсть жителей къ распутству. Наказаніе пороковъ, можно подумать, было отцомъ преступленій. Такъ что было бы легче истребить въ Трирѣ жителей, нежели найти одного незамараннаго преступленіемъ. Таковы дѣла въ Трирѣ. А чтò дѣлается въ другомъ, близлежащемъ отъ него городѣ и не менѣе цвѣтущемъ? И тамъ не то же ли паденіе нравовъ? Въ этомъ городѣ (Сальвіанъ намекаетъ на Кёльнъ), кромѣ тѣхъ пороковъ, преобладаетъ любостяжаніе и пьянство; но особенно пьянство достигаетъ такихъ размѣровъ, что однажды начальники города (principes urbis) рѣшились покинуть пирушку только тогда, когда варвары, овладѣвъ стѣнами, со всѣхъ сторонъ врывались въ городъ. Богъ попустилъ то съ тѣмъ, чтобы яснѣе показать, за что онъ наказывалъ жителей этого города. Въ этомъ-то городѣ я былъ очевидцемъ безнравственности, вызывающей слезы. Не было никакого различія въ нравахъ пожилыхъ и молодыхъ людей; та же нескромность въ разговорѣ, то же легкомысліе, та же роскошь, та же склонность къ пьянству дѣлали ихъ похожими другъ на друга. Люди преклонныхъ лѣтъ, занимавшіе съ давняго времени общественныя должности, видя, что имъ осталось недолго жить, пили такъ, какъ могутъ пить только одни самые крѣпкіе люди. Силы, недостававшей имъ на то, чтобы ходить, хватало на то, чтобы пить; и ноги ихъ, во всякое другое время дрожащія, дѣлались твердыми, когда нужно было танцовать. Я сокращаю эту отвратитель-

ную картину, и чтобы закончить ее однимъ почеркомъ, прибавлю, что въ этомъ городѣ исполнилось то, что̀ говорилъ нѣкогда Премудрый: „вино и женщины отвращаютъ отъ Бога“ (Eccles, 19). Гдѣ такъ пьютъ, играютъ, безумствуютъ, тамъ отрекаются отъ Христа. Можно ли удивляться, что они потеряли имущество, когда еще прежде былъ потерянъ умъ? Никто не повѣритъ, что этотъ городъ погибъ отъ опустошенія варваровъ. Гдѣ такъ живутъ, тамъ погибаютъ прежде, нежели погибли.

Описавъ то, что̀ творилось въ самыхъ знаменитыхъ городахъ Галліи, мнѣ ничего не остается сказать о городахъ менѣе значительныхъ, какъ то, что и они также всѣ пали, вслѣдствіе пороковъ своихъ жителей. Преступность такъ ожесточила всѣ сердца, что они и среди самыхъ опасностей, казалось, не тревожились ими. Имъ угрожало близкое рабство, а они не обращали на то вниманія. У этихъ преступныхъ людей былъ какъ бы отнятъ страхъ опасности, чтобы они не предпринимали мѣръ къ предотвращенію разрушенія. Варвары стоятъ въ виду города, и никто не обнаруживаетъ страха, никто не думаетъ объ охраненіи стѣнъ. Таково всеобщее ослѣпленіе, что хотя никто не хотѣлъ бы погибнуть, но никто и не дѣйствуетъ такъ, чтобы спастись отъ погибели. Невоздержность, лѣнь, небрежность и разгулъ, пьянство и сонъ овладѣли всѣми, какъ сказано о подобныхъ людяхъ въ Писаніи: „ибо дремота Господа напала на нихъ“ (II, Цар. 16).

Такое усыпленіе, распространяемое Богомъ, предшествуетъ погибели; и св. Писаніе научаетъ насъ, что когда беззаконія грѣшника достигаютъ извѣстнаго предѣла, то провидѣніе предоставляетъ его самому себѣ, и онъ, преданный такимъ образомъ на жертву своей чувственности, стремится самъ къ своей гибели. Но довольно объ этомъ. Я думаю, что предположенное мною доказано а именно, что и при величайшей опасности пороки людей прекращаются только съ окончательнымъ ихъ истребленіемъ. Таковы люди есть, были и всегда будутъ. Въ самомъ дѣлѣ, видимъ ли мы, чтобы какой-нибудь городъ или провинція, завоеванныя или разграбленныя варварами, измѣнили свой образъ жизни? Смирились ли тамъ, думали ли измѣнить нравы и исправиться? Таковъ характеръ римлянъ; они гибнутъ, но не исправляются. Мы имѣемъ на то доказательство: три раза первый городъ Галліи былъ разрушенъ, три раза служилъ, такъ сказать, костромъ для своихъ жителей, а пороки послѣ того еще болѣе возрасли. Но разрушеніе не было самымъ главнымъ зломъ, которое испыталъ городъ; тѣ, которые при этомъ не погибли, были подавлены нищетой. Кто избѣжалъ смерти, тотъ стоналъ подъ бременемъ бѣдствія. Одни, покрытые ранами, влачили жалкую жизнь; другіе, полуобгорѣлые, долго чувствовали на себѣ жестокое послѣдствіе обжога. Одни погибали отъ голода, другіе отъ наготы; огромное число людей погибло отъ болѣзней или отъ суровости холода. Такимъ образомъ, одна и та же смерть являлась въ тысячѣ различныхъ видахъ. Короче, разрушеніе одного города было всеобщимъ несчастіемъ. Я видѣлъ и не отказывалъ въ своей помощи тѣмъ, которые бѣдствовали; вездѣ валялись перемѣшанные трупы мужчинъ и женщинъ, нагіе,

истерзанные, представлявшіе печальное зрѣлище для жителей другихъ городовъ и брошенные на съѣденіе собакамъ и птицамъ. Тяжелый запахъ отъ загноившихся мертвыхъ тѣлъ увеличивалъ смертность между живыми; смерть дышала смертью. Но что же произвели всѣ эти бѣдствія? Трудно вообразить, до какого безумія могутъ доходить подобнаго рода люди: нѣсколько знатныхъ, уцѣлѣвшихъ во время разоренія города, какъ бы спѣша на помощь разореннымъ, начали хлопотать, чтобы получить отъ императоровъ позволеніе на открытіе игръ въ циркѣ. Я желалъ бы, по этому поводу, для изобличенія такого безстыдства, обладать силою краснорѣчія, соотвѣтственною дѣлу, и въ своемъ обвиненіи обнаружить столько же доблести, сколько заключено горестнаго въ самомъ искѣ. Кто можетъ сказать мнѣ, съ чего я начну обвиненіе: говорить ли мнѣ о безбожіи, о глупости, о распутствѣ, о безуміи? Въ этихъ людяхъ заключено все это и вполнѣ. Что можетъ быть безбожнѣе, какъ просить Бога о томъ, что̀ должно его оскорблять? Что глупѣе, какъ не подумать о томъ, чего просишь? или, что безпутнѣе, какъ среди всеобщаго плача просить объ увеселеніяхъ? и что безумнѣе, какъ въ печали не имѣть о ней сознанія? Всего менѣе при этомъ должно обвинять людей въ безуміи, потому что преступленіе не относится къ волѣ, когда человѣкъ находится въ припадкѣ (quia voluntas crimen non habet, ubi furore peccatur). Тѣ, о которыхъ мы говоримъ, должны быть обвинены тѣмъ болѣе, что они безумствовали, обладая разсудкомъ (sani insaniebant). Итакъ, вы, жители Трира, желали возстановленія игрищъ (circenses), и вы желали того, разоренные, завоеванные, послѣ пораженія, крови, мукъ, плѣна, послѣ такого разрушенія всего города? Что̀ горестнѣе такой глупости, что̀ печальнѣе вашего безумія? Признаюсь, я считалъ васъ несчастнѣйшими за разореніе, испытанное вами; но просьба объ игрищахъ дѣлаетъ васъ въ моихъ глазахъ еще болѣе несчастными. Я думалъ, что вы во время пожаровъ и грабежа потеряли одно имущество, но я не зналъ, что вы при этомъ лишились чувства и смысла. Итакъ, вы просите театровъ, вы требуете отъ государей (principes) цирковъ. Но для кого, для какого народа, для какого города? Не для сожженнаго ли и погибшаго города, не для народа ли (plebi), плѣненнаго и погибающаго, который страдаетъ и стонетъ? Оставшіеся въ живыхъ между ними оплакиваютъ свою судьбу, дрожатъ отъ страху, обливаются слезами и распростерты въ нищетѣ: не знаешь, кому лучше, убитымъ или живымъ? Столь бѣдственно положеніе пережившихъ, что они позавидовали бы несчастью павшихъ. Итакъ, ты, Триръ (Trever), просишь публичныхъ игръ? Гдѣ же ты полагаешь ихъ устроить? не на пожарищѣ ли и пеплѣ, не на костяхъ ли и потокахъ крови погибшихъ согражданъ? Гдѣ же въ цѣломъ городѣ ты найдешь мѣсто, не носящее на себѣ слѣдовъ бѣдствія? Гдѣ не струится кровь, гдѣ не встрѣтишь трупа или растерзанныхъ членовъ тѣла? На вашъ городъ наложена печать плѣна и ужаса, повсюду образъ смерти. Спасшіеся остатки народа валяются вмѣстѣ съ трупами павшихъ ихъ родственниковъ, а ты просишь игрищъ. Городъ почернѣлъ отъ пожара, а ты съ праздничнымъ лицомъ. Все плачетъ, а ты одинъ смѣешься. Все это вызываетъ суровый гнѣвъ Бога, а ты своими

гнусными предразсудками еще болѣе раздражаешь гнѣвъ Господень. Не удивляюсь, не удивляюсь бѣдствіямъ, постигшимъ тебя. Городъ, который не исправился отъ троекратнаго разоренія, вполнѣ заслужилъ и четвертый разгромъ.

Сальвіанъ.

De gubernatione Dei, кн. VI, 13—15.

См. примѣчаніе къ ст. 12.

19.—Римскій паразитъ временъ паденія имперіи.

Письмо къ Аполлинарію.

(около 480 г.).

Одно уважаю въ тебѣ, одному радуюсь, удивляюсь, что, изъ любви къ безупречной жизни, ты избѣгаешь общества людей постыдныхъ, въ особенности тѣхъ, которые даже не считаютъ преступными своихъ грязныхъ стремленій и съ отвратительнымъ смѣхомъ говорятъ о нихъ; для краснаго словца они мараютъ слухъ другого неприличными выраженіями; знай же, что таковы отъявленные паразиты (gnatho, дармоѣдъ) нашего отечества. Безпощадные сплетники, они выдумываютъ слухи о преступленіяхъ и преувеличиваютъ худую молву; они много говорятъ, но ничего не скажутъ; желаютъ смѣшить, но не веселятъ; высокомѣрны, но непостоянны; любопытны, но непроницательны; и еще болѣе мужиковаты, отъ излишняго старанія быть изящными въ манерахъ; они удивляются всему настоящему, осмѣиваютъ прошедшее и презираютъ будущее. Паразиты назойливы, когда чего-нибудь домогаются; раздражены, получивъ отказъ; когда имъ даютъ, они жадны, и скупы при возвращеніи; постоянно жалуются, когда требуютъ отъ нихъ должнаго, и громко кричатъ о себѣ, когда выполняютъ то, къ чему они и безъ того обязаны. Когда просятъ ихъ объ услугѣ, они показываютъ большую готовность, но хитрятъ, когда нужно сдержать слово; ихъ дѣло измѣнить тайнѣ, оклеветать; кто просрочитъ, отказаться отъ полученной вещи. Они ненавидятъ пустоту въ желудкѣ и ищутъ обѣдовъ; хвалятъ не тѣхъ, кто хорошо живетъ, но кто хорошо кормитъ. Такой человѣкъ однакоже самъ очень скупъ, и для него чужой хлѣбъ самый вкусный; дома онъ ѣстъ только то, что̀ ему удастся стянуть съ обѣда среди града пощечинъ. Но я не могу совершенно умолчать объ обжорствѣ такого человѣка: онъ постится всякій разъ, когда его никуда не приглашаютъ, но, по привычкамъ паразита, сначала отказывается когда его просятъ: онъ шпіонитъ, когда его избѣгаютъ; ворчитъ, когда его исключаютъ; восхищается, когда приглашаютъ, и ждетъ, чтобы его побили. За столомъ, если

не поспѣетъ съѣсть чего, такъ украдетъ; плачетъ, если слишкомъ скоро наѣстся; жалуется на то, что все хочется пить: опьянѣвъ, изрыгаетъ рвоту; шуткой оскорбитъ другихъ, и разсердится, если подшутятъ надъ нимъ. Онъ рѣшительно походитъ на помойную яму, которая тѣмъ хуже воняетъ, чѣмъ больше раскапываютъ ее. При такой жизни мало находится людей, которымъ онъ нравится; никто его не любитъ и всякій смѣется на нимъ. Хвастунъ, привыкшій къ побоямъ, любитель попьянствовать, еще большій охотникъ поклеветать, онъ, кажется, въ одно время извергаетъ изо рта и грязь, и винный запахъ, и ядъ своего краснорѣчія: такъ что не знаешь, чего въ немъ больше: всякой ли дряни, или винныхъ паровъ, или наконецъ нахальства.

Но ты скажешь, что лицо всегда отражаетъ качества души, и одна наружность можетъ уже обличить остроуміе. Дѣйствительно, у изящнаго человѣка и красиваго, его наружность уже обращаетъ на себя всеобщее вниманіе. А паразитъ гораздо грязнѣе, безобразнѣе трупа полуобгорѣлаго, свалившагося случайно съ погребальнаго костра, когда самъ могильщикъ (pollinctor, умащатель), чувствуя отвращеніе, не соглашается снова толкнуть его въ пламя. Скажу болѣе: у него есть глаза, но безъ свѣту: они, подобно болотамъ Стикса, слезятся во тьмѣ. Паразитъ отличается большими ушами, какъ у слона, и покрытыми кожей со струпьями; во внутреннихъ же ихъ складкахъ находятся затвердѣлости и бородавки. Носъ его съ широкими ноздрями и узкимъ переносьемъ; отсюда противный видъ и дыханіе спертое. Потомъ слѣдуетъ ротъ, окаймленный свинцовыми губами, съ звѣриною пастью, съ нечистыми деснами, желтыми зубами; изъ дупла коренныхъ, почти подгнившихъ, исходитъ удушливый запахъ, съ которымъ смѣшивается отрыжка отъ вчерашнихъ блюдъ, обременяющихъ желудокъ, и поднятіе худо переваренныхъ ужиновъ. Лобъ его наморщенъ отвратительнымъ образомъ, съ длинными бровями. Онъ раститъ также бороду, которая, несмотря на старческую уже бѣлизну, чернѣетъ отъ болѣзни Силлы [1]). Все его лицо наконецъ такъ блѣдно, какъ будто видѣнія и тѣни приходятъ пугать его. Я ничего не скажу о его тѣлѣ, одержимомъ подагрою и потопленномъ въ жиру. Умолчу и о мозгѣ, почти совсѣмъ высохшемъ отъ частыхъ побоевъ по головѣ, широкій черепъ которой имѣетъ на себѣ столько же рубцовъ, сколько волосъ. Умолчу и о томъ, что, вслѣдствіе короткости шеи, его плеча сходятся на затылкѣ. Умолчу и о его неграціозныхъ плечахъ, о его некрасивыхъ рукахъ и безсильныхъ пальцахъ. Умолчу о рукахъ, разбитыхъ параличемъ, обложенныхъ пластыремъ и обвязанныхъ лохмотьями. Умолчу о мышкахъ, провонявшихъ псиной и обдающихъ постороннихъ собесѣдниковъ двойными испареніями Ампсанкта (гор. въ южной Италіи, извѣстный дурнымъ воздухомъ). Умолчу о его груди, обвисшей отъ жиру, какъ у кормилицы, и что̀ отвратительно видѣть у мужчины. Умолчу о его животѣ, спустившемся чуть не до земли... Что̀ сказать о его спинѣ, о позвоночномъ хребтѣ? Хотя отъ него идутъ вокругъ ребра, чтобы прикрыть

---

[1]) Т.-е. покрывается червями.

грудь, но этотъ вѣтвистый скелетъ затопленъ вышедшимъ изъ береговъ желудкомъ. Умолчу о ребрахъ, о задѣ, въ сравненіи съ которымъ передняя часть тѣла кажется ничтожною. Умолчу о его бедрахъ, сухихъ и погнувшихся, о непропорціональныхъ колѣняхъ, о слабыхъ икрахъ, о сухихъ голеняхъ, о прозрачныхъ пятахъ, о маленькихъ пальцахъ и большихъ ступняхъ. Но, несмотря на всю безобразность частей своего тѣла, полуживой и безсильный, онъ не въ состояніи ходить безъ поддержки, и является еще отвратительнѣе въ словахъ, чѣмъ въ своей внѣшности. Безчестныя слова пріятно щекотятъ его языкъ, и въ особенности хозяинъ долженъ бояться за свои секреты; онъ будетъ превозносить ихъ, пока все идетъ хорошо, а въ сомнительномъ случаѣ выдастъ; если случайно удастся ему разузнать семейныя тайны, то тотчасъ же новый Спартакъ устраняетъ всѣ преграды, разрушаетъ всѣ предосторожности, и въ семействахъ, противъ которыхъ нельзя вести открытую войну, онъ дѣйствуетъ тайными подкопами. Такимъ-то образомъ нашъ Дедалъ строитъ зданіе своей дружбы, сопутствуя товарищамъ въ счастіи, какъ Тезей, и оставляя ихъ въ несчастіи, какъ Протей.

Итакъ, ты исполнишь мое желаніе, если избѣгнешь сношеній съ подобнаго рода людьми, особенно же съ тѣми изъ нихъ, которыхъ безстыдныя и достойныя театра рѣчи не знаютъ никакой узды, никакого предѣла. Люди, которые въ пустой болтовнѣ переступаютъ предѣлы приличія, и невоздержный языкъ которыхъ вязнетъ въ грязи нахальства, эти люди имѣютъ и совѣсть, замаранную преступленіями. Впрочемъ, гораздо легче встрѣтить человѣка, рѣчи котораго важны, а жизнь зазорна, нежели человѣка, который выражается неприлично, а нравами безукоризненъ. Прощай.

Сид. Аполлинарій.

Т. I, кн. 3, письмо 13, стр. 284.

См. примѣчаніе къ ст. 10.—*Паразитъ*—греческое слово; такъ назывались въ древности лица, распоряжавшіяся въ аѳинскомъ пританеѣ общественнымъ столомъ; впослѣдствіи этимъ именемъ пятнали всякаго питавшагося на чужой счетъ; лучшіе писатели Рима, какъ Плавтъ, Горацій, Ювеналъ и др., боролись съ этимъ осадкомъ деморализаціи древняго общества; но въ ихъ произведеніяхъ паразитъ служитъ еще только предметомъ осмѣянія; Сидоній старался внушить омерзѣніе къ людямъ, которые, какъ показываетъ Амміанъ-Марцелинъ (см. ст. 15), не задолго предъ тѣмъ временемъ пользовались еще большимъ почетомъ въ римскомъ обществѣ. Самъ Сидоній, бывшій уже епископомъ, вмѣняетъ своему другу въ число добродѣтелей его стараніе избѣгнуть общественной заразы, и тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ, что она была и при немъ не менѣе сильна, какъ и при Амміанѣ-Марцелинѣ, за сто лѣтъ предъ тѣмъ.

III.

НОВЫЙ МІРЪ

ВЪ ЭПОХУ ПАДЕНІЯ З. РИМСКОЙ ИМПЕРІИ.

ВАРВАРЫ И ЦЕРКОВЬ.

(V-й ВѢКЪ).

Историческій очеркъ эпохи.

Въ теченіе 500-лѣтняго существованія римской имперіи, почти съ самыхъ первыхъ дней ея происхожденія, рядомъ и въ нѣдрахъ самого древняго общества явились начатки двухъ цивилизацій, самостоятельныхъ и независимыхъ. Представителями ихъ были *христіанская община* и *германская дружина*; отношенія, связывавшія членовъ той и другой между собою, ихъ обязанности, права, стояли въ рѣзкой противоположности съ условіями того политическаго и соціальнаго быта, какой представляла въ себѣ римская имперія. Превосходя ихъ своею матеріальною силою и громадностью, имѣя на своей сторонѣ всѣ выгоды правильной администраціи и точнаго государственнаго механизма, римская имперія уступала и христіанской общинѣ, и германской дружинѣ, въ томъ отношеніи, что всѣ ея учрежденія, при всемъ ихъ высокомъ развитіи, ограничивались однимъ формализмомъ; между тѣмъ какъ ея ничтожные по числу соперники были связаны другъ съ другомъ крѣпкою и живою связью; самый актъ поступленія въ христіанскую общину или германскую дружину былъ результатомъ свободной воли каждаго недѣлимаго, и оттого всѣ учрежденія какъ той, такъ и другой, были проникнуты одинаковою свободою взаимныхъ отношеній членовъ между собою и участіемъ каждаго члена въ управленіи общими дѣлами.

Въ первыя три столѣтія существованія имперіи и христіанская община, и германская дружина находились въ постоянной борьбѣ съ своимъ коллоссальнымъ противникомъ: для христіанъ эта борьба была рядомъ преслѣдованій со стороны языческаго общества; христіане могли противопоставить ему оружіе тѣхъ, которые бываютъ физически слабы и обладаютъ однѣми нравственными силами, а именно, пассивную оппозицію. Германская дружина, несмотря на свою малочисленность, находила въ борьбѣ въ Римомъ союзниковъ во внутреннихъ врагахъ имперіи, тѣснимыхъ ея администраціею и деспотизмомъ администраторовъ. Такимъ образомъ, въ IV столѣтіи имперія, чувствуя себя побѣжденною, начала сближаться съ двумя своими врагами, чтобы у нихъ почерпнуть силы для дальнѣйшаго существованія. Въ 312 году императоръ Константинъ Великій призналъ хри-

стіанство государственною религіею имперіи; въ томъ же столѣтіи, имперія пришла въ болѣе тѣсныя столкновенія и съ германскою дружиною: въ 376 г. гунны, азіатскіе выходцы, потѣснили германцевъ за Рейнъ и Дунай, отдѣлявшіе ихъ до того времени отъ римской имперіи. Съ того времени римское правительство селило на своихъ границахъ и даже внутри имперіи германскія дружины, давало ихъ предводителямъ чины и сдѣлало ихъ членами своей администраціи. Вслѣдствіе того, два старыхъ непріятеля древняго міра къ V-му столѣтію утвердились мало-по-малу въ нѣдрахъ самой имперіи, съ одной стороны, обновляя падавшія формы имперіи, а съ другой стороны, и сами испытывая на себѣ ея невыгодное вліяніе: представитель христіанской общины, епископъ, и представитель германской дружины, ея герцогъ или король, внесли новыя понятія въ римскую администрацію, понятія независимости и самостоятельности, но въ то же время, сдѣлавшись чиновниками имперіи, перестали быть только первыми между равными и потребовали себѣ большей власти, нежели какою они пользовались прежде. Таковъ былъ общій характеръ двухъ главныхъ зародышей новаго міра, когда въ V столѣтіи они начали въ первый разъ свое полное историческое существованіе, не только признанное оффиціально, но и получившее перевѣсъ надъ древнимъ, павшимъ порядкомъ вещей.

---

20. — Политическая и общественная жизнь древнѣйшихъ германцевъ

(98 г. по Р. Х.).

Германцы выбираютъ своихъ королей (reges) изъ среды высшаго сословія, а вождей (duces, Heerzog, воевода) изъ тѣхъ, которые отличались доблестью. Но власть королей не безгранична и не произвольна; точно такъ же и степень власти вождя опредѣляется личнымъ уваженіемъ къ нему: его примѣръ важнѣе власти; всѣ смотрятъ на то, находчивъ ли онъ, предусмотрителенъ ли, идетъ ли впереди строя. Впрочемъ, они не имѣютъ права ни выговаривать, ни вязать, ни сѣчь безъ позволенія жрецовъ—и то не въ видѣ наказанія, и не вслѣдствіе повелѣнія вождя, а какъ бы по волѣ божества, которое, по ихъ убѣжденію, присутствуетъ во время битвъ. Германцы носятъ на войну изображенія и значки, которые они берутъ съ собою изъ своихъ священныхъ рощъ. Главнымъ возбужденіемъ храбрости въ германцѣ служитъ то обстоятельство, что у нихъ эскадроны (turma) и роты (cuneum) составляются не случайно, по набору людей, но по семействамъ и степенямъ родства: такъ что вблизи ихъ все дорогое, и съ своего мѣста они могутъ слышать и вопли своихъ женъ, и плачъ своихъ дѣтей. Въ нихъ каждый имѣетъ самыхъ священныхъ свидѣтелей и лучшихъ цѣнителей подвига. Она показываютъ свои раны

матерямъ и женамъ, и тѣ не боятся считать и разсматривать раны. Онѣ же носятъ сражающимся пищу и поощряютъ ихъ.

Есть преданіе, что иногда ряды войска, уже дрогнувшіе и поколебленные, были вновь приводимы въ порядокъ женщинами, ихъ неотступными мольбами; онѣ становились грудью къ бѣгущимъ, напоминая имъ объ угрожающемъ плѣнѣ, котораго германцы болѣе всего боятся за своихъ женщинъ: такъ что самое дѣйствительное обязательство для германскаго гражданина то, когда въ число заложниковъ требуютъ дѣвицъ изъ знатныхъ фамилій. Германцы приписываютъ женщинамъ особое священное и пророческое значеніе, не презираютъ ихъ совѣтами и не пренебрегаютъ ихъ отвѣтомъ. Въ царствованіе покойнаго (sub divo) Веспасіана, мы видѣли Веледу, которая у многихъ считалась божествомъ. Уже и въ прежнія времена германцы обоготворяли Авринію и многихъ другихъ, не изъ низкой лести, какъ то бываетъ у насъ, а какъ слѣдуетъ почитать богинь.

Изъ всѣхъ боговъ германцы наиболѣе чтутъ Меркурія (Одина) и въ извѣстные дни имѣютъ обычай приносить ему даже человѣческія жертвы. Геркулеса (Ціу) и Марса они умилостивляютъ жертвоприношеніями животныхъ. Часть свевовъ приносятъ кромѣ того жертвы Изидѣ (Фрейя). Какимъ образомъ и откуда перешелъ къ германцамъ этотъ чужеземный (т.-е. египетскій) культъ, я мало могъ разузнать; но самое изображеніе богини, въ формѣ либурнскаго судна, указываетъ на заимствованіе ея изъ чужой религіи. Впрочемъ, имъ кажется болѣе соотвѣтственнымъ величію небесныхъ обитателей не держать ихъ заключенными въ стѣнахъ храма и не придавать имъ никакихъ человѣческихъ чертъ: они посвящаютъ имъ рощи и лѣса; и имена боговъ выражаютъ ту тайну, которую они созерцаютъ въ одномъ благоговѣніи.

Едва ли кто вѣритъ такъ въ предзнаменованія и гаданія, какъ германцы. Самый способъ гаданій у нихъ очень простъ: разрѣзываютъ вѣтку плодоноснаго дерева на кусочки и, намѣтивъ ихъ разными знаками, разбрасываютъ на удачу по бѣлому плащу. Затѣмъ жрецъ общины (civitatis), если дѣло общественное, или отецъ семейства, если частное дѣло, призывая боговъ и поднимая глаза къ небу, беретъ три раза каждый кусокъ и по сдѣланнымъ на нихъ знакамъ даетъ объясненіе. Если гаданіе оказывается неудачнымъ, то всякое совѣщаніе объ этомъ дѣлѣ прекращается на этотъ день; если же оно счастливо, то требуется еще мнѣніе авгуровъ, потому что они могутъ судить по пѣнію и полету птицъ. Только однимъ германцамъ свойственно умѣнье узнавать будущее по чутью и предчувствію лошадей. Они содержатъ въ тѣхъ же священныхъ рощахъ и лѣсахъ на общественный счетъ нѣсколько бѣлыхъ коней, которые никогда не знали никакой простой работы. Эти кони запрягаются въ священную колесницу, и жрецъ, или король, или князь (princeps) обязаны править ими и наблюдать ихъ ржаніе и вздрагиваніе. Этому гаданью вѣрятъ больше всего, не только народъ, но и вельможи (proceres), и жрецы, которые себя считаютъ служителями боговъ, а лошадей знающими даже ихъ помыслы. Германцы имѣютъ еще и другой способъ гадать, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы узнать исходъ важной войны:

они устраиваютъ единоборство между плѣннымъ, взятымъ у того народа, съ которымъ предстоитъ война, и воиномъ изъ своей среды; каждый изъ нихъ вооруженъ отечественнымъ оружіемъ, и побѣда того или другого опредѣляетъ будущее.

Въ дѣлахъ маловажныхъ совѣщаются одни только князья (principes), но въ болѣе важныхъ всѣ; однакожъ и тѣ дѣла, рѣшеніе которыхъ зависитъ отъ воли народа (plebs), обсуждаются предварительно старѣйшинами. Если не случится чего-нибудь внезапнаго и чрезвычайнаго, то они собираются въ опредѣленные дни, или при новолуніи или при полнолуніи, считая это лучшимъ временемъ для предузнанія участи предпринимаемаго дѣла. Время они считаютъ не по днямъ, какъ мы, а по ночамъ. Ночами они считаютъ время всякаго обязательства, всякой сдѣлки, вѣроятно, потому, что ночь, повидимому, ведетъ день. Вольность германцевъ порождаетъ одинъ недостатокъ: они собираются не всѣ вдругъ, не такъ, какъ тѣ, которые получаютъ на то предписаніе, а потому два, три дня теряются на сборы. Въ собраніяхъ они засѣдаютъ вооруженными. Жрецы, которые получаютъ въ этомъ случаѣ полицейскую власть (coercendi jus), наблюдаютъ за тишиною. Затѣмъ король или князь, смотря по его лѣтамъ, воинской славѣ и краснорѣчію, выслушиваются съ тѣмъ уваженіемъ, которое можетъ внушаться болѣе силою убѣжденія, чѣмъ силою власти. Если мнѣніе его не нравится собранію, то оно выражаетъ свое неудовольствіе шумомъ; въ случаѣ же согласія, потрясаетъ оружіемъ. Шумъ оружія служитъ самымъ почетнымъ выраженіемъ одобренія.

Въ эти собранія могутъ быть представляемы жалобы, и тамъ же разбираются уголовныя дѣла. Наказанія опредѣляются по степени преступленія. Измѣнниковъ и перебѣжчиковъ вѣшаютъ на деревьяхъ. Лѣнтяевъ, трусовъ, развратниковъ потопляютъ въ болотахъ, накрываютъ ихъ плетнями. Этимъ различіемъ въ наказаніяхъ они, кажется, хотятъ выразить, что злодѣянія должны быть вывѣшены, а низкія слабости сокрыты. Что же касается болѣе легкихъ проступковъ, то для нихъ степени наказанія выражаются числомъ лошадей и рогатаго скота; часть пени (multa) идетъ въ пользу короля или общины, а часть въ пользу истца или его родственниковъ. На этихъ же собраніяхъ избираются князья (principes), которые чинятъ судъ въ округахъ и селахъ. Каждому изъ нихъ дается еще сто графовъ (comites), избираемыхъ изъ простого народа (ex plebe), которые составляютъ его совѣтъ и подкрѣпляютъ его властъ.

Всякое дѣло—публичное или частное, они разбираютъ съ оружіемъ въ рукахъ; но никто не можетъ носить оружія, пока община не признаетъ его достойнымъ того. Въ послѣднемъ случаѣ одинъ изъ князей, или отецъ, или родственникъ, вручаетъ юношѣ щитъ и копье. Это ихъ тога, это первая почесть, которой удостоивается молодой человѣкъ: до того времени онъ считался частью семейства, теперь становится частью государства. Высокое происхожденіе и великія заслуги предковъ передаютъ достоинство князя и дѣтямъ; иногда же дѣти знатныхъ сами поступаютъ на службу къ болѣе храбрымъ и уже прежде испытаннымъ людямъ, и они не считаютъ стыдомъ быть простыми дружинниками (comites). Степени въ самой

дружинѣ (comitatus) опредѣляются вождемъ, за которымъ она слѣдуетъ; дружинники соперничаютъ за первое мѣсто при князѣ, а князья соперничаютъ многочисленностью и ловкостью дружинниковъ. Все достоинство и могущество князя состоитъ въ томъ, чтобы быть постоянно окруженнымъ большою толпою молодыхъ сподвижниковъ: во время мира это его украшеніе, во время же войны—опора. Эти вожди пріобрѣтаютъ себѣ имя и славу не только въ своемъ народѣ, но и у сосѣднихъ племенъ, если могутъ блистать многочисленностью и храбростью своей дружины. Ихъ заискиваютъ посольствами, осыпаютъ подарками, и нерѣдко одно слово ихъ рѣшаетъ войну.

Когда дѣло доходитъ до боя, то для князя считается стыдомъ, если кто-нибудь превзойдетъ его храбростью, а дружинѣ стыдъ, если она не сравняется съ княземъ. Возвратиться живымъ съ боя, въ которомъ палъ князь, считается позоромъ на всю жизнь. Защищать и охранять князя, относить къ его славѣ и свои храбрые подвиги составляетъ священную обязанность дружины. Князья бьются за побѣду, а дружинники за князей. Если родина томится бездѣйствіемъ и продолжительнымъ миромъ, большая часть благородныхъ молодыхъ людей идетъ предлагать свои услуги тѣмъ племенамъ, которыя находятся въ войнѣ; потому что покой ничего имъ не приноситъ, а на войнѣ, среди опасностей, легче блеснуть, и вождю дешевле содержать многочисленную дружину, потому что она и своего боевого коня, и свое кровавое и побѣдоносное копье получаетъ отъ щедротъ князя; его столъ и простыя, но обильныя яства служатъ дружинѣ вмѣсто жалованья; а война и грабежъ доставляютъ средство къ подобной щедрости. Ихъ не такъ легко убѣдить въ томъ, что лучше обработывать землю и ожидать слѣдующаго лѣта, чѣмъ накликать враговъ и награждаться ранами. Собирать пòтомъ то, чтò можно добыть кровью, кажется имъ лѣностью и бездѣйствіемъ.

Время, свободное отъ войны, они проводятъ отчасти на охотѣ, а больше въ праздности, ѣдѣ и снѣ. Самые здоровые и воинственные изъ нихъ, не зная никакого труда, предоставляютъ заботы о семействѣ, о пенатахъ и поляхъ женщинамъ, старикамъ и слабѣйшимъ въ семействѣ, а сами коснѣютъ въ бездѣйствіи. Странное противорѣчіе природы: тѣ же самые люди, которые такъ любятъ лѣнь, въ то же время ненавидятъ покой. Существуетъ обычай въ общинахъ дѣлать своимъ князьямъ поголовныя и добровольныя приношенія скотомъ и хлѣбомъ, которыя принимаются въ знакъ почета, но служатъ также и для удовлетворенія ихъ потребностей. Они любятъ особенно подарки отъ сосѣднихъ народовъ, частные или публичные, какъ-то: отборныхъ коней, оружіе большихъ размѣровъ, сбруи и ожерелья. Мы научили ихъ брать и деньги.

Всѣмъ извѣстно, что германцы не любятъ жить въ городахъ и что они не терпятъ сплошныхъ жилищъ: они живутъ въ разсыпную, гдѣ кому понравится какой-нибудь ключъ, какое-нибудь поле или лѣсокъ. Деревни ихъ построены, не по нашему обычаю, домъ объ-домъ; каждый окружаетъ свое жилище дворомъ, или въ видахъ предосторожности отъ пожара, или по неумѣнію строиться. Они не знаютъ употребленія тесаныхъ камней и черепицы, и употребляютъ грубые

матеріалы, безъ всякаго вида и пріятности. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ строеніе тщательно вымазывается глиною, столь чистою и блестящею, что она походитъ на краску и тѣни цвѣтовъ. Они имѣютъ также обыкновеніе копать себѣ землянки, на которыя наваливается толстый слой навоза: онѣ служатъ складочнымъ мѣстомъ и убѣжищемъ во время зимы для хлѣба, потому что умѣряютъ суровость холода; если приходитъ непріятель, то онъ можетъ грабить только то, что̀ находится на поверхности земли, но что касается спрятанныхъ и зарытыхъ подъ землею вещей, то непріятель или не находитъ ихъ, или онѣ задерживаютъ его, потому что надобно ихъ искать.

Общая одежда ихъ состоитъ изъ короткаго плаща, застегиваемаго пряжкою, а за неимѣніемъ ея—терновникомъ; иногда они проводятъ весь день совершенно нагіе вокругъ очага, предъ огнемъ. Самые богатые изъ нихъ отличаются одеждою, которая не болтается, какъ у сарматовъ и пареянъ, но сидитъ въ обтяжку, обрисовывая каждую часть тѣла. Германцы носятъ также звѣриныя шкуры, болѣе грубыя на Рейнѣ, и болѣе дорогія въ странахъ внутреннихъ, гдѣ они не могутъ достать себѣ торговлею другой одежды. Они выбираютъ лучшихъ звѣрей и, содравъ съ нихъ шкуру, раскрашиваютъ ее и убираютъ кожами животныхъ, получаемыхъ изъ-за океана и неизвѣстнаго моря. Женщины одѣваются, какъ мужчины, за исключеніемъ того, что онѣ чаще покрываются полотняными плащами, окрашенными въ пурпуръ, и верхняя часть платья остается безъ рукавовъ: руки и плечи голы, и ближайшая къ нимъ часть груди открыта.

Браки у германцевъ весьма строги, и въ этомъ отношеніи ихъ нравы заслуживаютъ наибольшей похвалы, потому что они почти единственные изъ варваровъ, которые довольствуются одною женою; немногіе между ними вступаютъ въ браки по нѣскольку разъ, и то не для удовлетворенія чувственности, а въ знакъ благородства происхожденія. Приданое приноситъ не жена мужу, а мужъ женѣ. Родители и родственники бываютъ при этомъ посредниками и оцѣниваютъ свадебные подарки, предназначаемые не для женской забавы и не для украшенія новобрачной, и состоящіе въ быкахъ, лошади съ упряжью и щитѣ съ копьемъ и мечомъ. За этими подарками молодая передается мужу и взаимно предлагаетъ ему въ подарокъ что-нибудь изъ вооруженія. Все это составляетъ самыя прочныя узы; въ этомъ они видятъ таинственное священнодѣйствіе (arcana sacra); таковы ихъ брачные боги. Чтобы жена не считала себя свободною отъ мысли о личной храбрости и безопасною отъ случайностей войны, для того и учреждаются такія приготовленія къ браку, которыя напоминали бы ей, что она обязана быть подругой мужа во всѣхъ его трудахъ и опасностяхъ; что она и во время мира, и на войнѣ должна терпѣть и рисковать столько же, сколько и мужъ ея. Эту-то мысль выражаютъ тѣ парные быки, и лошадь боевая, и изготовленное оружіе; бракъ заключается на жизнь и смерть (sic vivendum, sic pereundum); полученные при бракѣ подарки должно передать сохранно и честно дѣтямъ, а черезъ нихъ невѣсткамъ, съ тѣмъ, чтобы онѣ передали ихъ снова внукамъ.

Германскія жены живутъ, такимъ образомъ, огражденныя непорочностью, безъ обольстительныхъ зрѣлищъ и безъ разжигающихъ страсти пировъ. Мужчины, равно какъ и женщины, не знаютъ секретной переписки (literarum secreta). Въ такомъ многочисленномъ народѣ весьма рѣдко встрѣчаются случаи прелюбодѣянія, за которое наказываетъ немедленно самъ мужъ. Виновная, съ обрѣзанными волосами, нагая, въ присутствіи родственниковъ, изгоняется изъ дома мужа, и подъ розгами прогоняется по всему селенію. Женщина, нарушившая законы стыдливости, не имѣетъ для себя пощады. Ни красота, ни молодость, ни богатство, не найдутъ себѣ мужа. У германцевъ никто не шутитъ порокомъ, и соблазнить или быть соблазнену не называется жить по-свѣтски (nec saeculum vocatur). Еще лучше дѣлаютъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ однѣ дѣвицы могутъ выходить замужъ, и гдѣ можно надѣяться и желать быть супругою только одинъ разъ въ жизни. Подобно тому, какъ женщина имѣетъ только одно тѣло и одну жизнь, такъ точно она должна имѣть только одного мужа; затѣмъ не должно быть никакой другой мысли, никакого пожеланія, чтобы въ мужѣ любить не мужа, а бракъ (ne tanquam maritum, sed matrimonium ament). Ограничивать число дѣтей или умертвить кого-нибудь изъ младшихъ считается у нихъ преступленіемъ. Въ Германіи хорошіе нравы имѣютъ бо̀льшую силу, чѣмъ у другихъ народовъ хорошіе законы.

Въ каждомъ домѣ дѣти растутъ нагія и грязныя, пока они достигаютъ той крѣпости членовъ, того тѣлосложенія, которому мы удивляемся. Каждое дитя вскармливается грудью своей матери и не передается нянькамъ и мамкамъ. Господинъ не отличается отъ раба никакою изысканностью воспитанія; среди однихъ и тѣхъ же стадъ, на одной и той же почвѣ они растутъ вмѣстѣ до тѣхъ поръ, пока возрастъ не отдѣляетъ людей родословныхъ и не обнаруживаетъ ихъ доблести. Молодые люди поздно знакомятся съ любовью, и оттого не бываютъ истощены уже въ юности. Дѣвушки также не выдаются рано замужъ; одинаково молодые, равно способные къ дѣторожденію, въ полной силѣ, супруги производятъ и здоровыхъ дѣтей. Дядя смотритъ на племянниковъ, какъ отецъ на своихъ дѣтей, нѣкоторые считаютъ эти кровныя узы еще болѣе тѣсными, и при выборѣ заложниковъ требуютъ по преимуществу племянниковъ, такъ какъ эти послѣдніе сильнѣе связываютъ лицо и обязываютъ бо̀льшее число членовъ въ семействѣ. Наслѣдниками и преемниками каждый считаетъ, конечно, своихъ собственныхъ дѣтей; завѣщаній не дѣлаютъ. Если нѣтъ дѣтей, то наслѣдуютъ ближайшіе родственники—братья или дяди съ отцовской или материнской стороны. Чѣмъ кто болѣе имѣетъ родственниковъ и свойственниковъ, тѣмъ почтеннѣе его старость; бездѣтность не имѣетъ никакой цѣны.

Необходимо наслѣдовать вражду и дружбу отца или родственника; но вражда не бываетъ у нихъ неумолимою. Даже убійство искупается цѣною нѣсколькихъ головъ мелкаго или крупнаго скота, и это удовлетворяетъ все семейство; такое учрежденіе весьма полезно для общества, ибо личная вражда становится гораздо опаснѣе при личной свободѣ. Ни одинъ народъ не бываетъ такъ внимателенъ къ

своимъ сотрапезникамъ и гостямъ, какъ германцы; отказать кому-либо отъ своего дома считается безчестіемъ; каждый угощаетъ тѣмъ, что̀ есть, смотря по своему состоянію. Если чего-нибудь недостаетъ, хозяинъ указываетъ гостю на сосѣдній домъ, вводитъ его туда безъ приглашенія; это все равно: ихъ обоихъ принимаютъ съ одинаковымъ радушіемъ. Въ отношеніи гостепріимства не различаютъ знакомаго отъ незнакомаго. Когда гость уходитъ и проситъ чего-нибудь, то обычай требуетъ, чтобы ему не отказали; обычай же позволяетъ то же самое и хозяину. Они любятъ подарки, но не думаютъ обязывать кого-либо свомъ подаркомъ, и не считаютъ обязанными себя, получивъ что-нибудь отъ гостя.

Вставая отъ сна, который у нихъ продолжается долго послѣ наступленія дня, они немедленно моются, всего чаще теплою водою, такъ какъ зима у нихъ очень продолжительна. По умовеніи, они ѣдятъ, сидя каждый на особомъ стулѣ и за особымъ столомъ. Затѣмъ они обращаются къ дѣламъ, а чаще къ пиршеству, на которое являются вооруженными. Пить цѣлый день и цѣлую ночь не считается постыднымъ. Ссоры, которыя у германцевъ часты, какъ вообще между выпившими, рѣдко кончаются бранью, и чаще убійствами и ранами. Впрочемъ и примиренія, союзы, выборъ князей, миръ, война—все это рѣшается на пирахъ, какъ будто ни въ какое другое время умъ не бываетъ такъ ясенъ для обсужденія дѣлъ и такъ настроенъ для великихъ предпріятій. Этотъ народъ безъ хитрости и коварства раскрываетъ тайны своего сердца за вольной пирушкой. Оттого у нихъ то же самое, что̀ говорилось за пиромъ нараспашку, на слѣдующій день подвергалось вторичному обсужденію; и то, и другое весьма благоразумно: они обсуждаютъ дѣло тогда, когда человѣкъ не можетъ скрывать своихъ мыслей, а утверждаютъ свой приговоръ, когда нельзя сдѣлать ошибку (deliberant, dum fingere nesciunt; constituunt, dum errare non possunt).

Напитокъ ихъ состоитъ изъ жидкости, добываемой изъ ячменя или пшеницы, а броженіе дѣлаетъ его похожимъ на вино. Болѣе близкіе къ рѣкѣ (т.-е. Рейну) торгуютъ и виномъ. Кушанья ихъ просты: дикіе плоды, молодая дичь, кислое молоко; все это безъ всякихъ затѣй и приправъ. Они менѣе воздержны относительно удовлетворенія жажды. Если потворствовать ихъ пьянству, давая имъ пить, сколько они хотятъ, то этимъ порокомъ можно побѣдить ихъ легче, чѣмъ оружіемъ. Они имѣютъ только одинъ родъ зрѣлищъ на всѣхъ своихъ собраніяхъ. Молодые люди—а для нихъ это игра—перескакиваютъ нагіе чрезъ мечи и воткнутыя копья. Упражненіе возвысило эту игру до искусства, а искусство придало ей грацію; участвующіе не ищутъ ни прибыли, ни жалованья; удовольствіе зрителей служитъ наградою смѣлой ловкости. Игра въ кости—это удивительно—занимаетъ ихъ натощакъ, какъ серьезное дѣло, и притомъ съ такимъ ослѣпленіемъ, какъ при выигрышѣ, такъ и при проигрышѣ, что когда уже ничего нѣтъ, они ставятъ на послѣднюю ставку свою свободу и самихъ себя. Проигравшійся добровольно отдаетъ себя въ рабство: и хотя бы онъ былъ моложе и сильнѣе того, кто выигралъ, но тѣмъ не менѣе онъ дозволяетъ послѣднему связать и продать себя. Они

тверды въ случаѣ несчастія, и называютъ это честностью. Такихъ рабовъ стараются продать, какъ бы желая избавить себя отъ стыда выигрыша.

Обыкновенные рабы не имѣютъ опредѣленныхъ въ домѣ занятій, какъ у насъ. Всякій самъ заправляетъ своимъ дворомъ и своими пенатами. Господинъ налагаетъ на раба, какъ на фермера (colonus), извѣстную подать хлѣбомъ, животными и платьемъ; и рабъ повинуется только въ этихъ предѣлахъ. Другія домашнія работы отправляются женою и дѣтьми. Рѣдко случается, чтобы раба били, заковывали или насиловали работой. Они скорѣе убьютъ его, но не по жестокости и не наказывая, а въ порывѣ гнѣва, какъ убиваютъ врага; но убійца не остается безнаказаннымъ. Вольноотпущенные (liberti) стоятъ немного выше рабовъ: они рѣдко пріобрѣтаютъ вліяніе въ семейныхъ дѣлахъ, и никогда въ общественныхъ, исключая тѣ народы, которые управляются королями (quae regnantur). У такихъ народовъ вольноотпущенные даже возвышаются надъ людьми свободнорожденными и благородными. Низкое положеніе вольноотпущенныхъ — признакъ политической свободы народа.

Отдача денегъ взаймы и увеличеніе ихъ процентами имъ неизвѣстны, а это ихъ охраняетъ отъ ростовства болѣе, чѣмъ запретительные законы. Поля, въ размѣрѣ соотвѣтственномъ числу рабочихъ рукъ, отводятся въ общее владѣніе, на извѣстное время (per vices), и потомъ они сами подраздѣляютъ землю на части между собою, по достоинству лицъ. Обширность ихъ полей облегчаетъ такой дѣлежъ. Они ежегодно мѣняютъ свои поля; у нихъ всегда остается лишнее мѣсто: они не заботятся объ удобреніи земли и не стѣсняются ея пространствомъ; не разводятъ фруктовыхъ садовъ, не ставятъ заборовъ, не поливаютъ. Отъ земли требуется только хлѣбъ. Такимъ образомъ, они не раздѣляютъ года на четыре времени, какъ мы. Они знаютъ и называютъ только зиму, весну и лѣто, но не знаютъ ни имени, ни плодовъ осени.

У нихъ нѣтъ пышныхъ похоронъ: они соблюдаютъ только одно, чтобы тѣла знаменитыхъ мужей были сожигаемы на кострѣ изъ дровъ извѣстнаго дерева. Они не кладутъ на костеръ никакихъ одеждъ, ни благоухающихъ травъ; только оружіе покойника, а иногда и его лошадь сожигаются вмѣстѣ съ нимъ. Могилою служитъ высокій курганъ: они не любятъ ставить колоссальные и дорогіе монументы, какъ гнетущіе умершаго. Они скоро перестаютъ плакать и стонать, но зато долго хранятъ свое горе и печаль; однимъ женщинамъ прилично оплакивать умершаго; мужчинамъ же дозволяется только вспоминать о немъ. Вотъ все, что̀ я узналъ о нравахъ германцевъ вообще.

Тацитъ.

De situ, moribus et populis Germaniae, гл. VII—XXVII.

К. К. Тацитъ (Cajus-Cornelius-Tacitus) родился, на основанiи преданiя, въ городѣ Interamna (н. Terni, въ Средней Италiи), въ началѣ правленiя Нерона, 55 г., и умеръ въ 135 г. Его основательное знанiе быта германцевъ и сближенiе имевъ подали поводъ къ предположенiю, что Тацитъ былъ сынъ прокуратора гальской провинцiи Бельгики, сосѣдней германскому мiру. Его воспитанiе и первые годы юности остаются совершенно неизвѣстными; на основанiи достоинства его литературныхъ произведенiй и его тѣсной дружбы съ Плинiемъ-Младшимъ, можно заключить, что Тацитъ получилъ отличное образованiе и жилъ въ самомъ лучшемъ обществѣ. Близкое знакомство съ военнымъ дѣломъ, обнаруженное имъ въ историческихъ произведенiяхъ, послужило поводомъ къ догадкѣ, что Тацитъ началъ свою дѣятельность военною службой: притомъ въ то время военная служба открывала главную дорогу ко всѣмъ гражданскимъ должностямъ. По словамъ самого Тацита, „онъ началъ отправлять болѣе важныя должности при Веспасiанѣ, еще болѣе успѣлъ при Титѣ, но главнымъ образомъ возвысился при *Домицiанѣ*“ (Hist. I, 1). Пройдя должности квестора, эдиля, трибуна, Тацитъ въ правленiе Домицiана достигъ званiя претора (въ 88 г.). На слѣдующiй же годъ Тацитъ, неизвѣстно, удалился ли добровольно вмѣстѣ съ женою, дочерью Агриколы, знаменитаго завоевателя Британiи, или былъ удаленъ изъ Рима; въ 93 г., когда умеръ или, что̀ вѣроятнѣе, погибъ его тесть, Тацита не было еще въ Римѣ, но во всякомъ случаѣ онъ возвратился туда еще до умерщвленiя Домицiана, слѣд., ранѣе 96 года. Преемникъ Домицiана, Нерва, которымъ начинается счастливая эпоха римской имперiи, назначилъ (въ 97 г.) Тацита исправлять должность консула; это званiе было болѣе почетнымъ и потому предоставляло Тациту много свободнаго времени для литературныхъ занятiй: въ 97 г. онъ открылъ свою дѣятельность „Жизнеописанiемъ Агриколы“, а въ 98 г. было составлено „Описанiе нравовъ германцевъ“. Въ то же самое время Тацитъ принималъ участiе въ политической жизни своего общества, являясь въ сенатѣ какъ ораторъ, по поводу процессовъ государственной важности: такъ, въ 99 г. сенатъ возложилъ на него вмѣстѣ съ Плинiемъ-Младшимъ обязанность обличить проконсула Марiя-Приска, въ защиту угнетенныхъ имъ африканскихъ провинцiй. Еще до окончанiя своего труда о нравахъ германцевъ, Тацитъ приступилъ къ другимъ работамъ и написалъ „Разговоръ объ ораторахъ, или о причинахъ паденiя краснорѣчiя“; это сочиненiе многiе приписывали или Тертуллiану, или Светонiю. Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣнiй о жизни Тацита во II столѣтiи, отъ назначенiя его консуломъ до смерти (97—135); очевидно, Тацитъ не принималъ въ этотъ промежутокъ времени никакого участiя въ оффицiальной жизни римскаго общества и посвятилъ всего себя двумъ своимъ самымъ обширнымъ произведенiямъ, а именно: *Анналамъ* и *Исторiямъ*, изъ которыхъ до насъ дошла только небольшая часть. Первыя 6 книгъ Анналовъ (5-я книга съ пропусками) заключаютъ правленiе Тиберiя отъ 14 до 37 г.; слѣдующiя 4 книги (7—10), съ описанiемъ въ нихъ правленiя Калигулы, и начало 11-й книги потеряны, а затѣмъ разсказъ начинается съ 47 года, который былъ пятымъ годомъ правленiя Клавдiя. Въ послѣднихъ 5 книгахъ (12—16) недостаетъ окончанiя 16-й книги: разсказъ останавливается на 66 году, и такимъ образомъ описанiе послѣднихъ двухъ лѣтъ правленiя Нерона остается потеряннымъ. Изъ 20 книгъ „Исторiй“, которыя обнимали собою время отъ смерти Нерона до смерти Домицiана (68—96 г.), до насъ дошли первыя четыре книги и начало

пятой: правленіе Гальбы, Оттона, Вителлія и Веспасіана до войны съ Цивилисомъ, въ 70 г.

Для средневѣковой исторіи западной Европы самое важное изъ всѣхъ произведеній Тацита—его картина древнѣйшаго быта германцевъ; на нее можно смотрѣть какъ на образцовое введеніе въ исторію цивилизаціи западной Европы; кто хочетъ подняться къ самымъ источникамъ новѣйшихъ учрежденій, военныхъ, гражданскихъ и политическихъ, тотъ долженъ обратиться къ труду Тацита о германцахъ. Тацита обвиняютъ только въ одномъ: говорятъ, что въ этомъ трудѣ онъ желалъ не столько изобразить германцевъ дѣйствительныхъ, сколько въ лицѣ варваровъ осмѣять деморализацію римскаго общества; еще Вольтеръ сравнивалъ Тацита съ тѣмъ „педагогомъ, который для возбужденія самолюбія своихъ учениковъ расточаетъ, въ ихъ присутствіи, похвалы уличнымъ мальчикамъ, какъ бы они ни были грязны". Но сравненіе показаній Тацита съ другими извѣстіями о германцахъ доказываетъ, что если историкъ и руководился цѣлями сатирическими, то эти цѣли не увлекали его за предѣлы истины.

Между частными изданіями книги Тацита „О германцахъ" болѣе замѣчательно то, которое сдѣлалъ *Panckoucke* въ 1824 г., съ французскимъ переводомъ при латинскомъ текстѣ, введеніемъ, примѣчаніями и географическимъ атласомъ. Изъ полныхъ изданій всѣхъ произведеній Тацита—новѣйшее и лучшее сдѣлалъ *Orelli*, Zürich. 1848, въ 2 т., и *Burnouf*, Paris. 1827—33 г., въ 6 т. Монографіи о Тацитѣ: *Meierotto*, De fontibus, quae Tacitus in tradendis rebus ante se gestis videatur secutus. Berol. 1795.—*Boetticher*, De vita, scriptis ac stylo Caji Corn. Taciti, etc. Berol. 1834.

21.—Общая картина жизни варваровъ въ эпоху великаго переселенія народовъ.

(1831 г.).

Въ эпоху великаго переселенія народовъ глазамъ римлянъ явилось то зрѣлище, какое могутъ намъ теперь представить дикари со всѣмъ разнообразіемъ, оригинальностью ихъ жизни и свирѣпостью обычаевъ: Римъ сначала постепенно, а потомъ вдругъ увидѣлъ, въ самомъ сердцѣ и провинціяхъ своей имперіи, малорослыхъ, худощавыхъ и смуглыхъ людей, или исполиновъ съ зеленоватыми глазами, русыми волосами, омытыми въ известковой водѣ, намазанными горькимъ масломъ, или посыпанными ясневымъ пепломъ; одни, нагіе, украшенные ожерельями, желѣзными кольцами, золотыми браслетами; другіе покрыты кожами, бронею, въ широкихъ шароварахъ, узкихъ и пестрыхъ туникахъ; на головахъ у иныхъ шлемы, сдѣланные на подобіе пасти дикихъ звѣрей; другіе съ бритымъ подбородкомъ и затылкомъ, или съ длинной бородой и усами. Одни, пѣшіе, размахивали палицами, дубинами, молотами, копьемъ, съ однимъ и двумя крючками, обоюдо-

острыми сѣкирами, пращами, стрѣлами съ костянымъ наконечникомъ, веревочными и кожаными арканами, длинными и короткими мечами; другіе на рослыхъ боевыхъ коняхъ, покрытыхъ желѣзными бляхами, или на уродливыхъ и тощихъ, но быстрыхъ, какъ орелъ, лошаденкахъ. На ровномъ мѣстѣ эти люди сражались въ разсыпную, или образовывали уголъ, или бросались густою толпой; въ лѣсахъ они влѣзали на деревья, предметъ ихъ поклоненія, и сражались, возсѣдая, такъ сказать, на плечахъ и на рукахъ своихъ боговъ.

Цѣлые томы едва вмѣстили бы въ себѣ описаніе нравовъ и обычаевъ столькихъ народовъ.

Агатирсы, какъ и *пикты*, раскрашивали тѣло и волосы голубой краской; у людей низшаго класса пятна были невелики и рѣдки; у знатныхъ они были крупнѣе и ближе одно отъ другого.

Аланы не занимались земледѣліемъ; они питались молокомъ и мясомъ животныхъ; странствовали въ своихъ лубочнымъ повозкахъ изъ степи въ степь. Когда ихъ животныя поѣдали всю траву на лугахъ, они укладывали свой городъ на повозки и раскидывали его на другомъ мѣстѣ. Мѣсто, на которомъ они останавливались, становилось ихъ отечествомъ. Аланы были высокаго роста и красивы; имѣли почти свѣтлорусые волосы, взглядъ страшный и вмѣстѣ пріятный. Рабство у нихъ было неизвѣстно; они всѣ были дѣтьми свободы.

Готы, какъ и аланы, скандинавскаго происхожденія, имѣли съ ними сходство; но они менѣе переняли обычаевъ у славянъ, и были болѣе расположены къ воспринятію цивилизаціи. Сидоній Аполлинарій описываетъ совѣтъ готскихъ старѣйшинъ: „Слѣдуя древнему обычаю, ихъ старцы сошлись при восходѣ солнца; ледъ ихъ возраста скрывалъ подъ собою пламя юноши. Нельзя смотрѣть безъ отвращенія на холстину, покрывающую ихъ тощее тѣло; кожи, которыми они одѣты, едва спускаются ниже колѣнъ. Они носятъ башмаки изъ лошадиной кожи, которые простымъ узломъ привязываются посрединѣ ноги, бо̀льшая часть которой остается открытою“. И для чего собрались эти готы? Для того, чтобы выразить негодованіе по случаю взятія Рима вандалами и избрать римскаго императора!

Сарацины, также какъ и аланы, были номады: сидя на своемъ верблюдѣ, они бродили по безконечнымъ пустынямъ, перемѣняя каждую минуту небо и землю; вся жизнь ихъ была постояннымъ бѣгствомъ.

Гунны были страшны даже самимъ варварамъ: они съ отвращеніемъ смотрѣли на этихъ всадниковъ, съ толстой шеей, изрѣзанными щеками, смуглымъ, плоскимъ и безбородымъ лицомъ, съ головой въ видѣ шара изъ костей и мяса, и глазами, которые скорѣе можно было назвать щелями, чѣмъ глазами; съ крикливымъ голосомъ и дикими тѣлодвиженіями. Римлянамъ говорили о нихъ, какъ о животныхъ, ходящихъ на двухъ ногахъ, и сравнивали съ тѣми уродливыми изображеніями, которыя въ древности ставились на мостахъ. Имъ приписывали происхожденіе, оправдывающее ужасъ, который они внушали: ихъ считали потомками какихъ-то волшебницъ, называемыхъ *Аliorumna*, которыя, послѣ изгнанія ихъ изъ общества готскимъ ко-

ролемъ Фелимеромъ, въ пустыняхъ соединились бракомъ съ демонами.

Отличные во всемъ отъ прочихъ людей, гунны не употребляли ни огня, ни изготовленныхъ кушаній. Они питались дикими травами, полусырымъ мясомъ, размягченнымъ подъ сидѣньемъ или согрѣтымъ между сѣдломъ и спиною лошади. Ихъ туники, изъ крашеной холстины и шкурокъ полевыхъ крысъ, завязывались около шеи, и снимались только тогда, какъ изнашивались до-тла. На голову надѣвались круглыя кожаныя шапки, а мохнатыя ноги обертывались въ козій мѣхъ. Можно было подумать, что они были пригвождены къ лошадямъ, малорослымъ и безобразнымъ, но неутомимымъ. Часто они садились на нихъ бокомъ, какъ женщины; сидя верхомъ, они толковали о дѣлахъ, разсуждали, продавали, покупали, пили, ѣли, спали на узкой шеѣ своего бѣгуна и созерцали въ глубокомъ снѣ всевозможныя сновидѣнія.

Безъ опредѣленнаго жилища, безъ очага, безъ закона и домашнихъ привычекъ, гунны блуждали въ своихъ повозкахъ, служившихъ имъ жилищами. Въ этихъ подвижныхъ шалашахъ жены изготовляли имъ одежды, рожали, кормили грудью своихъ дѣтей до отроческаго возраста. Никто, среди этихъ племенъ, не могъ сказать, откуда онъ родомъ, потому что онъ могъ быть зачатъ далеко отъ того мѣста, гдѣ рожденъ, а воспитываемъ еще далѣе. Такой образъ жизни, въ подвижныхъ повозкахъ, былъ въ употребленіи у многихъ народовъ, и особенно у *франковъ*. Императоръ Майоріанъ однажды напалъ на часть этого племени: „на сосѣднемъ холмѣ раздавались зруки брачнаго пиршества; непріятели праздновали свадьбу одного бѣлокураго юноши, танцуя по образцу скиѳовъ. Послѣ пораженія франковъ, римляне нашли въ лагерѣ всѣ приготовленія, сдѣланныя для праздника этихъ номадовъ: котлы, яства, угощенія и благоухавшіе вѣнки цвѣтовъ... Побѣдитель захватилъ и повозку невѣсты“ (Сидон. Аполлин., въ Панегирикѣ Майоріану).

Сидоній былъ замѣчательнымъ свидѣтелемъ нравовъ варваровъ, вторженіе которыхъ совершилось на его глазахъ. „Я, говоритъ онъ, среди длинноволосыхъ людей, принужденъ слушать языкъ германца, рукоплескать пѣснѣ пьянаго бургунда, съ волосами, густо намазанными прогорклымъ масломъ... Счастливы ваши глаза, счастливы уши, ничего подобнаго невидящіе и неслышащія! Счастливъ вашъ носъ, необоняющій десять разъ въ утро заражающій запахъ чеснока и лука!“

Не всѣ варвары, однако, были такъ грубы. Франки, перемѣшанные издавна съ римлянами, переняли отъ нихъ кое-что въ опрятности и манерахъ. „Молодой предводитель шелъ пѣшкомъ, окруженный своими; его одежда изъ пурпура и бѣлаго шелка была украшена золотомъ; его волосы и цвѣтъ лица сіяли подобно его убранству. Его товарищи (reguli et socii comitantes) были обуты въ звѣриныя кожи, вверхъ мѣхомъ; икры и колѣна оставались голы; пестрыя верхнія одежды этихъ воиновъ подымались высоко, охватывали бедра и едва опускались до подколѣнокъ; рукава не достигали локтей. Подъ этимъ первымъ платьемъ виднѣлась тога, зеленаго цвѣта съ

красной опушкой, потомъ плащъ, подбитый мѣхомъ и поддерживаемый застежкой. Мечи ихъ висѣли на узкомъ поясѣ; оружіе служило для нихъ какъ украшеніемъ, такъ и защитой: въ правой рукѣ у нихъ было копье съ двумя крючками, или короткіе топоры для метанія; лѣвая рука была защищаема щитомъ съ посеребренными краями и позолоченной выпуклостью" [1]).

Сидоній пріѣзжаетъ въ Бордо и около Эврика, короля визиготовъ, находитъ различныхъ варваровъ, взятыхъ въ плѣнъ. „Здѣсь встрѣчается и саксонецъ съ голубыми глазами: привыкшій къ морю, онъ робокъ на землѣ. Тамъ старый сикамбръ; побѣдитель обстригъ ему затылокъ, и онъ откидываетъ назадъ вновь выростающіе волосы на его толстой шеѣ. Далѣе бродитъ герулъ съ зеленоватыми щеками, житель береговъ отдаленнаго океана, съ растеніями котораго онъ можетъ поспорить въ цвѣтѣ; здѣсь и бургундъ, въ семь футовъ ростомъ, на колѣняхъ выпрашиваетъ миръ" [2]). Общій всѣмъ варварамъ обычай состоялъ въ томъ, что они пили брагу, воду, молоко и вино изъ черепа непріятеля. Одержавъ побѣду, они прибѣгали къ всевозможнымъ жестокостямъ; головами римлянъ они окружили лагерь Вара, а центуріоны были зарѣзаны на жертвенникахъ, воздвигнутыхъ богу войны. Въ случаѣ пораженія, они обращали ярость противъ самихъ себя. Сподвижники перваго вторженія кимвровъ, которыхъ разсѣялъ Марій, были найдены на полѣ сраженія связанными другъ съ другомъ: они хотѣли сдѣлать невозможнымъ бѣгство и погибнуть неизбѣжно. Ихъ жены вооружились мечами и копьями; воя, скрежеща зубами отъ бѣшенства и отчаянія, онѣ били и кимвровъ, и римлянъ: первыхъ какъ трусовъ, вторыхъ какъ непріятелей; въ пылу битвы, онѣ схватывали голыми руками острые мечи римскихъ воиновъ, вырывали у нихъ щиты и заставляли убивать себя. Видѣли, какъ онѣ, окровавленныя, съ распущенными волосами, въ черныхъ одеждахъ, входили въ повозки съ тѣмъ, чтобы избить своихъ мужей, братьевъ, отцовъ, сыновей, задушить новорожденныхъ, бросить ихъ подъ ноги лошадей и въ заключеніе заколоть себя. Одна изъ нихъ повѣсилась на дышлѣ телѣги, привязавъ предварительно за горло двухъ своихъ дѣтей къ каждой ногѣ. За отсутствіемъ дерева для совершенія подобной казни, побѣжденный кимвръ надѣвалъ себѣ на шею веревочную петлю и привязывалъ конецъ веревки къ ногамъ или рогамъ быка; обращая себя такимъ образомъ въ плугъ особеннаго рода, онъ гналъ животное рожномъ и удавливался.

Такіе жестокіе нравы встрѣчаются у варваровъ пятаго вѣка. Ихъ воинскій крикъ заставлялъ биться сердца самыхъ неустрашимыхъ римлянъ: германцы испускали этотъ крикъ, приставляя край щита къ губамъ. Звукъ готскаго рога былъ всѣмъ извѣстенъ.

При сходствѣ и различіи въ обычаяхъ, эти народы имѣли каждый ему только свойственный характеръ: „готы — безстыдны, лукавы, но цѣломудрены, говоритъ Сальвіанъ; аллеманы — откровенны, франки

---

[1]) Сид. Аполлин., т. I, кн. 4, письмо XX, къ Домицію.

[2]) Сид. Аполлин., т. II, кн. 8, письмо IX.

—лживы, но гостепріимны; саксы — жестоки, но враги чувственныхъ наслажденій" [1]). Тотъ же авторъ хвалитъ также скромность готовъ и особенно вандаловъ. Тойфалы, племя, обитавшее въ Дакіи, страдали противоположнымъ порокомъ [2]). Гунны, вѣроломно нарушавшіе всякое перемиріе, были снѣдаемы жаждой золота. Оставаясь на степени животнаго инстинкта, они не имѣли понятія о чести и безчестіи. При языкѣ, бѣдномъ для выраженія мысли, не имѣя никакой религіи, ни суевѣрныхъ преданій, они не были сдерживаемы никакимъ внутреннимъ страхомъ. Раздражительные и своенравные, они въ одинъ и тотъ же день покидали друзей, ничѣмъ ихъ неоскорбившихъ, и опять возвращались къ нимъ, хотя бы тѣ ничего не сдѣлали для смягченія ихъ гнѣва [3]).

Нѣкоторыя изъ этихъ племенъ были людоѣды. Одинъ изъ сарациновъ, весь обросшій волосами и нагой до пояса, съ хриплымъ и страшнымъ крикомъ, бросается съ мечомъ въ рукѣ, въ средину готовъ, подступившихъ къ стѣнамъ Константинополя, послѣ пораженія Валента; онъ прильнулъ губами къ горлу сраженнаго имъ непріятеля и началъ сосать его кровь, къ ужасу свидѣтелей этой сцены [4]). У европейскихъ скиѳовъ проявлялся тотъ же инстинктъ хоря и гіены; св. Іеронимъ [5]) видѣлъ въ Галліи аттикотовъ, бретонскую орду, которые питались человѣческимъ мясомъ: когда они встрѣчали въ лѣсахъ стада свиней и другихъ животныхъ, то вырѣзывали груди у женщинъ, пасущихъ стадо; самыя мягкія части у пастуховъ—лучшее блюдо ихъ пиршествъ. Аланы отрубали голову убитому непріятелю, а изъ кожи трупа дѣлали попону для лошади. Будины и гелоны также изъ кожи побѣжденныхъ выдѣлывали одежды себѣ и покрывала для лошадей, а голову сохраняли. Эти самые гелоны изрѣзывали себѣ щеки; изрубленное лицо, раны, стянутыя, какъ багровыя раковины, съ красною опухолью, считались высшимъ знакомъ отличія.

Независимость была цѣлью жизни для варвара, какъ для римлянина его отечество, по выраженію Боссюэта. Быть побѣжденнымъ или порабощеннымъ для этихъ дѣтей войны и пустыни, казалось болѣе невыносимымъ, чѣмъ смерть: умирать съ улыбкою обозначало героя. Саксонъ Грамматикъ говоритъ объ одномъ варварскомъ воинѣ: „онъ упалъ, засмѣялся и умеръ". На языкѣ германцевъ было даже особенное названіе для такихъ фанатиковъ смерти; міръ не могъ не сдѣлаться добычею подобныхъ людей.

Цѣлые народы, въ ихъ героическомъ періодѣ, бываютъ поэтами: варвары имѣли также страсть къ музыкѣ и стихамъ; ихъ муза пробуждалась предъ сраженіемъ, при празднествахъ и похоронахъ. Германцы прославляли древними гимнами своего бога Туистона: когда они бросались въ аттаку, хоромъ начинали пѣть военную пѣсню, и

---

[1]) Сальв. De gubernat. Dei, кн. VII.

[2]) Амм. Марцелл., кн. XXXI, 9.

[3]) Амм. Марц. XXXI, 2.

[4]) Тж. 16.

[5]) T. IV, стр. 201, Adv Jovin., кн. II.

по большей или меньшей звучности раздававшагося гимна заключали о результатѣ предстоявшаго сраженія. Гальскіе барды были обязаны передавать въ потомство воспоминанія о подвигахъ, достойныхъ хвалы.

Іорнандъ (Іорданъ) разсказываетъ, что въ то время, когда онъ писалъ, слышали еще готовъ, распѣвавшихъ гимны въ честь ихъ одного изъ древнихъ законодателей. На королевскомъ пиру Аттилы два гепида воспѣвали подвиги древнихъ героевъ: эти застольныя пѣсни старой славѣ одушевляли лица гостей воинственнымъ жаромъ. Гуннскіе всадники, устроившіе нѣчто въ родѣ погребальнаго турнира надъ могилою этого татарскаго героя, пѣли: „Здѣсь лежитъ Аттила, король гунновъ, рожденный отцомъ своимъ Мендзукомъ. Онъ побѣдилъ славнѣйшіе народы и соединилъ подъ своей властью Скиѳію и Германію, чего никто до него не могъ сдѣлать. Обѣ столицы римской имперіи трепетали при его имени: удовлетворенный ихъ покорностью, онъ обратилъ ихъ въ своихъ данниковъ. Аттила, любимый до конца дней, окончилъ жизнь не отъ непріятельскаго меча, не отъ измѣны домашнихъ, но безпечально, среди радости. Есть ли какая-нибудь болѣе пріятная смерть, которая не вызываетъ никакой мести“ [1]).

Въ одномъ оригинальномъ манускриптѣ фульдскаго аббатства, хранящемся нынѣ въ Касселѣ, случайно сохранился въ цѣлости отрывокъ тевтонской поэмы, въ которой соединены вмѣстѣ имена Гельдебранда, Теодорика, Германарика, Одоакра и Аттилы. Гельдебрандъ, котораго собственный сынъ не хочетъ узнать, восклицаетъ: „Какова моя участь! Я странствовалъ вдали отъ своей родины шестьдесятъ зимъ и шестьдесятъ лѣтъ, и теперь мое собственное дѣтище должно убить меня своей сѣкирой, или я буду его палачомъ“.

„Эдда (бабка), сборникъ скандинавской миѳологіи, и саги, или историческія преданія этой страны, пѣсни скальдовъ, приводимыя Саксономъ Грамматикомъ, или сохраненныя Олаемъ Ворміусомъ въ его *Рунической литературѣ*, представляютъ множество образчиковъ подобнаго рода. Вотъ отрывокъ изъ одной лирической поэмы о Лодброгѣ, воинственномъ скельдѣ и пиратѣ: „Мы бились мечами.......... Орлы и желтоногія птицы испускали радостные крики.................... Дѣвы плакали долго....... Часы жизни текутъ: мы улыбнемся передъ смертью“.

Другая пѣсня Эдды выражаетъ ту же энергію и ту же жестокость.

Гогни и Гунаръ, два героя изъ племени нибелунговъ, находятся въ плѣну у Аттилы. Отъ Гунара требуютъ указать мѣсто, гдѣ скрыты сокровища нибелунговъ, чтобы искупить жизнь этимъ золотомъ.

Герой отвѣчаетъ:

„Я желалъ бы держать въ своей рукѣ сердце Гогни, облитое кровью, прямо изъ груди мужественнаго героя вырѣзанное кинжаломъ, притупленнымъ о грудь этого королевскаго сына.

---

[1]) Іорнандъ, гл. 45.

„Они вырѣзали сердце у одного труса, который назывался Гіалли; они положили его, окровавленное, на блюдо, и подали Гунару.

„Тогда Гунаръ, этотъ вождь народа, запѣлъ: „Я вижу предъ собою окровавленное сердце Гіалли; оно непохоже на сердце храбраго Гогни: оно дрожитъ на блюдѣ, на которомъ положено; оно дрожитъ вдвое болѣе, чѣмъ когда было въ груди труса.

„Когда же вырывали сердце изъ груди Гогни, онъ смѣялся; мужественный герой не думалъ стонать. Его окровавленное сердце положили на блюдо и подали Гунару.

„Тогда этотъ мужественный герой, изъ племени нибелунговъ, запѣлъ: „Теперь я вижу предъ собою сердце храбраго Гогни, оно непохоже на сердце труса Гіалли; оно мало дрожитъ на блюдѣ, на которомъ его положили; оно дрожало вдвое менѣе, когда было въ груди храбраго".

„Жаль, что ты, о, Атли (Аттила), не можешь быть такъ далеко отъ моихъ глазъ, какъ далекъ ты теперь отъ нашихъ сокровищъ! Отнынѣ въ моей власти скрытыя сокровища нибелунговъ, потому что нѣтъ Гогни въ живыхъ.

„Я всегда былъ неспокоенъ, пока мы были живы оба; теперь я не боюсь ничего; я одинъ!"

Эта послѣдняя черта выражаетъ величайшую нѣжность.

Таковъ характеръ первобытной героической поэзіи; онъ одинаковъ у всѣхъ варваровъ и встрѣчается какъ у ирокеза, предшествовавшаго цивилизаціи въ лѣсахъ Канады, такъ и у грека, вновь сдѣлавшагося дикаремъ и пережившаго свое общество на вершинѣ Пинда, съ своею воинственною музой. „Я не боюсь смерти, говорилъ ирокезъ; я смѣюсь надъ мученіями. Если бы я могъ пожрать сердце моихъ непріятелей!"

„Ѣшь, птица (такъ говоритъ отрубленная голова орлу, въ энергическомъ переводѣ Форіеля); ѣшь, птица, ѣшь мою юность; насыться моимъ мужествомъ; твое крыло выростетъ отъ того на аршинъ, и когть на пядень". (*Fauriel*, Chants populaires de la Grèce.

Даже законы принадлежали къ области поэзіи. Тьерри, человѣкъ рѣдкаго историческаго таланта, очень остроумно замѣтилъ, что *первыя строки пролога* салическаго закона представляются не чѣмъ инымъ, какъ буквальнымъ текстомъ одной древней пѣсни; онъ ихъ переводитъ такъ, слогомъ, соотвѣтственнымъ содержанію:

„Народъ франкскій, знаменитый, получившій начало отъ Бога, сильный въ оружіи, твердый въ мирныхъ договорахъ, глубокомысленный въ совѣтѣ, благородный и здравый тѣломъ, рѣдкой бѣлизны и красоты, смѣлый, ловкій и суровый въ войнѣ, съ недавняго времени обращенный въ католическую вѣру, чуждую ересей; когда онъ находился еще въ языческой вѣрѣ, то, вдохновляемый Богомъ, онъ искалъ ключа знаній, слѣдуя природнымъ своимъ качествамъ; желалъ справедливости, имѣлъ состраданіе; *салическій законъ* былъ написанъ предводителями этого народа, которые въ то время начальствовали надъ нимъ.

„Да будетъ живъ Христосъ, любящій франковъ! Да хранитъ онъ

ихъ королевство... Этотъ народъ, малый числомъ, но храбрый и сильный, свергнулъ съ себя римское иго".

Метафора господствовала въ пѣсняхъ скальдовъ: рѣка у нихъ *потъ земли* и *кровь долинъ*, стрѣлы — *дочери несчастія*, сѣкира — *рука убійцы*, трава — *волосы земли*, земля — *корабль, плавающій въ вѣкахъ*, море — *поле пиратовъ*, корабль — ихъ *конекъ* или *бѣгунъ волнъ*.

Скандинавы имѣли сверхъ того нѣсколько миѳологическихъ преданій въ стихахъ: богини, руководящія сраженіями, прекрасныя Валькиріи, сидѣли на коняхъ, покрытыя шлемами и щитами. „Идемъ, говорили онѣ, пустимъ нашихъ коней по этимъ мірамъ, покрытымъ зеленью, обиталищамъ боговъ".

Начальныя правила нравственности также слагались въ стихахъ для потомства: „Къ вамъ пришелъ гость, у него дрожатъ колѣни отъ холода, дайте ему огня. Нѣтъ ничего безполезнѣе, какъ пить много браги: птица забвенія поетъ надъ опьянѣвшимъ и крадетъ у него душу. Обжора ѣстъ свою смерть. Когда человѣкъ зажигаетъ огонь, смерть можетъ войти къ нему прежде, чѣмъ этотъ огонь догоритъ. Хвалите хорошую погоду дня, когда онъ окончится. Не довѣряйтесь ни льду, подмерзшему ночью, ни спящей змѣѣ, ни обломку меча, ни полю, недавно засѣянному".

Наконецъ, у варваровъ встрѣчаются пѣсни любви: „Въ юности моей я сражался съ народами Девонстгейма, я убилъ ихъ юнаго короля; а русская дѣва меня презираетъ.

„Я знаю восемь искусствъ; твердо сижу на конѣ, плаваю, бѣгаю на конькахъ, мечу дротикъ, управляю весломъ; а русская дѣва меня презираетъ!"

Нѣсколько вѣковъ спустя послѣ покоренія римской имперіи, пѣніе военныхъ гимновъ продолжалось попрежнему: пораженіе вызывало стихотворныя жалобы на латинскомъ языкѣ; онѣ иногда встрѣчаются въ старинныхъ манускриптахъ: такъ, Ангельбертъ оплакиваетъ фонтенейскую битву и смерть Гуго, побочнаго сына Карла Великаго. Страсть къ стихотворству была такова, что можно встрѣтить стихи всѣхъ возможныхъ размѣровъ въ рукописяхъ, хартіяхъ восьмого, девятаго и десятаго вѣковъ. Одна тевтонская пѣсня содержитъ воспоминаніе о побѣдѣ, одержанной надъ норманнами, въ 881 г., Лудовикомъ, сыномъ Лудовика Косноязычнаго: „Я зналъ одного короля, по имени Лудовика, который чистосердечно служилъ Богу, и за что Богъ его вознаграждалъ... Онъ взялъ копье и щитъ, сѣлъ поспѣшно на коня и полетѣлъ отмстить непріятелю".

Всѣмъ извѣстно, что Карлъ Великій приказалъ собрать древнія пѣсни германцевъ.

Въ саксонской хроникѣ находится стихотворный разсказъ о побѣдѣ, одержанной англами надъ датчанами, и норвежская исторія, апотеоза одного датскаго пирата, убитаго съ пятью другими предводителями корсаровъ, на берегахъ Альбіона (Англіи).

Нормандскіе мореходы сами восхваляли свои набѣги; одинъ изъ нихъ говорилъ: „Я родился въ возвышенной странѣ Норвегіи, среди народовъ, искусныхъ въ стрѣльбѣ изъ лука; но я предпочелъ под-

нять мой парусъ, ужасъ прибрежныхъ земледѣльцевъ. Я также устремлялъ свое судно среди подводныхъ камней, *вдаль отъ обиталищъ людей*". И этотъ морской скальдъ былъ правъ, потому что *даны* открыли Винляндію или Америку.

Эти военныя пѣсни закончились пѣснью о Роландѣ, которая была какъ бы послѣднею пѣснью варварской Европы. „Въ гастингской битвѣ, говоритъ Авг. Тьерри, одинъ норманнъ, по имени Таллъеферъ, устремилъ свою лошадь въ пылъ битвы и запѣлъ славную во всей Галліи пѣсню, о подвигахъ Карла Великаго и Роланда. Онъ пѣлъ и игралъ своимъ мечемъ, бросалъ его съ силою вверхъ, и подхватывалъ правою рукою; норманны повторяли припѣвъ или кричали: помоги, Боже! помоги, Боже!

Уасъ (Wace) сохранилъ разсказъ о томъ же происшествіи на другомъ языкѣ:

Taillefer, qui moult bien chantoit,	Таллъеферъ, который очень хорошо пѣлъ
Sur un cheval qui tost alloit,	На лошади скоробѣгущей
Devand eus alloit chantant	Ѣхалъ впереди нихъ, распѣвая
De Karlemagne et de Rollant,	О Карлѣ В. и Роландѣ,
Et d'Olivier et des vassaux	Объ Оливьерѣ и вассалахъ,
Qui moururent à Rainschevaux.	Которые погибли при Ронсевалѣ.

Эта героическая баллада, которая должна была найтись въ романѣ о Роландѣ и Оливьерѣ, въ библіотекѣ королей Карла V, VI и VII, пѣлась еще въ битвѣ при Пуатье (въ XIV вѣкѣ).

Пѣніе народныхъ пѣсенъ у варваровъ сопровождалось игрой на флейтѣ, барабанѣ и волынкѣ. Скиѳы, во время празднествъ, играли на тетивѣ своего лука. У галловъ была въ употребленіи гитара; на островѣ Британіи арфа; три вещи, которыя не могли быть взяты за долги у свободнаго человѣка въ Валлисѣ, были слѣдующія: лошадь, мечъ и арфа.

На какихъ языкахъ были писаны или пѣлись эти поэмы? Главными языками были кельтскій, славянскій, тевтонскій и скандинавскій; трудно опредѣлить, къ какому корню принадлежало нарѣчіе гунновъ. Въ разговорахъ франковъ и татаръ, высокомѣрное ухо грековъ и римлянъ слышало только карканье вороновъ, невнятные звуки, безъ всякаго соотношенія съ человѣческимъ голосомъ; но когда варвары восторжествовали, то пришлось принимать приказанія, даваемыя господиномъ рабу. Сидоній Аполлинарій поздравляетъ Сіагрія съ тѣмъ, что онъ могъ правильно выражаться на языкѣ германцевъ: „Я смѣюсь, говоритъ онъ, видя, какъ *варваръ* остерегается сдѣлать при тебѣ *варваризмъ* на своемъ собственномъ языкѣ". Четвертое правило турскаго собора повелѣваетъ каждому епископу переводить латинскія проповѣди на романскій и германскій языки. Лудовикъ Благочестивый приказываетъ перевести библію нѣмецкими стихами. Мы знаемъ, по свидѣтельству Лупа Феррьерскаго (Loup de Ferrières), что, во времена Карла Лысаго, посылали монаховъ изъ Феррьера въ Прюмъ (Pruym) для болѣе короткаго ознакомленія съ германскимъ языкомъ. Въ ту

же эпоху вошли въ употребленіе буквы, употребляемыя норманнами для записыванія своихъ пѣсней; эти знаки назывались *runstabath*; это руническія письмена: къ нимъ прибавили буквы, изобрѣтенныя прежде Этикомъ, образецъ которыхъ далъ св. Іеронимъ.

Перейдемъ къ религіи варваровъ. Историки свидѣтельствуютъ о томъ, что гунны не имѣли никакой религіи; мы замѣчаемъ одно, что они, какъ и турки, вѣрили въ предопредѣленіе. Аланы, какъ народъ кельтическаго происхожденія, почитали обнаженный мечъ, воткнутый въ землю. Галлы поклонялись своему ужасному *Dis*, отцу ночи, которому они заколали въ жертву стариковъ на *dolmen*, или друидическомъ камнѣ; германцы обожали таинственный ужасъ, внушаемый лѣсами. Насколько религія этихъ народовъ была проста, настолько религія скандинавовъ была многосложна.

Исполинъ *Имеръ* былъ убитъ тремя сыновьями *Бора*: *Одиномъ*, *Виломъ* и *Ве*. Изъ тѣла Имера образовалась земля, изъ его крови море, изъ черепа небо. Солнце еще не имѣло своего будущаго дворца; луна не сознавала своего могущества, и звѣзды не знали мѣста, которое онѣ должны были занять.

Другой исполинъ, по имени *Норвъ*, былъ отецъ Ночи. *Ночь*, отданная въ замужество за одного изъ членовъ фамиліи боговъ, родила *День*. День и Ночь были помѣщены въ небѣ, на двухъ колесницахъ, влекомыхъ двумя конями: *Гримъ-факсъ* (ледяная грива) везетъ Ночь: капли его пота производятъ росу; *Скинъ-факсъ* (свѣтоносная грива) влечетъ День. Подъ каждымъ конемъ находится мѣхъ, наполненный воздухомъ, что̀ производитъ свѣжесть утра.

Мостъ ведетъ отъ земли къ небесной тверди: онъ трехцвѣтный и называется радугой. Онъ будетъ разрушенъ тогда, когда злые геніи, перейдя адскія рѣки, проѣдутъ верхомъ по этому мосту.

Городъ боговъ помѣщется подъ дубомъ *Игъ-Дразиллъ*, который осѣняетъ міръ. На небѣ существуетъ много городовъ.

Богъ *Торъ*—старшій сынъ Одина; *Тиръ*—божество побѣдъ. *Гейндаллъ*, съ золотыми зубами, рожденъ девятью дѣвами. *Локъ* — богъ обмана. Волкъ *Фенрисъ* — сынъ Лока; съ трудомъ побѣжденный богами, онъ извергаетъ изъ пасти пѣну, которая служитъ источникомъ рѣки *Вама* (порока).

Фрига — глава двѣнадцати богинь-воительницъ; онѣ называются *валькиріями*: *Гадуръ*, *Роста* и *Скульда* (будущее), самая младшая изъ этихъ двѣнадцати фей, и всякій день отправляются верхомъ на поле битвы выбирать жертвы.

На небѣ есть обширное зало, *Валгалла*, гдѣ обитаютъ храбрые послѣ смерти. Это зало имѣетъ пятьсотъ сорокъ дверей; въ каждую изъ этихъ дверей выходятъ восемьсотъ умершихъ воиновъ для битвы съ волкомъ. Эти неустрашимые скелеты увеселяются тѣмъ, что ломаютъ себѣ кости и потомъ вмѣстѣ сходятся обѣдать: они пьютъ молоко козы *Гейдруны*, которая обгладываетъ листья дерева *Лерады*. Это молоко есть медъ: имъ наполняютъ всякій день кувшинъ довольно большого размѣра, чтобъ опьянить павшихъ героевъ. Міръ окончится пожаромъ.

Въ культѣ нѣкоторыхъ варваровъ встрѣчаются волшебницы, феи,

предсказательницы, обезображенные боги, заимствованные изъ греческой миѳологіи. Сверхъестественное естественно человѣческому духу: что болѣе удивительнаго, какъ толпа эскимосовъ, собравшихся вокругъ *волшебника*, на берегу ихъ неподвижнаго моря, при самомъ входѣ въ этотъ столь долго отыскиваемый проходъ, который своею вѣчною ледяною преградою замыкалъ путь для корабля неустрашимаго капитана Парри?

Отъ религіи варваровъ перейдемъ къ ихъ правительству. Правительство у нихъ вообще имѣло видъ военныхъ республикъ, начальники которыхъ были избираемы, а иногда на время дѣлались наслѣдственными, подъ вліяніемъ привязанности, славы или отцовской тираніи. Весь древній европейскій міръ язычества и варваризма зналъ только избирательную верховную власть: верховная власть наслѣдственная является въ христіанскую эпоху; такая власть утверждалась внезапно, всякій разъ, когда право засыпало въ виду совершившагося факта.

Естественное общество представляетъ въ себѣ все разнообразіе правительствъ въ обществахъ цивилизованныхъ: тамъ встрѣчаются вмѣстѣ деспотизмъ, абсолютная монархія, монархія умѣренная, республика аристократическая и демократическая. Часто даже дикіе народы изобрѣтали политическія формы удивительной сложности и тонкости, какъ-то доказывало правительство гуроновъ. Нѣкоторыя германскія трибы, избраніемъ короля и военнаго предводителя, создавали двѣ верховныя власти, независимыя одна отъ другой: сочетаніе необыкновенное!

Народы, вышедшіе изъ глубины Азіи, своими учрежденіями отличались отъ народовъ, пришедшихъ съ сѣвера Европы: дворъ Аттилы представлялъ видъ константинопольскаго сераля, или пекинскихъ дворцовъ, но съ тѣмъ отличіемъ, что у гунновъ женщины показывались публично; Максиминъ, византійскій посолъ, былъ представленъ Керкѣ, старшей королевѣ или любимой султаншѣ Аттилы: она лежала на софѣ; ея прислужницы вышивали, сидя вокругъ на коврахъ, разостланныхъ на полу. Вдова Бледы прислала посланникамъ въ подарокъ красивыхъ рабынь.

Варвары, имѣя сходство, по нѣкоторымъ изъ своихъ обычаевъ, съ нашими дикими, которыхъ я видѣлъ въ Новомъ Свѣтѣ, въ то же время существенно отличались отъ нихъ во многихъ другихъ отношеніяхъ. Сотня гуроновъ, нагой предводитель которыхъ носилъ европейскую треугольную шляпу, служила одно время у французскаго губернатора Канады: можно ли уравнивать ихъ съ тѣми толпами, славянскаго и германскаго племени, союзниками римскихъ войскъ? Ирокезы въ лучшую пору своего благосостоянія не вооружали болѣе десяти тысячъ воиновъ; одни готы выставляли, какъ остатокъ отъ ихъ военнаго набора, отрядъ въ пятьдесятъ-тысячъ человѣкъ на службу императорамъ; въ четвертомъ и пятомъ вѣкахъ цѣлые легіоны состояли изъ варваровъ. Аттила соединялъ подъ своими знаменами семьсотъ тысячъ воиновъ; такое количество теперь едва могла бы выставить самая многочисленная нація Европы. На службѣ во дворцѣ и въ канцеляріяхъ имперіи были нерѣдко франки, готы,

свевы, вандалы; кормить, одѣвать и снаряжать такую массу людей— есть дѣло общества, уже далеко подвинувшагося въ промыслахъ и искусствахъ; принятіе участія въ дѣлахъ греческой и римской цивилизаціи показываетъ уже замѣчательное развитіе понятій. Странность обычаевъ варварскихъ и нравовъ не противорѣчитъ такому положенію: у народа можетъ быть далеко подвинуто его политическое развитіе, и въ то же время отдѣльныя личности въ этомъ народѣ продолжаютъ сохранять привычки естественнаго состоянія.

Рабство было извѣстно у всѣхъ этихъ ордъ, возставшихъ противъ Капитолія. И между тѣмъ это ужасное право, опирающееся на право побѣды, было первымъ шагомъ цивилизаціи: человѣкъ, совершенно дикій, убиваетъ и ѣстъ своихъ плѣнниковъ; но не иначе, какъ воспринявъ первую идею общественнаго порядка, онъ оставляетъ имъ жизнь, съ цѣлью употреблять ихъ для своихъ работъ.

Сословіе благородныхъ также было у варваровъ, какъ и рабство; и если сомнѣваются въ этомъ доказанномъ фактѣ, то вслѣдствіе смѣшенія военнаго равенства, происходившаго отъ братства по оружію, съ равенствомъ ранговъ. Исторія неоспоримо доказываетъ, что различные общественные классы существовали въ двухъ большихъ подраздѣленіяхъ скандинавской и кавказской крови. Готы имѣли своихъ *азовъ*, или полубоговъ: двѣ фамиліи, *Амальты* и *Бальты*, господствовали надъ всѣми другими.

Право первородства было неизвѣстно большей части варваровъ, и каноническому праву стоило большого труда принудить варваровъ къ принятію этого закона. У нихъ существовалъ не только полный раздѣлъ, но часто послѣдній рожденный между дѣтьми, какъ болѣе слабый, получалъ бо̀льшую въ сравненіи съ другими часть изъ наслѣдства.

„Когда братья дѣлятъ имущество своего отца, говорилъ законъ въ Галліи, то самый младшій получаетъ лучшій домъ, земледѣльческія орудія, котелъ своего отца, его ножъ и топоръ“. Въ противность тому духу, который господствовалъ въ настоящемъ салическомъ законѣ, материнская линія имѣла предпочтеніе предъ отцовской въ наслѣдствѣ и дѣлахъ, къ нему относившихся. Примѣръ подобнаго мы скоро увидимъ, когда будемъ говорить о пени за убійство [1]).

У многихъ германскихъ трибъ личное владѣніе было только годовое; владѣлецъ обработаннаго поля, послѣ жатвы, возвращалъ землю общинѣ. У галловъ родительская власть простиралась и на самую жизнь дитяти; германцы ограничивали эту власть одною его свободой. Въ валлійскомъ княжествѣ, *пенсенедитъ*, или предводитель клана, управлялъ всѣми родами.

Законы варваровъ, если мы опустимъ въ нихъ все то, что̀ ввелъ католицизмъ и римское право, ограничивались собственно уголовными

---

[1]) Правительство примѣняло къ себѣ законы семейства: король, умирая, дѣлилъ наслѣдство между своими дѣтьми, безъ согласія или подтвержденія народа; законъ политическій, въ своей простотѣ, былъ тотъ же, какъ и законъ семейный.

законами дли защиты личности имущества. Въ салическомъ законѣ находятся наказанія за кражу вообще животныхъ, овецъ, козъ, собакъ, свиней, начиная отъ поросенка до матки, ведущей стадо, отъ теленка до быка, отъ ягненка до барана, отъ козленка до козла, отъ лучшей гончей собаки до собаки, стерегущей стадо. Законъ въ Галліи запрещалъ бросать камень въ быка, запряженнаго въ плугъ, и крѣпко стягивать ему ярмо.

Лошадь пользовалась особеннымъ покровительствомъ: тотъ, кто сядетъ на коня или кобылу безъ позволенія хозяина, подвергается пени отъ пятнадцати до двадцати солидовъ золота. Кража у франка боевого коня, мерина, жеребца и его кобылъ влечетъ за собой большое наказаніе. Охота и рыбная ловля были также охраняемы закономъ: опредѣлялась пеня за горлицу и всякую маленькую птицу, похищенную изъ сѣтей, куда она попалась; за сокола, пойманнаго на деревѣ; за умерщвленіе оленя, который служитъ приманкою для дикихъ оленей; за похищеніе кабана, пойманнаго другимъ охотникомъ; за вырытіе изъ земли спрятанной дичи и рыбы, лодки и мережи. Всякое дерево было подъ защитой особенныхъ распоряженій: заботиться о сохраненіи лѣсовъ значило заботиться о безопасности отечества.

Военное товарищество, или отвѣтственность трибы и круговая порука членовъ семьи выражались въ постановленіяхъ о присяжныхъ или очистителяхъ: если кто-нибудь обвинялся въ проступкѣ или преступленіи, то онъ могъ, по аллеманскому закону и по многимъ другимъ, избѣжать наказанія, если находилъ извѣстное число своихъ *равныхъ* (pares), которые поклялись бы вмѣстѣ съ нимъ, что онъ невиненъ. Если обвиняемое лицо женщина, то ея присяжные должны быть женщины.

Такъ какъ храбрость была первымъ качествомъ варваровъ, то всякое ругательство, выражающее ея недостатокъ, наказывалось: такимъ образомъ, назвать мужчину *lepus*, зайцомъ, или *concacatus*, замараннымъ, значило навлечь на себя пеню отъ трехъ до шести солидовъ золота; той же пени подвергался воинъ, бросившій свой щитъ въ виду непріятеля.

Во всей полнотѣ варварство высказывалось въ постановленіяхъ о ранахъ; законъ саксовъ въ этомъ отношеніи самый подробный: четыре выбитыхъ переднихъ зуба стоятъ только шесть шиллинговъ; а за поврежденіе только одного изъ близлежащихъ къ этимъ четыремъ, взималась пеня въ четыре шиллинга. Ноготь большого пальца стоитъ три шилинга, и столько же урѣзанная ноздря. Рипуарскій законъ выражается благороднѣе: за отнятіе пальца, необходимаго для спусканія стрѣлы, полагалась пеня въ тридцать шесть солидовъ золота; по этому же закону, свободнорожденный за нанесеніе другому свободнорожденному раны, съ пролитіемъ крови на землю, платитъ восемнадцать солидовъ золота.

Рана въ голову, или другомъ мѣстѣ, оцѣнивалась въ тридцать шесть солидовъ золота, если при этой ранѣ выламывалась кость такой величины, что могла бы произвести звукъ, ударившись о щитъ, поставленный на разстояніи двѣнадцати футовъ. Домашнее животное,

которое убило человѣка, отдается родственникамъ убитаго, съ приложеніемъ *виры* (пени); такъ же поступалось и въ томъ случаѣ, когда дерево падало на проходящаго. Евреи имѣли подобныя же постановленія.

И несмотря на то, что эти законы кажутся столь жестокими, въ сущности они были болѣе мягки, чѣмъ наши законы: смертная казнь встрѣчается только пять разъ въ салическомъ, и шесть разъ въ рипуарскомъ законѣ. Но вотъ что̀ чрезвычайно замѣчательно: изъ показанныхъ случаевъ, за исключеніемъ одного, казнь ни разу не была назначена за смертоубійство; убійца не подвергается смертной казни, между тѣмъ какъ похищеніе, вѣроломство, нарушеніе договора наказываютъ смертью; но и во всѣхъ этихъ проступкахъ и преступленіяхъ допускаются сверхъ того присяжные.

Процессъ уголовнаго суда въ тѣхъ случаяхъ, когда убійство наказывается смертью, можетъ служить лучшею картиною германскихъ нравовъ. Убившій человѣка и неимѣющій чѣмъ заплатить всю виру сполна, долженъ представить двѣнадцать присяжныхъ, которые объявляютъ, что виновный въ преступленіи ничего не имѣетъ ни на землѣ, ни подъ землею, сверхъ того, что онъ представилъ въ уплату виры. Тогда виновный входитъ въ свой домъ и беретъ въ горсть земли изъ четырехъ угловъ своего дома; съ этимъ онъ возвращается къ двери, становится на порогѣ, лицомъ во внутрь жилища, и лѣвой рукой бросаетъ землю назадъ чрезъ плечо на своего ближайшаго родственника. Если его отецъ, мать и братья отдали уже все, что̀ имѣли, тогда онъ бросаетъ землю на сестру своей матери или на дѣтей, или на трехъ ближайшихъ родственниковъ съ материнской стороны [1]). Послѣ того обвиненный босикомъ и въ рубашкѣ перепрыгиваетъ, опираясь на шестъ, чрезъ заборъ, окружающій его домъ: тогда три родственника съ материнской стороны обязываются заплатить то, чего недостаетъ до полной суммы виры. За отсутствіемъ родственниковъ съ материнской стороны, призываются родственники со стороны отца. Бѣдный родственникъ, будучи не въ состояніи заплатить, бросаетъ въ свою очередь землю, взятую въ четырехъ углахъ дома, на родственника болѣе богатаго. Если и этотъ родственникъ не можетъ доплатить недостающей части виры, то истецъ обязуетъ отвѣтчика-убійцу являться на судъ сряду четыре раза; и наконецъ, если никто изъ родственниковъ послѣдняго не захотѣлъ бы за него заплатить, тогда самъ преступникъ осуждался на смерть: *de vita componat*, т.-е. платилъ виру жизнью.

Изъ такихъ многочисленныхъ предосторожностей для спасенія жизни виновнаго можно заключить, что варвары смотрѣли на законъ, какъ на тирана, и старались ограничить его власть; но не цѣня высоко ни собственную жизнь, ни жизнь другихъ, они считали соотвѣтственнымъ правомъ каждаго убить или самому быть убитымъ. Въ законахъ саксовъ предвидѣнъ даже случай убійства предводителя: обвиненный въ этомъ платилъ пеню въ семьсотъ-двадцать фунтовъ

---

[1]) Вотъ еще доказательство предпочтенія женской линіи.

серебра. Германецъ не понималъ, чтобы абстрактное существо, какъ законъ, могло проливать его кровь. Итакъ, въ зарождающемся обществѣ инстинктъ человѣка отвергалъ смертную казнь, и, безъ сомнѣнія, въ обществѣ развитомъ, разумъ человѣка также современемъ отвергнетъ ее; смертная казнь могла установиться только въ промежуткѣ между обществомъ совершенно дикимъ и обществомъ вполнѣ цивилизованнымъ, въ томъ обществѣ, которое утратило уже независимость своего перваго быта, но не успѣло еще достигнуть совершенства *втораго*.

Вожди варварскихъ народовъ имѣли въ себѣ что-то необыкновенное, какъ и сами народы. Среди всеобщаго разрушенія Аттила казался рожденнымъ для того, чтобы внушить страхъ міру; съ своей судьбой онъ соединялъ какой-то ужасъ, и народъ составилъ о немъ грозное представленіе. Походка его была горда; его могущество высказывалось въ движеніи тѣла и во взглядѣ. Любя страстно войну, онъ умѣлъ сдерживать свой жаръ, былъ благоразуменъ въ совѣтѣ, доступенъ просителямъ, благосклоненъ къ тѣмъ, которые заслужили его довѣріе. Его малый ростъ, широкая грудь, еще болѣе широкая голова, маленькіе глаза, рѣдкая борода, съ просѣдью волосы, плоскій носъ и смуглый цвѣтъ лица обличали его происхожденіе.

Резиденціей его былъ лагерь или большой деревянный сарай, построенный среди пастбищъ Дуная; побѣжденные короли чередовались у дверей его шатра; жены его жили въ другихъ палаткахъ, помѣщавшихся вокругъ его жилища. Обѣдъ Аттилы состоялъ изъ грубыхъ кушаній, подаваемыхъ на деревянныхъ блюдахъ, а между тѣмъ золотыя и серебряныя вазы, трофеи побѣдъ и произведенія греческаго искусства онъ дарилъ своимъ товарищамъ. Тамъ-то, сидя на скамейкѣ, этотъ татаринъ принималъ римскихъ и константинопольскихъ пословъ. По обѣ стороны его сидѣли не послы, а неизвѣстные варвары, начальники его армій и отрядовъ: онъ пилъ ихъ здоровье и кончалъ, послѣ многихъ возліяній, объявленіемъ своей милости властелинамъ міра. Когда Аттила вторгся въ Галлію, за нимъ шла цѣлая толпа князей данниковъ, которые со страхомъ и трепетомъ ожидали знака повелителя монарховъ, чтобы исполнить то, что̀ будетъ имъ приказано.

Всѣ эти народы и ихъ предводители какъ бы выполняли какое-то назначеніе, въ которомъ они сами не могли дать себѣ отчета, со всѣхъ сторонъ стекались на развалины древняго міра, одни пѣшкомъ, другіе на лошадяхъ или въ повозкахъ, иные на верблюдахъ; тѣ плыли по рѣкѣ на щитахъ или въ лодкахъ изъ кожи и древесной коры. Неустрашимо плавая между полярными льдами или носимые бурею юга, они, казалось, проникали до глубины океана. Вандалы, переселившіеся въ Африку, сознавались, что они дѣйствовали въ этомъ случаѣ не столько по собственному желанію, сколько по какому-то непреодолимому влеченію.

Эти новобранцы провидѣнія были какими-то слѣпыми исполнителями вѣчной воли; отсюда та страсть къ разрушенію, та жажда крови, ничѣмъ неутолимая; отсюда то стеченіе всѣхъ обстоятельствъ, благопріятствовавшихъ успѣху: низость людей, отсутствіе храбрости, добродѣтели, талантовъ, генія. Гензерикъ былъ мрачною личностью,

подверженный припадкамъ сильной меланхоліи; во время мірового переворота, онъ казался великимъ, потому что стоялъ на развалинахъ. Передъ однимъ изъ своихъ военныхъ походовъ, когда все было готово, и онъ самъ взошелъ на корабль, Гензерикъ не зналъ, куда идти? „Господинъ, говоритъ ему кормчій, какимъ народамъ ты несешь войну?—Тѣмъ, отвѣчаетъ старый вандалъ, которые прогнѣвили Бога!“ Когда Аларикъ шелъ къ Риму, какой-то пустынникъ заступилъ дорогу побѣдителю; онъ говорилъ ему, что небо отомститъ за бѣдствія земли: „Я не могу остановиться, отвѣчаетъ Аларикъ; кто-то меня толкаетъ и принуждаетъ разрушить Римъ“. Три раза онъ осаждаетъ вѣчный городъ: Іоаннъ и Бразилій, посланные къ нему во время первой осады, чтобъ склонить его удалиться, представляютъ ему, что если онъ будетъ упорствовать въ своемъ предпріятіи, то ему придется сражаться съ многочисленной толпой, доведенной до отчаянія. „Густую траву, возражаетъ истребитель людей, легче косить“. Тѣмъ не менѣе онъ склоняется на просьбу и довольствуется тѣмъ, что требуетъ у пословъ выдачи всего золота, серебра, драгоцѣнностей и всѣхъ рабовъ варварскаго происхожденія: „Король, восклицаютъ послы римскаго сената, что̀ же останется римлянамъ?“ —„Жизнь“. Надобно было снять съ истукановъ ихъ украшенія, перелить золотыя статуи Храбрости и Добродѣтели. Аларикъ получилъ пять тысячъ фунтовъ золота, тридцать тысячъ фунтовъ серебра, четыре тысячи шелковыхъ туникъ, три тысячи кожъ, окрашенныхъ пурпуромъ, и три тысячи фунтовъ перцу; а Камиллъ и древніе римляне желѣзомъ откупились отъ галловъ.

Атаульфъ, наслѣдникъ Аларика, говорилъ: „Я страшно желалъ стереть съ лица земли имя римлянъ и образовать, вмѣсто имперіи Цезарей, имперію готовъ, подъ именемъ Готіи. Когда опытъ убѣдилъ меня въ невозможности для моихъ соотечественниковъ переносить иго законовъ, я перемѣнилъ намѣреніе и захотѣлъ быть возстановителемъ римской имперіи, вмѣсто того, чтобъ быть ея разрушителемъ“. Эту великую новость разсказываетъ одинъ пастырь, по имени Іеронимъ, въ 416 году, въ своемъ Виѳлеемскомъ гротѣ, другому пастырю, по имени Орозію.

Лань открываетъ дорогу гуннамъ чрезъ Азовское море, и скрывается. Телица одного пастуха ранитъ свою ногу на пастбищѣ; этотъ пастухъ находитъ мечъ, скрытый въ травѣ; онъ приноситъ его татарскому королю; Аттила схватываетъ мечъ, и на этомъ мечѣ, который онъ называетъ мечемъ Марса, клянется утвердить свое господство надъ цѣлымъ міромъ. Онъ говоритъ: „Падаетъ звѣзда, дрожитъ земля; я молотъ вселенной“. Въ число своихъ титуловъ онъ самъ помѣщаетъ прозваніе *Бича божія*, которое дала ему вселенная.

И это былъ тотъ человѣкъ, котораго тщеславные римляне называли *полководцемъ на службѣ имперіи*; дань, которую они ему платили, они считали его *жалованьемъ*; то же самое они говорили относительно готскихъ и бургундскихъ предводителей. Гуннъ отвѣчалъ на это: „Полководцы императоровъ—слуги, а полководцы Аттилы—императоры“.

Въ Миланѣ онъ увидѣлъ картину, гдѣ готы и гунны были представлены распростертыми предъ императорами; Аттила приказалъ изобразить на ней себя сидящимъ на тронѣ, а императоровъ несущими на плечахъ мѣшки золота, которое они высыпаютъ къ его ногамъ.

„Неужели вы думаете, говорилъ онъ посланникамъ византійскаго императора Θеодосія II, что могла бы существовать крѣпость или городъ, еслибъ мнѣ вздумалось стереть ихъ съ лица земли?“

Послѣ умерщвленія своего брата Бледы, онъ послалъ двухъ готовъ, одного къ Θеодосію, другого къ Валентиніану, передать это извѣстіе: „Аттила, мой и твой господинъ, приказываетъ тебѣ приготовить ему дворецъ“.

„Трава не будетъ болѣе расти, говорилъ тотъ же истребитель, на томъ мѣстѣ, гдѣ пройдетъ конь Аттилы“.

Таинственный покровъ распростерся и надъ могилою этихъ посланниковъ провидѣнія. Аларикъ недолго жилъ послѣ своего тріумфа; готы отвели воды Бузента, около Козенцы (въ ю. Италіи), выкопали могилу на днѣ русла, положили туда тѣло предводителя, вмѣстѣ съ огромнымъ количествомъ серебра, дорогихъ матерій, потомъ возвратили рѣку на старое русло, и быстрый потокъ побѣжалъ надъ могилой побѣдителя. Рабы, употреблявшіеся при этой работѣ, были убиты, для того, чтобъ никакой свидѣтель не могъ указать, гдѣ лежитъ тотъ, кто взялъ Римъ, какъ-будто бы варвары опасались, чтобъ не было взыскано съ этого праха за его славу и преступленія.

Когда умеръ Аттила, его сначала положили въ лагерѣ между двумя длинными рядами шелковыхъ шатровъ. Гунны рвутъ на себѣ волосы и изрѣзываютъ щеки, оплакивая Аттилу не слезами женщинъ, но кровью мужей. Всадники кружатся вокругъ катафалка и поютъ хвалебные гимны герою. По окончаніи этой церемоніи, накрываютъ столъ надъ готовой могилой, и присутствующіе садятся за пиршество, перемежая веселость печалью. Послѣ пира трупъ погребается тайно ночью; его кладутъ въ тройной гробъ изъ золота, серебра и желѣза. Вокругъ гроба лежитъ оружіе, добытое у непріятелей, колчаны, украшенные дорогими камнями, военныя украшенія и знамена. Чтобы навсегда скрыть отъ людей эти богатства, погребавшіе были брошены вмѣстѣ съ погребеннымъ.

По разсказу Приска, въ ту самую ночь, когда умеръ Аттила, императоръ Маркіанъ видѣлъ во снѣ, въ Константинополѣ, что лукъ Аттилы сломался. Этотъ самый Аттила, послѣ пораженія, нанесеннаго ему Аэціемъ, имѣлъ намѣреніе сжечь себя живого на кострѣ, составленномъ изъ сѣделъ и сбруи лошадей, для того, чтобы никто не могъ похвастаться тѣмъ, что убилъ или взялъ въ плѣнъ героя, одержавшаго столько побѣдъ. Онъ исчезъ бы въ пламени, какъ Аларикъ въ потокѣ: вотъ тѣ образы величія и разрушенія, которыми эти люди наполняли свою жизнь и покрыли землю.

Сыновья Аттилы, которые сами по себѣ могли составить народъ, раздѣлились. Народы, соединенные мечомъ этого героя, сошлись въ Панноніи, на берегахъ Нетада, чтобы освободиться и растерзать другъ друга. Множество воиновъ безъ вождя, размахивающій мечемъ готъ,

потрясающій дротикомъ гепидъ, метающій стрѣлы гуннъ, пѣшій севъ, тяжело воруженный аланъ, легкій герулъ,—все это рѣзалось съ ожесточеніемъ: тридцать тысячъ гунновъ осталось на мѣстѣ, не считая ихъ союзниковъ и непріятелей. Эллакъ, любимый сынъ Аттилы, былъ убитъ рукою Арика, вождя гепидовъ. Міръ, оставленный въ наслѣдство королемъ гунновъ, не имѣлъ въ себѣ ничего прочнаго; это былъ родъ фантасмагоріи, или волшебства, произведеннаго его мечомъ: когда былъ разбитъ талисманъ славы, все разрушилось. Народы разсѣялись отъ того же вихря, который ихъ соединилъ. Все царствованіе Аттилы было однимъ нашествіемъ.

Народное воображеніе, сильно потрясенное сценами безпрестанно повторявшейся рѣзни, создало легенду, въ которой, кажется, заключалась аллегорія всѣхъ тѣхъ ужасовъ и истребленій. Въ одномъ отрывкѣ у Дамаскія разсказывается, что Аттила далъ сраженіе римлянамъ предъ воротами Рима: всѣ сражавшіеся погибли съ обѣихъ сторонъ, исключая предводителей и нѣсколькихъ воиновъ. Когда противники пали, то къ небу поднялись души ихъ и продолжали сраженіе три дня и три ночи; эти мертвые бойцы сражались съ тѣмъ же жаромъ, съ какимъ они дрались при жизни.

Но если варвары были безотчетно побуждаемы къ разрушенію, то съ другой стороны они были чѣмъ-то сдерживаемы: древній міръ, близкій къ паденію, не долженъ былъ исчезнуть совершенно тамъ, гдѣ начиналось новое общество. Когда Аларикъ взялъ вѣчный городъ, то назначилъ, для убѣжища, церкви св. Петра и Павла тѣмъ, которые хотѣли тамъ скрыться. На это св. Августинъ дѣлаетъ прекрасное замѣчаніе: если основатель Рима, говоритъ онъ, открылъ въ своемъ рождающемся городѣ убѣжище, то Христосъ далъ другое, болѣе славное, чѣмъ убѣжище Ромула.

Среди ужасовъ города, преданнаго на разграбленіе, въ столицѣ, въ первый разъ и навсегда упавшей съ пьедестала повелительницы и владычицы земли, видѣли солдатъ—и какихъ солдатъ!—покровительствующихъ перенесенію сокровищъ храма; священные сосуды были несены открыто одинъ за другимъ; съ обѣихъ сторонъ шли готы съ мечомъ въ рукѣ; римляне и варвары вмѣстѣ пѣли гимны во славу Христа.

То, что̀ было пощажено Аларикомъ, не избѣгло бы рукъ Аттилы: онъ шелъ къ Риму; св. Левъ идетъ ему на встрѣчу; бичъ Божій остановленъ служителемъ Бога, и чудо искусства воспроизводитъ чудо исторіи въ новомъ Капитоліѣ, который падаетъ въ свою очередь.

Обращенные въ христіанство, варвары присоединили къ своей грубости суровость отшельниковъ; Теодорикъ, передъ одной битвой, провелъ ночь, одѣтый въ власяницу, и скинулъ ее, чтобъ облечься въ кожаную броню.

Если римляне превосходили своихъ побѣдителей цивилизаціею, то эти превосходили ихъ доблестью. „Когда мы хотимъ оскорбить непріятеля, говоритъ Ліутпрандъ, нѣмецкій историкъ X вѣка, то мы называемъ его *римляниномъ*: это имя означаетъ низость, подлость, скупость, распутство, ложь; оно одно заключаетъ въ себѣ всѣ пороки“. Варвары отвергли изученіе наукъ, говоря: „дитя, которое дрожитъ

подъ розгой, не можетъ не дрожать при видѣ меча". Въ салическомъ законѣ убійство франка цѣнилось въ двѣсти солидовъ золота, а убійство римскаго собственника—въ сто солидовъ, какъ за половину человѣка.

Достоинство, возрастъ, званіе, религія, не останавливали въ римлянахъ нисколько страсти къ распутству въ то время, какъ провинціи были преданы пламени; они не могли оторваться отъ зрѣлищъ въ циркѣ и театрѣ; Римъ разграбленъ, а бѣглые римляне идутъ въ Карѳагенъ, еще римскій на нѣсколько дней, развернуть предъ его глазами свою безнравственность. Триръ четыре раза берется приступомъ, а остатокъ его жителей усаживается посреди крови и разрушенія, на опустѣлыхъ скамьяхъ своего амфитеатра. „Бѣглецы Трира, восклицаетъ Сальвіанъ, вы обращаетесь къ императорамъ съ просьбою позволить вамъ открыть театръ и циркъ: но гдѣ же городъ, гдѣ народъ, объ увеселеніяхъ котораго вы хлопочете?"

Кёльнъ палъ въ минуту всеобщей оргіи; гражданскія власти не были въ состояніи встать изъ-за стола въ то время, какъ непріятель, овладѣвъ стѣнами, стремился въ городъ...

Представьте себѣ, что въ это же время одинъ поэтъ, Рутилій, излагалъ въ стихахъ свое путешествіе изъ Рима въ Этрурію, какъ Горацій, въ счастливые дни Августа, свое путешествіе изъ Рима въ Брундузій; что Сидоній-Аполлинарій воспѣвалъ свои прекрасные сады въ Овернѣ, въ который вторглись визиготы; что ученики прекрасной Ипатіи дышали только ею, наслаждаясь наукою и любовью; что Дамаскій, въ Аѳинахъ, придавалъ болѣе значенія какому-нибудь философскому вздору, чѣмъ земнымъ переворотамъ; что Орозій и св. Августинъ болѣе обращали вниманія на ересь Пелагія, чѣмъ на опустошеніе Африки и Галліи; что дворцовые евнухи спорили о мѣстахъ, которыя удавалось имъ занять на часъ; что, наконецъ, были историки, которые, какъ я, рылись въ архивахъ прошлаго среди разрушенія настоящаго, которые писали сказанія о древнихъ революціяхъ подъ шумъ новыхъ переворотовъ; и они, и я хватали вмѣсто скрижалей камень, уже скатившійся съ развалинъ зданія къ нашимъ ногамъ, въ ожиданіи другого камня, который долженъ обрушиться на наши головы [1]).

Теперь можно составить только слабое понятіе о зрѣлищѣ, которое представлялъ римскій міръ послѣ вторженія варваровъ: треть (можетъ быть, половина) народонаселенія Европы и части Африки и Азіи была подкошена войной, заразой и голодомъ.

Соединеніе германскихъ трибъ, въ царствованіе Марка-Аврелія (II стол.), оставило на берегахъ Дуная слѣды, впрочемъ скоропреходящіе. Но когда появились готы въ правленіе Филиппа и Деція (III стол.), опустошенія обхватили бо̀льшее пространство и были продолжительнѣе. Валеріанъ и Галліанъ носили пурпуръ въ то время,

---

[1]) Eux et moi prenant pour table, dans l'edifice croulant, la pierre tombée à nos pieds, en attendant celle qui devait écraser nos têtes. Время, въ которое жилъ авторъ, объясняетъ значеніе этихъ словъ. См. ниже примѣчаніе.

когда франки и аллеманы грабили Галлію и проникли до предѣловъ Испаніи.

Во время перваго своего морского похода готы опустошили земли, лежащія по берегамъ Чернаго моря; второй разъ они вторгнулись въ Малую Азію; въ третій были обращены въ пепелъ города Греціи. Эти вторженія влекли за собой голодъ и заразу, продолжавшіеся пятнадцать лѣтъ. Эта зараза обошла всѣ города и провинціи: по пяти тысячъ человѣкъ умирали въ одинъ день. Списокъ гражданъ, получавшихъ въ Александріи содержаніе хлѣбомъ, показываетъ, что въ этомъ городѣ погибло до половины жителей.

Вторженіе трехъ-сотъ-двадцати тысячъ готовъ, въ царствованіе Клавдія, наводнило Грецію; въ Италіи, при Пробѣ, другіе варвары причинили тѣ же бѣдствія, но еще въ бо̀льшей степени. Когда Юліанъ прибылъ въ Галлію, незадолго передъ тѣмъ сорокъ-пять городовъ были разрушены аллеманами: жители оставили незащищенные города и обрабатывали только тѣ земли, которыя находились внутри стѣнъ укрѣпленныхъ городовъ. Въ 412 году варвары опустошили семнадцать галльскихъ провинцій, гоня передъ собой, какъ стадо животныхъ, сенаторовъ и матронъ, господъ и рабовъ, женщинъ и мужчинъ, дѣвочекъ и мальчиковъ. Плѣнный, идя пѣшкомъ среди телѣгъ и оружій, имѣлъ одно утѣшеніе—быть вмѣстѣ съ своимъ епископомъ, такимъ же, какъ и онъ, плѣнникомъ; будучи поэтомъ и христіаниномъ, онъ бралъ предметомъ своихъ пѣсенъ несчастія, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ и жертвою. „Еслибъ океанъ потопилъ галловъ, то и тогда не случилось бы такихъ ужасныхъ разореній, какія произвела эта война. О, если бы у насъ отняли только нашихъ животныхъ, наши плоды и хлѣбъ, если бы истребили наши виноградники и оливковыя деревья; если бы наши жилища въ селахъ были разорены огнемъ и водою, и если бы (что̀ еще печальнѣй для взора) немногое уцѣлѣвшее такъ и оставалось заброшенною пустынею,—все это было бы только самою малою частью нашихъ несчастій. Но, увы! въ продолженіе десяти лѣтъ готы и вандалы рѣжутъ насъ. За̀мки, построенные на скалахъ, села, лежащія на самыхъ высокихъ горахъ, города, окруженные рѣками, не могли защитить жителей отъ ярости этихъ варваровъ и предавали ихъ на послѣднія истязанія. Если я не могу сожалѣть объ истребленіи, безъ разбору, цѣлыхъ народовъ или людей, которые, можетъ быть, получили справедливое возмездіе за свои преступленія, то, по крайней мѣрѣ, мнѣ будетъ позволено спросить, что̀ сдѣлали дурного дѣти, подвергшіяся той же участи, дѣти, которыя по возрасту своему были неспособны совершить преступленіе? Отчего Богъ попустилъ опустошить свои храмы?“ [1]). Вторженіе Аттилы увѣнчало этотъ разгромъ; спаслись только два города, на сѣверѣ отъ Лоары, Троа и Парижъ. Въ Метцѣ гунны умертвили всѣхъ, даже дѣтей, которыхъ епископъ поспѣшилъ окрестить; городъ былъ преданъ пламени; долгое время спустя, мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, узнавали только по часовнѣ, уцѣлѣвшей отъ пожара. Сальвіанъ видѣлъ города, наполненные тѣлами мертвыхъ; собаки и хищныя птицы, пре-

[1]) Сальв., De gubernat. Dei.

сыщенныя гнойнымъ мясомъ труповъ, были единственными жильцами этихъ кладбищъ.

Туринги, служившіе въ арміи Аттилы, на возвратномъ пути чрезъ землю франковъ, производили неслыханныя жестокости, которыя Теодорикъ, сынъ Клодовея, вспомнилъ спустя восемьдесятъ лѣтъ, возбуждая франковъ къ мести. „Обрушившись на нашихъ отцовъ, они похитили у нихъ все. Они вѣшали ихъ дѣтей по деревьямъ, за ноги. Они умертвили ужасной смертью болѣе двухсотъ молодыхъ дѣвушекъ: однѣхъ привязывали за руки къ шеѣ лошадей, потомъ гнали животныхъ острымъ рожномъ и разрывали жертву на куски; другихъ растягивали на дорогѣ и прибивали кольями къ землѣ; послѣ того проѣзжали по нимъ съ нагруженными телѣгами, раздробляли имъ кости, и въ заключеніе бросали на съѣденіе воронамъ и собакамъ“ [1]).

Въ древнѣйшихъ грамотахъ, которыми жаловалась земля монастырямъ, говорится, что эти земли лишены лѣсовъ, что это пустыни, *eremi*, или болѣе энергически, что они взяты, отъ пустыни, *ab eremo*. Правила Анжерскаго собора (4 октября 453 г.) повелѣваютъ духовнымъ, въ случаѣ путешествія, пріобрѣтать епископскія бумаги; они запрещаютъ имъ носить оружіе; запрещаютъ насилія и увѣчье, и отлучаютъ отъ церкви того, кто выдастъ городъ; такія запрещенія свидѣтельствуютъ о безпорядкахъ и бѣдствіяхъ Галліи.

Сорокъ седьмой параграфъ салическаго закона: „*О томъ, кто утвердился на землѣ, ему непринадлежащей, и о томъ, кто ею владѣетъ уже двѣнадцать мѣсяцевъ*“, свидѣтельствуетъ о непостоянствѣ владѣнія и о большомъ количествѣ земель безъ владѣльцевъ. „Если бы кто-нибудь утвердился въ чужомъ владѣніи и прожилъ въ немъ двѣнадцать мѣсяцевъ безъ всякаго законнаго протеста, тотъ можетъ оставаться тамъ въ безопасности, какъ и другіе жители“ [2]). Если отъ Галліи мы перейдемъ къ востоку Европы, то насъ поразитъ не менѣе печальное зрѣлище. Послѣ умерщвленія Валента, страны, которыя простираются отъ Константинополя до подошвы Юлійскихъ Альпъ, были обращены въ пустыню; обѣ Ѳракіи заросли травой, среди которой виднѣлись однѣ бѣлѣющія груды костей. Въ 448 г. римскіе посланники отправлялись къ Аттилѣ: послѣ тринадцати дней путешествія они достигли истребленнаго пожаромъ Сардика, и изъ Сардика явились въ Ниссу; эта родина Константина представляла одну безобразную кучу камней; нѣсколько больныхъ томились въ развалинахъ церквей, а сосѣднія деревни были завалены скелетами. „Города были опустошены, люди перерѣзаны, говоритъ святой Іеронимъ; четвероногія, птицы и даже рыбы исчезли; земля покрылась терніемъ и дремучими лѣсами“. На Испанію также пала доля этихъ бѣдствій. Еще при Орозіѣ, Таррагона и Лерида оставались въ развалинахъ, послѣ того какъ были разрушены свевами и франками; нѣсколько хижинъ виднѣлось на мѣстѣ разрушенныхъ метрополій. Вандалы и готы прошли по этимъ развалинамъ; голодъ и зараза довершили опустошеніе. Въ селахъ животныя, привлеченныя валявшимися трупами, бросались на

---

[1]) Григорій Турскій, III, 7.

[2]) Lex Salica, гл. IV.

людей, которые еще дышали; скопившійся въ городахъ народъ былъ вынужденъ сначала питаться пометомъ, а затѣмъ пожиралъ другъ друга; одна женщина имѣла четырехъ дѣтей; она ихъ убила и съѣла всѣхъ.

Пикты, каледоняне, англо-саксы истребили бриттовъ; спаслись только тѣ, которые убѣжали въ землю Валлиса или въ Арморику. Жители Британіи послали къ Аэцію письмо, надписанное: *Вопль Британніи къ Аэцію, трижды избранному консуломъ*. Они говорили: „Варвары гонятъ насъ къ морю, а море отталкиваетъ насъ на варваровъ; намъ ничего не остается какъ выбрать родъ смерти отъ меча или волнъ“.

Лѣтописецъ Гильда довершаетъ эту картину: „Отъ одного моря до другого святотатственная рука варваровъ, пришедшихъ съ востока, разнесла пожаръ; пламя погасло только тогда, какъ выжжены были уже всѣ города и нивы на пространствѣ почти всего острова; огненный языкъ вылизалъ все это мѣсто до западнаго Океана, на берегахъ котораго остановился огонь. Всѣ колонны разрушились отъ ударовъ тарана: всѣ обитатели селъ, со стражами храмовъ, пастырями и народомъ, погибли отъ огня или меча. Великолѣпная башня возвышалась среди публичныхъ площадей; она пала; обломки стѣнъ, камни, священные алтари, туловища труповъ, облитые кровью, походили на массу, раздавленную ужаснымъ прессомъ.

„Нѣсколько несчастныхъ, успѣвши избѣгнуть этихъ бѣдствій, были настигнуты и зарѣзаны въ горахъ; другіе, побуждаемые голодомъ, возвращались и отдавались непріятелю, чтобы подвергнуться вѣчному рабству, что̀ считалось несказанной милостью; немногіе достигали странъ, лежащихъ за моремъ, и во время переѣзда пѣли, горько рыдая, подъ парусами: „*О, Боже! ты выдалъ насъ, какъ овецъ для пиршественнаго стола; ты насъ разсѣялъ по разнымъ народамъ*“.

Бѣдственное положеніе Британіи вполнѣ изображено въ одномъ изъ валлійскихъ законовъ: этотъ законъ освобождаетъ отъ всякой пени за воровство молока отъ кобылицы, отъ собаки и отъ кошки.

Африка съ своими плодоносными полями была опустошена вандалами, какъ она и теперь покрыта безплодными песками, раскаленными солнцемъ. „Эти опустошенія, говоритъ Посидоній, свидѣтель ихъ и очевидецъ, омрачили послѣдніе дни жизни св. Августина; онъ видѣлъ опустошенные города, въ селахъ разрушенныя зданія, убитыхъ или обращенныхъ въ бѣгство обитателей, церкви, лишенныя пастырей, разогнанныхъ монаховъ и монахинь. Одни умерли отъ мученій, другіе погибли отъ меча, третьи уведены въ рабство, и, потерявъ чистоту сердца, ума и вѣры, осуждены служить грубымъ и жестокимъ врагамъ... Тѣхъ, которые убѣгали въ лѣса, пещеры и скалы, или въ крѣпости, хватали и убивали, или они сами умирали съ голода. Изъ того множества церквей въ Африкѣ едва осталось три, въ Карѳагенѣ, Гиппонѣ и Цитрѣ, которыя уцѣлѣли вмѣстѣ съ городами, гдѣ онѣ находились“.

Вандалы вырывали виноградники, фруктовыя деревья и, особенно, оливковыя деревья, для того, чтобы жители, удалившись въ горы, не могли найти себѣ пищи. Они сравнивали съ землею зданія, по-

щаженныя пламенемъ; въ нѣкоторыхъ городахъ не осталось ни одного человѣка въ живыхъ. Варвары изобрѣли новый способъ брать укрѣпленные города: они рѣзали плѣнниковъ и клали ихъ трупы у стѣнъ осажденнаго города; палящее солнце распространяло заразу въ воздухѣ, и вандалы предоставляли вѣтру нести смерть въ городъ за стѣны, которыхъ не могли преодолѣть.

Наконецъ, дошли и до Италіи другъ за другомъ скатывавшіеся на нее потоки аллемановъ, готовъ, гунновъ и ломбардовъ; можно было подумать, что рѣки, выходя изъ Альпъ по всѣмъ направленіямъ и стремясь сначала къ противоположнымъ морямъ, внезапно перемѣнили свое теченіе, слились вмѣстѣ и общею волной хлынули на Италію. Римъ, четыре раза осаждаемый и два раза взятый, испыталъ самъ тѣ бѣдствія, которыми онъ отягощалъ землю. „Женщины, говоритъ св. Іеронимъ, не щадили даже дѣтей, которыя лежали на ихъ груди, и возвращали назадъ въ утробу свой плодъ, который только-что оттуда вышелъ (т.-е. съѣдали грудныхъ дѣтей). Римъ сдѣлался могилой народовъ, бывши ихъ матерью... Свѣтъ народовъ угасъ; вмѣстѣ съ головой римской имперіи пала голова міра“. — „До насъ дошли ужасныя новости, восклицаетъ св. Августинъ, съ высоты каѳедры говоря о разграбленіи Рима: кровопролитіе, пожаръ, грабежъ, истребленіе! Мы стонемъ, мы плачемъ и не можемъ утѣшиться“.

Изданы были постановленія, чтобы облегчить отъ податей провинціи Апеннинскаго полуострова, именно Кампанію, Тоскану, Пиценумъ, Самніумъ, Апулію, Калабрію, Бруттіумъ и Луканію; земли, оставшіяся пустопорожними, отдавались чужестранцамъ, которые брали на себя ихъ обрабатывать. Майоріанъ и Теодорикъ заботились о возстановленіи разрушенныхъ зданій въ Римѣ, изъ которыхъ ни одно не сохранилось въ цѣлости, если вѣрить словамъ Прокопія. Разрушеніе дѣлало успѣхи съ каждымъ днемъ; каждая новая осада, фанатизмъ христіанъ и междоусобныя войны увеличивали число развалинъ. Римъ дожилъ до прежнихъ своихъ стычекъ съ Альбалонгой и Тибуромъ; онъ сражался у самыхъ своихъ воротъ; обширные пустыри, лежавшіе внутри городскихъ стѣнъ, сдѣлались театромъ битвъ, которыя въ древнее время онъ давалъ на оконечностяхъ земли. Число жителей Рима уменьшилось отъ трехъ милліоновъ [1]) до восьмидесяти тысячъ. Въ началѣ восьмого вѣка Италію покрывали лѣса и болота; волки и другіе дикіе звѣри бродили по амфитеатрамъ, какъ бы выстроеннымъ для нихъ, но уже имъ не было кого пожрать.

Остатки имперіи перешли въ руки варваровъ; повозки готовъ и гунновъ, суда саксовъ и вандаловъ были наполнены всѣмъ, что̀ только искусство Греціи и Рима накопило въ продолженіе столькихъ вѣковъ; древній міръ обирали, какъ домъ, изъ котораго переѣзжаютъ. Гензерикъ приказалъ жителямъ Карѳагена выдать ему, подъ страхомъ смерти, всѣ сокровища, которыми они владѣютъ; онъ раздѣлилъ земли проконсульскихъ провинцій между своими сподвижниками; для себя

---

[1]) Гиббонъ насчитываетъ только до 1 милліона 200 тысячъ, между тѣмъ какъ другіе увеличиваютъ отъ 4 до 8 милліоновъ.

онъ оставилъ византійскія владѣнія и плодородныя поля Нумидіи и Гетуліи. Этотъ же самый король ограбилъ Римъ и Капитолій, во время войны, которую Сидоній называетъ четвертой пунической войной; изъ мѣди, бронзы, золота и серебра онъ составилъ себѣ сумму въ нѣсколько милліоновъ талантовъ.

Сокровищницы готовъ были особенно знамениты; онѣ состояли изъ ста бочекъ, полныхъ золота, жемчуга и алмазовъ, предложенныхъ Атаульфомъ въ даръ Плацидіи, и изъ шестидесяти сосудовъ, пятнадцати чашъ и двадцати драгоцѣнныхъ ящиковъ для сохраненія евангелія. Миссорій (missorium), входившій въ число этихъ богатствъ (такъ называлось золотое блюдо, украшенное рѣзьбой), вѣсилъ пятьсотъ фунтовъ. Одинъ готскій король, Сизенандъ, заложилъ его Дагоберту, королю франковъ, за отрядъ вспомогательнаго войска; готъ приказалъ его украсть въ дорогѣ, и успокоилъ франка суммой въ двѣсти тысячъ солидовъ золота—цѣна еще весьма низкая, сравнительно съ дѣйствительною стоимостью блюда. Но величайшимъ чудомъ готскихъ сокровищницъ былъ столъ изъ цѣльнаго изумруда, обложенный въ три ряда жемчугомъ; онъ поддерживался шестьюдесятью золотыми массивными ножками, усыпанными драгоцѣнными камнями; его цѣнили въ пятьсотъ тысячъ золотыхъ монетъ; онъ перешелъ отъ визиготовъ къ арабамъ: пріобрѣтеніе, достойное ихъ воображенія.

Исторія, представляя намъ общую картину бѣдствій человѣческаго рода въ ту эпоху, предала забвенію отдѣльныя несчастія, не будучи въ состояніи перечислить бѣдствія частныхъ людей. Мы видимъ только у христіанскихъ апостоловъ одну слезу, утираемую втайнѣ. Общество, потрясенное въ своемъ основаніи, не могло сохранить неприкосновенности даже нищеты въ хижинахъ; хижинѣ угрожала одинаковая опасность на ряду съ палатами; въ то время могилъ было столько же, сколько и несчастныхъ.

Брагскій соборъ, въ Лузитаніи, подписанный десятью епископами, даетъ понятіе о наивности, съ которою дѣйствовали и терпѣли въ эпоху нашествій. Епископъ Панкраціанъ говоритъ: „Вы видите, братія мои, какъ опустошена Испанія варварами. Они разрушаютъ церкви, убиваютъ служителей божіихъ, оскверняютъ память святыхъ, ихъ кости, гробницы, кладбища... Пусть будетъ примѣромъ всей паствѣ наша твердость; мы должны за Іисуса Христа перенести небольшую часть тѣхъ страданій, которыя Онъ претерпѣлъ за насъ“. Потомъ Панкраціанъ читаетъ символъ вѣры католической церкви и на каждый членъ его епископы отвѣчали: *Мы этому вѣримъ*.

„Итакъ, какъ же поступить съ мощами святыхъ?“ говоритъ Панкраціанъ. Клипандъ, коимбрскій епископъ, отвѣчаетъ: „пусть каждый поступитъ соотвѣтственно обстоятельствамъ; варвары у насъ, и тѣснятъ Лиссабонъ; они заняли Мериду; завтра будутъ у васъ. Каждый долженъ удалиться къ себѣ, утѣшать вѣрныхъ; мощи святыхъ спрятать осторожно, а намъ дать знать о мѣстѣ или пещерѣ, гдѣ ихъ положатъ, чтобъ онѣ не были забыты современемъ“. Панкраціанъ говоритъ: „Идите съ миромъ. Останется только братъ нашъ Понтамій, такъ какъ его церковь въ Эминіи разрушена и разграблена вар-

варами". Понтамій отвѣчаетъ: „Нѣтъ, я пойду также утѣшать мою паству, и страдать съ нею ради Христа. Я получилъ санъ епископа не для того, чтобы оставаться въ благоденствіи, но для того, чтобы трудиться". Панкраціанъ опять говоритъ: „Это очень хорошо сказано. Да сохранитъ тебя Богъ". Всѣ епископы повторили: „Да сохранитъ тебя Богъ". Всѣ вмѣстѣ. „Пойдемъ въ мирѣ къ Іисусу Христу!"

Когда Аттила появился въ Галліи, ему уже предшествовалъ ужасъ; Женевьева изъ Нантерра успокоивала жителей Парижа (Parisii); она уговаривала женщинъ молиться вмѣстѣ въ баптистеріи, и обѣщала имъ спасеніе города. Мужчины, которые не вѣрили пророчествамъ пастушки, искали побить ее каменьями или утопить. Оксеррскій архидіаконъ отклонилъ ихъ отъ такого пагубнаго намѣренія, свидѣтельствуя о томъ, что святой Германъ [1]) говорилъ о добродѣтеляхъ Женевьевы: гунны оставили въ сторонѣ владѣнія паризіевъ. Троа былъ пощаженъ, вслѣдствіе заступничества святого Лупа. Во время своего отступленія Бичъ-божій принуждаетъ святого мужа проводить себя: святой Лупъ, рабъ и плѣнникъ, служитъ прикрытіемъ Аттилы; это великая черта исторіи того времени.

Святой Аньанъ, епископъ орлеанскій, былъ запертъ въ своемъ городѣ, который осаждали гунны, онъ посылаетъ на стѣны смотрѣть и ждать освободителей; никто не является. „Молитесь, говоритъ святой, молитесь съ вѣрою", и посылаетъ снова на стѣны. Опять ничего нѣтъ; „молитесь, говорилъ святой, молитесь съ вѣрою", и посылаетъ въ третій разъ смотрѣть съ вершины башенъ. Тогда явилось небольшое облачко, какъ бы поднимающееся съ земли. „Это помощь отъ Господа!" восклицаетъ святой.

Гензерикъ привелъ изъ Рима въ плѣнъ Евдоксію съ двумя дочерьми, послѣдними отраслями дома Ѳеодосія. Тысячи римлянъ были брошены на корабли побѣдителя; для увеличенія варварства отдѣлили женъ отъ мужей, дѣтей отъ отцовъ. Деограціасъ, епископъ карѳагенскій, пожертвовалъ святыми чашами на выкупъ плѣнныхъ; двѣ церкви были обращены въ больницы, и епископъ, несмотря на преклонныя лѣта, самъ прислуживалъ больнымъ, посѣщая ихъ днемъ и ночью. Онъ умеръ, и тѣмъ, которыхъ онъ освободилъ, казалось, что они снова впали въ рабство.

Когда Аларикъ вступилъ въ Римъ, Проба, вдова префекта Петронія, главы могущественной фамиліи Аниціевъ, бѣжала въ лодкѣ за Тибръ; дочь ея, Лета, и внука, Деметріада, сопровождали ее; эти три женщины, спасаясь въ лодкѣ, видѣли пламя, пожиравшее вѣчный городъ. Проба владѣла большими имѣніями въ Африкѣ: она ихъ продала, чтобъ успокоить своихъ товарищей по изгнанію и несчастію.

Убѣгая отъ европейскихъ варваровъ, римляне бѣжали въ Африку и Азію; но и въ этихъ отдаленныхъ провинціяхъ они встрѣчали новыхъ варваровъ; ихъ изгоняли изъ сердца имперіи къ ея предѣламъ, отъ предѣловъ отбрасывали къ центру, такъ что имперія для нихъ

---

[1]) St Germain d'Auxerrois.

сдѣлалась паркомъ, въ которомъ они со всѣхъ сторонъ были окружены охотниками.

Св. Іеронимъ принималъ у себя послѣднихъ потомковъ древняго величія Рима, въ той самой пещерѣ, гдѣ царь царей родился бѣденъ и нагъ. Какое зрѣлище и какой урокъ даютъ эти потомки Сципіоновъ и Гракховъ, являясь бѣглецами къ подножію Голгоѳы! Св. Іеронимъ писалъ тогда комментаріи къ Іезекіилю; онъ примѣнялъ къ Риму слова пророка о разрушеніи Тира и Іерусалима: „Я воздвигну противъ васъ многіе народы, какъ море воздымаетъ волны. Они въ прахъ разрушатъ стѣны. Я возложу на дѣтей Іуды тяжесть ихъ преступленій... Они увидятъ, какъ будетъ слѣдовать страхъ за страхомъ"... Но, дойдя до словъ: *ихъ переселятъ изъ одной стороны въ другую и уведутъ плѣнниками*, пустынникъ взглянулъ на своихъ гостей и зарыдалъ.

Между тѣмъ, и виѳлеемская пещера не была безопаснымъ убѣжищемъ; другіе разрушители ограбили Финикію, Сирію и Египетъ. Пустыня, какъ бы увлеченная варварами, пошла вмѣстѣ съ ними, распространяясь въ провинціяхъ, когда-то плодоносныхъ; въ странахъ, питавшихъ нѣкогда безчисленные народы, оставались только земля и небо. Даже пески Аравіи, сдѣлавшіеся продолженіемъ этихъ опустошенныхъ провинцій, были поражены общей язвой; св. Іеронимъ едва избѣжалъ рукъ бродячихъ племенъ, а монахи Синая были вырѣзаны: съ той поры міръ потерялъ Римъ, а пустынники свою Ѳиваиду. Когда пыль, поднявшаяся подъ ногами столькихъ армій, отъ разрушенія столькихъ памятниковъ, улеглась, когда столпы дыма надъ пылающими городами разсѣялись, когда смерть заглушила стенанія столькихъ жертвъ, когда шумъ отъ паденія римскаго колосса затихъ, тогда надъ всѣмъ этимъ хаосомъ поднялся крестъ, и у подножія креста сталъ новый міръ. Нѣсколько пастырей, съ евангеліемъ въ рукахъ, сидя на развалинахъ, начали воскрешать общество среди могилъ, какъ Спаситель возвратилъ жизнь дѣтямъ тѣхъ, которые увѣровали въ него.

Шатобріанъ.

Etudes historiques.

Шатобріанъ (François-René vicomte de Chateaubriand), замѣчательнѣйшій писатель начала нынѣшняго столѣтія и имѣвшій въ свое время огромное общественное вліяніе, родился въ С.-Мало (Бретань) 1768 г., умеръ въ Парижѣ 1848 года. Окончивъ воспитаніе въ провинціальной гимназіи (collège de Dol), онъ поступилъ въ военную службу за три года предъ революціею и былъ представленъ ко двору Лудовика XVI. Въ 1790 г. Шатобріанъ открылъ свое литературное поприще идилліею L'amour de la campagne. Дальнѣйшее развитіе революціи принудило его удалиться въ Америку, откуда черезъ годъ онъ возвратился въ старый свѣтъ и вступилъ въ войско французскихъ эмигрантовъ. Но полученная имъ рана и неудачи ройялистовъ принудили его удалиться въ Англію. Политическія несчастія королевскихъ партизановъ, крайняя

ихъ бѣдность и, наконецъ, извѣстіе о смерти матери наложили печать меланхоліи и скептицизма на новые опыты литературной дѣятельности Шатобріана; паденіе католичества во Франціи, сопровождавшееся суевѣріемъ и фанатизмомъ новаго рода, побудило его взяться за трудъ: „О поэтической и моральной красотѣ христіанской религіи“, который былъ послѣ озаглавленъ: le Génie du Christianisme. Побѣда, одержанная въ то время Наполеономъ надъ революціею, и его стремленіе возвратиться къ прошедшему на новыхъ основаніяхъ, доставили Шатобріану возможность не только явиться во Францію, но и пріобрѣсть важное вліяніе при реставраціи католичества, къ которому открывало дорогу его послѣднее произведеніе. Въ 1801 г. къ „Генію христіанства“ былъ присоединенъ эпизодъ *Atala*, или любовь двухъ дикарей въ пустынѣ; форма романа и высокое совершенство стиля еще болѣе популяризировали новыя идеи Шатобріана въ смыслѣ католической реставраціи. Между тѣмъ, авторъ вызвалъ въ обществѣ и страстныхъ приверженцевъ, и непримиримыхъ враговъ: на его сторонѣ стояли такіе люди, какъ Ла-Гарпъ, артисты, молодежь и женщины; остатки революціонной партіи, видя въ немъ сильнаго и счастливаго врага, преслѣдовали его съ ожесточеніемъ. Наполеонъ, къ идеямъ котораго подходила литературная дѣятельность Шатобріана, принялъ его подъ свое покровительство и назначилъ посланникомъ въ Римъ (1803). Но согласіе этихъ двухъ великихъ людей было кажущееся, и умерщвленіе герц. Энгіенскаго (1804) послужило для нихъ поводомъ къ окончательному разрыву. Удалившись отъ дѣлъ, Шатобріанъ вступилъ во второй періодъ литературной дѣятельности, когда онъ достигъ верха своей славы такими произведеніями, какъ романъ René (почти его собственное жизнеописаніе) и Martyrs, картина страданій первыхъ христіанъ, для довершенія которой онъ сдѣлалъ въ 1806 г. путешествіе въ Святую Землю. Въ то же время Шатобріанъ, по духу оппозиціи Наполеону, склонился на сторону революціонной партіи и, вслѣдствіе того, вскорѣ послѣ своего избранія въ члены французской академіи принужденъ былъ удалиться изъ Парижа въ окрестности, гдѣ онъ и выжидалъ паденія своего врага. Въ 1814 г., при вступленіи союзныхъ войскъ въ Парижъ, онъ пустилъ въ свѣтъ свою брошюру De Buonaparte et des Bourbons, которая, по своему вліянію, какъ выразился Лудовикъ XVIII, стоила цѣлой арміи для реставраціи. Съ того времени Шатобріанъ весь предается политикѣ, но является только человѣкомъ партіи, увлекающимся оппозиціею изъ честолюбія и измѣняющимъ соотвѣтственно тому свой образъ мыслей. До революціи 30 года онъ былъ нѣсколько разъ министромъ (1816, 1822—24), принималъ мѣста посланниковъ въ Берлинѣ, Лондонѣ; удаляемый нѣсколько разъ, онъ то вступалъ въ ряды ультра-роялистовъ изъ оппозиціи либеральному министерству, то присоединялся къ либеральной прессѣ. Іюльская революція вызвала протестъ со стороны Шатобріана и понудила его возвратиться навсегда къ частной жизни. Послѣдній ея остатокъ онъ посвятилъ снова литературѣ; въ 1831 г. появились 4 тома его *Etudes historiques*, въ которыхъ онъ примѣняетъ къ общему ходу исторіи свои прежнія теоріи, изложенныя въ le Genie du Christianisme; въ то же время онъ составляетъ записки, вышедшія послѣ его смерти подъ заглавіемъ Mèmoires d'Outre-tombe (Замогильные мемуары). Онъ умеръ во время самаго разгара февральской революціи. — Лучшее и полное изданіе сочиненій Шатобріана: F. Didot, 5 vols. 1839; Mémoires d'outre-tombe, 12 vols. 1849 — 50. См. *Marin.* Histoire de la vie et des ouvrages de M. de Chateau-

briand etc. Par. 1833; *Villemain.* M. de Chateaubriand, sa vie, ses écrits, etc. Par. 1858.

22.—Нравы древнѣйшихъ христіанъ.

(около 200 г.).

Вы, римляне, считаете христіанъ врагами имперіи: не потому ли, что они не оказываютъ императору почести, ни пустой, ни ложной, ни богохульной, но, исповѣдуя истинную религію, торжествуютъ императорскіе дни чувствомъ сердецъ, а не развратомъ? Въ самомъ дѣлѣ, велико то доказательство ревности, когда зажигаютъ иллюминацію, раскидываютъ палатки на улицахъ, учреждаютъ пиры, обращаютъ Римъ въ кабакъ, разливаютъ вино повсюду, бѣгаютъ толпами, наносятъ оскорбленія и производятъ всякаго рода безпорядки! Неужели нѣтъ лучшаго выраженія для народной радости, какъ всенародный срамъ? Что̀ неприлично сегодня, будетъ ли то приличнѣе въ дни, посвященные императору? Тѣ, которые соблюдаютъ законъ, по уваженію къ императору, могутъ ли они нарушать законъ во имя его же? Своеволіе и безпутство выражаютъ ли преданность? День, въ который оскорбляется нравственность, можетъ ли быть названъ религіознымъ праздникомъ? Мы, христіане, безъ сомнѣнія, преступные люди: мы желаемъ императору всего наилучшаго, не переставая быть воздержными, чистыми и скромными! Въ тѣ дни радости мы не обвиваемъ дверей лаврами, не зажигаемъ лампадъ среди бѣлаго дня: впрочемъ, не можетъ быть ничего приличнѣе, какъ въ такіе дни украсить свое жилище, подобно какому-нибудь мѣсту публичнаго разврата.

Кстати будетъ при этомъ случаѣ представить въ настоящемъ свѣтѣ отсутствіе откровенности вашихъ обвиненій, по поводу почитанія земного величія, когда вы упрекаете насъ въ богохульствѣ за то, что мы отказываемся праздновать императорскіе дни въ формѣ, столь несогласной съ приличіями и правилами скромности и стыдливости. Посмотримъ, тѣ, которые отказываютъ намъ въ имени римлянъ и считаютъ *насъ* врагами императора, не болѣе ли они преступны насъ? Я спрашиваю васъ, римляне, я спрашиваю эту громадную массу, наполняющую Семь-Холмовъ, всегда ли римскій языкъ щадитъ своихъ императоровъ? Тибръ и гладіаторскія школы знаютъ объ этомъ кое-что. Если бы природа прикрыла наше сердце прозрачнымъ покровомъ, тогда можно было бы прочесть въ сердцахъ римлянъ предметы ихъ сокровенныхъ желаній, открыть образы новыхъ императоровъ, которые съ быстротою слѣдовали бы другъ за другомъ, съ тѣмъ, чтобы увеличить число случаевъ щедрости и раздачи денегъ народу. Да, таковы сокровенныя желанія этихъ римлянъ, даже и въ ту минуту, когда они во всеуслышаніе кричатъ: *О, Юпитеръ! сократи наши дни и дай ихъ императору!* Христіанинъ, правда, не говоритъ

такимъ образомъ, но зато онъ не питаетъ желанія имѣть новаго императора.

Народъ, говорите вы, всегда народъ. Хорошо: но все же это римляне, а не непріятели. Другія сословія государства, соотвѣтственно рангу, который они занимаютъ, безъ сомнѣнія, отличаются испытанною вѣрностью; никогда не можетъ случиться заговора въ сенатѣ, между всадниками, въ арміи или во дворцѣ. Но откуда же вышли Кассіи, Нигеры, Альбины и тѣ, которые покушались на жизнь императоровъ между двумя группами лавровыхъ деревьевъ; и тѣ, которые предварительно упражняются въ гимнастическихъ заведеніяхъ, чтобы искуснѣе ихъ задушить; и тѣ, которые вооруженною рукою нападаютъ на дворецъ, болѣе дерзкіе, нежели Сигеріи и Парѳеніи [1]). Если я не ошибаюсь, все это были римляне, т.-е. они не были христіане. Всѣ они, до самой минуты возстанія, приносили жертвы за здравіе императора, клялись его геніемъ и въ особенности не пропускали случая дать христіанамъ имя враговъ общественнаго порядка. Участники послѣднихъ заговоровъ, открываемыхъ ежедневно, ускользнувшій остатокъ партіи, которой предводители погибли, не украшали ли они своихъ дверей лавровыми вѣтвями, самыми свѣжими и самыми густыми? не были ли ихъ подъѣзды иллюминованы блестящѣе другихъ? не выставляли ли они на площадь великолѣпнаго ложа, правда, не съ намѣреніемъ принять участіе въ народномъ удовольствіи, но какъ бы для того, чтобы выразить свои личныя желанія и втайнѣ торжествовать впередъ возвышеніе преемника императору?

Тѣ, которые совѣщаются съ астрологами, птицегадателями, магами о продолжительности жизни императоровъ, всего менѣе думаютъ тѣмъ выполнять религіозные обряды. Христіане никогда не обращаются къ наукамъ, придуманнымъ мятежными демонами, проклятыми Богомъ. И что можетъ быть источникомъ этой любознательности, съ которою справляются о долговѣчности императоровъ, какъ не заговоръ противъ нихъ, или, по меньшей степени, желаніе или ожиданіе ихъ смерти? О жизни своего господина справляются съ гороскопомъ по инымъ поводамъ, нежели о жизни лицъ, которыхъ любятъ: любознательность родственника и друга въ этомъ случаѣ весьма отлична отъ любознательности раба.

Итакъ, если достовѣрно то, что именно тѣ, кого вы называете римлянами, и должны быть названы врагами имперіи, то не могло ли случиться, что тѣ, кого вы считаете врагами и кому отказываете въ имени римлянъ, именно и есть римляне и всего менѣе могутъ быть названы врагами? Нѣтъ, вѣрность и преданность императорамъ не состоятъ въ пустыхъ манифестаціяхъ, подъ маскою которыхъ измѣна умѣетъ такъ хорошо прятаться. Онѣ заключены въ чувствѣ, которое мы должны имѣть одинаково ко всѣмъ, какъ и къ императорамъ. Мы дѣлаемъ добро безъ лицепріятія, потому что мы все дѣлаемъ для себя, не ожидая ни похвалы, ни вознагражденія отъ кого бы то ни было. Насъ вознаграждаетъ одинъ Богъ, который далъ

[1]) Убійцы Домиціана, бывшіе къ нему самыми приближенными лицами.

намъ законъ всеобщей любви ко всѣмъ безъ различія. Мы одинаковы, какъ въ отношеніи императоровъ, такъ и всѣхъ, съ кѣмъ имѣемъ дѣло. Намъ запрещено равномѣрно желать зло кому бы то ни было, дѣлать, говорить, ни даже мыслить. Что̀ не позволено противъ императора, то запрещено противъ всѣхъ; что̀ запрещено противъ всѣхъ, то еще менѣе можетъ быть позволено противъ того, кто провидѣніемъ такъ высоко поставленъ.

Если намъ повелѣвается любить своихъ непріятелей, то кого же мы можемъ ненавидѣть? Если намъ запрещено мстить обидѣвшимъ насъ, чтобъ не сдѣлаться одинаково преступными съ ними, то кого же мы можемъ обидѣть? Я васъ избираю судьямц: скажите, сколько разъ вы свирѣпствовали противъ христіанъ, или по собственному побужденію, или изъ повиновенія закону? Сколько разъ народъ, не ожидая вашихъ приказаній, побивалъ насъ камнями и сожигалъ наши жилища? Въ припадкѣ вакханаліи не щадили даже мертвыхъ: да, убѣжище смерти было оскверняемо. Со дна могилъ, гдѣ они покоились, вырывали трупы христіанъ, уже неузнаваемые, даже истлѣвшіе, для того чтобы наругаться надъ ними и разорвать на части. Между тѣмъ, замѣтили ли вы, что мы никогда не старались мстить за это безуміе, которое преслѣдуетъ насъ и за гробомъ? Одной темной ночи и нѣсколькихъ факеловъ было бы для того достаточно, если бы намъ было позволено за зло воздавать зломъ; но не дай Богъ, чтобы святая религія обратилась къ человѣческимъ мѣрамъ для отмщенія за себя, или чтобы она не устояла противъ испытаній. При томъ, если бы мы, вмѣсто тайной мести, захотѣли бы дѣйствовать, какъ открытые непріятели, у насъ не было бы недостатка ни въ силѣ, ни въ войскѣ. Арабы, маркоманны, даже парояне и всякая другая, какая бы то ни было нація, заключенная все же въ извѣстныхъ предѣлахъ, могутъ ли они быть такъ многочисленны, какъ *наша нація*, предѣлами которой служатъ предѣлы вселенной? Мы *вчерашніе*, а уже наполняемъ собою все — ваши города, острова, виллы, деревни, ваши совѣты, вашъ лагерь, ваши трибы, ваши куріи, дворцы, сенатъ, публичныя площади: мы оставляемъ вамъ одни ваши храмы. Не могли ли бы мы выдержать даже борьбу, хотя бы и при неравныхъ силахъ, когда мы охотно идемъ на смерть? Но намъ препятствуетъ наше правило, по которому быть убитымъ лучше, нежели убивать. Мы могли бы бороться съ вами, не прибѣгая къ оружію, ни къ мятежу, просто отдѣлившись отъ васъ; если бы множество людей оставило ваши города и удалилось въ другія страны, то одна уже потеря столькихъ гражданъ всѣхъ состояній испугала бы ваше правительство, и вы были бы довольно наказаны; васъ поразило бы уединеніе, молчаніе, и міръ показался бы вамъ вымершимъ; напрасно бы вы искали, кѣмъ повелѣвать: непріятелей было бы предъ вами больше, чѣмъ гражданъ. Теперь же масса христіанъ удерживаетъ вашихъ непріятелей.

И кто, безъ нашей помощи, освободилъ бы васъ отъ тайныхъ непріятелей, пагубныхъ столько же для души, сколько для тѣла: я разумѣю тѣхъ злыхъ духовъ, которыхъ мы изгоняемъ, не взимая за то платы или вознагражденія. Мы могли бы отмстить вамъ однимъ предоставленіемъ васъ на жертву тѣмъ отвратительнымъ демонамъ.

И вы, не обращая вниманія на эту важную услугу, не подумавъ, что мы не только не вредны, но даже необходимы для васъ, называете христіанъ своими врагами: да, мы, поистинѣ, открытые враги, но не человѣческаго рода, а всякаго грѣха.

Надобно щадить религію, которая не угрожаетъ ничѣмъ, изъ того, чѣмъ угрожаютъ другія, справедливо запрещенныя, ученія; или по крайней мѣрѣ, христіанъ должно отнести къ числу дозволенныхъ обществъ. Другія ученія, если я не ошибаюсь, запрещаются для сохраненія общественнаго спокойствія, чтобы воспрепятствовать противоположнымъ партіямъ раздирать общество своими междоусобіями, что̀ нарушило бы порядокъ народныхъ собраній, засѣданій сената, рѣчей и спектаклей, особенно въ такое время, когда продается все, до руки убійцы. Мы, невозжигаемые ни славолюбіемъ, ни честолюбіемъ, не бываемъ одержимы страстью къ интригамъ. Мы не вмѣшиваемся въ политическія дѣла: вселенная — вотъ наше царство. Мы безъ труда отказываемся отъ вашихъ зрѣлищъ; исполненные презрѣнія ко всему, что̀ тамъ совершается, мы чувствуемъ отвращеніе къ тѣмъ предразсудкамъ, которые рождаютъ ихъ. Мы не имѣемъ ничего общаго съ увлеченіями цирка, грязью театровъ, варварствомъ арены и распущенностью гимнастическихъ школъ. Развѣ эпикурейцамъ не дозволено пользоваться чувственными наслажденіями, какъ имъ то нравится? Неужели мы оскорбляемъ васъ тѣмъ, что наслаждаемся своими удовольствіями, а не вашими? И если бы мы предавались всевозможнымъ удовольствіямъ, то тѣмъ мы повредили бы себѣ, а не вамъ. Я согласенъ, мы осуждаемъ ваши удовольствія, точно такъ же, какъ и вы не въ состояніи оцѣнить нашихъ.

Теперь я покажу вамъ, какъ живетъ общество христіанъ: защитивъ его отъ клеветы, я познакомлю васъ съ нимъ. Соединенные въ одно цѣлое узами одной и той же вѣры, одной надежды, одной нравственности, мы составляемъ одно тѣло. Мы собираемся для молитвы Богу; мы составляемъ Ему пріятный заговоръ; мы молимся за императоровъ, за ихъ министровъ, за всѣ власти, за настоящее міра сего, за тишину, за отложеніе конца свѣта. Мы собираемся для чтенія писаній, изъ которыхъ почерпаемъ, смотря по обстоятельствамъ, и просвѣщеніе, и необходимое предостереженіе. Святое слово питаетъ нашу вѣру, поддерживаетъ надежды, укрѣпляетъ довѣріе, утверждаетъ дисциплину, напечатлѣвая въ насъ правила. Въ этихъ собраніяхъ убѣждаютъ и исправляютъ, порицая во имя Бога. Увѣренные въ присутствіи съ нами божества, мы судимъ по всей строгости; для будущаго Суда самое ужасное осужденіе то, когда кто-нибудь заслужилъ быть исключеннымъ изъ нашихъ молитвъ, собраній и святого общенія. Старѣйшіе предсѣдательствуютъ: они достигли того не деньгами, но ручательствомъ въ испытанныхъ достоинствахъ. Деньги не имѣютъ вліянія на такія дѣла; и если у насъ находится нѣчто въ родѣ казны, то намъ не придется краснѣть отъ нея: она собрана не продажею религіи. Каждый вноситъ ежемѣсячно умѣренную сумму, и то, если онъ того желаетъ, и если хочетъ, и если можетъ; никого не принуждаютъ: это самое добровольное приношеніе; это взносы благочестія, которые не расточаются на пиры и распут-

ство: на нихъ питаютъ бѣдныхъ и хоронятъ, ими облегчаютъ участь сиротъ безъ состоянія, слугъ, переломленныхъ старостью, несчастныхъ, претерпѣвшихъ кораблекрушеніе. Если находятся христіане, осужденные на работу въ рудникахъ, содержимые въ темницахъ или сосланные на острова, единственно за исповѣданіе Бога, то и они содержатся на счетъ религіи, которую они признавали.

Тѣмъ не менѣе, есть люди, которые вмѣняютъ намъ въ преступленіе такое человѣколюбіе. „Посмотрите, говорятъ они, какъ эти люди любятъ другъ друга“; да, а вы всѣ другъ друга ненавидите. „Посмотрите, какъ они готовы умереть одинъ за другого“; да, а вы больше готовы одинъ другого зарѣзать. Что касается до имени „братьевъ“, которое мы даемъ другъ другу взаимно, то они осуждаютъ насъ при этомъ, потому что родственныя названія у нихъ служатъ выраженіемъ обманчивой привязанности. Мы и ваши братья по природѣ, которая можетъ быть названа общей матерью всѣхъ людей. Правда, вы дурные братья; васъ едва можно назвать людьми. Истинные братья тѣ, которые признаютъ отцомъ одного и того же Бога, проникнуты одинаковымъ духомъ святости, и, выйдя изъ нѣдръ общаго всѣмъ невѣжества, съ восторгомъ взираютъ на блеснувшій лучъ единой истины. Но, можетъ быть, насъ не считаютъ братьями, или потому, что наше имя никогда не встрѣчается въ вашихъ трагедіяхъ, или потому, что мы живемъ сообща, какъ братья, имѣя общее достояніе, которое у васъ каждый день дѣлятъ и братья. Имѣя одно сердце и одну душу, можемъ ли мы быть противъ общаго имущества? У насъ все обще, кромѣ женъ; мы раздѣлены именно только въ этомъ отношеніи, а вы именно только въ этомъ отношеніи не раздѣлены. Вы производите, такъ сказать, обоюдный размѣнъ супружескаго права, безъ сомнѣнія, слѣдуя примѣру своихъ мудрецовъ, какъ Сократа у грековъ, Катона у римлянъ; они уступали своихъ женъ друзьямъ, чтобы имѣть дѣтей, которыхъ они не были отцами...

Нисколько неудивительно, что христіане, любя другъ друга, имѣютъ общій столъ. Вы кричите о нашихъ вечернихъ трапезахъ, называя ихъ не только преступными, но и дорого стоющими. Это, вѣроятно, о насъ сказалъ Діогенъ: „жители Мегары ѣдятъ такъ, какъ будто бы они должны были завтра умереть съ голоду, а дома строютъ такъ, что сочтешь ихъ безсмертными“. Въ глазу ближняго сучокъ виднѣе, нежели бревно въ своемъ. Салійскіе жрецы не дѣлаютъ ужиновъ безъ того, чтобы не сдѣлать займа. Расходы на праздники въ честь Геркулесу составляютъ огромныя суммы. Для апатурій (праздники въ честь различныхъ божествъ), діонисіевъ (праздниковъ въ честь Бахуса) и мистерій Аттики выбираютъ наилучшихъ поваровъ. Дымъ отъ ужиновъ въ честь Сераписа пробуждаетъ тѣхъ, кто напуганъ пожарами, а между тѣмъ только и разговору, что объ ужинахъ христіанъ.

Самое названіе нашихъ ужиновъ объясняетъ достаточно ихъ значеніе: они называются ἀγάπη, что въ переводѣ съ греческаго значитъ *человѣколюбіе*. Пусть они намъ дорого стоятъ, но мы вознаграждаемся увѣренностью дѣлать добро; мы облегчаемъ тѣмъ участь бѣдныхъ; мы не собираемъ, какъ вы, паразитовъ, которые гордятся тѣмъ, что продаютъ свою свободу и приходятъ отъѣдаться за вашими

столами, отплачивая лестью. Мы обходимся съ бѣдными какъ съ людьми, на которыхъ провидѣніе обращаетъ свои взоры съ особенною любовью.

Вы видите, какъ честна цѣль нашихъ ужиновъ: все, что за ними происходитъ, соотвѣтствуетъ тому и руководится видами религіи; на нихъ не допускается ни подлость, ни безстыдство; за столъ не садятся иначе, какъ помолившись Богу. Ѣдятъ настолько, насколько голодны; пьютъ столько, сколько то прилично людямъ чистой нравственности; насыщаются такъ, чтобы осталась возможность молиться передъ сномъ; при разговорахъ имѣютъ въ виду, что ихъ слышитъ Богъ.

Вымывъ руки и засвѣтивъ лампады, каждый приглашается воспѣть хвалу Богу или словами, заимствованными изъ св. писанія, или тѣми, какія кто составилъ. Тогда только можно увидѣть, какъ христіане пьютъ. Изъ-за стола встаютъ не для того, чтобы идти дѣлать безпорядки, оскорбленія и убійства, но скромно и съ приличіемъ; это скорѣе выходъ изъ школы добродѣтели, нежели изъ столовой залы.

Осуждайте, преслѣдуйте наши собранія, если они имѣютъ что-нибудь общаго съ опасными и преступными обществами, если имъ можно сдѣлать общій упрекъ съ обыкновенными партіями. Собирались ли мы когда-нибудь для того, чтобы вредить кому бы то ни было? Соединены ли мы, или раздѣлены, вмѣстѣ, или по-одиночкѣ, мы никого не оскорбляемъ, никому не вредимъ.

Собраніе людей благодѣтельныхъ, добродѣтельныхъ, благочестивыхъ и невинныхъ не есть партія: это — сенатъ; имя партіи болѣе прилично обществу тѣхъ, которые преслѣдуютъ добрыхъ людей и громко требуютъ ихъ крови, подъ предлогомъ, что христіане виновники всѣхъ общественныхъ бѣдствій. Жалкій предлогъ! Если Тибръ разлился, если Нилъ не разлился, если случилась засуха, землетрясеніе, голодъ, язва, всѣ тотчасъ же кричатъ: „христіанъ на съѣденіе львамъ!“ Какъ! всѣхъ христіанъ львамъ!

Но скажите мнѣ, прошу васъ: до Тиберія, слѣдовательно, до Рождества Христова, земля, города никогда не испытывали величайшихъ несчастій? Не говоритъ ли намъ исторія, что острова Делосъ, Родосъ и Косъ были потоплены со многими тысячами людей? Платонъ увѣряетъ, что Атлантическій Океанъ занялъ бо̀льшую часть материка Азіи и Африки. Землетрясеніе высушило Коринѳское море. Волны оторвали часть Луканіи отъ Италіи и образовали островъ Сицилію. Такіе перевороты не обошлись безъ погибели множества людей. Гдѣ же тогда были, не говорю, христіане, презирающіе вашихъ боговъ, но сами ваши боги, когда потопъ залилъ всю землю, или, по крайней мѣрѣ, ея равнины, какъ свидѣтельствуетъ о томъ Платонъ...?

Намъ дѣлаютъ и другой упрекъ: говорятъ, что мы совершенно безполезны для общественной дѣятельности. Какъ это возможно? Мы живемъ съ вами, имѣемъ ту же пищу, ту же одежду, то же хозяйство, тѣ же нужды. Мы вовсе непохожи на браминовъ и индѣйскихъ гимнософистовъ (мудрецовъ): мы не удаляемся въ лѣса и не бѣжимъ

общества людей. Мы помнимъ, что мы всѣмъ обязаны благости Бога, Творцу вселенной; мы ничего не отвергаемъ изъ того, что̀ онъ сдѣлалъ для насъ; но мы боимся преувеличенія и злоупотребленія. Мы съ вами на вашихъ площадяхъ, рынкахъ, въ вашихъ баняхъ, лавкахъ, гостинницахъ, торжищахъ, и во всѣхъ мѣстахъ, необходимыхъ въ отношеніяхъ жизни. Мы съ вами плаваемъ, сражаемся, обрабатываемъ землю, торгуемъ, промышляемъ для вашего же употребленія. Я не понимаю, какимъ образомъ мы можемъ быть безполезными для васъ, если мы живемъ вмѣстѣ съ вами и пріобрѣтаемъ съ пользою для васъ.

Если я не посѣщаю вашихъ церемоній, то въ эти дни я не перестаю жить. Я не беру ванны ночью во время сатурналій, чтобы не терять вмѣстѣ и ночи, и слѣдующаго дня; я беру ванну въ приличный часъ, чтобы не заморозить крови въ жилахъ: послѣ смерти мнѣ еще представится случай выйти изъ воды синимъ и окоченѣлымъ. Я не ѣмъ публично на праздникѣ Бахуса; но гдѣ бы я ни ѣлъ, мнѣ подаютъ то же, что̀ и вамъ. Я не покупаю цвѣточныхъ вѣнковъ, и что вамъ за дѣло, какъ я употребляю цвѣты? Я предпочитаю видѣть ихъ живыми, не связанными вмѣстѣ для вѣнка или для букета. Даже и вѣнки я люблю подносить къ носу, и прошу извиненія у тѣхъ, кто носитъ ихъ на головѣ, и, вѣроятно, имѣетъ органъ обонянія въ волосахъ. Мы не посѣщаемъ спектаклей, но когда мнѣ нужно что-нибудь изъ того, что̀ тамъ продается, я охотнѣе покупаю то въ лавкѣ. Это правда, что мы не покупаемъ ладану: если арабы могутъ жаловаться на то, что сабеяне знаютъ, что мы покупаемъ болѣе дорогіе ароматы и въ большемъ количествѣ, для погребенія мертвыхъ, нежели тѣ, которые вы теряете для обкуриванія вашихъ боговъ.

„По крайней мѣрѣ, говорите вы, нельзя отвергать того, что, по милости христіанъ, доходы храмовъ уменьшаются каждый день. Кто теперь кладетъ въ кружки? — Но мы не такъ богаты, чтобы давать и людямъ, и богамъ; притомъ мы считаемъ себя обязанными давать только тѣмъ, которые просятъ. Пусть вашъ Юпитеръ протянетъ руку, мы и ему подадимъ. Наконецъ, мы раздаемъ на улицѣ денегъ больше, нежели вы жертвуете на храмы. Ваша казна не должна ли отзываться съ особенною похвалою о христіанахъ? если изслѣдовать, сколько страдаютъ общественные налоги отъ вашихъ обмановъ и ложной оцѣнки, и принять въ соображеніе, что христіане платятъ казнѣ съ тою честностью, которая не позволяетъ имъ сдѣлать ущерба кому бы то ни было, то всякій увидитъ, что это послѣднее вознаграждаетъ вполнѣ тотъ недочетъ въ храмахъ, по поводу котораго насъ обвиняютъ.

Надобно, однако, сознаться, то есть люди, которые основательно считаютъ христіанъ безполезными для общественной дѣятельности. Но что это за люди? Низкіе люди, ихъ презрѣнные рабы, грабители, убійцы, отравители, шарлатаны, гадатели, предвѣщатели, астрологи: выгодно быть безполезнымъ для такого рода людей. Итакъ, если справедливо, что наше общество вредитъ вашимъ порокамъ, то, согласитесь, оно вознаграждаетъ васъ въ другомъ. Считаете ли вы мало выгоднымъ имѣть среди себя людей, не говорю изгоняющихъ злыхъ

духовъ и молящихся за васъ истинному Богу, но людей, которыхъ вы можете ни въ чемъ не опасаться?

Дѣйствительная утрата, невознаградимая потеря для государства, и на что никто не обращаетъ вниманія: людей добродѣтельныхъ, безукоризненныхъ преслѣдуютъ и умерщвляютъ каждый день. Обращаюсь къ свидѣтельству вашихъ списковъ: вы, которые судите ежедневно заключенныхъ, осуждаете такое множество людей виновныхъ во всевозможныхъ преступленіяхъ, убійцъ, мошенниковъ, святотатцевъ, обольстителей—скажите, есть ли между ними хоть одинъ христіанинъ? или изъ тѣхъ, кто обвиненъ предъ вами, какъ христіанинъ, замѣшанъ ли кто-нибудь въ тѣхъ преступленіяхъ? Итакъ, вашими переполнены тюрьмы, ими откармливаются животныя; ихъ крикомъ оглашаются рудники; изъ нихъ составляютъ группы, назначенныя для спектаклей. Между ними нѣтъ ни одного христіанина, или такой и взятъ только за то, что онъ христіанинъ; онъ уже не христіанинъ, если только обвиненъ за другое какое-нибудь преступленіе...

Притомъ, какой законъ можетъ быть названъ болѣе мудрымъ: тотъ ли, который говоритъ: *не убей!* или тотъ, который предписываетъ: *не предавайся гнѣву*? Въ которомъ больше совершенства— въ запрещающемъ прелюбодѣяніе, или даже и соблазнъ глаза, дурные поступки, или даже и дурныя слова, оскорбленіе ближняго, или и самую защиту отъ оскорбленія? И замѣтьте, что ваши законы заимствованы еще изъ хорошаго древняго и божественнаго закона. Мы знаемъ, въ какое время жилъ Моисей.

Но, повторяю еще разъ, какъ ничтожны всѣ человѣческія постановленія! Ихъ можно всегда обойти; страсти и крайность всегда могутъ ихъ нарушить, да и самое наказаніе, которымъ они угрожаютъ, столь кратковременно! Во всякомъ случаѣ, оно не простирается за предѣлы жизни. Вотъ почему Эпикуръ презиралъ боли и мученія: „если боль легка, говорилъ онъ, ее можно вынести; если она жестока, то непродолжительна“. Мы, судимые всевидящимъ Богомъ, зная, что наши наказанія вѣчны, одни можемъ считаться поистинѣ добродѣтельными: мы знаемъ, что̀ такое добродѣтель, и знаемъ, что наказаніе порока не кратковременно, но вѣчно. Мы боимся верховнаго божества, котораго долженъ бояться и тотъ, кто судитъ людей, боящихся Бога; мы боимся Бога, а не проконсула.

Я кончаю защиту христіанства отъ взводимыхъ на него обвиненій; кто хочетъ меня въ этомъ опровергнуть, пусть тотъ отложитъ свое краснорѣчіе въ сторону и выскажетъ свои доводы съ тою простотою и откровенностью, которой я подалъ примѣръ.

Но нѣкоторые, даже и убѣдившись собственнымъ опытомъ въ превосходствѣ христіанства, все еще продолжаютъ настаивать на томъ, что въ немъ нѣтъ ничего божественнаго, что это такая же философская школа, какъ и многія другія. Философы, говорятъ они намъ, учатъ, какъ и вы: какъ и вы, проповѣдуютъ невинность, справедливость, терпѣніе, воздержаніе, чистоту нравовъ. Но, спросимъ мы ихъ въ свою очередь, если наше ученіе есть не больше, какъ философская школа, то почему же мы не пользуемся тою же свободою слова, которою пользуются представители другихъ школъ? Если ихъ школы

похожи на нашу, то почему ихъ не принуждаютъ къ тому, къ чему принуждаютъ насъ, и за отказъ отъ чего осуждаютъ на смерть? Въ самомъ дѣлѣ, какого философа вы принуждаете къ жертвоприношеніямъ, къ клятвѣ богами, къ зажиганію лампадъ среди бѣлаго дня? Философамъ все позволено: они открыто нападаютъ на поклоненіе вашимъ богамъ, они пишутъ противъ вашего суевѣрія, и вы имъ рукоплещете; большая часть изъ нихъ вооружаетъ васъ противъ императоровъ, и вы это допускаете; вмѣсто того, чтобы отдать ихъ на съѣденіе звѣрямъ, вы награждаете ихъ и воздвигаете имъ статуи. Впрочемъ, вы имѣете на то основаніе: они называютъ себя философами, а не христіанами; отъ имени философа злые духи не убѣгаютъ. Что я говорю?! философы ставятъ даже злыхъ духовъ на второе мѣсто послѣ боговъ: *если мой духъ мнѣ позволитъ*, говорилъ Сократъ. Этотъ философъ, провидѣвшій отчасти истину, потому что отвергалъ существованіе духовъ, тѣмъ не менѣе приказалъ принести пѣтуха въ жертву Эскулапу, вѣроятно, изъ признательности къ его отцу, Аполлону, котораго оракулъ назвалъ Сократа мудрѣйшимъ изъ людей. Но какое безуміе хвалить мудрость того, кто не признавалъ боговъ?!

Есть и другая причина, почему христіанъ преслѣдуютъ, а философамъ покровительствуютъ. Чѣмъ истина суровѣе, тѣмъ болѣе возмущаетъ противъ себя тотъ, кто ее проповѣдуетъ во всей наготѣ. Вѣрнѣйшее средство нравиться врагамъ истины—ослаблять и искажать ее: это именно и дѣлаютъ философы, которые хвалятся тѣмъ, что учатъ истинѣ, а на дѣлѣ заботятся о своей популярности. Напротивъ, христіане, имѣя въ виду спасеніе души, стремятся достигнуть истины и проповѣдуютъ ее во всей чистотѣ. Итакъ, философовъ нельзя сравнивать, какъ вы думаете, съ христіанами, ни въ ихъ ученіи, ни въ чистотѣ нравовъ. Ѳалесъ, этотъ великій мудрецъ, могъ ли онъ дать какой-нибудь положительный отвѣтъ Крезу на его вопросъ о божествѣ, несмотря на то, что онъ взялъ себѣ нѣсколько времени подумать? У христіанъ послѣдній ремесленникъ не только знаетъ Бога, но и другого научитъ познавать; онъ отвѣтитъ на всѣ вопросы о Творцѣ вселенной, между тѣмъ какъ Платонъ увѣрялъ, что это трудно знать, и не слѣдуетъ даже говорить о томъ съ простымъ народомъ.

Тертулліанъ.

Apologet. XXXV—XLVI.

Тертулліанъ (Quintus-Septimus-Florens-Tertullianus) родился въ Африкѣ, въ языческомъ семействѣ центуріона, около 160 года, и умеръ около 245 года, оставивъ по себѣ славу одного изъ замѣчательнѣйшихъ западныхъ отцовъ церкви III столѣтія. Твердость христіанскихъ мучениковъ была причиною его обращенія, а ревность, познанія и добродѣтельная жизнь доставили ему званіе священника; время и мѣсто посвященія неопредѣлены. Первое его сочиненіе, считающееся образцовымъ, было посвящено на защиту христіанства и сдѣла-

лось извѣстнымъ подъ именемъ *Апологетика* (Apologeticus, т.-е. защита). Оставаясь женатымъ, онъ провелъ почти всю свою жизнь въ Карѳагенѣ, и только въ 204 г. посѣтилъ Римъ; тамъ онъ написалъ сочиненіе противъ публичныхъ зрѣлищъ (De spectaculis). Строгость нравовъ Тертулліана поставила его въ непріязненныя отношенія и къ самому духовенству. Этому обстоятельству приписывали даже то, что Тертулліанъ, по возвращеніи въ Африку, изъ оппозиціи духовенству, принялъ ересь Монтана (ересіархъ фригійскій II вѣка), хотя причина того заключалась скорѣе въ пылкости и увлекаемости характера Тертулліана, на котораго не могло не подѣйствовать строго аскетическое ученіе Монтана, предписывавшаго необыкновенно строгіе посты, запрещавшаго вторичные браки, и стараніе скрываться отъ преслѣдованія язычниковъ. Хотя Тертулліанъ отдѣлился впослѣдствіи отъ сектаторовъ, но вскорѣ онъ образовалъ самъ новое религіозное общество тертулліанистовъ. Онъ умеръ, примирившись съ духовенствомъ; впрочемъ, въ его сочиненіяхъ нигдѣ не встрѣчается прямого опроверженія тѣхъ идей, которыми онъ увлекался. Всѣ его произведенія могутъ быть раздѣлены на два класса: *до* и *послѣ* оппозиціи. Къ первому классу, кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ и капитальныхъ произведеній, должно отнести: 1) убѣжденіе къ мученичеству; 2) два посланія къ женѣ; 3) двѣ книги противъ язычниковъ; 4) противъ іудеевъ, и 5) о покаяніи, одно изъ самыхъ законченныхъ его произведеній. Между сочиненіями второго класса главное мѣсто занимаетъ трактатъ *противъ Маркіона*, въ 5 книгахъ, одно изъ сокровищъ древней теологіи; къ той же эпохѣ относятся: 1) трактатъ *О душѣ*; 2) защита философской мантіи, которую въ то время предписывалось оставлять по обращеніи въ христіанство, и мног. др. Всего Тертулліанъ оставилъ послѣ себя до 32 сочиненій; изъ нихъ 18 потеряны.—Лучшее изъ полныхъ изданій Тертулліана было сдѣлано въ Венеціи 1746 г. Его сочиненія вошли также въ собраніе: Bibliothèque des Saints-Pères. Paris, 1827, и вполнѣ перепечатаны у *J. P. Migne*, Patrologiae cursus completus sive bibliotheca universalis etc. Par. 1844—57, I—III (всего вышло 241 т.). Французскій переводъ Апологетика (не совсѣмъ точный) сдѣланъ аббатомъ *Meunier*, Par. 1822; другой франц. переводъ помѣщенъ въ одномъ сборникѣ, составленномъ аббатомъ *M**** подъ заглавіемъ: Démonstrations evangéliques. Par. 1842, т. I. См. подробности у *Neander*, Antignosticus: Geist des Tertullianus und Einleitung in dessen Schriften, etc. Berl. 1825;—*Charpentier*, Etude historique et littéraire sur Tertullien. Par. 1839.

23.—Устройство и послѣдующее развитіе древней христіанской общины въ западной Европѣ.

(1781 г.).

Безпристрастное и отчетливое изслѣдованіе обстоятельствъ, сопровождавшихъ быстрые успѣхи, съ которыми утвердилось христіанство, можетъ быть разсматриваемо, какъ самая существенная часть въ общемъ изложеніи исторіи римской имперіи. Въ то время, какъ

на это огромное политическое тѣло со всѣхъ сторонъ сыпались удары, наносимые внѣшнимъ врагомъ, а скрытые законы паденія государственныхъ организмовъ въ глубинѣ подрывали его устройство, въ то самое время скромная и чистѣйшая религія безъ всякаго усилія пускаетъ свои корни въ душу людей, растетъ въ тишинѣ и отдаленіи, почерпаетъ новыя силы въ самыхъ преслѣдованіяхъ, и наконецъ водружаетъ на развалинахъ Капитолія торжествующее знамя съ изображеніемъ креста. Ея вліяніе не ограничивается однимъ временемъ существованія или предѣлами имперіи; послѣ ея паденія, въ теченіе тринадцати или четырнадцати вѣковъ, она продолжаетъ господствовать у европейскихъ народовъ, которые стали выше всѣхъ въ цѣлой вселенной силою искусствъ, свѣдѣній, также какъ и своимъ превосходствомъ въ военномъ дѣлѣ: религіозное усердіе и промышленность европейцевъ распространили христіанство на самыхъ отдаленныхъ берегахъ Азіи и Африки; путемъ колоній, оно утвердило свое господство отъ Чили до Канады, въ тѣхъ частяхъ свѣта, которыя не были даже и извѣстны древнему міру...

Чѣмъ и какъ объяснить причины такихъ удивительныхъ успѣховъ христіанства и его быстраго торжества надъ всѣми религіями, господствовавшими до него въ языческомъ мірѣ? На этотъ вопросъ весьма не трудно дать самый опредѣленный и естественный отвѣтъ: безъ сомнѣнія, христіанство обязано побѣдой очевидному превосходству самаго ученія и провидѣнію. Но кому неизвѣстно, какъ рѣдко разумное и истинное находитъ себѣ радушный пріемъ у людей? Вотъ потому провидѣніе въ своей премудрости часто удостоиваетъ обращать наши страсти и ту временную обстановку, которая въ данный моментъ окружаетъ человѣческое общество, въ орудіе къ приведенію въ исполненіе своихъ великихъ предначертаній. Вслѣдствіе того и историкъ обязанъ, питая вмѣстѣ со всѣми благоговѣніе къ главной и первичной причинѣ быстрыхъ успѣховъ христіанской религіи, подвергнуть изслѣдованію только однѣ вторичныя (secondary) причины... Между многими такими вторичными причинами торжества христіанства среди языческаго міра, самое важное мѣсто принадлежитъ *союзу* и *дисциплинѣ* древнѣйшей христіанской общины, которая, въ нѣдрахъ разваливавшейся римской имперіи, образовала мало-по-малу государство свободное, силы котораго съ каждымъ днемъ становились все болѣе и болѣе значительными...

Первые христіане чуждались одинаково и земныхъ заботъ, и мірскихъ удовольствій. Они не видѣли возможности соединить защиту личности и имущества съ своимъ кроткимъ ученіемъ о безусловномъ прощеніи обидъ, и которое повелѣваетъ на обиду отвѣчать просьбой о новой обидѣ. Въ простотѣ своихъ нравовъ, они не понимали необходимости клятвы, оффиціальной торжественности гражданской службы и суеты общественной жизни. При своемъ невѣдѣніи мірскихъ дѣлъ, они не могли убѣдиться въ законности, съ которою мечъ правосудія или военная сила проливаютъ кровь себѣ подобныхъ, даже и въ томъ случаѣ, когда покушеніе злодѣя или нападеніе непріятеля угрожали спокойствію и безопасности общества.

Но духъ человѣка, какъ бы онъ ни былъ взволнованъ или по-

давленъ преходящимъ энтузіазмомъ, онъ снова мало-по-малу приходитъ въ равновѣсіе; въ немъ являются попрежнему извѣстныя наклонности, соотвѣтственно его новому положенію. Первые христіане не понимали ни суеты жизни дѣловой, ни мірскихъ удовольствій; но стремленіе къ практической дѣятельности, къ которой располагаетъ насъ самая природа, и побужденія которой не могутъ быть ничѣмъ совершенно изглажены, проявилось снова въ христіанахъ и нашло себѣ пищу въ управленіи дѣлами *общины* или церкви. Эта община, враждебная господствовавшей религіи въ имперіи, была вынуждена сама создать для себя нѣчто въ родѣ внутренняго управленія, и имѣть достаточное число администраторовъ, на которыхъ были бы возложены не только религіозныя обязанности, но также и временное управленіе земными дѣлами ея членовъ. Безопасность общества, его честь, расширеніе предѣловъ паствы породили въ сердцахъ даже самыхъ религіозныхъ людей духъ патріотизма, похожій на тотъ, который воспламенялъ первыхъ римлянъ къ ихъ отечеству, и иногда члены общины не стѣснялись выборомъ средствъ, которыя могли бы привести ихъ къ желаемой цѣли. Когда они домогались для себя, или для своихъ друзей, какой-нибудь должности въ церкви, то иногда старались прикрыть свое честолюбіе тѣмъ, что хотятъ пожертвовать общей пользѣ своею властью и значеніемъ въ свѣтѣ, и что въ этихъ видахъ только они считаютъ своей обязанностью домогаться власти.

При исполненіи своихъ обязанностей имъ случалось изобличать заблужденія ереси или интриги какой-нибудь партіи, бороться съ замыслами невѣрныхъ братій, предавать ихъ заслуженному позору и изгонять изъ среды общества, миръ и благосостояніе котораго они старались поколебать. Духовные представители христіанской общины на западѣ понимали всю необходимость соединять мудрость змія съ незлобіемъ голубя. Но практика власти впослѣдствіи усовершенствовала одну ту мудрость, а незлобіе голубя подвергалось постепенной порчѣ. Какъ и въ свѣтскомъ обществѣ, такъ и въ церковномъ, тѣ, которые занимали какое-нибудь значительное мѣсто, должны были отличаться своимъ краснорѣчіемъ, энергіею, знаніемъ человѣческаго сердца и умѣньемъ вести дѣла. Эти дѣла требовали иногда скрывать отъ другихъ, и, можетъ быть, даже отъ самихъ себя, сокровенныя причины того или другого образа дѣйствій; вслѣдствіе того очень часто приходилось подчиняться вліянію разгоряченныхъ страстей обыденной жизни, которыя, отъ религіознаго характера самихъ вопросовъ, пріобрѣтали новую степень упорства и раздраженія.

Вопросъ объ управленіи древней христіанской общины былъ часто и предметомъ, и орудіемъ въ спорахъ позднѣйшихъ ученыхъ. Римскіе, парижскіе, оксфордскіе и женевскіе ученые, вѣчно враждебные другъ къ другу, напрягли всѣ силы къ тому, чтобы изобразить первобытную христіанскую общину по образцу системы ихъ собственной церковной администраціи. Весьма немногіе высказываютъ убѣжденіе, что первые основатели христіанской общины избѣгали случаевъ выдавать себя за законодателей и предпочитали допускать возможность нѣкоторыхъ несогласій и частныхъ распрей, лишь бы только не лишать христіанъ послѣдующихъ вѣковъ свободы разнообразить формы

управленія своею общиною, сообразно времени и обстоятельствамъ. Жизнь общинъ въ Іерусалимѣ, Эфесѣ и Коринѳѣ можетъ дать намъ понятіе о принятомъ тамъ планѣ администраціи, съ согласія первыхъ основателей, для руководства вѣрнымъ первыхъ вѣковъ. Установившіяся тогда первыя общины въ римской имперіи были связаны между собою только узами вѣры и любви. Независимость и равенство служили основаніемъ ихъ внутренняго устройства. Чтобы исправить недостатокъ дисциплины, при неопытности въ умѣньи управлять, прибѣгали къ помощи такъ называемыхъ *профетовъ* (prophets); всякій христіанинъ безъ различія возраста, пола, или природныхъ талантовъ, имѣлъ право исполнять эту священную обязанность; и каждый разъ, когда онъ чувствовалъ внутреннее побужденіе, онъ обращался съ вдохновенною рѣчью къ собранію вѣрующихъ. Но часто такіе профеты первобытной общины злоупотребляли своимъ положеніемъ, или дѣлали дурное примѣненіе своего чрезвычайнаго дара. Это примѣненіе не всегда было кстати; ихъ соображенія часто тревожили службу собранія; наконецъ, увлеченные высокомѣріемъ и ложной ревностью, они иногда производили, какъ то именно случилось въ древнѣйшей коринѳской общинѣ, множество печальныхъ безпорядковъ (см. Посл. ап. Павла къ коринѳянамъ). Такъ какъ, вслѣдствіе того, самое учрежденіе профетовъ сдѣлалось безполезнымъ и даже вреднымъ, то власть у нихъ была отнята, и самая должность уничтожена. Съ того времени общественныя должности по религіознымъ дѣламъ общины ввѣрялись особымъ лицамъ, постановленнымъ самою церковью: *епископамъ* и *пресвитерамъ*; при первоначальномъ своемъ происхожденіи эти оба названія, повидимому, обозначали одинъ и тотъ же санъ и одно и то же общественное положеніе. Названіе пресвитера (старѣйшины) выражало собою возрастъ лица или скорѣе его значеніе и мудрость; титулъ епископа указывалъ на его обязанность наблюдать надъ дѣлами вѣры и нравами христіанъ, порученныхъ его отеческимъ попеченіямъ. Въ первое время христіанства эти *епископальные пресвитеры*, число которыхъ было болѣе или менѣе значительно, смотря по числу вѣрныхъ, управляли каждой общиной, съ общаго согласія и съ одинаковой степенью власти.

Но при самомъ полномъ равенствѣ членовъ какого-нибудь собранія, всегда необходимо высшее лицо, которое руководило бы имъ; публичныя пренія для своего порядка нуждаются въ предсѣдателѣ, хотя бы на первый разъ его обязанность ограничивалась простымъ собираніемъ голосовъ и приведеніемъ въ исполненіе опредѣленій собранія. Первые христіане, убѣдившись въ томъ, что выборы на одинъ годъ или какъ того потребуютъ обстоятельства, часто бываютъ сопряжены съ нарушеніемъ общественнаго спокойствія, рѣшились образовать высшее управленіе, постоянное и болѣе почетное; съ этою цѣлью они начали выбирать изъ среды всѣхъ пресвитеровъ одно лицо, болѣе извѣстное святостью жизни и мудростью и поручали ему пожизненную власть духовнаго главы. Съ того-то времени важный титулъ епископа началъ возвышаться надъ скромнымъ званіемъ пресвитера, которое обозначало уже не болѣе, какъ члена каждаго христіанскаго собора, между тѣмъ какъ первое отличало его новаго

председателя. Преимущества этой формы епископальнаго управленія, которое, вѣроятно, было установлено не позже конца перваго вѣка казались столь очевидными и необходимыми для будущаго величія и настоящаго спокойствія христіанства, что она безъ отлагательства была принята во всѣхъ общинахъ, уже распространенныхъ въ имперіи. Съ первыхъ моментовъ своего существованія епископальное управленіе получило санкцію древности, и въ настоящее время церкви самыя могущественныя и самыя обширныя на Западѣ чтутъ его какъ учрежденіе первобытное и данное свыше. Совершенно излишне было бы прибавлять, что кроткіе и благочестивые пресвитеры, облеченные въ первый разъ епископскою властью, не пользовались, и, вѣроятно, даже отвергли бы ту власть и блескъ, которые теперь окружаютъ тіару римскаго первосвященника, или митру германскаго прелата. Легко представить въ немногихъ словахъ узкіе предѣлы той юрисдикціи древнѣйшихъ епископовъ, которая при началѣ была чисто духовною, хотя иногда относилась и къ свѣтскимъ вопросамъ. На епископа возлагалась обязанность совершенія таинствъ и наблюденія надъ дисциплиною церкви и выполненіемъ религіозныхъ обрядовъ, которые, становясь съ каждымъ днемъ разнообразнѣе, незамѣтно усложнялись; епископу принадлежала власть поставленія священнослужителей и опредѣленіе области ихъ дѣйствія; управленіе имуществомъ общины и рѣшеніе судебныхъ споровъ, всякій разъ, когда вѣрные не желали являться въ трибуналы язычниковъ. Первоначально, но весьма недолго, епископъ спрашивалъ мнѣніе другихъ пресвитеровъ, и не иначе дѣйствовалъ, какъ по согласію и одобренію со стороны полнаго собранія христіанъ. На него смотрѣли тогда, какъ на *перваго между равными* и уважаемаго всѣми служителя свободной общины. Всякій разъ, когда, послѣ смерти епископа, его каѳедра оставалась вакантною, новый председатель, взятый изъ среды пресвитеровъ, былъ избираемъ свободной подачей голосовъ цѣлой общины, и каждый членъ ея считалъ себя облеченнымъ въ священный и даже священническій характеръ [1]).

Съ такимъ миролюбіемъ и равенствомъ управлялись первыя христіанскія общины въ продолженіе болѣе ста лѣтъ послѣ смерти апостоловъ. Каждая община составляла сама по себѣ республику, отдѣльную и независимую; и хотя отдаленнѣйшіе изъ этихъ маленькихъ центровъ и поддерживали посланіями и посольствами взаимныя сношенія, содѣйствовавшія къ скрѣпленію ихъ единства, но тѣмъ не менѣе различныя части христіанскаго міра не признавали надъ собою никакой общей верховной власти одного лица или какого-нибудь одного законодательнаго собранія. По мѣрѣ того, какъ число вѣрныхъ возрастало, они увидѣли всю выгоду связать болѣе тѣснымъ образомъ свои планы и интересы. Около конца второго вѣка христіанскія общины Греціи и Азіи прибѣгли съ этою цѣлью къ полезному учрежденію провинціальныхъ синодовъ, и можно думать, что онѣ, при образованіи подобнаго представительнаго совѣта, приняли за обра-

---

[1]) *Nonne et laici sacerdotes sumus*? Tertul., Exhort. ad castit. c. 7.

зецъ знаменитыя въ древности учрежденія своей страны, амфиктіоніи, ахейскій союзъ іонійскихъ городовъ. Епископы независимыхъ церквей сначала по обычаю, а вскорѣ и по опредѣленію закона, съѣзжались въ главномъ городѣ провинціи въ извѣстные сроки, весной и осенью. Въ своихъ совѣщаніяхъ они руководились мнѣніемъ небольшого числа лучшихъ пресвитеровъ, и видѣли себя окруженными массою слушателей, въ присутствіи которыхъ они должны были разсуждать. Опредѣленія такихъ синодовъ, называвшіяся *канонами*, истолковывали всѣ важные пункты касательно вѣры и дисциплины; весьма естественно, что, по общему убѣжденію, святой Духъ изливалъ щедро свои дары на собраніе представителей христіанскаго народа. Учрежденіе синодовъ такъ хорошо совпадало и съ честолюбіемъ частныхъ лицъ, и съ общественными интересами, что въ самое короткое время оно было принято на всемъ пространствѣ имперіи.

Провинціальные синоды, при помощи непрерывныхъ сношеній, сообщались другъ съ другомъ и принимали взаимно свои опредѣленія. Такимъ образомъ, вскорѣ начала формироваться вселенская церковь и пріобрѣтать всю силу огромной конфедеративной республики.

Такъ какъ синоды своими опредѣленіями начали нечувствительно уничтожать законодательную власть собраній отдѣльной общины, то епископы, по своимъ связямъ, значительно увеличили предѣлы своей исполнительной власти и придали ей произвольный характеръ. Соединенные между собою общими интересами, они были въ состояніи потрясти первоначальныя права своего клира (духовнаго сословія) и народа. Католическіе прелаты восьмого вѣка незамѣтно стали замѣнять языкъ убѣжденія языкомъ повелѣнія, и такимъ образомъ заронили сѣмена своихъ будущихъ узурпацій, оправдывая себя, за отсутствіемъ силы и раціональныхъ основаній, аллегоріями, извлеченными изъ священнаго писанія, и риторическими декламаціями. „Единство и власть церкви, повторяли они часто, выражаются въ учрежденіи *епископата*, каждый членъ котораго обладаетъ равною и нераздѣльною частью. Пусть князья и сановники тщеславятся своими правами на земную и преходящую власть; одна власть епископа происходитъ отъ Бога; она распространяется и въ этомъ, и въ томъ мірѣ. Епископы— намѣстники Іисуса Христа, наслѣдники апостоловъ; они соотвѣтствуютъ первосвященнику Моисеева закона“ [1]). Ихъ исключительная привилегія рукополагать въ званіе пресвитера положила предѣлъ свободѣ избранія, которое прежде принадлежало клиру и народу, и если въ управленіи церковью они иногда слѣдовали мнѣніямъ пресвитеровъ или желанію паствы, то старались всѣми силами вмѣнить себѣ такую уступку въ особенное достоинство. Католическіе епископы, правда, признавали надъ собою высшую власть, которая принадлежала синоду, составленному изъ ихъ собратій; но каждый изъ нихъ, въ управленіи своимъ отдѣльнымъ діоцезомъ, требовалъ отъ своей *паствы* такого слѣпого повиновенія, что эта любимая метафора на практикѣ получала буквальное значеніе, и *пастырь* являлся существомъ высшаго

---

[1]) Св. Кипріанъ, De unitate ecclesiae.

разряда. Подобная власть, разумѣется, не могла быть утверждена безъ нѣкоторыхъ усилій съ одной стороны и противодѣйствій съ другой. Во многихъ мѣстахъ низшее духовенство, воодушевляемое любовью къ независимости или и личными выгодами, съ жаромъ поддерживаетъ прежнее демократическое устройство; но такія стремленія получаютъ презрительное названіе мятежа и раскола, и епископская партія торжествуетъ, обязанная своими быстрыми успѣхами усилію многихъ своихъ дѣятельныхъ прелатовъ, которые, подобно Кипріану Карѳагенскому, умѣли согласовать мѣры самыхъ честолюбивыхъ государственныхъ людей съ христіанскими добродѣтелями, какихъ только можно ожидать отъ характера святой личности и мученика.

Тѣ же причины, которыя нарушили прежде равенство между пресвитерами, ввели и между епископами различіе въ рангахъ, откуда само собою возникло подчиненіе многихъ епископовъ юрисдикціи одного. Всякій разъ, когда весною и осенью они собирались въ провинціальный синодъ, между членами его естественно обнаруживалось различіе, проистекавшее изъ различной степени уваженія, какимъ могъ пользоваться каждый, и совершонныхъ имъ заслугъ. Краснорѣчіе и умъ немногихъ всегда отдаютъ имъ въ руки большинство; но порядокъ преній требовалъ устройства болѣе нормальнаго и менѣе возбуждающаго зависть. Вотъ, потому должность постояннаго предсѣдателя въ синодѣ каждой провинціи была предоставлена епископамъ столицы; эти предпріимчивые прелаты, украшенные блестящими титулами примасовъ и митрополитовъ, рѣшились мало-по-малу присвоить себѣ ту самую власть надъ епископами, какую они пріобрѣли въ свою пользу надъ пресвитерами. Сами митрополиты вступили скоро другъ съ другомъ въ споръ о преимуществѣ ранга и власти. Каждый изъ нихъ старался поставить на видъ, въ самыхъ громкихъ выраженіяхъ различныя выгоды и свѣтское значеніе того города, въ которомъ онъ предсѣдательствовалъ, число и богатство христіанъ, порученныхъ его отеческимъ попеченіямъ, важность святыхъ и мучениковъ, прославившихся между ними; и, восходя такимъ образомъ до одного изъ апостоловъ или одного изъ его учениковъ, основавшаго ихъ церковь, они настаивали сверхъ того на особенной чистотѣ, съ которою преданіе вѣры, передаваемое непрерывнымъ рядомъ ортодоксальныхъ епископовъ, сохранилось именно въ лонѣ ихъ церкви. Всѣ подобныя причины превосходства, какъ гражданскаго, такъ и духовнаго, легко было предвидѣть, привлекутъ всеобщее уваженіе провинцій къ римскому епископу, и онъ рано или поздно потребуетъ ихъ повиновенія своей власти. Община вѣрныхъ въ этомъ городѣ по своему числу соотвѣтствовала величинѣ столицы имперіи. Римская церковь была самая большая, самая многочисленная и, по отношенію къ Западу, самая древняя изъ всѣхъ христіанскихъ общинъ, потому что бо̀льшая часть другихъ была основана религіознымъ подвигомъ римскихъ миссіонеровъ. Главнѣйшее притязаніе церквей Антіохіи, Эфеса или Коринѳа ограничивалось признаніемъ за своего основателя *одного* только апостола. Только Римъ могъ гордиться тѣмъ, что берега Тибра озарены были особеннымъ блескомъ, вслѣдствіе проповѣди и мученичества *двухъ* величайшихъ апостоловъ. Его епи-

скопъ тщательно заботился о присвоеніи себѣ всѣхъ преимуществъ, которыя приписывались лицу или достоинству святого Петра. Прелаты Италіи и провинцій соглашались уступить ему старѣйшинство въ духовной аристократіи. Но власть *одного* была, однако, нѣкоторыми отвергнута съ отвращеніемъ, и предпріимчивый геній Рима, хотѣвшій подчинить всю землю своей духовной власти, испыталъ въ Африкѣ и Азіи такое сопротивленіе, какого въ болѣе отдаленные вѣка все ихъ населеніе не могло противопоставить стремленію Рима къ политическому преобладанію. Святой Кипріанъ, управлявшій съ самой неограниченной властью карѳагенскою церковью и ея провинціальными синодами, возсталъ силою и успѣхомъ противъ честолюбія римскаго первосвященника. Этотъ ревностный патріотъ нашелъ средство привязать къ своему собственному дѣлу интересы восточныхъ епископовъ, и, какъ Аннибалъ, пріобрѣлъ себѣ союзниковъ въ сердцѣ Азіи. Если эта церковная пуническая война обошлась безъ всякаго кровопролитія, то скорѣе вслѣдствіе слабости, чѣмъ умѣренности соперничествовавшихъ прелатовъ. Осужденіе, отлученіе отъ церкви были *ихъ* единственнымъ оружіемъ, и пока продолжалась ихъ вражда, они преслѣдовали ими другъ друга съ одинаковою ревностью и одинаковымъ убѣжденіемъ. Тяжелая необходимость осудить память какого-нибудь папы, или одного изъ его противниковъ, и до сихъ поръ стѣсняетъ католика, когда ему приходится передавать подробности подобнаго диспута, въ которомъ защитники религіи увлекались такъ, какъ можно увлечься только въ лагерѣ или во время преній сената.

Успѣхи централизаціи власти породили также и то замѣчательное различіе *мірянъ* и *клира*, которое было неизвѣстно ни грекамъ, ни римлянамъ. Подъ первымъ изъ этихъ наименованій разумѣлась вся масса христіанскаго народа; второе, въ переводѣ съ греческаго языка (κλῆρος), означало одну *избранную* часть, которая, будучи отдѣлена отъ толпы, посвящалась исключительно служенію религіи: это и былъ тотъ классъ людей, который составилъ себѣ въ западной Европѣ громкую славу, и изъ котораго вышли замѣчательнѣйшіе дѣятели новой исторіи, хотя ихъ личный характеръ не всегда былъ назидателенъ. Взаимныя непріязненныя отношенія клира не разъ тревожили миръ церкви, въ ея младенчествѣ; но эти распри побуждали ихъ къ дѣятельности для общаго дѣла; любовь къ власти, вкрадываясь въ сердца католическихъ прелатовъ, подъ самыми обманчивыми прикрытіями, воодушевляла ихъ желаніемъ увеличить число своихъ подданныхъ, а чрезъ то самое распространялись предѣлы христіанства. Они не имѣли никакой матеріальной силы, и въ продолженіе долгаго времени свѣтская власть скорѣе унижала ихъ и притѣсняла, нежели поддерживала. Но уже и тогда они успѣли пріобрѣсть и воспользоваться для утвержденія себя въ кругу своей паствы, двумя могущественными рычагами правительства: благотворительностью и правомъ наказанія; первая имѣла для себя источникомъ благочестивую щедрость мірянъ; второе опиралось на ихъ религіозныя убѣжденія.

I. Общее имущество, которое занимало воображеніе Платона, и которое въ нѣкоторой степени осуществлялось суровою сектою эссеніанъ (у евреевъ), было принято, въ продолженіе нѣкотораго времени,

и первобытною церковью. Усердіе первыхъ послѣдователей побуждало ихъ продавать свое мірское имущество, презираемое ими, являться къ апостоламъ и класть къ ихъ ногамъ полученныя деньги, съ тѣмъ, чтобы довольствоваться равной частью при общемъ распредѣленіи. Успѣхи христіанства постепенно ослабляли, а потомъ и совсѣмъ уничтожили этотъ великодушный обычай, который, въ другихъ рукахъ, менѣе чистыхъ, чѣмъ апостольскія, повелъ бы къ порчѣ нравовъ: можно было опасаться, что въ комъ-нибудь вдругъ пробудится дурной инстинктъ, свойственный человѣку, и побудитъ его употребить во зло эти священные вклады. Новообращеннымъ позволяли потому сохранять свои родовыя имѣнія, наслѣдовать по завѣщанію или дару, и вообще увеличивать свое личное состояніе всѣми дозволенными путями торговли и промысловъ. Вмѣсто полнаго пожертвованія, служители евангелія принимали небольшую часть; и въ собраніяхъ, которыя происходили каждую недѣлю, или каждый мѣсяцъ, вѣрующій, соотвѣтственно нуждамъ общины и сообразно съ своимъ имуществомъ, добровольно, по мѣрѣ своего усердія, вкладывалъ свое приношеніе въ общую сокровищницу. Не отказывались ни отъ какого дара, какъ бы малозначителенъ онъ ни былъ; всегда, однако, старались при этомъ объяснять, что десятина, установленная закономъ Моисея, была обязательна; а если евреи, при правилахъ менѣе совершенныхъ, имѣли повелѣніе отдавать десятую часть того, чѣмъ каждый владѣлъ, то ученикамъ Іисуса Христа надлежитъ отличиться бо̀льшею щедростью и совершить заслугу, отказываясь отъ суетныхъ богатствъ, которыя должны скоро погибнутъ вмѣстѣ съ самимъ міромъ. Само собою разумѣется, что неопредѣленный и такъ мало обезпеченный доходъ каждой отдѣльной церкви видоизмѣнялся сообразно бѣдности или зажиточности вѣрныхъ, смотря потому, были ли они разсѣяны по отдаленнымъ деревнямъ, или сосредоточены въ большихъ городахъ имперіи. Во времена императора Деція римское правительство удостовѣрилось въ томъ, что христіане обладаютъ значительными богатствами; что при своемъ богослуженіи они употребляютъ золотыя и серебряныя чаши, и что многіе изъ самыхъ ревностныхъ продавали свои земли и дома для увеличенія казны своей общины, лишая такимъ образомъ наслѣдства своихъ дѣтей, впадавшихъ чрезъ то въ нищету, цѣною которой, какъ замѣчали языческіе сатирики, родители ихъ пріобрѣтали себѣ святость [1]). Вообще, не надобно быть слишкомъ довѣрчивымъ къ тѣмъ показаніямъ, которыя высказывались по этому поводу посторонними людьми и враждебными христіанству; мы имѣемъ предъ собою всего только два положительныхъ факта изъ всѣхъ прочихъ извѣстныхъ намъ, при которыхъ названы точныя суммы, опредѣляющія ясно степень богатства древнихъ христіанскихъ общинъ. Въ царствованіе императора Деція епископъ карѳагенскій могъ за одинъ разъ собрать съ членовъ своей общины, гораздо менѣе богатой, чѣмъ римская, сто тысячъ сестерцій (около

---

[1]) Et summa pietas creditur
Nudare dulces liberos.
Prudentius, Περι Στεφάνιον.

850 фунтовъ стерлинговъ, 8.000 р. с.), пригласивъ вѣрныхъ къ пожертвованію для выкупа своихъ нумидійскихъ собратій, уведенныхъ въ плѣнъ степными варварами. За сто лѣтъ передъ тѣмъ, одинъ иностранецъ изъ Понта, желая оставаться навсегда въ Римѣ, предложилъ римской церкви въ даръ сумму въ двѣсти тысячъ сестерцій. Подобныя приношенія были, по большей части, денежныя; христіане не могли имѣть тогда ни желанія, ни возможности обременять себя какими-нибудь значительными поземельными пріобрѣтеніями. Въ римской имперіи было точно опредѣлено многими законами, изданными съ тою же цѣлью, какую имѣютъ и наши постановленія относительно вымороченныхъ имѣній, а именно, что никто не имѣетъ права завѣщать корпораціи, существующей въ государствѣ, никакого недвижимаго имущества, безъ особенной привилегіи, или безъ особаго разрѣшенія сената или императора, рѣдко расположенныхъ покровительствовать такой сектѣ, которая, вызвавъ сначала ихъ презрѣніе, внушила имъ впослѣдствіи зависть и боязнь. Между тѣмъ, одинъ фактъ, случившійся во время царствованія Александра Севера, доказываетъ, что тѣ постановленія были иногда или обходимы, или не приводимы въ исполненіе, и христіанамъ разрѣшалось какъ домогаться, такъ и владѣть землею, даже въ чертѣ самаго Рима. Дальнѣйшіе успѣхи христіанства и гражданскіе раздоры внутри имперіи содѣйствовали еще большему смягченію строгости законовъ, и еще до конца третьяго столѣтія многія значительныя земли принадлежали богатымъ церквамъ Рима, Милана, Карѳагена, Антіохіи, Александріи и другихъ большихъ городовъ Италіи и провинцій.

Мы видѣли, какимъ образомъ каждый епископъ сдѣлался, вслѣдствіе обыкновеннаго хода вещей, полнымъ распорядителемъ своей общины: онъ могъ располагать ея казною, не давая въ томъ никому отчета. Предоставляя пресвитерамъ однѣ только ихъ духовныя обязанности, епископъ поручалъ сборъ и раздачу церковныхъ доходовъ сословію діаконовъ, какъ болѣе подчиненному. По свидѣтельству святого Кипріана, въ Африкѣ находилось весьма большое число прелатовъ, которые, при исполненіи своей обязанности, нарушали всѣ правила не только евангельскаго совершенства, но и всякой нравственности. Нѣкоторые изъ нихъ, нарушивъ оказанное имъ довѣріе, растратили церковныя имущества на удовлетвореніе своихъ чувственныхъ удовольствій; другіе недостойнымъ образомъ обращали ихъ въ свою собственную пользу, пускались въ спекуляціи и отдавали общественныя деньги въ неслыханный ростъ. Но пока приношенія христіанскаго народа были свободны и добровольны, такія злоупотребленія не могли быть часты; цѣль, которую поставляла себѣ щедрость вносившихъ деньги, дѣлала большую честь христіанской общинѣ. Епископъ и клиръ получали достаточную часть для своего содержанія. Сверхъ того, отдѣлялась значительная сумма на издержки, требуемыя религіознымъ богослуженіемъ, котораго существенную и блестящую часть составляли трапезы бѣдныхъ или *агапи*, какъ ихъ называли тогда. Остальное затѣмъ считалось священною собственностью бѣдныхъ. Послѣдняя сумма отдавалась въ распоряженіе епископа, который употреблялъ ее для поддержанія вдовъ, сиротъ, хромыхъ, больныхъ

и стариковъ общины, для успокоенія чужестранцевъ и странниковъ, и для облегченія страданій заключенныхъ и плѣнниковъ, особенно если ихъ страданія были слѣдствіемъ твердой привязанности къ дѣлу религіи. Великодушная любовь къ ближнему соединяла провинціи самыя отдаленныя; и какая-нибудь небольшая община находила себѣ огромную поддержку въ приношеніяхъ болѣе богатыхъ общинъ, которыя съ радостью спѣшили облегчить своихъ нуждающихся собратій. Это высокое учрежденіе, имѣвшее даже въ виду болѣе бѣдность, нежели заслуги, много способствовало успѣхамъ христіанства. Тѣ изъ язычниковъ, которые были воодушевлены сами человѣколюбіемъ, хотя и отвращались отъ ученія христіанъ, но не могли не отдать имъ справедливости за ихъ благотворительность. Немедленная помощь и вѣрное покровительство привлекали въ нѣдра христіанской общины толпы несчастныхъ, которые, по равнодушію людей, были предоставлены въ добычу ужасамъ бѣдности, болѣзней и старости. Можно также думать, что бо̀льшая часть новорожденныхъ, оставленныхъ родителями послѣ рожденія, вслѣдствіе безчеловѣчнаго обычая того времени, были часто спасаемы, крещены, воспитываемы и содержимы человѣколюбіемъ христіанъ и на счетъ общественной казны.

II. Всякое общество имѣетъ неоспоримое право исключать изъ своей среды и не допускать къ участію въ его выгодахъ тѣхъ изъ своихъ членовъ, которые отвергаютъ или нарушаютъ правила, установленныя общимъ согласіемъ. Христіанская община, на основаніи этого права, дѣйствовала такъ противъ членовъ, уличенныхъ въ соблазнительномъ поведеніи, въ убійствѣ, обманѣ и невоздержности; противъ авторовъ или послѣдователей како̀го-нибудь еретическаго ученія, осужденнаго приговоромъ епископовъ, и противъ тѣхъ жалкихъ людей, которые, послѣ же крещенія, или по собственному заблужденію, или даже, уступая силѣ, осквернились участіемъ въ языческомъ богослуженіи. Такое отлученіе для осужденнаго имѣло какъ нравственныя, такъ и матеріальныя невыгоды. Христіанинъ, исключенный изъ своей общины, лишался своей части при раздѣлѣ денегъ, вносимыхъ въ общую казну. Для него были прерваны всѣ религіозныя и личныя отношенія. Лица, которыхъ онъ болѣе всего уважалъ и которыми онъ былъ искренно любимъ, смотрѣли на него съ ужасомъ, какъ на оскверненнаго; и такъ какъ отлученіе налагало на его характеръ пятно безчестія, то его сообщества избѣгали почти всѣ: никто не довѣрялъ человѣку, изгнанному изъ среды честныхъ людей. Какъ бы ни было печально или горестно само по себѣ положеніе такихъ несчастныхъ, вслѣдствіе ихъ отлученія, но угрызенія совѣсти, весьма естественно, далеко превосходили всѣ внѣшнія лишенія. Христіанство представляло въ себѣ ручательство вѣчной жизни за гробомъ. Отлученныхъ преслѣдовала страшная мысль, что стоявшіе во главѣ христіанскаго общества и произнесшіе надъ ними свой приговоръ, получили изъ рукъ самого божества ключи ада и рая. Еретики, правда, поддерживаемые, можетъ быть, силою убѣжденія и обольстительной надеждой, что именно они-то и открыли истинный путь къ спасенію, условились въ своихъ отдѣльныхъ собраніяхъ найти для себя новый источникъ тѣхъ духовныхъ и матеріальныхъ выгодъ, ко-

торыя прекращались для нихъ, какъ для отлученныхъ изъ главной массы христіанскаго общества; но всѣ тѣ, которые только по слабости впали въ порокъ или въ идолопоклонство, чувствовали себя убитыми нравственно и, трепеща за свою участь, желали возвращенія въ общину вѣрныхъ.

Относительно наказанія, которое слѣдовало наложить на подобныхъ кающихся, два противоположныя чувства раздѣляли первобытныхъ христіанъ: одно—справедливости, другое — состраданія. Самые суровые и непреклонные казуисты отказывали имъ навсегда и безъ исключенія даже въ послѣднемъ мѣстѣ между членами святой общины, которую они обезчестили или оставили, и, предоставляя ихъ на жертву терзаніямъ преступной совѣсти, указывали имъ только, какъ на слабый лучъ надежды, на раскаяніе цѣлой жизни до смерти, которое можетъ быть вмѣнено Всевышнимъ въ заслугу. Но люди болѣе возвышенные и болѣе уважаемые въ христіанской церкви приняли мнѣніе болѣе кроткое, какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ. Врата примиренія и неба, по ихъ убѣжденію, были рѣдко закрываемы кающемуся грѣшнику; но зато они постановили строгую и торжественную форму покаянія для очищенія согрѣшившаго, которая вмѣстѣ съ тѣмъ и для зрителей была бы хорошимъ назиданіемъ и урокомъ. Кающійся смирялся публичною исповѣдью, и, изнеможенный постомъ, въ саванѣ лежалъ распростертый при входѣ въ церковь. Тамъ онъ умолялъ, со слезами на глазахъ, о прощеніи своихъ заблужденій, и просилъ вѣрныхъ молиться за него; если проступокъ былъ очень тяжелъ, то цѣлые годы покаянія считались недостаточными для умилостивленія божескаго правосудія. Грѣшникъ, еретикъ или богоотступникъ не иначе былъ принимаемъ снова въ лоно церкви, какъ послѣ медленныхъ и мучительныхъ испытаній. Впрочемъ, приговоръ вѣчнаго отлученія произносился въ случаѣ необыкновенныхъ преступленій, и особенно вторичнаго вѣроотступничества тѣхъ кающихся, которые, испытавъ уже однажды милосердіе своихъ духовныхъ отцовъ, обманули ихъ снова. Епископы, неограниченные судьи въ дѣлѣ покаянія, назначали степень его, смотря по обстоятельствамъ преступленія или по числу виновныхъ. Анкирскій и Эльвирскій соборы были созваны въ одно время, первый въ Галатіи, второй въ Испаніи; но духъ обнародованныхъ ими постановленій, дѣйствующихъ и донынѣ, повидимому, весьма различенъ. Галатъ, если онъ, принявъ крещеніе, болѣе одного раза приносилъ жертвы идоламъ, получалъ прощеніе только послѣ семилѣтняго покаянія; за совращеніе имъ кого-нибудь изъ своихъ собратій прибавлялось еще три года къ тому времени его отлученія. Несчастный испанецъ, напротивъ, за то же самое преступленіе не могъ надѣяться на прощеніе, даже до самой смерти. Идолопоклонство, въ правилахъ испанской церкви, помѣщено во главѣ списка семнадцати другихъ преступленій, противъ которыхъ постановлялось рѣшеніе не менѣе ужасное. Клевета противъ епископа, пресвитера или даже діакона, отнесена была къ числу тѣхъ преступленій, которыя ничто не могло искупить.

Счастливое соединеніе снисходительности и строгости, благоразумное распредѣленіе наказаній и наградъ, сообразованное съ нача-

лами какъ политики, такъ и справедливости, составляли силу церкви *на землѣ.* Епископы, которыхъ отеческое попеченіе переходило и за предѣлы земной жизни, сознавали всю важность своихъ преимуществъ и желали убѣдить, что они воодушевлены только желаніемъ сохранить порядокъ и миръ; но иногда, прикрывая этимъ предлогомъ свое честолюбіе, они съ трудомъ допускали, чтобы другой соперникъ раздѣлялъ ихъ дисциплинарную власть, столь необходимую для предупрежденія распаденія паствы, собравшейся подъ знаменемъ креста, и число которой, съ каждымъ днемъ, становилось значительнѣе. Настоятельныя требованія святого Кипріана могутъ вызвать предположеніе, что начало отлученія отъ церкви и покаянія составляло самую существенную часть религіи, и что паства подвергалась меньшей опасности, пренебрегая обязанностями простой морали, нежели не уважая правилъ и авторитета своихъ епископовъ. Отъ того времени до насъ какъ будто доходитъ то голосъ Моисея, когда онъ повелѣвалъ землѣ раскрыться и поглотить въ пожирающемъ пламени нечестивое колѣно, которое сопротивлялось первосвященнической власти Аарона; то предъ нами какъ будто возстаетъ тѣнь римскаго консула, несущаго на своихъ плечахъ величество древней республики и требующаго буквальнаго исполненія законовъ во всей ихъ строгости. „Если безнаказанно терпѣть подобное нарушеніе правилъ (такъ порицалъ карѳагенскій епископъ мягкосердечіе своего товарища), то *епископская власть* погибла; погибло и духовное, божественное всемогущество, управляющее церковью; погибло даже христіанство“. Святой Кипріанъ отказался отъ всѣхъ земныхъ почестей, которыхъ онъ, вѣроятно, и не достигъ бы; но сохраненіе власти, самой неограниченной, надъ совѣстью и умами своей паствы, какъ бы темна, какъ бы ничтожна она ни казалась въ глазахъ міра, удовлетворяло болѣе существенно честолюбіе, чѣмъ самая деспотическая власть, которая принуждаетъ людей подчиняться себѣ силою оружія и правомъ побѣды.

Я старался въ своемъ очеркѣ изслѣдовать одну изъ тѣхъ причинъ, которыя мы называли *вторичными,* и которыя содѣйствовали утвержденію истинъ христіанства. Если эти причины сопровождаются нѣкоторыми посторонними атрибутами, обстоятельствами, чуждыми духу христіанства, и заключаютъ въ себѣ примѣсь заблужденій и страстей, то не должно удивляться тому, потому что человѣческія побужденія очень часто вытекаютъ изъ несовершенства человѣческой природы. Какъ бы то ни было, внѣшнее устройство первобытной христіанской общины и дальнѣйшее его развитіе весьма много содѣйствовало прочности успѣховъ христіанства въ римской имперіи. Тѣсное соединеніе вѣрныхъ между собою укрѣпляло ихъ мужество, ставило опредѣленныя цѣли для борьбы и придавало ихъ силамъ ту неодолимую стремительность, которая дѣлала возможною побѣду небольшой, но свободной, благоустроенной и доведенной до отчаянія горсти людей надъ хаотическою массой и совершенно индифферентной къ главной причинѣ борьбы, предметъ которой не былъ даже ей хорошо извѣстенъ. Въ многочисленныхъ религіяхъ политеизма весьма небольшое число странствовавшихъ жрецовъ — фанатиковъ Египта и Сиріи, стараясь

захватить врасплохъ легковѣріе народа, образовали изъ себя единичное сословіе, умѣвшее извлекать изъ своей организаціи средства къ существованію и внушать къ себѣ страхъ; они одни только были лично заинтересованы сохраненіемъ языческаго культа. Всѣ же остальные и главные служители политеизма, въ Римѣ и въ провинціяхъ, были, по большей части, граждане знаменитые по рожденію и съ обезпеченнымъ состояніемъ; они принимали на себя, какъ почетное отличіе, званіе первосвященника въ какомъ-нибудь знаменитомъ храмѣ, или при какомъ-нибудь торжественномъ жертвоприношеніи. Часто они учреждали религіозныя празднества на свой собственный счетъ и въ то же время присутствовали на нихъ съ холоднымъ равнодушіемъ къ древнимъ церемоніямъ, выполняя по наружности законы и обычаи своего отечества. Такъ какъ главная дѣятельность такихъ жрецовъ посвящалась дѣламъ обыденной жизни, то ихъ религіозная ревность и преданность рѣдко воодушевлялись настоящимъ духомъ касты или чувствомъ интереса. Зная каждый свой храмъ, они всѣ вмѣстѣ не представляли какого-нибудь административнаго или дисциплинарнаго соединенія; будучи такими же чиновниками имперіи, какъ и всѣ, они имѣли для себя верховную юрисдикцію въ сенатѣ, первосвященнической коллегіи и императорѣ, и затѣмъ ограничивались выполненіемъ легкой обязанности поддерживать достоинство и порядокъ культа государственной религіи. Всѣмъ извѣстно, какъ религіозное чувство язычника было измѣнчиво, неопредѣленно и шатко; онъ былъ предоставленъ безусловно естественнымъ впечатлѣніямъ своего суевѣрнаго воображенія. Разнообразныя случайности его положенія или жизни опредѣляли какъ предметъ, такъ и степень его набожности, и, возжигая ѳиміамъ предъ безчисленными идолами, едва ли его сердце было способно питать живое и искреннее сочувствіе къ которому нибудь изъ этихъ истукановъ.

Еще передъ появленіемъ христіанства начали стираться и эти послѣдніе слабые проблески языческой религіозности. Разумъ человѣка, неспособный понять таинства вѣры, нашелъ, однако, въ собственныхъ своихъ силахъ средства одержать легкую побѣду надъ заблужденіями язычества. Когда Тертулліанъ или Лактанцій хотѣли показать его безуміе и ложность, то имъ ничего не оставалось, какъ заимствовать готовое оружіе у краснорѣчія Цицерона или насмѣшки Лукіана. Скептицизмъ, которымъ были проникнуты ихъ сочиненія, оказывалъ огромное вліяніе на ихъ читателей. Мода безвѣрія переходила отъ философа къ человѣку, преданному удовольствіямъ или дѣламъ, отъ знатнаго къ плебею, отъ господина къ домашнему рабу, который прислуживалъ при его обѣдахъ и слушалъ съ удовольствіемъ соблазнительный разговоръ гостей. Въ публикѣ всѣ эти философы старались съ почтеніемъ и благопристойностью толковать о религіозныхъ учрежденіяхъ своего отечества, но ихъ внутреннее презрѣніе проглядывало сквозь легкій покровъ, которымъ они едва умѣли прикрываться. Когда народъ видѣлъ свои божества ниспровергнутыми и осмѣянными со стороны тѣхъ, которыхъ общественное положеніе и таланты онъ привыкъ уважать, весьма естественно, что и въ немъ начало зарождаться сомнѣніе и подозрѣніе въ истинности того уче-

нія, которое онъ до того времени принималъ съ самою чистосердечною вѣрою. Разрушеніе старыхъ предразсудковъ поставило весьма значительную часть человѣческаго рода въ тягостное и мучительное положеніе. Состояніе скептицизма и недоумѣнія можетъ занимать только спекулятивные умы, но суевѣріе такъ прирождено массѣ, что, когда для нея очарованіе уничтожено, она будетъ жалѣть о потерѣ счастливой мечты. Любовь къ чудесному и сверхъестественному, которая такъ присуща человѣку, любопытство, которое постоянно влечетъ его къ познанію будущаго, непобѣдимое стремленіе проникнуть въ своихъ надеждахъ и боязни за предѣлы видимаго міра — все это было главною причиною, которая благопріятствовала нѣкогда утвержденію политеизма. Необходимость вѣрить дѣйствуетъ такъ сильно на толпу, что за паденіемъ какой-нибудь миѳологической системы обыкновенно слѣдуетъ немедленно принятіе какого-нибудь другого суевѣрія. Божества, созданныя по образцу болѣе новому и согласному со вкусомъ вѣка, быть можетъ, скоро заняли бы тогда опустѣвшіе храмы Аполлона и Юпитера, если бы въ этотъ рѣшительный моментъ провидѣніе не послало на землю чистое и святое откровеніе, способное внушить уваженіе и убѣжденіе болѣе разумное, не уничтожая въ то же время того, что̀ удовлетворяетъ качествамъ массы. При положеніи, въ которомъ тогда находилось общество, почти совершенно освобожденное отъ своихъ искусственныхъ предразсудковъ, но попрежнему искавшее и жаждавшее религіозныхъ ощущеній, всякій предметъ, даже и мало достойный культа, былъ способенъ наполнить собою пустоту сердца въ человѣкѣ того времени и удовлетворить неопредѣленное стремленіе его пожеланій. Развивая эту мысль далѣе, во всемъ ея объемѣ, мы не только перестали бы удивляться быстрымъ успѣхамъ христіанства, но скорѣе нашли бы, что они были еще не довольно быстры и не довольно повсемѣстны.

Гиббонъ.

The history of the decline and fall of the roman empire.
Базель. 1787. Ч. II, стр. 219 и слѣд.

Ed. Gibbon (род. въ Putney, близъ Лондона, 1737 г.—ум. 1794 г.)—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ англійскихъ историковъ прошедшаго столѣтія, составившій себѣ всю славу единственнымъ произведеніемъ, которое было трудомъ большей части его жизни: „Исторія разрушенія и паденія римской имперіи“. Избраніе такого предмета изслѣдованія и его направленіе находится въ тѣсной связи съ личною судьбою автора и отдѣльными случайностями его жизни. Гиббонъ, отданный 15-ти лѣтъ въ оксфордскій университетъ, при всей своей молодости, былъ скоро пораженъ сухостью и безплодностью занятій въ этомъ учрежденіи, сохранившемъ весь духъ среднихъ вѣковъ. „Нѣтъ надежды, говорилъ онъ въ своихъ Мемуарахъ, чтобы какая-нибудь реформа могла проникнуть туда: Оксфордъ и Кембриджъ до того заглохли въ своихъ предраз-

судкахъ и изощрились въ интригахъ, что и всемогущество парламента сокрушилось бы при изслѣдованіи состоянія и злоупотребленія этихъ двухъ университетовъ". Неудовлетворенный академическою наукою, Гиббонъ началъ образовывать себя чтеніемъ всего, что ему попадалось подъ руку, и слѣдствіемъ того, по его собственному сознанію, была крайняя поверхностность и мнимое всезнаніе, сопровождаемое самонадѣянностью. Гиббонъ считалъ уже себя великимъ историкомъ, и, подражая появившемуся тогда труду Вольтера: Siècle de Louis XIV", избралъ себѣ темою: „Вѣкъ Сезостриса". Тогда онъ въ первый разъ убѣдился, что „не имѣетъ никакихъ познаній, ни навыка разсуждать и писать". Освободившись отъ одного заблужденія, Гиббонъ впалъ въ другое: онъ предался занятіямъ теологіею, и послѣ нѣсколькихъ прочитанныхъ книгъ дошелъ до убѣжденія въ превосходствѣ католичества предъ англиканскою церковью и тайно перешелъ въ католичество. За это онъ былъ исключенъ изъ университета, а отецъ сослалъ его въ Лозанну къ протестантскому пастору для назиданія. Слѣдствіемъ пребыванія Гиббона въ Швейцаріи было примиреніе его съ англиканизмомъ и отцомъ, а главное — серьезное изученіе древнихъ языковъ и ознакомленіе съ новою континентальною литературою прошедшаго столѣтія. По собственному сознанію Гиббона, изученіе трехъ сочиненій образовало изъ него историка: 1) Паскаля, Lettres provinciales; 2) Жизнеописаніе Юліана, написанное аббатомъ La Bletterie, и 3) Исторія Неаполя, сочиненіе Giannone. Гиббонъ долго колебался въ выборѣ темы: то онъ хотѣлъ остановиться на исторіи похода Карла VIII въ Италію, то брался за исторію Швейцаріи, или останавливался на судьбахъ Флоренціи при Медичисахъ, наконецъ, чистый случай привелъ его къ темѣ, которая должна была составить всю его славу. Въ 1764 г. Гиббонъ предпринялъ путешествіе по Италіи и явился въ Римъ. „Въ Римѣ, пишетъ Гиббонъ, 15 октября 1764 г. сидя на развалинахъ Капитолія, я углубился въ мечты о древнемъ величіи Рима, а въ это самое время у моихъ ногъ католическіе монахи пѣли вечернюю молитву на развалинахъ храма Юпитера; въ такую-то минуту во мнѣ блеснула въ первый разъ мысль написать исторію разрушенія и паденія Рима".

Послѣ двухлѣтнихъ предварительныхъ работъ, по возвращеніи уже въ Англію, гдѣ умеръ въ то время его отецъ, Гиббонъ приступилъ къ тексту работы. „Сначала, говоритъ онъ, для меня самого все было сомнительно и темно, до самаго заглавія сочиненія, точнаго опредѣленія эпохи паденія римской имперіи, предѣловъ введенія, раздѣленія на главы и порядка разсказа. Послѣ семи лѣтъ труда, я былъ готовъ бросить всю работу. Стиль писателя есть изображеніе его духа; но выборъ и легкость выраженія пріобрѣтаются упражненіемъ. Мнѣ пришлось сдѣлать много предварительныхъ этюдовъ, прежде нежели я напалъ на тонъ, занимавшій средину между нелѣпою хроникою и риторическою декламаціею. Три раза я передѣлывалъ снова первую главу, два раза вторую и третью, и только тогда остался сколько-нибудь удовлетвореннымъ ими. Затѣмъ я подвигался ровнымъ и болѣе легкимъ шагомъ; но зато я долженъ былъ три раза возвращаться къ XV и XVI главамъ (о христіанствѣ и его отношеніи къ римскому правительству) и, наконецъ, успѣлъ сократить ихъ изъ толстаго тома въ тотъ объемъ, который онѣ представляютъ въ настоящее время". Первый томъ „Исторіи паденія римской имперіи" явился, послѣ 12 лѣтъ труда, въ 1776 г.; прошло 25 лѣтъ, когда Гиббонъ издалъ 6-й и послѣдній томъ, въ 1789 г. „Днемъ, говоритъ авторъ, или, лучше сказать,

ночью 27 іюня 1789 г., въ своемъ саду (въ Лозаннѣ) я дописывалъ послѣднія строчки послѣдней страницы. Положивъ перо, я прошелся по аллеѣ акацій, откуда видъ простирался и на поля, и на Женевское озеро, и на горы. Въ воздухѣ было тихо, небо ясно; серебряный щитъ луны отражался въ водѣ; повсюду царствовала тишина. Я не скрою своей первой радости въ ту минуту, когда возвращалась мнѣ свобода и, можетъ быть, возстановлялась моя репутація; но моя гордость скоро понизилась, и мною овладѣла печальная задумчивость при мысли, что я простился навсегда съ моимъ старымъ и пріятнымъ спутникомъ, и что какъ бы ни была продолжительна будущность моей исторіи, жизнь самого историка не могла уже быть длинною". Вскорѣ затѣмъ, въ 1794 г., Гиббонъ умеръ. *Исторія паденія римской имперіи* обнимаетъ собою судьбу римской имперіи отъ Антониновъ до паденія з. р. имперіи, и обзоръ судьбы, какъ восточной имперіи, такъ и германскихъ королевствъ, основанныхъ на развалинахъ з. р. имперіи, отъ 476 г. до завоеванія турками Византіи въ 1453 г.—Изъ переводовъ на французскій языкъ самый лучшій принадлежитъ M-me Guizot съ примѣчаніями самого Гизо къ XV и XVI главамъ, составляющимъ важнѣйшую часть труда; издано въ 13 т. въ 1828 г. Тотъ же переводъ съ исправленіями издалъ Buchon, въ 1835 г., въ 2 томахъ, въ Panthéon littéraire.

---

24. - Политическое состояніе христіанской общины, на Западѣ, въ эпоху паденія з. р. имперіи.

(Изъ переписки современниковъ, около 476 года).

I.

Сидоній—своему другу, Дамнулу, привѣтъ!

Я спѣшу подѣлиться съ тобою нашею великою радостью, и притомъ ты самъ желаешь знать, что̀ совершилъ нашъ отецъ во Христѣ, первосвященникъ (pontifex, такъ называли тогда многихъ епископовъ, изъ почтенія къ нимъ) Паціентъ, съ своимъ благочестіемъ и свойственною ему твердостью, во время пребыванія въ Шалонѣ (Cabillonum). Онъ прибылъ въ этотъ городъ, отчасти предшествуемый, отчасти сопровождаемый духовенствомъ провинціи, которое соединилось тогда для избранія епископа въ этой общинѣ, пошатнувшейся въ своей дисциплинѣ по удаленіи и смерти слишкомъ молодого епископа Павла. Синодъ духовныхъ нашелъ въ городѣ различныя партіи между жителями и частныя интриги, рождающіяся всегда въ ущербъ общему благу и вызванныя въ Шалонѣ тремя соискателями. Одинъ изъ нихъ, не обладая никакими добродѣтелями, указывалъ на древнюю знатность своего рода; другой, какъ новый Апицій, опирался на рукоплесканія и крики паразитовъ, подкупленныхъ его кухнею; а третій

обязывался, тайнымъ договоромъ, предать церковное имущество на разграбленіе своимъ партизанамъ (plausoribus suis).

Св. Паціентъ и св. Евфроній, презирая ненавистью и дружбой партій, рѣшились съ твердостью и строгостью приступить къ выполненію своего мудраго намѣренія, хорошо познакомившись съ положеніемъ вещей. Сначала они посовѣтовались съ своими собратіями—епископами, не объявляя о томъ публикѣ; а потомъ, не обращая вниманія на крики разъяренной толпы, они неожиданно возложили руки на святого человѣка Іоанна, извѣстнаго своею честностью, человѣколюбіемъ и кротостью, и который не только этого не подозрѣвалъ, но и не желалъ быть избраннымъ. Іоаннъ былъ чтецомъ (lector) и съ дѣтства находился при алтарѣ; потомъ, послѣ многихъ годовъ и трудовъ, его сдѣлали архидіакономъ. За его достоинства долго держали его въ этомъ чинѣ или званіи, и онъ не могъ повышаться, потому что всѣ хотѣли, чтобы онъ продолжалъ заниматься церковнымъ хозяйствомъ. При его маловажномъ чинѣ и среди разсвирѣпѣвшихъ партій, никто не говорилъ о человѣкѣ, который ничего не искалъ; но никто также не осмѣливался обвинять того, кто заслужилъ всеобщія похвалы. Къ великому удивленію всѣхъ партій, къ крайнему замѣшательству злонамѣренныхъ людей, при одобрительныхъ восклицаніяхъ всѣхъ честныхъ, безъ всякой оппозиціи, епископы и посвятили Іоанна себѣ въ сотоварищи... (Т. I, кн. IV, письмо 25, стр. 410).

II.

Сидоній—владыкѣ папѣ [1]), Перпетую, привѣтъ!

Въ своей любви къ назидательному чтенію, изучивъ всю библіотеку каѳолической церкви, и въ ея обоихъ завѣтахъ, и въ толкователяхъ къ нимъ, ты дошелъ до того, что пожелалъ наконецъ познакомиться и съ такими сочиненіями, которыя мало достойны и твоего слуха, и твоего суда. Такимъ образомъ, ты требуешь отъ меня теперь, чтобъ я прислалъ тебѣ ту рѣчь, съ которою я обратился, въ церкви, къ жителямъ города Буржа, рѣчь, въ которой нѣтъ ни приличнаго изящества и стройности риторическихъ подраздѣленій, ни пріемовъ ораторскаго искусства, ни грамматическихъ фигуръ; ибо при этомъ случаѣ я не могъ соединить вмѣстѣ, по общему обычаю ораторовъ, ни сильныхъ историческихъ доказательствъ, ни поэтическихъ вымысловъ, ни блестящей игры словъ. Заговоры, происки, различныя партіи увлекали меня, въ полномъ смыслѣ слова, и если случай доставлялъ мнѣ обильный матеріалъ, то дѣла не давали времени подумать

---

[1]) Титулъ *папы* давался въ то время весьма многимъ епископамъ и выражалъ одно личное уваженіе къ нимъ, а не степень какой-нибудь власти. Такъ, Перпетуй былъ простымъ епископомъ г. Тура, въ Галліи.

о немъ. Было такое множество соискателей епископскаго достоинства, что не хватало двухъ скамеекъ для кандидатовъ на одно мѣсто; всѣ были довольны только собою, никто не былъ доволенъ ими. Мы не могли ничего сдѣлать для общаго блага, если бы народъ, болѣе спокойный, не отказался отъ своего собственнаго рѣшенія для того, чтобы покориться рѣшенію епископовъ. Нѣкоторые духовные шептались по угламъ, но всенародно ни одинъ не говорилъ ни слова, потому что бо̀льшая часть боялась своего кружка не менѣе другихъ кружковъ. Прими же этотъ прилагаемый къ письму листокъ; я его продиктовалъ, Христосъ тому свидѣтель, въ двѣ стражи одной лѣтней ночи; но я боюсь, чтобы ты, читая его, не подумалъ чего, сверхъ того, что̀ я тебѣ говорю. Удостой, владыка папа, вспомнить обо мнѣ.

Рѣчь.

„Возлюбленные мои, свѣтская исторія повѣствуетъ, что одинъ философъ [1]) училъ своихъ учениковъ терпѣливому молчанію, прежде чѣмъ начиналъ объяснять имъ искусство рѣчи, и такимъ образомъ новички сохраняли, въ продолженіе пяти лѣтъ, строгое молчаніе, посреди преній своихъ соучениковъ, такъ что самые быстрые умы не могли быть восхваляемы прежде, чѣмъ пройдетъ достаточно времени для того, чтобы хорошо познакомиться съ ними... Что касается до меня, то мои слабыя силы подвержены совершенно иному условію: я вижу себя принужденнымъ, стоя на кривомъ распутьи жизни и надъ бездною порока, взять на себя обязанность наставника другихъ, тогда какъ я самъ еще не прошелъ смиренныхъ обязанностей ученика при какомъ либо почтенномъ человѣкѣ [2]). Къ моей слабости присоединяется крайнее замѣшательство; такъ какъ вамъ угодно было, чтобы я избралъ вамъ, съ помощью Христа, епископа, исполненнаго мудрости и въ лицѣ котораго соединились бы всевозможныя добродѣтели, то знайте, что ваше желаніе, дѣлая мнѣ честь, налагаетъ на меня еще большее бремя... Прежде всего, вы должны знать, какой потокъ оскорбленій ожидаетъ меня, и какой лай человѣческихъ голосовъ разразится также и противъ васъ со стороны толпы претендентовъ на епископство... Если я изберу кого-нибудь изъ монаховъ, будь онъ въ состояніи сравниться съ Павлами, Антоніями, Гиларіонами, Макаріями, я тотчасъ услышу, какъ вокругъ моихъ ушей раздастся громкій хохотъ толпы неблагородныхъ пигмеевъ, которые будутъ жаловаться, говоря: „тотъ, котораго тамъ избираютъ, исполняетъ должность не епископа, а аббата; онъ болѣе способенъ ходатайствовать за души предъ небеснымъ судіею, чѣмъ за наши дѣла предъ судьями земли“. Кто не былъ бы глубоко раздраженъ, видя, что нынѣ самыя истинныя добродѣтели вмѣняются

---

[1]) Пиѳагоръ.

[2]) Сидоній только-что былъ поставленъ епископомъ, въ концѣ 471 г.

въ порокъ? Если изберемъ смиреннаго человѣка, его назовутъ ничтожнымъ; если мы предложимъ человѣка съ характеромъ гордымъ, его назовутъ надменнымъ; если мы возьмемъ человѣка мало просвѣщеннаго, онъ прослыветъ за свое невѣжество смѣшнымъ; если, напротивъ, то будетъ ученый, его ученость заставитъ говорить, что онъ надутъ чванствомъ; если онъ строгъ, его будутъ ненавидѣть, какъ жестокаго; если онъ снисходителенъ, его обвинятъ въ излишней слабости; если онъ простъ, его будутъ презирать, какъ скота (brutus); если онъ исполненъ проницательности, его отвергнутъ, какъ хитреца; если онъ точенъ, его назовутъ мелочнымъ; если онъ поверхностенъ, его назовутъ небрежнымъ; если у него тонкій умъ, его объявятъ честолюбивымъ; если онъ спокоенъ, его будутъ считать лѣнивымъ; если онъ умѣренъ, его назовутъ скупцомъ; если онъ ѣстъ для того, чтобы жить, его обвинятъ въ обжорствѣ; если онъ постится, его обвинятъ въ ханжествѣ... Итакъ, какъ бы кто ни жилъ, всегда хорошее поведеніе и добрыя качества будутъ жертвою злыхъ языковъ, клеветниковъ, подобныхъ крючкамъ двуконечнымъ. И скажу болѣе, народъ съ своимъ упорствомъ, духовные съ своей распущенностью трудно покоряются монастырской дисциплинѣ.

„Если я укажу на лицо духовнаго званія, то посвященные послѣ него будутъ завидовать ему, а посвященные прежде очернятъ его; потому что между ними есть люди (да будетъ это сказано не въ оскорбленіе прочимъ), которые воображаютъ, что продолжительное исполненіе ими духовной должности есть единственное мѣрило достоинства, и которые, вслѣдствіе того захотятъ, чтобы при избраніи прелата мы принимали въ соображеніе не общее благо, а лѣта...

„Если я случайно назначу человѣка, занимавшаго военныя должности, то я услышу такія слова: „Сидоній не хочетъ избрать въ епископы человѣка духовнаго сословія, такъ какъ онъ самъ перешелъ въ духовное сословіе отъ свѣтскихъ должностей; гордый своимъ происхожденіемъ, поставленный на первую ступень знаками своего отличія, онъ презираетъ бѣдныхъ во-Христѣ“. Вотъ почему я представлю сію же минуту свидѣтельство о качествахъ избираемаго мною лица, что̀ необходимо не столько для великодушія добрыхъ людей, сколько для подозрительности злыхъ. Во имя св. Духа, нашего всемогущаго Бога, осудившаго, устами Петра, волхва Симона за то, что онъ думалъ, будто бы даръ благодати можетъ быть купленъ за деньги, я объявляю, что въ выборѣ человѣка, котораго я считаю достойнѣйшимъ, я не руководился ни деньгами, ни пристрастіемъ; и что, обсудивъ, насколько то было нужно, и даже болѣе того, каково это лицо, время, провинція и этотъ городъ, я рѣшилъ, что приличнѣе всего вамъ назначить человѣка, жизнь котораго я вамъ хочу привести на память въ нѣсколькихъ словахъ.

„Богомъ благословенный Симплицій соотвѣтствуетъ желаніямъ обоихъ сословій и по своему поведенію, и по своимъ занятіямъ; государство можетъ въ немъ найти, чему удивляться, церковь — за что цѣнить. Если мы должны уважать происхожденіе (а самъ Евангелистъ намъ доказалъ, что не должно отказывать въ этомъ уваженіи, ибо Лука, начиная похвальное слово Іоанну, очень цѣнилъ то, что

онъ происходилъ изъ левитскаго званія), то родители Симплиція занимали высокія мѣста въ церкви и въ судахъ; его фамилія была прославлена епископами и префектами: и такъ, его предки всегда могли предписывать законы, или божескіе, или человѣческіе. Что касается до него самого лично, то мы увидимъ, какое онъ занимаетъ мѣсто среди значительнѣйшихъ согражданъ. Вы мнѣ скажете, что Евхерій и Паннихій гораздо выше Симплиція; пусть это такъ было до сихъ поръ; но въ настоящемъ случаѣ они не могутъ быть допущены къ избранію, на основаніи каноновъ, потому что они оба вступили во второй бракъ. Если мы обратимъ вниманіе на лѣта Симплиція, то увидимъ, что онъ обладаетъ вмѣстѣ и дѣятельностью юноши, и благоразуміемъ старика. Если мы сравнимъ его образованность и прирожденные ему таланты, то въ немъ дары природы спорятъ съ ученостью (certat natura doctrinae). Если вы потребуете отъ него человѣколюбія, то онъ выказалъ его съ излишкомъ гражданамъ, духовнымъ, пилигримамъ, малымъ и большимъ; и его хлѣбъ чаще и больше всего былъ вкушаемъ тѣмъ, кто ему не долженъ былъ его возвращать. Если нужно было принять на себя посольство, то Симплицій не разъ являлся отъ имени вашего города предъ королями, покрытыми звѣринами шкурами, и государями, облеченными въ порфиру... Наконецъ, мои возлюбленные братья, Симплицій—это тотъ самый человѣкъ, который былъ брошенъ варварами въ темницу и увидѣлъ, по чуду небесъ, что двери ея, несмотря на то, что были крѣпко заперты, отворились сами собою... Я чуть не забылъ упомянуть о томъ, что̀ не слѣдуетъ пропускать. Уже давно, въ древнія времена Моисея, какъ говоритъ псалмопѣвецъ, когда нужно было соорудить скинію свидѣнія, то весь израиль въ степяхъ повергъ къ ногамъ Безеліила всѣ свои приношенія. Потомъ Соломонъ поднялъ всѣ силы народа для построенія храма Іерусалимскаго, хотя онъ уже имѣлъ въ своемъ распоряженіи дары царицы полуденной страны Сабы, богатства Палестины и дань сосѣднихъ царей. Симплицій, еще молодой человѣкъ, воинъ, слабый здоровьемъ, одинокій сынъ въ семействѣ и самъ уже отецъ, также построилъ вамъ церковь; онъ не былъ остановленъ въ своемъ благочестивомъ намѣреніи ни привязанностью стариковъ къ своимъ богатствамъ, ни заботою о своихъ маленькихъ дѣтяхъ; а, между тѣмъ, таково было его смиреніе, что онъ хранилъ молчаніе объ этомъ предметѣ. И въ самомъ дѣлѣ, если я не ошибаюсь, это человѣкъ, чуждый всякаго желанія быть популярнымъ; онъ не ищетъ расположенія всѣхъ, но только расположенія добрыхъ людей; онъ не унижается до неосторожной фамиліарности, но высоко цѣнитъ прочную дружбу... Наконецъ, его въ особенности нужно желать видѣть епископомъ, потому что онъ того нисколько не желаетъ, и заботится не столько о томъ, чтобы пріобрѣсть епископское достоинство, сколько о томъ, чтобы его заслужить.

„Мнѣ, можетъ быть, кто-нибудь скажетъ: „но какъ же ты въ такое короткое время узналъ такъ много объ этомъ человѣкѣ?“ Я ему отвѣчу: я зналъ жителей Буржа прежде, чѣмъ узналъ самый городъ. Я зналъ многихъ изъ нихъ при ихъ разъѣздахъ, въ военной службѣ, въ денежныхъ и дѣловыхъ сношеніяхъ, въ путешествіяхъ

ихъ, въ своихъ собственныхъ. Узнаёшь также многое изъ общественнаго мнѣнія, потому что добрая слава, по своей природѣ, не ограничивается узкими предѣлами отечества...

„Жена Симплиція происходитъ изъ фамиліи Палладіевъ, которые занимали ученыя каѳедры и служили при алтаряхъ, вызывая похвалу своихъ собратій; и такъ какъ о характерѣ почтенной женщины нельзя упоминать иначе, какъ скромно и коротко, то я ограничусь утвержденіемъ того, что эта женщина достойнымъ образомъ соотвѣтствуетъ заслугамъ и чести обѣихъ фамилій, и той, въ которой она родилась и выросла, и той, въ которую она вошла вслѣдствіе хорошаго выбора. Оба они воспитываютъ сыновей достойно и съ полнымъ благоразуміемъ; и отецъ, сравнивая ихъ съ собою, находитъ новый источникъ счастія въ томъ, въ чемъ дѣти уже теперь превосходятъ его.

„Такъ какъ вы клялись признать и принять выраженіе моей немощи, по случаю этого выбора, то во имя Отца и Сына и святого Духа я объявляю Симплиція долженствующимъ быть избраннымъ въ епископы нашей провинціи и первосвятителемъ вашего города; что же касается до васъ, то, если вы принимаете мое послѣднее рѣшеніе о человѣкѣ, о которомъ я вамъ теперь говорю, то подтвердите его сообразно съ вашими прежними обязательствами“.

Сидоній Аполлинарій.

Т. II, кн. VII, письмо 9, стр. 192.

См. примѣчаніе къ ст. 10.—Оба письма были писаны Сидоніемъ по поводу выборовъ въ епископы въ различныхъ городахъ Галліи, и служатъ вѣрнымъ изображеніемъ того послѣдующаго развитія, какое имѣла на западѣ автономія древней общины, въ которую начала вкрадываться та деморализація, которою страдало все свѣтское общество того времени, и о которой говоритъ Гиббонъ (ст. 23).

25.—Частная жизнь, занятія и нравы высшаго западнаго духовенства въ эпоху паденія З. Р. имперіи.

(Изъ переписки современниковъ около 480 года).

I.

Сидоній—своему другу, Льву, привѣтъ!

Я посылаю тебѣ, по твоей просьбѣ, жизнь Аполлонія Пиѳагорейца (Тіанскаго), не по тексту Никомаха старшаго, переписывавшаго ее изъ Филострата, но какъ Тасцій-Викторіанъ списалъ у Никомаха. Поспѣшность, съ которою я хотѣлъ выполнить твое желаніе, была причиною того, что я переписывалъ слишкомъ скоро и мало старательно. Не упрекай меня, если я при всемъ томъ употребилъ болѣе времени на эту работу, нежели думалъ, ибо когда я томился въ плѣну, въ стѣнахъ Ливіи (у Каркассона) — послѣ Христа, я тебѣ обязанъ своимъ освобожденіемъ — мой духъ, удрученный безпокойствомъ, могъ работать урывками; ночью я воздыхалъ, днемъ былъ обремененъ настоятельными обязанностями. Наконецъ, когда сумерки отрывали меня, утомленнаго усталостью, отъ различныхъ занятій, и я возвращался домой, мои глаза не имѣли возможности вкусить покоя: я осужденъ былъ выслушивать крики двухъ готскихъ старухъ (duae quaepiam Gothides anus), жившихъ по сосѣдству съ моей комнатой, вздорныхъ, пьяныхъ и отвратительныхъ, какихъ только можно встрѣтить.

По своемъ возвращеніи я нашелъ нѣсколько свободнаго времени, чтобы скорѣе препроводить къ тебѣ эту книгу, неподчищенную, полусырую и, какъ говорятъ, отзывающуюся новымъ виномъ, больше для того, чтобы удовлетворить твое желаніе, нежели исполнить свою обязанность. Итакъ, отложи въ сторону лавры Аполлона и покинь берега Иппокрены, забудь гармонію привычнаго тебѣ стиха, стиха, который у людей, ученыхъ какъ ты, льется, подобно струѣ, а не добывается трудомъ... Отложи и твои знаменитыя оды, въ которыхъ ты воспѣваешь своего короля, и въ которыхъ этотъ знаменитый государь то наводитъ ужасъ на народы, живущіе за морями, то побѣдоносный заключаетъ трактатъ о верхней Испаніи съ варварами, трепещущими его имени на берегахъ Ваала.

Теперь ты можешь почерпнуть, на свободѣ и удобно, изъ этой книги всѣ свѣдѣнія, какъ ты желалъ, и, предавшись вполнѣ ея чтенію, будешь, такъ сказать, странствовать вмѣстѣ съ философомъ Тіанскимъ, слѣдуя за нимъ то по Кавказу и Индіи, то къ гимнософистамъ Эѳіопіи и браминамъ Инда. Читай его жизнь и ты увидишь, что, за исключеніемъ каѳолической вѣры, она похожа на твою. Взыскиваемый богатыми, онъ не искалъ богатствъ; полный любви къ знанію, онъ

презиралъ золото, трезвый среди пировъ, онъ былъ одѣтъ въ простое полотно, когда окружавшіе его носили багряницу; среди изнѣженности, онъ оставался суровымъ; съ длинною бородою и съ всклоченными волосами онъ ходилъ среди тщательно раздушенныхъ людей, онъ отличался простотою и предъ королями въ тіарахъ, и среди сатраповъ, умащенныхъ и одѣтыхъ съ изысканностью... Сомнѣваюсь, безъ обиняковъ, чтобы между нашими предками могъ найтись авторъ, достойный описать жизнь Аполлонія, но, безъ сомнѣнія, наше время найдетъ тебя достойнымъ прочесть ее. Прощай. (Т. II, кн. VIII, письмо 3).

II.

Сидоній—своему другу, Ерифію, привѣтъ!

Ты, мой Ерифій, все тотъ же: никогда ни охота, ни городъ, ни поля не привлекаютъ тебя до такой степени, чтобы любовь къ литературѣ перестала владѣть тобою... Я послалъ тебѣ стихи, написанные мною по просьбѣ твоего тестя [1]), этого почтеннаго человѣка, который въ обществѣ равныхъ ему живетъ равно готовый повелѣвать и повиноваться. Но такъ какъ ты желаешь знать, гдѣ и по какому случаю были написаны тѣ стихи, чтобы лучше понять это маловажное произведеніе, то пеняй на себя, если предисловіе будетъ длиннѣе самого сочиненія.

Мы собрались у гробницы св. Юста [2]), между тѣмъ какъ болѣзнь препятствовала тебѣ присоединиться къ намъ. До наступленія дня мы совершили ежегодную процессію, при огромномъ стеченіи народа обоего пола, котораго не могли вмѣстить базилика и крипта, хотя онѣ окружены обширными портиками. Послѣ того, какъ монахи и бѣлое духовенство (clerici), воспѣвая поперемѣнно съ большимъ смиреніемъ псалмы, отслужили утреню (vigilia), всѣ разошлись въ разныя стороны, не отходя однакожъ далеко, чтобы быть наготовѣ къ терціямъ, когда священники должны совершать таинство. Тѣснота помѣщенія, народъ, толпившійся около насъ, и большое количество свѣчей душило всѣхъ; тяжелыя испаренія ночи, еще близкой къ лѣту, хотя смягчаемой первою свѣжестью осенней зари, еще болѣе нагрѣли это зданіе. Между тѣмъ какъ различные классы обществъ разсыпались въ разныя стороны, знатнѣйшіе граждане собрались у гробницы консула Сіагрія, которая была на разстояніи полета стрѣлы. Нѣкоторые сѣли подъ тѣнью бесѣдки, составленной изъ кольевъ, покрытыхъ зелеными вѣтвями винограда; мы легли на зеленой лужайкѣ, пропитанной благоуханіемъ цвѣтовъ. Разговоръ шелъ пріятно, весело, шутливо; между прочимъ (что̀ было всего пріятнѣе), не было

---

[1]) Филиматій.

[2]) Епископъ ліонскій, жившій въ концѣ IV вѣка. Память его празднуютъ 2 сентября.

и рѣчи о властяхъ, ни о податяхъ; не было ни слова, которое бы могло компрометировать, ни лица, которое могло бы быть компрометировано. Всякій, кто могъ красно разсказать занимательную исторію, былъ увѣренъ, что его выслушаютъ съ жадностью. Во всякомъ случаѣ, не было связныхъ разсказовъ, потому что веселость слушателей часто прерывала рѣчь. Утомленные наконецъ этимъ долгимъ отдохновеніемъ, мы захотѣли чѣмъ-нибудь заняться. Въ ту же минуту, раздѣлясь на двѣ партіи, смотря по лѣтамъ, одни требовали съ громкимъ крикомъ игру въ мячи (pila), другіе—столъ и кости (tabula). Что касается до меня, то я первый подалъ знакъ къ игрѣ въ мячи, которую, ты это знаешь, я люблю такъ же, какъ и книги. Съ другой стороны, братъ мой Домницій, человѣкъ чрезвычайно пріятный и веселый, овладѣлъ уже костями, потрясалъ ими и стучалъ рогомъ, какъ бы подавая знакъ трубою, чтобы созвать игроковъ. Что же касается до насъ, то мы играли много съ толпою школьниковъ, съ тѣмъ, чтобы расшевелить этимъ здоровымъ упражненіемъ бодрость нашихъ членовъ, онѣмѣвшихъ отъ долгаго отдохновенія. Самъ славный Филиматій, какъ говоритъ мантуанскій поэтъ:

Ausus et ipse manu juvenum tentare laborem—

постоянно вмѣшивался въ среду играющихъ въ мячи. Ему удавалась эта игра, когда онъ былъ помоложе; но такъ какъ его часто сталкивали съ средины, гдѣ стояли, толчкомъ бѣжавшаго игрока; такъ какъ, въ другой разъ, если онъ выступалъ на арену, онъ не могъ ни перерѣзать дороги, ни уклониться отъ летѣвшаго мимо или падавшаго на него мяча, и часто опрокидываемый съ трудомъ поднимался послѣ своего неловкаго паденія, то онъ первый оставилъ игру, тяжело вздыхая и очень разгоряченный: это упражненіе раздуло ему фибры печени, и онъ почувствовалъ колотья. Я тотчасъ же оставилъ игру, чтобы сдѣлать доброе дѣло — перестать въ одно время съ нимъ и избѣжать, подобно нашему брату, послѣдствій усталости. Мы снова сѣли, и вскорѣ потъ заставилъ его спросить воды, чтобы умыть лицо; ему принесли воды и вмѣстѣ полотенце, покрытое шерстью: оно, омытое отъ вчерашней грязи, было случайно повѣшено на веревкѣ, проходившей по блоку передъ двустворчатой дверью небольшого дома привратника. Отирая на досугѣ щеки, онъ сказалъ мнѣ: „мнѣ хотѣлось бы, чтобы ты продиктовалъ мнѣ четверостишіе на тряпку, которая оказала мнѣ эту услугу".—„Пожалуй", отвѣчалъ я.—„Но, прибавилъ онъ, чтобы мое имя помѣщено было въ этихъ стихахъ". Я отвѣчалъ ему, что его просьба удобоисполнима. — „Ну, сказалъ онъ, диктуй же!" Я ему отвѣтилъ тогда съ улыбкой: „но знай, что музы разгнѣваются, если я вздумаю вмѣшиваться въ ихъ хоръ при такомъ множествѣ свидѣтелей". — Тогда онъ мнѣ возразилъ очень живо и очень вѣжливо (это человѣкъ пылкій и неистощимый источникъ остротъ): „смотри, господинъ Соллій, чтобъ Аполлонъ не разсердился скорѣе, если ты попробуешь втайнѣ и одинъ обольщать его возлюбленныхъ питомицъ". Ты можешь посудить, какія рукоплесканія вызвалъ этотъ быстрый и остроумный отвѣтъ. Тогда, уже не медля

болѣе. я призвалъ его писца, который былъ невдалекѣ, съ дощечками въ рукахъ, и продиктовалъ ему слѣдующее четверостишіе:

„Въ одно утро, выходя изъ теплой бани, или когда охота увлажитъ чело, пусть прекрасный Филиматій найдетъ снова эту тряпку, чтобы осушить лицо, все въ поту, и влага пусть перейдетъ съ его чела въ эту шерсть, какъ въ глотку пьяницы“.

Лишь только нашъ Епифаній записалъ эти стихи, какъ намъ объявили, что часъ насталъ, когда епископъ выходитъ изъ своего мѣста, и мы тотчасъ встали.

Теперь, вы оба, не забудьте мнѣ секретно возвратить другое, болѣе обширное сочиненіе, которое вы просили меня написать въ формѣ параболы или какой-нибудь фигуры, противъ одного господина, который не можетъ переносить хорошихъ дней; вы получите ее завтра. Если оно вамъ понравится, возьмите его и публикуйте; въ противномъ же случаѣ, истребите и забудьте. Прощай.

Сидоній Аполлинарій.

Т. II, кн. V, письмо 17, стр. 52.

См. примѣчаніе къ ст. 10. Оба письма были писаны Сидоніемъ, какъ епископомъ: первое письмо было адресовано къ извѣстному въ то время римскому поэту Льву, жившему при дворѣ вестготскихъ королей, вскорѣ послѣ освобожденія Сидонія изъ плѣна. Предметъ переписки составляло жизнеописаніе Аполловія Тіанскаго, жившаго въ первомъ вѣкѣ; этотъ языческій философъ пріобрѣлъ въ свое время обширную извѣстность своею попыткою преобразовать моральный бытъ языческаго общества путемъ религіи, оставаясь притомъ вѣрнымъ отечественному культу. Изъ второго письма еще болѣе видно, какъ классическая древность и старыя общественныя привычки проникали въ высшее католическое духовенство, въ эпоху паденія з. р. имперіи, въ противоположность нравамъ и обычаямъ представителей древней христіанской общины, какъ оно изображено у Тертулліана. Такой переворотъ былъ слѣдствіемъ не деморализаціи самой общины, но измѣненіемъ ея отношеній къ высшему свѣтскому сословію имперіи: христіанскіе епископы, несмотря на отсутствіе оффиціальнаго характера, имѣли болѣе дѣйствительной власти надъ обществомъ, нежели самые агенты правительства, а потому высшая аристократія, какъ то представляетъ и Сидоній, старалась пріобрѣсть епископскія мѣста; вотъ отчего самое избраніе и жизнь такихъ епископовъ отразили на себѣ характеръ свѣтскаго сословія имперіи, съ его распущенною жизнью, его привычками и вмѣстѣ любовью къ изящной и философской литературѣ древняго римскаго общества. Но при всемъ томъ, высшее духовенство продолжало сохранять то же вліяніе на народныя массы, и, при разрушеніи свѣтскаго правительства имперіи, было въ то время единственною дѣйствительною властью.

26.—Отношеніе представителей религіознаго общества къ народнымъ массамъ въ эпоху паденія З. Р. Имперіи.

(591 г.)

Во второй годъ царствованія императоровъ Аркадія и Гонорія (397 г.) св. Мартинъ, епископъ турскій, прославившійся великими подвигами и святостью, облагодѣтельствовавшій тысячу несчастныхъ и безпомощныхъ, умеръ въ Кандахъ (при сліяніи р. Вьеннь и Лоары, около Тура), городѣ своей епархіи, на восемьдесятъ-первомъ году отъ рожденія, въ двадцать-шестой годъ своего епископскаго служенія, и отошелъ ко Христу. Онъ преставился въ воскресенье, въ полночь, въ годъ консульства Аттика и Цезаря. Во время его смерти многіе люди слышали въ небѣ пѣніе. Съ того времени, какъ святой Господа заболѣлъ въ городѣ Кандахъ, населеніе Пуату и Туреня собралось тамъ, чтобы присутствовать при его кончинѣ. Когда же онъ умеръ, между двумя населеніями поднялся сильный споръ. Жители Пуату говорили: „Онъ былъ у насъ монахомъ, а потомъ аббатомъ [1]; мы отдали его вамъ только на время, и потому требуемъ теперь назадъ. Будьте довольны и тѣмъ, что вы наслаждались его словомъ, въ то время, какъ онъ былъ при жизни епископомъ; что вы раздѣляли его трапезу, укрѣплялись его благословеніями и возбуждались его чудесами. Вы получили свою часть, а намъ предоставьте взять съ собою, по крайней мѣрѣ, его трупъ“. На это жители Тура отвѣчали: „Вы утверждаете, что чудеса, которыя онъ совершилъ у насъ, должны насъ удовлетворить; такъ знайте же, что пока онъ былъ между вами, онъ совершилъ ихъ въ гораздо большемъ числѣ; не говоря о другихъ случаяхъ, онъ воскресилъ у васъ двухъ мертвыхъ, у насъ одного; онъ самъ часто говаривалъ, что его даръ чудесъ былъ гораздо сильнѣе до принятія епископскаго сана. Богъ взялъ его отъ васъ и далъ намъ. Кромѣ того, если слѣдовать обычаю, установленному издревле, его могила должна быть, по божьему соизволенію, въ томъ городѣ, гдѣ онъ былъ посвященъ. И если вы требуете его обратно въ силу монастырскихъ привилегій, то знайте, что его первый монастырь былъ въ Миланѣ“. Во время этого спора солнце зашло и наступила ночь. Двери были заперты, а около тѣла расположились обѣ партіи на стражѣ, и изъ Тура, и изъ Пуатье; пуатвинцы могли бы, рано утромъ, легко похитить его силою, но всемогущій Богъ не попустилъ, чтобы городъ Туръ лишился своего патрона. Среди ночи вся толпа жителей Пуату была объята сномъ, такъ что ни одинъ изъ этого множества не бодрствовалъ. Жители Тура, увидя своихъ соперниковъ уснувшими, схватили поспѣшно земные останки св. Мартина: одни спускали тѣло въ окно, другіе, стоявшіе внѣ дома,

[1]) Онъ основалъ монастырь Ligugé около Пуатье.

принимали его; потомъ положили въ лодку и отправились съ нимъ внизъ по рѣкѣ Вьеннь. Приплывъ къ руслу Луары, они повернули къ городу Туру, съ громкимъ пѣніемъ гимновъ и псалмовъ. Жители же Пуату, разбуженные этими пѣснопѣніями и увидя сокровище, которое они стерегли, похищеннымъ, возвратились домой въ большомъ смущеніи.

Григорій Турскій.

Десять книгъ церков. истор. франковъ. I, 48 (43).

Григорій, епископъ Турскій (Gregorius Turonensis), жилъ и писалъ въ VI вѣкѣ, и, слѣдовательно, былъ весьма еще близокъ ко времени паденія з. р. имперіи.—См. о его жизни и сочиненіяхъ ниже, примѣчаніе къ ст. 74.

27.—Св. Северинъ и его отношеніе къ населенію римскихъ провинцій на Дунаѣ [1]).

(1860 г.).

На западномъ склонѣ горы Каленберга (у древнихъ mons Cettius), въ отлогости веселой долины, усаженной виноградомъ, и теперь еще показываютъ слѣды развалинъ старой кельи, вблизи которой возвышаются двѣ церкви при двухъ селеніяхъ, носящія имя св. Северина. Изрѣдка пилигримы, по преданію, направляются къ тѣмъ развалинамъ, которыя въ средніе вѣка собирали безчисленныхъ поклонниковъ, стекавшихся съ обоихъ береговъ Дуная, чтобъ посѣтить землю, по которой нѣкогда ходилъ великій апостолъ Норики. За четырнадцать вѣковъ, какъ и нынѣ, эти скаты были покрыты виноградниками, на что̀ указываетъ и старинное латинское названіе той мѣстности ad Vineas [2]); но, въ половинѣ V вѣка, около того времени, къ которому относится начало нашего разсказа, война уничтожила земледѣліе, разсѣяла жителей, и веселая долина обратилась въ пустыню. Впрочемъ, несмотря на то, она успѣла сдѣлаться средоточіемъ новаго правительства, котораго вліяніе простиралось на цѣлыя четыре провинціи и продолжалось около 28 лѣтъ; правительство оригинальное, основанное на общемъ согласіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ неограниченное; оно дѣйствовало только во имя Бога, и его кодексомъ были правила любви человѣка къ человѣку. То былъ деспотизмъ добровольный,

---

[1]) Пространство между Альпами и теченіемъ Дуная: Ретія, Норикъ и Паннонія, нынѣ в. часть Швейцаріи и южныя части Баваріи, Австріи и Венгріи съ Трансильваніею.

[2]) Т.-е. *при Виноградникахъ*.

которому Капиталіемъ служила келія, а деспотомъ былъ пустынникъ. Такъ какъ исторія этого страннаго правительства находится въ тѣсной связи съ событіями, совершавшимися въ центрѣ имперіи, то я изложу ее подробнѣе. Читатель увидитъ предъ собою картину бѣдствій, которыя постигали тогда, одну за другою, всѣ провинціи западной имперіи, и вмѣстѣ любопытный примѣръ тѣхъ временныхъ правительствъ, которыя въ ту эпоху возникали сами собою, естественно, изъ простой потребности какого-нибудь порядка, во время, переходное между правительствомъ римскимъ, уже отживавшимъ, и владычествомъ варваровъ, которое еще не утвердилось (между 452 и 476 г.).

Въ томъ году, который послѣдовалъ за смертью Аттилы (452 г.), среди ожесточенныхъ междоусобныхъ войнъ, которыя вели тогда на правомъ берегу Дуная сыновья и полководцы знаменитаго завоевателя, неизвѣстная до того времени личность явилась въ Панноніи. То былъ нѣкто Северинъ, прибывшій съ Востока. Между тѣмъ какъ сами жители Панноніи спѣшили оставлять страну свою, облитую кровью, Северинъ шелъ жить туда. И какъ будто бы именно то, что̀ составляло предметъ страха для другихъ, имѣло для него прелесть, онъ отправился въ самую безпокойную страну, на границу Панноніи и Норика, гдѣ самые жестокіе варвары избрали, повидимому, мѣсто своей дѣятельности.

Одежда Северина показывала величайшую нищету; такая внѣшность навлекала ему повсюду, куда онъ ни приходилъ, только недовѣріе и грубое обращеніе. Небольшой городокъ Астуръ, гдѣ онъ располагалъ-было поселиться, едва не затворилъ передъ нимъ воротъ. Астуръ былъ складочнымъ торговымъ мѣстомъ, важнымъ и богатымъ, на Дунаѣ, при входѣ въ длинное ущелье, которое извивается между рѣкою и послѣдними отраслями Цеттія. Пришлецъ не находилъ тамъ крова, который бы его пріютилъ; всѣ дома затворились передъ нищимъ и бродягою. Онъ подвергался опасности умереть съ голоду и холоду, если бы привратникъ церкви, человѣкъ, почти столько же бѣдный, какъ онъ самъ, не помѣстилъ его въ углу ограды храма, который составлялъ его собственное жилище. Изъ глубины-то этого жалкаго убѣжища Северинъ предпринялъ удивительное дѣло, черезъ которое онъ, при жизни своей, сталъ наравнѣ съ государями, ему современными, а послѣ смерти пріобрѣлъ уваженіе церкви и оставилъ добрую славу въ исторіи.

Северинъ могъ имѣть въ то время около 30 лѣтъ отъ роду. По правильному произношенію латинскихъ словъ легко было узнать въ немъ итальянца или, по крайней мѣрѣ, образованнаго римлянина западныхъ провинцій; его ласковое обращеніе, но чуждое фамиліарности, умѣніе держать себя съ достоинствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ скромно, все, наконецъ, въ немъ показывало привычки человѣка высшаго круга. Но глубокая тайна окружила навсегда его происхожденіе, его родъ, исторію прошлой его жизни; онъ не высказался никому, ни даже самымъ приближеннымъ ученикамъ. Можно было только догадываться по нѣкоторымъ словамъ, вырывавшимся у него въ минуты, когда онъ забывалъ свою всегдашнюю затаенность, что онъ еще въ ранней молодости получилъ непреодолимую страсть къ созерцатель-

ной жизни, оставилъ свой родной край и отправился на Востокъ, котораго всѣ главнѣйшіе города онъ посѣтилъ. Послѣ продолжительныхъ странствованій по морю и по сухому пути, послѣ многихъ опасностей, избѣгнутыхъ имъ чудеснымъ образомъ, онъ, по ясному внушенію внутренняго голоса, который онъ принялъ за предписаніе свыше возвратиться на Западъ, отправился въ Норику. Вотъ все, что̀ могли узнать о Северинѣ. На дальнѣйшіе разспросы о себѣ Северинъ обыкновенно отвѣчалъ веселыми шутками, за которыми иногда слѣдовали слова строгія, которыя могли остановить и пристыдить самое нескромное любопытство.

Слѣдующій разсказъ обнаружитъ, до какой степени простиралъ этотъ странный человѣкъ любовь къ таинственному, или, скорѣе, забвеніе самого себя и смиреніе. Въ позднѣйшее время, когда слава его имени и дѣяній наполнила всю Италію, одинъ знатный итальянскій духовный, Пирменій, наставникъ императора Августула, въ то время уже низложеннаго, убѣжалъ въ Паннонію и жилъ тамъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Северином и его учениками. Однажды, въ откровенномъ разговорѣ, Пирменій обратился къ Северину и рѣшился его спросить: „Скажи намъ, достопочтенный пастырь, изъ какой провинціи имперіи рука промысла божія удостоила привести тебя для прославленія здѣшняго края?“—„Если ты, отвѣчалъ Северинъ съ усмѣшкою, принимаешь меня за бѣглаго раба, то готовь поскорѣе выкупъ, на случай, если явится требовать головы мой господинъ“; потомъ, принявъ тотъ грустный и торжественный тонъ, который былъ ему болѣе свойственъ, онъ продолжалъ: „отечество, рожденіе, семейство—что это такое? Не служитъ ли все это прикрытіемъ гордости, и потому не лучше ли молчать о томъ? Для того, чтобы судить человѣка, который служитъ Богу, къ чему знать санъ, здѣсь имъ носимый? Желательнѣе знать, какое мѣсто достоинъ онъ будетъ занять тамъ, на небесахъ. Знай, впрочемъ, что то же божество, которое удостоило тебя быть его служителемъ, повелѣло мнѣ явиться въ эти страны на помощь людямъ страждущимъ“. Сказавъ это, Северинъ замолчалъ, и Пирменій не нашелся ничего ему возразить. „Съ того времени, говоритъ жизнеописатель святого—онъ же и его ученикъ—никто не смѣлъ болѣе касаться при немъ этого предмета“.

Назначеніе, которое Северинъ поставилъ себѣ цѣлью, какъ указанное ему свыше и которое пришлось ему выполнять въ странѣ Запада, бывшей преимущественно жертвою бѣдствій и безпорядковъ, одному, и безъ всякой другой опоры, кромѣ своего невозмутимаго убѣжденія, имѣло вмѣстѣ характеръ и религіозный, и политическій. Онъ старался возбудить къ жизни, силою покаянія, общество, которымъ уже овладѣвалъ холодъ смерти; поощрить къ дѣламъ милосердія людей, душами которыхъ овладѣлъ эгоизмъ; пробудить любовь къ отечеству именемъ Бога; однимъ словомъ, законъ религіозный водворить тамъ, гдѣ законъ человѣческій не имѣлъ болѣе силы. Не въ первый разъ, при послѣднихъ предсмертныхъ мученіяхъ римскаго міра, и съ цѣлью остановить его неизбѣжное, повидимому, разложеніе, пытались замѣнить правительство людей правленіемъ Бога, такъ какъ первое оказалось во всѣхъ отношеніяхъ несостоятельнымъ. Не разъ, и на

другихъ пунктахъ имперіи, новые преобразователи указывали на Евангеліе, какъ на единственное средство спасенія для народовъ, которые видѣли вокругъ себя паденіе одного за другимъ всѣхъ учрежденій человѣческихъ, и жили, можно сказать, со дня на день, подъ угрозами или мечемъ варваровъ. Въ положеніяхъ отчаянныхъ нравственное чувство цѣлыхъ обществъ искажается точно такъ же, какъ то же чувство отдѣльныхъ личностей. Какъ недѣлимый человѣкъ не можетъ вынести безпокойства и печали далѣе извѣстной мѣры безъ того, чтобы разсудокъ не начиналъ ему измѣнять, такъ и общества, будучи жертвою несчастій, которыхъ ни облегченія, ни конца они не видали, теряются и не находятъ болѣе точки опоры. Они становятся жертвою какого-то самозабвенія: идутъ ощупью, какъ бы въ совершенныхъ потемкахъ, и вмѣстѣ съ сознаніемъ обязанностей утрачиваютъ ясное понятіе о добрѣ и злѣ. То привязываясь къ земному, люди бросаются на все, что̀ есть только самаго сильнаго въ увлеченіяхъ чувствъ, съ цѣлью въ нѣсколько часовъ истощить жизнь, для которой *завтра* не существуетъ. То въ отчаяніи люди обращаются къ небу: въ надеждѣ или спасенія, или самозабвенія, прибѣгаютъ они къ суевѣріямъ, лишеннымъ смысла и даже чудовищнымъ, къ волшебствамъ, къ добровольнымъ истязаніямъ, даже къ самоубійству; потомъ, когда эти лихорадочныя увлеченія утихаютъ сами собою по недостатку для себя пищи, и тогда водворяется спокойствіе, но спокойствіе могилы: нравственное самоубійство довершено.

Британія, Галлія, Испанія представили міру, или еще представляли въ нѣкоторыхъ своихъ провинціяхъ, печальное зрѣлище отходившаго общества. Здѣсь, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ городахъ Испаніи, народы, подъ вліяніемъ звѣрскихъ страстей, бросались одинъ на другого съ цѣлью взаимнаго истребленія. Тамъ, какъ, напр., въ Трирѣ, люди, недостойные носить это имя, благородные, декуріоны, чиновники ожидали гибели своихъ родныхъ городовъ за столомъ, увѣнчанные цвѣтами и съ чашами въ рукахъ; ихъ благополучіе повидимому заключалось въ томъ, чтобы кровь свою пролить вмѣстѣ съ виномъ разбитыхъ сосудовъ. Были и другія безумства, и другія позорныя и преступныя дѣйствія. Въ Кукуллахъ, въ верхнемъ Норикѣ, часть жителей, отрекшись отъ христіанства — религіи, по ихъ мнѣнію, безсильной—одвимъ скачкомъ переступила предѣлы самого язычества, возвратясь къ жертвамъ человѣческимъ, какъ единственному средству умилостивить жестокую судьбу. Когда человѣкъ дошелъ до такой степени нравственнаго развращенія, то въ немъ не могло быть ни состраданія къ другимъ, ни внутренней энергіи. Гражданскія связи сдѣлались пустымъ словомъ; не существовали болѣе ни общество гражданское, ни законъ, ни отечество. Такіе признаки нравственной смерти обнаружились со всею силою въ провинціяхъ Верхняго-Дуная, которыя были подвержены варварскимъ нашествіямъ. „Самая крайность ихъ пороковъ и преступленій—говоритъ одинъ современникъ—довершала ихъ гибель. Безъ силы и взаимной опоры, они клонились къ паденію, какъ клонится хлѣбъ, подрѣзанный у корня, готовый упасть при малѣйшемъ вѣтрѣ“.

Северинъ взялся уврачевать эти невыразимыя страданія. Два ле-

карства были употреблены имъ: покаяніе, какъ средство возстановить падшее внутреннее достоинство человѣка, и милосердіе, которое, сближая людей и дѣлая ихъ взаимно необходимыми, служитъ лучшею основою гражданственной жизни. Поселясь у привратника церкви Астурской, Северинъ сталъ ходить по городу, проповѣдуя богатымъ воздержаніе и выпрашивая для бѣдныхъ одежду и хлѣбъ; вообще возбуждалъ онъ къ покаянію, молитвѣ, посту народонаселеніе, которое было жертвою самыхъ безразсудныхъ увлеченій. Онъ указывалъ ему орудіе гнѣва небеснаго въ этихъ варварахъ, которые день и ночь скитались около стѣнъ его. Странное зрѣлище представляли бѣдные, питаемые бѣднымъ, нищенствующимъ за нищихъ. Жалкій пустынникъ въ рубищѣ обращался съ уроками и угрозами къ великимъ земли и становился распорядителемъ ихъ образа жизни. Въ своей же собственной онъ подвергался лишеніямъ безпримѣрнымъ. Ему незнакомы были ни постель, ни обувь; онъ спалъ на землѣ въ власяницѣ, ходилъ босой по снѣгу и употреблялъ немного растительной пищи, и то разъ въ день. Когда ему ставили въ вину такую крайность лишеній, онъ отвѣчалъ: „я ихъ переношу, и Богъ даетъ мнѣ на то силу для того, чтобы я могъ служить вамъ примѣромъ“.

Самое духовенство не избѣгало его упрековъ, и не безъ основанія: его коснулось также разложеніе всего гражданскаго общества. На нравахъ духовенства отражалось сильно то общее разстройство, съ которымъ бороться поставилъ себѣ въ обязанность Северинъ. Если бы міряне не слушали его охотно, то духовенство рѣшилось бы бросить его въ волны Дуная, какъ новаго Іону, вмѣстѣ съ его пророчествами и власяницею. Однажды онъ возвѣстилъ въ церкви Астурской, что гнѣвъ Божій достигъ высшей степени, и что онъ готовъ разразиться ударомъ страшнымъ и быстрымъ, если не послѣдуетъ покаяніе скорое и чистосердечное. Онъ заклиналъ епископа, духовенство и народъ смириться, ни мало не медля, распростершись во прахѣ и слезахъ: „Варвары стоятъ у воротъ вашихъ — такъ твердилъ имъ Северинъ—и для того, чтобы сдѣлать вторженіе и взять все, что̀ вы имѣете, ждутъ только мановенія свыше, которое можетъ быть еще отвращено вашимъ раскаяніемъ“. Даже, какъ говоритъ преданіе, онъ назначилъ самый день и часъ, когда городъ долженъ былъ сдѣлаться жертвою опустошенія. Съ недовѣрчивымъ смѣхомъ встрѣчены были эти пророческія слова. Тогда Северинъ воскликнулъ внѣ себя: „И такъ, я ухожу, оставляя на неминуемую гибель этотъ городъ, который самъ идетъ на встрѣчу ей“. Онъ удалился, отрясая, какъ апостолъ, прахъ отъ ногъ своихъ; а жители Астура, освободясь отъ строгаго судьи ихъ образа жизни, предались съ новымъ жаромъ увлеченіямъ, для нихъ обычнымъ.

Выходя изъ этого мятежнаго города, Северинъ направился къ Комагенѣ, большому укрѣпленному городу, построенному у самой подошвы горы Цеттія. Съ трудомъ впустили его жители, полагая, что и безъ того уже довольно среди нихъ нищей братіи; но, войдя въ городъ, Северинъ щедро заплатилъ за гостепріимство услугами, полезными для сохраненія и безопасности города. Впрочемъ, воззваніе его къ покаянію встрѣтило и здѣсь такъ же мало отголоска,

какъ и въ другихъ мѣстахъ. Между тѣмъ, городъ Астуръ былъ взятъ и разграбленъ. Воспользовавшись тѣмъ днемъ, когда жители не думали о своей безопасности (вѣроятно, то былъ день какого-нибудь полуязыческаго празднества, которое обыкновенно оканчивалось попойкою), варвары улучили удобную минуту, разбили ворота, напали на жителей, убивая всѣхъ, кто имъ ни попадался на встрѣчу. Старый привратникъ церкви, вѣруя глубоко тому, что̀ говорилъ его прежній гость, былъ насторожѣ, и успѣлъ уйти въ Комагену. Нельзя было выразить чувство радости, которое онъ испыталъ, увидя того, кому обязанъ былъ своимъ спасеніемъ. Онъ разсказывалъ то, чему самъ былъ очевидцемъ въ Астурѣ, добрыя дѣла Северина, его предсказанія, которымъ никто не внялъ, но которыя осуществились такъ вѣрно; въ восторгѣ провозглашалъ онъ его святымъ и пророкомъ. Простодушное вѣрованіе этого человѣка увлекло всѣхъ другихъ. Его разсказы были огнемъ, котораго теплота разлилась по всему городу, и жители Комагены, подъ вліяніемъ безотчетнаго довѣрія, стали внимать тѣмъ внушеніямъ, которыми до того времени пренебрегали.

Эти событія надѣлали не мало шуму, и по всему Норику только и говорили, что о пророкѣ, который пришелъ съ Востока, о его сверхъестественномъ воздержаніи, о мудрости рѣчей его и вѣрности предсказаній. Со всѣхъ сторонъ сбѣгались и видѣть его, и слушать, спрашивали его мнѣнія о дѣлахъ общественныхъ, совѣщались даже въ дѣлахъ частныхъ, и совѣтамъ его, которые постоянно носили печать мудрости и опытности, внимали съ уваженіемъ. Скоро лица правительственныя, не довольствуясь заочными совѣтами святого, приглашали его въ стѣны своихъ городовъ. Они спорили, какъ о милости, о чести владѣть имъ, хотя бы то было на одинъ день. Они были убѣждены—такъ говоритъ его ученикъ и біографъ Евгиппій — что присутствіе его есть лучшая защита противъ всѣхъ опасностей. Городъ Фавіаны одинъ изъ первыхъ пригласилъ къ себѣ Северина; это случилось такъ.

Ежедневныя опустошенія варваровъ въ прибрежныхъ областяхъ Дуная уничтожили совершенно ихъ производительность; и эти прекрасныя равнины, которыя такъ славились своимъ плодородіемъ, не въ состояніи были даже продовольствовать своихъ жителей. Приходилось получать часть своего продовольствія отъ городовъ и областей, которые или лучше были защищены отъ безпрестанныхъ нашествій варваровъ, или лежали въ сторонѣ отъ пути ихъ переселеній. Долины Инна и Энса, особенно первая, сдѣлались житницею Нижняго-Норика. Случилось какъ-то одинъ годъ, что вслѣдствіе ранней зимы эта житница сдѣлалась совсѣмъ недоступна: Иннъ покрылся льдомъ ранѣе обыкновеннаго времени, и флотилія барокъ, нагруженныхъ хлѣбомъ и спускавшихся къ Дунаю, замерзла на дорогѣ. Немедленно во всѣхъ городахъ, расположенныхъ по Дунаю, обнаружилось безпокойство, такъ какъ запасы продовольствія приходили уже къ концу; количество хлѣба уменьшалось, наступили холода, и голодъ приближался быстрыми шагами. Фавіаны были менѣе всего приготовлены къ подобному происшествію, благодаря непредусмотрительности жителей и

беззаботности, или, правильнѣе сказать, безсилію властей. Въ хлѣбѣ собственно не было еще недостатка, но когда нужно было позаботиться о благоразумномъ распредѣленіи его между жителями, никто не распоряжался или, скорѣ, никто не слушался. Никакой полиціи въ городѣ, никакого порядка на рынкѣ. Каждый старался скрыть, какъ могъ, свой частный запасъ хлѣба; то же, что̀ поступало въ продажу, или что̀ чернь находила при своихъ насильственныхъ поискахъ, дѣлалось жертвою грабежа; безначаліе содѣйствовало усиленію ужасовъ голода.

При такомъ упадкѣ гражданскаго управленія, жители Фавіанъ вспомнили о Северинѣ, какъ о единственномъ человѣкѣ, который могъ помочь ихъ безвыходному положенію, и добрыми совѣтами, и властью, и наконецъ своими чудесными дарованіями, которыя приписывало ему общественное убѣжденіе. Правители, раздѣлявшіе съ жителями города ихъ вѣру въ Северина, умоляли его придти къ нимъ, на что̀ онъ и согласился. Появленіе Северина возстановило тотчасъ спокойствіе и порядокъ. Если не явную помощь съ неба принесъ съ собою человѣкъ божій, — такъ его называли, —то, по крайней мѣрѣ, предусмотрительность человѣческую и милосердіе. Онъ приказалъ сначала жителямъ объявить, сколько каждый изъ нихъ имѣлъ у себя хлѣба, и сложить всѣ запасы вмѣстѣ для того, чтобы и бѣдные могли имѣть въ нихъ свою часть; тогда послѣдніе перестали грабить, и рынки сдѣлались безопасными. Такъ распоряжался Северинъ отъ имени Бога, и повелѣнія его были исполняемы въ точности. Конечно, показанія владѣтелей о количествѣ хлѣба, который у нихъ находился, не всегда были чистосердечны; многіе граждане продолжали скрывать свои запасы: одни опасались сами дойти до недостатка, другіе поступали такъ изъ разсчета, чтобы дороже продать послѣ, когда наступитъ послѣдняя крайность.

Къ числу такихъ богатыхъ безъ сердца принадлежала вдова, именемъ Прокула, женщина знатнаго происхожденія; она съумѣла скрыть отъ всѣхъ большой запасъ хлѣба, зарытаго въ ея домѣ. Но каково же было ея удивленіе, когда Северинъ, которому вѣроятно дали тайно знать о томъ, публично обратился къ ней съ слѣдующими словами: „Прокула, какъ могло случиться, что ты, отрасль благороднаго рода, обратилась въ рабыню своей корысти? Апостолъ Павелъ говоритъ намъ, что корысть есть идолопоклонство, а ты добровольно сдѣлалась рабынею корыстолюбія. Выслушай, впрочемъ, то, что̀ я тебѣ скажу. Благодаря Господу, который смиловался надъ своими чадами, ты скоро не будешь знать, что̀ дѣлать съ запасами, которые ты бережешь такъ тщательно. Развѣ, сдѣлавшись болѣе сострадательною къ рыбамъ, чѣмъ къ людямъ, ты бросишь въ Дунай тотъ самый хлѣбъ, въ которомъ теперь отказываешь себѣ подобнымъ! Опомнись, пока есть еще время: раздай бѣднымъ какую-нибудь часть того, что̀ ты дерзаешь беречь для себя, между тѣмъ какъ Христосъ терпитъ голодъ. Этимъ ты принесешь себѣ больше пользы, чѣмъ другимъ“. Прокула, которая считала себя внѣ всякаго подозрѣнія, выслушала эти слова, какъ бы пораженная громомъ, тотчасъ побѣжала домой, отрыла свой хлѣбъ, вывезла его на базаръ, и часть

раздала неимущимъ. Нѣсколько дней спустя Иннъ вскрылся и суда съ хлѣбомъ пошли по Дунаю въ числѣ, достаточномъ для продовольствія всей страны. Извѣстили ли Северина заблаговременно о томъ, во всякомъ случаѣ, современники приписали откровенію свыше то что̀ пришлось такъ кстати. Между тѣмъ голодъ прекратился, благодаря предстательству Северина, и жители Фавіанъ почувствовали къ нему неизмѣнную привязанность. Северинъ съ своей стороны полюбилъ этотъ городъ, и рѣшился въ немъ остаться.

При томъ положеніе Фавіанъ вполнѣ соотвѣтствовало тому плану, который задумалъ Северинъ, а именно: соединить въ одно важнѣйшіе пункты провинцій Норика и Ретія для того, чтобы онѣ, подъ его управленіемъ, могли всѣ вмѣстѣ содѣйствовать общему дѣлу безопасности и человѣколюбія. Расположенный на Дунаѣ, всего въ 40 миляхъ отъ Пассау, имѣя, посредствомъ Дуная и его притоковъ, легкое и удобное сообщеніе со многими другими городами, Фавіаны представляли почти центральный пунктъ для союза, къ которому принадлежали бы города Комагена, Пассау, Лавреакъ, Тибурнія, Іоппія и другія мѣстности, лежавшія ниже по теченію. Дѣйствуя какъ завоеватель, который мало-по-малу подчиняетъ себѣ непріятельскую страну, Северинъ избралъ Фавіаны главною квартирою, откуда дѣятельность его могла бы распространяться удобно и быстро по обширной странѣ, которая простиралась отъ горы Цеттія къ Дунаю и отъ Дуная до Альпъ.

Города Норика и Ретія представляли всѣ, болѣе или менѣе, ту же картину совершеннаго безначалія, какъ и Астуръ и Фавіаны. Вездѣ правительственная машина или остановилась, или была повреждена. Высшіе сановники, военные и гражданскіе, намѣстники императоровъ, правители провинцій, пограничные графы, отступая передъ нашествіемъ варварскихъ дружинъ, ушли въ Италію съ большею частью гарнизоновъ, такъ что вся правительственная власть сосредоточилась въ рукахъ муниципальныхъ чиновниковъ. Всякое правильное ихъ сношеніе съ центральнымъ правительствомъ было прервано варварами, которые, спускаясь все ближе въ верхнія долины Альповъ, образовали собою цѣпь, отдѣлившую провинціи дунайскія отъ Италіи. Ни изъ Рима, ни изъ Равенны не получались ни указы, ни опредѣленія, и мѣстныя власти стали зависѣть только отъ самихъ себя; порядокъ судопроизводства былъ нарушенъ; ничто не обезпечивало исполненія законовъ гражданскихъ и административныхъ.

Въ военномъ отношеніи дѣла были еще хуже. Солдаты, остававшіеся отъ прежнихъ гарнизоновъ, были разсѣяны по укрѣпленнымъ городамъ и замкамъ для того, чтобы содѣйствовать жителямъ къ ихъ оборонѣ; но каждый изъ этихъ пунктовъ дѣйствовалъ отдѣльно: не было между ними ни единства власти, ни взаимнаго согласія. Вслѣдствіе прекращенія сношенія съ столицею солдатъ не получалъ исправно слѣдовавшаго ему жалованья, а вскорѣ и совсѣмъ остался безъ жалованья: новая причина безпорядковъ и смутъ. Гарнизонъ Лавреака, выведенный изъ терпѣнія подобными промедленіями, послалъ нѣсколько человѣкъ изъ своей среды въ Италію требовать не-

доплаченнаго жалованьи. Эти солдаты перешли Альпы безпрепятственно и успѣли въ томъ, что военные казначеи выплатили имъ то, что слѣдовало. Но на обратномъ пути они были ограблены варварами, которые ихъ умертвили, а тѣла побросали въ Энсъ. Воды рѣки принесли ихъ къ городу, котораго гарнизонъ узналъ такимъ образомъ о несчастной участи, постигшей его депутацію. Подобные случаи должны были повторяться не разъ. Въ этихъ обстоятельствахъ необходимо было, чтобы города, если они не желали видѣть защитниковъ своихъ умирающими съ голоду, сами принимали мѣры для снабженія ихъ съѣстными припасами и жалованьемъ. Отсюда возникали новыя затрудненія между жителями и войскомъ. Солдаты рѣдко находили достаточнымъ вознагражденіе за труды и пополняли его грабежомъ. Многія перешли къ варварамъ, другіе сдѣлались разбойниками. Собравъ около себя поселянъ, лишившихся собственности, и бродягъ разныхъ націй, они положили начало *скамарамъ* [1]), организированнымъ шайкамъ грабителей, которые были въ состояніи въ открытомъ полѣ сопротивляться регулярнымъ войскамъ, давать сраженія и договариваться съ римскими полководцами, какъ равный съ равнымъ. Такимъ-то образомъ сформировались эти грозныя шайки, предметъ ужаса для крестьянина Панноніи. Исторія изображаетъ намъ ихъ, какъ новый варварскій народъ, получившій свое начало въ лонѣ самой цивилизаціи.

Одни города сохраняли еще въ себѣ что-то похоже на порядокъ; въ деревняхъ его совсѣмъ не было; тамъ жили со-дня на день. Народонаселеніе, съ приближеніемъ опасности, удалялось съ своими стадами и движимостью за укрѣпленныя стѣны; по минованіи опасности оно возвращалось къ своимъ жилищамъ и занятіямъ. Нерѣдко жатва его была уже убрана варварами, житницы опустошены, самыя хижины обращены въ пепелъ. За отсутствіемъ властей законныхъ, правильно установленныхъ, въ городахъ возникли власти, утвердившіяся, какъ фактъ; въ нихъ господствовалъ безотчетно то здравый смыслъ, то капризъ народа. Высшая власть чаще всего попадала въ руки военачальника, представителя власти матеріальной, а иногда въ руки епископа, представителя нравственной силы. Случалось даже, что обѣ силы сосредоточивались въ одной личности: епископъ подпоясывался мечемъ, а трибунъ получалъ посохъ. Такъ случилось въ Фавіанахъ, гдѣ народъ избралъ епископомъ военачальника, трибуна Мамертина, за оказанныя имъ услуги. Мамертинъ былъ храбрый солдатъ; онъ дѣйствовалъ энергически противъ варваровъ, строго обходился съ войскомъ и кротко съ горожанами; это былъ человѣкъ справедливый и набожный, хотя смѣло можно сказать, что въ его рукахъ никогда не бывала книга литургіи. Но въ тѣхъ обстоятельствахъ онъ былъ отличнымъ епископомъ. Северина нѣсколько разъ убѣждали принять этотъ титулъ, и онъ постоянно отказывался; даже не хотѣлъ быть священникомъ, или по духу смиренія, или скорѣе потому, что осуществленіе предположеннаго имъ плана несовмѣстно было съ тѣс-

---

[1]) *Скамары* были на Дунаѣ тѣмъ же, чѣмъ были *багауды* въ Галліи.

нымъ кругомъ обязанностей пастыря, и съ необходимымъ подчиненіемъ волѣ высшаго духовенства.

Вездѣ, куда ни призывали Северина, гдѣ съ нимъ ни совѣтовались, и вездѣ, гдѣ онъ самъ начиналъ дѣйствовать, онъ былъ первымъ заступникомъ бѣдныхъ и плѣнныхъ, къ какой бы націи они ни принадлежали; онъ требовалъ, чтобы прежде всего ихъ обезпечивали пищею и одеждою. Въ самомъ дѣлѣ, эгоизмъ составлялъ глубокую язву, которою страдало въ самомъ сердцѣ это больное общество. Добродѣтель угасла въ душѣ и оставила широкое поле всѣмъ самымъ превратнымъ побужденіямъ. Между тѣмъ какъ богатый помышлялъ только о наслажденіи, бѣдный бѣжалъ къ скамарамъ и, съ мечомъ въ рукѣ, добывалъ тотъ хлѣбъ, въ которомъ ему отказывало общество. А потому настояла необходимость прежде всего сблизить людей, которые не могли обходиться одинъ безъ другого. По соглашенію съ правителями городовъ, Северинъ установилъ въ пользу бѣдныхъ налогъ —десятую часть жатвы и одеждъ. Въ случаѣ сопротивленія жителей Северинъ не щадилъ ни упрековъ, ни грозныхъ предсказаній, которыя и сбывались; весьма понятно, что тѣ мѣстности, гдѣ было менѣе порядка, дѣлались первыми жертвами варваровъ. Мало-по-малу этотъ налогъ принялъ характеръ обязательства не только нравственнаго, но и гражданскаго, отъ котораго никто больше не смѣлъ уклоняться.

Хлѣбъ, доставленный вслѣдствіе такихъ налоговъ, ссыпали въ житницы, одежды хранили въ магазинахъ; тѣ и другіе считались подъ особеннымъ покровительствомъ Бога, и управлялись въ каждой мѣстности, соотвѣтственно обстоятельствамъ. Северинъ завелъ, неподалеку отъ каждой изъ своихъ многочисленныхъ резиденцій, одно изъ такихъ складочныхъ мѣстъ, распоряженіе которымъ онъ взялъ самъ на себя, а впослѣдствіи, когда появились монастыри, ввѣрялъ одному изъ своихъ учениковъ. Такія складочныя мѣста находились обыкновенно внѣ городовъ, а иногда въ мѣстахъ, совершенно пустынныхъ, но они сдѣлались предметомъ святого уваженія. Ни римляне, ни варвары не осмѣливались наложить на нихъ руки; самые грабители щадили ихъ. Люди, которымъ поручено было собирать и распредѣлять десятину, считались столь же священными, какъ и самая десятина. Прибрежье Дуная, страна, которая наиболѣе подвергалась опустошеніямъ и бѣдствіямъ, получила большое облегченіе, вслѣдствіе учрежденія этихъ заведеній общественной благотворительности. Города Верхняго-Норика и Ретія сочли своею обязанностью, несмотря на отдаленность разстоянія, участвовать въ этихъ пожертвованіяхъ одеждами и съѣстными припасами. Горе тому, кто показывалъ равнодушіе къ дѣлу столь святому; наказаніе было близко! Разсказывали, что когда жители Тибурніи медлили выслать свою часть пожертвованія, которую настоятельно требовалъ св. Северинъ, онъ нетерпѣливо воскликнулъ: „они берутъ это для варваровъ!“ Въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько недѣль спустя, городъ былъ взятъ и разграбленъ готами. Такъ воображеніе народа окружало непосредственнымъ покровительствомъ неба дѣла живого и святого милосердія! Каждый день разсказъ о какомъ-нибудь удивительномъ случаѣ ободрялъ добрыхъ и

стращалъ злыхъ или равнодушныхъ; одинъ примѣръ дастъ намъ понятіе о прочихъ.

Какъ-то случилось одинъ годъ, что Верхній-Норикъ не доставилъ во̀-время слѣдовавшаго съ него сбора одеждъ. Наступила уже зима, и холодъ свирѣпствовалъ съ необыкновенною силою. Наконецъ сборъ былъ оконченъ, и надобно было препроводить его въ келью святого, но такой переѣздъ представлялъ большія затрудненія: горы, отдѣлявшія Верхній-Норикъ отъ равнинъ Дуная, вообще были весьма трудны для путешествія во всякое время, но въ ту пору года представляли даже большія опасности. Несмотря на то, одинъ гражданинъ, по имени Максимъ, съ самоотверженіемъ взялся за это дѣло; онъ нанялъ большое количество чернорабочихъ, которые, навьючивъ себѣ поклажу на спину, отправились съ нимъ вмѣстѣ въ путь. Сначала небольшой этотъ караванъ безъ особеннаго затрудненія взобрался по южному скату возвышеній до самой вершины; но когда онъ достигъ ее и искалъ тутъ пріюта, случилась снѣжная метель, которая заставила путниковъ остановиться. Они укрылись подъ огромнымъ деревомъ, котораго нависшія вѣтви представляли имъ нѣкотораго рода защиту. Между тѣмъ наступила ночь и, подъ вліяніемъ усталости, путники заснули. Пробудясь отъ сна, они увидѣли, что снѣгъ, который не переставалъ идти въ продолженіе всей ночи, образовалъ около нихъ стѣну, и что они заключены на днѣ глубокаго рва. Съ трудомъ вышли они оттуда, но какъ найти дорогу? А посреди окружавшихъ ихъ пропастей малѣйшій неудачный шагъ угрожалъ неминуемою гибелью. Уже отчаяніе начинало овладѣвать душою путниковъ, какъ вдругъ огромный медвѣдь, вышедшій изъ пещеры, пошелъ медленно по тому направленію, по которому надлежало слѣдовать путникамъ. Разсматривая слѣды медвѣдя, они увидѣли, что онъ идетъ по торной дорогѣ, а потому пошли за нимъ съ полнымъ довѣріемъ, какъ за путеводителемъ, посланнымъ небомъ. Благодаря такому странному проводнику, Максимъ и его спутники благополучно миновали всѣ затрудненія горнаго пути, и здравые и невредимые достигли убѣжища святого. Вотъ что̀ разсказывали по всей Панноніи: и неблагоразумно было бы увѣрять крестьянъ Норика, что этотъ медвѣдь могъ явиться случайно, что врядъ ли онъ шелъ постоянно въ нѣсколькихъ шагахъ отъ путниковъ, какъ то дѣлаетъ внимательный проводникъ, и что, наконецъ, медвѣдь не провожалъ ихъ на всемъ разстояніи двухъ сотъ миль до самаго жилища отшельника.

Умъ Северина, въ высшей степени практическій, обнималъ самыя разнообразныя нужды общества; можно было сказать, что онъ все видѣлъ, все испыталъ; и когда представлялась необходимость, онъ умѣлъ устроить и военную засаду, и приготовить нечаянное нападеніе, съ тѣмъ же знаніемъ дѣла, съ какимъ устроивалъ обычныя монастырскія занятія. Чудесное предвидѣніе, которымъ онъ былъ одаренъ, указывало ему во всѣхъ случаяхъ, и безъ колебанія, наилучшую мѣру. Одинъ случай незначительный, котораго свидѣтелемъ былъ городъ Фавіаны, дастъ намъ понятіе о томъ вѣрномъ и быстромъ соображеніи Северина, которое народу легко могло показаться чѣмъ-то

сверхъестественнымъ, и которое придавало его малѣйшимъ распоряженіямъ авторитетъ неопровержимый и почти божественный.

Шайка разбойниковъ-варваровъ бросилась однажды на окрестности города Фавіанъ, отстоявшія довольно далеко отъ укрѣпленій городскихъ, и потому гарнизонъ города ничего не зналъ о томъ. Шайка разбойниковъ была многочисленна, хорошо вооружена, готова на все, и ея путь вездѣ обозначался ужасными опустошеніями. Жилища были разграблены, стада угнаны; жители увлечены въ рабство съ женами и дѣтьми. Все это произошло такъ неожиданно, такъ поспѣшно, что извѣстіе о несчастіи пришло въ Фавіаны только тогда, когда нѣсколько плѣнныхъ, разорвавшихъ свои цѣпи, явились въ городъ; между тѣмъ грабители отступали, обремененные добычею. Несчастные обратились, по обыкновенію, прямо къ Северину: „Божій человѣкъ, говорили они, обнимая его колѣни, возврати намъ братьевъ нашихъ, которыхъ увели варвары; освободи женъ нашихъ и дѣтей изъ самаго ненавистнаго рабства!“

Пустынникъ велѣлъ имъ разсказать подробно все, что̀ съ ними случилось; онъ развѣдалъ о числѣ грабителей, о дорогѣ, по которой они двинулись, о количествѣ добычи, которую они влекли за собою. Развѣдавъ обо всемъ, онъ успокоилъ поселянъ: „Имѣйте вѣру въ Бога, повторялъ онъ имъ; тѣ, кого вы оплакиваете, будутъ вамъ возвращены!“ Не теряя ни минуты, онъ отправляется къ Мамертину, который командовалъ гарнизономъ города, какъ я говорилъ о томъ выше, и разсказываетъ ему то, что̀ узналъ: „Какимъ числомъ воиновъ можешь ты располагать для того, чтобы напасть на этихъ грабителей и освободить ихъ плѣнныхъ?“ спросилъ онъ у трибуна. — „У меня, отвѣчалъ тотъ, горсть людей, да и тѣ едва вооружены; что касается до меня, то я никогда не рѣшусь съ подобнымъ отрядомъ бороться противъ такихъ силъ непріятеля. Но если ты прикажешь, достопочтенный отецъ, то я смѣло пойду, убѣжденный, что твои молитвы доставятъ мнѣ побѣду“.—„Ты говоришь правду,—возразилъ Северинъ: —тотъ, кто имѣетъ за себя Господа Бога, не долженъ думать ни о числѣ, ни о храбрости враговъ. А потому во имя божіе, ступай немедленно, иди смѣло; недостатокъ оружія твоихъ воиновъ пополнятъ сами враги. Для меня же побереги только тѣхъ варваровъ, которые попадутъ тебѣ въ руки: они составятъ мою долю добычи“.

Трибунъ выслушалъ планъ атаки, задуманный Северином, по разсказу поселянъ; онъ его одобрилъ, собралъ свой небольшой отрядъ, къ которому присоединилось нѣсколько горожанъ, и двинулся въ путь. Въ двухъ миляхъ отъ города протекала небольшая рѣчка называемая Дикунція; въ извилистомъ своемъ теченіи она омывала, предъ впаденіемъ въ Дунай, широкій лугъ. Казалось, сама природа назначала это мѣсто для привала. Северинъ основательно предполагалъ, что грабители, судя по времени, должны остановиться именно тамъ, съ цѣлью какъ раздѣлить добычу, такъ и воспользоваться награбленными припасами. Мамертинъ поспѣшно туда отправился, и дѣйствительно засталъ грабителей среди настоящей оргіи; одни насыщали себя пищею и виномъ, а другіе были уже пьяны и спали на травѣ. Разбросанное ихъ оружіе лежало тамъ и сямъ въ безпо-

рядкѣ на лугу. Съ появленіемъ трибуна всѣ, кто могъ спастись, бросились бѣжать, и не подумавъ о сопротивленіи; оставалось снять цѣпи съ плѣнныхъ римскихъ для того только, чтобы надѣть ихъ на шею другихъ. Возвращеніе Мамертина въ Фавіаны было настоящимъ торжествомъ. И воины, и поселяне принесли, вмѣстѣ съ отбитымъ у непріятеля имуществомъ, столь огромное количество копій и стрѣлъ, что ими можно было вооружить цѣлый городъ. Трибунъ, исполняя данное имъ обѣщаніе, привелъ къ Северину всѣхъ плѣнныхъ варваровъ. Северинъ возвратилъ имъ свободу: „Ступайте къ своимъ товарищамъ, сказалъ онъ имъ, разскажите имъ все, чего вы были свидѣтелями. Народъ, которому покровительствуетъ Богъ, не долженъ опасаться тѣхъ, которые на него нападаютъ: непріятель считалъ себя побѣдителемъ; теперь онъ побѣжденъ, и его собственное оружіе обратилось противъ него. Богъ принялъ этотъ городъ подъ свою защиту, и пусть ваши сообщники не приближаются къ нему“. Урокъ былъ тяжелъ, и святой Северинъ сдѣлался настолько же грозою скамаровъ, насколько предметомъ уваженія римлянъ.

Дни и ночи проводилъ Северинъ въ подобныхъ тяжкихъ трудахъ, какъ вдругъ овладѣло имъ внутреннее смущеніе; онъ усталъ отъ этой жизни, полной волненій, и любимая страсть его молодости къ уединенію заговорила въ немъ съ прежнею силою. Ея привлекательный для него образъ возникъ передъ нимъ, и манилъ его своею суровою прелестью, продолжительными постами, бодрствованіями, долгими молитвами, смиреніемъ духа, лицомъ къ лицу съ могуществомъ божіимъ. Северинъ не въ силахъ былъ сопротивляться своему призванію, и еще разъ подпалъ искушенію одиночества. Однажды онъ ушелъ изъ Фавіанъ, тщательно скрываясь отъ всѣхъ поисковъ; и когда его нашли, онъ жилъ въ долинѣ у горы Цеттія, о которой я говорилъ, подлѣ *страны Виноградниковъ,* въ кельѣ, которую онъ построилъ своими собственными руками. Онъ тамъ оставался въ продолженіе нѣкотораго времени, не уступая никакимъ убѣжденіямъ; потомъ онъ возвратился въ Фавіаны, утверждая, что Богъ изгналъ его изъ пустыни и велѣлъ ему возвратиться въ міръ. Къ этому присовокуплялъ Северинъ, что онъ получилъ повелѣніе свыше—основать монастырь недалеко отъ Фавіанъ.

Возвращеніе Северина въ Фавіаны было празднуемо, какъ счастливое событіе для города. Въ надеждѣ привязать его навсегда къ себѣ, жители принялись съ усердіемъ строить монастырь, который составлялъ предметъ желаній Северина. Каждый старался содѣйствовать этому предпріятію по мѣрѣ силъ: богатый—кошелькомъ, а бѣдный своими руками, и святой храмъ возникъ почти внезапно, какъ бы чудомъ. Онъ стоялъ, согласно желанію Северина, въ недальнемъ разстояніи отъ стѣнъ Фавіанъ, при небольшомъ заливѣ Дуная, образовавшемъ естественный портъ, гдѣ много барокъ могло стоять на якорѣ, служа монастырю. Тамъ и среди учениковъ Северинъ велъ жизнь отдѣльную, исполненную такихъ лишеній и строгостей, которыя онъ только одинъ могъ перенести. Отъ времени до времени, когда настоятельнѣе проявлялась въ немъ потребность уединенія, онъ удалялся на гору Цеттій, въ свою келью *Виноградниковъ.* Тамъ онъ

жилъ и умеръ, волнуемый двумя противоположными страстями, одинаково требовательными: безконечною дѣятельностью среди людей и крайнимъ успокоеніемъ предъ лицомъ божіимъ.

Монастырь Северина быстро наполнился молодыми людьми, которые привлечены были славою основателя; съ жаромъ и смиреніемъ сдѣлались они орудіемъ его подвиговъ. Северинъ получилъ столько хорошихъ плодовъ отъ этого перваго своего учрежденія, что не замедлилъ основать еще монастырь въ городѣ Пассау, самомъ важномъ въ Западномъ-Норикѣ. Этотъ второй монастырь былъ названъ *Малымъ* въ противоположность Фавіанскому, который всегда оставался самымъ значительнымъ и назывался *Большимъ*. Когда эти два монастыря были основаны, дѣятельность реформатора въ дунайскихъ провинціяхъ приняла форму и опредѣленность настоящаго правительства. Сношенія съ Верхнимъ-Дунаемъ и долинами Инна и Энса сосредоточивались въ Пассау, а восточнаго края въ Фавіанахъ; изъ этихъ двухъ центральныхъ пунктовъ расходились распоряженія и приказы. Сообщеніе между ними производилось по Дунаю. Такое новое устройство заставило Северина дѣлить свое время между Пассау и Фавіанами; но этотъ послѣдній городъ и его *Большой* монастырь были постоянно его любимымъ мѣстопребываніемъ. Въ Пассау, какъ и въ Фавіанахъ, Северинъ ощущалъ нужду въ одномъ изъ тѣхъ убѣжищъ, гдѣ онъ заключался время отъ времени и откуда выносилъ свои спасительныя и плодотворныя вдохновенія; онъ построилъ себѣ вторую келью, мѣсто которой, думаютъ, находится поблизости Инштадта.

Между мірянами, какъ и въ городахъ, такъ и въ селахъ, Северинъ встрѣчалъ совершенное повиновеніе его волѣ и полное вѣрованіе въ его призваніе; эти люди составляли его вѣрныхъ и его народъ. Что же касается до духовенства, то оно, или завидуя его вліянію, или мстя за строгія наставленія, которыхъ святой не щадилъ для него, смотрѣло на него недоброжелательно и, за исключеніемъ немногихъ епископовъ, которые были его чистосердечными и явными приверженцами, миссіонеръ встрѣтилъ въ духовенствѣ болѣе противодѣйствія, чѣмъ содѣйствія. Въ такомъ дѣлѣ, какъ дѣло Северина, въ реформѣ общества посредствомъ религіи, первая роль должна была принадлежать духовенству, которое жизнью своею обязано служить примѣромъ для народа; испорченность нравовъ, вкравшаяся повсюду, проникла и въ духовенство. А потому Северинъ обращалъ всю свою строгость на духовныхъ; онъ проповѣдывалъ имъ постоянно покаяніе и, входя въ церкви, вносилъ туда съ собою примѣръ лишеній, постовъ, истязаній всякаго рода. Такимъ образомъ, большинство духовенства съ ужасомъ ожидало появленія Северина и съ радостью минуты его удаленія. Однажды онъ оставлялъ Пассау для того, чтобы, по просьбѣ жителей города, установить торговыя сношенія съ королемъ алемановъ; его сопровождали епископъ и духовенство до баптистерія. По этому поводу одинъ изъ священниковъ обратился къ Северину съ такимъ страннымъ привѣтствіемъ: „Ступай, святой человѣкъ, иди скорѣе отсюда; дай намъ хоть сколько-нибудь отдохнуть отъ тѣхъ постовъ и бдѣній, которыми твое присутствіе насъ награждало!“

Посольство Северина не имѣло успѣха; во время его отсутствія Гунимундъ, король свевовъ, давно уже подстерегавшій случай проникнуть въ Пассау, овладѣлъ внезапно воротами въ то время, когда жители занимались въ поляхъ уборкою хлѣба. Онъ разграбилъ весь городъ и самую церковь. Тотъ самый священникъ, который такъ дерзко выразилъ свою радость въ баптистеріи, попытался-было спрятаться, но былъ найденъ и убитъ варварами. Трагическій его конецъ явился для всѣхъ достойнымъ наказаніемъ за его неуваженіе къ Северину. Въ другомъ городѣ жители получили отъ Северина совѣтъ выселиться тотчасъ, и съ своими семействами отправиться въ другое мѣсто, вслѣдствіе приближенія геруловъ; одинъ священникъ насмѣялся всенародно надъ пророкомъ и его предсказаніями. Онъ не только отказался удалиться, но и удержалъ всѣхъ тѣхъ изъ жителей, кого только могъ, не исключая и гонца, который принесъ письмо отъ Северина. Герулы между тѣмъ пришли, и первымъ дѣломъ ихъ было повѣсить сомнѣвавшагося священника.

Все это доказываетъ, что новое и случайное правительство придунайскихъ провинцій должно было дѣйствовать въ виду варваровъ и, такъ сказать, подъ ихъ мечомъ; такимъ образомъ, реформа, задуманная Севериномъ, была не больше какъ только половиною его дѣла. Ему было необходимо защищать и отъ внѣшнихъ непріятелей, постоянно находившихся настороже, то общество, которое онъ пытался защитить отъ внутренняго врага — деморализаціи. Северинъ долженъ былъ позаботиться о мирѣ со стороны варваровъ, для успокоенія жителей римскихъ провинцій, для успѣха предпринятаго имъ дѣла, наконецъ для самого себя. Можетъ быть, эта вторая половина его обязанностей представляла еще болѣе трудностей и опасностей, чѣмъ первая. Во всякомъ случаѣ, она подала поводъ преобразователю обнаружить еще съ бо̀льшимъ блескомъ тѣ удивительныя способности, которыми провидѣніе его наградило, и то непреодолимое вліяніе, которому онъ умѣлъ подчинять людей. Отношенія Северина къ народамъ и королямъ варварскимъ придали этой личности V-го вѣка характеръ политическій и жизнь его стала въ тѣсной связи съ исторіею западной имперіи.

Амед. Тьерри.

Récits de l'hist. rom. au V siècle.
Par. 1860, стр. 141—171.

Амедей Тьерри (Amédée Thierry, род. въ Блуа, 1797 г.) началъ свое поприще, подобно старшему брату, Августину Тьерри (см. о немъ ниже, примѣч. къ стр. 67), дѣятельностью преподавателя въ одной изъ французскихъ провинцій. Но вскорѣ они оба оставили только-что открытое ими поприще и исключительно предались литературнымъ занятіямъ. Результатомъ первыхъ его трудовъ было главное его произведеніе: Histoire des Gaulois (въ 3 том.) Par. 1828. Въ вознагражденіе за такую замѣчательную работу, Амед. Тьерри по-

лучилъ каѳедру исторіи въ факультетѣ г. Безансона; но опасеніе его популярности, при ожидаемомъ тогда политическомъ переворотѣ, было причиною прекращенія его лекцій. Зато правительство, послѣдовавшее за іюльскою революціею, призвало его къ новой дѣятельности и назначило префектомъ департамента Верхней-Соны (Haute Saône); Амед. Тьерри обнаружилъ и при этомъ блестящія дарованія администратора. Февральская революція не измѣнила его служебнаго поприща, а новое императорское правительство возвысило Тьерри въ званіе сенатора (1860).

Практическая дѣятельность не прерывала его ученыхъ занятій: въ 1842 г. Ам. Тьерри окончилъ изданіе своей *Histoire de la Gaule sous l'administration romaine*, которая служила продолженіемъ и дополненіемъ вышеупомянутаго труда. Къ послѣднимъ его историческимъ трудамъ относятся. 1. Histoire d'Attila et de ses successeurs en Europe, suivie des Légendes et Traditions; 2 vols.; и 2. Récits de l'histoire romaine au V siècle (derniers temps de l'empire d'Occident). 1 vol. Къ не менѣе замѣчательнымъ произведеніямъ Ам. Тьерри принадлежитъ: Tableau de l'empire romain, depuis la fondation de Rome jusqu'à la fin du gouvernement impérial en Occident. 1 vol.

28.—Отношеніе представителей религіознаго общества къ варварамъ-завоевателямъ въ эпоху паденія З. Р. Имперіи.

(1836 г.).

Безпримѣрное разореніе, результатъ вторженій и побѣдъ варваровъ въ V вѣкѣ, не только перевернуло въ римскомъ обществѣ всѣ интересы, смирило тщеславіе во всѣхъ его видахъ, отяготило всѣ сословія всякаго рода несчастіями и бѣдствіями, но оно сильно потрясло воображеніе людей; оно забросило въ ихъ душу гибельныя сомнѣнія, мрачные взгляды на будущее, горькое сожалѣніе о прошломъ; оно сильно потрясло христіанскія убѣжденія, недостаточно укоренившіяся, особенно по отношенію къ вопросамъ о міроуправленіи, объ участіи провидѣнія въ земныхъ событіяхъ нашего міра, направляемыхъ его верховнымъ разумомъ и справедливостью. Христіане не знали, какъ согласить съ такимъ міроправленіемъ безмѣрныя и безчисленныя бѣдствія, которыя рѣзко измѣняли поверхность міра и, казалось, предавали варварству результаты, накопленные цивилизаціею всего человѣческаго рода.

Что касается до язычниковъ, то они менѣе затруднялись такими вопросами; они рѣшительно видѣли въ современныхъ имъ бѣдствіяхъ слѣдствія и наказаніе за оставленіе древняго культа, и чистосердечно приписывали христіанству всѣ поношенія, несчастія и бѣдствія имперіи. Такіе возгласы язычества раздались среди ужасовъ вторженія Радагайза; они удвоились послѣ взятія Рима Аларикомъ, и послѣдующія

затѣмъ событія были не таковы, чтобы могли заставить язычниковъ молчать.

Церковь, почти одинаково тревожимая и проклятіями своихъ противниковъ, и сомнѣніями своихъ собственныхъ чадъ, не могла не рѣшиться взять на себя объясненіе того, что̀ безпокоило тѣхъ и другихъ, и доказать, по возможности, что всѣ несчастія имперіи и успѣхи варваровъ не представляли ничего несовмѣстнаго съ ученіемъ о промыслѣ божіемъ и его міроправленіи. Задача была не легка; но она не превышала силъ того генія, который первый взялъ на себя рѣшеніе ея. Это былъ св. Августинъ. Стремясь къ выполненію своей высокой задачи, знаменитый епископъ началъ, съ 413 года, три года спустя послѣ взятія Рима, писать свое обширное и славное твореніе: *О богоустроенномъ государствѣ* (De civtate Dei), твореніе самое смѣлое и самое глубокое, какое только могло явиться когда-нибудь въ защиту христіанства.

Цѣль этого труда состоитъ въ томъ, чтобы доказать, что въ событіяхъ этого міра никакъ нельзя искать выполненія послѣднихъ преднамѣреній провидѣнія, ни предначертаній для дѣятельности человѣка. На самомъ дѣлѣ, этотъ міръ исполненъ золъ и благъ, *общихъ* всѣмъ добрымъ и злымъ, и самая эта *общность* достаточно показываетъ все несовершенство, неполноту и переходное назначеніе земной жизни. Надъ этимъ міромъ, государствомъ перехода и испытаній, есть другое государство, вѣчное, богоустроенное, гдѣ царствуетъ справедливость, гдѣ злое существуетъ только какъ наказаніе, и доброе служитъ вознагражденіемъ. Самое сжатое сокращеніе этого огромнаго труда св. Августина было бы еще слишкомъ обширно, чтобы найти здѣсь мѣсто для себя. Я могу только привести изъ него отдѣльныя мѣста, которыя идутъ прямо къ нашей цѣли; такъ напримѣръ, то мѣсто, въ которомъ говорится объ образѣ дѣйствій визиготовъ въ Римѣ, по взятіи ими города, и представляются доводы, посредствомъ которыхъ св. Августинъ объясняетъ поступки варваровъ сообразно съ своею точкою зрѣнія. Вотъ оно:

„Все, что̀ происходило во время этого послѣдняго злополучія Рима: опустошенія, убійства, грабежи, пожары, бѣдствія, все это повторялось при каждой войнѣ. Но, что тамъ было именно новаго, неслыханнаго въ другихъ подобныхъ случаяхъ, это то, что жестокость варваровъ оказалась смягченною, и обширныя базилики были назначены для людей, искавшихъ убѣжища, какъ мѣста, гдѣ никто не могъ быть убитъ, откуда никто не могъ быть схваченъ, и куда приводили для спасенія всѣхъ, кого должно было пощадить милосердіе непріятеля, гдѣ никто не могъ быть сдѣланъ плѣнникомъ, даже тѣми изъ варваровъ, которые сохранили бы жестокость. Если кто не видитъ, что все это должно быть приписано Христу и христіанскимъ временамъ, тотъ слѣпъ. Если кто видитъ это и не воздаетъ хвалу Богу, тотъ неблагодарный; а кто оскорбляется, слыша воздаваемыя хвалы, тотъ безумный. Пусть всякій человѣкъ со смысломъ остерегается приписывать честь подобныхъ явленій жестокости варваровъ. Одинъ *Онъ* устрашилъ, оковалъ и чудесно смягчилъ эту дикую и грубую натуру

варваровъ, *Онъ*, который давно уже сказалъ: „Я посѣщу ихъ беззаконіе съ лозою въ рукѣ“. De civit. Dei, lib. I, 7.

Въ другомъ мѣстѣ святой Августинъ сближаетъ, для сравненія, жестокости проскрипцій Силлы съ грабежемъ визиготовъ, при взятіи Рима. Послѣ энергическаго и мрачнаго описанія первыхъ, онъ продолжаетъ такимъ образомъ:

„Гдѣ можно встрѣтить, у другихъ націй, примѣръ такой ярости, или, у варваровъ, примѣръ такой жестокости, которую можно бы было сравнить съ побѣдой гражданъ (при Силлѣ) надъ своими согражданами? Что̀ въ глазахъ Рима было болѣе пагубно, болѣе люто, болѣе свирѣпо и ужасно: древнее ли вторженіе галловъ, послѣднее ли нападеніе готовъ или бѣшенство Марія, Силлы и другихъ именитыхъ ихъ сообщниковъ? Галлы, это правда, перерѣзали сенатъ и все, что̀ встрѣтилось имъ въ городѣ; но Капитолій все же держался противъ нихъ, и тѣ, которые тамъ находились, могли купить цѣною золота жизнь, которую галлы имѣли возможность отнять, если не желѣзомъ, то, по крайней мѣрѣ, продолжительной осадой. Готы пощадили столько сенаторовъ, что нужно удивляться, что они погубили только нѣкоторыхъ. Но еще при жизни Марія Силла овладѣлъ, какъ побѣдитель, Капитоліемъ, который спасся отъ галловъ, чтобы назначать оттуда жертвы, и приказалъ умертвить большее число сенаторовъ, чѣмъ сколько было ихъ ограблено готами“. Lib. III, 29.

Нѣтъ ли во всемъ этомъ хотя нѣсколько софистическаго, что̀ могло бы поколебать авторитетъ подобнаго взгляда? Въ Римѣ, взятомъ послѣ приступа дружинами Аларика, происходили опустошенія, пожары, грабежи и убійства, оскорбленія всякаго рода. Но во всемъ этомъ св. Августинъ не находитъ ничего необыкновеннаго; все это, какъ говоритъ онъ, случалось и во время другихъ войнъ. Что же его особенно удивляло? Гдѣ же онъ видѣлъ чудо? При взятіи Рима, замѣчаетъ онъ, не было столько опустошеній, убійствъ и бѣдствій, сколько могло бы быть: многіе были пощажены; сами варвары уводили римлянъ въ церкви, гдѣ ихъ жизнь и свобода были обезпечены. Въ этой катастрофѣ не легко отдѣлить обыкновенное отъ чудеснаго; чтобъ быть справедливымъ, не слѣдуетъ ли значительную часть того чуда отнести къ вліянію великаго имени Рима на варваровъ—полухристіанъ, начавшихъ обнаруживать развитіе и предводительствуемыхъ вождемъ съ великодушными инстинктами, который былъ пораженъ при видѣ цивилизаціи, и лучше желалъ управлять Римомъ, чѣмъ овладѣть имъ для одного грабежа и опустошенія.

Какъ бы то ни было, отвѣтъ, данный св. Августиномъ на возраженія противъ провидѣнія, опиравшіяся на фактѣ бѣдствій, причиненныхъ вторженіемъ германцевъ, этотъ отвѣтъ и теорія, на которой онъ былъ основанъ, имѣли самое сильное вліяніе на образъ мыслей и дѣйствій католическаго духовенства. Въ этомъ-то смѣломъ созданіи *богоустроеннаго государства* ученые теологи Запада научались отыскивать хорошія стороны въ нравахъ варваровъ и божественныя причины ихъ успѣховъ. Вездѣ, гдѣ были варвары, это ученіе св. Августина было хорошо принимаемо духовенствомъ. Оно было особенно хорошо принято въ Галліи, гдѣ варвары были могуществен-

нѣе и многочисленнѣе, и гдѣ духовенство считало въ своей средѣ много умныхъ людей, способныхъ придать дѣйствительное значеніе этому ученію, выражать его сжато, украшать, видоизмѣнять, согласно мѣсту и обстоятельствамъ.

Просперъ Аквитанскій не удовольствовался тѣмъ, что изложилъ сущность ученія Августина въ стихахъ; онъ сократилъ его въ прозѣ въ небольшомъ сочиненіи: *О призваніи народовъ*; авторъ весьма наивно и безъ ораторскихъ преувеличеній радуется огромному перевороту своей эпохи, который, бросивъ цѣлыя толпы язычниковъ-варваровъ въ среду народовъ цивилизованныхъ и христіанскихъ, тѣмъ самымъ облегчилъ для первыхъ возможность ихъ обращенія въ христіанство.

Это было то же самое ученіе, которое Сальвіанъ Марсельскій изложилъ и сократилъ въ своемъ сочиненіи *о Міроправленіи*. Сальвіанъ хотѣлъ доказать, что настоящія бѣдствія имперіи должны быть приписаны императорскому деспотизму, корыстолюбію и жестокости его чиновниковъ, ненасытности казны, разврату и эгоизму богатыхъ. Вторженіе варваровъ, въ его глазахъ, было только наказаніемъ за всѣ тѣ пороки какъ управляющихъ, такъ и управляемыхъ; оно было даже счастливымъ событіемъ, потому что положило предѣлъ бѣдствіямъ, сдѣлавшимся невыносимыми.

Королевство визиготовъ представлялось Сальвіану убѣжищемъ, на которое провидѣніе указывало несчастнымъ, доведеннымъ до отчаянія императорскою администраціею. Въ этихъ ужасныхъ визиготахъ, съ именемъ которыхъ всякій римлянинъ соединялъ столько ужасныхъ воспоминаній, Сальвіанъ видѣлъ и хотѣлъ видѣть одно: людей менѣе испорченныхъ, чѣмъ римляне. Онъ не спрашивалъ себя о томъ, не было ли другого возможнаго исхода для деспотизма и императорскаго правительства, кромѣ господства варваровъ, не было ли послѣднее смертельнымъ ударомъ и для науки, талантовъ, добродѣтели? Въ побѣдахъ варваровъ онъ видѣлъ только простой и чистый фактъ, фактъ совершившійся, непреложный: прямое и вѣрное выраженіе высшей воли, слѣдящей за всѣмъ и во всемъ справедливой.

Сальвіанъ хорошо отзывался о франкахъ и бургундахъ, но говорилъ рѣдко, безъ подробностей и безъ явнаго намѣренія быть ихъ панегиристомъ. Но чего онъ не успѣлъ сдѣлать, то сдѣлали другіе епископы, другіе пресвитеры, другіе ученики св. Августина. Изъ всѣхъ варваровъ католическе, духовенство болѣе всего сблизилось съ франками, и расточало преимущественно предъ ними свои похвалы. Я ограничусь приведеніемъ примѣра его воззрѣній, напримѣръ, на вторженіе бургундовъ.

До насъ дошло много проповѣдей святого Евгерія (Eucherius), епископа ліонскаго, отъ 434 до 454, которыя всѣ носятъ на себѣ характеръ произведеній, писанныхъ и произносимыхъ для народа. Между ними одна содержитъ въ себѣ любопытное мѣсто, относящееся къ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ вторженіе бургундовъ, которыя, однако, не обозначены въ исторіи, и потому ихъ трудно связать съ нею. Тамъ говорится, я думаю, о взятіи Ліона; впрочемъ, точное

опредѣленіе факта изъ исторіи утвержденія бургундовъ, къ которому относится это мѣсто, не представляетъ никакой важности. Тамъ замѣчательна только характеристика побѣдителей, приводимая епископомъ.

„Вся страна, говоритъ онъ, трепетала при приближеніи могущественнаго и раздраженнаго народа; и что же?! Тотъ, кого считали варваромъ, является съ сердцемъ совершенно *римскимъ*. Варвары, служившіе у римлянъ, будучи стѣснены со всѣхъ сторонъ и не умѣя ни выдержать сраженія, ни прибѣгнуть къ просьбамъ для умилостивленія сильнѣйшаго, нагло отвергаютъ миръ, который имъ предлагалъ побѣдитель. Чьею же это рукою дѣлается то, что нынѣ предводитель (варваровъ), имѣя власть дѣлать все, что желаетъ, внезапно обращается къ милосердію, несмотря на то, что мы возбуждаемъ его гнѣвъ? Кто же оказалъ столькимъ несчастнымъ такую услугу, что ярость обезоружена и побѣдитель смягчается безъ всякихъ просьбъ?“

Говорить такимъ языкомъ о варварахъ, помѣщать такъ торжественно ихъ побѣды въ число плановъ провидѣнія, значило открыто объявлять себя за нихъ, идти на встрѣчу ихъ господству, предлагать имъ свои услуги и совѣты, въ которыхъ они имѣли нужду для устройства завоеванной страны. Такіе знаки преданности и дружбы со стороны галло-римскаго духовенства не были пренебрегаемы варварами. Это духовенство стояло во главѣ массъ народа; оно имѣло надъ ними двойную власть, и религіозную, и судебную. Все это было такъ очевидно, что варвары не могли того не замѣтить; они составили себѣ высокое понятіе о духовенствѣ, и желали имѣть его своимъ союзникомъ.

Съ другой стороны, сами народныя массы, опасаясь варварскихъ правительствъ, съ которыми имъ приходилось имѣть дѣло, были съ своей стороны заинтересованы тѣмъ, чтобы духовенство могло ходатайствовать за нихъ у побѣдителей, чтобы оно пріобрѣло на нихъ вліяніе, употребило всевозможныя средства къ ихъ смягченію, просвѣщенію, и, внушая имъ идеи порядка, мира и человѣчности, сдѣлало ихъ продолжателями не императорскаго деспотизма, но римскаго правительства. Таково было великое и благородное назначеніе, которое общій голосъ галло-римлянъ возлагалъ на духовенство по отношенію варваровъ; и это назначеніе духовенство приняло и выполнило его съ усердіемъ и искусствомъ. Безъ сомнѣнія, духовенство нашло при этомъ возможность преслѣдовать и свои личные интересы, даже кончило тѣмъ; но тѣмъ не менѣе оно много сдѣлало для общей пользы; оно оказало истинныя услуги и сильнѣйшему, и слабѣйшему, какъ побѣдителю, такъ и побѣжденному. Впрочемъ, духовенству приходилось часто встрѣчать противодѣйствіе, и его успѣхи были далеко неодинаковы при различныхъ правительствахъ, образованныхъ варварами въ той или другой провинціи западной римской имперіи.

Форіэль.

Hist. d. la Gaule méridionale, etc. Par. 1836. I, 562—572.

Форіэль (Claude Fauriel, род. 1772 г., ум. 1844 г.) первое время провелъ на службѣ, но потомъ предался исключительно ученымъ, критическимъ занятіямъ; его имя сдѣлалось извѣстнымъ съ 1824 г., когда онъ издалъ въ переводѣ Chants populaires de la Grèce moderne; этотъ трудъ содѣйствовалъ много къ возбужденію симпатіи къ грекамъ, обнаружившимъ тогда стремленіе къ національной независимости. Въ 1831 г. его назначили профессоромъ иностранной литературы въ Сорбоннѣ; собственно для него и была создана тогда эта каѳедра, которую онъ умѣлъ поддержать своимъ талантомъ и рѣдкимъ знаніемъ главныхъ европейскихъ и многихъ восточныхъ языковъ. Въ 1836 г. явилось въ свѣтъ самое капитальное его произведеніе: Histoire de la Gaule méridionale sous les conquerants germains, 4 vols; оно доставило ему мѣсто въ академіи надписей. Въ послѣдніе годы жизни онъ занимался преимущественно провансальскою поэзіею, но этотъ трудъ былъ изданъ уже послѣ его смерти, въ 1846 г.: Histoire de la poésie provencale (3 vols); къ посмертнымъ изданіямъ его сочиненій относится и Etudes sur Dante. Все написанное Форіэлемъ отличается тонкою наблюдательностью, мѣткимъ, вѣрнымъ взглядомъ и новизною выводовъ; онъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ изслѣдователей древней цивилизаціи Европы.—О его жизни и значеніи его трудовъ см. превосходную статью, прочтенную въ академіи надписей профессоромъ Гиньо (Notice sur Fauriel par Guigniaut. 1860).

29.—Св. Северинъ и варварскій міръ на Дунаѣ, предъ паденіемъ З. Р. имперіи.

(1860.)

Внутреннія событія варварскаго міра, расположеннаго на Дунаѣ, и его ближайшее отношеніе къ придунайскимъ провинціямъ Рима окончательно рѣшили судьбу западной римской имперіи и нанесли ей послѣдній ударъ.

Завоеванія Аттилы, въ половинѣ V вѣка, имѣли ближайшимъ послѣдствіемъ сосредоточеніе всѣхъ силъ варварскаго міра на сѣверномъ берегу Дуная: его смерть (452 г.) распустила эту армію народовъ, а побѣда при Нетадѣ, давъ германцамъ перевѣсъ надъ гуннами, имѣла своимъ результатомъ то, что первые овладѣли всѣмъ пространствомъ между Карпатами и Альпами. Равнины Дуная и его притоковъ представляли сначала страшную путаницу народовъ, которые сталкивались другъ съ другомъ, перекрещивались, овладѣвая мѣстностью то на одномъ берегу, то на другомъ. Мало-по-малу хаосъ началъ приходить въ порядокъ, и когда все усѣлось, вотъ какое зрѣлище поразило удивленіемъ и ужасомъ взоры римлянъ.

Къ сѣверу отъ главной рѣки (Дуная), въ полукружіи, которое образуютъ Карпаты, касаясь ея своими крайними отрогами, *гепиды*, расхитившіе царство Аттилы, расположились въ самой столицѣ за-

воевателя, на развалинахъ его досчатаго дворца. Напротивъ гепидовъ стояли лагеремъ *остроготы*, на правомъ берегу Дуная и далѣе вдоль этой рѣки. Будучи раздѣлены на три племени, подъ управленіемъ трехъ королей Теодемира, Валемира и Видемира, братьевъ какъ по взаимному расположенію, такъ и по крови, они занимали двѣ паннонскія провинціи, отъ извилистаго теченія Савы до восточнаго склона горы Цеттія. Теодемиръ, старшій и самый могущественный, разбилъ свои палатки въ окрестностяхъ озера Пельсода, неподалеку отъ нынѣшней столицы Австріи, Вѣны; Валемиръ—въ поляхъ, орошаемыхъ Савою; а Видемиръ, самый младшій, помѣстился между ними съ самымъ малочисленнымъ колѣномъ готскаго народа. Таковы были владѣнія остроготовъ.

Жребій оружія сдѣлалъ сосѣдями гепидовъ, на правомъ берегу Дуная и къ западу отъ Карпатовъ, народъ *руговъ*, который численностью уступалъ двумъ первымъ, но былъ не менѣе страшенъ. Господствуя въ обширной долинѣ, орошаемой рѣкою Моравою, руги имѣли тамъ свой центръ и главное пребываніе своихъ царей. То была *земля руговъ*, собственно такъ называемый *Ругиландъ*; но власть его простиралась и на другомъ берегу Дуная, въ Нижнемъ-Норикѣ, который былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ мѣстомъ ругійскихъ колоній. Подъ предлогомъ защитить эту провинцію отъ нападенія другихъ варваровъ, Ругиландъ присвоилъ себѣ право протекторства, весьма тяжкаго для жителей, опустошалъ поля по произволу, а съ городовъ бралъ окупъ. Еще далѣе къ западу, по обѣимъ сторонамъ рѣки, находились три малочисленные народа: *герулы*, *турцилинги* и *сциры*, которые были расположены на рубежѣ области руговъ. Бывъ одного происхожденія съ этими послѣдними, они также вышли изъ прибрежныхъ странъ Балтійскаго моря; герулы и турцилинги отчасти подчинялись ругамъ, жили подъ ихъ покровительствомъ и, благодаря этимъ связямъ, основаннымъ на необходимости взаимной помощи, руги могли смѣло вступать въ борьбу съ великими варварскими племенами, которыя окружали ихъ отовсюду.

Къ числу такихъ племенъ принадлежали на сѣверо-западѣ *туринги*, а на юго-западѣ *алеманны* и *свевы*. Послѣдніе, владѣя проходами ретійскихъ Альпъ и гордясь своимъ могуществомъ, производили набѣги по обоимъ ихъ скатамъ, и опустошали то Норикъ, то Верхнюю Италію. Туринги, напротивъ, скрываясь въ глубинѣ герцинскихъ лѣсовъ, какъ на днѣ логовища, выходили оттуда только для грабежа, и въ своихъ быстрыхъ набѣгахъ не щадили ни поселеній германскихъ, ни городовъ римскихъ. Посреди этихъ народовъ, имѣвшихъ, если не постоянныя, то почти опредѣленныя мѣста для жительства, скитались племена *саксовъ* и *франковъ*, которые съ береговъ Сѣвернаго моря увлечены были отливомъ нашествія гунновъ. Всѣ эти народы, какъ большіе, такъ и малые, не имѣли другихъ средствъ къ существованію, кромѣ меча, копья или сѣкиры. Постоянно въ войнѣ между собою, эти варварскіе народы, всегда насторожѣ добычи и никогда не насыщаясь ею, оспаривали одинъ у другого достояніе римскихъ провинціаловъ, разоряли и опустошали, какъ кто могъ, ту страну, которая должна была ихъ содержать.

Разнообразіе племенъ ставило ихъ къ римлянамъ въ весьма различныя отношенія. Каждый изъ представителей варварскаго міра германцевъ имѣлъ свою дикую особенность, которую надлежало изслѣдовать и изучить какъ для того, чтобы ее смягчить, такъ и для того, чтобы отразить. „Подобно тому, какъ у дикихъ звѣрей ихъ свирѣпыя наклонности видоизмѣняются по ихъ породамъ, говоритъ одинъ современникъ, точно такъ же у варваровъ жестокость принимаетъ различныя формы, соотвѣтственно ихъ характеру, привычкамъ и особенно суевѣрію". Бо̀льшая часть народовъ, принадлежавшихъ къ религіи Одина, какъ-то: франки, саксы, туринги, герулы—приносили человѣческія жертвы, но съ тѣмъ различіемъ, что одни убивали только своихъ враговъ и плѣнныхъ, а другіе своихъ соотечественниковъ, и даже ближайшихъ родныхъ. У нѣкоторыхъ народовъ только та жертва считалась угодною божеству, которая была непорочною, а потому они проливали съ наслажденіемъ кровь существъ, обыкновенно считающихся невинными, какъ-то: дѣтей, посвященныхъ дѣвицъ и жрецовъ; такимъ образомъ, жреческое одѣяніе осуждало человѣка впередъ на закланіе.

Ничего подобнаго, правда, не происходило у руговъ, которые уже приняли христіанство; но народъ у нихъ былъ грубъ, корыстолюбивъ и жестокъ. О немъ говорили, пародируя знаменитое изреченіе римскаго императора: „Ругъ считалъ день для себя потеряннымъ, если онъ проводилъ его, не совершая преступленія". Свевъ, гордясь своимъ значеніемъ въ Италіи со времени возвышенія тамъ Рицимера, обращался съ равными себѣ гордо, а съ низшими невыносимо грубо. Если алеманнъ обнаруживалъ болѣе простодушія, то мнимая кротость его не исключала ни коварства, ни врожденной жадности, ни равнодушія къ пролитію крови. Что касается до острогота, то онъ, въ своихъ паннонскихъ кочевьяхъ, игралъ роль двойственную съ двойною для себя выгодою: защищая отъ варварскихъ племенъ римлянъ, въ качествѣ ихъ друзей и союзниковъ, готы въ то же время разъигрывали роль покровителей германскихъ племенъ, въ отношеніи къ тѣмъ же римлянамъ; а потому они никогда не имѣли недостатка въ поводѣ грабить ту или другую сторону. Таковы были тѣ народы, посреди которыхъ св. Северинъ [1]) долженъ былъ трудиться надъ преобразованіемъ римскихъ провинцій на Дунаѣ; ему было бы легче имѣть дѣло съ волками и медвѣдями горы Цеттія.

На Верхнемъ-Дунаѣ, для защиты Западнаго-Норика и Ретія, Северину приходилось имѣть сношеніе съ алеманнами, свевами и герулами. На Среднемъ-Дунаѣ ему приходилось имѣть дѣло съ ругами, сцирама, турцилингами и рѣже съ остроготами. Руги держали Северина, въ его монастырѣ Фавіанскомъ, почти въ осадѣ; онъ зависѣлъ отъ нихъ вполнѣ, и самая жизнь его была у нихъ въ рукахъ. И именно съ ними начались у Северина первыя и самыя тѣсныя сношенія. Народъ этотъ, какъ я уже сказалъ, исповѣдывалъ христіанскую

---

[1]) См. о внутреннихъ преобразованіяхъ, совершенныхъ св. Севериномъ въ римскихъ провинціяхъ на Дунаѣ, выше, ст. 27.

религію, но по аріеву расколу, который въ римскомъ мірѣ былъ христіанствомъ, такъ сказать, однихъ варваровъ. Северинъ не старался обратить руговъ въ каѳоличество, по крайней мѣрѣ, не показывалъ того. Онъ очень хорошо понималъ, что въ виду духовенства мрачнаго, исключительнаго, притѣснительнаго, какимъ и было аріанское духовенство у германцевъ, онъ сильно повредилъ бы своему дѣлу, придавъ ему оттѣнокъ религіозный. Показать въ себѣ ревнителя вѣры —значило бы накликать страшное возмездіе каѳоличеству. А потому онъ ограничился тѣмъ, что проповѣдывалъ ругамъ вѣротерпимость, и самъ подавалъ примѣръ тому. Только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда они приходили повѣрять ему, какъ бы оракулу, свои надежды и печали, онъ говорилъ имъ, вздыхая: „все это дѣла земныя; но почему вы не обращаетесь ко мнѣ съ вопросами о вашемъ душевномъ спасеніи?“ Далѣе того намеки святого не простирались. Въ самомъ дѣлѣ, назначеніе его такое, какимъ онъ его понималъ, относилось къ римлянамъ, а не къ варварамъ; „Богъ меня воздвигъ — такъ говорилъ онъ—чтобы поддержать это гибнущее общество и, можетъ быть, его спасти“; тѣмъ ограничивались его обязанности и назначеніе. Народы такъ и понимали Северина; преданіе, давъ ему названіе *Апостола Норика*, нѣсколько вѣковъ уже обращеннаго въ христіанство, именно хотѣло такимъ названіемъ почтить въ немъ апостольство болѣе милосердія, чѣмъ вѣры. Это же самое милосердіе святого давало ему средства къ сильному вліянію на варваровъ. Его складочныя мѣста хлѣба и одеждъ открывались какъ для римлянина, такъ и для руга, если онъ только дѣлался или плѣннымъ, или неимущимъ. Даже воръ и скамаръ, которые прибѣгали къ святому, не уходили отъ него безъ утѣшенія. Такое состраданіе, которое не исключало никакого бѣдствія человѣка, сдѣлало эти складочныя мѣста, учрежденныя Северином, до того святыми и неприкосновенными, что даже самые варвары иногда считали за честь содѣйствовать столь полезнымъ учрежденіямъ. Северинъ въ продолженіе долговременныхъ странствованій своей юности и частыхъ удаленій въ пустыню узналъ цѣлебныя свойства растеній, ихъ употребленіе въ недугахъ человѣческаго тѣла; а еще лучше знакомы ему были болѣзни души, а также и средства имъ помочь. Нѣсколько удачныхъ леченій, сдѣланныхъ во имя Іисуса Христа, привлекли къ Северину множество больныхъ; онъ сдѣлался врачемъ руговъ. Нѣсколько полезныхъ совѣтовъ, поданныхъ имъ удачно въ мірскихъ дѣлахъ, доказали имъ его мудрость и опытность: онъ сдѣлался ихъ совѣтникомъ такъ же, какъ былъ уже давно тѣмъ у римлянъ.

Съ того времени жилище отшельника представляло странное зрѣлище собравшихся около него людей, пораженныхъ отчаяніемъ или умирающихъ; ихъ приносили на рукахъ, или привозили на повозкахъ, и клали у порога двери святого для того, чтобы онъ, выходя, могъ взглянуть на нихъ или прикоснуться. Родные страждущихъ стояли подлѣ нихъ, проливая слезы и умоляя его о помощи. Излеченіе одного знатнаго руга, къ погребенію котораго были дѣлаемы уже приготовленія, говоритъ намъ авторъ біографіи Северина, поставило его въ прямыя отношенія къ королевскому семейству этого народа, и между

Севериномъ и королемъ руговъ, Флакцитеемъ, завязалась тѣсная дружба—явленіе замѣчательное въ исторіи того времени.

Флакцитей, король этого дикаго племени, былъ человѣкъ простой и добродушный. Онъ чувствовалъ къ Северину какое-то безотчетное влеченіе, которое, когда они познакомились, обратилось въ сильную привязанность. Северинъ сдѣлался его другомъ, повѣреннымъ, руководителемъ. Странное дѣло! король варварскій съ того времени не имѣлъ болѣе тайнъ отъ римлянина, который поставилъ себѣ цѣлью вывести своихъ соотечественниковъ изъ того униженія, въ которое повергли ихъ варвары; вотъ до какой степени этотъ преобразователь умѣлъ внушить къ себѣ уваженіе! Овладѣвало ли Флакцитеемъ какое-либо тайное безпокойство, случалось ли какое-либо важное происшествіе въ Ругиландѣ, вооружались ли противъ руговъ свевы или сарматы, смута ли возникала въ одномъ изъ городовъ римскихъ, нападали ли руги на поля—во всѣхъ этихъ случаяхъ Флакцитей переправлялся черезъ Дунай на лодкѣ, и спѣшилъ къ Северину, или въ Фавіанскій монастырь, или въ его келью у горы Цеттія. И Северинъ, съ своей стороны, покидалъ все, чтобы выслушать короля.

Въ длинныхъ бесѣдахъ римлянинъ своими совѣтами просвѣщалъ умъ варвара и старался руководить имъ. Онъ внушалъ ему идеи мира и кротости, тогда какъ душа варвара дотолѣ была доступна одному вліянію буйныхъ страстей. Остроготы были самымъ частымъ предметомъ ихъ совѣщаній. Этотъ страшный и безпокойный сосѣдъ, примыкавшій со стороны Цеттія къ землямъ руговъ, постоянно вмѣшивался въ ихъ дѣла: то, въ качествѣ варваровъ, остроготы нападали на руговъ, какъ сильнѣйшій варваръ на слабѣйшаго, то, въ качествѣ союзниковъ имперіи, какъ взявшіе на себя обязанность защищать римскія земли. Не разъ руги пытались сбросить съ себя иго сосѣдей; но война постоянно оканчивалась не въ ихъ пользу. Такимъ образомъ, для Флакцитея главнымъ и постояннымъ предметомъ опасенія были остроготы и ихъ коварная политика. Хотя онъ и находился даже въ нѣкоторомъ родствѣ съ Теодемиромъ, старшимъ изъ рода Амалунговъ, но считалъ ихъ своими личными и неумолимыми врагами. Северинъ былъ не болѣе расположенъ къ готамъ, приверженцамъ аріанизма и преслѣдователямъ каѳоликовъ: между готами и ругами, хотя и тѣ, и другіе были аріанами, Северинъ склонялся на сторону руговъ, такъ какъ они обнаруживали болѣе вѣротерпимости.

Однажды король руговъ въ сильномъ волненіи вошелъ въ келью Северина, молча сѣлъ подлѣ него и началъ рыдать, заливаясь слезами. „О, да, говорилъ онъ прерывавшимся голосомъ, готы меня ненавидятъ и ищутъ моей смерти!“ Тогда онъ разсказалъ, какъ, тяготясь сосѣдствомъ готовъ, онъ рѣшился переселиться въ Италію съ своимъ народомъ; какъ онъ просилъ у королей готскихъ, владѣвшихъ горными проходами юлійскихъ Альпъ, позволенія свободно пройти по ихъ землямъ, и какъ получилъ оскорбительный отказъ: „вижу очень ясно—воскликнулъ онъ съ отчаяніемъ,—они меня убьютъ!“ Северинъ былъ тронутъ душевными страданіями этого человѣка, котораго онъ любилъ, и, представляя себѣ ту пропасть, которая отдѣляла ихъ пе-

редъ лицомъ Бога, онъ не могъ удержаться, чтобы не сказать: „Флакцитей, если бы мы оба были почитателями каѳолической вѣры, то я удивился бы, что сердце твое заботится только о благахъ міра сего, и что ты не предпочитаешь совѣтоваться со мною относительно жизни вѣчной. Но такъ какъ дѣло, о которомъ ты говоришь, интересуетъ тебя и меня почти въ равной степени, то я соглашаюсь тебѣ отвѣчать. Выслушай и слова мои сохрани въ твоей памяти. Знай, что готамъ не дано располагать ни тобою, ни твоимъ королевствомъ. Не думай о ихъ успѣхахъ и неудачахъ: они недолго останутся твоими сосѣдями, и первые оставятъ эту страну, между тѣмъ какъ ты будешь продолжать владѣть спокойно Ругиландомъ. Но прими въ руководство мои смиренные совѣты; сохраняй миръ даже съ безсильными, не тѣсни слабаго, и не гордись своею силою. Священное писаніе говоритъ: „Горе тому, кто надѣется на человѣка и удаляется сердцемъ отъ Господа“. Учись избѣгать вражескихъ козней, а не устроивать ихъ; такимъ образомъ ты удостоишься спокойной смерти на твоемъ ложѣ“. Король руговъ слушалъ эти слова съ такою жадностью, какъ бы они раздавались съ неба. Извѣстіе о скоромъ удаленіи готовъ исполнило его радостью, которой онъ не скрывалъ, и, въ счастливомъ расположеніи духа, Флакцитей далъ клятву Северину ничего на будущее время не предпринимать безъ его согласія. Совершенно обновленный духомъ, онъ сѣлъ въ свою лодку и переѣхалъ въ Ругиландъ.

Нѣсколько времени спустя именно случилось такое происшествіе, о которомъ Флакцитей счелъ нужнымъ посовѣтоваться съ Северииномъ, и чему былъ послѣ весьма радъ. Соединенная шайка разбойниковъ и варваровъ прошла по Нижнему-Норику, грабя преимущественно дома и земли, принадлежавшіе ругамъ. Они дѣйствовали такъ, чтобы завлечь Флакцитея на правый берегъ Дуная, давая замѣтить только часть своихъ силъ и раздражая короля руговъ съ другого берега. Флакцитей былъ внѣ себя; онъ хотѣлъ немедленно переправиться черезъ Дунай и разсѣять шайку грабителей, но, вѣрный данному обѣщанію, послалъ прежде къ Северину спросить его мнѣнія: „хорошо ли я сдѣлаю, если перейду рѣку?“ такъ спрашивалъ Флакцитей черезъ посланнаго. – „Если перейдешь, то ты погибъ, отвѣчалъ лаконически Северинъ; три засады поставлены въ трехъ различныхъ мѣстахъ для того, чтобы схватить тебя и убить“. Флакцитей остался въ Ругиландѣ, и вскорѣ двое плѣнныхъ, убѣжавшіе отъ грабителей, подтвердили справедливость этихъ словъ. Они имѣли цѣлью заманить руговъ на другой берегъ рѣки, окружить ихъ тамъ и схватить самого короля: это было устроено готами на прощаніе съ сосѣдомъ ихъ, Флакцитеемъ, наканунѣ того, какъ они собирались оставить Паннонію, согласно съ предсказаніемъ Северина. Такимъ образомъ, король руговъ обязанъ былъ спасеніемъ жизни совѣтамъ отшельника. Съ того времени признательность его къ нему была безгранична, и въ продолженіе всей жизни, которая съ того времени ничѣмъ уже не была болѣе тревожима, онъ постоянно твердилъ сыновьямъ своимъ: „повинуйтесь божьему человѣку, если вы хотите, по моему примѣру, царствовать въ мирѣ и жить долговременно“.

Впрочемъ, божій человѣкъ не во всѣхъ членахъ королевскаго семейства руговъ нашелъ то же доброе расположеніе, какъ и во главѣ его. Старый король имѣлъ двухъ сыновей: Филетея, по прозванію Фава, будущаго его преемника, и Фридриха, младшаго брата Фавы. Простой и добрый, какъ отецъ его, но съ характеромъ болѣе слабымъ, Фава, который во всемъ бралъ съ него примѣръ, оказывалъ Северину то же почтеніе и то же чистосердечное расположеніе; не такъ поступалъ Фридрихъ. Всѣ пороки варвара, повидимому, совмѣстились въ сердцѣ этого молодого человѣка, жестокаго, жаднаго, коварнаго. Смиряясь передъ Севериномъ до низости, онъ его ненавидѣлъ въ душѣ, и подстерегалъ ту минуту, когда, сбросивъ личину, могъ бы самъ овладѣть всѣми складами монастыря, этою милостынею, которая его завистливымъ глазамъ казалась неистощимымъ сокровищемъ. Северину не трудно было понять его характеръ и проникнуть его планы; онъ, съ своей стороны, наблюдалъ за нимъ, и не щадилъ наказаній, единственно доступныхъ этой природѣ, грубой и извращенной.

По смерти престарѣлаго короля руговъ, Фава наслѣдовалъ Ругиландъ и римскія области, бывшія отъ него въ зависимости, за исключеніемъ нѣсколькихъ городовъ прибрежнаго Норика, которые были предоставлены Фридриху. Несмотря на свою истинную привязанность къ Северину и при всемъ желаніи подражать Флакцитею, Фава не всегда слушалъ отшельника. Сильное домашнее вліяніе противодѣйствовало на каждомъ шагу его добрымъ намѣреніямъ, въ лицѣ жены его, Гизы, которую исторія изображаетъ намъ существомъ злонамѣреннымъ и истинно дьявольскимъ. Завидуя вліянію Северина на умъ ея мужа, она ненавидѣла его еще больше, чѣмъ Фридрихъ; между тѣмъ какъ тотъ старался повредить ему втайнѣ, она, съ смѣлостью страстной женщины, нападала на него прямо. Она оскорбляла его въ чувствахъ самыхъ дорогихъ, тѣснила его, затрудняла ему всѣми силами успѣхъ всякаго дѣла. Потомъ она вдругъ останавливалась, какъ бы въ страхѣ, что ее поразитъ достойное наказаніе; при всей своей дерзости, она была до крайности боязлива и суевѣрна. Однажды, съ цѣлью дѣйствовать вопреки внушеніямъ отшельника, который постоянно проповѣдывалъ Фавѣ вѣротерпимость, она начала сама перекрещивать, или отдавала то же приказаніе священникамъ своей церкви въ отношеніи несчастныхъ каѳоликовъ, которые попадали къ ней въ руки. Северинъ жаловался на то; но Гиза встрѣчала его жалобы насмѣшками. Святой, выведенный изъ терпѣнія, обратился къ ея мужу, угрожая ему небеснымъ мщеніемъ въ случаѣ, если онъ не положитъ конца такому безбожію. Фава вынужденъ былъ употребить власть: Гиза смирилась; но ея злоба нашла себѣ другую пищу.

Перенесенная вдругъ въ лоно гражданственности римской, эта дочь лѣсовъ смотрѣла съ чувствомъ удивленія, смѣшаннаго съ завистью, на поля Норика, на его богатыя жатвы, на виноградники, на сады съ плодами, и особенно на произведенія искусствъ, выставленныя въ городахъ. Она хотѣла бы унести все это съ собою въ свой Ругиландъ. Для того, чтобы успѣть въ этомъ какъ можно больше, она придумала захватить вооруженною рукою цѣлыя толпы рим-

скихъ колоновъ, которымъ она и отвела мѣсто для жительства по ту сторону Дуная. Она старалась привлечь также на свою сторону рѣки, приманкою большого жалованья ремесленниковъ городскихъ, которые, разъ попавшись въ ея власть, должны были навсегда распроститься съ своею родиною. Одни были осуждены на обработываніе полей, другіе на самыя тяжкія работы; вообще съ ними обращались, какъ съ невольниками. Северинъ протестовалъ энергически противъ такого покушенія на личную свободу, которое отнимало у римскихъ провинцій цѣлыя семейства; но Гиза, чтобъ показать свое пренебреженіе, продолжала свой образъ дѣйствія подъ самыми стѣнами монастыря. Разъ она высадила воиновъ въ окрестностяхъ Фавіанъ, захватила тамъ всѣхъ колоновъ и земледѣльцевъ, кого только могла найти; наложила на нихъ оковы, и сама распоряжалась ихъ переправою. Северинъ, которому тотчасъ дали о томъ знать, послалъ просить королеву возвратить свободу людямъ, на которыхъ она не имѣла никакого права. „Служитель божій—отвѣчала она гонцу съ гнѣвомъ, какъ бы говоря лично самому Северину—довольно съ тебя, если ты будешь молиться за себя только, во глубинѣ твоей кельи, а мнѣ уже позволь распорядиться съ моими невольниками такъ, какъ мнѣ вздумается“. Эта сцена, переданная отшельнику, тронула его глубоко: „О, сказалъ онъ, если вѣра въ Бога меня не обманываетъ, эта женщина вскорѣ противъ своей воли сдѣлаетъ то сама, въ чемъ она теперь отказываетъ мнѣ, по своей испорченности“.

Подъ своею дикою оболочкою Гиза была не чужда женскаго кокетства: она хотѣла быть красавицей, и именно въ то время, на ея глазахъ и по требованію ея вкуса, приготовляли ей королевскія украшенія. Золотыхъ дѣлъ мастера, которымъ поручена была эта работа, занимались ею въ сараѣ, который находился по сосѣдству съ покоями королевы. Тамъ были они заключены отъ восхода до заката солнца, не имѣя ни съ кѣмъ сообщенія; никто не имѣлъ права ихъ посѣщать, кромѣ Гизы и ея маленькаго сына, который носилъ имя Фридриха, какъ и братъ короля. Ребенку было лѣтъ шесть или семь отъ роду, и онъ повременамъ приходилъ играть къ заключеннымъ, развлекая ихъ своими забавами. Вечеромъ, въ тотъ самый день, когда колоны изъ Фавіанъ были насильственно перевезены въ Ругиландъ, золотыхъ дѣлъ мастера, потерявъ наконецъ терпѣніе, совѣщались другъ съ другомъ о своей участи: „развѣ мы рабы, говорили они, и должны совершенно отречься отъ надежды на свободу? Лучше разъ умереть, чѣмъ постоянно влачить наши печальные дни въ этомъ казематѣ“. Тогда, перебирая въ умѣ всѣ средства сбросить съ себя свои оковы, они остановились на одномъ, успѣхъ котораго имъ казался несомнѣннымъ, и которое они рѣшились привести въ дѣйствіе безотлагательно. Когда маленькій Фридрихъ вошелъ въ ихъ сарай и предался своимъ обычнымъ забавамъ, золотыхъ дѣлъ мастера притворили за нимъ дверь и изнутри ее загородили. Тогда, схвативъ поперекъ ребенка, они показали видъ, что хотятъ убить его, и одинъ уже поднесъ обнаженный мечъ къ груди его. На крики сына прибѣжала мать, и въ щель она увидѣла, какъ бился ея сынъ въ рукахъ рабочихъ; „королева, сказали они ей чрезъ двери, не старайся про-

никнуть сюда противъ нашей воли, а иначе сынъ твой погибъ. Мы тебѣ его возвратимъ, если ты возвратишь намъ свободу и поклянешься, что отпустишь насъ немедленно здравыми и невредимыми".

Въ сущности Гиза была доброю матерью; такое зрѣлище сдѣлало ее какъ бы помѣшанною. Она начала бѣгать во всѣ стороны, испуская плачевные крики: имя Северина постоянно у ней повторялось въ ея словахъ, вырывавшихся отрывочно: „служитель божій, говорила она ему такъ, какъ бы онъ былъ налицо,—Богъ твой всегда готовъ мстить за малѣйшія обиды, тебѣ причиненныя; вотъ Онъ поражаетъ меня въ самыхъ плодахъ моего чрева". Она отправила на другую сторону Дуная вѣстниковъ, которымъ поручила скакать во весь галопъ, найти отшельника, гдѣ бы то ни было, и выхлопотать отъ него прощеніе и жизнь ея сына. Но она не дожидалась отвѣта Северина для того, чтобы возвратить свободу римскимъ колонамъ. Касательно же золотыхъ дѣлъ мастеровъ царица, взамѣнъ возвращеннаго Фридриха, выдала имъ грамоту на свободный пропускъ, написанную по всей формѣ, и они могли спокойно возвратиться въ свои дома. Нѣсколько дней спустя, Гиза, все еще неоправившаяся отъ ужаса, пришла, вмѣстѣ съ мужемъ и сыномъ, въ келью отшельника, благодарить его и просить благословенія. Таковы были эти дикіе умы, которыхъ пылкія страсти можно было обуздать однимъ суевѣрнымъ ужасомъ. Флакцитей, Гиза, Фава и Фридрихъ объясняютъ намъ свойство тѣхъ отношеній, которыя установились между Севериномъ и варварами Норика, ругами, сцирами, турцилингами и герулами, почти наканунѣ разрушенія ими западной римской имперіи.

Въ то время, когда Флакцитей былъ еще живъ, дружина руговъ, отправлявшаяся въ Италію искать себѣ службы за Альпами, проходила близъ кельи Северина, и нарочно свернула съ дороги для того, чтобы навѣстить его и поклониться ему. Келья была низенькая, и одинъ изъ посѣтителей, который былъ росту выше обыкновеннаго, могъ пройти въ дверь, только наклонясь, и въ кельи стоялъ, нагнувъ голову. То былъ человѣкъ довольно молодой, наружности воинственной, котораго умное и смѣлое лицо рѣзко противорѣчило его бѣдному одѣянію изъ бараньей кожи, грязному и ободранному. „Ты высокъ, но будешь еще выше", сказалъ ему Северинъ, устремивъ на него тотъ взглядъ, который, казалось, проникалъ въ тайну будущаго. Варваръ внималъ съ жадностью словамъ Северина, какъ будто въ нихъ былъ отвѣтъ на его внутренніе помыслы, и весь содрогнулся, когда отшельникъ, прощаясь съ нимъ, сказалъ: „Продолжай путь твой, иди въ Италію, покрытый этою грубою одеждою; близко то время, когда малѣйшій изъ даровъ, которые ты будешь дѣлать друзьямъ твоимъ, будетъ стоить дороже всей твоей ноши, которая теперь составляетъ твои богатства" [1]). Этотъ молодой ругъ былъ *Одоакръ*, сынъ Эдекона [2]). Онъ присоединился къ своимъ спутникамъ

---

[1]) Vade, inquit, ad Italiam, vade vilissimis nunc pellibus coopertus, sed multis citra proemia largiturus. Eugip. *Vita S. Severini.*

[2]) Odovacer, Odoacer, Odobagar, Odovachar, Otochar—различныя редакціи имени предводителя руговъ, геруловъ и др., разрушившаго з. р. имперію въ 476 г.

и отправился далѣе въ Италію, исполненный радости и затаивъ въ глубинѣ сердца, какъ вѣрный залогъ счастія, слова пророка, которыя вполнѣ оправдались послѣдующими событіями.

Амед. Тьерри.

Réc. d. l'hist. rom. au V siècle; стр. 171—189.

См. примѣчаніе къ ст. 27.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ

ОТЪ ПАДЕНІЯ З. РИМСКОЙ ИМПЕРІИ

до

КАРЛА ВЕЛИКАГО:

VI-е, VII-е и VIII-е СТОЛѢТІЯ.

(476 — 768 г.)

Историческій очеркъ періода.

Первый періодъ исторіи среднихъ вѣковъ, обнимающій собою пространство 300 лѣтъ, отъ паденія з. р. имперіи до Карла Великаго (476—768 г.), въ общемъ ходѣ событій западно-европейской исторіи представляетъ *противодѣйствіе* тому распаденію, которымъ заключились послѣдніе годы существованія древняго міра: почти съ первыхъ дней существованія новыхъ варварскихъ правительствъ, образовавшихъ независимыя королевства въ прежнихъ провинціяхъ з. р. имперіи, между ними начинается соперничество за преобладаніе. Разрушивъ имперію, они сохранили ея преданіе о политическомъ единствѣ Запада, и каждое правительство старалось явиться наслѣдникомъ власти римскихъ императоровъ. Къ преданіямъ о римскомъ единствѣ присоединилось церковное единство, которое одно уцѣлѣло при паденіи политическаго государства: стремленія римскихъ епископовъ стать во главѣ западной церкви совпали съ притязаніями варварскихъ королей на исключительное господство, и такимъ образомъ вскорѣ послѣ паденія з. р. имперіи является уже мысль о возстановленіи ея. Въ VI стол. римскіе папы ищутъ себѣ опоры въ германскихъ дружинахъ, овладѣвавшихъ Италіею, чтобы освободиться отъ византійскаго преобладанія: папа Григорій I Великій полагаетъ начало такой политикѣ, и лонгобарды, смѣнившіе о.-готовъ, покоренныхъ Византіею, дѣлаются лучшими союзниками папскаго престола. Но въ VII вѣкѣ лонгобарды, вытѣснивъ византійское вліяніе, заявляютъ притязаніе стать на его мѣсто, и свѣтской власти папъ угрожаетъ ихъ прежній союзникъ. Тогда папы поступаютъ съ лонгобардами, какъ они поступали прежде съ Византіею: они ищутъ новаго союзника, чтобы противопоставить его лонгобардамъ. Изъ всѣхъ новыхъ правительствъ з. Европы въ началѣ VIII в. представляло болѣе всѣхъ ручательствъ королевство франковъ въ Галліи: в.-готское королевство въ Испаніи было завоевано маврами, послѣдователями Магомета; владѣнія в.-готовъ въ южной Галліи еще въ VI вѣкѣ были захвачены Меровингами, королями франковъ; бургундское королевство принадлежало имъ же; англосакскія королевства были слишкомъ раздроблены и отдалены отъ Италіи; одни франки своими завоеваніями соединили всю Галлію и служили оплотомъ на югѣ противъ исламизма, на сѣверѣ

противъ новаго вторженія сѣверныхъ варваровъ, саксовъ и друг. Внутреннее положеніе франкскаго королевства какъ нельзя болѣе благопріятствовало видамъ папскаго престола: древняя династія королей Меровинговъ утратила свою популярность, и франки смотрѣли, какъ на настоящаго главу государства, на его министра изъ фамиліи Карловинговъ. Карловинги для достиженія престола нуждались въ помощи папъ, какъ папы нуждались въ Карловингахъ для своей независимости отъ лонгобардовъ. Въ 752 г. Пипинъ Короткій, отецъ Карла В., получилъ отъ папы титулъ короля франковъ, а въ 754 г. папа получилъ отъ Пипина отнятыя имъ земли отъ лонгобардовъ въ собственное управленіе. Такъ положено было начало возстановленію з. р. имперіи, составлявшему главную цѣль политическихъ людей этого періода, которой подчинялись всѣ другія второстепенныя цѣли; время Карла В., открывающее собою послѣдующій періодъ, только довершило труды предшествовавшихъ ему трехъ столѣтій.

Возстановленіе з. р. имперіи приводило естественно къ мысли о возстановленіи древней образованности во всемъ ея объемѣ: короли германскаго происхожденія, чтобы быть преемниками политической власти императора, всегда старались окружать себя воспоминаніями классическаго міра, сами изучали латинскій языкъ и его литературу; въ послѣдующую эпоху Карла В. уваженіе къ классической древности дошло до энтузіазма. Подъ вліяніемъ такого рода стремленій, различіе между варварами и потомками древнихъ римлянъ начало мало-по-малу исчезать, что̀ особенно выразилось въ сліяніи римскаго и германскаго законодательствъ. Такимъ образомъ, рядомъ съ объединеніемъ политическимъ въ первомъ періодѣ среднихъ вѣковъ происходитъ весьма замѣтное объединеніе въ нравахъ, обычаяхъ, подготовлявшее общія основы для будущей европейской образованности.

Такой отличительный характеръ времени первыхъ трехъ столѣтій, послѣдовавшихъ за паденіемъ з. р. имперіи, всего болѣе отразился на историческихъ идеяхъ писателей того времени, подготовленныхъ еще римскою эпохой. Въ VII стол. представителемъ *универсальной* исторіи, какъ подражатель Евсевія и Орозія, является *Исидоръ Севильскій* (Isidorus Hispalensis, ум. 636 г.); онъ не только продолжилъ существовавшія до него хроники до 607 г., но и сдѣлалъ важный шагъ къ усовершенствованію, изложивъ событія не по годамъ, а по небольшимъ отдѣламъ и правленію императоровъ. Въ VIII стол. универсальная исторія нашла себѣ отличнаго представителя въ англійскомъ монахѣ *Бэдѣ Преподобномъ* (*Beda Venerabilis*), бывшемъ въ свое время первою литературною знаменитостью (673—735). Бэда ввелъ въ хронику періоды и раздѣлилъ всемірную исторію на 6 отдѣловъ, отчего его сочиненіе называется: Chronicon, seu de sex aetatibus mundi— 1) отъ Адама до Ноя; 2) отъ Ноя до Авраама; 3) отъ Авраама до Давида; 4) отъ Давида до ассирійскаго плѣненія; 5) отъ плѣненія до Октавіана Августа; 6) отъ Октавіана до имп. византійскаго Ираклія. Такимъ образомъ, хроника Бэды, начинаясь сотвореніемъ міра и доходя до 726 года, служитъ лучшимъ образчикомъ историческаго пониманія прошедшаго, въ его цѣлости, въ ту эпоху, которая предшествовала Карлу В.; по ней писали долгое время всѣ хронографы сред-

нихъ вѣковъ, безъ всякаго исключенія; потому послѣ Бэды универсальная исторія, ни по своей формѣ, ни по своимъ идеямъ, не сдѣлала болѣе успѣховъ до самаго времени крестовыхъ походовъ, т.-е. до конца XI вѣка.—Сочиненія Исидора Севильскаго: 1) Chronicon, seu historia Gothorum, до 628 г.; 2) Historia Vandalorum et Suevorum; 3) De scriptoribus ecclesiasticis, seu de viribus illustribus и друг., напечатаны у Roncalli, Vet. lat. script. chron., II, стр. 419. О Бэдѣ Преподобномъ и его сочиненіяхъ см. ниже, примѣчаніе къ ст. 66.

Успѣхъ въ историческомъ представленіи прошедшаго сопровождался улучшеніемъ въ изложеніи исторіи своего времени: первое столѣтіе существованія новыхъ германскихъ народовъ на развалинахъ з. р. и. (VI ст.) ознаменовалось двумя замѣчательными историками своего времени для восточныхъ германцевъ—*Iорданъ*, въ своемъ сочиненіи: De origine rebusque Gothorum, т.-е. о происхожденіи и дѣяніяхъ готовъ; а для западныхъ — *Григорій Турскій*, составившій обширный трудъ, въ 10 книгахъ, подъ заглавіемъ: Historia ecclesiastica Francorum, т.-е. Церковная исторія франковъ. Это—одно изъ капитальныхъ произведеній исторической средневѣковой литературы. Въ своемъ введеніи Григорій ограничивается, по обычаю того времени, краткимъ очеркомъ библейской исторіи и переходитъ отъ нея къ утвержденію христіанства въ Галліи и исторіи мучениковъ; далѣе онъ говоритъ о происхожденіи франковъ и древнихъ событіяхъ ихъ исторіи до Клодовея и заключаетъ свой очеркъ разсказомъ о междоусобіяхъ дѣтей Клодовея до смерти Лотаря I, въ 561 г. Но съ того времени и до 593 г., въ теченіе слишкомъ 30 лѣтъ, Григорій пишетъ, какъ очевидецъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ подробнѣе и обстоятельнѣе, такъ что на долю послѣднихъ 4 книгъ приходится всего 7 лѣтъ. Трудъ Григорія Турскаго былъ продолжаемъ въ VII стол. Фредегаріемъ и неизвѣстными лицами до 768 года. Но всѣ продолжатели Григорія стоятъ гораздо ниже его и по таланту, и по искусству изложенія, такъ что VII столѣтіе оставляетъ пробѣлъ, и только въ VIII стол. является снова замѣчательный писатель, *Павелъ Дьяконъ*, сынъ Варнефрида, родомъ лонгобардъ; онъ написалъ въ 6 книгахъ исторію лонгобардовъ. — О жизни и сочиненіяхъ Іордана, Григорія Турскаго и Павла Дьякона см. ниже, примѣч. къ ст. 44, 74 и 47.

ГЕРМАНІЯ.

Историческій очеркъ страны.

Огромное пространство земель на сѣверо-востокъ отъ Рейна и Дуная, вплоть до степей Скиѳіи и Сарматіи, извѣстное подъ общимъ именемъ *Германіи*, не измѣнило своего историческаго значенія и послѣ паденія з. р. имперіи. Въ теченіе цѣлыхъ трехъ столѣтій, до самаго времени Карла В., въ Германіи продолжалась прежняя внутренняя борьба племенъ, вытѣснявшихъ и преслѣдовавшихъ другъ друга, и внѣшняя борьба съ своими соплеменниками, наслѣдовавшими з. р. имперію и принявшими на себя ея обязанность защищать цивилизацію отъ вторженія новыхъ варваровъ. Одни лонгобарды были счастливы во внѣшнихъ предпріятіяхъ, и въ VI стол. овладѣли Италіею, наслѣдіемъ о.-готовъ. Но развитіе могущества франковъ въ Галліи положило предѣлъ другимъ подобнаго рода попыткамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сосредоточило борьбу германскаго міра съ преемниками римской имперіи на границахъ Галліи. Племя саксовъ, самое многочисленное и могущественное въ свободной Германіи, должно было уступить Карловингамъ, второй фамиліи франкскихъ королей, и Карлъ В., покоривъ окончательно Германію, разрѣшилъ наконецъ ту задачу, которая со временъ Августа безпрерывно занимала римскихъ императоровъ. Франки при этомъ завоеваніи имѣли для себя союзникомъ церковь; христіанскіе миссіонеры, начиная съ св. Бонифація, апостола Германіи, сдѣлали прочными успѣхи оружія Карловинговъ и присоединили Германію навсегда къ территоріи общей европейской образованности. Для знакомства съ древнимъ германскимъ бытомъ мы имѣемъ большею частью чужеземные источники, а именно, греческіе и римскіе; изъ нихъ главнымъ остается и до сихъ поръ произведеніе Тацита (см. о его жизни и сочинен. примѣчаніе къ ст. 30). Изъ новѣйшихъ изслѣдованій первое мѣсто принадлежитъ нашему современнику Як. Гримму (р. 1785 г.), который нашелъ средство въ исторіи языка возстановить исторію древнихъ германцевъ. См. его сочиненія: 1) Deutsche Rechtsalterthümer, 1828 г.; 2) Deutsche Mythologie. 1835; и въ особенности 3) Geschichte der deutschen Sprache, 1848.

---

30. — Географическія и этнографическія понятія древнихъ о Германіи.

(98 г.).

Германія, взятая въ цѣлости, отдѣляется отъ Галліи, Ретіи и Панноніи рѣками Рейномъ и Дунаемъ, а отъ сарматовъ и даковъ— обоюднымъ страхомъ или горами. Съ остальныхъ сторонъ она окружена океаномъ, который очертываетъ ея берега широкими заливами и представляетъ обширные острова; путемъ войны мы познакомились съ нѣкоторыми изъ тамошнихъ народовъ и ихъ королями. Рейнъ, вытекая изъ обрывистыхъ вершинъ Ретійскихъ Альпъ, склоняется незамѣтно на западъ и впадаетъ въ Сѣверный океанъ. Дунай же, получивъ свое начало на легкихъ и отлогихъ скатахъ хребта горы Абнобы, протекаетъ по странамъ многочисленныхъ народовъ и потомъ впадаетъ шестью рукавами въ Понтъ Евксинскій; седьмой же рукавъ его теряется въ болотахъ.

Я считаю германцевъ туземцами, нисколько не смѣшанными съ другими народами, ни черезъ переселеніе ихъ къ нимъ, ни черезъ принятіе другихъ къ себѣ, потому что въ древности, кто перемѣнялъ мѣсто жительства, тотъ отправлялся не сухимъ путемъ, но на судахъ; а безбрежный океанъ, и, такъ сказать, противоположный намъ, рѣдко посѣщался кораблями, выходящими изъ нашихъ странъ. Кромѣ того, кто рѣшился бы бороться съ опасностями грознаго и невѣдомаго моря, и оставить Азію, Африку или Италію, чтобы переселиться въ Германію, въ эту необработанную страну съ суровымъ небомъ, мрачною и дикою наружностью? Она можетъ быть только родиной своихъ жителей. Въ своихъ древнихъ пѣсняхъ, которыя замѣняютъ имъ исторію и лѣтописи, они прославляютъ бога Туистона (Tuisto), рожденнаго землею, и его сына Манна (Mannus, Mann, человѣкъ), какъ родоначальниковъ и основателей ихъ націи. Они приписываютъ Манну трехъ сыновей, по именамъ которыхъ получили свои названія *ингевоны* (Ingaevones), самые близкіе (proximi) къ океану, *герминоны* (Herminones), живущіе посреди (medii), и *истевоны* (Istaevones)—остальное населеніе (ceteri). Нѣкоторые, пользуясь древностью этихъ сказаній, приписываютъ тому богу гораздо большее число потомковъ, и по ихъ именамъ называютъ многія племена, какъ-то, марсовъ, гамбривіевъ, свевовъ, вандаловъ: все это дѣйствительно существующія и древнія названія. Впрочемъ, *Германія* есть слово новое и недавно вошедшее въ употребленіе; потому что только тѣ, которые, первыми перейдя Рейнъ, прогнали галловъ, и нынѣ называются *тунграми*, въ то время назывались *германцами*. Такимъ образомъ, имя рода (gentis) мало-по-малу сдѣлалось именемъ націи: они назвались сначала *германцами* для внушенія страха къ побѣдителямъ, а потомъ и навсегда удержали это имя за собою.

По ихъ преданію, у нихъ былъ и Геркулесъ, котораго они воспѣваютъ, идя на войну, прежде всѣхъ другихъ героевъ. У нихъ есть и другія пѣсни, подъ названіемъ *баритъ* (baritus, отъ bar, крикъ; отсюда производятъ *бардъ*, пѣвецъ), звуками которыхъ они вдохновляются, и по тону которыхъ предсказываютъ судьбу предстоящей битвы: ими овладѣваетъ страхъ, или они наводятъ страхъ на другихъ, когда раздается громъ этой пѣсни.

Это скорѣе, кажется, возгласы, внушаемые отвагою, нежели связныя слова. Они стараются произвести суровые звуки и отрывистый ревъ, прикладывая щитъ ко рту, чтобы голосъ, становясь черезъ то полнѣе и рѣзче, усиливался отраженіемъ звука. Нѣкоторые полагаютъ, что Улиссъ, въ своемъ долгомъ и баснословномъ странствованіи, занесенный въ тотъ океанъ, высадился въ Германіи, и что Асцибургъ (Asciburgium—неизвѣстно, гдѣ находился), городъ, нынѣ лежащій на берегу Рейна, обязанъ ему своимъ основаніемъ и именемъ [1])... Жертвенникъ, посвященный Улиссу, съ присоединеніемъ имени его отца, Лаерта, и найденный въ древности на этомъ же самомъ мѣстѣ, и другіе памятники и могилы съ греческими надписями, въ мѣстахъ пограничныхъ Германіи и Ретіи, какъ разсказываютъ, существуютъ и до сихъ поръ. Я не имѣю намѣренія ни подтверждать какими-нибудь доводами, ни опровергать всѣ эти сказанія; каждый по своему уразумѣнію можетъ имъ вѣрить или не вѣрить.

Я присоединяюсь къ мнѣнію тѣхъ, которые полагаютъ, что народы Германіи не смѣшивались ни съ какими другими народами черезъ брачные союзы, что они суть народы туземные, единокровные, расплодившіеся изъ самихъ себя. Это доказывается одинаковымъ характеромъ наружности германцевъ, несмотря на ихъ многочисленность: у всѣхъ грозные и голубые глаза, свѣтлорусые волоса, огромный ростъ; всѣ они обнаруживаютъ силу при первомъ порывѣ, но не имѣютъ равнаго терпѣнія, если нуженъ трудъ и работа; не переносятъ ни жажды, ни жара, но весьма привычны къ голоду и холоду, вслѣдствіе своего климата.

Страна ихъ хотя представляетъ разнообразіе видовъ, но вообще покрыта лѣсами или болотами; сырая со стороны Галліи, Германія доступна вѣтру со стороны Норика и Панноніи; довольно богатая хлѣбомъ, она неблагопріятна для плодоносныхъ деревьевъ. Скота много, но онъ не важный. Крупный скотъ лишенъ предмета своей гордости — украшенія бычачьяго чела. Германцы гордятся многочисленностью своихъ стадъ: они составляютъ ихъ единственное и самое лучшее богатство. По особенной ли милости, или по гнѣву, боги отказали германцамъ въ золотѣ и серебрѣ—не знаю. Впрочемъ, я не хочу утверждать, что въ Германіи нѣтъ ни золотой, ни серебряной руды. Кто, въ самомъ дѣлѣ, изслѣдовалъ ея почву? Германцы не страдаютъ жаждою золота и его растратою. Серебряныя вазы, подаренныя ихъ посламъ и князьямъ, пользуются у нихъ не бо̀льшимъ уваженіемъ, какъ и глиняныя; впрочемъ, племена, болѣе близкія къ нашимъ границамъ, знаютъ цѣну золота и серебра и умѣютъ раз-

---

[1]) Здѣсь пропущено въ манускриптахъ нѣсколько словъ.

личать нѣкоторые изъ знаковъ нашихъ монетъ, вслѣдствіе торговыхъ сношеній съ нами; но обитатели внутреннихъ странъ, болѣе простые и болѣе привязанные къ старинѣ, придерживаются мѣновой торговли. Они особенно любятъ древнія и стародавнія монеты, именно *серраты* (serrati, зубчатки) и *бигаты* (bigati, съ изображеніемъ bigae, парной колесницы). Они предпочитаютъ серебро золоту, не потому, чтобы оно имъ болѣе нравилось, а потому, что серебряныя монеты болѣе удобны для размѣна при покупкѣ мелкихъ и дешевыхъ товаровъ.

Германцы, судя по ихъ вооруженію, не богаты также и желѣзомъ. Рѣдко кто употребляетъ мечъ и длинныя пики; они имѣютъ при себѣ копья, или, какъ они сами называютъ, frameae (н. Pfriemen), заостренныя тонкимъ и короткимъ желѣзкомъ, но столь легкія и удобныя въ дѣлѣ, что ими можно сражаться, смотря по обстоятельствамъ, вблизи или издалека. И всадникъ довольствуется щитомъ и подобнымъ копьемъ; пѣхотинцы же осыпаютъ стрѣлами, которыхъ каждый имѣетъ по нѣскольку и пускаетъ весьма далеко. Они ходятъ или нагіе, или въ легкой рубашкѣ (sagulo leves); у нихъ нѣтъ ни малѣйшаго щегольства (nulla cultus jactatio); только щиты ихъ отличаются разнообразіемъ цвѣтовъ; немногіе имѣютъ панцыри (lorica); едва ли у одного или двухъ найдется мѣдный или желѣзный шлемъ. Лошади ихъ не отличаются ни внѣшностью, ни быстротою бѣга. Они не обучаютъ, какъ мы, лошадей различнымъ построеніямъ, но гоняютъ по прямой линіи или поворачиваютъ круто направо, и описываютъ столь правильный кругъ, что никто не остается позади. Говоря вообще, германцы наиболѣе сильны пѣхотою. Они сражаются нестройными рядами; пѣхотинцы, избираемые изъ всего юношества и помѣщаемые въ первыхъ рядахъ, своею легкостью въ движеніи весьма хороши въ случаѣ кавалерійскаго дѣла. Число ихъ опредѣлено во сто (centeni) человѣкъ съ селенія (pagis), почему и называютъ ихъ центенаріями; но то, что̀ прежде служило численнымъ выраженіемъ, нынѣ сдѣлалось титуломъ и почетнымъ именемъ. Войско, для битвы, строится угломъ (per cuneos). Обратиться въ бѣгство, съ цѣлью снова наступить, считалось скорѣе дѣломъ благоразумія, нежели трусости. Даже и въ нерѣшительномъ бою они уносятъ своихъ убитыхъ. Оставить на полѣ сраженія свой щитъ считается верхомъ безчестія; такое лицо не допускается къ участію ни въ жертвоприношеніяхъ, ни въ народныхъ собраніяхъ; и многіе кончали подобное воинское безчестіе петлею...

Теперь я изложу постановленія и обычаи отдѣльныхъ германскихъ народовъ, насколько они отличаются другъ отъ друга произношеніемъ, исчисливъ при этомъ, какія племена переселялись изъ Германіи въ Галлію.

По свидѣтельству самаго достовѣрнаго писателя, Юлія Цезаря (divus Julius), *галлы* были могущественнѣе всѣхъ другихъ народовъ; потому весьма вѣроятно, что они дѣлали переселенія въ Германію. Въ самомъ дѣлѣ, какое препятствіе могла представлять рѣка (Рейнъ), чтобы какая-нибудь нація, имѣвшая на своей сторонѣ перевѣсъ, не переселялась и не завладѣвала землями, еще никому не принадлежащими (promiscuas adhuc) и не подвластными никакому правительству? Такимъ образомъ, пространство между Герцинскимъ лѣсомъ

(Hercynia silva) и рѣками Рейномъ и Майномъ было занято *гельветами* (н. Швейцарія), а далѣе *бойями* (н. Баварія и Богемія)—оба народа гальскаго происхожденія. До сихъ поръ существуетъ названіе Бойэміи (Bojemum), указывающее на древнія воспоминанія этой страны, хотя ея населеніе уже перемѣнилось. Но *арависки*, переселились ли они въ Паннонію, какъ колонія озовъ, одного изъ германскихъ народовъ, или, наоборотъ, *озы* отдѣлились отъ арависковъ и переселились въ Германію, вопросъ этотъ остается нерѣшеннымъ, хотя ихъ языкъ, постановленія и обычаи совершенно сходны между собою; бывъ въ старину одинаково бѣдными и одинаково свободными, они испытывали на обоихъ берегахъ (Дуная) одно и то же добро и зло. *Треверы* и *нервіи* съ хвастовствомъ гордятся своимъ германскимъ происхожденіемъ, какъ бы желая такимъ родствомъ заставить забыть свое родство съ галлами, по своей лѣности. По самому берегу Рейна живутъ, безъ сомнѣнія, германскіе народы: *ваніоны*, *трибоки* и *неметы*. Даже *убіи*, хотя удостоились чести сдѣлаться римскою колоніею [1]) и охотно называютъ себя по имени ея основательницы агриппинцами, но они не краснѣютъ однакожъ за свое германское происхожденіе. Выселившись нѣкогда съ праваго берега Рейна, они, по испытаніи ихъ вѣрности, были поселены нами на самомъ берегу Рейна, но не съ тѣмъ, чтобы только сторожить, но и охранять страну.

Первыми по храбрости между всѣми этими народами считаются *батавы*, которые заселяютъ небольшую часть береговъ Рейна и занимаютъ въ цѣлости одинъ изъ ея острововъ; нѣкогда они составляли часть племени *хаттовъ*, и только вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ переселились въ тѣ мѣста, гдѣ они сдѣлались частью римской имперіи. Имъ принадлежитъ извѣстная честь (а именно, быть тѣлохранителями императоровъ), какъ знакъ древняго союза; они не унижаются внесеніемъ налоговъ, и наши сборщики податей не тѣснятъ ихъ; свободные отъ всякихъ тягостей и взносовъ, они сберегаются только для войны, и служатъ какъ бы охранительнымъ и наступательнымъ оружіемъ имперіи. На такомъ же положеніи поселены и *маттіаки*, ибо величіе римскаго народа распространило уваженіе къ имперіи за Рейнъ и за древніе наши предѣлы. Такимъ образомъ, германцы домами живутъ на своемъ берегу, но мыслью, и душею—съ нами. Во всемъ остальномъ они походятъ на батавовъ, и развѣ только почва и климатъ дѣлаютъ ихъ еще болѣе суровыми. Я не причисляю къ германскимъ народамъ тѣхъ, которые воздѣлываютъ *десятинныя поля* (Decumates agri), хотя они и живутъ по ту сторону Рейна и Дуная. Это были самые легкомысленные изъ галловъ, которымъ нищета внушила храбрость, и которые завладѣли страною, часто перемѣнявшею своихъ обывателей (dubiae possessionis). По мѣрѣ того, какъ расширялись предѣлы нашихъ владѣній и администраціи, они очутились посреди имперіи и сдѣлались ея частью.

За батавами живутъ *хатты*, которыхъ поселенія начинаются у Герцинскаго лѣса, не на низменныхъ и болотистыхъ земляхъ, подобно

[1]) Тацитъ говоритъ о Кёльнѣ, Colonia Agrippina.

другимъ странамъ Германіи, но на постепенно понижающихся холмахъ: Герцинскій лѣсъ идетъ вмѣстѣ съ хаттами и съ ними же оканчивается. Народъ у нихъ отличается самымъ крѣпкимъ сложеніемъ, мускулистыми членами, грознымъ видомъ и большою твердостью духа. Для германцевъ, они имѣютъ много ума и смышлености. Хатты сами избираютъ начальниковъ; повинуются своимъ выборнымъ; знаютъ порядки, не пропускаютъ случая, умѣютъ отложить нападеніе, выбрать днемъ время, ночью обезпечить себя, въ дѣлѣ сомнительномъ положиться на случай, въ дѣлѣ же вѣрномъ—на доблесть; но что̀ весьма рѣдко между германцами, и что̀ можетъ быть только слѣдствіемъ дисциплины, хатты полагаются болѣе на вождя, чѣмъ на войско. Вся сила ихъ въ пѣхотѣ, которая несетъ на себѣ, кромѣ аммуниціи (ferramenta), и провіантъ. Другіе идутъ въ походъ, какъ бы въ сраженіе, а хатты— какъ на войну; набѣги и неожиданныя битвы у нихъ рѣдки. Одной кавалеріи свойственно скоро одерживать побѣду и скоро потерять. Быстрота граничитъ со страхомъ, медленность же походитъ на твердость.

У хаттовъ обратилось въ общій обычай то, что̀ у другихъ германскихъ народовъ встрѣчается рѣдко и какъ частный случай; а именно, хатты, достигнувъ возмужалости, отпускаютъ себѣ волоса и бороду и считаютъ себя связанными этимъ обѣтомъ, пока не удастся убить кого-нибудь изъ варваровъ. Только проливъ кровь и овладѣвъ трофеями падшаго, они стригутъ волоса на головѣ и бородѣ, и тогда только считаютъ себя родившимися не даромъ и достойными отчизны и предковъ. Ничтожные и трусливые должны сохранять свой отвратительный видъ. Самые храбрые носятъ сверхъ того на пальцѣ желѣзное кольцо, которое считается, какъ звено цѣпи, поношеніемъ, до тѣхъ поръ, пока смертью врага не снимутъ съ себя зарока. Этотъ обычай въ употребленіи у большей части хаттовъ: они носятъ такія кольца до сѣдыхъ волосъ и съ гордостью показываютъ ихъ и врагамъ, и своимъ: подобныя лица начинаютъ бой и всегда составляютъ первый рядъ, поражая своимъ оригинальнымъ видомъ; даже и въ мирное время они не смягчаютъ своей наружности. Хатты не имѣютъ ни домовъ, ни полей, ни другой какой заботы. Къ кому придутъ, у того ѣдятъ: щедрые на чужой счетъ, безъ заботъ о своемъ имуществѣ, они живутъ такъ, пока застывшая кровь старости не сдѣлаетъ ихъ неспособными къ такой свирѣпой доблести.

Ближе всѣхъ къ хаттамъ, въ томъ мѣстѣ теченія Рейна, гдѣ русло его становится глубокимъ (alveo certum), и можетъ потому служить прочною границею, живутъ *узипіи* и *тенктеры*. Тенктеры, сверхъ другихъ обыкновенныхъ воинскихъ доблестей, особенно отличаются искусствомъ наѣздничества. Слава пѣхоты хаттовъ не выше славы кавалеріи тенктеровъ; такъ было то у предковъ, и потомки подражаютъ имъ. Верховая ѣзда для дѣтей служитъ забавою, для юношей — предметомъ соревнованія, и даже старики продолжаютъ это упражненіе.

При наслѣдствѣ дома и имущества существуетъ особое преданіе о правѣ наслѣдованія конемъ: его получаетъ не старшій сынъ, какъ все прочее, но отважнѣйшій на войнѣ и самый ловкій. Возлѣ тенкте-

ровъ жили нѣкогда *бруктеры*; нынѣ, говорятъ, вселились туда *хамавы* и *ангривары*, изгнавъ и почти вырѣзавъ, въ союзѣ съ сосѣдними народами, бруктеровъ, или изъ ненависти къ ихъ гордости, или изъ жажды добычи, или по какой-то милости боговъ къ намъ. При этомъ случаѣ погибло варваровъ болѣе шестидесяти тысячъ не отъ римскаго оружія, но, что еще лучше, только для услажденія нашихъ глазъ. Да продлится и сохранится у этихъ народовъ, если для нихъ невозможна любовь къ Риму, вражда другъ къ другу, потому что при настоящихъ трудныхъ обстоятельствахъ имперіи (in urgentibus fatis Imperii), судьба не можетъ оказать намъ большей милости, какъ поддерживая междоусобія нашихъ враговъ.

Позади ангриваровъ и хамавовъ живутъ *дулгибины*, *хазуары*, и другіе рѣдко упоминаемые народы. Впереди всѣхъ встрѣчаются *фризіи*, подраздѣляемые, по степени ихъ могущества, на великофризіевъ и малофризіевъ (majores minoresque Frisii). Оба эти народа живутъ по Рейну до самаго океана и по берегамъ огромныхъ озеръ (какъ наприм., Зюдерзее), по которымъ ходилъ римскій флотъ. Такимъ образомъ, мы коснулись самаго океана. Носится слухъ, что въ этомъ мѣстѣ и теперь находятся Геркулесовы столбы (т.-е. сѣверные), или потому, что туда заходилъ Геркулесъ, или потому, что мы привыкли относить все великое къ его славѣ. У Друза и Германика не было недостатка въ предпріимчивости, но океанъ отказался открыть имъ свои и геркулесовскія тайны. Никто другой не дѣлалъ къ тому попытокъ, и всѣмъ казалось болѣе достойнымъ святыни и болѣе почтительнымъ вѣрить въ твореніе боговъ, нежели постигать ихъ.

Настолько извѣстна намъ западная Германія; она, дѣлая огромный оборотъ, простирается еще далеко на сѣверъ. Первымъ попадается тутъ народъ *хауковъ*, который, хотя граничитъ съ фризами и занимаетъ часть берега, но въ то же время тянется по предѣламъ всѣхъ вышеисчисленныхъ мною народовъ и замыкается владѣніями хаттовъ. Все это огромное пространстоо не только принадлежитъ хаукамъ, но и густо заселено ими. Это самый благородный изъ германскихъ народовъ, предпочитающій поддерживать свое величіе справедливостью. Чуждый корысти и насилія, этотъ тихій и уединенный народъ не любитъ накликать войну и предаваться хищничеству и разбою: главное доказательство его доблести и силы состоитъ въ томъ, что онъ, безъ помощи обидъ, достигъ первенства. Однако, оружіе у нихъ у всѣхъ наготовѣ, и если обстоятельства потребуютъ, то есть и многочисленное войско пѣхоты и конницы: во время мира онѣ пользуются одинаковою славой.

Между хауками и хаттами живутъ изнѣженные *херуски*, которыхъ разслабилъ и исказилъ чрезмѣрно продолжительный миръ; но въ немъ было болѣе удовольствія, чѣмъ безопасности, потому что между слабымъ и сильнымъ миръ бываетъ обманчивъ, когда же дойдетъ до войны, то справедливъ будетъ тотъ, кто одержитъ верхъ. Такимъ-то образомъ херуски, которые прежде считались добрыми и справедливыми, нынѣ слывутъ трусами и глупцами. У побѣдителей же, хаттовъ, счастіе пошло за мудрость. *Фозы*, увлеченные паденіемъ херусковъ,

какъ народъ смежный съ ними, раздѣляютъ пополамъ ихъ горе, тогда какъ въ ихъ счастіи они имѣли гораздо меньшую часть.

Въ томъ же сѣверномъ углубленіи Германіи, ближе къ морю, живутъ *кимвры*, нынѣ народъ небольшой, но великій своею славою, которой древніе слѣды существуютъ и до сихъ поръ: видны на обоихъ берегахъ рѣки мѣста прежняго ихъ лагеря, по обширности котораго можно судить о многочисленности и силѣ этого народа и повѣрить огромности его армій. Римъ переживалъ шестьсотъ-сороковой годъ своего существованія (114 г. до Р. Х.), когда мы впервые услышали звукъ оружія кимвровъ, въ консульство Цецилія-Метелла и Папирія-Карбона. Отъ этой эпохи до вторичнаго избранія въ консулы императора Траяна считается почти двѣсти десять лѣтъ (96 г. по Р. Х,): вотъ какъ медленно было завоеваніе Германіи. Въ теченіе всего этого огромнаго періода времени потери были многочисленны и обоюдны. Ни самнитянинъ, ни карѳагенецъ, ни испанецъ, ни галлъ, ни даже парѳянинъ не дѣлали намъ столь частыхъ тревогъ: для германцевъ свобода дороже, чѣмъ для парѳянъ престолъ Арзакидовъ. Кромѣ пораженія Красса, при чемъ палъ и самъ Пакоръ (полководецъ парѳянскій), что̀ еще можетъ представить намъ Востокъ, потрясенный Вентидіемъ? Германцы же разбили или взяли въ плѣнъ Карбона, Кассія, Скавра-Аврелія, Сервилія-Цепіона, даже Кн. Манлія, истребивъ у римской республики пять консульскихъ армій, и поразили Вара, лишивъ самого Августа трехъ легіоновъ. Даже Марій въ Италіи, Цезарь въ Галліи, Друзъ, Неронъ и Германикъ въ предѣлахъ самой Германіи, не безнаказанно для себя наносили имъ пораженія. Позже. они обращали въ смѣхъ громкія угрозы Кайя-Цезаря (т.-е. Калигулы), Наши несогласія и междоусобныя войны дали имъ возможность отдохнуть и, овладѣвъ зимними стоянками нашихъ легіоновъ, покуситься на Галлію; хотя въ послѣднее время ихъ выгнали оттуда, но мы праздновали болѣе тріумфовъ, чѣмъ побѣдъ, въ борьбѣ съ германцами.

Теперь слѣдуетъ сказать о *свевахъ*, которые не составляютъ одной цѣльной націи, подобно хаттамъ и тенктерамъ: они занимаютъ бо̀льшую часть Германіи, подраздѣляясь на отдѣльныя націи съ особенными именованіями, хотя вообще всѣ они называются свевами. Внѣшній признакъ ихъ составляютъ закрученные и связанные въ узелъ волоса. Этимъ свевовъ можно отличить отъ прочихъ германцевъ, а въ ихъ собственной средѣ такъ отличается свободный отъ раба. У другихъ народовъ рѣдко придерживаются этого обычая, или по родству съ свевами, или, какъ часто бываетъ, изъ подражанія, но и то больше между молодыми людьми. У свевовъ такая взбитая прическа сохраняется даже до сѣдыхъ волосъ, и часто они завязываютъ волоса узломъ на маковкѣ. Ихъ князья имѣютъ еще болѣе пышную прическу: такая забота о наружности есть кокетство, впрочемъ, безвредное; они дѣлаютъ все это не для любви или чтобы плѣнить собою, но чтобы казаться выше ростомъ и болѣе страшными, когда они идутъ на войну, и украшеніе волосъ назначается для глазъ непріятеля.

Древнѣйшимъ и благороднѣйшимъ племенемъ свевовъ считаютъ себя *семноны*. Такая древность ихъ подтверждается религіею. Въ

опредѣленное время всѣ принадлежащіе къ этому племени собираются чрезъ своихъ депутатовъ въ лѣсу, освященномъ при праотцахъ и наводящемъ страхъ своими вѣковыми деревьями; принесеніемъ человѣка въ жертву варвары открываютъ свой ужасающій обрядъ. У нихъ есть другой способъ выразить свое благоговѣніе предъ этимъ лѣсомъ: никто не смѣетъ вступать въ него иначе, какъ съ цѣпью на рукѣ, въ знакъ своей слабости и памятуя могущество божества. Если кто случайно упадетъ, ему воспрещается подняться и встать: онъ долженъ катиться по землѣ. Этотъ суевѣрный обрядъ указываетъ на то, что люди вышли изъ земли (inde initia gentis), что тамъ обитаетъ богъ вселенной (omnium deus), и что все остальное подчиняется и повинуется ему. Благоденствіе семноновъ увеличиваетъ ихъ могущество: ихъ владѣнія раздѣляются на сто округовъ, и многочисленность ихъ даетъ имъ право считать себя во главѣ свевовъ.

Напротивъ того, *лонгобарды* уважаются и при своей малочисленности; окруженные многими могущественными народами, они обороняются не готовностью быть покорными, а любовью къ войнѣ и опасностямъ. Потомъ слѣдуютъ *ревдинги*, *авіоны*, *англіи*, *варины*, *эвдозы*, *свардоны* и *нуитоны*, защищаемые рѣками и лѣсами. Всѣ эти народы не представляютъ ничего замѣчательнаго; развѣ только одно, что всѣ они одинаково обоготворяютъ Нерту (т.-е. Герту), т.-е. мать-землю, и вѣрятъ, что это божество принимаетъ участіе въ дѣлахъ людскихъ и посѣщаетъ народы. На одномъ островѣ океана находится священный лѣсъ, и посреди него колесница, покрытая холстомъ и посвященная этому божеству. Коснуться ея дозволяется одному жрецу. Онъ знаетъ, когда богиня возсѣдаетъ на колесницѣ, и правитъ съ величайшимъ благоговѣніемъ двумя телицами, влекущими ее. Тогда наступаютъ веселые дни; мѣста, которыя она удостоиваетъ своимъ посѣщеніемъ, учреждаютъ празднества. Никто не идетъ на войну и не беретъ оружія въ руки; все желѣзное прячется; всѣ только и знаютъ, только и любятъ, что миръ и покой, пока тотъ же жрецъ не отвезетъ назадъ богиню, насытившуюся уже пребываніемъ среди смертныхъ. Тогда колесница и ея покрывало, а если хотите вѣрить, и сама богиня омываются въ уединенномъ озерѣ; этотъ обрядъ совершаютъ рабы, которые тотчасъ же поглощаются тѣмъ же озеромъ. На этомъ основанъ таинственный страхъ и святое невѣдѣніе относительно вопроса: что̀ можетъ быть заключено тамъ, чего нельзя видѣть иначе, какъ подъ условіемъ смерти?

Эта часть свевовъ углубляется въ самыя отдаленныя страны Германіи. Теперь, если слѣдовать по теченію Дуная, какъ мы только-что сдѣлали съ Рейномъ, то ближайшимъ къ намъ народомъ будутъ *гермундуры*, вѣрные римлянамъ, почему они одни изъ германцевъ могутъ торговать не только по берегамъ, но и внутри страны, и даже въ самой цвѣтущей изъ нашихъ колоній, въ провинціи Ретіи [1]). Они переходятъ вездѣ и безъ конвоя; другимъ народамъ мы показываемъ только наше оружіе и наши укрѣпленія, имъ же открываемъ

[1]) Тацитъ разумѣетъ, вѣроятно, Augusta Vindelicorum, нынѣ Аугсбургъ.

наши городскіе и сельскіе дома, не возбуждая тѣмъ опасной зависти. Въ странѣ гермундуровъ беретъ свое начало Эльма — эта знаменитая и нѣкогда знакомая намъ рѣка, а нынѣ извѣстная только по имени.

Возлѣ гермундуровъ живутъ *нариски*, а далѣе *маркоманы* и *квады*. У маркомановъ больше всѣхъ славы и силы; самую землю свою, изгнавъ давно уже оттуда бойевъ, они пріобрѣли храбростью. Нариски и квады не уступятъ имъ; они образуютъ какъ бы авангардъ придунайскихъ германцевъ. Маркоманы и квады, до нашего времени, имѣли королей изъ своего же племени, изъ благородныхъ фамилій Марободуя и Тудра; но теперь они допускаютъ и чужеземцевъ. Сила и власть королей опирается на Римъ; но мы рѣдко помогаемъ имъ оружіемъ, чаще деньгами—и тѣмъ не менѣе они могущественны.

Позади, въ тылу у маркомановъ и квадовъ, живутъ *марсигны*, *готины* (gothini), *озы* и *буріи*. Изъ нихъ марсигны и буріи походятъ на свевовъ языкомъ и одеждою. Гальскій языкъ готиновъ и паннонскій озовъ доказываютъ ихъ не германское происхожденіе; притомъ же они допускаютъ облагать себя податями. Часть этихъ податей налагаютъ на нихъ сарматы, а часть—квады, считая ихъ инородцами. Для довершенія позора готиновъ, ихъ употребляютъ для разработки желѣза. Всѣ эти народы рѣдко поселяются на равнинахъ и живутъ на обрывахъ и вершинахъ горныхъ хребтовъ. Дѣйствительно, вся Свевія раздѣлена на двѣ части непрерывною цѣпью горъ, по которымъ разселены многочисленные народы; изъ нихъ болѣе всего распространено имя *лигіевъ*, обнимающее собою множество поселеній. Достаточно наименовать болѣе значительныя изъ нихъ: *аріи*, *гельвеконы*, *манимы*, *элизіи*, *наганарвалы*. У наганарваловъ существуетъ древняя священная роща. Во главѣ религіи стоитъ жрецъ, одѣвающійся по-женски; но боги ихъ, если сравнивать религію наганарваловъ съ римскою религіею, могутъ быть названы Касторомъ и Поллуксомъ: значеніе ихъ одинаково, и называются они Алками (Alci). Алки не имѣютъ для себя изображеній, и въ ихъ культѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ заимствованія изъ какой-нибудь чужеземной религіи; однако, тѣмъ не менѣе они почитались братьями и юношами. Впрочемъ, аріи, превосходя силами всѣ вышеисчисленные народы, особенно свирѣпы, и умѣютъ еще свою прирожденную свирѣпость увеличивать искусствомъ и выборомъ времени для нападенія: щиты ихъ черны, тѣло окрашено, а для битвы они выбираютъ самую темную ночь. Страшный и мрачный видъ ихъ оружія распространяетъ ужасъ: никто не можетъ вынести такого небывалаго и адскаго зрѣлища, потому что во всѣхъ битвахъ прежде всего наносится пораженіе глазамъ (oculi primi vincuntur). За лигіями далѣе живутъ *готоны* (gothones; у писателей эпохи паденія з. р. имперіи они называются gothi, готы), управляемые королями и потому болѣе дисциплинированные другихъ германскихъ народовъ, безъ ущерба, однако, для свободы. Далѣе, по направленію къ океану, живутъ *ругіи* и *лемовіи*; отличительный знакъ этихъ народовъ: круглый щитъ, короткіе мечи и подчиненность королямъ.

Еще далѣе, на самомъ океанѣ (Балтійское море), находятся селенія *суіоновъ* (Suiones, откуда позднѣйшее имя Suecі, шведы), силь-

ныхъ не только войскомъ и оружіемъ, но и флотомъ. Форма ихъ судовъ отличается тѣмъ, что они имѣютъ съ обѣихъ сторонъ носъ, и потому всегда готовы дѣйствовать съ фронта; не снабжены парусами, и весла не привязаны въ порядкѣ по бокамъ, но, какъ на нѣкоторыхъ рѣчныхъ судахъ, оставляются подвижными и употребляются въ томъ или другомъ мѣстѣ, смотря по обстоятельствамъ. Богатство пользуется у нихъ большимъ уваженіемъ, и вслѣдствіе того они подчиняются волѣ одного, безъ всякихъ ея ограниченій; обязанность повиноваться не имѣетъ условій (non praecario jure parendi). Даже оружіе не находится у нихъ въ рукахъ каждаго, какъ у другихъ германскихъ народовъ, но заперто и подъ стражею, которая состоитъ притомъ изъ рабовъ: океанъ охраняетъ ихъ отъ внезапныхъ нападеній непріятеля, а люди праздные и вооруженные весьма легко развращаются. Наконецъ, выгода королевской власти требуетъ, чтобы въ хранители оружія не былъ назначаемъ ни благородный, ни свободно-рожденный, ни даже вольноотпущенный.

Далѣе, за суіонами, простирается другое море, спящее и почти неподвижное (т.-е. вѣчно покрытое льдами); что оно опоясываетъ и замыкаетъ со всѣхъ сторонъ вселенную, о томъ заключаютъ на основаніи того, что лучи заходящаго солнца въ тѣхъ мѣстахъ продолжаютъ сіять до самаго восхода съ такимъ блескомъ, который затмеваетъ звѣзды. Общее убѣжденіе присовокупляетъ къ тому ясный шумъ (т.-е. волнъ отъ колесницы Аполлона), очертаніе коней и голову, окруженную лучами. Тутъ останавливаются человѣческія извѣстія и предѣлы природы. На правомъ берегу Свевскаго моря (Балтійскаго) живутъ *эстуи* (отсюда эстоны), которые по своимъ обычаямъ и одеждѣ походятъ на свевовъ, но языкъ ихъ ближе къ британскому. Они поклоняются матери боговъ (т.-е. Гертѣ, Землѣ). Особенность ихъ культа представляютъ носимыя ими на себѣ фигурки вепря (formas aprorum); это охраняетъ и защищаетъ, какъ оружіе, такъ что вѣрный поклонникъ богини считаетъ себя безопаснымъ даже среди непріятеля. Они рѣдко употребляютъ желѣзо, но палку—часто. Они сѣютъ хлѣбъ и другія произведенія съ бо̀льшею терпѣливостью, какой можно бы ожидать отъ обычной лѣни германцевъ. Они промышляютъ и на морѣ, и только одни занимаются отыскиваніемъ, на днѣ морскомъ и по берегамъ, янтаря (succinum), который на ихъ языкѣ называется *глезъ*, glesus (н. Glas, стекло). Ни свойствъ, ни его происхожденія, какъ варвары, они не отыскивали и не находили. Янтарь долго валялся на морскомъ берегу вмѣстѣ съ прочими предметами, выбрасываемыми моремъ—до тѣхъ поръ, пока наша роскошь не придала ему цѣнности: сами же варвары не дѣлаютъ изъ него никакого употребленія, собираютъ, какъ есть, въ томъ же грубомъ видѣ продаютъ, и удивляются, за что̀ имъ платятъ. Янтарь можно принять за остывшій древесный сокъ, потому что въ немъ часто замѣчаются ползающія и даже крылатыя насѣкомыя, которыя, завязнувъ въ жидкости, по затвердѣніи ея остаются внутри прозрачной массы. Я полагалъ бы, что, подобно тому, какъ въ отдаленныхъ странахъ Востока находятся рощи и лѣса сочныхъ деревьевъ, которыя даютъ ладанъ и обтекаютъ бальзамомъ, такъ и на Западѣ существуютъ острова и

земли, въ лѣсахъ которыхъ лучи близкаго къ нимъ солнца выгоняютъ сокъ изъ деревьевъ, и жидкость скатывается въ сосѣднее море, откуда, силою бурь, прибивается къ противоположному берегу. Если для открытія свойствъ янтаря положить его на огонь, то онъ загорится, какъ смола, и дастъ пламя, обратившись въ густую и благовонную жидкость, а потомъ застынетъ, подобно сѣрѣ или резинѣ. Племя *ситоновъ* составляетъ продолженіе суіоновъ, сходное съ ними во всемъ, отличающееся только въ томъ отношеніи, что управляется женщиною: такимъ образомъ, они не только не свободны, но и въ самомъ рабствѣ еще рабы (non modo a libertate, sed etiam a servitute degenerant). Тутъ предѣлы свевской земли.

Я не знаю, куда отнести *певциновъ*, *венедовъ* и *ферновъ* (Fenni, н. финны): къ сарматамъ или къ германцамъ? Если певцины, которыхъ иные называютъ *бастарнами*, напоминаютъ германцевъ языкомъ, одеждою и жилищами, то, съ другой стороны, по неопрятности всего народа, по лѣности знатныхъ, по смѣшаннымъ бракамъ, они не выше быта сарматовъ. Венеды заимствовали многіе изъ своихъ обычаевъ у послѣднихъ. Они опустошили своими грабежами всѣ горные лѣса, находящіеся между певцинами и феннами. Однакоже ихъ можно причислить скорѣе къ германцамъ, ибо они, какъ и тѣ, строятъ себѣ жилища, носятъ щиты и любятъ упражнять своихъ пѣхотинцевъ въ ловкости,—все это незнакомо сарматамъ, проводящимъ жизнь на коняхъ и въ кибиткахъ. Фенны чрезвычайно дики и отвратительно бѣдны; они не имѣютъ ни оружія, ни лошадей, ни домовъ; трава— ихъ пища, шкуры—одежда, и земля—постель. Вся ихъ защита— стрѣлы, заостренныя, по недостатку желѣза, костями. Охота составляетъ занятіе одинаково и мужчинъ, и женщинъ: они отправляются вмѣстѣ, и каждый имѣетъ свою часть въ добычѣ. Дѣти не имѣютъ другого спасенія отъ дождя и дикихъ звѣрей, кромѣ шалаша изъ вѣтвей. Тамъ укрываются и юноши, и старики. Они считаютъ себя счастливѣе тѣхъ, которые вздыхаютъ надъ плугомъ, устаютъ при постройкѣ домовъ, мучатся страхомъ за свое имущество и жаждою чужого добра. Не боясь ни несправедливости людей, ни гнѣва боговъ, они достигли того, что̀ болѣе всего трудно: имъ ничего не нужно желать! Всѣ другіе разсказы объ этихъ странахъ баснословны: напримѣръ, *геллузіи* и *оксіоны*, по разсказамъ, имѣютъ лицо человѣческое, а туловище и прочіе члены, какъ у дикихъ звѣрей; оставляю все это, за неимѣніемъ доказательствъ, неразрѣшеннымъ.

Тацитъ.

De situ, moribus et popul. Germaniae,
I—VI: XXVIII—XLVI.

См. примѣчаніе къ ст. 20.

---

31. — Позднѣйшія географическія извѣстія о древней Германіи.

(Конецъ VIII в.).

Чѣмъ больше сѣверная полоса отдалена отъ солнечнаго жара и охлаждена вліяніемъ льдовъ и снѣговъ, тѣмъ она здоровѣе для человѣческаго тѣла и тѣмъ болѣе благопріятна для размноженія народонаселенія; въ странахъ полуденныхъ наоборотъ: чѣмъ ближе онѣ къ солнечному зною, тѣмъ больше въ нихъ болѣзней, и тѣмъ менѣе онѣ способны къ рожденію людей крѣпкой породы. Вотъ почему на сѣверѣ образовались такія огромныя массы народовъ, и не безъ причины также цѣлая полоса земли, отъ Дона до послѣдняго запада, называется однимъ общимъ именемъ—*Германія*, хотя отдѣльныя ея части имѣютъ свои особенныя названія. Впрочемъ, римляне называли Верхнею и Нижнею Германіею только двѣ зарейнскія провинціи, пока они владѣли ими. Изъ этой многолюдной Германіи часто увозились безчисленныя толпы плѣнниковъ и продавались южнымъ народамъ; нерѣдко также многіе народы и сами уходили оттуда, потому что людей рождалось больше, нежели сколько земля могла прокормить: они переселялись иногда въ Азію, но преимущественно въ Европу, какъ въ страну, лежащую ближе къ нимъ. О томъ свидѣтельствуютъ повсюду разоренные города во всей Илиріи и Галліи, а въ особенности въ несчастной Италіи, которая испытала на себѣ свирѣпость почти всѣхъ тѣхъ народовъ. Готы, вандалы, руги, герулы, турцилинги и многія другія дикія и варварскія племена пришли изъ Германіи. Равнымъ образомъ, народъ виниловъ или лонгобардовъ, который впослѣдствіи счастливо господствовалъ въ Италіи, принадлежалъ къ германскому племени и переселился съ острова Скандинавіи, что̀ объясняютъ еще и другими причинами.

Плиній-Младшій въ своемъ сочиненіи „О природѣ вещей" упоминаетъ объ этомъ островѣ. Онъ, какъ мнѣ разсказывали люди, бывшіе тамъ, собственно не лежитъ среди моря, но его только омываютъ вокругъ морскія волны, по плоскости его береговъ [1]). Когда народонаселеніе этого острова до такой степени размножилось, что не могло уже болѣе помѣщаться на немъ, жители, какъ разсказываютъ, раздѣлились на три части и рѣшили по жребію, которая изъ нихъ должна оставить островъ и искать новаго мѣста для поселенія.

Тѣ, которымъ выпалъ жребій оставить отечественную землю и идти на чужбину, избрали себѣ въ предводители двухъ братьевъ, Ибора и Агіона, бывшихъ еще въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ и отли-

---

[1]) Non tam in mari est posita (insula), quam marinis fluctibus, propter planiciem marginum terras ambientibus circumfusa, etc. Авторъ хочетъ выразить такимъ образомъ, что Скандинавія отдѣляется отъ материка узкою полосою Балтійскаго моря и проливами, соединяющими его съ Нѣмецкимъ моремъ.

чавшихся предъ прочими. Затѣмъ они простились съ соотечественниками и родиною и отправились въ путь, искать новой земли для поселенія. Мать тѣхъ предводителей звали Гамбарой. Это была женщина, прославившаяся между своими умомъ и рѣшительностью характера; въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ къ ней имѣли большое довѣріе.

Я считаю небезполезнымъ прервать на короткое время нить разсказа и, такъ какъ рѣчь идетъ о Германіи, разсказать, между прочимъ, о томъ чудѣ, которое тамъ у всѣхъ на языкѣ. На самыхъ отдаленныхъ западныхъ границахъ Германіи можно видѣть, на берегу моря, подъ высокою скалой, пещеру, гдѣ, неизвѣстно съ какого времени, лежатъ погруженные въ глубокій сонъ семь мужей, у которыхъ не только тѣла, но даже и одежда нисколько не повреждены, и именно потому-то, что въ продолженіе столь многихъ лѣтъ они оставались неиспорченными, тамошніе грубые и невѣжественные народы оказываютъ имъ большое уваженіе. Судя по одеждѣ, ихъ должно принять за римлянъ. Однажды изъ любопытства кто-то хотѣлъ одного изъ нихъ раздѣть: говорятъ, что вскорѣ послѣ того у него отсохли руки. Наказаніе это до такой степени всѣхъ устрашило, что потомъ никто не осмѣливался дотрогиваться до спящихъ. Послѣдствія покажутъ, для какой цѣли божественное провидѣніе сохраняетъ ихъ такъ долго. Быть можетъ, ихъ проповѣдью—а ихъ считаютъ никѣмъ другимъ, какъ христіанами—тѣ народы должны быть еще разъ призваны къ спасенію.

Вблизи того мѣста живетъ народъ—*скриптовины*, у которыхъ даже лѣтомъ бываетъ снѣгъ. Они немногимъ отличаются отъ дикихъ звѣрей, ничего не ѣдятъ, кромѣ ихъ сырого мяса, а изъ необдѣланныхъ шкуръ приготовляютъ себѣ одежду. Въ переводѣ съ варварскаго языка, имя этого народа означаетъ—прыганіе: однимъ ловкимъ прыжкомъ, при помощи кривой, лукообразной дубины, они убиваютъ дикихъ звѣрей. У нихъ есть животное, похожее на оленя; изъ его жесткой шкуры я видѣлъ платье, достигающее до колѣна, въ родѣ туники, какъ его носятъ вышеупомянутые скриптовины. Въ этихъ странахъ, во время лѣтняго поворота солнца (въ іюнѣ), въ теченіе нѣсколькихъ дней свѣтло и ночью, и дни длиннѣе, чѣмъ гдѣ-либо; во время же зимняго поворота солнца, наоборотъ: хотя свѣтло, но солнце невидимо, дни короче и ночи длиннѣе, чѣмъ гдѣ-либо: ибо чѣмъ больше мы удаляемся отъ солнца, тѣмъ оно, повидимому, больше приближается къ землѣ, и тѣни становятся длиннѣе. Въ Италіи, на святкахъ, въ шестомъ часу [1]), какъ о томъ уже пишутъ древніе, отъ мужчины падаетъ тѣнь длиною въ девять футовъ. Въ бытность мою въ бельгійской Галліи, въ мѣстечкѣ Тотонисвиллѣ (н. Тіонвилль, на Мозелѣ), я смѣрилъ свою тѣнь и нашелъ, что она имѣла длины $19^1/_2$ футовъ. Наоборотъ, чѣмъ ближе въ полдень къ югу, тѣмъ тѣни дѣлаются короче, такъ что около полудня въ Египтѣ, Іерусалимѣ и другихъ сосѣднихъ мѣстахъ въ періодъ лѣтняго поворота солнца тѣней совершенно не бываетъ.

---

[1]) Полдень.

Въ это же самое время года, въ Аравіи, около полудня, солнце стоитъ на сѣверѣ и тѣни падаютъ къ югу.

Недалеко отъ морского берега, о которомъ я упомянулъ, къ западу, куда распространяется безконечный океанъ, находится неизмѣримо глубокій водоворотъ, который мы въ переносномъ смыслѣ называемъ „пупомъ моря". Два раза въ день поглощаетъ онъ и опять извергаетъ морскія воды, въ чемъ насъ убѣждаютъ морскія волны, которыя съ неимовѣрною быстротой стремятся къ этому берегу назадъ. Поэтъ Виргилій называетъ подобный водоворотъ или пучину Харибдой, которая, по словамъ его поэмы (Энеида, III, 420—423), находится въ Сицилійскомъ проливѣ. Онъ ее описываетъ слѣдующими словами: „На правой сторонѣ Сцилла, а съ лѣвой возсѣдаетъ Харибда: пучина трижды втягиваетъ своею пастью морскія волны, и, выкинувъ ихъ снова, пѣной обрызгиваетъ звѣзды".

Вышеупомянутый водоворотъ часто, какъ увѣряютъ, притягиваетъ корабли, и притомъ столь внезапно и съ такою быстротою, что они летятъ, подобно стрѣлѣ, и нерѣдко ужасно погибаютъ въ этой пучинѣ. Но часто также случается, что корабль, на краю гибели, силою волнъ выкидывается назадъ и летитъ далѣе съ тою же быстротою, съ которой былъ притянутъ. Утверждаютъ, что будто бы подобный же водоворотъ находится между островомъ Британніею и провинціею Галлиціей (въ сѣверозап. Испаніи), въ доказательство чего указываютъ на берега при устьѣ Сены и въ Аквитаніи, которые ежедневно два раза столь внезапно наводняются, что съ трудомъ можетъ спастись всякій, кто нѣсколько далеко отошелъ отъ берега къ морю. Тогда можно увидѣть, какъ рѣки тѣхъ земель быстро возвращаются назадъ, къ своему истоку, и прѣсная вода ихъ, на нѣсколько миль вверхъ по рѣкѣ, получаетъ острый соленый вкусъ. Миль около тридцати отъ устьевъ Сены лежитъ островъ Эбодія (н. Алдерней, близъ Нормандіи), на которомъ, какъ увѣряютъ его жители, можно слышать шумъ воды, стремящейся въ чертоги Харибды. Я слышалъ отъ весьма знатнаго галла, что одинъ корабль, уже прежде сильно пострадавшій отъ бури, былъ поглощенъ этой же самой Харибдой. Всѣ люди, находившіеся на этомъ кораблѣ, погибли, исключая одного, который былъ притянутъ быстрымъ теченіемъ къ самому устью страшной пучины. Когда онъ былъ уже на краю этой бездонной и широкой пропасти и, полумертвый отъ страха, готовился низринуться въ нее, какъ вдругъ неожиданно очутился на скалѣ; опредѣленное количество воды, которое должно было помѣститься въ этой пропасти, было уже ею поглощено, и потому ея края осушились. Послѣ такой опасности, когда онъ, дрожа отъ страха, едва могъ сидѣть и все еще ожидалъ отсроченной на время смерти, какъ вдругъ онъ увидѣлъ на днѣ пучины нѣчто въ родѣ большой горы, поднимающейся снизу и несущей на себѣ потопленные корабли. Когда одинъ изъ обломковъ находился въ близкомъ отъ него разстояніи, онъ схватился за него всею силой и быстро, вмѣстѣ съ нимъ, полетѣлъ къ берегу. Такъ онъ спасся отъ страшной погибели, и потомъ самъ разсказывалъ о своей великой опасности. Можно предполагать также, что и наше, т.-е. Адріатическое море, хотя оно и съ меньшею силой, но подобнымъ же образомъ

выступаетъ на венеціанскіе и истрійскіе берега, имѣя также подобные, только въ меньшихъ размѣрахъ и болѣе скрытые каналы, которые поглощаютъ въ себя отступающую воду и потомъ снова выкидываютъ ее на берегъ. Сдѣлавъ такое отступленіе, возвращаюсь опять къ начатому разсказу.

Павелъ Дьяконъ.

Исторія Лонгобардовъ. I, 1—6.

См. ниже, примѣчаніе къ ст. 47.

32.—Древнія извѣстія о восточныхъ сосѣдяхъ Германіи.

(около 380 г.).

Дунай (Ister), принимая въ себя большіе притоки, протекаетъ по землѣ *сарматовъ* (Sauromatae), которыхъ жилища тянутся до Дона (Tanais), отдѣляющаго Азію отъ Европы. Далѣе, въ безграничныхъ пустыняхъ Скиѳіи, живутъ *аланы*, получившіе свое наименованіе отъ горъ; частыми побѣдами покоривъ мало-по-малу пограничные народы, они, подобно персамъ, распространили свое имя, какъ благородное, на всѣхъ прочихъ. Между этими народами въ срединѣ находятся *невры*, въ сосѣдствѣ съ крутыми скалами, которыхъ обрывистыя и обледенѣлыя вершины обхватываются аквилономъ (сѣвернымъ вѣтромъ). За ними живутъ *будины* и *гелоны*, народы самыхъ жестокихъ нравовъ: они, сдирая кожу съ убитаго непріятеля, дѣлаютъ изъ нея для себя одежду, а для лошадей попону; воинственное племя *агатирсы* граничатъ съ гелонами; ихъ узнаютъ по голубому цвѣту, которымъ они окрашиваютъ свое тѣло и волосы. Простолюдины (humiles) дѣлаютъ пятна маленькія и рѣдкія, а благородные—большія, болѣе темныя и въ большемъ количествѣ. Далѣе, *меланхлены* и *антропофаги*, которые, я слышалъ, ведутъ жизнь кочевую и ѣдятъ человѣческое мясо. Такая отвратительная пища заставила ихъ сосѣдей, оставивъ ихъ, удалиться на большое разстояніе. Вотъ почему все пространство земли на ю.-в. до Китая необитаемо. Съ другой стороны, недалеко отъ страны Амазонокъ, на в., живутъ аланы, разсѣянные между безчисленными народами, жилища которыхъ углубляются далеко въ Азію и, какъ я слышалъ, распространяются до рѣки Ганга, перерѣзывающаго земли индусовъ и впадающаго въ Восточное море. Аланы, раскинутые въ двухъ частяхъ свѣта (здѣсь не мѣсто перечислять всѣ ихъ различные народы), хотя удалены на большое разстояніе другъ отъ друга, но странствуютъ, какъ номады, въ видѣ обширныхъ селеній: съ тече-

ніемъ времени они получили общее имя и всѣ были названы аланами... Они совсѣмъ не имѣютъ шатровъ, не обрабатываютъ земли, питаются мясомъ и молокомъ, живутъ въ кибиткахъ, покрытыхъ древесною корою, и странствуютъ такимъ образомъ по безконечнымъ пустынямъ. Когда они приходятъ на какое-нибудь пастбище, то располагаютъ свои кибитки въ видѣ круга, и кормятся тутъ по способу дикихъ звѣрей. Какъ скоро истощится запасъ, они везутъ свой складной городъ далѣе; внутри кибитокъ мужчины живутъ вмѣстѣ съ женщинами, тамъ рождаютъ дѣтей, и тамъ же воспитываютъ ихъ; это ихъ постоянное жилище; на страну, въ которую они приходятъ, они смотрятъ какъ на свое отечество. Гоня предъ собою рогатый и мелкій скотъ, они пасутъ его; но главная забота ихъ сосредоточена на лошадяхъ. Въ тѣхъ странахъ луга всегда покрыты травою и перемежаются плодоносными оазисами, такъ что эти кочующіе народы, въ какую бы сторону ни направляли свой путь, не имѣютъ нужды заботиться о пищѣ или подножномъ кормѣ: все это дается влажною почвою, орошаемою многочисленными рѣками. Слабые, по своему полу или возрасту, сидятъ около повозокъ и исправляютъ домашнія работы. Молодые люди, привыкшіе съ ранняго дѣтства ѣздить на лошади, смотрятъ на ходьбу пѣшкомъ, какъ на униженіе. Разнообразная дисциплина дѣлаетъ изъ нихъ благоразумныхъ воиновъ. Вслѣдствіе того же самаго и народы скиѳскаго происхожденія весьма ловки въ сраженіи. Знатные между аланами почти всѣ красивы: волоса нѣсколько русые, глаза нѣсколько косые и суровый взглядъ, легки на ногу и легко вооружены; во всемъ похожи на гунновъ, только опрятнѣе наружностью и разборчивѣе въ пищѣ. Занимаясь грабежомъ и охотою, они доходятъ до Меотійскихъ болотъ и Киммерійскаго Босфора, и простираютъ свои набѣги до Арменіи и Мидіи. Какъ людямъ тихимъ и мирнымъ желателенъ миръ, такъ имъ пріятны война и опасности. Тотъ почитается счастливымъ, кто умретъ въ сраженіи; состарѣвшіеся и погибшіе отъ несчастнаго случая преслѣдуются жестокими оскорбленіями, какъ трусы и презрѣнные люди: нѣтъ лучшей похвалы, какъ сказать, что такой-то убитъ въ сраженіи, и самую славную добычу составляетъ кожа, содранная съ убитаго непріятеля, которую они надѣваютъ на своихъ боевыхъ коней вмѣсто чепрака. У нихъ не видно ни храмовъ, ни капищъ, ни моленъ, покрытыхъ соломою; мечъ, наголо вонзенный въ землю, внушаетъ имъ бо̀льшее почтеніе, нежели Марсъ въ тѣхъ странахъ, около которыхъ они кочуютъ. Будущее они предсказываютъ удивительнымъ образомъ: набравъ прямыхъ прутьевъ, они раскладываютъ ихъ съ таинственными пѣснями въ назначенное время, и по нимъ видятъ ясно то, о чемъ гадаютъ. Они не знаютъ рабства, потому что у нихъ всѣ родились въ одномъ благородномъ племени. Они выбираютъ себѣ также судей, испытанныхъ во время продолжительныхъ войнъ. На этихъ-то аланъ, древнихъ массагетовъ, напалъ воинственный и неукротимый народъ гунновъ, горя безчеловѣчною жаждою грабежа и насытившись кровью и расхищеніемъ своихъ ближайшихъ сосѣдей.

Гунны, упоминаемые въ древнихъ памятникахъ только мимоходомъ, живутъ за Меотійскими болотами, близъ Ледовитаго моря, и

своими нравами превышаютъ всякую мѣру жестокости. Еще у новорожденныхъ они глубоко разрѣзываютъ мечомъ щеки, чтобы стянувшіеся рубцы остановили своевременный ростъ волосъ, и потому гунны въ старости безбороды и безобразны, какъ евнухи (spadones). Члены ихъ тѣла крѣпки и тверды; шея толстая; съ виду они чудовищны и до того сутуловаты, что ихъ примешь за двуногихъ животныхъ, или за грубо высѣченные столбы, съ человѣческою фигурой, какіе обыкновенно ставятся по краямъ мостовъ. Какъ непривлекателенъ ихъ внѣшній видъ, такъ груба и вся обстановка ихъ жизни: они не употребляютъ огня для согрѣванія пищи и питаются кореньями дикихъ травъ и полусырымъ мясомъ всякой твари, которое они слегка согрѣваютъ, положивъ его между сидѣньемъ и хребтомъ лошади. У нихъ нѣтъ крытыхъ жилищъ: они бѣгутъ отъ нихъ, какъ отъ могилъ. Даже нѣтъ хижинъ, покрытыхъ тростникомъ. Кочуя по горамъ и лѣсамъ, они привыкли переносить съ колыбели холодъ, голодъ и жажду. Они съ трудомъ рѣшаются войти въ крытое зданіе, и то по крайней необходимости: гуннъ не считаетъ себя безопаснымъ подъ кровлей. Они употребляютъ полотняныя одежды или сшитыя изъ кожи полевыхъ мышей: въ этой одеждѣ они и дома сидятъ, и выходятъ. Но рубашка, неопредѣленнаго цвѣта, однажды завязанная на шеѣ, не снимается до тѣхъ поръ, пока она, износившись, не расползется въ лохмотья. Голова покрывается кривою шапкою (galera), а волосатыя ноги обертываются козлиными шкурами; ихъ башмаки не имѣютъ никакой формы и мѣшаютъ имъ свободно ступать. По этой причинѣ гунны неспособны сражаться пѣшими. Они какъ будто прикованы къ своимъ лошадямъ, сильнымъ, но безобразнымъ; иногда они сидятъ верхомъ, какъ женщины, и въ этомъ положеніи занимаются своими обыкновенными дѣлами. Нѣтъ ни одного изъ нихъ, который не могъ бы провести день и ночь на лошади; сидя на ней, онъ продаетъ и покупаетъ, ѣстъ и пьетъ, припадаетъ къ узкой шеѣ своего животнаго, и въ глубокомъ снѣ ему грезятся всевозможныя сновидѣнія. Также верхомъ на лошади, они разсуждаютъ сообща о дѣлахъ важныхъ. Гунны не признаютъ строгой королевской власти, и передъ самымъ вторженіемъ въ ряды непріятелей избираютъ второпяхъ вождя изъ среды своихъ знатныхъ.

Они никогда не нападаютъ прямо, и предъ сраженіемъ, построившись клинообразно, испускаютъ предварительно крикъ, приводящій въ ужасъ. Такъ какъ они быстры и легки на бѣгу, то внезапно, съ намѣреніемъ разсыпавшись, могутъ снова соединиться и нестройною толпою разносить повсюду смерть. Во время войны они не нападаютъ на укрѣпленія и, за скоростью, не грабятъ непріятельскаго лагеря. По всему этому ихъ можно принять за самыхъ неустрашимыхъ воиновъ: издалека они пускаютъ дротики, на концѣ которыхъ прикрѣплены съ удивительнымъ искусствомъ заостренныя кости; вблизи сражаются мечами, не щадя самихъ себя, а раненаго непріятеля вяжутъ скрученными ремнями, съ тѣмъ, чтобы, скрутивъ, отнять у него возможность ѣздить или ходить. Ни одинъ изъ нихъ не обрабатываетъ земли и не дотрогивается до плуга; ни у кого нѣтъ постояннаго жилища, ни домашняго крова, ни законовъ, или

неизмѣннаго обычая; они всюду блуждаютъ, какъ бѣглецы, съ своими кибитками, въ которыхъ живутъ: тамъ ихъ жены занимаются приготовленіемъ безобразныхъ одеждъ мужьямъ; тамъ же всѣ вмѣстѣ спятъ, рождаютъ дѣтей и вскармливаютъ ихъ до отроческаго возраста.

Ни одинъ изъ нихъ, если его спросить, не знаетъ, откуда онъ, потому что онъ въ одномъ мѣстѣ былъ зачатъ, въ другомъ рожденъ, а воспитанъ еще гдѣ-нибудь далѣе. При перемиріи гунны непостоянны и вѣроломны; при новомъ случаѣ они измѣняются, предаваясь новой надеждѣ съ чрезвычайнымъ неистовствомъ. Нравами подобные неразсудительнымъ скотамъ, они вовсе не знаютъ различія между честнымъ и безчестнымъ; въ разговорѣ двусмысленны и темны; ни истинная, ни ложная религія не связываетъ ихъ никакимъ почитаніемъ; они горятъ неимовѣрною страстью къ золоту. Непостоянство ихъ и наклонность къ гнѣву столь велики, что часто въ одинъ и тотъ же день они ссорятся съ своими друзьями безъ всякой причины и примиряются безъ того, чтобы кто-нибудь ихъ убѣждалъ къ тому.

Амм. Марцеллинъ.

Rer. Gest. libri XXXI; кн. XXXI, 2.

См. примѣчаніе къ ст. 15.

33.—Начало великаго переселенія народовъ.

(около 550 г.).

Готы положили начало своему могуществу въ правленіе своихъ королей *Аріарика* и *Аорика* (современниковъ Константина Великаго и его союзниковъ). По смерти ихъ королевство наслѣдовалъ *Геберихъ*, знаменитый и по происхожденію, и по доблести: рожденный Гельдерихомъ, имѣя дѣдомъ Овиду и прадѣдомъ Нидаду, Геберихъ своими блестящими подвигами сравнился съ славою своего рода. Въ началѣ правленія онъ напалъ немедленно на *вандаловъ* и пошелъ на Визимара, ихъ короля, изъ дома Аздинговъ, которые, по свидѣтельству историка Дексиппа, отличаются между всѣми другими и составляютъ самый воинственный родъ; по его же показанію вандалы употребили цѣлый годъ для перехода отъ береговъ океана къ нашимъ границамъ: такъ огромно пространство этихъ земель. Въ то время они расположились на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ сидятъ *гепиды*, по берегамъ рѣкъ Маризіи, Миліара, Гильпиль и величайшей изъ всѣхъ нихъ, Гризіи. На востокъ отъ вандаловъ жилъ *готъ*, на западъ *маркоманъ*,

на сѣверъ *гермундуръ*, а на южной границѣ протекала рѣка Истеръ, называемая также и Дунаемъ (Danubius). Когда вандалы жили именно въ этихъ мѣстахъ, на нихъ напалъ Геберихъ, король готовъ, и послѣ кратковременной нерѣшительной борьбы съ ними на берегахъ вышеупомянутой рѣки Маризіи, поразилъ короля вандаловъ, Визимара, вмѣстѣ съ большею частью его народа. Но Геберихъ, знаменитый вождь готовъ, побѣдивъ и ограбивъ вандаловъ, возвратился домой, откуда пришелъ. Послѣ того тѣ немногіе изъ вандаловъ, которые уцѣлѣли отъ пораженія, захвативъ съ собою старыхъ и малыхъ (imbellium suorum) и оставивъ несчастную родину, просили у императора Константина Паннонію для поселенія, и помѣщенные тамъ на основаніи императорскихъ декретовъ, жили около 60 лѣтъ, считаясь всельниками (incolae). По приглашенію Стиликона, начальника всей пѣхоты, бывшаго консула и патриція, вандалы оттуда переселились въ Галлію, гдѣ, предаваясь грабежу по границамъ, они не имѣли постоянныхъ жилищъ.

По смерти Гебериха, короля готовъ, спустя нѣкоторое время, вступилъ въ управленіе *Германарикъ* (въ началѣ второй половины IV-го столѣтія), благороднѣйшій изъ фамиліи Амаловъ, который усмирилъ многіе самые воинственные сѣверные народы и подчинилъ ихъ своимъ законамъ. Наши предки справедливо сравнивали его съ Александромъ Великимъ. Ему были подвластны: *готы*, *скиѳы*, *твиды*, *инаунксисы*, *вазинабронкасы*, *меренсы* (мерь?), *мордензимнисы* (мордва?), *карисы* (карелы?), *рокасы*, *тадзансы*, *атуалы*, *навего*, *бубегентасы* и *колдасы*. Но прославившись подчиненіемъ такого множества народовъ, Германарикъ не могъ допустить того, чтобы народъ *геруловъ*, управляемый Аларикомъ и уже большею частію истребленный, не признавалъ надъ собою его власти. Этотъ народъ, населяя топкія мѣста, вблизи Меотійскихъ болотъ, называемыя у грековъ *Hele*, оттуда и названіе геруловъ, отличался быстротою набѣговъ и тѣмъ болѣе былъ дерзокъ. Въ то время всѣ народы вербовали у нихъ свою легкую пѣхоту для войска. Но бывъ непобѣдимы въ быстротѣ противъ другихъ воинственныхъ племенъ, герулы уступили стойкости и медлительности готовъ, и, по волѣ судьбы, подчинились власти короля готовъ (Getarum geri) Германарику, вмѣстѣ съ прочими народами. Послѣ пораженія геруловъ тотъ же Германарикъ повелъ войско противъ *венетовъ*; они хотя и неопытны въ военномъ дѣлѣ, но при своей многочисленности попытались сначала сопротивляться. Но никакая многочисленность людей невоинственныхъ не можетъ устоять противъ вооруженной силы, особенно если и Богъ поможетъ. Венеты раздѣляются на три части: *венетовъ*, *антовъ* и *склавенъ* (славянъ); всѣ они теперь, за грѣхи наши, свирѣпствуютъ противу насъ, а тогда всѣ признавали надъ собою власть Германарика. Равнымъ образомъ, и народъ *эстовъ*, занимающій длинные берега Германскаго океана (Балтійскаго моря), покорился его уму и доблести; своими трудами онъ покорилъ всѣ народы Скиѳіи и Германіи.

По истеченіи краткаго времени (376 г.), какъ разсказываетъ Орозій, на готовъ напали *гунны*, народъ, превосходящій всѣхъ своею жестокостью. По преданію древности, я узналъ слѣдующее о ихъ проис-

хожденіи. Филимеръ, король готовъ и сынъ Гандарика Великаго, пятый въ порядкѣ лицъ, управлявшихъ королевствомъ готовъ, по удаленіи ихъ съ острова Скандзы (Скандинавіи), и подъ предводительствомъ котораго его народъ вступилъ въ земли скиѳовъ, узналъ, что среди его народа водятся какія-то вѣдьмы, которыхъ онъ самъ называлъ на своемъ родномъ языкѣ *аліорумнами.* По его приказанію, онѣ были выгнаны и осуждены блуждать въ степяхъ, далеко отъ лагеря готовъ. Нечистые духи, увидѣвъ вѣдьмъ, скитавшихся въ пустынѣ, сочетались съ ними и породили этотъ варварскій народъ— гунновъ. Гунны сначала жили въ болотахъ, видомъ были малорослы, грязны и гнусны, едва похожи на людей, и ни одинъ звукъ ихъ голоса не напоминалъ человѣческаго языка. Такъ произошли тѣ гунны, которые приблизились къ землямъ готовъ. Это дикое племя, по словамъ историка Приска, жило на другомъ берегу Меотійскихъ болотъ, занималось единственно охотою и ничѣмъ другимъ; разродившись впослѣдствіи въ цѣлый народъ, гунны начали тревожить своихъ сосѣдей грабежами и коварствомъ. Однажды гунскіе охотники, преслѣдуя, какъ обыкновенно, добычу на другомъ берегу Меотійскихъ болотъ, замѣтили внезапно предъ собою лань; войдя въ болота, лань то шла впередъ, то останавливалась, и какъ бы указывала дорогу. Охотники послѣдовали за нею и такимъ образомъ перешли въ бродъ Меотійскія болота, которыя они считали непроходимыми, какъ и всякое море. Вскорѣ, когда показалась скиѳская земля, невѣдомая гуннамъ, лань исчезла. Я убѣжденъ, что все это сдѣлали тѣ нечистые духи, отъ которыхъ произошли гунны, изъ ненависти къ скиѳамъ. Не подозрѣвая существованія другого міра по ту сторону Меотійскихъ болотъ, охотники, пораженные удивленіемъ къ открытымъ ими землямъ Скиѳіи, какъ люди суевѣрные, приписали все сверхъестественному указанію того пути, который до того времени никому не былъ извѣстенъ. Возвратившись къ своимъ, они разсказали происшедшее, хвалили Скиѳію, и, убѣдивъ свой народъ, поспѣшили въ путь тою же дорогой, которую они открыли по указанію лани. Всѣ попавшіеся на встрѣчу скифы были принесены въ жертву побѣдѣ, а остальные, по усмиреніи ихъ, признали надъ собою власть гунновъ. Перейдя это обширное болото, гунны покорили алипзуровъ, алцидзуровъ, итимаровъ, тункассовъ и боисковъ, цѣлый рой народовъ, населявшихъ тотъ берегъ Скиѳіи. Затѣмъ они завоевали аланъ, утомивъ ихъ безпрерывною борьбою; аланы не уступали имъ въ военномъ дѣлѣ, а образованностью, образомъ жизни и наружностью существенно отличались отъ нихъ. Гунны, можетъ быть, и не превосходили аланъ въ искусствѣ войны; но аланы, приводимые въ ужасъ одною ихъ наружностью, обращались въ бѣгство отъ страха: у гунна лицо было ужасающей черноты и походило, если можно такъ выразиться, на безобразный кусокъ мяса съ двумя дырами, вмѣсто глазъ. Такая страшная внѣшность говорила о мужествѣ души; гунны свирѣпы даже съ своими новорожденными: они мечемъ исцарапываютъ имъ щеки, чтобы пріучить ихъ терпѣливо переносить раны, прежде нежели дитя научится сосать. Оттого у гунновъ старики остаются безбородыми, и юноши лишены украшенія совершеннолѣтія: раны изрытаго лица уничтожаютъ

заблаговременно корни бороды и усовъ. Ростомъ гунны невелики, но ловки въ движенiи и весьма искусны въ наѣздничествѣ; широкоплечи и вооружены стрѣлами и лукомъ; толстошеи и всегда гордо выпрямляются. Имѣя вообще человѣческую фигуру, гунны живутъ какъ дикiе звѣри.

Когда готы увидѣли въ первый разъ это воинственное племя, покорившее уже многiе народы, они пришли въ ужасъ и совѣщались съ своимъ королемъ, какими средствами можно спастись отъ подобнаго непрiятеля. Въ то время, когда Германарикъ, хотя онъ, какъ я выше сказалъ, вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы со многими народами, однакоже началъ думать о появленiи гунновъ, вѣроломные *россомоны* (Rossomoni, по др. списк. Roxolani, принимаемые за одинъ народъ съ тѣмъ, который у греческихъ писателей назывался οἱ Ῥῶς, руссы), бывшiе у него въ рабствѣ, нашли слѣдующiй случай погубить его. Одна женщина, по имени Сванигильда, изъ племени россомоновъ, вслѣдствiе дезертирства ея мужа, по приказанiю раздраженнаго короля, была привязана къ дикимъ лошадямъ и разорвана на части. Его братья, Саръ и Аммiй, мстя за смерть золовки, поразили мечемъ Германарика въ бокъ; истощенный раною, король влачилъ послѣ того печальную жизнь. Услышавъ о слабомъ здоровьѣ Германарика, Баламберъ (по друг. списк. Баламиръ), король гунновъ, овладѣлъ частью владѣнiй остроготовъ; визиготы, вслѣдствiе внутренней распри, отдѣлились отъ ихъ союза. Между тѣмъ Германарикъ, какъ отъ раны, такъ и отъ горя, которое ему причиняли набѣги гунновъ, умеръ на 110 году жизни, въ глубокой старости (grandaevus et plenus dierum). Его смерть дала гуннамъ возможность получить перевѣсъ надъ тѣми готами, которые занимали *восточный* край и потому назывались *остроготами*.

Визиготы, т.-е. тѣ ихъ союзники, которые жили на *западѣ*, устрашенные судьбою своихъ соотечественниковъ, разсуждали о своей участи по поводу гунновъ, колебались, и, наконецъ, по долгомъ размышленiи, общимъ приговоромъ рѣшили отправить въ римскую землю пословъ къ императору Валенту, брату старшаго Валентинiана, прося дать имъ часть Ѳракiи или Мизiи для поселенiя, на основанiи римскихъ законовъ, съ повиновенiемъ его волѣ. И чтобы внушить къ себѣ болѣе довѣрiя, они обѣщали принять христiанство, если императоръ пришлетъ своихъ богослововъ (doctores linguae suae). Узнавъ это, Валентъ немедленно и съ радостью изъявилъ согласiе на то, о чемъ и самъ хотѣлъ стараться; поселивъ готовъ въ части Мизiи, онъ сдѣлалъ изъ нихъ оплотъ имперiи противъ другихъ варваровъ. Но такъ какъ императоръ Валентъ былъ проникнутъ арiанскою ересью и закрывалъ всѣ церкви нашего исповѣданiя (nostrarum partium), то онъ отправилъ къ готамъ своихъ лжеучителей, которые и влили въ сердца людей грубыхъ и невѣжественныхъ ядъ своей ереси. Такимъ образомъ, благодаря императору Валенту, визиготы сдѣлались скорѣе арiанами, нежели христiанами. Впослѣдствiи, проповѣдуя евангелiе своимъ соотечественникамъ, остроготамъ и гепидамъ, они и ихъ научили этой ереси и ввели ее ко всѣмъ народамъ, говорящимъ тѣмъ же

языкомъ. Сами же визиготы, какъ я сказалъ, перейдя Дунай, съ дозволенія императора, поселились въ береговой Дакіи, Мизіи и Өракіи.

Іорданъ.

De Gothorum origine et rebus gestis. XX—XXV.

См. ниже: примѣчаніе къ ст. 44.

34.—Аттила.

(Около 550 г.).

Этотъ Аттила былъ рожденъ Мундзукомъ, котораго двоюродные братья, Октаръ и Роасъ, какъ разсказываютъ, царствовали предъ Аттилою въ землѣ гунновъ, хотя не въ томъ объемѣ, какъ самъ Аттила. Онъ наслѣдовалъ имъ послѣ ихъ смерти, вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ Бледою; готовясь къ походу, который онъ замышлялъ, Аттила старался увеличить свои силы братоубійствомъ и стремился вмѣстѣ съ тѣмъ погубить всѣхъ своихъ родственниковъ. Бледа, царствовавшій въ большей части земли гунновъ, былъ коварно умерщвленъ. Соединивъ подъ своею властью всѣхъ гунновъ и собравъ вмѣстѣ всѣ народы, подчиненные имъ, Аттила задумалъ покорить себѣ двѣ первыхъ націи въ мірѣ, римлянъ и визиготовъ. Его войско доходило до 500 тысячъ. Этотъ человѣкъ родился въ міръ для потрясенія народовъ и внушенія страха всему міру; не знаю какимъ образомъ одно его имя наводило ужасъ на всѣхъ. Онъ выступалъ гордо, озираясь вокругъ, чтобы казаться страшнымъ въ самыхъ движеніяхъ выпрямленнаго тѣла. Любя войну, Аттила былъ умѣренъ въ дѣлѣ, твердъ въ совѣтѣ, снисходителенъ къ просьбамъ и благосклоненъ къ тѣмъ, кого однажды принялъ подъ свое покровительство. Ростъ его былъ невеликъ, грудь широкая и большая голова, глаза узкіе, рѣдкая борода съ просѣдью, носъ вогнутый и тѣло смуглаго цвѣта, обличающаго его происхожденіе. Хотя уже по самой своей природѣ онъ былъ настроенъ къ великимъ замысламъ, но найденный мечъ Марса, который всѣ короли скиөовъ считали священнымъ, увеличилъ самоувѣренность Аттилы. По разсказу историка Приска, мечъ былъ найденъ по слѣдующему случаю. „Пастухъ, говоритъ онъ, замѣтивъ, что одна телица въ его стадѣ хромаетъ, и не понимая, что̀ могло ее ранить, пошелъ по слѣдамъ крови и наконецъ напалъ на мечъ, на который телица, щипля траву, ступила по неосторожности; вырывъ мечъ изъ земли, пастухъ немедленно отнесъ его къ Аттилѣ. Аттила былъ

весьма обрадованъ такимъ приношеніемъ, и, какъ человѣкъ честолюбивый, полагалъ, что мечъ Марса вручаетъ ему судьбу битвъ и сдѣлаетъ его властелиномъ всего міра“.

Іорданъ.

De Gothorum origine, etc. XXXV.

См. ниже: примѣчаніе къ ст. 44.

---

35. — Дворъ Аттилы за Дунаемъ, и его отношенія къ восточной Римской имперіи.

(1856 г.).

Дворецъ короля варваровъ, какъ видѣли его византійскіе послы Ѳеодосія II къ Аттилѣ [1]), построенный на холмѣ, господствовалъ надъ всѣмъ городкомъ, и еще издали привлекалъ взоры своими огромными башнями, поднимавшимися къ небу. Названіемъ дворца обозначался обширный круглый дворъ, посреди котораго находилось нѣсколько домовъ, какъ-то: домъ самого короля, его любимой жены Керки, нѣкоторыхъ изъ его сыновей, и, вѣроятно, также жилище его придворной стражи; дворъ этотъ окруженъ былъ деревянной стѣной; внутреннія зданія были тоже деревянныя. Устроенный въ самой срединѣ и одинъ изъ всѣхъ прикрытый съ боковъ башнями, домъ Аттилы былъ обшитъ удивительно гладко вытесанными и такъ правильно между собой сплоченными досками, что, казалось, онѣ были сдѣланы изъ одного цѣльнаго дерева. Домъ королевы, архитектуры болѣе легкой и красивой, со всѣхъ сторонъ украшенъ былъ рельефными изображеніями и рѣзными фигурами, нелишенными граціи. Его кровля поддерживалась искусно обдѣланными столбами, между которыми находился рядъ выточенныхъ арокъ, прикрѣпленныхъ къ вершинамъ маленькихъ колоннъ, и образовавшихъ нѣчто въ родѣ аркады. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дворца виденъ былъ домъ Онегеза, окруженный также оградой и построенный какъ и домъ короля, только попроще. Одна особенность преимущественно обращала на себя вниманіе чужеземцевъ: въ этой странѣ, гдѣ не было не только камней для постройки домовъ, но даже чувствовался недостатокъ и въ деревѣ, и гдѣ надобно было издалека привозить матеріалы для зданій,

---

[1]) Ѳеодосій II отправилъ посольство къ Аттилѣ, въ 449 г., по поводу требованій съ его стороны новыхъ поземельныхъ уступокъ, съ цѣлью убѣдить короля гунновъ отказаться отъ своихъ притязаній и съ тайнымъ порученіемъ отдѣлаться отъ него убійствомъ, что̀ было однако уже извѣстно Аттилѣ.

Онегезъ выстроилъ баню, именно по образцу римскихъ термъ. Вотъ исторія этой бани, какъ передана она была византійскимъ посламъ. Въ числѣ плѣнниковъ, выведенныхъ гуннами изъ разграбленнаго Сирмія, находился одинъ архитекторъ, котораго Онегезъ взялъ на свою долю изъ добычи. Министръ Аттилы, будучи родомъ грекъ, пришедши къ гуннамъ еще въ молодыхъ лѣтахъ, принесъ туда съ собою и любовь къ банямъ въ римскомъ вкусѣ, и эту любовь передалъ своей женѣ и дѣтямъ. Взявши именно архитектора на свою часть изъ добычи, онъ хотѣлъ пріобрѣсть въ немъ человѣка, который былъ бы искусенъ въ строительномъ дѣлѣ и могъ бы угодить на его вкусъ; а плѣнникъ, прилагая все свое стараніе, думалъ тѣмъ ускорить минуту, когда спадутъ наконецъ съ него оковы. Итакъ, онъ ревностно принялся за работу: изъ Панноніи были привезены камни; устроены были печи, купальни, мыльни; но когда все было сдѣлано, какъ только могли сдѣлать опытныя руки, эту, совершенно новую для гунновъ, постройку, Онегезъ обратилъ архитектора въ банщика при себѣ, и несчастный распростился навсегда съ своей свободой.

Аттила въ то время вступалъ въ столицу своей имперіи по церемоніалу, который живо заинтересовалъ пословъ, и особенно Приска [1]), любознательнаго очевидца, наивнаго живописателя всего, что только поражало его взглядъ какою-нибудь особенностъю. Аттилу встрѣтила процессія, состоявшая изъ женщинъ этого городка. Выстроившись въ два ряда, онѣ держали надъ головами, переброшенныя съ одного ряда на другой, бѣлыя покрывала, во всю ихъ длину, подъ которыми проходили группами молодыя дѣвушки, по семи въ рядъ, и пѣли стихи, составленные въ честь короля. Поѣздъ направился ко дворцу, мимо дома Онегеза. У ограды стояла жена любимаго министра, окруженная толпою прислужницъ, которыя держали въ рукахъ блюдо съ мясомъ и кубокъ, наполненный виномъ. Когда подъѣхалъ король, она подошла къ нему и просила откушать яствъ, для него приготовленныхъ; благосклоннымъ знакомъ Аттила выразилъ свое согласіе; это было величайшимъ благоволеніемъ, какое только могъ оказать гунскій король своимъ подданнымъ. Тотчасъ же четверо сильныхъ мужчинъ подняли серебряный столъ въ уровень съ вышиною лошади, и Аттила, не сходя съ коня, откушалъ всѣхъ блюдъ, выпилъ чашу съ виномъ, и потомъ вступилъ въ свой дворецъ. Въ отсутствіе мужа, который, по возвращеніи изъ дальняго путешествія, потребованъ былъ къ королю, жена Онегеза пригласила византійскихъ пословъ къ себѣ на ужинъ, вмѣстѣ съ тамошними вельможами, которые почти всѣ были ей родственники. Потомъ Максиминъ, глава посольства, получилъ распоряженіе относительно своего помѣщенія; онъ раскинулъ свои палатки въ такомъ мѣстѣ, которое было въ одно и то же время близко къ дому министра и къ королевскому дворцу.

Онегезъ былъ родомъ грекъ, какъ видно изъ самаго его имени, но воспитаніе получилъ у гунновъ, и тогда занималъ въ гунской

---

[1]) Того самаго, на котораго ссылается Іорданъ при описаніи гунновъ. См. выше, стр. 241.

имперіи послѣ Аттилы первое мѣсто, какъ по своей силѣ, такъ и по богатству; его можно было бы считать королемъ, если бы Аттила былъ императоромъ. Этой высочайшей степенью могущества, предъ которою безропотно преклонялись природные гунны, Онегезъ обязанъ былъ самымъ благороднымъ средствамъ: храбрости на полѣ брани, искренности въ совѣтахъ и той твердости, съ которою боролся какъ противъ насильственныхъ рѣшеній, такъ и противъ дурныхъ наклонностей Аттилы. Онъ былъ для римлянъ лучшимъ заступникомъ предъ Аттилою, и не изъ личнаго интереса или вслѣдствіе отдаленнаго воспоминанія о своемъ происхожденіи, но по чувству справедливости, по врожденной привязанности ко всему, что̀ носило на себѣ печать цивилизаціи. Логика, которая иногда такъ рѣзко отличается отъ фактовъ, въ полномъ правѣ была бы дать такому министру мѣсто близъ властителя просвѣщеннаго и христіанскаго, а Хризафія, тогдашняго министра Ѳеодосія II, опредѣлила бы къ Аттилѣ. Гунскій король, столь самовластный, столь раздражительный, уступалъ этому характеру, твердому въ самой его мягкости; Онегезъ сдѣлался его неизбѣжнымъ совѣтникомъ, и ему же Аттила поручилъ воинское образованіе и заботу о своемъ старшемъ сынѣ, Эллакѣ, въ царствѣ акатцировъ, которое только-что было покорено тѣмъ же самымъ Онегезомъ. Послѣ долгаго отсутствія, отправясь—по желанію повидаться съ отцемъ — на берега Дуная, молодой человѣкъ упалъ дорогой съ лошади, и при этомъ паденіи переломилъ кисть руки. Такимъ образомъ, Онегезу нужно было переговорить съ королемъ объ очень важныхъ предметахъ, и король задержалъ его у себя на цѣлый вечеръ: поэтому-то его и не было во время ужина, даннаго его женою посламъ. Но Максиминъ сгоралъ отъ нетерпѣнія видѣться съ Онегезомъ, чтобы сообщить ему полученныя имъ отъ Ѳеодосія II инструкціи; кромѣ того онъ надѣялся, при помощи этого всесильнаго человѣка, устранить затрудненія, которыя должно было встрѣтить данное ему порученіе. Онъ почти вовсе не спалъ, и, при первомъ появленіи зари, отправилъ своего секретаря Приска къ министру съ подарками. Ограда была заперта; не видно было ни одного слуги, и Прискъ долженъ былъ дожидаться; отдавши подарки на сбереженіе посольскимъ служителямъ, онъ началъ прохаживаться, пока явится кто-нибудь.

Когда сдѣлалъ онъ нѣсколько сотъ шаговъ, кто-то, прогуливавшійся также, какъ и онъ, поровнялся съ нимъ и сказалъ ему на весьма чистомъ греческомъ языкѣ: Χαῖρε[1]). Услышать греческую рѣчь въ царствѣ Аттилы, гдѣ обыкновенно употреблялись языки гунскій, готскій и латинскій, и то при торговыхъ дѣлахъ — было необычайностью, которая поразила Приска. Единственные греки, съ которыми онъ могъ ожидать встрѣчи, были плѣнники изъ Ѳракіи или приморской Иллиріи, люди жалкіе, которыхъ легко было узнать по ихъ длиннымъ, растрепаннымъ волосамъ, тогда какъ человѣкъ, заговорившій съ Прискомъ, былъ совсѣмъ не таковъ: голова у него была обрита кругомъ, и на немъ была гунская одежда, какую носятъ только бо-

---

[1]) Χαῖρε—радуйся, или какъ мы говоримъ: здравствуй.

гатыя сословія. Эти размышленія промелькнули, какъ молнія, въ умѣ Приска, и, чтобы узнать, что̀ это за человѣкъ, послѣ взаимнаго привѣтствія, онъ спросилъ его: изъ какой страны свѣта прибылъ онъ сюда жить варварскою жизнью среди гунновъ?

— Почему ты меня объ этомъ спрашиваешь? — сказалъ незнакомецъ.

— Потому что ты слишкомъ хорошо говоришь по-гречески.—Незнакомецъ засмѣялся.

— Дѣйствительно, я грекъ,—сказалъ онъ.—У меня была обширная торговля въ г. Виминаціѣ, въ Мизіи, и я женатъ былъ тамъ на богатой дѣвушкѣ; жилъ счастливо, но война разрушила мое счастіе. Такъ какъ я былъ богатъ, то и сдѣлался вмѣстѣ съ своимъ достояніемъ добычей Онегеза, потому что — тебѣ, конечно, извѣстно это— королямъ и вождямъ гунновъ принадлежитъ привилегія брать себѣ богатѣйшихъ плѣнниковъ. Мой новый господинъ водилъ меня съ собой на войну; я бился мужественно и возвращался съ добычею. Я дрался съ римлянами, дрался съ акатцирами и, пріобрѣтши достаточное количество добычи, принесъ ее моему господину—варвару, и, въ силу скиѳскихъ законовъ, получилъ свободу. Послѣ этого я сталъ гунномъ; женился на женщинѣ варварскаго племени и прижилъ съ нею дѣтей; я сотрапезникъ Онегеза, и, взявъ все во вниманіе, мое настоящее положеніе могу считать даже лучше моего прошедшаго.

— О! да, продолжалъ этотъ человѣкъ послѣ минутнаго молчанія: —закончивши однажды навсегда военные труды, среди гунновъ можно вести совершенно беззаботную жизнь: что̀ каждый нажилъ для себя, тѣмъ и пользуется мирно; никто не обременяетъ его ничѣмъ, ничто не возмущаетъ его спокойствія. Война насъ поитъ и кормитъ, а тѣхъ, которые живутъ подъ управленіемъ римлянъ, война разоряетъ и губитъ. Римскій подданный ставится въ необходимость поручать другимъ охраненіе своей безопасности, потому что жестокій законъ не позволяетъ ему носить необходимаго для собственной защиты оружія, а тѣ, которымъ то позволено, какъ ни храбры, войну ведутъ плохо, потому что связаны сколько незнаніемъ, столько же и трусостью своихъ вождей. Но несчастія войны ничего не значатъ для римлянъ въ сравненіи съ тѣми бѣдствіями, которыя терпятъ они во время мира, потому что тогда являются во всей силѣ и жестокости налоги, и конфискаціи, и угнетенія вельможъ. Да и какъ быть иначе? Законы не для всѣхъ одни. Если богатый или сильный нарушаетъ ихъ, то онъ дѣлаетъ то безнаказанно; а бѣдный, а человѣкъ, который не знаетъ судебныхъ формальностей — о! такого человѣка наказаніе не заставитъ ждать себя, если только онъ, измученный, разоренный безконечной тяжбой, не умретъ отъ отчаянія, прежде нежели будетъ произнесенъ приговоръ. Не имѣть возможности получить законнаго удовлетворенія иначе, какъ только посредствомъ денегъ—это, по моему мнѣнію, верхъ несправедливости. Какую бы вамъ обиду ни сдѣлали, вы не можете обратиться къ суду, ни требовать у судьи рѣшенія дѣла, не отдавши за это приготовленной напередъ суммы денегъ, чтобы задобрить судью и его свиту.

Отступникъ римской цивилизаціи долго говорилъ въ этомъ тонѣ,

и проповѣдывалъ свои убѣжденія съ жаромъ, который часто придавалъ ему видъ адвоката, ратующаго за самого себя. Когда онъ, повидимому, сказалъ уже все, Прискъ попросилъ его въ свою очередь дать ему сказать нѣсколько словъ и терпѣливо его выслушать. „По моему мнѣнію, началъ онъ, основатели римскаго государства были люди мудрые и предусмотрительные; чтобы каждый хорошо зналъ свое дѣло, они учредили съ одной стороны стражей закона, съ другой — стражей общественной безопасности. Не имѣя никакого иного занятія въ мірѣ, кромѣ упражненія въ искусствѣ владѣть оружіемъ, воевать и драться, эти послѣдніе образовали собою превосходный классъ людей, назначеніе котораго составляетъ защита другихъ. Законодатели наши учредили сверхъ того еще третій классъ — это классъ поселянъ, которые воздѣлываютъ землю: требованіе, чтобы этотъ классъ вносилъ военныя подати для содержанія своихъ защитниковъ, совершенно справедливо. Это еще не все: они учредили блюстителей правды и права въ пользу слабыхъ и безсильныхъ, т.-е. юридическихъ защитниковъ для тѣхъ, которые не умѣютъ защищать сами себя. Послѣ этого, что̀ же незаконнаго въ томъ, если судья и адвокатъ получаютъ плату отъ истца, точно такъ же, какъ солдатъ отъ земледѣльца? Кто пользуется услугами, естественно обязанъ давать жалованье тому, кто служитъ ему—услуга за услугу. Всадникъ покупаетъ лошадь, пастухъ—быковъ, охотникъ—собакъ и каждый заботится о своей покупкѣ. Если есть плохіе истцы, которые разоряются на процессы, то тѣмъ хуже для нихъ; а что касается до продолжительности судопроизводства, то она зависитъ большею частью оттого, что необходимо разъяснять дѣло, а это дѣлается не скоро, и, все-таки, хорошее рѣшеніе дѣла, котораго надо было долго ждать, лучше дурного, произнесеннаго вдругъ, необдуманно. Отважиться на несправедливость, значитъ не только вредить людямъ, но и оскорблять Бога, источника всякой правды. Законы обнародуются, ихъ знаютъ, или по крайней мѣрѣ могутъ знать всѣ; имъ повинуется самъ императоръ. Твоя жалоба на безнаказанность вельможъ отчасти справедлива, но она удобоприложима ко всѣмъ народамъ; съ другой стороны, и бѣднякъ можетъ избѣжать наказанія, если не найдется удовлетворительныхъ доказательствъ его виновности. Ты радуешься, что дарована тебѣ свобода: за это благодари судьбу, а не своего господина. Отправляя тебя на войну — человѣка гражданскаго, онъ подвергалъ тебя опасности быть убитымъ, или—если бы ты вздумалъ убѣжать—самъ убилъ бы тебя. У римлянъ нѣтъ такой жестокости; изъ законы ограждаютъ раба отъ излишней суровости господина; они обезпечиваютъ ему пользованіе пріобрѣтеннымъ имуществомъ, и потомъ отпускаютъ его на волю, возвышаютъ до состоянія людей свободныхъ, тогда какъ здѣсь за малѣйшій проступокъ грозитъ смерть“.

Этотъ возвышенный взглядъ на цивилизацію, эта картина различныхъ родовъ защиты, которые окружаютъ человѣка въ благоустроенныхъ государствахъ, казалось, глубоко тронули собесѣдника Приска; строя софизмы на софизмахъ, онъ, вѣроятно, старался только заглушить въ душѣ нѣкоторыя угрызенія совѣсти и изгладить изъ сердца кой-какія сожалѣнія. На глазахъ у него навернулись слезы, и затѣмъ

онъ сказалъ: „Законы римлянъ хороши, ихъ государственный порядокъ также хорошо устроенъ, но дурные начальники колеблютъ и разрушаютъ его". При этихъ словахъ одинъ изъ слугъ Онегеза отворилъ ограду, окружавшую домъ: Прискъ оставилъ незнакомца, и никогда уже болѣе не встрѣчалъ его...

Онегезъ принялъ Приска и, взглянувъ мелькомъ на подарки, ему поднесенные, приказалъ оставить ихъ, а самъ, узнавши, что византійскій посолъ хотѣлъ придти къ нему, счелъ нужнымъ предупредить его; чрезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже въ палаткѣ у Максимина. Тогда между этими государственными людьми начался разговоръ, въ которомъ вполнѣ раскрылся характеръ министра Аттилы. Максиминъ старался показать ему, что гуннамъ легко можно было бы заключить съ римлянами [1]) миръ прочный — миръ, честь котораго принадлежала бы исключительно его благоразумію, и что огромная польза, которую гунскій министръ принесъ бы чрезъ то обоимъ народамъ, пролила бы на него и на его дѣтей вѣчныя благодѣянія императора и всей его фамиліи. „Какимъ же образомъ, наивно спросилъ Онегезъ, могъ бы я удостоиться такой чести, и какъ могу я быть такимъ самовластнымъ миротворцемъ между вами и нами?" — „Для того нужно только разсмотрѣть внимательнѣе, отвѣчалъ посолъ, всѣ пункты, которые насъ раздѣляютъ, всѣ условія договоровъ, и взвѣсить все съ свойственнымъ тебѣ безпристрастіемъ. Императоръ будетъ совершенно согласенъ съ твоимъ рѣшеніемъ".—„Но, возразилъ Онегезъ, это не относится къ роли посланника, и, еслибъ я былъ такимъ, то руководился бы только однимъ правиломъ, приказаніями моего государя. Ужъ не надѣятся ли римляне (т.-е. византійцы) склонить меня своими просьбами къ измѣнѣ? Не думаютъ ли они заставить меня обратить въ ничто все мое прошедшее, всю мою жизнь, проведенную среди гунновъ, забыть моихъ женъ и дѣтей, родившихся отъ нихъ? Въ такомъ случаѣ, они очень ошибаются. Даже рабство у Аттилы было бы для меня пріятнѣе, нежели почести и богатство въ ихъ имперіи". Эти слова, сказанныя спокойнымъ, но рѣшительнымъ тономъ, не допускали болѣе никакого возраженія. Онегезъ, какъ бы желая смягчить суровость сказаннаго имъ, поспѣшно прибавилъ, что онъ былъ болѣе полезенъ для римлянъ, находясь при Аттилѣ, — а именно тѣмъ, что нерѣдко укрощалъ его раздражительность—чѣмъ еслибъ находился въ Константинополѣ, гдѣ его доброжелательство къ нимъ скоро сдѣлалось бы подозрительнымъ. Очевидно, министръ Ѳеодосія съ этой стороны не могъ сдѣлать ровно ничего.

Между тѣмъ, королева Керка также ждала подарковъ, поднесеніе которыхъ было предоставлено тому же Приску. Она приняла Приска въ одной изъ комнатъ своего красиваго дворца, устланной шерстяными коврами. Королева сидѣла на подушкахъ, окруженная своими женщинами и служителями, которые расположились кругомъ нея; по одну сторону были мужчины, по другую—женщины; послѣднія занимались

---

[1]) Византійскіе греки никогда не переставали называть себя римлянами, и здѣсь дѣло идетъ о мирѣ съ одною Византіею.

работой: вышивали золотомъ и шелкомъ куски матерій, назначавшіеся для мужскихъ поясовъ. При выходѣ изъ ея покоевъ Прискъ услышалъ большой шумъ и увидѣлъ огромную бѣжавшую толпу народа. Онъ смѣшался съ нею, и вскорѣ замѣтилъ Аттилу, который, въ сопровожденіи Онегеза, шелъ къ дверямъ своего дворца, производить судъ и расправу. Его походка была величественна, и онъ сѣлъ молча. Тѣ, которые искали суда, подходили къ нему по-очередно; рѣшивъ всѣ дѣла, онъ возвратился во дворецъ для принятія депутатовъ, прибывшихъ къ нему изъ множества варварскихъ земель.

Площадь передъ дворцомъ служила чѣмъ-то въ родѣ мѣста для прогулки, гдѣ свободно расхаживали послы, въ ожиданіи аудіенціи, или у самого короля, или у его министра; они могли уходить, приходить, все разсматривать; имъ не мѣшалъ ни одинъ стражъ. Прискъ встрѣтился здѣсь съ графомъ Ромуломъ и его товарищами по посольству, прибывшими въ то же время изъ Рима отъ Валентиніана III; они проживали вмѣстѣ съ двумя секретарями Аттилы, Констанціемъ и Констанціоломъ, которые оба были паннонцы, и съ Рустиціемъ, который еще прежде явился туда, по своей охотѣ, при прежнемъ посольствѣ восточной имперіи, и вздумалъ опредѣлиться въ качествѣ писца въ канцелярію гунскаго короля. „Какъ идутъ ваши дѣла?“ былъ первый вопросъ, предложенный Приску Ромуломъ. Дѣла шли одинаково какъ на той, такъ и на другой сторонѣ; ничто не могло склонить Аттилу въ пользу западной имперіи: ему непремѣнно нужно было получить или сирмійскіе сосуды, или ростовщика Сильвана [1]). Многіе изъ присутствовавшихъ жаловались на такое безразсудное упрямство варварскаго короля: тогда Ромулъ, котораго всѣ и всегда охотно слушали, какъ мужа опытнаго въ государственныхъ дѣлахъ, со вздохомъ сказалъ: „Да, удачи и могущество до того избаловали этого человѣка, что онъ не слушаетъ и справедливыхъ объясненій, если они ему не нравятся. Но надобно согласиться, что ни въ Скиѳіи, ни въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ, никто и никогда не совершалъ болѣе великихъ дѣлъ въ такое непродолжительное время: ставши обладателемъ всей Скиѳіи, до острововъ океана, онъ сдѣлалъ насъ своими данниками, а теперь вотъ строитъ еще важнѣйшіе планы: хочетъ завоевать Персію“. — „Персію! прервалъ одинъ изъ присутствующихъ: — да какимъ же путемъ пройдетъ онъ изъ Скиѳіи въ Персію?“ — „Самымъ кратчайшимъ, отвѣчалъ Ромулъ. Мидійскія горы недалеки отъ послѣднихъ предѣловъ гунновъ; они знаютъ это очень хорошо. Однажды, во время свирѣпствовавшаго у нихъ голода, такъ какъ нельзя было имъ получать хлѣба изъ римской имперіи, потому что въ то время вели они войну съ нею—двое изъ гунскихъ вождей попытались добыть себѣ хлѣба изъ Азіи. Углубившись въ пустыню, они достигли топей, которыя, по моему мнѣнію, составляютъ Меотій-

[1]) При разрушеніи гуннами г. Сирмія, одинъ изъ секретарей Аттилы скрылъ священные золотые сосуды и продалъ ихъ въ Италію Сильвану; Аттила, узнавъ о томъ, потребовалъ выдачи или вещей, или ихъ владѣльца, и для успокоенія Аттилы Валентиніанъ III отправилъ это посольство.

ское болото; потомъ, послѣ пятнадцати дней ходьбы, прибыли къ подошвѣ высокихъ горъ, перешли ихъ и увидѣли себя въ Мидіи. Страна была плодородна; гунны занялись уже жатвой и собрали огромную добычу, какъ въ одинъ день пришли персы и своими стрѣлами затмили небо. Гунны, захваченные врасплохъ, бросили все на мѣстѣ и, отступая назадъ другою дорогою, увидѣли, что и новый путь привелъ ихъ также на родину. Теперь предположите, что Аттилѣ пришла бы мысль возобновить этотъ походъ: побѣдить мидянъ и персовъ ему не будетъ стоить ни большихъ трудовъ, ни продолжительнаго времени, потому что ни одинъ народъ въ свѣтѣ не можетъ противостоять его войскамъ". Римляне съ любопытствомъ, смѣшаннымъ со страхомъ, слѣдили за разсказомъ Ромула, посѣтившаго столько странъ и принимавшаго участіе въ столькихъ событіяхъ. Одинъ изъ собесѣдниковъ выразилъ желаніе, чтобы Аттила поскорѣе пустился въ эту отдаленную войну, и далъ отдохнуть римской имперіи. „Надобно опасаться, напротивъ, сказалъ Констанціолъ, чтобы, покоривши персовъ — а это будетъ нетрудно для него — онъ не возвратился къ намъ, и уже не какъ другъ, а какъ повелитель. Теперь онъ довольствуется золотомъ, которое мы даемъ ему, какъ жалованье, по его званію римскаго полководца; а когда покоритъ онъ Персію, и римская имперія останется предъ нимъ одна, неужели вы думаете, что тогда онъ пощадитъ ее? Ему уже и теперь досаденъ этотъ титулъ римскаго полководца, который мы ему даемъ, отказывая въ титулѣ короля, и многіе слышали, какъ онъ громко и съ негодованіемъ говорилъ, что у него есть рабы, которые стоятъ римскихъ полководцевъ, а его полководцы стоятъ императоровъ". Этотъ разговоръ, въ которомъ представители образованнаго міра сообщали другъ другу свои мрачныя предчувствія и наперерывъ возвышали того, въ чьихъ рукахъ находилась гибель ихъ отечества, былъ внезапно прерванъ. Подошелъ Онегезъ и замѣтилъ Приску, что Аттила съ этихъ поръ будетъ принимать въ качествѣ пословъ только трехъ сановниковъ и, перечисляя ихъ имена, упомянулъ между прочими объ Анатоліѣ. Прискъ, нимало не думая ставить свое правительство въ противорѣчіе съ самимъ собою, замѣтилъ, что назначать такимъ образомъ извѣстныхъ лицъ значило бы приводить ихъ въ подозрѣніе у императора; Онегезъ отвѣчалъ на это кротко: „Это необходимо, а не то — война!" Прискъ съ грустью возвращался на свою квартиру, но на дорогѣ встрѣтился съ отцемъ Ореста [1]), Татулломъ, шедшимъ извѣстить его и Максимина, что Аттила приглашаетъ ихъ къ столу въ тотъ же самый день, въ девятомъ часу, т.-е. около трехъ часовъ пополудни. Послы западной имперіи также были приглашены.

Зала пиршества была огромная, продолговатая комната, уставленная кругомъ стульями и маленькими столами, приставленными одинъ къ другому; за каждымъ столомъ могли усѣсться четыре или пять человѣкъ. Посрединѣ возвышались подмостки, на которыхъ

---

[1]) Орестъ, отецъ Ромула-Августула, послѣдняго римскаго императора, находился въ то время на службѣ у Аттилы.

стоялъ столъ для Аттилы и ложе; онъ уже сидѣлъ на своемъ мѣстѣ; въ нѣкоторомъ разстояніи, позади, находилось другое ложе, убранное, какъ и первое, бѣлою тканью и разноцвѣтными коврами, и похожее на *thalami*, употреблявшіеся въ Греціи и Римѣ при брачныхъ церемоніяхъ. Только-что вошли послы, какъ кравчіе подали имъ кубки, наполненные виномъ, которые они должны были выпить за здоровье короля: это былъ церемоніалъ, который непремѣнно долженъ былъ исполнить всякій, прежде чѣмъ займетъ свое мѣсто. Почетное ложе, поставленное вправо отъ подмостокъ, занято было Онегезомъ, а насупротивъ него сидѣли двое сыновей Аттилы. Послы были усажены за столъ, который стоялъ на лѣвой сторонѣ и былъ второй по достоинству; и здѣсь высшее между ними мѣсто занималъ одинъ гуннъ знаменитаго рода, по имени Берикъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ и обладавшій множествомъ селеній въ Гунніи. Эллакъ, старшій сынъ Аттилы, занялъ мѣсто на отцовскомъ ложѣ, но значительно ниже его; онъ сидѣлъ съ опущенными глазами, и во все продолженіе обѣда держалъ себя чрезвычайно почтительно и скромно. Когда всѣ усѣлись, кравчій подалъ Аттилѣ кубокъ, полный вина, и онъ выпилъ его за здоровье одного почетнаго гостя, который тотчасъ же всталъ, взялъ также кубокъ изъ рукъ кравчаго, стоявшаго позади, и взаимно привѣтствовалъ короля. Затѣмъ слѣдовала очередь пословъ, которые, также съ кубками въ рукахъ, отвѣчали на королевское привѣтствіе; всѣ гости были привѣтствованы одинъ за другимъ, въ порядкѣ ихъ сана, и отвѣтствовали тѣмъ же; позади каждаго стоялъ кравчій съ кубкомъ въ рукѣ. По окончаніи привѣтствій, вошли столовые прислужники съ блюдами, наполненными мясомъ, и разставили ихъ по столамъ; на столъ Аттилы ставились блюда деревянныя, и кубокъ его тоже былъ деревянный, тогда какъ гостямъ и хлѣбъ, и различныя кушанья подавались на серебряныхъ блюдахъ, и ихъ кубки были или серебряные, или золотые. Гости брали, кому сколько угодно, съ блюдъ, стоявшихъ далѣе. Послѣ перваго кушанья опять явились кравчіе; снова начались привѣтствія, съ тою же церемоніей, по мѣстамъ, начиная съ перваго до послѣдняго. За вторымъ блюдомъ, поданнымъ такъ же обильно, какъ и первыя, и состоявшимъ изъ разнородныхъ яствъ, слѣдовала третья попойка, во время которой гости, бывшіе уже и то навеселѣ, опустошали свои кубки, какъ нельзя лучше. Къ вечеру, когда зажжены были факелы, вошли два поэта, и, на гунскомъ языкѣ, начали пѣть передъ Аттилой стихи своего сочиненія, въ которыхъ прославлялись его воинскія доблести и побѣды. Ихъ пѣсни произвели въ слушателяхъ восторгъ, доходившій до изступленія: глаза гунновъ разгорались, лица принимали страшное выраженіе; многіе плакали, говоритъ Прискъ: молодые отъ жажды новыхъ битвъ, старцы отъ сожалѣнія о прошлыхъ. Эти гунскіе Тиртеи были смѣнены шутомъ, котораго кривлянія и дурачества въ одну минуту заставили гостей перейти отъ энтузіазма къ шумной веселости. При этихъ зрѣлищахъ Аттила постоянно оставался важнымъ и неподвижнымъ, такъ что ни одинъ мускулъ его лица, ни одинъ жестъ, ни одинъ звукъ не обнаруживалъ въ немъ ни малѣйшаго внутренняго движенія; только когда самый

младшій изъ его сыновей, Эрнакъ, вошелъ и приблизился къ нему, то въ глазахъ его блеснулъ лучъ нѣжности; взявъ дитя ласково за щеку, онъ привлекъ его къ своему ложу. Удивленный такой внезапной перемѣной въ физіономіи Аттилы, Прискъ наклонился къ одному изъ своихъ сосѣдей-варваровъ, говорившему немного по-латыни, и спросилъ его на-ухо: вслѣдствіе чего этотъ человѣкъ, будучи холоденъ къ другимъ дѣтямъ, такъ ласковъ съ этимъ ребенкомъ. „Я охотно объясню это тебѣ, только обѣщайся сохранить въ тайнѣ, отвѣчалъ варваръ. Гадатели предсказали королю, что его поколѣніе прекратится въ прочихъ дѣтяхъ, а Эрнакъ продолжитъ его; вотъ причина такой нѣжности: онъ любитъ въ этомъ ребенкѣ единственную надежду на потомство“.

Въ эту минуту вошелъ мавръ Зерконъ, и вдругъ вся зала огласилась хохотомъ и стукомъ, которые, казалось, способны были поколебать ее: этой интермедіей гости обязаны были изобрѣтательности Эдекона [1]). Мавръ Зерконъ, карликъ, горбатый, кривоногій, курносый, или, лучше, вовсе безносый, заика и вмѣстѣ идіотъ, скитался уже лѣтъ двадцать изъ одного конца свѣта въ другой, и переходилъ отъ одного господина къ другому, какъ самый рѣдкій необычайный предметъ, какой только можно придумать для забавы. Африканцы подарили его римскому полководцу Аспару; но Аспаръ потерялъ его во Ѳракіи, во время несчастной войны съ гуннами: Зерконъ былъ приведенъ къ Аттилѣ, но Аттила не хотѣлъ его видѣть; зато онъ получилъ хорошій пріемъ у Бледы (дв. братъ Аттилы). Вскорѣ гунскій принцъ такъ привязался къ своему карлику, что не пускалъ его отъ себя ни на минуту; вмѣстѣ съ нимъ обѣдалъ, ходилъ на войну, нарочно приказалъ сдѣлать для карлика вооруженіе, и любилъ смотрѣть, какъ карликъ щеголялъ своимъ огромнымъ мечемъ, и какъ уродливо принималъ поступь героя. Но въ одинъ день Зерконъ убѣжалъ на римскую землю, и Бледа не могъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не отыскали его или не выкупили у римлянъ; поимка была удачна, и карлика привели къ нему въ оковахъ. При видѣ своего раздраженнаго господина мавръ расплакался и сознавался, что, оставя его, онъ сдѣлалъ важный проступокъ, но этотъ проступокъ, говорилъ онъ, имѣлъ достаточное извиненіе. „Какое же?“ спросилъ Бледа. — „То, отвѣчалъ карликъ, что ты мнѣ не далъ жены“. Мысль уродца требовать себѣ жену безконечно разсмѣшила Бледу; онъ не только простилъ его, но и женилъ на одной изъ прислужницъ королевы, впавшей въ немилость вслѣдствіе какого-то важнаго проступка. По смерти Бледы Аттила послалъ Зеркона въ подарокъ римскому патрицію Аэцію [2]). Эдеконъ, встрѣтившій Зеркона въ Константинополѣ, присовѣтовалъ ему отправиться въ Гуннію и вытребовать оттуда свою жену. Итакъ, пользуясь праздникомъ, Зерконъ вошелъ въ залу съ просьбой къ Аттилѣ, и въ своей болтовнѣ такъ уродливо мѣшалъ слова латинскія съ гунскими

---

[1]) Одинъ изъ приближенныхъ Аттилы, почти наравнѣ съ Онегезомъ.

[2]) Министру Валентиніана III.

и готскими, что рѣшительно никто не могъ удержаться отъ смѣха; веселый хохотъ все еще раздавался, когда римляне, убѣдившись, что они уже довольно пили, украдкой ушли среди ночной темноты, въ то время какъ остальные гости продолжали пировать вплоть до утра.

Между тѣмъ, послы, не получая ни аудіенціи, ни какого-нибудь удовлетворительнаго отвѣта, теряли понапрасну время. Они просили уже позволенія возвратиться; но Аттила, не отказывая прямо въ томъ, продолжалъ задерживать ихъ подъ различными предлогами. Королева Керка хотѣла угостить ихъ въ свою очередь; она пригласила пословъ въ домъ министра своего двора, Адама, какъ говоритъ Прискъ, „на великолѣпное и весьма веселое пиршество“, на которомъ гости, несмотря на свою римскую важность, принуждены были пить и обниматься со всѣми. Второй ужинъ, данный Аттилою, повторилъ, на глазахъ Максимина и его спутника, весь церемоніалъ перваго; только Аттила держался нѣсколько развязнѣе. Весьма часто, и чего прежде не было, онъ обращался къ Максимину, и между многимъ другимъ рекомендовалъ ему устроить бракъ паннонца Констанція, своего секретаря. Этотъ человѣкъ за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ былъ отправленъ Аттилою въ Константинополь, въ качествѣ толмача, причисленнаго къ посольству. Онъ былъ предметомъ вниманія всего двора, разсчитывавшаго склонить его на свою сторону; и въ самомъ дѣлѣ, Констанцій предлагалъ свои услуги для поддержанія мира съ гуннами, но съ условіемъ, если Ѳеодосій II дастъ слово выдать за него какую-нибудь богатую наслѣдницу, изъ своихъ подданныхъ. Ѳеодосій, которому подобнаго рода подарки ничего не стоили, предложилъ ему немедленно руку одной сироты, дочери Сатурнина, бывшаго начальника тѣлохранителей, который былъ обвиненъ императрицею Атенаидою въ заговорѣ и казненъ. Молодая дѣвушка, содержавшаяся подъ стражей въ укрѣпленномъ мѣстѣ, съ величайшимъ отвращеніемъ узнала, какая ожидаетъ ее участь и, рѣшившись во что бы то ни стало избавиться отъ того, допустила похитить себя Зенону, командовавшему войсками на Востокѣ, который и выдалъ ее за одного изъ своихъ друзей, по имени Руфа. Аттила, взбѣшенный при этомъ извѣстіи, дерзко писалъ Ѳеодосію II, говоря, что если онъ самъ не имѣетъ у себя силы заставить повиноваться, то онъ ему придетъ помочь въ томъ; но разрывъ былъ предупрежденъ тѣмъ, что Констанцію обѣщана была другая жена. Это-то послѣднее обстоятельство и напоминалъ Аттила Максимину въ разговорѣ съ нимъ. „Неприлично будетъ, говорилъ онъ послу черезъ переводчика, Ѳеодосію смѣяться надъ довѣрчивостью Констанція; ложь унизитъ достоинство императора“. Эти слова онъ заключилъ, какъ бы желая представить Максимину самый рѣшительный доводъ и убѣдительный аргументъ: „если бракъ состоится, я раздѣлю приданое съ своимъ секретаремъ“. Вотъ какъ обдѣлывались дѣла при дворѣ короля гунновъ!

Наконецъ, Аттила, вывѣдавъ относительно посольства все, что ему нужно было знать, далъ ему позволеніе возвратиться въ Кон-

стантинополь, такъ какъ его присутствіе сдѣлалось для него совершенно безполезнымъ.

Ам. Тьерри.

Hist. d'Attila, etc. Par. 1856.
I, 95 стр. и слѣд.

См. примѣчаніе къ ст. 27.

36.—Война Аттилы съ з. р. имперіею въ Галліи.

(1856 г.).

Исторія сохранила намъ мрачный списокъ народовъ, вошедшихъ въ составъ арміи Аттилы, которая толпилась массами не только на ближайшихъ берегахъ Дуная, но и въ окрестныхъ равнинахъ предъ вторженіемъ въ предѣлы з. р. имперіи, 450 г. Со времени Ксеркса Европа никогда не видѣла такого скопленія извѣстныхъ и неизвѣстныхъ націй; насчитывали не менѣе 500 т. воиновъ, а по другимъ—до 700 тысячъ. Азія выслала самыхъ отвратительныхъ и свирѣпыхъ представителей: черный *гуннъ* и *акатциръ*, вооруженные длинными луками; *аланъ* съ огромнымъ копьемъ и въ роговой кирасѣ; *невръ*, *беллонотъ*; *гелонъ*, раскрашенный и татуированный, съ косою вмѣсто оружія и въ накидкѣ изъ человѣческой кожи вмѣсто одежды. Изъ равнинъ Сарматіи явились въ своихъ кибиткахъ колѣна *бастарновъ*, наполовину славянскія, наполовину азіатскія, по оружію сходныя съ германцами, по нравамъ—съ скиѳами, и допускавшія многобрачіе, какъ гунны. Германія выслала съ сѣвера и запада самые отдаленные изъ своихъ народовъ: *ругъ* съ береговъ Одера и Вислы, *сциръ* и *турцилингъ*, сосѣдній Нѣману и З. Двинѣ, рѣкамъ въ то время еще малоизвѣстнымъ, но съ которыми вскорѣ затѣмъ хорошо познакомились; они шли вооруженные круглымъ щитомъ и короткимъ мечемъ скандинавовъ. Тамъ можно было увидѣть и *герула*, быстраго на бѣгу, непобѣдимаго въ битвѣ, ужасъ прочихъ германцевъ, которые кончили тѣмъ, что истребили это племя. И *остроготъ*, и *гепидъ* явились на зовъ, съ своею грозною пѣхотою, приводившею въ отчаяніе римлянъ. Король Ардарикъ начальствовалъ гепидами; три брата, изъ фамиліи Амаловъ: Валамиръ, Теодемиръ и Видемиръ, стояли во главѣ остроготовъ. Хотя королевская власть по избранію досталась въ руки старшаго, Валамира, но онъ добровольно раздѣлилъ ее съ братьями, которыхъ онъ искренно любилъ. Предводители этого муравейника народовъ, дрожа предъ Аттилою, держались отъ него на нѣкоторомъ разстояніи, какъ его слуги или стража, устремивъ глаза на него, внимательные къ малѣйшему движенію его головы или къ мановенію

его бровей: немедленно подбѣгали къ нему за приказаніями и исполняли ихъ безъ прекословія и ропота. Среди этой толпы королей Аттила особенно отличалъ двухъ, которыхъ онъ призывалъ на всѣ совѣты: короля гепидовъ и остроготовъ. Валамиръ вносилъ въ свои мысли откровенность, соединенную съ воздержанностью и мягкостью языка, которыя нравились королю гунновъ; Ардарикъ служилъ образчикомъ рѣдкаго благоразумія и испытанной вѣрности. Такова была та армія, которая, повидимому, исчерпала весь варварскій міръ и тѣмъ не менѣе была еще не вся. Перемѣщеніе такого множества народовъ произвело, такъ сказать, революцію на громадной равнинѣ сѣвера Европы; славянское племя спустилось къ берегамъ Чернаго моря, чтобы занять луга, оставленные остроготами и нѣкогда принадлежавшіе имъ; задніе ряды черныхъ гунновъ и передовыя линіи бѣлыхъ гунновъ, авары, болгары, гунугары, турки, подвинулись на одинъ шагъ къ Европѣ. Опустошители всѣхъ родовъ, будущіе властелины Италіи смѣнившіе западныхъ цезарей, заключались въ этомъ хаосѣ, какъ предводители, такъ и народы, друзья и враги. Орестъ могъ тамъ встрѣтиться съ Одоакромъ, въ то время еще простымъ солдатомъ изъ турцилинговъ, и отецъ Теодорика Великаго, остроготъ Теодемиръ, былъ однимъ изъ полководцевъ Аттилы: всѣ обломки образованнаго міра и та часть міра варваровъ, которой судьба предрекала будущее величіе, повидимому, собрались вмѣстѣ, чтобы окружить собою геній разрушенія, устремившійся на западную римскую имперію [1]).

Чтобы достигнуть береговъ Рейна въ первыхъ числахъ марта, какъ то и случилось, Аттила долженъ былъ въ январѣ подняться съ береговъ Дуная. Онъ раздѣлилъ свою армію на два корпуса: одинъ слѣдовалъ на правомъ берегу Дуная, по военной дорогѣ, соединявшей управленія и замки римлянъ между собою, и на своемъ походѣ разрушалъ ихъ до основанія; другой, поднимаясь по лѣвому берегу, вербовалъ по дорогѣ остатки квадовъ и маркомановъ, въ Западныхъ-Карпатахъ, и свевовъ—въ Шварцвальдѣ. Соединившись вмѣстѣ при истокахъ Дуная, оба отряда расположились поблизости богатыхъ лѣсовъ, которые могли доставить имъ всѣ необходимые матеріалы для похода въ Галлію. Франки, жившіе по берегамъ Неккара, при приближеніи Аттилы, выгнали, вѣроятно, или убили молодого короля, поставленнаго римлянами, съ тѣмъ, чтобы замѣстить другимъ „длинноволосымъ“ княземъ, которому предстояло пріобрѣсть покровительство, внушающее уваженіе; но этимъ не кончилось: они стали вмѣстѣ съ нимъ подъ знамена гунновъ. Колѣна турринговъ сдѣлали то же; даже зарейнскіе бургунды, забывъ свои прежніе разсчеты съ королемъ Октаромъ, вступили въ ряды войска Аттилы. Усилившись такимъ

[1]) Причиною нападенія Аттилы на з. р. имперію была смерть восточнаго императора Ѳеодосія II и твердость его преемника, Маркіана, отказавшаго гуннамъ въ обычной дани. Поводомъ же къ вторженію были прежнія притязанія Аттилы на руку сестры з. императора Валентиніана III, Гоноріи, и месть гунновъ визиготамъ, поселеннымъ римскимъ правительствомъ въ Галліи, которыхъ Аттила считалъ своими подданными, бѣжавшими отъ его власти.

образомъ новыми союзниками, гунны начали дѣлать приготовленія для перехода черезъ Рейнъ. Древній Герцинскій лѣсъ, видѣвшій Цезаря и Юліана, доставилъ Аттилѣ всѣ матеріалы для переправы; его вѣковые дубы падали тысячами подъ ударами сѣкиры: грубыя барки, сколоченныя изъ нихъ, соединили оба берега рѣки пловучимъ мостомъ. Все заставляетъ думать, что Аттила сдѣлалъ нѣсколько мостовъ, чтобы переправиться въ одно и то же время на различныхъ пунктахъ, какъ для избѣжанія скопленія массъ въ одномъ мѣстѣ, такъ и для того, чтобы страна могла тѣмъ легче прокормить людей и лошадей. Самый восточный отрядъ перешелъ Рейнъ подлѣ города *Augusta*, нынѣ Аугтсъ, главное мѣсто рavраковъ, и затѣмъ пошелъ по военной дорогѣ, между берегомъ рѣки и подошвою Вогезскаго хребта. Самъ Аттила, сколько можно догадываться по другимъ подробностямъ его похода, избралъ для переправы мѣсто, лежащее нѣсколько ниже слiянія Рейна съ Мозелемъ (около Кобленца), гдѣ обыкновенно переходили римскія арміи; потомъ, слѣдуя съ своимъ войскомъ по дорогѣ, которая вела отъ мѣста переправы къ Триру, утвердился въ древней столицѣ Галліи, среди ужасовъ опустошенія.

Несмотря на многозначущій характеръ подобнаго начала, Аттила, вѣрный однажды начертанному плану, издалъ прокламацію во всей Галліи, объявляя, что онъ пришелъ въ качествѣ друга римлянъ и съ единственною цѣлью наказать визиготовъ, своихъ бѣглыхъ подданныхъ и враговъ Рима, и что потому галлы должны сдѣлать ему хорошій пріемъ, какъ своему освободителю и одному изъ полководцевъ римской имперіи. Было забавно и вмѣстѣ ужасно видѣть этого калмыка, римскаго полководца, какъ онъ принималъ городскихъ куріаловъ, сидя на табуретѣ и убѣждая ихъ на ломаномъ латинскомъ языкѣ открыть ему городскія ворота. Нѣкоторые города повиновались, другіе сдѣлали попытку сопротивляться; но и тѣ, и другіе были одинаково ограблены. Слабые римскіе гарнизоны, не имѣя силъ выдержать натискъ, убѣгали въ хорошо укрѣпленныя мѣста, или отступали шагъ за шагомъ къ Луарѣ, сдѣлавшейся мѣстомъ соединенія...

Между тѣмъ, вся Галлія, и въ особенности бельгійскія провинціи, были поражены паническимъ страхомъ. Все бѣжало или готовилось къ бѣгству, при видѣ этого вихря народовъ, которому предшествовали пожары и за которымъ слѣдовалъ голодъ. Каждый спѣшилъ укрыть въ безопасномъ мѣстѣ свои припасы, деньги, домашнюю рухлядь; жители небольшихъ селеній сбѣгались въ большіе города, но и тамъ не болѣе находили безопасности; жители равнинъ перебирались въ горы, лѣса населялись крестьянами, оспаривавшими логовища у дикихъ звѣрей; жившіе по берегамъ морей и рѣкъ спускали на воду свои суда, и были наготовѣ переправлять свои семейства и имущества въ тѣ мѣста, которыя считались подверженными меньшей опасности. Такъ поступили жители небольшого города Лутеціи. Лутеція, или *Parisii*, Парижъ—по господствовавшему тогда обычаю называть города по имени тѣхъ племенъ, у которыхъ они были центральнымъ мѣстомъ жительства—бывъ незначительнымъ селеніемъ во времена Юлія-Цезаря, при Констанціѣ-Хлорѣ сдѣлался довольно важнымъ городомъ. Находя, что пребываніе въ Трирѣ подвергало его

безпрестаннымъ набѣгамъ варваровъ, этотъ императоръ и его преемники искали далѣе къ югу мѣста спокойнаго для себя, и въ то же время удобнаго для военныхъ упражненій въ зимнюю пору; такимъ образомъ, они оставались то въ Реймсѣ, то въ Санѣ, то въ Парижѣ. Укрѣпленный станъ, арсеналы, дворецъ, амфитеатръ, храмы, словомъ — все, что̀ было нужно для помѣщенія значительнаго количества войскъ и для мѣстопребыванія императора, было этими императорами постепенно устроено на лѣвомъ берегу Сены [1]), и внѣ стараго города (нынѣ Cité), который весь заключался въ то время на одномъ островѣ этой рѣки. Юліану особенно нравилось это мѣсто, и онъ провелъ здѣсь нѣсколько зимъ. Вслѣдствіе возстанія войска въ 360 г. въ Парижѣ, онъ былъ возвышенъ изъ Цезарей въ Августы, и тамъ же, въ 383 г., другое возстаніе низвергло Граціана. Между тѣмъ и торговая важность маленькаго города шла объ руку съ политическимъ его значеніемъ: онъ сталъ складочнымъ мѣстомъ для торговли на всемъ пространствѣ между верхней и нижней Сеной. При другихъ обстоятельствахъ народонаселеніе Парижа, состоявшее почти все изъ рыбаковъ и славившееся со временъ Тиверія, съумѣло бы внушить уваженіе къ своему острову, защищенному двойною оградою, т.-е. глубокими рукавами Сены и высокою стѣной, уставленной по бокамъ башнями; но паническій страхъ, предшествовавшій Аттилѣ, отнималъ бодрость у самыхъ отважныхъ и указывалъ народу на бѣгство, какъ на единственное средство къ спасенію. Парижане совѣщались между собою и рѣшили не дожидаться непріятеля. Уже все было готово къ переселенію, и суда спущены на воду; вездѣ виднѣлись груды домашней рухляди, дома оставались пустыми и обнаженными; толпы дѣтей и женщинъ, заливаясь слезами, говорили послѣднее прости своимъ домашнимъ очагамъ; но въ эту минуту явилась женщина, которая рѣшилась остановить всѣхъ. Характеръ этой необыкновенной личности, то чрезвычайное вліяніе, которое она имѣла на окружавшихъ ее, и наконецъ справедливое почитаніе, которое уже четырнадцать вѣковъ воздаетъ ей городъ Парижъ—все это заставляетъ насъ предварительно объяснить, кто была эта женщина, и какимъ образомъ провела она первые годы своей жизни.

Имя ея было Геновефа, изъ котораго мы образовали другое: *Женевьева*; несмотря на чисто германскій звукъ этого имени, Женевьева была галло-римлянка. Отецъ ея, Северъ, и мать, Геронція, въ то время, какъ родилась Женевьева, жили въ городкѣ Неметодурѣ, нынѣ Нантерръ, въ трехъ льё отъ Парижа; они не жили трудами рукъ и даже были довольно зажиточны. Въ дѣтствѣ Женевьева вовсе не пасла барашковъ, какъ то разсказывается въ народномъ преданіи. Кроткая, болѣзненная, искавшая болѣе всего покоя, дочь Севера находила величайшее удовольствіе только въ томъ, чтобы запираться въ комнатѣ своей матери, молиться тамъ и мечтать, и, при первой возможности, уходила въ церковь. Молчаливый и уединенный характеръ удалялъ ее отъ другихъ дѣтей, и никто не ви-

[1]) Отчего и до сихъ поръ эта часть Парижа, какъ отстроенная въ древности *римлянами*, латинцами, называется латинскимъ кварталомъ (Quartier latin).

дѣлъ, чтобъ она принимала участіе въ ихъ играхъ. Еще семи лѣтъ она говорила себѣ, что непремѣнно поступитъ въ монастырь, какъ только достигнетъ совершеннолѣтія, и, несмотря на всѣ убѣжденія своихъ родителей, которымъ не нравилось ея намѣреніе, она въ душѣ своей хранила непоколебимую рѣшимость. Случайно около того времени, т.-е. около 429 г., Нантерръ посѣщенъ былъ двумя знаменитыми личностями: Германомъ, епископомъ оксеррскимъ (d'Auxerres), и Лупомъ, епископомъ троаскимъ (de Troyes), которыхъ, какъ наиболѣе славныхъ ученыхъ, гальское духовенство послало въ Бретань для пораженія ереси Пелагія, заразившей не только бретонскій народъ, но и самый клиръ. Эти два миссіонера, по приглашенію нантеррскихъ жителей, обѣщали провести у нихъ ночь. Итакъ, Нантерръ былъ въ радости, и въ назначенный день мужчины, женщины, дѣти, всѣ одѣтые въ праздничныя платья, вышли на дорогу и ждали своихъ гостей, чтобы встрѣтить и проводить ихъ до церкви. Посреди толпы, тѣснившейся вокругъ Германа и превозносившей его, онъ замѣтилъ дѣвочку, украшенную скромными прелестями дѣтства, которой живые и блестящіе глаза, казалось, горѣли сверхъестественнымъ огнемъ; онъ подозвалъ ее къ себѣ, взялъ на руки и, напечатлѣвъ отеческій поцѣлуй на ея челѣ, спросилъ, кто она такова. При краткомъ и точномъ отвѣтѣ Женевьевы (это была она) и при ея твердомъ взглядѣ, старецъ задумался; потомъ, обратившись къ родителямъ, сказалъ имъ; „не дѣлайте ей никакого принужденія, потому что, или я сильно ошибаюсь, или это дитя будетъ велико предъ Богомъ". На другой день утромъ онъ хотѣлъ возложить на нее руки. Съ этой минуты рѣшимость Женевьевы стала еще непреклоннѣе, чѣмъ когда-либо, ея характеръ еще настойчивѣе, и еще болѣе своими привычками она удалялась отъ другихъ: Женевьева оставляла церковь только для бѣдныхъ; въ томъ возрастѣ, когда едва имѣютъ понятіе о строгихъ занятіяхъ, ея жизнь была вся посвящена единственно молитвѣ и попеченію о больныхъ. Сопротивленіе родителей только усиливало ея наклонности, и однажды мать до того разсердилась на нее, что ударила по щекѣ; но ни дурное обращеніе, ни угрозы не могли поколебать этой непреклонной рѣшимости. Достигши пятнадцатилѣтняго возраста, она явилась къ шартрскому епископу Юліану, который и возложилъ на нее дѣвственное покрывало. Родители ея вскорѣ послѣ того умерли, и Женевьева поселилась у своей крестной матери, жившей въ Парижѣ.

Тогда-то предалась Женевьева вполнѣ наклонности къ уединенію и подвижничеству. Разсказываютъ, что на свою постель она клала слой глинистой земли, на которой и спала по ночамъ; единственною пищей ея долгое время былъ одинъ ячменный хлѣбъ и вода, и только по настоянію своего епископа она начала употреблять рыбу и молоко; она часто приходила въ восторженное состояніе и имѣла видѣнія. Три дня считали ее мертвою, и хотѣли уже было погребать, когда она открыла глаза и разсказала чудесныя подробности о томъ, „какъ она восхищена была духомъ въ обитель праведныхъ". За состояніемъ восторженности слѣдовали чудеса, и вскорѣ только и говорили о нантеррской дѣвѣ и знаменіяхъ, которыя Богъ совершалъ ея

руками: разслабленные исцѣлялись, слѣпымъ возвращалось зрѣніе, злые духи изгонялись; она узнавала будущее, читала самыя сокровенныя мысли людей и повелѣвала стихіями; увѣряли, что буря поднималась и затихала по ея голосу. Съ того времени слава ея, какъ праведной, упрочилась. Такое состояніе святости, обнаруживавшееся въ дарѣ пророчества, соединенномъ съ даромъ чудесъ, дѣлалось повсюду извѣстнымъ, и слава о немъ распространялась по всему христіанскому міру. Имя такого лица обыкновенно переходило изъ устъ въ уста; разсказы о его дѣяніяхъ и бесѣдахъ разносились изъ одной провинціи въ другую, съ Запада на Востокъ, отъ римскихъ церквей въ церкви варварскія; его жизнеописанія, писанныя съ энтузіазмомъ, всюду читались съ жадностью. Все это случилось и съ Женевьевою, и такимъ образомъ Женевьева, простая дѣвушка, которой пламенная любовь къ добру ограничивалась только маленькимъ островкомъ на Сенѣ, стала неистощимымъ предметомъ любопытства даже въ глубинѣ Сиріи. Симеонъ-Столпникъ, проведшій сорокъ лѣтъ на одномъ столпѣ близъ Антіохіи, всегда разспрашивалъ странниковъ, приходившихъ къ нему съ Запада, о подвигахъ пророчицы галловъ, Геновефы. Но надъ нею сбылась евангельская истина: ей вѣрили въ чужихъ земляхъ, а въ самомъ отечествѣ встрѣчала она одно невѣріе и гоненіе. Многіе отрицали ея святость, и искусно распространенныя клеветы сдѣлали ее въ глазахъ народа предметомъ отвращенія. Св. Германъ, пришедшій посѣтить ее послѣ своего второго путешествія къ бретонцамъ, въ 447 г., долженъ былъ бороться съ этими злыми предубѣжденіями, которыя отчасти и успѣлъ разсѣять. Онъ посылалъ ей изъ Оксерра въ Парижъ „*евлогіи*“, т.-е. частицы благословленнаго имъ хлѣба: поразительна простота сношеній между великимъ епископомъ, предъ которымъ преклонялись императрицы, и сиротой, которую онъ сдѣлалъ своею духовной дочерью.

Съ тѣхъ поръ, какъ стали носиться слухи о скоромъ приходѣ Аттилы, особенно же, когда начались опустошенія войны (Метцъ и Реймсъ были уже разорены), Женевьева какъ будто отложила въ сторону всякую другую мысль. Глубоко убѣжденная, вмѣстѣ со всѣми благочестивыми людьми того вѣка, что земныя событія суть слѣдствія высшихъ опредѣленій божества, и также, что раскаяніе и молитва, смягчая гнѣвъ божій, могутъ отвратить угрожающія намъ бѣдствія, дни и ночи молилась она въ храмѣ, со слезами взывая къ Богу о помилованіи своей страны. Точно такъ же, какъ при другихъ общественныхъ бѣдствіяхъ, другая дщерь Галліи — Іоанна д'Аркъ, Женевьева имѣла видѣнія; ей было свыше открыто, что городъ Парижъ будетъ пощаженъ, если принесетъ покаяніе, и что Аттила не приблизится къ его стѣнамъ. Итакъ, она стала убѣждать своихъ соотечественниковъ къ покаянію, предписывая отложить всѣ приготовленія къ переселенію; но мужчины отвѣчали ей только грубостями и насмѣшками. Не получивши успѣха съ этой стороны, она рѣшилась обратиться къ женщинамъ.

Собравши ихъ около себя, она стала говорить имъ, указывая на ихъ опустѣвшіе дома и улицы. „Женщины — безъ сердца! Вы оставляете свое пепелище и эти кровли, подъ которыми были зачаты и

вскормлены, и гдѣ родились ваши дѣти, какъ будто у васъ нѣтъ, кромѣ бѣгства, никакихъ другихъ средствъ для защиты отъ меча самихъ себя и вашихъ мужей! Почему вы не обратитесь къ Господу, избравъ своимъ оружіемъ постъ и молитву, какъ то сдѣлали Эсѳирь и Юдиѳь? Именемъ Всевышняго предрекаю вамъ, что городъ вашъ будетъ помилованъ, если вы сдѣлаете то; а тѣ мѣста, гдѣ думаете найти безопасность, попадутъ въ руки врага, и не останется въ нихъ камня на камнѣ". Эти слова, тѣлодвиженія и вдохновленный взглядъ Женевьевы тронули всѣхъ женщинъ, и онѣ въ молчаніи послѣдовали за нею, куда она ихъ повела. На восточной оконечности острова Лутеціи, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь возвышается соборъ Богоматери (Notre-Dame de Paris), находилась тогда церковь во имя святого первомученика Стефана. Туда-то Женевьева привела сопровождавшую ее толпу женщинъ; при ихъ помощи она загородилась въ баптистеріи, и всѣ начали молиться. Удивленные продолжительнымъ отсутствіемъ своихъ женъ, мужья также пришли въ церковь и, найдя двери баптистеріи запертыми, спрашивали, что̀ это значитъ; но женщины отвѣчали изнутри, что онѣ не хотятъ выходить изъ города. При этомъ отвѣтѣ мужья вышли изъ себя. Прежде чѣмъ рѣшились разбить врата святыни, они совѣщались и начали разсуждать о родѣ казни, которой слѣдовало предать лжепророчицу, какъ называли они Женевьеву — духа лжи, хотѣвшаго искусить ихъ во дни бѣдствій. Одни совѣтовали побить ее камнями у дверей храма; другіе говорили, что ее слѣдовало бросить внизъ головой въ Сену. Они все еще шумно спорили, когда счастливый случай послалъ къ нимъ одного изъ оксеррскихъ клериковъ, который, услышавъ о приближеніи непріятеля, бѣжалъ по направленію нижней Сены, гдѣ надѣялся быть болѣе безопаснымъ. Это былъ тотъ самый дьяконъ, который нѣсколько разъ приносилъ Женевьевѣ *евлогіи* отъ св. Германа. Именемъ епископа, умершаго за три года передъ тѣмъ, онъ дѣлалъ имъ упреки, заставилъ устыдиться своего варварства, и убѣждая слѣдовать ея совѣту, въ которомъ видѣлъ перстъ божій, говорилъ имъ: „Это — святая дѣва; повинуйтесь ей". Парижане послушались его и остались въ городѣ. Предсказаніе Женевьевы сбылось: шайки Аттилы, соединившіяся между Сеною и Марною, не подошли къ Парижу, и этотъ городъ обязанъ былъ спасеніемъ непоколебимой твердости бѣдной и простой дѣвушки. Если бы жители Парижа тогда же разсѣялись, многое могло бы воспрепятствовать ихъ возвращенію, и городокъ Лутеція, сохраненный для своихъ великихъ судебъ, по всей вѣроятности, сталъ бы тѣмъ же, чѣмъ стало множество другихъ городовъ Галліи, болѣе его значительныхъ, а именно, пустынею, развалины которой лежали бы и до сихъ поръ подъ водой, поросшія травою, и антикварій, можетъ быть, искалъ бы на ея мѣстѣ слѣдовъ вторженія Аттилы.

Ам. Тьерри.
Hist. d'Attila, etc. I, 140—170.

См. примѣчаніе къ ст. 27.

37.—Аттила подъ Орлеаномъ.

(591 г.).

Король гунновъ, Аттила, удалившись отъ г. Метца, опустошилъ множество другихъ городовъ Галліи. Онъ осадилъ также Орлеанъ и, громя его таранами, думалъ овладѣть имъ. Св. Аніанъ, мужъ особеннаго ума и досточтимой святости, чудеса котораго мы описали съ вѣрностью, былъ тогда епископомъ этого города. Когда народъ, доведенный осадою до крайности, обратился къ нему, какъ къ своему епископу, и спрашивалъ, что̀ дѣлать, то онъ возложилъ надежду на Бога, и повелѣлъ всѣмъ со слезами молить Господа о помощи, всегда готоваго склониться на просьбы тѣхъ, которые имѣютъ въ нему нужду. И когда они стали слезно молиться, какъ онъ повелѣлъ, тогда епископъ сказалъ имъ: „Взгляните внизъ съ городской стѣны, не является ли къ намъ на помощь милосердіе божіе?“ Аніанъ дѣйствительно зналъ, что Богъ сжалится и Аэцій поспѣшитъ; предвидя будущее, онъ еще прежде ходилъ къ нему въ Арль. Они смотрѣли съ городскихъ стѣнъ и не видѣли никого. „Молитесь съ вѣрою, говорилъ снова епископъ, потому что Господь освободитъ васъ сегодня“. И во время ихъ молитвы опять послалъ: „Посмотрите снова“. Они посмотрѣли и опять не увидѣли никого, кто спѣшилъ бы на помощь. Онъ сказалъ имъ въ третій разъ: „Если вы будете молиться съ вѣрою, то и Господь будетъ скоро съ вами“. Они съ плачемъ и рыданіями умоляли Бога о милосердіи. Послѣ молитвы они взглянули въ третій разъ съ городской стѣны, слѣдуя повелѣнію старца, и увидѣли, что вдали поднималось какъ будто облако. Они объявили это епископу, который сказалъ: „Это помощь отъ Господа“. Между тѣмъ стѣны уже дрожали отъ ударовъ тарана и готовы были разрушиться, какъ вдругъ прибыли Аэцій, Теодорикъ, король готовъ, и его сынъ Торнемодъ; они приблизились къ городу со своими войсками, отбросили непріятеля назадъ и обратили его въ бѣгство. Освободивши такимъ образомъ городъ заступничествомъ святого епископа, они преслѣдовали бѣгущаго Аттилу, который, достигнувъ полей Мавріака [1]), началъ готовиться къ сраженію. Наши при этомъ извѣстія вооружились всѣми силами противъ него.

Григорій Турскій.

Ист. Франк. II, 7.

См. примѣчаніе къ ст. 74.

---

[1]) Mery-sur-Seine: Григорій говоритъ такимъ образомъ о приготовленіи къ той битвѣ, которую Іорданъ относитъ къ окрестностямъ Шалона, и которую называютъ обыкновенно *каталаунскою*; но о подробностяхъ битвы авторъ „Исторіи франковъ“ не говоритъ и замѣчаетъ коротко, что гунны были разбиты.

38.—Каталаунская битва.

(1856 г.).

Номады не видятъ, подобно намъ, въ бѣгствѣ какого-нибудь безчестія для себя; ища болѣе добычи, нежели славы, они стараются вступить въ сраженіе не иначе, какъ имѣя увѣренность въ побѣдѣ, и потому при встрѣчѣ съ сильнымъ непріятелемъ всегда уклоняются отъ битвы, съ тѣмъ, чтобы напасть въ болѣе благопріятное время. Такъ поступилъ и Аттила, отбитый отъ Орлеана соединенными силами римлянъ и вестготовъ: обманутый въ своихъ планахъ, проклиная Аэція, онъ не думалъ ни о чемъ другомъ, какъ о безопасномъ размѣщеніи своего войска и награбленной добычи. Ночью, совершенно тихо, онъ снялся съ лагеря, и слѣдуя тою же дорогой, которою пришелъ, былъ при восходѣ солнца уже далеко отъ Орлеана. За городомъ Саномъ (Sens) Аттилѣ удалось попасть въ страну менѣе опустошенную, нежели окрестности Орлеана, и совершенно открытую, гдѣ гунская кавалерія, въ случаѣ битвы, имѣла бы на своей сторонѣ всѣ преимущества. На сѣверъ отъ г. Сана, между долинами рѣкъ Іонны и Энь (Aisne), на пространствѣ 50 льё въ длину и отъ 35 до 40 въ ширину, слѣдуетъ цѣлый рядъ плоскостей, прорѣзанныхъ глубокими рѣками; съ VI вѣка эта сторона носила общее наименованіе Кампаніи, *Campania*, которое она сохраняетъ и до настоящаго времени: Шампань. На сѣверной ея оконечности возвышаются Арденскія горы, которыя, отдѣляя эти сухія равнины отъ плодоносныхъ и низменныхъ равнинъ Бельгіи, образуютъ на горизонтѣ родъ стѣны, покрытой лѣсомъ и вездѣ одинаковой высоты. Чтобы достигнуть нижняго теченія Рейна, нѣтъ другого выхода, кромѣ опасныхъ ущелій Аргона съ сѣверо-востока, а съ юго-запада длинный переходъ чрезъ Вогезы и Юру; двѣ римскія дороги, ведущія по этимъ двумъ направленіямъ, перекрещивались тогда возлѣ города *Durocatalaunum*, нынѣ Шалонъ-на-Марнѣ. Аттила, идя изъ Реймса, проходилъ уже эту страну, и, отступая, поспѣшно занялъ городъ и окрестную равнину, называемую *Каталаунскими полями*, съ тѣмъ, чтобы обезпечить себѣ средства къ отступленію, въ случаѣ, если бы римская армія, стѣснивъ его со всѣхъ сторонъ, принудила къ битвѣ. Не въ первый разъ въ исторіи Галліи Каталаунскія поля избирались театромъ страшной борьбы народовъ, и не въ послѣдній разъ.

Легко догадаться, что Аттила, при быстромъ отступленіи, допускалъ грабежъ не болѣе какъ настолько, насколько то было необходимо для продовольствія войска. При переходѣ Сены у г. Троа онъ совсѣмъ не вошелъ въ городъ; епископъ Лупъ (тотъ самый, который сопровождалъ св. Германа во время его путешествія въ Бретань) предсталъ предъ Аттилою, прося его пощадить не только жителей такого беззащитнаго города, какимъ былъ Троа, не имѣвшій ни во-

ротъ, ни стѣнъ, но также и сельское населеніе. „Хорошо—отвѣчалъ ему король гунновъ съ тономъ холодной насмѣшки, которая у него часто слѣдовала за увлеченіемъ гнѣва,—но ты будешь меня сопровождать до самаго Рейна. Святой человѣкъ не можетъ не принести счастья мнѣ и моему войску“. Аттила хотѣлъ имѣть его своимъ заложникомъ, на всякій случай, какъ пастыря, уважаемаго во всей странѣ и важнаго въ глазахъ всѣхъ римлянъ. Когда онъ переходилъ р. Объ (Aube) при Арсіанѣ, нынѣ Arcis-sur-Aube, въ арріергардѣ оставался отрядъ гепидовъ, на равнинѣ, образующей треугольникъ при сліяніи Сены и Оба, близъ Мавріака, или Méry-sur-Seine, небольшого городка, сообщившаго свое имя самой дельтѣ, *Champs de Mauriac.* Армія Аэція нагоняла уже гунновъ, истребленныхъ голодомъ, болѣзнями, засадами крестьянъ по дорогѣ, и римскій авангардъ, состоявшій изъ меровейскихъ франковъ, столкнулся съ гепидами, прикрывавшими переправу черезъ Объ. Стычка произошла ночью; въ ужасной сумятицѣ дрались впотьмахъ до разсвѣта, и съ одной стороны сѣкира франковъ, а съ другой — мечъ и дротикъ гепидовъ работали такъ усердно, что при восходѣ солнца 15 тысячъ убитыхъ и тяжело раненыхъ [1]) покрывали поле сраженія. Ардарикъ, успѣвъ перевести гепидовъ на другую сторону рѣки, присоединился къ главной арміи гунновъ, которая въ тотъ же день вступила въ Шалонъ.

Болѣе уже не было никакихъ средствъ къ избѣжанію генеральной битвы. Въ нѣсколькихъ миляхъ за Шалономъ, подлѣ мѣста, называемаго въ древнихъ путеводителяхъ храмомъ Минервы, Fanum Minervae, видны и до сихъ поръ слѣды укрѣпленнаго лагеря по римскому образцу; находясь на страсбургской дорогѣ, онъ, повидимому, имѣлъ назначеніе прикрывать собою оба города, Реймсъ и Шалонъ, между которыми былъ расположенъ. Недалеко отъ этихъ развалинъ, по необозримой равнинѣ, протекаетъ рѣка Везль (Vesle), которая, находясь еще при своемъ истокѣ, имѣетъ видъ ничтожнаго ручья; это послѣднее обстоятельство, въ соединеніи съ другими топографическими подробностями, упоминаемыми исторіею, подтверждаетъ то мнѣніе, что на этомъ самомъ мѣстѣ происходила битва римлянъ съ гуннами. На самомъ дѣлѣ, преданіе называетъ *лагеремъ Аттилы* развалины укрѣпленій, характеръ которыхъ чисто римскій; онѣ до того хорошо сохранились, послѣ четырнадцати вѣковъ, что нѣтъ никакой возможности видѣть въ нихъ остатки какой-нибудь варварской стоянки, устроенной на скорую-руку. Можетъ быть, Аттила, найдя годными для себя римскія укрѣпленія, воспользовался ими, какъ счастливымъ случаемъ? Можетъ быть, римскіе окопы пригодились для составленія центра лагеря? Все это можно предполагать съ правдоподобіемъ; такое предположеніе безъ особенной натяжки согласитъ между собою мѣстное преданіе и здравый смыслъ. Рѣшившись разъ на битву, Аттила построилъ свои кибитки въ видѣ круга, внутри котораго были раскинуты палатки. Въ тотъ же день армія Аэція расположилась въ виду гунновъ: римскіе легіоны—по всѣмъ правиламъ римскаго искус-

[1]) У Іордана, по ошибкѣ переписчика, 90 тысячъ.

ства становиться лагеремъ, союзные же варвары — безъ окоповъ и палисадовъ, по національностямъ.

Аттила провелъ всю эту ночь весьма тревожно. Дурное состояніе его разстроенной арміи, ослабленной лишеніями и значительно уменьшившейся и въ людяхъ, и въ лошадяхъ, дѣлало для него пораженіе весьма вѣроятнымъ, и такая вѣроятность не укрылась бы отъ глазъ даже и менѣе проницательныхъ. Его солдаты захватили въ сосѣднемъ лѣсу пустынника, который слылъ за прорицателя между крестьянами; Аттилѣ пришло на мысль спросить его о своей судьбѣ. „Ты *бичъ божій*, отвѣчалъ ему пустынникъ, и палица, которою провидѣніе поражаетъ міръ; но Богъ, по волѣ своей, ломаетъ орудіе своей кары, и по своимъ предначертаніямъ передаетъ мечъ изъ однѣхъ рукъ въ другія. Знай же, что ты будешь побѣжденъ въ битвѣ съ римлянами, и чрезъ то поймешь, что твоя сила не отъ міра сего“. Такой смѣлый отвѣтъ нисколько не раздражилъ короля гунновъ. Выслушавъ христіанскаго прорицателя, онъ хотѣлъ въ свою очередь обратиться къ гадателямъ, находившимся при войскѣ, потому что у гунновъ, какъ позже и у монголовъ, для совѣщаній о будущемъ въ важныхъ случаяхъ существовали, повидимому, особыя общественныя учрежденія. Аттила велѣлъ призвать къ себѣ гадателей и, какъ говоритъ о томъ историкъ этой войны, Іорнандъ (R. Get. гл. 37), haruspices, слѣдовавшихъ за войскомъ; затѣмъ началась оригинальная и вмѣстѣ страшная сцена; исторія, изображая ее въ общихъ чертахъ, предоставляетъ воображенію дополнить цѣлое.

Представьте себѣ, въ татарской ставкѣ, раскинутой посреди долинъ Шампани, при погребальномъ свѣтѣ факеловъ, собрались на совѣтъ всевозможныя суевѣрія сѣверной Европы и Азіи: жрецъ изъ остроготовъ или руговъ, съ руками, запущенными во внутренности жертвы, наблюдаетъ за ея послѣдними содроганіями; жрецъ изъ аланъ, встряхивая гадательные прутики на бѣлой скатерти, видитъ въ ихъ расположеніи таинственные знаки будущаго; кудесникъ изъ бѣлыхъ гунновъ, вызывая духи умершихъ, при громѣ волшебнаго барабана, кружится съ быстротою колеса и въ изнеможеніи падаетъ, съ пѣною у рта, неподвижнымъ; а въ глубинѣ палатки Аттила, на своемъ табуретѣ, слѣдитъ за конвульсіями и прислушивается ко всякому взвизгиванію этихъ адскихъ истолкователей. Но гунны имѣли еще особенное, имъ только свойственное и болѣе торжественное гаданіе, которое, по показанію европейскихъ путешественниковъ, сохраняло свою силу въ XIII и XIV столѣтіяхъ, при дворѣ потомковъ Чингизъ-Хана: я разумѣю гаданіе костями животныхъ и преимущественно бараньими лопатками. Процессъ гаданія состоялъ въ томъ, что отъ костей, для того предназначаемыхъ, отдѣлялось мясо; потомъ ихъ клали на огонь, и по направленію жилъ или трещинъ на кости, отъ вліянія жара, предугадывали будущее. Правила этого искусства были точно опредѣлены извѣстнымъ церемоніаломъ, какъ то было и у римскихъ птицегадателей. Аттила самъ смотрѣлъ на кости и по нимъ узналъ то же самое о предстоящемъ ему пораженіи. Жрецы, по совѣщаніи между собою, объявили, что гунны будутъ поражены, но предводитель непріятелей падетъ въ битвѣ. Аттила разумѣлъ подъ этимъ Аэція, и

на лицѣ его блеснула радость. Аэцій былъ большимъ препятствіемъ для всѣхъ его намѣреній: онъ съ своею ловкостью уничтожилъ искусно составленный планъ Аттилы для отдѣленія вестготовъ отъ римлянъ; онъ остановилъ гунновъ въ ихъ побѣдоносномъ шествіи; онъ былъ душою той массы мелкихъ народовъ, завидовавшихъ другъ другу, и съ которыми Аттила, безъ Аэція, справился бы легко. Во мнѣніи короля гунновъ купить его смерть цѣною собственнаго пораженія значило бы купить ее еще весьма недорого.

Аттила принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы открыть битву какъ можно позже, съ цѣлью сдѣлать невозможнымъ окончательное пораженіе: наступившая ночь дала бы время принять мѣры. Въ девятомъ часу дня, а по нашему около трехъ часовъ пополудни, гунны вышли изъ окоповъ лагеря. Аттила занялъ центръ съ своими гуннами; на лѣвомъ крылѣ расположился Валамиръ съ остроготами, на правомъ Ардарикъ съ гепидами и другими народами, подчиненными Аттилѣ. Аэцій, съ своей стороны, распоряжался на лѣвомъ крылѣ, занимаемомъ римскими легіонами; на правомъ визиготы стояли противъ остроготовъ, а въ центрѣ были размѣщены бургунды, франки, арморики и аланы, предводительствуемые Сангибаномъ, котораго вѣрность была заподозрѣна еще при осадѣ Орлеана, и потому войскамъ болѣе надежнымъ было поручено наблюдать за нимъ. Распоряженія, сдѣланныя Аттилою, достаточно указывали на его планъ. Сосредоточивъ лучшую часть кавалеріи въ центрѣ позиціи и по близости баррикадъ, устроенныхъ изъ кибитокъ, онъ, очевидно, хотѣлъ повести быструю атаку на непріятельскій лагерь и въ то же время обезпечить себѣ отступленіе къ своимъ укрѣпленіямъ. Напротивъ того, Аэцій, расположивъ главныя свои силы на флангахъ, имѣлъ цѣлью воспользоваться такимъ маневромъ Аттилы, окружить его, если будетъ то возможно, и перерѣзать ему отступленіе, которое тотъ приготовилъ себѣ. Между двумя арміями находилось небольшое возвышеніе съ незначительною покатостью, и овладѣть имъ, какъ обсерваціоннымъ пунктомъ, представляло большую выгоду: гунны отправили туда нѣсколько эскадроновъ, отдѣливъ ихъ отъ авангарда, а Аэцій, бывъ ближе, послалъ туда же Торисмонда съ визиготскою конницей; прибывъ первымъ на возвышеніе, онъ атаковалъ гунновъ сверху и опрокинулъ ихъ безъ труда. Такое неудачное начало было дурнымъ предзнаменованіемъ для гунской арміи, томимой уже и безъ того печальнымъ предчувствіемъ. Аттила для воодушевленія войска собралъ около себя предводителей и обратился къ нимъ съ рѣчью, слова которой приводитъ Іорнандъ (R. Get. 39) въ своемъ разсказѣ, по готскому преданію. Хотя съ перваго раза мы можемъ быть удивлены тѣмъ, что до насъ дошла рѣчь Аттилы, но наше удивленіе пройдетъ, если принять въ соображеніе необыкновенную силу памяти у народовъ, которые, не зная искусства письма, имѣютъ въ устномъ преданіи единственный историческій источникъ. Событія общественной жизни варваровъ, вмѣстѣ съ ихъ миѳологическими повѣствованіями, составляютъ исключительный предметъ ихъ литературы, и потому они удерживаютъ ихъ въ памяти съ такою точностью, которой образчикъ намъ представляетъ Эдда; и если

имъ случается что-нибудь прибавить къ дѣйствительности совершившагося, то они остаются до того вѣрны краскамъ времени и описываемаго общества, что самая выдумка получаетъ въ глазахъ потомства родъ нѣкоторой достовѣрности. Допустимъ, если угодно, что рѣчь, которую Іорнандъ влагаетъ въ уста короля гунновъ, принадлежитъ къ числу подобныхъ выдумокъ; во всякомъ случаѣ, она не была произведеніемъ какого-нибудь греческаго или латинскаго ритора, тѣмъ болѣе, что, по своей суровой энергіи, эта рѣчь представляетъ величайшій контрастъ со слогомъ и идеями, которыя могъ бы добыть изъ себя нашъ компиляторъ исторіи готовъ.

„Одержавъ уже столько побѣдъ надъ народами, говорилъ Аттила, и почти достигнувъ обладанія міромъ, я былъ бы безсмысленъ и смѣшонъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, еслибы вздумалъ возбуждать васъ еще словами, какъ будто бы вы не умѣли биться. Предоставимъ такую мѣру какому-нибудь новичку-полководцу и неопытнымъ воинамъ: она была бы недостойна ни васъ, ни меня. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему же вы больше привыкли, какъ не къ войнѣ? И что̀ для храбраго можетъ быть пріятнѣе, какъ искать мести съ оружіемъ въ рукахъ? О! да, пресыщать сердце местью—величайшее благодѣяніе природы!.. Нападемъ смѣло на непріятеля; кто храбрѣе, тотъ всегда нападаетъ. Смотрите съ презрѣніемъ на эту массу разнообразныхъ народовъ, ни въ чемъ не согласныхъ между собою: кто при защитѣ себя разсчитываетъ на чужую помощь, тотъ обличаетъ собственную слабость предъ всѣмъ свѣтомъ. Вы видите, какъ овладѣваетъ ими уже страхъ, прежде нежели началась битва: они хотятъ овладѣть возвышенностью; они торопятся занять высоты, которыя не обезпечатъ ихъ, а вскорѣ имъ придется не съ бо̀льшимъ успѣхомъ искать спасенія въ долинѣ. Мы знаемъ всѣ, съ какимъ трудомъ римляне переносятъ тяжесть своего вооруженія; я не говорю о первой ранѣ, ихъ можетъ задушить одна пыль. Пока они будутъ строиться въ неподвижныя массы, чтобъ составить черепаху изъ своихъ щитовъ, не обращайте на нихъ вниманія и идите дальше; бѣгите на аланъ, бросьтесь на визиготовъ: мы должны искать быстрой побѣды тамъ, гдѣ сосредоточены главныя силы. Если перерѣзать мускулы, члены опустятся сами собою, и тѣло не можетъ прямо стоять, когда изъ него вынуты кости. Итакъ, возвысьте свою храбрость и раздуйте свой обычный пылъ. Покажите какъ слѣдуетъ гуннамъ свое мужество; пусть узнаютъ доброкачественность вашего оружія; пусть раненый ищетъ смерти своего противника, а тотъ, кто останется невредимъ, насытится избіеніемъ врага: кому суждено остаться въ живыхъ, на томъ не будетъ ни одной царапины, а кому нужно умереть, того судьба постигнетъ и среди мира. Наконецъ, къ чему бы фортуна даровала гуннамъ побѣду надъ столькими народами, еслибы она не хотѣла насъ осчастливить предстоящею битвою? Къ чему она указала бы нашимъ предкамъ дорогу черезъ Меотійскія Болота, остававшіяся въ теченіе стольких вѣковъ неизвѣстными и непроходимыми. Я не ошибаюсь нисколько относительно настоящаго: предъ нами то поле битвы, которое обѣщали намъ наши прежнія побѣды, и этотъ случайно скученный сбродъ не выдержитъ

и на одно мгновеніе вида гунновъ. Я бросаю первый дротикъ въ непріятеля; если кто-либо можетъ остаться спокойнымъ въ то время, когда бьется Аттила, тотъ уже погибъ“ (si quis potuerit, Attila pugnante, otium ferre, sepultus est).

„Затѣмъ—говоритъ Іорнандъ, сдѣлавшійся въ своемъ разсказѣ почти столько же дикимъ, какъ и его герои—затѣмъ началась битва свирѣпая, повсемѣстная, ужасная, отчаянная. Древность не повѣствуетъ намъ ни о такихъ подвигахъ, ни о такой рѣзнѣ, а тотъ, кто не былъ свидѣтелемъ этого удивительнаго зрѣлища, тому не встрѣтить того другой разъ въ своей жизни“. Полуизсякшіе ручейки, протекавшіе по долинѣ, внезапно раздулись отъ потоковъ крови, смѣшавшейся съ ихъ водами, и раненые, утоляя жажду такимъ ужаснымъ питьемъ, умирали мгновенно.

Дѣло началось на правомъ римскомъ крылѣ, которое схватилось съ лѣвымъ крыломъ Аттилы: западные готы боролись съ восточными, братья съ братьями. Престарѣлый король Теодорикъ ѣздилъ по рядамъ своихъ воиновъ, убѣждая ихъ движеніями руки и голосомъ; но вдругъ онъ свалился съ лошади и исчезъ подъ копытами конницы, скакавшей взадъ и впередъ и сталкивавшейся массами. Нѣкоторые увѣряютъ, что одинъ остроготъ изъ амаловъ, по имени Андагизъ, поразилъ его дротикомъ и прокололъ насквозь. Сѣча продолжалась, и никто не зналъ о его судьбѣ; послѣ кровавой борьбы визиготы разсѣяли своихъ непріятелей. Въ это время гунны Аттилы бросились на центръ римской арміи, пробили его и удержали въ своихъ рукахъ позицію; но визиготы, побѣдивъ на правомъ крылѣ, аттаковали ихъ съ фланга. Лѣвое крыло римской арміи сдѣлало такое же движеніе, и Аттила, замѣтивъ опасность, отступилъ къ своему лагерю. Въ этой новой борьбѣ, преслѣдуемый съ яростью визиготами, онъ едва не былъ убитъ и спасся только однимъ бѣгствомъ. Его армія, смѣшавшись, послѣдовала за нимъ въ мѣсто, загороженное кибитками; и какъ ни было слабо подобное укрѣпленіе, но туча стрѣлъ, пускаемыхъ безпрерывно изъза кибитокъ, остановила нападающихъ. Въ это время наступила ночь и за ней послѣдовалъ такой мракъ, что нельзя было отличить своихъ отъ непріятелей; цѣлые отряды сбивались съ пути. Торисмондъ, спустясь съ холма, чтобы присоединиться къ главной своей арміи, самъ того не замѣчая, наткнулся на кибитки гунновъ, откуда встрѣтила его туча стрѣлъ; онъ былъ раненъ въ голову и сброшенъ съ лошади. Визиготы унесли его облитаго кровью. Самъ Аэцій, отдѣлившись отъ своихъ и отыскивая визиготовъ, которыхъ онъ считалъ погибшими, бродилъ нѣкоторое время среди непріятеля. Остальную часть ночи и римляне, и ихъ союзники провели на стражѣ въ своемъ лагерѣ, съ щитами на рукахъ.

Солнце взошло надъ долиной, усѣянной трупами. Разсказываютъ (а именно, Іорданъ), 160 тысячъ убитыми и ранеными остались на мѣстѣ; по другимъ, до 300 тысячъ. Римляне и ихъ союзники относительно результата битвы знали только то, что Аттила долженъ былъ претерпѣть страшное пораженіе: его отступленіе, сдѣланное съ такою поспѣшностью и съ такимъ безпорядкомъ, указывало ясно на то; а

потомъ, когда увидѣли, что Аттила рѣшительно замкнулся въ своемъ укрѣпленіи, легко заключили, что онъ призналъ себя побѣжденнымъ. Впрочемъ, и засѣвъ за кабитками, король гунновъ держалъ себя достойно своей храбрости: среди его лагеря раздавался звукъ трубы и шумъ оружія, такъ что, казалось, онъ угрожалъ снова нанести нежданный ударъ. „Какъ левъ, гонимый отовсюду охотниками, большимъ прыжкомъ удаляется въ свое логовище, не смѣя броситься впередъ, и своимъ рыканіемъ наводитъ ужасъ на окрестныя мѣста, такъ, по словамъ историка Іордана, гордый король гунновъ среди своихъ кибитокъ наводилъ ужасъ на своихъ побѣдителей“. Римляне и готы разсуждали между собою, какъ поступить съ побѣжденнымъ Аттилою, и рѣшились оцѣпить его лагерь и дать погибнуть самому, не представляя атакою случая къ отмщенію. Разсказываютъ (Іорданъ, R. Get. 40), что въ этомъ отчаянномъ положеніи Аттила приказалъ скучить сѣдла въ огромный костеръ и приготовиться подложить огонь, съ тѣмъ, чтобы броситься въ него, въ случаѣ, если непріятель овладѣетъ укрѣпленіями его лагеря.

Между тѣмъ, Теодорикъ не появлялся; онъ одинъ не раздѣлялъ съ своими торжества побѣды; о его исчезновеніи ходили различные слухи; его считали въ плѣну или убитымъ. Прежде всего его стали искать, какъ храбраго воина, на полѣ битвы, и наконецъ не безъ труда нашли его трупъ, покрытый массою другихъ убитыхъ. При этомъ зрѣлищѣ готы запѣли погребальный гимнъ, и подъ глазами гунновъ унесли его тѣло; гунны не сдѣлали ни малѣйшей попытки къ тому, чтобы воспрепятствовать имъ. Варварскіе гадатели должны были громко прославлять непогрѣшимость своихъ предсказаній, оправданныхъ событіями: они предвѣщали смерть непріятельскаго предводителя; правда, это былъ не тотъ, на кого разсчитывалъ Аттила. Торисмондъ, оправившись отъ своей раны, присутствовалъ при погребеніи отца, которое было отправлено визиготскою арміею съ большимъ торжествомъ, пѣніемъ, стукомъ оружія и неблагозвучными криками. Торисмондъ явился въ качествѣ короля, потому что готы подняли его на щиты, вмѣсто убитаго отца.

Смерть Теодорика, въ двухъ стахъ лье отъ его страны, была важнымъ событіемъ для готовъ, короли которыхъ были избирательные, хотя всегда изъ среды одной и той же фамиліи. Молодой Теодорикъ, правда, согласился безъ затрудненія на избраніе своего брата Торисмонда; но былъ вопросъ, согласятся ли такъ же легко на этотъ выборъ, сдѣланный однимъ войскомъ, тѣ четыре брата, которые остались въ Тулузѣ? Имѣя въ своихъ рукахъ власть и богатства своего отца, не будутъ ли они стараться составить себѣ партію, возмутить толпу и овладѣть королевствомъ? Все это было весьма возможно и даже сообразно съ привычками визиготовъ и съ честолюбивымъ и смѣлымъ характеромъ молодыхъ принцевъ. Торисмондъ, мучимый безпокойствомъ, хотѣлъ бы уже быть въ Тулузѣ, чтобы предупредить или усмирить своихъ братьевъ; но стыдъ удерживалъ его при Аэціѣ. Онъ пошелъ къ патрицію, котораго возрастъ и зрѣлое благоразуміе, по его словамъ, могло быть ему полезно совѣтомъ, и именемъ своего отца, Теодорика,

смерть котораго онъ желалъ отмстить, предлагалъ атаковать лагерь гунновъ.

Аэцій, зная все коварство и непостоянство варваровъ, понялъ, что за несвоевременными сожалѣніями Торисмонда скрывается угроза оставить лагерь, и потому скрылъ досаду на то, что его зрѣло обдуманный планъ долженъ измѣниться, и что, можетъ быть, счастіе отъ него обратится къ союзникамъ, которые такъ мало дорожили римскими интересами. Показывая видъ, что вполнѣ сочувствуетъ опасеніямъ Торисмонда, онъ ни мало не противорѣчилъ его намѣренію увести съ собою визиготскую армію, если только на него не нападетъ Аттила. Это было настоящее дезертирство; но послѣ того, какъ коварно велъ себя этотъ народъ предъ началомъ войны, тутъ нечему было удивляться; потомъ, римляне были уже пріучены къ подобнымъ внезапнымъ удаленіямъ, къ постоянному колебанію своихъ союзниковъ, недальновидныхъ, эгоистическихъ, всегда болѣе готовыхъ къ тому, чтобы ослабить, нежели подкрѣпить имперію, принявшую ихъ въ свои нѣдра. Исторія присоединяетъ къ тому, что Аэцій въ глубинѣ души своей былъ даже нѣсколько доволенъ освободить себя отъ визиготовъ, которые играли такую блестящую роль въ сраженіи и повидимому рѣшили его участь. Ихъ хвастовство и притязанія оскорбляли, конечно, римскую армію, и Аэцій боялся, что послѣ пораженія гунновъ эти защитники Галліи обрушатся на нее всею своею тяжестью. Такова была по крайней мѣрѣ политика, которую Іорданъ приписываетъ Аэцію, по своему пристрастію къ своимъ соотечественникамъ, готамъ. Такой оборотъ дѣла до того нравился варварамъ и до того льстилъ ихъ самолюбію, намекая на ихъ важность, что и историки франковъ (какъ, напримѣръ, Григорій Турскій) дѣлали также притязанія (конечно, безъ всякаго основанія), что римскій полководецъ подобною же стратегемой и въ томъ же намѣреніи удалилъ съ поля сраженія небольшой народъ Меровея. Въ самомъ дѣлѣ, Аэцій показалъ видъ, что онъ совершенно согласенъ на удаленіе Торисмонда; но это равнялось прекращенію осаднаго положенія для Аттилы.

Ничего не зная о тѣхъ спорахъ и попрежнему заключенный въ своемъ лагерѣ, Аттила съ грустью видѣлъ, какъ его армія истребляется лишеніями и болѣзнями; онъ, казалось, ожидалъ для составленія новаго плана, чтобы какая-нибудь случайность, въ родѣ той, которая и произошла, раздѣлила армію Аэція. Онъ хорошо замѣтилъ, что бивуаки Торисмонда опустѣли; но такъ какъ въ этомъ обстоятельствѣ могла скрываться какая-нибудь западня, Аттила оставался настороже. Спустя нѣсколько времени тишина и слишкомъ продолжительное опустѣніе мѣста лагеря визиготовъ убѣдили его въ справедливости факта, и онъ предался величайшей радости; „его душа возвратилась къ мысли о побѣдѣ, по энергическому выраженію историка, котораго мы выше приводили, и его мощный геній овладѣлъ своею прежнею фортуной“. Приказавъ немедленно запрячь кибитки, онъ поднялся съ мѣста, сохраняя еще грозный видъ. Аттила хотѣлъ только уйти: Аэцій, съ войскомъ, уменьшеннымъ наполовину, считалъ благоразумнымъ не безпокоить отступавшаго льва; онъ только слѣдилъ за нимъ

на нѣкоторомъ разстояніи и въ строгомъ порядкѣ, чтобы препятствовать грабежу и напасть на него, еслибы онъ вздумалъ уклониться съ прямой дороги.

Ам. Тьерри.

Hist. d'Att. etc. I, 178—196.

См. примѣчаніе къ ст. 27.

39.—Распаденіе Аттиловой монархіи и передвиженіе германскихъ народовъ.

(550 г.).

Окончивъ погребальные обряды, наслѣдники Аттилы, по свойству юношей увлекаться властолюбіемъ, подняли споръ о раздѣлѣ государства; но, безразсудно желая повелѣвать всѣ вмѣстѣ, они всѣ вмѣстѣ потеряли власть. Такимъ образомъ, большое число наслѣдниковъ часто бываетъ болѣе вредно государству, нежели недостатокъ въ нихъ. Сыновья Аттилы, которые, вслѣдствіе его крайней чувственности, составляли почти цѣлый народъ, требовали, чтобы подданные были раздѣлены между ними поровну, такъ что воинственные короли и ихъ племена, подобно домашней прислугѣ, должны были быть пущены по жребію. Ардарикъ, король гепидовъ, узнавши о томъ, пришелъ въ негодованіе за оскорбленіе столь многихъ народовъ, съ которыми хотѣли обращаться, какъ съ презрѣнными рабами, первый возсталъ противъ сыновей Аттилы и счастливымъ исходомъ дѣла омылъ позорное пятно рабства. Онъ освободилъ своимъ возстаніемъ не только свой, но и прочіе, равно угнетенные народы; легко всѣ пристаютъ къ тому, что̀ предпринимается въ видахъ общей пользы. Такимъ образомъ, всѣ вооружились на взаимную погибель. Война ведется въ Панноніи, на берегахъ рѣки, называемой Нетадъ. Тамъ сошлись различные народы, находившіеся подъ властью Аттилы. Королевства распадаются на націи, изъ одного тѣла образуются отдѣльные члены, и одинъ не чувствуетъ боли другого, но, по отсѣченіи головы, наносятъ взаимно удары. Сильнѣйшіе народы, не находившіе прежде равныхъ себѣ, теперь растерзываютъ сами себя, всасываясь въ раны другъ другу. Я полагаю, это было удивительное зрѣлище, гдѣ можно было встрѣтить гота, размахивающаго булавой, свирѣпаго гепида съ мечемъ въ рукахъ, руга, переламливавшаго копье въ ранѣ своихъ единоплеменниковъ, пѣшаго свева и пускающаго стрѣлы гунна, алана въ тяжеломъ и герула въ легкомъ вооруженіи. Наконецъ, послѣ многихъ тяжкихъ битвъ, побѣда нежданно улыбнулась гепидамъ: почти тридцать тысячъ,

какъ гунновъ, такъ и другихъ, содѣйствовавшихъ имъ народовъ, истребилъ мечъ Ардарика и его союзниковъ. Въ одномъ сраженіи былъ убитъ и старшій сынъ Аттилы, по имени Эллакъ, котораго отецъ, говорятъ, любилъ болѣе прочихъ до того, что назначилъ его своимъ преемникомъ, предпочтительно предъ всѣми своими многочисленными сыновьями; но судьба не согласилась съ желаніемъ отца. Нанося частыя пораженія своимъ врагамъ, онъ, какъ извѣстно, погибъ съ такимъ мужествомъ, что и его отецъ, еслибы онъ оставался еще въ живыхъ, могъ бы пожелать себѣ столь славной кончины. Другіе же братья, послѣ его смерти, были прогнаны къ берегамъ Понта, гдѣ прежде жили готы. Такой конецъ имѣли гунны, которымъ, казалось, уступала вся вселенная. Раздоръ бываетъ до того пагубенъ, что тѣ же люди, которые при внутреннемъ согласіи наводили страхъ, въ разъединеніи были сокрушены. Эта побѣда Ардарика, короля гепидовъ, была счастливымъ событіемъ для тѣхъ различныхъ народовъ, которые неохотно подчинялись господству гунновъ, и ихъ давно уже изнывавшее сердце забилось сильнѣе отъ радости желанной свободы; многіе отправили пословъ въ римскую землю и, получивъ радушный пріемъ у тогдашняго императора Маркіана (восточной имперіи), заняли для поселенія отведенныя имъ земли. *Гепиды*, захвативъ силою прежнее жилище гунновъ и овладѣвъ, какъ побѣдители, предѣлами Дакіи, заключили съ римлянами дружескій договоръ, не требуя отъ нихъ, какъ храбрые люди, ничего другого, кромѣ мира и торжественныхъ ежегодныхъ подарковъ. Императоръ охотно согласился на то, и до сихъ поръ этотъ народъ получаетъ отъ римскаго правительства обычный даръ. *Готы* же, видя, что гепиды не впустятъ ихъ въ земли гунновъ, несмотря на то, что гунны владѣли страною, издревле имъ принадлежавшею, желали лучше обратиться къ римлянамъ съ просьбою о поселеніи ихъ въ предѣлахъ имперіи, нежели съ опасностью для себя напасть на чужія владѣнія, и получили Паннонію, которая разстилается широкою равниною, гранича къ востоку съ верхнею Мизіею, къ югу Далмаціей, къ з. Норикомъ, а на с. отдѣляется Дунаемъ. Они украсили свою родину многими городами, изъ которыхъ ближайшимъ былъ Сирмій, а отдаленнѣйшимъ Виндомина. *Савраматы* же, которыхъ мы называемъ сарматами, и цемандры вмѣстѣ съ частью гунновъ заняли данныя имъ земли въ имперіи подлѣ Марсова-Поля (ad castrum Martis). Отсюда былъ родомъ Бливила, герцогъ пентаполитанскій, его братъ Фройла, и нашъ современникъ, патрицій Бесса. *Сциры*, *садагары* и прочіе *аланы* вмѣстѣ съ своимъ вождемъ Кандакомъ получили Малую Скиѳію и Нижнюю Мизію. При этомъ Кандакѣ, пока онъ былъ въ живыхъ, стоялъ секретаремъ (notarius) мой дѣдъ Паріа, т.-е. отецъ моего отца Алановамутиса; сынъ же его сестры, Гунтигисъ, котораго звали также и Базой, начальствовалъ надъ пѣхотой (magister militum) и, родившись отъ Андагиза, сына Андалы, происходилъ изъ фамиліи Амаловъ. Я, Іорданъ, также хотя безграмотный (agrammatus—вѣроятно, по отношенію къ латинскому языку), былъ до своего обращенія секретаремъ. *Руги* же просили позволенія занять Биццисъ и Аркадіополь. Эрнакъ, младшій сынъ Аттилы, вмѣстѣ съ своимъ народомъ избралъ для себя самыя отдаленныя части Малой

Скиѳіи. Эмнедзуръ и Ултцикдуръ, его родственники, овладѣли Утомъ, Гискомъ и Альмомъ; много гунновъ, мало-по-малу врывавшихся, явилось въ Романіи; изъ нихъ нѣкоторые и до сихъ поръ называются сакромонтизіями и фозатизіями.

Были еще *готы*, именуемые *малыми*, народъ многочисленный, имѣвшій своимъ епископомъ и примасомъ Вульфилу, который, разсказываютъ, ввелъ у нихъ письменность. Они и теперь еще живутъ въ Мизіи, населяя никополитанскій округъ, при подошвѣ Гемуса; это народъ бѣдный и мирный; у нихъ нѣтъ ничего, кромѣ различныхъ породъ рогатаго и мелкаго скота, пастбищъ и строевого лѣса; земля изобилуетъ овощами, но гороху весьма мало. Виноградниковъ не имѣютъ, но употребленіе вина извѣстно, такъ какъ они покупаютъ его у сосѣдей; сами же большею частью питаются молокомъ.

Остроготы, поселившіеся въ Паннонік, подъ управленіемъ Валамира и его братьевъ, Теодемира и Видемира, раздѣлили между собою страну, но жили совершенно согласно: Валамиръ господствовалъ между Скарніунгою и Черною-Водою, двумя рѣками; Теодемиръ—въ окрестностяхъ озера Пельзоиса, а Видемиръ находился между ними. Вскорѣ случилось, что сыновья Аттилы, считая готовъ своими бѣглецами, спасавшимися отъ ихъ господства, напали на Валамира, и братья его ничего не знали о томъ. Но онъ и съ небольшими силами поразилъ гунновъ; утомленные походомъ, они были стѣснены до того, что только небольшая часть ихъ спаслась и, обратившись въ бѣгство, удалилась въ тѣ части Скиѳіи, которыя орошаются Днѣпромъ (Danaper) и на ихъ языкѣ называются Гунниваромъ.

Іорданъ.

De Get. orig. etc. гл. L—LII.

См. прим. къ ст. 44.

40.—Картина внутреннихъ отношеній германскихъ племенъ въ эпоху великаго переселенія народовъ.

(Около 973 г.).

Пусть никто не удивляется тому, что я, изобразивъ въ первыхъ своихъ произведеніяхъ славу сподвижниковъ величайшаго государя [1]), вознамѣрился теперь описать дѣянія нашихъ князей. Такъ какъ тѣмъ трудомъ я уже посильно выполнилъ то, чего требовало мое призваніе, то и теперь считаю себя не въ правѣ уклониться отъ обязан-

[1]) Авторъ разумѣетъ Оттона I Великаго (полов. X стол.); но эти произведенія не дошли до насъ.

ности посвятить, сколько возможно, свои силы на прославленіе своего племени и народа.

Предварительно я коротко упомяну о происхожденіи и бытѣ саксовъ, руководствуясь почти исключительно преданіемъ, потому что отдаленность времени не допускаетъ почти никакой точности. Мнѣнія объ этомъ предметѣ различны: одни думаютъ, что саксы происходятъ отъ датчанъ и норманновъ; другіе производятъ родъ ихъ отъ грековъ, какъ предо мною въ молодости кто-то тѣмъ хвасталъ, на томъ основаніи, что сами греки предполагаютъ въ саксахъ остатки македонскаго войска, слѣдовавшаго за Александромъ Великимъ и, послѣ его преждевременной смерти, разсѣявшагося по всему лицу земному. Впрочемъ, безъ сомнѣнія, это было древнее, благородное племя, о которомъ упоминается даже въ рѣчи Агриппы у Іосифа, какъ изреченіе поэта Лукана. Однако мы знаемъ достовѣрно, что саксы прибыли въ эти страны на корабляхъ и вышли въ первый разъ на берегъ у того мѣста, которое еще и до сегодня называется Гадолаунъ. Туземцы, вѣроятно туринги, недоброжелательно встрѣтили ихъ появленіе и вооружились; но саксы мужественно дрались и удержали за собою пристань. Послѣ этого, они еще долго другъ съ другомъ боролись, и когда съ обѣихъ сторонъ пало много жертвъ, то противники рѣшились завести переговоры о мирѣ и заключить договоръ, который и былъ совершенъ на слѣдующемъ условіи: саксы могутъ покупать и продавать все, но должны воздерживаться отъ опустошеній, убійства и разбоя. Этотъ договоръ много дней соблюдался ненарушимо. Но когда у саксовъ вышли деньги, и имъ нечего было больше ни покупать, ни продавать, то они убѣдились, что миръ для нихъ безполезенъ.

Въ это время случилось выйти на берегъ одному саксонскому юношѣ, обремененному тяжелой ношей золота, и сверхъ того золотою цѣпью и золотыми поручами. Его встрѣтилъ одинъ изъ турунговъ и сказалъ: „Къ чему столько золота вокругъ твоей худощавой шеи?“— „Я ищу покупателя, отвѣчалъ тотъ, и именно только съ этой цѣлью могу носить на себѣ золото; какъ бы могъ я украшать имъ себя, когда умираю съ голоду?“ Турингъ спросилъ о родѣ и количествѣ цѣны.

„О цѣнѣ, отвѣчалъ саксъ, я не забочусь и приму съ благодарностью все то, что̀ ты мнѣ дашь“. — „Ну, а что, сказалъ тотъ, насмѣхаясь, если я наполню полу твоей одежды этимъ соромъ?“ На томъ мѣстѣ была навалена большая куча земли. Саксъ немедленно подставилъ свою полу, принялъ землю, отдалъ тотчасъ турингу золото, и оба радостно поспѣшили къ своимъ. Туринги превозносили своего земляка до небесъ за то, что онъ такъ ловко провелъ сакса и такъ удачно успѣлъ пріобрѣсть такое количество золота забавною цѣною. Увѣренные въ своей побѣдѣ, туринги до извѣстной степени уже торжествовали надъ саксами. Между тѣмъ, саксъ, безъ золота и тяжело нагруженный землею, приближался къ кораблямъ. Товарищи, выйдя къ нему навстрѣчу, удивлялись его поступку; иные изъ его друзей даже смѣялись надъ нимъ, а другіе покачивали головой. Всѣ были увѣрены, что онъ сошелъ съ ума. Но онъ, „попросивъ всѣхъ молчать, сказалъ: „Слѣдуйте за мной, любезные саксы, и вы убѣдитесь, что моя глупость для васъ полезна. Они недовѣрчиво пошли за нимъ, а

онъ, взявъ землю, разсыпалъ ее, какъ можно рѣже, по сосѣднимъ полямъ и занялъ это мѣсто для лагеря.

Когда туринги увидѣли лагерь саксовъ, то не вынесли этого и отправили пословъ съ жалобой, что со стороны саксовъ нарушенъ миръ и не уваженъ договоръ. Саксы отвѣчали, что они продолжаютъ свято соблюдать договоръ; что же касается до купленной ими на свое золото земли, то они намѣрены, не нарушая мира, оставить ее за собою, а въ противномъ случаѣ отстоять ее оружіемъ. Услышавъ это, туземцы прокляли саксонское золото и объявили виновникомъ злополучія ихъ и всего отечества того, кого сами же такъ недавно прославляли за ловкость. Но потомъ, распаленные гнѣвомъ, они, въ слѣпой ярости, бросились безъ порядка и безъ цѣли на лагерь; саксы же встрѣтили враговъ спокойно, опрокинули ихъ и, счастливо покончивъ битву, завладѣли, по праву войны, ближайшими окрестностями. Такимъ образомъ, послѣ многихъ междоусобицъ, туринги, убѣдившись, что саксы имъ не по силамъ, предложили чрезъ переговорщиковъ, въ назначенный день, на извѣстномъ мѣстѣ, собраться обѣимъ сторонамъ безъ оружія для составленія новыхъ условій мира. Саксы приняли такое предложеніе. Въ то время у нихъ были въ употребленіи большіе ножи, какіе еще до сихъ поръ носятъ англы, по примѣру предковъ. Скрывъ ножи подъ одеждой, саксы выступили изъ своего лагеря и сошлись съ турингами въ назначенномъ мѣстѣ. Увидѣвши, что враги безоружны, и что съ ними находятся и предводители ихъ, они почли эту минуту за самую благопріятную къ завладѣнію всею страною, выхватили ножи, бросились на беззащитныхъ и перепуганныхъ, и всѣхъ перекололи, такъ что ни одинъ изъ нихъ не спасся. Съ этихъ поръ имя саксовъ начало пріобрѣтать извѣстность и внушать сосѣднимъ народамъ великій страхъ. Иные полагаютъ, что это приключеніе дало имъ и имя, потому что ножи называются по нашему *саксъ*; итакъ, они были за то и прозваны саксами, что перерѣзали такое множество людей своими ножами.

Видукиндъ.

Сакс. ист. I, 1—7.

Видукиндъ (Widukind, по друг. Witikind или Wittekind, ум. около 973 г.). бенедиктинскій монахъ корвейскаго аббатства (въ Вестфаліи), жилъ въ самую цвѣтущую эпоху политическаго преобладанія національности саксовъ, къ которой онъ принадлежалъ. Саксы пали послѣдними въ борьбѣ съ новыми представителями римской образованности—франками карловингской эпохи. Но по распаденіи имперіи Карла Великаго, слитыя имъ народности воспользовались борьбою его дѣтей и возвратили свою самостоятельность: такимъ образомъ, въ IX стол. Германія является въ первый разъ отдѣльнымъ королевствомъ, а въ X вѣкѣ національные герцоги саксовъ, Гейнрихъ I Птицеловъ и его сынъ, Оттонъ-Великій, избираются королями; вслѣдствіе того и самое племя саксовъ получаетъ преобладающее политическое вліяніе. Оно возвысилось еще болѣе,

когда саксонская династія пошла по дорогѣ Карловинговъ, и въ лицѣ Оттона I возстановила вторично павшую св. римскую имперію.

Съ такимъ политическимъ развитіемъ значенія саксовъ должно было явиться стремленіе къ историческому сознанію прошедшаго, и потому въ X ст. въ первый разъ является національная исторія саксовъ. Представителемъ ея и былъ Видукиндъ. По просьбѣ дочери императора, Матильды, аббатисы кведлинбургской, онъ написалъ „Три книги исторіи саксовъ“ (Res gestae Saxonicae или Annales de gestis Othonum), отъ 919 г. до 973, а именно время Гейнриха-Птицелова и Оттона I до его смерти. Первыя главы первой книги посвящены извѣстіямъ о древней исторіи саксовъ, которая составлена авторомъ, очевидно по народнымъ преданіямъ и героическимъ поэмамъ прежней эпохи. Произведеніе Видукинда потому неоцѣненно, какъ единственный національный памятникъ, свидѣтельствующій о томъ древнемъ бытѣ Германіи до Карла-Великаго, отъ котораго не осталось никакихъ другихъ слѣдовъ, облеченныхъ въ историческую форму. — Лучшее изданіе исторіи Видукинда помѣщено у *Pertz*, Monumenta Germaniae (Scriptorum t. III, 408—467).

---

41. — Борьба лонгобардовъ съ турингами въ Германіи.

(вторая полов. VIII в.).

Винилы или лонгобарды, выселившись изъ остр. Скандинавіи, пришли, подъ предводительствомъ Ибора и Агіо, въ страну, называемую Скоринга, гдѣ они и жили въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Въ то время два вождя вандальскихъ дружинъ, по имени Амбри и Асси, разносили повсюду войну въ сосѣднихъ земляхъ. Возгорженные своими многочисленными побѣдами, они теперь отправили пословъ также и къ виниламъ и приказали объявить имъ, что они должны или платить дань вандаламъ, или готовиться къ войнѣ. Иборъ и Агіо, съ согласія своей матери, Гамбары, говорили своимъ, что лучше защищать свободу съ оружіемъ въ рукахъ, нежели осквернять ее платежемъ дани; а вандаламъ черезъ пословъ отвѣтили, что они лучше хотятъ сражаться, чѣмъ служить. Хотя всѣ винилы были тогда въ полной силѣ мужескаго возраста, но число ихъ было невелико, такъ какъ они составляли только третью часть народонаселенія того весьма небольшого острова.

Старое преданіе при этомъ случаѣ разсказываетъ слѣдующую забавную сказку: будто бы вандалы обратились къ Годану (т.-е. Одину) съ просьбою даровать имъ побѣду надъ винилами; онъ отвѣчалъ имъ, что дастъ побѣду тѣмъ, кого прежде увидитъ при восходѣ солнца. Потомъ будто бы Гамбара обратилась къ Фреѣ, супругѣ Годана, и умоляла ее, чтобы побѣда осталась на сторонѣ виниловъ. Фрея дала ей совѣтъ приказать женщинамъ пустить волосы по лицу такъ, чтобы они казались съ бородой; потомъ, какъ можно раньше, вмѣстѣ со

своими мужьями, выйти на поле сраженія и стать на такомъ мѣстѣ, гдѣ Годанъ могъ бы увидѣть ихъ, когда, по обыкновенію, онъ смотритъ утромъ въ окно. Все это такъ и случилось. Лишь только Годанъ при восходѣ солнца взглянулъ на нихъ, какъ спросилъ: „Кто это такіе *длиннобородые*“ (по-нѣмецки Langbärte)? Тогда Фрея начала настаивать, чтобы онъ далъ побѣду тѣмъ, кому самъ теперь далъ имя. И такимъ образомъ Годанъ даровалъ побѣду виниламъ. Все это, конечно, смѣшно и ничего не стоитъ, потому что побѣда зависитъ не отъ рукъ человѣческихъ и даруется провидѣніемъ.

Вѣрно одно, что лонгобарды, первоначально называвшіеся винилами, впослѣдствіи получили свое названіе отъ длинныхъ бородъ, которыхъ бритва никогда не касалась. А Годанъ, котораго они, прибавивъ одну букву, называли Гводаномъ, есть то же самое божество, которое у римлянъ было извѣстно подъ именемъ Меркурія. Ему поклонялись какъ верховному божеству всѣ народы Германіи, не нашихъ, но самыхъ древнихъ временъ. Онъ собственно принадлежитъ Греціи, а не Германіи.

Такимъ образомъ, винилы или лонгобарды сражались храбро съ вандалами, такъ какъ дѣло шло о славѣ свободы, и одержали надъ ними побѣду.

Павелъ Дьяконъ.

Истор. лонгобард. I, 7—10.

См. примѣчаніе къ ст. 47.

---

42. — Междоусобія франковъ съ турингами и саксами.

(около 973 г.).

Вскорѣ послѣ переселенія саксовъ въ Британнію (въ первой половинѣ V-го вѣка) умеръ король франковъ, Гуга, не оставивъ послѣ себя никакого наслѣдника, кромѣ единственной дочери, по имени Амальберги, бывшей замужемъ за Ирминфридомъ, королемъ турвнговъ. Однако, франкскій народъ, благодушно и кротко управляемый умершимъ повелителемъ, помазалъ, по чувству благодарности, своимъ королемъ сына его, Тіадрика, прижитаго Гугой съ одною изъ своихъ наложницъ. Тіадрикъ, провозглашенный королемъ, отправилъ къ Ирминфриду посольство, мира ради и согласія. Посолъ явился и сказалъ Ирминфриду: всемилостивѣйшій и могущественнѣйшій государь мой, Тіадрикъ послалъ меня къ тебѣ, и, желая тебѣ здоровья и долгаго господства надъ пространнымъ и великимъ государствомъ, велѣлъ увѣдомить, что онъ не господинъ твой, а другъ, не повелитель, а родственникъ, и желаетъ сохранить права родства ненарушимыми до самой смерти; но только проситъ тебя не разстроивать единодушія

франкскаго народа, который повинуется ему, какъ своему законному королю“. Ирминфридъ, сообразно королевскому достоинству, милостиво отвѣчалъ посланнику, говоря, что онъ признаетъ постановленія франкскаго народа, и если они единодушны, то онъ не желаетъ междоусобія, потому что крайне нуждается въ мирѣ; касательно же вопроса о престолонаслѣдіи онъ откладываетъ свой отвѣтъ до собранія своихъ друзей. И онъ съ большимъ почетомъ обходился съ посломъ и уговаривалъ его остаться на нѣкоторое время. Королева же, услышавъ о прибытіи посла отъ своего брата и о разговорѣ его съ королемъ по поводу престолонаслѣдія, уговаривала Иринга внушить общими силами Ирминфриду, что по праву наслѣдства королевство достается ей, какъ дочери короля и королевы; Тіадрикъ, какъ рожденный наложницею, долженъ считаться его рабомъ, и неприлично оказывать повиновеніе собственному слугѣ. Ирингъ же былъ отважный мужъ, храбрый въ бою, крѣпкій духомъ, находчивый въ совѣтѣ, твердый въ своихъ предпріятіяхъ, способный подчинять другихъ своей волѣ; такими качествами онъ уже успѣлъ привлечь къ себѣ сердце Ирминфрида. Ирминфридъ передалъ слова посла созваннымъ предводителямъ и близкимъ друзьямъ, и тѣ единогласно ему совѣтовали сохранить мирныя и согласныя отношенія, потому что онъ не выдержитъ нападенія франковъ, а съ другой стороны, ему угрожаютъ еще болѣе воинственные враги. Но Ирингъ, угождая замысламъ надменной женщины, внушалъ Ирминфриду не уступать франкамъ, потому что его права на наслѣдство болѣе законны; къ тому же государство его обширно, а что касается до числа воиновъ, оружія и прочихъ вспомогательныхъ для войны средствъ, то между нимъ и Тіадрикомъ небольшое различіе. Соотвѣтственно такимъ рѣчамъ, Ирминфридъ отвѣчалъ посланнику, что хотя онъ и не отказываетъ Тіадрику въ своей дружбѣ и свойствѣ, но не можетъ не удивляться тому, какъ можно на его мѣстѣ заботиться прежде о престолѣ, чѣмъ о собственной свободѣ, и какъ ему, родившемуся рабомъ, требовать отъ другихъ повиновенія? Онъ не можетъ присягать своему собственному рабу. Глубоко возмущенный такими словами, посланникъ отвѣчалъ на то: „Я предпочелъ бы сложить къ твоимъ ногамъ свою голову, чѣмъ слышать отъ тебя подобныя рѣчи, которыя, я увѣренъ, будутъ искуплены цѣною большого кровопролитія франковъ съ турингами“. Съ этими словами онъ возвратился къ Тіадрику, и не скрылъ ничего, что̀ слышалъ. Но Тіадрикъ, прикрывая веселымъ видомъ вспыхнувшій въ немъ гнѣвъ, отвѣчалъ: „Поспѣшимъ поступить въ услуженіе къ Ирминфриду, чтобы намъ, лишеннымъ свободы, насладиться, по крайней мѣрѣ, жизнью“. Когда же онъ съ огромнымъ войскомъ подошелъ къ турингской границѣ, то встрѣтилъ своего зятя, ожидавшаго его также съ сильнымъ войскомъ у мѣста, называемаго Рунибергунъ [1]). Началась битва, продолжавшаяся цѣлый день и слѣдующій за нимъ, безъ всякаго результата; на третій же день Ирминфридъ былъ побѣжденъ, отступилъ и, наконецъ, обратившись въ бѣгство, заключился съ своею свитою въ замокъ, называемый Сцитинги и расположенный

---

[1]) Ронненбергъ, близъ Ганновера.

на рѣкѣ Унстродѣ (н. Унштрутъ). Но Тіадрикъ собралъ своихъ полководцевъ и военачальниковъ и спрашивалъ о мнѣніи войска: преслѣдовать ли Ирминфрида, или воротиться въ отечество. Между прочими, говорилъ и Вальдрикъ, когда къ нему обратились за совѣтомъ: „Я того мнѣнія, что для погребенія падшихъ, излеченія раненыхъ и для составленія бо̀льшаго войска, нужно возратиться въ отечество; ибо я не думаю, чтобы мы, послѣ потери столькихъ тысячъ воиновъ, были въ состояніи окончить нынѣшнюю войну. А если возстанутъ противъ насъ безчисленные варварскіе народы, то кѣмъ ты побѣдишь, когда многіе изъ насъ ослабѣли?“ У Тіадрика былъ еще умный слуга, мнѣніе котораго онъ часто признавалъ основательнымъ, и который пользовался нѣкоторымъ его довѣріемъ. Этотъ послѣдній, приглашенный высказать свое мнѣніе, отвѣчалъ: „Въ дѣлѣ чести, я считаю твердость лучше всего, твердость, которую такъ высоко цѣнили наши предки, что рѣдко или никогда не отступались отъ начатаго подвига; притомъ же я не думаю, чтобы ихъ средства могли сравняться съ нашими: мы съ ничтожными силами одолѣвали несмѣтныя воинства другихъ народовъ. Теперь страна въ нашихъ рукахъ, а мы хотимъ своимъ отступленіемъ доставить побѣжденнымъ случай къ побѣдѣ! И я бы охотно вернулся въ отечество, чтобы увидаться съ своими, если бы только былъ увѣренъ, что противникъ нашъ будетъ въ это время оставаться въ бездѣйствіи. Но, быть можетъ, возвращеніе необходимо для нашихъ раненыхъ? Въ такомъ случаѣ лучше же выстроимъ лагерь и, я думаю, мы тѣмъ утѣшимъ неусыпное мужество. Ряды нашего войска, говорите вы, не столь густы, какъ прежде; но развѣ и враги всѣ уцѣлѣли? Безъ сомнѣнія, только самая малая часть, потому что и самъ ихъ предводитель, подобно безсильному звѣрьку, ищущему защиты въ своей норѣ, забился за стѣнами замка и не смѣетъ даже свободно взглянуть на небо: такого задали мы имъ страха! Но у него нѣтъ недостатка ни въ деньгахъ, для найма варварскихъ племенъ, ни въ людяхъ, хотя въ эту минуту они и утомлены. Все это, чрезъ наше отступленіе, будетъ возстановлено. Нѣтъ, неприлично побѣдителямъ доставлять побѣжденнымъ случай къ побѣдѣ! Развѣ насъ достаточно, чтобы снабдить каждый замокъ гарнизономъ? А если мы уйдемъ и возвратимся въ отечество, то потеряемъ всѣ эти замки“. Послѣ такихъ словъ Тіадрикъ и всѣ жаждавшіе славы побѣдить рѣшились остаться въ лагерѣ и предложить давнишнимъ ожесточеннымъ врагамъ туринговъ, саксамъ, не хотятъ ли они имъ подать помощь, за что̀, въ случаѣ взятія замка и побѣды надъ Ирминфридомъ, вся страна предоставлялась имъ въ вѣчное владѣніе. Безъ дальнихъ размышленій саксы въ отвѣтъ на это немедленно послали 9 предводителей, изъ которыхъ у каждаго было по 1.000 воиновъ. Оставивъ бо̀льшую часть войска при входѣ въ лагерь франковъ, они, каждый съ 100 воинами, явились къ Тіадрику и дружелюбно привѣтствовали его. Тіадрикъ съ большою радостью отвѣчалъ имъ на это привѣтствіе и послѣ рукобитія предложилъ имъ говорить. Они же сказали: „Преданный тебѣ и повинующійся твоимъ повелѣніямъ народъ саксовъ послалъ насъ къ тебѣ; и вотъ мы пришли—готовые на все, что̀ только внушатъ тебѣ твои намѣренія, готовые или по-

бѣдить твоихъ враговъ, или, если иначе будетъ угодно судьбѣ, умереть за тебя. Знай, что саксы не знаютъ другой цѣли, какъ или одержать побѣду, или отдать жизнь; мы не можемъ оказать своимъ друзьямъ большей услуги, какъ встрѣчаясь за нихъ со смертью съ пренебреженіемъ, и теперь мы пламенно желаемъ доказать это тебѣ на дѣлѣ!". Между тѣмъ, франки дивились саксонскимъ воинамъ, отличавшимся тѣлесной силой и мужествомъ; ихъ не менѣе удивляла въ саксахъ незнакомая одежда, вооруженіе и волнистые волоса, распадавшіеся по плечамъ; но болѣе всего были поражены франки ихъ мощью и мужествомъ. Въ военныхъ плащахъ, вооруженные огромными копьями и имѣя при бедрѣ длинные ножи, саксы стояли опершись на маленькіе щиты. Нѣкоторые говорили, что франки не должны принимать услугъ отъ такихъ могущественныхъ друзей: это необузданные люди, и если они заселятъ здѣшнюю страну, то современемъ непремѣнно разрушатъ франкское государство. Но Тіадрикъ, заботясь о своей личной пользѣ, братски принялъ саксовъ и приказалъ имъ готовиться штурмовать замокъ. Они возвратились отъ короля, расположились лагеремъ къ югу отъ города, на лугахъ, примыкавшихъ къ рѣкѣ, а на слѣдующій день встали съ первымъ лучемъ солнца, взялись за оружіе, напали на предмѣстье города и зажгли его. Овладѣвъ предмѣстьемъ и зажегши его, они выстроились въ боевой порядокъ противъ восточныхъ воротъ. Когда осажденные увидѣли предъ стѣнами непріятеля въ боевомъ порядкѣ, угрожавшаго имъ крайнею опасностью, то сдѣлали изъ воротъ отчаянную вылазку, бросились въ слѣпой ярости, на своихъ противниковъ, пустили свои стрѣлы, и тогда началась рукопашная битва. Послѣдовалъ горячій бой; и съ обѣихъ сторонъ многіе остались распростертыми на землѣ; одни сражались за отечество, за женъ и дѣтей, наконецъ за собственную жизнь; саксы же дрались за славу и съ цѣлью пріобрѣтенія страны. Крикъ побуждавшихъ другъ друга воиновъ, звукъ оружія, стоны умирающихъ раздавались въ продолженіе цѣлаго дня. Вездѣ свирѣпствовало убійство, вездѣ слышался вопль, но ни то, ни другое войско не отступало, и только угасавшій день прекратилъ битву. Многіе изъ туринговъ были въ этотъ день убиты, многіе ранены; саксовъ же пало 6.000.

Ирминфридъ послалъ Иринга съ повинною головою и со всѣми сокровищами къ Тіадрику, для исходатайствованія мира и для объявленія о добровольной сдачѣ.Ирингъ отправился и сказалъ Тіадрику: „Твой прежній родственникъ, нынѣ твой слуга, послалъ меня къ тебѣ, чтобы ты сжалился, если не изъ состраданія къ нему, то по крайней мѣрѣ изъ состраданія къ своей несчастной сестрѣ и къ своимъ племянникамъ, которые терпятъ крайнюю нужду". Когда онъ это сквозь слезы выговорилъ, то подкупленные золотомъ франкскіе предводители, съ своей стороны, къ этому прибавили, что неприлично королевскому милосердію отвергать подобную мольбу, и что, не забывая родственныхъ связей, полезнѣе сдѣлаться союзникомъ народа побѣжденнаго, ослабленнаго и лишеннаго возможности возстать противъ него, нежели необузданнаго и своевольнаго народа саксовъ, отъ котораго франкское государство не можетъ ничего ожидать, кромѣ опасности. По послѣднимъ событіямъ войны

можно судить, до какой степени тверды и непобѣдимы саксы, и потому лучше соединиться съ турингами и выгнать саксовъ изъ страны. Такія рѣчи, хотя и съ трудомъ, но все же измѣнили образъ мыслей Тіадрика, и онъ обѣщалъ милостиво принять на слѣдующій день своего зятя и изгнать саксовъ. Услышавъ это, Ирингъ бросился къ ногамъ короля, прославляя его великодушіе; потомъ, обрадовавъ своего господина желанною вѣстью и увѣривъ городъ въ безопасности, самъ остался въ лагерѣ, чтобы ночь не дала дѣлу дурного оборота. Между тѣмъ, изъ города, успокоеннаго обѣщаніемъ мира, вышелъ какой-то турингъ съ соколомъ и сталъ искать добычи на противоположномъ берегу вышеназванной рѣки. Но когда онъ пустилъ птицу, то одинъ изъ саксовъ поймалъ ее на томъ берегу, и какъ ни просилъ его турингъ возвратить птицу, тотъ ни за что не соглашался. Тогда турингъ сказалъ: „Если ты мнѣ ее возвратишь, то я тебѣ открою тайну, которая принесетъ пользу тебѣ и твоимъ товарищамъ". Саксъ отвѣчалъ: „Скажи и получишь, что̀ требуешь". — „Короли, продолжалъ тотъ, заключили между собою миръ и рѣшились, если найдутъ васъ завтра еще въ лагерѣ, или захватить въ плѣнъ, или изрубить, если будете сопротивляться". — „Ты говоришь правду, или шутишь?" спросилъ саксъ.—„Второй часъ завтрашняго дня, отвѣчалъ турингъ, покажетъ, что я предупредилъ васъ не напрасно. Позаботьтесь о себѣ и ищите спасенія въ бѣгствѣ". Саксъ тотчасъ выпустилъ сокола и передалъ своимъ товарищамъ, что̀ слышалъ. Тѣ, глубоко пораженные этой вѣстью, не знали въ первую минуту, на что рѣшиться.

Но въ лагерѣ саксовъ былъ тогда посѣдѣвшій воинъ, еще полный неодолимой силы, несмотря на преклонныя лѣта. Въ награду за заслуги его звали отцомъ отцовъ; имя ему было Гатагатъ. Онъ схватилъ знамя, считавшееся святыней, украшенное изображеніями льва, дракона и парящаго надъ ними орла—символами храбрости, смѣтливости и другихъ подобныхъ качествъ, и обнаруживая движеніемъ тѣла всю твердость своего духа, сказалъ: „Я прожилъ до сихъ поръ между своими дорогими саксами и успѣлъ достигнуть почти глубочайшей старости, но никогда еще мнѣ не случалось видѣть бѣгства своихъ саксовъ; неужели же теперь мнѣ придется дѣлать то, чему я никогда не учился? Я умѣю сражаться, но не умѣю и не хочу спасаться бѣгствомъ; и если судьбѣ угодно прекратить мои дни, тогда дозволено мнѣ будетъ, по крайней мѣрѣ, вкусить лучшую для меня отраду — пасть съ друзьями. Распростертые вокругъ насъ трупы нашихъ друзей, захотѣвшихъ лучше умереть, нежели быть побѣжденными, лучше испустить непоколебимый духъ, нежели отступить предъ врагомъ, напомнятъ мнѣ храбрость нашихъ отцовъ. Но къ чему тратить столько словъ о презрѣніи смерти? Вѣдь мы пойдемъ на неприготовленныхъ къ нашему нападенію, пойдемъ на убійство, а не на сраженіе; они не чаятъ бѣды, имѣя въ виду обѣщанный миръ и нашу тяжелую потерю; утомленные сверхъ того сегодняшнимъ боемъ, они не позаботятся о часовыхъ и не примутъ обычныхъ предосторожностей. И такъ, бросимся на безоружныхъ, погруженныхъ въ сонъ; намъ придется немного поработать! За мной, какъ за предводителемъ, и я отвѣчаю вамъ своей сѣдой головой, что все будетъ такъ, какъ я сказалъ".

Воодушевленные этими прекрасными словами, саксы употребили остатокъ дня на укрѣпленіе своихъ силъ. Потомъ, въ первую ночную стражу, когда крѣпчайшій сонъ оковываетъ людей, взялись, по данному знаку, за оружіе, бросились на стѣны и, не найдя ни постовъ, ни стражей, съ ужаснымъ крикомъ вторглись въ городъ. Встревоженные враги искали спасенія частію въ бѣгствѣ, частію блуждая, подобно опьянѣлымъ, на улицахъ и укрѣпленіяхъ города; другіе, принимавшіе саксовъ за своихъ согражданъ, попадались имъ въ руки. Всѣхъ взрослыхъ саксы предавали смерти, а малолѣтнихъ сберегали въ добычу. Эта ночь ознаменовалась криками, убійствомъ, грабежемъ, и ни одно мѣсто въ городѣ не было спокойно, пока не зардѣлась алая утренняя заря и не освѣтила безуронной побѣды. Такъ какъ вѣнцомъ побѣды былъ бы плѣнъ короля Ирминфрида, то повсюду искали его, но вскорѣ увидѣли, что онъ, съ женою, сыновьями и немногочисленною свитою, успѣлъ убѣжать. Когда наступило утро, саксы принесли своего орла къ восточнымъ воротамъ, воздвигли побѣдный алтарь и, слѣдуя ложному ученію нашихъ отцовъ, съ особенною церемоніею прославляли своего истукана, который изображалъ бога войны, соотвѣтствующаго, по виду истукана, Геркулесу, а по положенію — солнцу, называвшемуся у грековъ Аполлономъ. Изъ этого видно, что мнѣніе тѣхъ, которые считаютъ саксовъ потомками грековъ, все-таки вѣроятно, потому что богъ войны по-гречески называется Херминъ или Хермисъ — слово, которымъ мы еще до сегодня безсознательно выражаемъ одобреніе или порицаніе. Послѣ этого еще три дня праздновалась побѣда, причемъ дѣлили военные доспѣхи враговъ, оказывали воинскія почести падшимъ и превозносили своего вождя, восклицая, что онъ воодушевленъ божественнымъ духомъ и небесною доблестью, потому что своею непоколебимостью доставилъ такую славную побѣду. По преданію нашихъ предковъ, все это случилось 1 октября. Эти языческіе праздники превращены теперь набожными людьми въ посты, молитвы и приношенія за всѣхъ усопшихъ христіанъ.

Окончивъ все это, саксы возвратились въ лагерь къ Тіадрику, были имъ приняты съ почетомъ, восхвалены и пожалованы этой страной на вѣчныя времена. Теперь уже ихъ называли союзниками и друзьями франковъ, и они поселились сперва въ городѣ, пощаженномъ ими, какъ свое собственное добро, отъ огня. О дальнѣйшей участи самихъ королей я не опущу разсказать замѣчательную сагу. Ирингъ, посланный въ день взятія города къ Тіадрику, остался на слѣдующую ночь гостемъ въ лагерѣ. Когда Тіадрикъ услышалъ о бѣгствѣ Ирминфрида, то старался хитростью заманить его назадъ, убѣждая въ то же время Иринга умертвить короля и обѣщая ему за то великолѣпные дары и большую власть въ государствѣ. Самъ же Тіадрикъ казался бы такимъ образомъ непричастнымъ убійству Ирминфрида. Неохотно выслушивалъ Ирингъ это предложеніе, но, наконецъ, обольщенный ложными обѣщаніями, поддался и выразилъ свою готовность. Приглашенный Ирминфридъ упалъ къ ногамъ Тіадрика, и тогда Ирингъ, стоявшій возлѣ, съ обнаженнымъ мечомъ въ качествѣ королевскаго оруженосца, умертвилъ своего колѣнопреклоненнаго государя. Тіадрикъ тотчасъ же закричалъ на него: „Послѣ

такого злодѣянія ты ненавистенъ каждому! Мы не хотимъ казаться участниками въ твоемъ преступленіи, и потому ты можешь бѣжать отъ насъ куда хочешь". — „Подѣломъ, отвѣчалъ Ирингъ, сдѣлался я ненавистнымъ каждому: это за то, что я исполнилъ твой замыселъ; но прежде, чѣмъ уйду отсюда, я искуплю свое преступленіе местью за своего господина". Съ этими словами онъ поразилъ Тіадрика мечомъ; потомъ, чтобы доставить своему господину, побѣжденному при жизни, побѣду по смерти, положилъ тѣло его на трупъ Тіадрика и ушелъ, прокладывая себѣ мечомъ дорогу. Предоставляя судить читателю о степени вѣроятности этой легенды, все же мы не можемъ не удивляться тому значенію, какое успѣла пріобрѣсть себѣ эта сага: еще до сего дня именемъ *Иринга* обозначается на небѣ, такъ называемый, млечный путь.

Саксы послѣ того завладѣли страною и жили въ невозмущаемомъ мирѣ, какъ друзья и союзники франковъ. Часть своихъ поземельныхъ владѣній они раздѣлили съ своими друзьями, пришедшими къ нимъ на помощь, и съ вольноотпущенными рабами; остатки же побѣжденнаго народа были обречены на податное состояніе. Оттого до сегодня саксонскій народъ дѣлится, исключая рабовъ, на три части по происхожденію и по закону. Точно такъ же и высшее управленіе всѣмъ войскомъ, состоявшее во власти сзывать въ опредѣленное время воиновъ, ввѣрено было тремъ князьямъ; извѣстно, что они именовались по ихъ мѣстопребыванію, какъ-то: остфальскій, энгрскій и вестфальскій. Если же угрожала всеобщая война, то избиралось, по жеребью, одно лицо, которому всѣ должны были повиноваться для веденія предстоящей войны. По окончаніи ея, всѣ три князя, довольствуясь каждый своею властью, жили на основаніи равныхъ законовъ и правъ. Мы не намѣрены разсуждать въ этой книжкѣ о различіи законовъ, потому что саксонскій законъ можетъ быть найденъ у многихъ тщательно записаннымъ. Швабы тою страною, въ которой они теперь живутъ— по ту сторону Боды — завладѣли, какъ повѣствуетъ ихъ исторія, въ то время, когда саксы отправились съ лонгобардами въ Италію. У нихъ другіе законы, нежели у саксовъ. Послѣ того, какъ саксы испытали, такимъ образомъ, вѣроломство франковъ — о которыхъ мы не обязаны здѣсь разсуждать, потому что о нихъ можно достаточно узнать изъ ихъ исторіи — они продолжали упорствовать въ ложномъ ученіи своихъ отцовъ до временъ Карла-Великаго.

Видукиндъ.

Сакс. Ист. 1, 9—14.

См. примѣчаніе къ ст. 40.

---

43. — Миссіонеры среди германцевъ и смерть св. Бонифація.

(754 г.).

Когда миссіонеры разошлись по пространнымъ владѣніямъ фризовъ, для проповѣдыванія Евангелія, и пришли такимъ образомъ къ какой-то рѣкѣ, называемой Бортне, которая протекаетъ по границамъ областей, извѣстныхъ на простонародномъ языкѣ подъ именемъ Остеррихе и Вестеррихе (Oster et Westerriche), св. Бонифацій, идя въ сопровожденіи однихъ своихъ учениковъ, приказалъ разбить шатры, желая на томъ же самомъ мѣстѣ ожидать прибытія тѣхъ, которые были недавно крещены, для совершенія надъ ними таинства причащенія. Опредѣленный для того день уже приближался. Но когда этотъ день наступилъ, и восшедшее солнце поднялось высоко надъ горизонтомъ, всѣ эти люди, которыхъ онъ ждалъ какъ отецъ своихъ дѣтей для надѣленія ихъ благодатью святого Духа — которая въ тотъ же день должна была быть имъ сообщена черезъ святое причащеніе, — о, ужасъ! всѣ они съ страшнымъ шумомъ и вооруженные ворвались въ лагерь миссіонеровъ, измѣнивъ свою роль: не какъ друзья, но какъ враги, не какъ новые чтители вѣры, но какъ новые палачи.

Увидѣвъ это, служители (pueri), выскочивъ изъ ограды и подпоясавшись оружіемъ, начали дѣйствовать для защиты миссіонеровъ отъ разъяренной толпы народа. Но святой Бонифацій, услышавъ крики нападавшихъ, обратился прежде всего къ защитѣ духовной силы, то-есть взялъ святыя мощи, которыя обыкновенно носилъ съ собою; потомъ, собравъ около себя клериковъ вышелъ изъ палатки и остановилъ своихъ прислужниковъ, приготовившихся къ защитѣ, говоря имъ слѣдующимъ образомъ: „Прошу васъ, дѣти мои, не вступать въ борьбу съ нашими противниками, ибо священное писаніе учитъ насъ не только не платить зломъ за зло, но, напротивъ, за зло воздавать добромъ“. Не успѣлъ св. Бонифацій окончить словъ своего спасительнаго убѣжденія, призывавшаго учениковъ принять мученическій вѣнецъ, какъ бѣшеная толпа язычниковъ, вооруженная мечами и всякаго рода смертоноснымъ оружіемъ, бросилась на нихъ и обагрила ихъ тѣла, нанеся имъ блаженную смерть. Совершивъ это, они, къ увеличенію вины своей проклятой побѣды, сначала ворвались въ лагерь и расхитили все, что̀ только тамъ находилось — книги и ящики со священными останками, разсчитывая тамъ найти большія сокровищницы съ серебромъ и золотомъ. Потомъ они кинулись на лодки и вытащили оттуда даже то, что̀ тамъ осталось отъ ежедневной провизіи для клериковъ и прислужниковъ. Тамъ они, между прочимъ, нашли немного и вина, начали его пробовать и напоять свою разъяренную душу. Послѣ того они начали разсуждать и совѣщаться о томъ, какъ имъ раздѣлить эти сокровищницы золота и серебра, за что

они принимали свою добычу. Долго они спорили о дѣлежѣ денегъ и не могли рѣшить дѣла мирнымъ путемъ; наконецъ, между ними поднялся такой споръ и такое несогласіе, что они съ тою же самою яростью, съ тѣмъ же бѣшенствомъ и тѣмъ же самымъ оружіемъ, которымъ передъ тѣмъ растерзали мучениковъ, теперь избивали достойнымъ образомъ самихъ себя. Ихъ постигъ справедливый судъ божій, попустивъ впасть въ такое помѣшательство ума, что тотъ же самый мечъ, который они обнажили для умерщвленія служителей своего спасенія, пронзилъ ихъ собственное сердце. Окончивъ побоище, оставшіеся въ живыхъ снова бросились съ радостью на воображаемыя деньги, и, взломавъ ящики, въ которыхъ находились книги, вмѣсто золота нашли фоліанты, вмѣсто серебра—манускрипты съ божественнымъ содержаніемъ. Однѣ изъ этихъ книгъ были разбросаны по полямъ, по болотамъ, нѣкоторыя же были брошены въ неприличныя мѣста. Однако, милостью всемогущаго Господа, чтобы разъяснилось, какъ достоинство этихъ книгъ, такъ и то, кому онѣ принадлежали, долгое время спустя онѣ были найдены неповрежденными, и тѣ, кому случалось найти ихъ, относили ихъ въ церкви, въ которыхъ онѣ, можетъ быть, находятся и теперь.

Отлонъ.

Жизнь св. Бониф.

Отлонъ (Othlon), жилъ около 1073 г.), монахъ сначала въ Регенсбургѣ, а потомъ въ Фульдскомъ монастырѣ, переписалъ съ поправками въ языкѣ, дурно написанное жизнеописаніе св. Бонифація его современникомъ Вилибальдомъ (ум. 754 года). Оба текста помѣщены у *Pertz*, Monumenta Germaniae (Script. t. II, 331—353 и 357—359). Св. Бонифацій (настоящее имя Винфридъ) родился въ Девонширѣ (Англія) въ 680 г. и умеръ въ 755 г. Онъ получилъ разрѣшеніе отъ папы Григорія II распространять христіанство въ независимой Германіи, и около 716 г. началъ проповѣдь между фризами; оттуда перешелъ къ саксамъ, турингамъ и баварамъ, вездѣ свергая идолы и основывая церкви и школы. Въ 723 г. ему былъ данъ санъ епископа, а въ 751 г. архіепископа майнцскаго и примаса Германіи. Онъ былъ призываемъ и франками для возстановленія порядка въ галликанской церкви, возвелъ Пипина Короткаго на престолъ и въ 755 г. принялъ мученическую смерть въ Фрисландіи, вмѣстѣ съ своими спутниками. Его тѣло было перенесено въ монастырь Фульдскій. — Отъ св. Бонифація сохранились *проповѣди* и *письма*, которыя издалъ Serrasius въ 1605 г. Изъ многочисленныхъ монографій лучшая: *Seiters*, Bonifacius, der Apostel der Deutschen, nach seinem Leben und Wirken geschildert. Mainz. 1845.

ИТАЛІЯ.

Историческій очеркъ страны.

Паденіе з. р. имперіи имѣло для Италіи то же самое значеніе, какъ и для остальныхъ провинцій: если Италія перестала быть политическимъ центромъ громаднаго государства, раскинутаго въ трехъ частяхъ свѣта, то, съ другой стороны, она, подобно провинціямъ, составила самостоятельное цѣлое, хотя во главѣ его стояло чуждое правительство, находившееся въ рукахъ варваровъ-завоевателей, сначала остъ-готовъ, а потомъ лонгобардовъ. Но варварское правительство въ Италіи должно было болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, бороться съ воспоминаніями о павшей римской имперіи; близость Италіи и Византіи продолжала поддерживать притязанія послѣдней; къ этимъ идеаламъ политическаго единства древней имперіи присоединилась христіанская идея о единеніи міра, нравственному значенію которой римскіе епископы, получившіе наименованіе папъ, придали матеріальный характеръ, клонившійся въ пользу ихъ собственной свѣтской власти. Политика папъ была самою опасною противницей для успѣховъ варварскаго правительства, которое уже по одному своему германскому характеру имѣло всегда наклонность къ раздробленію, къ автономіи отдѣльныхъ мѣстностей, въ противоположность римскимъ идеямъ объединенія. Такимъ образомъ, римскіе папы, и во главѣ ихъ Григорій I Великій, положивъ начало самостоятельности итальянской національности, когда дѣло шло объ освобожденіи Италіи отъ Византіи при помощи лонгобардовъ, сдѣлались врагами той самостоятельности, когда ихъ союзники обратились въ соперниковъ. Начиная съ Григорія III, папы ищутъ себѣ менѣе опасныхъ друзей и противопоставляютъ лонгобардамъ чужеземныхъ франковъ въ Галліи, гдѣ новая династія Карловинговъ нуждалась притомъ въ папахъ для освященія своей узурпаціи престола, съ котораго они свергли древнихъ Меровинговъ. Руками Карловинговъ папы успѣли, наконецъ, положить начало свѣтской власти въ Италіи, а Карлъ-В., завоевавъ лонгобардское королевство и присоединивъ его къ своимъ владѣніямъ, получилъ отъ папъ корону з. р. императоровъ (800 г.). Такимъ образомъ, триста лѣтъ спустя послѣ паденія з. р. имперіи, она была

возстановлена, но какъ политическое выраженіе католическаго единства западной Европы, необходимаго для притязаній папской власти.

Одоакръ (476—493), положившій начало самостоятельности итальянскаго правительства, не могъ устоять противъ притязаній Византіи, которая ему противопоставила Теодорика и его дружину остъ-готовъ. Но *Теодорикъ* (493—526) немедленно вступилъ въ роль своего противника и изъ орудія византійской политики обратился въ ея врага. Новому королевству остъ-готовъ предстояло въ одно и то же время отстаивать свою независимость отъ Византіи, прибѣгавшей къ внутреннимъ заговорамъ: Теодорику измѣняли самые близкіе люди, какъ Боэцій и Симмахъ, заплатившіе своею жизнью за привязанность къ римскимъ, антинаціональнымъ идеямъ; и въ то же время Теодорикъ долженъ былъ бороться съ другими національными правительствами, особенно съ франками въ Галліи; врагъ римскаго единства, когда дѣло шло о независимости Италіи, Теодорикъ являлся иногда его представителемъ, когда находилъ возможность подчинить своему вліянію правительства, образовавшіяся въ провинціяхъ древней имперіи. По смерти Теодорика, получившаго наименованіе *Великаго*, новое правительство перешло въ руки его дочери, *Амалазунты*, правившей за своего сына, *Аталарика* (526—534), подъ покровительствомъ византійскаго императора Юстиніана. По смерти сына, она вышла вторично за гота *Теодата* (534—536), но вскорѣ была имъ умерщвлена. Юстиніанъ, подъ предлогомъ мести за Амалазунту, нападаетъ на Италію; его полководцы, Велизарій и Нарзесъ, борятся слишкомъ 15 лѣтъ (536—553) съ предводителями остъ-готовъ, *Витигесомъ*, *Тотилою* и *Тейею*, которые слѣдуютъ другъ за другомъ по умерщвленіи Теодата; наконецъ, готы уступили, и Италія была обращена въ провинцію византійской имперіи, подъ именемъ равеннскаго экзархата (553). Но каждый разъ орудія византійской политики обращались въ ея враговъ; Нарзесъ, преслѣдуемый придворными интригами, былъ смѣненъ новымъ экзархомъ, и его подозрѣвали именно въ томъ, что онъ, въ отмщеніе Византіи, пригласилъ въ Италію лонгобардовъ. Въ 568 г. *Альбоинъ*, ихъ предводитель, овладѣваетъ сѣверною и средней Италіею за исключеніемъ Рима и собственнаго равеннскаго экзархата (т.-е. Равенны съ нѣсколькими городами). Но новое варварское правительство было весьма несчастливо при началѣ: Альбоинъ былъ вскорѣ (574 г.) убитъ, вслѣдствіе мести своей жены, Розамунды; его преемникъ *Клефъ* (574—575) правилъ одинъ годъ, и затѣмъ цѣлыя 10 лѣтъ (575—585) отдѣльные герцоги лонгобардовъ, въ числѣ 36, раздѣляли между собою завоеванную землю, не взирая на короля. Но внѣшніе враги принудили ихъ снова соединить верховную власть въ рукахъ одного, и они избрали королемъ сына Клефа, *Аутари* (585—590). Имъ начинается расширеніе владѣній лонгобардовъ: бракъ его съ дочерью баварскаго герцога, *Теоделиндою*, обезпечилъ Италію съ сѣвера; въ войнѣ съ греками ему удалось отнять у грековъ въ Южной Италіи Самніумъ, изъ котораго онъ образовалъ новое герцогство Беневентское (589 г.). По смерти Аутари, титулъ королевскій наслѣдовалъ, вмѣстѣ съ рукою его вдовы, герцогъ туринскій, *Агилульфъ* (590—615). Въ его правленіе усиліями папы Григорія I и содѣйствовавшей ему

Теоделинды лонгобарды отказались отъ аріанства и сдѣлались орудіемъ папъ противъ Византіи.

Въ послѣдующее, седьмое столѣтіе, отъ смерти Агилульфа до вступленія на престолъ Ліутпранда (отъ 615 до 712 г.), несмотря на частую перемѣну правителей [1]), сопровождавшуюся междоусобіями, лонгобарды дѣлаютъ новыя пріобрѣтенія на счетъ грековъ; вмѣстѣ съ тѣмъ многіе города, не ожидая лонгобардовъ, сами отдѣляются отъ Византіи и избираютъ себѣ своихъ правителей: такъ, въ 698 г. Венеція выбрала себѣ перваго герцога (dux, откуда дожъ) и начала свое самостоятельное существованіе, какъ аристократическая республика.

Въ VIII ст. *Ліутпрандъ* (712—744) открываетъ собою рядъ воинственныхъ королей; но интриги папъ и Византіи не дали сложиться итальянскому правительству. Ліутпрандъ овладѣлъ даже на короткое время Равенною, но тѣмъ только возбудилъ опасенія папскаго престола: его современникъ, Григорій III (731—741), просилъ помощи у Карла Мартелла, и хотя не успѣлъ получить, но тѣмъ не менѣе положилъ начало связи между интересами папъ и Карловинговъ. Преемникъ Ліутпранда, *Ратхисъ* (Рачисъ) (744—749) успѣлъ примириться съ папою *Захаріемъ* (741—752), но его братъ *Айстульфъ* (749—756), овладѣвъ окончательно всѣмъ экзархатомъ (752), потребовалъ дани и отъ Рима. Тогда-то папа *Стефанъ II* (752—757) отправляется въ Галлію къ Пипину-Короткому, возведенному, съ одобренія его предшественника, на королевскій престолъ; въ два похода Пипинъ отнимаетъ у лонгобардовъ экзархатъ съ Пентаполисомъ и передаетъ его папѣ: такъ образовалось первое ядро территоріи будущей папской области (756 г.). Айстульфу наслѣдовалъ *Дезидерій* (756—774), при которомъ сынъ Пипина-Короткаго, Карлъ-Великій, завоевалъ Италію у лонгобардовъ, за исключеніемъ южной, гдѣ продолжали господствовать намѣстники византійской имперіи, безпокоимые то лонгобардскими герцогами, сохранившими еще независимость, то появившимися изъ Африки сарацинами.

Политическая независимость Италіи, въ остъ-готскую эпоху и эпоху лонгобардскую, имѣла выгодное вліяніе на ходъ ея исторіографіи: остъ-готы, почти наканунѣ паденія своего правительства, въ половинѣ VI стол., нашли себѣ національнаго историка въ епископѣ *Іорданъ* или *Іорнандъ*; въ подобное же время, когда господство лонгобардовъ было уничтожено, а именно въ концѣ VIII вѣка, явился и между ними свой историкъ, *Павелъ-Дьяконъ*, сынъ Варнефрита (о жизни и сочиненіяхъ обоихъ историковъ перваго періода итальянской исторіи см. ниже въ примѣч. къ ст. 44 и 47). Изъ новѣйшихъ писателей объ этомъ періодѣ см. *Sartorius*: Versuch über die Regierung

[1]) За Агилульфомъ слѣдовали: его сынъ *Адельвальдъ*, 615—625; герц. турингскій *Аріовальдъ*, 625—636; герц. бресчіанскій *Ротари*, 636—652; *Арибертъ I*, 652—662; *Гримоальдъ*, герц. беневентскій, 662—671; сынъ его *Гарибальдъ*, 671; сынъ Ариберта, *Берторидъ*, 671—688; сынъ его *Кунибертъ*, 688—700; сынъ его *Ліутбертъ*, 700—702; *Арибертъ II*, 702—712; его свергаетъ родственникъ Ліутберта, *Ліутпрандъ*, 712—744.

der Ostgothen während ihrer Herrschaft in Italien". Hamb. 1811; *Manso*: „Geschichte des ostgothischen Reichs in Italien", Bresl. 1824; *Кудрявцева*: „Судьбы Италіи отъ паденія з.-р. имперіи до возстановленія ея Карломъ Великимъ". Москва 1850 г.; *Bouiller*: „Essai sur l'histoire de la civilisation en Italie". Par. 1861; въ первыхъ двухъ томахъ исторія Италіи доведена до соединенія ея съ Германіею при императорѣ Оттонѣ-Великомъ, въ половинѣ X столѣтія. Изъ общихъ сочиненій для исторіи Италіи см. *H. Leo*: „Geschichte des italienischen Staaten". Hamb, 1829. 5 том.; *Cantu*: „Histoire des Italiens" (перев. съ итальянск.). Par. 1859. 5 том. Самымъ важнымъ и замѣчательнымъ произведеніемъ для древней исторіи итальянской національности останется навсегда трудъ *Muratori*: „Antiquitates Italicae medii aevius. Dissertationes de moribus ritibus, religione, regimine etc.". Med. 1738—42. 6 том.

44.—Теодорикъ-Великій и завоеваніе остъ-готами Италіи.

(550 г.).

Въ то самое время, когда Валамиръ, старшій изъ трехъ остготскихъ королей, отправилъ къ брату Теодемиру радостное извѣстіе о пораженіи имъ сыновей Аттилы (см. статью 39), вѣстникъ его въ день своего прибытія нашелъ въ домѣ Теодемира еще болѣе счастливую новость. А именно, въ тотъ самый день родился его сынъ *Теодорикъ*, хотя и отъ наложницы Эреліевы, но тѣмъ не менѣе мальчикъ подавалъ большія надежды. Немного спустя, Валамиръ и его братья, Теодемиръ и Видемиръ, когда императоръ Маркіанъ запоздалъ прислать обычные дары, получаемые ими какъ жалованье за соблюденіе условій мира, отправили посольство въ Византію. Послы увидѣли тамъ Теодорика, сына Тріарія, происходившаго изъ племени готовъ, но изъ другого рода, а не изъ Амаловъ; онъ жилъ на землѣ византійской счастливо, вмѣстѣ съ своимъ народомъ, и пользовался какъ дружбою римлянъ, такъ и ежегодными дарами, между тѣмъ какъ они, паннонскіе готы, были въ пренебреженіи. Раздраженные этимъ извѣстіемъ, три брата берутся за оружіе и опустошаютъ почти всю Иллирію, пройдя ее по всѣмъ направленіямъ. Но императоръ, перемѣнивъ свои намѣренія, обратился немедленно къ прежнимъ дружескимъ отношеніямъ, и отправивъ посольство, предлагалъ дары не только за прошедшее и настоящее время, но обѣщалъ и въ будущемъ высылать безъ всякаго спора, а для ручательства прочности мира просилъ у готовъ въ заложники Теодорика, малолѣтняго сына Теодемира, о которомъ я говорилъ выше; Теодорикъ, оканчивая седьмой годъ отъ рожденія, вступалъ уже въ восьмой. Когда отецъ медлилъ выдачею сына, Валамиръ сталъ его умолять согласиться, для

того, чтобы сдѣлать миръ между готами и римлянами болѣе прочнымъ. Такимъ образомъ, Теодорикъ былъ выданъ готами, какъ заложникъ, отведенъ въ Константинополь къ императору Льву (преемнику Маркіана), и такъ какъ онъ былъ прекрасный мальчикъ, то и заслужилъ расположеніе императора...

По окончаніи войны готовъ съ швабами (Suavi) и алеманнами, Теодемиръ, возвратившись побѣдителемъ домой, т.-е. въ Паннонію, получилъ отъ императора Льва обратно своего сына, Теодорика, котораго онъ отдалъ заложникомъ въ Константинополь, съ большими подарками. Въ то время Теодорикъ вышелъ уже изъ отроческихъ лѣтъ и вступилъ въ юношескій возрастъ, такъ какъ ему былъ восемнадцатый годъ. Собравъ себѣ дружину изъ вѣрныхъ тѣлохранителей своего отца и изъ охотниковъ въ народѣ, онъ, безъ вѣдома Теодемира, перешелъ широкій Дунай и напалъ на Бабая, царя сарматовъ, который, по одержаніи имъ побѣды надъ римскимъ полководцемъ Камундомъ, управлялъ съ большою гордостью. Теодорикъ, напавъ на Сарматію, умертвилъ его, ограбилъ весь его домъ и казну, и съ побѣдою возвратился къ отцу. Дорогою завоевавъ г. Синіидунъ, которымъ владѣли сарматы, онъ не передалъ римлянамъ, но удержалъ его въ своей власти...

Вскорѣ по окончаніи войны готовъ въ Ѳессаліи, король Теодемиръ, заболѣвъ тяжко въ городѣ Церрахъ, созвалъ го̀товъ и, назначивъ наслѣдникомъ своего сына Теодорика, самъ въ непродолжительномъ времени умеръ. Императоръ Зенонъ, услышавъ, что народъ поставилъ Теодорика королемъ, милостиво принялъ это извѣстіе, вызвалъ его къ себѣ и, приказавъ явиться въ столицу, встрѣтилъ его съ надлежащими почестями и вмѣстѣ причислилъ къ вельможамъ своего дворца. Спустя немного времени, для увеличенія его воинскихъ почестей, императоръ усыновилъ его и на свой счетъ устроилъ ему тріумфъ въ столицѣ. Теодорикъ былъ назначенъ ординарнымъ консуломъ, что̀ считалось высочайшею наградою и первою въ свѣтѣ почестью. Сверхъ всего того, для большей славы такого великаго мужа, Зенонъ поставилъ ему конную статую противъ той части дворца, гдѣ находились собственные покои императора. Между тѣмъ какъ такимъ образомъ Теодорикъ связалъ себя условіями договора съ имперіею Зенона, и самъ въ столицѣ пользовался всѣми удобствами, онъ зналъ, что его народъ, обитавшій въ то время въ Иллиріи, жилъ не въ особенномъ довольствѣ и достаткѣ. Тогда онъ предпочелъ, по обычаю своего народа, добыть хлѣбъ своимъ трудомъ, вмѣсто того, чтобы самому жить въ праздности, пользуясь благами римской имперіи, между тѣмъ какъ его народъ живетъ въ нуждѣ. Разсуждая такъ съ самимъ собою, онъ сказалъ императору: „Хотя мы, подчиненные вашей власти, ни въ чемъ не нуждаемся, однако, ежели ваша милость (pietas Vestra) удостоитъ меня, то выслушайте благосклонно желанія моего сердца“. Такъ какъ ему обыкновенно дозволялось говорить запросто съ императоромъ, то онъ и сказалъ ему затѣмъ: „Равнины Гесперіи (т.-е. западная римская имперія) съ давнихъ временъ управлялись вашими предшественниками и предшественниками предшественниковъ, равно какъ и Римъ, глава и вла-

дыка вселенной; почему же теперь онъ долженъ страдать подъ тиранніей короля турцилинговъ и руговъ (т.-е. Одоакра)? Если ты повелишь, пошли туда меня съ моимъ народомъ, и такимъ образомъ здѣсь ты избавишь себя отъ тяжести расходовъ на наше содержаніе, а тамъ, если съ божіей помощью останусь побѣдителемъ, слава вашей милости возсіяетъ. Гораздо лучше, чтобы я, сынъ и слуга вашъ, оставшись побѣдителемъ, получилъ отъ васъ въ даръ это королевство, нежели онъ (Одоакръ), котораго вы не знаете, и который наложилъ на вашъ сенатъ иго деспотизма, поработивъ себѣ часть вашего государства. Въ самомъ дѣлѣ, если я останусь побѣдителемъ, то буду владѣть Италіею, какъ даромъ вашей щедрости; если же меня побѣдятъ, то ваша милость не только ничего не теряетъ, но даже, какъ я сказалъ, еще выигрываетъ, по случаю прекращенія издержекъ на насъ".

Услышавъ это, императоръ, хотя ему было прискорбно удаленіе Теодорика, однако, не желая его огорчать, согласился на его просьбу и, надѣливъ его большими подарками, отпустилъ отъ себя, ввѣривъ ему судьбу римскаго народа и сената. Итакъ, Теодорикъ, оставивъ императорскую столицу и возвратившись къ своимъ соотечественникамъ, взялъ съ собою и народъ готовъ, который самъ согласился на то, и отправился въ Гесперію (т.-е. Италію); прямой дорогой черезъ г. Сирмій, онъ поднялся до областей, сосѣднихъ съ Паннонiей. Оттуда онъ вступилъ въ предѣлы венетовъ (около нынѣшней Венеціи) и расположился лагеремъ близъ того мѣста, которое называлось „Мостомъ-Зонція" (Pons-Sontii). Пока онъ оставался тамъ нѣкоторое время, для того, чтобы дать отдохнуть и людямъ, и вьючному скоту, Одоакръ двинулъ противъ него вооруженную силу. Встрѣтившись съ нимъ на веронскихъ поляхъ, Теодорикъ разбилъ его наголову и, снявшись съ лагеря, уже съ большею смѣлостью вступилъ въ предѣлы Италіи, переправился черезъ рѣку По, и раскинулъ лагерь въ разстояніи не болѣе трехъ миль отъ столичнаго города Равенны, въ мѣстѣ, называемомъ Пинета. Видя все это, Одоакръ укрѣпился внутри города, откуда и дѣлалъ часто по ночамъ вылазки и тѣмъ безпокоилъ войско готовъ. И это онъ дѣлалъ не разъ и не два, а часто въ продолженіе почти трехъ лѣтъ; но напрасны были его усилія, потому что уже вся Италія признала своимъ властителемъ Теодорика, все государство повиновалось его мановенію. Онъ одинъ только съ немногими тѣлохранителями и нѣкоторыми, тамъ находившимися римлянами, постоянно страдалъ отъ голода и войны въ стѣнахъ Равенны. Когда ничто уже не помогало, Одоакръ, отправивъ посольство, просилъ о пощадѣ. Теодорикъ, помиловавъ его сначала, вскорѣ потомъ лишилъ его жизни, и на третій годъ вторгнувшись въ Италію, въ правленіе императора Зенона, какъ я уже о томъ сказалъ, оставилъ съ намѣреніемъ привычки жизни частнаго человѣка и національный костюмъ, и возложилъ на себя знаки королевскаго достоинства, какъ повелитель готовъ и римлянъ. Въ то же время Теодорикъ, отправивъ посольство къ Лодоину (Клодовею), королю франковъ, просилъ себѣ въ жены дочь его, Аудефледу. Лодоинъ охотно и съ радостью согласился на то, разсчитывая этимъ брачнымъ союзомъ тѣснѣе соединить съ готами

своихъ сыновей, Целдеберта, Хельдеберта и Тундеберта. Но этотъ союзъ вовсе не такъ много содѣйствовалъ къ укрѣпленію мира, потому что эти два народа весьма часто были принуждены вступать другъ съ другомъ въ тяжелую борьбу за земли въ Галліи, и никогда готъ не уступалъ франку, пока былъ живъ Теодорикъ.

Іорданъ.

De Get. orig. etc. LII—LVII.

Іорданъ или *Іорнандъ* (Iordanes, Iordanis, Iornandes, по различ. списк.) жилъ въ первой половинѣ VI-го вѣка; подробности жизни его мало извѣстны; даже самая форма имени остается спорною. Изъ собственныхъ его сочиненій видно, что онъ былъ сынъ какого-то алана (см. 271 стр.), что его дѣдъ былъ нотаріемъ при королѣ аланскомъ Кондакѣ, а по сестрѣ дѣда онъ былъ родственникомъ Амаловъ. Самъ Іорданъ былъ также нотаріемъ, но неизвѣстно, у кого; сомнительно, былъ ли онъ вообще епископомъ, но совершенно ошибочно Іорданъ назывался епископомъ равеннскимъ (см. о томъ въ Magyar. Alterthüm. 1848 г., стр. 293 и слѣд. статью Касселя), потому что онъ говоритъ о Равеннѣ по чужимъ словамъ. Сочиненіе Іордана, писанное имъ между 540 и 550 г., какъ то обнаруживается изъ его же хронологическихъ указаній (такъ, онъ вспоминаетъ о чумѣ, которую „мы имѣли за 9 лѣтъ“, а чума была въ Италіи въ 539 г.), носитъ въ манускриптахъ названія: *De rebus geticis*, или: *De Gothorum sive Getarum origine*. Оно говоритъ о времени между 200 и 550 г., и служитъ единственнымъ и драгоцѣннымъ источникомъ для эпохи переселенія народовъ. Авторъ почерпаетъ свои извѣстія, какъ изъ римскихъ писателей, такъ и изъ національныхъ, которые при немъ еще ходили по рукамъ: такъ, Іорданъ ссылается на одного подобнаго національнаго историка Abladius, называя его egregius Gothorum historicus, и также на Heldenlieder, героическія поэмы. Изъ римскихъ источниковъ Іорданъ пользовался сочиненіемъ Кассіодора объ исторіи готовъ (см. 296 стр.), которое и дошло до насъ только въ этомъ извлеченіи Іордана.

Изъ многочисленныхъ изданій Іордана весьма немногія могутъ быть одобрены, не исключая даже того, которое было сдѣлано Muratori, Script. rer. Ital. I, p. 191—221; самымъ лучшимъ изданіемъ считается *Closs*: Iordanis de Getarum sive Gothorum origine et rebus gesits“. Stuttg. 1861. Изъ спеціальныхъ сочиненій о Іорданѣ замѣчательны: *Freudensprung*: „Comment. de Iornande s., Iordane ejusque libellorum natalibus“. Monaci, 1836; *Jac Grimm*: „Ueber Iornandes und die Geten“. Berl. 1846; *Sybel*: „De fontibus libri Jordanis de origine actuque Getarum“. Berol. 1838. Іордану приписываютъ также одну хронику: „De regnorum et temporum successione, или „Liber de origine mundi et actibus Romanorum ceterarumque gentium“, или просто: „De gestis Romanorum“; это—очеркъ всемірной исторіи до времени Юстиніана (552 г.), сокращенный изъ извѣстнаго римскаго историка Florus, жившаго во II вѣкѣ, и продолженный въ томъ же родѣ.

45.—Общій характеръ новаго варварскаго правительства въ Италіи.

(нач. VI вѣка).

(Изъ письма Теодорика В. къ правителю провинціи, Северіану).

Разумная справедливость требуетъ, чтобы сильнѣйшіе были обуздываемы, и чтобы чрезъ то прелесть мира и тишины распространялась одинаково на всѣхъ. Какимъ же образомъ можно будетъ утвердить равноправность, если не поддерживать силы слабѣйшихъ? Мы получали часто жалобы нашихъ подданныхъ изъ провинціи на то, что зажиточные собственники въ Швабіи не только сложили съ себя все бремя податей на бѣднѣйшихъ, но и предались преступнѣйшей спекуляціи, извлекая, при сборѣ податей, личныя для себя выгоды, такъ что обязанность публичная обратилась въ источникъ частныхъ доходовъ. Мы уже возлагали на многихъ исправленіе этого зла; но, скажу къ твоей похвалѣ, намъ казалось болѣе удобнымъ отложить дѣло до тебя: твоя вѣрность была бы тѣмъ пріятнѣе, что, послѣ долгаго пренебреженія со стороны другихъ, ты доказалъ бы самымъ дѣйствительнымъ образомъ свое усердіе. Вслѣдствіе того, мы повелѣваемъ, чтобы ты, съ свойственнымъ тебѣ благоразуміемъ и съ соблюденіемъ правосудія, навелъ справки о каждомъ землевладѣльцѣ и установилъ равномѣрность податей такимъ образомъ, чтобы по уничтоженіи поборовъ, которые взимались при другихъ, государственная подать (assis publicus) была распредѣлена сообразно качеству имущества и лица (pro possessionum atque dominum qualitate). Такимъ образомъ и справедливость утвердится, и силы нашихъ провинціаловъ будутъ возстановлены. Законъ долженъ преслѣдовать со всею строгостью тѣхъ, о которыхъ будетъ дознано, что они безъ нашей воли наложили какую-нибудь подать, и, по своему усмотрѣнію, тяжести однихъ свалили на другихъ: пусть вознаградятъ всѣхъ за несправедливо причиненные имъ убытки. Повелѣваемъ также слѣдить за тѣмъ, чтобы адвокаты городовъ (defensores), куріалы (т.-е. мѣстное начальство) и собственники составляли отчеты о поступившихъ податяхъ: если собственникъ докажетъ, что въ послѣдній сборъ восьмого индикта имъ внесено податей болѣе, нежели сколько установлено, и окажется, что этотъ взносъ не поступилъ въ нашу казну и не былъ также употребленъ на правильные мѣстные расходы, то постарайся всѣми средствами наказать такое пагубное злоупотребленіе. Обрати особенное вниманіе и на то, если сборщикъ податей взялъ сумму изъ нашей казны, и не могъ доказать, что эти деньги правильно истрачены: ты долженъ взыскать съ него, какъ съ похитителя чужой собственности. Ибо что можетъ быть хуже того, если щедростью нашей, которою мы хотимъ оказать пользу всѣмъ, пользуются воровски не-

многіе. До меня дошли также слухи, что даже судьи въ провинціяхъ куріалы и адвокаты, обременяютъ землевладѣльцевъ незаконными требованіями денегъ на свои разъѣзды и другія издержки. Мы надѣемся, что ты и это изслѣдуешь и установишь законный порядокъ. Прежніе варвары (авторъ, вѣроятно, разумѣетъ подъ словомъ *antiqui barbari* геруловъ, турцилинговъ и др. побѣжденныхъ остготами), которые бы пожелали вступить въ брачный союзъ съ римлянками, подъ какимъ бы предлогомъ ни дѣлали притязанія на поземельную собственность, обязаны вносить въ казну за пріобрѣтенное имущество и сверхъ того нести всѣ другія повинности. Судья же римскій, для сокращенія издержекъ, падающихъ на бѣдное народонаселеніе провинціи, долженъ не болѣе одного раза въ годъ пріѣзжать въ каждый муниципальный городъ: отъ города онъ получаетъ содержаніе только на три дня, какъ то предписывается существующими законами; ибо предки наши установили разъѣзды судей не для обремененія жителей провинцій, а для ихъ пользы. Говорятъ также, что свита одного графа (comitis) готовъ и намѣстника (vicedomini) ограбила провинціаловъ, наведя на нихъ страхъ. Пусть ваше правосудіе, потребовавъ ихъ къ слѣдствію, откроетъ, что̀ по этому поводу было сдѣлано ими беззаконнаго, и произнесетъ правильный приговоръ, устранивъ всякіе доносы. Мы желаемъ, чтобы ты, разсмотрѣвъ все это и тому подобное, что̀ относится къ общей пользѣ, дѣйствовалъ во всемъ такъ, чтобы то не могло быть охуждаемо нашею кротостью. Наша прозорливость требуетъ, чтобы ты, по безпристрастномъ изслѣдованіи всѣхъ этихъ дѣлъ, все открытое тобою приказалъ внести въ государственные акты (polyptychis adscribi). Такимъ образомъ, и мы будемъ имѣть доказательства вашей вѣрности, да и сѣмена лжи, которыя мы желаемъ истребить, не взойдутъ снова.

Кассіодоръ.

XII libri variar.: V, письмо 14.

См. примѣчаніе къ ст. 46.

---

46. — Внѣшнія отношенія новаго варварскаго правительства въ Италіи.

(нач. VI вѣка).

(Письмо Теодорика-В. къ Клодовею, королю франковъ).

Богъ соединяетъ королей святыми узами родства для того, чтобы на ихъ миролюбивыхъ отношеніяхъ основать желаемое спокойствіе народовъ. Ибо только то свято, что̀ не можетъ быть нарушено никакою враждою. На какихъ заложниковъ можно полагаться, если

нельзя будетъ довѣрять родственной любви? Короли вступаютъ въ родство для того, чтобы націи, раздѣленныя между собою, могли имѣть одну волю, и чтобы чрезъ эти узы, какъ проводники согласія, объединялись мысли народовъ. Если же все это справедливо, то мы удивляемся, какимъ образомъ вы, раздраженные ничтожными причинами, рѣшились (velitis) вступить въ жестокую борьбу съ нашимъ *сыномъ* Аларикомъ (королемъ вестготовъ, утвердившихся въ южной Галліи); развѣ только съ тою цѣлью, чтобы обрадовать вашею борьбою всѣхъ тѣхъ, которые теперь боятся васъ? Оба вы короли великихъ націй; оба вы въ цвѣтѣ своихъ лѣтъ. Война ваша не дешево обойдется обоимъ народамъ, если вы, давъ волю страстямъ, столкнетесь другъ съ другомъ. Берегитесь, чтобы ваша доблесть не сдѣлалась источникомъ внезапныхъ бѣдствій для отечества. Большая вражда правителей по маленькимъ причинамъ кончается тяжелымъ разореніемъ для народовъ. Скажу откровенно, скажу отъ всего сердца, что̀ чувствую. Весьма нетерпѣливъ тотъ, кто послѣ перваго посольства немедленно хватается за оружіе. Пусть предметъ вашей распри изслѣдуется предварительно судьями, избранными со стороны вашихъ родственниковъ. Что вы сами подумаете о насъ, если узнаете, что мы оставили вашу распрю безъ всякаго вниманія? Бросьте этотъ раздоръ, въ которомъ одинъ изъ васъ можетъ погибнуть, какъ побѣжденный. Отложите въ сторону ваши мечи, вы, которые хотите своею войною нанести мнѣ позоръ. Я угрожаю вамъ по праву *отца* и друга. Тотъ будетъ имѣть врагомъ меня и моихъ друзей, кто пренебрежетъ (чего я не ожидаю) такими увѣщаніями. Поэтому мы сочли весьма нужнымъ отправить къ вашему превосходительству (ad excellentiam vestram) такого-то и такого-то, нашихъ легатовъ; съ ними же мы отправляемъ другое письмо къ вашему (vestrum) брату и моему сыну, королю Аларику, чтобы никоимъ образомъ чужая злоба не могла посѣять между вами соблазна (scandala); но чтобы, напротивъ, оставаясь въ мирѣ, вы кончили полюбовно свои недоразумѣнія, избравъ своими посредниками друзей. Мы поручили также нашимъ посланникамъ передать вамъ нѣкоторое на словахъ, чтобы страны, которыя среди долговременнаго мира процвѣтали при родителяхъ вашихъ, не были опустошены внезапнымъ потрясеніемъ. Вы должны довѣрять тому, кто, вы знаете, радуется вашей пользѣ. Кто хочетъ другого толкнуть въ пропасть, тотъ, безъ сомнѣнія, не дастъ добраго совѣта.

Кассіодоръ.

XII libri variar.: III, письмо 4.

Кассіодоръ. (Marcus-Aurelius-Cassiodorus, senator, родился въ Бриттіумѣ, около 470 г., ум. въ 563 г.) — одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ писателей и государственныхъ людей VI-го вѣка, принималъ личное участіе во всѣхъ дѣлахъ правленія Теодорика В., какъ его министръ, и даже послѣ его смерти продолжалъ занимать этотъ постъ при Амалазунтѣ и Теодатѣ; но въ 538 г., преслѣдуемый интригами Византіи и неудовольствіями готовъ, онъ удалился не

только отъ дѣлъ, но и отъ міра, запершись въ своемъ помѣстьѣ Виварезе, гдѣ онъ основалъ родъ ученаго монастыря, дѣятельность членовъ котораго ограничивалась литературными бесѣдами и переписываніемъ древнихъ манускриптовъ. Изъ сочиненій Кассіодора замѣчательны: 1) *Historiae ecclesiasticae tripartitae ex tribus graecis scriptoribus Sozomeno, Socrate ac Theodoreto ab Epiphanio scholastico versis, per Cassiodorum senatorum in epitomen redactae libri XII.* Это сочиненіе опредѣлило планъ образованія и кругъ предметовъ, составлявшихъ полный курсъ обученія, подъ названіемъ trivium и quadrivium; оно оставалось въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ неизмѣннымъ руководствомъ *схоластическаго* преподаванія наукъ. 2) *Libri XII de rebus gestis Gothorum* —потеряно и сохранилось только въ извлеченіи, которое изъ него сдѣлалъ Іорданъ (см. примѣч. къ ст. 44), но весьма поспѣшно, потому что, какъ онъ самъ говоритъ, ему удалось достать это сочиненіе всего на три дня (triduana lectio). Кассіодоръ писалъ свою исторію готовъ, по порученію самого Теодорика-В., что не могло отразиться на духѣ сочиненія. Объ этомъ сочиненіи мы знаемъ только изъ письма Кассіодора къ своему другу Кастанію, гдѣ онъ говоритъ еще о своемъ намѣреніи писать исторію готовъ въ 12 книгахъ, ab olim т.-е. съ древнѣйшихъ временъ; слѣдов., онъ касался и времени героическихъ преданій. 3) *Variarum* (т.-е. epistolarum) libri XII. Это самый замѣчательный памятникъ того времени, какъ богатый сборникъ частной и оффиціальной переписки Кассіодора, дипломатическихъ нотъ, писанныхъ имъ самимъ отъ имени Теодорика и его преемниковъ, и различныхъ инструкцій.— Изданія: 1) *Garetii*: „Cassiodori opera", 2 vol. Rothomag. 1679; 2) *Migne*: „Patrologiae cursus completus etc". (всего 241 т.) Par. 1848, въ 69-мъ т. Монографіи: St Marthe: „Vie de Cassiodore, chancelier et premier ministre de Théodoric-le-Grand, avec des remarques sur ses ouvrages". Par. 1695; *Tross*: In Cassiodori Variarum libros sex priores symbolae criticae". Par. 1853 (весьма рѣдкое); *Olleris*: Cassiodore, conservateur des livres de l'antiquité latine. Par. 1841 (диссертація).

47.—Изъ автобіографіи историка лонгобардовъ.

(около 790 г.).

Я принужденъ въ этомъ мѣстѣ (авторъ окончилъ свой разсказъ о несчастной для лонгобардовъ войнѣ съ аварами, веденной около 610 года) прервать свою всемірную исторію и вставить исторію своей собственной фамиліи, а для того мнѣ нужно вернуться нѣсколько назадъ. Въ то время, когда лонгобарды перешли изъ Панноніи въ Италію (около 570 г.), вмѣстѣ съ ними переселился сюда и мой прапрадѣдъ *Леупихисъ*, который былъ и родомъ лонгобардъ. Проживъ нѣсколько лѣтъ въ Италіи, онъ умеръ, оставивъ послѣ себя пять малолѣтнихъ сыновей, которые въ то время, о которомъ была выше рѣчь (т.-е. около 610 года), попались въ плѣнъ къ аварамъ и были уве-

дены изъ Фріоуля (Forum Julii) на чужбину, въ Аварію. Испытавъ тамъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, всѣ бѣдствія неволи и достигнувъ почти совершеннолѣтія, четверо изъ нихъ, которыхъ имена не сохранились, остались въ узахъ рабства; пятый же, по имени *Леупихисъ*, мой прадѣдъ, рѣшился, я полагаю, по внушенію милосердаго Бога, сбросить съ себя ярмо неволи и опять возвратить свою свободу, вернувшись въ Италію, гдѣ, какъ ему было извѣстно, жилъ еще народъ лонгобардовъ. Онъ убѣжалъ изъ Аваріи, взявъ съ собою только лукъ съ колчаномъ и нѣсколько продовольствія. Но дорога была ему совершенно неизвѣстна; онъ пошелъ за встрѣтившимся съ нимъ волкомъ, который и сдѣлался его проводникомъ и спутникомъ. Такъ какъ волкъ все бѣжалъ передъ нимъ, часто оглядывался на него, останавливался, когда онъ хотѣлъ отдохнуть, и снова бѣжалъ впереди него, когда онъ вставалъ съ мѣста, то Леупихисъ понялъ, что этотъ волкъ посланъ ему отъ Бога указывать дорогу, которой онъ не зналъ. Когда такимъ образомъ они, въ продолженіе многихъ дней, шли по пустыннымъ горамъ, у путника вышелъ весь его небольшой запасъ хлѣба. Онъ продолжалъ свой путь съ пустымъ желудкомъ, но наконецъ, совершенно истощенный голодомъ, рѣшился натянуть лукъ и стрѣлой убить волка, чтобы его съѣсть. Но волкъ уклонился отъ стрѣлы и исчезъ изъ глазъ. Оставленный волкомъ, Леупихисъ не зналъ, куда ему идти, а тутъ еще голодъ отнялъ у него всѣ силы, такъ что онъ началъ отчаяваться въ своей жизни и, бросившись на землю, уснулъ. Во снѣ онъ увидѣлъ какого-то мужа, который сказалъ ему слѣдующія слова: „Возстань отъ сна, и иди въ ту сторону, куда обращены твои ноги: тамъ — Италія, которой ты ищешь". Тотчасъ всталъ Леупихисъ, пошелъ по направленію, которое было ему указано во снѣ, и скоро достигъ человѣческаго жилья. Въ той странѣ жили славяне. Его замѣтила старая женщина и тотчасъ поняла, что онъ бѣглецъ и страдаетъ отъ голода. Побуждаемая состраданіемъ, она скрыла его въ своемъ домѣ и тайкомъ давала ему понемногу пищи, чтобы онъ, наѣвшись вдругъ досыта, не умеръ. Такимъ образомъ она, давая ему умѣренное количество пищи, кормила его, пока не вернулись его прежнія силы; а когда онъ достаточно окрѣпъ для продолженія своего пути, она дала ему пищи на дорогу и указала, въ какую сторону ему должно идти. Спустя нѣсколько дней, онъ прибылъ въ Италію и пришелъ къ тому самому дому, въ которомъ родился. Онъ нашелъ его до того запустѣлымъ, что домъ не только стоялъ безъ крыши, но даже заросъ терніемъ и кустарниками. Все это онъ вырубилъ, а на огромной осинѣ, найденной внутри стѣнъ, повѣсилъ свой колчанъ. Съ помощью своихъ родныхъ и друзей онъ отстроилъ домъ и потомъ женился. Изъ отцовскаго же имущества ничего не могъ добиться, потому что оно сдѣлалось собственностью тѣхъ, которые его присвоили себѣ долголѣтнимъ владѣніемъ. Этотъ-то самый Леупихисъ и былъ мой прадѣдъ, какъ я уже выше сказалъ. Онъ произвелъ на свѣтъ моего дѣда *Аригиса*, а Аригисъ—моего отца *Варнефрита*, наконецъ отъ Варнефрита и его жены Теуделинды родился я, *Павелъ*, и братъ *Аригисъ*, на котораго перешло имя моего

дѣда. Вотъ то немногое, что̀ я хотѣлъ разсказать о своемъ собственномъ родѣ; затѣмъ опять возвращаюсь къ всемірной исторіи.

Павелъ-Дьяконъ.

Истор. Лонгобард. IV, 38.

Павелъ-Дьяконъ, сынъ Варнефрита (Paulus Warnfridus Diaconus), родился въ Forum Julii (н. Cividale dal Friuli, на сѣверѣ Италіи) около 730 г. и получилъ превосходное воспитаніе при дворѣ короля Ратхиса (744—749), въ Тицинѣ (н. Павія), что доказываетъ пріобрѣтенное имъ еще въ школѣ знаніе греческаго языка, рѣдкое въ то время въ западной Европѣ. Отношенія его къ преемникамъ Ратхиса, Айстульфу и Дезидерію, положительно неизвѣстны и придуманы позже салернскимъ монахомъ (X вѣка). Достовѣрно одно, что Павелъ жилъ болѣе при дворѣ герц. беневентскаго Аригиза, женатаго на дочери Дезидерія. Въ честь ея онъ писалъ оды и для нея же составилъ „Римскую исторію“, которая, бывъ распространеніемъ извѣстной хроники Евтропія (писатель IV стол., современникъ Юліана-Апостата), продолжила ее до паденія остготскаго королевства. Эта книга оставалась всеобщимъ учебникомъ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. Изъ поэтическихъ произведеній Павла и до сихъ поръ поется католическою церковью его гимнъ въ честь Іоанна Крестителя; заглавные слоги стиховъ этого гимна были избраны Гвидо д'Ареццо (монахъ бенедикт. XI стол.) для названія семи нотъ гаммы: *ut*, *re*, *mi*, и т. д. [1]).

Неизвѣстно, когда и почему Павелъ поступилъ въ монастырь монтекассинскій, но во всякомъ случаѣ ранѣе 782 г., и можетъ быть подъ вліяніемъ печали и тоски при паденіи независимости родины, завоеванной Карломъ-В. Плѣнъ его брата Аригиза, уведеннаго франками, принудилъ Павла-Дьякона обратиться къ Карлу-В., а его необыкновенная ученость до того плѣнила этого возстановителя древней образованности, что онъ удержалъ Павла-Дьякона при себѣ (783 г.), сблизился съ нимъ и давалъ ему различныя порученія. Но тоска по родинѣ принудила Павла скоро (въ 787 г.) возвратиться въ Беневентъ; монахъ салернскій и по этому случаю разсказываетъ сказку о покушеніи Павла-Дьякона на жизнь Карла и о его наказаніи за измѣну. Но исторически вѣрно одно, что Павелъ-Дьяконъ до смерти оставался въ лучшихъ отношеніяхъ къ Карлу-В. По смерти герц. Аригиза Павелъ-Дьяконъ удалился въ свой монастырь, гдѣ и умеръ въ послѣдніе годы VIII столѣтія. Въ эту-то послѣднюю эпоху своей жизни Павелъ-Дьяконъ написалъ свое лучшее произведеніе: *De gestis Longobardorum libri VI* (оно издано у *Muratori*: „Rerum italicarum scriptores“. Milan, 1723—всего 25 том. въ 28 книгахъ—въ т. I; тамъ же помѣщены и другія произведенія Павла-Дьякона). Павелъ-Дьяконъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ, доводитъ свой разсказъ только до смерти Ліутпранда (744 г.), слѣдов. до той эпохи, съ которой онъ могъ бы писать, какъ современникъ. Это сочиненіе рѣзко отличается отъ всего, что̀ писалось въ то время: языкъ Павла-Дьякона по достоинству близокъ къ классическому языку лучшихъ

---

[1]) *UT* queant laxis *RE*sonare fibris
*MI*ra gestorum *FA*muli tuorum
*SOL*ve polluti *LA*biu reatum, sancte Joannes.

временъ римской литературы; вмѣсто сухой хроники, авторъ изображаетъ, по героическимъ поэмамъ, во всей полнотѣ древнюю жизнь германца, такъ что его исторія можетъ быть названа народною эпопеею, и дѣйствительно, Павелъ-Дьяконъ былъ такъ популяренъ въ средніе вѣка, что его исторія лонгобардовъ дошла до насъ въ 114 спискахъ. Павелъ-Дьяконъ пользовался лучшими своими предшественниками, какъ Григоріемъ-Турскимъ, Бэдою и др., но это не одно механическое переписываніе, но и первые опыты критическаго пользованія источниками. Продолжателемъ Павла-Дьякона былъ Эрхембертъ, который довелъ свой разсказъ до 889 г.—Монографіи: *Spruner*, „Paul Warnefrid, Geschichtschreiber der Longobarden, zum ersten Mal nach Codex Bamberger a. d. X Jahrhund. übersetzt und mit Anmerkungen besehen". Hamb. 1838. См. краткую біографію Павла-Дьякона въ VI т. Die Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit, herausg. v. Pertz. Berl. 1849.

48.—Альбуинъ и Розамунда.

(около 790 г.).

Лонгобарды, послѣ своего удаленія изъ Скандинавіи и долгихъ странствованій отъ береговъ Балтійскаго моря на югъ, при девятомъ королѣ, Аудуинѣ, переселились въ Паннонію. Тогда-то (около 550 г.) вспыхнулъ наконецъ давно уже таившійся раздоръ между гепидами и лонгобардами, и обѣ стороны изготовились къ борьбѣ. Въ первой битвѣ, которая произошла между ними, когда оба войска дрались храбро и ни одно другому не уступало, случилось, что Альбуинъ (по друг. Альбоинъ), сынъ Аудуина, въ разгарѣ сраженія, встрѣтился съ Турисмодомъ, сыномъ Туризинда, и Альбуинъ пронзилъ его мечемъ, такъ что тотъ мертвый упалъ съ лошади. Гепиды, увидѣвъ, что сынъ короля, который главнымъ образомъ руководилъ войною, убитъ, пали духомъ и обратились въ бѣгство. Лонгобарды преслѣдовали ихъ жестоко, и избивъ большое число, вернулись назадъ снимать вооруженіе съ убитыхъ. По одержаніи побѣды, лонгобарды возвратились домой, и начали сильно упрашивать короля, чтобы онъ позволилъ Альбуину сидѣть вмѣстѣ съ нимъ за столомъ, такъ какъ въ послѣдней борьбѣ онъ своимъ мужествомъ одержалъ побѣду, и чтобы такимъ образомъ Альбуинъ раздѣлялъ съ отцомъ столъ, какъ онъ раздѣлялъ съ нимъ опасность. Аудуинъ отвѣчалъ, что онъ никакъ не можетъ согласиться на то, не нарушая народнаго обычая. „Вы знаете. сказалъ онъ, какой у насъ господствуетъ обычай, что сынъ короля не раньше можетъ садиться за столъ вмѣстѣ съ отцомъ, какъ получивъ оружіе отъ короля какой-нибудь другой націи".

Альбуинъ, услышавъ такія слова отца своего, взялъ съ собою сорокъ юношей и, переправившись къ Туризинду, королю гепидовъ, съ которымъ онъ недавно сражался, объявилъ ему причину своего прибытія. Тотъ принялъ его дружелюбно, пригласилъ къ своему столу и посадилъ возлѣ себя, съ правой руки, гдѣ когда-то постоянно си-

дѣлъ его сынъ, Турисмодъ. Когда уже были поданы различныя яства, Туризиндъ, смотря на прежнее мѣсто своего сына и вспомнивъ о немъ, о его смерти, наконецъ о томъ, что на его мѣстѣ сидитъ теперь его же убійца, началъ громко вздыхать, и, не выдержавъ, далъ волю своей болячкѣ и воскликнулъ: „Мило мнѣ это мѣсто, да тяжело мнѣ смотрѣть на этого человѣка, который теперь сидитъ на немъ“. При этомъ второй сынъ короля, присутствовавшій на обѣдѣ и уколотый словами отца, началъ издѣваться надъ лонгобардами, говоря, что ихъ можно сравнивать съ кобылами, у которыхъ бываютъ бѣлыя ноги до колѣна: а лонгобарды носили бѣлые чулки. Онъ сказалъ имъ: „тѣ кобылы, на которыхъ вы похожи, считаются самыми плодовитыми“. Но на это отвѣчалъ ему одинъ изъ лонгобардовъ: „Выйди только на поле Асфальдъ (гдѣ происходило то сраженіе), и тамъ ты, безъ сомнѣнія, убѣдишься, какъ крѣпко бьютъ копытами эти кобылы; тамъ же лежатъ и кости твоего брата, разсѣянныя по полю, какъ отъ какой-нибудь ничтожной скотины“. Гепиды, услышавъ это, не могли дольше скрыть своей внутренней ярости; сильно вспыхнулъ ихъ гнѣвъ, и они уже хотѣли на дѣлѣ отомстить за позоръ. Лонгобарды, также готовые на битву, положили руки на мечи. Но тогда король вскочилъ изъ-за стола, бросился между ними, укротилъ гнѣвъ своихъ людей и жажду ихъ къ бою, угрожая неизбѣжнымъ наказаніемъ тому, кто первый осмѣлится начать битву, ибо, сказалъ онъ, такая побѣда не можетъ быть пріятна Богу, когда въ своемъ собственномъ домѣ убиваютъ гостя. Такимъ образомъ раздоръ былъ устраненъ, и они съ веселымъ расположеніемъ духа продолжали свой пиръ. Туризиндъ снялъ оружіе своего сына Турисмода и, вручивъ его Альбуину, отпустилъ здравымъ въ королевство его отца. Возвратившись домой, Альбуинъ былъ наконецъ допущенъ къ столу своего отца. Довольный собою, вкушалъ онъ яства за королевскимъ столомъ и разсказывалъ по порядку все, что̀ съ нимъ приключилось у гепидовъ, въ землѣ Турисмода. Всѣ присутствовавшіе удивлялись и хвалили храбрость Альбуина, но не менѣе также прославляли и великую вѣрность слову Туризинда. (Послѣ этихъ словъ авторъ вставляетъ краткое описаніе правленія Юстиніана-Великаго, разсказъ о св. Бенедиктѣ, и затѣмъ опять возвращается къ главному предмету).

Такимъ образомъ, Аудуинъ, король лонгобардовъ, о которомъ я говорилъ выше, былъ женатъ на Роделиндѣ, которая и родила ему Альбуина, воинственнаго и во всѣхъ отношеніяхъ доблестнаго мужа. Аудуинъ умеръ, и тогда, согласно всеобщему желанію, власть получилъ Альбуинъ, по счету десятый король. Такъ какъ онъ за свое могущество, пользовался у всѣхъ великимъ и славнымъ именемъ, то Клотарь, король франковъ, отдалъ ему въ жены свою дочь, Клодзуинду, которая родила ему дочь, по имени Альбизинду. Между тѣмъ, умеръ Туризиндъ, король гепидовъ, и ему наслѣдовалъ Кунимундъ, который, желая отомстить старыя оскорбленія, разрушилъ союзъ съ лонгобардами и предпочиталъ войну мирнымъ отношеніямъ (566 г.). Но Альбуинъ вступилъ въ вѣчный союзъ съ аварами, которые первоначально назывались гуннами, впослѣдствіи же, по имени своего короля, были названы аварами. Затѣмъ онъ отправился на войну, на

которую вызывали его гепиды. Послѣдніе съ поспѣшностью двинулись противъ него, но въ это время авары вторгнулись въ ихъ землю, согласно договору, заключенному ими съ Альбуиномъ. Когда къ Кунимунду пришло печальное извѣстіе о вторженіи аваровъ, онъ, несмотря на то, что былъ очень убитъ духомъ и стѣсненъ со всѣхъ сторонъ, тѣмъ не менѣе убѣждалъ своихъ воиновъ сразиться сначала съ лонгобардами и, если удастся побѣдить ихъ, изгнать послѣ того армію гунновъ изъ своей земли. Такимъ образомъ, дѣло дошло до битвы; съ обѣихъ сторонъ сражались изо всѣхъ силъ, но лонгобарды остались побѣдителями и до того свирѣпствовали противъ гепидовъ, что почти совершенно истребили ихъ, и отъ многочисленнаго войска едва остался въ живыхъ, кто могъ бы принести извѣстіе о пораженіи. Въ этомъ сраженіи Альбуинъ убилъ Кунимунда, и приказалъ изъ его черепа сдѣлалъ себѣ родъ бокала, который на лонгобардскомъ языкѣ называется *скала*. Онъ увелъ съ собою въ плѣнъ дочь Кунимунда, *Розамунду*, вмѣстѣ съ огромною толпою людей всякаго возраста и пола. Когда умерла Клодзуинда, онъ взялъ себѣ въ жены Розамунду, но, какъ оказалось впослѣдствіи, на свою погибель. При этомъ случаѣ лонгобарды увезли съ собою столь великую добычу, что сдѣлались обладателями огромнѣйшаго богатства. Племя же гепидовъ до такой степени пало, что съ того времени они не имѣли никогда собственныхъ королей, и всѣ, пережившіе войну, подчинились лонгобардамъ и до настоящаго времени стонутъ подъ тяжкимъ игомъ, потому что гунны продолжаютъ владѣть ихъ землей. Имя же Альбуина прославилось далеко и широко, такъ что даже и донынѣ его благородство и слава, его счастіе и храбрость въ бою вспоминаются въ пѣсняхъ у баваровъ, саксовъ и другихъ говорящихъ на томъ же языкѣ народовъ. Отъ многихъ можно слышать и теперь, что во время его правленія изготовлялось совершенно особеннаго рода оружіе. Когда слухъ о многочисленныхъ побѣдахъ лонгобардовъ распространялся повсюду, Нарзесъ, императорскій секретарь, который въ то время управлялъ Италіею и теперь вооружался на войну противъ Тотилы, короля готовъ, отправилъ посольство къ Альбуину и просилъ его, такъ какъ онъ уже и прежде былъ въ союзѣ съ лонгобардами, помочь ему въ борьбѣ съ готами. Вслѣдствіе того Альбуинъ отправилъ къ нему отборное войско для поддержанія римлянъ противъ готовъ. Лонгобарды, переплывши въ Италію чрезъ Адріатическое море, въ соединеніи съ римлянами открыли войну съ готами. Поразивъ готовъ вмѣстѣ съ ихъ королемъ Тотилою почти до совершеннаго ихъ истребленія, они съ большими подарками, какъ побѣдители, вернулись домой. И все время, пока лонгобарды владѣли Панноніей, они постоянно помогали римлянамъ противъ ихъ непріятелей. (Затѣмъ слѣдуетъ отступленіе, въ которомъ излагаются мелкія войны Нарзеса и случившаяся въ то время моровая язва въ Лигуріи).

Послѣ того, какъ Нарзесъ побѣдилъ и уничтожилъ весь народъ готовъ и подобнымъ же образомъ поразилъ различныхъ герцоговъ франкскихъ, онъ успѣлъ вслѣдствіе того собрать огромную массу золота, серебра и другихъ богатыхъ сокровищъ; но тогда между римлянами обнаружилась большая зависть противъ него, несмотря на то,

что Нарзесъ всегда дѣйствовалъ въ ихъ пользу и противъ ихъ враговъ. Они оклеветали его предъ императоромъ Юстиномъ и его женою Софіей, говоря слѣдующимъ образомъ: „Для римлянъ было дѣйствительно лучше служить готамъ, чѣмъ грекамъ, которыхъ евнухъ Нарзесъ господствуетъ и держитъ насъ въ угнетающемъ рабствѣ. Нашъ всемилостивѣйшій государь этого не знаетъ: или освободи насъ изъ его рукъ, или будь увѣренъ, что мы передадимъ и городъ Римъ, и самихъ себя во власть чужого народа“. Когда эти жалобы дошли до слуха Нарзеса, онъ отвѣчалъ на нихъ коротко: „Если говорятъ, что я худо обращался съ римлянами, то и я самъ нахожу это худымъ“. Этотъ отвѣтъ до того вооружилъ императора противъ Нарзеса, что онъ немедленно отправилъ въ Италію Лонгина смѣнить его. Извѣстіе объ этомъ весьма встревожило Нарзеса, а возвратиться въ Константинополь онъ не осмѣливался, тѣмъ болѣе, что въ особенности боялся императрицы Софіи. Софія, какъ разсказываютъ между прочимъ, велѣла ему передать, такъ какъ Нарзесъ былъ евнухомъ, что, по возвращеніи, она посадитъ его на женскую половину прясть шерсть вмѣстѣ съ дѣвушками. А Нарзесъ, говорятъ, въ отвѣтъ на это сказалъ, что онъ ей такъ напрядетъ, что она во всю свою жизнь не распутаетъ. Затѣмъ, побуждаемый ненавистью и страхомъ, онъ удалился въ Кампанію, въ городъ Неаполь, и вскорѣ отправилъ пословъ къ лонгобардамъ, приглашая ихъ, оставивъ бѣдныя поля Панноніи, завладѣть Италіею, богатою всякаго рода сокровищами. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ послалъ имъ различные сорты овощей и другія произведенія Италіи, чтобы тѣмъ еще больше привлечь ихъ. Лонгобарды приняли дружелюбно это доброе и желанное посольство и, питая великіе замыслы, возлагали большую надежду на будущее. Въ то самое время въ Италіи, по ночамъ, начали показываться страшныя знаменья: на небѣ являлись огненные ряды сражающихся, какъ предзнаменованіе большой крови, которая вскорѣ должна быть пролита.

Собираясь потянуться въ Италію съ лонгобардами, Альбуинъ послалъ еще за помощью къ своимъ старымъ друзьямъ саксамъ, желая, чтобы завоеватели такой обширной страны, какова Италія, были въ возможно большемъ числѣ. Слишкомъ 20.000 саксовъ, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, поднялись съ своихъ мѣстъ, чтобы сообразно его желанію, отправиться въ Италію. Клотарь и Зигибертъ, короли франковъ, услышавъ о томъ, переселили швабовъ и другіе народы на земли, оставленныя саксами.

Затѣмъ Альбуинъ предоставилъ собственную землю, Паннонію, своимъ друзьямъ гуннамъ, однако съ условіемъ: если лонгобарды когда-нибудь будутъ принуждены вернуться назадъ, то они удерживаютъ за собою право требовать обратно свою прежнюю землю. И такъ, лонгобарды оставили Паннонію, и вмѣстѣ съ женами, дѣтьми и со всѣмъ имуществомъ, отправились въ Италію, чтобы овладѣть ею. Они прожили сорокъ два года въ Панноніи, и вышли оттуда въ апрѣлѣ, перваго индикта, на другой день святой пасхи, которая, по вычисленію, въ томъ году падала на 1 апрѣля, а тотъ годъ былъ 568 по воплощеніи Господа.

Когда Альбуинъ со всѣмъ своимъ войскомъ и съ большою толпою

людей всякаго рода подошелъ къ границамъ Италіи, онъ поднялся на одну гору, которая возвышалась надъ этою страною, и оттуда озиралъ Италію, насколько то можно было съ той высоты. Потому съ того времени, какъ говорятъ, эта гора получила названіе Королевской. На этой же самой горѣ водятся буйволы, что̀ нисколько не удивительно, такъ какъ Паннонія, богатая этими животными, продолжается до тѣхъ предѣловъ. Мнѣ говорилъ также одинъ правдолюбивый старикъ, что онъ видѣлъ на этой самой горѣ разостланную бычачью шкуру, на которой, по его словамъ, могли усѣсться рядомъ 15 человѣкъ.

Достигнувъ безъ всякаго препятствія Венетіи, которая составляетъ первую провинцію Италіи, и вступивъ въ округъ города или скорѣе укрѣпленія Фріоуля (Forum Julii), Альбуинъ затруднился вопросомъ, кому онъ могъ бы вручить управленіе этой первой завоеванной провинціи. Вся Италія тянется на югъ или скорѣе на юго-западъ и омывается волнами Тирренскаго и Адріатическаго морей; съ сѣвера и запада ее замыкаетъ цѣпь Альпійскихъ горъ, такъ что съ этой стороны въ Италію можно проникнуть или чрезъ ущелья, или по хребтамъ горъ. Но съ востока, гдѣ Италія граничитъ съ Панноніею, находится широкій и удобный проходъ. Когда Альбуинъ, какъ было выше замѣчено, раздумывалъ, кого должно сдѣлать герцогомъ этой страны, онъ наконецъ рѣшился, какъ будетъ разсказано, поставить надъ городомъ Фріоулемъ и всею тою страною своего племянника Гизульфа, весьма доблестнаго мужа, который былъ вмѣстѣ его шталмейстеромъ (marescaltus, откуда маршалъ). Но Гизульфъ объявилъ, что онъ не приметъ на себя управленія городомъ и населеніемъ, прежде нежели ему не будетъ предоставлено избрать для себя изъ лонгобардовъ родовитыхъ мужей (farones, а у другихъ германскихъ племенъ barones). И вышло такъ, что король исполнилъ его желаніе. Вслѣдствіе того онъ избралъ знатнѣйшихъ изъ родовитыхъ мужей лонгобардскихъ, съ тѣмъ, чтобы они остались съ нимъ, и только тогда принялъ почетный титутъ герцога. Онъ потребовалъ еще отъ короля стадо кровныхъ кобылицъ, и на это король согласился весьма охотно. (Слѣдуетъ опять небольшое отступленіе съ краткимъ изложеніемъ современныхъ событій исторіи франковъ).

Между тѣмъ Нарзесъ возвратился изъ Кампаніи въ Римъ и вскорѣ тамъ умеръ. Его тѣло было положено въ свинцовый гробъ и со всѣми богатствами покойнаго отправлено въ Константинополь.

Когда же Альбуинъ подошелъ къ рѣкѣ Плаве (Піаве), ему вышелъ навстрѣчу епископъ Феликсъ изъ Тарвизіума (Тревизо). Король, такъ какъ онъ въ высшей степени отличался щедростью, предоставилъ епископу все церковное имущество и утвердилъ его за нимъ особенною, данною на этотъ случай, грамотою. (Снова отступленіе по поводу жизнеописанія Фортуната, друга Феликса).

Альбуинъ между тѣмъ завоевалъ Винценцію, Верону и другіе города области Венетіи, за исключеніемъ Патавіи (Падуи), Монсъ-Силица (Монселиче, на югъ отъ Падуи) и Мантуи. (Еще большое отступленіе, въ которомъ авторъ прилагаетъ географическій очеркъ Италіи, по 18 провинціямъ, на которыя она раздѣлялась въ то время).

Такимъ образомъ, Альбуинъ достигъ Лигуріи, и въ началѣ третьяго индикта, 5 сентября (569 года), во время управленія архіепископа Гонората, вступилъ въ Миланъ. Оттуда онъ завоевалъ всѣ города Лигуріи, за исключеніемъ приморскихъ. Однако, архіепископъ Гоноратъ оставилъ Миланъ и убѣжалъ въ Генуя. Патріархъ Павелъ (Аквилейскій) умеръ въ то время, послѣ 12-лѣтняго управленія паствою; ему наслѣдовалъ Пробинъ.

Городъ Тицинъ (Павія) выдержалъ тогда болѣе чѣмъ трехлѣтнюю осаду и защищался мужественно. Армія лонгобардовъ была расположена лагеремъ недалеко отъ города, съ южной его стороны. Въ промежутокъ этого времени Альбуинъ овладѣлъ всею Тусціею, за исключеніемъ Рима, Равенны и еще нѣкоторыхъ приморскихъ укрѣпленій. Римляне не имѣли достаточныхъ силъ къ сопротивленію, потому что свирѣпствовавшая еще во время Нарзеса моровая язва похитила бо̀льшую часть народонаселенія, а за наводненіемъ послѣдовалъ великій голодъ во всей Италіи. Впрочемъ, извѣстно, что Альбуинъ привелъ съ собою въ Италію людей, собранныхъ изъ самыхъ различныхъ народовъ, которые были покорены или имъ, или его предшественниками; вслѣдствіе того мы и до сихъ поръ называемъ отдѣльныя мѣстности Италіи по именамъ народовъ, которые въ нихъ обитаютъ, гепидскими, булгарскими, сарматскими, паннонскими, швабскими, норическими и т. д.

Послѣ трехлѣтней осады съ нѣсколькими мѣсяцами Тицинъ сдался наконецъ Альбуину и его лонгобардамъ. Когда Альбуинъ въѣзжалъ въ городъ чрезъ восточныя ворота св. Іоанна, его конь упалъ посреди воротъ и не могъ быть поднятъ на ноги ни шпорами всадника, ни ударами шталмейстера. Тогда одинъ изъ лонгобардовъ сказалъ королю: „Король! измѣни произнесенную тобою жестокую клятву, и ты немедленно вступишь въ городъ; обитатели города, подумай о томъ, истинные христіане“. Альбуинъ клялся истребить мечемъ все населеніе города за то, что оно не хотѣло такъ долго сдаваться. Лишь только онъ отказался отъ своей клятвы и обѣщалъ жителямъ пощаду, его конь немедленно всталъ на ноги; вступивъ въ городъ, король сдержалъ свое слово и никому не сдѣлалъ зла. Весь народъ устремился къ его дворцу, построенному нѣкогда королемъ Теодорикомъ, и послѣ столь долгихъ страданій снова началъ питать утѣшительную надежду на будущее.

Альбуинъ, послѣ трехъ лѣтъ и шести мѣсяцевъ управленія Италіею, погибъ вслѣдствіе заговора, составленнаго его женою. Причина же его умерщвленія была слѣдующая: когда онъ въ Веронѣ, веселясь, остался на пиру долѣе, нежели то ему слѣдовало, онъ приказалъ королевѣ поднести чашу, сдѣланную изъ черепа его тестя, короля Кунимунда, требуя отъ нея весело пить вмѣстѣ съ своимъ отцемъ. Чтобъ кто-нибудь не счелъ всего этого невѣроятнымъ, клянусь Христомъ, я говорю сущую правду; я самъ видѣлъ эту чашу, когда по одному торжественному случаю ее держалъ въ рукахъ князь Ратгизъ и показывалъ гостямъ.

Розамунда, услышавъ то, была поражена до глубины сердца печалью, и она не могла ее ничѣмъ подавить: въ ней загорѣлось же-

ланіе убійствомъ мужа отмстить смерть своего отца. Для достиженія своей цѣли она вступила въ заговоръ съ Гельмигисомъ, *скильпоромъ*, т.-е. щитоносцемъ и молочнымъ братомъ короля. Гельмигисъ совѣтовалъ вовлечь въ заговоръ Передея, отличавшагося необыкновенною физическою силою. Но когда Передей не хотѣлъ согласиться участвовать въ такомъ тяжкомъ преступленіи, королева ночью расположилась на мѣстѣ своей служанки, которая была его наложницею. Передей уснулъ рядомъ съ королевою, самъ того не подозрѣвая. Когда такимъ образомъ было уже совершено преступленіе, Розамунда спросила его, за кого онъ ее принимаетъ. Онъ назвалъ имя своей наложницы, но королева, вставъ, отвѣчала ему на то: „Я не та, за кого ты меня принимаешь; я—Розамунда. Теперь ты совершилъ такое преступленіе, послѣ котораго долженъ или убить Альбуина, или погибнуть отъ его меча". Тогда онъ, понявъ совершонное имъ преступленіе, былъ вынужденъ дать свое согласіе на участіе въ убійствѣ короля, на что прежде не могъ рѣшиться съ доброй воли. Около полудня, когда Альбуинъ легъ отдохнуть, Розамунда отдала приказаніе, чтобы во дворцѣ ничѣмъ не нарушалась тишина, спрятала всякое оружіе, а мечъ Альбуина крѣпко привязала къ кровати, такъ, чтобы тотъ не могъ ни схватить его, ни извлечь изъ ноженъ. Послѣ того, согласно совѣту Гельмигиса, эта неестественно-свирѣпая женщина впустила убійцу Передея. Но Альбуинъ проснулся и тотчасъ понялъ угрожавшую ему опасность; онъ живо схватился за свой мечъ, но тотъ такъ крѣпко былъ привязанъ, что онъ, не будучи въ состояніи оторвать его, овладѣлъ подножкой и защищался ею нѣсколько времени. Но, увы! этотъ воинственнѣйшій и отважнѣйшій мужъ ничего не могъ сдѣлать противъ такого врага и погибъ какъ послѣдній; пріобрѣтя себѣ величайшую воинскую славу побѣдою надъ безчисленными врагами, онъ палъ жертвою коварства ничтожной женщины. Лонгобарды съ плачемъ и рыданіемъ похоронили его тѣло у одной изъ лѣстницъ, ведущихъ во дворецъ. Альбуинъ имѣлъ гибкій станъ, и вообще все его тѣло было устроено для битвы. Въ мое время Гизельпертъ, прежній герцогъ веронскій, приказалъ открыть гробницу Альбуина, вынулъ оттуда его мечъ и всѣ находившіяся тамъ украшенія, и послѣ, съ свойственнымъ ему легкомысліемъ, хвастался предъ необразованными людьми, будто бы онъ имѣлъ свиданіе съ Альбуиномъ.

Послѣ умерщвленія Альбуина, Гельмигисъ хотѣлъ захватить власть въ свои руки, что̀ ему, однако, не удалось, потому что лонгобарды, оскорбленные смертью своего короля, рѣшились умертвить его. Тогда Розамунда немедленно послала къ Лонгину, византійскому префекту, жившему въ городѣ Равеннѣ, просить, какъ можно скорѣе прислать ей корабль, на которомъ она могла бы оттуда убѣжать. Лонгинъ, обрадованный такимъ извѣстіемъ, тотчасъ отправилъ корабль, на которомъ ночью и спаслись бѣгствомъ Гельмигисъ и Розамунда, бывшая тогда уже его женой. Они взяли съ собой дочь короля, Альбизинду, и все лонгобардское сокровище и поспѣшно прибыли въ Равенну. Тогда префектъ Лонгинъ началъ уговаривать Розамунду умертвить Гельмигиса и вступить съ нимъ въ бракъ. Способная на всякое зло и горя желаніемъ сдѣлаться владѣтельницей Равенны, она изъявила

свое согласіе на то. Разъ, когда Гельмигисъ вернулся изъ ванны, она поднесла ему ядъ, выдавая его за какой-то особенно здоровый напитокъ. Тотъ, почувствовавъ, что онъ выпилъ смертную чашу, поднялъ надъ Розамундою обнаженный мечъ, и заставилъ ее выпить, что оставалось. Такимъ образомъ, по правосудію всемогущаго Бога, въ одинъ часъ погибли поносные убійцы вмѣстѣ.

Пока все это происходило, префектъ Лонгинъ отправилъ къ императору въ Константинополь Альбизинду вмѣстѣ со всею лонгобардскою сокровищницею. Нѣкоторые увѣряютъ, что Передей прибылъ въ Равенну вмѣстѣ съ Гельмигисомъ и Розамундой, и оттуда былъ отправленъ съ Альбизиндою въ Константинополь, гдѣ онъ, на игрищахъ, предъ всѣмъ народомъ и въ присутствіи императора, убилъ льва необыкновенной величины. Какъ разсказываютъ, ему были выколоты глаза, по повелѣнію императора, чтобы онъ, обладая страшною силою, не сдѣлалъ какого-нибудь зла. Спустя нѣсколько времени Передей досталъ себѣ два ножа, спряталъ ихъ въ рукава и пришелъ ко дворцу, обѣщая, если его допустятъ къ императору, сообщить ему весьма важное дѣло. Императоръ выслалъ къ нему двухъ патриціевъ изъ своихъ приближенныхъ, чтобы выслушать его. Когда они подошли къ Передею, то онъ приблизился къ нимъ, какъ бы желая говорить по секрету, и, схвативъ въ обѣ руки спрятанные имъ ножи, нанесъ имъ столь тяжкія раны, что они оба распростерлись по землѣ бездыханными. Такъ отмстилъ онъ, напоминая собою могущественнаго Самсона, за причиненныя ему страданія, и умертвилъ двухъ самыхъ полезныхъ людей для императора за потерю своихъ двухъ глазъ.

Между тѣмъ, лонгобарды, по общему совѣщанію, избрали въ короли Клефа, знатнаго лонгобарда изъ г. Тицина. Онъ приказалъ умертвить многихъ могущественныхъ римлянъ, а другихъ изгналъ изъ Италіи. Послѣ одного года и шести мѣсяцевъ управленія, вмѣстѣ съ своею женою Анзаною, онъ былъ заколотъ мечемъ отъ руки одного изъ своихъ рабовъ (573 г.).

Лонгобарды послѣ его смерти оставались 10 лѣтъ безъ короля и управлялись герцогами. Каждый герцогъ господствовалъ въ своемъ городѣ, а именно: *Забанъ* въ Тицинѣ, *Валлари* въ Бергамо, *Алагисъ* въ Бриксіи, *Эвинъ* въ Тридентѣ, *Гизульфъ* въ Фріоулѣ. Кромѣ нихъ, было еще 30 герцоговъ въ различныхъ городахъ. Въ то время многіе изъ знатныхъ римлянъ были умерщвлены, изъ видовъ корысти, а прочіе обложены податями, и каждый лонгобардскій всельникъ былъ надѣленъ такимъ образомъ, что туземцы должны были уступать имъ третью часть своихъ доходовъ. Подъ управленіемъ этихъ лонгобардскихъ герцоговъ, въ семьмой годъ по вторженіи Альбуина и его народа, церкви были ограблены, священники умерщвлены, города разорены, жители, какъ подкошенная жатва, избиты, и большая часть Италіи завоевана и порабощена лонгобардами, за исключеніемъ тѣхъ земель, которыя были захвачены еще при Альбуинѣ.

Павелъ-Дьяконъ.

Истор. лонгобард., I, 22—27; II, 1—32.

См. примѣчаніе къ ст. 47.

49.—Автари и Теоделинда.

Лонгобарды, управляемые, послѣ смерти Клефа, въ теченіе 10 лѣтъ герцогами, поставили, по общему приговору, королемъ *Автари*, сына послѣдняго владѣтеля. За его достоинства они дали ему прозваніе Флавія (имя Веспасіана и Тита), и оно счастливо было удерживаемо съ того времени всѣми лонгобардскими королями. Въ то же время, по случаю возстановленія королевства, всѣ тогдашніе герцоги уступили половину своего имущества на покрытіе королевскихъ расходовъ, чтобы король могъ на это содержать свою свиту и всѣхъ, которые ему служили въ различныхъ должностяхъ. Порабощенные народы были раздѣлены между лонгобардскими пришельцами [1]). И на самомъ дѣлѣ, что̀ было удивительно въ королевствѣ лонгобардовъ: въ немъ не встрѣчалось никакого насилія, никакого тайнаго заговора, никто несправедливымъ образомъ не былъ принуждаемъ къ службѣ, никого не грабили, воровство и грабежи не случались, и каждый могъ жить, какъ ему угодно, безъ страха и заботы.

Въ это время византійскій императоръ Маврикій отправилъ королю франковъ, Гильдеперту, 50 тысячъ солидовъ, съ тѣмъ, чтобы онъ съ войскомъ напалъ на лонгобардовъ и выгналъ ихъ изъ Италіи. Тогда Гильдепертъ, взявъ большое войско франковъ, вторгся внезапно въ Италію, но лонгобарды укрѣпились въ городахъ, отправили къ Гильдеперту пословъ съ подарками и заключили съ нимъ миръ. По возвращеніи его въ Галлію, когда до императора Маврикія дошло извѣстіе о заключеніи имъ договора съ лонгобардами, онъ потребовалъ отъ него назадъ тѣ деньги, которыя онъ ему далъ; но Гильдепертъ, увѣренный въ своей силѣ, оставилъ это требованіе безъ всякаго отвѣта.

При такомъ положеніи дѣлъ король Автари вознамѣрился покорить городъ Брексиллъ (н. Бресчелло, въ Моденѣ), расположенный на берегу рѣки По, и осадилъ его; а туда убѣжалъ отъ лонгобардовъ герцогъ Дроктульфъ, который, перейдя на сторону императора, дѣйствовалъ вмѣстѣ съ его гарнизономъ и оказалъ лонгобардамъ мужественное сопротивленіе. По своему происхожденію онъ былъ швабъ или алеманнъ, взросъ среди лонгобардовъ, и за свою превосходную внѣшность получилъ почетный титулъ герцога; но какъ только-что ему представился случай отмстить свой прежній плѣнъ, онъ поднялъ оружіе противъ лонгобардовъ. Имъ пришлось выдержать съ нимъ тяжелую борьбу, но наконецъ они побѣдили его вмѣстѣ съ союзниками

---

[1]) Populi tamen aggravati, *per* Longobardos hospites (по друг. *pro* Longobardis hospitibus) partiuntur: различіе въ предлогахъ *per* и *pro*, встрѣчающееся въ манускриптахъ, измѣняетъ значительно смыслъ этого важнаго мѣста: былъ ли народъ раздѣленъ *между* (per) лонгобардами, и слѣдовательно лишенъ свободы, или только вносилъ часть доходовъ *въ пользу* (pro) лонгобардовъ. См. объ этомъ вопросѣ у Savigny: „Geschichte des römisch. Rechts im Mittelalter“, I, 118.

и загнали въ Равенну. Городъ Брексиллъ былъ завоеванъ, и его стѣны сравнены съ землею. Затѣмъ король Автари заключилъ на три года миръ съ патриціемъ Смарагдомъ, который въ то время управлялъ Равенною.

При содѣйствіи вышеупомянутаго Дроктульфа, равеннская армія нѣсколько разъ вступала въ борьбу съ лонгобардами, а флотъ, выстроенный греками подъ его руководствомъ, изгналъ лонгобардовъ изъ города Классиса. Послѣ смерти Дроктульфа, его погребли съ почестями въ церкви св. мученика Виталія (въ Равеннѣ), воздавъ ему хвалу слѣдующею надгробною надписью: „Въ этой могилѣ заключено только тѣло Дроктульфа, потому что своими заслугами онъ живетъ и теперь во всемъ городѣ", и т. д. (всего 13 стиховъ).

За папою Бенедиктомъ (I) былъ избранъ (въ 578 г.) Пелагій (II), не получивъ на то утвержденія отъ императора, такъ какъ въ то время лонгобарды осаждали Римъ со всѣхъ сторонъ, и никто не могъ выйти изъ города. Этотъ Пелагій отправилъ наставительное (utilem) письмо къ Гелію, епископу аквилейскому, который не хотѣлъ признать 3 главъ изъ постановленій халкедонскаго собора (отъ 451 года). Оно было сочинено св. Григоріемъ, въ то время еще діакономъ. (Слѣдуетъ небольшое отступленіе о войнѣ франковъ въ Испаніи).

Императоръ Маврикій снова отправилъ пословъ къ Гильдеберту, и убѣждалъ его послать войско въ Италію противъ лонгобардовъ. Гильдебертъ согласился на это и послалъ франкское войско въ Италію противъ лонгобардовъ. Но когда лонгобарды вышли къ нимъ на встрѣчу, между франками и алеманнами возникла распря, и они, не сдѣлавъ ничего, возвратились домой.

Въ это время случилось наводненіе въ областяхъ Венетіи, Лигуріи и въ другихъ частяхъ Италіи, какого, говорятъ, не было со времени Ноя. Много погибло имущества, загородныхъ домовъ, а равно животныхъ и людей. Улицы и дороги были размыты, и рѣка Атезисъ (Эчь) такъ тогда разлилась, что въ базиликѣ св. мученика Зенона, которая находилась внѣ стѣнъ города Вероны, вода достигла верхнихъ оконъ; впрочемъ, св. Григорій, впослѣдствіи папа, писалъ, что во внутренность базилики вода не проникла нисколько. Также стѣны того же города Вероны съ одной стороны были разрушены наводненіемъ. Случилось же это наводненіе въ 16-й день предъ ноябрьскими календами (17 октября); причемъ раздавались столь сильные удары грома, блестѣла молнія, какъ то рѣдко случается видѣть и въ лѣтнее время. Спустя два мѣсяца, выгорѣла бо̀льшая часть города Вероны.

Во время того наводненія воды рѣки Тибра, въ Римѣ, также поднялись выше стѣнъ города и залили въ немъ бо̀льшую часть кварталовъ. Тогда же появился въ руслѣ рѣки драконъ удивительной величины, сопровождаемый множествомъ змѣй, который и уплылъ въ море. Вскорѣ за этимъ наводненіемъ послѣдовала тяжкая моровая язва, которую называютъ inguinaria. Она произвела въ народѣ такое опустошеніе, что изъ безчисленнаго множества остались немногіе въ живыхъ. Первою жертвою ея сдѣлался папа Пелагій, мужъ многоуважае-

мый, и смерть поразила его мгновенно; когда не стало пастыря, язва начала распространяться въ народѣ (590 года).

Во время столь великой напасти св. Григорій, бывшій тогда дьякономъ, былъ избранъ папою всѣми единодушно. Когда онъ установилъ седьмикратное молебствіе, то въ теченіе одного часа 80 человѣкъ изъ участвовавшихъ при этомъ, внезапно упавши на землю, испустили духъ. Седьмикратное же молебствіе было названо такъ потому, что все населеніе города, желавшее обратиться къ Господу, было раздѣлено св. Григоріемъ на 7 частей. Въ первомъ хорѣ былъ весь клиръ, во второмъ всѣ аббаты съ своими монахами, въ третьемъ всѣ аббатиссы съ своимъ причтомъ, въ четвертомъ всѣ дѣти, въ пятомъ всѣ міряне (laici), въ шестомъ всѣ вдовы и въ седьмомъ всѣ замужнія женщины. Болѣе не буду ничего говорить о св. Григоріѣ, потому что за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, съ божіею помощью, я описалъ его жизнь; тамъ изложено все, что̀ должно быть сказано о немъ, какъ то дозволила мнѣ скудость моихъ силъ.

Въ то же время св. Григорій послалъ въ Британнію Августина, Меллита и Іоанна со многими другими богобоязненными монахами и ихъ проповѣдью обратилъ англовъ ко Христу. (Вставляется разсказъ о предшествовавшей борьбѣ равеннскаго намѣстника Смарагда съ аквилейскимъ патріархомъ).

Въ это время король Автари послалъ войско въ Истрію, подъ начальствомъ тридентскаго герцога Эвина. Это войско, послѣ грабежей и пожаровъ, заключило миръ на одинъ годъ и доставило королю много денегъ. Другое же лонгобардское войско осадило на островѣ Комацинѣ (на озерѣ Комо) Франціона, военачальника, служившаго еще при Нарзесѣ и державшагося тамъ въ продолженіе 20 лѣтъ. Послѣ шестимѣсячной осады онъ долженъ былъ уступить лонгобардамъ этотъ островъ; самъ же, по выраженному имъ желанію, получилъ свободный проходъ, вмѣстѣ съ женою и имуществомъ, и удалился въ Равенну. На островѣ было найдено множество богатствъ, которыя были тамъ сложены отдѣльными городами. Между тѣмъ, король Флавій-Автари отправилъ пословъ къ королю франковъ, Гильдеперту, и просилъ у него руки его сестры. Хотя Гильдепертъ, принявъ богатые подарки отъ пословъ лонгобардскихъ, обѣщалъ выдать сестру за ихъ короля, но когда явились послы изъ Испаніи, и онъ услышалъ отъ нихъ, что готы перешли въ католичество, то выдалъ свою сестру за готскаго короля.

Въ то же время къ Гильдеперту явилось посольство отъ императора Маврикія, приглашавшее его теперь предпринять снова войну противъ лонгобардовъ, чего онъ прежде не исполнилъ, съ тѣмъ, чтобы, по его совѣту, изгнать ихъ изъ Италіи. Гильдепертъ немедленно отправилъ войско свое въ Италію для подчиненія лонгобардовъ. Но король Автари вмѣстѣ съ лонгобардами быстро выступаетъ ему на встрѣчу и мужественно сражается за свободу; въ сраженіи лонгобарды одерживаютъ побѣду; франки потерпѣли жестокое пораженіе: многіе изъ нихъ попались въ плѣнъ, еще большее число бѣжало и съ трудомъ достигло отечества; франки понесли такой уронъ, что никто не знаетъ другого подобнаго. Удивительно, конечно, то обстоятельство,

что Секундъ, который много писалъ о дѣяніяхъ лонгобардовъ, совершенно умолчалъ объ этой побѣдѣ, между тѣмъ какъ мой разсказъ о пораженіи франковъ приводится въ ихъ лѣтописяхъ почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ.

Король Флавій-Автари отправилъ затѣмъ пословъ въ Байоварію (Баварію), просить для себя руки дочери короля Гарибальда. Гарибальдъ принялъ ихъ благосклонно и обѣщалъ выдать дочь свою, Теоделинду, за Автари. Когда послы, возвратившись, извѣстили о томъ Автари, онъ, желая своими глазами увидѣть невѣсту, выбралъ себѣ немногихъ, но ловкихъ людей, и между ними одного вполнѣ преданнаго себѣ мужа, который былъ назначенъ въ то же время главою посольства, и вмѣстѣ съ ними отправился въ Байоварію. Когда они, по посольскому обычаю, были представлены королю, и тотъ изъ нихъ, который стоялъ во главѣ прочихъ, произнесъ, послѣ привѣтствія, обычную рѣчь, Автари, неузнанный никѣмъ изъ байоваровъ, подошелъ ближе къ королю Гарибальду и сказалъ: „Господинъ мой, король Автари отправилъ меня собственно затѣмъ, чтобы я посмотрѣлъ вашу дочь, его невѣсту и нашу будущую госпожу, съ тѣмъ, чтобы ему вѣрно донести о ея красотѣ". Король, услышавъ то, приказалъ позвать свою дочь. Автари, молча, окинулъ ее взоромъ, и такъ какъ она очень понравилась ему за свою красоту, то онъ сказалъ королю: „Видя такую красоту вашей дочери, мы желаемъ, чтобы она, какъ достойная, сдѣлалась нашею королевою, а прежде всего мы желали бы, если вамъ то будетъ угодно, выпить кубокъ вина изъ ея рукъ, какъ она впослѣдствіи должна то дѣлать для насъ". Когда король согласился на это, она, взявъ кубокъ вина, поднесла его сперва тому, который былъ, повидимому, старшимъ посломъ. Потомъ, когда она предложила кубокъ Автари, не зная, что это былъ ея женихъ, онъ выпивъ вино и возвративъ кубокъ, коснулся ея руки пальцемъ, незамѣтно для всѣхъ, и провелъ правою рукою ей по лицу и ото лба къ носу. Она, покрытая краскою стыда, разсказала о случившемся своей кормилицѣ. Кормилица отвѣчала ей: „Этотъ человѣкъ, еслибы онъ не былъ самъ твоимъ женихомъ и королемъ, не осмѣлился бы коснуться тебя. А впрочемъ, помолчимъ объ этомъ, чтобы не узналъ твой отецъ; потому что, въ самомъ дѣлѣ, онъ достоинъ того, чтобы править королевствомъ и жениться на тебѣ". А тогда Автари былъ въ цвѣтущей молодости, строенъ, съ свѣтлыми волосами и весьма красивой наружности. Вскорѣ послѣ того, получивъ отъ короля съѣстные припасы, они отправились обратно въ отечество и быстро прошли по землѣ нориковъ. Провинція же нориковъ, которую населяетъ народъ байоваровъ, граничитъ съ востока Панноніею, съ запада Швабіею, съ юга Италіею, а на сѣверѣ омывается Дунаемъ. Автари, когда приблизился уже къ границамъ Италіи, сопровождаемый свитой байоваровъ, вдругъ поднявшись на конѣ, сколько могъ, изо всей силы вонзилъ сѣкиру, которую держалъ въ рукѣ, въ ближайшее дерево и, оставивъ ее въ деревѣ, примолвилъ: „вотъ какъ поражаетъ Автари". Когда онъ это сказалъ, байовары, сопровождавшіе его, поняли, что это былъ самъ король Автари. Наконецъ, спустя нѣсколько времени (589 г.), когда, по причинѣ нашествія франковъ, король Гарибальдъ былъ доведенъ

до крайности, дочь его, Теоделинда, вмѣстѣ съ братомъ, по имени Гундоальдомъ, убѣжала въ Италію и приказала извѣстить Автари, что она пришла къ своему жениху. Онъ тотчасъ отправился къ ней на встрѣчу, чтобы великолѣпно отпраздновать свадьбу, на поле *Сардисъ*, что выше Вероны, и женился на ней, при всеобщемъ веселіи, въ мартовскія Иды (13 марта). Былъ въ то время, на свадьбѣ, между прочими герцогами лонгобардскими, Агилульфъ, герцогъ города Турина. Во время случившейся тогда бури, было поражено молніею, сопровождаемою сильнымъ ударомъ грома, одно дерево на королевскомъ дворѣ. Въ свитѣ Агилульфа случился въ то время одинъ гадатель, юноша, который искусствомъ діавольскимъ постигалъ то, что̀ предсказывали въ будущемъ удары грома. Когда Агилульфъ, по естественной нуждѣ, отошелъ въ сторону, онъ сказалъ ему: „Эта женщина, на которой теперь женился нашъ король, вскорѣ будетъ твоею женою“. Агилульфъ, услышавъ то, грозилъ ему смертью, если онъ хоть заикнется кому-нибудь о томъ. Тотъ ему отвѣчалъ: „Меня можно убить, но нельзя измѣнить приговора судьбы; эта женщина пришла въ нашу землю для того, чтобы сочетаться съ тобою бракомъ“. Впослѣдствіи все такъ и случилось. Въ то время, неизвѣстно по какой причинѣ, Ансуль, родственникъ короля Автари, былъ убитъ близъ Вероны.

Когда же (590 г.) Гриппо, посолъ франкскаго короля Гильдеперта, возвратился изъ Константинополя, онъ разсказалъ своему королю, какъ онъ почетно былъ принятъ императоромъ Маврикіемъ, а за обиды [1]), которыя были нанесены франкскимъ посламъ на пути ихъ въ Византію чрезъ Карѳагенъ, императоръ обѣщалъ дать удовлетвореніе франкамъ за обиду, и Гильдепертъ тотчасъ отправилъ вторично войско съ 22 герцогами въ Италію, для подчиненія лонгобардовъ. Изъ этихъ 22 герцоговъ славнѣйшіе были: Андуальдъ, Оло и Цединъ. Но когда Оло подошелъ неосторожно къ укрѣпленію Билиціо (Беллинцона), его ранили стрѣлою въ грудь, и онъ палъ мертвый. Остальные же франки, разсѣявшись для добычи, были захвачены врасплохъ лонгобардами и разбиты поодиночкѣ. Андуальдъ же и 6 другихъ герцоговъ франкскихъ, подойдя къ городу Милану, расположились лагеремъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него. Къ нимъ прибыли туда послы отъ императора, съ извѣстіемъ, что готово на помощь имъ войско, которое явится къ нимъ черезъ 3 дня. „И вотъ вамъ условный знакъ, говорили они: когда вы увидите зданіе той виллы, на горѣ, въ пламени, и дымъ отъ нея поднимется къ небесамъ, знайте, что это мы, исполняя свое обѣщаніе, идемъ къ вамъ съ вой-

---

[1]) Дѣло, на которое намекаетъ авторъ, происходило слѣдующимъ образомъ: Гильдепертъ отправилъ къ Маврикію пословъ: Бодегизила, Эванція и упомянутаго Гриппо. Они прибыли въ Карѳагенъ, и одинъ изъ рабовъ Эванція укралъ у тамошняго купца ожерелье. Купецъ не могъ получить своего никакими просьбами и хотѣлъ употребить силу, но былъ убитъ рабомъ. Префектъ, узнавъ объ убійствѣ, пришелъ, въ сопровожденіи отряда воиновъ, къ посламъ, и когда между ними завязалась ссора, Бодегизилъ и Эванцій были убиты. Къ этому-то событію и относилось обѣщанное императоромъ удовлетвореніе.

скомъ“. Но герцоги франковъ, прождавъ по условію 6 дней, не видали ни одного человѣка изъ войска, обѣщаннаго послами императора. Цединъ же съ 13 герцогами, напавъ на лѣвую сторону Италіи, взялъ 5 крѣпостей, и даже принудилъ жителей ихъ дать присягу. Пройдя Плаценцію, войско франковъ дошло до Вероны; большая часть крѣпостей сдалась безъ сопротивленія, повѣривъ клятвеннымъ обѣщаніямъ не причинять никакого зла. Но слѣдующія крѣпости въ Тридентской области были разрушены: Tesana, Maletum, Sermiana, Appianum, Fagitana Cimbra, Britianum, Brentonicum, Belones, Ennemase, двѣ въ Алзукѣ и одна въ Веронѣ. По разрушеніи этихъ крѣпостей франками, жители ихъ были отведены въ плѣнъ. Но крѣпость Ферруга, при содѣйствіи епископовъ, Ингенуина изъ Сабіоны и Агнелла изъ Тридента, откупилась деньгами, заплативъ по одному солиду съ головы, всего же было заплачено 600 [1]). Между тѣмъ въ войскѣ франковъ распространился кровавый поносъ, вслѣдствіе удушливыхъ жаровъ, къ которымъ они не привыкли, и отъ этой болѣзни погибло множество народу. Чѣмъ же все кончилось? Войско франковъ, бродя въ продолженіе 3-хъ мѣсяцевъ по Италіи, безъ всякаго результата и не имѣя возможности ни вредить врагамъ, засѣвшимъ въ укрѣпленныхъ мѣстахъ, ни захватить короля, противъ котораго собственно предпринятъ былъ походъ—онъ заперся въ городѣ Тицинѣ—это войско, ослабленное, какъ мы сказали, тяжестью климата и голодомъ, рѣшилось возвратиться во свояси. Но во время отступленія франки до того страдали отъ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, что должны были употреблять въ пищу одежду и даже кожаные щиты, прежде нежели успѣли достигнуть предѣловъ родины.

Нѣкоторые полагаютъ, что къ этому же самому времени относится одно событіе, разсказываемое изъ жизни короля Автари: какъ повѣствуетъ преданіе, въ это самое время король Автари черезъ Сполето дошелъ до Беневента, занялъ всю страну и достигъ г. Регія, крайняго города Италіи, сосѣдняго Сициліи. Тамъ то, среди морскихъ волнъ, возвышался столбъ, Автари подъѣхалъ къ нему на конѣ, коснулся его остріемъ и при этомъ сказалъ: „До этого мѣста должны простираться границы лонгобардовъ“. Говорятъ, что этотъ столбъ стоитъ тамъ и до настоящаго времени и называется колоною Автари. Первымъ лонгобардскимъ герцогомъ въ Беневентѣ былъ Цотто, который и правилъ тамъ въ теченіе 20 лѣтъ.

Между тѣмъ, король Автари отправилъ пословъ съ мирными предложеніями къ Гунтрамну, королю франковъ, дядѣ Гильдеперта. Послы были приняты имъ благосклонно, и отправлены далѣе къ Гильдеперту, чтобы и тотъ приступилъ къ миру съ лонгобардами и сдѣлалъ его чрезъ то болѣе прочнымъ. Но этотъ Гунтрамнъ былъ самый миролюбивый и самый добродушный человѣкъ. Съ нимъ былъ случай, весьма удивительный, и я хочу вкратцѣ занести его въ свою исторію, тѣмъ болѣе, что, какъ мнѣ извѣстно, о немъ не упоминается въ исторіи франковъ. Однажды ему случилось отправиться

---

[1]) Византійскій солидъ былъ равенъ около $2^{1}/_{2}$ р. с., франкскій = безъ малаго 2 руб. сер.

въ лѣсъ на охоту, и какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, его свита разсѣялась по разнымъ мѣстамъ, а самъ онъ остался съ однимъ изъ своихъ самыхъ вѣрныхъ приближенныхъ, и его начало сильно клонить ко сну; наконецъ, онъ, положивъ голову на колѣни своего спутника, крѣпко заснулъ. Вдругъ маленькое животное, въ родѣ пресмыкающагося, выйдя изъ его рта, поползло къ небольшому ручью и начало искать мѣсто для перехода. Тогда тотъ, на колѣняхъ у котораго покоился король, вынувъ мечъ изъ ноженъ, положилъ его надъ ручейкомъ, и животное переползло такимъ образомъ на другой берегъ. Потомъ оно залѣзло въ щель горы, и спустя нѣсколько времени возвратилось оттуда, перешло по мечу черезъ ручей и опять проскользнуло въ ротъ Гунтрамна, откуда вышло. Гунтрамнъ, проснувшись, разсказываетъ, что онъ видѣлъ чудное видѣніе. Онъ говорилъ, что ему представилось во снѣ, какъ онъ по желѣзному мосту перешелъ черезъ рѣку, и, взойдя въ какую-то гору, увидѣлъ тамъ большую кучу золота. Тотъ же, у котораго на колѣняхъ спалъ король, въ свою очередь подробно разсказалъ все, что̀ видѣлъ во время его сна. Что̀ же затѣмъ? Гора въ томъ мѣстѣ была немедленно прорыта: и въ ней найдены безчисленныя сокровища, положенныя туда еще въ глубокой древности.

Впослѣдствіи король приказалъ отлить изъ этого золота чашу необыкновенной величины и тяжеловѣсную, и затѣмъ, украсивъ ее множествомъ драгоцѣнныхъ камней, хотѣлъ отправить въ Іерусалимъ ко Гробу Господню. Но когда ему не удалось этого исполнить, онъ приказалъ поставить ее надъ гробницею св. мученика Марцелла, который покоится въ городѣ Кабаллонѣ (Шалонъ-на-Сонѣ), гдѣ она находится и до настоящаго дня. Нѣтъ въ мірѣ ни одной вещи изъ золота, которая могла бы съ нею сравниться. Но коснувшись мимоходомъ этого удивительнаго случая, достойнаго упоминовенія, возвращаюсь теперь снова къ своему разсказу.

Между тѣмъ какъ послы короля Автари оставались во Франціи, король Автари умеръ въ Тицинѣ, въ сентябрьскія Ноны (т.-е. 5 сентября, 590 г.) и, какъ говорятъ, отъ яду, послѣ 6 лѣтъ управленія государствомъ. Тотчасъ было отправлено посольство отъ лонгобардовъ къ Гильдеперту, королю франковъ, съ тѣмъ, чтобы оно возвѣстило ему о смерти короля Автари и убѣдило его къ заключенію мира. Гильдепертъ, при этомъ извѣстіи принялъ благосклонно пословъ и обѣщалъ сохранять миръ на будущее время. Спустя нѣсколько дней, онъ отпустилъ вышеупомянутыхъ пословъ съ этимъ обѣщаніемъ. Королевѣ Теоделиндѣ, такъ какъ она была любима лонгобардами, было предоставлено сохранить королевское достоинство, причемъ ей совѣтовали выбрать себѣ изъ всѣхъ лонгобардовъ мужа, какого она пожелаетъ, лишь бы онъ имѣлъ достаточно силъ для управленія государствомъ. Она, посовѣтовавшись съ мудрѣйшими совѣтниками, избрала себѣ въ мужья, а народу лонгобардскому въ короли, *Агилульфа*, герцога туринскаго. Этотъ Агилульфъ былъ доблестный и воинственный мужъ, способный принять бразды правленія, какъ по своимъ физическимъ, такъ и душевнымъ силамъ. Королева немедленно пригласила его къ себѣ и сама вышла къ нему на

встрѣчу до города Лаумелла (Лумелло). Когда онъ явился къ ней, она, послѣ первыхъ словъ, приказала подать себѣ кубокъ съ виномъ, и, отпивъ изъ него, остальное подала Агилульфу. Онъ, принявъ кубокъ, почтителько поцѣловалъ руку королевы, а она, улыбнувшись и покраснѣвъ, замѣтила: „Тому, кто можетъ поцѣловать меня въ уста, не слѣдуетъ цѣловать руки". Затѣмъ она предложила ему встать и поцѣловать ее, и объявила о предстоящей свадьбѣ и возведеніи его въ королевское достоинство. Что же было за тѣмъ? Отпировали свадьбу съ большимъ торжествомъ, и Агилульфъ, бывшій по своей матери родственникомъ короля Автари, принялъ на себя, въ началѣ ноября мѣсяца, королевскій титулъ. Но на престолъ его возвели только въ маѣ мѣсяцѣ, на всеобщемъ собраніи лонгобардовъ въ городѣ Миланѣ...

Спустя двѣнадцать лѣтъ послѣ того (въ 602 г.), королева Теоделинда освятила церковь св. Іоанна Крестителя, которую она выстроила въ Модиціи (Монцѣ), отстоявшей отъ Милана на 12 миль (почти двѣ нѣмецкія мили), и украсила ее множествомъ золота и серебра, сдѣлавъ притомъ въ ея пользу большія пожертвованія. Еще прежде, въ томъ же самомъ мѣстѣ, Теодорикъ, король готовъ, построилъ дворецъ, потому что тотъ край, по случаю своей близости къ Альпамъ, въ жаркое время лѣта отличается умѣреннымъ и здоровымъ климатомъ.

Королева Теоделинда выстроила себѣ здѣсь также дворецъ, стѣны котораго она приказала росписать сценами изъ лонгобардской исторіи. На этихъ картинахъ можно видѣть ясно, какъ въ тѣ времена лонгобарды стригли свои волосы, какія носили одежды и вообще, какую они имѣли наружность. А именно, затылокъ у нихъ былъ гладко обстриженъ, а остальные волосы падали на щеки до рта; проборъ дѣлался посрединѣ лба. Одежда ихъ была широкая и по большой части льняная, какую теперь носятъ англосаксы; для украшенія она была окаймлена широкими полосами другихъ цвѣтовъ. Ихъ обувь была сверху раскрыта почти до большого пальца и зашнуровывалась ремешкомъ. Уже позже того они начали носить панталоны [1]), сверхъ которыхъ натягивались шерстяные рейтузы, при конной ѣздѣ; это послѣднее одѣяніе заимствовали они, впрочемъ, у римлянъ.

Павелъ-Дьяконъ.

Истор. лонгобар. III, 16—35.

См. примѣчаніе къ ст. 47.

---

[1]) Hosis, откуда новѣйшее нѣмецкое Hosen. Въ одной переписи именъ лонгобардскихъ королей, составленной салернскимъ монахомъ, замѣчено, что король Адельвальдъ (615—625) первый ввелъ употребленіе панталонъ. Но въ другихъ странахъ Европы, какъ, наприм., на Рейнѣ, они были приняты только въ концѣ XIV столѣтія, и занесены туда англичанами.

50.—Григорій-Великій, папа-монахъ.

(1860 г.)

При первомъ своемъ появленіи монахи, повидимому, заняли мѣсто мучениковъ древней церкви и очень часто испытывали ихъ судьбу [1]). Таково было первое время распространенія бенедиктинцевъ въ Италіи, а завоеваніе ея лонгобардами еще болѣе увеличило опасность ихъ положенія. Въ 580 году лонгобарды овладѣли Монтекассинскимъ монастыремъ, разбили и сожгли его, такъ что монахи успѣли унести съ собою одинъ *Уставъ*, написанный ихъ основателемъ, и мѣру вина и хлѣба, назначенную уставомъ. Они бѣжали въ Римъ; папа Пелагій II сдѣлалъ имъ отеческій пріемъ и позволилъ построить монастырь возлѣ Латеранскаго дворца.

Но вскорѣ уже затѣмъ одинъ монахъ въ первый разъ былъ возведенъ на апостольскій престолъ. Этотъ монахъ, знаменитѣйшій изъ всѣхъ римскихъ папъ, пріобрѣтетъ славу, съ которою не сравнится ни одинъ изъ его предшественниковъ, и которая озаритъ собою и самое то учрежденіе, изъ котораго онъ вышелъ. Григорій, единственный изъ людей, кому весь міръ единодушно даетъ двойное имя Святого и Великаго, будетъ служить вѣчнымъ украшеніемъ какъ бенедиктинскаго ордена, такъ и папства. Своимъ геніемъ, но еще болѣе очаровывая и увлекая за собою своею доблестью, онъ положитъ начало свѣтской власти папъ, разовьетъ и облечетъ въ правильную форму ихъ духовную власть, дастъ ей отеческое первенство надъ рождавшимися въ то время королевствами и новыми національностями, которыя должны были впослѣдствіи сдѣлаться великими народами и образовать собою Францію, Испанію, Англію. Св. Григорій, можно сказать со всею справедливостью, открываетъ собою средніе вѣка, новѣйшее общество и христіанскую цивилизацію.

Происходя, какъ и святой Бенедиктъ (Benoît), отъ одной изъ самыхъ знаменитыхъ фамилій древняго Рима, сынъ чрезвычайно богатаго сенатора и правнукъ папы Феликса III, изъ фамиліи Аниціевъ, Григорій [2]) былъ рано призванъ къ отправленію должностей, на которыя падала еще тѣнь древняго римскаго величія, въ нѣдрахъ новѣйшаго Рима, вассала Византіи, безпрестанно оскорбляемаго варварами. Онъ былъ преторомъ города Рима въ эпоху первыхъ вторженій лонгобардовъ, и во время религіозныхъ волненій, возбуждаемыхъ по поводу пятаго вселенскаго собора. При прохожденіи этой должности онъ снискалъ расположеніе римлянъ и, пріобрѣтя навыкъ къ управленію дѣлами, развилъ въ себѣ склонность къ пышности и наслаж-

---

[1]) См. подробности о томъ ниже, въ ст. 56 о первыхъ монастыряхъ въ зап. Европѣ и т. д.

[2]) Онъ родился, вѣроятно, въ 540 году, и умеръ въ 604 г.

денію земнымъ величіемъ, причемъ не переставалъ, однако, думать служить безупречно Богу. Но провидѣніе назначало ему другое мѣсто. Григорій долго колебался, хотя уже и чувствовалъ въ себѣ огонь божественнаго вдохновенія, но постоянно былъ сдерживаемъ, такъ какъ его безпрерывно отклоняли и увлекали прелести и привычки свѣтской жизни. Наконецъ онъ долженъ былъ уступить вліянію тѣхъ частыхъ и задушевныхъ отношеній, которыя его связывали съ бѣглецами Монте-Кассино, преемниками и учениками Бенедикта; тогда-то онъ, какъ бы свыше озаренный благодатью, внезапно разрываетъ всѣ свои связи, завѣщаетъ свои богатства шести новымъ монастырямъ въ Сициліи, самъ основываетъ седьмой, въ своихъ собственныхъ палатахъ, во имя святого Андрея, въ Римѣ, на горѣ Целіѣ, вводитъ тамъ бенедиктинскій уставъ, и постригается въ немъ въ монахи. Все свое остальное имущество онъ обращаетъ въ деньги для раздачи бѣднымъ, и Римъ, видѣвшій на своихъ улицахъ молодого и богатаго патриція, разгуливавшаго въ шелковыхъ одѣяніяхъ и украшеннаго драгоцѣнными каменьями, съ удивленіемъ смотрѣлъ на него теперь, одѣтаго въ рубище и прислуживающаго нищимъ, живущимъ въ зданіи, которое онъ построилъ у входа въ свой отцовскій домъ, обращенный имъ въ монастырь.

Сдѣлавшись монахомъ, онъ хотѣлъ служить образцомъ для монаховъ, и выполнялъ съ необыкновенною точностью всѣ строгости, предписанныя уставомъ, посвящая себя въ то же время на изученіе священнаго писанія. Онъ питался одними мочеными овощами, которыя его мать, постригшаяся въ монахини послѣ вдовства, присылала ему изъ своего монастыря, въ серебряной чашѣ. Эта чаша была единственнымъ остаткомъ отъ его прежней роскоши, но она недолго служила ему: какой-то претерпѣвшій кораблекрушеніе такъ часто приходилъ мѣшать ему въ то время, когда онъ писалъ въ своей кельѣ, что онъ, не находя болѣе денегъ въ ризницѣ, приказалъ отдать ему это послѣднее свое серебро. Долго спустя послѣ того, Григорію явился этотъ человѣкъ, въ видѣ его ангела-хранителя, который возвѣстилъ ему, что съ этого дня Богъ предназначилъ его управлять своей церковью и быть наслѣдникомъ Петра, которому онъ подражалъ въ любви къ ближнему.

Постоянно занятый молитвою, чтеніемъ, письмомъ или диктовкою, онъ такъ далеко простиралъ рвеніе въ соблюденіи постовъ, что здоровье его поколебалось и даже самая жизнь часто была въ опасности. Онъ впадалъ въ такой обморокъ, что, по собственнымъ его словамъ, ему нерѣдко случалось быть при смерти, еслибы братія не подкрѣпляла его болѣе питательными яствами. Вслѣдствіе желанія дѣлать болѣе, чѣмъ другіе, онъ скоро принужденъ былъ отказываться отъ постовъ, которые соблюдались всѣми, даже отъ самыхъ обыкновенныхъ; онъ приходилъ въ отчаяніе, когда не могъ поститься въ такой день, какъ страстная суббота, когда, говоритъ его біографъ (Іоаннъ Дьяконъ: Vita S. Greg.), постятся маленькія дѣти; только молитвами одного св. аббата изъ Сполето, который явился въ монастырь св. Андрея, чтобы сдѣлаться тамъ простымъ монахомъ, Григорій получилъ отъ Бога, какъ милость, позволеніе соблюдать постъ

по крайней мѣрѣ въ этотъ день. Но онъ оставался всю свою жизнь слабымъ и больнымъ, и когда вышелъ изъ монастыря, здоровье его было уже окончательно разстроено.

Папа Бенедиктъ I вызвалъ его оттуда въ первый разъ въ 577 г., для посвященія въ санъ одного изъ семи кардинальныхъ дьяконовъ, или *окружныхъ*, которые управляли семью главными частями Рима. Григорій уступилъ власти первосвятителя весьма неохотно. „Когда корабль“, говоритъ онъ, „не прикрѣпленъ хорошо канатами въ своей пристани, буря срываетъ его съ якоря, какъ бы ни были безопасны берега: подобно тому и я опять погрузился въ океанъ свѣта, подъ церковнымъ предлогомъ (sub praetextu ecclesiastici ordinis). Покидая тишину монастыря, я въ первый разъ познаю ея цѣну; я не умѣлъ сберечь ее для себя, когда находился въ его стѣнахъ“. Еще хуже было, когда папа Пелагій II отправилъ его посломъ (apocrisiarius) или нунціемъ къ восточному императору Тиверію. Во время этого неохотнаго отсутствія онъ окружилъ себя многочисленными монахами своей общины, вмѣстѣ съ которыми онъ предавался научнымъ занятіямъ, чтенію, и, насколько то возможно было, исполнялъ всѣ правила устава. „По ихъ примѣру“, писалъ онъ, „я какъ будто бросалъ якорь у береговъ молитвы, въ то время какъ волны свѣтской жизни обуреваютъ душу мою“. Тѣмъ не менѣе, онъ съ блестящимъ успѣхомъ выполнилъ возложенное на него порученіе: возстановилъ между папскимъ престоломъ и византійскимъ дворомъ добрыя отношенія, прерванныя вторженіемъ лонгобардовъ, и употребилъ все стараніе, чтобы получить отъ Тиверія и его преемника, Маврикія, помощь, которой искали Римъ и Италія противъ вторженій, становившихся все болѣе и болѣе грозными, и противъ владычества лонгобардовъ, все болѣе и болѣе стѣснявшаго завоеванную страну. Онъ познакомился также съ мѣрами сопротивленія и хитростями, которыя уже тогда употреблялъ византійскій умъ противъ единства и власти римской. Патріарха Евтихія, недопускавшаго осязательнаго воскресенія тѣла, онъ принудилъ къ назидательному для другихъ отреченію отъ своего мнѣнія.

Послѣ шести лѣтъ такого почетнаго и многотруднаго изгнанія, онъ возвратился въ Римъ и снова нашелъ драгоцѣнный покой въ монастырѣ святого Андрея, члены котораго избрали его аббатомъ, вскорѣ по его возвращеніи. Въ продолженіе нѣкотораго времени онъ вкушалъ тамъ всю сладость избранной имъ жизни. Нѣжно любимый своею братіею, онъ отечески раздѣлялъ ихъ тяжелыя испытанія, несъ съ ними ихъ внутренній крестъ, заботился о ихъ временныхъ и духовныхъ нуждахъ. и изумлялся болѣе всего святой смерти многихъ изъ нихъ. Подробности всего этого онъ изложилъ въ своихъ *Діалогахъ*, какъ бы предвкушая заранѣе утѣшеніе неба. Но нѣжная доброта, которою онъ былъ постоянно проникнутъ, не мѣшала ему требовать строгаго повиновенія предписаніямъ устава. Онъ приказалъ бросить въ яму тѣло одного монаха, который былъ въ то же время искуснымъ врачемъ, за то, что у него нашли три золотыя монеты, а это было противно параграфу устава, запрещавшему всякую личную собственность. Три золотыя монеты были брошены на трупъ, въ при-

сутствіи всѣхъ монаховъ, которые должны были произносить громкимъ голосомъ слѣдующій стихъ: *Деньги твои да будутъ съ тобою въ погибель* (Pecunia tua tecum fit in perditionem). Но какъ только совершено было наказаніе, милосердіе тотчасъ овладѣло сердцемъ аббата, и онъ приказалъ, въ продолженіе тридцати дней сряду, читать мессу, чтобы освободить эту бѣдную душу изъ чистилища. Въ этой заботѣ о спасеніи душъ, онъ уносился мыслью вдаль отъ любезнаго ему монастыря и Рима. Всѣмъ извѣстно, какъ онъ увидѣлъ выставленныхъ на продажу бѣдныхъ языческихъ дѣтей чрезвычайной бѣлизны и красоты, которыя, какъ сказали ему, были изъ страны *англовъ* (Angli, т.-е. англосаксы); на что̀ онъ отвѣтилъ, что они и рождены для того, чтобы быть *ангелами* [1]). За этимъ онъ поспѣшилъ къ папѣ, просилъ его послать миссіонеровъ на этотъ большой островъ Британію, гдѣ язычники продавали такихъ рабовъ, предложилъ свои услуги за отсутствіемъ другихъ, исторгнулъ согласіе у папы и тотчасъ отправился въ дорогу. Но при извѣстіи о томъ прежняя любовь къ нему римлянъ воспламенилась. Папа былъ окруженъ во время его шествія въ церковь святого Петра; ему кричали: „Ты оскорбилъ святого Петра; ты разорилъ Римъ, отпустивъ Григорія“. Папа, удивленный всѣмъ этимъ, уступаетъ народному голосу. Посылаютъ за Григоріемъ, настигаютъ его на разстояніи трехъ дней пути отъ Рима, и силою возвращаютъ въ монастырь. И такъ, не миссіонеромъ, но папой, было ему суждено покорить Англію церкви.

Въ 590 г. Пелагій II умираетъ отъ чумы, опустошившей Римъ. Тотчасъ выбираютъ Григорія, по единодушному приговору сената, народа и духовенства. Тщетно отъ отказывается, посылаетъ письмо къ императору Маврикію, въ которомъ умоляетъ не утверждать его избранія. Римляне перехватываютъ это письмо; императорское утвержденіе получено. Тогда онъ переодѣвается, убѣгаетъ изъ Рима; ища какого-нибудь никому неизвѣстнаго убѣжища, блуждаетъ въ продолженіе трехъ дней въ лѣсу. Его преслѣдуютъ, находятъ и ведутъ второй разъ въ Римъ, но на этотъ разъ чтобы царствовать въ немъ. Онъ опускаетъ голову, плача подъ игомъ божественной воли и единодушнаго приговора своихъ согражданъ.

Въ промежутокъ времени между его избраніемъ и утвержденіемъ императора онъ приказалъ торжествовать, въ надеждѣ отвратить бичъ язвы, ту знаменитую трехдневную процессію, въ которой въ первый разъ участвовали всѣ аббаты римскихъ монастырей съ своими монахами и всѣ игуменьи съ своими монахинями. Когда всѣ эти религіозныя общины проходили передъ нимъ, ему явился на вершинѣ зданія гробницы Адріана ангелъ, вкладывавшій мечъ въ ножны; изображеніе этого ангела, поставленное на колоссальномъ мавзолеѣ, дало ему съ того времени названіе *замка св. Ангела* (вмѣсто прежняго Moles Hadriana), которое продолжаетъ и до нашихъ дней память о видѣніи св. Григорія.

---

[1]) Bene *Angli*, quasi angeli, quia angelicos vultus habent et tales in coelis angelorum decet esse concives. Joan. Diac. V. *S.* Greg. 1, 21.

Никогда, можетъ быть, власть первосвятителя не выпадала на долю человѣка болѣе смущеннаго и убитаго духомъ, на долю монаха, который видѣлъ себя такимъ образомъ осужденнымъ промѣнять тишину монастыря на заботы объ управленіи вселенскою церковью, и о защитѣ въ особенности интересовъ Италіи. Не только тогда, но и въ теченіе всей своей жизни онъ не преставалъ никогда жаловаться на свою судьбу. Его грусть выразилась прежде всего въ его отвѣтахъ на поздравленія, доходившія до него со всѣхъ сторонъ. „Я утратилъ, писалъ онъ къ сестрѣ императора, душевныя радости своего покоя. По наружности, я высоко вознесенъ, а внутри себя я глубоко палъ.................. Постоянно я усиливался отказаться отъ міра, отъ плоти, чтобы духовно созерцать небесное благословеніе.......... Не желая и не боясь ничего въ этомъ мірѣ, я, казалось, стоялъ выше всего этого. Но буря искушеній мгновенно низринула меня въ пучину тревогъ и страха; хотя я попрежнему ничего не боюсь за себя, но теперь я весьма боюсь за тѣхъ, которые возложили на меня эту ношу“. Въ письмѣ къ патрицію Нарзесу онъ говорилъ: „Я до того удрученъ горестью, что едва могу писать; глаза моей души окружены мракомъ печали; я не вижу въ жизни ничего, кромѣ горестнаго, и то, что̀, думаютъ, мнѣ пріятно, для меня не болѣе, какъ достойно сожалѣнія. Потому что я безпрестанно вижу, съ какой высоты блаженства я палъ и на какую гору препятствій мнѣ предстоитъ подняться“. Андрею изъ сословія сенаторовъ онъ писалъ такъ: „Услышавъ о возведеніи меня въ епископскій санъ, заплачьте, если вы меня любите; потому что этотъ санъ сопряженъ съ столькими скоропреходящими занятіями, что, по-моему, не можетъ не отдалить меня отъ любви божіей“. Патрицій Іоаннъ, содѣйствовавшій его избранію, получилъ также отвѣтъ: „Я сѣтую на вашу любовь: она отвлекла меня отъ покоя, котораго я, какъ вы знаете, искалъ. Да воздастъ вамъ Богъ вѣчными благами за ваше доброе намѣреніе, но пусть Онъ избавитъ меня, если на то будетъ Его воля, отъ столькихъ опасностей: потому что, какъ того заслуживали и мои грѣхи, я сдѣлался не только римскимъ епископомъ, но епископомъ даже лонгобардовъ, которые не знали другого права, кромѣ права меча, а благосклонность ихъ сто̀итъ иного наказанія. Вотъ чего мнѣ стоило ваше покровительство“. Позже, избирая для выраженія своихъ мыслей образы, которые онъ любилъ заимствовать у моря, онъ говорилъ своему задушевному другу Леандру, епископу толедскому, съ которымъ онъ встрѣтился въ Константинополѣ: „Я здѣсь такъ бываю обуреваемъ волнами этого міра, что отчаяваюсь привести въ гавань этотъ старый, подгнившій корабль, которымъ надѣлилъ меня Богъ...... Мнѣ приходится держать руль среди тысячи злополучій..... Я слышу уже звонъ колокола, возвѣщающаго близость кораблекрушенія..... Я плачу, вспоминая о мирномъ берегѣ, который я покинулъ, и воздыхаю, видя вдали другой берегъ, къ которому я не могу пристать“.

Долгое время спустя, когда св. Григорій былъ болѣе чѣмъ когда нибудь удрученъ тяжестью свѣтскихъ дѣлъ, онъ удалился въ уединенное мѣсто, чтобы предаться, сохраняя продолжительное молчаніе, своей грусти; къ нему пришелъ діаконъ Петръ, его ученикъ, това-

рищъ его дѣтства и любимыхъ занятій. „Не поразило ли тебя какое-нибудь новое горе, сказалъ ему молодой человѣкъ, что ты опечаленъ болѣе обыкновеннаго?“—„Печаль моя, отвѣчалъ первосвятитель, печаль повседневная, старая, по времени, которое я испытываю, новая, потому что она ежедневно возрастаетъ. Моя бѣдная душа вспоминаетъ то, чѣмъ она была прежде въ нашемъ монастырѣ, когда она парила надъ всѣмъ преходящимъ, надъ всѣмъ, что̀ измѣнчиво въ мірѣ; когда она думала только о небѣ; когда въ своемъ созерцаніи она покидала свой тѣлесный монастырь, который душитъ ее; когда она впередъ уже любила смерть, какъ входъ въ новую жизнь. А теперь ей нужно, по моей пастырской обязанности, браться за тысячи людскихъ дѣлъ, и оскверняться въ этомъ прахѣ. И когда, вылившись такимъ образомъ на наружу, она иногда пожелаетъ возвратиться въ свое внутреннее уединеніе, она возвращается, измельчившись. Я размышляю теперь и о томъ, что̀ я терплю, и о томъ, что̀ мною утрачено. Я разбитъ океаномъ и переломленъ бурею. Когда я вспоминаю о своей прежней жизни, мнѣ кажется, что я оглядываюсь на покинутый берегъ. И, что̀ всего печальнѣе, носимый вихремъ, я едва могу разсмотрѣть оставленную мною гавань“.

Эти крики столь глубокой печали говорятъ намъ все, что̀ нужно знать о вліяніи монашеской жизни того времени, которая господствовала съ такою силою надъ святою душей величайшаго человѣка того времени.

Монталамберъ.

Les Moines d'Occident, II, 88—101.

Монталамберъ (Ch. comte de Montalambert, родился въ Лондонѣ 1810 г.; мать его была англичанка)—одинъ изъ знаменитыхъ нашего вѣка публицистовъ и политическихъ людей. Задача его жизни—соединить католическія и демократическія начала, по слѣдамъ философа Ламенне—обратила рано его вниманіе на изученіе средневѣковой эпохи. Первымъ результатомъ его трудовъ было сочиненіе, составившее ему большую извѣстность: Vie de Sainte Elisabeth de Hongrie. 1836. Какъ ораторъ въ палатѣ пэровъ и какъ депутатъ, онъ принималъ участіе во всѣхъ событіяхъ до 1857 г., когда онъ удалился для достиженія своихъ цѣлей путемъ литературы и науки. Къ послѣднимъ такимъ опытамъ принадлежитъ его сочиненіе: Les Moines d'Occident depuis St Bénoit jusqu'à St Bernard. 1860. 2 т. Отнимая у этого произведенія тѣ выводы, которыхъ хотѣлъ добиться авторъ въ пользу современности, мы получимъ превосходное изслѣдованіе древности, основанное на глубокомъ изученіи фактовъ. „Но, говоритъ одинъ изъ критиковъ Монталамбера, проф. Лабуле, l'erudition n'est que la moitié de ce qu'exige une oeuvre pareille; il est beau d'être savant et d'ecrire pour cinquante personnes en Europe; cela ne suffit pas quand on est habitué à un grand public, quand on sent le besoin d'agir sur l'opinion. A la science il faut joindre une âme ardente, une imagination féconde, une parole chaleureuse. A force de talent et de conviction, il faut tirer de la poudre et rendre à la vie les siècles endormis dans le tombeau. Je sais qu'il est des éru-

dits de profession qui, sans souci des leçons de l'antiquité, interdisent l'eloquence a l'historien; avec ceux on est d'autant plus vrai qu'on est plus sec et plus ennuyeux (Etudes moral et politique. Par. 1862, стр. 111). Изъ небольшихъ этюдовъ Монталамбера болѣе замѣчательно: L'avenir politique de l'Angleterre. 1855.

51.—Жизнь Григорія Великаго.

(731 г.).

Въ то время, т.-е. въ шестьсотъ-четвертомъ году отъ воплощенія Господня, умеръ блаженный папа Григорій, послѣ 13 лѣтъ 6 мѣсяцевъ и десяти дней славнаго управленія престоломъ римской и апостольской церкви, и перешелъ на вѣчный престолъ небеснаго царства. Онъ былъ римлянинъ по происхожденію; родился отъ Гордіана и велъ свой родъ отъ предковъ не только благородныхъ, но и принадлежащихъ къ духовному сословію: Феликсъ, бывшій нѣкогда епископомъ на томъ же самомъ апостольскомъ престолѣ, мужъ, снискавшій великую славу въ церкви Христовой, былъ его прадѣдомъ. Но и самъ Григорій достигъ церковнаго благородства (nobilitatem religionis) посредствомъ того же доблестнаго благочестія, которымъ отличались его родители и родственники; другое же благородство, которымъ надѣлилъ его свѣтъ, онъ отвергъ, чтобы при помощи божественной благодати пріобрѣсть себѣ вѣчную небесную славу. Оставивъ внезапно свѣтскій образъ жизни, онъ удалился въ монастырь, и тамъ подвизался съ такимъ совершенствомъ, что (какъ самъ онъ впослѣдствіи со слезами обыкновенно разсказывалъ) духъ его могъ постигать все сокровенное и возвыситься надъ всѣмъ, что̀ вращается на землѣ; онъ думалъ только о небесномъ, и, скованный тѣлесными узами, переступалъ въ созерцаніи преграду плоти, такъ что для него даже самая смерть, обыкновенно ужасающая другихъ, была желанною гостьею, какъ начало жизни и награда за земные труды.

Когда онъ былъ извлеченъ изъ монастыря и поставленъ служителемъ алтаря, когда его послали отвѣтчикомъ (apocrisiarius) отъ имени апостольскаго престола въ Константинополь, онъ и при этомъ случаѣ, живя среди свѣтскаго двора, не позабылъ задачи небесной жизни. Онъ взялъ съ собою, изъ своего монастыря, нѣсколько человѣкъ изъ братіи, которые, изъ дружбы къ нему, рѣшились сопровождать его въ столицу; онъ имѣлъ цѣлью соблюсти чрезъ то монастырскую дисциплину, чтобы, по ихъ примѣру, какъ самъ онъ пишетъ о томъ, прикрѣпить себя якоремъ къ тихому берегу молитвы, въ то время, когда безпрерывный потокъ мірскихъ дѣлъ будетъ волновать его своимъ напоромъ, и чтобы его умъ, смущенный дѣяніями вѣка, подкрѣплялся ежедневно серьезнымъ чтеніемъ и разговоромъ въ ихъ обществѣ. Благодаря своимъ спутникамъ, св. Григорій не

только оградилъ себя отъ вторженія мірскихъ дѣлъ, но даже еще болѣе прилѣпился къ подвигамъ жизни небесной. Дѣйствительно, они убѣдили его написать истолкованіе всего таинственнаго въ книгѣ Іова, которая заключаетъ въ себѣ весьма темныя мѣста. Онъ не могъ отказаться отъ труда, который на него возлагала братская любовь, и который въ будущемъ былъ для многихъ полезенъ; въ этомъ сочиненіи, состоящемъ изъ 35 книгъ (т.-е. главъ), св. Григорій удивительнымъ образомъ объяснилъ буквальный смыслъ книги Іова, его отношеніе къ Христовымъ таинствамъ и таинствамъ церкви, и способъ изложенія этой книги каждому изъ вѣрующихъ. Трудъ свой онъ началъ, бывъ апокризіаріемъ въ Константинополѣ, но окончилъ его только въ Римѣ, сдѣлавшись уже первосвященникомъ. Во время пребыванія своего въ Константинополѣ, св. Григорій, опираясь на истину вселенской церкви, уничтожилъ въ самомъ началѣ зарождавшуюся тогда ересь относительно вопроса о воскресеніи тѣла. Евтихій, епископъ константинопольскій, выдавалъ за догматъ, что наше тѣло, послѣ воскресенія изъ мертвыхъ, будетъ неосязаемо и тоньше вѣтра и воздуха. Услышавъ такое ученіе, св. Григорій, опираясь на смыслъ истины и примѣръ воскресенія Господня, доказалъ, что догматъ, проповѣдуемый Евтихіемъ, во всѣхъ отношеніяхъ противорѣчитъ православной вѣрѣ: вселенская церковь (catholica fides) учитъ, что тѣло наше будетъ превознесено въ той славѣ безсмертія и подъ вліяніемъ духовной силы усовершенствуется (subtile fit), но по истинной своей природѣ останется осязаемымъ, какъ то видно на примѣрѣ тѣла Господня, о которомъ Спаситель, возставъ изъ мертвыхъ, говорилъ своимъ ученикамъ: „Осязайте и глядите, ибо духъ не имѣетъ ни плоти, ни костей, какъ, вы видите, Я имѣю". Св. отецъ Григорій въ этомъ утвержденіи вѣры противъ возникавшей ереси столько трудился и такъ въ томъ успѣлъ, при содѣйствіи благочестивѣйшаго императора Тиверія-Константина, что съ тѣхъ поръ не нашлось ни одного, кто бы эту ересь рѣшился возстановить.

Почти въ теченіе всей своей юности св. Григорій часто страдалъ болью въ желудкѣ, раздражаемый ежечасно и ежеминутно его слабостью, и былъ подверженъ потому хотя легкой, но безпрерывной лихорадкѣ. Между тѣмъ, заботливо размышляя о томъ, что, по словамъ Писанія, любимое чадо испытуется на землѣ, онъ чѣмъ жесточе страдалъ отъ временнаго бѣдствія, тѣмъ болѣе увѣрялся въ своемъ вѣчномъ блаженствѣ. Все это сказано мною о его безсмертномъ духѣ, чтобы доказать, что его не могли пошатнуть и самыя тяжкія страданія тѣла. Другіе первосвященники обращались къ тому, чтобы строить и украшать церкви золотомъ и серебромъ; онъ же былъ весь преданъ заботамъ объ обогащеніи души. Сколько бы онъ ни имѣлъ денегъ, всегда охотно старался раздать ихъ бѣднымъ, чтобы правота его перешла изъ вѣковъ въ вѣка, и рогъ былъ вознесенъ въ славѣ (et cornu ejus exaltaretur in gloria).

Къ дѣламъ его благочестія и справедливости принадлежитъ еще и то, что онъ, посредствомъ посланныхъ проповѣдниковъ, вырвалъ нашъ народъ (т.-е. англосаксовъ) изъ зубовъ стариннаго врага и сдѣлалъ его причастникомъ вѣчной свободы. Онъ самъ, радуясь обра-

21*

щенію и спасенію нашего народа и воздавая ему заслуженныя хвалы, говоритъ въ своихъ объясненіяхъ на книгу Іова: „Вотъ языкъ Британіи, который ничего другого не зналъ, какъ бормотать по-варварски, теперь началъ уже въ своихъ хваленіяхъ божества воспѣвать еврейское аллилуя. Вотъ, океанъ, когда-то бурный, теперь стелется у ногъ святыхъ мужей и служитъ имъ; его варварскія волны, которыхъ не могъ укротить мечъ земныхъ властителей, теперь скованы, по внушенію страха свыше, простымъ словомъ, произнесеннымъ устами служителей Господнихъ. Тотъ океанъ, который не боялся толпищъ языческихъ бойцевъ, теперь трепещетъ слова смиренныхъ пастырей. Познаніе Бога вселяется въ народъ при помощи назиданія, божественнаго слова и явственныхъ чудесъ; страхомъ Господнимъ народъ обуздывается къ тому, чтобы бояться неправды и стремиться всѣми помышленіями къ достиженію вѣчной славы“. Такія слова св. Григорія свидѣтельствуютъ о томъ, что св. Августинъ и его спутники привели англовъ къ познанію истины не однимъ проповѣдываніемъ слова, но и небесными знаменіями. Св. папа Григорій установилъ, между прочимъ, чтобы въ церквахъ святыхъ апостоловъ Петра и Павла совершалось богослуженіе надъ мощами тѣхъ святыхъ. Онъ даже и къ самой обѣднѣ прибавилъ два-три слова, исполненныя великаго достоинства, а именно: „Ты, о Боже, располагай нашими днями, въ мирѣ твоемъ; изведи насъ изъ вѣчнаго осужденія и повели намъ зачислиться въ стадо избранныхъ твоихъ“.

Нельзя также умолчать объ одномъ преданіи относительно св. Григорія, которое отъ предковъ нашихъ дошло до насъ; это преданіе объясняетъ намъ причину, побудившую св. Григорія такъ усердно заняться дѣломъ спасенія нашего народа. Говорятъ, что въ какой-то день прибыли купцы и привезли съ собою много товаровъ; множество народу собралось для покупокъ, между прочими, пришелъ туда и Григорій и увидѣлъ вмѣстѣ съ другими предметами торговли мальчиковъ, выставленныхъ для продажи: тѣломъ они были очень бѣлы, красивы съ лица, съ пышными волосами (capillorum forma egregia). Взглянувъ на нихъ, св. Григорій спросилъ: изъ какого царства или какой страны привезены эти мальчики? Ему отвѣчали: съ острова Британніи, гдѣ всѣ жители такъ хороши. Онъ снова спросилъ: а эти островитяне—христіане, или остаются погруженными въ заблужденія язычества? Ему отвѣчали, что они язычники. Онъ, вздохнувъ тяжело изъ глубины сердца, сказалъ: „Увы! какъ горестно, что люди съ такимъ свѣтлымъ лицомъ находятся подъ властью духа тьмы, и что они подъ столь красивымъ челомъ скрываютъ умъ, чуждый вѣчной благодати“. Онъ опять обратился съ вопросомъ: какъ называется этотъ народъ? Ему отвѣчали, что этотъ народъ называютъ *англами* (angli). „И справедливо, отвѣчалъ св. Григорій, потому что у нихъ лицо *ангельское*, и имъ слѣдовало бы быть сожителями *ангеловъ* на небесахъ“. Какое, спросилъ св. Григорій, носитъ названіе та провинція, изъ которой привезены эти мальчики? Ему отвѣчаютъ, что жители той провинціи именуются *деирами* (Deiri). „И это такъ, возразилъ св. Григорій: *Deiri*, это значитъ: *de ira*, т.-е. *отъ злобы* исторгнутые и призванные къ Христову милосердію. А какъ зовутъ короля той

провинціи?“.—Отвѣчаютъ ему: *Элле* (*Elle*). Св. Григорій, продолжая игру словами, замѣтилъ на это: „въ этой странѣ надлежитъ пѣть *аллелуйю*, хвалу Творцу Господу“. Отправившись къ первосвятителю римскаго и апостольскаго престола (самъ онъ еще не былъ тогда первосвятителемъ), св. Григорій просилъ послать къ народу англовъ нѣсколькихъ проповѣдниковъ для обращенія ихъ ко Христу: онъ былъ готовъ самъ, съ божіею помощью, взяться за это дѣло, если однако было бы то угодно апостольскому папѣ. Но ему не удалось въ то время исполнить своего намѣренія: хотя первосвятитель разрѣшалъ ему его просьбу, но жители Рима не могли согласиться на то, чтобы онъ отлучился изъ города на такое долгое время. Когда же онъ самъ вступилъ въ санъ первосвятителя, то немедленно позаботился о довершеніи давно желаннаго предпріятія: хотя онъ этотъ разъ отправилъ другихъ проповѣдниковъ, но зато споспѣшествовалъ ихъ проповѣди своими совѣтами и молитвой. Вотъ что̀, мнѣ казалось, кстати можетъ быть внесено въ мою церковную исторію, на основаніи тѣхъ извѣстій, которыя намъ преданы древностью.

Бэда-Преподобный.

Церковн. истор. Англ. II, 4.

См. примѣчаніе къ ст. 66.

---

52. — Письмо Григорія I къ императору Маврикію.

(около 600 г.).

Извѣстно всѣмъ, знакомымъ съ евангельскимъ ученіемъ, что, по слову Господню, святому Петру, главѣ всѣхъ апостоловъ (omnium apostolorum principi), вручено управленіе всею церковью, ибо ему было сказано: „Петръ, любишь ли ты меня? Паси овецъ моихъ“. Ему же было говорено: „Петръ, вотъ сатана выпросилъ просѣять васъ, какъ пшеницу; а я молился за тебя, чтобы не оскудѣла вѣра твоя. А ты, обращенный прежде, укрѣпляй вѣру братьевъ своихъ“. Ему же сказано: „Ты камень, и на этомъ камнѣ созижду церковь мою, и врата адовы не одолѣютъ ея. Я тебѣ дамъ ключи царства небеснаго: что̀ ты свяжешь на землѣ, будетъ связано и на небѣ, и что̀ разрѣшишь на землѣ, разрѣшено будетъ и на небѣ“. Такимъ образомъ, Петръ получаетъ ключи царства небеснаго, ему дается власть вязать и рѣшать на землѣ, ему довѣряется забота о церкви и верховная власть въ ней (curatotius ecclesiae et principatus), и несмотря на все то онъ не называется *вселенскимъ* апостоломъ (universalis apostolus); а святѣйшій мужъ, сотоварищъ мой по священству, Іоаннъ (consacerdos meus, такъ называетъ Григорій тогдашняго константинопольскаго патріарха), желаетъ называться вселенскимъ епископомъ. Я долженъ

при этомъ воскликнуть и произнести о, tempora, о, mores! (т.-е. о, времена, о, нравы!). Въ такое время, когда все подпало подъ власть варваровъ, когда города разрушены, крѣпости срыты, провинціи опустошены; когда поля остаются безъ рукъ, идолопочитатели свирѣпствуютъ и господствуютъ на погибель вѣрующимъ: и въ такое-то время священнослужители домогаются тщеславныхъ титуловъ и гордятся тѣмъ, что носятъ новыя, языческія наименованія, вмѣсто того, чтобы повергаться во прахъ, обливаясь слезами. Развѣ я защищаю, благочестивѣйшій государь (piissime domine), свое собственное дѣло? Неужели я хочу, говоря такъ, отомстить личную свою обиду? Нѣтъ, я говорю въ защиту божьяго дѣла и дѣла вселенской церкви. Кто же это осмѣливается присвоивать себѣ новое названіе, вопреки постановленіямъ евангельскимъ (statuta evangelica) и каноническимъ опредѣленіямъ (canonum decreta)? Впрочемъ, развѣ у васъ нашелся только одинъ, кто рѣшился называть себя вселенскимъ? На самомъ дѣлѣ въ константинопольской церкви, я знаю, было много такихъ пастырей, которые пали въ бездну ереси и сдѣлались не только еретиками, но даже ересіархами. Таковъ былъ вашъ Несторій, который допускалъ два лица въ Іисусѣ Христѣ, посредникѣ между Богомъ и людьми. Онъ унизился до еврейскаго невѣрія, не признавая того, чтобы Богъ могъ сдѣлаться человѣкомъ. Изъ вашей же среды вышелъ и Македоній, который отрицалъ божественность св. Духа, единосущную Отцу и Сыну. Если кто либо въ такой церкви присвоитъ себѣ имя вселенскаго, то добрые люди подумаютъ: слѣдовательно и вселенская церковь, чего Боже избави, совратилась съ своего пути, когда палъ тотъ, кто назывался вселенскимъ. Но да будетъ далеко отъ сердца христіанъ это богохульное имя (nomen blasphemiae), которое оскорбительно для чести всѣхъ пастырей, когда оно безразсудно присвоивается однимъ лицомъ. Этотъ титулъ былъ предложенъ высокопочтеннымъ Халкедонскимъ соборомъ римскому первосвященнику, въ честь блаженнаго Петра, князя апостоловъ. Однако ни одинъ изъ римскихъ первосвященниковъ не называлъ себя этимъ отличительнымъ именемъ, и даже не согласился принять его, а именно потому, чтобы присвоеніемъ себѣ особеннаго титула не лишить должной чести прочихъ священнослужителей. Итакъ, что̀ же можетъ значить то, что мы, хотя намъ былъ предложенъ этотъ титулъ, однако имъ не пользуемся, между тѣмъ какъ другой, кому никто не предлагалъ, дерзаетъ присвоивать его себѣ? Кто рѣшается пренебрегать каноническими постановленіями, того надобно привести къ повиновенію властью благочестивѣйшихъ монарховъ. Кто оскорбляетъ святую вселенскую церковь, въ чьемъ сердцѣ бушуетъ гордость, кто хочетъ пользоваться особенными титулами и наконецъ хочетъ этимъ титуломъ поставить себя выше прерогативы вашей власти — того нужно наказать. Такимъ образомъ, мы всѣ страдаемъ отъ этого скандала (scandalum patimur). Пусть же обратится на путь истины виновникъ самого скандала, и тогда исчезнутъ несогласія между пастырями церкви. Я считаю себя настолько слугою всѣхъ пастырей, насколько они ведутъ себя, какъ то прилично пастырямъ. Тотъ же, кто, по тщеславной гордости, въ противность волѣ всемогущаго Бога и постановленіямъ отцовъ, под-

нимаетъ свою выю, тотъ не склонитъ моей, ни даже мечемъ, потому что я уповаю на всемогущаго Господа.

Григорій-Великій.

Epistolarum ex registro Gregorii libri XII: кн. IV, п. 32.

Григорій-Великій (Gregorius-Magnus), папа, отъ 590—604 г., оставилъ по себѣ большое число литературныхъ памятниковъ, изъ которыхъ собраніе его писемъ служитъ однимъ изъ лучшихъ историческихъ источниковъ для изученія современной ему эпохи и характера политической дѣятельности автора, положившаго начало тѣмъ стремленіямъ къ независимости свѣтской власти папъ, которая была достигнута въ скоромъ времени его преемниками, слѣдовавшими по его стопамъ. Особенно замѣчательно сравненіе писемъ Григорія-Великаго въ Галлію къ Брунегильдѣ съ письмами его къ византійскому двору.—Лучшее изданіе „Писемъ Григорія-Великаго“ сдѣлано было въ Венеціи, 1504 г., въ XII кн. Нѣмецкій переводъ сдѣлалъ *Feuerabend*, 1807 — 9, въ 6 т. — Монографіи: *Maimburg*: „Histoire du pontificat de S. Gregoire le Grand. Par. 1687. *Lau*: „Gregor der Grosse, nach seinem Leben und seiner Lehre geschildert“. Leibz. 1845.

---

53. — Письмо Григорія I къ герцогу беневентскому.

(въ 591 г.).

Григорій герцогу Аригизу привѣтъ! Довѣріе, которое мы питаемъ къ вашей свѣтлѣйшей особѣ, какъ къ нашему истинному сыну, побуждаетъ насъ обратиться къ вамъ съ просьбою и надѣяться, что вы не захотите насъ огорчить, и притомъ въ такомъ дѣлѣ, которое можетъ принести величайшую пользу душѣ вашей. Итакъ, мы извѣщаемъ васъ, что намъ нужно, для церкви св. Петра и Павла, извѣстное количество бревенъ, и потому мы поручили нашему помощнику Сабину вырубить ихъ и доставить на мѣсто, лежащее вблизи моря. Но такъ какъ ему при этотъ нужна помощь, то мы, посылая вамъ наше привѣтствіе, съ отцовскою любовью просимъ васъ дать предписаніе своимъ тамошнимъ чиновникамъ, чтобы они отправили своихъ рабочихъ съ волами на помощь Сабину, чтобы онъ, при вашемъ содѣйствіи, лучше могъ исполнить наше порученіе. Мы же съ своей стороны обѣщаемъ, по окончаніи того, прислать вамъ достойный и неоскорбительный для васъ подарокъ. Мы умѣемъ оказывать взаимныя услуги тѣмъ изъ нашихъ сыновей, которые докажутъ намъ свою дружбу. Потому мы еще разъ просимъ васъ, свѣтлѣйшій сынъ, посту-

пить такъ, чтобы мы были вашими должниками за оказанныя услуги и могли васъ наградить за церкви святыхъ.

Григорій-Великій.

У Павла-Дьяк., Истор. лонгоб. IV, 19

См. примѣчаніе къ ст. 52.

54.—Разсужденія Григорія I о наукахъ.

(Письмо къ одному изъ еписк., ок. 600 г.)

Намъ такъ много хорошаго говорили о вашихъ занятіяхъ, и въ сердцѣ нашемъ потому родилась столь великая радость, что она не позволила бы отказать вамъ въ томъ, о чемъ вы (fraternitas vestra) просите. Но потомъ дошло до насъ, и о чемъ мы не можемъ вспомнить безъ стыда, а именно, что ты (frater nitas tua) обучаешь кого-то грамматикѣ. Извѣстіе объ этомъ поступкѣ, къ которому мы чувствуемъ великое презрѣніе, произвело на насъ впечатлѣніе очень тяжелое, такъ что все то, о чемъ я говорилъ выше, обратилось для меня въ горе и печаль: одними устами нельзя воздавать хвалу Христу вмѣстѣ съ хвалами Юпитеру (quia in uno se ore, cum Jovis laudibus, Christi laudes non capiunt). Ты самъ подумай, какъ преступно и неприлично поступаютъ епископы, воспѣвающіе то, что̀ не согласится воспѣвать даже свѣтскій набожный человѣкъ. И хотя любезнѣйшій нашъ сынъ, пресвитеръ Кандидъ, впослѣдствіи прибывшій сюда, старался опровергнуть тотъ слухъ и, своими тонкими разсужденіями, хотѣлъ оправдать васъ, но все же я еще не успокоился, потому что, если чувствуешь сильное отвращеніе, слушая такіе разсказы о священнослужителѣ, то необходимы и сильныя доказательства, чтобы окончательно удостовѣриться въ ихъ несправедливости. Итакъ, если вы докажете ясно, что все разсказанное о васъ ложно, что вы не занимаетесь вздорными свѣтскими науками, тогда мы будемъ прославлять Господа нашего, который не допустилъ оскверниться устамъ вашимъ богохульственною хвалою такого, о чемъ нельзя и молвить. Въ такомъ только случаѣ спокойно и безъ всякихъ сомнѣній мы подумаемъ о разрѣшеніи вамъ того, о чемъ вы просите.

Григорій-Великій.

Epistolarum ex registro Gregorii
libri XII: кн. IX, пис. 48.

См. примѣчаніе къ ст. 52.

55.—Начало свѣтской власти папъ.

(1850 г.).

Со времени римскаго собора 732 года, когда папа Григорій III произнесъ церковное отдѣленіе римской Италіи отъ власти восточныхъ императоровъ, освобожденіе этой страны отъ византійскаго владычества перестало быть главнымъ пунктомъ въ дѣлѣ самостоятельнаго политическаго развитія новой Италіи. Самое разрѣшеніе этого вопроса, по мѣрѣ того, какъ оно совершалось, больше и больше выводило наружу другую, чисто внутреннюю тяжбу между двумя туземными началами, которыя тогда дѣлили между собою господство на полуостровѣ. Тяжба далеко не новая: она вела свое начало еще отъ перваго лонгобардскаго завоеванія Италіи. Католицизмъ много смягчилъ прежній рѣзкій характеръ вражды; но онъ не могъ совершенно убить противоположности, лежавшей въ ея основаніи. Изъ религіозной и національной, какою эта вражда была въ своемъ началѣ, она мало-по-малу перерождалась въ политическую борьбу. Родовыя отличія, раздѣлявшія двѣ народности *новой Италіи*, стирались съ каждымъ поколѣніемъ, и на мѣсто ихъ утверждалась новая противоположность между двумя учрежденіями, которыя, выросши на почвѣ этихъ различныхъ народностей, стремились подчинить себѣ отъ ихъ имени всю Италію. Начиная съ короля лонгобардовъ Ліутпранда (712—744) и папы Григорія III (731—741), споръ былъ не столько между римскою и лонгобардскою народностями, сколько между римскимъ престоломъ и государствомъ лонгобардовъ. Кому изъ нихъ господствовать въ Италіи, и быть ли въ ней одному политическому центру—о томъ былъ новый важный споръ, который своимъ рѣшеніемъ надолго долженъ былъ опредѣлить будущую судьбу полуострова.

Лишь повидимому упростился итальянскій вопросъ, принявъ такую форму. Въ сущности же, подъ самою этою формою скрывалась возможность еще бо̀льшаго его усложненія: борьба не могла быть ведена съ обѣихъ сторонъ чисто національными силами. Объ одномъ государствѣ лонгобардовъ можно утверждать, что оно, преслѣдуя свои цѣли, не переставало дѣйствовать въ духѣ народномъ. Нельзя того же сказать о римскомъ престолѣ. Долгое время истинный представитель римской Италіи въ борьбѣ ея съ варварскими народами, онъ въ послѣднее время довольно чувствительно началъ отдѣлять интересы своихъ патримоній, своей собственности вообще, отъ интересовъ римскаго народа. Правда, что римскіе епископы старались отождествлять эти понятія на своемъ дипломатическомъ языкѣ, употребляя ихъ одно вмѣсто другого. Нельзя не признать, что такимъ смѣшеніемъ понятій очень вѣрно выражалось стремленіе извѣстнаго рода; но какъ мало оно соотвѣтствовало истинѣ существовавшихъ отношеній, можно судить уже по тому малому участію, которое принимала городская милиція во всѣхъ предпріятіяхъ римскихъ епископовъ со

времени Григорія III. Въ борьбѣ съ единовѣрными лонгобардами не было больше мѣста тому единодушію между римскимъ престоломъ и римскимъ народомъ, какое было во время ихъ же борьбы съ лонгобардами-еретиками. На лонгобардовъ беневентскихъ и сполетскихъ также нельзя было много полагаться послѣ тѣхъ перемѣнъ, которыя произошли въ ихъ политическомъ состояніи при королѣ Ліутпрандѣ. Для исполненія *своихъ* видовъ римскій престолъ по необходимости долженъ былъ разсчитывать на постороннихъ, *неиталъянскихъ* союзниковъ, и онъ уже заготовлялъ ихъ себѣ на Западѣ. На воинственныхъ Каролинговъ, которые стояли тогда во главѣ франковъ, хотѣлъ онъ перевести право патриціата, или патроната, надъ римскимъ престоломъ и римскою церковію, которое до сего времени соединено было со властію восточныхъ императоровъ и ихъ экзарховъ надъ Италіею. Ибо еще не созрѣла мысль о возможности перенесенія этихъ правъ прямо на римскій престолъ: все еще нужна была посредствующая форма свѣтской власти, чтобы подъ ея именемъ онъ могъ благовиднѣе утверждать за собою самыя важныя ея преимущества. Впрочемъ, какъ на первый разъ Каролинги, въ лицѣ Карла-Мартела, не показали особенной готовности служить римскому престолу противъ лонгобардовъ, то римскіе политики не считали за лишнее пріудержать на время и то право на Римъ, которое еще оставалось за восточною имперіею, чтобы противопоставить его лонгобардамъ, въ случаѣ перевѣса ихъ оружія. По крайней мѣрѣ это право, какъ уже ни мало было оно дѣйствительно, не встрѣчало себѣ никакого явнаго противорѣчія въ римской Италіи; экзархъ, хотя лишенный почти всякаго значенія, продолжалъ жить въ Равеннѣ, и даже прямо съ Византіею вновь завязаны были изъ Рима сношенія при сынѣ Льва, Константинѣ, хотя онъ наслѣдовалъ отъ отца вмѣстѣ съ властью и его религіозныя заблужденія. Однимъ словомъ, запасая себѣ новыхъ сильныхъ союзниковъ на Западѣ, Римъ еще не выпускалъ изъ своихъ рукъ и тѣхъ нитей, которыя продолжали связывать его съ Востокомъ. Поэтому и политическимъ противникамъ римскихъ епископовъ, въ борьбѣ за преобладаніе въ Италіи, неизбѣжно приходилось имѣть дѣло столько же съ ними самими, сколько и съ покровительствующими имъ чужеземцами. Отсюда чрезвычайная трудность задачи для лонгобардовъ, которые не могли ввести въ борьбу иныхъ силъ, кромѣ своихъ національныхъ; отсюда же и новая запутанность въ положеніи Италіи, которая, вмѣсто того, чтобы утверждать свою самостоятельность и преуспѣвать въ стремленіи къ единству, принуждена была снова открыть къ себѣ входъ чужеземцамъ и въ союзѣ съ ними еще разъ приготовлять себѣ участь зависящей провинціи.

Таковъ послѣдующій ходъ исторіи Италіи вплоть до начала IX столѣтія. Обозначивъ его въ общихъ чертахъ, мы постараемся, на основаніи историческихъ свидѣтельствъ, объяснить и главныя подробности событій, которыми приготовлена была печальная развязка отношеній между римскимъ престоломъ и лонгобардами, и проложенъ путь франкскому владычеству на полуостровѣ [1]).

---

[1]) Послѣдующія событія въ исторіи Италіи, вплоть до паденія лонгобардскаго

Эти событія быстро слѣдовали одно за другимъ. Ни смерть Ліутпранда, ни миролюбивая политика епископа Захарія, который, наученый неудачными опытами своего предшественника папы Григорія III, находилъ, что гораздо вѣрнѣе дѣйствовать на лонгобардовъ силою слова, убѣжденіемъ, даже авторитетомъ, чѣмъ оружіемъ, и расположенъ былъ больше въ пользу союза съ византійцами, чѣмъ съ франками, — ничто не могло остановить и даже замедлить на долгое время приближеніе роковой развязки. Желаніе мира на одной сторонѣ вовсе не было ручательствомъ сохраненія его на другой. Направленіе, указанное силамъ лонгобардскаго народа Ліутпрандомъ, вытекало не изъ личныхъ только свойствъ этого короля: потребность его была заложена гораздо глубже. Захарій могъ жить въ мирѣ съ ничтожнымъ Гильдпрандомъ, пока тотъ пользовался титуломъ короля лонгобардовъ, но не въ состояніи былъ погасить воинственнаго духа, вновь пробудившагося въ цѣломъ народѣ. Мы, правда, лишены подробныхъ и обстоятельныхъ извѣстій о томъ, что̀ происходило въ государствѣ лонгобардовъ послѣ смерти Ліутпранда; тѣмъ не менѣе, однако, нѣкоторые почти несомнѣнные признаки ясно даютъ замѣтить, что лонгобарды не были болѣе равнодушны къ великимъ начинаніямъ завоевателя Равенны, Сполето и Беневента. Продолженіе его дѣла стало потребностью народа, долгомъ правителя. Неспособность къ тому Гильдпранда была почувствована очень скоро, и, черезъ мѣсяцъ послѣ вступленія, его уже не было болѣе на престолѣ. Кѣмъ бы ни была ведена интрига противъ него, во всякомъ случаѣ выборъ его преемника былъ какъ бы знакомъ возвращенія государства къ началамъ внѣшней политики Ліутпранда. Между мужественными сподвижниками этого короля Рахисъ, или Рачисъ, герцогъ Фріоульскій, занималъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. О подвигахъ Рачиса, равно какъ и брата его, Айстульфа, не разъ говоритъ Павелъ Дьяконъ (VI, 51, 52 и 56), видимо отличающій ихъ передъ другими вождями лонгобардскаго ополченія. Онъ былъ обыкновенно впереди въ бою съ непрія-

государства, довольно общеизвѣстны; несмотря на то, задача историка, который взялъ бы на себя пересмотрѣть ихъ по источникамъ, много затрудняется тѣмъ, что, за совершеннымъ отсутствіемъ чисто лонгобардскихъ извѣстій, повѣрка оказывается почти невозможною. Главный нашъ руководитель въ исторіи лонгобардовъ, Павелъ Діаконъ, къ крайнему сожалѣнію, оканчиваетъ свои извѣстія смертью Ліутпранда. Остается Анастасій съ своими біографіями римскихъ епископовъ. Прибавивъ къ его повѣствованію скудныя извѣстія современныхъ франкскихъ лѣтописцевъ, мы получимъ весьма немногое. Излагая исторію эпохи исключительно по римскимъ и франкскимъ источникамъ, историкъ необходимо впадаетъ въ односторонность. По счастію, Codex Carolinus, или собраніе довѣренныхъ посланій римскихъ епископовъ къ Каролингамъ, даетъ возможность, если не пополнить недостатокъ лонгобардскихъ извѣстій, то по крайней мѣрѣ лучше узнать внутреннюю сторону событій. Опытъ разъяснить исторію отношеній римскихъ епископовъ къ Каролингамъ, при помощи этихъ посланій, сдѣланъ былъ въ довольно обширномъ объемѣ Эллендорфомъ, въ сочиненіи его „Die Karolinger, die Hierarchie und ihre Zeit“. Но авторъ слишкомъ увлекался своею ненавистью къ римскому іерархическому началу, и потому сочиненіе его скорѣе имѣетъ видъ памфлета, чѣмъ ученаго изслѣдованія.

телемъ, ему поручались самые важные пункты обороны, и самое возведеніе его въ герцогское достоинство было прямымъ выраженіемъ особенной довѣренности къ нему Ліутпранда. Ввѣряя ему власть короля, лонгобарды хотѣли, конечно, не воздать только должное заслугамъ, но и видѣть на престолѣ человѣка, наиболѣе способнаго удовлетворить требованіямъ національнаго чувства, гордаго недавними побѣдами. Жаль, впрочемъ, одного: какъ ни много отваги и предпріимчивости сохранилъ Рачисъ для своихъ лѣтъ, онъ принадлежалъ къ одному поколѣнію съ Ліутпрандомъ и дѣлилъ съ нимъ извѣстную его слабость—излишнюю уступчивость передъ католическими авторитетами...... Еще при жизни Захарія повстрѣчались два обстоятельства чрезвычайной важности, которыя вдругъ должны были подвинуть на нѣсколько стадій впередъ замедлившееся движеніе итальянской исторіи въ данномъ направленіи. Таково было, во-первыхъ, знаменитое посольство, прибывшее въ 751 году въ Римъ отъ Пепина, майордома франкскаго государства, съ знаменитымъ запросомъ къ римскому епископу: кому должно принадлежать преимущественное *право* на французскую корону—славному ли роду Каролинговъ, располагающему всею дѣйствительною властью въ государствѣ франковъ, или титулярнымъ королямъ меровингскаго происхожденія? Въ предѣлахъ того же года, хотя неизвѣстно за вѣрное—прежде или послѣ, совершилось и другое важное событіе, которое также должно было много содѣйствовать къ ускоренію хода внутренней исторіи Италіи: это занятіе Равенны, городовъ Пентаполиса и Истріи войсками *Айстульфа*, короля лонгобардовъ (749—756), наслѣдовавшаго Рачису..........

Папа Захарій рѣшилъ предложенный ему Пепиномъ вопросъ въ его пользу и такимъ образомъ упрочилъ на будущее время союзъ папскаго престола съ Карловингами. Этотъ союзъ былъ не только ударомъ для власти лонгобардовъ въ Италіи, но и цѣлымъ переворотомъ въ господствовавшихъ до того времени понятіяхъ германцевъ о публичномъ правѣ: народное избраніе уступило мѣсто папскому благословенію. Завоеваніе Айстульфомъ Равенны и Пентаполиса въ то же время лишило папъ всякой надежды на помощь Византіи, и заступничество франковъ было тѣмъ необходимѣе, что Айстульфъ, воспользовавшись смертью Захарія (752), началъ пододвигаться къ Риму, несмотря на заключенный имъ 40-лѣтній миръ съ преемникомъ Захарія, Стефаномъ II. Угрожаемый осадою города, Стефанъ II, послѣ напрасныхъ переговоровъ то съ Айстульфомъ, то съ Византіею, рѣшился наконецъ писать къ Пепину и вскорѣ имѣлъ отъ него отвѣтъ съ приглашеніемъ явиться въ Галію для личныхъ переговоровъ. Но папа не рѣшился бѣжать, а предпочелъ отправиться предварительно къ самому Айстульфу, какъ будто бы съ порученіемъ отъ византійскаго императора. Его сопровождали въ Павію и послы Пепина. Видя ту же непреклонность короля лонгобардовъ, Стефанъ II, опираясь на пословъ франкскихъ, объявилъ ему, что онъ имѣетъ намѣреніе отправиться къ Пепину. Айстульфъ не смѣлъ задержать папу, и такимъ образомъ Стефанъ II прибылъ въ Галлію, гдѣ въ Понтіонѣ (Pons-Hugonis) и имѣлъ свиданіе съ королемъ. Онъ короновалъ его и дѣтей, и Пепинъ, по совѣщаніи съ своею дружиною на Мартов-

скихъ-Поляхъ, объявилъ ей о походѣ въ Италію. Что̀ въ это время предпринималъ Айстульфъ, съ своей стороны, и были ли ему извѣстны, какъ цѣль, такъ и результатъ путешествія папы въ Галлію?

Совѣщаніе папы Стефана II съ Пепиномъ, въ Понтіонѣ (753 г.), не могли остаться тайной для Айстульфа; цѣль ихъ была совершенно ясна: есть ли какая вѣроятность думать, что неробкій Айстульфъ смотрѣлъ сложа руки на приготовленія своихъ противниковъ и не предпринималъ ничего для своей безопасности? Къ сожалѣнію, мы лишены возможности подтвердить наше предположеніе прямыми историческими показаніями. Для эпохи, въ которой мы находимся, до насъ не дошло ни одного лонгобардскаго источника, и потому нѣтъ почти никакого средства повѣрить или хотя пополнить извѣстія, сообщаемыя писателями противной стороны, о послѣднихъ судьбахъ лонгобардскаго государства. Лишь одна мѣра Айстульфа, впрочемъ, весьма мирнаго свойства, проникла въ разсказъ Анастасія и франкскихъ лѣтописцевъ. Нѣкоторое время онъ надѣялся еще противодѣйствовать интригѣ римскаго епископа въ самой Франціи, и съ этою цѣлью отправилъ къ Пепину весьма близкаго къ нему человѣка, котораго представленія, казалось, должны были имѣть много вѣса въ его мнѣніи. Это былъ братъ Пепина, Карломанъ, который за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ принялъ монашескій чинъ и жилъ въ монастырѣ Монте-Кассино. Иноческая жизнь, какъ видно, не убила въ немъ политическаго смысла; не ясно только, какимъ образомъ этотъ отшельникъ могъ до такой степени забыть интересы римскаго престола, что расположился, вопреки имъ, дѣйствовать въ пользу лонгобардовъ. Прибывъ во Францію, онъ прямо обратился къ своему брату и горячо отстаивалъ передъ нимъ короля лонгобардовъ. Но Пепинъ до того уже вошелъ въ виды своего союзника, что не внималъ ни чьимъ представленіямъ. Стефанъ II былъ близко: ему не стоило большого труда заподозрить въ глазахъ довѣрчиваго короля франковъ намѣренія Карломана. Съ общаго согласія они положили не отпускать его обратно въ Италію, но, какъ опаснаго человѣка, удержать во Франціи, помѣстивъ въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей. Вслѣдъ затѣмъ, уже въ качествѣ „защитника римской церкви“, Пепинъ еще разъ послалъ сказать свою волю Айстульфу, чтобы онъ оставилъ въ покоѣ церковь, состоявшую подъ его покровительствомъ, и спѣшилъ бы исправить свою несправедливость въ отношеніи къ ней. Требованіе было тѣмъ значительнѣе, что было сдѣлано съ самой границы, гдѣ Пепинъ стоялъ уже съ своимъ войскомъ, готовый каждую минуту вступить въ лонгобардскія владѣнія. Но внушенія страха не были извѣстны старому сподвижнику Ліутпранда. Онъ попрежнему стоялъ на своемъ, позорилъ, въ присутствіи пословъ Пепина, римскаго епископа и предлагалъ съ своей стороны лишь одну уступку — дозволить ему обратный проѣздъ въ Римъ черезъ свои земли. На это послы отвѣчали, что Пепинъ не отойдетъ отъ границы, пока король лонгобардовъ не согласится воздать должное „св. Петру“, исправить свою несправед-

ливость передъ нимъ. Айстульфъ хотѣлъ положительно знать, какой требуютъ отъ него справедливости. „Возврати Пентаполисъ, Нарни, Чекано (?) и все, что̀ присвоилъ ты себѣ вопреки правамъ *римскаго народа*“, — отвѣчали послы. Въ случаѣ согласія Айстульфа, Пепинъ обѣщалъ ему съ своей стороны нѣсколько тысячъ солидовъ: такъ дороги стали ему въ послѣднее время интересы римскаго престола. Но Айстульфъ такъ же мало способенъ былъ сдаваться на посулы, какъ не сдавался онъ на однѣ угрозы: Равенна съ Пентаполисомъ была ему дороже обѣщаній Пепина и всей его благосклонности. Онъ не соглашался признать за собою никакой несправедливости передъ римскою церковію, и своимъ отказомъ рѣшилъ Пепина начать войну.

Весь походъ совершенъ былъ Пепиномъ въ короткое время. Быстрота дѣйствія, смѣлость и сила удара всегда выгодно отличали первыхъ Каролинговъ отъ ихъ противниковъ. Правда, что и Айстульфъ не далъ застать себя врасплохъ: онъ бодро и отважно вышелъ франкамъ на встрѣчу и даже нѣсколько предупредилъ вступленіе ихъ въ лонгобардскую землю. Но излишняя горячность завлекла его слишкомъ далеко и съ самаго начала лишила тѣхъ выгодъ, которыя онъ несомнѣнно могъ имѣть передъ Пепиномъ, если бы оставался въ оборонительномъ положеніи. Достигнувъ съ войскомъ горныхъ альпійскихъ проходовъ, которыми франкскія владѣнія отдѣлялись отъ лонгобардскихъ, Айстульфъ, вмѣсто того, чтобы дожидаться здѣсь наступательнаго движенія Пепина, увлекся желаніемъ отбросить передовой отрядъ франковъ, который стерегъ выходъ съ противоположной стороны. Разсчитывая на малочисленность франковъ, Айстульфъ слишкомъ довѣрился превосходству своихъ собственныхъ силъ. Франки, несмотря на численное неравенство, умѣли дать мужественный отпоръ лонгобардамъ. Вѣроятно, они держались до тѣхъ поръ, пока Пепинъ не подоспѣлъ къ нимъ на помощь съ главнымъ ополченіемъ. Тогда стойкое мужество франковъ, закаленное въ бояхъ съ свободными германцами, окончательно одолѣло самоувѣренную лонгобардскую необузданность, которая, не видя себѣ достойныхъ соперниковъ въ Италіи, мало была приготовлена встрѣтить ихъ и во Франціи. Айстульфъ самъ едва избѣжалъ плѣна и долженъ былъ спасать себя и остатки своего войска поспѣшнымъ бѣгствомъ въ Павію. Но побѣдитель шелъ по его слѣдамъ, скоро явился подъ стѣнами самой резиденціи и обложилъ ее со всѣхъ сторонъ. Главный виновникъ всего предпріятія, Стефанъ II, также находился въ лагерѣ франковъ. Айстульфъ держался сколько могъ въ стѣнахъ Павіи, но, не имѣя ни одного союзника ни внутри Италіи, ни даже за ея предѣлами, онъ ни откуда не могъ ждать себѣ помощи или подкрѣпленія, и, наконецъ, въ крайнемъ стѣсненіи, долженъ былъ принять предложеніе Пепина. Договоръ состоялся на условіяхъ, которыя еще до похода предложены были со стороны римскаго епископа и короля франковъ. Айстульфъ обязался клятвенно *возвратить св. Петру*, т.-е. римскому престолу, Равенну, Пентаполисъ и всѣ прочія мѣста, занятыя имъ внутри римской области. Но къ прежнимъ условіямъ прибавлены были еще новыя, крайне невыгодныя для чести и самостоятельности лонгобардскаго государства. Уплативъ побѣдителю значительную сумму денегъ едино-

временно, Айстульфъ сверхъ того долженъ былъ принять на себя обязательство—и впредь каждый годъ выплачивать ему же по 5.000 тысячъ солидовъ. Клятву его подтвердили всѣ знатнѣйшіе лонгобарды, герцоги и другіе находившіеся тогда въ Павіи. Тогда только побѣдители были удовлетворены сполна. Взявъ съ собою обѣтную грамоту и — для бо̀льшей вѣрности — сорокъ человѣкъ заложниковъ изъ благородныхъ лонгобардовъ, Пепинъ выступилъ вмѣстѣ съ своимъ войскомъ изъ лонгобардскихъ владѣній.

И епископъ Стефанъ спѣшилъ обратиться въ Римъ, довольный униженіемъ лонгобардской гордости и полнымъ торжествомъ своего дѣла. Онъ надѣялся въ скоромъ времени вступить, отъ имени римской церкви, во владѣніе землями и городами, на которые давалъ ему право послѣдній договоръ. Прошло нѣсколько времени въ ожиданіи распоряженій со стороны лонгобардскаго правительства. Думали, можетъ быть, видѣть въ Римѣ коммиссаровъ Айстульфа, какъ онъ, въ январѣ слѣдующаго года (755), двинулся впередъ „со всѣмъ ополченіемъ своего народа“ и подступилъ къ самому Риму. Понятно, что̀ привело его къ стѣнамъ епископской резиденціи, и откуда происходила та необузданная ярость, съ которою онъ, по словамъ біографа, приступилъ къ осадѣ ея. Лукавое, если не вѣроломное, поведеніе Стефана II подало дурной примѣръ его политическому противнику. Обманутый имъ въ глаза, Айстульфъ послѣ того считалъ себя вправѣ платить ему тою же монетой. Но прежде, чѣмъ обнаружилась на дѣлѣ предполагаемая перемѣна въ его образѣ мыслей, ему уже приходилось искупать тяжелою цѣною свою первую ошибку, т.-е. излишнюю снисходительность къ епископу во время перваго своего пребыванія въ Павіи. Не потерять только свои лучшія пріобрѣтенія, Айстульфъ былъ обреченъ отступиться отъ нихъ въ пользу того, кто такъ коварно умѣлъ воспользоваться его простодушіемъ. Было отъ чего придти въ ярость и негодованіе. Тогда, подъ вліяніемъ страстнаго раздраженія, явилась рѣшимость, которой недоставало прежде. Граница собственной римской области опять перестала быть для Айстульфа священною. Если ненависть къ лонгобардамъ завела римскаго епископа въ самую Францію, то весьма понятное желаніе мести влекло теперь короля лонгобардовъ въ самый Римъ. Тамъ хотѣлъ онъ отплатить за безчестіе договора, подписаннаго въ Павіи. Силы, приведенныя Айстульфомъ подъ стѣны Рима, обличили въ немъ намѣреніе рѣшительнаго удара. Чтобы вѣрнѣе удержать за собою Равенну и Пентаполисъ, онъ не находилъ лучшаго средства, какъ покорить себѣ и остальную Италію. Грозою подвигались лонгобарды впередъ, нигдѣ не встрѣчая открытаго сопротивленія. Подступивъ къ Риму, они разорили всѣ его окрестности и потомъ плотно обложили городъ со всѣхъ сторонъ. Началась стѣснительная для римлянъ осада, вовсе не обѣщавшая имъ добраго исхода.

Изъ рукъ римскаго епископа уходила самая дорогая добыча. Ненадеженъ былъ даже Римъ, независимость котораго была главнымъ условіемъ самостоятельности римскаго престола. Допустить лонгобардовъ овладѣть Римомъ и утвердиться въ сердцѣ Италіи, значило отказаться и на будущее время отъ всякой надежды управлять ея

судьбами. Пока было время, пока еще стояли крѣпкія римскія стѣны, надобно было спѣшить спасать достояніе, накопленное вѣками. И пока еще было горячо усердіе новаго союзника, пріобрѣтеннаго въ послѣднее время римскою церковью — должны мы прибавить, потому что, если и можно было думать о спасеніи Рима, то не иначе, какъ его скорою и дѣятельною помощью. Стефанъ II зналъ цѣну помощи Пепина и не прерывалъ съ нимъ сношеній и послѣ возвращенія его изъ Италіи. Какъ только не стало больше сомнѣнія, что Айстульфъ не хочетъ выполнять договора, онъ писалъ къ королю франковъ, жалуясь ему въ сильныхъ выраженіяхъ на вѣроломство лонгобардовъ. Когда же Айстульфъ обступилъ Римъ своими войсками и держалъ его въ тѣсной осадѣ, когда къ горькому чувству одной неудачи присоединилась еще невыносимая для римскихъ епископовъ мысль о возможности полнаго торжества лонгобардовъ въ Италіи, тогда Стефанъ II, подъ впечатлѣніемъ ужасовъ, сопровождавшихъ это нашествіе, написалъ новое посланіе къ „Пепину, Карлу и Карломану, римскимъ патриціямъ", и при первомъ удобномъ случаѣ отправилъ его съ нарочными послами во Францію. Посланіе — драгоцѣнное для историка по нѣкоторымъ содержащимся въ немъ подробностямъ объ осажденіи Рима лонгобардами. Такъ, узнаемъ изъ него, что передовое ополченіе лонгобардовъ проникло въ римскую область изъ Тусціи и, подступивъ къ Риму съ одной стороны, расположилось противъ воротъ св. Петра и св. Панкрація. Вслѣдъ за нимъ прибылъ и самъ Айстульфъ съ остальнымъ войскомъ и сталъ противъ саларскихъ воротъ и другихъ, смежныхъ съ ними. Наконецъ, съ юга подошли еще беневентцы и обложили городъ со стороны воротъ св. Іоанна и ап. Павла: ясный знакъ, что южныя герцогства не думали отлагаться отъ государства, но дѣйствовали за одно съ королемъ. Такимъ оброзомъ, Римъ былъ стѣсненъ и запертъ со всѣхъ сторонъ. Жители города были въ безпрестанной тревогѣ; день и ночь лонгобарды возобновляли на нихъ свои нападенія, требуя отъ нихъ покорности и выдачи ненавистнаго имъ епископа. Лишь черезъ 55 дней послѣ того, какъ началась осада, представилась Стефану возможность переправить нарочныхъ къ королямъ франковъ съ извѣстіемъ о своемъ крайнемъ положеніи. Дѣйствія осаждающихъ изображены въ посланіи самыми черными красками. Всѣ зданія, лежащія за стѣнами, не только простыя жилища, но самыя церкви и фермы (domi cultae) римскихъ епископовъ сожжены ими и разорены до основанія. Никому нѣтъ пощады отъ непріятеля — ни старикамъ, ни женщинамъ, ни даже дѣтямъ: однихъ они убиваютъ безжалостно, другихъ безчестятъ насильственно, и даже къ груднымъ младенцамъ не знаютъ никакого снисхожденія. „Самые камни, — пишетъ епископъ—видя наше болѣзнованіе, жалобно вопіютъ вмѣстѣ съ нами". Безъ всякаго сомнѣнія, дѣйствія лонгобардовъ, когда они стояли подъ стѣнами Рима, не отличались особеннымъ великодушіемъ. Ни понятія того времени, ни образъ веденія войны вообще, не располагали побѣдителей къ умѣренности и снисхожденію. Война еще продолжала носить характеръ кровавой мести и обыкновенно сопровождалась жестокостями и насиліями. Неудивительно даже, что на

этотъ разъ лонгобарды, раздѣляя чувства своего вождя, дѣйствительно обнаруживали болѣе непримиримости и раздраженія, чѣмъ прежде. Впрочемъ, едва ли можно принять на слово все, что̀ говоритъ Стефанъ II объ ихъ жестокостяхъ. Уже по тому самому, что въ посланіи его заботливо собраны всѣ черты безчеловѣчія, какія только при разныхъ случаяхъ возможны въ обращеніи варваровъ-побѣдителей съ побѣжденными, можно подозрѣвать, что епископъ въ своемъ изображеніи хотѣлъ быть вѣрнымъ не столько истинѣ, сколько чувству своей ненависти къ лонгобардамъ, и нарочно представилъ ихъ поступки въ преувеличенномъ видѣ, чтобы сильнѣе подѣйствовать на Пепина. По примѣру своихъ предшественниковъ, онъ также не забылъ представить лонгобардовъ посмѣивающимися надъ безсиліемъ франковъ. „Пусть приходятъ теперь франки—говорятъ у него лонгобарды осажденнымъ римлянамъ—и попробуютъ вырвать васъ изъ нашихъ рукъ“. Однимъ словомъ, свою ненависть, свой страхъ опасности и даже самое нетерпѣніе скорѣе освободиться отъ нея, римскій епископъ желалъ передать и своимъ защитникамъ. Крайность нужды тѣснѣе стягивала узелъ, завязанный при другихъ, менѣе трудныхъ, обстоятельствахъ. Заключая свое посланіе прошеніемъ помощи, Стефанъ II заклинаетъ патриціевъ Богомъ истиннымъ и живымъ и именемъ верховнаго Апостола спѣшить въ Италію для спасенія Рима. Внутренняя тревога живо отозвалась и въ самой рѣчи его. „Помогите намъ скорѣе, возлюбленные наши—взывалъ Стефанъ къ покровителямъ Рима: спѣшите, спѣшите, пока еще не поздно; пока мечъ враговъ не пронзилъ сердца нашего“. За ихъ помощь онъ обѣщаетъ имъ скорую и вѣрную помощь Божію во всѣхъ предпріятіяхъ, и наконецъ—чтобы не было недостатка и въ послѣднемъ побужденіи—показываетъ имъ вдали карающую руку Бога, грозитъ послѣднимъ судомъ, если они сверхъ чаянія останутся глухи ко всѣмъ просьбамъ его и допустятъ лонгобардовъ восторжествовать надъ римлянами.

Въ то же самое время другое посланіе подобнаго же содержанія и лишь съ малыми отличіями въ самыхъ выраженіяхъ, отправлено было черезъ тѣхъ же пословъ особо къ Пепину, какъ тому изъ трехъ названныхъ римскихъ патриціевъ, на котораго собственно возложены были всѣ надежды римскаго престола. Здѣсь Стефанъ II, уже не обинуясь, возлагаетъ на Пепина всю отвѣтственность и вмѣняетъ ему прямо въ „грѣхъ“, если попущеніемъ Божіемъ Римъ впадетъ въ руки лонгобардовъ. „Подумай и разсуди самъ съ собою—пишетъ онъ королю франковъ—на чью душу долженъ будетъ пасть грѣхъ этотъ, если мы въ самомъ дѣлѣ погибнемъ? Повѣрь мнѣ, христіаннѣйшій король, что въ случаѣ какого несчастія съ нами, ты со всѣми твоими совѣтниками первый отвѣтишь за насъ Богу: ибо не кому другому, какъ тебѣ, твоимъ дѣтямъ и всему народу франковъ поручили мы подъ покровительство святую нашу церковь и все наше римское государство“.

Хотя ни одно современное извѣстіе не говоритъ, чтобы Пепинъ прямо отклонялъ отъ себя честь оказать послѣднюю и самую важную услугу римскому престолу; впрочемъ, неизвѣстно почему онъ не давалъ Стефану никакого отвѣта и медлилъ походомъ въ Италію. Могло

случиться, что, при всей его готовности исполнить желаніе епископа, повстрѣчались внутреннія, домашнія обстоятельства, которыя неотмѣнно требовали его присутствія въ государствѣ. Да и самыя приготовленія къ походу должны были взять у него не мало времени и вносили неизбѣжное замедленіе въ предпріятіе. Между тѣмъ, въ Римѣ дорога была каждая проходящая минута. Подъ гнетомъ стѣснительной нужды, подъ страхомъ безпрестанно возрастающей опасности, которая однимъ разомъ могла осуществиться и убить всѣ надежды римскаго престола, тамъ не понимали никакихъ отсрочекъ, хотя бы самыхъ законныхъ; тамъ медленность Пепина готовы были приписать его нерѣшимости, недостатку усердія, можетъ быть, даже тайнымъ связямъ съ лонгобардами, и предавались отчаянію. Но въ крайнихъ положеніяхъ отчаяніе и становится главнымъ совѣтникомъ. Мѣры, внушаемыя подобнымъ совѣтникомъ, не отличаются, конечно, ни большимъ достоинствомъ, ни даже простымъ благоразуміемъ; часто онѣ есть не что̀ иное, какъ этотъ самый пронзительный вопль, которымъ нужда кличетъ себѣ на спасеніе; но чѣмъ пронзительнѣе крики, тѣмъ сильнѣе поражаютъ они воображеніе, тѣмъ болѣе возбуждаютъ силы къ напряженному дѣйствію.

Не иное было и положеніе Стефана II. Никакіе утѣшительные слухи не приходили изъ Франціи. Посланіе, написанное въ самыхъ настоятельныхъ выраженіяхъ, повидимому, не произвело желаемаго дѣйствія. Въ немъ, однако, истощены были всѣ средства убѣжденія. Повторять ихъ въ другомъ значило еще разъ обречь себя на пустыя ожиданія и слѣдовательно на потерю неискупимаго времени. Отказаться отъ союзника тоже было нельзя, потому что только къ нему и была привязана послѣдняя надежда. Болѣзненное чувство собственника, предвидящаго потерю всего своего достоянія, не знало себѣ покоя. Оно-то породило отчаянную и вмѣстѣ наглую рѣшимость Стефана II написать свое второе посланіе къ Пепину—прямо отъ лица св. Петра, какъ еслибы его чувства и дѣйствія не различались отъ чувствъ и дѣйствій римскаго епископа: нача̀ло несчастнаго смѣшенія, котораго губительныя слѣдствія простираются на цѣлый рядъ послѣдующихъ вѣковъ. Не приводя цѣлаго посланія, мы возьмемъ изъ него нѣкоторыя, самыя видныя мѣста [1]). Не нужно предупреждать, что тонъ посланія по преимуществу патетическій.

„Я, Петръ Апостолъ—такъ начинается посланіе, надписанное ко всѣмъ тремъ патриціямъ—по волѣ божественнаго милосердія званный Христомъ, Сыномъ Бога живаго, поставленъ Его властію быть просвѣтителемъ всего міра (слѣдуютъ тексты). Посему всѣ, слышавшіе мое благовѣстіе и принявшіе его, да увѣруютъ несомнѣнно, что, по повелѣнію божію, имъ отпустятся всѣ грѣхи въ семъ мірѣ, и они безъ порока перейдутъ въ жизнь будущую. Поелику же просвѣщеніе св. Духа озарило ваши пресвѣтлыя сердца, и вы, воспринявъ евангельскую проповѣдь, возлюбили святую и единичную Троицу, то во ввѣренной намъ апостольской римской церкви сберегается и для васъ несомнѣнная надежда будущихъ наградъ. Итакъ, къ вамъ, какъ воз-

---

[1]) См. Cod. Car., № 7 (Bouquet, V, 495).

любленнымъ моимъ дѣтямъ, обращаю я глаголъ мой, и любовію вашею ко мнѣ убѣждаю васъ, чтобы не оставили вы городъ Римъ и народъ, мнѣ Богомъ ввѣренный, безъ защиты, но исхитили бы ихъ изъ рукъ враговъ, и спасли бы домъ, въ которомъ покоятся мои останки, отъ оскверненія, и избавили бы церковь, мнѣ Богомъ ввѣренную, отъ нужды и притѣсненій всякаго рода, которыя она принуждена терпѣть отъ злобы лонгобардовъ (a pessima Longobardorum gente).

„И пусть не будетъ у васъ никакихъ сомнѣній, возлюбленные, но имѣйте за вѣрное, что я самъ обязую и связываю васъ сими моими увѣщаніями такъ же точно, какъ еслибы я предсталъ предъ вами во плоти: ибо по обѣщанію, данному намъ самимъ Искупителемъ, вы, франки, любезнѣе намъ всѣхъ народовъ земли.

„Поспѣшайте, поспѣшайте, Богомъ истиннымъ и живымъ убѣждаю васъ, поспѣшайте намъ на помощь, пока еще не изсохъ тотъ живой источникъ, отъ котораго возродились вы, пока еще не погасла последняя искра отъ того яркаго пламени, отъ котораго вы заимствовали свѣтъ свой, пока ваша духовная мать, святая церковь, отъ которой вы чаете будущей жизни, не потерпѣла послѣдняго униженія и насилія отъ рукъ нечестивыхъ.

„Заключаю мои вамъ увѣщанія. Будьте скоры на послушаніе, и вы уготовите себѣ великую награду: я обѣщаю вамъ мое постоянное заступленіе, чтобы вы побѣждали всѣхъ вашихъ враговъ, и были долговѣчны въ сей жизни и имѣли бы несомнѣнную надежду на блаженство въ будущей. Если же—чего мы, впрочемъ, не думаемъ—станете вы медлить или вздумаете подъ какимъ-нибудь предлогомъ откладывать лежащій на васъ долгъ защиты, знайте, что за такое пренебреженіе моего къ вамъ увѣта, властью св. Троицы и благодатію апостольства, мнѣ даннаго свыше, я отрѣшу васъ отъ царства небеснаго и будущей жизни“.

Никогда низкая лесть и безчестный обманъ не соединялись такъ безстыдно съ самыми дерзкими угрозами, и никогда самая необузданная фантазія не злоупотребляла такъ прозопопеею, какъ это дозволило себѣ испуганное воображеніе римскаго епископа!

Католическіе современники Стефана II руководились, впрочемъ, иными понятіями. Сознаніе ихъ было несвободно. Авторитетъ римскаго престола, утвердившись въ немъ, мало-по-малу дѣйствительно становился мѣриломъ его вѣрованій. Состоя подъ нимъ, нельзя было не признать и всѣхъ его увѣреній. Странность формъ, если она была, поражала не столько смыслъ, сколько воображеніе. Вотъ почему посланіе, написанное отъ лица св. Петра, вмѣсто того, чтобы казаться страннымъ, должно было произвести сильное впечатлѣніе на современниковъ. Пепинъ не уступалъ другимъ въ благоговѣйной преданности къ римскому авторитету. Неизвѣстно за подлинное, въ какой мѣрѣ его рѣшимость зависѣла именно отъ этого посланія; но послѣ того онъ уже не откладывалъ болѣе предпріятія и опять со всѣмъ своимъ ополченіемъ двинулся къ предѣламъ Италіи. Его движеніемъ рѣшена была участь всего лонгобардскаго похода. Спѣша на защиту своихъ собственныхъ владѣній, Айстульфъ принужденъ былъ снять осаду Рима, продолжавшуюся цѣлые три мѣсяца. Но онъ не имѣлъ

довольно времени, чтобы предупредить Пепина, который быстро наступалъ черезъ Бургундію, Женеву и Монъ-Сени, и не могъ лично распорядиться защитою горныхъ проходовъ (Clusae), которые, какъ доказалъ двукратный опытъ, были ключемъ къ владѣніямъ лонгобардовъ съ западной стороны. Невоодушевляемые присутствіемъ короля-вождя, лонгобарды недолго держались противъ стремительнаго напора франковъ, которые взобрались на самыя высоты и оттуда бросились на своихъ противниковъ. Имѣя въ своей власти горные проходы, Пепинъ могъ свободно простираться впередъ во внутренность страны. Айстульфъ потерялъ духъ и опять спѣшилъ запереться въ Павіи. Но положеніе его оттого не сдѣлалось лучше. Стѣсненный со всѣхъ сторонъ въ многолюдномъ городѣ, онъ не могъ долго выдерживать осады, и во второй разъ долженъ былъ принять условія побѣдителя. Такъ кончилась вторая война, предпринятая Пепиномъ на защиту и пользу римскаго престола противъ лонгобардовъ.

Главный результатъ двухъ походовъ Пепина въ Италію выразился въ условіяхъ послѣдняго мира, заключеннаго въ Павіи. Они, впрочемъ, были только повтореніемъ условій перваго. По ясному выраженію Анастасія, побѣжденный король лонгобардовъ вторично обязался клятвою возвратить римскому престолу города́ и земли, условленные въ первомъ договорѣ его съ Пепиномъ. Единственнымъ прибавленіемъ къ прежнимъ уступкамъ былъ, по его же словамъ, лишь укрѣпленный городъ Комаккіо (Eugubium или Comaclum). Чтобы, впрочемъ, болѣе обезпечить всѣ эти владѣнія за римскою церковью и какъ бы засвидѣтельствовать передъ цѣлымъ міромъ ея право на нихъ, Пепинъ, не довольствуясь клятвеннымъ обѣщаніемъ Айстульфа, далъ еще отъ себя *дарственную грамоту*, которою римскіе епископы утверждались на вѣчныя времена во владѣніи городами и землями, возвращенными отъ лонгобардовъ. Сверхъ того, рѣшившись твердо не допускать ни малѣйшей отсрочки въ исполненіи договора, онъ тогда же назначилъ отъ себя аббата Фульрада, чтобы онъ немедленно отправился вмѣстѣ съ повѣренными Айстульфа во всѣ города экзархата и Пентаполиса и принялъ ихъ во владѣніе римской церкви. Въ силу такого порученія, аббатъ дѣйствительно объѣхалъ почти весь экзархатъ и Пентаполисъ, вездѣ заставилъ вручить себѣ ключи отъ городскихъ воротъ, взялъ потомъ съ собою изъ каждаго города по нѣскольку первостепенныхъ гражданъ (primates), можетъ быть самыхъ магистратовъ, и съ этими мирными трофеями отправился въ Римъ. Города и укрѣпленныя мѣста, принятыя имъ такимъ образомъ во владѣніе, были слѣдующіе: Равенна, Римини, Пезаро, Фано, Чезена, Синигалія, Эзи, Форлимпополи, Форли, Монтеферети, Аччераджіо, Монте-ди-Люкаро, Серра, Сантъ-Маріано, Бобіо, Урбино, Кальи, Губбіо, Комаккіо и Нарни. Честно выполняя свой обѣтъ, данный римскому престолу, Пепинъ не забылъ также и себя, и своихъ сподвижниковъ. При заключеніи мира Айстульфъ долженъ былъ уступить ему третью часть всей своей казны и сверхъ того щедро надѣлить всѣхъ знатныхъ франковъ, находившихся въ свитѣ короля. Наконецъ нѣсколько благородныхъ лонгобардовъ должны были, въ качествѣ заложниковъ, отправиться съ Пепиномъ во Францію.

Римскому епископу можно было напутствовать Пепина, возвращавшагося во Францію, всѣми благословеніями. Благодаря его мужеству, усердію и строгой честности въ исполненіи даннаго слова, патримоніи римской церкви вдругъ увеличились, сверхъ Нарни, съ которой она начала свои притязанія, цѣлымъ экзархатомъ, Пентаполисомъ и еще частью Эмиліи. Но эти новыя патримоніи никакъ не подходили подъ одинъ разрядъ съ прежними: это были уже не отдѣльныя мѣста, угодья, земли, съ колонами, ихъ населяющими, а большіе свободные города́ и даже цѣлыя области. Потому и самый характеръ владѣнія ими долженъ былъ быть отличный отъ перваго: тогда какъ прежнія патримоніи составляли лишь частное владѣніе римской церкви, новопріобрѣтенныя ею земли необходимо принимали характеръ владѣнія публичнаго, которое давало ей право высшаго распоряженія ими и управленія. Здѣсь было, однимъ словомъ, начало *территоріальной* власти римскихъ епископовъ. Напрасно хотятъ подозрѣвать какія-то условія зависимости, подъ которыми будто бы Пепинъ могъ уступить римской церкви владѣніе экзархатомъ и прочими землями: никто изъ современниковъ не говоритъ о подобныхъ условіяхъ, и мы, дѣйствительно, не знаемъ ни одной претензіи Пепина въ этомъ смыслѣ. Ясно, что, *даря* римскому престолу земли, возвращенныя отъ лонгобардовъ, онъ не выговаривалъ себѣ никакихъ особенныхъ правъ и оставался только ея „защитникомъ", или „патриціемъ". Но экзархатъ съ прилежащими къ нему областями составлялъ только часть большого государственнаго цѣлаго, недавно разложившагося: доставъ себѣ эту важную часть съ характеромъ владѣнія публичнаго, ка̀къ было не подумать новому владѣльцу и о томъ, чтобы около своего перваго пріобрѣтенія собрать и остальныя части и мало-по-малу возстановить, хотя подъ другими формами, и весь государственный организмъ? Фактъ владѣнія экзархатомъ такимъ образомъ открывалъ начало римскимъ претензіямъ и на прочія части римской Италіи, какъ такія, которыя вмѣстѣ съ нимъ должны быть соединены подъ однимъ государственнымъ началомъ. Это такъ вѣрно, что не далѣе, какъ въ слѣдующемъ же году, принося Пепину благодарность за всѣ его благодѣянія римскому престолу, Стефанъ II не стыдился уже просить у него и еще нѣсколькихъ городовъ, какъ-то: Фавенцію, Имолу, Феррару, Болонію, Анкону, подъ тѣмъ предлогомъ, что они нѣкогда состояли подъ однимъ управленіемъ съ экзархатомъ, и выражалъ свою несомнѣнную увѣренность въ его помощи, въ случаѣ, если бы встрѣтилось какое препятствіе со стороны короля лонгобардовъ.

Но точно ли экзархатъ и Пентаполисъ были отданы римскому престолу? Не та ли была собственная мысль Пепина, чтобы, передавая эти земли римской церкви, черезъ ея посредство возвратить ихъ государству, т.-е. римской имперіи? Нѣкоторыя выраженія посланій Стефана II къ Пепину дѣйствительно могли бы подать поводъ къ подобному сомнѣнію. Такъ, жалуется онъ на Айстульфа, что тотъ, вопреки своему обѣщанію, не возвратилъ ни клочка земли „св. Петру и его церкви, или римской республикѣ". И впослѣдствіи, когда ужъ дѣло состояло въ томъ, чтобы, для округленія дарственныхъ земель, присоединить къ нимъ и еще нѣкоторые города, онъ опять пишетъ къ Пепину, что

король лонгобардовъ съ своей стороны обѣщалъ уступить ихъ „св. церкви, или римской республикѣ“. Каковъ бы ни былъ настоящій смыслъ этихъ выраженій, вѣрно, впрочемъ, то, что Пепинъ, принося экзархатъ въ даръ св. Петру, или римской церкви, вовсе не думалъ о римской республикѣ въ смыслѣ восточной имперіи. По отношенію къ послѣдней, истинныя намѣренія Пепина очень ясно обнаружились при одномъ обстоятельствѣ. Мы разскажемъ его такъ, какъ оно передано намъ современными извѣстіями. Дѣло происходило во время второго похода Пепина противъ Айстульфа. Имперія, наконецъ, спохватилась, когда до Константинополя дошли вѣсти о послѣднихъ происшествіяхъ въ Италіи. Экзархатъ переходилъ изъ рукъ въ руки, а, между тѣмъ, никто и не думалъ справляться о правахъ на него имперіи. Пора было догадаться, что надобно было или проститься съ нимъ навсегда, или принять дѣятельныя мѣры для сохраненія его за собою. Усилить свою дѣятельность сверхъ обыкновеннаго, имперія, впрочемъ, была рѣшительно не въ состояніи. Нельзя развертывать силъ, которыхъ нѣтъ въ запасѣ. Чтобы какъ-нибудь поправить дѣло, положили обратиться къ Пепину, какъ побѣдителю лонгобардовъ, въ той надеждѣ, что, можетъ быть, онъ сдастся, если не на справедливыя представленія имперіи, то, по крайней мѣрѣ, на ея золото, и отступится въ ея пользу отъ своего завоеванія. Въ Константинополѣ, очевидно, никому и въ голову не приходило, чтобы былъ еще третій претендентъ на экзархатъ, или чтобы римскій епископъ могъ требовать его прямо въ пользу своего престола. Нарочное посольство, состоявшее изъ высшихъ императорскихъ чиновниковъ, Григорія и силенціарія Іоанна, назначено было для переговоровъ съ королемъ франковъ. Путь ихъ лежалъ на Римъ. Здѣсь съ удивленіемъ узнали они отъ самого епископа, что Пепинъ уже вторично находится на походѣ въ Италію. Не будучи хорошо извѣщены о сношеніяхъ, происходившихъ между римскимъ престоломъ и королемъ франковъ, они не могли понять цѣли этого движенія и сначала не хотѣли ему повѣрить. Но пребываніе въ Римѣ, если еще не вполнѣ раскрыло имъ глаза, то навело на многія подозрѣнія. Догадываясь, въ чемъ дѣло, и желая предупредить Пепина на счетъ требованій византійскаго правительства, они поспѣшно оставили Римъ и моремъ поѣхали въ Массилію. Стефанъ II, которому это посольство было весьма не по мысли, тоже отправилъ съ ними своего повѣреннаго, повидимому, съ тою цѣлью, чтобъ поддерживать ихъ требованія, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы лучше наблюдать за ихъ дѣйствіями и втайнѣ отстаивать противъ нихъ интересы римскаго престола передъ Пепиномъ. Лишь въ Массиліи послы узнали за достовѣрное, что экзархатъ дѣйствительно обѣщанъ римскому епископу, и что, исполняя свои обѣщанія, Пепинъ уже вступилъ во владѣнія лонгобардовъ. Можно представить, какъ непріятно подѣйствовала эта новость на пословъ императора. Тогда объяснилось имъ и порученіе бывшаго съ ними римскаго повѣреннаго. Видя себя кругомъ обманутыми, они пришли въ большую досаду, которую особенно дали почувствовать своему спутнику. Послѣ всѣхъ объясненій, они потребовали отъ него, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, не ѣхалъ далѣе, и оставался въ Массиліи, и когда тотъ упор-

ствовалъ въ своемъ намѣреніи продолжать путь вмѣстѣ, то старшій изъ императорскихъ пословъ, по имени Григорій, отправился впередъ, вѣроятно, предоставивъ своему товарищу хлопотливую заботу—задержать еще на нѣсколько времени безотвязнаго римлянина. Пепина настигъ Григорій уже неподалеку отъ Павіи. При немъ не было ни Стефана и даже никакого повѣреннаго отъ него; но и это обстоятельство не принесло никакой пользы послу императора. Напрасно расточалъ онъ передъ Пепиномъ свое краснорѣчіе, напрасно кланялся ему и, по византійскому обычаю, сулилъ богатые дары, неотступно убѣждая его отдать Равенну и всѣ прочіе города и укрѣпленныя мѣста экзархата снова *подъ императорскую власть*. Намѣренія Пепина были неизмѣнны. Посолъ имперіи, приходившій униженно просить о возвращеніи того, что̀ должно было принадлежать ей по праву, не могъ внушить никакого уваженія ни къ своей особѣ, ни къ силамъ представляемаго имъ государства. На всѣ просьбы Григорія король отвѣчалъ рѣшительно, что „никогда онъ не согласится тѣмъ или другимъ способомъ взять назадъ земли и города, однажды поставленные имъ подъ власть св. Петра, римской церкви и апостольскаго престола“, и подтвердилъ подъ клятвою, что, „вовсе не въ интересѣ того или другого лица (хотя ты то былъ и самъ императоръ), но единственно изъ любви къ св. Петру и ради оставленія своихъ грѣховъ предпринималъ и предпринимаетъ онъ свои походы въ Италію“ [1]). Послѣ того онъ отпустилъ отъ себя посла, предоставивъ ему сообщить византійскому двору несовсѣмъ пріятное извѣстіе, что экзархатъ отнынѣ принадлежитъ не имперіи, но римскому престолу.

Еще менѣе можно разумѣть подъ „римской республикой“, упоминаемой въ посланіяхъ римскаго епископа, старое римское государство; оно давно кончило свое существованіе и не могло принимать на свое имя никакихъ приношеній. Память о немъ, память о независимой имперіи съ своимъ самостоятельнымъ центромъ внутри полуострова, правда, никогда не умирала въ Италіи, какъ это мы видимъ на многихъ примѣрахъ. Жители Италіи весьма охотно возвращались къ ней всякій разъ, какъ только обстоятельства казались довольно благопріятны. Но это значитъ только, что въ итальянскомъ народѣ никогда не переставало жить стремленіе къ возстановленію своего политическаго единства, и что еще отъ древнихъ временъ „римская республика“ оставалась для него символомъ этого единства. Не дѣйствительно существующій государственный организмъ, но самый процессъ его постепеннаго образованія изъ разныхъ элементовъ и всеобщая наклонность къ его воспринятію скрывались подъ назва-

---

[1]) Anast. V. Steph. III: Asserens isdem Dei cultor, mitissimus rex, nulla penitus ratione easdem civitates a potestate b. Petri et jure ecclesiae Romanae, vel Pontificis Ap. Sedis quoque modo alienari, affirmans etiam sub juramento, quod pernullius hominis favorem sese certamini saepius dedisset, nisi pro amore b. Petri et venia delectorum; asserens et hoc, quod nulla eum thesauri copia suadere valeret, ut, quod semel b. Petro obtulit, auferret.

ніемъ „римской республики", какъ наиболѣе понятномъ общему смыслу народа въ значеніи единаго и самостоятельнаго государства. Съ нѣкотораго времени римскій престолъ старался постановить себя исключительнымъ центромъ всѣхъ стремленій итальянскаго народа къ независимости, и мало-по-малу обратить ихъ въ пользу своего авторитета. Но, предпринимая неслыханное дѣло — дать своему церковному авторитету и характеръ власти государственной, римскіе епископы имѣли довольно благоразумія, чтобы до времени не называть своихъ стремленій ихъ настоящимъ именемъ. Поэтому, для прикрытія своихъ видовъ, они пользовались, вмѣстѣ съ именемъ св. Петра, и старымъ названіемъ римскаго государства, столько знакомымъ слуху римлянина и столько ласкающимъ народное самолюбіе. Другого значенія не имѣла „римская республика" въ посланіяхъ римскихъ епископовъ.

Айстульфъ недолго пережилъ несчастіе свое и своего государства. Однажды, во время охоты, онъ упалъ съ лошади и черезъ нѣсколько дней кончилъ жизнь. Это было въ слѣдующемъ году, послѣ второго похода Пепина въ Италію (756). Говорятъ, впрочемъ, что до самаго конца жизни онъ не переставалъ думать о томъ, какъ бы возвратить потерянное [1]). Немного спустя (въ первой половинѣ 757) умеръ и Стефанъ II, завѣщая своимъ преемникамъ, по возможности, увеличивать „даръ Пепина" новыми пріобрѣтеніями.

Кудрявцевъ.

Судьбы Италіи. Москва, 1850. Стр. 487—548.

П. Н. Кудрявцевъ (род. 1815, ум. 1858 г.) пріобрѣлъ извѣстность, какъ профессоръ исторіи въ московскомъ университетѣ, и принадлежалъ къ числу ученыхъ, образовавшихся въ школѣ Грановскаго. Изданный имъ въ свѣтъ трудъ: *Судьбы Италіи*, отъ паденія з. р. имперіи до возстановленія ея Карломъ-В., который былъ названъ имъ скромно, какъ *обозрѣніе* остгото-лонгобардскаго періода итальянской исторіи (Москва, 1850 г.), представляетъ обширное изслѣдованіе (около 45 листовъ) важнѣйшей эпохи въ цѣлой исторіи европейской цивилизаціи. Авторъ своимъ трудомъ желалъ осуществить свой весьма правильный взглядъ на значеніе и цѣль занятій всеобщею исторіею на ряду съ отечественною, въ формѣ *самостоятельнаго изученія главныхъ событій исторіи Запада*. „Если нужно, говорилъ онъ (см. введеніе) основать независимость нашихъ собственныхъ сужденій въ дѣлѣ всеобщей исторіи, то достигнуть этого мы можемъ не иначе, какъ самостоятельнымъ ея изученіемъ.

[1]) См. Einh. Ann. ad an. 756.—Съ своей стороны, Стефанъ II также до конца дней не могъ забыть своей вражды къ нему. Въ своемъ благодарственномъ посланіи къ Пепину, упомянувъ о смерти Айстульфа, онъ тутъ же честитъ его слѣдующими словами: tyrannus, sequax diaboli, devorator sanguinum christianorum ecclesiarum Dei destructor. Все это, конечно, въ примѣръ христіанскаго прощенія обидъ! *Авт.*

Къ тому же побуждаютъ насъ и успѣхи русской исторіи, сдѣланные ею особенно въ послѣднее десятилѣтіе. Они предполагаютъ извѣстную степень зрѣлости сознанія, на которой историческое знаніе вообще становится одною изъ первыхъ умственныхъ потребностей. Не забудемъ притомъ, что для полноты историческаго созерцанія необходима *сравнительная* точка зрѣнія, а она можетъ быть пріобрѣтена лишь основательнымъ знакомствомъ, кромѣ исторіи отечественной, съ прочими частями всеобщей исторіи человѣчества". Авторъ начинаетъ свой трудъ картиною Италіи въ послѣднее время существованія з. р. имперіи и останавливается на вѣнчаніи Карла-В. императорскою короною. Орѳографія собственныхъ именъ у автора оставлена безъ измѣненія.

---

56. — Первые монастыри въ зап. Европѣ и начало ихъ организаціи въ ордена.

(1859 г.).

Около VIII-го вѣка въ западной Европѣ и церковное правительство, т.-е. внѣшній механизмъ управленія церкви, и самое духовенство, въ своей частной жизни и нравахъ, дошли до величайшаго безпорядка и паденія. Нельзя было не предчувствовать необходимости кризиса, реформы. Начатки такой реформы обнаружились въ средѣ самого духовенства, а именно въ той его части, которая получила названіе регламентированнаго духовенства и состояла изъ монаховъ.

Выраженіе: clergé régulier, т.-е. *регламентированное духовенство*, можетъ легко ввести въ заблужденіе. Оно наводитъ на мысль, что монахи были всегда лицами духовными, что они составляли существеннымъ образомъ часть духовенства. Таково въ дѣйствительности общее понятіе, которое о нихъ составилось, и которое примѣняютъ къ нимъ безразлично, не обращая вниманія на время, мѣсто, ни на послѣдовательныя видоизмѣненія этого учрежденія. И на монаховъ смотрятъ не только, какъ на духовныхъ, но въ нихъ готовы видѣть, такъ сказать, по преимуществу духовныхъ, наиболѣе отдѣлившихся отъ общества гражданскаго, наиболѣе чуждыхъ его интересамъ, его нравамъ. Вотъ, если я не ошибаюсь, то впечатлѣніе, которое образуется само собою въ умѣ каждаго при одномъ ихъ имени, и не только теперь, но уже съ давняго времени.

Такое впечатлѣніе совершенно ошибочно: въ началѣ своего появленія, и, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе двухъ вѣковъ, монахи вовсе не были лицами духовными; это были чистые міряне, связанные, безъ сомнѣнія, религіознымъ вѣрованіемъ, чувствомъ и религіозною цѣлью, но, повторяю еще разъ, чуждые обществу духовному, духовенству въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Каждый знаетъ, что монашество родилось на Востокѣ. Монахи

были тамъ, вначалѣ, весьма далеки отъ той формы, въ которую они облеклись впослѣдствіи, и подъ которой мы привыкли себѣ представлять ихъ. Съ самыхъ первыхъ временъ христіанства отдѣльные люди, болѣе другихъ восторженные, обрекали себя на лишенія и чрезвычайно строгую жизнь. Это совсѣмъ не было нововведеніемъ христіанскимъ; оно стояло въ связи не только съ общими наклонностями человѣческой природы, но и съ религіозными нравами всего Востока и съ нѣкоторыми еврейскими преданіями. *Аскеты* (такъ называли такихъ благочестивыхъ энтузіастовъ; ἄσκησις, *подвигъ, жизнь подвижника*) составляли первую степень монаховъ. Они нисколько не отдѣлялись отъ свѣтскаго общества; они совсѣмъ не убѣгали въ пустыни; они только обрекали себя на постъ, молчаніе, всякаго рода воздержанія, особенно на безбрачіе.

Скоро они удалились отъ свѣта: они начали жить вдали отъ людей, въ совершенномъ одиночествѣ, среди лѣсовъ, въ глубинѣ пустынь Ѳиваиды. Аскеты обратились тогда въ *пустынниковъ, анахоретовъ*. Это—вторая степень монашеской жизни.

Спустя нѣсколько времени, и по причинамъ, которыя не оставили никакихъ слѣдовъ, уступая, можетъ быть, притягательной силѣ какого-нибудь болѣе извѣстнаго пустынника, св. Антонія, напримѣръ, или, можетъ быть, утомленные совершеннымъ уединеніемъ, пустынники сблизились, построили свои кельи одну подлѣ другой, и, продолжая каждый жить въ своей, стали однако собираться вмѣстѣ для религіозныхъ упражненій и начали составлять настоящую общину. Тогда-то, какъ кажется, они получили имя *монаховъ*.

Они сдѣлали еще шагъ впередъ. Вмѣсто того, чтобы оставаться въ своихъ отдѣльныхъ кельяхъ, они собрались подъ одну кровлю, въ одно зданіе; соединеніе сдѣлалось тѣснѣе, общая жизнь—полнѣе. Они стали *киновитами* (монахами общей обители). Это — четвертая степень монашества; оно достигло тогда своей опредѣленной формы, той, въ которой должно было примѣняться все ея послѣдующее развитіе.

Почти около той же эпохи создается, для домовъ киновитовъ, для монастырей, извѣстная условленная дисциплина, письменные уставы, которые опредѣляютъ дѣятельность этихъ небольшихъ обществъ, обязанности ихъ членовъ. Между такими первоначальными уставами монаховъ на Востокѣ, самыми знаменитыми были уставы св. Антонія, св. Макарія, св. Иларіона, св. Пахомія. Ни одинъ изъ нихъ не обширенъ, не подробенъ; въ нихъ находятся предписанія частныя, случайныя; нѣтъ никакого притязанія на господство и направленіе цѣлой жизни. Это скорѣе наставленія, нежели постановленія, обычаи, нежели законы. *Подвижники, пустынники* и другіе различные виды монашества продолжали существовать въ одно время съ *киновитами*, и со всею независимостью своего первоначальнаго быта.

Картина такой жизни, такой суровости и энтузіазма, пожертвованій и свободы, сильно потрясла воображеніе народовъ. Монахи увеличивались въ числѣ съ необычайною быстротою, и разнообразились въ формахъ до безконечности. Я не войду въ подробности всѣхъ такихъ формъ, которыя принимала подъ именемъ монашества экзаль-

тація вѣрующихъ; я обозначу только крайніе предѣлы того, такъ сказать, поприща, которое она совершила, и ея два результата, въ одно и то же время самые странные и самые противоположные. Между тѣмъ какъ подъ именемъ мессалійцевъ или εὐχῖται, многочисленныя толпы фанатиковъ бродили по Месопотаміи, Арменіи и др., понося законный культъ, превознося только одну молитву внѣ правилъ, самопроизвольную, и предаваясь въ городахъ, на публичныхъ площадяхъ, всякаго рода увлеченіямъ; другіе, чтобъ совершенно отдѣлиться отъ всякаго прикосновенія со свѣтомъ, поселялись, по примѣру св. Симеона Антіохійскаго, на вершинѣ какого-нибудь столпа и подъ именемъ *стилитовъ*, столпниковъ посвящали свою жизнь такому причудливому уединенію; и ни тѣ, ни другіе не оставались безъ поклонниковъ и подражателей [1]).

Въ послѣдней половинѣ IV вѣка уставъ св. Василія внесъ въ новое учрежденіе нѣкоторую правильность. Составленный въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ всякаго рода [2]), онъ сдѣлался скоро главнымъ руководствомъ монастырей на Востокѣ, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, которые получили какую-нибудь цѣлость и опредѣленность. Таковъ долженъ былъ быть результатъ вліянія свѣтскаго духовенства на монастырскую жизнь, покровителями которой объявили себя тогда самые знаменитые епископы, св. Аѳанасій, св. Василій, св. Григорій Назіанзенъ и множество другихъ. Такое покровительство не могло не ввести въ монастыри болѣе порядка и системы. Тѣмъ не менѣе, монастыри попрежнему оставались общинами чисто мірскими, чуждыми духовенству, его отправленіямъ, его правамъ. Не было никакого посвященія въ санъ, никакого церковнаго обязательства для монаховъ. Ихъ господствующимъ характеромъ оставалась всегда религіозная экзальтація и свобода, въ общину поступали, выходили изъ нея; выбирали себѣ жилища и родъ лишеній; энтузіазмъ принималъ какую-нибудь форму, и направлялся по какому угодно пути. Монахи, однимъ словомъ, не имѣли съ священниками ничего общаго, кромѣ вѣрованій и уваженія, которое они внушали къ себѣ въ народѣ.

Таково было, въ послѣдней половинѣ IV вѣка, состояніе монастырскихъ учрежденій на Востокѣ. Почти около этой же эпохи монашество было перенесено на Западъ. Св. Аѳанасій, изгнанный изъ своей епархіи и удалившись въ Римъ [3]), привелъ съ собою туда нѣсколько монаховъ и говорилъ о ихъ добродѣтеляхъ и славѣ. Его разсказы и самое зрѣлище, которое представили собою первые монахи, или тѣ, которые послѣдовали ихъ примѣру, были дурно приняты западнымъ народонаселеніемъ. Язычество было еще слишкомъ сильно на Западѣ, особенно въ Италіи. Высшіе классы, которые покинули уже свои вѣрованія, хотѣли, по крайней мѣрѣ, сохранить свои нравы, а часть черни придерживалась еще старыхъ предразсудковъ. Монахи сдѣлались тамъ, при своемъ появленіи, предметомъ пре-

---

[1]) На Востокѣ стилиты встрѣчаются до XII вѣка.

[2]) Онъ заключаетъ въ себѣ 203 вопроса и столько же отвѣтовъ.

[3]) Въ 341 году.

зрѣнія и злобы. На похоронахъ Блезиллы, молодой римской монахини, умершей, какъ говорили, отъ чрезмѣрныхъ постовъ въ 384 г., народъ кричалъ: „когда же, наконецъ, выгонятъ изъ города это ненавистное отродіе монаховъ? Отчего не побьютъ ихъ каменьями? отчего не бросятъ ихъ въ рѣку?“ Такъ передаетъ св. Іеронимъ народныя восклицанія [1]).

„Въ городахъ Африки, говоритъ Сальвіанъ, и особенно въ стѣнахъ Карѳагена, какъ только показывался человѣкъ въ плащѣ, блѣдный и съ бритою головою, народъ. столько же злосчастный, какъ и маловѣрный, не могъ его видѣть безъ того, чтобъ не осыпать его проклятіями и оскорбленіями; и если какой-либо служитель божій, явившійся изъ монастырей Египта, или изъ св. мѣстъ Іерусалима, или изъ уважаемой обители какой-либо пустыни, приходилъ въ городъ, чтобъ выполнить какой-нибудь благочестивый обѣтъ, народъ преслѣдовалъ его нанесеніемъ обидъ, гнуснымъ хохотомъ и отвратительнымъ свистомъ“ [2]).

Рутилій Нумаціанъ, галльскій поэтъ, который жилъ долгое время въ Римѣ и оставилъ намъ поэму на свое возвращеніе въ отечество, говоритъ въ ней, при описаніи проѣзда мимо острова Горгоны:

„Я ненавижу эти подводные камни, зрѣлище недавняго кораблекрушенія. Тамъ погибъ одинъ изъ моихъ согражданъ, сошедшій живымъ въ могилу. Онъ былъ прежде изъ нашихъ; происходя отъ благородныхъ предковъ, онъ владѣлъ хорошимъ имуществомъ, былъ счастливъ въ бракѣ; но, побужденный фуріями, онъ покинулъ людей и боговъ; суевѣрный изгнанникъ находилъ удовольствіе въ своемъ грязномъ логовищѣ. Несчастный, кто думаетъ среди нечистоты питаться благами небесными, и мучитъ самъ себя, болѣе жестокій къ себѣ, нежели оскорбленные боги. Эта секта, я васъ спрашиваю, ужели болѣе гибельна, чѣмъ отрава Цирцеи? Цирцея измѣняла тѣла, теперь измѣняются души“ [3]).

Конечно, Рутилій былъ язычникъ; но многіе на Западѣ были такими же, какъ и онъ, и монашество производило на нихъ тѣ же самыя впечатлѣнія.

Однако та же самая революція, которая покрыла Востокъ монахами, продолжала свое развитіе на Западѣ, и влекла за собою повсюду одинаковые результаты. Тамъ также язычество исчезло; новыя вѣрованія, новые нравы наводнили все общество; и точно такъ же, какъ на Востокѣ, жизнь монашеская нашла скоро себѣ покровителей въ самыхъ великихъ епископахъ, и весь народъ сдѣлался ея почитателемъ. Св. Амвросій въ Миланѣ, св. Мартинъ въ Турѣ, св. Августинъ въ Африкѣ прославляли ея святость и сами основывали монастыри. Св. Августинъ даже далъ монахинямъ своего діоцеза, родъ устава, и скоро монастырскія учрежденія получили силу на всемъ Западѣ.

---

[1]) Письма къ Павлу; п. 22.

[2]) Сальвіанъ. *De Gubernatione Dei*, VIII, 4.

[3]) *Itin*. I, ст. 517 и слѣд.

Они приняли здѣсь, однако, при самомъ своемъ происхожденіи, особенный характеръ, который не трудно указать: безъ сомнѣнія, прежде всего, хотѣли только подражать тому, что̀ происходило на Востокѣ; освѣдомлялись съ любопытствомъ объ обычаяхъ, которымъ слѣдовали въ восточныхъ монастыряхъ; ихъ описаніе послужило предметомъ двухъ сочиненій, изданныхъ въ Марсели Кассіаномъ, и при учрежденіи многихъ новыхъ монастырей весьма заботились, чтобъ сообразоваться съ ними. Но западный геній слишкомъ отличался отъ восточнаго, и наложилъ на нихъ свою печать. Потребность уединенія, созерцанія, рѣшительнаго разрыва съ свѣтскимъ обществомъ была источникомъ и основною чертою монаховъ на Востокѣ; на Западѣ, напротивъ, и особенно въ южной Галліи, гдѣ были основаны, въ началѣ V-го вѣка, главные монастыри, первые монахи соединялись для того, чтобъ жить вмѣстѣ, съ цѣлью бесѣды и религіознаго назиданія. Монастыри Леринскій, св. Виктора, и многіе другіе были особенно великими школами богословія, средоточіемъ умственнаго движенія; тамъ дѣло шло вовсе не объ одиночествѣ, не объ умерщвленіи плоти, но о словѣ и дѣлѣ.

И не только такое различіе расположенія и склада ума восточныхъ и западныхъ людей было фактомъ, но даже сами современники замѣчали то и отдавали себѣ въ томъ отчетъ; трудясь надъ распространеніемъ на Западѣ монастырскихъ учрежденій, люди прозорливые заботливо говорили, что не слѣдуетъ рабски подражать Востоку, и объясняли причины того. Касательно постовъ и лишеній, напримѣръ, правила монастырей Запада были вообще менѣе суровы. „Много ѣсть, говорилъ Сульпицій Северъ, считается обжорствомъ у грековъ, а это—обыкновенное дѣло у галловъ“ [1]).

„Суровость зимы, говоритъ также Кассіанъ, не позволяетъ намъ довольствоваться легкою обувью, ни верхнею одеждою безъ рукавовъ, ни одною туникою; и тотъ, кто явился бы одѣтымъ въ маленькомъ клобукѣ или въ тонкой шерстяной мантіи, произвелъ бы смѣхъ вмѣсто назиданія“ [2]).

Другая причина не менѣе содѣйствовала тому, чтобъ дать новое направленіе монашеству на Западѣ. Не ранѣе, какъ только въ первой половинѣ V столѣтія, оно тамъ распространилось и утвердилось въ дѣйствительности. Но въ ту эпоху монастыри на Востокѣ уже получили полное развитіе; всѣ увлеченія аскетической экзальтаціи уже выступили на сцену свѣта. Великіе епископы Запада, представители церкви и умовъ въ Европѣ, какъ ни былъ замѣчателенъ ихъ религіозный жаръ, поражались тѣми крайностями рождавшагося монашества, поступками изступленія, къ которымъ оно приводило, пороками, которые оно часто прикрывало. Ни одинъ человѣкъ на Западѣ не имѣлъ, конечно, болѣе религіознаго энтузіазма, ни болѣе живого, болѣе восточнаго воображенія, ни характера болѣе пылкаго, какъ св. Іеронимъ. Онъ нисколько, однако, не былъ ослѣпленъ относительно

---

[1]) *Sulp. Sev. Dialog.* I. 8.

[2]) Кассіанъ, *De Instit. Coenob.* II.

заблужденій и опасностей монашеской жизни, которой образцомъ служили монастыри на Востокѣ.

Вотъ нѣкоторые отрывки, въ которыхъ онъ выразилъ свои мысли объ этомъ предметѣ; они принадлежатъ къ числу самыхъ интересныхъ памятниковъ эпохи, и даютъ намъ наилучшее о ней понятіе:

„Есть монахи, говоритъ онъ, которые, отъ сырости келій, отъ неумѣренныхъ постовъ, отъ скуки одиночества, отъ безпрерывнаго чтенія, впадаютъ въ меланхолію, и нуждаются болѣе въ лекарствахъ Ипократа, чѣмъ въ нашихъ совѣтахъ... Я видѣлъ лица того и другого пола, у которыхъ мозгъ былъ поврежденъ отъ чрезмѣрнаго воздержанія, особенно между тѣми, которые жили въ холодныхъ и сырыхъ кельяхъ; они не знали ни того, что̀ дѣлать, ни того, какъ себя вести, ни того, что̀ нужно, говорить или молчать“ [1]).

И въ другомъ мѣстѣ:

„Я видѣлъ людей, которые, отказываясь отъ міра, по одеждѣ только и по имени, но вовсе не на дѣлѣ, ничего не измѣняли въ своемъ прежнемъ образѣ жизни. Ихъ имущество скорѣе возрасло, чѣмъ уменьшилось. Они окружены такими же толпами рабовъ, тѣмъ же великолѣпіемъ пировъ. Цѣною золота куплено то, что̀ они ѣдятъ на ничтожныхъ фаянсовыхъ или глиняныхъ блюдахъ; и среди роя своихъ служителей они называютъ себя отшельниками...“ [2]).

„Бѣги также тѣхъ людей, которыхъ ты увидишь обремененными цѣпями, съ козлиной бородой, въ черной мантіи, босоногими, несмотря на холодъ... Они проникаютъ въ дома знатныхъ, обманываютъ бѣдныхъ женщинъ, покрытыхъ грѣхами; они всегда учатся и никогда не достигаютъ познанія истины; они играютъ роль печальныхъ, и предаваясь, повидимому, продолжительнымъ постамъ, вознаграждаютъ себя тайною трапезою по ночамъ“ [3]).

И еще въ другомъ мѣстѣ:

„Я краснѣю выговорить это; изъ глубины нашихъ келій мы осуждаемъ свѣтъ; покрытые рубищемъ и пепломъ, мы произносимъ приговоры надъ епископами. Что̀ значитъ эта царская гордость подъ одеждою кающагося?.. Гордость быстро вкрадывается при одиночествѣ: такой-то попостился нѣсколько времени; онъ не видѣлъ ни души, и уже думаетъ, что онъ человѣкъ съ вѣсомъ; онъ забываетъ, кто онъ такой, откуда онъ пришелъ, куда идетъ; и его сердце, и его языкъ заблуждаются уже во всѣхъ отношеніяхъ. Противъ воли апостола, онъ судитъ служителей другого, онъ простираетъ свою руку къ тому, что̀ привлекательно для обжорства; онъ спитъ, сколько хочетъ, онъ не уважаетъ никого; онъ дѣлаетъ то, что̀ желаетъ; онъ считаетъ всѣхъ другихъ ниже себя; онъ чаще находится въ городахъ, чѣмъ въ своей кельѣ: и онъ прикидывается скромнымъ среди своихъ собратій, между тѣмъ какъ въ общественныхъ мѣстахъ безпрестанно толкаетъ прохожихъ“ [4]).

---

[1]) Св. Іерон., письмо 95 къ Рустику; 97, къ Деметріадѣ.

[2]) Св. Іерон., письмо 95, къ Рустику.

[3]) Св. Іерон., письмо 18, къ Евстахію.

[4]) Св. Іерон., письмо 13, къ Марку; 95, къ Рустику.

Такъ, наиболѣе пылкому, самому восторженному изъ отцовъ Запада не были безъизвѣстны ни безуміе, ни лицемѣріе, ни невыносимая гордость, которыя обнаруживались еще въ то время въ жизни монашеской; и онъ характеризовалъ ихъ съ свойственнымъ ему здравомысліемъ, смѣшаннымъ съ гнѣвомъ, съ краснорѣчіемъ, полнымъ сатиры и страсти; и онъ громко заявлялъ о томъ, изъ боязни заразы.

Многіе изъ самыхъ знаменитыхъ епископовъ Запада, между прочими, и св. Августинъ, имѣли ту же прозорливость и писали въ томъ же духѣ; они заботились одинаково о предупрежденіи у себя нелѣпыхъ увлеченій, въ которыя впали монахи на Востокѣ. Но принимая на себя такую заботу, обличая безуміе или лицемѣріе, которымъ поочередно служила основою монашеская жизнь, они непрестанно трудились надъ ея распространеніемъ. Это было для нихъ средствомъ вырвать часть мірянъ изъ среды общества гражданскаго и языческаго, оставшагося на дѣлѣ тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ и прежде, несмотря на свое видимое обращеніе. Не вступая въ духовенство, монахи слѣдовали тому же пути, поддерживали то же вліяніе; въ покровительствѣ епископовъ имъ не могло быть отказано. Да и безъ того ихъ успѣхъ, вѣроятно, не замедлился бы. Жизнь монашеская была одолжена своимъ происхожденіемъ не какимъ-нибудь соображеніямъ церкви, ни даже движенію и особенному направленію, которое христіанство могло бы сообщить воображенію людей. Ея истиннымъ источникомъ было всеобщее состояніе общества въ ту эпоху. Это общество было поражено троякимъ зломъ: праздностью, развратомъ и несчастіемъ. Люди были безъ занятій: испорчены и предоставлены на жертву всякаго рода бѣдствіямъ; вотъ отчего находилось столько желавшихъ сдѣлаться монахами. Народъ трудолюбивый, честный, или счастливый, никогда не вступилъ бы на такой путь. Когда человѣческая природа не можетъ развернуться со всею полнотою и гармоніей, когда человѣкъ не можетъ преслѣдовать дѣйствительной цѣли своего назначенія, тогда его развитіе дѣлается эксцентричнымъ, и онъ бросается съ большимъ рискомъ на самыя странныя предпріятія, предпочитая ихъ вѣрной погибели. Чтобъ жить и дѣйствовать правильно, разсудительно, человѣчеству необходимо, чтобъ событія, среди которыхъ оно живетъ и дѣйствуетъ, были въ извѣстной степени разумны, правильны, чтобы способности его находили себѣ употребленіе, чтобы его положеніе не было слишкомъ тяжело, чтобы картина разврата и всеобщаго униженія не возмущала, не приводила въ отчаяніе сильные характеры, въ которыхъ нравственность не можетъ ничѣмъ притупиться. Скука, отвращеніе къ изнѣженной порчѣ, и потребность бѣжать отъ общественныхъ бѣдствій—вотъ что̀ скорѣе породило монаховъ на Востокѣ, нежели особенный характеръ христіанства и припадки религіозной экзальтаціи. Эти же самыя обстоятельства существовали на Западѣ; общество итальянское, галльское, африканское, среди паденія имперіи и опустошеній варваровъ, точно такъ же бѣдствовало и такъ же было испорчено, такъ же оставалось празднымъ, какъ и общество въ Малой Азіи или въ Египтѣ. Дѣйствительныя причины постояннаго распространенія монашеской жизни

были такимъ образомъ одинаковы въ обѣихъ странахъ, и должны были вездѣ произвести одинаковыя послѣдствія.

Потому, несмотря на замѣченное мною различіе, сходство было большое, и увѣщанія самыхъ знаменитыхъ епископовъ не воспрепятствовали увлеченіямъ восточныхъ монаховъ найти себѣ подражателей на Западѣ. Ни въ отшельникахъ, ни въ затворникахъ, ни въ другомъ какомъ-либо благочестивомъ безуміи аскетической жизни не было недостатка въ Галліи. Св. Сенохъ, варваръ по происхожденію, удалившійся въ окрестности Тура, приказалъ заложить себя въ четырехъ стѣнахъ, до того сдвинутыхъ, что онъ не могъ дѣлать туловищемъ никакого движенія, и онъ жилъ въ такомъ положеніи цѣлые годы, оставаясь предметомъ почитанія окрестныхъ жителей. Затворники: Калуппа въ Оверни, Патроклъ въ землѣ Лангрской, Госпицій въ Провансѣ, не возбуждали такого удивленія, но тѣмъ не менѣе слава ихъ подвиговъ была велика [1]). Даже стилиты нашли себѣ соревнователей на Западѣ; и разсказъ, который оставилъ намъ о нихъ Григорій Турскій, рисуетъ съ такою вѣрностью и интересомъ нравы того времени, что я приведу его въ цѣлости. Григорій разсказываетъ свой собственный разговоръ съ монахомъ Вульфилаикомъ, безъ сомнѣнія, варваромъ, какъ на то указываетъ его имя, и который, первый на Западѣ, покушался вступить въ соперничество съ св. Симеономъ Антіохійскимъ.

„Я пришелъ въ страну Трирскую, говорилъ Вульфилаикъ Григорію; я построилъ здѣсь, собственными руками, на этой горѣ, маленькое жилище, которое ты видишь. Я нашелъ тамъ идолъ Діаны, который мѣстные жители, еще невѣрующіе, обоготворяли какъ божество. Я воздвигъ тамъ столпъ, на которомъ держался съ большими страданіями, безъ всякой обуви; и когда наступало время зимы, я до того страдалъ отъ суровыхъ морозовъ, что очень часто у меня отваливались ногти на ногахъ, и замерзавшая вода облегала бороду въ видѣ сосулекъ; эта земля извѣстна своими часто весьма холодными зимами“. — Мы настоятельно просили его сказать намъ, какая была его пища и питье, и какъ онъ свергнулъ съ горы идолъ; онъ сказалъ намъ: „Мою пищу составляли кусокъ хлѣба и трава, съ небольшимъ количествомъ воды. Но ко мнѣ начали стекаться въ великомъ множествѣ люди изъ сосѣднихъ деревень. Я проповѣдывалъ имъ постоянно, что Діана никогда не существовала, что идолъ и другіе предметы, которымъ поклоняться они считали своимъ долгомъ, были рѣшительно ничтожны. Я повторялъ имъ также, что тѣ пѣсни, которыя они имѣли обыкновеніе пѣть, упиваясь среди оргій, были недостойны божества, и что гораздо было бы лучше возносить приношеніе святыхъ хваленій всемогущему Богу, который сотворилъ небо и землю. Я также очень часто просилъ Господа, чтобы онъ благоволилъ низвергнуть идолъ и исторгнуть эти народы изъ ихъ заблужденій. Милосердіе Господа склонило эти грубые умы и рас-

---

[1]) См. Григорій Турскій, I, стр. 221—232—311, въ моемъ *Collection des Memoires relatifs à l'histoire de France.*

положило ихъ, по выслушаніи моихъ словъ, покинуть свои идолы и послѣдовать за Господомъ. Я собралъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, чтобъ при ихъ помощи низринуть этотъ громадный идолъ, котораго я не могъ разрушить одною своею силою. Я уже разбилъ другіе идолы: это было легче. Многіе собрались вокругъ статуи Діаны; они набросили на нее веревки и стали тащить, но всѣ ихъ усилія не могли ее стронуть съ мѣста. Тогда я пошелъ въ церковь, палъ на землю и умолялъ со слезами милосердіе божіе разрушить могуществомъ небеснымъ то, для разрушенія чего земныя усилія были недостаточны. Послѣ такой молитвы я вышелъ изъ церкви и пошелъ къ работникамъ; я взялъ веревку, и лишь только мы начали тянуть, идолъ немедленно упалъ на землю; его разбили вслѣдъ затѣмъ, и желѣзными молотами обратили въ прахъ... Я располагалъ возвратиться къ своей обычной жизни, но епископы, которымъ слѣдовало бы меня подкрѣпить, чтобъ я могъ продолжать съ лучшимъ успѣхомъ дѣло, которое началъ, вмѣшались и сказали мнѣ: путь, который ты избралъ, не есть прямой путь, и ты, недостойный, ты никогда не сравнишься съ Симеономъ Антіохійскимъ, который жилъ на своемъ столпѣ, Самая мѣстность кромѣ того не позволяетъ переносить подобныя страданія; сойди лучше и живи съ братіею, которую ты собралъ. При этихъ словахъ, чтобъ не быть обвиненнымъ въ неповиновеніи епископамъ, я сошелъ и отправился съ ними, и вкусилъ вмѣстѣ съ ними пищу. Однажды епископъ, отозвавъ меня далеко отъ деревни, послалъ туда работниковъ съ сѣкирами, ломами и молотами, и приказалъ ниспровергнуть колонну, на которой я имѣлъ обыкновеніе стоять. Когда я возвратился на другой день, я нашелъ все разрушеннымъ; я горько плакалъ, но не хотѣлъ возстановлять того, что̀ разрушили, изъ боязни, чтобъ меня не обвиняли въ томъ, что я противлюсь приказаніямъ епископовъ; и съ того времени я пребываю здѣсь и ограничиваюсь тѣмъ, что живу съ своею братіею“ [1]).

Въ этомъ разсказѣ замѣчательно одинаково все: и энергическая привязанность, и слѣпой энтузіазмъ пустынника, и здравый смыслъ, можетъ быть, нѣсколько завистливый, епископовъ; мы узнаемъ здѣсь въ одно и то же время вліяніе Востока и характеръ, свойственный Западу. И такъ, епископъ Трирскій подавлялъ безуміе стилитовъ; точно также св. Августинъ преслѣдовалъ ханжество, блуждавшее подъ покровомъ монашеской мантіи:

„Лукавый врагъ людей, говоритъ онъ, разсѣялъ повсюду лицемѣровъ подъ одеждою монаховъ; они обходятъ провинціи, куда ихъ никто не посылалъ, бродя, въ полномъ смыслѣ этого слова, нигдѣ не утверждаясь, нигдѣ не останавливаясь. Одни продаютъ тамъ и сямъ останки мощей мучениковъ, если только это дѣйствительно мучениковъ; другіе выставляютъ напоказъ ихъ платья и ихъ филактеріи“ [2]).

Я могъ бы привести много другихъ примѣровъ, гдѣ этотъ двой-

---

[1]) Григор. Турскій, т. I, 440—444 стр.

[2]) Св. Августинъ. *De Opere monac.*, с. 28.

ной фактъ, сходство и различіе Востока и Запада, отразился одинаковымъ образомъ. Среди подобныхъ судорогъ, когда безуміе чередовалось съ мудростью, успѣхи монашескихъ учрежденій продолжались; число монаховъ шло, постоянно возрастая; они то блуждали, то утверждались на одномъ мѣстѣ, волновали народъ своими предсказаніями, или назидали его зрѣлищемъ своей жизни. Со дня на день имъ оказывали все болѣе и болѣе изумленія и уваженія: мысль, что они именно представляли собою образецъ совершенства христіанскаго образа жизни, утверждалась. Ихъ ставили въ примѣръ духовенству; нѣкоторые изъ нихъ рукополагались священниками или даже епископами, и при всемъ томъ они были свѣтскими и сохраняли бо̀льшую свободу, не давая никакихъ обѣтовъ, не вступая ни въ какія религіозныя обязательства, постоянно отличаясь отъ духовенства, часто даже заботясь о подобномъ отличеніи.

„Это давнишнее сознаніе отцовъ, говоритъ Кассіанъ, сознаніе, которое всегда сохраняетъ силу, что монахъ долженъ, во что бы то ни стало, избѣгать епископовъ и женщинъ; ибо ни женщины, ни епископы не позволяютъ монаху, котораго они однажды приняли въ свой кругъ, отдыхать въ мирѣ въ своей кельѣ, или приковывать глаза къ чистому и небесному ученію, созерцая святое“ [1]).

Такая свобода и могущество, такое сильное вліяніе на народы и такое отсутствіе общихъ формъ, правильной организаціи, не могли обойтисѣ безъ важныхъ безпорядковъ. Чувствовали сильную необходимость положить тому предѣлъ, подчинить одному общему управленію, одной и той же дисциплинѣ, этихъ миссіонеровъ, этихъ отшельниковъ, этихъ затворниковъ, этихъ киновитовъ, которые становились съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе многочисленными, не принадлежа ни къ народу, ни къ духовенству.

Около конца V вѣка, въ 480 г., родился въ Италіи, въ Нурсіи, въ герцогствѣ Сполетскомъ, среди богатой и знатной фамиліи, человѣкъ, назначенный разрѣшить ту проблемму и дать монахамъ на Западѣ общія постановленія, которыхъ они ожидали: я говорю о св. Бенедиктѣ. Еще 12-ти лѣтъ онъ былъ посланъ въ Римъ для воспитанія. То было время паденія имперіи и большихъ смутъ въ Италіи: герулы и остготы оспаривали власть надъ нею; Теодорикъ изгонялъ Одоакра; Римъ безпрестанно брали, отнимали и держали въ страхѣ. Въ 494 г. Бенедиктъ, едва достигнувъ 14-лѣтняго возраста, вышелъ изъ Рима съ Кирилллою, своею кормилицей; и немного спустя послѣ того, его находятъ уже отшельникомъ въ глубокой пещерѣ въ Субіако, въ окрестностяхъ Рима. Зачѣмъ удалился туда этотъ ребенокъ, какъ онъ тамъ жилъ, ничего неизвѣстно; ибо одна только легенда говоритъ объ этомъ, помѣщая на каждомъ шагу моральные восторги, или чудеса, въ собственномъ смыслѣ. Какъ бы то ни было, спустя нѣкоторое время, жизнь, которую велъ Бенедиктъ, его молодость, его лишенія привлекли пастуховъ изъ окрестностей; онъ проповѣдывалъ имъ; и могущество его слова, сила примѣра, постоянно увеличивавшееся стеченіе слушателей сдѣлали его скоро знаменитымъ. Въ

---

[1]) Кассіанъ, *De Instit. coenob.*, XI, 17.

510 г. сосѣдніе монахи, соединившіеся въ Виковаро, пожелали имѣть его своимъ главою; онъ сначала отказался, говоря монахамъ, что ихъ поведеніе было безпорядочно, что въ ихъ обители предавались всякаго рода безнравственности, что онъ предпринялъ бы реформу и подчинилъ бы ихъ слишкомъ строгому правилу жизни. Они настаивали, и Бенедиктъ сдѣлался аббатомъ въ Виковаро.

Онъ предпринялъ на самомъ дѣлѣ, съ непреклонною энергіею, ту реформу, относительно которой предупреждалъ; и, какъ онъ предвидѣлъ, монахамъ скоро надоѣлъ ихъ реформаторъ. Борьба его съ ними сдѣлалась до того отчаянною, что они попытались отравить его въ чашѣ. Онъ замѣтилъ это чудеснымъ образомъ, какъ говоритъ легенда о томъ, оставилъ монастырь и снова возвратился въ Субіако, къ своей отшельнической жизни.

Его слава была распространена далеко; уже не только пастухи, но міряне всѣхъ сословій, странствующіе монахи собирались жить около него. Эквицій и Тертуллъ, знатные римляне, послали къ нему своихъ сыновей, Мавра и Плацида: Мавра— 12 лѣтъ, Плацида—еще совсѣмъ ребенка. Онъ основалъ вокругъ своей пещеры нѣсколько монастырей. Въ 520 г. было уже основано, какъ кажется, двѣнадцать, каждый изъ 12 монаховъ, и въ нихъ-то онъ началъ проводить идеи и постановленія, которыя, по его мнѣнію, должны были руководить монастырскою жизнью.

Но тотъ же духъ неповиновенія и соперничества, который выжилъ его изъ монастыря Виковаро, скоро обнаружился и въ тѣхъ монастыряхъ, которые онъ самъ основалъ. Одинъ монахъ, по имени Флоренцій, возбудилъ противъ него враговъ и устроилъ козни. Бенедиктъ, раздраженный, уклонился вторично отъ борьбы, и, уведя съ собою нѣкоторыхъ изъ своихъ учениковъ, между прочими Мавра и Плацида, удалился, въ 528 г., на границы Абруццъ и земли Лабурской, близъ Кассино.

Онъ нашелъ тамъ то же, что̀ и пустынникъ Вульфилаикъ, исторію котораго я только-что привелъ, нашелъ около Трира: язычество было еще въ полной силѣ, и храмъ статуи Аполлона, воздвигнутый на Монте-Кассино, возвышался надъ городомъ. Бенедиктъ разрушилъ храмъ и статую, уничтожилъ язычество, собралъ многочисленныхъ учениковъ и основалъ новый монастырь.

Это былъ тотъ монастырь, въ которомъ онъ жилъ и правилъ до конца своей жизни; тамъ-то, наконецъ, онъ въ цѣлости примѣнилъ и обнародовалъ свой *Уставъ монастырской жизни*. Онъ сдѣлался скоро, какъ каждый то знаетъ, общимъ и почти единственнымъ закономъ монаховъ на Западѣ. Западное монашество, такимъ образомъ, было преобразовано и получило свою окончательную форму по этому уставу св. Бенедикта. Остановимся же на немъ и изслѣдуемъ его тщательно; этотъ небольшой уставъ общества игралъ въ исторіи Европы весьма важную роль.

Авторъ начинаетъ изложеніемъ въ дѣйствительности быта западныхъ монаховъ въ ту эпоху, т.-е. въ началѣ VI вѣка:

„Извѣстно, говоритъ онъ, что есть четыре рода монаховъ; во-1-хъ, *киновиты*, тѣ, которые живутъ въ монастырѣ, состоя подъ однимъ

началомъ или аббатомъ; во-2-хъ, *анахореты*, т.-е. пустынники; эти люди, которые не по горячности новичка, но по долгому опыту монашеской жизни уже научились, къ великой пользѣ многихъ людей, побѣждать діавола, и которые, бывъ хорошо подготовленными, выходятъ одни изъ воинства своей братіи, чтобы вступить въ поединокъ. Третій родъ монаховъ составляютъ *сарабаиты*, которые, не будучи испытаны никакимъ правиломъ, ни уроками опытности, какъ золото испытывается въ горнилѣ, похожіе болѣе на мягкій свинецъ, остаются вѣрными, въ своихъ дѣяніяхъ, вѣку и лгутъ Богу своимъ постриженіемъ. Они встрѣчаются въ числѣ двухъ, трехъ или и больше, безъ пастыря, съ заботою не объ овцахъ Господа, но о своихъ собственныхъ стадахъ; для нихъ законъ — ихъ желаніе; что̀ имъ вздумается, или что̀ они предпочитаютъ, то и считаютъ святымъ; что̀ имъ не нравится, то они находятъ непозволительнымъ. Четвертый родъ составляютъ монахи, которыхъ называютъ *гировагами*; они въ продолженіе своей жизни живутъ по три или четыре дня въ разныхъ пещерахъ, въ различныхъ провинціяхъ, постоянно странствуя и никогда не утверждаясь на мѣстѣ, повинуясь страстямъ и пороку обжорства; они хуже во всемъ сарабаитовъ. Лучше молчать, нежели говорить о жалкомъ родѣ ихъ жизни; проходя ихъ молчаніемъ, приступимъ, съ божіей помощью, къ устроенію могущественнаго братства киновитовъ“.

Опредѣливъ такимъ образомъ дѣйствительное положеніе своего вопроса, св. Бенедиктъ раздѣляетъ свой уставъ на 73 главы, а именно:

9 главъ объ обязанностяхъ братіи нравственныхъ и общихъ;

13—объ обязанностяхъ религіозныхъ и службѣ;

29—о дисциплинѣ, проступкахъ, наказаніяхъ и проч.;

10—объ управленіи и внутренней администраціи;

12—о различныхъ предметахъ, какъ-то о гостяхъ, о странствующей братіи, и проч.

Такимъ образомъ: 1^0 девять главъ моральнаго устава; 2^0 тринадцать — религіознаго; 3^0 двадцать-девять — уголовнаго, или по дисциплинѣ; 4^0 десять — политическаго; 5^0 двѣнадцать о различныхъ предметахъ.

Возьмемъ каждый изъ этихъ небольшихъ уставовъ и посмотримъ, какія начала въ нихъ господствуютъ, какой былъ смыслъ и значеніе реформы, совершенной ихъ авторомъ.

1^0. Что касается до нравственныхъ и общихъ обязанностей монаховъ, начала, на которыя опирается весь уставъ св. Бенедикта, суть: отреченіе самого себя, послушаніе и трудъ. Отдѣльныя личности монаховъ на Востокѣ, конечно, старались ввести трудъ, какъ начало своей жизни; но такая попытка никогда не была общею и не находила послѣдователей. Св. Бенедиктъ произвелъ великую революцію въ монашескомъ учрежденіи; онъ ввелъ въ него особенно работу ручную, земледѣліе. Монахи бенедиктинскіе были пахарями Европы; они были великими пахарями, соединяя земледѣліе съ проповѣдью. Какая-нибудь колонія, толпа монаховъ, сначала малочи-

сленная, переселялась на мѣста необработанныя, или почти такія часто среди населенія языческаго, въ Германіи, напримѣръ, въ Британіи; и тамъ, будучи миссіонерами и въ то же время работниками, они выполняли свою двойную обязанность, часто съ такою же опасностью, какъ и съ трудомъ. Вотъ, какъ св. Бенедиктъ распредѣляетъ занятія дня въ своихъ монастыряхъ; трудъ занимаетъ при этомъ важное мѣсто:

„Праздность есть врагъ души, и вслѣдствіе того братія должна, въ извѣстные часы, заниматься ручною работою; въ другіе часы — чтеніемъ священныхъ книгъ. Мы полагаемъ, это должно быть распредѣлено такъ. Съ Пасхи до перваго октября, выходя съ ранней молитвы, они будутъ работать, почти до четвертаго часа то, что̀ будетъ необходимо; съ четвертаго часа почти до шестого они займутся чтеніемъ. Послѣ шестого часа, выйдя изъ-за стола, они будутъ отдыхать въ своихъ постеляхъ, безъ шума; или если кто хочетъ читать, пусть читаетъ, но такъ, чтобы никому не мѣшать; чтобъ молитва „девятаго-часа“ (*nona*) была говорена въ половинѣ восьмого. Чтобъ они работали послѣ того до вечерни надъ тѣмъ, что̀ нужно будетъ сдѣлать. Если бѣдность мѣстности, необходимость или уборка плодовъ держитъ ихъ въ постоянныхъ занятіяхъ, то пусть они нисколько не тяготятся тѣмъ, потому что они только тогда—истинные монахи, когда живутъ трудомъ своихъ рукъ, какъ дѣлали наши отцы и апостолы; но чтобъ все дѣлалось въ мѣру, по отношенію къ слабымъ.

„Съ перваго октября до начала поста пусть они занимаются чтеніемъ до второго часа; чтобъ во второмъ часу пѣли терцію, и чтобъ до ноны всѣ работали надъ тѣмъ, что̀ имъ будетъ приказано; чтобъ съ первымъ звукомъ ноны всѣ оставляли работу и были готовы къ тому времени, когда ударятъ во второй разъ. Послѣ обѣда пусть читаютъ или говорятъ псалмы.

„Во дни поста, чтобъ они читали съ утра до третьяго часа, и чтобъ работали послѣ, сообразно тому, что̀ имъ будетъ приказано, до десятаго часа. Въ эти дни поста всѣ получатъ изъ библіотеки книги, которыя они будутъ читать въ порядкѣ и до конца. Эти книги должны быть выдаваемы въ началѣ поста. Особенно должно избирать одного или двухъ старшихъ, чтобы обходить монастырь въ часы, когда братія занята чтеніемъ, и пусть они смотрятъ, не встрѣтятъ ли какого-нибудь нерадиваго брата, который предается отдыху или разговору, вовсе не прилежитъ къ чтенію, и который не только безполезенъ самому себѣ, но еще и совращаетъ другихъ. Если найдутъ такого, то ему дать выговоръ одинъ или два раза; если онъ не исправится, то подвергнуть его наказанію по правилу, такъ чтобы устрашить другихъ. По воскресеньямъ пусть всѣ занимаются чтеніемъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые назначены для различныхъ дѣлъ. Если кто-нибудь небреженъ и лѣнивъ до того, что не хочетъ или не можетъ ни размышлять, ни читать, то ему назначить работу, для того чтобъ онъ не оставался безъ всякаго дѣла. Что касается до братіи разслабленной или нѣжнаго здоровья, то пусть такимъ даютъ работу или занятіе такое, чтобъ они не были ни праздными,

ни обремененными тяжестью труда... Ихъ слабость должна быть принята въ соображеніе аббатомъ“ [1]).

Вмѣстѣ съ работою св. Бенедиктъ придписываетъ пассивное послушаніе монаховъ ихъ настоятелю: правило менѣе новое, и которое преобладало также и у монаховъ на Востокѣ, но св. Бенедиктъ изложилъ его гораздо точнѣе, развивъ болѣе строго его послѣдствія. Невозможно, при изученіи исторіи европейской цивилизаціи, не удивляться той роли, которую играла эта идея, и не искать съ любопытствомъ ея происхожденія. Европа, безъ сомнѣнія, не получила ее ни отъ Греціи, ни отъ древняго Рима, ни отъ христіанства въ собственномъ смыслѣ. Она начинаетъ обнаруживаться подъ покровомъ римской имперіи, и выходитъ изъ культа, предметомъ котораго было величество императорское. Но она дѣйствительнымъ образомъ выросла и развилась въ учрежденіи монашескомъ; она вышла оттуда, чтобъ разлиться по всей новой цивилизаціи. Это роковой ударъ, который западные монахи предложили Европѣ, и который такъ долго искажалъ и парализировалъ самыя ихъ добродѣтели. Начало слѣпого повиновенія повторяется безпрестанно въ правилахъ св. Бенедикта: многіе отдѣлы, озаглавленные *De obedientia De humilitate* и пр., высказываютъ это начало въ подробностяхъ. Вотъ двѣ главы, которыя покажутъ, до чего была доведена строгость примѣненія такого правила. Глава 68, поименованная: *Если что либо невозможное приказано брату*, изожена такъ:

„Если случайно что либо трудное или невозможное приказано брату, пусть онъ приметъ со всею кротостью и послушаніемъ повелѣніе, которое ему то предписываютъ. Если онъ видитъ, что дѣло превосходитъ совершенно мѣру его силъ, пусть въ такомъ случаѣ представитъ прилично и терпѣливо причину невозможности тому, который старше его, не надуваясь надменностью, не упорствуя, не противорѣча. И если послѣ его замѣчанія пріоръ будетъ настаивать на своемъ намѣреніи и приказаніи, то пусть ученикъ знаетъ, что это должно быть такъ, и пусть, съ увѣренностью въ помощь Бога, слушается“.

Глава 69 носитъ названіе: *Въ монастырѣ да не осмѣливается никто защищать другого*, и содержитъ слѣдующее:

„Нужно особенно остерегаться того, чтобъ ни въ какомъ случаѣ одинъ монахъ не смѣлъ защищать другого, или, такъ сказать, ему покровительствовать, даже если бы они были соединены кровными узами; и никакимъ образомъ монахи да не осмѣливаются на то, потому что изъ того могутъ произойти важные поводы къ скандалу. Если кто нарушитъ такое правило, то онъ долженъ подвергнуться строгому выговору“.

Отрицаніе самого себя есть естественное послѣдствіе страдательнаго послушанія. Кто долженъ повиноваться безусловно и во всѣхъ случаяхъ, тотъ не существуетъ; у него отнята личность. Такимъ образомъ, уставъ св. Бенедикта формально запрещаетъ всякую собственность, точно такъ же, какъ и всякую личную волю:

---

[1]) Уст. св. Бенедикта, гл. 48.

„Нужно въ особенности истребить въ монастыряхъ, и до самаго корня, то зло, чтобъ кто-либо обладалъ какою-нибудь вещью, какъ собственностью. Чтобъ никто не смѣлъ ничего давать, ни принимать безъ разрѣшенія аббата, ни имѣть чего-либо въ собственность, никакой вещи, никакой книги, ни таблицъ, ни стиля (заостренная палочка для письма на навощенныхъ таблицахъ), ни чего бы то ни было; ибо имъ не дозволено имѣть въ своей собственной власти ни своего тѣла, ни своей воли“ [1]).

Можетъ ли индивидуальность быть болѣе совершенно уничтожена?

2°. Я не остановлюсь на тѣхъ тринадцати главахъ, которыя опредѣляютъ культъ и религіозное служеніе; онѣ не представляютъ случая ни къ одному замѣчанію.

3°. Напротивъ, тѣ главы, въ которыхъ говорится о дисциплинѣ и о наказаніи, обращаютъ на себя все наше вниманіе. Въ нихъ встрѣчается едва ли не самое замѣчательное изъ измѣненій, внесенныхъ св. Бенедиктомъ въ монастырское учрежденіе, а именно, введеніе торжественныхъ, вѣчныхъ обѣтовъ. До тѣхъ поръ, хотя самое вступленіе въ монастырь принималось за намѣреніе остаться въ немъ, хотя монахъ заключалъ родъ нравственнаго обязательства, которое съ каждымъ днемъ принимало все болѣе и болѣе опредѣленности, однако никакого обѣта, никакого формальнаго обязательства еще не произносилось.

Св. Бенедиктъ ввелъ ихъ и сдѣлалъ основою монашеской жизни, отъ чего первоначальный ея характеръ исчезъ совершенно. Восторженіе и свобода, вотъ каковъ былъ тотъ характеръ; вѣчные же обѣты, бывъ вскорѣ поставлены подъ надзоръ публичной власти, замѣнили то закономъ и постановленіемъ:

„Тотъ, который долженъ быть принятъ, говоритъ уставъ св. Бенедикта, да обѣщаетъ въ молельной, предъ Богомъ и его святыми, вѣчность своего пребыванія, преобразованіе своихъ нравовъ и повиновеніе... Пусть онъ составитъ актъ своего обѣта во имя святыхъ, которыхъ мощи тамъ положены, и въ присутствіи аббата. Пусть онъ напишетъ этотъ актъ своею рукою; или, если онъ не умѣетъ писать, пусть другой, по его просьбѣ, напишетъ за него; послушникъ долженъ сдѣлать на актѣ крестъ и положить его собственноручно на алтарь“ [2]).

Слово *послушникъ* открываетъ намъ другое нововведеніе: послушничество было, на самомъ дѣлѣ, естественнымъ слѣдствіемъ вѣчности обѣтовъ; и св. Бенедиктъ, который соединялъ въ себѣ съ восторженнымъ воображеніемъ и пылкимъ характеромъ много здраваго смысла и практической мудрости, не забылъ его предписать. Послушничество продолжалось болѣе одного года; послушнику читали многократно уставъ отъ начала до конца, говоря: „Вотъ законъ, повинуясь которому, ты хочешь бороться; если можешь его соблюдать, вступай; если не можешь, иди на волю“. Говоря вообще, условія и формы испытанія очевидно составлены въ видахъ чистосердечія и съ намѣ-

---

[1]) Гл. 33.

[2]) Гл. 58.

реніемъ вполнѣ удостовѣриться въ дѣйствительной и непоколебимой волѣ вступающаго въ орденъ.

4⁰. Въ отношеніи политической стороны, т.-е. самаго управленія монастырей, уставъ св. Бенедикта представляетъ удивительную смѣсь деспотизма и свободы. Безотчетное повиновеніе составляетъ въ немъ, какъ мы то сейчасъ видѣли, основное начало; въ то же время, управленіе остается избирательнымъ: аббатъ постоянно избирается братіею. Но когда выборъ сдѣланъ, монахи теряютъ всю свободу, они подчиняются безусловно господству своего настоятеля, но именно того настоятеля, котораго они выбрали, и только его одного. Скажу болѣе: вмѣняя монахамъ въ обязанность повиновеніе, правило предписываетъ настоятелю совѣщаться съ ними. Глава 3-я, озаглавленная: *Должно выслушивать мнѣнія братіи*, именно говоритъ:

„Всякій разъ, когда что-нибудь важное должно произойти въ монастырѣ, аббатъ обязуется созвать конгрегацію, разсказать, въ чемъ дѣло, и, выслушавъ мнѣніе братіи, подумать о томъ отдѣльно, и сдѣлать то, что̀ онъ найдетъ наиболѣе удобнымъ. Мы предписываемъ созывать всю братію на совѣтъ, потому что Богъ часто открываетъ наилучшее самому младшему. Братія высказываетъ свое мнѣніе, сохраняя полное послушаніе, такъ чтобы никто не дерзалъ упорно защищать свою мысль; дѣло зависитъ отъ воли аббата, и всѣ повинуются тому, что̀ онъ найдетъ полезнымъ. Но, какъ ученикамъ слѣдуетъ повиноваться учителю, такъ и послѣдній долженъ устраивать дѣла съ благоразуміемъ и справедливостью. Уставъ необходимо соблюдать во всемъ, и никто не смѣетъ отъ него ни въ чемъ уклоняться...

„Если нужно предпринять что-нибудь маловажное внутри монастыря, то спрашивается мнѣніе однихъ старѣйшихъ, такъ какъ написано: *Дѣлай всѣ дѣла, посовѣтовавшись, и ты не раскаешься въ томъ, что ихъ сдѣлалъ*“.

Такъ совмѣщаются, въ этомъ оригинальномъ управленіи, начала избирательства, обсужденія и безпрекословной власти.

5⁰. Главы, въ которыхъ говорится о различныхъ предметахъ, не заключаютъ въ себѣ ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ характера здраваго смысла и кротости, который, впрочемъ, высказывается во многихъ другихъ частяхъ устава, и чѣмъ невозможно не быть поражену. Идея нравственнаго и общая дисциплина—строги; но въ подробностяхъ жизни самый уставъ человѣченъ и умѣренъ; онъ—человѣчнѣе и умѣреннѣе, чѣмъ законы римскіе, чѣмъ законы варваровъ, чѣмъ общіе нравы того времени; и я не сомнѣваюсь въ томъ, что братія, замкнутая внутри монастыря, управлялась авторитетомъ, говоря вообще, болѣе разумнымъ, и менѣе жестоко, нежели какъ то было въ обществѣ гражданскомъ того времени.

Св. Бенедиктъ былъ столь озабоченъ мыслью о необходимости дать уставъ кроткій и умѣренный, что заключилъ предисловіе, присоединенное къ труду, слѣдующими словами:

„Мы желаемъ, такимъ образомъ, устроить школу служенія Господу, и мы надѣемся, что въ этомъ установленіи не заключается ничего жестокаго и тягостнаго; но если, по голосу правды, будетъ помѣщено въ немъ, исправленія пороковъ ради и поддержанія благодати, что-

либо суровое, не убѣгай, устрашенный тѣмъ, путей спасенія: при своемъ началѣ они всегда узки, но, съ успѣхомъ правильной жизни и вѣры, сердце расширяется, и человѣкъ стремится съ невыразимою сладостью на пути заповѣдей Господа".

Св. Бенедиктъ далъ свой уставъ въ 528 г.; въ 543 г., въ эпоху его смерти, онъ былъ уже распространенъ во всѣхъ частяхъ Европы; св. Плацидій перенесъ его въ Сицилію; другіе—въ Испанію; св. Мавръ, любимый ученикъ св. Бенедикта, ввелъ его во Франціи. По просьбѣ Иннокентія, епископа г. Мана (*Mans*), онъ отправился съ горы Кассино, въ концѣ 542 г., еще при жизни св. Бенедикта; когда онъ прибылъ въ Орлеанъ, въ 543 г., св. Бенедикта уже болѣе не было; но его учрежденіе тѣмъ не менѣе продолжало свое развитіе. Первымъ монастыремъ, основаннымъ св. Мавромъ, былъ монастырь Гланфейльскій (*Glanefeuil*), въ Анжу, или монастырь св. Мавра на Луарѣ (*St Maure sur Loire*). Въ концѣ VI вѣка большая часть монастырей во Франціи приняли тотъ же уставъ; онъ сталъ общею дисциплиною монастырскаго порядка, такъ что около конца VIII столѣтія Карлъ Великій приказалъ разузнать, въ различныхъ частяхъ имперіи, не существуютъ ли другіе монахи, кромѣ монаховъ ордена св. Бенедикта.

Гизо.

Ист. цив. во Франц. 14-я лекц.

См. примѣчаніе къ ст. 3.

ИСПАНІЯ.

Историческій очеркъ страны.

Эпоха паденія з. р. имперіи должна была и для Испаніи имѣть одно и то же значеніе со всѣми другими провинціями и представить для нея тѣ же выгоды; съ того времени древняя Иберія, завоеванная нѣкогда римскимъ оружіемъ, могла возвратить себѣ свою національность и политическую независимость въ лицѣ варварскаго правительства, основаннаго тамъ вестготами. Но Испанія въ своей новой жизни, какъ отдѣльное королевство, встрѣтила для своего дальнѣйшаго развитія еще бо̀льшія препятствія, нежели тѣ, съ которыми должна была бороться Италія. Къ интригамъ папъ, вмѣшивавшихся въ дѣла Испаніи во имя католическаго единства міра, и Византіи, удержавшей въ Испаніи, какъ и въ Италіи, береговыя земли, присоединился религіозный фанатизмъ вестготскихъ аріанъ и самовластіе германской аристократіи, образовавшейся изъ дружинниковъ вестготскихъ королей. Такимъ образомъ, исторія Испаніи, послѣ паденія з. р. имперіи, является не въ видѣ эры новаго существованія страны, но какъ простое продолженіе паденія древняго общества; вестготы въ Испаніи были въ худшемъ положеніи, нежели лонгобарды въ Италіи: не они обновили древнее общество, но оно увлекло ихъ за собою въ своемъ паденіи. Сосѣдство арабовъ, которые, послѣ 622 г., начавшаго собою судьбу мусульманской образованности, распространили свое господство, благодаря деморализаціи провинцій византійскихъ, въ какія-нибудь 100 лѣтъ, по всему берегу Африки, это сосѣдство рѣшило и судьбу Испаніи. Въ началѣ VIII вѣка Испанія была покорена маврами, и только Карловинги удержали дальнѣйшее торжество исламизма и принудили его ограничиться предѣлами Пиринейскаго полуострова. Но тѣмъ не менѣе, въ этотъ первый періодъ исторіи среднихъ вѣковъ испанскія событія, при всемъ ихъ отрицательномъ характерѣ для внутренняго національнаго развитія страны, представляютъ едва ли не самую бо̀льшую важность, по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя имѣлъ актъ завоеванія Испаніи маврами на судьбу образованія всей зап. Европы вообще, и на особенный типъ испанской народности, когда она,

свергнувъ въ слѣдующемъ періодѣ мусульманское иго, къ концу XV столѣтія явилась великою и преобладающею политическою націею въ западной Европѣ. Роль Испаніи въ XV и XVI вѣкѣ, точно такъ же, какъ и быстрое ея паденіе съ высоты своего величія, не были результатомъ одной случайности, но послѣднимъ выводомъ изъ всѣхъ предшествовавшихъ событій, и потому справедливая оцѣнка этихъ событій стараго времени необходима для пониманія многихъ послѣдующихъ явленій. Вотъ тотъ хронологическій порядокъ, въ которомъ слѣдовали факты исторіи Испаніи другъ за другомъ отъ сверженія ею римскаго ига при помощи германскихъ дружинъ до подчиненія ея мусульманскому игу.

Иберія, или Испанія, была первою провинціею, которую утратила з. р. имперія, еще въ первые годы правленія императора Гонорія. Въ 408 г., во время борьбы императора съ своимъ противникомъ, Константиномъ, когда одинъ изъ полководцевъ послѣдняго, Геронцій, завоевавъ сначала Испанію для анти-императора, потомъ отложился отъ него и пригласилъ къ себѣ на помощь вандаловъ, алановъ и свевовъ, Испанія досталась въ руки этимъ варварамъ и была раздѣлена ими по жребію: вандалы удержали за собою сѣв. Испанію, аланы — южную, а свевы утвердились въ Португаліи. Вслѣдъ затѣмъ, такой же переворотъ случился и въ южной Галліи, сосѣдней съ Испаніею: въ 412 г. король вестготовъ *Атаульфъ*, какъ зять императора Гонорія, пріобрѣлъ съ рукою его сестры, Плацидіи, всю южную Галлію. Но новыя варварскія правительства Испаніи не могли получить прочнаго развитія: къ внутреннимъ ихъ междоусобіямъ присоединялись безпрерывныя войны съ римлянами и вестготами. Вандалы успѣли скоро (422) покорить аланское королевство и овладѣли и южною Испаніею (гдѣ и до сихъ поръ одна провинція носитъ ихъ имя: Андалузія); но тѣснимые въ свою очередь вестготами, вандалы, воспользовавшись приглашеніемъ африканскаго намѣстника Бонифація, предоставили вестготамъ всю Испанію, а сами, подъ предводительствомъ короля Гензерика, въ числѣ 80 т., переселились въ Африку, гдѣ и основали вандальское королевство.

Вестготы въ своемъ стремленіи къ завоеванію Испаніи были побуждаемы, между прочимъ, и тѣмъ, что въ Галліи тѣснили ихъ съ сѣвера утвердившіеся тамъ франки Клодовея. Преемникъ Атаульфа, *Валлія* (415 — 419), какъ союзникъ имперіи, открываетъ борьбу съ вандалами, и въ то же время принимаетъ титулъ короля. Его сынъ *Теодорикъ I* (420 — 451) продолжаетъ начатое дѣло отцомъ, но погибаетъ, какъ союзникъ имперіи, въ ея борьбѣ съ Аттилою, на Каталаунскихъ поляхъ. При его дѣтяхъ, *Торисмундѣ* (451—452) и *Теодорикѣ II* (452 — 467), королевство вестготское достигаетъ высшаго своего развитія: Теодорикъ II возводитъ Авита на императорскій престолъ и, разрушивъ свевское королевство (456 г.), овладѣваетъ большею частью Пиринейскаго полуострова. Его преемникъ и убійца, родной братъ *Эврикъ* (467—484), современникъ паденія з. р. имперіи, обращаетъ завоеваніе Испаніи, сдѣланное вестготами во имя римскаго правительства, въ свои собственныя владѣнія (468), и избираетъ столицею Арль (Arelatum), въ южной Галліи; при немъ же вестготы

получили въ первый разъ письменные законы. Но его эпоха была послѣднею для господства вестготовъ въ Галліи. Хотя преемникъ Эврика, *Аларикъ II* (484 — 507) былъ женатъ на дочери Теодорика Великаго, хотя при немъ была сдѣлана попытка уничтожить различіе между побѣдителями и побѣжденными сліяніемъ римскаго и германскаго законодательства (Breviarium Alaricianum), но ничто не могло спасти вестготовъ отъ паденія въ борьбѣ ихъ съ франками. Клодовей, король франковъ, разбилъ Аларика II при Вугле (507 г.): самъ Аларикъ палъ въ сраженіи. Съ того времени вестготы удерживаютъ одну небольшую часть приморской Галліи и сосредоточиваются на одномъ Пиринейскомъ полуостровѣ.

Первые преемники Аларика II до Реккареда (отъ 507 до 586 г.),—а именно: *Амаларикъ* (507 — 531), *Теудесъ* (531 — 548), *Агила* (548 — 554), *Атанагильдъ* (554 — 568), дочери котораго, Гальзуинта и Брунегильда, были за франкскими королями, Гильперикомъ и Сигбертомъ; и *Ліура* и *Леогивильдъ* (568—586) вмѣстѣ, — при постоянныхъ внѣшнихъ войнахъ съ Византіею, сохранившей береговыя владѣнія и поддерживавшей изъ политическихъ видовъ католичество въ Испаніи противъ аріанъ, ознаменовали потому свое правленіе страшными гоненіями на католиковъ, истребившими лучшія силы страны. Но преемникъ Леогивильда, *Реккаредъ* (586 — 601), современникъ папы Григорія I В., принятіемъ католичества уничтожилъ зло, препятствовавшее новому правительству слиться съ побѣжденною страною, и лишилъ Византію повода къ новымъ интригамъ. Впрочемъ, старое зло было замѣнено новымъ: съ утвержденіемъ католичества, вестготское правительство нашло себѣ еще болѣе опасное соперничество въ честолюбіи духовенства, которое становилось между нимъ и народомъ; къ этому присоединялось самовластіе вестготской аристократіи, образовавшейся изъ потомковъ древней дружины, и ея крайняя деморализація, основанная на порабощеніи ей другихъ сословій государства. Потому исторія вестготовъ въ Испаніи, въ теченіе послѣднихъ 100 лѣтъ, отъ смерти Реккареда до вступленія на престолъ Витицы (отъ 601 до 701), а именно при *Ліувѣ II* (601 — 603), *Виттерикѣ* (603 — 610), *Гундамирѣ* (610 — 612), который сдѣлалъ епископа Толедскаго примасомъ Испаніи, *Сизебутѣ* (612 — 620), *Свинтилѣ* (620 — 631), который изгналъ почти окончательно грековъ изъ Испаніи, *Сизеналдѣ* (631 — 636), *Гинтилѣ* (636 — 640), *Тулгѣ* (640—642), *Гиндазуинтѣ* (642—649), *Рекказуинтѣ* (649—672), который, при всей слабости къ духовенству, былъ замѣчателенъ побѣдами въ Африкѣ и изданіемъ общаго закона для побѣдителей и побѣжденныхъ (Forum judicum, или Fuero juzgo), *Вамбѣ* (672 — 680) и *Эрвигѣ* (680 — 687), при которыхъ еще болѣе возвысилась власть архіепископа Толедскаго, и наконецъ при *Эгигѣ* (687—701), который принужденъ былъ взять своего сына Витицу соправителемъ, — была эпохою ихъ паденія: соперничество съ архіепископомъ Толедскимъ, возстаніе грандовъ--такъ называлось въ Испаніи высшее сословіе— преслѣдованіе евреевъ, борьба съ появившимися сарацинами въ Африкѣ, все это разслабляло правительство, и потому, когда *Витица* (701 — 710) возсталъ противъ этихъ злоупотребленій, оно не могло

устоять въ борьбѣ даже съ внутренними врагами. Витица успѣлъ поставить архіепископомъ своего сына Оппаса, преслѣдовалъ самовластіе грандовъ, но его жестокость осталась безплодною и возбудила тѣмъ болѣе сильную оппозицію; по смерти его былъ избранъ помимо его дѣтей графъ *Родерикъ* (710). При немъ-то дѣти Витицы и ихъ партія, во главѣ которой стоялъ Юліанъ, правитель Цеуты, призываютъ мавровъ въ Испанію. Африканскій эмиръ Муза и его полководецъ Тарикъ, послѣ погибели Родерика (711 г.), овладѣваютъ всею страною и обращаютъ ее въ провинцію Багдадскаго калифата. Немногіе изъ христіанъ успѣли спасти свою независимость, бѣжавъ въ сѣверныя горы Астуріи, Галисіи и Наварры, гдѣ они, избравъ своимъ королемъ въ горахъ Астурскихъ и Галисійскихъ *Пелайо*, внука короля Гиндазуинта, основали королевство Леонское, въ то время, какъ въ Наваррѣ утвердился другой христіанскій владѣтель *Петръ*. Эти-то два королевства и послужили ядромъ будущей независимой Испаніи.

Испанія, по завоеваніи ея маврами, управлялась намѣстниками Омміадовъ, калифовъ багдадскихъ до 755 г. Намѣстники, и въ особенности одинъ изъ нихъ, Абдеррахманъ (725 — 731), стремятся къ расширенію своихъ владѣній за Пиринеи, и Абдеррахманъ дошелъ до р. Луары, но Карлъ-Мартеллъ, предводитель франковъ, разбилъ его при Пуатье (732 г.), близъ Тура. Къ этому несчастью для мусульманъ присоединилась внутренняя революція 755 г., когда послѣдній Омміадъ, *Абдеррахманъ I* (755 — 788), по истребленіи его фамиліи въ Багдадѣ, явился въ Испанію и провозгласилъ себя независимымъ калифомъ, избравъ себѣ столицею Кордову. Эмиры или правители провинцій, недовольные такою близостью центральной власти, возстаютъ противъ новаго порядка вещей и призываютъ на помощь христіанъ. Такъ, эмиръ Сарагоссы пригласилъ Карла В., и вслѣдствіе того франки отняли у мусульманъ всю сѣверную Испанію до р. Эбро (778 г.), гдѣ Карлъ В. образовалъ испанскую мархію (пограничное графство). Въ то же время преемники Пелайо и Петра распространяютъ свои владѣнія до р. Дуро, а Альфонсъ II (791 — 842) переноситъ свою столицу изъ Леона въ Овіедо. Такимъ образомъ, въ концѣ VIII вѣка на Пиринейскомъ полуостровѣ образуются троякаго рода владѣнія: 1) *Кордовскій калифатъ* до р. Дуро и Эбро; 2) *Овіедское королевство* на с.-з. Испаніи, и 3) на с.-в. *Испанская мархія*, какъ провинція монархіи Карла Великаго.

При тѣсной связи исторіографіи съ политическимъ развитіемъ страны легко предвидѣть, что Испанія въ этомъ періодѣ не можетъ представить большихъ матеріаловъ, ни обнаружить успѣховъ въ формѣ и содержаніи своихъ историческихъ произведеній. Вестготы не оказали такихъ услугъ своей странѣ, какъ остготы или лонгобарды, и потому между ними не явилось національныхъ историковъ, въ родѣ Павла Дьякона или Іордана; въ Испаніи могла существовать одна ученая историческая литература по искаженнымъ преданіямъ отъ классическихъ писателей; но и ихъ произведенія погибли при вторженіи; сохранился трудъ одного *Исидора Севильскаго*, епископа (ум. 636 г.). Онъ написалъ: 1) Chronicon seu histo-

ria Gothorum, отъ 176 до 628 г., а по испанскому лѣтосчисленію отъ 214 до 666 г.; 2) Chronicon regum Visigothorum; 3) Historia Vandalorum et Suevorum, и 4) De scriptoribus ecclesiasticis seu de viribus illustris (всѣ его сочиненія изданы въ лучшемъ сборникѣ историческихъ памятниковъ Испаніи: *Schott*, Historia illustrata. Francof. 1603 — 8, въ 4 том.). Но Исидоръ, при всей славѣ перваго ученаго того времени, остается сухимъ компиляторомъ и отстаетъ далеко отъ предшествовавшихъ ему историковъ Италіи или послѣдовавшаго за нимъ Павла Дьякона. Потому для этого періода исторіи Испаніи надобно довольствоваться или франкскими лѣтописцами, какъ, напр., Григоріемъ Турскимъ, при которомъ Испанія была въ тѣсной связи съ франками, или позднѣйшими національными историками XIII вѣка, когда при Альфонсѣ X, вмѣстѣ съ политическимъ возвышеніемъ государства, явилась потребность изслѣдованія старины; къ числу послѣднихъ принадлежитъ епископъ испанскій Лука.

Для послѣдняго столѣтія этого періода являются весьма важными произведенія мусульманскихъ писателей, свидѣтельства которыхъ будутъ пріобрѣтать особенную важность по мѣрѣ успѣха науки оріентальныхъ языковъ. Въ новѣйшее время лучшимъ представителемъ по отдѣлу арабско-испанской литературы считается голландскій ученый Дози, котораго произведенія въ первый разъ представили въ истинномъ свѣтѣ судьбу Испаніи въ первомъ ея періодѣ до Карла В.

Между общими сочиненіями объ исторіи Испаніи лучшими считаются: 1) *Lembke*: „Geschichte von Spanien“. Hamb. 1831; *Guttenstein*: „Geschichte des spanischen Volkes“. Manh. 1836 — 38; 2 т.; къ новѣйшимъ сочиненіямъ принадлежитъ исторія Испаніи, составленная проф. истор. въ Сорбоннѣ Rosseuw St. Hilaire.

---

57. — Преслѣдованія католиковъ въ Испаніи.

(591 г.).

Въ Испаніи, въ этомъ году (580 г.), было большое преслѣдованіе католиковъ; многіе были сосланы въ ссылку, лишены своего имущества, преданы голодной мукѣ, заточены въ темницы, избиты и замучены всякаго рода казнями. Главной виновницей такихъ злодѣяній была Гунсвинта, на которой женился король визиготскій Леовигильдъ, по смерти короля Атанагильда, ея перваго мужа. Но она, за поруганіе и униженіе служителей Господа, сама была, по приговору Всевышняго, посрамлена и пристыжена предъ лицомъ всѣхъ народовъ: бѣльмо закрыло ей одинъ глазъ и лишило ея очи того свѣта, котораго уже былъ лишенъ ея мужъ. Король Леовигильдъ имѣлъ отъ

первой жены [1]) двухъ сыновей [2]), изъ которыхъ старшій былъ обрученъ съ дочерью короля Сигберта, а младшій съ дочерью короля Гильперика [3]). Ингунда, дочь короля Сигберта, отправленная въ Испанію съ большою свитою, была принята съ большою радостью Гунсвинтою, своей бабкой [4]). Но послѣдняя могла ненадолго предоставить ей спокойно исповѣдывать католическую вѣру, и начала ласковыми словами убѣждать ее снова окреститься въ аріанскую ересь. Ингунда твердо сопротивлялась и говорила: „Для меня достаточно одинъ разъ обмыться въ спасительномъ крещеніи отъ первороднаго грѣха, и признать святую Троицу единою и единосущною; такъ я вѣрую и исповѣдую то отъ всего сердца, и никогда не отступлюсь отъ этой вѣры". При этихъ словахъ Гунсвинта, воспламененная яростнымъ гнѣвомъ, схватила дѣвушку за волоса, повалила ее на землю, и била до крови ногами; потомъ приказала ее раздѣть и окрестила въ водоемѣ. Но, какъ увѣряютъ, сердце Ингунды никогда не уклонялось отъ нашей вѣры. Леовигильдъ далъ ей и ея мужу Герменгильду городъ, въ которомъ они имѣли свой дворъ, и которымъ управляли. Но едва они отправились въ путь, какъ Ингунда начала увѣщевать своего мужа отказаться отъ заблужденія аріанской ереси и исповѣдывать истинную вѣру. Онъ долго сопротивлялся; наконецъ, тронутый ея поученіями, онъ призналъ истинную вѣру и получилъ, вмѣстѣ съ помазаніемъ, имя Іоанна. Когда Леовигильдъ узналъ о томъ, то началъ думать, какъ бы погубить его. Сынъ его, замѣтивъ то, принялъ сторону императора и вступилъ въ сношенія съ его намѣстникомъ; въ то время императоръ велъ войну съ Испаніею. Леовигильдъ отправилъ пословъ объявить сыну: „Приди ко мнѣ, я имѣю дѣло, о которомъ намъ необходимо переговорить другъ съ другомъ". Тотъ ему отвѣчалъ: „Ни за что не пойду; ты мой врагъ за то, что я католикъ". Леовигильдъ, давши императорскому намѣстнику 30 тысячъ солидовъ золота съ тѣмъ, чтобы отвлечь его отъ союза съ сыномъ, поднялся съ своимъ войскомъ и пошелъ на сына. Съ своей стороны, Герменгильдъ, призвавши грековъ на помощь, оставилъ жену въ городѣ и выступилъ противъ отца. Но едва Леовигильдъ напалъ на Герменгильда, какъ союзники оставили послѣдняго, и онъ, видя себя въ невозможности предпринять что-нибудь, убѣжалъ въ сосѣднюю церковь, говоря: „Пусть отецъ не приближается ко мнѣ: преступно отцу убить сына, или сыну отца". Леовигильдъ, узнавъ объ этихъ словахъ, послалъ его брата, который клятвою обѣщалъ, что ему не будетъ причинено никакого зла, и говорилъ: „Иди самъ, пади къ ногамъ твоего отца, и онъ проститъ тебѣ все". Герменгильдъ просилъ позвать отца; и когда этотъ вошелъ въ церковь, то онъ упалъ къ его ногамъ. Леовигильдъ поднялъ его, поцѣловалъ, ласково говорилъ съ нимъ и увелъ съ собою въ лагерь. Онъ не остался однако вѣрнымъ данной клятвѣ, и, давъ знакъ своимъ людямъ, приказалъ

---

[1]) Ѳеодосія, изъ Карѳагена.

[2]) Герменгильдъ и Реккаредъ.

[3]) Сигбертъ и Гильперикъ, франкскіе короли, изъ фамиліи Меровинговъ.

[4]) Сигбертъ былъ женатъ на Брунегильдѣ, дочери Гунсвинты.

схватить его, снять одежды и надѣть грубое платье. По возвращеніи въ свой городъ Толедо, Леовигильдъ отнялъ у сына служителей, и отправилъ его въ изгнаніе, оставивъ при немъ только одного юношу [1]).

Григорій Турскій.

Дес. книгъ церковн. исторіи франк. V, 39 (38).

См. примѣчаніе къ ст. 74.

---

58. — Диспутъ католика съ аріаниномъ.

(591 г.).

Между тѣмъ (около 580 г.) король Леовигильдъ отправилъ къ Гильперику, королю франковъ, Агилу, человѣка, лишеннаго всякой ловкости найти на мысль и изложить ее съ искусствомъ; онъ былъ только злѣйшій врагъ католической вѣры. Такъ какъ ему лежалъ путь чрезъ г. Туръ, то, прибывъ къ намъ, онъ началъ нападать на насъ по поводу вѣры и оспаривать догматы нашей церкви. „Несправедливо рѣшили, говорилъ онъ, тѣ древніе епископы, которые утверждали, что Сынъ равенъ Отцу; ибо, прибавилъ онъ, какъ можетъ быть Сынъ равенъ Отцу въ могуществѣ, когда онъ самъ сказалъ: *Отецъ мой болѣе Меня* [2])? Потому-то несправедливо смотрѣть на него какъ на равнаго тому, кому онъ самъ подчиняется, къ кому обращался съ жалобою въ предсмертной тоскѣ, и кому, наконецъ, умирая, поручилъ свой духъ, какъ неимѣющій никакой власти; отсюда ясно слѣдуетъ, что онъ ниже своего Отца и по времени, и по могуществу“. Въ отвѣтъ на это, я его спросилъ: вѣритъ ли онъ, что Іисусъ Христосъ есть Сынъ Божій, и признаетъ ли въ немъ ту же божескую премудрость, свѣтъ, истину, жизнь и правосудіе. Онъ отвѣчалъ мнѣ: „Я вѣрю, что Сынъ Божій имѣетъ все то“. На это я ему: „Скажи же мнѣ, когда Отецъ не имѣлъ мудрости, свѣта, жизни, истины и правосудія? Если же Отецъ не можетъ быть безъ этихъ качествъ, то онъ не могъ также быть и безъ Сына, а эти-то качества именно и составляютъ необходимую принадлежность божеской природы. Кромѣ того, его не называли бы Отцемъ, если бы

---

[1]) Позднѣе, въ 586 г., Герменгильдъ былъ преданъ смерти въ Таррагонѣ, по приказанію своего отца, за то, что отказался принять причастіе изъ рукъ аріанскаго епископа: его причислили къ мученикамъ (Пав. Дьяк., III, 21). Ингунда бѣжала, но ее успѣли задержать и отправили въ Сицилію, гдѣ она и умерла. По словамъ Григорія Турскаго (VIII, 29), она умерла въ Африкѣ въ то время какъ греки везли ее въ Константинополь.

[2]) Іоаннъ, XIV, 28.

онъ когда-нибудь не имѣлъ Сына. Что же касается до того мѣста, которое ты мнѣ противопоставляешь: *Отецъ мой болѣе меня*, то знай, что онъ говорилъ такъ для уничиженія плоти, которую принялъ на себя, и чтобы показать тебѣ, что не могущество, но уничиженіе искупило тебя. Далѣе, если ты приводишь слова: *Отецъ Мой болѣе Меня*, то надобно тебѣ вспомнить и то, что̀ въ другомъ мѣстѣ сказалъ онъ же: *Я и Отецъ одно* [1]). Предсмертный же страхъ его, и то, что онъ предавалъ духъ свой Богу, имѣютъ отношеніе къ одной слабости плоти; ибо необходимо было, чтобы въ немъ признавали истиннаго человѣка, какъ признаютъ истиннаго Бога". — Онъ мнѣ возразилъ: „Тотъ, кто исполняетъ волю чью-нибудь, стоитъ ниже; слѣдовательно, Сынъ ниже Отца, потому что онъ исполнялъ его волю; между тѣмъ, ничто не доказываетъ, чтобы Отецъ исполнялъ волю Сына".—На это я ему: „Пойми, что Отецъ всегда въ Сынѣ, и Сынъ въ Отцѣ, а оба вмѣстѣ составляютъ единое божеское существо; и наконецъ, чтобы ты видѣлъ, что и Отецъ исполняетъ волю Сына, послушай, если ты имѣешь еще вѣру въ Евангеліе, что̀ самъ Іисусъ, нашъ Богъ, произнесъ, когда воскресилъ Лазаря: *Отче, благодарю Тебя, что Ты услышалъ Меня. Я и зналъ, что Ты всегда послушаешь Меня; но сказалъ сіе для народа, здѣсь стоящаго, дабы повѣрили, что Ты послалъ Меня* [2]). И когда онъ обратился къ нему во время страданія, то сказалъ: *И нынѣ прославь Меня, Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имѣлъ у Тебя прежде бытія міра* [3]). И Отецъ ему отвѣчалъ съ высоты небесъ: *Я прославилъ и еще прославлю* [4]). И такъ, Сынъ равенъ Отцу, какъ Богъ, и не ниже его; онъ ни въ чемъ не менѣе Отца; ибо, если ты признаешь его Богомъ, то ты долженъ необходимо признать, что онъ совершенъ и не имѣетъ ни въ чемъ недостатка; если же ты утверждаешь, что онъ несовершенъ, то ты не признаешь его Богомъ". На это онъ мнѣ: „Его начали называть Сыномъ Божіимъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ воплотился; потому что было время, когда онъ не былъ такимъ". — На это я ему: „Послушай Давида, который говоритъ отъ имени Отца: *Изъ Моего чрева я родилъ Тебя еще предъ утренней звѣздою* [5]). Ев. Іоаннъ говоритъ: *Въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Богъ былъ Слово... и Слово стало плотію, и обитало съ нами... И все получило Имъ бытіе* [6]). Но вы, ослѣпленные обольстительнымъ ядомъ, не постигаете Бога достойнымъ его образомъ". А онъ мнѣ на это: „Вы учите также, что Духъ Святой есть Богъ, и считаете его равносущнымъ Отцу и Сыну?" Я отвѣчалъ: „У всѣхъ трехъ одна воля, одно могущество,

---

[1]) Іоаннъ, X, 30.

[2]) Іоаннъ, XI, 41, 42.

[3]) Іоаннъ, XVII, 5.

[4]) Іоаннъ, XII, 28.

[5]) Псал. ХС, 3. Въ славянскомъ переводѣ: изъ чрева денницы родихъ тя.—Въ лютеровомъ переводѣ: Deine Kinder werden dir geboren, wie der Thau aus der Morgenröthe.

[6]) Іоаннъ, I, 1, 14, 3.

одно дѣйствіе. Богъ есть единъ въ троицѣ и троиченъ въ единицѣ: три лица, но одна власть, одно величіе, одна сила и одно всемогущество".—„Святой Духъ, возразилъ онъ, котораго вы считаете равнымъ Отцу и Сыну, подчиненъ обоимъ, ибо въ св. писаніи сказано, что онъ былъ обѣщанъ Сыномъ и посланъ Отцомъ; всякій же обѣщаетъ только то, чтò находится у него во власти, и всякій посылаетъ только своего подчиненнаго, какъ онъ самъ говоритъ то въ Евангеліи: *Ибо, если Я не пойду, Утѣшитель не придетъ къ вамъ; а если пойду, то пошлю Его къ вамъ*" [1]). На это я отвѣчалъ: „Сынъ, предъ своимъ страданіемъ, справедливо сказалъ, что если онъ не вознесется къ Отцу побѣдителемъ, и, искупивъ міръ цѣною своей крови, не приготовитъ въ сердцѣ человѣка жилища, достойнаго Бога, то Духъ Святой, который и есть самъ Богъ, не могъ бы сойти въ сердце язычника, оскверненное пятномъ первороднаго грѣха. Потому что *Духъ Святой*, какъ говоритъ Соломонъ, *наказанія отбѣжитъ лѣстива* [2]). Что же касается до тебя, то если ты имѣешь какую-нибудь надежду на воскрешеніе мертвыхъ, то бойся говорить противъ Святого Духа; потому что, по словамъ Господа: *Если же кто скажетъ на Духа Святого, не простится ему ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ* [3]). Онъ опять возразилъ: „Богомъ можетъ быть тотъ, кто посылаетъ, а не тотъ, кого посылаютъ". Тогда я его спросилъ, вѣритъ ли онъ въ ученіе апостоловъ Петра и Павла. Когда же онъ отвѣчалъ: „Вѣрю", я прибавилъ: „Апостолъ Петръ, упрекая Ананію за утайку части своего имущества, вотъ чтò ему говорилъ: *Какъ ты могъ солгать Духу Святому? Ибо ты не людямъ солгалъ, но Богу* [4]). То же сказалъ и Павелъ, когда онъ дѣлалъ различіе между дарами Духа: *Все же сіе производитъ одинъ и тотъ же Духъ*, говорилъ онъ, *раздавая въ особенности каждому какъ Ему угодно* [5]). А тотъ, который дѣлаетъ все, чтò ему угодно, не подчиненъ ни чьей власти. Но вы, какъ я уже сказалъ, не имѣете никакого правильнаго понятія о святой троицѣ; а какъ недостойно и превратно ученіе вашей секты, то показала смерть вашего ересіарха Арія". „Не богохульствуй, отвѣчалъ онъ, противъ вѣры, которую не исповѣдуешь; мы хотя и не вѣримъ въ то, во чтò вы вѣруете, но не поносимъ вашей вѣры, потому что нельзя дѣлать преступленій изъ того, что одинъ вѣруетъ такъ, а другой иначе. У насъ даже есть поговорка, что, проходя между языческимъ храмомъ и божьею церковью, нѣтъ ничего худого поклониться обоимъ". Замѣтивъ его глупость, я перервалъ его: „Изъ того, что я замѣчаю, видно, ты объявляешь себя защитникомъ язычниковъ, также какъ и служишь представителемъ еретиковъ: въ одно и то же время ты искажаешь догматы церкви и проповѣдуешь поклоненіе языческимъ безстыдствамъ. Ты сдѣлалъ бы лучше, если бы вооружилъ себя той вѣрой, которою былъ проникнутъ Авраамъ подъ дубомъ, Исаакъ, при

---

1) Іоаннъ, XVI, 7.

2) Премудр. I, 5.

3) Матѳ. XII, 32.

4) Перифразъ изъ Дѣян. ап. V, 3 и 4.

5) I Кор. XII, 11.

видѣ овна, Іаковъ на камнѣ, Моисей передъ купиной, которую Ааронъ носилъ на своей груди, которую Давидъ воспѣвалъ на тимпанѣ, которую Соломонъ предвозвѣстилъ въ своей мудрости, которую всѣ патріархи, пророки и самъ законъ воспѣвали въ прорицаніяхъ или прообразовали въ жертвоприношеніяхъ; которую нашъ заступникъ, здѣсь находящійся, нашъ Мартинъ, хранилъ въ сердцѣ или обнаруживалъ въ дѣлахъ: вотъ, если бы эта вѣра проникла и въ твое сердце, если бы ты обратился и исповѣдалъ единосущную троицу и получилъ бы наше благословеніе для очищенія своего сердца отъ яда нечестиваго невѣрія, тогда ты загладилъ бы свои грѣхи". На это онъ, взбѣшенный и дрожащій, не знаю почему, какъ безумный, воскликнулъ: „Душа моя скорѣе вырвется изъ оковъ этого тѣла, нежели я приму благословеніе какого-нибудь священника вашей вѣры". А я отвѣчалъ: „Да не восхочетъ Богъ довести ни нашу религію, ни нашу вѣру до того, чтобы мы были вынуждены бросать его святыню собакамъ, и метать драгоцѣнные перлы передъ нечистыми свиньями!" Тогда, оставивъ споръ, онъ всталъ и ушелъ. Впослѣдствіи, по возвращеніи въ Испанію, удрученный болѣзнью, Агила былъ принужденъ обратиться къ нашей религіи.

Григорій Турскій.

Дес. кн. церк. ист. франк. V, 43 (44).

См. примѣчаніе къ ст. 74.

---

59. — Завоеваніе Испаніи маврами, по латинскимъ преданіямъ.

(1236 г.).

Витица (701—710 г.) вступилъ на престолъ (вестготскаго королевства) еще при жизни своего отца. Но онъ былъ весьма порочный и преступный человѣкъ, имъ были посѣяны въ Испаніи сѣмена невыразимыхъ и чудовищныхъ пороковъ; распустивъ бразды безстыдства, онъ предался чувственнымъ наслажденіямъ, и расположилъ го̀товъ къ разврату, роскоши и заносчивости. Забвеніе всякой божественной религіи, пренебреженіе уврачеваніемъ души ввели въ народъ вестготскій (exercitus Gothorum) страсть къ нападенію на чужую собственность, къ грабежу и расточительности. Епископы же и служители церкви тяготились божественною службою, ни во что ставили постановленіе соборовъ, и, заперевъ церковныя двери, оставляли въ пренебреженіи святыя таинства. Правила святого отца Исидора (Севильскаго) не уважаются, соборы отвергнуты, святые каноны отмѣнены, и уничтожено все, что̀ только было безпорочнаго. А чтобы

противъ короля не возстала святая церковь, этотъ чувственный человѣкъ приказалъ епископамъ, священникамъ, дьяконамъ и прочимъ служителямъ церкви вступить въ бракъ (carnales uxores habere), и подъ страхомъ смерти запретилъ повиноваться римскому первосвященнику. Это-то и было причиною погибели Испаніи, какъ сказано въ писаніи: *будетъ изобиловать несправедливость и охладеніе милосердія многихъ.* Кромѣ того, преступный Витица имѣлъ нѣсколько женъ и наложницъ и приказалъ своимъ вельможамъ дѣлать то же самое. Все дворянство (nobilitas) го̀товъ, утопая въ пиршествахъ, страстяхъ и порокахъ, навлекло на себя гнѣвъ Господа, такъ что надъ ними исполнилось, что̀ сказано въ писаніи: *когда нечестивый дойдетъ до глубины зла, онъ осуждается.* Такъ какъ короли и священнослужители оставили Господа, то и жители Испаніи были оставлены Господомъ, и погибали толпами. Итакъ, Витица былъ посланъ, какъ зло: онъ разрушилъ стѣны всѣхъ городовъ въ своемъ королевствѣ, чтобы граждане не могли ему сопротивляться и чтобы тѣмъ легче можно было завлечь ихъ въ свои преступленія. Однако стѣны городовъ Толедо, Леона и Астуріи (Toletanae urbis, Legionensis et Astoricensis) были оставлены неприкосновенными изъ уваженія къ ихъ гражданамъ. Воспламененный злобою и гнѣвомъ, Витица схватилъ обманомъ Теудефреда, герцога Кордовы (Cordubensem ducem), и, лишивъ его зрѣнія, приказалъ позорно бить. Теудефредъ же происходилъ изъ готской королевской фамиліи, а именно, онъ былъ сынъ короля Гиндазуинда, оставленный отцемъ въ младенческомъ возрастѣ. Когда онъ возмужалъ, король Эгика, видя его доблести и опасаясь, чтобы онъ вмѣстѣ съ готами не возсталъ противъ него, выгналъ его изъ королевства. Теудефредъ пришелъ въ Кордову, взялъ себѣ жену изъ королевскаго рода, именемъ Рицилону, и отъ нея-то родился у него сынъ, по имени Родерикъ, который, достигнувъ совершеннолѣтія, сдѣлался воинственнымъ мужемъ и построилъ въ Кордовѣ укрѣпленный замокъ (palatium fortissimum). Итакъ, Витица, какъ я разсказалъ, лишилъ Теудефрида зрѣнія, чтобы онъ не могъ ему сопротивляться. Кромѣ того, онъ хотѣлъ схватить и также ослѣпить Пелагія, сына герцога Фафилы, за то, что онъ покушался сдѣлаться послѣ него владѣтелемъ Испаніи, но Пелагій убѣжалъ. Изгнавъ же епископа толедскаго Юліана, Витица поставилъ на его мѣсто сына своего Оппаса, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ въ одно время архіепископомъ севильскимъ и толедскимъ, хотя это противно опредѣленіямъ святыхъ каноновъ. Витица, умножая несправедливость несправедливостью, возвратилъ евреевъ въ Испанію и, уничтоживъ церковныя привилегіи, далъ привилегіи евреямъ, освободивъ ихъ отъ повинностей. Но Богъ, ненавидящій такую порочность и такое зло, разорилъ людей и нисповергнулъ народы Испаніи. Витица царствовалъ пятнадцать лѣтъ, и умеръ собственною смертью въ Толедо.

По приговору вельможъ готской націи (consilio magnorum Gothicae gentis), ему наслѣдовалъ *Родерикъ*, сынъ Теудефреда, какъ мужъ твердый и воинственный, ко всякому дѣлу способный, но по образу жизни и нравамъ нѣсколько похожій на Витицу. Въ третій годъ своего царствованія, торопясь отомстить обиду, нанесенную его

отцу, онъ съ величайшимъ позоромъ выгналъ изъ Испаніи двухъ сыновей Витицы, Фармарія и Экспуліона. Они отплыли въ тингитанскую провинцію (въ Африкѣ) и присоединились къ графу Юліану, который былъ любимѣйшимъ изъ щитоносцевъ короля Витицы. Соболѣзнуя о ихъ изгнаніи и посрамленіи, Юліанъ совѣщался съ ними о призваніи мавровъ, чтобы при ихъ помощи отомстить за причиненныя имъ несправедливости. Къ такому преступленію Юліанъ былъ вынужденъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что король Родерикъ, взявши его дочь, которая ему понравилась за красоту, съ тѣмъ, чтобы на ней жениться, держалъ ее, какъ наложницу. Юліанъ былъ мужъ проницательный и коварный: онъ весьма хитро побуждалъ франковъ завоевать Испанію, лежащую по сю сторону Ибера. Притворившись другомъ Родерика, онъ въ то же время коварно совѣтовалъ ему отправить лошадей и оружіе въ Галлію и въ Африку, такъ какъ, по его увѣренію, внутри Испаніи онъ могъ править совершенно безопасно, и слѣдовательно не было никакой необходимости держать въ отечествѣ оружіе, которое можетъ служить только для междоусобій. Вслѣдствіе того Родерикъ издалъ эдиктъ, которымъ повелѣвалось вездѣ, гдѣ бы ни были найдены оружія и крѣпкія лошади, отобрать ихъ у владѣльцевъ силою и препроводить въ Галлію. Такому предательству благопріятствовалъ и Оппасъ, примасъ севильскій и архіепископъ толедскій, котораго Витица, его отецъ, поставилъ во главѣ двухъ первоклассныхъ (regalibus) городовъ, чтобы съ его помощью ниспровергнуть католическую церковь. Такимъ-то образомъ *Улитъ*, могущественнѣйшій король (rex) варваровъ, подкрѣпленный силами всего африканскаго герцогства Юліана, обнадеженный помощью сыновей Витицы и увѣренный, что въ Испаніи нѣтъ ни оружія, ни лошадей, а города ея безъ укрѣпленій, послалъ туда *Тарика-Страбона*, одного изъ вождей своей арміи, съ двадцатью пятью тысячами храбрыхъ воиновъ, чтобы онъ, удостовѣрившись предварительно въ дѣйствительности предательства Юліана, началъ войну съ королемъ Испаніи. Варварскій король опасался на всякій случай хитрой ловушки со стороны намѣстника тингитанскаго, и, зная его за человѣка непріязненнаго, могущественнаго, богатаго средствами и умомъ, приказалъ Тарику убѣдиться во всемъ лично. Такимъ образомъ, сарацины завоевали Севилью (Hispalis) и окрестъ лежащіе города, потому что нашли ихъ безъ стѣнъ и лишенными всѣхъ средствъ къ защитѣ. Король же Родерикъ только тогда замѣтилъ коварство Юліана, когда узналъ о нашествіи варваровъ; собравъ войско готовъ и вооружившись какъ только можно было, онъ съ мужествомъ и отвагою вступилъ въ первое сраженіе, и въ продолженіе семи дней бился постоянно, безъ отдыха, такъ что положилъ на мѣстѣ шестнадцать тысячъ воиновъ изъ арміи Тарика. Когда Юліанъ и двое сыновей Витицы, оставленные маврами въ резервѣ, увидали короля Родерика ратующимъ въ первыхъ рядахъ своего войска, они стали подкрѣплять силы варваровъ, замѣщая убитыхъ и раненыхъ мавровъ христіанскими воинами. Такимъ образомъ, вѣрность Юліана данному слову сдѣлалась извѣстною во всей Африкѣ, и *Муза*, главный предводитель войскъ африканскаго короля, отправился въ Испанію, съ безчисленнымъ мно-

жествомъ кавалеріи и пѣхоты. Затѣмъ возобновилась война, а силы варвара постоянно увеличивались прибытіемъ въ его ряды одного отряда за другимъ. Король Родерикъ, съ обычною отвагой, принялъ бой, еще смѣлѣе наступалъ и врѣзывался все далѣе и далѣе въ ряды непріятелей. Но испанскіе воины не выдержали сильнаго напора враговъ и начали падать духомъ; утомленные продолжительностью войны, они уступали свое мѣсто врагу. Готы, бывшіе на сторонѣ графа Юліана, съ ожесточеніемъ нападали на испанцевъ и воодушевляли варваровъ къ борьбѣ. А Родерикъ, увидѣвъ, что свои оставляютъ его, въ продолженіе нѣсколькихъ дней отступалъ, ограничиваясь небольшими стычками, и, полагаемъ, палъ; но о его погибели мы не знаемъ ничего вѣрнаго. Онъ правилъ семь лѣтъ и шесть мѣсяцевъ. Однако, впослѣдствіи въ городѣ Визеѣ былъ найденъ простой камень, на которомъ была начертана слѣдующая эпитафія: *Здѣсь покоится Родерикъ, король готовъ*. Рука божія отступила съ того времени отъ Испаніи и не покрыла ее въ день того разоренія, потому что короли ея закоснѣли въ порокахъ своихъ. Впослѣдствіи всѣ воины готовъ, разсѣянные и изнуренные до смерти, погибли отъ меча и голода. Они были истреблены не только преслѣдованіями варваровъ, но и франкскимъ оружіемъ, со стороны Галліи. Послѣ того мавры, не встрѣчая сопротивленія со стороны готовъ, подчинили своему владычеству почти всю Испанію, также провинціи Бурдигалу (Burdigala, н. Бордо) и Пиктавію (Pictavia, т.-е. Пуату), опустошивъ ихъ мечомъ, огнемъ и голодомъ. Городъ же Леонъ (Legionensis civitas), который нѣкогда былъ столицею королевства свевовъ, они принудили къ сдачѣ голодомъ, причемъ отъ меча враговъ погибло весьма много жителей Галиціи (Gallici), которые мужественно сопротивлялись при защитѣ своего города. Даже городъ Толедо, побѣдитель многихъ народовъ, палъ побѣжденный къ торжеству измаильтянъ, но только вслѣдствіе измѣны евреевъ, потому что онъ былъ сильнѣе и воинственнѣе другихъ городовъ. Когда христіане, въ вербное воскресенье, изъ уваженія къ такому великому празднику, отправились за городъ, въ церковь св. Леокадіи, слушать слово Божіе, евреи предательски извѣстили о томъ сарацинъ, и, заперши городскія ворота предъ христіанами, открыли ихъ маврамъ. Такимъ образомъ, вѣрный народъ въ Толедо, захваченный маврами внѣ города, былъ истребленъ мечомъ. Послѣ того мавры поставили своихъ префектовъ во всѣхъ провинціяхъ Испаніи и въ продолженіе многихъ лѣтъ платили дань вавилонскому султану (babylonico Soldano), пока, наконецъ, избравъ себѣ королемъ Лузу, не основали отдѣльнаго царства, столицей котораго была Кордова (Corduba). Такимъ образомъ, найдя Испанію безъ укрѣпленій и безъ Бога истиннаго Господа Іисуса Христа, котораго оставили готы, предавшись разврату, роскоши и святотатству, — мавры въ нѣсколько лѣтъ опустошили страну и истребили тотъ побѣдоносный народъ, который до тѣхъ поръ былъ грозою минувшихъ вѣковъ. Только немногіе готы, засѣвшіе въ неприступныхъ мѣстахъ Пиринейскихъ горъ, въ Астуріи и Галиціи, успѣли кое-какъ спастись; между тѣмъ, мавры овладѣли долинами и всѣми лучшими мѣстами силою своего карательнаго меча, а въ церквахъ, гдѣ прежде было прославляемо имя Христа, провоз-

глашалось во всеуслышанiе безбожное имя Магомета. Кромѣ того, мавры разрушили стѣны древнихъ городовъ и уничтожили укрѣпленiя, только-что возобновленныя королемъ Родерикомъ; разорили монастыри, предали пламени книги священнаго писанiя, и много другого совершили чудовищнаго, въ наказанiе за то, что преславный родъ го̀товъ постыдно забылъ заповѣди Господни.

Лука.

Лука (Lucas), дьяконъ въ г. Туи въ Галицiи, и епископъ отъ 1239 до 1250 г., продолжалъ хронику Исидора Севильскаго до 1236 г. Его трудъ помѣщенъ въ 4 томѣ у *Schott*: Hispania illustrata.

60.—Завоеванiе Испанiи маврами по арабскимъ преданiямъ.

(въ IX и X вѣкѣ).

I.

Муза, великiй астрологъ, прочелъ по звѣздамъ, что Испанiя будетъ завоевана. Но кѣмъ? Какого полководца, какiя войска отправить для того? Вотъ этого-то онъ и не зналъ; онъ зналъ только то, что есть такой старецъ, который можетъ все объяснить, и что онъ находится на кораблѣ румовъ (грековъ), который скоро броситъ якорь у береговъ Африки. Муза приказываетъ тогда Тарику останавливать всѣ корабли, которые появятся на этихъ водахъ. Наконецъ, Тарикъ находитъ этого таинственнаго старца и говоритъ ему: „Ты знаешь будущее, скажи, кѣмъ будетъ завоевана Испанiя?“. — „Тобою, отвѣчалъ старецъ, и народомъ, который называютъ варварiйцами и который исповѣдуетъ ту же религiю, какъ и ты“. Узнавъ о такомъ отвѣтѣ, Муза даетъ Тарику странное приказанiе, а именно: „Сядь на корабль у скалы, которую ты найдешь на нашемъ берегу; узнай потомъ, нѣтъ ли между твоими спутниками кого-нибудь кто зналъ бы сирiйскiя названiя мѣсяцевъ, и когда наступитъ 21 число *айяра*, распусти паруса. Ты приплывешь къ зеленому холму, и на востокъ отъ него встрѣтишь топкое мѣсто и статую, изображающую быка. Разбей ее; потомъ отыщи человѣка высокаго роста, смуглаго, съ разскосыми глазами и исхудавшими руками; ему поручи начальство надъ авангардомъ“.—„Я исполню въ точности твои приказанiя, отвѣчалъ Тарикъ; но будетъ совершенно безполезно искать лицо съ данными тобою примѣтами: это—я“.

По завоеванiи Тангера, Алжезираса и другихъ городовъ, Муза предпринялъ экспедицiю въ страну Тамидъ, на берегу Атлантиче-

скаго океана. Онъ приблизился къ одному мосту, на которомъ стояла мѣдная статуя, изображающая человѣка съ лукомъ и стрѣлами въ рукахъ. Когда солдаты приблизились къ статуѣ, она вынула стрѣлу и убила человѣка; потомъ она взяла другую и убила еще одного. Затѣмъ она свалилась. Солдаты приблизились осмотрѣть эту статую: она оказалась дѣйствительно изъ мѣди. Другой разъ Музѣ пришлось осаждать мѣдную крѣпость. Осадныя машины начали работу, какъ вдругъ осажденные стали кричать: „О, царь, мы не то, что ты думаешь, мы—духи. Оставь насъ въ покоѣ“. Муза спросилъ, что̀ они сдѣлали съ солдатами, которые проникли за стѣны; они отвѣчали, что солдаты находятся въ ихъ власти, но что они согласны выпустить ихъ на свободу. Они сдержали слово. На вопросъ предводителя: что̀ плѣнные видѣли въ крѣпости и какъ съ ними обращались, они отвѣчали, что во все время оставались безъ памяти. „Воздадимъ хвалу Богу, творцу міра!“—воскликнулъ Муза, и снялъ осаду.

Во время своихъ завоеваній Муза зашелъ въ одно мѣсто, гдѣ лежали мѣдные ящики. Не зная, что Соломонъ заперъ тамъ дьяволовъ, онъ приказалъ открыть одинъ изъ нихъ. Оттуда вышелъ дьяволъ. Думая видѣть предъ собою Соломона, дьяволъ, покачивая головой, обратился къ Музѣ: „Поклонъ тебѣ, о, пророкъ Божій, ты меня строго наказалъ на этомъ свѣтѣ“. Потомъ, замѣтивъ, что его освободитель былъ вовсе не Соломонъ, онъ убрался какъ можно скорѣе. Муза же счелъ болѣе благоразумнымъ не открывать другихъ ящиковъ.

Тарикъ-ибнъ-Нагибъ.

Тарикъ-ибнъ-Нагибъ, испанскій писатель, жилъ въ IX вѣкѣ и умеръ въ 238 годъ геджры, т.-е. въ 853 г. Его сочиненіе, трактующее о всевозможныхъ предметахъ, а между прочимъ, и о завоеваніи маврами Испаніи, до сихъ поръ не издано и остается въ манускриптѣ, который хранится въ оксфордской библіотекѣ. Несмотря на то, что онъ жилъ въ Испаніи, онъ заимствовалъ свой разсказъ у восточныхъ писателей, на которыхъ испанскіе мавры смотрѣли, какъ на людей неподражаемой учености и въ отношеніи къ которымъ они оставались не болѣе, какъ варварами. Вотъ причина того сказочнаго характера, которымъ отличаются всѣ легенды о завоеваніи Испаніи, заимствованныя у восточныхъ поэтовъ. (См. подробности объ этомъ писателѣ и французскій переводъ отрывка изъ его сочиненія у *Dozy*: Recherches sur l'histoire et la littérature de l'Espagne, pendant le moyen âge. 2-е изд. Leyde, 1860. I, 32 стр. и слѣд.).

II.

Муза продолжалъ свой походъ для нападенія на береговые города Африки, управляемые намѣстниками короля Испаніи, которые овладѣли ими и всею ихъ землею. Главнымъ изъ этихъ городовъ была Цеута, правителемъ которой былъ христіанинъ, по имени Юлі-

анъ. Многіе окрестные города находились въ зависимости отъ него. Муза напалъ на Цеуту; но, удостовѣрившись, что подданные Юліана были гораздо мужественнѣе и храбрѣе, чѣмъ всѣ народы, съ которыми приходилось ему до тѣхъ поръ имѣть дѣло, онъ возвратился въ Тангеръ, приказавъ опустошить поля, сосѣднія съ Цеутой. Грабежи (рація) однако не имѣли желаемаго успѣха, потому что корабли, приходившіе изъ Испаніи, доставляли жителямъ Цеуты безпрерывно и подкрѣпленіе, и жизненные припасы; кромѣ того, сами осажденные, побуждаемые любовью къ женамъ и дѣтямъ и исполненные патріотизма, дрались съ ожесточеніемъ.

Въ это время умеръ король Испаніи Витица. Онъ оставилъ много дѣтей, и между ними Сизиберта и Оппаса; но такъ какъ испанцы были ими недовольны, то въ странѣ произошло междоусобіе. Наконецъ, на престолъ возвели христіанина Родерика. Это былъ храбрый воинъ; онъ не происходилъ изъ королевскаго рода, но считался лучшимъ полководцемъ въ Испаніи. Такимъ образомъ, онъ былъ провозглашенъ королемъ.

По тамошнему обычаю, каждый испанскій грандъ отправлялъ своихъ сыновей и дочерей ко двору, имѣвшему пребываніе въ Толедо, который былъ въ то время столицею Испаніи. Дѣти грандовъ получали тамъ свое воспитаніе; они одни имѣли право служить государю, и впослѣдствіи молодые люди женились на дѣвицахъ, которыхъ имъ давалъ король. Родерикъ, вступивъ на престолъ, былъ плѣненъ красотою дочери Юліана и увлекъ ее. Юліанъ, увѣдомленный письмомъ о случившемся, пришелъ въ чрезвычайное негодованіе. „Клянусь Мессіею, воскликнулъ онъ, я свергну его съ престола и вырою яму подъ его ногами!“ Вслѣдствіе того онъ далъ знать Музѣ, что подчиняется ему, пригласилъ его къ себѣ и открылъ ему городскія ворота, заключивъ предварительно выгодный договоръ, такъ что и онъ, и его подданные не могли ничего опасаться. Потомъ онъ указалъ ему на Испанію и приглашалъ его завоевать эту страну. Все это случилось въ концѣ 90 года (т.-е. около 8 ноября 709 г.). Муза писалъ Валиду (калифу), извѣщая его о расширеніи своихъ владѣній и о планѣ Юліана. Валидъ ему отвѣчалъ: „Отправь въ Испанію легкія войска, но смотри, не подвергни мусульманъ опасностямъ моря“.—„Это вовсе не море, отвѣчалъ ему Муза, а небольшой проливъ, и отсюда можно видѣть противоположный берегъ“. — „Все равно, возразилъ Валидъ, отправь для изслѣдованія страны одни легкія войска“. Тогда Муза отправилъ въ Испанію одного изъ своихъ подчиненныхъ, по имени Абу-Зора-Тарифъ, съ 400 человѣкъ и 100 лошадей. Этотъ отрядъ, переѣхавъ проливъ на 4 судахъ, присталъ къ полуострову, называемому Андалосъ, откуда обыкновенно выходили корабли, направлявшіеся въ Африку, и гдѣ находились испанскія верфи. Съ того времени этотъ полуостровъ назывался Тарифъ, по имени командовавшаго отрядомъ. Когда всѣ были высажены на берегъ. Тарифъ началъ грабить окрестности Алжезираса, захватилъ въ плѣнъ такихъ красивыхъ женщинъ, что ни Муза, ни его окружавшіе не видѣли ничего подобнаго по красотѣ, овладѣлъ большимъ количествомъ серебра и возвратился

въ Африку цѣлъ и невредимъ. Все это случилось въ мѣсяцъ рамаданъ 91 года (іюль 710).

Счастливый исходъ первой экспедиціи воспламенилъ въ мусульманахъ желаніе овладѣть тою страною, и Муза отправилъ туда другого изъ своихъ вассаловъ, Тарика-ибнъ-Зійяда. Это былъ персъ изъ Гамадана; нѣкоторые же утверждаютъ, что онъ былъ вассаломъ не Музы, а одного колѣна Садифъ. Семь-тысячъ мусульманъ, которые сопровождали Тарика и были большею частью варварійцы и вассалы (между ними было весьма мало арабовъ), переѣхали другъ за другомъ проливъ на тѣхъ четырехъ корабляхъ, о которыхъ мы говорили, такъ какъ у мусульманъ не было другихъ. Это случилось въ 92 г. (29 октября 710 — 18 октября 711). По мѣрѣ, какъ корабли перевозили людей и лошадей, Тарикъ собиралъ ихъ на одной скалистой горѣ у берега.

Когда король, бывшій въ то время въ войнѣ съ Пампелуной, получилъ извѣстіе объ экспедиціи Тарифа, онъ понялъ всю опасность и, оставивъ страну пампелунскую, направилъ свои силы на югъ. Когда же высадился Тарикъ въ Испанію, Родерикъ собралъ противъ него армію, какъ говорятъ, около 100 т. человѣкъ.

Узнавъ о приготовленіяхъ непріятеля, Тарикъ писаль Музѣ, прося его о подкрѣпленіи, извѣщая, что, благодаря аллаха, онъ завоевалъ Алжезирасъ и овладѣлъ всѣми окрестностями озера; но король испанскій идетъ теперь противъ него съ арміею, которой онъ не въ состояніи побороть. Муза, по отправленіи Тарика, начавъ строить корабли, приготовилъ большое ихъ число, и послалъ Тарику 5 т. человѣкъ. Силы Тарика увеличились до 12 тысячъ. Онъ уже успѣлъ пріобрѣсть значительную добычу. Юліанъ, въ сопровожденіи многихъ испанцевъ, находился при немъ и оказывалъ ему значительныя услуги, онъ извѣщалъ его обо всемъ, чтò доходило до него, и обнаруживалъ слабыя стороны непріятеля.

Родерикъ, вмѣстѣ съ самыми могущественными грандами королевства, шелъ, между тѣмъ, на встрѣчу непріятелю; но въ его войскѣ находились также сыновья Витицы. Узнавъ, что мусульмане имѣютъ все необходимое для себя и дѣйствуютъ осторожно, эти принцы совѣщались между собою и одинъ изъ нихъ говорилъ такъ: „Этотъ тиранъ лишилъ насъ престола, на который давало намъ право наше рожденіе, и самъ онъ былъ послѣднимъ изъ нашихъ подданныхъ. Между тѣмъ, эти чужеземцы вовсе не имѣютъ намѣренія утвердиться въ странѣ; они ищутъ добычи, и получивъ ее, вернутся туда, откуда пришли. Обратимся же въ бѣгство во время битвы и оставимъ этого тирана“. Это предложеніе было одобрено.

Родерикъ, вручивъ начальство надъ правымъ крыломъ Сизеберту и надъ лѣвымъ Оппасу—оба они были сыновьями Витицы и стояли во главѣ заговора — двинулся съ арміею около 100 т. человѣкъ. Эта армія была бы еще многочисленнѣе, еслибы голодъ не опустошалъ страны, начиная съ 88 г. (707), въ теченіе трехъ лѣтъ, окончившись только въ 91 г. (710) — въ тотъ самый годъ, когда высадка Тарифа въ Испанію истребила половину обитателей, или даже и болѣе половины.

Король испанскій встрѣтилъ Тарика, остававшагося до того времени въ Алжезирасѣ, близъ озера (Lago de la Sanda). При самомъ началѣ сраженія оба крыла испанской арміи, предводительствуемыя Сизебертомъ и Оппасомъ, обратились въ бѣгство. Одинъ центръ, которымъ начальствовалъ самъ Родерикъ, держался твердо, но наконецъ онъ дрогнулъ, и тогда мусульмане произвели страшную рѣзню между христіанами. Такъ какъ Родерика не нашли нигдѣ, то неизвѣстно, что̀ съ нимъ случилось; мусульмане отыскали только его бѣлую лошадь, которая завязла и на которой было парчевое сѣдло, украшенное рубинами и изумрудами; они нашли также его мантію, вытканную золотомъ съ перлами и рубинами; вѣрно также и то, что король завязъ въ трясинѣ, и что, стараясь выбраться оттуда, онъ оставилъ тамъ одинъ изъ своихъ башмаковъ; но все же такъ какъ о немъ никто ничего не слыхалъ и его не нашли ни живого, ни мертваго, то его послѣдняя судьба остается извѣстною одному аллаху.

Послѣ своей побѣды Тарикъ пошелъ на Эчижу. Жители этого города, подкрѣпленные бѣглецами главной арміи, дали ему сраженіе. Бой былъ жестокій и много мусульманъ осталось убитыми или ранеными; но, при помощи аллаха, мусульмане тѣмъ не менѣе разбили этихъ идолопоклонниковъ, хотя имъ никогда не приходилось встрѣчать такого ожесточеннаго сопротивленія. Послѣ сраженія Тарикъ раскинулъ палатки въ 4 миляхъ отъ Эчижи, на берегу рѣки, которая омываетъ городъ, близъ источника, который получилъ имя Тарика.

Аллахъ наполнилъ страхомъ сердца невѣрныхъ. Они думали, что Тарикъ возвратился въ Африку, какъ то сдѣлалъ Тарифъ; увидѣвъ же, что онъ подвигается во внутренность страны, они поспѣшно отступили къ Толедо и другимъ городамъ, приготовляясь къ ихъ оборонѣ. „Въ Испаніи все кончено, говорилъ Юліанъ Тарику; я совѣтую тебѣ идти съ главною арміею къ Толедо, а отдѣльные отряды, которымъ мои спутники будутъ служить путеводителями, могутъ напасть на другіе города“. Тарикъ послѣдовалъ этому совѣту. Онъ отправилъ въ Кордову (тогда одинъ изъ большихъ городовъ христіанъ, а нынѣ столица Испаніи) отрядъ въ 700 человѣкъ, подъ начальствомъ Могита-Руми, одного изъ вассаловъ Валида. Послѣ одержанной побѣды всѣ мусульмане имѣли лошадей, и ни одинъ изъ нихъ не оставался пѣшкомъ. Другой отрядъ былъ назначенъ противъ столицы области Рейи (г. Архидона), третій—въ Гренаду, столицу области Эльвиры; а Тарикъ съ главными силами пошелъ на Толедо.

Когда Могитъ и его отрядъ достигли Кордовы, они скрылись, близъ Секунды (городъ на Гвадалквивирѣ, противъ Кордовы), въ кустарникахъ, которые покрывали пространство между Секундой и Тарсалемъ; послѣ того Могитъ отправилъ на рекогносцировку нѣсколькихъ путеводителей. Они встрѣтили въ лѣсу пастуха, который гналъ стадо, и привели его къ Могиту. Могитъ спросилъ его о количествѣ гарнизона въ Кордовѣ. „Знатные изъ жителей оставили Кордову и бѣжали въ Толедо, отвѣчалъ пастухъ; кромѣ намѣстника и 4000 солдатъ, всѣ остальные принадлежатъ къ низшему населенію“. На вопросъ о крѣпости стѣнъ, пастухъ отвѣчалъ утвердительно, но при

этомъ замѣтилъ, что надъ воротами Статуи (нынѣ Мостовыя ворота) есть проломъ.

Подъ покровомъ ночи Могитъ продолжалъ свое шествіе. Аллахъ содѣйствовалъ его предпріятію, потому что въ ту ночъ шелъ дождь, а время отъ времени градъ, такъ что часовые, промоченные насквозь и продрогшіе отъ холода, худо исполняли свои обязанности и только изрѣдка перекликались между собою. Итакъ, мусульмане могли совершенно незамѣченными перейти рѣку. Послѣ напрасной попытки взобраться на стѣну, они обратились снова къ пастуху, который и указалъ имъ проломъ, который не доходилъ до земли, но зато внизу росло фиговое дерево. Послѣ многихъ безполезныхъ усилій, одинъ изъ мусульманъ достигъ вершины дерева, и Могитъ подалъ ему кусокъ кисеи, который былъ свернутъ на его головѣ въ видѣ тюрбана. Употребляя эту ткань вмѣсто веревки, многіе изъ мусульманъ всползли на дерево, и съ него перешагнули въ проломъ. Когда это было сдѣлано, Могитъ, стоявшій на лошади у воротъ Статуи, приказалъ солдатамъ, достигшимъ пролома, броситься съ мечомъ въ рукахъ на разставленную у воротъ стражу (нынѣ эти ворота называются Мостовыми, но тогда еще не было моста; онъ стоялъ прежде на этомъ мѣстѣ, но былъ разрушенъ). Повинуясь приказанію, мусульмане напали на часовыхъ у воротъ Статуи (называвшихся тогда воротами Алжезираса), убили многихъ, другихъ обратили въ бѣгство и разломали запоры, такъ что Могитъ могъ войти вмѣстѣ съ своими товарищами, соглядатаями и путеводителями. Онъ направился прямо на дворецъ.

Правителя уже тамъ не было. Узнавъ о взятіи города, онъ вмѣстѣ съ солдатами, въ числѣ 400 или 500 человѣкъ, и со многими изъ жителей, вышелъ изъ западныхъ Севильскихъ воротъ и рѣшился искать убѣжища въ церкви св. Ачискла, стѣны которой были толсты и надежны. Спустя нѣсколько времени, Могитъ, завладѣвъ дворцемъ и давъ знать Тарику объ успѣхѣ предпріятія, приступилъ къ осадѣ церкви.

Между тѣмъ, отрядъ, посланный противъ Рейи, завоевалъ всю область, а жители искали спасенія въ горахъ. Третій отрядъ, отправившійся въ Эльвиру, осадивъ ея столицу, взялъ ее приступомъ и ввѣрилъ охраненіе города гарнизону, составленному изъ евреевъ и мусульманъ. Такъ поступали вездѣ, гдѣ находили евреевъ, исключая Малаги, столицы Рейи (составитель хроники называетъ Малагу по ошибкѣ, вмѣсто Архидоны), потому что тамъ не было найдено евреевъ, и сами жители всѣ разбѣжались.

Затѣмъ отрядъ двинулся противъ Тодмира. Собственно этотъ городъ назывался Оріола (н. Orihuela); его называли Тодмиромъ по имени принца (по визиготскому произношенію Теодемиръ). Этотъ принцъ вышелъ на встрѣчу мусульманамъ съ многочисленною арміею; но, послѣ слабаго сопротивленія, его солдаты обратились въ бѣгство по долинѣ, гдѣ ничто не могло служить имъ прикрытіемъ, и потому мусульмане могли всѣхъ ихъ перерѣзать. Многіе однако спаслись въ Оріолу; но они потеряли храбрѣйшихъ воиновъ, и притомъ крѣпость была плохо укрѣплена. Къ счастью для христіанъ, ихъ предводитель,

Тодмиръ, былъ человѣкъ опытный и весьма умный. Видя малочисленность своего войска, онъ приказалъ женщинамъ распустить волоса, вооружилъ ихъ копьями и поставилъ на стѣнахъ, сзади солдатъ; потомъ онъ попытался вступить въ переговоры съ непріятелемъ. Съ этою цѣлью онъ отправился парламентеромъ и такъ умѣлъ расположить въ свою пользу предводителя мусульманъ, что тотъ согласился заключить съ нимъ договоръ, въ силу котораго Тодмиръ и его подданные сохранили все имущество неприкосновеннымъ. Такимъ образомъ, вся страна Тодмира была подчинена господству мусульманъ, хотя они и не воспользовались никакимъ правомъ завоевателя. По заключеніи договора, Тодмиръ объявилъ свое имя и пригласилъ мусульманъ войти въ городъ. Принявъ это приглашеніе, они успѣли замѣтить крайнюю слабость гарнизона, и раскаявались въ условіяхъ договора, но не нарушили его. Послѣ того они увѣдомили Тарика объ успѣхѣ своего оружія. Нѣсколько мусульманъ осталось въ Тодмирѣ, но большая часть направилась къ Толедо на соединеніе съ Тарикомъ.

Три мѣсяца уже Могитъ осаждалъ христіанъ въ церкви, какъ въ одно утро приходятъ къ нему сказать, что правитель тайно оставилъ церковь и убѣжалъ въ Кордовскія горы (Сіерра-Морена), чтобы присоединиться къ своимъ единовѣрцамъ въ Толедо. Не говоря никому ни слова, Могитъ вскочилъ на коня и пустился въ погоню за правителемъ. Близъ одной деревни онъ нагналъ его, въ то время какъ онъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ на своемъ гнѣдомъ конѣ. Христіанинъ оглянулся и, увидѣвъ Могита, скакавшаго во весь духъ, потерялъ голову. Сбившись съ дороги, онъ остановился передъ рвомъ и понуждалъ лошадь перепрыгнуть, но она оборвалась и сломала шею. Могитъ нашелъ христіанина распростертымъ на своемъ щитѣ. Это былъ единственный христіанскій принцъ, попавшійся въ плѣнъ; всѣ прочіе заключили договоры и удалились въ Галисію. Наконецъ, Могитъ принудилъ христіанъ, запершихся въ церкви, сдаться и отрѣзалъ имъ головы. Эта церковь съ того времени называлась „церковью плѣнныхъ“. Правитель же былъ заключенъ въ темницу: Могитъ имѣлъ намѣреніе представить его предводителю правовѣрныхъ. Замѣтимъ при этомъ, что мусульманскій полководецъ, поручивъ охраненіе города евреемъ, самъ продолжалъ занимать дворецъ, а городскіе дома роздалъ своимъ товарищамъ.

Между тѣмъ Тарикъ приблизился къ Толедо. Поставивъ въ этомъ городѣ свой гарнизонъ, онъ пошелъ въ Гвадалаксару, проникъ въ Сіерру чрезъ ущелье, называемое „Проходомъ Тарика“, и явился предъ городомъ, лежавшимъ по ту сторону Сіерры (т.-е. Сіеры-де-Гвадаррамо). Этотъ городъ назывался *Столомъ*, потому что въ немъ нашли столъ Соломона, сына Давида. Края этого стола были усыпаны изумрудами, точно такъ же, какъ и его ножки, которыхъ было триста-шестьдесятъ-пять. Послѣ того Тарикъ взялъ городъ Амайю, гдѣ онъ нашелъ множество серебра и драгоцѣнностей; въ 93 году Тарикъ возвратился въ Толедо.

Муза-ибнъ-Носайръ высадился въ Испанію, въ мѣсяцѣ рамаданѣ 93 года (іюнь 712), сопровождаемый громадною арміею, число ко-

торой, по мнѣнію нѣкоторыхъ, достигало 18 тысячъ. Узнавъ о подвигахъ Тарика, онъ его возненавидѣлъ. Когда Муза прибылъ въ Алжезирасъ, ему совѣтовали слѣдовать дорогою Тарика, но онъ отказался, тѣмъ болѣе, что христіане, сопровождавшіе его, говорили: „мы покажемъ тебѣ лучшую дорогу, по которой можно будетъ покорить города, несравненно болѣе важные тѣхъ, которые завоевалъ Тарикъ". Довольный такимъ предложеніемъ и одинаково раздраженный поведеніемъ Тарика, Муза направился сначала къ столицѣ Сидонѣ (Medina-Sidonia), взялъ ее приступомъ, а потомъ къ Кармонѣ. Это былъ одинъ изъ самыхъ укрѣпленныхъ городовъ Испаніи, и такъ какъ его нельзя было взять ни штурмомъ, ни блокадой, то Муза употребилъ хитрость: онъ отправилъ туда нѣсколькихъ христіанъ, которые, подобно Юліану, подчинились ему добровольно (можетъ быть, они были подданными Юліана). Они вошли въ городъ съ оружіемъ и сказались бѣглецами. Жители Кармоны впустили ихъ въ городъ, а они ночью открыли Кордовскія ворота всадникамъ Музы, которые и устремились на стражу.

Овладѣвъ Кармоною, Муза пошелъ на Севилью. Это былъ, между всѣми городами Испаніи, самый обширный, самый важный, лучше обстроенный и самый богатый древними памятниками. До завоеванія Испаніи готами Севилья была столицею (т.-е. мѣстопребываніемъ римскаго правителя); короли готскіе предпочли ей Толедо, но она продолжала оставаться центромъ науки, какъ свѣтской, такъ и религіозной, и тамъ продолжала жить римская знать. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ осады, Муза взялъ ее, а христіане удалились въ Бежу (Beja). Составивъ изъ евреевъ гарнизонъ въ Севильѣ, Муза пошелъ противъ Мериды. Тамъ находилось много испанскихъ грандовъ, древнихъ памятниковъ, мостъ, дворецъ и великолѣпныя церкви. Когда Муза хотѣлъ приступить къ осадѣ города, жители выступили противъ него. Кровавая битва произошла въ одной милѣ отъ города. На слѣдующій день дѣло возобновилось, но ночью Муза укрылъ нѣсколько пѣхоты и кавалеріи въ каменоломняхъ, находившихся поблизости, и когда открылся бой, этотъ отрядъ напалъ неожиданно на непріятеля и произвелъ въ его рядахъ ужасное опустошеніе. Тѣ, которые имѣли счастье избѣгнуть меча мусульманъ, отступили въ городъ, отлично укрѣпленный и стѣны котораго не имѣли себѣ подобныхъ. Потому Муза осаждалъ его безъ всякаго успѣха, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Тогда онъ приказалъ сдѣлать подкопъ, и мусульмане начали подходить подъ стѣны башни; но ихъ остановила въ работѣ почва, необыкновенно твердая, называемая по-испански *argamasa*, противъ которой ломы и лопаты оставались безсильными. Пока они трудились пробить это мѣсто, христіане ударили тревогу. Всѣ мусульмане погибли мучениками въ подкопѣ, и до сихъ поръ та башня носитъ названіе „башни мучениковъ"; немногимъ извѣстно такое происхожденіе этого имени.

Послѣ такой катастрофы, христіане разсуждали: „Мы сломили силу непріятеля; теперь болѣе нежели когда-нибудь онъ будетъ расположенъ заключить съ нами миръ; слѣдовательно, надобно открыть переговоры". По одобреніи такого предложенія, они отправили къ

Музѣ парламентеровъ. Переговоры не удались; но наканунѣ праздника они пришли вторично. Придя въ первый разъ, христіане замѣтили, что у Музы борода была сѣдая; на этотъ же разъ, напротивъ, они увидали, что она коричневая: Муза окрасилъ ее передъ тѣмъ. Они удивились и говорили между собою: „Я считаю его людоѣдомъ, или это не тотъ человѣкъ, кого мы видѣли вчера“. Когда послы явились въ третій разъ, въ день перелома поста, они увидѣли, что у Музы борода черная, и по возвращеніи къ своимъ говорили имъ: „Безумцы, вы боретесь съ пророками, которые по своему произволу преобразуются и молодѣютъ. Ихъ король, изъ старца, какимъ онъ былъ, сдѣлался юношею. Нужно принять всѣ условія, какія бы онъ ни предложилъ“. Тогда осажденные заключили договоръ, въ силу котораго вся собственность тѣхъ христіанъ, которые погибли отъ засады, и тѣхъ, которые убѣжали въ Галисію, будетъ отдана мусульманамъ, а богатства и украшенія церквей достанутся Музѣ. По заключеніи этого договора, христіане открыли мусульманамъ городскія ворота, въ день перелома поста 94 года (1 іюня 713).

Вскорѣ затѣмъ севильскіе христіане составили заговоръ противъ мусульманскаго гарнизона, и подкрѣпленные христіанами изъ Ніеблы и Бежи, убили 80 человѣкъ. Остальной гарнизонъ бѣжалъ и явился въ лагерь къ Музѣ подъ Меридою. По сдачѣ этого города, Муза отправилъ своего сына Абдалазиза съ значительною арміею противъ Севильи. Абдалазизъ овладѣлъ городомъ и возвратился къ отцу.

Въ концѣ мѣсяца *шоваля* (конецъ іюня 713) Муза оставилъ Мериду и отправился въ Толедо. Тарикъ, извѣщенный о его прибытіи, выступилъ ему навстрѣчу, въ знакъ уваженія. Они сошлись въ одномъ мѣстечкѣ области Талаверы. Завидѣвъ Музу издалека, Тарикъ сошелъ съ коня; но Муза ударилъ его плетью по головѣ и сурово упрекалъ за неповиновеніе. Впослѣдствіи, когда Муза прибылъ въ Толедо, онъ сказалъ Тарику: „Покажи мнѣ всю добычу, и въ особенности столъ“. Тарикъ показалъ ему столъ; но такъ какъ у стола недоставало одной ножки, которую вынулъ Тарикъ, то Муза спросилъ его, гдѣ находится ножка. „Я ничего не знаю, отвѣчалъ Тарикъ; это уже было такъ“, Муза приказалъ замѣстить недостающую ножку новою изъ золота и уложить столъ.

Затѣмъ онъ пустился въ дальнѣйшій походъ и овладѣлъ какъ Сарагоссою, такъ и другими городами той же провинціи; но въ 95 году (26 сентября 713—15 сентября 714) вѣстникъ отъ калифа Валида явился къ нему съ приказаніемъ возвратиться ко двору. Муза вручилъ управленіе всею Испаніею своему сыну Абдалазизу, назначивъ Севилью резиденціей. Этотъ городъ былъ расположенъ на берегу рѣки, столь широкой, что нельзя было вплавь достигнуть съ одного берега на другой. Муза пожелалъ, чтобы тамъ расположился мусульманскій флотъ, и чтобы Севилья сдѣлалась портомъ всей Испаніи. Такимъ образомъ, Абдалазизъ остался въ Севильѣ, а его отецъ оставилъ полуостровъ, въ сопровожденіи Тарика и Могита. Этотъ послѣдній везъ съ собою взятаго имъ въ плѣнъ кордовскаго правителя. Муза приказалъ выдать ему плѣнника, Но Могитъ, гордый своимъ титуломъ вассала самого калифа, отвѣчалъ ему такъ: „Клянусь, ты

не овладѣешь имъ; мнѣ принадлежитъ право представить его калифу". Тогда Муза отнялъ плѣнника силою; но ему говорили: „Мы будемъ удивлены, если тебѣ удастся доставить плѣнника ко двору живымъ". Въ самомъ дѣлѣ, Могитъ воскликнулъ: „Я взялъ его въ плѣнъ; теперь у меня отнимаютъ его; я отрѣжу ему голову"—и онъ это сдѣлалъ.

Изъ Акбаръ-Маджмуа.

Акбаръ-Маджмуа (Akhbâr Madjmoua, т.-е. историческій сборникъ), такъ называется собраніе древнихъ документовъ испанско-арабской литературы, которое до сихъ поръ остается въ манускриптѣ (Manuscr. de Paris, anc. fonds, № 706). Онъ замѣчателенъ по своему характеру, отличающему его отъ ортодоксальныхъ писателей мусульманской исторической школы того времени: въ то время, когда всѣ они, въ IX и X вѣкѣ, съ недовѣрчивостью къ самимъ себѣ смотрѣли съ благоговѣніемъ на авторитеты Багдада и Каира, и для исторіи окружающаго ихъ міра не смѣли пользоваться другими сказаніями, кромѣ восточныхъ, неизвѣстный авторъ книги Акбаръ-Маджмуа ограничился чисто-испанскими источниками и безъ фантастическихъ украшеній и особеннаго религіознаго фанатизма излагалъ дѣло съ безпристрастіемъ, возможнымъ для мусульманина. Французскій переводъ Акбаръ-Маджмуа помѣщенъ въ IV главѣ перваго тома Recherches sur l'hist. et la littérat. de l'Espagne pendant le moyen âge, par. R. Dozy, 2-е изд. Leyden. 1860. См. подробности объ этомъ историческомъ сборникѣ въ введеніи къ изданію сочиненій одного испанско-арабскаго компилатора Ибнъ-Адхари; Introduction, p. 10—12, par Dozy.

---

61. — О характерѣ господства мавровъ въ Испаніи.

(1861).

Испанія при визиготахъ управлялась еще хуже, чѣмъ во времена римскаго владычества. Государство уже съ давняго времени носило въ себѣ зародышъ разрушенія; слабость его была такова, что, съ помощью измѣны, было достаточно войска въ двѣнадцать тысячъ человѣкъ, чтобы ниспровергнуть его въ одно мгновеніе ока.

Правитель Африки, Муза-Ибнъ-Носаиръ, распространилъ предѣлы арабской имперіи до береговъ океана. Одна Цеута еще сопротивлялась ему. Она принадлежала византійской имперіи, владѣвшей прежде всѣмъ африканскимъ прибрежьемъ; но императоръ находился слишкомъ далеко отъ этого укрѣпленія, чтобы подавать ему дѣйствительную помощь, и потому оно вступило въ очень тѣсныя отношенія съ Испаніей. Такъ, Юліанъ, правитель города, послалъ свою дочь къ толедскому двору, чтобы датъ ей воспитаніе, соотвѣтственное своему рожденію; но она имѣла несчастіе понравиться визиготскому королю

Родерику, и тотъ ее обезчестилъ. Внѣ себя отъ гнѣва, Юліанъ открылъ Музѣ ворота своего города, заключивъ съ нимъ предварительно выгодный договоръ; вслѣдъ за тѣмъ, онъ заговорилъ съ нимъ объ Испаніи, приглашалъ его попытаться завоевать эту страну, и отдалъ свои корабли въ его распоряженіе. Муза послалъ къ калифу Валиду испросить его разрѣшенія. Калифъ считалъ предпріятіе очень опаснымъ. „Пошли сначала въ Испанію нѣсколькихъ легкихъ отрядовъ, чтобы развѣдать страну, отвѣчалъ онъ Музѣ, но остерегайся, по крайней мѣрѣ на время, подвергать большую армію опасностямъ заморскаго предпріятія". Муза послалъ потому въ Испанію одного изъ своихъ подчиненныхъ, по имени Абузоръ-Тарифа, съ четырьмя-стами человѣкъ и сотнею лошадей. Это войско переѣхало проливъ на четырехъ корабляхъ, которые далъ Юліанъ, разграбило окрестности Алжезираса и возвратилось въ Африку (іюль 710 г.).

Въ слѣдующемъ году Муза воспользовался удаленіемъ Родерика, занятаго войною съ возставшими басками, и послалъ въ Испанію другого изъ своихъ подчиненныхъ, Тарика-ибнъ-Зійяда, начальника своего авангарда, съ семью-тысячами мусульманъ. Почти всѣ они были варварійцы; самъ Юліанъ ихъ сопровождалъ. Они переѣхали проливъ отдѣльными отрядами на четырехъ корабляхъ, послужившихъ Тарифу, потому что у мусульманъ не было другихъ. Тарикъ соединилъ ихъ на скалѣ, которая и теперь еще носитъ его имя (Gebal-Taric, Gibraltar). У подошвы этой скалы лежалъ городъ Картея. Тарикъ послалъ противъ него отрядъ, подъ предводительствомъ одного изъ немногихъ арабскихъ начальниковъ, которые находились въ его войскѣ, именно Абдальмелика, изъ племени Моафиръ. Картея была взята мусульманами, и Тарикъ уже дошелъ до озера Лаго-де-Янда, когда узналъ, что на встрѣчу ему идетъ король Родерикъ, во главѣ многочисленной арміи. Такъ какъ онъ имѣлъ только всего четыре корабля, то для него было трудно въ одинъ разъ переправить свои войска обратно въ Африку, еслибъ онъ даже того хотѣлъ; но Тарикъ объ этомъ и не думалъ: самолюбіе, жажда корысти, фанатизмъ толкали его впередъ. Онъ послалъ къ Музѣ просить подкрѣпленія, и Муза, воспользовавшись судами, построенными послѣ отправленія Тарика, послалъ ему еще пять тысячъ варварійцевъ. Силы Тарика возрасли до двѣнадцати тысячъ человѣкъ. Но это число было еще невелико въ сравненіи съ огромной арміей Родерика; зато на помощь мусульманамъ подоспѣла измѣна.

Родерикъ былъ собственно похитителемъ короны. Поддерживаемый многими изъ грандовъ, онъ свергнулъ съ престола, и даже, какъ кажется, убилъ своего предшественника, Витицу. Потому-то онъ имѣлъ противъ себя довольно сильную партію, во главѣ которой стояли братья и сыновья послѣдняго короля. Чтобы склонить на свою сторону предводителей этой партіи, онъ сдѣлалъ ихъ начальниками войска, и, отправляясь противъ Тарика, пригласилъ ихъ присоединиться къ нему. Они исполнили то, къ чему ихъ обязывалъ законъ, и явились на зовъ, но съ сердцемъ, полнымъ злобы, ненависти и недовѣрія. Родерикъ старался ихъ успокоить, разувѣрить, привязать къ себѣ, но имѣлъ въ этомъ мало успѣха, и они составили между собою планъ

измѣнить ему при первомъ сраженіи съ непріятелемъ. Въ умыслѣ ихъ не только не было, но и не могло быть намѣренія предать отечество варварійцамъ, потому что они сами желали власти, трона, а предавая страну африканцамъ, они не достигли бы такой цѣли. Дѣло въ томъ, что, по ихъ мнѣнію (и въ сущности они были правы) варварійцы вторглись въ Испанію не для того, чтобы утвердить тамъ свое господство, но единственно съ цѣлью набѣга. „Все, чего хотятъ эти пришельцы, говорили они, это добычи; когда они ее пріобрѣтутъ, то снова возвратятся въ Африку". Они желали собственно того, чтобы Родерикъ, въ случаѣ пораженія, потерялъ славу знаменитаго и счастливаго предводителя и тогда они имѣли бы возможность, съ бо̀льшимъ успѣхомъ, чѣмъ прежде, предъявить свои права на корону. Могло также случиться, что Родерикъ былъ бы убитъ, а въ такомъ случаѣ ихъ положеніе сдѣлалось бы еще лучше. Однимъ словомъ, они руководились узкимъ эгоизмомъ и не умѣли всего предвидѣть; хотя они предали свое отечество невѣрнымъ, но тѣмъ не менѣе это случилось независимо отъ ихъ воли.

Сраженіе произошло на берегахъ рѣки Вади-Бекка [1]) (19 іюля 711). Оба крыла испанской арміи были подъ начальствомъ двухъ сыновей Витицы, и состояли преимущественно изъ крестьянъ этихъ принцевъ. Они охотно повиновались своимъ господамъ, когда эти приказали имъ обратить тылъ. Центръ, бывшій подъ начальствомъ самого Родерика, нѣкоторое время держался твердо; но наконецъ онъ дрогнулъ, и тогда мусульмане произвели страшную рѣзню между христіанами. Родерикъ, какъ кажется, былъ убитъ; по крайней мѣрѣ онъ больше не появлялся, и страна оставалась безъ короля именно въ то время, когда онъ болѣе всего былъ нуженъ. Тарикъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ. Вмѣсто того, чтобы возвратиться въ Африку, какъ всѣ полагали и какъ ему то приказывалъ Муза, онъ смѣло двинулся впередъ. Этого было достаточно, чтобы подточенное заранѣе государство быстро разрушилось. Всѣ недовольные и угнетенные помогли грабителямъ исполнить ихъ намѣреніе. Рабы не хотѣли подняться, боясь, что вмѣстѣ съ собой спасутъ и своихъ господъ. Евреи возмутились вездѣ и помогали мусульманамъ. Одержавъ новую побѣду при Эчиджѣ, Тарикъ могъ уже идти къ Толедо съ главной частью своихъ войскъ, и послать отдѣльные отряды противъ Кордовы, Архидоны и Эльвиры. Архидона была занята безъ боя, а жители удалились искать убѣжища въ горы. Эльвира была взята приступомъ, и ввѣрена гарнизону, составленному изъ евреевъ и мусульманъ. Кордову предалъ африканцамъ одинъ изъ пастуховъ, рабъ, указавшій имъ проломъ, чрезъ который они могли проникнуть въ городъ. Въ Толедо христіане были преданы евреями. Повсюду господствовало невыразимое смятеніе. Гранды и прелаты, казалось, потеряли голову. „Богъ наполнилъ страхомъ сердца невѣрныхъ", говоритъ одинъ мусульманскій лѣтописецъ, и въ самомъ дѣлѣ, это было всеобщее бѣгство. Въ Кордовѣ не нашли ни одного гранда: они

[1]) Эта маленькая рѣчка носитъ теперь имя Саладо, и вливается въ море неподалеку отъ Трафальгарскаго мыса, между Vejer de la Frontera и Conil.

спаслись въ Толедо; въ Толедо также ихъ не оказалось: они скрылись въ Галисію. Даже прелатъ оставилъ Испанію: для большей безопасности онъ уѣхалъ въ Римъ. Тѣ, которые не искали спасенія въ бѣгствѣ, предпочли скорѣе заключить миръ, чѣмъ защищаться. Къ числу такихъ принадлежали принцы изъ фамиліи Витицы. Придавая своей измѣнѣ значеніе заслуги въ глазахъ мусульманъ, они просили и получили коронныя владѣнія, которыми короли пользовались только пожизненно [1]), и которыя состояли изъ трехъ тысячъ мызъ. Сверхъ того, Оппасъ, одинъ изъ братьевъ Витицы, былъ назначенъ правителемъ г. Толедо.

Вслѣдствіе неожиданно счастливаго стеченія обстоятельствъ простой набѣгъ заключился завоеваніемъ. Но Муза былъ очень недоволенъ такимъ результатомъ. Онъ, конечно, желалъ видѣть Испанію покоренною, но не хотѣлъ, чтобы такой подвигъ былъ совершенъ кѣмъ-нибудь другимъ: онъ завидовалъ славѣ Тарика и матеріальнымъ выгодамъ завоеванія. Къ счастью, еще оставалось довольно дѣла на полуостровѣ: Тарикъ овладѣлъ не всѣми городами, и захватилъ не всѣ богатства страны. Муза рѣшился, вслѣдствіе того, лично отправиться въ Испанію, и въ іюнѣ мѣсяцѣ 712 переплылъ проливъ, въ сопровожденіи восемнадцати тысячъ мавровъ. Онъ овладѣлъ Мединою-Сидоніею, и испанцы, соединившіеся съ нимъ, взялись выдать ему Кармону. Они подошли съ оружіемъ въ рукахъ къ городскимъ воротамъ и, сказавшись бѣглецами, спасающимися отъ преслѣдованія непріятеля просили и получили позволеніе войти въ городъ; а затѣмъ, воспользовавшись темнотою ночи, они отворили ворота маврамъ. Гораздо труднѣе было взять Севилію. Это былъ самый обширный городъ въ королевствѣ; надо было осаждать его долгое время, чтобы принудить къ сдачѣ. Мерида также оказала продолжительное и мужественное сопротивленіе, но наконецъ и она сдалась на капитуляцію (1 іюня 713). Тогда Муза направился къ Толедо. Тарикъ вышелъ къ нему на встрѣчу, для выраженія своего уваженія, и, завидѣвъ его еще издалека, сошелъ съ лошади; но Муза былъ такъ раздраженъ противъ него, что далъ ему нѣсколько ударовъ плетью. „Зачѣмъ ты шелъ впередъ безъ моего позволенія? сказалъ онъ ему; я приказалъ тебѣ произвести только набѣгъ и немедленно возвратиться въ Африку“.

Остальная часть Испаніи, за исключеніемъ нѣсколькихъ сѣверныхъ провинцій, была покорена легко. Сопротивленіе не служило ни къ чему; отсутствіе начальника лишало его направленія и плана. Сверхъ того, выгоды испанцевъ заставляли ихъ подчиняться какъ можно скорѣе. Поступая такимъ образомъ, они заключали миръ на довольно выгодныхъ условіяхъ, тогда какъ, сдаваясь послѣ обороны, теряли свои имущества.

Вообще завоеваніе Испаніи маврами не было большимъ бѣдствіемъ. Сначала, правда, явилась на нѣкоторое время анархія, какъ то случилось и въ эпоху вторженія германцевъ. Мусульмане грабили во многихъ мѣстахъ, сожгли нѣсколько городовъ, повѣсили грандовъ, неуспѣвшихъ скрыться, и убивали кинжалами дѣтей; но

---

[1]) Forum Judicum 1. V, t. I. 1, 2.

правительстао мавровъ обуздало вскорѣ эти безпорядки и жестокости, и когда было возстановлено спокойствіе, то изнеможенное съ того времени народонаселеніе покорилось своей участи безъ большого ропота. И въ самомъ дѣлѣ, владычество мавровъ было не болѣе несносно, чѣмъ владычество визиготовъ. Побѣдители оставили побѣжденнымъ ихъ законы и судей; дали имъ туземныхъ графовъ и правителей, обязанныхъ взимать налоги, которые они должны были представлять, и разбирать несогласія, возникавшія между жителями. Земли провинцій, покоренныхъ вооруженною рукою, также земли, принадлежавшія церкви или грандамъ, убѣжавшимъ на сѣверъ, были раздѣлены между побѣдителями; но рабы, жившіе тамъ, тамъ и остались. Это было въ порядкѣ вещей, и притомъ арабы поступали такъ вездѣ: одни туземцы умѣли обрабатывать землю, и кромѣ того побѣдители считали это занятіе слишкомъ для себя унизительнымъ. Поэтому она заставили рабовъ обрабатывать поля, какъ то было прежде и отдавать владѣльцу-мусульманину четыре пятыхъ сбора хлѣба и другихъ произведеній земли. Тѣ же, которые жили на государственной землѣ—а ихъ было много, потому что подъ государственной землей разумѣлась пятая часть конфискованныхъ земель—тѣ вносили только третью часть сбора. Сначала они представляли ее въ казну, но впослѣдствіи такое положеніе дѣлъ измѣнилось. Изъ части государственныхъ помѣстій образовали лены (fiefs) и отдавали ихъ маврамъ, пришедшимъ въ Испанію позже, которые сопутствовали Сама и сиріянъ, прибывшихъ подъ предводительствомъ Бальджи. Однако, христіанскіе земледѣльцы не потеряли ничего отъ такой мѣры; вся перемѣна для нихъ состояла въ томъ, что третья часть произведеній земли платилась ими не въ казну, а ленникамъ. Что касается до другихъ христіанъ, то ихъ положеніе зависѣло отъ договоровъ, которые имъ удалось заключить, а нѣкоторые изъ такихъ договоровъ были очень выгодны. Такъ, жители Мериды, находившіеся въ городѣ во время капитуляціи, всѣ сохранили свое имущество; они уступили только собственность и украшенія церквей. Въ той провинціи, гдѣ управлялъ Теодемиръ и гдѣ, въ числѣ прочихъ городовъ, были Лорка, Мула, Оригуэла и Аликанте, христіане не уступили рѣшительно ничего. Они обязались только платить подать, частью деньгами, частью натурой. Вообще можно сказать, что христіане удержали бо̀льшую часть своихъ имуществъ. Кромѣ того, они пріобрѣли право отчуждать ихъ; этимъ правомъ они не пользовались и при визиготахъ. Съ своей стороны, они обязаны были платить государству поголовную подать: сорокъ-восемь дирхемъ [1]) съ богатыхъ, двадцать-четыре съ людей, имѣющихъ среднее состояніе, и двѣнадцать дирхемъ съ тѣхъ, которые жили трудами рукъ. Эта подать платилась по одной двѣнадцатой, въ концѣ каждаго луннаго мѣсяца; но женщины, дѣти, монахи, калѣки, слѣпые, больные,

---

[1]) *Dirhem*—12 су на наши деньги (т.-е. около 25 к. сер.): слѣдовательно, тарифъ для 3 классовъ былъ: 28 фр. 80 сант., — 14, 40,—7, 20 (т.-е. около 11 р. 35 к.—5, 75,—2, 80); но цѣнность серебра въ VIII в. относилась къ настоящей, какъ 11 къ 1 (см. Leber: Essai sur l'appréciation de la fortune privée au moyen âge), потому дѣйствительный налогъ достигалъ: фр. 316,80,—158,40,—79,20 сантимовъ.

нищіе и рабы были освобождены отъ нея. Кромѣ того, владѣльцы должны были платить *kharâdj*, то-есть, налогъ на произведенія земли, сообразно съ почвой каждой провинціи, но который обыкновенно доходилъ до двадцати со ста. Отъ поголовной подати освобождался тотъ, кто принималъ исламизмъ; но kharâdj, напротивъ, продолжался, несмотря на обращеніе владѣльца.

Итакъ, положеніе, въ которомъ Испанія увидѣла себя при мусульманахъ, въ сравненіи съ тѣмъ, въ какомъ она была прежде, не было слишкомъ тяжело. Прибавьте къ этому, что мавры были очень вѣротерпимы. Въ дѣлѣ религіи они не неволили никого. Даже болѣе: правительству, если оно не было очень набожно (и что̀ составляло исключеніе) не нравилось, когда христіане обращались въ исламизмъ, потому что въ этомъ случаѣ казна много теряла. Въ свою очередь, христіане не оставались неблагодарными. Они были признательны побѣдителямъ за ихъ терпимость и справедливость, и предпочитали ихъ господство господству, напримѣръ, германцевъ, франковъ, такъ что въ продолженіе всего VIII вѣка возстанія были очень рѣдки; лѣтописцы упоминаютъ только одно, именно возмущеніе христіанъ въ Беджѣ, да и въ этомъ случаѣ они, кажется, служили орудіемъ одного властолюбиваго араба. Даже священники, по крайней мѣрѣ, въ первое время, рѣдко были недовольны, хотя они имѣли болѣе къ тому причинъ. О ихъ взглядѣ на новый порядокъ вещей можно судить по одной латинской хроникѣ, писанной въ Кордовѣ, въ 754 г., котоую неправильно приписываютъ извѣстному Исидору Беджскому. Авторъ этой хроники, хотя духовное лицо, но благоволитъ мусульманамъ болѣе, чѣмъ какой-нибудь другой испанскій писатель до XIV вѣка. Это не потому, чтобы онъ страдалъ недостаткомъ патріотизма; напротивъ, онъ сожалѣетъ о несчастіяхъ Испаніи, и владычество мавровъ есть для него владычество варваровъ, *efferum imperium*; но если онъ и ненавидитъ побѣдителей, то ненавидитъ въ нихъ людей другого племени болѣе, чѣмъ людей другой религіи. Поступки, которые заставили бы негодовать духовное лицо иного времени, не вызываютъ у него ни одного упрека. Онъ разсказываетъ, напримѣръ, что вдова короля Родерика вышла замужъ за Абдалазиза, сына Музы; при этомъ онъ не оскорбляется такимъ бракомъ, и, повидимому, находитъ его совершенно естественнымъ.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ владычество мавровъ было даже благомъ для Испаніи; оно произвело необходимый общественный переворотъ, уничтожило большую часть золъ, которыя заставляли страну стенать въ продолженіе многихъ вѣковъ. Значеніе привилегированныхъ классовъ, духовенства и аристократіи было уменьшено, даже уничтожено, а такъ какъ конфискованныя земли были раздѣлены между весьма многими, то явилась, сравнительно, по крайней мѣрѣ, мелкая собственность. Это было величайшимъ счастіемъ и одной изъ причинъ цвѣтущаго состоянія земледѣлія въ Испаніи при маврахъ. Съ другой стороны, завоеваніе улучшило положеніе класса рабовъ. Исламизмъ болѣе благопріятствовалъ освобожденію рабовъ, чѣмъ христіанство, въ томъ видѣ, какъ его понимали епископы визиготскаго королевства. Магометъ, говоря во имя Вѣчнаго, повелѣвалъ позво-

лять рабамъ выкупаться. Освободить раба было добрымъ дѣломъ, и такимъ образомъ можно было очиститься отъ многихъ грѣховъ. И такъ, у мавровъ рабство не было ни продолжительно, ни жестоко. Часто рабъ объявлялся свободнымъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы, особенно когда принималъ исламизмъ. Положеніе рабовъ, находившихся на мусульманскихъ земляхъ, также улучшилось. Они сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ фермеровъ, и пользовались нѣкоторой независимостью, потому что могли обрабатывать землю, какъ умѣли, такъ какъ ихъ мусульманскіе владѣтели не удостоивали близкаго вниманія сельскія работы. Что касается до рабовъ и слугъ христіанъ, то завоеваніе дало имъ очень легкое средство для пріобрѣтенія свободы. Для того имъ только стоило убѣжать на землю мусульманина, и произнести нѣсколько словъ: „Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ его". Съ этихъ поръ они становились мусульманами и „отпущенниками Аллаха", какъ выражался Магометъ. Число рабовъ, получившихъ свободу такимъ образомъ, увеличивалось, и нельзя не удивляться легкости съ которою они оставляли христіанство. Несмотря на неограниченную власть духовенства во время визиготовъ, христіанская религія не пустила въ Испаніи очень глубокихъ корней. Испанія, почти совершенно языческая въ то время, когда Константинъ сдѣлалъ христіанство религіею государственною, оставалась долго вѣрною древнему культу, и даже въ эпоху вторженія мавровъ язычество и христіанство спорили еще о первенствѣ, такъ что епископы принуждены были прибѣгать къ угрозамъ и принимать энергическія мѣры противъ почитателей ложныхъ боговъ.

У тѣхъ, которые называли себя тогда христіанами, христіанство было болѣе на языкѣ, чѣмъ въ сердцѣ. Потомки римлянъ наслѣдовали отъ своихъ предковъ ихъ скептицизмъ; потомки готовъ такъ мало интересовались религіозными вопросами, что изъ аріанъ они вдругъ сдѣлались католиками, какъ только король ихъ Реккаредъ подалъ имъ въ томъ примѣръ. Богатые прелаты визиготскаго королевства, отвлекаясь другими заботами, какъ, напримѣръ, диспутомъ съ католиками, разсужденіями о догматахъ и таинствахъ, государственными дѣлами, преслѣдованіемъ евреевъ, не могли найти свободнаго времени „умалиться съ малолѣтними, лепетать съ ними первыя слова истины, какъ отецъ забавляется, лепеча первыя слова съ своимъ дѣтищемъ", по выраженію св. Августина, и если они успѣвали заставлять принимать христіанство, то не сдѣлали ничего, чтобы расположить къ нему. Такимъ образомъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что рабы не могли устоять противъ искушенія, когда побѣдители предлагали имъ свободу подъ условіемъ принять исламизмъ. Нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ были еще язычниками; другіе же такъ мало знали христіанство, религіозное воспитаніе, которое они могли получить, было такъ элементарно, или скорѣе ничтожно, что таинственность католичества и исламизма была для нихъ одинаково непроницаема [1]); а то, что̀ они знали и понимали очень хорошо, было

---

[1]) Испанскій авторъ, писавшій въ XVII вѣкѣ, въ правленіе Филиппа IV—это время напоминало собою визиготскую эпоху Испаніи—выражается слѣдующимъ об-

то, что католическое духовенство жестоко обмануло ихъ надежды на освобожденіе, которыя нѣкогда внушило, и они хотѣли, во что бы то ни стало, сбросить иго, тяготѣвшее надъ ними. Наконецъ, не одни простолюдины оставляли прежнюю вѣру. Многіе изъ грандовъ сдѣлали то же самое, или для того, чтобъ не платить поголовную подать, или для того, чтобъ сохранить свои имущества, когда мавры начали нарушать договоры, или наконецъ потому, что искренно вѣрили въ сверхъестественное происхожденіе исламизма.

До сихъ поръ мы говорили только объ улучшеніяхъ, произведенныхъ завоеваніемъ Испаніи маврами въ общественномъ положеніи этой страны; но чтобъ быть безпристрастными, мы должны прибавить, что если такое завоеваніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ было благомъ, то во многихъ другихъ оно было зломъ. Такъ, исповѣданіе вѣры было свободно, но церковь не имѣла свободы; она находилась въ грубомъ и постыдномъ рабствѣ. Право созывать соборы, поставлять и низлагать епископовъ перешло отъ визиготскихъ королей къ мусульманскимъ султанамъ, такъ же какъ на сѣверѣ оно было удержано королями Астуріи. Это роковое право, ввѣренное непріятелю христіанской религіи, сдѣлалось для церкви неизсякаемымъ источникомъ бѣдствій, позора и оскорбленій. Если случалось, что нѣкоторые епископы не хотѣли участвовать въ соборѣ, то султаны замѣщали ихъ мѣста евреями и мусульманами. Они продавали санъ епископа тому, кто могъ болѣе заплатить, съ публичнаго торга, такъ что христіане должны были ввѣрять свои самые дорогіе и самые святые интересы еретикамъ, сластолюбцамъ, которые, даже во время самыхъ торжественныхъ церковныхъ праздниковъ, участвовали въ оргіяхъ арабскихъ царедворцевъ, невѣрующимъ, публично отрицавшимъ будущую жизнь, людямъ презрѣннымъ, которые, не довольствуясь продажей самихъ себя, продавали свою паству. Однажды чиновники государственной казны жаловались на то, что многіе христіане въ Малагѣ прятались, и такимъ образомъ имъ удавалось избавиться отъ поголовной подати. Тогда Гостегезисъ, епископъ того діоцеза, обѣщалъ имъ доставить полный списокъ обложенныхъ податью. Онъ сдержалъ свое слово. Во время своей ежегодной поѣздки по діоцезу, епископъ просилъ прихожанъ сообщить ему ихъ имена, также ихъ родственниковъ и друзей, для того, чтобы, какъ говорилъ онъ, записать ихъ въ поминанье и молиться Богу о каждомъ изъ своихъ духовныхъ дѣтей. Христіане,

---

разомъ, по поводу того же самаго вопроса: „Нисколько не удивительно, что жители Альпухарраса отреклись съ такою легкостью отъ вѣры предковъ. Тѣ, которые населяютъ теперь эти горы, могутъ быть названы „древними христіанами“ (Christianos viejos); въ ихъ жилахъ нѣтъ ни капли нечистой крови; они—подданные католическаго короля, и при всемъ томъ, вслѣдствіе недостатка наставниковъ и подъ гнетомъ, жертвою котораго сдѣлали ихъ, они до того невѣжественны во всемъ, что необходимо знать для вѣчнаго спасенія, что въ нихъ съ трудомъ можно отыскать какіе-нибудь слѣды христіанства. Можно ли подумать, что еслибы теперь, и отъ чего избави Боже, страна ихъ была завоевана невѣрными, эти люди будутъ долго думать, чтобы оставить родную вѣру и принять религію побѣдителей?“. Pedraça, *Historia ecclesiastica de Granada, fol. 95 v.*

довѣряя своему пастырю, попались въ западню. Съ тѣхъ поръ никто не могъ избавиться отъ подати: благодаря списку епископа, сборщики знали всѣхъ несущихъ подати.

Съ другой стороны, мавры, упрочивъ свое господство, соблюдали договоры съ меньшей точностью, чѣмъ тогда, когда власть ихъ была еще шатка. Подобный случай, напримѣръ, произошелъ въ Кордовѣ. Въ этомъ городѣ христіане сохранили только соборъ во имя святого Винцента; всѣ другія церкви были разрушены, но обладаніе соборомъ было имъ обезпечено договоромъ. Въ продолженіе многихъ лѣтъ этотъ договоръ былъ исполняемъ; но когда населеніе Кордовы увеличилось новыми колоніями сирійскихъ арабовъ, и мечети оказались недовольно вмѣстительны, то сирійцы рѣшили, что и въ этомъ городѣ надобно сдѣлать то же, что̀ они сдѣлали въ Дамаскѣ, Эмезѣ и другихъ городахъ своего отечества, гдѣ они отняли у христіанъ половину церквей и обратили ихъ въ мечети. Правительство утвердило этотъ взглядъ, и христіане принуждены были уступить половину собора. Очевидно, это было насиліе, нарушеніе трактата. Позднѣе, въ 784 г., Абдерамъ I-й пожелалъ, чтобы христіане продали ему другую половину. Они съ твердостью отказали ему, говоря, что еслибъ они согласились, то у нихъ не было бы ни одного зданія, гдѣ имъ было бы можно отправлять свое богослуженіе. Абдерамъ, между тѣмъ, настаивалъ, и наконецъ дѣло кончилось полюбовной сдѣлкой; христіане уступаютъ соборъ за сто-тысячъ динаріевъ [1]), и получаютъ позволеніе возобновить разрушенныя церкви. Въ этомъ случаѣ Абдерамъ былъ справедливъ; но онъ не всегда былъ таковъ, потому что онъ же нарушилъ договоръ, заключенный между сыновьями Витицы и Тарикомъ, и утвержденный калифомъ; а именно, онъ конфисковалъ земли Ардабаста, одного изъ этихъ принцевъ, единственно потому, что находилъ ихъ слишкомъ обширными для христіанина. Другіе договоры были ограничены или измѣнены совершенно произвольно, такъ что въ IX вѣкѣ отъ нихъ едва остались нѣкоторые слѣды. Кромѣ того, такъ какъ муллы поучали, что правительство должно выказывать свое усердіе къ религіи возвышеніемъ окладовъ податей на христіанъ, то поэтому на нихъ наложили столько чрезмѣрныхъ податей, что уже въ IX вѣкѣ многія христіанскія населенія, и между прочими населеніе Кордовы, совершенно обѣднѣли и пришли въ стѣснительное положеніе. Другими словами, съ Испаніей случилось то же, что̀ и со всѣми другими странами, которыя были покорены маврами: ихъ господство, изъ мягкаго и человѣчнаго, какимъ оно бывало въ началѣ, перерождалось въ невыносимый деспотизмъ. Съ IX вѣка завоеватели полуострова буквально слѣдовали совѣту калифа Омара, который выразился довольно сурово: „Мы должны поѣдать христіанъ, и наши потомки должны поѣдать ихъ потомковъ до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать исламизмъ“.

Впрочемъ, вовсе не христіане больше всего жаловались на мусульманское господство, спустя одинъ вѣкъ послѣ завоеванія. Самыми

[1]) Около милліона франковъ (т.-е. 400 т. р. с.), но по настоящей цѣнности серебра около 11 милл. франковъ.

недовольными были ренегаты, которыхъ мавры называли *моваладами* т.-е. *усыновленными*. Эти вѣроотступники не всѣ были одинаковыхъ убѣжденій. Между ними были такъ называемые *тайные христiане*, т.-е. люди, горько упрекавшiе себя въ отступничествѣ. Они были весьма несчастны, потому что не могли болѣе обратиться въ христiанство. Мусульманскiй законъ въ этомъ случаѣ неумолимъ. Принятое разъ исповѣданiе вѣры, и быть можетъ принятое въ минуту неудовольствiя, слабости, унынiя, крайности, когда не было денегъ, чтобъ заплатить поголовную подать, или отъ страха быть осужденнымъ на безчестное наказанiе христiанскимъ судьей—принятое разъ исповѣданiе вѣры, говоримъ мы, заставляло ренегата, хотя бы онъ былъ ежеминутно раздираемъ крикомъ совѣсти, остаться навсегда мусульманиномъ; въ случаѣ же отступленiя законъ угрожалъ ему смертью. Потомки ренегатовъ, хотѣвшiе возвратиться въ лоно церкви, еще болѣе имѣли причинъ жаловаться; они страдали за ошибку своихъ предковъ. Законъ, объявляя ихъ мусульманами, какъ рожденныхъ отъ мусульманина, точно также угрожалъ смертью и имъ, если они отвергали Магомета. Мечеть овладѣвала ими съ колыбели и провожала до могилы.

Потому было естественно, что раскаявшiеся ренегаты роптали; впрочемъ, они составляли меньшинство: большинство было искренно привязано къ исламизму. Послѣднiе, однако, тоже роптали. Съ перваго раза такое явленiе должно удивить. Бо̀льшая часть ренегатовъ состояла изъ освобожденныхъ, т.-е. людей, которыхъ положенiе улучшилось вслѣдствiе завоеванiя; какъ же могло случиться, что они не были довольны маврами?! Между тѣмъ, нѣтъ ничего проще. „Исторiя, говоритъ Токвиль, представляетъ много такихъ случаевъ. Переворотъ не всегда бываетъ слѣдствiемъ ухудшающагося положенiя дѣлъ; всего чаще можно видѣть народъ, который безропотно сноситъ, и какъ будто не чувствуетъ самыхъ обременительныхъ законовъ, и который сбрасываетъ съ себя ихъ иго именно тогда, когда начнутъ ему уменьшать ихъ тяжесть". Прибавьте къ этому, что общественное положенiе ренегатовъ было невыносимо. Обыкновенно, мавры отстраняли ихъ отъ прибыльныхъ должностей и отъ всякаго участiя въ управленiи государствомъ; они показывали видъ, что не вѣрятъ искренности ихъ обращенiя; обходились съ ними съ безграничной дерзостью; видя еще печать рабства на множествѣ лицъ, недавно освобожденныхъ, они пятнали всѣхъ ихъ именемъ рабовъ или сыновей рабовъ, хотя въ числѣ ихъ находились нѣкоторые изъ самыхъ знатныхъ и самыхъ богатыхъ владѣльцевъ страны. Ренегаты не могли привыкнуть къ такому обращенiю. У нихъ было сознанiе своего достоинства и матерiальной силы, которою они располагали, потому что составляли большинство народонаселенiя. Они не хотѣли, чтобы власть была исключительнымъ достоянiемъ одной касты, тѣсно заключенной въ своемъ индивидуализмѣ; они не хотѣли больше переносить своего подначальнаго состоянiя, уничиженiя въ обществѣ, наглаго презрѣнiя и господства нѣсколькихъ шаекъ чужеземныхъ солдатъ, жившихъ разбросанно по квартирамъ. Неудивительно послѣ того, что ренегаты не только первые взялись за оружiе, но и смѣло начали войну.

Возстаніе ренегатовъ, въ которомъ христіане приняли участіе, по мѣрѣ своихъ силъ, произошло съ тѣмъ разнообразіемъ, котораго должно было ожидать отъ всякаго возмущенія въ то время, когда все было существенно различно и носило частный характеръ. Каждая провинція, каждый большой городъ возсталъ за одно свое собственное дѣло и въ различное время; но борьба должна была сдѣлаться оттого еще болѣе продолжительною.

Дози.

Ист. мусульм. въ Исп. II, 31—53.

Дози (Reinier Dozy, род. въ Лейденѣ 1820 г.), знаменитый голландскій оріенталистъ, изъ французской фамиліи, которая переселилась въ Голландію, во время преслѣдованія протестантовъ при Лудовикѣ XIV. Его изслѣдованія по древней литературѣ арабско-испанской въ связи ея съ національною произвели большой переворотъ въ воззрѣніяхъ на ту эпоху. Дози составилъ себѣ первую ученую извѣстность изданіемъ: 1) Dictionnaire détallé des noms des vetements chez les Arabes. Amsterd. 1845; и 2) Historia Abbadidarum (Leyd. 1846—52; въ 2 т.). Къ послѣднимъ его произведеніямъ особенно замѣчательнымъ относятся: 1) Recherches sur l'histoire politique et littéraire de l'Espagne, pendant le moyen âge. Leyd. 1849; 2) Histoirs des Musulmans d'Espagne jusqu'à la conquête de l'Andalousie par les Almoravides (711—1110), Leyd. 1861, въ 4 т. Сверхъ того, онъ написалъ множество отдѣльныхъ изслѣдованій, изъ которыхъ особенно замѣчательно то, что̀ онъ писалъ о Сидѣ; всѣ они помѣщены большею частью въ Journal Asiatique de la ville de Leyd.

БРИТАНІЯ.

Историческій очеркъ страны.

Британія, по замѣчанію историка Маколея, изъ всѣхъ провинцій римской имперіи менѣе всѣхъ отразила на себѣ характеръ цивилизаціи своихъ первыхъ завоевателей; римскія преданія и языкъ были тамъ утверждены не столько самими завоевателями острова, сколько романизированными завоевателями самихъ завоевателей, и притомъ явившимися туда не въ качествѣ представителей римской администраціи, но въ качествѣ религіозныхъ миссіонеровъ римскихъ епископовъ. Это второе завоеваніе Британіи было несравненно прочнѣе перваго и оставило глубокіе слѣды въ общественной жизни англійскаго народа: нигдѣ церковное общество не играло такой роли, какъ въ Англіи, и не принимало такого дѣятельнаго участія въ судьбахъ страны. Причина того заключалась въ особенномъ положеніи римскихъ миссіонеровъ, при первомъ ихъ появленіи въ Британіи въ концѣ VI вѣка: имъ предстояло распространять христіанство въ землѣ, гдѣ оно давно было уже утверждено. Еще въ IV вѣкѣ бритты приняли новую религію отъ рукъ миссіонеровъ, неимѣвшихъ въ виду личныхъ интересовъ папскаго престола, епископы котораго въ то время не имѣли и мысли о преобладаніи. По удаленіи легіоновъ имперіи изъ Британіи, ею овладѣли языческія дружины англо-саксовъ; на ихъ-то враждѣ съ туземцами-бриттами католичество и основало свои планы о подчиненіи епископовъ бриттовъ папскому престолу. Англо-саксы потому нуждались въ папахъ для одержанія верха надъ туземцами, точно такъ же, какъ папы нуждались въ англо-саксахъ для подчиненія британской церкви своей власти. На этомъ-то и былъ основанъ тѣсный союзъ англо-саксовъ съ папами и какъ бы вторичное распространеніе христіанства въ Англіи, которое было ничѣмъ инымъ, какъ подчиненіемъ ея церкви римскому престолу папъ.—Вотъ тотъ хронологическій порядокъ, въ которомъ слѣдовали другъ за другомъ важнѣйшіе факты въ исторіи Британіи отъ паденія з. р. имперіи до Карла В., въ эпоху котораго былъ увѣнчанъ трудъ католическихъ миссіонеровъ созданіемъ единаго королевства Англіи.

Еще въ половинѣ V вѣка бритты, подданные римской имперіи, когда императорскіе легіоны были отозваны съ острова и горные

жители Шотландіи, пикты и скотты, пользуясь тѣмъ, открыли набѣги на страну, учредили у себя національное правительство, вручивъ верховную власть одному изъ своихъ князей, Вортигерну, а для защиты отъ горцевъ, по примѣру римскаго правительства, пригласили германскія дружины англо-саксовъ, бродившія на противоположномъ берегу материка. Первая такая дружина, подъ предводительствомъ Генгиста и Горзы, прибыла на островъ въ 449 г. Но союзники, за свою услугу, овладѣли самой страной и въ юго-восточномъ углу Британіи основали первое германское королевство *Кентъ*. Слухъ объ успѣхѣ дружины Генгиста и Горзы привлекъ въ Британію новыхъ предводителей, и съ того времени завязалась отчаянная борьба между туземными бриттами и постоянно прибывавшими англо-саксами. Такъ, въ 477 г., дружина Эллы овладѣла далѣе на западъ отъ Кента приморскимъ берегомъ противъ о. Уайта, гдѣ и основала королевство *Суссексъ* (т.-е. южная Саксонія); въ 495 г. Цердикъ, подобный же предводитель дружины, подвинулся еще далѣе на западъ до полуострова Корнваллиса, и его завоеванія положили начало королевству *Вессексу* (западная Саксонія). Еще при Генгистѣ новая дружина англовъ, приглашенная имъ на помощь, отдѣлилась отъ него и на сѣверѣ Англіи, у границъ Шотландіи, въ землѣ *Нортумберландъ* (т.-е. сѣверная страна), разсѣялась по странѣ и раздѣлила ее на множество отдѣльныхъ княжествъ, предоставивъ послѣдующимъ всельникамъ соединить ихъ въ одно цѣлое; только въ теченіе VI вѣка нортумберландскія княжества саксовъ соединились въ два королевства: въ 547 г. дружина Иды основала королевство *Берницію*, у самыхъ границъ Шотландіи, а дружина Эллы — королевство *Деиру*, на югъ отъ перваго, вдоль морского берега. Вообще, какъ въ V вѣкѣ англы утверждались на южномъ берегу Англіи, такъ въ VI-мъ они овладѣли восточнымъ ея берегомъ и внутренностью страны; а именно, въ 527 г., Эркензинъ основалъ королевство *Эссексъ* (восточная Саксонія), на с. отъ Кента, въ углу, образуемомъ Темзою и морскимъ берегомъ; въ 575 г. дружина Уффы захватила береговую страну на сѣверъ отъ Эссекса и основала королевство *Эстъ-Англію*; наконецъ, въ 585 г. прибыла послѣдняя дружина Криды; такъ какъ вся береговая линія острова, на востокѣ и на югѣ, была уже занята его предшественниками, то Крида вытѣснилъ бриттовъ изъ средины острова и положилъ начало седьмому и послѣднему англо-саксквому королевству *Мерсіи* (Middle-England, т.-е. срединная Англія). Такимъ образомъ, отъ 449 г. и до 585 г. въ древней Британіи постепенно образовывалась группа новыхъ королевствъ въ числѣ *семи*, почему Британія получила названіе англо-сакской *эптархіи*, т.-е. седьмивластія [1]).

Древніе обитатели Британіи были или покорены и обращены въ рабство англо-саксами, или удалились въ неприступныя для варваровъ горы Валлиса и Корнваллиса, гдѣ и образовали самостоятельныя княжества съ національнымъ правительствомъ, или переселялись на материкъ въ Арморику, которая и получила отъ нихъ названіе

---

[1]) Берниція и Деира постоянно то соединялись, то раздѣлялись, и потому ихъ принимали за одно королевство Нортумберландъ.

Бретани. Валлисъ и Бретань сдѣлались такимъ образомъ послѣднимъ убѣжищемъ древнѣйшей кельтической образованности, которая въ глубокой древности была распространена по всей западной Европѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ Бретани и Валлиса въ теченіе V и VI вѣковъ выходили національные герои, безпокоившіе безпрерывно новыхъ завоевателей. По удаленіи римскихъ легіоновъ въ половинѣ V вѣка, бритты даже провозгласили одного изъ своихъ соотечественниковъ, Аврелія-Амвросія, императоромъ, но Генгистъ и Горза поразили его; сынъ Аврелія, *Артуръ* (508—542), продолжалъ борьбу съ Цердикомъ, весекскимъ королемъ; его подвиги составили новый циклъ въ національной поэзіи бриттовъ, но и Артуръ погибъ во время внутренняго возмущенія своихъ вассаловъ, не принеся никакого результата для свободы соотечественниковъ, удержавшихся на однихъ своихъ полуостровахъ.

Между тѣмъ, дальнѣйшая исторія эптархіи, отъ окончательнаго ея образованія въ 585 г. до временъ Карла В., въ теченіе VII и VIII стол., получила новое направленіе, вслѣдствіе распространенія между англами католичества, которое и въ Англіи, какъ и вездѣ, вмѣстѣ съ религіознымъ единеніемъ, вносило съ собою и политическое единство; уничтоженію эптархіи содѣйствовали и неопредѣленность отношеній эптарховъ между собою, и честолюбіе сильныхъ, стремившихся къ подчиненію болѣе слабыхъ; все это послужило орудіемъ для католическихъ прелатовъ. Могущественнѣйшими изъ всѣхъ эптарховъ были короли Вессекса и Кента, потомки Цердика и Генгиста. Въ концѣ VI вѣка въ Кентѣ правилъ *Этельбертъ*, при которомъ папа Григорій I отправилъ Августина распространять христіанство между англами и, главное, утвердить суприматію римской церкви надъ церковью древнихъ бриттовъ. Почти въ одно время Этельбертъ принимаетъ католичество (596 г.) и утверждаетъ въ своей столицѣ Кентербури власть римскаго прелата въ лицѣ Августина, и отецъ его зятя, король Нортумберланда, *Этельфридъ*, избиваетъ епископовъ бриттскихъ — событіе не менѣе благопріятное для видовъ римской церкви (въ 615 г.) Вслѣдъ затѣмъ сынъ его *Эдвигъ* обращается въ католичество (въ 624 г.); вскорѣ католичество было принято и остальными эптархами. Тогда началась внутренняя борьба между ними за первенство: среди безпрерывныхъ перемѣнъ въ теченіе VII вѣка начинаетъ возвышаться надъ прочими королевство Вессексъ; въ теченіе VIII вѣка оно успѣваетъ подчинить себѣ одного эптарха за другимъ, и, наконецъ, король *Эгбертъ* (800—836), по завоеваніи Мерсіи, провозглашаетъ себя, въ 827 году, королемъ всей Англіи. Таковъ былъ послѣдній результатъ исторіи англо-саксовъ въ первомъ періодѣ среднихъ вѣковъ: туземные бритты не успѣли воспользоваться паденіемъ з. р. имперіи; чужеземцы, поддерживаемые видами римскаго престола папъ, обратили Англію въ обширный лагерь, и потому національная исторія этой страны должна была ожидать болѣе благопріятныхъ для себя обстоятельствъ въ слѣдующемъ періодѣ.

Соотвѣтственно такому ходу судебъ національности, развивалась и исторіографія Англіи послѣ паденія з. р. имперіи. Національная историческая литература прекратилась вмѣстѣ съ уничтоженіемъ

независимости бриттовъ; но она заключилась удивительнымъ цикломъ поэмъ, воспѣвшихъ въ лицѣ Артура послѣднюю ихъ борьбу съ англами. Новѣйшіе изслѣдованія и сборники вызвали на свѣтъ эту кельтическую литературу, покорившую себѣ воображеніе самихъ побѣдителей и послужившую имъ образцомъ для вдохновеній (см. объ этихъ сборникахъ ниже, въ примѣчаніяхъ къ ст. 64). Для завоевателей, англовъ, обязанныхъ своею цивилизаціею римскимъ миссіонерамъ, могла существовать только одна искусственная, ученая историческая литература, на церковномъ латинскомъ языкѣ, и въ формѣ хроникъ. Представителемъ ея явился въ VIII вѣкѣ *Бэда Преподобный*; его „Церковная исторія англовъ“ оставалась одною изъ самыхъ популярныхъ историческихъ книгъ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ (см. о немъ и его сочиненіяхъ ниже, въ примѣчаніи къ ст. 66). Изъ собраній историческихъ памятниковъ Англіи болѣе замѣчательны полнотою и отчетливостью: 1) *Camden*: Anglica, Normanica, Cambrica. Francof. 1602; 2) Rerum Britannicarum medii aevi scriptores or Chronicles and memorials of Great Britain. Lond. 1858—61. Vol. 1—12, 14—24, въ 32 частяхъ; 3) *Savile*: Rerum anglicarum scriptores post Bedam praecipui, Francf. 1701.—Изъ новѣйшихъ сочиненій: 1) *Lappenberg*: Geschichte von England. Hamb. 1834—36, въ 2 т.; 2) *D. Hume*: History of England from the invasion of J. Caesar to the revolution in 1668. Lond. 1759—63. 6 том. Ср. первый томъ *Aug. Thierry*: Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands. Par. 1856.

---

62. — Общій взглядъ на древнѣйшій періодъ англійской цивилизаціи.

(1848 г.).

Въ древнемъ бытѣ Британіи ничто не говорило о томъ величіи, достиженіе котораго было предназначено этой странѣ. Ея обитатели, какъ впервые пришлось познакомиться съ ними финикійскимъ мореходамъ города Тира, немногимъ превосходили современныхъ намъ туземцевъ, населяющихъ Сандвичевы острова. Британія была порабощена римскимъ оружіемъ (56 г. до Р. Х.); но на нее палъ только слабый лучъ римскаго искусства и науки. Изъ провинцій западной Европы она послѣднею подчинилась римскимъ цезарямъ, и первою была оставлена ими. Въ Британіи нельзя встрѣтить великолѣпныхъ развалинъ портиковъ и водопроводовъ римской эпохи. Между представителями римскаго краснорѣчія и поэзіи не встрѣчается ни одного британскаго уроженца. Невѣроятно и подумать, чтобы эти островитяне могли когда-нибудь повсемѣстно усвоить себѣ языкъ своихъ итальянскихъ властителей. Между тѣмъ, отъ Атлантическаго океана до странъ, прилегающихъ къ Рейну, латинскій языкъ, въ теченіе

нѣсколькихъ столѣтій, былъ господствующимъ. Онъ вытѣснилъ тамъ собою языкъ кельтовъ, не уступилъ своего мѣста германскому языку, и до настоящаго времени служитъ основою французскаго, испанскаго и португальскаго языковъ. А на нашемъ островѣ латинскій языкъ, повидимому, никогда не выживалъ гаэльскаго нарѣчія и не могъ самъ устоять противъ германскаго языка.

Скудная, поверхностная цивилизація, которую бритты заимствовали у южныхъ своихъ властителей, и та была изглажена бѣдствіями пятаго вѣка. Въ континентальныхъ королевствахъ, на которыя распалась тогда римская имперія, германскіе побѣдители научились многому отъ побѣжденнаго племени. Въ Британіи побѣжденное племя сдѣлалось такимъ же варварскимъ, какъ и побѣдители.

Всѣ вожди, основавшіе германскія династіи въ континентальныхъ провинціяхъ римской имперіи, Аларикъ, Теодорикъ, Клодвигъ, Альбоинъ, были ревностными христіанами; а англо-саксскія дружины Иды и Цердика, напротивъ, перенесли съ береговъ Эльбы въ свои поселенія въ Британіи всѣ прежнія суевѣрія. Между тѣмъ какъ германскіе короли, правившіе въ Парижѣ, Толедо, Арлѣ и Равеннѣ, почтительно внимали наставленіямъ епископовъ, поклонялись мощамъ мучениковъ и принимали горячее участіе въ спорахъ по поводу никейской теологіи, англо-саксскіе правители Вессекса и Мерсіи продолжали совершать дикіе обряды въ храмахъ Тора и Одина.

Континентальныя королевства, возникшія на развалинахъ западной имперіи, поддерживали нѣкоторыя сношенія съ тѣми восточными провинціями, гдѣ древняя цивилизація, мало-по-малу увядавшая подъ гнетомъ дурного управленія, могла еще, однако, удивлять и наставлять варваровъ; гдѣ дворъ еще выказывалъ блескъ временъ Діоклеціана и Константина; гдѣ общественныя зданія были попрежнему украшены изваяніями Поликлета и картинами Апеллеса, и гдѣ трудолюбивые педанты, сами лишенные вкуса, чувства и генія, могли еще читать и объяснять образцовыя произведенія Софокла, Демосѳена и Платона. Британія была отрѣзана отъ общенія съ ними. Ея берега для просвѣщенной націи, обитавшей при Босфорѣ, были предметами такого же таинственнаго ужаса, съ какимъ іонійцы временъ Гомера смотрѣли на проливъ Сциллы и на городъ лестригонскихъ людоѣдовъ. Прокопію говорили, что на нашемъ островѣ была одна область, въ которой почва кишѣла змѣями, а воздухъ былъ такой, что ни одинъ человѣкъ не могъ, дохнувши имъ, остаться въ живыхъ. Въ ѣту пустыню перевозились въ полночь изъ земли франковъ души умершихъ. Эту страшную обязанность исполняла особенная порода рыбаковъ. Лодочники ясно слышали рѣчь мертвецовъ; подъ тяжестью покойниковъ лодка глубоко погружалась въ воду; но формы ихъ были незримы для смертнаго ока. Таковы были чудеса, которыя даровитый историкъ, современникъ Велисарія, Симплиція и Трибоніана, серьезно разсказывалъ въ богатомъ и просвѣщенномъ Константинополѣ о странѣ, гдѣ основатель Константинополя нѣкогда облекся императорскою порфирою. О всѣхъ другихъ провинціяхъ западной имперіи мы имѣемъ непрерывныя извѣстія. Только въ Британіи вѣкъ баснословія совершенно раздѣляетъ собою двѣ историческія эпохи. Одоакръ и

Тотила, Эрикъ и Тразимундъ, Клодовей, Фредегунда и Брунегильда, все это историческіе люди. Но наши Генгистъ и Горса, Вортигернъ и Ровена, Артуръ и Мордредъ—лица миѳическія, самое существованіе которыхъ можно заподозрить, а ихъ приключенія слѣдуетъ отнести къ одному разряду съ приключеніями Геркулеса и Ромула.

Наконецъ, мракъ начинаетъ разсѣяваться; и страна, скрывшаяся изъ виду подъ именемъ *Британіи*, вновь появляется подъ названіемъ *Англіи*. Обращеніе англо-саксскихъ поселенцевъ въ христіанство было началомъ длиннаго ряда благодѣтельныхъ переворотовъ. Правда, церковь въ то время была уже глубоко испорчена и тѣмъ суевѣріемъ, и тою философіею, противъ которыхъ она долго боролась и надъ которыми, наконецъ, восторжествовала. Она открыла слишкомъ легкій доступъ ученіямъ, почерпнутымъ изъ древнихъ школъ, и обрядамъ, заимствованнымъ изъ древнихъ храмовъ. Римская политика и готское невѣжество, греческая замысловатость и сирійскій аскетизмъ содѣйствовали ея искаженію. Несмотря на то, она еще сохраняла долю высокой теологіи и благодушной морали первоначальныхъ своихъ временъ, достаточную для того, чтобы возвысить многіе умы и очистить многія сердца. При томъ же, то, что̀ въ наше время справедливо относятъ къ числу главнѣйшихъ ея недостатковъ, въ VII вѣкѣ, и даже гораздо позже, составляло одну изъ главнѣйшихъ ея заслугъ: если бы духовенство присвоило себѣ теперь права и обязанности свѣтской власти, это было бы въ наше время огромнымъ зломъ; но то, что̀ въ эпоху благоустроеннаго правительства является зломъ, при разстроенномъ управленіи можетъ быть благомъ. Конечно, лучше, чтобы общество управлялось мудрыми, добросовѣстно исполняемыми законами и просвѣщеннымъ общественнымъ мнѣніемъ, нежели кознями духовенства; но также лучше, чтобъ люди управлялись кознями духовенства, нежели грубымъ насиліемъ, или такимъ прелатомъ, какъ Дунстанъ, нежели такимъ воиномъ, какъ Пенда. Общество, погрязшее въ невѣжествѣ и управляемое простою матеріальною силою, имѣетъ основательную причину радоваться, когда классъ людей, отличающійся умственнымъ и нравственнымъ вліяніемъ, достигаетъ господства. Такой классъ, безъ сомнѣнія, также будетъ злоупотреблять своею властью; но умственное вліяніе, даже употребляемое во зло, все же благороднѣе и лучше той власти, которая заключается въ одной тѣлесной силѣ. Мы читаемъ въ нашихъ саксонскихъ хроникахъ о тиранахъ, которые на высотѣ величія терзались угрызеніями совѣсти, бѣжали отъ удовольствій и почестей, купленныхъ цѣною преступленій, отрекались отъ престола и старались загладить свои вины суровыми эпитиміями и непрестанными молитвами. Эти разсказы вызвали горькія выраженія презрѣнія со стороны писателей, которые, гордясь своею свободою мысли, въ сущности были ограничены не менѣе какого-нибудь средневѣкового монаха, и привыкли ко всѣмъ событіямъ всемірной исторіи прилагать мѣрило, принятое въ парижскомъ обществѣ XVIII вѣка. Убѣжденія того времени, хотя и обезображенныя суевѣріемъ, вносили однако сильныя нравственныя ограниченія въ общества, управлявшіяся прежде только силою мышцъ и дерзостью духа; они внушали свирѣпѣйшему и могущественнѣйшему

владыкѣ, что онъ, подобно ничтожнѣйшему изъ его рабовъ, былъ существомъ отвѣтственнымъ, и потому такія убѣжденія заслуживаютъ болѣе почтительныхъ отзывовъ со стороны философовъ и филантроповъ.

То же самое замѣчаніе можно сдѣлать и о презрѣніи, съ какимъ въ прошломъ столѣтіи любили говорить о путешествіяхъ къ святымъ мѣстамъ, о правѣ убѣжища церкви, крестовыхъ походахъ и монастырскихъ учрежденіяхъ среднихъ вѣковъ. Въ тѣ времена, когда ни просвѣщенная любознательность, ни жажда корысти, почти нимало не побуждали людей къ путешествію, посѣщать Италію и Востокъ въ качествѣ пилигрима было для грубаго жителя сѣвера лучше, нежели никогда не видѣть ничего, кромѣ грязныхъ хижинъ и непроходимыхъ лѣсовъ, среди которыхъ онъ родился. Въ тѣ времена, когда жизнь и честь женщины ежедневно подвергались опасности отъ тирановъ и разбойниковъ, нераціональный страхъ, наводимый предѣломъ святилища, былъ лучше, нежели совершенное отсутствіе убѣжища, которое было бы недоступно жестокости и распутству. Въ тѣ времена, когда государственные люди были неспособны къ составленію обширныхъ политическихъ комбинацій, возстаніе и соединеніе христіанскихъ народовъ для освобожденія гроба Господня было лучше, нежели порабощеніе ихъ, одного за другимъ, мусульманскимъ оружіемъ. Какъ бы ни были справедливы упреки, которыми въ позднѣйшее время клеймились лѣнь и сластолюбіе религіозныхъ орденовъ, все же къ счастью, что въ вѣкъ невѣжества и насилія существовали тихія обители и сады, гдѣ мирныя искусства могли безопасно развиваться; гдѣ благородныя и созерцательныя натуры могли находить убѣжище; гдѣ одинъ изъ братіи могъ заниматься перепискою Энеиды Виргилія, а другой размышленіемъ надъ анализомъ Аристотеля; гдѣ тотъ, кто имѣлъ призваніе къ искусству, могъ раскрашивать мартирологію или вырѣзывать распятіе, а тотъ, кто чувствовалъ влеченіе къ естественнымъ наукамъ, могъ дѣлать опыты надъ свойствами растеній и минераловъ. Не будь разсѣяно такихъ пріютовъ тамъ-и-сямъ, среди лачугъ жалкихъ поселянъ и за̀мковъ свирѣпой аристократіи, европейское общество состояло бы только изъ вьючныхъ и хищныхъ животныхъ. Теологи не разъ сравнивали церковь съ ковчегомъ, о которомъ мы читаемъ въ книгѣ Бытія; но никогда это сходство не было такъ поразительно, какъ въ то худое время, когда она одна, среди мрака и бури, царила надъ потопомъ, поглотившимъ всѣ великія произведенія древняго могущества и мудрости, и хранила въ своемъ лонѣ то слабое сѣмя, изъ котораго должна была развиться новая и болѣе славная цивилизація.

Даже духовное преобладаніе, присвоенное папою, произвело въ тѣ времена мрака гораздо болѣе добра, нежели зла. Результатомъ его было соединеніе народовъ западной Европы въ одну великую общину. Чѣмъ олимпійскія игры и пиѳійскій оракулъ были въ древности для всѣхъ греческихъ городовъ, отъ Трапезунта до Марселя, тѣмъ Римъ и его епископъ были для всѣхъ христіанъ латинскаго исповѣданія, отъ Калабріи до Гебридскихъ острововъ. Такимъ образомъ развились въ широкихъ размѣрахъ чувства взаимнаго дружелюбія. Племена,

отдѣленныя другъ отъ друга морями и горами, признали братскія узы между собою и общій кодексъ публичнаго права. Даже въ войнѣ жестокость побѣдителя нерѣдко смягчалась воспоминаніемъ о томъ, что онъ и его побѣжденные враги были всѣ членами одной и той же великой федераціи.

Въ эту федерацію были наконецъ приняты и наши саксонскіе предки. Открылось правильное сообщеніе между нашими берегами и тою частью Европы, въ которой слѣды древняго величія и просвѣщенія были еще замѣтны. Многіе великіе памятники, впослѣдствіи разрушенные или обезображенные, въ то время еще сохраняли тамъ свое первобытное великолѣпіе; и англо-сакскіе странники, для которыхъ языкъ Ливія и Саллустія былъ непонятенъ, могли по римскимъ водопроводамъ и храмамъ составлять себѣ хотя слабое понятіе о римской исторіи. Пантеонъ Агриппы, еще сіявшій тогда бронзою, мавзолей Адріана, еще нелишенный колоннъ и статуй, амфитеатръ Флавія, еще ненизведенный до каменоломни, повѣствовали мерсійскимъ и нортумберландскимъ пилигримамъ долю исторіи того великаго просвѣщеннаго міра, который прошелъ безвозвратно. Островитяне возвращались съ благоговѣніемъ, глубоко запечатлѣннымъ въ ихъ полупрозрѣвшихъ умахъ, и разсказывали изумленнымъ обитателямъ лондонскихъ и іоркскихъ лачугъ, что у гроба св. Петра могучая нація, уже угасшая, воздвигнула зданія, которыя не разрушатся до дня страшнаго суда. Ученость сопровождала появленіе христіанства. Поэзія и краснорѣчіе временъ Августа были прилежно изучаемы въ мерсійскихъ и нортумберландскихъ монастыряхъ. Имена Бэды, Алкуина и Іоанна, прозваннаго Эригеною, справедливо прославлялись всею Европой. Таково было положеніе нашего отечества, когда, въ IX вѣкѣ, началось послѣднее великое переселеніе сѣверныхъ варваровъ, а именно датскихъ норманновъ.

Маколей.

Hist. of England, I, 3—9. Leipz. 1849.

Маколей (Thomas-Babington Macaulay, род. 1800 г., ум. 28 декабря 1859 г.), сынъ богатаго негоціанта, прославившагося ревностною преданностью дѣлу уничтоженія невольничества, которая по смерти дала ему мѣсто въ Вестминстерѣ. Онъ получилъ образованіе въ кембриджскомъ университетѣ и въ юридической школѣ Lincoln's Inn; еще въ послѣдней онъ началъ свою литературную дѣятельность мелкими поэтическими произведеніями, изъ которыхъ „Армада" и „Сраженіе при Иври" обратили на автора вниманіе. Въ 1826 г. Маколей вступилъ въ адвокатуру, и почти въ то же время напечаталъ въ Эдинбургскомъ Обозрѣніи свой первый Essay, этюдъ о Мильтонѣ, доставившій ему большую извѣстность; затѣмъ въ теченіе 15 лѣтъ онъ издавалъ цѣлый рядъ подобныхъ этюдовъ, которые впослѣдствіи были имъ соединены въ одно цѣлое подъ заглавіемъ: *Critical and historical essays*. Lond. 1852, 3 vol. Замѣчательнѣйшіе изъ этихъ этюдовъ относятся къ жизни Аддисона, Галлама, Бэкона, Питта, Вальполя, Фридриха Великаго, Байрона и мн. друг.

Маколей принадлежалъ къ партіи виговъ, на защиту которой онъ посвящалъ постоянно свое перо, а впослѣдствіи, призванный къ государственной дѣятельности, онъ защищалъ свою партію и въ парламентѣ. Съ 1830 г. онъ былъ избираемъ въ палату депутатовъ; въ 1834 г. министерство дало ему мѣсто въ Индіи, что представило Маколею поводъ издать два превосходныхъ этюда о лордѣ Клейвѣ и Варренѣ Гастингсѣ. По прибытіи изъ Индіи, онъ возвратился на парламентскую дорогу и до 1848 г. отправлялъ различныя должности по военному министерству; въ это послѣднее время его избрали ректоромъ университета въ Глазговѣ. При всѣхъ своихъ парламентскихъ и административныхъ занятіяхъ, онъ продолжалъ трудиться въ кабинетѣ, и въ 1848 г. издалъ первые два тома „Исторіи Англіи отъ восшествія на престолъ Іакова II“ (History of England from the eccession of James the Second). Это произведеніе доставило ему всемірную славу и было переведено на всѣ европейскіе языки (русск. перев. всѣхъ сочиненій Маколея предпринятъ г. Тибленомъ: „Исторія Англіи“ въ его изданіи начинается съ VI тома, 1861 г.). Слабое здоровье Маколея не дозволяло ему ускорить окончаніе работы; только въ 1855 г. вышли III и IV томы, но и въ нихъ событія доведены только до Рисвикскаго мира, 1697 г. Въ 1857 г. Маколей за свои литературныя заслуги получилъ титулъ барона и пэра Англіи.

Кромѣ названныхъ сочиненій, онъ оставилъ: Lays of ancient Rome, 1842 г. (Легенды древняго Рима), поэтическое произведеніе, написанное подъ вліяніемъ идей Нибура; и Speaches, 1853 (Рѣчи). Изъ многочисленныхъ французъ. переводовъ сочиненій Маколея самое лучшее то, которое предпринято, для его Essays, Вильг. Гизо (1860 г.), и для „Исторіи Англіи“ переводъ Pichot (1857 г.). Для подробностей біографическихъ и критическаго разбора его сочиненія см. „Лордъ Маколей, его жизнь и сочиненія“, *I. Вызинскаго*; издано при I томѣ русскаго перевода сочиненій Маколея, изд. Н. Тиблена. 1860;— и въ Essais de critique et d'histoire, par *H. Taine* первая статья; M. Macaulay. 1858.

63.—О кельтической образованности.

(1859 г.).

Если кто, путешествуя по полуострову Арморикѣ, оставитъ за собою предѣлы, ближайшіе къ континенту, гдѣ еще продолжается типъ веселый, но простой, Нормандіи и Мэна, и вступитъ въ настоящую Бретань, заслуживающую свое имя и языкомъ, и племеннымъ происхожденіемъ, его поразитъ самая рѣзкая перемѣна во всемъ окружающемъ. Холодный вѣтеръ, полный безотчетнаго унынія, поднимается со всѣхъ сторонъ и навѣваетъ на душу мысли объ иномъ; верхушки деревьевъ голы и искривлены, верескъ стелетъ на далекое пространство свой однообразный цвѣтъ. Гранитъ прорѣзываетъ на каждомъ шагу почву, слишкомъ тощую для того, чтобы его

покрыть; почти всегда мрачное море замыкаетъ собою на горизонтѣ кругъ вѣчно стонущихъ волнъ. Тотъ же контрастъ между людьми: за нормандскимъ простолюдиномъ, здоровымъ, зажиточнымъ, довольнымъ своею жизнью, волнѣ преданнымъ личнымъ интересамъ, эгоистомъ, подобно всякому привыкшему къ довольству, слѣдуетъ племя робкое, сдержанное, сосредоточенное въ себѣ, на видъ тяжелое, но глубоко чувствующее и отличающееся въ своихъ религіозныхъ инстинктахъ благоговѣйною возвышенностью. Совершенно подобный контрастъ поражаетъ, говорятъ, при переѣздѣ изъ Англіи въ Валлійское княжество, изъ нижней Шотландіи, англійской по языку и нравамъ, въ страну сѣверныхъ гаэловъ, и также, но съ оттѣнкомъ еще болѣе замѣтнымъ, когда кто углубляется въ тѣ части Ирландіи, гдѣ древнее племя осталось чистымъ отъ всякаго смѣшенія съ чужеземнымъ. Кажется, что углубляешься въ подземные слои другого міра, и чувствуешь что-то въ родѣ тѣхъ впечатлѣній, которыя заставляетъ испытывать Данте, когда ведетъ насъ изъ одного круга своего ада въ другой.

Довольно мало обращаютъ вниманія на тотъ удивительный фактъ, что въ Европѣ одно племя продолжаетъ до сихъ поръ, и почти предъ нашими глазами, жить своею собственною жизнью на нѣкоторыхъ забытыхъ островахъ и полуостровахъ Запада, хотя, правда, оно все болѣе и болѣе развлекается внѣшнимъ вліяніемъ, но при всемъ томъ остается вѣрнымъ своему языку, своимъ преданіямъ, нравамъ и своему духу. Особенно забываютъ, что это небольшое племя, тѣснящееся теперь на предѣлахъ міра, среди скалъ и горъ, гдѣ непріятели не могли его одолѣть, владѣетъ литературой, которая производила въ средніе вѣка огромное вліяніе, измѣнила ходъ европейскаго воображенія и въ напѣвахъ своей поэзіи послужила образцомъ почти для всѣхъ христіанскихъ народовъ.

Въ наше время превосходныя работы облегчаютъ задачу всякаго, кто взялся бы за изученіе этой любопытной литературы. Особенно княжество Валлійское отличается ученой и литературной дѣятельностью, которая не всегда руководствуется строгой критикой, но тѣмъ не менѣе достойна большой похвалы. Тамъ, труды, которые сдѣлали бы честь самымъ лучшимъ ученымъ школамъ Европы, предпринимаются простыми любителями. Одинъ крестьянинъ, Овенъ Джонсъ (Owenn Jones), издалъ въ 1801 г., подъ заглавіемъ: *Валлійская археологія Мивира*, драгоцѣнное собраніе, которое до сихъ поръ еще служитъ лучшимъ сборникомъ кимврскихъ древностей.

Цѣлое общество ученыхъ и ревностныхъ людей гг. Анёринъ Овенъ (Aneurin Owenn), Томасъ Прайсъ де Крикговель (Thomas Price de Crickhowel), Вильямсъ Ризъ (Williams Rees), Джонъ Джонсъ (John Jones), слѣдуя по стопамъ крестьянина Мивира (Mywyr), взялись дополнить его трудъ и воспользоваться частью сокровищъ, которыя онъ собралъ. Одна образованная дама, леди Шарлотта Гуестъ (Charlotte Guest), взяла на себя трудъ издать въ свѣтъ сборникъ *Мабиногіонъ*, перлъ валлійской литературы, самое полное выраженіе кимврскаго генія [1]).

---

[1]) The Mabinogion, from the Llyfr Coch o Gergest, and other ancient Welsh

Если превосходство расы должно цѣниться по чистотѣ ея крови и неизмѣняемости характера, то, нельзя не признаться, никто не превосходитъ въ благородствѣ и до сихъ поръ существующіе остатки кельтическаго племени [1]). Никогда человѣческая семья не была до того уединена и чужда всякой посторонней примѣси. Оттѣсненная, вслѣдствіе вторженій непріятеля, на забытые всѣми острова и полуострова, она противопоставила непреодолимую преграду внѣшнимъ вліяніямъ: она все извлекала изъ самой себя, и жила своими собственными средствами. Отсюда произошла та мощная индивидуальность, та ненависть къ чужеземному, которая и до сихъ поръ служитъ отличительной чертой кельтическихъ народовъ. Римская цивилизація едва коснулась ихъ и оставила незначительные слѣды. Германское вторженіе потревожило, но нисколько не проникло ихъ. Въ настоящее время они сопротивляются вторженію болѣе опасному, а именно вторженію современной цивилизаціи, столь разрушительно дѣйствующей на мѣстные характеры и національные типы. Особенно Ирландія (и, можетъ быть, въ этомъ заключается тайна ея неизлечимой слабости) можетъ быть названа единственной страной Европы, гдѣ туземецъ въ состояніи представить документы своего происхожденія и съ точностью опредѣлить, восходя до временъ миѳологическихъ, фамилію, изъ которой онъ произошелъ.

Итакъ. въ этой уединенной жизни, въ этомъ презрѣніи ко всему, что̀ происходитъ извнѣ, слѣдуетъ искать объясненія главныхъ чертъ характера кельтическаго племени. Оно заключаетъ въ себѣ всѣ недостатки и преимущества человѣка, осудившаго себя на жизнь пустынника: оно горделиво и вмѣстѣ робко, сильно чувствомъ и слабо въ дѣйствительной жизни; у себя—свободно и весело, внѣ дома—неловко и застѣнчиво. Оно смотритъ съ презрѣніемъ на всякаго чужеземца, потому что видитъ въ немъ существо болѣе хитрое, которое употребитъ во зло его простоту. Равнодушное ко всему, что̀ могло бы вызвать удивленіе къ чужеземному, оно проситъ только дать ему свободу у себя, дома...

Литература валлійскаго княжества, съ перваго взгляда, раздѣляется на три совершенно различныя вѣтви: 1) *литературу бардовъ* (bardique) или лирическую, которая въ полномъ блескѣ является въ VI-мъ вѣкѣ, благодаря трудамъ Тальезина (Taliésin), Анѐрина (Aneu-

---

manuscripts, with an english translation and notes, by lady Charlotte Guest. Lond. 1837—49. Слово *maginobi* (во множ. mabinogion) выражаетъ форму романическихъ разсказовъ, свойственныхъ странѣ валлійцевъ.

[1]) Подъ кельтическимъ племенемъ я разумѣю, говоря такъ, не цѣлую великую расу, населявшую нѣкогда всю западную Европу, но только 4 современныя намъ группы, въ противоположность народамъ германскимъ и неолатинскимъ, а именно: 1) *жители Валлиса* или Камбріи и полуострова Корнвалиса, который и до сихъ поръ носитъ древнее названіе Kymris; 2) *Бретонцы*, жители французской Бретани, говорящіе по нижне-бретонски—переселенцы изъ Кимриса и Валлиса; 3) *Гаэлы* сѣверной Шотландіи, говорящіе по-гаэльски, и 4) *Ирландцы*, хотя они рѣзко отличаются отъ своихъ единоплеменниковъ.

rin); Ливаркъ-Гена (Liwarc'h-Hen), и продолжается непрерывнымъ рядомъ подражаній до новѣйшихъ временъ; 2) *Мабиногіонъ*, или романическую литературу, утвердившуюся около двѣнадцатаго вѣка, но по существу идей относящуюся къ самому отдаленному возрасту кельтическаго генія; наконецъ 3) *церковную* и легендарную литературу, имѣющую совершенно особый отпечатокъ. Эти три литературы, кажется, развивались бокъ-о-бокъ, почти не зная другъ друга. Барды, гордые своею реторической торжественностью, презирали народныя повѣсти, въ которыхъ имъ не нравился образъ изложенія; съ другой стороны, барды и повѣствователи, кажется, имѣли мало общаго съ духовенствомъ, и иногда можно предположить, что они не имѣли понятія о существованіи христіанства. По нашему мнѣнію, именно въ Мабиногіонѣ слѣдуетъ искать истиннаго выраженія кельтическаго духа, и удивительно, что такая любопытная литература, источникъ почти всѣхъ романическихъ произведеній Европы, оставалась неизвѣстною до сихъ поръ. Причиной того служитъ, безъ сомнѣнія, разбросанность валлійскихъ манускриптовъ, которые до послѣдняго вѣка преслѣдовались англичанами, какъ возмутительныя книги, компрометировавшія своихъ владѣтелей, и также очень часто терялись въ рукахъ невѣждъ, которые, вслѣдствіе своего каприза и злонамѣренности, скрывали ихъ отъ поисковъ критики.

Мабиногіонъ сохранился для насъ въ двухъ главныхъ манускриптахъ: одномъ, тринадцатаго вѣка въ библіотекѣ Генгурта (Hengurt), принадлежащей семейству Воганъ (Vougħan); другой—четырнадцатаго, извѣстный подъ именемъ *Красной книги Гергеста* (Livre rouge d'Hergest); онъ сохраняется въ коллегіи Іисуса въ Оксфордѣ. Безъ сомнѣнія, подобный сборникъ услаждалъ нѣкогда скуку несчастнаго Леолина (Léolin) въ лондонской башнѣ, и былъ сожженъ, послѣ его осужденія, вмѣстѣ съ другими валлійскими книгами, которыя были товарищами его плѣна. Леди Шарлотта Гуестъ (Charlotte Guest) сдѣлала свое изданіе по оксфордскому манускрипту: нельзя не сожалѣть, что ничтожныя соображенія отказали ей въ первомъ манускриптѣ, потому что второй, кажется, копія перваго. Вдвойнѣ достойно сожалѣнія то, что многіе валлійскіе оригиналы, которые были въ рукахъ, и съ которыхъ сняли копіи назадъ тому пятьдесятъ лѣтъ, теперь исчезли.

Общій характеръ Мабиногіона скорѣе романическій (romanesque), чѣмъ эпическій. Жизнь тамъ изображается просто, безъ натяжекъ. Личность героя рѣшительно безпредѣльна. Это благородныя и смѣлыя натуры, дѣйствующія совершенно самопроизвольно. Каждый человѣкъ представляется почти полу-богомъ, одареннымъ сверхъестественнымъ даромъ; этотъ даръ почти всегда связанъ съ какимъ-нибудь необыкновеннымъ предметомъ, носящимъ на себѣ личный отпечатокъ своего обладателя. Низшіе классы, которые предполагались подъ этимъ народомъ героевъ, едва показываются, какъ отправляющіе какое-нибудь ремесло, и только подъ этимъ условіемъ пользуются уваженіемъ. Нѣсколько сложныя произведенія человѣческой промышленности разсматриваются какъ живыя существа, одаренныя соотвѣтственнымъ магическимъ значеніемъ. Множество извѣстныхъ предме-

товъ имѣютъ собственныя имена: напримѣръ, корабль, копье, мечъ, щитъ Артура; шахматная доска Гвендолена (Gwenddolen), на которой черныя шашки играли сами собой противъ бѣлыхъ; рогъ Бран-Галеда (Bran-Galed), заключавшій въ себѣ всякій напитокъ, по желанію; колесница Моргана (Morgan), сама собой направлявшаяся къ тому мѣсту, куда хотѣли ѣхать; котелъ Тирнога (Tyrnog), который не варилъ, когда въ него клали мясо для труса; точильный камень Тудваля (Tudwal), который точилъ только мечи храбрыхъ; одежда Подарна (Podarn), которую могъ надѣть только благородный; плащъ Тегана (Tegan), который могла надѣть только безукоризненная женщина. Животное имѣло еще болѣе индивидуальности: ему давалось собственное имя, личныя качества, роль, которую оно выполняло произвольно и съ полнымъ сознаніемъ. Одинъ и тотъ же герой является какъ человѣкъ, и какъ животное, такъ что трудно опредѣлить точку разграниченія между двумя натурами. Сказка *Кильвшъ и Ольвенъ* (Kilwch and Olwen). самая фантастическая въ Мабиногіонѣ, вертится около борьбы Артура съ королемъ-кабаномъ Twrch-Trwyth, который, съ семью своими поросятами, тѣснитъ всѣхъ героевъ Круглаго-стола. Похожденія трехсотъ вороновъ составляютъ такимъ же образомъ содержаніе „Сна Ронабви“. Идея нравственнаго достоинства и проступка почти не проводится во всѣхъ этихъ сказаніяхъ. Тутъ есть существа вредныя, которыя оскорбляютъ женщинъ, тиранятъ своихъ сосѣдей, любятъ только зло, вслѣдствіе потребности своей натуры; но не видно, чтобы за то презирали ихъ. Рыцари Артура преслѣдуютъ ихъ не какъ виновныхъ, но какъ враговъ. Всѣ остальныя существа совершенно добры и честны, и болѣе или менѣе щедро одарены. Это—слѣдствіе воображенія пламени нѣжнаго и кроткаго, которое понимаетъ зло какъ фактъ судьбы, а не какъ результатъ человѣческаго сознанія. Вся природа очарована и плодотворна въ безконечно разнообразныхъ созданіяхъ, какъ само воображеніе. Христіанство выказывается рѣдко, хотя часто чувствуется его сосѣдство; но оно ни въ чемъ не измѣняетъ чисто естественной среды, въ которой происходитъ дѣйствіе. За столомъ около Артура встрѣчается и епископъ; но его значеніе тѣсно ограничивается благословеніемъ яствъ. Ирландскіе святые, которые на минуту появляются, чтобы благословить Артура и принять отъ него милости, представляются людьми, сознаваемыми неопредѣленно, которыхъ не понимаютъ. Ни одна литература среднихъ вѣковъ не была болѣе удалена отъ всякаго монастырскаго вліянія. Надобно, очевидно, предположить, что валлійскіе барды и разсказчики жили очень изолированно отъ духовенства, если ихъ образованность и преданія остались совершенно своеобразными. Вся прелесть Мабиногіона заключается именно въ очаровательной безмятежности совѣсти кельта, ни веселой, ни печальной, всегда готовой и на улыбку, и на слезу. Это прозрачный лепетъ ребенка, неразличающій высокаго и низкаго; это міръ вдохновенный, спокойный идеалъ, къ которому переносятъ насъ стансы Аріоста. Болтовня французскихъ и нѣмецкихъ подражателей среднихъ вѣковъ не можетъ дать и понятія о восхитительномъ умѣньи разсказывать, которымъ отличались кельтическіе барды.

Въ фантастическихъ сказаніяхъ кельтическихъ племенъ, особенно при сравненіи ихъ съ сказаніями народовъ германской расы, прежде всего поражаетъ чрезвычайная кротость характера, которою они проникнуты. Нѣтъ тѣхъ ужасающихъ мщеній, которыми наполнены Эдда и Нибелунги. Сравните кельтическаго героя и героя германскаго, Беовульфа и Передура, напримѣръ. Какая разница! Тамъ, ужасъ варварства, пресыщеннаго кровью, опьяненіе рѣзни, страсть къ разрушенію и смерти; здѣсь, напротивъ, глубокое чувство справедливости, восторженность индивидуальной гордости, это правда, но также великое самопожертвованіе, чрезвычайная честность. Человѣкъ-мучитель, *черный человѣкъ*, чудовище, являются тамъ, какъ и у Гомера Лестригоны и Циклопы, только для того, чтобы внушать ужасъ по противоположности ихъ съ кроткими нравами; они играютъ ту же роль, какъ *злой* въ воображеніи дитяти, вскормленнаго своею матерью въ идеяхъ кроткой и благочестивой нравственности. Первобытный человѣкъ Германіи возмущаетъ своей безцѣльной жестокостью, любовью ко злу, которая даетъ ему умъ и силу для того только, чтобы ненавидѣть и вредить. Кимврскій герой, напротивъ, даже въ самыхъ странныхъ своихъ увлеченіяхъ какъ будто руководствуется привычками благодушія и живой симпатіи къ слабымъ существамъ. Это чувство принадлежитъ къ числу самыхъ глубокихъ кельтическихъ народовъ. Они питаютъ сожалѣніе даже къ Іудѣ. Святой Бранданъ встрѣтилъ Іуду на скалѣ среди полярныхъ морей; Іуда отправляется туда разъ въ недѣлю, чтобы прохладиться отъ адскихъ огней: плащъ, который онъ подалъ однажды прокаженному, повисъ передъ нимъ и утишаетъ его страданія.

Мабиногіонъ, или сказанія, которыя леди Шарлотта Гуестъ думала обозначить этимъ общимъ именемъ, раздѣляются на два совершенно различные класса: одни исключительно относятся къ двумъ полуостровамъ, Валлису и Корнваллису, и имѣютъ предметомъ героическую личность Артура; другіе, оставляя Артура въ сторонѣ, избираютъ театромъ дѣйствій не только тѣ части Англіи, которыя остались кимврскими, но всю Великобританію, и доводятъ насъ по лицамъ и воспоминаніямъ, которыя тамъ излагаются, до послѣднихъ временъ римскаго владычества. Второй классъ, болѣе древній, чѣмъ первый, по крайней мѣрѣ по своему содержанію, отличается сверхъ того характеромъ болѣе миѳологическимъ, повѣрьями болѣе смѣлыми и фантастическими, загадочной формой и игрою словъ. Къ этому числу относятся сказки о *Пвилѣ* (Pwyl), *Бранвенѣ* (Branwen), *Манавиданѣ* (Manavidan), о *Матѣ, сынѣ Матонвея* (Math, fils de Mathonwy), *Сонъ императора Максима* (Songe de l'empereur Maxime), *сказка о Ллудѣ и Ллювелисѣ* (Llud et Llewllys), и легенда о *Тальезинѣ* (Taliésin). Къ циклу Артура принадлежатъ сказанія объ *Овенѣ* (Owain), *Герентѣ* (Cheraint), *Передурѣ* (Pérédur), *Кильвшѣ и Ольвенѣ* (Kilwch et Olwen) и *Сонъ Ронабви* (Songe de Rhonabwy). Надобно еще замѣтить, что въ этомъ второмъ классѣ два послѣднія сказанія отличаются особеннымъ характеромъ древности. Артуръ, по нимъ, живетъ въ Корнваллисѣ, а не въ Керлеонѣ-на-Оскѣ (Caerléon-sur-l'Usk), какъ то говорится въ другихъ. Здѣсь онъ является съ опредѣленнымъ ха-

рактеромъ, самъ охотится и воюетъ, между тѣмъ какъ въ болѣе новыхъ сказкахъ онъ всемогущій и безстрастный императоръ, настоящій лѣнивый герой, вокругъ котораго группируется плеяда дѣятельныхъ героевъ. Повѣсть о Кильвшѣ и Ольвенѣ по своему характеру, совершенно первобытному, по роли, которую тамъ играетъ вепрь, сообразно даннымъ кельтической миѳологіи, по составу сказанія, вполнѣ сверхъестественнаго и волшебнаго, по безчисленнымъ намекамъ, которыхъ смыслъ ускользаетъ отъ насъ, составляетъ сама по себѣ особый циклъ и представляетъ намъ кимврскій образъ мысли во всей ея чистотѣ, безъ всякой примѣси посторонняго элемента. Не разбирая въ подробностяхъ эту любопытную поэму, я хотѣлъ бы въ короткомъ извлеченіи дать понятіе о ея древнемъ характерѣ и высокой оригинальности.

Кильвшъ, сынъ Килидда (Kilydd), принца келиддонскаго, услышавъ, какъ произнесли при немъ имя Ольвены (Olwen), дочери Испаддадена Пенкавра (Ysраddaden Pencawr), влюбился въ нее безъ памяти, не видавъ ея никогда. Онъ отправляется къ Артуру просить о помощи для совершенія подвига, который онъ задумалъ: на самомъ дѣлѣ, онъ не знаетъ даже, гдѣ живетъ красавица, которую онъ любитъ; кромѣ того, Испаддаденъ ужасный тиранъ, который никого не выпускаетъ живымъ изъ своего зàмка, и смерть его роковымъ образомъ связана съ замужествомъ его дочери. Артуръ даетъ Кильвшу нѣсколькихъ изъ своихъ самыхъ храбрыхъ сотоварищей для помощи въ этомъ предпріятіи. Послѣ чудесныхъ приключеній, рыцари пріѣзжаютъ въ зàмокъ Испаддадена, и имъ удается видѣть молодую дѣвушку, предметъ любви Кильвша. Только послѣ цѣлыхъ трехъ дней постоянной битвы они получаютъ отвѣтъ отъ отца Ольвены, и онъ вмѣстѣ съ рукой дочери предлагаетъ условія, которыя, повидимому, невозможно выполнить. Выполненіе ихъ образуетъ обширную цѣпь приключеній, нить настоящей романической эпопеи, которая не дошла до насъ въ цѣлости. Изъ тридцати-восьми приключеній, возложенныхъ на Кильвша, манускриптъ, которымъ руководствовалась леди Шарлотта Гуестъ, разсказываетъ только о семи или осьми. Выбираю на удачу одно изъ этихъ сказаній, которое, мнѣ кажется, можетъ дать понятіе о всемъ произведеніи. Дѣло идетъ о томъ, чтобы найти Мабона, сына Модрона (Mabon, fils de Modron), который былъ похищенъ у матери, три дня спустя послѣ ея родовъ и освобожденіе котораго поставлено условіемъ для Кильвша:

„Сотоварищи Артура сказали ему: „Государь, ступай домой; ты не можешь вмѣшиваться съ твоими людьми въ такія ничтожныя похожденія“. Тогда Артуръ замѣтилъ: „Хорошо было бы, Gwrhyr Gwalstawd Jeithoedd, еслибы ты принялъ участіе въ этомъ предпріятіи, потому что ты знаешь всѣ языки, даже языкъ птицъ и животныхъ (у Гврира была та особенность, что изъ Гелли-Вика, чтò въ Корнваллисѣ, онъ видѣлъ, какъ поднимаются мошки вмѣстѣ съ восходомъ солнца до Пенъ-Блатаонъ, на сѣверѣ Бретани; каждое первое мая, до дня страшнаго суда, онъ сражается съ Гвимомъ (Gwym), сыномъ Нудда (Nudd), за Крейддиладу (Creiddilad), дочь Лира (Llyr), и тотъ, кто побѣдитъ, будетъ обладателемъ дѣвушки). Вы, Кай и Бедвиръ,

какое бы дѣло вы ни задумали, доведете его до конца (Кай имѣлъ ту особенность, что могъ удерживать дыханіе подъ водой восемь дней и восемь ночей и могъ столько же времени не спать; Бедвиръ же распускалъ свою красную бороду на сорокъ-восемь локтей въ залѣ Артура; закопавшись въ землю на семь локтей, онъ могъ слышать на разстояніи пятидесяти миль, какъ муравей выходитъ утромъ изъ своей норы). Исполните для меня это предпріятіе".

„И они шли все прямо до тѣхъ поръ, пока не дошли до чернаго дрозда Гильври. Гвриръ заклиналъ его именемъ неба, говоря: „Скажи мнѣ, не знаешь ли чего-нибудь о Мабонѣ, сынѣ Модрона, который былъ похищенъ у своей матери, спустя только три дня послѣ рожденія?" И черный дроздъ отвѣчалъ: „Когда я въ первый разъ пришелъ сюда, здѣсь была наковальня кузнеца; тогда я былъ молодой птичкой. Съ того времени наковальня подвергалась каждое утро ударамъ только моего носа, и теперь она величиной всего въ орѣхъ. Но пусть падетъ на меня мщеніе неба, если въ это время я когда-нибудь слышалъ о человѣкѣ, котораго вы ищете! Тѣмъ не менѣе я сдѣлаю все, что̀ справедливо и что̀ слѣдуетъ сдѣлать для посольства Артура. У насъ есть порода животныхъ, которыя созданы прежде меня; я васъ проведу къ нимъ".

„И они пошли къ тому мѣсту, гдѣ былъ олень Рединвра: „Олень Рединвра, мы пришли къ тебѣ отъ Артура, потому что слышали о тебѣ какъ о самомъ старомъ животномъ; скажи, знаешь ли ты что-нибудь о Мабонѣ, сынѣ Модрона, который былъ похищенъ у матери, когда ему было только три дня?" Олень отвѣчалъ: „Когда я пришелъ сюда въ первый разъ, то на всей окружающей равнинѣ не было никакого другого дерева, кромѣ молодого дуба, который сдѣлался сто-вѣтвистымъ древомъ. Этотъ дубъ погибъ, и теперь отъ него остался только высохшій пень. Съ того дня, какъ я прибылъ сюда, я не покидалъ этого мѣста и никогда не слышалъ о человѣкѣ, о которомъ вы говорите. Но, несмотря на то, такъ какъ вы посланы Артуромъ, я проведу васъ до того мѣста, гдѣ находится одно животное, созданное прежде меня".

„И они отправились къ совѣ Кумъ-Кавлвида: „Сова Кумъ-Кавлвида, вотъ посольство Артура: не знаешь ли ты чего-нибудь о Мабонѣ, сынѣ Модрона, который былъ похищенъ у матери, когда ему было только три дня?" — „Еслибъ я это знала, то сказала бы вамъ. Когда я явилась сюда въ первый разъ, то долина, которую вы видите, была покрыта лѣсомъ. Потомъ пришло племя людей, которое уничтожило деревья. Выросъ другой лѣсъ, а этотъ уже третій. Мои крылья не больше, какъ высохшія перья. Однакожъ, въ продолженіе столь долгаго времени я не слыхала ничего о человѣкѣ, котораго вы ищете. Тѣмъ не менѣе я буду служить проводникомъ посольству Артура къ животному самому старому въ мірѣ и болѣе всѣхъ путешествовавшему, къ орлу Гвернъ-Абви".

„Гвриръ сказалъ: „Орелъ Гвернъ-Абви, передъ тобой посланные Артура, которые спрашиваютъ тебя, не знаешь ли ты чего-нибудь о Мабонѣ, сынѣ Модрона, который былъ похищенъ у матери, спустя три дня послѣ своего рожденія?" Орелъ отвѣчалъ: „Я живу

здѣсь въ продолженіе долгаго времени. Когда я въ первый разъ прибылъ въ это мѣсто, то здѣсь была скала, о которую я точилъ клювъ каждый вечеръ при сіяніи звѣздъ; теперь она величиной въ пядень. Съ того дня, какъ я здѣсь, я не оставлялъ этого мѣста, и никогда не слыхалъ о человѣкѣ, о которомъ вы говорите, кромѣ одного раза, когда я леталъ въ Линъ-Ливъ (Llyn-Llyw) за пищей. Когда я прибылъ туда, я схватилъ когтями лосося, думая, что мнѣ его станетъ надолго; но онъ увлекъ меня въ глубину, и я съ трудомъ освободился. Вслѣдъ за тѣмъ я напалъ на него со всѣми моими родственниками, чтобы овладѣть имъ. Но онъ, отправивъ ко мнѣ пословъ, заключилъ со мною миръ, и пришелъ даже самъ просить меня отцѣпить у него на спинѣ пятьдесятъ багровъ, которые были въ нее вонжены. Если онъ ничего не знаетъ о человѣкѣ, котораго вы ищете, то не думаю, чтобы могъ это знать кто-нибудь другой".

„Итакъ, всѣ они отправились туда, и орелъ сказалъ: „Лосось Линъ-Лива, я прихожу къ тебѣ съ посольствомъ Артура, спросить тебя, не знаешь ли ты чего-нибудь о Мабонѣ, сынѣ Модрона, похищенномъ у своей матери, когда ему было всего три дня?" — „Все, что̀ я знаю, отвѣчалъ лосось, я скажу тебѣ. При всякомъ приливѣ и отливѣ я отправлялся вверхъ по рѣкѣ до Глочестера; тамъ я встрѣтилъ такое отчаяніе, подобнаго которому я не видалъ нигдѣ. И для того, чтобы вы могли повѣрить мои слова, пусть двое изъ васъ сядутъ на мой хребетъ. Я принесу ихъ къ тому мѣсту". Кай и Гвриръ сѣли на хребетъ лосося и достигли стѣнъ одной темницы. Изъ башни ея раздавались сильный плачъ и стенанія. Гвриръ спросилъ: „Кто плачется въ этомъ каменномъ зданіи?"—„Увы! тотъ, кто здѣсь находится, имѣетъ большую причину жаловаться. Здѣсь заключенъ Мабонъ, сынъ Модрона. Никакой плѣнъ не былъ такъ жестокъ какъ мой, ни плѣнъ Лудда Лава Эрейнта (Lludd Llaw Ereint), ни Грейда, сына Эри (Greid, fils d'Eri)".—„Какъ тебя освободить: золотомъ, серебромъ, подарками, или съ боя и силою?" — „Я могу быть освобожденъ только силою...".

Мы не будемъ слѣдовать за кимврскимъ героемъ, въ его испытаніяхъ, которыхъ развязку легко предвидѣть. Болѣе всего поражаетъ въ этихъ странныхъ легендахъ мѣсто, которое тамъ занимаютъ животныя, преобразованныя валлійскимъ воображеніемъ въ разумныхъ созданій. Никакое племя не бесѣдовало такъ задушевно съ низшими тварями и не придавало имъ столь широкой нравственной жизни, какъ племя кельтическое. Близкій союзъ человѣка съ животнымъ, вымыслы, столь дорогіе для средневѣковой поэзіи, о рыцарѣ льва, рыцарѣ сокола, рыцарѣ лебедя, обѣты, освященные присутствіемъ птицъ, считавшихся благородными, какъ, напримѣръ, фазана, цапли, все это плодъ бретонскаго воображенія. Даже духовная литература представляетъ нѣкоторыя черты сходства съ свѣтскою: во всѣхъ легендахъ обнаруживается любовь святыхъ въ Британіи и Ирландіи къ животнымъ. Однажды святой Кейвинъ (Keivin) уснулъ во время молитвы, простерши свои руки изъ окна; ласточка, замѣтивъ на наружѣ руку стараго монаха, свила въ ней гнѣздо; когда святой проснулся

и увидѣлъ ее сидящею на яйцахъ, то не поднимался до тѣхъ поръ, пока птенцы не вылупились изъ яицъ.

Эта трогательная симпатія проистекала сама собой изъ живости, свойственной однимъ кельтическимъ племенамъ, которую они вносили въ свое чувство къ природѣ. Ихъ миѳологія есть самый прозрачный натурализмъ, не антропоморфическій натурализмъ Греціи и Индіи, гдѣ силы вселенной, возведенныя въ живыя существа и одаренныя сознаніемъ, стараются болѣе и болѣе отдѣлиться отъ физическихъ явленій и сдѣлаться существами нравственными, но натурализмъ вещественный въ нѣкоторомъ смыслѣ, любовь къ природѣ для самой природы, живое впечатлѣніе ея очарованій, сопровождаемое движеніемъ какой-то грусти, когда человѣкъ, стоя лицомъ къ лицу съ ней, думаетъ подслушать ея разсказы о своемъ происхожденіи и судьбѣ. Легенда Мерлина, именно, отражаетъ въ себѣ эту мысль. Увлеченный феею лѣсовъ, Мерлинъ убѣгаетъ съ нею и дѣлается дикаремъ. Послѣ Артура застаютъ его поющимъ на берегу ручья; они приводятъ его ко двору; но очарованіе превозмогаетъ: онъ бѣжитъ въ лѣса, и на этотъ разъ навсегда. Вивіана устроила ему въ кустахъ волшебную темницу; оттуда онъ предрекаетъ о судьбахъ кельтической расы; онъ бесѣдуетъ съ дѣвой лѣсовъ, то видимой, то невидимой, той дѣвой, которая его держитъ въ плѣну. Многія легенды объ Артурѣ носятъ на себѣ тотъ же самый характеръ. Онъ самъ въ народномъ повѣрьѣ превратился въ лѣсного духа. „Лѣсники, дѣлая обходъ при свѣтѣ луны, говоритъ Жерве Тильберійскій, часто слышатъ звуки роговъ и встрѣчаютъ толпы охотниковъ; на вопросъ, откуда они, эти охотники отвѣчаютъ, что они изъ свиты короля Артура“.

Ренанъ.

Essais de morale et de critique. 375—404 стр.

Ренанъ (Ernest Renan, род. 1823) — знаменитый французскій филологъ и членъ института. Предназначенный къ духовному званію онъ кончилъ курсъ теологіи въ семинаріи St. Sulpice въ Парижѣ; но тамъ онъ самостоятельно развилъ въ себѣ вкусъ къ философіи и восточнымъ языкамъ, еврейскому, арабскому и сирійскому. Разойдясь въ своихъ идеяхъ съ католичествомъ, онъ посвятилъ себя преподаванію и литературѣ; въ 1848 г. Ренанъ, по конкурсу, получилъ каѳедру философіи, а изданіе имъ Histoire générale et systèmes comparés des langues sémitiques (1845 и 1848) пріобрѣло ему ученую извѣстность. Въ 1850 г. Ренанъ получилъ премію отъ института за Etude de la langue grecque au moyen âge. Изъ путешествія по Италіи, въ 1849 г., отъ института онъ привезъ новое сочиненіе „О философѣ Аверрое и аверроизмѣ“ (1853). Въ 1856 году онъ занялъ мѣсто Августина Тьерри въ институтѣ, а въ 1862 году его призвали на каѳедру въ Collège de France, но онъ не продолжалъ своихъ лекцій.—Собраніе отдѣльныхъ его изслѣдованій вышло въ Etude d'histoire religieuse (1857) и въ Essais de morale et de critique (1859). Сверхъ того Ренанъ издалъ переводъ Livre de Job (1859) и Cantique des Cantiques

(1860). Его единственная лекція, прочтенная имъ въ Collège de France: De la part des peuples sémitiques dans l'histoire de la civilisation. Par. 1862 г.—издана особо.

---

64. — Поэзія и легенды кельтовъ.

I. ТРИСТАНЪ И АРТУРЪ.

I. Примиреніе Артура съ Тристаномъ.

(X или XI ст.).

Это разговоръ между Тристаномъ, сыномъ Таллура и Гвальмаемъ, сыномъ Гуйара, послѣ того, какъ Тристанъ провелъ три года вдали отъ двора Артура, снѣдаемый своей сердечной скорбью. Артуръ послалъ двадцать-восемь воиновъ съ приказаніемъ взять его и привести къ нему; но Тристанъ побилъ ихъ всѣхъ, одного за другимъ, и сдался только на просьбу Гвальмая *златоязычнаго*.

Гвальмай.

Шумны волны, когда вздымается море. Кто ты, таинственный воинъ?

Тристанъ.

Шумны волны и молнія. Пусть онѣ шумятъ, въ своемъ бѣшенствѣ. Въ день битвы я называюсь Тристанъ [1]).

Гвальмай.

Тристанъ, безупречный въ рѣчахъ, ты, который никогда не бѣжалъ въ день битвы, ты нѣкогда имѣлъ товарища въ Гвальмаѣ.

Тристанъ.

Я сдѣлаю для Гвальмая въ день сѣчи все, что̀ братъ по оружію сдѣлалъ бы для своего брата.

Гвальмай.

Тристанъ, сіяющій доблестями, ты, котораго мечъ горитъ въ бранныхъ подвигахъ, я—Гвальмай, племянникъ Артура.

---

[1]) *Тристанъ* на кельтическомъ языкѣ означаетъ: *неукротимый*.

Тристанъ.

Гвальмай, хитрѣйшій лисицы, если ты будешь когда-нибудь въ опасности, я пролью кровь до колѣнъ.

Гвальмай.

Тристанъ, я за тебя также буду сражаться, пока моя рука не ослабѣетъ; я буду сражаться, какъ только могу.

Тристанъ.

Я спрашиваю тебя (не потому, чтобы боялся, но потому, что презираю), кто эти воины стоятъ тамъ передо мной?

Гвальмай.

Тристанъ, великодоблестный, развѣ ты ихъ не знаешь? Это приближается свита Артура.

Тристанъ.

Я не боюсь Артура, я стою противъ него въ девяти-стахъ битвахъ: прежде чѣмъ убьютъ меня, я также убью.

Гвальмай.

Тристанъ, о, другъ дамъ, предъ битвой всегда хорошо предложить примиреніе.

Тристанъ.

До тѣхъ поръ, пока у меня будетъ мечъ на бедрѣ, а правая рука для защиты, я не испугаюсь никого.

Гвальмай.

Тристанъ, сіяющій доблестями, не рѣшайся сражаться съ Артуромъ, твоимъ другомъ.

Тристанъ.

Гвальмай, изъ любви къ тебѣ, я хочу объ этомъ подумать; я тебѣ скажу поистинѣ: когда меня любятъ, и я также люблю.

Гвальмай.

Тристанъ, упорная душа, дождь можетъ подмочить сто дубовъ; иди переговорить съ твоимъ родственникомъ.

Тристанъ.

Гвальмай, ловкій на отвѣты, пусть дождь мочитъ сто нивъ! Я послѣдую за тобой повсюду.

И Тристанъ идетъ съ Гвальмаемъ къ Артуру.

Гвальмай.

Артуръ, любезный въ отвѣтахъ, дождь мочитъ сто головъ: вотъ Тристанъ, радуйся!

Артуръ.

Гвальмай, безупречный въ отвѣтахъ, дождь мочитъ сто крышъ; будь дорогимъ гостемъ, Тристанъ, мой племянникъ; другъ Тристанъ, предводитель войска; люблю твой родъ; вспомни о прошедшемъ и обо мнѣ самомъ, отцѣ отечества.

Тристанъ, король битвъ, будь почтенъ, какъ самый достойный, и почти меня, какъ твоего владыку.

Тристанъ, умный и славный предводитель, люби свою родню; никто не сдѣлаетъ тебѣ зла; пусть не будетъ больше охлажденія между двумя друзьями.

Тристанъ.

Артуръ, я буду тебѣ повиноваться и подчиняться твоимъ повелѣніямъ; я исполню все, что̀ ты ни пожелаешь.

Изъ Мивиріана.

Archaiology of Wales, t. I, p. 178.

Myvyrian—такъ называется сборникъ старыхъ кельтическихъ легендъ, по имени перваго посвятившаго свой трудъ на то. См. подробн. въ предъидущей статьѣ 63.

II. Овенъ и Артуръ

(X вѣка).

Императоръ Артуръ былъ въ Керлеонѣ-на-Оскѣ [1]). Вотъ, разъ онъ сидѣлъ въ своей комнатѣ. Съ нимъ были Овенъ [2]), сынъ Уріана, и Кенонъ, сынъ Кледно, и Кай, сынъ Кенера, и Гвеннивара [3]), а прочія жены работали иглой возлѣ окна.

И нельзя сказать, чтобъ былъ стражъ у дворца Артура, потому

---

[1]) *Kerleon*—столица земли силуровъ (н. граф. Монмаутъ); во время господства римлянъ тамъ былъ одинъ изъ центровъ администраціи; въ XII стол. еще видѣли на его мѣстѣ обширныя развалины, и до сихъ поръ сохраняются слѣды древняго амфитеатра, какъ о томъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся скамьи; но народъ считаетъ и называетъ это мѣсто „Круглымъ-Столомъ“ Артура.

[2]) *Овенъ*—одинъ изъ болѣе прославленныхъ героевъ времени Артура и министръ его двора.

[3]) Старшая и любимая жена Артура.

что ничего подобнаго не было; Глеулуэдъ, широкорукій воинъ, исполнялъ только его должность: онъ провожалъ гостей и чужестранцевъ, принималъ ихъ съ почестью, объяснялъ имъ привычки и обычаи двора, и вводилъ всякаго, кто хотѣлъ идти въ залу или комнату и кто искалъ гостепріимства. Вотъ, императоръ Артуръ сидѣлъ посреди комнаты въ креслѣ изъ зеленаго тростника, на розовомъ коврѣ, и облокачивался на подушку, краснаго атласа. И говорилъ онъ такъ:

— Не прогнѣвайтесь, господа, я до обѣда немного вздремну; а вы позабавьтесь сказками, и прикажите Каю принести вамъ кувшинъ меду и мяса.

Тутъ императоръ задремалъ.

И Кенонъ, сынъ Кледно, спрашивалъ у Кая того, что̀ обѣщалъ имъ Артуръ.

— А я такъ напередъ хочу послушать одну изъ тѣхъ прекрасныхъ сказокъ, о которыхъ онъ говорилъ,—сказалъ Кай.

— Начни съ повиновенія волѣ Артура, — отвѣчалъ Кенонъ; — а потомъ мы тебѣ разскажемъ самую лучшую сказку, какую только знаемъ.

Тогда Кай отправился въ кухню и подвалъ и возвратился оттуда съ кувшиномъ меду и золотымъ кубкомъ и съ кусками жаренаго мяса. И они начали ѣсть мясо и пить медъ.

— Теперь,—говоритъ Кай,—разскажи мнѣ сказку.

— Кенонъ,—говоритъ Овенъ,—разскажи сказку Каю.

— Ты старъ,—отвѣчаетъ Кенонъ,—ты разсказываешь лучше меня и видѣлъ больше меня необыкновенныхъ вещей; разскажи самъ сказку Каю.

— Ну, начинай же,—возразилъ Овенъ,—и разсказывай намъ самую необыкновенную исторію, какую ты только знаешь.

— Начинаю,—отвѣчалъ Кенонъ:

„У моего отца и моей матери былъ только одинъ я; я былъ исполненъ смѣлости и честолюбія и думалъ, что нѣтъ въ мірѣ работы не по моимъ силамъ; превзойдя всѣхъ жившихъ въ моей странѣ, я собрался и отправился въ чужую и пустынную *землю* [1]).

Странствуя долгое время, я пришелъ въ долину, прекраснѣйшую въ мірѣ; тамъ возвышались деревья, всѣ одного роста, текла рѣка по долинѣ, а вдоль рѣки вилась тропинка; я шелъ по этой тропинкѣ до полудня; я шелъ по ней до вечера, и тогда достигъ обширной равнины, а на концѣ этой равнины стоялъ большой и прекрасный замокъ, вокругъ же замка стояло зеркало воды, и я направился къ замку. Вдругъ впереди появились двое мальчиковъ; у нихъ были русые, развѣвающіеся волосы; каждый изъ нихъ носилъ вокругъ головы золотой обручъ и былъ одѣтъ въ желтое атласное платье, а обувь прикрѣплялась подъ колѣномъ золотой пряжкой; у каждаго въ рукѣ былъ лукъ изъ слоновой кости, тетива изъ жилы оленя, а стрѣлы и дротики изъ китоваго уса, оперенные павлиномъ, съ позолоченными

---

[1]) Такъ въ валлійскихъ легендахъ называется часто Арморика (провинція Франціи).

наконечниками; у нихъ также были кинжалы съ золотой насѣчкой и рукоятками изъ китоваго уса; они забавлялись, подбрасывали кинжалы.

Въ недалекомъ разстояніи я увидѣлъ стоящаго человѣка, съ русыми развѣвающимися волосами, во всей силѣ лѣтъ; у него была гладко выбритая борода, одѣтъ онъ былъ въ желтый атласный плащъ, съ золотой бахромой, а на ногахъ башмаки изъ разноцвѣтной кожи, укрѣпленные двумя золотыми пряжками.

Какъ только я его увидѣлъ, пошелъ на встрѣчу къ нему, и привѣтствовалъ его; но онъ былъ такъ вѣжливъ, что предупредилъ мой поклонъ и повелъ меня въ замокъ.

Но только въ одной комнатѣ замка нашлось общество, и въ этой комнатѣ сидѣли двадцать четыре молодыхъ дѣвицы, которыя вышивали по атласу въ углубленіи окна; я тебя увѣряю, Кай, что самая некрасивая изъ нихъ была лучше самой красивой дѣвушки, какихъ только ты видѣлъ на островѣ Британіи, самая немиловидная изъ нихъ была миловиднѣе Гвеннивары, жены Артура, когда она появляется, украшенная всѣми своими прелестями, къ обѣднѣ, въ день Рождества или Пасхи.

При моемъ приближеніи всѣ онѣ встали, и шесть изъ нихъ взяли моего коня и сняли съ меня оружіе, а шесть другихъ взяли мое вооруженіе и вымыли его въ водоемѣ, такъ что оно заблестѣло лучше всего, что̀ только есть блестящаго; шесть же первыхъ постлали скатерть и приготовили обѣдъ, а шесть послѣднихъ взяли мою запыленную одежду и дали другую, а именно: рубашку и штаны изъ тонкаго полотна, верхнее платье, кирасу и епанчу изъ желтаго атласа, обшитую широкою золотой каймой; и онѣ разстилали большіе ковры и подушки, покрытые тонкими красными тканя̀ми, которые онѣ положили подъ меня и вокругъ меня, и я сѣлъ.

Шесть же дѣвушекъ, которыя взяли моего коня, разнуздали его такъ же проворно, какъ будто онѣ были самыми лучшими конюшими острова Британіи; потомъ онѣ принесли серебряныя кружки, чтобъ вымыть мнѣ руки, и полотняные утиральники: одни зеленые, другіе бѣлые, и я обмылся.

Скоро мой хозяинъ сѣлъ за столъ, а я около него, и всѣ женщины, исключая тѣхъ, которыя намъ прислуживали, сѣли ниже меня.

И столъ былъ серебряный, а скатерть изъ самаго тонкаго полотна, и всѣ чаши, которыя мы употребляли, были или золотыя, или изъ буйволова рога.

Принесли обѣдъ. Сказать тебѣ правду, Кай, я не видѣлъ тамъ ни одного кушанья или напитка, котораго не встрѣчалъ бы прежде; но нигдѣ, во всю жизнь, я не видалъ стола лучше изготовленнаго.

И мы обѣдали; но до половины обѣда ни хозяинъ мой, ни молодыя дѣвушки не сказали мнѣ ни одного слова.

Когда мой хозяинъ увидѣлъ, что для меня пріятнѣй говорить, чѣмъ ѣсть, тогда спросилъ меня, кто я такой.

Я выразилъ ему свое удовольствіе за то, что нашелъ съ кѣмъ бесѣдовать, и за то, что въ его замкѣ не запрещается говорить.

— Господинъ, — сказалъ онъ мнѣ, — мы заговорили бы съ тобой

прежде, еслибъ не боялись отвлечь тебя отъ твоего обѣда; но теперь побесѣдуемъ.

Тогда я открылъ владѣтелю замка, кто я такой, и цѣль моего путешествія, и сказалъ ему, что ищу кого-нибудь, кто бы могъ меня побѣдить, или узнать, долженъ ли я попрежнему покорять весь міръ. Мой хозяинъ посмотрѣлъ на меня и улыбнулся; потомъ онъ сказалъ мнѣ:

— Если бы я не боялся причинить тебѣ зло, то указалъ бы тебѣ того, кого ты ищешь.

Такія рѣчи смутили меня, и я измѣнился въ лицѣ; мой хозяинъ замѣтилъ это и сказалъ мнѣ:

— Такъ какъ ты предпочитаешь, чтобы я доставилъ тебѣ случай испытать непріятность вмѣсто удовольствія, то я удовлетворю тебя: ночуй эту ночь здѣсь, прибавилъ онъ, и встань завтра, какъ можно раньше, потомъ ступай по дорогѣ, которая пересѣкаетъ долину, до тѣхъ поръ, пока не увидишь лѣса, изъ котораго ты вышелъ; въ небольшомъ разстояніи отъ этого лѣса ты замѣтишь направо тропинку, и, пойдя по ней, достигнешь широкой темной прогалины, среди которой возвышается пригорокъ; и на вершинѣ пригорка предъ тобою явится высокій черный человѣкъ; онъ два раза выше людей этого міра: у него одна только нога и одинъ только глазъ посреди лба; онъ носитъ желѣзную палицу, которую, я тебя увѣряю, не подняли бы и вдвоемъ обыкновенные люди; онъ вовсе некрасивъ, и, напротивъ, чрезвычайно уродливъ; онъ-то и сторожитъ лѣсъ: ты увидишь, что около него пасутся тысячи дикихъ звѣрей; спроси у него о пути, который ведетъ изъ прогалины; онъ тебѣ отвѣтитъ голосомъ, подобнымъ колоколу, раскачанному во всѣ стороны, и укажетъ дорогу, которая приведетъ тебя къ тому, кого ты ищешь.

Эта ночь показалась мнѣ очень длинною; на другой день я всталъ и одѣлся, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ по дорогѣ, ведущей отъ долины къ лѣсу, а потомъ по тропинкѣ, мнѣ указанной, я пріѣхалъ къ прогалинѣ.

Когда я туда пріѣхалъ, я испугался, при видѣ находившихся тамъ дикихъ звѣрей; ихъ было въ три раза болѣе того, сколько сказалъ мнѣ мой хозяинъ.

Черный человѣкъ сидѣлъ на вершинѣ пригорка; мнѣ сказали, что онъ былъ высокъ, но онъ показался мнѣ гораздо болѣе высокимъ, чѣмъ мнѣ его описывали; а желѣзная палица, о которой говорили, что ее едва поднимутъ два человѣка, я очень увѣренъ, Кай, что въ ней было тяжести на четверыхъ; черный же человѣкъ держалъ ее одной рукой. И когда я его спросилъ, какую власть онъ имѣетъ надъ этими звѣрями, то онъ отвѣтилъ мнѣ голосомъ на подобіе колокола, раскачаннаго во всѣ стороны:

— Я тебѣ сейчасъ покажу, маленькій человѣчекъ,—сказалъ онъ.

Размахнувши свою палицу, онъ крѣпко ударилъ одного оленя, и тотъ началъ блеять страшнымъ голосомъ. А по его слову собралось столько звѣрей, сколько звѣздъ на небѣ, такъ что я съ трудомъ могъ найти мѣсто для себя на прогалинѣ; и между ними я увидѣлъ змѣй и драконовъ, и всякаго рода скотовъ. Онъ осмотрѣлъ ихъ; по-

томъ приказалъ имъ идти пастись, и они склонили голову, и поклонились ему, какъ вассалы своему сузерену.

Черный человѣкъ и говоритъ мнѣ:

— Ты видишь, маленькій человѣчекъ, какую власть я имѣю надъ этими звѣрями.

Тогда я заговорилъ съ нимъ о своемъ пути, и онъ спросилъ меня громовымъ голосомъ, куда я хочу идти; и я ему сказалъ, кто я такой и кого ищу; а онъ мнѣ отвѣтилъ:—Ступай по тропинкѣ, которая ведетъ къ концу прогалины, и иди по тому лѣсистому косогору, пока не достигнешь вершины: тамъ ты найдешь открытое мѣсто, родъ длинной долины, и среди этой долины высокое дерево, котораго вѣтви зеленѣе самой зеленой пихты; а подъ деревомъ есть фонтанъ, и на краю фонтана лежитъ мраморный камень, и на этомъ камнѣ есть серебряный ковшъ, прикрѣпленный серебряной цѣпью, для того чтобы нельзя было его похитить. Возьми ковшъ и наполни водой, и вылей воду на камень, и тогда ты услышишь сильный ударъ грома, и тебѣ покажется, что небо и земля дрожатъ отъ ярости; и за ударомъ грома послѣдуетъ такой проливной дождь, что для тебя почти невозможно будетъ его вынести, не подвергаясь опасности умереть, и ливень будетъ перемѣшанъ съ градомъ; а послѣ ливня настанетъ опять прекрасная погода. Но послѣ дождя не останется на деревѣ ни одного листа. И тогда тучи птицъ опустятся на дерево, и ты никогда въ своей странѣ не услышишь ничего подобнаго ихъ пѣнію. И въ то время, какъ ты будешь этимъ наслаждаться, ты услышишь въ долинѣ страшный шумъ и плачъ, и ты увидишь всадника, на черномъ конѣ, одѣтаго въ черный атласъ, съ черной перевязью на концѣ копья; и онъ быстро понесется, чтобы сразиться съ тобой; если ты побѣжишь, онъ тебя нагонитъ; если же будешь ожидать, то онъ сброситъ тебя на землю такъ же вѣрно, какъ вѣрно то, что ты теперь сидишь на конѣ. И если ты выйдешь живъ и здоровъ изъ этого похожденія, то тебѣ больше не нужно искать другихъ.

И такъ, я поѣхалъ, и достигъ, наконецъ, вершины косогора, и увидѣлъ тамъ все, что̀ сказалъ мнѣ черный человѣкъ. Подъѣзжаю я къ дереву: вижу подъ нимъ фонтанъ и мраморный камень, и серебряный ковшъ, прикованный цѣпью; беру я ковшъ, наполняю водой, выливаю ее на мраморный камень: и въ самомъ дѣлѣ, громъ загремѣлъ еще сильнѣй, чѣмъ мнѣ говорилъ черный человѣкъ, а послѣ грома пошелъ проливной дождь; и я тебѣ говорю, Кай, нѣтъ человѣка, ни звѣря, который могъ бы вытерпѣть такой ливень, не погибнувъ, потому что градъ пронзалъ кожу и мясо до костей. Я повернулъ коня задомъ къ вихрю и прикрылъ его голову и шею частью моего щита, въ то время какъ другая половина закрывала меня самого; такимъ образомъ, я выдержалъ бурю. Но когда я взглянулъ на дерево, тамъ не осталось ни одного листа. Наконецъ, небо прояснилось; и вотъ птицы спустились на дерево и начали пѣть. И въ самомъ дѣлѣ, я тебѣ говорю это, Кай, ни прежде, ни послѣ, я не слышалъ подобнаго тому пѣнія. Но въ ту минуту, какъ я наслаждался пѣніемъ птицъ, въ долинѣ раздался жалобный голосъ, который достигъ и меня.

—Всадникъ, кто привелъ тебя сюда? Что̀ я тебѣ сдѣлалъ худого, что ты такимъ образомъ дѣйствуешь противъ меня и моей собственности? Развѣ ты не видишь, что буря сегодня не оставила въ живыхъ въ моихъ владѣніяхъ ни одного человѣка, ни одного животнаго, которыхъ она захватила?

И вслѣдъ за этимъ я увидѣлъ всадника на черномъ конѣ, въ черной атласной одеждѣ и съ черною перевязью; и мы бросились другъ на друга, и ударъ былъ такъ силенъ, что я тотчасъ былъ опрокинутъ.

Тогда рыцарь продѣлъ свое копье въ узду моего коня и уѣхалъ съ двумя конями, оставивъ меня на мѣстѣ. Онъ обратилъ такъ мало вниманія на меня, что не взялъ даже въ плѣнъ и не далъ себѣ труда снять съ меня доспѣховъ.

Такъ я возвратился тѣмъ же путемъ, которымъ пришелъ; и когда достигъ прогалины, гдѣ былъ черный человѣкъ, то, признаюсь тебѣ, Кай, я желалъ провалиться сквозь землю, выслушивая его насмѣшки надо мной. И я пришелъ спать въ замокъ, гдѣ провелъ ночь наканунѣ; эту ночь меня приняли тамъ еще съ большей любезностью, чѣмъ въ предъидущую; я еще болѣе пировалъ и могъ еще свободнѣе бесѣдовать съ хозяевами замка; и никто не говорилъ мнѣ о моемъ похожденіи у фонтана, такъ какъ и я никому о томъ не разсказывалъ; и я провелъ тамъ вторую ночь.

Когда я всталъ на другой день утромъ, чтобы отправиться, мнѣ привели гнѣдого коня, у котораго ноздри были красны, какъ пурпуръ; и когда онъ былъ осѣдланъ, я надѣлъ свое оружіе, поблагодарилъ хозяина, и возвратился къ себѣ.

Конь, о которомъ я только-что сказалъ, до сихъ поръ находится у меня въ конюшнѣ; и, право, Кай, я его не промѣняю на лучшаго коня острова Британіи.

Богъ знаетъ, Кай, разсказывалъ ли какой-нибудь человѣкъ приключеніе, такъ мало достойное его; но, право, я удивляюсь, что не слыхалъ, чтобы о томъ разсказывалъ кто-нибудь; а мѣсто моего похожденія находится въ государствѣ императора Артура, и никто другой не посѣщалъ той стороны съ мечемъ въ рукѣ.

— Господа,—возразилъ Овенъ, — не слѣдуетъ ли намъ испытать силу нашихъ мечей въ тѣхъ мѣстахъ?

— Клянусь десницею той, которую люблю! — сказалъ Кай,— твой языкъ, Овенъ, болѣе спѣшитъ говорить, чѣмъ рука дѣйствовать!

— Послушай! — вскричала Гвеннивара, — ты заслуживаешь быть повѣшеннымъ за подобныя предположенія относительно такого человѣка, какъ Овенъ.

— Клянусь десницею той, которую люблю! добрая госпожа,—отвѣчалъ Кай,—ты не болѣе уважаешь Овена, чѣмъ меня самого.

И тутъ Артуръ проснулся и спросилъ, долго ли онъ спалъ.

— Да, государь, довольно,—отвѣчалъ Овенъ.

— Не пора ли обѣдать?

— Пора, государь,—отвѣчалъ Овенъ.

Тогда раздался звукъ рога; и, омывъ руки, Артуръ и придворные сѣли за столъ.

Послѣ обѣда Овенъ вышелъ и отправился въ свой покой, потомъ велѣлъ себѣ изготовить коня и оружіе.

И на другой день на разсвѣтѣ онъ вооружился, сѣлъ на коня и отправился въ отдаленную землю, къ пустыннымъ горамъ, гдѣ и нашелъ долину, описанную Кенономъ; онъ тотчасъ узналъ ее, и поѣхалъ по долинѣ, по берегу рѣки, и такъ очутился въ равнинѣ, а на равнинѣ онъ увидѣлъ замокъ.

Когда онъ приблизился, то замѣтилъ двухъ юношей, игравшихъ кинжалами въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ихъ видѣлъ Кенонъ, а вблизи ихъ стоялъ человѣкъ съ русыми волосами, владѣлецъ замка.

И когда Овенъ привѣтствовалъ человѣка съ русыми волосами, онъ предупредилъ его и привелъ въ замокъ. Войдя въ залу замка, Овенъ увидѣлъ молодыхъ дѣвицъ, которыя вышивали по атласу, сидя на позолоченныхъ креслахъ; и онъ нашелъ ихъ еще болѣе прекрасными и миловидными, нежели какъ то разсказывалъ Кенонъ; и онѣ поднялись, чтобъ прислуживать Овену, какъ прислуживали Кенону, и услужливость ихъ показалась Овену лучше, чѣмъ Кенону.

Въ половинѣ обѣда человѣкъ съ русыми волосами спросилъ Овена о цѣли его путешествія; Овенъ, разсказавъ ему все, заключилъ:

— Я ищу рыцаря, стерегущаго фонтанъ.

Тогда человѣкъ съ русыми волосами улыбнулся, и съ тѣмъ же трудомъ объяснилъ Овену, какъ и Кенону, весь предстоящій путь. Во всякомъ случаѣ онъ удовлетворилъ Овена, и они пошли спать.

На другой день утромъ молодыя дѣвицы осѣдлали коня Овена; онъ отправился и достигъ прогалины, гдѣ былъ черный человѣкъ; и онъ показался ему больше того, какимъ представлялъ его Кенонъ, и онъ спросилъ у него о дорогѣ, и черный человѣкъ объяснилъ ему.

Тогда Овенъ поѣхалъ по той же дорогѣ, какъ и Кенонъ, до зеленаго дерева, и увидѣлъ фонтанъ и мраморный камень и на немъ ковшъ.

И онъ взялъ этотъ ковшъ и наполнилъ его водой, и вылилъ ее на камень: и вотъ ужасный ударъ грома, и послѣ грома ливень; и то, и другое было гораздо сильнѣе, чѣмъ разсказывалъ Кенонъ. И послѣ ливня небо сдѣлалось ясно; а когда Овенъ взглянулъ на дерево, тамъ не осталось ни одного листа. И тотчасъ птицы спустились на дерево и запѣли; и въ тотъ мигъ, какъ онъ былъ очарованъ пѣніемъ птицъ, въ долинѣ показался рыцарь, и Овенъ выступилъ ему на встрѣчу.

Ударъ былъ силенъ; они сломали свои копья, и бросились другъ на друга съ мечами въ рукахъ; но Овенъ такъ ударилъ рыцаря, что разрубилъ на немъ шлемъ, забрало, нашлемникъ, и разсѣкъ ему кожу, мясо и черепъ до мозга.

Черный всадникъ почувствовалъ, что онъ раненъ на смерть, повернулъ свою лошадь и поскакалъ; а Овенъ сталъ его преслѣдовать, но не могъ приблизиться настолько, чтобъ ударить его своимъ мечемъ.

Преслѣдуя такимъ образомъ, Овенъ увидѣлъ обширный и великолѣпный замокъ; въ одно время они доскакали до воротъ замка, но

черный рыцарь успѣлъ одинъ спастись въ нихъ, опустивъ сверху на Овена тяжелую рѣшетку [1]). Она упала на задокъ сѣдла его лошади и разрубила ее надвое, отбивъ концы шпоръ; а рѣшетка дошла до земли, такъ что концы шпоръ съ задомъ лошади остались внѣ, а Овенъ съ другою половиною коня очутился между двумя воротами. Между тѣмъ, заперли внутреннія ворота; Овенъ не могъ никуда выйти, и оставался тамъ въ большомъ волненіи.

Заключенный такимъ образомъ, Овенъ началъ посматривать въ щели воротъ и увидѣлъ предъ собою улицу, съ рядомъ домовъ по каждой сторонѣ; потомъ онъ разглядѣлъ молодую дѣвушку, съ русыми развѣвающимися волосами и золотымъ обручемъ на головѣ, въ желтомъ атласномъ платьѣ, въ полусапожкахъ изъ разноцвѣтной кожи; она приблизилась къ воротамъ и просила его отворить ихъ.

— Одному Богу извѣстно, прекрасная дама, — сказалъ Овенъ, — что я такъ же мало могу тебѣ отворить ворота, какъ ты можешь меня отсюда выпустить.

— Очень досадно,—отвѣчала молодая дѣвушка,—что я не могу тебя спасти! Всѣ дамы должны бы прійти къ тебѣ на помощь, потому что, клянусь Богомъ, я не знаю, видала ли я когда-нибудь дамскаго кавалера, болѣе преданнаго, чѣмъ ты. Для дамъ твоего сердца ты самый нѣжный поклонникъ; для своихъ друзей ты самый лучшій другъ. И такъ,—прибавила она,—я сдѣлаю все, что могу, для твоего освобожденія. Возьми этотъ перстень, и надѣнь на твой палецъ; поверни камнемъ внизъ и зажми руку; и пока ты будешь держать его внутри, онъ будетъ дѣлать тебя невидимымъ.

„Когда жители замка составятъ совѣтъ, они придутъ потомъ, чтобы предать тебя смерти, и будутъ взбѣшены, не найдя тебя; я тебя буду ожидать на этомъ возвышеніи, и ты меня увидишь, хотя я тебя не буду видѣть нисколько; подойди ко мнѣ, и положи свою руку на мое плечо; такимъ образомъ, я узнаю, что ты около меня, и ты слѣдуй за мной по дорогѣ, которою я тебя поведу къ выходу“.

„Сказавъ это, она оставила Овена, и онъ сдѣлалъ все, что̀ приказала ему молодая дѣвушка. И люди замка пришли его умертвить; но придя, они нашли только половину его лошади, и были тѣмъ очень сконфужены.

„А Овенъ, оставивъ ихъ тамъ, подошелъ къ молодой дѣвушкѣ и положилъ ей руку на плечо; и она пошла впереди него, а онъ за ней слѣдовалъ, и они подошли къ двери большой и прекрасной комнаты; молодая дѣвушка открыла дверь, и они вошли туда; двери затворились.

„Овенъ осмотрѣлъ комнату, и въ ней не было ни одного гвоздя въ стѣнкѣ, который бы не былъ раскрашенъ богатѣйшими цвѣтами, и ни одной занавѣски, которую не покрывала бы позолота.

---

[1]) Въ средневѣковыхъ замкахъ крытый входъ ихъ имѣлъ обыкновенно двое воротъ, внѣшнія и внутреннія; между воротами съ потолка могла падать рѣшетка съ заостренными зубьями, на подобіе ножа гильотины, чтобы остановить непріятеля, успѣвшаго овладѣть внѣшними воротами.

Молодая дѣвушка развела огонь, взяла серебряную чашу, полную воды, и положила себѣ на плечо утиральникъ бѣлаго полотна, и принесла Овену умыться; потомъ поставила передъ нимъ серебряный столъ съ золотой насѣчкой; она покрыла его скатертью изъ желтой ткани, и подала ему обѣдъ; и Овенъ нигдѣ никогда не видѣлъ столько кушаньевъ всякаго рода, и нигдѣ такъ не пировалъ; и никогда не встрѣчалъ онъ стола такъ богато уставленнаго кушаньями и отличными винами. И не было ни одной вещи въ приборѣ, которая не была бы изъ серебра или золота.

Овенъ провелъ за столомъ большую часть времени послѣ полудня; и когда еще онъ сидѣлъ тамъ, то послышался сильный шумъ въ замкѣ, и онъ сказалъ молодой дѣвушкѣ:

— Что̀ это за шумъ?

— Соборуютъ елеемъ здѣшняго владѣльца,—сказала молодая дѣвушка.

И Овенъ легъ спать.

А постель, которую ему приготовила дѣвушка, была бы достойна самого Артура; пурпуровое одѣяло, мѣха, атласъ, простыни изъ тонкаго полотна.

И въ полночь они услышали стонъ.

— Что̀ это за стонъ?—спросилъ Овенъ.

— Только-что умеръ владѣтель замка, — отвѣчала молодая дѣвушка.

И на разсвѣтѣ они услышали крики и плачъ; и Овенъ сказалъ молодой дѣвушкѣ:

— Что это за плачъ?

— Несутъ въ церковь тѣло господина замка.

Тогда Овенъ всталъ и одѣлся, открылъ окно комнаты и взглянулъ на площадь передъ замкомъ, и таково было множество воиновъ, которые наполняли улицы, что онъ не могъ судить о ихъ числѣ; и они всѣ были вооружены; и много женщинъ, пѣшкомъ и верхомъ, толпились посреди нихъ; и всѣ священники города пѣли; а вѣтеръ разносилъ ихъ крики, звуки трубъ и духовные гимны.

Среди толпы онъ увидѣлъ гробъ, покрытый бѣлымъ покрываломъ, а вокругъ горѣли восковые факелы во множествѣ; и всякій изъ тѣхъ, которые несли гробъ, былъ могущественный баронъ. И никогда Овенъ не видѣлъ такой роскоши въ атласѣ, шелкѣ и тонкомъ полотнѣ.

Вслѣдъ за процессіей шла дама въ траурѣ [1]); ея волосы, въ безпорядкѣ и окровавленные, развѣвались по плечамъ; на ней было желтое атласное платье разодранное, а на ногахъ полусапожки изъ разноцвѣтной кожи; и было удивительно, какъ она себѣ не сломала пальцевъ, такъ сильно она всплескивала руками; поистинѣ, она была самая красивая женщина, какую Овенъ когда-нибудь видѣлъ; ея голосъ покрывалъ шумъ людей и даже звукъ роговъ.

Какъ только Овенъ ее увидалъ, то его сердце исполнилось любовью, и онъ спросилъ у молодой дѣвушки, кто это такая.

---

[1]) Въ подлинникѣ сказано: *въ желтомъ.*

— Можно смѣло сказать,—отвѣчала молодая дѣвушка,—и Богъ въ этомъ свидѣтель, что это прекраснѣйшая въ мірѣ дама, самая цѣломудренная, самая благородная, самая умная и самая знатная: это моя госпожа; ее называютъ *Дама фонтана*; она жена того, кого ты вчера убилъ.

— Я беру Бога въ свидѣтели,—воскликнулъ Овенъ,—эту даму я люблю больше всего на свѣтѣ.

— А она, разумѣется,—сказала молодая дѣвушка,—она тебя не только не любитъ мало, да пожалуй и нисколько.

Говоря такъ, молодая дѣвушка встала, зажгла уголья и наполнила котелъ водой, которую нагрѣла; взявъ полотенце изъ бѣлаго полотна, она обвязала его вокругъ шеи Овена, потомъ взяла кубокъ изъ слоновой кости и серебряную кружку, куда налила горячей воды, и вымыла голову Овену; затѣмъ она открыла ящикъ, вынула оттуда бритву, черенокъ которой былъ сдѣланъ изъ слоновой кости съ золотой насѣчкой; она его выбрила и вытерла ему полотенцемъ голову и шею; потомъ вышла и принесла ему ѣсть, и онъ нашелъ, что никогда лучше не кормили его и не служили ему.

Послѣ обѣда молодая дѣвушка приготовила ему кровать:

— Ложись здѣсь спать,—сказала она,—пока я буду просить за тебя.

Овенъ легъ; и молодая дѣвушка заперла дверь комнаты и пошла въ замокъ; когда она явилась туда, тамъ было все въ траурѣ и въ безпорядкѣ: *дама*, предавшись печали, заперлась одна въ своей комнатѣ, и никого не хотѣла видѣть. И Лунеда (это было имя служанки) вошла и поклонилась дамѣ; но дама ей не отвѣтила; и молодая дѣвушка склонила передъ ней колѣни и сказала ей:

— Что̀ съ тобой случилось, что ты никому не отвѣчаешь сегодня?

— Лунеда, — заговорила дама, — что̀ за перемѣна произошла въ тебѣ, что ты совсѣмъ не пришла навѣстить меня въ печали? Это очень худо съ твоей стороны! я тебя обогатила! это очень худо, что ты не пришла ко мнѣ, когда я въ отчаяніи... О! это очень худо!

— Право—сказала Лунеда,—я думала, что ты болѣе разсудительна! Умно ли оплакивать такъ этого достойнаго человѣка или и всякаго другого, который не можетъ тебя услаждать?

— Увы! нѣтъ, Боже мой,—сказала дама,—я никогда не найду человѣка, похожаго на моего господина.

— Навѣрно есть болѣе одного,—отвѣчала Лунеда,—который будетъ такой же, или и лучше его.

— Клянусь небомъ!—воскликнула дама,—еслибы ты не ѣла моего хлѣба, то я приказала бы отрубить тебѣ голову за такія слова, но я тебя прогоняю съ своихъ глазъ.

— Я очень рада быть выгнанной, — сказала Лунеда — только за то, что хотѣла тебѣ услужить, когда ты сама не могла понять, что̀ для тебя лучше. Отнынѣ, что̀ бы ни случилось, одна изъ насъ должна сдѣлать первый шагъ къ примиренію: или я тебя буду просить, или ты меня попросишь о томъ.

При этихъ словахъ молодая дѣвушка вышла; а дама встала и по-

шла за ней до дверей комнаты; и тутъ она начала сильно кашлять. Лунеда обернулась; дама подала ей знакъ, и она возвратилась къ дамѣ.

— Право,—сказала дама,—у тебя очень дурной характеръ! Но такъ какъ ты знаешь, что̀ для меня лучше, то скажи же мнѣ.

- Я могу сказать тебѣ,—отвѣчала Лунеда:—ты знаешь, что невозможно безъ воиновъ и оружія защищать твои владѣнія; поспѣши же найти кого-нибудь, кто могъ бы ихъ защитить.

— А какъ же я это сдѣлаю?—сказала дама.

— Я тебѣ и это скажу,—отвѣчала Лунеда;—если ты не будешь защищать фонтана, то ты не будешь въ состояніи сохранять своихъ владѣній, а никто, кромѣ какого-нибудь рыцаря двора Артура, не можетъ защищать твоего фонтана; и горе мнѣ, если я возвращусь безъ воина, который могъ бы его охранять такъ же хорошо или даже и лучше того, кто защищалъ до сихъ поръ!

— Это будетъ трудно,— сказала дама;—впрочемъ, ступай и сдержи свое обѣщаніе.

Лунеда вышла подъ предлогомъ, что хочетъ идти ко двору Артура, но возвратилась въ комнату Овена. И она оставалась около него столько времени, сколько нужно для того, чтобы отправиться ко двору Артура и возвратиться.

И, въ концѣ этого времени, она одѣлась и пошла къ своей госпожѣ. И дама была очень обрадована, увидѣвши ее.

— Какія ты вѣсти приносишь отъ двора Артура? — сказала она.

— Прекрасную новость, госпожа,—отвѣчала Лунеда:—я достигла цѣли своего путешествія. Когда ты хочешь видѣть рыцаря, котораго я привела?

— Приходи съ нимъ ко мнѣ завтра въ полдень,—сказала дама:—мой домъ будетъ готовъ къ его услугамъ.

И Лунеда ушла.

На другой день, въ полдень, Овенъ надѣлъ платье и епанчу желтаго атласа, окаймленную широкимъ золотымъ галуномъ; а ноги обулъ въ полусапожки изъ разноцвѣтной кожи, прикрѣпленные золотыми пряжками въ видѣ львиныхъ когтей, и вмѣстѣ съ Лунедой отправился въ покои дамы.

Дама выразила имъ свое удовольствіе и, посмотрѣвъ пристально на Овена:

— Лунеда,—сказала она,—этотъ рыцарь не походитъ на странника, прибывшаго съ дороги.

— Что же изъ этого, госпожа?—сказала Лунеда.

— Я увѣрена,—возразила дама,—что это тотъ человѣкъ, который убилъ моего господина.

— Тѣмъ лучше для васъ, моя госпожа,—отвѣчала Лунеда,—потому что еслибъ онъ не былъ сильнѣе вашего господина, то и не убилъ бы его. Нельзя ничѣмъ помочь,—прибавила она,—тому, что̀ уже случилось.

— Иди въ свою комнату, Лунеда,—сказала дама:—я посовѣтуюсь.

На другой день дама собрала своихъ бароновъ и представила имъ, что земля осталась безъ защиты, и что у ней нѣтъ для того ни лошадей, ни оружія, ни воиновъ.

— Поэтому я вамъ даю на выборъ: или пусть одинъ изъ васъ возьметъ меня замужъ, или предоставьте мнѣ взять изъ другой земли мужа, который защищалъ бы меня.

Посовѣтовавшись, они позволили ей взять мужа чужестранца.

И она приказала явиться ко двору епископамъ и архіепископамъ, чтобы праздновать свою свадьбу съ Овеномъ, и жители страны дали присягу Овену.

И Овенъ защищалъ фонтанъ копьемъ и мечемъ. И вотъ какъ онъ его защищалъ: всякаго рыцаря, который тамъ показывался, онъ побѣждалъ, и требовалъ съ него выкупа, болѣе или менѣе значительнаго. смотря по достоинству обидчика, и дѣлилъ этотъ выкупъ между своими баронами и рыцарями; такъ что въ цѣломъ мірѣ не было господина, болѣе любимаго своими вассалами.

И такъ это продолжалось три года.

Изъ Мабиногіона.

Т. 1, стр. 1 и слѣд. Лонд. 1838.

Mabinogion—въ переводѣ значитъ: *Легенды*; такъ назвала свой сборникъ кельтическихъ преданій леди Гуестъ (Guest) въ своемъ изданіи: The Mabinogion. Lond. 1837—49, въ 3 т. См. подробности о томъ въ предъидущей статьѣ 63; сравн. Les Romans de la Table ronde et les contes des anciens Bretons, par vicomte Hersart de la Villemarqué. Par. 1861; къ нему присоединенъ французскій переводъ изъ Mabinogion. Нѣмецкій переводъ помѣщенъ въ Beiträge sur bretanischen und celtischgermanischen Heldensage; von San-Marte (A. Schultz). Leipz. 1847.

---

65. — Переселеніе англо-саксовъ въ Германію.

(Около 973 г.).

Въ то время, когда саксы овладѣли землею турянговъ [1]), Британія, которая была задолго передъ тѣмъ обращена императоромъ Веспасіаномъ въ римскую провинцію и давно уже благоденствовала подъ управленіемъ римлянъ, подверглась нападенію сосѣднихъ народовъ, такъ какъ римляне, повидимому, оставили ее безъ всякой помощи. Римскій народъ, послѣ умерщвленія императора Марціалиса солдатами, находясь самъ въ совершенномъ изнеможеніи отъ внѣшнихъ войнъ, не могъ болѣе доставлять своимъ друзьямъ обычнаго вспомогательнаго войска. Такимъ образомъ, римляне оставили и эту страну; впрочемъ, они предварительно соорудили въ ней для ея защиты огромныя

---

[1]) См. о томъ выше, въ ст. 40.

укрѣпленія, по границѣ отъ одного моря до другого, откуда можно было ожидать непріятельскаго нападенія. Но отважному и воинственному врагу, имѣвшему предъ собой вялый, непривыкшій къ войнѣ народъ, было не трудно разрушить укрѣпленія. Такимъ образомъ случилось, что бритты отправили къ саксамъ, вслѣдствіе молвы о ихъ побѣдоносныхъ подвигахъ, покорное посольство для испрошенія помощи. Послы явились и сказали: „Возлюбленные саксы! несчастные бритты, утомленные и пострадавшіе отъ безпрерывныхъ вражескихъ нападеній, слыша о вашихъ доблестно одержанныхъ побѣдахъ, прислали насъ къ вамъ, для испрошенія вашей помощи. Они подчиняютъ свою обширную страну, благословенную обиліемъ всякихъ благъ, вашей власти. До сихъ поръ мы жили благополучно и свободно подъ владычествомъ и защитою римлянъ; теперь же, не зная никого, послѣ римлянъ, достойнѣе васъ, хотимъ укрыться подъ покровъ вашей храбрости. И если, помощію вашего оружія и вашей храбрости, мы одержимъ верхъ надъ врагами, то охотно будемъ переносить всякое рабство, которому вы насъ подвергнете". Старѣйшины коротко отвѣчали на это: „Знайте, что саксы будутъ надежными друзьями бриттовъ, постоянно внимательными къ ихъ нуждамъ и выгодамъ". Послы весело возвратились въ свое отечество и чрезвычайно обрадовали вожделѣнною вѣстью своихъ собратій. Обѣщанное войско вскорѣ было послано въ Британію, и радостно принято друзьями. Оно, въ короткое время, освободило страну отъ разбойниковъ и возвратило жителямъ ихъ отечество. Это завоеваніе не стоило большихъ усилій, потому что бритты, устрашенные давно извѣстною молвою о саксахъ, были обращены въ бѣгство однимъ появленіемъ послѣднихъ. Враждебные бриттамъ народы были скотты и пикты. Саксы, совершая противъ нихъ походъ, получали всѣ жизненные припасы отъ бриттовъ. Счастливые взаимною дружбою съ бриттами, они довольно долго оставались въ этой землѣ. Но когда предводители саксонскихъ дружинъ увидѣли обширность и плодоносіе страны и нерасположеніе жителей къ войнѣ, то, не имѣя съ большею частью саксовъ прочныхъ жилищъ, призвали значительнѣйшее войско, заключили союзъ съ скоттами и пиктами, возстали общими силами противъ бриттовъ, изгнали ихъ изъ отечества, и раздѣлили землю, какъ собственное владѣніе. И такъ какъ островъ лежитъ нѣкоторымъ образомъ въ углу моря (angulus), то они до сего дня называются *англо*-саксами. Если кто хочетъ изучить все это подробнѣе, то пусть читаетъ исторію названнаго народа, гдѣ объяснено, какъ и при какихъ предводителяхъ все это случилось, и какъ они приняли христіанскую вѣру, при посредствѣ святѣйшаго мужа того времени—папы Григорія. Мы же пойдемъ дальше по тому пути исторіи, который избрали.

Видукиндъ.

Сакс. ист. I, 8.

См. примѣчаніе къ ст. 40.

66.— Устройство первоначальной церкви въ Англіи и ея отношенія къ Риму.

(731 года).

По утвержденіи христіанства въ Англіи (601 г.), когда папа Григорій услышалъ, что у епископа Августина много дѣла, а сотрудниковъ мало, то послалъ ему вмѣстѣ съ своими легатами многихъ помощниковъ и проповѣдниковъ: между ними первые и главные были: Меллитъ, Юстъ, Павлинъ, Руфиніанъ. Чрезъ нихъ же онъ препроводилъ вообще все, что̀ необходимо для богослуженія и церковной службы, какъ-то: священные сосуды, покровы алтарей, даже украшенія на церкви и ризы священно-служителямъ и причетникамъ, также мощи св. апостоловъ и мучениковъ, и даже многія книги. При этомъ Григорій отправилъ Августину письмо, которымъ извѣщалъ его о томъ, что къ нему препровожденъ *палліумъ*; въ этомъ же письмѣ онъ наставляетъ Августина, какимъ образомъ онъ долженъ поставлять епископовъ въ Британію. Вотъ содержаніе этого письма.

„Высокопочтеннѣйшему и святѣйшему брату Августину, соепископу (coepiscopo), Григорій, рабъ рабовъ божіихъ.

„Хотя всѣ увѣрены, что трудящіеся во имя всемогущаго Бога будутъ участниками неизрекаемыхъ благъ царствія небеснаго, но тѣмъ не менѣе для насъ необходимо воздавать имъ и здѣсь почести, чтобы они, имѣя въ виду вознагражденіе, тѣмъ болѣе прилежали къ совершенію духовнаго подвига. А такъ какъ новая церковь англовъ, щедростью Господа и твоими трудами, приведена къ благодати всемогущаго Бога, то я препровождаю тебѣ палліумъ для ношенія его только во время торжественнаго богослуженія, чтобы ты могъ поставлять 12 епископовъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, которые будутъ подчиняться твоему вѣдѣнію (tuae ditioni); но епископъ лондонской общины всегда и на будущее время долженъ посвящаться собственнымъ синодомъ и получать почетный палліумъ отъ нашего святого и апостольскаго престола, которому я служу божіимъ изволеніемъ. Въ іоркскую же общину мы желаемъ, чтобы ты послалъ епископомъ, кого сочтешь нужнымъ поставить; впрочемъ, съ тѣмъ, чтобы іоркскій епископъ, по утвержденіи слова божія въ сосѣднихъ мѣстностяхъ съ общиною, самъ могъ поставлять 12 епископовъ, и пользовался бы почестями митрополита; потому что и ему, если буду живъ, я намѣренъ, помощію божіею, предоставить палліумъ, и тѣмъ не менѣе полагаю его пока подчинить тебѣ; послѣ же твоей смерти онъ будетъ предсѣдательствовать между епископами, имъ поставленными, но такъ, чтобы лондонскій епископъ нисколько ему не подчинялся. На будущее же время мы поставляемъ между лондонскимъ и іоркскимъ епископомъ то различіе въ почестяхъ, что тотъ изъ нихъ, кто былъ прежде поставленъ, будетъ и считаться первымъ, но дѣй-

ствовать въ ревности къ Христу они должны сообща и согласно; пусть распоряжаются единодушно, справедливо все обсуждаютъ и обсужденное исполняютъ безъ распрей. Ты же, мой братъ, волею Господа нашего Іисуса Христа, имѣешь въ своемъ распоряженіи не только тобою поставленныхъ епископовъ и епископовъ, посвященныхъ іоркскимъ епископомъ, но и вообще всѣхъ священнослужителей Британіи; въ силу того пусть они и твоимъ словомъ, и примѣромъ твоей святой жизни поучаются истинно вѣровать и правильно жить; такимъ образомъ, выполняя свои обязанности съ вѣрою и въ чистотѣ нравовъ, они достигнутъ царствія небеснаго, если то будетъ угодно Господу. Богъ да сохранитъ тебя невредимымъ, высокопочтеннѣйшій братъ. Дано сіе въ десятый день іюльскихъ календъ, царствованія государя нашего Маврикія-Тиверія, благочестивѣйшаго Августа, въ девятнадцатый годъ, послѣ же консульства того же государя восемнадцатый годъ, четвертаго индикта".

По удаленіи вышесказанныхъ легатовъ, блаженный отецъ Григорій вслѣдъ за ними отправилъ письмо, достойное памяти, и доказалъ тѣмъ ясно, какъ онъ внимательно заботился о спасеніи нашего народа. Св. Григорій писалъ такъ:

„Возлюбленнѣйшему сыну Меллиту, аббату, Григорій, рабъ рабовъ божіихъ (servus servorum Dei)".

„По удаленіи нашей братіи, которая теперь уже у тебя, я былъ въ большой тревогѣ, потому что до меня не доходило ни малѣйшаго слуха о благополучіи вашего пути. Когда всемогущій Богъ доведетъ васъ до высокопочтеннѣйшаго мужа и нашего брата Августина епископа, представьте ему все, что̀ я опредѣлилъ, размышляя самъ съ собою о дѣлѣ англовъ: а именно, храмы идоловъ въ этой странѣ вовсе не слѣдуетъ разрушать, но ограничиваться только истребленіемъ однихъ идоловъ; пусть окропятъ такіе храмы святою водою, построятъ алтари и помѣстятъ мощи; ибо если эти храмы хорошо отстроены, то полезнѣе просто ихъ обратить отъ служенія демонамъ на служеніе истинному Богу; самъ народъ, видя свои храмы неразрушенными, и изъявъ изъ сердца заблужденія, будетъ тѣмъ охотнѣе стекаться въ мѣстахъ, къ которымъ издавна привыкъ, познавая и поклоняясь притомъ истинному Богу. И такъ какъ язычники имѣютъ обычай приносить въ жертву демонамъ многочисленныхъ быковъ, то необходимо имъ замѣнить и это какимъ-нибудь торжествомъ; въ дни памяти или рожденія св. мучениковъ, которыхъ мощи положены тамъ, пусть народъ строитъ себѣ изъ древесныхъ вѣтвей шалаши около церквей, обращенныхъ изъ языческихъ храмовъ, и празднуетъ такіе дни религіозною трапезою; вмѣсто закланія животныхъ въ честь діавола, пусть они изготовляютъ мясо себѣ на пищу, во славу божію, и приносятъ благодарность за свое насыщеніе подателю всего: когда имъ будетъ обезпечено матеріальное довольство, они легче воспримутъ и радость духовную. Отнять вдругъ все у умовъ загрубѣлыхъ, это, безъ сомнѣнія, невозможно, потому что и тотъ, кто хочетъ подняться наверхъ, идетъ по ступенямъ, а не вскакиваетъ въ одинъ разъ. Такъ и израильскому народу въ Египтѣ Богъ хотя давалъ знать о себѣ, но тѣмъ не менѣе допустилъ при богослуженіи употребленіе

тѣхъ жертвъ, которыя онъ имѣлъ обычай приносить діаволу, и предписалъ заколоть животныхъ для приношенія себѣ; одно было опущено при этомъ, другое удержано, но сердце народа измѣнено: такимъ образомъ, хотя животныя, приносимыя ими на жертву, были одни и тѣ же, но ихъ закалали не идоламъ, а истинному Богу, и потому это не было больше жертвоприношеніемъ. Вотъ то, что̀ тебѣ необходимо сообщить вышеназванному брату, чтобы онъ, обдумавъ все на мѣстѣ, рѣшилъ насколько вообще многое можетъ быть допущено. Богъ да сохранитъ тебя невредимымъ, любезнѣйшій братъ. Дано сіе въ 15 день іюльскихъ календъ, въ правленіе нашего государя Маврикія-Тиверія, благочестивѣйшаго Августа, лѣто девятнадцатое, въ годъ 18 его консульства, четвертаго индикта".

Въ это же время св. Григорій отправилъ письмо къ Августину по поводу чудесъ, которыя были, какъ онъ слышалъ, совершены послѣднимъ, и въ этомъ письмѣ онъ убѣждаетъ его не впасть въ гордость отъ ихъ многочисленности, говоря такъ:

„Я знаю, любезнѣйшій братъ, что всемогущій Богъ, по твоей любви къ народу, который Онъ хотѣлъ избрать, явилъ великія чудеса: вотъ потому необходимо, чтобы ты со страхомъ радовался, и, радуясь, боялся такого небеснаго дара. Ты долженъ радоваться, потому что души англовъ внѣшностью чуда привлекаются къ внутреннему спасенію; но вмѣстѣ и бойся, чтобы среди совершающихся знаменій слабый духъ не вознесся въ гордости, и то, что извнѣ содѣйствовало бы къ увеличенію почестей, внутри не привело бы къ паденію отъ суетной славы. Мы должны припоминать себѣ, какъ ученики, возвращаясь съ проповѣди, съ радостью говорили своему небесному Учителю: *Господи, именемъ твоимъ и демоны подвластны намъ*; и услышали на это въ отвѣтъ: *Не радуйтесь тому, а радуйтесь скорѣе другому, что имена ваши написаны на небесахъ*. Тѣ, которые радовались дару чудесъ, имѣли въ виду личную и временную радость; но ихъ призывали отъ личной радости къ общей, отъ временной къ вѣчной, когда говорили имъ: *Радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесахъ*. Ибо не всѣ избранные дѣлаютъ чудеса; но имена всѣхъ ихъ записаны на небесахъ. Ученикамъ истины радость можетъ доставлять только то благо, которое у нихъ обще съ другими. Остается такимъ образомъ, любезнѣйшій братъ, чтобы ты о всемъ, что̀ дѣлаешь, при помощи божіей, повсюду и у всѣхъ, тщательно совѣщался съ самимъ собою, и спросилъ внутренно себя, кто ты самъ, и какова должна быть милость Господня къ тому народу, для обращенія котораго ты надѣленъ даромъ творить знаменія. И если когда ты, или языкомъ, или поступкомъ, провинишься предъ нашимъ творцомъ, всегда приведи на память сказанное мною, чтобы память придавила поднимающееся славолюбіе сердца. И все, что̀ ты получилъ или получишь для совершенія знаменій, отнеси не къ себѣ, а къ тѣмъ, для спасенія которыхъ ты надѣленъ даромъ чудесъ"...

Между тѣмъ Августинъ, пользуясь содѣйствіемъ короля Эдильберкта (Этельберта), пригласилъ къ себѣ епископовъ или теологовъ (doctores) ближайшей провинціи бриттовъ, назначивъ для сбора мѣ-

сто, которое и до сихъ поръ называется на языкѣ англовъ *Augustinaes ac*, т.-е сила Августина, и находится на границѣ гуикціевъ и западныхъ саксовъ. И началъ Августинъ братски убѣждать ихъ, чтобы они, сохраняя другъ съ другомъ католическій миръ, предприняли общій трудъ распространять именемъ божіимъ евангеліе между язычниками. Между тѣмъ, они праздновали святое Воскресенье не въ свое время, а отъ 14-го до 20-го дня луны; и многое другое совершалось ими въ противоположность церковному единенію. Послѣ долгаго спора, когда ни мольбы, ни убѣжденія, ни упреки Августина и его друзей не подѣйствовали, и епископы предпочитали свои преданія ученію вселенской церкви, которое вездѣ одинаково во всемъ мірѣ, тогда св. отецъ Августинъ положилъ предѣлъ этому длинному пренію, сказавъ слѣдующее: „Помолимъ Господа объ удостоеніи насъ знаменія, изъ котораго явствовало бы, какому преданію должно слѣдовать, и какими путями скорѣе можно достигнуть его царствія. Пусть приведутъ какого-нибудь несчастнаго, и чьими молитвами онъ будетъ излеченъ, вѣрѣ того и благопочитанію должны послѣдовать всѣ“. Противники его неохотно приняли такое предложеніе, а между тѣмъ принесли какого-то *англа*, лишеннаго зрѣнія; священники *бриттовъ*, подойдя къ нему, ничего не могли сдѣлать для его выздоровленія или излеченія; наконецъ, Августинъ, побуждаемый крайностью, преклонилъ колѣни предъ отцемъ Господа нашего I. Христа, умоляя возвратить слѣпому утраченное имъ зрѣніе и чрезъ тѣлесное просвѣщеніе одного зажечь лучъ духовной благодати въ сердцахъ многихъ вѣрныхъ. Слѣпой немедленно прозрѣлъ, и Августинъ былъ провозглашенъ всѣми истиннымъ толкователемъ высшаго свѣта и истины. Тогда и бритты сознались, что путь правды, проповѣдуемый Августиномъ, долженъ считаться непогрѣшимымъ; но они не могли безъ согласія и одобренія своихъ отказаться отъ древнихъ нравовъ. Потому они просили назначить вторичный синодъ для собранія бо̀льшаго числа членовъ.

Для опроверженія того, что̀ было постановлено, собралось 7 епископовъ изъ бриттовъ и множество ученѣйшихъ мужей, преимущественно изъ знаменитаго ихъ монастыря, который на языкѣ англовъ называется *Банкорнабургъ*; въ то время, какъ разсказываютъ, аббатомъ этого монастыря былъ Диноотъ. Отправляясь на этотъ соборъ, они зашли сначала къ одному святому и мудрому мужу, который велъ пустынную жизнь, и спрашивали его, должны ли они, по увѣщанію Августина, отказаться отъ своихъ преданій. Онъ отвѣчалъ имъ: „Если онъ божій человѣкъ, то послѣдуйте за нимъ“. Они же говорили: „А откуда мы можемъ въ томъ убѣдиться?“ А онъ имъ на это: „Господь сказалъ: *Возьмите иго мое на себя, и научитесь отъ меня*; *ибо я кротокъ и смиренъ сердцемъ* (Матв. XI, 29). Итакъ, если Августинъ кротокъ и смиренъ сердцемъ, то вѣроятно, что, нося самъ на себѣ иго Христа, и вамъ онъ предложитъ нести то же самое; если же онъ не кротокъ и гордъ, то очевидно, что онъ не отъ Бога, и намъ нѣтъ надобности обращать вниманіе на его рѣчи“. А они снова возразили: „А откуда мы и это можемъ узнать?“ — „Постарайтесь, говорилъ имъ пустынникъ, чтобы Августинъ вмѣстѣ

съ своими пришелъ въ мѣсто собранія первымъ, и если при вашемъ приближеніи онъ встанетъ, то знайте, что онъ слуга Христовъ и слушайте его съ повиновеніемъ; если же онъ пренебрежетъ и не встанетъ предъ вами, то и вы окажите ему презрѣніе: васъ же больше и числомъ". Они послушали, какъ научилъ ихъ пустынникъ, и вышло такъ, что Августинъ остался сидѣть на своемъ креслѣ при входѣ епископовъ бриттовъ. Видя то, они пришли въ гнѣвъ и, обличая его въ гордости, старались противорѣчить ему во всемъ, что онъ ни говорилъ. Онъ же имъ возражалъ: „Несмотря на то, что вы во многомъ не соглашаетесь съ нашими обычаями, и даже съ обычаями вселенской церкви, но если вы захотите повиноваться мнѣ въ трехъ пунктахъ, а именно: 1) праздновать въ свое время пасху; 2) совершать таинство крещенія, которымъ мы возрождаемся въ Богѣ, по обычаю св. римской и апостольской церкви и 3) проповѣдывать вмѣстѣ съ нами слово божіе народу англовъ — въ такомъ только случаѣ мы равнодушно будемъ переносить все прочее, въ чемъ вы противорѣчите намъ". Но они ни на что изъ того не согласились и отвѣчали, что и его самого они не будутъ признавать архіепископомъ; епископы бриттовъ разсуждали такъ: „Если онъ теперь не хотѣлъ встать предъ нами, то что̀ будетъ, если мы ему подчинимся: онъ будетъ насъ презирать, какъ послѣднихъ".

Разсказываютъ, что божій человѣкъ Августинъ, угрожая имъ, предсказалъ, что если они не хотятъ сохранить мира съ братьями, то будутъ вынуждены вступить въ войну съ непріятелями, и если они не хотятъ проповѣдывать англамъ путь жизни, то отъ ихъ мстительной руки получатъ смерть. И все это, какъ онъ предсказалъ, божіимъ соизволеніемъ совершилось надъ ними.

Нѣсколько времени спустя послѣ того, король англовъ, могущественнѣйшій Эдильфридъ, собравъ великое войско, при городѣ Легіонѣ, который англы называютъ Legacaestir, а бритты вѣрнѣе—Carlegion, нанесъ великое пораженіе вѣроломному народу (613 г.). Когда предъ войною онъ увидѣлъ священниковъ бриттовъ, собравшихся въ болѣе безопасномъ мѣстѣ для молитвы о побѣдѣ своимъ воинамъ, онъ спросилъ, кто они такіе, и для чего собрались тамъ. Бо̀льшая часть ихъ была изъ монастыря Банкоръ, въ которомъ, какъ разсказываютъ, было такъ много монаховъ, что хотя монастырь раздѣленъ на 7 частей, и каждая съ своимъ отдѣльнымъ ректоромъ, но тѣмъ не менѣе нѣтъ ни одной части, въ которой не было бы больше 300 человѣкъ, жившихъ трудами рукъ своихъ. Бо̀льшая часть изъ нихъ, наканунѣ упомянутаго сраженія, выдержавъ предварительно трехдневный постъ, собралась вмѣстѣ съ прочими для молитвы о побѣдѣ, а Брокмаилъ стоялъ на стражѣ для защиты ихъ отъ меча непріятеля. Когда король Эдильфридъ узналъ о цѣли ихъ собранія, то обратился къ окружающимъ съ слѣдующими словами: „И такъ, если они взываютъ къ своему Богу противъ насъ, то и они сами, хотя и не носятъ оружія, но сражаются съ нами, потому что преслѣдуютъ насъ враждебными пожеланіями". Затѣмъ онъ приказалъ обратить противъ нихъ первыхъ оружіе, и послѣ того истребилъ, не безъ малой опасности для

своихъ воиновъ, остальную шайку нечестиваго войска. Въ этомъ бою изъ собравшихся на молитву, какъ разсказываютъ, пало около 1200 человѣкъ, и только 50 спаслись бѣгствомъ. Брокмаилъ, при первомъ появленіи непріятеля, поворотилъ тылъ и оставилъ на избіеніе беззащитныхъ, съ голыми руками, кого обязанъ былъ прикрывать. Такъ исполнилось предсказаніе святого первосвященника (pontificis) Августина, хотя онъ задолго передъ тѣмъ отошелъ въ горнія области; вѣроломные получили воздаяніе временною погибелью за то, что презрѣли предлагаемые имъ совѣты для вѣчнаго спасенія.

Въ годъ воплощенія Господня 604 Августинъ, архіепископъ всей Британіи, поставилъ двухъ епископовъ, а именно, Меллита и Юста: Меллита для проповѣди въ провинціи Эссексѣ (orientalium Saxonum), которая отдѣляется р. Темзою отъ Кента и прилежитъ Нѣмецкому морю (Orientali mari); столица ея городъ Лондонъ (Lundonia civitas), расположенный на вышепоименованной рѣкѣ и служащій главнымъ рынкомъ для людей, приходящихъ моремъ и сухимъ путемъ; среди этого народа въ то время правилъ Саберетъ, внукъ Эдильберкта, по сестрѣ его Рикулѣ; впрочемъ, онъ находился въ зависимости отъ того же самаго Эдильберкта, который господствовалъ надъ всѣми народами англовъ до предѣловъ рѣки Гумбера. Когда и эта провинція, проповѣдью Меллита, была обращена, король Эдильберктъ построилъ въ Лондонѣ церковь св. апостола Павла, въ которой и Меллитъ, и всѣ его преемники имѣли свой епископскій престолъ. Юста же поставилъ Августинъ епископомъ въ самомъ Кентѣ, въ городѣ Кентербури (Doroverni); такъ назвали этотъ городъ англы по имени одного древняго предводителя Hrof—Hrofaescaestrae. То мѣсто, гдѣ король Эдильберктъ построилъ церковь блаженному апостолу Андрею, отстоитъ отъ Кентербури на 1024 шага къ западу; епископы обѣихъ церквей получили отъ него большіе дары, а тѣ, которые составляли ихъ свиту, пріобрѣли отъ него въ пользованіе земли и угодья.

Но умеръ возлюбленный Богомъ отецъ Августинъ (605 г.), и тѣло его положено на наружѣ, близъ церкви блаженныхъ апостоловъ Петра и Павла (построенной самимъ Августиномъ въ Кентербури), потому что она въ то время еще не была готова и не освящена. Но по освященіи ея, тѣло его было немедленно перенесено внутрь и съ почестями положено въ сѣверномъ портикѣ; тамъ же погребены и тѣла послѣдовавшихъ епископовъ, исключая только двухъ, Теодора и Берктуальда, которые положены въ самой церкви, потому что вышеупомянутый портикъ не могъ болѣе вмѣщать. Почти посрединѣ этой церкви находится алтарь, посвященный памяти блаженнаго папы Григорія, на которомъ каждую субботу священникъ того мѣста читаетъ торжественно его *Agendae*. На могилѣ же Августина находится слѣдующая эпитафія:

ЗДѢСЬ ПОКОИТСЯ ВЛАДЫКО АВГУСТИНЪ, ПЕРВЫЙ КЕНТЕРБОРІЙСКІЙ АРХІЕПИСКОПЪ,

который, бывъ во-время-оно отправленъ сюда блаженнымъ Григоріемъ, римскаго города первосвященникомъ, и надѣленъ Богомъ даромъ чудесъ, обратилъ короля Эдильберкта и его народъ отъ почитанія идоловъ къ вѣрѣ Христа, и, завершивъ дни своего служенія въ мірѣ, почилъ въ седьмой день іюньскихъ календъ въ правленіе того же короля.

Бэда-Преподобный.

Hist. ecclesiast. gentis angl. l. I, 29—31; II, 2, 3

Бэда-Преподобный (Venerabilis-Beda, presbyter—латинизированное англосакское имя Bedan; род. 673 г. въ Нортумберландѣ, близъ границъ Шотландіи, въ мѣстечкѣ Girvum (н. Jarrow), у самаго устья р. Тайна; умеръ въ монастырѣ Петра и Павла при томъ же мѣстечкѣ въ 731 г.)—былъ англо-саксkаго происхожденія, и это обстоятельство наложило особую печать на духъ его историческихъ сочиненій; защищая интересы римскіе и англо-саксовъ, онъ вездѣ является врагомъ бриттовъ и древней ихъ національной церкви. Получивъ воспитаніе въ монастырѣ того же мѣстечка, въ которомъ родился, Бэда на 19 г. былъ посвященъ въ діаконы, а 30 лѣтъ въ пресвитеры; съ этого времени онъ посвящаетъ всю свою жизнь на литературные труды и собственное образованіе, которое дало ему названіе „свѣточа церкви“ (candela ecclesiae). Слава Бэды была такъ велика, что папа Сергій приглашалъ его къ себѣ въ Римъ, но онъ отказался, хотя легенда настаиваетъ на томъ, что Бэда посѣтилъ Римъ и по приговору римскаго сената и народа получилъ прозваніе Venerabilis за разгадку надписи на воротахъ Рима: P.P.P. S.S.S. R.R.R. F.F.F. (pater patriae perditus; salus secum sublata; ruet regnum Romae; ferro, flammo, fame). Литературная дѣятельность Бэды изумительна: онъ написалъ до 50 сочиненій богословскаго и дидактическаго содержанія въ духѣ своего времени. Но всю славу его составляютъ историческіе труды, а именно: 1) *Chronicon seu Liber de temporibus seu de sex mundi aetatibus ab O. C. —726*; хотя эта хроника написана въ томъ же родѣ, какъ писались подобныя произведенія предшественниками Бэды, но Бэда сдѣлалъ шагъ впередъ, введя новое раздѣленіе всемірной исторіи на 6 возрастовъ, откуда и самая хроника получила свое названіе: 1) отъ Адама до Ноя; 2) отъ Ноя до Авраама; 3) отъ Авраама до Давида; 4) отъ Давида до ассирійскаго плѣненія; 5) отъ плѣненія до Августа, и 6) отъ Августа до импер. Ираклія. Эта форма универсальной исторіи оставалась образцомъ почти до конца среднихъ вѣковъ. 2) *Historia ecclesiastica gentis Anglorum, libri V*—самое капитальное произведеніе Бэды, гдѣ онъ является историкомъ своего времени и пишетъ, по крайней мѣрѣ въ послѣднихъ книгахъ, какъ очевидецъ; этотъ памятникъ тѣмъ болѣе важенъ, что онъ служитъ единственнымъ источникомъ для древней исто-

ріи англо-саксовъ. Бэда начинаетъ свой разсказъ отъ завоеванія Британіи Юліемъ-Цезаремъ и доводитъ его до 731 года, когда онъ умеръ.—Полное изданіе сочиненій Бэды: *Giles*, Londini, 1843 и 44, въ 12 том. съ англійскимъ переводомъ историческихъ сочиненій; также у *Migne*, Patrologiae cursus completus, etc., Par. 1844—57 (всего 241 т.) въ 90, 91, 92, 93, 94 и 95 томахъ; при этомъ въ 90-мъ томѣ помѣщены всѣ древнія біографіи Бэды, изъ которыхъ замѣчательнѣйшая Мабилльона.—Для подробностей о Бэдѣ и его сочиненіяхъ см. *Gehle*, De Bede Ven. prebs. Anglo-Sax. vita et scriptis. Lugd. Bat. 1838; *Cronhelm*, Bedae historia ecclesiastica examinata. Lund. 1841. Сравн. у *Wattenbach*, Deutschlands Geschichtsquellen, стр. 81.—Исторія Англіи Бэды особенно сдѣлалась популярною съ X вѣка, когда король Альфредъ перевелъ ее на національный языкъ; этотъ переводъ былъ изданъ при оригиналѣ въ 1722 г.: *Wheloc*, King Alfred's Anglo-Saxon version of the eclles. history, и считается лучшимъ изданіемъ.

67.—О характерѣ утвержденія католичества въ Англіи.

(1825 г.).

Около того времени (между 580 и 590 год.), когда англо-саксы только-что успѣли окончить завоеваніе самой лучшей части острова Британіи, достоинство епископа или папы въ Римѣ наслѣдовалъ человѣкъ, посвятившій себя съ искусствомъ и ревностью дѣлу распространенія католичества и расширенія предѣловъ новой римской имперіи, которая начала тогда воздвигаться, опираясь на преобладаніе престола св. Петра. Это былъ Григорій; онъ трудился съ успѣхомъ надъ тѣмъ, чтобы какъ можно болѣе усилить въ метрополіи Запада власть іерархіи епископальной, созданной нѣкогда политикою императоровъ. Франкскіе короли, католическіе предводители армій, въ половину еще языческихъ, были вѣрными союзниками папы Григорія, и ихъ могущество, страшное въ своемъ отдаленіи, служило вѣрной опорой и подтвержденіемъ его папскимъ декретамъ. Когда онъ считалъ полезнымъ подчинить епископовъ Галліи какому-нибудь новому закону о повиновеніи папѣ или избраннымъ имъ же намѣстникамъ, онъ посылалъ свой указъ *славнымъ особамъ* Гильдеберту, Теодорику или Теодеберту, поручая имъ привести его въ исполненіе силой своей королевской власти и наказать непокорныхъ. Преувеличенная лесть, названія: *наизнаменитѣйшій*, *благочестивѣйшій*, *наихристіаннѣйшій* и посылка извѣстныхъ мощей для ношенія на шеѣ во время битвы были, со стороны римскаго епископа, уплатою выгодною и малостоющею за добрыя услуги короля-варвара [1]).

---

[1]) См. въ *Script. rer. gallic. et francic.* t. IV, p. 14 et 15; Epistol. Gregorii papae ad episcopos Galliae et Childebertum regem.

Подобнаго рода союзъ съ завоевателемъ Великобританіи, для блага католической вѣры и для выгодъ первенства папъ, былъ рано предметомъ заботъ и честолюбія Григорія В.; рано составилъ онъ планъ обратить англо-саксовъ въ католичество и сдѣлать ихъ могущество, подобно могуществу франковъ, средствомъ къ увеличенію своей духовной власти, непризнаваемой христіанскими туземцами, бриттами. Бѣдные бритты, христіане, побѣжденные и лишенные владѣній, не мѣшали намѣреніямъ римскаго папы; у нихъ не было недостатка ни въ вѣрѣ, ни въ усердіи, но между ними и ихъ врагами язычниками никакой миръ не былъ возможенъ. Ненависть къ чужеземному игу, забота о народной защитѣ поглощали всѣ ихъ мысли; они не имѣли ни досуга, ни охоты пытаться завести дружескія отношенія съ побѣдителями,— отношенія, которыя могли бы создать въ будущемъ видъ какой-нибудь законности для завоеванія Британіи англо-саксами.

Итакъ, папѣ Григорію предстояло свободное поле для дѣйствія; чтобы выполнить свое предпріятіе, онъ началъ повсюду отыскивать, на невольничьихъ рынкахъ, молодыхъ людей англо-сакскаго происхожденія, отъ 17-и или 18-и лѣтъ. Его повѣренные покупали ихъ, постригали въ монахи, стараясь вмѣстѣ воспитать въ ученіи католической церкви настолько, чтобы они могли излагать это ученіе на родномъ языкѣ. Кажется, что эти насильственные миссіонеры не вполнѣ хорошо соотвѣтствовали стараніямъ и видамъ своихъ наставниковъ; потому что папа Григорій, отказавшись вскорѣ отъ своей оригинальной попытки, рѣшился, для обращенія англо-саксовъ, послать римлянъ вѣры испытанной и образованія основательнаго (596 г.). Главою этой миссіи былъ Августинъ: его посвятили и назвали впередъ епископомъ Англіи. Спутники его, пылавшіе ревностью, сопровождали его до города Э. въ Провансѣ; прибывъ же туда, они ужаснулись своего предпріятія и пожелали возвратиться домой. Но одинъ только Августинъ поѣхалъ обратно въ Римъ, чтобы испросить у Григорія, отъ имени всѣхъ, позволенія оставить это опасное путешествіе, результатъ котораго, говорилъ онъ, весьма ненадеженъ, когда приходится имѣть дѣло съ народомъ неизвѣстнаго языка. Но папа не согласился на то. „Слишкомъ поздно отступать назадъ, отвѣчалъ онъ; вы должны выполнить свое предпріятіе, не слушая рѣчей недоброжелателей; я самъ отъ всей души желалъ бы трудиться вмѣстѣ съ вами надъ этимъ добрымъ дѣломъ". Миссіонеры принадлежали къ монастырю, основанному папой Григоріемъ на его собственной землѣ и въ томъ самомъ домѣ, гдѣ онъ родился; всѣ поклялись ему повиноваться, какъ своему духовному отцу; и потому они и теперь повиновались и отправились сначала въ Шалонь, гдѣ жилъ Теодорикъ, сынъ Гильдеберта, король половины восточной части страны, завоеванной франками (т.-е. Австразіи). Оттуда они направились къ Мецу, гдѣ правилъ другою половиною Теодебертъ, второй сынъ Гильдеберта.

Римляне вручили обоимъ королямъ письма, исполненныя лестныхъ для нихъ выраженій, которыя могли бы вызвать ихъ благосклонность, льстя въ высшей степени ихъ тщеславію. Папа Григорій

зналъ, что франки были въ войнѣ съ саксами, населявшими Германію, своими сѣверными сосѣдями, и, принимая это обстоятельство въ соображеніе, онъ не усомнился въ письмѣ назвать франкскими подданными и тѣхъ англо-саксовъ, которые жили за моремъ, и которыхъ его монахи шли обратить въ христіанство. „Я думалъ, писалъ онъ сыновьямъ Гильдеберта, я думалъ, что вы должны горячо желать счастливаго обращенія *вашихъ подданныхъ* къ той вѣрѣ, которую вы исповѣдуете сами, вы, ихъ *владыки* и *короли*; вотъ что̀ побудило меня отправить Августина, подателя этой грамоты, вмѣстѣ съ другими служителями Господа, чтобы трудиться тамъ подъ вашимъ покровительствомъ“.

Миссія доставила также письмо и бабкѣ двухъ молодыхъ королей, вдовѣ Сигберта, отца Гильдеберта, женщинѣ въ высшей степени честолюбивой и рѣдкой интриганкѣ, которая, именемъ своихъ двухъ внуковъ, сама правила половиною Галліи. Она происходила изъ племени го̀товъ, въ то время оттѣсненныхъ оружіемъ франковъ по другую сторону Пиренеевъ. До замужества она носила имя *Бруны*, которое на германскомъ языкѣ означало *блистательная*; но франкскій король, женившись на ней, желалъ украсить и удлиннить ея имя, какъ разсказываетъ современный ей историкъ Григорій Турскій, и назвалъ ее *Брунегильда*, т.-е. блестящая дѣва. Изъ аріанки она сдѣлалась католичкой, будучи помазана св. елеемъ, и обнаруживала съ тѣхъ поръ большую ревность къ своей новой религіи; епископы хвалили наперерывъ чистоту ея вѣры и благочестивыя дѣла и не хотѣли ничего знать о развратѣ, обманѣ и политическихъ преступленіяхъ. „Васъ, чье усердіе пламенно, дѣла неоцѣненны, а душа окрѣпла въ страхѣ всемогущаго Творца, писалъ папа Григорій этой королевѣ, васъ мы умоляемъ помочь намъ въ великомъ дѣлѣ. Племя англовъ обнаружило готовность принять вѣру Христа, и мы хотимъ удовлетворить его желаніе“. Франкскіе короли и ихъ бабка не думали много о томъ, чтобы удостовѣриться въ пламенномъ желаніи англо-сакскаго народа, или согласить его съ отвращеніемъ и страхомъ самихъ миссіонеровъ къ своему предпріятію; они приняли миссію и содержали ее на свой счетъ во время ея пути до морского берега. Король западныхъ франковъ (въ Нейстріи) хотя находился въ войнѣ съ своими австроазійскими родственниками, но принялъ римлянъ не менѣе милостиво, и дозволилъ имъ избрать нѣсколько человѣкъ изъ франкскаго племени, какъ переводчиковъ у саксовъ, которые говорили почти тѣмъ же самымъ языкомъ.

По счастливому стеченію обстоятельствъ, самымъ могущественнымъ изъ королей англо-сакскихъ того времени былъ Этельбертъ, король Кентской страны, а жена его происходила изъ племени франковъ и исповѣдывала католическую вѣру. Это извѣстіе ободрило товарищей Августина, и они съ увѣренностью пристали къ оконечности Танета, уже знаменитаго по высадкѣ древнихъ римлянъ и тѣхъ двухъ братьевъ, которые открыли саксамъ дорогу въ Британію. Франкскіе переводчики отправились къ Этельберту; они сообщили ему, что пріѣхали люди издалека и принесли ему радостную вѣсть съ предложеніемъ вѣчнаго царства, если только онъ захочетъ повѣрить ихъ

словамъ. Спачала король саксовъ не далъ никакого положительнаго отвѣта, и повелѣлъ, чтобы чужеземцы продолжали жить на островѣ Танетѣ до тѣхъ поръ, пока онъ рѣшится на что-нибудь относительно ихъ предложенія. Можно полагать, что жена-христіанка короля-язычника не оставалась недѣятельною при этомъ важномъ обстоятельствѣ, и что всѣ выраженія супружеской нѣжности были употреблены для того, чтобы расположить Этельберта къ миссіонерамъ. Онъ согласился войти въ переговоры съ ними; но, по нѣкоторому недовѣрію, не рѣшился принять ихъ въ своемъ домѣ, ни даже въ своей столицѣ, а отправился самъ переговорить съ ними на островъ, гдѣ они находились; даже тамъ онъ хотѣлъ, чтобы свиданіе ихъ происходило на открытомъ воздухѣ, для предупрежденія всякой порчи, въ случаѣ еслибы чужеземцы вздумали прибѣгнуть къ тому. Римляне явились на мѣсто свиданія, приготовившись заранѣе; они шли процессіею другъ за другомъ: впереди ихъ несли большой серебряный крестъ и изображеніе Христа; потомъ была объяснена цѣль ихъ путешествія и представлены предложенія.

„Да, это прекрасныя слова и прекрасныя обѣщанія, отвѣчалъ имъ король-язычникъ; но какъ все это дѣло для меня совершенно ново, то я не могу тотчасъ повѣрить тому и отказаться отъ религіи, которую я исповѣдую со всѣмъ моимъ народомъ. Однако, такъ какъ вы пришли сюда издалека, чтобы сообщить намъ то, что̀ вы сами, какъ мнѣ кажется, признаете полезнымъ и справедливымъ, то я не буду обходиться съ вами дурно: я доставлю вамъ содержаніе и помѣщеніе, и позволю свободно распространять ваше ученіе и убѣждать кого вы можете“.

Монахи отправились въ его столицу, которую называли городомъ людей Кента по-сакски Кентвара-Биригъ (Kentwara Byryg) [1]); они вошли и туда процессіей, неся крестъ и образъ, и пѣли священные гимны. Вскорѣ они успѣли пріобрѣсть нѣсколькихъ послѣдователей; церковь, нѣкогда построенная бриттами и заброшенная послѣ завоеванія страны англо-саксами, послужила имъ мѣстомъ для совершенія литургіи; они поражали воображеніе народа строгостію своей жизни, дѣлали даже чудеса, и послѣднее обстоятельство расположило къ нимъ сердце короля Этельберта, который сначала, повидимому, боялся волшебства. Когда самъ глава Кентской страны принялъ крещеніе, то новая религія сдѣлалась средствомъ къ пріобрѣтенію милостей и многіе избирали его, хотя король Этельбертъ, какъ говорятъ историки, никого не хотѣлъ принуждать. Онъ далъ, въ знакъ преданности къ вѣрѣ, своимъ духовнымъ отцамъ дома и земли; впрочемъ, и вездѣ это было первое возмездіе, котораго требовали проповѣдники отъ варваровъ. „Я прошу твое величество и твою щедрость, говорилъ священникъ новообращенному королю, дать мнѣ землю со всѣми ея доходами, но не для меня, а для Христа, и вручить мнѣ актъ на владѣніе ею, дабы взамѣнъ того и самъ ты получилъ огромныя владѣнія въ этомъ, а еще бо̀льшія въ томъ мірѣ“. Король отвѣчалъ: „Я предоставляю тебѣ въ безусловное владѣніе весь этотъ участокъ,

---

[1]) Отсюда произошла позднѣйшая форма *Canterburi*.

принадлежащій мнѣ; пусть эта земля будетъ тебѣ отечествомъ, и съ этихъ поръ пусть не будешь ты чужестранцемъ между нами".

Августинъ принялъ титулъ епископа Кента. Миссія продолжала свою проповѣдь и за предѣлы этой территоріи, и имѣла успѣхъ, благодаря первому примѣру въ Эссексѣ, гдѣ королемъ былъ Сигбертъ, родственникъ Этельберта. Папа Григорій чрезвычайно обрадовался, узнавъ результатъ миссіи, которая успѣла обратить въ христіанство и католичество часть завоевателей Великобританіи: по правдѣ сказать, послѣднее обстоятельство было для него важнѣе всего, потому что его привязанность къ символу Никейскаго собора и къ ученію св. Августина дѣлала его смертельнымъ врагомъ всего, что̀ казалось ему ересью или расколомъ; въ своемъ католическомъ пуризмѣ онъ доходилъ до того, что даже отказывалъ въ благодати еретикамъ, погибшимъ за вѣру въ Іисуса Христа. „Жатва велика, извѣщалъ его Августинъ, а работниковъ недостаточно для нея". При этомъ извѣстіи отправилась вторая миссія изъ Рима съ письмами, адресованными къ гальскимъ епископамъ, и съ чѣмъ-то въ родѣ дипломатической ноты къ Августину, этому великому уполномоченному римской церкви въ Британіи. Инструкція, данная Меллиту и Лаврентію, главамъ новой миссіи, была слѣдующаго содержанія:

„Скажите ему (Августину), что послѣ зрѣлыхъ и глубокихъ размышленій объ обращеніи народа англовъ, я рѣшилъ въ своемъ умѣ много важныхъ вопросовъ: во-первыхъ, не слѣдуетъ разрушать языческихъ храмовъ, а только идоловъ; освятивъ воду, окропить ею храмы, соорудить въ нихъ алтари и поставить мощи. Если эти храмы прочно выстроены, то это хорошо и полезно — пусть они перейдутъ отъ поклоненія демонамъ на служеніе истинному Богу; потому что, когда народъ увидитъ, что уцѣлѣли ихъ мѣста молитвы, онъ охотнѣе пойдетъ туда, по привычкѣ, чтобы молиться истинному Богу" (Beda Venerab. Hist. eccles. I, 29).

„Во-вторыхъ, говорятъ, что народъ имѣетъ обыкновеніе приносить въ жертву быковъ; надобно, чтобы этотъ обычай обратился бы для него въ христіанское торжество, и чтобы въ день освященія храмовъ точно такъ же какъ и въ праздники святыхъ, мощи которыхъ находятся въ этихъ храмахъ, дозволялось имъ строить шалаши изъ вѣтвей кругомъ тѣхъ же самымъ храмовъ, какъ то было въ прошлое время: пусть они собираются туда, пусть приводятъ туда своихъ животныхъ, которыя тогда будутъ убиваемы ими не какъ жертвы дьяволу, но для трапезы христіанской, во имя и въ славу Бога, которому пусть они воздадутъ благодареніе за свое насыщеніе. Оставляя людямъ нѣкоторую долю изъ матеріальныхъ удовольствій, скорѣе доведете ихъ до способности наслаждаться внутреннимъ счастьемъ". (Henrici Huntind. Hist. I. III, apud rer. anglic. Script. p. 322, ed. Savile).

Меллитъ и Лаврентій вручили Августину, вмѣстѣ съ этими наставленіями, *pallium*, который, по обряду, заимствованному римской церковью отъ римской имперіи, былъ внѣшнимъ знакомъ власти надъ прочими епископами. Они принесли въ то же время проектъ цер-

ковныхъ учрежденій, заготовленный впередъ въ Римѣ, съ цѣлью примѣнить его въ Англіи къ дѣлу, по мѣрѣ того, какъ будетъ расширяться тамъ господство католической церкви. По этому проекту Августинъ долженъ былъ поставить двѣнадцать епископовъ, и городъ Лондонъ, когда онъ сдѣлается христіанскимъ, назначить метрополіею, отъ которой будутъ зависѣть прочія двѣнадцать епархій. Подобнымъ же образомъ, лишь только обширный сѣверный городъ, называвшійся по-латыни Eboracum, а по-саксски Эверикъ (нынѣ Іоркъ), приметъ христіанство, Августинъ обязанъ будетъ посвятить туда епископа, который, получая въ свою очередь pallium, сдѣлается митрополитомъ другихъ двѣнадцати епископовъ. Будущій митрополитъ, хотя зависимый отъ Августина въ продолженіе всей жизни послѣдняго, при намѣстникахъ Августина долженъ зависѣть исключительно отъ одного Рима.

Разсматривая эти распоряженія только съ матеріальной стороны, подумаешь, что возобновляется, только подъ другими формами, тотъ раздѣлъ провинцій, завоеванныхъ или еще подлежащихъ завоеванію, который въ предшествовавшіе вѣка занималъ такъ часто сенатъ римскій. Престолъ перваго епископа саксовъ не былъ, однако, основанъ въ Лондонѣ, какъ то повелѣвали папскія инструкціи; и для того ли, чтобъ угодить болѣе новообращенному королю Кента, или съ цѣлью ближе наблюдать за нимъ и имѣть больше возможности искоренять въ немъ старыя привычки язычника, Августинъ поселился въ Кентербури и даже въ самомъ дворцѣ Этельберта. Другой римскій миссіонеръ утвердился въ Лондонѣ, столицѣ Эссекса (восточн. Саксоніи), но какъ простой епископъ; Рофескестеръ, н. Рочестеръ, между Лондономъ и Кентербури, сдѣлался мѣстопребываніемъ другого епископа. Самъ прелатъ и его эти двое подчиненныхъ пользовались славою чудотворцевъ, и скоро молва о совершаемыхъ ими знаменіяхъ распространилась по всей Галліи. Папа Григорій искусно пользовался всѣми этими извѣстіями, чтобы питать въ сердцѣ королей франкскихъ любовь и страхъ къ Риму; но, извлекая для себя всю пользу изъ славы Августина, онъ съ опасеніемъ смотрѣлъ на то, какъ эта слава возрастаетъ, и какъ человѣкъ, подчиненный ему, ставится на ряду съ апостолами. До насъ дошло весьма двухсмысленное письмо, въ которомъ папа, не рискуя высказать прямо всю свою мысль относительно такого предмета, повидимому старается напомнить апостолу англо-саксовъ, чтобы онъ не забывалъ своего ранга и обязанностей и болѣе скромно пользовался своимъ даромъ чудесъ.

„Услышавъ, пишетъ Григорій, о великихъ чудесахъ, которыя угодно было Богу совершить твоими руками, предъ глазами націи избранной имъ, я былъ весьма обрадованъ тѣмъ, потому что внѣшнія чудеса весьма способствуютъ къ тому, чтобы расположить душу къ воспринятію внутренней благодати; но ты самъ берегись, чтобы среди этихъ знаменій твой духъ не возгордился и не сдѣлался кичливымъ; бойся, чтобы то, что̀ извнѣ увеличиваетъ уваженіе и почести, не послужило внутри тебя причиною паденія путемъ тщеславія“. Подобные совѣты со стороны Григорія были не лишены основанія, и самолюбивый характеръ Августина обнаруживался уже не

разъ самымъ очевиднымъ образомъ: не удовлетворяясь достоинствомъ прелата у англовъ, онъ домогался первенства болѣе лестнаго и болѣе прочнаго у народовъ, которые издавна были христіанами. Въ одномъ изъ его запросовъ въ Римъ между прочимъ находился слѣдующій лаконическій и притязательный вопросъ: „Какъ мнѣ обходиться съ епископами *Галліи* и съ епископами бриттовъ?“ — „Относительно епископовъ гальскихъ, отвѣчалъ ему Григорій, видимо встревоженный такимъ вопросомъ, я тебѣ не дамъ и не даю никакой власти надъ ними: прелатъ города Арля получилъ отъ меня палліумъ, и я не могу лишить его власти; онъ остается главою и судьею галловъ, и не позволитъ тебѣ заходить съ косою твоего суда на чужое поле. Епископовъ же бриттскихъ я поручаю тебѣ вполнѣ и безъ исключенія: просвѣщай невѣжественныхъ, укрѣпляй слабыхъ и наказуй по своему произволу худыхъ“.

Огромное различіе, которое римскій папа полагаетъ между епископами Галліи, которыхъ онъ защищаетъ отъ притязаній Августина, и епископами бриттовъ, которыхъ онъ ему предоставляетъ, это различіе легко понять, если вспомнить, что бритты считались еретиками. Этотъ несчастный остатокъ великой кельтической расы, прижатый къ углу своей древней родины, потерялъ все, по словамъ одного изъ своихъ поэтовъ, кромѣ имени, языка и своего Бога. Потомки кельтовъ вѣрили въ единаго Бога въ трехъ лицахъ, награждающаго и мстящаго, какъ учила римская церковь, потомство за грѣхи прародителей, распространяющаго благодать на всякаго, кто поступаетъ справедливо, и не осуждающаго умершихъ младенцевъ и слѣдовательно не впавшихъ въ грѣхъ. Къ этому различію въ догматѣ, вытекшему изъ ученія Пелагія (ересіарха Галліи, жившаго въ V вѣкѣ) или такъ называемыхъ полупелагіанцевъ, и сохранившемуся у бриттовъ, присоединились и другія несогласія относительно дисциплины, которыхъ источникомъ послужили или мѣстные обычаи, или преданія восточной церкви: британская церковь предпочитала, какъ дочь церквей восточныхъ, ихъ преданія и обычаи. Такъ, форма духовнаго постриженія и монастырскаго платья была неодинакова въ Британіи, въ Италіи и Галліи; бритты не соглашались праздновать пасху въ эпохи, опредѣленныя папскими декретами. Правила монастырей у бриттовъ, хотя весьма строгія, имѣли ту особенность, что только малое число духовныхъ получали посвященіе въ орденъ, а всѣ прочіе, какъ простые свѣтскіе люди, трудолюбиво работали цѣлый день, занимаясь искусствомъ или ремесломъ для собственнаго существованія или на общую пользу. Бритты имѣли епископовъ; но эти епископы большую часть времени оставались безъ опредѣленныхъ престоловъ: они жили то въ одномъ городѣ, то въ другомъ, какъ настоящіе *епископы*, т.-е. наблюдатели, и ихъ архіепископъ пребывалъ безразлично то въ Керлеонѣ-на-Оскѣ (древняя столица Артура), то въ Меневѣ, нынѣ Сенъ-Давидъ; этотъ архіепископъ, вполнѣ независимый, не получалъ никакого палліума, да и не домогался того. Все это было преступленіемъ въ глазахъ римскаго духовенства, которое стремилось подчинить всѣхъ своему преобладанію; а для папы Григорія было совершенно достаточно того, чтобы не признавать власти епископовъ

бриттскихъ, почему онъ и считалъ себя въ правѣ отдать ихъ подъ опеку и на исправленіе своимъ миссіонерамъ [1]).

Авг. Тьерри.

Hist. d. l. conquête de l'Anglet. etc. I, 54—67 (10-е изд.).

См. ниже примѣчаніе къ ст. 68.

68.—О распространеніи христіанства на сѣверѣ Англіи.

(1825 г.).

Вскорѣ послѣ смерти Августина (въ 605 г.) и его покровителя Этельберта, при ихъ преемникахъ, Меллитѣ, архіепископѣ Кентербурійскомъ, и Эдбальдѣ, сынѣ Этельберта, королѣ Кента, сестра послѣдняго, Этельберга, вышла замужъ за языческаго короля страны, лежащей на сѣверъ отъ р. Гумбера [2]). Молодая отправилась (около 615 г.) изъ Кентской земли, въ сообществѣ священника, по происхожденію римлянина, по имени Павлина, который заранѣе былъ посвященъ въ архіепископы г. Іорка, сообразно планамъ папы Григорія, который надѣялся, что жена христіанка обратитъ мужа идолопоклонника. Король Нортумберланда, Эдвигъ, дозволилъ ей исповѣдывать христіанскую религію подъ руководствомъ сопровождавшаго ее Павлина; его смуглое и худощавое лицо, черные волоса были предметомъ изумленія бѣлокурыхъ туземцевъ. Когда жена Эдвина сдѣлалась матерью, Павлинъ объявилъ торжественно королю англо-саксовъ, что онъ для нея испросилъ у Бога милость родить безболѣзненно, но только при томъ условіи, что дитя будетъ крещено именемъ Христа. Въ восторгѣ быть отцомъ, язычникъ дозволилъ все, что̀ желала его жена; что же касается до себя, онъ не хотѣлъ и слышать о предложеніи креститься; однако позволилъ свободно говорить тѣмъ, которые желали обратить его, разсуждалъ съ ними, и иногда ставилъ ихъ въ затруднительное положеніе.

Чтобы склонить его, сколько будетъ возможно, увѣровать въ небесное благо обѣщаніемъ земныхъ благъ, изъ Рима пришло письмо папы Бонифація, посланное на имя *славнаго* Эдвина. „Передаю вамъ, писалъ первосвященникъ, благословеніе вашего покровителя, блаженнаго Петра, князя апостоловъ, а именно, полотняную рубашку, украшенную золотымъ шитьемъ, и плащъ тонкой анконской шерсти“. Этельберга получила также, какъ залогъ благословенія апостола Петра, вызолоченный слоновой кости гребень и серебряное зеркало.

---

[1]) О борьбѣ Августина съ бриттскими епископами см. выше, стр. 66.

[2]) Т.-е. Нортумберланда.

Дары были приняты благосклонно; но они нисколько не поколебали Эдвина, умъ котораго могъ быть только побѣжденъ силою нравственныхъ доводовъ.

Въ жизни этого сакса былъ необыкновенный случай, который, какъ онъ полагалъ, остается въ тайнѣ, никому недоступной; но эта тайна была открыта, вѣроятно, въ интимныхъ бесѣдахъ съ женою. Въ своей юности, и прежде нежели онъ сдѣлался королемъ, ему пришлось разъ подвергнуться большой опасности: захваченный врасплохъ врагами, жаждавшими его смерти, онъ попался въ ихъ руки. Въ темницѣ, гдѣ онъ томился, не надѣясь на пощаду, его разгоряченному воображенію во снѣ явилось неизвѣстное лицо, которое, приближаясь съ строгимъ видомъ, говорило ему: „Что̀ обѣщалъ бы ты тому, кто захотѣлъ бы и могъ бы спасти тебя?“ — „Все, что̀ будетъ когда-нибудь въ моей власти“, отвѣчалъ саксъ.—„Хорошо, возразилъ неизвѣстный; если тотъ, который можетъ спасти, потребуетъ отъ тебя только жить по его совѣтамъ, послѣдуешь ли ты этимъ совѣтамъ?“ Эдвинъ поклялся въ томъ, и видѣніе, протянувъ руку и возложивъ ее на голову плѣнника, сказало: „Когда подобное видѣніе представится тебѣ, вспомни эту минуту и этотъ разговоръ“. Эдвинъ избавился отъ бѣды счастливымъ случаемъ, но воспоминаніе о сновидѣніи осталось напечатлѣннымъ въ его умѣ.

Однажды, когда Эдвинъ былъ одинъ въ своей комнатѣ, вдругъ отворяется дверь и онъ видитъ, что къ нему кто-то подходитъ, не говоря ни слова, такъ же важно, какъ призракъ его сна, и налагаетъ руку на голову. То былъ Павлинъ, которому свыше, по словамъ Бэды (II, 12), было открыто это вѣрное средство для побѣды надъ упорствомъ язычника, и побѣда была совершенная. Саксъ, пораженный изумленіемъ, палъ ницъ на землю, и римлянинъ, сдѣлавшись его повелителемъ, поднялъ его съ добродушіемъ. Эдвинъ обѣщалъ сдѣлаться христіаниномъ; но обѣщалъ за себя одного, говоря, что подданные его сами увидятъ, что̀ должно имъ дѣлать. Павлинъ попросилъ его собрать великій народный совѣтъ, называвшійся на саксонскомъ языкѣ Виттена-Гемотъ (Witena-Ghemote), собраніе старѣйшинъ, которое происходило у германскихъ королей, во всѣхъ важныхъ случаяхъ, и на которомъ присутствовали судьи, богатые владѣтели земель, высшее военное сословіе и жрецы. Король Эдвинъ изложилъ передъ этимъ собраніемъ побудительныя причины, заставившія его перемѣнить религію и, обращаясь къ каждому изъ присутствовавшихъ, спрашивалъ отдѣльныя мнѣнія о новомъ ученіи.

Верховный жрецъ заговорилъ первый: „Мое мнѣніе таково, что наши боги не имѣютъ власти, и вотъ, я думаю, почему ни одинъ человѣкъ изъ всего народа не служилъ имъ съ большей ревностью, чѣмъ я, и несмотря на то, я далеко не самый богатый и не болѣе другихъ награжденъ; наши боги, по моему мнѣнію, не имѣютъ власти“. Затѣмъ поднялся начальникъ войска и говорилъ такъ: „Государь, ты припомнишь, можетъ быть, случай, который иногда происходитъ въ зимніе дни, и когда ты сидишь за столомъ вмѣстѣ со своими начальниками и воинами, когда разведутъ большой огонь, въ комнатѣ сдѣлается тепло, а на дворѣ идетъ дождь, снѣгъ, воетъ вѣ-

теръ. Вдругъ влетаетъ птичка въ одну дверь и, быстро пронесясь по залѣ, исчезаетъ другою дверью: минута этого перелета ея по комнатѣ для нея полна блаженства, она не чувствуетъ ни дождя, ни бури; но эта минута коротка; птичка пролетѣла въ мгновеніе ока и отъ зимы перешла опять въ зиму. Таковою мнѣ представляется жизнь человѣка на землѣ и его минутное поприще сравнительно съ продолженіемъ времени, которое предшествовало его рожденію и послѣдуетъ за его смертію. Это время мрачно и мысль о томъ непріятна для насъ; оно смущаетъ невозможностью знать о немъ; итакъ, если новое ученіе можетъ дать намъ какое-нибудь понятіе объ этомъ времени, то оно заслуживаетъ быть принятымъ нами“ (Бэда, II, 13).

Послѣ того, какъ высказались и другіе начальники, римлянинъ представилъ свое ученіе, и собраніе, подавъ голоса, какъ то дѣлается при утвержденіи народныхъ законовъ, отказалось торжественно отъ религіи древнихъ боговъ. Но когда миссіонеръ предложилъ ниспровергнуть самые истуканы, никто между новыми христіанами не чувствовалъ себя достаточно убѣжденнымъ, чтобы пренебречь наказаніемъ, которое могло послѣдовать за оскверненіемъ древней святыни — никто, исключая верховнаго жреца. Онъ попросилъ у короля вооруженіе и жеребца, чтобы тѣмъ самымъ нарушить законъ своего сословія, запрещавшій жрецамъ военное платье и дозволявшій ѣздить только на кобылѣ. Опоясанный мечемъ и потрясая дротикомъ, онъ понесся къ храму и при всемъ народѣ, который принялъ его за сумасшедшаго, нанесъ ударъ въ стѣны и изображенія. Тогда выстроили деревянный домъ, гдѣ крестился Эдвинъ и съ нимъ множество народу. Павлинъ, пріобрѣтя такимъ образомъ въ дѣйствительности епископство, котораго онъ носилъ одно имя, посѣтилъ страны Деиры и Берникіи, крестя въ водахъ Свале и Глена тѣхъ, которые спѣшили повиноваться повелѣнію собранія своихъ старѣйшинъ (628 г.).

Политическое вліяніе огромнаго королевства Нортумберланда привлекло къ принятію христіанства населеніе Эстъ-Англіи или восточныхъ англовъ, жившихъ на югъ отъ р. Гумбера и на сѣверъ отъ Эссекса. Этотъ народъ былъ уже отчасти просвѣщенъ южными римскими епископами; но христіанство и язычество находились тамъ въ такомъ равновѣсіи, что король Эстъ-Англіи, Редвальдъ, поставилъ два алтаря въ одномъ храмѣ, одинъ Христу, а другой—германскимъ божествамъ, и поклонялся имъ поочередно. Тридцать лѣтъ спустя послѣ распространенія христіанства на берегахъ Гумбера (685 г.), одна женщина обратила короля Мерсіи, страны, простиравшейся тогда отъ Гумбера до Темзы. Древній культъ долѣе всего сохранялся у южныхъ англо-саксовъ: они отказались отъ него только въ самомъ концѣ VII вѣка.

Авг. Тьерри.

Hist. d. conquête de l'Anglet. etc. (10-е изд.); I, 72—78.

Августинъ Тьерри (Augustin Thierry, род. 1795, ум. 1856 г.)—первоклассный французскій историкъ, содѣйствовавшій своими трудами болѣе, чѣмъ кто нибудь другой изъ его современниковъ, тому перевороту, который совершился

въ исторической наукѣ и ея пріемахъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ нашего вѣка. Окончивъ свое воспитаніе въ Ecole Normale (1811), Авг. Тьерри избралъ занятіе наставника, но чтеніе Martyrs Шатобріана указало ему настоящее его призваніе, и онъ оставилъ практическую дѣятельность для ученыхъ трудовъ. Случайное сближеніе съ Сенъ-Симономъ (1814—1817) увлекло его на поприще публициста, и вмѣстѣ съ нимъ онъ издалъ: 1) „De la réorganisation de la société européenne“ (1814), гдѣ предлагались средства соединить всѣ европейскіе народы въ одно цѣлое, безъ ущерба національностямъ; 2) „Sur les mesures à prendre contre la coalition de 1815“; 3) „Des nations et de leurs rapports mutuels“ и мн. др. Разойдясь въ идеяхъ съ Сенъ-Симономъ, Авг. Тьерри присоединился къ редакціи журнала „Courrier français“ (1820), и при этомъ одна полемика по поводу привилегій дворянства навела его на мысль основательно изслѣдовать древній бытъ перваго общества въ Галліи; результатомъ его трудовъ были знаменитыя Dix lettres sur l'histoire de France, которыя произвели переворотъ въ исторической наукѣ новостью выводовъ и ниспроверженіемъ старыхъ теорій. Вслѣдъ затѣмъ явилось и другое произведеніе Авг. Тьерри: „Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands“, т.-е. Исторія завоеванія Англіи норманнами (первое изданіе 1825 г. въ 3-хъ т., послѣдующія въ 4-хъ). Но труды Авг. Тьерри стоили ему зрѣнія, и съ того времени онъ писалъ чрезъ своихъ секретарей. Въ 1834 г. онъ издалъ собраніе своихъ отдѣльныхъ статей подъ заглавіемъ: „Dix ans d'études historiques“, съ превосходнымъ введеніемъ. Наконецъ, вь 1840 г., Авг. Тьерри окончилъ свое самое капитальное произведеніе: „Récits des temps mérovingiens précèdés des considérations sur l'histoire de France“ (2 vols; въ 1848 г. былъ изданъ русскій переводъ редакціею „Отеч. Записокъ“: „Разсказы о временахъ меровингскихъ“). Въ то же время, по предложенію министра народн. просвѣщ. Гизо, онъ занимался собраніемъ памятниковъ средняго сословія, результатомъ чего было 4 тома „Recueil des monuments inédits de l'histoire du tiérs-états“. 1846—56. Подъ вліяніемъ этого труда, Авг. Тьерри написалъ свое послѣдніе сочиненіе: „Essai sur l'histoire de la formation et des progrès du tiérs-état“. Par. 1853.

ГАЛЛІЯ.

Историческій очеркъ страны.

Галлія Транзальпинская — обширная страна, заключенная между Альпами, небольшою линіею Средиземнаго моря, Пиренеями, берегами океана и Сѣвернаго моря до устьевъ Рейна, и, наконецъ, теченіемъ самого Рейна, выходящаго изъ Альпъ — была населена съ глубочайшей древности колѣнами кельтическаго племени, родственнаго населенію Британіи и древней Иберіи, и до римскаго завоеванія представляла большое развитіе національной цивилизаціи, поддерживаемое сношеніями съ образованною Греціею чрезъ Массилію (Марсель). Римляне застали галловъ уже въ эпоху паденія ея древней образованности, но, несмотря на близкое сосѣдство съ Галліею, они покорили ее [1]) позже Испаніи и только единовременно съ Британіею, за какихъ-нибудь 50 лѣтъ до Р. Х., когда Юлій-Цезарь въ нѣсколько походовъ овладѣлъ всею страною до самаго Рейна. Съ того времени Галлія оставалась пять вѣковъ провинціею р. имперіи, управляемою намѣстниками императоровъ. При такомъ продолжительномъ господствѣ, римская цивилизація укоренилась въ Галліи болѣе глубоко, чѣмъ гдѣ-нибудь, и даже въ эпоху паденія древняго міра Галлія не только посылала въ Римъ своихъ императоровъ, но и лучшіе латинскіе поэты, писатели, ученые, выходили изъ Галліи. Зато въ эпоху паденія имперіи Галлія, какъ наиболѣе романизированная, и, съ другой стороны, ближайшая къ зарейнскимъ варварамъ, пострадала болѣе, нежели какая-нибудь другая изъ римскихъ провинцій; но вслѣдствіе того ни одна страна въ Европѣ не получила на болѣе сжатомъ пространствѣ болѣе разнообразнаго населенія и, слѣдовательно, большей смѣси начатковъ цивилизаціи. Въ V столѣтіи къ древнимъ туземцамъ, галламъ, и слившимся съ ними римлянамъ присоединились германскіе всельники и притомъ самыхъ разнообразныхъ

---

[1]) За исключеніемъ береговой ея части на Средиземномъ морѣ, покоренной римлянами еще въ 122 г. и названной *Provincia*, т.-е. *покоренная* земля, откуда произошло позднѣйшее нарицательное имя частей административнаго дѣленія, *провинцій*, и собственное имя той страны, выговариваемое нынѣ *Provence*, Провансъ. Помпей, современникъ Ю. Цезаря, распространилъ оттуда завоеванія римлянъ далѣе на западъ, до теченія Гаронны.

племенъ и нравовъ: свевы, аланы, бургунды, вестготы, франки овладѣли всею Галліею; кромѣ того съ запада появились бритты изъ Британіи, тѣснимые у себя то пиктами и скоттами, то англосаксами, и утвердились на западныхъ полуостровахъ Арморики, названной съ того времени, по ихъ имени, Бретанью.

Послѣ паденія з. р. имперіи, когда будущее въ исторіи з. Европы, очевидно, досталось въ руки католичества, въ Галліи католичество утвердилось прежде и глубже, чѣмъ гдѣ-нибудь, потому будущее въ исторіи съ того времени должно было принадлежать Галліи, и именно тому изъ ея племенъ, которое было избрано католичествомъ, какъ орудіе для достиженія своихъ политическо-религіозныхъ цѣлей. Это были меровингскіе франки. Они, отнявъ у имперіи сѣверную часть Галліи, въ правленіе знаменитаго Клодовея и его дѣтей (конецъ V-го и первая половина VI вѣка), не только подчинили своему вліянію значительную часть независимой Германіи, страну турингові, алемановъ, байоваровъ (остались непокоренными одни фризы и саксы), но, при помощи католическаго духовенства, послѣ крещенія Клодовея, завоевали Бургундію, изгнали вестготовъ въ Испанію, такъ что королевство франковъ простиралось почти отъ Пиренеевъ до Рейна и отъ Альпъ до океана и Сѣвернаго моря.

Такова была первая взаимная услуга, которую оказали другъ другу франки и римское католичество. Но вскорѣ имъ представились еще бо̀льшія взаимныя потребности, и франки, вслѣдствіе того, перешли отъ первой роли въ Галліи къ первой роли почти на всемъ пространствѣ древней з. р. имперіи, въ отношеніи которой они явились возстановителями и вмѣстѣ орудіемъ честолюбивой политики римскихъ папъ. Папы воспользовались потерею авторитета королей франкскихъ изъ дома Меровинговъ, утратившихъ доблести дружиннаго предводителя и усвоившихъ изъ римской цивилизаціи все, что̀ могло содѣйствовать ихъ нравственному растлѣнію. Между тѣмъ, сосѣдство языческихъ фризовъ и саксовъ на сѣверѣ въ VII вѣкѣ, и мусульманскихъ мавровъ съ юга въ VII вѣкѣ требовало отъ короля качествъ болѣе германскаго дружинника, нежели римскаго патриція. Меровинги же, посвящая свои досуги латинскимъ стихамъ и другимъ литературнымъ упражненіямъ и запертые въ своихъ палатахъ, какъ восточные повелители, передали трудовую часть въ руки министровъ своего двора, называемыхъ потому дворцовыми мэрами или майордомами (Major-domus). Эти послѣдніе вели войну, предводительствовали войскомъ, и потому въ глазахъ франка были скорѣе королями, нежели Меровинги; въ концѣ VII вѣка майордомы дѣлаются сами наслѣдственными, какъ короли, въ родѣ, изъ котораго долженъ будетъ выйти Карлъ Великій (по имени его они всѣ названы Карловингами). Эти наслѣдственные майордомы, въ первой половинѣ VIII вѣка, въ лицѣ Карла-Мартелла и его сына, Пипина-Короткаго, оказываютъ величайшія услуги и королевству, и церкви счастливыми войнами съ фризами и саксами на сѣверѣ, и окончательнымъ пораженіемъ на югѣ мавровъ, дошедшихъ уже до Луары. Такъ какъ самая прочная власть есть та, въ которой нуждается общество и которая оказываетъ ему услуги, то при Пипинѣ майордомъ былъ настоящимъ королемъ фран-

ковъ. Но въ то же время поэтическая сторона общественнаго духа, несмотря на всѣ услуги новой династіи, требуетъ выполненія извѣстныхъ формальностей для того, чтобы признать власть законною. Презирая Меровинговъ, тогдашнее общество не могло освободиться отъ уваженія къ тому освященію, которое давало католичество этимъ старымъ, но ослабѣвшимъ и потому безполезнымъ для него друзьямъ. Однимъ словомъ, Пипинъ нуждался для послѣдняго шага въ благословеніи римскаго папы, который, какъ мы видѣли (см. Историч. очеркъ Италіи), точно такъ же нуждался въ Пипинѣ для освобожденія себя отъ ига лонгобардовъ. Такимъ-то образомъ въ 752 г. съ согласія папы былъ удаленъ въ монастырь послѣдній Меровингъ, а Пипинъ помазанъ на престолъ. Сынъ его, Карлъ-Великій, оказалъ папамъ еще бо̀льшую услугу окончательнымъ завоеваніемъ лонгобардскаго королевства, и былъ потому провозглашенъ римскимъ императоромъ; такъ, въ 800 г. была возстановлена древняя имперія, правда, по одному своему титулу, а на дѣлѣ, въ формѣ новой имперіи была довершена политика папъ созданіемъ политическаго единства западной Европы, во главѣ которой долженъ стоять папа, императоръ же служитъ его рукою тамъ, гдѣ потребуется матеріальная сила. Слѣдующему періоду предстояло или развить точнѣе эту новую теорію, осуществленіемъ которой завершалась историческая работа первыхъ трехъ столѣтій средневѣковой исторіи, или поколебать ее, если папа увидитъ, что избранное имъ орудіе обращается въ опаснаго соперника, на помощь которому явятся и національныя стремленія къ независимости, сдавленныя новою теоріею католическаго единства. Послѣднее могло случиться легче, и оно дѣйствительно случилось.

Вотъ тотъ хронологическій порядокъ, въ которомъ слѣдовали важнѣйшія событія въ исторіи Галліи отъ паденія древняго міра до возстановленія з. р. имперіи.

Въ самомъ началѣ V вѣка, въ правленіе императора Гонорія, въ Галліи произошло событіе, безпрестанно повторявшееся въ провинціяхъ, но на этотъ разъ оно рѣшило навсегда судьбу этой страны. Римскіе легіоны, квартировавшіе въ Британіи, провозгласили (408 г). своего императора Константина, а вскорѣ затѣмъ прирейнскіе легіоны въ Майнцѣ избрали другого императора, Іовина. Константинъ явился въ Галлію и овладѣлъ южными ея частями въ то время, когда Іовинъ господствовалъ на сѣверѣ; между тѣмъ, въ Италіи стояли вестготы, приведенные туда Аларикомъ и управляемые его преемникомъ Атаульфомъ. Гонорій предложилъ послѣднему очистить Бельгію отъ претендентовъ, но вестготы за эту услугу удержали (412 г.) часть Галліи на югъ отъ Луары и основали тамъ вестготское королевство; Атаульфъ сверхъ того получилъ руку сестры императора Плацидіи. Незадолго передъ тѣмъ (406—8 г.) южная Галлія была опустошена свевами, аланами и вандалами, и римляне могли только вытѣснить ихъ за Пиренеи, а слѣдовательно, вмѣсто Галліи потерять Испанію. Атаульфъ, въ качествѣ представителя римскихъ интересовъ, вступаетъ въ борьбу съ завоевателями Испаніи: вандалы сами удаляются въ Африку, а свевы и аланы, оттѣсненные къ горамъ Астуріи и Галисіи, шагъ за шагомъ уступаютъ полуостровъ вестготамъ.

Найдя такъ удачно защитниковъ себѣ въ готахъ, Гонорій слѣдуетъ системѣ противопоставлять однихъ варваровъ другимъ, и въ 413 г. поселяетъ бургундовъ въ нынѣшнемъ Эльзасѣ, подъ условіемъ признанія власти надъ собою. Такимъ образомъ, по смерти Гонорія (423 г.), въ рукахъ римскаго намѣстника Галліи, Аэція, при Валентиніанѣ III (425—455 г.) оставалась одна сѣверная ея часть между Луарою и Рейномъ, но и ей угрожали постоянно жившіе за Рейномъ франки салическіе и рипуарскіе (т.-е. по берегамъ Салы—н. Иссель, въ Голландіи и ad *ripas*, т.-е. по берегамъ Рейна). Въ 437 г. предводитель дружины салическихъ франковъ, изъ фамиліи Меровинговъ, *Клодіонъ*, овладѣваетъ сѣверною частью Галліи, между рѣками Соммою и Рейномъ. Такимъ образомъ, въ половинѣ V вѣка Галлія представляла въ своихъ предѣлахъ три варварскихъ королевства: 1) *франкское*, между Рейномъ и Соммою, гдѣ правилъ тогда преемникъ Клодіона, *Меровей* (или Меровигъ, 447 — 456), давшій, какъ полагаютъ, имя всей послѣдующей фамиліи Меровинговъ; 2) *бургундское*, между верховьями Сены и Луары и теченіемъ Рейна, гдѣ правили *Гундіакъ* и *Гильперикъ* (443 — 470), преемники перваго бургундскаго короля Гундикара, и 3) *вестготское*, на югъ отъ Луары и далѣе за Пиренеи, включая область Террагону (provincia Tarraconensis), съ столицею Тулузою, гдѣ правилъ въ то время *Теодорикъ I*, третій преемникъ Атаульфа (см. Историч. очеркѣ Испаніи). Сверхъ того, западный полуостровъ Арморика былъ занятъ бриттами и не зависѣлъ отъ Рима, сохраняя связь съ родиною, и управлялся *Авреліемъ-Амвросіемъ*, а потомъ его сыномъ *Артуромъ*. Между всѣми этими владѣніями, въ центрѣ ихъ, отъ Луары до Соммы, сохранился остатокъ римской провинціи, отрѣзанной отъ своей метрополіи и управляемой намѣстникомъ Валентіана III, Аэціемъ. Въ такомъ положеніи застали Галлію гунны, когда они вторглись туда подъ предводительствомъ Аттилы (450 г.). Франки и бургунды не смѣли оказать сопротивленія; римская Галлія была вся опустошена до Орлеана: только соединенныя силы Аэція и Теодорика I, вестготскаго короля, остановили Аттилу и опрокинули его назадъ къ Шалону, гдѣ въ каталаунской битвѣ онъ былъ разбитъ и вслѣдствіе того очистилъ Галлію. Но это была побѣда не римскаго правительства, а вестготовъ и честолюбиваго намѣстника Аэція, начавшаго съ того времени стремиться къ независимости. Хотя Валентиніанъ III осудилъ Аэція на смерть (454 г.), но на слѣдующій годъ умеръ самъ; послѣ него продолжались 20 лѣтъ (455—476 г.) смутныя времена имперіи, когда еще менѣе было возможно удержать Галлію въ рукахъ Рима. Новый намѣстникъ Эгидій и его преемникъ Сіагрій правили римскою частью Галліи такъ же самостоятельно, какъ и варварскіе короли; бургунды даютъ Риму императора въ галлѣ Авитѣ, и овладѣваютъ частью Гельвеціи и Прованса. Въ то же время сынъ Меровея *Гильдерикъ* (456—481 г.), отнимаетъ у Эгидія Парижъ и доходитъ въ своихъ набѣгахъ до Луары, а его сынъ *Клодовей* (Clovis, Clodowech, откуда позднѣйшая форма: Лудовикъ, отъ 481 до 511 г.), поражаетъ преемника Эгидія, Сіагрія, при Суассонѣ (486 г.) и овладѣваетъ римскою частью Галліи до Луары, раздѣляя, впрочемъ, власть съ своими родственниками, какъ, наприм.,

Рагнаромъ, въ Камбре, Гарарикомъ, Сигбертомъ, королемъ рипуарскихъ франковъ, и друг.

Правленіе Клодовея было временемъ огромнаго переворота въ Галліи; смотря на себя, какъ на представителя римской имперіи, потому что онъ смѣнилъ Сіагрія и получилъ отъ восточныхъ императоровъ титулъ консула и тогу, Клодовей считаетъ своею обязанностью защищать римскіе предѣлы отъ варваровъ и правомъ требовать признанія своей власти во всей Галліи. Такъ, въ 496 г. онъ разбилъ на голову турингговъ и алеманновъ и принялъ крещеніе отъ католическаго епископа. Это обстоятельство облегчило ему покореніе вестготской Галліи; въ 506 г., при Вугле, палъ въ битвѣ Аларикъ II, и вся южная Галлія, кромѣ Нарбоны и Прованса, досталась въ руки Клодовея. Правители Бретани также признали его власть, а умерщвленіе всѣхъ родственниковъ сосредоточило и всѣхъ франковъ въ рукахъ одного Клодовея. Внутренніе раздоры въ Бургундіи, гдѣ, по смерти Гундіака и Гильперика, ихъ преемники раздѣлили королевство между собою (*Гундобальдъ*, 470 — 516 г., правилъ въ Ліонѣ, а *Годегизилъ*—въ Женевѣ), дали возможность Клодовею вмѣшаться въ дѣла Бургундіи, завоеваніе которой онъ подготовилъ такимъ образомъ своимъ преемникамъ.

По смерти Клодовея, его обширная монархія въ теченіе VI вѣка два раза, въ 511 г. и въ 562 г., была раздѣляема между членами фамиліи Меровинговъ, и каждый разъ такой раздѣлъ сопровождался кровавыми междоусобицами (особенно раздѣленіе 562 г., продолжавшееся непрерывно до начала VII вѣка, а именно, до 613 года), во время которыхъ древняя династія утратила свой авторитетъ и начала склоняться къ паденію.

Первый раздѣлъ монархіи Клодовея. 511—562 г.—Клодовей, умирая въ 511 г., раздѣлилъ свои владѣнія между дѣтьми слѣдующимъ образомъ:

I. Кор. Парижъ.	II. Кор. Орлеанъ.	III. Кор. Суассонъ	IV. Кор. Метцъ.
Гильдебертъ I. (511—558).	**Клодомиръ.** (511--524).	**Лотарь.** (511—562).	**Теодорикъ I.** (511—534).
			Теодебертъ I. (534—547).
			Теодебальдъ. I. (548—553).

558. **Лотарь I.**, король Суассона, по смерти своихъ братьевъ и ихъ потомства, соединяетъ на короткое время всю монархію Клодовея въ одно цѣлое.

Эпоха перваго раздѣла ознаменовалась, какъ внѣшними общими предпріятіями братьевъ противъ Бургундіи, такъ и внутренними междоусобицами. Гильдебертъ и Лотарь, воспользовавшись смертью Клодомира Орлеанскаго, умертвили его дѣтей и раздѣлили между собою владѣнія, давъ часть и Теодорику I (533 г.). Такимъ образомъ королевство Парижское простиралось отъ Амьеня, чрезъ Бретань, Пуату и почти до Пиренеевъ; королевство Суассонское — отъ Суассона и Амьеня далѣе на сѣверъ до Рейна, занимало западную страну, почему и называлось также *Нейстрія* (Neustria, т.-е. невосточная земля); наконецъ, королевство Метцское обнимало собою берегъ Рейна до Мозеля на югѣ, и отъ Кельна на востокъ до послѣднихъ предѣловъ Турингіи; сверхъ того, ему принадлежала на югѣ Овернь; по своему восточному положенію оно называлось *Австріею* или Австразіею (Austrasia, т.-е. восточная земля). На слѣдующій годъ по раздѣленіи Орлеанскаго королевства, два брата, Гильдебертъ и Лотарь, постоянно побуждаемые своею матерью Клотильдою, принцессою бургундской, успѣли окончить завоеваніе бургундскаго королевства (534 г.) и раздѣлили его между собою. Такимъ образомъ, франки приблизились къ границамъ Италіи и не могли не принять участія въ открывшейся тогда борьбѣ между Византіею и остготами. За уступку Прованса, франки помогали остготамъ, но не успѣли сдѣлать дальнѣйшихъ завоеваній въ Италіи. Вслѣдствіе того, братья соединились противъ вестготовъ, но и тамъ были не болѣе счастливы. Бездѣтная смерть Гильдеберта и Теодебальда соединяетъ монархію Клодовея въ рукахъ Лотаря I отъ 558—562 г., но и это короткое время онъ провелъ въ войнѣ съ однимъ изъ своихъ сыновей. По смерти его, въ 562 г., произошелъ второй раздѣлъ.

Второй раздѣлъ монархіи Клодовея. 562—613.—За основаніе вторичнаго дѣленія были приняты границы перваго раздѣла:

I. Кор. Парижъ.	II. Кор. Бургундія.
Гарибертъ I. (562—567).	**Гунтрамъ I.** (562—592).
Берта (ж. Этельб. кор. Кента).	

III. Кор. Нейстрія.	IV. Кор. Австразія.
Гильперикъ I. (562—584).	**Сигбертъ I.** (562—574).
1 ж. Гальзуинта. 2 ж. Фредегунда.	ж. Брунегильда.

Скоро послѣдовавшая смерть Гариберта, въ 567 г., произвела ту перемѣну, что остальные три брата раздѣлили королевство парижское на три части между собою. Но съ этого самаго года начинаются величайшіе раздоры между Гильперикомъ I и Сигбертомъ I, виновницами которыхъ были ихъ жены, Фредегунда и Брунегильда.

Сигбертъ былъ женатъ на дочери вестготскаго короля Атанагильда, Брунегильдѣ, а сестра ея, Гальзуинта, вышла за его брата Гильперика и въ 567 г. погибла по проискамъ его наложницы, Фредегунды, сдѣлавшейся съ того времени его женою. Родовая месть и споры за границы владѣній, поддерживаемые интригами женъ, произвели войну между братьями. По проискамъ Фредегунды, Сигбертъ былъ умерщвленъ въ своемъ лагерѣ (574 г.), Брунегильда попалась въ плѣнъ, но при помощи увлеченнаго ея красотою Меровея, сына Гильперика, спаслась въ Метцъ, и захватила власть въ свои руки отъ имени малолѣтняго сына *Гильдеберта II* (574 — 596), котораго усыновилъ себѣ Гунтрамъ Бургундскій, не принимавшій до того времени участія въ междоусобіи братьевъ. Вторая эпоха войны Фредегунды съ Брунегильдой окончилась умерщвленіемъ самого Гильперика I (584 г.), и Фредегунда сдѣлалась правительницею Нейстріи за малолѣтствомъ своего сына *Лотаря II* (584—628). Третья эпоха войны заключилась смертью Брунегильды; еще въ самомъ началѣ этой эпохи умерла Фредегунда, но ея сынъ Лотарь II продолжалъ войну съ соперницею своей матери, и велъ ее сначала весьма несчастно: вслѣдствіе завѣщанія Гунтрама, послѣ его смерти, Бургундія присоединилась къ Австразіи, и Брунегильда управляла ими отъ имени своихъ сыновей, Гильдеберта II и Теодеберта. Но смерть ихъ обоихъ и малолѣтство оставленныхъ ими внуковъ Брунегильды дали перевѣсъ Лотарю II: Брунегильда попалась въ плѣнъ и была казнена мучительною смертью; а Лотарь II соединилъ всю монархію Клодовея въ одно цѣлое (613 г.).

Возвышеніе палатныхъ мэровъ и Карловинги: 613—768.—По смерти Лотаря II (628 г.), Меровинги мало-по-малу теряютъ всякое значеніе и, удалившись отъ дѣлъ государственныхъ, заслуживаютъ названіе „лѣнивыхъ королей“ (les rois fainèants). Дѣйствительная власть переходитъ съ того времени въ руки *майордомовъ*, воспользовавшихся междоусобіями эпохи раздѣловъ; изъ простого управленія королевскими доменами и предводительства войскомъ они придали себѣ политическій характеръ, а Лотарь II сдѣлалъ власть майордома наслѣдственною и возобновилъ только-что прекращенное имъ раздѣленіе государства. Въ 622 г. онъ отдалъ старшему сыну *Дагоберту I* (622—638) весь сѣверъ Галліи отъ р. Луары, т.-е. Нейстрію, Австразію и Бургундію, а второй сынъ *Гарибертъ* получилъ южную Галлію отъ р. Луары, т.-е. Аквитанію; это раздѣленіе соотвѣтствовало и различію народностей по языку: произношеніе утвердительной частицы *да*, на югѣ *ос*, и на сѣверѣ *oil* (откуда новѣйшее *oui*) дало и особенное названіе этимъ двумъ новымъ частямъ меровингской монархіи: *Langue d'oc* и *Langue d'oil*. Малолѣтство Дагоберта, открывшаго собою длинный рядъ лѣнивыхъ королей, побудило Лотаря вручить верховную власть двумъ майордомамъ, родственнымъ между собою и принадлежавшимъ къ двумъ главнымъ расамъ Галліи. Одинъ изъ нихъ, *Пипинъ-Ланденскій* (изъ Ландена, около Люттиха), былъ родомъ франкъ ипроисходилъ изъ богатой фамиліи германскаго племени, нажившейся въ эпоху завоеванія. Другой, *св. Арнульфъ*, епископъ г. Метца, былъ родомъ галло-римлянинъ, слѣдов. изъ завоеванной расы, и принадле-

жалъ къ древней фамиліи *Тонанція-Ферреола*. Его сынъ, *Пипинъ-Геристальскій*, былъ женатъ на дочери Пипина-Ланденскаго, Бегги.

Несмотря на сліяніе королевства въ лицѣ Лотаря и его потомства, каждая изъ прежнихъ частей раздѣла продолжала имѣть своего майордома, и потому въ VII стол. распри королей смѣнились распрями майордомовъ. Ни Пипинъ-Ланденскій, ни его сынъ *Гримоальдъ* (638 — 656) не успѣли сосредоточить въ своихъ рукахъ власть, и только *Пипинъ-Геристальскій* (673 — 714), разбивъ другихъ майордомовъ при Тестри (687 г.), былъ избранъ не только майордомомъ во всѣхъ трехъ частяхъ, но и принялъ титулъ *герцога и князя франковъ* (dux et princeps Francorum). Хотя послѣ его смерти возникли несогласія между его вдовою Плектрудою, поддерживавшей права своего сына Теодебальда противъ пасынка Карла Мартелла, но Карлъ Мартеллъ разбилъ приверженцевъ своего противника и соединилъ всѣ три части въ своихъ рукахъ, оставивъ попрежнему титулъ короля одному изъ послѣднихъ Меровинговъ, Теодорику IV (720 — 737) [1]).

Карлъ-Мартеллъ (714 — 741) своимъ личнымъ характеромъ и совершенными имъ подвигами въ борьбѣ съ независимою Германіею и арабами нанесъ окончательный ударъ Меровингамъ, и даже по смерти Теодорика IV могъ управлять государствомъ, не возводя никого болѣе на престолъ. Успѣхи его оружія противъ фризовъ и саксовъ были укрѣплены распространеніемъ христіанства въ Германіи проповѣдью Бонифація. Въ 732 г. Карлъ Мартеллъ одержалъ побѣду при Пуатье надъ маврами и воспользовался тѣмъ для подчиненія себѣ герцога Аквитаніи Одо (Eudes), изъ младшей линіи Меровинговъ. Приглашеніе папы Захарія защитить его противъ лонгобардовъ могло бы открыть Карлу-Мартеллу дорогу въ Италію. Передъ смертью, Карлъ-Мартеллъ, подобно древнимъ Меровингамъ, раздѣлилъ свои владѣнія между сыновьями: *Пипинъ-Короткій* получилъ Нейстрію и Бургундію, *Карломанъ*—Австразію и прилежавшія къ ней Алеманнію и Турингію, и *Грифонъ* — отдѣльныя небольшія владѣнія. Но Карломанъ скоро (747 г.) оставилъ свѣтъ и удалился въ монастырь на Монте-Кассино въ Италіи, а Грифонъ былъ принужденъ силою отказаться отъ своихъ притязаній, и такимъ образомъ Пипинъ-Короткій возстановилъ единство владѣній своей фамиліи.

Пипинъ-Короткій (741 — 768; съ 752 г. король) докончилъ дѣло, начатое отцомъ; покоривъ Фризію, усмиривъ давно уже подвластныхъ герцоговъ баварскихъ и аквитанскихъ, завоевавъ у мавровъ Нарбону,

---

[1]) Вотъ рядъ лѣнивыхъ королей, правившихъ въ Галліи отъ смерти Лотаря II до Теодорика IV, при первыхъ карловингскихъ майордомахъ: *Дагобертъ I*, 622 — 638; *Клодовей II* и *Сигбертъ III*, 538—656; *Дагобертъ II*, 656—668; *Лотарь III*, и *Гильдерикъ II*; *Теодорикъ III*, 673—691; *Клодовей III*, 691—695; *Гильдебертъ III*, 695 — 711; *Дагобертъ III*, 711 — 715; *Теодорикъ IV*, 720 — 737. Сверхъ того, въ Аквитаніи правила младшая линія Меровинговъ въ лицѣ второго сына Лотаря II Гариберта, съ титуломъ герцоговъ; она пережила старшую линію, свергнутую Карловингами.

РОДОСЛОВНАЯ

КАРЛОВИНГОВЪ.

ГЕРМАНСКАЯ ЛИНІЯ.

Пипинъ Ланденскій.

ГАЛЛО-РИМСКАЯ.

Св. Арнульфъ, еписк. г. Метца.

Гримоальдъ.

Гильдебертъ.

Бегга ж. Анзегизъ.

Пипинъ Геристальскій.

1 ж. Плектруда.—2 ж. Альпая.

1. Гримоальдъ. 2. Карлъ-Мартеллъ. 2. Гильдебрандъ.

Карломанъ. Пипинъ Короткій. Грифонъ.

Карломанъ. Карлъ Великій.

род. 742 г., ум. 28 янв. 814 г.

онъ, съ разрѣшенія папы, свергнулъ съ престола возведеннаго имъ же *Гилдерика, III* (742 — 752), послѣдняго Меровинга, и былъ помазанъ Бонифаціемъ на царство. Просьба папы Стефана II защитить его отъ лонгобардовъ заставила Пипина два раза являться въ Италію, гдѣ онъ вручилъ папѣ отнятыя изъ земли лонгобардовъ. Предъ смертью (768 г.), Пипинъ раздѣлилъ свои владѣнія между сыновьями: *Карломанъ* получилъ Нейстрію и Бургундію, а *Карлъ-Великій*—Австразію; Аквитанія была раздѣлена между обоими братьями. Но такъ какъ вскорѣ Карломанъ умеръ, то Карлъ Великій снова возстановилъ единство владѣній своего дома (711 г.) Его время составляетъ само по себѣ отдѣльную эпоху въ исторіи цѣлой западной Европы и служитъ чертою, лежащею между двумя первыми періодами исторіи среднихъ вѣковъ.

Исторіографія Галліи, при томъ ходѣ историческихъ событій, которыя совершались въ ней, послѣ того, какъ римское завоеваніе было смѣнено варварскимъ, не могла быть представительницею сознанія народныхъ массъ. Онѣ были подавлены еще болѣе вторичнымъ завоеваніемъ, и, вмѣстѣ съ властью, исторія досталась въ руки побѣдителей. Но варвары не могли воспользоваться сами своимъ положеніемъ, а потому исторіею овладѣлъ вѣрный союзникъ побѣдителей, католическое духовенство, вооруженное всѣми средствами классической образованности. Такимъ образомъ, и въ Галліи, въ этотъ періодъ, была возможна одна, такъ сказать, *ученая* форма, историческаго изложенія, т.-е. форма искусственная, не имѣвшая корней въ историческомъ сознаніи общества, чуждая ему даже по своему искусственному языку, а именно латинскому, и состоявшая въ простой компиляціи. Таковы были безчисленныя хроники, веденныя въ ту эпоху при монастыряхъ, служившихъ убѣжищами человѣческой мысли среди всеобщаго разгрома. Изъ такихъ хроникъ особенно замѣчательны по своей полнотѣ: Gesta Francorum, написанныя въ С.-Дени, Annales Laubacenses, San-Gallenses, Bertiniani, Metenses, Fuldenses и мн. др. Всѣ онѣ нынѣ изданы въ лучшихъ сборникахъ средневѣковой исторической литературы (см. о такихъ сборникахъ выше, въ прежнемъ предисловіи къ первому тому). Но среди этого множества безжизненныхъ и сухихъ лѣтописей выдается впередъ „Церковная исторія франковъ", въ X книгахъ, *Григорія Турскаго*, епископа, жившаго въ концѣ VI вѣка (см. о его жизни и сочиненіяхъ, примѣчаніе къ ст. 74). Его лѣтопись была продолжена *Фредегаріемъ*, бургундскимъ уроженцемъ, въ его Chronicon (IV и V книга), отъ 584 г. до 641 г., а за нимъ еще 4 лица, имена которыхъ неизвѣстны, продолжили трудъ Григорія до 768 г. Эпоха Меровинговъ и ихъ майордомовъ имѣла для себя спеціальнаго историка въ современникѣ Карла-Мартелла, *Эрхембертѣ*, но его трудъ дошелъ до насъ только въ отрывкахъ.

Древнѣйшая судьба независимой Галліи, еще до римскаго завоеванія и въ первое его время, имѣетъ для себя письменныя свидѣтельства, оставленныя одними завоевателями, изъ которыхъ главное мѣсто принадлежитъ *Юлію Цезарю* и *Страбону* (см. о нихъ ниже, въ примѣчаніяхъ къ ст. 69 и 70). Для послѣдняго же времени галло-римской эпохи, въ моментъ варварскаго завоеванія страны, самыя

живыя и подробныя извѣстія сообщаются *Сидоніемъ Аполлинаріемъ* (см. выше, примѣчаніе къ ст. 10).

Изъ новѣйшихъ общихъ сочиненій первое мѣсто принадлежитъ тремъ современнымъ нашей эпохи писателямъ: 1) *Sismondi*, Histoire des Français (всего 25 томовъ; Paris, 1824—41 г.; доходитъ до конца XVII стол.); 2) *Michelet*, Histoire de France; и 3) *Martin*, Histoire de France (16 том. до смерти Лудовика XIV; Par. 1833 — 55; въ 60-хъ годахъ авторъ совершенно переработалъ по новымъ открытіямъ первые томы, относящіеся къ древнѣйшимъ временамъ Галліи, и потому послѣднее изданіе заключаетъ въ себѣ лучшее изъ всего, что было сказано до тѣхъ поръ о гальскихъ древностяхъ). Изъ болѣе спеціальныхъ изслѣдованій о первомъ періодѣ средневѣковой Галліи особенно замѣчательны: 1) *Fauriel*, Histoire de la Gaule meridionale sous les conquérants germains, въ 4 томахъ (Par. 1836 г.); 2) *Aug. Thierry*, Lettres sur l'histoire de France (см. ниже, примѣчаніе къ ст. 71), и Récits des temps merovingiens (Par. 1840; и 3) *Am. Thierry*, Histoire des Gaulois (въ 3 т.). Par. 1828; съ ея продолженіемъ: Histoire de la Gaule sous l'administration romaine, и послѣднія его изслѣдованія объ Аттилѣ (см. выше, стр. 236).

---

69. — Первыя понятія древнихъ объ этнографіи и цивилизаціи галловъ.

(50 до Р. Х.).

Вся Галлія раздѣляется на три части, изъ которыхъ одну населяютъ *белги*, другую *аквитаны*, третья же населена народомъ, который на своемъ языкѣ называется *кельтами*, а мы называемъ ихъ *галлами*. Они отличаются другъ отъ друга языкомъ, постановленіями и законами. Рѣка Гаронна отдѣляетъ галловъ отъ аквитановъ, а отъ белговъ они отдѣлены р. Марною и Сеною. Между ними белги самые могущественные, потому что они живутъ далеко отъ образованной и просвѣщенной страны Прованса, и купцы не заходятъ къ нимъ часто и не ввозятъ ничего, что могло бы содѣйствовать изнѣженности; наконецъ, они ближайшіе сосѣди германцевъ, живущихъ за Рейномъ, и ведутъ съ ними безпрерывную войну. По этой же причинѣ и *гельветы* превосходятъ доблестью прочихъ галловъ: они борятся почти ежедневно съ германцами, или отражая ихъ отъ своихъ границъ, или сами вторгаясь въ ихъ предѣлы. Одна часть, населенная, какъ было сказано, галлами, начинается у рѣки Роны и граничитъ Гаронною, океаномъ и предѣлами Белгіи; она достигаетъ даже до Рейна, начинаясь отъ Сены и земли гельветовъ, и обращена на сѣверъ. Белги идутъ отъ послѣднихъ границъ Галліи, примыкаютъ къ

нижнимъ частямъ теченія Рейна и обращены къ сѣверу и востоку. Аквитанія касается рѣки Гаронны, близъ Пиренеевъ и той части океана, которая омываетъ Испанію; она обращена къ сѣверо-западу.

У гельветовъ самымъ родовитымъ (nobilissimus) и богатымъ считался *Оргеториксъ*. Въ консульство М. Мессалы и М. Пизона (61 г. до Р. Х.) онъ, побуждаемый жаждою господства, образовалъ союзъ (conjurationem) изъ высшаго сословія и убѣдилъ общину (civitas) выступить изъ своихъ предѣловъ со всѣмъ имуществомъ: нѣтъ ничего легче, говорилъ онъ, овладѣть всею Галліею тѣмъ, которые превосходятъ всѣхъ доблестью. И въ этомъ онъ убѣдилъ ихъ тѣмъ легче, что гельветы со всѣхъ сторонъ были защищены естественными предѣлами: съ одной стороны ихъ прикрывала широкая и глубокая рѣка Рейнъ, отдѣляющая поля гельветовъ отъ германцевъ; съ другой стороны поднимается высочайшая гора Юра, между секванами и гельветами; съ третьей — озеро Леманъ и рѣка Рона, отдѣляющая нашъ Провансъ (Provinciam nostram) отъ гельветовъ. Вслѣдствіе такого географическаго положенія, гельветы не могли ни широко распространяться, ни наносить легко войну своимъ сосѣдямъ, и потому люди, жаждавшіе войны, тяжко сокрушались. Они считали свои предѣлы слишкомъ тѣсными и по обширности своего населенія, и по своей военной славѣ и доблести: ихъ страна простиралась въ длину на 240 тысячъ шаговъ и въ ширину на 153 тысячи [1]).

Дойдя до такихъ убѣжденій, они постановили, подъ вліяніемъ власти Оргеторикса, изготовить все необходимое для похода, закупить возможно большее число вьючнаго скота и повозокъ, запастись наибольшимъ количествомъ хлѣба, чтобы его достало на дорогу, и заключить миръ и дружбу съ сосѣдними общинами. Для приведенія всего этого въ исполненіе имъ казалось достаточнымъ двухъ лѣтъ: на третій годъ опредѣлено было выступить, а самое исполненіе было возложено на Оргеторикса. Онъ принялъ лично на себя посольство къ сосѣдямъ; дорогою онъ убѣдилъ Кастика, сына Катаманталеда, секвана, котораго отецъ весьма долго управлялъ секванами и носилъ титулъ друга римскаго сената и народа, захватить въ свои руки власть, которая прежде принадлежала его отцу; точно такъ же онъ склонилъ Думнорикса, гэдуа, брата Дивиціана, который въ то время управлялъ государствомъ и былъ любимъ низшими сословіями, постараться достигнуть того же, и далъ ему въ замужество свою дочь. Оргеториксъ доказывалъ имъ, что нѣтъ ничего легче исполнить такіе замыслы, потому что и самъ онъ намѣренъ захватить власть въ свои руки у себя: нѣтъ сомнѣнія, что гельветы сильнѣйшій народъ между галлами, и онъ обѣщалъ содѣйствовать имъ всѣми своими средствами къ пріобрѣтенію власти. Убѣжденные такими доводами, они заключаютъ между собою клятвенный союзъ, въ надеждѣ подчинить себѣ три самыя могущественныя и воинственныя націи изъ всей Галліи.

Но все это было доведено до свѣдѣнія гельветовъ. По своему

---

[1]) Milia passuum CCXL=почти 48 географ. мил.; а milia passuum CLXXX=36 геогр. м. (1000 шаговъ составляли одну римскую милю и $^1/_5$ нѣмецкой мили.

обычаю, они принудили Оргеторикса, заковавъ его, защищаться противъ обвиненія; въ случаѣ осужденія, онъ подвергался смертной казни на кострѣ. Въ назначенный день для процесса Оргеториксъ привелъ съ собою на судъ весь свой домъ, числомъ до 10 тысячъ человѣкъ, и собралъ отвсюду всѣхъ своихъ кліентовъ, которыхъ имѣлъ весьма много: благодаря имъ, Оргеториксу удалось остановить процессъ. Когда же раздраженный народъ хотѣлъ добыть свое право оружіемъ, и магистратъ собралъ множество людей изъ селеній, Оргеториксъ умеръ; безъ сомнѣнія—такъ думаютъ гельветы—онъ самъ себѣ причинилъ смерть.

Послѣ его смерти гельветы тѣмъ не менѣе рѣшаются привести въ исполненіе свой планъ, а именно—выступить за границу. Когда, по ихъ мнѣнію, все было изготовлено для похода, они сожигаютъ всѣ свои города, числомъ до 20, до 40 селъ, равно какъ и другіе частные дома, истребляютъ весь хлѣбъ, сверхъ того, что унесутъ съ собою, съ цѣлью уничтожить всякую надежду на возвращеніе и быть тѣмъ готовѣе на перенесеніе всѣхъ опасностей; было приказано каждому взять изъ дому съ собою на три мѣсяца муки. Сверхъ того, они убѣждаютъ рауракoвъ, тулинговъ и латовиковъ, послѣдовавъ ихъ совѣту, сжечь города и села и отправиться вмѣстѣ съ ними, а бойевъ, которые жили за Рейномъ и, перейдя въ Норикъ, завоевали Норейю, они приняли къ себѣ и включили ихъ въ свой союзъ.

Имъ предстояло два пути для выхода изъ своей страны: одинъ—чрезъ владѣнія секвановъ, тѣсный и трудный, между горою Юрою и рѣкою Роной — едва можно было проѣхать на повозкѣ въ одинъ рядъ; надъ дорогой же нависла высочайшая гора, и горсть людей могла бы защитить проходъ; другой путь — чрезъ нашъ Провансъ, гораздо болѣе легкій и доступный, потому что по границамъ гельветовъ и аллоброговъ, недавно усмиренныхъ, протекаетъ Рона, и она во многихъ мѣстахъ можетъ быть переходима въ бродъ. Послѣдній городъ аллоброговъ и ближайшій къ границамъ гельветовъ—Женева (Genova). Мостъ, ведущій изъ города, принадлежитъ гельветамъ. Они полагали, что имъ удастся склонить аллоброговъ на свою сторону, потому что аллоброги, какъ казалось, не были хорошо расположены къ римскому народу, или, въ противномъ случаѣ, они хотѣли принудить ихъ силою дать имъ проходъ чрезъ свои границы. Изготовивъ все для похода, гельветы назначаютъ день сбора на берегу Роны. Это былъ пятый день предъ апрѣльскими календами [1]) въ консульство Л. Пизона и А. Габинія [2]).

Когда пришло извѣстіе къ Цезарю, что гельветы намѣрены проложить себѣ дорогу чрезъ нашъ Провансъ, онъ поспѣшилъ изъ Рима, и, устремясь большими переходами въ транспаданскую Галлію, явился въ Женеву....... [3]). (Такъ начались войны Цезаря въ транзальпинской

[1]) По древнему, еще неповѣренному при Ю. Цезарѣ, календарю, 28 марта, а по юліанскому—16 апрѣля.

[2]) Т.-е. 58 года до Р. Х.

[3]) Все сказанное Цезаремъ до сихъ поръ служитъ введеніемъ въ его мемуары о веденной имъ гальской войнѣ (Commentarii de bello gallico); объяснивъ причины

Галліи, которыя окончились совершеннымъ покореніемъ этой страны римскому господству до самаго Рейна, и вслѣдствіе того привели римлянъ въ столкновеніе съ германскимъ міромъ. Въ 53 г. до Р. Х. Цезарь, оставивъ позади себя завоеванную Галлію, вторично перешелъ Рейнъ и вступилъ въ борьбу съ свевами).

.......Такъ какъ дѣло дошло теперь до Германіи, то, кажется, будетъ неизлишне разсказать о нравахъ Галліи и Германіи, въ чемъ отличаются эти обѣ націи одна отъ другой.

Въ Галліи, не только между большими ея частями, между всѣми общинами и селами, но даже почти между отдѣльными семействами составляются союзы (factiones), и въ этихъ союзахъ тотъ князь (princeps), кто по общему мнѣнію пользуется величайшимъ уваженіемъ; его благоусмотрѣнію и суду подвергались всѣ дѣла и опредѣленія. Такое учрежденіе было сдѣлано въ древности, повидимому, съ тою цѣлью, чтобы низшее сословіе не нуждалось въ защитѣ противъ притязаній сильнаго: никто не допуститъ притѣснять и оскорблять своихъ, а кто поступитъ иначе, тотъ не будетъ пользоваться уваженіемъ между своими. Тѣ же соображенія лежатъ въ основаніи общаго устройства всей Галліи вмѣстѣ взятой: потому что и ея отдѣльныя общины соединены въ два союза. Когда Цезарь явился въ Галлію, князьями одного союза были гэдуи, а другого—секваны...

Въ Галліи, во всей, существуютъ только два класса въ ея населеніи, которые пользуются почестями и имѣютъ цѣну. Низшее сословіе (plebes) занимаетъ мѣсто почти рабовъ, которые сами по себѣ не имѣютъ никакой воли (nihil audet per se); и не допускаются въ народное собраніе. Большая часть ихъ, обремененная долгами, огромными налогами и несправедливостью знатныхъ (nobiles), добровольно отдается имъ въ рабство, и знатные въ отношеніи ихъ пользуются всѣми тѣми же правами, какія имѣетъ господинъ надъ рабомъ. Изъ тѣмъ же двухъ классовъ, одни — друиды (жрецы, druides), другіе — всадники (equites). Друиды отправляютъ богослуженіе, совершаютъ общественныя и домашнія жертвоприношенія, занимаются истолкованіемъ религіи: къ нимъ стекается множество молодыхъ людей для своего воспитанія, и жрецы въ большомъ почетѣ у нихъ. Друиды рѣшаютъ почти всѣ общественныя и частныя распри, а въ случаѣ преступленія, совершено ли убійство, произошелъ ли споръ о наслѣдствѣ, или несогласіе при размежеваніи — во всѣхъ подобныхъ случаяхъ они даютъ свое рѣшеніе, опредѣляютъ вознагражденіе или наказаніе. Если какой-нибудь частный человѣкъ, или и весь народъ не соглашается на ихъ рѣшеніе, они запрещаютъ жертвоприношенія; у нихъ это самое сильное наказаніе. Тѣ, которые бываютъ отлучены (quibus ita est interdictum), считаются нечестивцами и преступни-

---

ея, онъ излагаетъ затѣмъ, въ первой книгѣ, первый годъ войны, 58-й; во второй—57 г.; въ третьей—56 г.; въ четвертой—55 г.; въ пятой—54 г.; въ шестой—53 г.; когда была имъ завоевана почти вся Белгія, и онъ перешелъ Рейнъ вторично. По этому поводу въ шестой книгѣ онъ дѣлаетъ большое отступленіе для описанія нравовъ галловъ, сравнительно съ германцами.

ками; всѣ удаляются отъ нихъ, избѣгаютъ встрѣчи съ ними и разговора, чтобы самое прикосновеніе ихъ не навлекло несчастія; жалобамъ ихъ не дается въ судѣ удовлетворенія, и они не имѣютъ права ни на какую общественную должность (neque honos ullus communicatur). Друиды имѣютъ одного главу, которому принадлежитъ верховная власть надъ ними. Послѣ его смерти наслѣдуетъ изъ этого класса или тотъ, кто пользуется большимъ уваженіемъ, или тотъ, если многіе окажутся равнаго достоинства, кто будетъ избранъ друидами, по большинству голосовъ; но иногда они рѣшаютъ вопросъ объ избраніи главы съ оружіемъ въ рукахъ. Въ извѣстное время года они собираются въ одно священное мѣсто, въ предѣлахъ области Карнута [1]), которая считается центромъ всей Галліи. Туда же стекаются со всѣхъ сторонъ тѣ которые ведутъ между собою распри, и подчиняются суду и приговору друидовъ. Полагаютъ, что ихъ ученіе получило начало въ Британіи, а оттуда было перенесено въ Галлію; и до настоящаго времени тѣ, которые желаютъ болѣе основательно познакомиться съ этимъ ученіемъ, обыкновенно отправляются для науки на этотъ островъ.

Друиды совершенно не участвуютъ въ войнѣ и не платятъ, вмѣстѣ съ другими, подати; они освобождены отъ военной службы и отъ всякаго рода повинностей. Многіе, побуждаемые такими большими привилегіями, а другіе по собственной охотѣ идутъ къ нимъ въ науку, или посылаются своими родителями и родственниками. Тамъ, говорятъ, они учатъ наизусть огромное количество стиховъ, и есть между ними такіе, что двадцать лѣтъ проводятъ въ этомъ ученіи. Эти стихи, они полагаютъ, нельзя повѣрить письму, между тѣмъ какъ въ публичныхъ и частныхъ дѣлахъ они употребляютъ греческія письмена. Мнѣ кажется, есть двѣ причины такого постановленія друидовъ: они не желаютъ, чтобы ихъ знаніе распространилось въ толпѣ, и чтобы ихъ ученики, полагаясь на письмо, не пренебрегали памятью; дѣйствительно, со многими бываетъ то, что помощь книгъ ослабляетъ память и прилежаніе къ изученію. Главный догматъ, который друиды особенно стараются утвердить, состоитъ въ томъ, что душа не погибаетъ, но переходитъ изъ одного тѣла въ другое; они полагаютъ такимъ вѣрованіемъ возбудить именно доблесть, внушивъ пренебреженіе къ смерти. Сверхъ того, они много разсуждаютъ о звѣздахъ и ихъ движеніи, о величинѣ вселенной и земли, о природѣ вещей, о силѣ и могуществѣ безсмертныхъ боговъ, и передаютъ все это юношеству.

Второй классъ составляютъ всадники. Когда до нихъ доходитъ дѣло и начинается война — что̀, до Цезаря, бывало почти всякій годъ, такъ какъ они или сами нападали, или отражали нападеніе другихъ — то они всѣ идутъ на войну, окруживъ себя спутниками и кліентами, въ числѣ, соотвѣтственномъ знаменитости рожденія каждаго или его богатствомъ. У нихъ нѣтъ другого средства выразить свое вліяніе и могущество.

---

[1]) Полагаютъ, что эти собранія друидовъ происходили около нынѣшняго города Dreux.

Вся нація галловъ отличается суевѣріемъ, и потому у нихъ тѣ, которые одержимы тяжкими болѣзнями, или подвергаются военнымъ и другимъ опасностямъ, закалаютъ въ жертву людей, или себя обрекаютъ на жертву, и для подобныхъ приношеній пользуются услугами друидовъ. Они думаютъ, что жизнь человѣка необходима для искупленія жизни другого человѣка, и что иначе безсмертные боги не могутъ быть умилостивлены; они даже установили публичныя жертвоприношенія такого рода. Между ними нѣкоторые приготовляютъ колоссальной величины фигуры, сплетенныя изъ ивы, и наполняютъ ихъ живыми людьми, потомъ зажигаютъ, и пламя душитъ людей. Они убѣждены, что наказаніе тѣхъ, которые изобличены въ воровствѣ, грабительствѣ или какомъ-нибудь другомъ преступленіи, болѣе пріятно для безсмертныхъ боговъ; но когда имъ недостаетъ такого рода людей, то они прибѣгаютъ къ мученію невинныхъ.

Божество, которое они болѣе всего почитаютъ, есть Меркурій: ему посвящено огромное количество статуй; его почитаютъ изобрѣтателемъ всѣхъ искусствъ, путеводителемъ странниковъ и могущественнѣйшимъ хранителемъ денежныхъ и торговыхъ интересовъ. Послѣ Меркурія они обоготворяютъ Аполлона, Марса, Юпитера и Минерву. Идея этихъ божествъ у нихъ почти та же, какъ и у другихъ народовъ. Аполлонъ исцѣляетъ больныхъ; Минерва учитъ правиламъ торговли и искусствъ; у Юпитера верховная власть на небѣ; Марсъ управляетъ войною: ему, когда они рѣшаютъ вступить въ бой, даютъ обѣтъ посвятить добычу, захваченную у непріятеля. Въ случаѣ побѣды, уведенныхъ животныхъ закалаютъ, а прочее сносятъ въ одно мѣсто. Во многихъ мѣстностяхъ можно видѣть цѣлые холмы подобныхъ вещей, скученныхъ въ священныхъ мѣстахъ; и рѣдко случается, чтобы галлъ, нарушивъ уваженіе къ религіи, осмѣлился тайно присвоить себѣ то, что взялъ на войнѣ, или похитить что-нибудь изъ этихъ складовъ: за это назначается самое жестокое наказаніе, съ распятіемъ на крестѣ.

Галлы считаютъ себя потомками бога Дита (т.-е. Плутона), вслѣдствіе преданія, сохраняемаго, какъ они говорятъ, друидами. Поэтому-то они считаютъ время не по днямъ, а по ночамъ; и дни рожденія, начало мѣсяцевъ и годовъ у нихъ соблюдаются такъ, чтобы день слѣдовалъ за ночью. Въ прочихъ обычаяхъ своей жизни они отличаются только тѣмъ отъ прочихъ, что не позволяютъ своимъ дѣтямъ подходить къ себѣ при всѣхъ, прежде чѣмъ они достигнутъ юношескаго возраста и будутъ способны носить оружіе. Они считаютъ постыднымъ для отца, чтобы его сынъ въ дѣтскомъ возрастѣ могъ находиться публично предъ нимъ.

Мужья, сколько бы ни получили за женою подъ именемъ приданаго, присоединяютъ къ тому приданому, равное, по оцѣнкѣ, количество изъ своего имущества. Этотъ капиталъ составляетъ общее ихъ владѣніе, и доходъ съ него сохраняется (hujus omnis pecuniae conjunctim ratio habetur fructusque servantur): кто кого переживетъ, тому достаются обѣ части и доходъ прежнихъ лѣтъ. Мужъ надъ женою, какъ и надъ дѣтьми, имѣетъ право жизни и смерти. Когда умираетъ какой-нибудь отецъ семейства, высоко стоящій по рожденію, то со-

бираются его близкіе; если есть какое-нибудь подозрѣніе касательно его смерти, то женъ допрашиваютъ, какъ рабовъ, и если преступленіе доказано, то ихъ наказываютъ огнемъ и всѣми муками крестной казни. Похороны, въ соотвѣтственности съ средствами галловъ, великолѣпны и дороги. Все, что̀, по ихъ мнѣнію, было мило для покойника во время жизни, все это бросаютъ въ костеръ, даже животныхъ; и еще недавно для настоящаго погребальнаго торжества сожигали, вмѣстѣ съ вещами, рабовъ и кліентовъ, которые были извѣстны любовью къ нимъ господина.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя считались лучшими по своему управленію общественными дѣлами, было освящено законами, чтобы каждый, узнавъ отъ сосѣдей, по слуху или молвѣ, что-нибудь касающееся государства, являлся къ начальникамъ и доносилъ, не сообщая того никому, потому что часто люди безразсудные и неопытные, какъ извѣстно, устрашаются ложными слухами, возбуждаются къ преступленію, и рѣшаются на крайніе поступки. Начальники же скрываютъ, что̀ имъ кажется необходимымъ скрыть, и извѣщаютъ народъ, что̀ сочтутъ полезнымъ сдѣлать общеизвѣстнымъ. О дѣлахъ государственныхъ дозволяется толковать только на общемъ собраніи (de republica nisi per concilium loqui non conceditur).

Германцы [1]) во многомъ отличаются отъ обычаевъ галловъ. У нихъ нѣтъ друидовъ, которые управляли бы религіозными дѣлами, и они не заботятся столько о жертвоприношеніяхъ. Германцы относятъ къ числу боговъ только то, что̀ видятъ и чьею помощью очевидно пользуются, а именно Солнце, Вулкана и Луну, другихъ же нисколько не признаютъ. Вся жизнь ихъ проходитъ за охотою и военными упражненіями: съ молодыхъ лѣтъ они пріучаются къ труду и лишеніямъ. Кто долѣе всѣхъ остается цѣломудреннымъ, тотъ заслуживаетъ наивеличайшую похвалу: по ихъ мнѣнію, оттого зависитъ сложеніе, силы и мышцы. До двадцатилѣтняго возраста жениться у нихъ считается самымъ постыднымъ дѣломъ: никто не можетъ преступить этого правила и тайно, потому что всѣ вмѣстѣ моются въ рѣкѣ и притомъ носятъ короткія шкурныя одежды, оставляя нагою бо̀льшую часть тѣла.

Германцы не занимаются земледѣліемъ, и пища ихъ, по большей части, состоитъ въ молокѣ, сырѣ и маслѣ. Никто не имѣетъ опредѣленнаго владѣнія и своей межи; но начальники и князья ежегодно отдаютъ поля, гдѣ и сколько имъ будетъ угодно, каждому отдѣльному роду или союзу людей, которые соединяются вмѣстѣ, а по прошествіи года принуждаютъ снова удалиться изъ своихъ мѣстъ. Это распоряженіе имѣетъ много цѣлей: боятся, что продолжительное владѣніе поземельною собственностью вытѣснитъ земледѣліемъ любовь къ войнѣ, что большія личныя владѣнія могутъ кончиться тѣмъ, что богатые изгонятъ слабыхъ изъ ихъ земель, что они могутъ лучше отстроиться противъ холода и жара, что можетъ развиться страсть къ

[1]) Срав. показанія Юл. Цезаря о германцахъ съ описаніемъ у Тацита того же предмета: выше, въ ст. 20.

деньгамъ, откуда рождаются всѣ партіи и распри, и, наконецъ, чтобы своею справедливостью сдерживать низшія сословія, которыя увидятъ, что ихъ имущество уравнивается съ имуществами богатыхъ.

Для общины германской величайшая слава состоитъ въ томъ, чтобы, опустошивъ сосѣднія земли, окружить себя, какъ можно далѣе, окрестъ пустынею. Они видятъ всю доблесть въ томъ, чтобы изгнать сосѣдей изъ ихъ владѣній, и чтобы никто не осмѣливался жить поблизости; вмѣстѣ съ тѣмъ, они и себя считаютъ такимъ образомъ въ большой безопасности, потому что нѣтъ страха внезапнаго вторженія. Когда какая-нибудь община наноситъ войну или отражаетъ сдѣланное на нее нападеніе, то въ такомъ случаѣ избираются особые начальники (magistratus) для веденія войны, съ властью надъ жизнью и смертью. Въ мирное время нѣтъ общаго начальства, но князья округовъ и селеній творятъ судъ между своими и рѣшаютъ распри. Разбой не считается чѣмъ-нибудь безчестнымъ, если произведенъ за предѣлами общины, и германцы въ немъ видятъ средство для упражненія юношества. Потому, когда какой-нибудь князь въ собраніи вызовется быть предводителемъ, то тѣмъ пользуются всѣ, кто желаетъ слѣдовать: одобряющіе предложеніе и личность предводителя встаютъ съ своихъ мѣстъ, обѣщаютъ помощь и вызываютъ похвалы собранія: кто не держитъ слова, того считаютъ дезертиромъ и измѣнникомъ, и ни въ чемъ ему послѣ того не вѣрятъ. Оскорбить гостя считается непозволительнымъ: кто бы и за какимъ бы дѣломъ къ нимъ ни пришелъ, имѣетъ право на защиту отъ оскорбленій; ему открытъ всякій домъ и вездѣ предлагается пища.

Было время, когда галлы превосходили германцевъ доблестью, вносили въ ихъ предѣлы войну, и по многочисленности своего населенія и недостатку въ поляхъ посылали колоніи за Рейнъ. Такимъ образомъ, плодоноснѣйшія мѣста Германіи, около Герцинскаго лѣса, которыя, я вижу, были извѣстны по слуху Эратосѳену и древнимъ грекамъ, и которыя они называли Орциніею, заняли волцы и тектосане и тамъ поселились. Этотъ народъ и до сихъ поръ живетъ въ тѣхъ мѣстахъ и пользуется хорошею славою за свою справедливость и военную доблесть. Нынѣ же, такъ какъ германцы остаются въ прежней бѣдности, нуждѣ и лишеніяхъ, употребляютъ ту же пищу и одежду, то галлы, по близости нашихъ провинцій, познакомившись со многими заморскими предметами удобствъ и роскоши, и, мало-помалу, привыкшіе къ уступкамъ и пораженные во многихъ сраженіяхъ, не могутъ и сравниться съ ними въ доблести.

Этотъ Герцинскій лѣсъ, о которомъ упомянуто выше, стелется въ ширину на 9 дней проходимой дороги: его нельзя опредѣлить точнѣе, и никто не знаетъ разстояній пути. Онъ начинается у границъ гельветовъ, неметовъ и рауараковъ, и, слѣдуя въ прямомъ направленіи за теченіемъ Дуная, касается предѣловъ земли даковъ и анарціевъ; оттуда поворачиваетъ налѣво, вдоль отъ рѣки, и при своей громадности касается предѣловъ многихъ народовъ; въ Германіи нѣтъ никого, кто, пройдя 60 дней сряду, могъ бы сказать, что онъ дошелъ до начала лѣса или слышалъ, откуда онъ начинается. Извѣстно, однако, что въ этомъ лѣсу водятся различныя по-

роды животныхъ, которыя не встрѣчаются въ другихъ мѣстностяхъ; вотъ нѣкоторыя изъ нихъ, особенно отличающіяся отъ прочихъ и заслуживающія, повидимому, упоминовенія.

Тамъ живетъ быкъ, похожій на оленя, у него посрединѣ лба между ушей растетъ рогъ, болѣе высокій и прямой, нежели тѣ, которые мы видимъ обыкновенно; отъ его вершины идутъ широко вѣтви, какъ пальцы на кисти руки. Самка не отличается отъ самца ни по своему виду, ни по величинѣ рогъ.

Есть еще животныя, которыя называются *alces*. Болѣе всего они похожи, по внѣшности и по разнообразію цвѣта шерсти, на козъ, но они нѣсколько выше ростомъ, безъ рогъ, и колѣни безъ узловъ и сочлененій, никогда не ложатся для покоя, и если по несчастью упадутъ, то не могутъ ни подняться, ни привстать. У нихъ дерево служитъ изголовьемъ: они приклоняются къ дереву и, склонившись такимъ образомъ, нѣсколько отдыхаютъ. Когда охотники успѣютъ подмѣтить ихъ слѣдъ и мѣсто, гдѣ звѣрь имѣетъ привычку располагаться, они или подкапываютъ, или подрубаютъ всѣ деревья у корня, но такъ, чтобы дерево продолжало держаться стоймя. Лишь только звѣрь по своему обычаю приклонится и наляжетъ своею тяжестью на едва-стоящее дерево, оно падаетъ вмѣстѣ съ нимъ.

Есть еще третья порода, называемая *uri*. Величиною они немного меньше слона, а видомъ, цвѣтомъ и фигурою напоминаютъ вола. Сила ихъ и быстрота движенія необыкновенна: ни человѣкъ, ни звѣрь, котораго они завидятъ, не получитъ пощады. Ихъ убиваютъ, предварительно запутавъ въ тенета. Въ этой охотѣ закаляются юноши, посвящая себя такому труду; кто успѣетъ много убить и принести въ доказательство рога отъ добычи, того превозносятъ великими похвалами. Но нѣтъ возможности сдѣлать этого звѣря ручнымъ, хотя бы удалось достать сосуновъ. Ширина рога, форма и родъ весьма много отличаются отъ роговъ нашихъ быковъ. Германцы, тщательно обдѣлавъ ихъ, выкладываютъ отверстіе серебромъ и употребляютъ на торжественныхъ пирахъ, вмѣсто чашъ.

Юлій Цезарь.

Commentarii de bello Gallico, I, 1—7; VI, 11—28.

Юлій-Цезарь (Cajus-Julius-Caesar, род. 100 л. до Р. Х., убитъ 43 г. до Р. Х.), римскій диктаторъ, бывъ еще тріумвиромъ вмѣстѣ съ Помпеемъ и Крассомъ, 60 г., при раздѣленіи ими управленія республикою, получилъ въ свое вѣдѣніе Галлію цизальпинскую, вмѣстѣ съ Gallia comata. Поставленный такимъ образомъ въ ближайшее сосѣдство съ Галліею транзальпинскою, онъ имѣлъ постоянно поводъ къ войнѣ съ независимыми галлами и вскорѣ вступилъ съ ними въ борьбу, продолжавшуюся 8 лѣтъ (58—50 г.) и окончившуюся съ покореніемъ всей этой страны до Рейна. По окончаніи войны, передъ началомъ гражданскихъ междоусобій и борьбы съ Помпеемъ, а именно въ 50 г., Цезарь могъ имѣть свободное время, на основаніи составленныхъ на мѣстѣ замѣтокъ,

собственныхъ донесеній въ сенатъ и переписки съ друзьями, для составленія своихъ „Мемуаровъ о гальской войнѣ“ въ VIII книгахъ (послѣднюю книгу приписывали его современнику Авлу Гирцію). Эти мемуары, которые еще Цицеронъ называлъ, за ихъ простоту и безъискусственность, nudi, recti et venusti, служатъ древнѣйшимъ памятникомъ картины общественнаго быта Галліи въ эпоху перваго ея ознакомленія съ римлянами. Изъ лучшихъ изданій Коментарій можно указать на то, которое сдѣлалъ: *Schneider* (1852), *Hoffmann* (1856—57) и *Kraner* (1850); изъ изслѣдованій замѣчательны: Einleitung zu Cäsars Commentarien, von *Köchly* und *Rüstow* (1857), и въ особенности *Göler*, Cäsars Gall. Krieg in den J. 58 bis 53 v. Chr. (Stuttg. 1858). Франц. перев. *Artaud* (1832, въ Biblioth. de Panckoucke).

---

70. — Состояніе образованности галловъ, по завоеваніи ихъ страны римлянами.

(въ I ст. по Р. Х.).

За Испаніею слѣдуетъ заальпійская Галлія (Κελτική). Ея очертаніе и величина были уже прежде описаны; намъ остается теперь изслѣдовать частности. Нѣкоторые раздѣляютъ Галлію на три части по тремъ ея народностямъ, *аквитанамъ, белгамъ* и *кельтамъ:* впрочемъ, аквитаны отличаются отъ прочихъ не только языкомъ, но и тѣлосложеніемъ, и болѣе подходятъ къ иберійцамъ (испанцамъ), нежели къ галламъ. Другія же двѣ народности хотя по внѣшнему своему виду принадлежатъ къ гальскому племени, но имѣютъ нѣкоторыя отличительныя черты; даже самыя формы государственной и общественной жизни у нихъ не совсѣмъ одинаковы. Ближайшіе къ странѣ Пиринѣ, (τῇ Πυρήνῃ, т.-е. скаты Пиренейскихъ горъ) называются аквитанами и кельтами; они отдѣляются другъ отъ друга Севенскими горами (τῷ Κεμμένῳ). Я уже говорилъ выше, что Галлія на *западъ* (?!) граничитъ Пиренейскими горами, отроги которыхъ касаются береговъ обоихъ морей, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго (т.-е. Средиземнаго моря и Атлантическаго океана); съ *востока*—Рейномъ, текущимъ параллельно съ Пиренеями; съ *сѣвера*—океаномъ, начиная отъ сѣверныхъ оконечностей Пиренеевъ до устьевъ Рейна; и, наконецъ, съ *юга*—моремъ, омывающимъ берега Массаліи (т.-е. Массиліи, н. Марсель) и Нарбоны, и Альпами, которыя, поднимаясь въ Лигуріи, тянутся до истоковъ Рейна. Отъ Пирины вправо идутъ Севенны по самой срединѣ плоской возвышенности Галліи и кончаются въ центрѣ ея близъ Ліона, имѣя въ длину 2000 стадій. Аквитанами называютъ тѣхъ, которые живутъ между р. Гаронною (Γαρούνα) и сѣверными частями Пиренеевъ и Севеннъ, до самаго океана. Кельты распространяются по другой сторонѣ и живутъ у береговъ моря, омывающаго

Марсель и Нарбону, до самыхъ Альпъ. Наконецъ, белги населяютъ мѣста, ближайшія къ океану до устьевъ р. Рейна, нѣкоторые же изъ нихъ живутъ по берегамъ Рейна и близъ Альпъ. Такъ передалъ намъ это въ своихъ мемуарахъ божественный Цезарь (ὁ Θεὸς Καῖσαρ). Но Августъ Цезарь раздѣлилъ Галлію на четыре части: кельты образовали Нарбонскую провинцію; аквитаны остались тамъ же, гдѣ были при Юл. Цезарѣ, къ нимъ Августъ присоединилъ только четырнадцать народовъ, жившихъ между Гаронною и Луарою (Λείγηρ); остальную часть Галліи онъ раздѣлилъ на двѣ части, изъ которыхъ одна составила Ліонскую провинцію до верхнихъ теченій Рейна, а другая была присоединена къ странѣ белговъ. Обязанность каждаго географа составляетъ обращать все вниманіе на естественные или этнографическіе предѣлы страны, насколько они заслуживаютъ упоминовенія; о тѣхъ же предѣлахъ, которые установляются по политическимъ временнымъ соображеніямъ правителя, достаточно сказать одно слово, и затѣмъ точное ихъ описаніе можно предоставить другимъ.

Вся Галлія омывается рѣками, изъ которыхъ однѣ вытекаютъ изъ Альпъ, другія—изъ Севеннъ и Пиренеевъ; однѣ впадаютъ въ океанъ, другія—въ наше море (т.-е. Средиземное). Всѣ эти рѣки судоходны и проходятъ большею частью по луговой мѣстности или холмистой. Притомъ теченіе рѣкъ такъ хорошо направлено, что товары могутъ легко по нимъ переправляться изъ одного моря въ другое: весьма небольшое пространство приходится перевозить ихъ волокомъ, по сухому пути, а затѣмъ по рѣкѣ, внизъ или вверхъ по теченію. Для подобной переправы болѣе всѣхъ удобна рѣка Рона (Ῥοδανός): она принимаетъ въ себя много притоковъ, впадаетъ въ наше море, что̀ впрочемъ болѣе удобно для жителей, ближайшихъ къ океану, нежели для насъ, и течетъ по плодоноснѣйшимъ частямъ Галліи; а Нарбонская провинція произрастаетъ у себя всѣ роды фруктовыхъ деревьевъ, которыми богата Италія. Оливки и дикія фиги прекращаются на сѣверѣ за Севеннами, но другіе плоды растутъ. Встрѣчается также и виноградная лоза въ мѣстахъ отдаленныхъ, но она рѣдко поспѣваетъ. Остальная Галлія изобилуетъ хлѣбомъ, ячменемъ, желудями и всякаго рода животными: за исключеніемъ болотъ и лѣсовъ, въ ней нельзя встрѣтить пустопорожнихъ мѣстъ; даже и самые лѣса и болота заселены, но болѣе отъ избытка въ населеніи, нежели по охотѣ. Женщины весьма плодовиты и хороши для вскормленія дѣтей; мужья же способнѣе къ войнѣ, нежели къ земледѣлію; впрочемъ, въ наше время они вынуждены, положивъ оружіе въ сторону, взяться за плугъ. Вотъ что̀ можно сказать вообще о заальпійской Галліи; теперь опишемъ каждую изъ четырехъ ея частей по одиночкѣ, и начнемъ именно съ провинціи Нарбонской.

Нарбонская Галлія (ἡ Ναρβωνῖτις) имѣетъ форму параллелограмма, котораго западная линія очертываетъ Пирину, а съ сѣвера Севенны; на югѣ—морской берегъ между Марселью и Пириною, а на востокѣ—Альпы; промежутокъ отъ Альпъ до отроговъ Севеннъ, тянущихся къ Ронѣ, идетъ по прямой линіи. Къ южной линіи примыкаетъ, сверхъ указаннаго параллелограмма, морской берегъ, принадлежащій масса-

ліотамъ (марсельцамъ) и салійцамъ, до самой Лигуріи, на границѣ съ Италіею, и до рѣки Вара, которая, какъ я сказалъ выше (?), отдѣляетъ Нарбонскую Галлію отъ Италіи. Лѣтомъ эта рѣчка ничтожна, но зимою она разливается на 7 стадій въ ширину. Отъ этого мѣста линія морского берега продолжается до храма Венеры-Пиренейской который отдѣляетъ границу этой провинціи отъ Испаніи (Иберіи). Впрочемъ, другіе обозначаютъ такимъ предѣломъ „Помпеевскіе-Трофеи". Нарбона отстоитъ оттуда на 3 мили (μίλια); до Немауза (н. Нимъ) отъ Нарбоны считается 88 миль; отъ Немауза чрезъ Угернъ и Тарусконъ до теплыхъ водъ, называемыхъ Секстійскими (Aquae-Sextiae, н. Aix), что близъ Марселя, 83; оттуда до Антиполя и р. Вара 73; такъ-что всего 277 миль. Другіе считаютъ отъ храма Венеры до р. Вара 2600 стадій, а иные и къ этому прибавляютъ еще 200; вообще не всѣ утверждаютъ одно, когда дѣло идетъ о пространствѣ. Другая дорога идетъ чрезъ землю воконціевъ и коттіевъ: отъ Угерна же и Таpускона до Немауза—дорога общая; отсюда до предѣловъ воконціевъ и начала подъема на Альпы чрезъ Дуренцію и Кабалліонъ—всего 63 мили; съ другой же стороны, отъ предѣловъ воконціевъ, по землѣ коттіевъ, 99 миль до селенія Эбродуна; такое же пространство до Оцела, пограничнаго мѣстечка коттіевъ, чрезъ село Бриганцій, Сцингомагъ и горный альпійскій проходъ: отъ Сцингомага начинается Италія, которая отстоитъ отъ Оцела на 28 миль.

Массалія была основана фокеянами; она расположена на скалистомъ берегу; ея портъ имѣетъ форму амфитеатра, высѣченнаго въ скалѣ, и обращенъ на югъ. Какъ самый портъ, такъ и городъ великолѣпно отстроены и замѣчательны по величинѣ. Въ городскомъ кремлѣ (ἐν τῇ ἄκρᾳ) находится Эфезіонъ и храмъ Аполлона Дельфійскаго. Послѣдній считается священнымъ у всего іонійскаго племени, а Эфезіономъ называется храмъ Діаны Эфесской. По преданію, фокеяне, оставляя родину, получили приказаніе признать начальникомъ экспедиціи того, кого имъ дастъ Діана. Итакъ, они, приставъ къ Эфесу, спрашивали, какимъ образомъ они могутъ получить отъ богини то, что было имъ приказано. Въ это время богиня явилась во снѣ Аристархѣ, одной изъ почетнѣйшихъ матронъ города, и повелѣла ей, взявъ съ собою одно изъ священныхъ изображеній, сопутствовать фокейцамъ. По исполненіи этого, они, выстроивъ колонію въ Массаліи, построили храмъ и сдѣлали верховною жрицею Аристарху, оказывая ей всевозможныя почести; Діана въ ихъ колоніи занимала первое мѣсто: ей была воздвигнута статуя и учреждены тѣ же обряды, какъ и въ метрополіи.

Республика массаліотовъ управляется самыми лучшими законами: государственными дѣлами завѣдываютъ аристократы, составляя совѣтъ шести-сотъ, члены котораго пользуются этою почестью пожизненно, почему и называются *тимухами* (Τιμοῦχοι, т.-е. имѣющіе почесть). Въ этомъ совѣтѣ предсѣдательствуютъ 15 мужей, завѣдывающіе текущими дѣлами; между ними опять предсѣдательствуютъ трое, съ высшею властью; и изъ этихъ трехъ одинъ считается старѣйшимъ. Никто не можетъ получить званіе тимуха, если не имѣетъ дѣтей, или если его родъ не продолжался въ теченіе трехъ поколѣній. За-

коны у нихъ іоническіе, и выставлены публично. Почва покрыта оливковыми деревьями и виноградомъ, но, по причинѣ каменистости ея, хлѣба мало: потому массаліоты болѣе разсчитываютъ на море, чѣмъ на землю, и пользуются удобствомъ своего положенія для мореплаванія. Въ позднѣйшія времена они успѣли покорить себѣ силою многія изъ окрестныхъ земель, построили въ нихъ города съ цѣлью имѣть въ нихъ защиту со стороны Испаніи противъ испанцевъ, которымъ они передали культъ Діаны Эфесской и обряды жертвоприношенія; а со стороны Роны и Агаты—противъ варваровъ, обитающихъ по этимъ рѣкамъ; со стороны же Тавроенція, Ольбіи, Антиполя и Никеи — противъ народа саліевъ и лигуровъ, живущихъ вдоль Альпъ. Массаліоты имѣютъ верфь и арсеналъ: въ древности у нихъ было множество кораблей, оружія и машинъ для плаванія и осады городовъ; они или защищались ими отъ варваровъ, или внушали дружбу римлянамъ, а иногда и служили послѣднимъ, пользуясь взаимно ихъ помощью. Секстій, покорившій саліевъ, построилъ вблизи отъ Массаліи городъ для себя и для теплыхъ водъ (нынѣ часть ихъ, какъ говорятъ, обратилась въ холодные источники), и, поставивъ тамъ римскій гарнизонъ, изгналъ варваровъ изъ предѣловъ, которые ведутъ изъ Массаліи въ Италію, такъ какъ массаліоты не могли ихъ усмирить. Впрочемъ и онъ ничего другого не достигнулъ, какъ только отбросилъ варваровъ отъ береговъ, удобныхъ для пристани, на 12 стадій и отъ скалистыхъ на восемь: очищенная затѣмъ земля была имъ отдана массаліотамъ. Въ Массаліи развѣшено множество трофеевъ, которые были взяты гражданами въ различныя времена, въ морскихъ кампаніяхъ, когда они одерживали побѣду надъ оспаривавшими у нихъ господство на морѣ. Въ древнія времена, когда Массалія процвѣтала въ особенности, граждане ея изъ дружбы къ римлянамъ оказывали имъ большое вниманіе, и на горѣ Авентинской, въ Римѣ, посвятили храмъ той же формы, какую имѣло капище Діаны въ Массаліи. Но во время возстанія Помпея противъ Цезаря, приставъ къ сторонѣ побѣжденной, массаліоты много потеряли; впрочемъ и до сихъ поръ видны у нихъ слѣды старинныхъ построекъ, въ особенности тѣхъ, которыя предназначались для машинъ и корабельнаго дѣла. Когда же варвары, ихъ сосѣди, были укрощены, и гражданскія междоусобія смѣнились, подъ владычествомъ римской имперіи, наукою и земледѣліемъ, морское искусство уже не занимало у массаліотовъ прежняго своего мѣста. Это доказывается современнымъ состояніемъ города: всѣ достаточные люди предаются тамъ изученію краснорѣчія и философіи. Такимъ образомъ, этотъ городъ едва только успѣлъ сдѣлаться для варваровъ доступнымъ, какъ мѣсто ихъ образованія, галлы до такой степени увлеклись изученіеиъ греческой литературы, что даже писали свои договоры по-гречески; и въ настоящее время знатные римляне, для своего образованія, вмѣсто Аѳинъ, отправляются въ Массалію. Галлы, видя этотъ мирный образъ жизни, сами получили къ нему расположеніе, не только частнымъ образомъ, но и публично какъ отдѣльныя лица, такъ и цѣлыя общины приглашали къ себѣ изъ Массаліи медиковъ и софистовъ. Доказательствомъ умѣренности и скромнаго образа жизни массаліотовъ служитъ то, что у нихъ

самое большое приданое простирается до 100 золотыхъ монетъ, а на платье дозволяется издержать не болѣе, какъ 5 монетъ, и столько же на украшеніе. Самъ Цезарь и бывшіе съ нимъ предводители были умѣренны въ отмщеніи массаліотамъ за измѣну, и въ память своей дружбы сохранили городу его прежнюю свободу, такъ что ни граждане Массаліи, ни ей подвластные города не были обязаны повиноваться отправляемымъ въ провинціи полководцамъ. Вотъ все, что мы сказали о Массаліи.

Послѣ этого отступленія, авторъ возвращается къ дальнѣйшему описанію Нарбонской провинціи, за нею обозрѣваетъ остальныя три провинціи, и наконецъ, въ заключеніе, приводитъ общую картину нравовъ и быта древнихъ галловъ, какъ то слѣдуетъ ниже:

Вообще всѣ народы, извѣстные въ настоящее время подъ именемъ галловъ или галатовъ (Γάλλικοι или Γαλάτικοι), воинственны, жестоки, всегда готовы къ ссорѣ, но при всемъ томъ чистосердечны и незлобны. Такъ, малѣйшее причиненное имъ раздраженіе заставляетъ ихъ массами хвататься за оружіе, открыто и безъ малѣйшей осмотрительности. Вслѣдствіе того, ихъ можно легко побѣдить, если кто захочетъ употребить въ дѣло военную хитрость; стоитъ только возбудить ихъ къ сраженію, и какой бы ни былъ предлогъ, во всякое время и на всякомъ мѣстѣ можно найти ихъ готовыми принять бой, безъ всякаго другого приготовленія, кромѣ силы и удальства. Тѣмъ не менѣе эти качества не мѣшаютъ имъ быть переимчивыми, когда дѣло идетъ о ихъ собственной пользѣ; такъ они обнаружили большую склонность къ наукамъ и литературѣ.

Сила галловъ заключается не только въ превосходствѣ ихъ сложенія, но и въ ихъ многочисленности: по своему великодушію и круговой порукѣ (αὐθέκαστον) галлъ приходитъ въ негодованіе и въ томъ случаѣ, если обида нанесена его сосѣду; оттого галлы возстаютъ большими массами. Въ наше время, конечно, будучи подчинены римлянамъ, они должны жить въ мирѣ и повиноваться своимъ побѣдителямъ: но то, что я теперь буду говорить о галлахъ, я заимствую изъ исторіи ихъ прежняго времени и изъ обычаевъ, которые имѣютъ силу у германцевъ и до сихъ поръ. Дѣйствительно, эти два племени и по своему характеру и по привычкамъ жизни имѣютъ много общаго и родственнаго: дѣйствительно, они ближайшіе сосѣди, отдѣляются другъ отъ друга Рейномъ, и во многомъ сходны между собою. Германія идетъ, однако, далѣе на сѣверъ, хотя ея южные и сѣверные предѣлы совпадаютъ съ южными и сѣверными предѣлами Галліи. Вотъ, почему въ этой странѣ случаи къ переселенію были часты: галлы переселялись массами, поднявшись всѣ разомъ, со всѣмъ своимъ семействомъ. когда ихъ изгонялъ превосходнѣйшій силами непріятель. И потому римляне покорили галловъ съ большею легкостью, нежели иберовъ (испанцевъ) [1]: съ иберами война началась гораздо прежде

[1]) Война съ иберами продолжалась 200 лѣтъ.

и окончилась позже, между тѣмъ какъ пространство отъ Рейна до Пиренеевъ было покорено уже все. Галлы возстали огромными массами, и потому были побѣждаемы всѣ разомъ: иберы же длили войну, ограничиваясь отдѣльными стычками, и каждый дрался у себя и за себя, на подобіе разбойниковъ. Всѣ галлы по природѣ воинственны, но на конѣ дерутся ловче, чѣмъ пѣшіе, и римляне лучшую часть своей конницы вербуютъ между галлами. Изъ галловъ самые воинственные тѣ, которые живутъ въ сѣверныхъ странахъ и сосѣднихъ океану.

Белги, раздѣленные на 15 народовъ, живутъ между Рейномъ, Луарою и Океаномъ, и особенно славятся своею доблестью: они одни выдержали напоръ германцевъ, кимвровъ и тевтоновъ. Между белгами, говорятъ, храбрѣйшіе белловаки [1]) и суэссіоны [2]). Страна белговъ такъ густо заселена, что въ прежнее время [3]) тамъ считали до трехсотъ-тысячъ человѣкъ, способныхъ носить оружіе. У гельветовъ (Ελουήτιοι), арверновъ (овернцевъ) и союзниковъ, столь же многочисленное населеніе, и, какъ я замѣтилъ, причина того заключается въ томъ, что у нихъ женщины легко рождаютъ и легко вскармливаютъ дѣтей. Белги носятъ сагу (плащъ), отращиваютъ длинные волосы [4]) и ходятъ въ штанахъ; вмѣсто туникъ они употребляютъ холщевыя рубашки съ рукавами, спускающіяся ниже пояса и зада. Шерсть ихъ барановъ груба, но волосъ ея длиненъ; изъ нея они приготовляютъ себѣ частую ткань (сукно), которая на ихъ языкѣ называется *лэна* (λαῖνα). Конечно, у римлянъ даже и въ сѣверныхъ странахъ бараны даютъ отличную шерсть, потому что они покрываютъ ихъ кожами.

Вооруженіе галловъ соотвѣтствуетъ ихъ тѣлосложенію. Длинный мечъ привѣшивается съ правой стороны: щиты ихъ также очень длинны; копья того же размѣра; они употребляютъ еще одно оружіе, въ родѣ копья, называемое у нихъ *мадарисъ* (μάδαρις). У нѣкоторыхъ встрѣчаются луки и пращи. Есть у нихъ еще деревянный дротикъ, похожій на римскій; его бросаютъ они рукой, а не съ помощью ремня, и на болѣе далекое разстояніе, чѣмъ стрѣла; это оружіе особенно употребляется ими на птичьей охотѣ.

Большая часть галловъ сохраняютъ и до сихъ поръ обычай спать на землѣ и обѣдать сидя на соломѣ. Обыкновенная пища ихъ состоитъ изъ молока и мяса всякаго рода; но болѣе всего употребляется свинина, какъ свѣжая, такъ и соленая. Свиньи у нихъ остаются въ полѣ и, превосходя свиней другихъ странъ ростомъ, силою и быстротою въ движеніи, бываютъ потому опасны, какъ и волки для тѣхъ, которые не умѣютъ къ нимъ подходить.

---

[1]) Обитатели окрестностей г. Бове (Beauvais).

[2]) Обитатели окрестностей г. Суассона (Soissons).

[3]) Во время Цезаря.

[4]) Вслѣдствіе этого обычая римляне назвали транзальпинскую Галлію *волосатой* Галліей (Gallia comata), исключая ея южной части, провинціи Нарбонской, которую они называли Gallia *braccata* (т.-е. носящая штаны).

Галлы живутъ въ большихъ круглыхъ домахъ, построенныхъ изъ досокъ и плетня, съ высокою кровлей. Они такъ богаты стадами овецъ и свиней, что снабжаютъ сукномъ и соломою не только Римъ, но почти цѣлую Италію.

Большая часть народовъ Галліи имѣла аристократическое управленіе; въ древности каждый годъ выбирался князь; народъ же назначалъ одного предводителя для войны: въ наше время они почти исключительно повинуются приказаніямъ римскаго правительства.

Въ своихъ собраніяхъ галлы сохраняютъ обычай, принадлежащій только имъ. Если кто-нибудь производитъ безпокойства или прерываетъ оратора, то стражъ подходитъ къ нему съ подъятымъ мечемъ и, угрожая, приказываетъ ему замолчать; если тотъ не унимается, то онъ повторяетъ свои угрозы второй разъ, потомъ третій; и тогда только стражъ отрѣзываетъ у саги виновнаго такой большой кусокъ, что остальная ея часть дѣлается никуда негодною. У галловъ занятія мужескаго пола и женскаго распредѣлены совершенно противоположно тому, что̀ дѣлается у насъ, и въ этомъ отношеніи галлы представляютъ общіе обычаи со всѣми другими варварскими народами [1]).

Почти у всѣхъ галловъ встрѣчаются три класса людей, которые пользуются уваженіемъ: *барды*, *ваты* (οὐάτεις, т.-е. vates, гадатели) и *друиды*. Берды составляютъ и поютъ гимны; ваты завѣдываютъ жертвоприношеніями и наблюденіемъ надъ природой; друиды же сверхъ того изслѣдуютъ нравственные вопросы. Правосудіе друидовъ пользуется всеобщимъ уваженіемъ; такъ что на ихъ судъ отдаютъ и частныя, и общественныя тяжбы. Нѣкогда они служили даже посредниками во время войны, и могли остановить враждующія стороны предъ самымъ началомъ схватки; ихъ вѣдѣнію подлежатъ въ особенности уголовныя тяжбы. Какъ друиды, такъ и ваты вѣрятъ въ безсмертіе души и мира, но думаютъ, что впослѣдствіи огонь и вода одержатъ верхъ.

Съ своей откровенностью и природной живостью галлы соединяютъ величайшее неблагоразуміе, тщеславіе и любовь къ нарядамъ. Они любятъ носить золотыя украшенія, какъ, напримѣръ, ожерелья, браслеты; тѣ же, которые облечены властью, ходятъ въ разноцвѣтныхъ одеждахъ, шитыхъ золотымъ. По легкомыслію, они невыносимо тщеславны въ случаѣ побѣды, и теряются совсѣмъ, когда бываютъ сами побѣждены.

Къ ихъ неразумѣнію присоединяется много варварскаго и необычайнаго, но что̀ можно видѣть у большей части сѣверныхъ народовъ, а именно: они при возвращеніи изъ похода обвѣшиваютъ шею лошадей головами убитаго непріятеля. а потомъ выставляютъ напоказъ предъ входомъ въ домъ. Посидоній [2]), какъ онъ разсказываетъ,

[1]) На женщинъ были возложены всѣ домашнія и полевыя работы, а мужья проводили время на войнѣ или въ праздности

[2]) Посидоній, стоическій философъ, современникъ Помпея и Цицерона, имѣлъ школу въ Родосѣ. Всѣ его труды погибли; они извѣстны только по немногимъ отрывкамъ, которые намъ сохранены нѣкоторыми изъ древнихъ авторовъ. Такъ, нашъ авторъ говоритъ о посѣщеніи имъ Галліи.

видѣлъ во многихъ мѣстахъ Галліи этотъ обычай, который сначала его возмущалъ, но къ которому онъ наконецъ привыкъ. Когда между такими головами находились головы замѣчательныхъ противниковъ, то они ихъ бальзамировали кедровой смолой, показывали чужеземцамъ и не соглашались продавать подобные трофеи даже на вѣсъ золота.

Но римляне принудили ихъ отказаться отъ столь жестокаго обычая, какъ и отъ многихъ другихъ, употреблявшихся при жертвоприношеніяхъ и гаданіяхъ, и которые несогласны съ нашими нравами: такъ, напримѣръ, галлы однимъ ударомъ меча разсѣкали спину человѣка, обреченнаго на жертву, и по его судорогамъ предугадывали будущее. Друиды непремѣнно присутствовали при жертвоприношеніяхъ. У галловъ приводятся и другія формы жертвоприношеній: они пронзали жертву стрѣлою, или распинали въ храмахъ, или, наконецъ, загоняли людей вмѣстѣ съ животными во внутрь колосса, построеннаго изъ дерева и начиненнаго сѣномъ, и всѣхъ вмѣстѣ сожигали.

Тотъ же Посидоній разсказываетъ, что на океанѣ находится островъ, расположенный недалеко отъ берега противъ устьевъ Луары, на этомъ островѣ живутъ жены самнитовъ (по друг. списк. амнитовъ), которыя, подъ вліяніемъ вакхическаго самозабвенія, совершаютъ таинства и церемоніи въ честь Вакха (Діонисія). Ни одинъ мужчина не можетъ попасть на островъ, и его обитательницы сами переѣзжаютъ къ своимъ мужьямъ и возвращаются къ себѣ. У нихъ существуетъ обычай разбирать ежегодно кровлю храма, и въ тотъ же день, предъ закатомъ солнца, возстановлять, для чего каждая изъ женщинъ несетъ на себѣ необходимыя для того тяжести; кто уронитъ тяжесть, удаляется изъ общества; неся такимъ образомъ ношу, онѣ съ крикомъ ходятъ около храма, пока не избавятся отъ восторга, и всегда происходитъ такъ, что одна изъ нихъ уронитъ тяжесть. Подобное этой сказкѣ разсказываетъ Артемидоръ о воронахъ: есть, говоритъ онъ, гавань на берегу океана, называемая гаванью „Двухъ вороновъ“; тамъ появляются два ворона, у которыхъ правое крыло съ бѣлымъ оттѣнкомъ. На то мѣсто собираются всѣ, кто имѣетъ тяжбу: соперники кладутъ на скалѣ дощечки, а на дощечки сухой хлѣбъ: вороны, прилетая, одно съѣдаютъ, а другое сбрасываютъ; хозяинъ послѣдняго выигрываетъ дѣло. Все это весьма баснословно, но гораздо вѣроятнѣе то, что Артемидоръ разсказываетъ о Церерѣ и Прозерпинѣ, а именно: вблизи Британіи есть островъ, на которомъ совершается поклоненіе этимъ богинямъ съ тѣми же обрядами, какъ и въ Самоѳракіи. Можно повѣрить также и тому, что въ Галліи растетъ дерево, похожее на смокву, плодъ котораго имѣетъ форму капители коринѳской колонны; изъ надрѣза этого плода выходитъ сокъ, которымъ обмазываютъ стрѣлы, такъ какъ онъ смертоносенъ.

Страбонъ.

Географ., кн. IV, гл. I, 1—5; гл. IV, 1—6.

Страбонъ (Strabo; род. въ Каппадокіи, около 50 г. до Р. Х., умеръ въ правленіе Тиберія, между 14 и 37 г. по Р. Х.), получивъ отличное образованіе въ школахъ Малой Азіи и Александріи, много путешествовалъ, доходилъ до нильскихъ катарактовъ и посѣщалъ Испанію, Галлію, долго жилъ въ Римѣ. Результатомъ его изученія древнихъ писателей и собственныхъ странствованій было „17 книгъ географіи“ (изъ нихъ 7 и 9 весьма испорчены; третья, относящаяся къ Испаніи, особенно замѣчательна и заключаетъ въ себѣ множество цитатъ изъ утраченной исторіи Полибія). Трудъ Страбона былъ предназначенъ въ пополненіе его же „Историческихъ мемуаровъ“, которые не дошли до насъ.—Лучшее изданіе греческаго текста съ латинскимъ переводомъ и атласомъ сдѣлали Dübner и Müller (въ Греческой Библіотекѣ F. Didot). Французскій переводъ: „Laporte du Theil, Gosselin, Coray et Letronne“. Par. 1805—1819. Монографіи: *Heeren*, De fontibus Geographicorum Strabonis. Goetting. 1823; *Hennicke*, De Strabonis geographiae fide. Goett. 1841.

71.—О характерѣ германскихъ завоевателей Галліи и состояніе побѣжденныхъ туземцевъ.

(1820 г.).

Я думаю, что теперь настало время для общества обнаружить наклонность къ исторіи болѣе, нежели къ какому-нибудь другому серьезному чтенію. Можетъ быть, это и въ порядкѣ развитія всякой цивилизаціи, чтобы послѣ вѣка, сильно потрясшаго идеи, наставало время для пересмотра фактовъ; или, можетъ быть, мы устали слушать клеветы на прошедшее, какъ на какое-нибудь неизвѣстное лицо; или, наконецъ, все это—дѣло одного литературнаго вкуса. Чтеніе романовъ Вальтеръ-Скотта весьма много послужило направленію европейскаго воображенія на эти средніе вѣка, отъ которыхъ прежде отворачивались съ презрѣніемъ; и если въ наше время совершается переворотъ въ способѣ чтенія и изложенія исторіи, то надобно сознаться, что творенія Вальтера-Скотта, хотя по своей внѣшности фантастическія, но въ особенности содѣйствовали тому. Любопытство, возбужденное во всѣхъ классахъ читателей по отношенію эпохи и людей, прослывшихъ варварскими, сдѣлало то, что и произведенія болѣе серьезныя имѣли неожиданный успѣхъ.

Безъ сомнѣнія, нельзя смотрѣть на романы Вальтеръ-Скотта, какъ на научные авторитеты; но нельзя также отнять у ихъ автора той заслуги, что онъ первый вывелъ на сцену различныя расы людей, которыхъ постепенное сліяніе сформировало великія націи Европы. Кто изъ историковъ Англіи говорилъ объ англо-саксахъ и норманнахъ, изображая время Ричарда Львиное-Сердце? Или, кто въ возстаніяхъ Шотландіи, отъ 1715 до 1745, подмѣтилъ малѣйшіе слѣды

національной вражды горцевъ, дѣтей гаэловъ, къ англичанамъ, дѣтямъ саксовъ? Всѣ подобные факты и многіе другіе не меньшей важности оставались до того времени незамѣченными: все, что̀ ходъ цивилизаціи подвелъ подъ одинъ уровень, то подводятъ подъ одинъ уровень и новѣйшіе историки.

Одно изъ важнѣйшихъ событій исторіи среднихъ вѣковъ, которое повернуло сверху до низу весь общественный бытъ Англіи—я разумѣю завоеваніе этой страны норманнами—въ исторіи Юма является чѣмъ-то въ родѣ завоеванія, совершоннаго какимъ-нибудь современнымъ владѣтелемъ. Вмѣсто того, чтобы явиться намъ въ характерѣ древнихъ германскихъ вторженій, борьба послѣдняго англо-сакскаго короля съ герцогомъ Нормандіи, Вильгельмомъ-Завоевателемъ, въ разсказѣ Юма, походитъ на самое обыкновенное соперничество двухъ претендентовъ на престолъ. Послѣдствія побѣды норманновъ для побѣжденной націи, повидимому, ограничиваются простою перемѣною правителей; между тѣмъ какъ дѣло шло не менѣе какъ о порабощеніи и лишеніи имущества для цѣлаго народа, въ пользу чужеземцевъ. Территорія, богатства, самая личность туземцевъ сдѣлались предметомъ добычи, наравнѣ съ королевствомъ.

Этотъ недостатокъ англійской исторіи повторяется въ цѣлости нашею исторіею, гдѣ вторженіе, завоеваніе, порабощеніе, продолжительная борьба расъ и націй принимаютъ точно такъ же, какъ и у Давида Юма, какой-то ложный и неопредѣленный характеръ. Настоящіе историческіе вопросы исчезаютъ подъ массою вопросовъ фантастическихъ и нелѣпыхъ, какъ, напримѣръ, былъ ли Клодовей *хорошимъ королемъ*, и была ли его политика согласна съ *интересами Франціи*. Именами: *Франція* и *французы*, стираютъ древнюю націю германцевъ; эти имена одни свидѣтельствуютъ теперь о ея существованіи, между тѣмъ какъ эта нація когда-то оставила иного рода слѣды, пройдя по той почвѣ, на которой мы теперь живемъ.

Если я произношу слово: *нація*, не примите его въ буквальномъ смыслѣ, потому что франки вовсе не были народомъ; они составляли конфедерацію небольшихъ народовъ, въ древности весьма отличныхъ, даже происхожденіемъ, другъ отъ друга, хотя тѣмъ не менѣе они всѣ принадлежали къ расѣ германской. Въ самомъ дѣлѣ, одни принадлежали къ западной и сѣверной вѣтви этой великой расы, первоначальный языкъ которой породилъ діалекты и нарѣчія нижненѣмецкіе; другіе выходили изъ центральной вѣтви, которой языкъ, нѣсколько смѣшанный и смягченный, образуетъ нынѣшній литературный языкъ Германіи. Союзъ франковъ, образовавшійся, какъ и всѣ древнѣйшіе союзы, изъ соединенія господствующаго колѣна и колѣнъ вассальныхъ, подвластныхъ первому, простиралъ, въ первый моментъ своей борьбы съ римскою имперіею, свое господство по берегамъ Сѣвернаго моря, отъ устьевъ Эльбы до устьевъ Рейна, и далѣе по правому берегу послѣдней рѣки, почти до того мѣста, гдѣ въ нее впадаетъ Майнъ. На востокѣ и югѣ союзъ франковъ доходилъ до предѣловъ соперничествовавшихъ съ нимъ союзовъ саксонскаго и алеманнскаго. Но нѣтъ возможности опредѣлить точно ихъ обоюдныхъ границъ. Эти границы видоизмѣнились по степени успѣховъ войны

или вслѣдствіе естественнаго непостоянства варваровъ; и цѣлыя населенія, или добровольно, или по принужденію, переходили поочередно изъ одного союза въ другой.

Новѣйшіе писатели уговорились придавать имени *франковъ* значеніе *свободныхъ людей*; но это не имѣетъ для себя основанія ни въ одномъ древнемъ извѣстіи, и никакое словопроизводство корней германской рѣчи не даетъ имъ на то ни малѣйшаго права. Это мнѣніе, появившееся отъ недостатковъ критики и распространенное національнымъ тщеславіемъ, падаетъ само собою при первомъ критическомъ изслѣдованіи различныхъ значеній этого слова, отъ котораго произошло наше имя, и которое на современномъ языкѣ выражаетъ столько разнообразныхъ качествъ. Только со времени завоеванія Галліи и вслѣдствіе высокаго общественнаго положенія, пріобрѣтеннаго въ этой странѣ людьми франкской расы, древнее ихъ наименованіе получило смыслъ соотвѣтственный всѣмъ качествамъ, которыми обладало или думало обладать благородное сословіе среднихъ вѣковъ, а именно, свободу, рѣшительность характера, великодушіе, правдивость и т. д. Въ XIII стол. слово *franc* выражало соединеніе богатства, могущества и политической важности; это слово противополагали другому: *chetif*, т.-е. бѣдный и низкаго происхожденія. Но эта идея превосходства, точно такъ же, какъ и независимости, перешедшая изъ французскаго языка и въ прочіе языки Европы, не имѣетъ ничего общаго съ первоначальнымъ значеніемъ древняго германскаго слова.

Будетъ ли это слово написано черезъ *n* или безъ *n*: *frak* или *frank*, оно, подобно латинскому ferox, означаетъ *гордый, безстрашный, свирѣпый*. Извѣстно, что свирѣпость въ то время вовсе не марала характера германскихъ героевъ, и это замѣчаніе идетъ въ особенности къ франкамъ, потому что, какъ кажется, съ перваго образованія ихъ союза, въ связи съ поклоненіемъ Одину, они раздѣляли воинственный фанатизмъ всѣхъ послѣдователей этой религіи. Въ сущности, союзъ *франковъ* вытекалъ *не изъ освобожденія* многочисленныхъ колѣнъ, *но изъ преобладанія* и, можетъ быть, *тиранніи* однихъ надъ другими. Такимъ образомъ, для дружины дѣло шло вовсе не о томъ, чтобъ провозгласить себя независимою, но она могла, и что̀, по моему мнѣнію, выражалось въ собирательномъ ея имени, объявить себя обществомъ храбрыхъ, рѣшившихся показать себя, предъ непріятелемъ, безъ страха и пощады.

Войны франковъ съ римлянами, начиная съ половины III-го столѣтія, вовсе не были войнами оборонительными. Въ своихъ военныхъ предпріятіяхъ конфедерація варваровъ преслѣдовала двойную цѣль: овладѣть территоріею на счетъ римской имперіи, и обогатиться грабежемъ порубежныхъ провинцій. Къ первымъ ея пріобрѣтеніямъ относится завоеваніе большого острова рѣки Рейна, называемаго островомъ батавовъ. Очевидно, что она питала намѣреніе овладѣть лѣвымъ берегомъ рѣки и затѣмъ покорить себѣ весь сѣверъ Галліи. Поощряемые первыми успѣхами и донесеніями своихъ соглядатаевъ къ дальнѣйшему преслѣдованію такого гигантскаго плана, франки пополняли ограниченность своихъ средствъ къ нападенію неутомимою дѣятельностью. Каждый годъ они перекидывали, съ своего берега

Рейна, шайки молодыхъ фанатиковъ, воображенiе которыхъ воспламенялось разсказами о подвигахъ Одина и наслажденiяхъ, которыя ожидаютъ храбрыхъ въ палатахъ Валгаллы. Немногiе изъ этихъ дѣтей погибели возвращались за рѣку. Часто такiе набѣги, были ли они одобрены или неодобрены начальниками колѣнъ, наказывались кроваво, и римскiе легiоны опустошали огнемъ и обливали кровью германскiй берегъ Рейна; но лишь только рѣка замерзла, переходы и вторженiя возобновлялись. Случалось ли военнымъ постамъ, вслѣдствiе передвиженiя войскъ отъ однѣхъ границъ имперiи къ другимъ, оставлять свои временныя укрѣпленiя, какъ вся конфедерацiя, и начальники, и взрослые, и юноши, поднимались съ оружiемъ въ рукахъ для вторженiя, и разрушали крѣпости, защищавшiя римскiй берегъ. При помощи подобныхъ попытокъ, безпрестанно повторяемыхъ, было довершено, наконецъ, во второй половинѣ V-го вѣка, завоеванiе сѣвера Галлiи одной частью конфедерацiи франковъ.

Между различными колѣнами, составлявшими конфедерацiю франковъ, не всѣ были расположены одинаково выгодно для своего вторженiя въ территорiю Галлiи. Западные франки, жившiе вблизи морскихъ дюнъ, сосѣднихъ устьямъ Рейна, были помѣщены въ этомъ отношенiи самымъ выгоднымъ образомъ: съ этой стороны римская граница не представляла никакихъ естественныхъ препятствiй; крѣпости были тамъ далеко не такъ многочисленны, какъ въ верхнихъ теченiяхъ Рейна; и наконецъ, страна, изрѣзанная болотами и покрытая лѣсами, представляла столько же неудобствъ для регулярнаго войска, сколько была выгодна для случайныхъ набѣговъ германскихъ дружинъ. Въ самомъ дѣлѣ, первыя вторженiя, болѣе прочныя, на лѣвый берегъ Рейна, были совершены именно поблизости его устьевъ; тамъ набѣги франковъ принесли результатъ положительный: территорiя была занята, и потомъ распространялась отъ одного мѣста до другого. Новая роль, которую съ того времени получили приморскiе франки, въ качествѣ поземельныхъ завоевателей, дала имъ значительный перевѣсъ надъ остальными членами конфедерацiи. Вслѣдствiе ли одного влiянiя, или путемъ силы, они сдѣлались господствующимъ населенiемъ, и ихъ главное колѣно, то, которое обитало у устьевъ Исселя (р. Сала) въ странѣ *Saliland* (земля р. Салы), стало во главѣ прочихъ. *Салиски* или *салiяне* считались болѣе благородными между франками, и именно изъ одной фамилiи салiянъ, изъ *Меровинговъ*, т.-е. дѣтей Меровига (или Меровея), конфедерацiя избирала себѣ королей, всякiй разъ, когда она въ томъ нуждалась [1]).

Первымъ изъ такихъ королей, дѣйствительное существованiе котораго подтверждается положительными фактами, былъ Клодiонъ,

---

[1]) Весьма вѣроятно, что названiе *Merowing* древнѣе существованiя самого *Меровига* или Меровея, преемника Клодiона. Это имя, вѣроятно, принадлежало одной древней фамилiи, весьма многочисленной, члены которой жили разсѣянно по всей территорiи салическихъ франковъ. Въ памятникахъ VI вѣка встрѣчаются мѣста, въ которыхъ этимъ именемъ обозначаются цѣлыя массы салическихъ колѣнъ.

потому что Фарамондъ, сынъ Маркомира, несмотря на то, что его имя совершенно германское, и самое правленіе его не невозможно, вовсе не встрѣчается въ лѣтописяхъ, заслуживающихъ вѣры. Въ послѣдующія эпохи всѣ воспоминанія о завоеваніи тѣсно связаны съ именемъ Клодіона. Ему вмѣстѣ съ тѣмъ приписывается честь, какъ первому, кто вступилъ на территорію Галліи и распространилъ господство франковъ до береговъ Соммы. Такимъ образомъ, въ Клодіонѣ были олицетворены побѣды, одержанныя цѣлымъ рядомъ предводителей, имена которыхъ остались неизвѣстными, и въ эпоху жизни одного человѣка сократился успѣхъ оружія франковъ, который на дѣлѣ былъ весьма постепененъ и исполненъ большихъ превратностей. Вотъ въ какомъ видѣ изображались тѣ событія историкомъ, правда, весьма уже позднимъ и баснословнымъ, но который, повидимому, служилъ вѣрнымъ эхомъ древнихъ народныхъ легендъ:

„Соглядатаи возвратились и донесли, что Галлія была самою благородною страною, богатою всякаго рода благами, усаженною лѣсами фруктовыхъ деревьевъ; что почва ея плодоносна и можетъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ человѣка. Воодушевленные такими разсказами, франки берутся за оружіе, возбуждаютъ свою храбрость, и, чтобы отмстить римлянамъ за притѣсненія, которыя они отъ нихъ испытали, изощряютъ свои мечи и сердца; они вызываютъ другъ въ другѣ презрѣніе и насмѣшки, чтобы не бѣжать предъ римлянами, но всѣхъ ихъ истребить. Въ тѣ дни римляне жили отъ рѣки Рейна до Луары, а отъ р. Луары до Испаніи обитали готы. Король Клодіонъ, пославъ соглядатаевъ до самаго Камбре, самъ переправился чрезъ Рейнъ съ большою арміею. Вступивъ въ лѣсъ Шарбоньера, онъ овладѣлъ городомъ Турне, и оттуда подвинулся впередъ до Камбре. Тамъ онъ остановился на нѣкоторое время и далъ приказаніе умертвить мечемъ всѣхъ римлянъ, которые жили въ городѣ. Удержавъ за собою городъ, онъ пошелъ далѣе и завоевалъ всю страну до рѣки Соммы“ (Gesta Francorum per Roriconem monachum, apud Script. rer. gallic. et francic., t. III, p. 4).

Самое любопытное въ этомъ разсказѣ то, что въ немъ чрезвычайно живо отраженъ варварскій характеръ войны, во время которой побѣдители соединяли жажду добычи съ ненавистью національною и съ чѣмъ-то въ родѣ ненависти религіозной. Все это однако не происходило съ такою регулярностью и не было безпрерывнымъ рядомъ успѣховъ: территорія второй бельгійской провинціи переходила нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки, прежде нежели осталась навсегда за франками. Самъ Клодіонъ потерпѣлъ пораженіе отъ римскихъ легіоновъ и былъ принужденъ въ безпорядкѣ отретироваться къ Рейну, или даже и за Рейнъ. Воспоминаніе объ этой битвѣ намъ сохранилъ одинъ латинскій поэтъ V вѣка, Сидоній Аполлинарій. Франки дошли до города, называвшагося Еленой, который считаютъ нынѣшнимъ Lens. Они, окруживъ себя повозками, расположились лагеремъ на холмахъ у небольшой рѣчки, и, какъ всѣ варвары, дурно содержали караулы; римляне и застали ихъ врасплохъ, подъ предводительствомъ Аэція. Въ минуту атаки франки пировали и плясали, по случаю свадьбы одного изъ своихъ предводителей. Далеко разда-

вался шумъ ихъ пѣсенъ и виднѣлись огни, на которыхъ изготовлялось пиршественное мясо. Вдругъ легіоны потянулись, сплошными линіями и бѣглымъ маршемъ, по узкому шоссе и деревянному мосту, который былъ перекинутъ черезъ рѣчку. Варвары едва имѣли время схватить оружіе и построиться въ порядокъ. Разбитые и принужденные къ отступленію, они побросали кое-какъ въ повозки приготовленія, сдѣланныя къ пиршеству, всякаго рода яства и огромные котлы, перевитые гирляндами. Но колесницы съ тѣмъ, что̀ на нихъ находилось, говоритъ поэтъ (Sid. Apoll., Carm. in paneg. Majoriani, apud Script. rer. gall. et francic., I, 802 и слѣд.), и сама новобрачная, бѣлокурая, какъ и ея мужъ, попали въ руки побѣдителя.

Портреты, которые рисуютъ намъ писатели того времени, говоря о франкскихъ воинахъ той эпохи, и позже до VI вѣка, имѣютъ въ себѣ что-то особенно дикое. Они приподнимали и прикрѣпляли на верхней части лба свои русые волосы, которые, образовавъ родъ узла, падали назадъ, какъ хвостъ у лошади. Ихъ лицо было совершенно выбрито, за исключеніемъ двухъ длинныхъ усовъ, висѣвшихъ съ двухъ сторонъ рта. Они носили льняную одежду, перетянутую широкимъ поясомъ, на которомъ висѣлъ мечъ. Любимымъ ихъ оружіемъ была сѣкира объ одномъ и о двухъ лезвіяхъ: само желѣзко широкое и острое, а рукоятка короткая. Сраженіе они начинали, бросая сѣкиры издалека или въ лицо, или въ щитъ непріятеля, и рѣдко не попадали въ то мѣсто, въ которое мѣтили.

Кромѣ сѣкиры, которая, по ихъ имени, называлась *франциской*, они имѣли метательное оружіе, которое было только имъ свойственно, и которое, на ихъ языкѣ, носило названіе *hang*, т.-е. копье: оно было средней величины и могло служить на близкомъ, и на дальнемъ разстояніи. Наконечникъ его, длинный и крѣпкій, былъ снабженъ острыми и загнутыми крючьями. Древко покрывалось желѣзными полосками почти во всю длину, такъ что не могло ни быть переломлено, ни разрублено мечомъ. Если такое копье вонзалось въ щитъ, то крючья, которыми оно было снабжено, не позволяли извлечь его назадъ, и оно влеклось оконечностью по землѣ: тогда франкъ, пустившій копье, бросался впередъ и, поставивъ ногу на древко, напиралъ на него всею тяжестью своего тѣла и вынуждалъ тѣмъ противника опустить руку со щитомъ и такимъ образомъ обнажить свою голову и грудь. Иногда къ копью привязывалась веревка и тогда оно служило арканомъ для привлеченія всего, во что̀ вонзалось. Одинъ франкъ пускалъ копье, другой держалъ веревку, и оба соединенными силами или обезоруживали непріятеля, или притягивали его силою за одежду или вооруженіе.

Воины франковъ продолжали сохранять такую внѣшность и свой способъ сражаться цѣлые полвѣка послѣ завоеванія, когда король ихъ Теодебертъ переходилъ Альпы и шелъ воевать въ Италію. Одна только королевская стража сидѣла на лошадяхъ и была вооружена копьями, по римскому образцу; остальное войско оставалось пѣшимъ и было вооружено жалкимъ образомъ: оно не имѣло ни панцыря, ни поножьевъ, обдѣланныхъ желѣзомъ; немногіе носили каски, другіе дрались съ открытою головой. Чтобы избѣгнуть вліянія жаркаго кли-

мата, они снимали съ себя верхнюю холщевую одежду и оставались въ однихъ кожаныхъ или матерчатыхъ панталонахъ, доходившихъ донизу. У нихъ не было ни лука, ни праща, ни другого метательнаго оружія, кромѣ копьеца и франциски. Вооруженные такимъ образомъ, они мѣрялись силами съ войсками императора Юстиніана, правда, съ большею храбростью, нежели успѣхомъ.

Моральный бытъ, отличавшій франковъ при появленіи ихъ въ Галліи, какъ я сказалъ выше, вполнѣ соотвѣтствовалъ ихъ вѣрованію въ Одина и чувственныя наслажденія Валгаллы. Они любили страстно войну, какъ средство быть богатыми въ этомъ мірѣ, а въ другомъ сдѣлаться сотрапезниками боговъ. Самые юные и вмѣстѣ самые отчаянные изъ нихъ испытывали въ себѣ во время битвы фанатическій восторгъ, который дѣлалъ ихъ нечувствительными къ боли и надѣлялъ сверхъестественною жизненною силою. Они едва держались на ногахъ и все еще сражались, несмотря на многочисленныя раны, изъ которыхъ самая ничтожная была бы достаточна, чтобы положить другого на мѣстѣ. На скандинавскомъ языкѣ такіе герои назывались *берсеркерами*. Завоеваніе, совершонное такими людьми, было, конечно, кроваво и сопровождалось безцѣльными жестокостями: къ сожалѣнію, намъ недостаетъ подробностей для изображенія отдѣльныхъ обстоятельствъ. Такая бѣдность документовъ была результатомъ отчасти обращенія франковъ въ *католичество*: оно сдѣлало ихъ популярными во всей Галліи и стерло пятна крови, пролитой новыми, ортодоксальными христіанами. Имя франковъ было вытерто въ тѣхъ легендахъ, которыя были предназначены для проклятія памяти убійцъ служителей божіихъ; самыя убійства, которыя были совершены франками, при ихъ вторженіи, приписали другимъ народамъ, какъ гуннамъ и вандаламъ; но нѣсколько отдѣльныхъ сценъ, сближенныхъ критикою и пополненныхъ наведеніемъ, могутъ сдѣлать очевиднымъ то, что̀ прикрыла лесть составителей хроникъ или религіозная симпатія.

Южныя и восточныя провинціи Галліи были завоеваны *визиготами* и *бургундами*, и потому ихъ завоеваніе далеко не было такъ опустошительно. Эти два народа, оставя давно уже фанатическое ученіе Одина, переселились на римскую территорію вслѣдствіе необходимости, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Они получили мѣсто своего новаго жительства скорѣе вслѣдствіе частыхъ переговоровъ, нежели силою оружія. При своемъ появленіи въ Галліи они были уже христіанами, и хотя принадлежали къ аріанству, но вообще обнаруживали большую терпимость. Готы, правда, были такими только сначала, но бургунды не измѣнялись никогда. Повидимому, добродушіе, составляющее и до сихъ поръ отличительную черту нѣмецкой расы, было издавна принадлежностью бургундовъ. До своего появленія на западномъ склонѣ Юры, они блуждали болѣе ста лѣтъ по Германіи, сталкиваясь со всѣми владѣтелями земель и получая вездѣ отпоръ. Идея несчастія и пораженія была, такъ сказать, привязана къ ихъ имени, и длиный рядъ обманутыхъ стремленій, заключившійся народною катастрофой, изъ которой сѣверная поэзія сложила свою вели-

кую эпопею [1]), смягчили характеръ бургундовъ и сломили въ нихъ кичливость варвара и завоевателя.

Сдѣлавшись владѣтелями земель, принадлежавшихъ гальскимъ собственникамъ, получивъ или взявъ, въ качествѣ гостей, двѣ трети земель и треть рабовъ, они тщательно заботились о томъ, чтобы не переступить своихъ предѣловъ. Они не смотрѣли на римлянина какъ на своего *колона*, или на *лита* [2]), по германскому выраженію, но какъ на равнаго себѣ, въ границахъ, ему предоставленныхъ. Они даже испытывали на себѣ неловкое положеніе пришельцевъ, стоя предъ богатыми сенаторами, которые были наравнѣ съ ними собственниками. Расположившись на постоѣ въ какомъ-нибудь знатномъ домѣ, гдѣ они могли бы распоряжаться, какъ господа, бургунды старались во всемъ подражать римскимъ кліентамъ своего благороднаго хозяина, и рано утромъ собирались, чтобы идти откланяться ему и привѣтствовать, называя его именами: *батюшка* или *дядя*—что̀ на германскомъ діалектѣ составляло обычную формулу, выражавшую уваженіе къ старшему. Потомъ, вычистивъ оружіе и намазавъ масломъ свои длинные волоса, они начинали пѣть во все горло какую-нибудь народную пѣсню и съ наивнымъ добродушіемъ спрашивали у римлянъ, какъ имъ это нравится.

Законъ бургундовъ, одинаковый для побѣдителей и побѣжденныхъ, запрещалъ первымъ злоупотребленіе силы. Онъ даже представлялъ въ этомъ отношеніи нѣкоторыя предосторожности, которыя можно было бы назвать деликатными. Напримѣръ, законъ не дозволялъ варварамъ вмѣшиваться, ни подъ какимъ предлогомъ, въ процессы между римлянами. Одинъ изъ такихъ параграфовъ сто̀итъ быть приведеннымъ въ текстѣ: „Если кто-нибудь откажетъ въ столѣ и очагѣ страннику-чужеземцу, то заплатитъ пени три солида... Если странникъ придетъ въ домъ бургунда и будетъ просить крова, а этотъ укажетъ на домъ римлянина, и будетъ то доказано, бургундъ платитъ три солида пени и три солида на вознагражденіе тому, на чей домъ было указано“. (Lex Burgundionum, tit. LV).

До эпохи развитія нетерпимости аріанскаго фанатизма, визиготы, господствуя въ странѣ, расположенной между Роною, Луарою и двумя морями, отличались тѣмъ же духомъ справедливости, соеди-

---

[1]) Т.-е. поэму *Нибелунговъ* и героическія пѣсни *Эдды*. Въ этихъ эпическихъ преданіяхъ Скандинавіи и Германіи, вслѣдствіе анахронизма, перемѣшаны воспоминанія о разрушеніи перваго королевства бургундовъ и воспоминанія о князьяхъ меровингскихъ, павшихъ жертвою соперничества двухъ женщинъ, Брунегильды и Фредегунды. Другой анахронизмъ соединилъ тамъ имя Аттилы съ именемъ Теодорика, короля готовъ, какъ величайшимъ именемъ, которое осталось въ памяти зарейнскихъ народовъ. См. сочиненіе Roget de Belloguet, подъ заглавіемъ: Questions bourguignonnes, напечатанное вмѣстѣ съ произведеніемъ Courtépée, (издан. 1846 г.), стр. 132 и слѣд.

[2]) *Lide*, *lete*, *late*, *latze* на древнихъ германскихъ діалектахъ означало: *малый послѣдній*. Такъ назывались низшіе классы, бывшіе, по всей вѣроятности, остаткомъ побѣжденной расы.

ненной съ большимъ умственнымъ развитіемъ и большою наклонностью къ образованности. Ихъ военныя прогулки по Греціи и Италіи внушали ихъ предводителямъ честолюбивое стремленіе превзойти или, по крайней мѣрѣ, продолжать, въ своихъ учрежденіяхъ, римскую администрацію. Преемникъ знаменитаго Аларика, Атаульфъ, переведя свой народъ изъ Италіи въ нарбонскую провинцію, выражалъ весьма ясно и наивно свои убѣжденія по этому поводу. „Я припоминаю, говоритъ одинъ писатель V вѣка (Павелъ Орозій, Hist., lib. VII, apud Script. rer. gallic. et francic., t. I, p. 598), мнѣ разсказывалъ блаженный Іеронимъ, въ Виѳлеемѣ, какъ онъ видѣлъ одного жителя Нарбоны, достигшаго высшихъ должностей при императорѣ Ѳеодосіи, и при томъ лицо духовное, мудрое и внушающее уваженіе: это лицо у себя на родинѣ находилось въ близкихъ отношеніяхъ къ Атаульфу, и житель Нарбоны часто повторялъ, что король готовъ, человѣкъ великаго сердца и высокаго ума, обыкновенно говаривалъ, что его пламенное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы уничтожить самое римское имя и утвердить на всемъ пространствѣ римскихъ земель новую имперію, называемую готской, такъ, чтобы, говоря обыкновеннымъ языкомъ, *Романія* сдѣлалась бы *Готіей*, и чтобы Атаульфъ игралъ ту же роль, какъ и Цезарь-Августъ; но удостовѣрившись опытомъ, что готы были неспособны къ повиновенію законамъ, вслѣдствіе ихъ неукротимаго варварства, и полагая, что не слѣдуетъ касаться законовъ, безъ которыхъ государство перестанетъ быть государствомъ, онъ рѣшился искать славы въ посвященіи силы готовъ на возстановленіе во всей цѣлости и даже на увеличеніе могущества римскаго имени, съ тѣмъ, чтобы потомство смотрѣло на него, по крайней мѣрѣ, какъ на возстановителя имперіи. Въ этомъ намѣреніи онъ прекратилъ войну, и заботился тщательно о мирѣ...“.

Такія возвышенныя идеи о необходимости законовъ для правительства, такая любовь къ цивилизаціи, которой римская имперія служила въ то время единственнымъ образцомъ, сохранялись, но еще съ большею независимостью, и при преемникахъ Атаульфа. Ихъ дворъ въ Тулузѣ, центръ политики всего Запада, посредникъ между императорскимъ дворомъ и германскими королевствами, равнялся въ своей изысканности, а въ достоинствахъ можетъ быть и превосходилъ дворъ константинопольскій. Когда король визиготовъ не шелъ на войну, въ то время—а во время войны брали верхъ германцы—его окружали знатные галлы. Король Эврикъ имѣлъ своимъ совѣтникомъ и секретаремъ одного ритора, наиболѣе уважаемаго въ ту эпоху, и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на депеши, писанныя отъ его имени и притомъ языкомъ, которому удивлялись во всей Италіи, за его чистоту и изящный стиль. Этотъ король, предпослѣдній изъ тѣхъ, которые правили въ Галліи, вызывалъ истинное изумленіе въ умахъ самыхъ просвѣщенныхъ того времени. Вотъ стихи, писанные величайшимъ поэтомъ V вѣка, Сидоніемъ Аполлинаріемъ, изгнаннымъ изъ Оверни, своей родины, королемъ визиготовъ, по подозрѣнію въ привязанности къ имперіи; онъ явился въ Бордо ходатайствовать объ окончаніи ссылки. Это небольшое произведеніе выражаетъ довольно живо то впечатлѣніе, которое произвелъ на изгнанника одинъ видъ людей всевозмож-

ныхъ расъ, собравшихся у короля готовъ хлопотать объ интересахъ родины, которой каждый принадлежалъ:

„Луна два раза совершила свой кругъ, а я могъ добиться только одной аудіенціи: повелитель этой страны не находитъ времени для меня, потому что вся вселенная обращается къ нему съ вопросами и ждетъ отъ него отвѣта съ подобострастіемъ. Тутъ мы видимъ и сакса съ голубыми глазами: его не удивляетъ никакое море, и онъ боится земли, по которой ступаетъ. Тутъ и старый сикамбръ, обстриженный послѣ пораженія, отращиваетъ съизнова свои волосы. Тутъ прогуливается и герулъ съ зеленоватыми глазами, почти одного цвѣта съ океаномъ, на отдаленныхъ заливахъ котораго онъ обитаетъ. Тутъ и бургундъ, ростомъ семи футовъ, преклоняетъ свое колѣно и молитъ о мирѣ. Тутъ и остроготъ ищетъ покровительства, которое составляетъ всю его силу, и при помощи котораго онъ заставляетъ трепетать гунновъ: слабый съ одной стороны, съ другой онъ можетъ быть гордымъ. Тутъ и ты, римлянинъ, приходишь вымаливать себѣ жизнь, и когда Сѣверъ грозитъ тебѣ какою-нибудь опасностью, ты ищешь руки Эврика противъ толпищъ Скиѳіи, ты просишь, чтобы Гаронна, нынѣ воинственная и мощная, оказала покровительство ослабшему Тибру“ (Sidon. Apollin., Epist. ad Lampridium, apud Script. rer. gall. et francic., t. I, pag. 800) [1]).

Если отъ этой картины или другой картины двора готскаго короля Теодорика II, начертанной въ прозѣ тѣмъ же писателемъ (Sid. Apoll., Epist. ad Agricolam, t. I, pag. 783), перейти къ подлиннымъ разсказамъ о правленіи Клодовея, то можно подумать, что мы удалились въ самую глубину лѣсовъ Германіи: и между тѣмъ, среди королей франкскихъ первой расы Клодовей является еще политическимъ человѣкомъ. Онъ, имѣя въ виду основать государство, попираетъ ногами поклоненіе богамъ Сѣвера, и вступаетъ въ союзъ съ католическими епископами для разрушенія двухъ аріанскихъ государствъ, визиготскаго и бургундскаго. Но оставаясь болѣе слѣпымъ орудіемъ, нежели двигателемъ этого союза, несмотря на свою дружбу съ прелатами, несмотря на употребленіе, въ своихъ дипломатическихъ сношеніяхъ, римлянъ, которымъ преданіе приписывало испытанную ловкость въ подобныхъ случаяхъ — несмотря на все то, Клодовей оставался подъ вліяніемъ нравовъ своей націи. Толчокъ, данный этимъ нравамъ привычкою варварской жизни и древнею кровавою религіею Одина, не былъ остановленъ обращеніемъ франковъ въ христіанство. Епископъ римскій могъ говорить новообращеннымъ: „Сикамбръ, смягчись, склони твою голову, и боготвори то, что ты предавалъ сожженію“, и тѣмъ не менѣе пожары и грабежи не щадили церквей во время набѣговъ франковъ, предпринятыхъ ими къ берегамъ Соны и на югъ до Луары.

Не надобно, впрочемъ, себѣ воображать, чтобы это достопамятное обращеніе было внезапно и повсемѣстно. Сначала произошло поли-

---

[1]) См. ниже, въ статьѣ 72, II, переводъ подлиннаго письма въ цѣлости, болѣе близкій къ тексту.

тическое распаденіе между послѣдователями новаго и древняго культа; большая часть послѣднихъ покинула королевство Клодовея и перешла за рѣку Сомму, въ королевство Раганара; столицею котораго былъ г. Камбре. Но многіе остались при королѣ, продолжая сохранять древнюю религію и не отказываясь отъ вассальныхъ отношеній. Преданіе свидѣтельствуетъ о томъ, что не только первый христіанскій король; но и его и преемники были часто вынуждены сидѣть за столомъ съ упорными язычниками, и такихъ было много между франками, въ самомъ высшемъ ихъ классѣ. Вотъ по этому поводу два анекдота, которые не были до сихъ поръ переданы ни однимъ изъ новѣйшихъ историковъ, и которые, однако, вполнѣ заслуживали бы того; опасеніе показаться довѣрчивымъ, въ отношеніи элемента чудеснаго среднихъ вѣковъ, не должно доходить до пренебреженія подробностями тогдашнихъ нравовъ, безъ которыхъ исторія всегда останется неопредѣленною и невразумительною.

„Возвращаясь по направленію къ Парижу, гдѣ Клодовей рѣшился утвердить свою резиденцію, онъ проходилъ чрезъ Орлеанъ и расположился тамъ на нѣсколько дней, вмѣстѣ съ отрядомъ своей арміи. Во время пребыванія короля въ городѣ епископъ пуатвинскій Адельфій представилъ ему аббата Фридолина, котораго считали святымъ, и Клодовей весьма желалъ его видѣть. Оба путника прибыли въ лагерь франковъ, пустынникъ пѣшкомъ, а епископъ верхомъ, какъ и слѣдовало. Король вышелъ самъ къ нимъ на встрѣчу, въ сопровожденіи множества людей, сдѣлалъ имъ самый почтительный и дружескій пріемъ, и послѣ нѣсколькихъ часовъ бесѣды съ ними приказалъ приготовить большой столъ. За обѣдомъ король велѣлъ подать себѣ дорогую чашу, прозрачную, какъ стекло, и украшенную золотомъ и драгоцѣнными каменьями, наполнивъ чашу и выпивъ, онъ передалъ ее аббату, который хотя пришелъ, но отказался пить, извиняясь тѣмъ, что вообще не пьетъ вина; когда же чаша перешла въ руки Фридолина, онъ выронилъ ее случайно, и чаша, упавъ на столъ, а со стола на полъ, разбилась на четыре части. Одинъ изъ кравчихъ подобралъ куски и положилъ предъ королемъ, котораго опечалила не потеря вазы, но мысль о дурномъ впечатлѣніи, которое могъ этотъ случай произвести на присутствующихъ, а между ними было много язычниковъ. Во всякомъ случаѣ, Клодовей, придавъ своему лицу веселое выраженіе, обратился къ аббату: „владыко, это за мою любовь къ тебѣ я лишился этой чаши; еслибы она выпала изъ моихъ рукъ, то не была бы разбита. Посмотри, что̀ Богу угодно было сдѣлать для тебя въ пользу своего святого имени, для того чтобы тѣ между нами, которые предаются еще идолопоклонству, не замедлили увѣровать во всемогущаго Господа“. Въ самомъ дѣлѣ, Фридолинъ взялъ всѣ четыре куска, составилъ ихъ и, сжимая въ рукахъ, съ головой, наклоненной къ столу, началъ молить Бога, рыдая и испуская глубокіе вздохи. Когда его молитва была окончена, онъ возвратилъ чашу королю, и тотъ нашелъ ее совершенно цѣлою: не осталось даже знаковъ трещины. Такое чудо привело въ восторгъ христіанъ, а еще болѣе поразило невѣрныхъ, которые присутствовали тамъ во множествѣ. Когда король и всѣ прочіе, вставъ изъ-за стола, воздавали хвалу Всевыш-

нему, тѣ изъ присутствовавшихъ, которые были еще помрачены заблужденіями язычества, исповѣдали вѣру въ св. Троицу и получили изъ рукъ епископа воду крещенія“ (Vita S. Fredolini, apud Script. rer. gall. et francic., t. III, p. 388).

„Послѣ смерти короля Клодовея, когда его сынъ Лотарь утвердился въ городѣ Суассонѣ, случилось, что одинъ франкъ, по имени Гозинъ, пригласилъ его на пирушку, и между придворными его свиты былъ позванъ и Ведастъ-Преподобный (св. Ваастъ), епископъ Арраса. Святой человѣкъ принялъ это приглашеніе съ единственною цѣлью, дать спасительное назиданіе толпѣ гостей и воспользоваться вліяніемъ короля, для совершенія надъ ними таинства крещенія. Войдя въ домъ, онъ замѣтилъ большое число бочекъ, уставленныхъ въ рядъ и наполненныхъ виномъ. Спросивъ, чтò это за бочки, онъ получилъ въ отвѣтъ, что однѣ изъ нихъ предназначены для христіанъ, а другія для язычниковъ, какъ того требовалъ обычай послѣднихъ. Узнавъ то, Ведастъ-Преподобный началъ безразлично благословлять всѣ бочки во имя Іисуса, творя при этомъ знаменіе креста. Когда онъ благословлялъ бочки, освященныя по языческому обычаю, обручи и перевязи разсыпались, и жидкость разливалась по полу. Это приключеніе не было безполезно для спасенія присутствовавшихъ, потому что многіе были приведены тѣмъ къ просьбѣ о благодати св. крещенія, и подчинили себя игу религіи“ (Vita S. Vedasti, apud Script. rer. gall. et francic., III, pag. 373).

Если вы посмотрите и другіе документы, относящіеся къ исторіи VI и VII вѣка, то найдется тамъ множество доказательствъ тому, что язычество долго сохранялось между франками и исчезало только постепенно. Византійскій историкъ Прокопій разсказываетъ съ ужасомъ, что въ 539 году солдаты Теодеберта, короля австразійскихъ франковъ, при вторженіи въ Италію, когда они шли противъ готовъ, избивали женщинъ и дѣтей въ этомъ народѣ, и бросали ихъ трупы въ р. По, какъ первую добычу войны, открываемой ими. „Эти варвары, говоритъ Прокопій (Ист. готской войны, II, 38), такіе христіане, что продолжаютъ сохранять многіе изъ древнихъ обрядовъ язычества, приносятъ божествамъ человѣческія жертвы и совершаютъ другія безчинства“. Сто лѣтъ спустя, на берегу рѣки Соммы и даже р. Энь (Aisne), язычество сохранялось въ деревняхъ, любимомъ мѣстопребываніи франкскаго народа. Епископы сѣверныхъ городовъ дѣлали свои пастырскіе объѣзды не безъ великихъ опасностей, и надобно было имѣть всю ревность мученика, чтобы проповѣдывать христіанство въ Гентѣ и по нижнему теченію Шельды. Въ 656 г. ирландскій священникъ потерялъ жизнь при такой опасной миссіи; около той же эпохи другія личности, чтимыя церковью, Лупъ и Амандъ, родомъ римляне, и Одомеръ и Бертевинъ (St Omer et St Bertin), родомъ франки, заслужили въ этихъ же мѣстахъ свою славу святыхъ.

Когда благородныя усилія христіанскаго духовенства вырвали съ корнемъ звѣрство и суевѣріе, принесенное на сѣверъ Галліи ея завоевателями, въ нравахъ этой расы людей все же оставались слѣды грубой дикости и были замѣтны, какъ во время мира, такъ и на

войнѣ, какъ въ образѣ дѣйствія, такъ и въ ихъ рѣчахъ. Эти припадки варварства, столь поразительные въ разсказахъ Григорія Турскаго, встрѣчаются повсюду въ оригинальныхъ памятникахъ второго вѣка господства королей меровингскихъ. Я избираю для примѣра самый важный памятникъ изъ всѣхъ, а именно, законъ салическихъ франковъ, или *салическій законъ*, котораго латинская редакція принадлежитъ правленію Дагоберта. Прологъ, которымъ начинается законъ — произведеніе какого-нибудь клерика изъ рода франковъ — представляетъ во всей наготѣ всю грубость, безобразіе, если можно такъ выразиться, которымъ отличался складъ ума людей этой націи, еще преданныхъ къ тому занятіямъ литературнымъ. Первыя строки этого пролога, повидимому, составляютъ буквальный переводъ одной древней германской пѣсни:

„Народъ франковъ, знаменитый, созданный Богомъ, сильный оружіемъ, твердый въ мірѣ, глубокомысленный въ совѣтѣ, благородный и здравый тѣломъ, бѣлизны и красоты необыкновенной, отважный, быстрый и крѣпкій въ бою, недавно обращенный въ католичество, свободный отъ ереси, когда онъ былъ еще варварской вѣры, по внушенію Бога, отъискивалъ ключъ знанія, а по природѣ своихъ качествъ жаждалъ правды, и хранилъ благочестіе: законъ *салическій* былъ высказанъ предводителями этой націи, которые управляли ею въ то время.

„Изъ числа многихъ было выбрано четыре человѣка, а именно: *гастъ* (Gast, т.-е. гость) изъ Визы, гастъ изъ Бода, гастъ изъ Сала, гастъ изъ Винда, въ мѣстахъ, называемыхъ: округъ Виза, округъ Сала, округъ Бода и округъ Винда. Эти люди собрались на три совѣта (per tres mallos), тщательно обсудили всѣ причины ссоръ, разсмотрѣли каждую отдѣльно и произнесли свой приговоръ, какъ слѣдуетъ ниже. Потомъ, такъ какъ съ помощью божіей Клодовей Пригожеволосый, красивый, преславный король франковъ, первый получилъ католическое крещеніе, то все, что въ этомъ законѣ было признано неприличнымъ, знаменитые короли, Клодовей, Гильдебертъ и Лотарь, выпустили, и такимъ образомъ было составлено слѣдующее опредѣленіе:

„Да будетъ живъ Христосъ, который любитъ франковъ и исполняетъ ихъ предводителей свѣтомъ своей благодати; да покровительствуетъ Онъ войску, и да пошлетъ имъ знаки, знаменующіе ихъ вѣру, радость мира и благополучіе; да направляетъ Господь Іисусъ Христосъ на путь благочестія бразды тѣхъ, которые правятъ, ибо эта доблестная и храбрая нація свергнула съ своей главы суровое иго римлянъ, и признавъ святость крещенія, богато убрала золотомъ и драгоцѣнными камнями мощи св. мучениковъ, которыхъ римляне сожигали огнемъ, умерщвляли, безобразили мечомъ или отдавали на растерзаніе дикимъ звѣрямъ“ (Legis Salicae prologus, apud Script. rer. gall. et francic., t. IV, p. 122, 123).

Обратимся теперь къ вопросу, каково было положеніе побѣжденныхъ галловъ по отношенію къ новымъ пришельцамъ завоевателямъ? И вотъ какимъ образомъ отвѣчаютъ на это самые положительные памятники того времени, а именно законы:

„Если какой-нибудь свободный человѣкъ — такъ говоритъ салическій законъ—убьетъ франка или варвара, живущаго подъ салическимъ закономъ, то онъ будетъ осужденъ на пеню въ *двѣсти* солидовъ. — Если же будетъ убитъ римскій собственникъ, то-есть имѣющій свою собственность въ округѣ, въ которомъ живетъ, то уличенный въ томъ заплатитъ *сто* солидовъ [1])".

„Тотъ, кто убьетъ франка или варвара, состоящаго въ личной службѣ (trustis) короля, тотъ заплатитъ 600 солидовъ. — Если же убитъ римлянинъ, приближенный къ королю, то вира равняется 300 солидовъ" (т.-е. 59,718 и 29,859 фр. по современной стоимости золота [2]).

„Если кто-нибудь, собравъ толпу, нападетъ въ своемъ домѣ на человѣка свободнаго (франка или варвара) и убьетъ его, то платитъ 600 солидовъ. Если же будетъ убитъ *литъ*, туземецъ или римлянинъ, подобнымъ же скопомъ, то платится только половина той виры" (Lex Sal. tit. XLV, § 1 и 3).

„Если какой-нибудь римлянинъ свяжетъ франка безъ законной причины, то онъ платитъ 30 солидовъ (2,985 fr.). Но если франкъ свяжетъ римлянина, и также безъ причины, то платитъ 15 солидовъ" (L. S. tit. XXXV, § 3 и 4).

„Если римлянинъ ограбитъ франка, то платитъ 62 солида, (5,170 фр.). Если франкъ ограбитъ римлянина, то онъ осуждается на виру въ 30 солидовъ" (2,985 fr. Lex Sal. tit. XV).

Вотъ какимъ образомъ салическій законъ отвѣчаетъ на вопросъ столько разъ оспариваемый, о первоначальномъ различіи въ положеніи, которое существовало между франками и галлами. Законодательные памятники говорятъ по этому поводу одно, что вира (wehrgeld, т.-е. цѣна человѣка) была, во всѣхъ случаяхъ, вдвое больше для варвара, нежели для римлянина. Свободный римлянинъ и собственникъ уравнивался съ *литомъ*, германцемъ послѣдняго разряда, вынужденнымъ силою обработывать поля завоевательной расы, и происходившимъ, вѣроятно, отъ какого-нибудь еще въ древности покореннаго племени. Но я опасаюсь, что такое разрѣшеніе вопроса, при всей своей неопровержимости, не вполнѣ удовлетворительно и не объясняетъ еще всего секрета общественнаго порядка, утвержденнаго въ Галліи завоеваніемъ франковъ. Текстъ законовъ — мертвая буква; болѣе любопытно и полезно изучить самую жизнь эпохи, во всемъ ея разнообразіи и со всѣми оттѣнками, неуловимыми для правильной классификаціи. Въ настоящемъ случаѣ ничто такъ не разъясняетъ прошедшаго, какъ изслѣдованіе и сравненіе его съ тѣми явленіями

---

[1]) Lex Salica, tit. XLIV. §§ 1 и 15 въ Script rer. gallic. et francic., t. IV, p. 147. По стоимости золотого солида, опредѣленной Гераромъ (см. его мемуаръ о монетной системѣ франковъ при первыхъ двухъ расахъ въ Revue de la numismatique française, 11 и 12 книжки 1837: одинъ солидъ золотой=9 fr. 28 cts внутренней цѣны, и сравнительно съ современной 99 fr. 13 cts), пеня въ первомъ случаѣ =1856 фр. внутренней цѣнности, и сравнительно съ современною стоимостью доходила до 19,906 фр., а во второмъ случаѣ=928 фр. и 9,963 фр.

[2]) Lex Sal. tit. XLIV, §§ 4 и 6.

нашей современной жизни, которыя представляютъ нѣкоторую аналогію съ тогдашнимъ состояніемъ Галліи, и потому могутъ быть сближены.

Припомнимъ себѣ положеніе новой Греціи подъ господствомъ турокъ, соберемъ въ нашемъ умѣ все, что̀ мы читали или слышали о *райяхъ* и *фанаріотахъ*, о массѣ греческой націи и тѣхъ немногихъ, которыхъ турки возвышали, вручая имъ отправленіе нѣкоторыхъ должностей: если я не ошибаюсь, картина грубаго притѣсненія ногой Греціи, всеобщаго террора, постоянныхъ усилій выйти, всѣми средствами и во что бы то ни стало, изъ положенія завоеванныхъ,— все это даетъ намъ живое и осязательное понятіе о тѣхъ простыхъ словахъ, которыя мы встрѣчаемъ въ салическомъ законѣ, а именно: *римлянинъ-собственникъ римлянинъ податной*, *римлянинъ приближенный короля*. Понятно теперь, какія разнообразныя формы могло принимать рабство галло-римлянъ подъ господствомъ варваровъ. Несмотря на разстояніе времени и различіе, которое должно было произойти вслѣдствіе религіозной противоположности у новыхъ грековъ съ турками и общей религіи у галловъ и франковъ, въ обѣихъ этихъ странахъ, и въ новой Греціи, и въ древней Галліи, не только одно положеніе побѣжденныхъ, но и ихъ моральныя отношенія къ побѣдителю представляли величайшую аналогію. Въ разсказахъ Григорія-Турскаго можно встрѣтить и ежедневныя страданія несчастныхъ райевъ Галліи, угнетенныхъ, ограбленныхъ перегоняемыхъ съ мѣста на мѣсто по капризу побѣдителя, и коварный духъ интригъ туземцевъ высшаго сословія, отдавшихъ себя на службу побѣдителю, напоминающій безнравственность фанаріотовъ, до того возмутительную, что ее можно принять развѣ за результатъ крайняго отчаянія.

„При приближеніи мѣсяца сентября (574 г.) къ королю Гильперику явилось большое посольство отъ го̀товъ (съ порученіемъ отвезти въ Испанію его дочь Ригонту, невѣсту визиготскаго короля Реккареда). Возвратившись въ Парижъ, король повелѣлъ взять большое число семействъ въ домахъ, принадлежавшихъ фиску, и посадить ихъ на повозки для отправленія въ Испанію. Многіе плакали и не хотѣли уѣзжать; король повелѣлъ бросить ихъ въ темницу, чтобы тѣмъ легче принудить ѣхать вмѣстѣ съ его дочерью. Разсказываютъ, что въ отчаяніи отъ горя и страха многіе лишали себя жизни. Сына отдѣляли отъ отца, мать отъ дочери; они отправлялись съ рыданіями и проклятіями. Въ Парижѣ плакало столько народу, что это можно было сравнить съ плачемъ египетскимъ. Многіе изъ людей лучшихъ фамилій, принужденные силою къ отправленію, составляли духовныя, отдавали имущество церквамъ и предписывали въ то время, когда невѣста вступитъ въ Испанію, вскрывать завѣщанія, какъ будто бы ихъ тѣмъ зарывали въ землю......“ (Greg Turon., Hist. Franc. VI, 45, apud Script. rer. gall. et franc., II, p. 289).

„Король Гунтрамъ, получивъ, какъ и его братья, часть королевства, лишилъ *Агриколу* званія патриція и передалъ *Цельзу*, человѣку высокаго роста, широкоплечему, надѣленному силою рукъ и высокомѣріемъ слова, скорому на отвѣтъ и ловкому въ дѣлѣ законовъ. Этотъ человѣкъ былъ тогда одержимъ такою жадностью къ деньгамъ,

что часто посягалъ на церковныя имущества и овладѣвалъ ими. Разсказываютъ, что онъ, услышавъ однажды въ церкви чтеніе пророка Исаіи, гдѣ сказано: Горе тому, кто присоединяетъ домъ къ дому, и поле къ полю, пока не хватитъ ему земли! закричалъ: Это слишкомъ дерзко пѣть здѣсь несчастіе мнѣ и моимъ дѣтямъ......" (Тж. IV, 24).

Эоній, имѣвшій прозваніе Муммола, получилъ патриціатъ отъ короля Гунтрама; я полагаю, кстати будетъ здѣсь разсказать о происхожденіи его богатствъ. Онъ родился въ городѣ Оксеррѣ, и отца его звали *Пеоній*. Этотъ Пеоній управлялъ городомъ въ качествѣ графа. Желая возобновить грамоту на мѣсто (ad renovandam actionem), онъ отправилъ сына къ королю съ подарками. А сынъ отдалъ деньги отъ своего имени, овладѣлъ графствомъ и замѣстилъ отца, давшаго ему порученіе. Такимъ образомъ, возвышаясь мало-по-малу, онъ дошелъ до высокихъ должностей......" (Тж. IV, 42).

„Въ десятый годъ правленія Теодорика, по настоянію Брунегильды и по королевскому повелѣнію, *Протадій* былъ сдѣланъ палатнымъ мэромъ. Это былъ человѣкъ въ высшей степени хитрый и ловкій, но въ отношеніи ко многимъ жестоко несправедливый; приписывая фиску большія права, онъ употреблялъ всякія искусныя мѣры, чтобы наполнить его и самому обогатиться чужимъ добромъ. Всѣхъ людей благороднаго происхожденія онъ старался унизить, съ тѣмъ, чтобы не могло явиться ни одного способнаго человѣка, который занялъ бы мѣсто, на которомъ онъ сидѣлъ......" (Fredegarii Chron., гл. 27, у Script r. g. et franc. II, p. 422).

Всѣ эти названныя лица: Агрикола, Цельзъ, Эоній, Пеоній, Протадій, какъ показываютъ ихъ имена, были галло-римляне, вступившіе на службу къ побѣдителямъ и продавшіе за личныя выгоды интересы своихъ несчастныхъ соотечественниковъ.

Я могъ бы привести еще много отрывочныхъ примѣровъ, но я предпочитаю привести цѣлую исторію, которая представитъ всѣ стороны этого вопроса, и въ которой будутъ фигурировать поочередно и знатный галло-римлянинъ, интригующій, чтобы выслужиться у варваровъ, и дѣти большого семейства, проданныя какъ рабы, и наконецъ цѣлая страна, опустошенная военными экзекуціями.

Кай-Соллій-Аполлинарій-Сидоній, овернскій сенаторъ, зять императора Авита и величайшій писатель своего времени, былъ въ Галліи послѣднимъ представителемъ римскаго патріотизма. Когда, въ 475 г., Арвернія, или, какъ мы говоримъ нынѣ, Овернь, была уступлена императоромъ Юліемъ-Непотомъ въ пользу го̀товъ, Сидонія изгнали изъ страны, и потому онъ сохранилъ до самой смерти глубокое отвращеніе къ правительству варваровъ. Его сынъ, того же имени, устроилъ свои дѣла лучше: онъ принялъ сторону визиготовъ, и въ 507 г. сражался за нихъ съ франками въ знаменитый день битвы при Вугле. Франки, побѣдители, заняли Овернь, и тогда Аркадій, внукъ перваго Сидонія-Аполлинарія, забывъ одинаково и готскую, и римскую родину, думалъ только объ одномъ, чтобы воспользоваться своимъ именемъ, своею ловкостью и богатствами, которыя ему еще оставались, чтобы составить колоссальное состояніе подъ покровительствомъ новыхъ вла-

стителей. Клодовей умеръ и, при раздѣлѣ его завоеваній между четырьми сыновьями, Овернь досталась Теодорику, королю австразійскихъ франковъ, который самъ ее завоевалъ. Повидимому, наслѣдникъ имени Аполлинаріевъ не имѣлъ успѣха при этомъ королѣ и нашелъ себѣ лучшій пріемъ у его брата, Гильдеберта, который, владѣя уже Берри, домогался и Оверня.

Аркадію было не трудно польстить стремленіямъ короля варваровъ и убѣдить его, что жители Оверня страстно желаютъ имѣть его владѣтелемъ, вмѣсто его брата Теодорика. Можетъ быть, въ основаніи этого увѣренія и было нѣсколько правды: среди страданій, которымъ правительство завоевателей подвергало туземцевъ, самая мысль о перемѣнѣ властителя могла представить уму надежду на облегченіе. Какъ бы то ни было, въ 530 г., когда король Теодорикъ былъ занятъ по ту сторону Рейна войною съ турингами, слухъ о его смерти, распространившійся въ Оверни, былъ принятъ съ величайшею радостью. Аркадій поспѣшилъ отправить въ Парижъ, столицу короля Гильдеберта, вѣстниковъ съ приглашеніемъ овладѣть страною. Гильдебертъ собралъ армію и немедленно отправился въ путь. Онъ подошелъ къ подножію горы, на которой стоялъ городъ овернцевъ, нынѣ Клермонъ, въ самую туманную погоду: взойдя на гору, король сказалъ съ видомъ недовольнаго: „Я хотѣлъ бы своими глазами удостовѣриться въ пріятностяхъ жизни этого Лиманя Оверни, о которыхъ такъ много говорятъ“. Но онъ напрасно смотрѣлъ: видно было не больше, какъ на какую-нибудь сотню шаговъ.

Подойдя къ стѣнамъ города, Гильдебертъ, въ противность своимъ ожиданіямъ и несмотря на обѣщанія Аркадія, нашелъ всѣ ворота запертыми; казалось, жители боялись попасться, если слухъ о смерти Теодорика окажется ложнымъ, а можетъ быть они искали случая совершенно освободиться отъ франковъ. Король былъ принужденъ остановить свое войско и расположиться лагеремъ до наступленія ночи, не зная, прибѣгнуть ли ему къ силѣ, или возвратиться назадъ. Но его другъ вывелъ франковъ изъ затрудненія, разломавъ при помощи своихъ кліентовъ запоры городскихъ воротъ, и франки вступили въ городъ. По взятіи столицы, остальная страна не замедлила подчиниться королю Гильдеберту, но подчиненіе, которымъ довольствовались короли первой расы, было весьма шатко, и состояло въ клятвѣ быть вѣрными и въ выдачѣ нѣсколькихъ заложниковъ.

Пока все это устроивалось, пришло извѣстіе, что Теодорикъ возвращается побѣдителемъ съ войны противъ турингговъ. При этой новости Гильдебертъ, опасаясь быть пойманнымъ на дѣлѣ или выдержать нападеніе на собственныя владѣнія, удаляется и спѣшитъ въ Парижъ, оставивъ слабый гарнизонъ въ столицѣ Оверни. Но прошло два года, и король Австразіи не дѣлалъ никакихъ попытокъ къ возвращенію городовъ, которые перестали признавать власть его надъ собою. Страна оставалась по имени подчиненною королю Гильдеберту, но была управляема туземцами отъ его имени, и именно партіею Аркадія, который, вѣроятно, достигъ тогда всѣхъ почестей, составлявшихъ цѣль его интригъ. Но буря, которую онъ столь неблагора-

зумно собиралъ надъ своею страною, не замедлила разразиться, и эта буря была ужасна.

Королевство бургундовъ, вынужденное платить дань при Клодовеѣ, продолжало и послѣ его смерти возбуждать честолюбіе королей франкскихъ. Первый походъ, предпринятый, въ 523 г., его дѣтьми, Гильбертомъ, Клодомиромъ и Лотаремъ, былъ по началу счастливъ; но вскорѣ бургунды одержали верхъ: Клодомиръ палъ въ сраженіи, и франки очистили страну. Девять лѣтъ спустя послѣ этого пораженія честолюбіе королей снова проснулось, возбужденное, какъ кажется, національною ненавистью франковъ къ завоевателямъ береговъ Роны. Лотарь и Гильдебертъ уговорились сдѣлать вторичное вторженіе: они пригласили и брата Теодорика, обѣщая ему долю въ раздѣлѣ. Въ своемъ обращеніи король Гильдебертъ не говорилъ ничего о своемъ занятіи Оверни; Теодорикъ также не напоминалъ о томъ и просто извинялся, что не можетъ принять участія въ войнѣ братьевъ съ Бургундіей, не давая имъ ни почувствовать своего неудовольствія, ни замѣтить своихъ плановъ. Короли-братья отправились; но едва вѣсть о ихъ вторженіи пришла въ Австразію, какъ австразійскіе франки подняли ропотъ противъ своего короля, лишившаго ихъ выгодъ, которыя обѣщала предпринятая война. Они съ шумомъ собрались около королевскаго дворца и говорили Теодорику: „Если ты не хочешь идти въ Бургундію съ твоими братьями, то мы оставимъ тебя и послѣдуемъ за ними“.

Король, зная, что причиною возстанія служитъ сожалѣніе объ утраченной добычѣ, которая могла быть сдѣлана, не смѣшался и говорилъ франкамъ: „Пойдемте въ Клермонъ, и я приведу васъ въ страну, гдѣ вы найдете золота и серебра сколько хотите, заберете стада, рабовъ и одеждъ въ изобиліи; только нейдите за ними“ (Григ.-Тур., Ист. франк. III, 11). Это предложеніе имѣло успѣхъ, и франки обѣщали исполнить волю Теодорика. Чтобы быть вполнѣ увѣреннымъ въ ихъ словѣ, онъ повторялъ имъ нѣсколько разъ, что они получатъ позволеніе захватить тамъ все, что̀ могутъ унести, и сдѣлать каждаго изъ жителей страны своимъ рабомъ. Воины, обрадованные тѣмъ, бросились къ оружію: и когда франки нейстрійскіе переходили р. Сону, франки австразійскіе выступили изъ Метца, столицы ихъ короля, въ отдаленный походъ, который имъ предстояло сдѣлать въ Овернь.

Лишь только солдаты короля Теодорика ступили на богатыя равнины Нижней-Оверни, они начали грабить и разрушать, не щадя ни церквей, ни другихъ святыхъ мѣстъ. Плодоносныя деревья были срублены и дома опустошены до основанія. Тѣ изъ жителей, которыхъ возрастъ и сила дѣлали годными для рабства, связывались подвое за шею и слѣдовали пѣшкомъ за повозками, нагруженными ихъ же имуществомъ. Франки осадили наконецъ и Клермонъ, жители котораго, видя съ высоты стѣнъ грабежи и пожары въ окрестностяхъ, рѣшились сопротивляться до послѣдней возможности. Епископъ города, Квинціанъ, раздѣлялъ труды осажденныхъ и поддерживалъ мужество гражданъ. „Во время всей осады, говоритъ Григорій-Турскій (III, 11), его видѣли, какъ онъ ночью воздвигалъ башни на стѣнахъ,

съ пѣніемъ псалмовъ, и умолялъ Господа въ постѣ и бдѣніи о помощи и покровительствѣ".

Но несмотря на молитвы и усилія, жители Клермона не могли долго выстоять противъ арміи многочисленной и жаждавшей добычи: городъ былъ взятъ и разграбленъ. Король, въ своемъ гнѣвѣ, хотѣлъ сравнять стѣны съ землею; но тѣ, на кого было возложено такое порученіе, были остановлены религіознымъ ужасомъ, единственнымъ спасеніемъ туземцевъ Галліи противъ неистовства варваровъ. Близъ укрѣпленій Клермона возвышались мѣстами церкви и капеллы, которыхъ не было возможности пощадить при срытіи стѣнъ. Одинъ видъ этихъ церквей навелъ ужасъ на предводителей франкскихъ, и они отступали при мысли совершить святотатство безъ всякой пользы. Одинъ изъ нихъ, по имени Гильпингъ, пришелъ къ Теодорику и сказалъ: „Послушай, преславный король, совѣта моего ничтожества: стѣны этого города необыкновенно крѣпки и снабжены страшными средствами къ защитѣ: я разумѣю подъ этимъ церкви святыхъ, которыя стоятъ позади нихъ вокругъ, и кромѣ того епископъ этихъ мѣстъ считается великимъ предъ Господомъ. Не приводи въ исполненіе того, что̀ ты замыслилъ, не разрушай города и не оскорбляй епископа" (Vita S. Quintiani, apud Script. rer. gall. et francic., III, p. 408). Въ слѣдующую ночь король испыталъ во время сна припадокъ сомнамбулизма: онъ всталъ съ постели, и побѣжавъ, самъ не зная куда, былъ остановленъ своею стражею, которая убѣждала его оградиться крестнымъ знаменіемъ. Этого обстоятельства было достаточно, чтобы расположить короля къ милосердію: онъ пощадилъ городъ и запретилъ грабежъ на 800 шаговъ въ окружности: правда, когда вышло такое запрещеніе, болѣе уже нечего было грабить.

Овладѣвъ столицею Оверни, Теодорикъ началъ нападеніе по очереди на всѣ укрѣпленныя мѣста, гдѣ жители страны заперлись со всѣмъ, что̀ они имѣли драгоцѣннаго. Онъ сжегъ за̀мокъ Тигернъ, нынѣ Тіернъ, гдѣ находилась деревянная церковь, сгорѣвшая отъ пожара. Въ Ловолотрѣ (нынѣ Volorre), куда франки проникли вслѣдствіе измѣны раба, они разрубили на куски, у подножія самого алтаря, священника Прокула. Городъ Бриватъ (Brioude) былъ разграбленъ, а церковь св. Юліана опустошена, несмотря на многія чудеса, слухъ о которыхъ заставилъ, впрочемъ, Теодорика возвратить часть добычи и наказать тѣхъ солдатъ, которые нарушили уваженіе къ святынѣ. Въ Иціодорѣ (Issoire) знаменитый монастырь былъ обращенъ, по выраженію современниковъ, въ пустыню. Замокъ Меріолакъ (Merliac) долго сопротивлялся; это мѣсто было укрѣплено самою природой: его окружали острыя скалы, и внутри его стѣнъ били изъ земли источники, вытекавшіе ручьями изъ-подъ городскихъ воротъ. Франки уже отчаялись овладѣть этимъ мѣстомъ, какъ неожиданный случай предалъ въ ихъ руки 50 человѣкъ гарнизона, вышедшихъ на фуражировку. Они подвели плѣнныхъ съ руками, связанными на спинѣ, къ укрѣпленію города и дали знать, что они умертвятъ ихъ на мѣстѣ, если не будетъ сданъ замокъ. Любовь къ землякамъ и родственникамъ побудила защитниковъ Мерліака открыть ворота и заплатить выкупъ.

Весьма трогательно описываютъ историки тѣхъ событій отчаяніе Оверни: „Все, что было знаменитаго происхожденіемъ и богатствомъ, дошло до нищенской сумы и должно было удалиться изъ страны, выпрашивая кусокъ хлѣба или питаясь поденнымъ трудомъ. Жителямъ ничего не было оставлено, кромѣ земли, и то потому, что варвары не могли унести ее съ собою“ (Hugonis abb. Chronicon Virdunense, въ Script. rer. gall. et franc., III, 356 стр.). По срытіи всѣхъ укрѣпленій и по раздѣленіи добычи, длинные ряды повозокъ и плѣнниковъ, окруженные франкскими солдатами, потянулись изъ Оверни на сѣверъ Галліи. Люди всѣхъ состояній, духовные и свѣтскіе, были ведены за обозомъ; особенно много шло дѣтей, юношей и дѣвицъ, которыхъ франки продавали съ аукціона во всѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя они проходили.

Бо̀льшая часть этихъ плѣнныхъ слѣдовали за арміею до береговъ Мозеля и Рейна. Священнослужители и прочіе духовные были распредѣлены по церквамъ Австразіи, потому что король, только-что истребившій базилики и монастыри Оверни, желалъ, чтобы у него божественная служба совершалась самымъ приличнымъ образомъ. Между такими духовными лицами, уведенными изъ Оверни, находился нѣкто по имени Галлъ, изъ фамиліи сенаторіальной. Онъ былъ насильно приписанъ къ королевской капеллѣ, и успѣлъ обратить многихъ язычниковъ среди прирейнскихъ франковъ. Церковь чтитъ его подъ именемъ Сенъ-Галла (St Gal.; см. у Григ.-Тур. Vita S. Galli, episcopi, въ Script. rer. gall. et franc., III, 409 стр.). Другой сынъ сенатора [1]), Фидолъ, успѣлъ дойти только до Труа. Тамъ св. Авентинъ, извѣщенный, какъ повѣствуютъ легенды, откровеніемъ свыше, и весьма вѣроятно обративъ вниманіе на замѣчательную внѣшность и покорность судьбѣ молодого раба, заплатилъ варварамъ все, чего они потребовали за его выкупъ, и взялъ къ себѣ въ монастырь. Такимъ образомъ, Фидолъ посвятилъ себя монашеской жизни и выполнялъ ея условія съ такою строгостью, что его причислили къ лику святыхъ. Всѣ вышеизложенныя подробности заимствованы мною изъ жизнеописаній святыхъ. Люди, составлявшіе ихъ, назадъ тому тринадцать вѣковъ, не имѣли въ своей работѣ никакой цѣли, кромѣ прославленія религіозныхъ доблестей; а нынѣ ихъ благочестивыя сказанія сдѣлались почти единственнымъ достовѣрнымъ источникомъ, который можетъ свидѣтельствовать предъ историческою наукою о состояніи римскаго міра, истерзаннаго и опустошеннаго его завоевателями.

Что̀ сталось съ Аркадіемъ, внукомъ Сидонія-Аполлинарія? Онъ, весьма естественно, не оставался въ Клермонѣ ожидать прихода ко-

---

[1]) Титулъ *сенатора*, въ древности присвоиваемый только тѣми изъ галловъ, которые вступали въ римскій сенатъ, сдѣлался въ это время, по обычаю, общимъ названіемъ сословія благородныхъ. Первые люди во всякомъ городѣ, главы знатныхъ фамилій, особенно послѣ паденія имперіи, присвоивали сами себѣ названіе сенаторовъ. Названіе *архонта* въ Греціи имѣло ту же судьбу: въ новогреческомъ языкѣ такъ титулуются обыкновенно всѣ благородные и большіе собственники.

роля Теодорика. При первомъ слухѣ о вторженіи франковъ онъ поспѣшно бѣжалъ изъ города и укрылся въ Буржѣ, на землѣ своего покровителя. Принудивъ соотечественниковъ страхомъ сохранять въ тайнѣ его бѣгство, Аркадій удалился одинъ, оставивъ на произволъ судьбы Плацидину, свою мать, и Алциму, сестру своего отца: обѣ онѣ, по завоеваніи страны франками, были лишены всего имущества и осуждены на изгнаніе. Съ того времени Аркадій сталъ самымъ довѣреннымъ лицомъ у Гильдеберта въ Нейстріи; и этотъ галло-римлянинъ, слѣпое орудіе воли варварскаго короля, исполнялъ ея капризы безъ всякаго разбора и безъ зазрѣнія совѣсти.

Авг. Тьерри.

Lettres sur l'hist. de France Par. 1856. 10-е изд., 68—107 стр.

См. о жизни и сочиненіяхъ Авг. Тьерри, выше, на стр. 450. — Сочиненіе его, подъ заглавіемъ Lettres sur l'hist. de France, принадлежитъ къ числу лучшихъ образцовъ новѣйшей исторической критики; оно имѣло большое научное вліяніе и образовало собою цѣлую историческую школу. Авг. Тьерри впослѣдствіи присоединилъ къ „Десяти письмамъ", появившимся въ Courrier français въ 1820 г., еще 15; различные вопросы, которыхъ авторъ касается въ своихъ письмахъ, могутъ быть приведены къ двумъ категоріямъ: о происхожденіи французской національности и о происхожденіи городскихъ общинъ во Франціи. Авторъ самъ разсказываетъ въ введеніи исторію развитія своихъ идей: „Въ 1817 г., занятый мыслью содѣйствовать съ своей стороны торжеству конституціонныхъ мнѣній, я началъ искать въ историческихъ сочиненіяхъ доводовъ и доказательствъ въ пользу своихъ политическихъ вѣрованій. Посвятивъ себя со всѣмъ жаромъ юноши (автору было тогда 22 года) этой работѣ, я замѣтилъ, что исторія начинаетъ мнѣ нравиться сама по себѣ, помимо моихъ цѣлей публициста, какъ живая картина прошедшаго, и независимо отъ выводовъ, которые я старался добыть для настоящаго. Не переставая, впрочемъ, подчинять факты тому употребленію, которое я изъ нихъ хотѣлъ сдѣлать, я продолжалъ наблюдать ихъ съ любопытствомъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они ничего не доказывали изъ того, чего я домогался; и всякій разъ, когда какая-нибудь личность или событіе среднихъ вѣковъ представляли мнѣ мѣстный колоритъ или признаки жизни, я испытывалъ невольный трепетъ. Такое чувство, повторяясь не разъ, кончило тѣмъ, что оно совершенно перевернуло во мнѣ мои идеи о литературѣ. Незамѣтно я началъ бросать новыя сочиненія для старыхъ книгъ, исторіи для хроникъ, и тогда только я увидѣлъ, что историческая истина задыхается подъ условными формулами и великолѣпнымъ слогомъ нашихъ писателей. Я постарался тогда изгладить изъ моей памяти все, чему меня учили, и, такъ сказать, возсталъ противъ своихъ наставниковъ. Чѣмъ больше была репутація автора, тѣмъ въ большее приходилъ я негодованіе при одной мысли, что множество людей вѣрили ему, какъ я, и, какъ я, были обмануты. Въ такомъ настроеніи духа, въ послѣдніе мѣсяцы 1820 г. я отправилъ къ редактору Courrier français свои первыя „Де-

сять писемъ“. — По этимъ словамъ можно судить о томъ состояніи исторической критики, въ какомъ она была въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

72.—Дворъ вестготскихъ королей въ Галліи.

(Изъ переписки современниковъ).

I.

(Около 456 г.)

Сидоній другу своему, Агриколѣ [1]*, привѣтъ.*

Ты меня часто просилъ, такъ какъ молва въ народѣ прославляетъ свѣтскость (civilitas) короля готовъ, Теодорика (II), дать тебѣ въ письмѣ понятіе о его внѣшности и привычкахъ обыденной жизни [2]. Я удовлетворяю твоему желанію, насколько позволитъ то страница письма, и хвалю въ тебѣ столь благородную любознательность.

Теодорикъ, это мужъ достойный того, чтобы о немъ знали и тѣ, которые менѣе другихъ близки къ нему: такъ надѣлилъ его дарами и счастьемъ Богъ, верховный судья, и природа. Его нравы столь безукоризненны, что самая зависть, осаждающая троны, не можетъ отказать ему въ похвалахъ. О его наружности скажу одно: ростомъ онъ, какъ слѣдуетъ быть, ниже самаго высокаго, а въ отношеніи людей средняго роста и выше, и осанистѣе. Его голова, заостренная кверху, покрыта курчавыми волосами, спускающимися нѣсколько на лобъ. На шеѣ нѣтъ напряженныхъ жилъ. Его глаза подъ навѣсомъ густыхъ бровей, въ формѣ лука. Когда онъ опускаетъ рѣсницы, онѣ достигаютъ почти до половины щеки: такова ихъ длина. Его уши, по обычаю національному готовъ, скрыты подъ прядью ниспадающихъ кудрей. Носъ его выгнутъ самымъ красивымъ образомъ (venustissime). Губы тонкія, соотвѣтственныя величинѣ рта, представляющаго углубленія по краямъ; если случайно выкажется ровный рядъ зубовъ, то они напомнятъ снѣгъ своею бѣлизною. Каждый день ему подстригаютъ волоса, вылѣзающіе изъ ноздрей. Изъ углубленія висковъ идутъ бакенбарды (barba concavis hirta temporibus), и каждый день брадобрей вырываетъ щипчиками волоса, растущіе внизу лица, до щекъ. Его подбородокъ, горло, шея — не излишне толсты, но полны, и бѣлизною кожи могутъ спорить съ молокомъ, а вблизи имѣютъ розовый отливъ юности; краска на щекахъ его выступаетъ часто, но не отъ гнѣва, а отъ скромности.

---

[1]) Агрикола—братъ жены Сидонія.

[2]) Теодорикъ II правилъ отъ 452 до 467 г.

Плечи у Теодорика закругленныя, мышцы крѣпкія, руки здоровыя, а кисть ихъ широкая; животъ поджатый, а грудь выступаетъ впередъ. Спина не горбится, и хребетъ раздѣляетъ поверхность ея въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинаются ребра. Бока съ обѣихъ сторонъ поднимаются желваками мускуловъ. Сила сидитъ въ перетянутой таліи. Верхняя часть ноги, какъ изъ рога; икры сильныя и мускулистыя; всего лучше колѣни, безъ малѣйшей кривизны; лядвеи круглыя и маленькая ступня, поддерживающая тѣ огромные члены.

Ты спросишь меня, что̀ занимаетъ Теодорика въ общественной жизни, въ теченіе цѣлаго дня? Рано утромъ, до зари, онъ отправляется съ небольшою свитой въ церковь [1]), гдѣ собираются священники, и усердно молится; хотя, сказать по секрету (sit sermo secretus), ты могъ бы замѣтить, что усердіе къ молитвѣ у него есть болѣе результатъ механической привычки, чѣмъ набожности. Остатокъ утра посвящается заботамъ управленія. Возлѣ трона (sella) стоитъ графъ оруженосецъ (comes armiger): въ зало совѣта вводится отрядъ тѣлохранителей, покрытыхъ шкурами, чтобы нельзя было сказать, что ихъ нѣтъ, но потомъ они удаляются, изъ опасенія шума, и за дверями болтаютъ на свободѣ, помѣщенные между занавѣсомъ и внѣшней оградой. Въ зало впускаютъ пословъ отъ различныхъ народовъ. Король много слушаетъ и коротко отвѣчаетъ. Если нужно что-нибудь обсудить, онъ отлагаетъ дѣло до другого времени; если же дѣло важное, то ускоряетъ ходъ его.

Вотъ и второй часъ (восемь часовъ); онъ оставляетъ тронъ и отправляется обозрѣвать свои сокровища и конюшни. Если, послѣ того, онъ отправляется на охоту, то не надѣваетъ лука; это ему кажется унизительнымъ для королевскаго достоинства; но если въ дорогѣ, или на охотѣ, ему покажутъ, или онъ замѣтитъ птицу или звѣря, то протягиваетъ назадъ руку, въ которую пажъ (puer) тотчасъ вкладываетъ спущенный лукъ, потому что ему кажется ребячествомъ обременять себя лукомъ, покрытымъ чехломъ, а принимать лукъ съ натянутою тетивою можетъ позволить себѣ только женщина. Поэтому онъ натягиваетъ его самъ, кладетъ стрѣлу и стрѣляетъ. До выстрѣла онъ проситъ кого-нибудь указать впередъ, во что̀ онъ долженъ попасть; ему показываютъ добычу, онъ убиваетъ ее; если же случится промахъ, то виноватъ тотъ, кто указывалъ, а не тотъ, кто стрѣлялъ. Что касается до его обѣдовъ, то обѣды въ будни ничѣмъ не отличаются отъ обѣдовъ частнаго человѣка. У него никогда не бываетъ, чтобы столъ гнулся подъ нечищеннымъ, пожелтѣлымъ серебромъ, которое разноситъ у другихъ задыхающійся рабъ. За обѣдомъ ничто не имѣетъ столько значенія, какъ сказанное слово, и потому всѣ или молчатъ, или говорятъ о серьезныхъ предметахъ. Убранство обѣденнаго ложа состоитъ изъ пурпура или тонкаго полотна. Кушаньямъ придаетъ цѣну искусство, а не дороговизна; серебро болѣе обращаетъ на себя вниманіе блескомъ, чѣмъ вѣсомъ. И кубки здѣсь не такъ часто обносятся гостямъ, чтобы можно было ихъ об-

[1]) Дѣйствіе происходитъ въ Тулузѣ, бывшей въ то время столицею вестготскихъ королей.

винить въ жаждѣ или заподозрить въ пьянствѣ. Однимъ словомъ, за столомъ Теодорика соединены греческая изящность, галльское изобиліе, итальянская быстрота, общественная пышность, частное вниманіе и королевскій порядокъ. Что же касается до великолѣпныхъ воскресныхъ праздниковъ (sabbotorius), то я не говорю о нихъ, потому что они извѣстны людямъ, живущимъ и въ захолустьяхъ.

Откушавши, король чаще не предается полуденному сну, но и въ такомъ случаѣ на короткое время. Если ему придетъ фантазія играть, онъ поспѣшно беретъ кости, разсматриваетъ ихъ тщательно, ловко встряхиваетъ, живо бросаетъ, шутя даетъ имъ прозванія и ожидаетъ съ терпѣніемъ. При хорошихъ ударахъ онъ молчитъ, при дурныхъ смѣется, ни въ какомъ случаѣ не сердится и всегда благоразуменъ. Онъ не желаетъ самъ отыгрываться, но не отказываетъ въ томъ другимъ; онъ презираетъ выгодныя для себя условія и охотно идетъ на противныя. Дѣло кончается безъ шума, и Теодорикъ удаляется безъ насмѣшекъ. Въ кости, какъ и на войнѣ, онъ заботится только объ одномъ, а именно—о побѣдѣ. Какъ только онъ начинаетъ игру, то на время отлагаетъ въ сторону королевское достоинство, поощряетъ, убѣждаетъ своего партнера быть развязнымъ и общительнымъ, и чтобы сказать все, что̀ я думаю, онъ боится испугать (timet timeri).

Онъ любитъ видѣть своего противника въ гнѣвѣ отъ проигрыша; такой гнѣвъ убѣждаетъ его, что ему проиграли не въ угоду, но что противникъ былъ дѣйствительно побѣжденъ. Но вотъ, что̀ тебя удивитъ: удовольствіе короля, вытекающее изъ такой ничтожной причины, можетъ способствовать иногда успѣху важныхъ дѣлъ. Случалось въ такія благосклонныя минуты достигнуть разомъ того, что̀ не удавалось никакой протекціи. Я самъ, если играю съ королемъ и имѣю къ нему какую-нибудь просьбу, всегда стараюсь проиграть; партія потеряна, но лишь бы дѣло было выиграно.

Около девяти часовъ (въ три часа) начинаются снова тяжести государственныхъ дѣлъ; тогда приходятъ истцы, за ними отвѣтчики, множество ябедъ, интригъ; все это продолжается до королевскаго ужина. Толпа расходится по придворнымъ, каждый къ своему патрону, гдѣ и остаются всѣ до наступленія ночи. За ужиномъ присутствуютъ шуты, впрочемъ, рѣдко, и безъ всякой опасности для какого-нибудь гостя сдѣлаться предметомъ ихъ язвительныхъ насмѣшекъ. Но здѣсь никогда не слышно ни водяныхъ органовъ, ни вокальныхъ концертовъ, управляемыхъ дирижеромъ (phanasius); никто не играетъ на лирѣ или на флейтѣ; нѣтъ клакёра [1]), ни женщинъ, которыя играли бы на тимпанѣ или другомъ какомъ инструментѣ. Король любитъ только тѣ пѣсни, которыя больше возбуждаютъ храбрость, чѣмъ ласкаютъ слухъ. Какъ только онъ встаетъ изъ-за стола, ночная стража

---

[1]) Въ подлинникѣ: nullus mesochorus (μέσος, средній, и χόρος, хоръ). Плиній Младшій (Ep. II, 15) называетъ такъ того, кто въ собраніяхъ имѣетъ около себя людей, которые по данному имъ знаку должны рукоплескать оратору, что̀ и теперь дѣлается во французскихъ театрахъ людьми, называемыми claqueurs, которые получаютъ отъ театральной дирекціи за свои услуги даровой билетъ и даже извѣстную плату.

вступаетъ въ караулъ и становится при входахъ въ королевскій дворецъ, чтобы бодрствовать все время перваго сна.

Но какое отношеніе можетъ имѣть все это къ моему предмету, когда я обѣщалъ сказать тебѣ немного о правленіи и мало о лицѣ самого короля? Да пора и стиль отложить въ сторону: ты хотѣлъ знать не больше, какъ о наклонностяхъ и личности Теодорика, и я имѣлъ въ виду писать не исторію, а письмо. Прощай! (Кн. I, письмо 2-е. Изд. Grégoire et Collombet, т. I, стр. 6—14).

II.

(Въ 476 г.).

Сидоній своему другу Лампридію [1]) *привѣтъ.*

Лишь только я прибылъ въ Бордо (Burdegala или Burdigala, часто служила резиденціею преемнику Теодорика II, Эврику, 467—484; см. о немъ выше, на стр. 366), какъ твой курьеръ (tabellarius) вручилъ мнѣ отъ тебя письмо, полное нектара, благоуханій и перловъ; ты упрекаешь меня въ молчаніи и просишь прислать тебѣ мои поэтическія произведенія, обращаясь ко мнѣ въ стихахъ, которые вылетаютъ изъ твоихъ устъ, какъ съ флейты многогласной, и вторятся подъ отражающими сводами твоего палаццо (palati). Но ты просишь, предваряя свою просьбу царскою щедростью и забывъ, безъ сомнѣнія, извѣстный стихъ сатиры на сатирика:

Satur est cum dicit Horatius: Evohe! (Horat. *Sat.* I, 5, v. 12).

Что къ этому прибавить? Ты правъ, приказывая мнѣ пѣть отъ нечего дѣлать, потому что тебѣ хочется плясать. Пусть по-твоему, я повинуюсь, и повинуюсь не только безъ принужденія, но даже съ совершенною готовностью. Но не суди меня, какъ какой-нибудь Катонъ, съ насупленными бровями; ты хорошо знаешь страсти поэтовъ, душевное расположеніе которыхъ ловится огорченіями, какъ рыбка сѣтью; если поэту приключится что-нибудь тяжелое или печальное, его поэтическая воспріимчивость не скоро сбрасываетъ съ себя оковы набѣжавшей скорби...

Впрочемъ, ты самъ узнаешь, насколько можетъ тебѣ понравиться духъ эпиграммы, ожидаемой тобою отъ меня; но мое горе не позволяетъ мнѣ быть однимъ въ жизни и другимъ въ стихахъ. Ты будешь, конечно, несправедливъ ко мнѣ, если, при настоящихъ обстоятельствахъ, захочешь сравнивать мои произведенія съ своими. Я живу горемыкой, а ты счастливцемъ; я попрежнему изгнанникъ, а ты уже

---

[1]) Одинъ изъ извѣстныхъ галло-римскихъ поэтовъ того времени. См. о значеніи этого письма выше, на стр. 491.

воротился въ среду согражданъ гражданиномъ; если я пою не по-твоему, то я домогаюсь того же, да не могу получить. Если ты какимъ-нибудь образомъ примешь благосклонно бездѣлки, написанныя мною среди душевныхъ мученій, то ты станешь увѣрять меня, что онѣ походятъ на пѣснь лебедя, котораго голосъ предъ смертными муками дѣлается еще болѣе звучнымъ, или на струну лиры: чѣмъ болѣе она натянута, тѣмъ пронзительнѣе звукъ, издаваемый ею. Впрочемъ, если стихи, написанные безъ душевнаго спокойствія и радости, не могутъ нравиться, то ты не найдешь ничего по вкусу въ страничкѣ, которую я прилагаю къ письму ниже. Не забудь при этомъ, что отсутствіе автора лишаетъ произведенія тѣхъ удобствъ, которыя представляетъ декламація: оно имѣетъ только читателя, но не слушателя. Отправивъ свои стихи, поэтъ съ наилучшимъ голосомъ не можетъ сдѣлать ничего больше, потому что отдаленіе не позволяетъ ему прибѣгнуть къ средству пантомимныхъ хоровъ, которые своимъ хорошимъ пѣніемъ придаютъ цѣну и дряннымъ произведеніямъ.

Поэма.

„О, Лампридій, украшеніе нашей музы, Таліи! зачѣмъ ты вызываешь меня воспѣть Цирру (городъ въ Фокидѣ, посвященный Аполлону), или музъ гіантійскихъ, или премудрую струю Геликона, выбитую когда-то легкимъ прикосновеніемъ копыта Пегаза къ землѣ? Зачѣмъ ты хочешь заставить меня пѣть, какъ будто бы я похитилъ дельфическіе инструменты у твоего делосца, или какъ будто я самъ, новый Аполлонъ, могу располагать священнымъ ковромъ, треножникомъ, лютней, колчаномъ, лукомъ и стрѣлами? Развѣ надъ моимъ челомъ колышется лавръ?

„Ты, счастливый Титиръ (имя изъ 1-й эклоги Виргилія), ты воротился къ твоимъ полямъ и гуляешь среди миртъ и платановъ: твои уста въ гармоніи съ твоимъ сердцемъ, и струны твои, твое пѣніе, твои стихи приводятъ въ восторгъ.

„Уже болѣе двухъ мѣсяцевъ луна видитъ меня здѣсь заключеннымъ; мнѣ только разъ удалось представиться государю: гдѣ ему взять для меня свободнаго времени, когда вся вселенная, покоренная имъ, ждетъ отъ него отвѣта.

„Тутъ мы видимъ и *сакса* съ голубыми глазами, привыкшаго къ морю и робко ступающаго по землѣ. Ножницы, начиная ото лба, оставляютъ только передніе пучки на головѣ, но затѣмъ срѣзываютъ все остальное до корней, и волоса, обстриженные такимъ образомъ до кожи, дѣлаютъ голову болѣе короткою, а лицо удлинняютъ.

„Тутъ и ты, старый *сикамбръ* [1]); тебѣ, побѣжденному, обрили затылокъ, и ты отбрасываешь назадъ на морщинистую шею вновь отращиваемые волоса.

---

[1]) Т.-е. франкъ.

„Тутъ бродитъ и *герулъ* съ посинѣвшими щеками; его родина лежитъ на самыхъ отдаленныхъ берегахъ океана, и цвѣтъ лица у него почти одинъ съ морскими водорослями.

„Тутъ и *бургундъ*, ростомъ въ семь футовъ, часто преклоняетъ колѣно и проситъ мира.

„Тутъ и *остроготъ* ищетъ покровительства; онъ тѣснитъ сосѣднихъ ему гунновъ и на нихъ вымещаетъ свое униженіе предъ Эврикомъ.

„И ты, *римлянинъ*, притекаешь сюда просить о помощи, и протягиваешь руки къ Эврику, чтобы противопоставить его силы фалангамъ скиѳскихъ странъ, когда Большая-Медвѣдица угрожаетъ тебѣ смятеніемъ. Итакъ, однимъ присутствіемъ Марса, который царствуетъ на этихъ берегахъ, могущественная Гаронна покровительствуетъ обмельчавшему Тибру. Даже *парѳянинъ* Арзасъ проситъ позволить ему, за дань, мирно царствовать въ своемъ дворцѣ, въ Сузѣ. Узнавъ о большихъ военныхъ приготовленіяхъ на Босфорѣ, онъ не надѣется, чтобы Персія, смущенная при первомъ звукѣ оружія, могла быть защищена на берегахъ Эвфрата; и тотъ, который называетъ себя родственникомъ звѣздъ и гордится родствомъ съ Фебомъ (т.-е. Эврикъ), тѣмъ не менѣе снисходитъ на просьбы, и является простымъ смертнымъ.

„Среди всего этого шума, я теряю дни въ безполезномъ ожиданіи; но ты, Титиръ, перестань вызывать мою музу на пѣсни. Я скорѣй удивляюсь твоимъ стихамъ, чѣмъ завидую имъ; не успѣвая ничего достигнуть и тщетно обращаясь съ просьбами, я сдѣлался вторымъ Мелибеемъ“.

Вотъ моя поэма (carmen), ты прочтешь ее на свободѣ, подобно увѣнчанному возницѣ, ты будешь взирать, чрезъ баллюстраду, на меня, покрытаго потомъ и пылью. Впрочемъ, я не думаю, чтобы я когда-нибудь препроводилъ къ тебѣ другое произведеніе въ этомъ родѣ, даже и въ томъ случаѣ, если чтеніе моихъ стиховъ доставитъ тебѣ удовольствіе; но и утративъ дары поэзіи, я не перестану пѣть о своихъ бѣдствіяхъ. Прощай.

Сидоній-Аполлинарій.

Т. II, кн. 8-я, письмо IX.

См. примѣчаніе къ ст. 10. При пользованіи этими двумя письмами должно обратить все вниманіе на различіе отношеній автора къ описываемому имъ предмету. Въ 456 г. Теодорикъ II, король вестготовъ, находился въ лучшихъ отношеніяхъ къ Сидонію: за годъ передъ тѣмъ онъ поддерживалъ тестя Сидонія, Авита, въ его притязаніяхъ на императорскій престолъ; по сверженіи его Рицимеромъ, Теодорикъ II мстилъ врагу своего кліента, и Сидоній бѣжалъ къ нему въ Тулузу отъ преслѣдованій новаго императора, Майоріана. Но черезъ 20 лѣтъ положеніе дѣлъ измѣнилось: Сидоній перешелъ на сторону римской партіи; вестготы, бывшіе прежде защитниками Галліи отъ притязаній рим-

скаго правительства, воспользовались слабостью Рима, при преемникахъ Майоріана, и подчинили себѣ Овернь, родину Сидонія; въ то время Сидоній былъ уже епископомъ, и потому для него отечествомъ сдѣлался городъ, котораго епископы были представителями католическаго единства, между тѣмъ какъ вестготы были аріанами. Преемникъ Теодорика II, Эврикъ, удаляетъ Сидонія въ изгнаніе, какъ человѣка, заподозрѣннаго въ привязанности къ Риму; и вотъ почему, въ 476 г. Сидоній, интриговавшій за 20 лѣтъ, какъ гальскій патріотъ, противъ Италіи, является римскимъ патріотомъ и врагомъ независимости Галліи отъ Рима, когда представителями ея сдѣлались не галло-римскіе аристократы, а варвары. Онъ явился въ Бордо къ Эврику съ цѣлью испросить себѣ прощеніе, которое, какъ видно изъ письма, уже успѣлъ получить его другъ, Лампридій, раздѣлявшій его политическія убѣжденія и имѣвшій потому ту же участь. О плѣнѣ Сидонія у вестготовъ см. выше, въ ст. 25, на стр. 175.

73.—Извлеченіе изъ салическаго закона.

(VII вѣкъ).

ГЛАВА XIX.

О ранахъ.

§ 1. Если кто-нибудь покушался на жизнь другого, но намѣреніе его не удалось, или, если кто-нибудь имѣлъ намѣреніе пронзить другого стрѣлой, намазанной ядомъ, и не попалъ въ него, тотъ долженъ заплатить 2500 денаріевъ, или 62 солида [1]) съ половиной золотомъ.

§ 2. Если кто-нибудь ранитъ другого въ голову, такъ что кровь прольется на землю, тотъ долженъ заплатить 600 денаріевъ, или 15 солидовъ золота.

§ 3. Если кто-нибудь ранилъ человѣка въ голову, такъ что изъ раны выпало три обломка кости, то виновный долженъ заплатить 1200 денаріевъ, или 30 солидовъ золота.

§ 4. Если дошло до мозга, и выпало три куска отъ черепа, то виновный долженъ заплатить 1800 денаріевъ, или 45 солидовъ золота.

§ 5. Если рана нанесена между ребрами и проникла до внутренности тѣла, то виновный долженъ заплатить 1200 денаріевъ, или 30 солидовъ золота.

§ 6. Если рана воспалилась, то зачинщикъ ссоры осуждается на

---

[1]) Солидъ равняется почти 100 франкамъ. См. о цѣнности монеты того времени выше, въ ст. 71, на стр. 495, въ примѣч. 1.

уплату 2500 денаріевъ, или 62 съ половиной солидовъ золота, кромѣ издержекъ на болѣзнь, которыя цѣнятся въ 360 денаріевъ, или 9 солидовъ золота.

§ 7. Если свободнорожденный ударилъ палкой другого свободнорожденнаго, то зачинщикъ ссоры, если не пролита кровь, долженъ заплатить, за каждый изъ трехъ первыхъ нанесенныхъ ударовъ, 120 денаріевъ, или 3 солида золотомъ.

§ 8. Но если пролита кровь, то зачинщикъ долженъ заплатить ту же виру, которая платится за рану, нанесенную какимъ-нибудь желѣзнымъ оружіемъ, то-есть, онъ долженъ заплатить 600 денаріевъ, или 15 солидовъ золота.

§ 9. Если кто-нибудь ударитъ другого кулакомъ, то платитъ 360 денаріевъ, или 9 солидовъ золота; если же иначе, то 3 солида золота за каждый ударъ.

§ 10. Если кто-нибудь напалъ на другого на улицѣ, съ намѣреніемъ ограбить его, но тотъ успѣлъ спастись бѣгствомъ, то виновный платитъ 1200 денаріевъ, или 30 солидовъ золота.

§ 11. Если же тотъ, на кого напали, не могъ спастись, и былъ ограбленъ, то воръ присуждается къ уплатѣ 2500 денаріевъ, или 62 съ половиной солида золота, кромѣ стоимости украденныхъ вещей и издержекъ на искъ.

ГЛАВА XXXI.

Объ увѣчьѣ.

§ 1. Если кто-нибудь отрубитъ другому руку или ногу, повредитъ глазъ или отрѣжетъ ухо или носъ, тотъ долженъ заплатить 4000 денаріевъ, или 100 солидовъ золота.

§ 2. Если рука не совсѣмъ отрублена, то онъ долженъ заплатить 1800 денаріевъ, или 45 солидовъ золота.

§ 3. Если рука совершенно отрублена, то онъ присуждается къ уплатѣ 2500 денаріевъ, или 62 съ половиной солидовъ золота.

§ 4. Если кто-нибудь отрубитъ у другого большой палецъ ноги или руки, то долженъ заплатить 1800 денаріевъ, или 45 солидовъ золота.

§ 5. Если раненый палецъ не отрубленъ совершенно, то виновный платитъ 1200 денаріевъ, или 30 солидовъ золота.

§ 6. Если кто-нибудь отрубитъ второй палецъ, служащій для спусканія съ лука стрѣлы, тотъ долженъ заплатить 1400 денаріевъ, или 35 солидовъ золота.

§ 7. Тотъ, который однимъ ударомъ отрубитъ три другихъ пальца, долженъ заплатить 1800 денаріевъ, или 45 солидовъ золота.

§ 8. Тотъ, кто отрубитъ средній палецъ, долженъ заплатить 600 денаріевъ, или 15 солидовъ золота.

§ 9. Тотъ, кто отрубитъ четвертый палецъ, долженъ заплатить 600 денаріевъ, или 15 солидовъ золота.

§ 10. Если отрубленный палецъ будетъ мизинецъ, то виновный платитъ 600 денаріевъ, или 15 солидовъ золота.

§ 11. Если кто разрубитъ другому ногу, не отрубивъ ее совершенно, тотъ долженъ заплатить 1800 денаріевъ, или 45 солидовъ золота.

§ 12. Но если нога совершенно отрублена, то виновный долженъ заплатить 2500 денаріевъ, или 62 съ половиной солида золота.

§ 13. Если кто-нибудь вырвалъ глазъ другому, тотъ долженъ заплатить 2500 денаріевъ, или 62 съ половиной солида золота.

§ 14. Тотъ, кто отрубитъ другому носъ, присуждается къ уплатѣ 1800 денаріевъ, или 45 солидовъ золота.

§ 15. Если кто-нибудь отрубилъ бы другому ухо, то долженъ заплатить 600 денаріевъ, или 15 солидовъ золота.

§ 16. Если у кого-нибудь отрѣзанъ языкъ такимъ образомъ, что онъ не можетъ больше говорить, то виновный долженъ заплатить 4000 денаріевъ, или 100 солидовъ золота.

§ 17. Если кто выбьетъ другому зубъ, то долженъ заплатить 600 денаріевъ, или 15 солидовъ золота.

ГЛАВА XXXII.

Объ оскорбленіяхъ.

§ 1. Если кто назоветъ другого безчестнымъ, то присуждается къ уплатѣ 600 денаріевъ, или 15 солидовъ золота.

§ 2. Если онъ назоветъ его замараннымъ, то долженъ заплатить 120 денаріевъ, или 3 солида золота.

§ 3. Если онъ назвалъ его лукавымъ, то долженъ заплатить 120 денаріевъ, или 3 солида золота.

§ 4. Если онъ назоветъ его зайцемъ (трусомъ), то присуждается къ уплатѣ 240 денаріевъ, или 6 солидовъ золота.

§ 5. Если кто-нибудь обвинитъ другого человѣка въ томъ, что онъ оставилъ щитъ въ виду непріятеля, или въ бѣгствѣ бросилъ его отъ трусости, то виновный долженъ заплатить 120 денаріевъ, или 3 солида золота.

§ 6. Тотъ, кто назоветъ другого доносчикомъ и не будетъ въ состояніи доказать справедливости того, долженъ заплатить 600 денаріевъ, или 15 солидовъ золота.

§ 7. Если онъ назоветъ его фальшивымъ, и не подтвердитъ того доказательствами, то долженъ заплатить 600 денаріевъ, или 15 солидовъ золота.

ГЛАВА XLIII.

Объ убійствѣ свободнорожденныхъ.

§ 1. Если свободнорожденный убилъ франка или варвара, живущаго подъ покровительствомъ салическаго закона, то долженъ заплатить 8000 денаріевъ, или 200 солидовъ золота.

§ 2. Но если онъ бросилъ тѣло въ колодезь или въ воду, то долженъ заплатить 24000 денаріевъ, или 600 солидовъ золота.

§ 3. Если онъ скрылъ тѣло подъ зелеными или сухими вѣтвями, или какимъ-нибудь другимъ образомъ, или бросилъ его въ огонь, то присуждается къ уплатѣ 24000 денаріевъ, или 600 солидовъ золота.

§ 4. Если кто-нибудь убилъ королевскаго *антрустіона* [1]), то обязанъ заплатить 24000 денаріевъ, или 600 солидовъ золота.

§ 5. Если онъ скрылъ тѣло этого антрустіона въ колодезь или въ воду, или покрылъ его зелеными или сухими вѣтвями, или, наконецъ, бросилъ его въ огонь, то убійца долженъ заплатить 72000 денаріевъ, или 1800 солидовъ золота.

§ 6. Если кто-нибудь убьетъ римлянина, королевскаго гостя, то долженъ заплатить 12000 денаріевъ, или 300 солидовъ золота.

§ 7. Если убитый будетъ римскій собственникъ, то-есть будетъ имѣть владѣніе въ странѣ, гдѣ живетъ, то виновный въ его смерти долженъ заплатить 4000 денаріевъ, или 100 солидовъ золота.

§ 8. Если кто убьетъ податного римлянина, тотъ обязанъ заплатить 1800 денаріевъ, или 45 солидовъ золота.

ГЛАВА LXII.

Объ аллодіальной землѣ.

§ 1. Если кто умираетъ, не оставляя сына, то ему наслѣдуютъ его отецъ или мать.

§ 2. За отсутствіемъ отца и матери, ему наслѣдуютъ братья и сестры, которыхъ онъ оставилъ.

§ 3. За отсутствіемъ братьевъ и сестеръ, ему наслѣдуютъ сестры его отца.

§ 4. За отсутствіемъ сестеръ отца, наслѣдуютъ сестры матери.

§ 5. За отсутствіемъ всѣхъ этихъ родственниковъ, ему наслѣдуютъ ближайшіе родственники съ отцовской стороны.

§ 6. Относительно же *салической* земли [2]), ни одна часть наслѣдства не переходитъ къ женщинамъ, но все наслѣдство въ цѣлости переходитъ къ мужскому полу.

Изъ салическаго закона.

Script. rer. gall. et francic. T. IV, стр. 135 и слѣд.

---

[1]) Antrustion (in truste regis, подъ покровительствомъ короля) или гость короля, лицо, возведенное въ высшія должности двора короля франковъ.

[2]) De terra vero *salica* nulla portio haereditatis muliebri veniat: sed ad virilem sexum tota terrae haereditas perveniat. Это тотъ знаменитый параграфъ, на основаніи котораго Эдуардъ III, англійскій король, какъ потомокъ по женской линіи Капетинговъ, долженъ былъ уступить французскій престолъ фамиліи Валуа, происходившей отъ послѣдней династіи по мужескому колѣну.

Салическій законъ (Lex Salica, т.-е. законъ салическихъ франковъ былъ изданъ въ новѣйшее время съ переводомъ на французскій языкъ и комментаріями французскимъ ученымъ *Peyré*. Изъ критическихъ работъ по вопросу о его характерѣ и значеніи лучшее сочиненіе: *Wiarda*, Geschichte und Auslegung des Salischen Gesetzes. Bremen. 1808. Ср. *Müller*, Der lex Salica und der lex Angliorum et Werinorum Alter und Heimath. Würzb. 1840. О содержаніи этого древнѣйшаго законодательства, его происхожденіи и значеніи см. слѣдующую статью 73 *bis*.

---

73 bis.—О характерѣ салическаго закона.

(1828 г.).

Относительно настоящаго характера, такъ называемаго, *салическаго закона* много и уже давно ошибаются. Салическому закону обыкновенно приписывалось слишкомъ большое значеніе, впрочемъ, по весьма естественной причинѣ: при восшествіи на престолъ Филиппа-Длиннаго и въ эпоху борьбы Филиппа Валуа съ Эдуардомъ III за французскую корону [1]), къ салическому закону обращались съ цѣлью отверженія правъ женской линіи на наслѣдство, и съ того времени этотъ законъ произносился множествомъ писателей, какъ первый источникъ нашего французскаго общественнаго права, какъ законъ, постоянно имѣвшій силу, какъ основной законъ монархіи. Даже люди, наиболѣе чуждые этому заблужденію, Монтескье, напр., не могли не подвергнуться отчасти его вліянію и говорили о салическомъ законѣ съ такимъ уваженіемъ, которое, конечно, трудно имѣть къ нему, если дать ему въ нашей исторіи то мѣсто, какое онъ долженъ занять въ ней по праву. Можно было бы думать, что бо̀льшая часть писателей, говорившихъ объ этомъ законѣ, не изучали ни его исторіи, ни содержанія, что они въ одинаковой мѣрѣ не знали ни того, откуда онъ происходитъ, ни того, что̀ такое онъ на самомъ дѣлѣ. Вотъ потому и намъ предстоитъ разрѣшить два вопроса: 1) какимъ образомъ былъ

---

[1]) Филиппъ-Длинный былъ одинъ изъ послѣднихъ королей третьей династіи во Франціи, Капетинговъ; дочери его предшественника и брата, Лудовика X, были въ первый разъ устранены въ его пользу по салическому закону. Когда же съ его смертью и со смертью его младшаго брата, Карла IV, прекратилась старшая мужеская линія Капетинговъ, то точно также по салическому закону отстранили права ихъ сестры Изабеллы, бывшей за англійскимъ королемъ Эдуардомъ II, и ихъ сына Эдуарда III, а на престолъ избрали Филиппа Валуа, изъ младшей мужеской линіи Капетинговъ: три послѣдніе Капетинга, Лудовикъ X, Филиппъ V Длинный и Карлъ IV были сыновья Филиппа IV Красиваго, родной братъ котораго, Карлъ Валуа оставилъ сына Филиппа Валуа, пережившаго своихъ двоюродныхъ братьевъ. Послѣдній Капетингъ умеръ въ 1328 г.

составленъ салическій законъ; гдѣ, кѣмъ и для кого; 2) каковъ предметъ и система его расположенія?

Что касается его исторіи, то при этомъ не должно забывать вообще о двойственномъ происхожденіи и несообразностяхъ всѣхъ законовъ варваровъ; они существуютъ и прежде, и послѣ вторженія; они вмѣстѣ и чисто-германскіе, и германо-римскіе; они принадлежатъ двумъ различнымъ состояніямъ общества. Этотъ характеръ имѣлъ вліяніе на всѣ споры, которыхъ предметомъ былъ салическій законъ; онъ породилъ всѣ системы; по одной, этотъ законъ былъ составленъ въ Германіи, на правомъ берегу Рейна, гораздо ранѣе завоеванія, на языкѣ франковъ; въ расположеніи его частей все, что не согласуется съ этимъ временемъ и древнимъ германскимъ обществомъ, было введено позднѣе, вслѣдствіе послѣдующихъ пересмотровъ, сдѣланныхъ послѣ вторженія. По другой системѣ, напротивъ, салическій законъ былъ составленъ послѣ завоеванія, на лѣвомъ берегу Рейна, въ Бельгіи или Галліи, можетъ быть, въ VII ст., и на латинскомъ языкѣ. Естественно, что между этими двумя учеными системами завязалась борьба.

Въ дошедшихъ до насъ манускриптахъ есть два текста этого закона. Одинъ чисто-латинскій, другой тоже латинскій, но съ примѣсью значительнаго числа германскихъ словъ, глоссъ, т.-е. объясненій на древнемъ франкскомъ языкѣ, вставленныхъ въ статьи, числомъ 253 вставки. Этотъ второй текстъ изданъ въ 1557 г., въ Базелѣ, юристомъ Іоанномъ Герольдомъ, по манускрипту Фульдскаго аббатства. Текстъ чисто-латинскій былъ изданъ въ первый разъ въ Парижѣ безъ означенія года и имени издателя, и во второй разъ Іоанномъ Дютиллье, тоже въ Парижѣ, въ 1573 г. И тотъ, и другой текстъ имѣли потомъ множество изданій.

Есть восемнадцать манускриптовъ обоихъ текстовъ [1]), а именно пятнадцать чисто-латинскаго и три текста съ примѣсью германскихъ словъ. Эти манускрипты найдены: пятнадцать на лѣвомъ берегу Рейна, во Франціи, а въ Германіи только три. Можно подумать, что три, найденные въ Германіи, манускрипта — именно тѣ, которые заключаютъ германскія глоссы: нисколько; изъ трехъ манускриптовъ съ глоссами только два были найдены въ Германіи, третій же—въ Парижѣ. Изъ 15 другихъ, четырнадцать найдены въ самой Франціи, и одинъ въ Германіи.

Пятнадцать манускриптовъ чисто-латинскаго текста сходны между собою, за немногими исключеніями. Конечно, есть нѣсколько варіантовъ въ предисловіяхъ, эпилогахъ, въ расположеніи и редакціи статей, но они маловажны. Три манускрипта, заключающіе въ себѣ глоссы, различаются между собою гораздо болѣе: они различаются въ числѣ главъ и статей, въ порядкѣ ихъ, въ самомъ содержаніи и еще болѣе въ стилѣ. Изъ этихъ манускриптовъ два изданы на самой варварской латыни.

Итакъ, вотъ два текста салическаго закона, на которые опираются оба способа разрѣшенія задачи. Одинъ изъ нихъ, повидимому,

[1]) Перцъ, если не ошибаюсь, открылъ недавно еще два; но до сего времени ничего не было публиковано относительно этого предмета.

болѣе римскаго происхожденія, другой — болѣе чисто-германскаго. И вопросъ принялъ такимъ образомъ такой видъ: который изъ двухъ текстовъ самый древній? какой изъ нихъ можетъ разсматриваться, какъ первоначальный? Общее мнѣніе, особенно въ Германіи, приписываетъ тексту, имѣющему германскія глоссы, самую глубокую давность.

Въ самомъ дѣлѣ, съ перваго взгляда есть нѣкоторыя основанія предполагать то. Три манускрипта этого текста носятъ названіе: *lex salica antiqua*, *antiquissima*, *vetustior*; между тѣмъ какъ въ манускриптахъ чисто-латинскаго текста читается обыкновенно: *lex salica recentior emendata reformata*. Если сослаться на эти заглавія, то вопросъ былъ бы рѣшенъ. Другое обстоятельство, кажется, также приводитъ къ тому же результату. Многіе манускрипты содержатъ родъ предисловія, гдѣ разсказывается исторія салическаго закона: вотъ самое обширное изъ такихъ предисловій. Всякій увидитъ, какія заключенія можно извлечь изъ него относительно давности салическаго закона:

„Народъ франковъ, — славный, основанный Богомъ, сильный въ войнѣ, твердый въ мирныхъ договорахъ, мудрый въ совѣтѣ, благородный и здравый тѣломъ, отличающійся бѣлизною и красотою, смѣлый, быстрый и жестокій въ битвахъ, незадолго обращенный въ католическую вѣру, чистую отъ ересей; когда онъ еще держался религіи варваровъ, то, по внушенію Бога, уже искалъ ключа знанія, а по свойству своихъ нравовъ жаждалъ справедливости, охранялъ благочестіе.

„Салическій законъ былъ составленъ начальниками этого народа, которые въ то время были его правителями.

„Выбрали, изъ многихъ, четырехъ человѣкъ, а именно: Визогаста, Бодогаста, Салогаста и Виндогаста, въ мѣстахъ, называемыхъ Салагева (Salagheve), Бодогева (Bodogheve) и Виндогева (Windogheve) [1]. Эти люди собрались на три вѣча [2]), обсудили заботливо всѣ поводы къ процессамъ, разсуждали о каждомъ изъ нихъ особенно, и опредѣлили приговоромъ такъ, какъ слѣдуетъ ниже. Потомъ, когда съ помощью божіею Клодовей, длинноволосый, прекрасный и преславный король франковъ, первый принялъ католическое крещеніе, все, что̀ въ этомъ уложеніи было признано неудобнымъ, было исправлено съ бо̀льшею ясностью преславными королями Клодовеемъ, Гильдебертомъ, Лотаремъ, и такимъ образомъ было написано слѣдующее за симъ постановленіе:

„Во имя Христа, любящаго франковъ! Да хранитъ онъ ихъ царство и да исполняетъ ихъ предводителей свѣтомъ своей благодати! Да покровительствуетъ ихъ войску! Да дастъ имъ знаки, свидѣтельствующіе о вѣрѣ ихъ, радость мира и блаженства. Да направитъ Господь Іисусъ Христосъ на путь благочестія царство тѣхъ, которые правятъ; ибо это народъ малый числомъ, но храбрый и сильный, который свергнулъ съ себя тяжкое иго римлянъ, и который, познавъ святость крещенія, щедро украсилъ золотомъ и драгоцѣнными кам-

---

[1]) *Gast*—гость, *gheve* или *gau* —округъ, волость. *Salogast*—обитатель округа Сала, *Бодогастъ*,—обитатель округа Бода и пр.

[2]) *Mallum*, собраніе свободныхъ людей.

нями тѣла святыхъ мучениковъ, которыхъ римляне сожигали огнемъ, убивали и изувѣчивали желѣзомъ, или бросали на растерзаніе звѣрямъ".

О составителяхъ законовъ и о ихъ порядкѣ.

Моисей первый изъ всѣхъ передалъ священными письменами божественные законы еврейскому народу. Царь Фороней первый установилъ у грековъ законы и суды; Меркурій Трисмигистъ далъ первый законъ египтянамъ; Солонъ далъ первый законъ аѳинянамъ; Ликургъ первый установилъ законы у лакедемонянъ; по повелѣнію Аполлона, Нума Помпилій, наслѣдовавшій Ромулу, далъ первый законы римлянамъ. Потомъ, когда мятежный народъ не могъ сносить своихъ правителей, онъ избралъ децемвировъ для написанія законовъ; и эти децемвиры начертали на двѣнадцати таблицахъ законы Солона, переведенные на латинскій языкъ; они были: Аппій Клавдій сабинянинъ, Т. Л. Генуцій, П. Секстій Ватиканъ, Т. Ветурій Цикуринъ, К. Юлій Туллій, А. Манилій, П. Сулпицій Камеринъ, Сп. Постумій Альбъ, П. Горацій Пулвилъ, Т. Ромилій Ватиканъ. Эти децемвиры были назначены для написанія законовъ. Консулъ Помпей хотѣлъ первый установить, чтобы законы были изданы книгами; но онъ не настаивалъ на этомъ, опасаясь клеветниковъ; потомъ Цезарь началъ это дѣло, но былъ убитъ до его окончанія. Мало-по-малу древніе законы вышли изъ употребленія вслѣдствіе застарѣлости и нерадѣнія; и хотя ими не пользовались, но все-таки было необходимо ихъ знать.

Новые законы начались съ Константина и его преемниковъ; они были перемѣшаны и въ безпорядкѣ. Потомъ императоръ Ѳеодосій II, въ подражаніе кодексамъ Григорія и Гермогена, приказалъ собрать и расположить, по именамъ каждаго императора, постановленія, данныя со времени Константина; и по имени его этотъ кодексъ былъ названъ Ѳеодосіевымъ. Затѣмъ каждый народъ избралъ, по своему обычаю, свойственный ему законъ, ибо долговременный обычай переходитъ въ законъ; законъ есть писанное постановленіе; обычай же есть обыкновеніе, основанное на давности или неписанный законъ: ибо слово lex (законъ) названъ такъ отъ глагола legere (читать), такъ какъ онъ написанъ; обычай есть долговременная привычка, извлеченная единственно изъ нравовъ; привычка есть извѣстное право, установленное обычаемъ и принимаемое за законъ; законъ есть все то, что̀ установленно уже разумомъ, что̀ приличествуетъ доброму порядку, и служитъ на пользу; но привычкой называютъ то, что̀ составляетъ общій обычай.

Теодорикъ, король франковъ, въ бытность свою въ Шалонѣ, избралъ мудрыхъ людей своего королевства, знающихъ древніе законы; и самъ диктуя, приказалъ написать законы франковъ, алеманновъ, баваровъ и всѣхъ народовъ, бывшихъ подъ его властью, по обычаю каждаго. Къ нимъ прибавили, что̀ надо было прибавить, опустили несправедливо постановленное и исправили, по закону христіанъ, то, что̀ прежде было по древнему языческому обычаю. И что̀ не могъ измѣнить король Теодорикъ по причинѣ большой древности обычая

языческаго, то началъ исправлять король Гильдебертъ, а король Лотарь довершилъ. Славный король Дагобертъ возобновилъ все это съ помощью славныхъ мужей: Клавдія, Хадоина, Домагна и Агилофа, приказалъ переписать, съ улучшеніями, старинные законы, и, написавъ, далъ ихъ каждому народу. Законы созданы для того, чтобы человѣческая злоба сдерживалась страхомъ, чтобы невинность была внѣ всякой опасности среди злыхъ, чтобы злые страшились наказаній и чтобы они обуздывали свою страсть вредить... Это было постановлено королемъ, начальниками и всѣмъ христіанскимъ народомъ, находящимся въ королевствѣ Меровинговъ.

. . . .

„Во имя Христа:

„Начинаются положенія салическаго закона.

„Издавшіе салическій законъ: Визогастъ, Арегастъ, Салогастъ, Виндогастъ, въ Бодгамѣ, Салегамѣ и Виндгамѣ...“

Изъ этого предисловія, изъ словъ: *antiqua*, *vetustior*, вставленныхъ въ текстъ, и изъ нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ указаній заключили: 1) что салическій законъ былъ изданъ прежде вторженія, по ту сторону Рейна, на языкѣ франковъ; 2) что манускриптъ, со вставкою германскихъ словъ, древнѣе всѣхъ другихъ и содержитъ въ себѣ всѣ остатки первоначальнаго текста. Самое ученое сочиненіе, въ которомъ этотъ споръ представленъ въ сокращеніи, это—сочиненіе Віарда, озаглавленное: *Исторія и изложеніе салическаго закона* [1]), и изданное въ Бременѣ, 1808 г. Я не войду въ лабиринтъ споровъ, которые завязываются имъ по различнымъ сторонамъ различныхъ вопросовъ, обнимаемыхъ этимъ преніемъ; но я укажу главнѣйшіе результаты. Они основываются вообще на прочныхъ доказательствахъ, и критика ихъ весьма тщательна.

По мнѣнію Віарда, текстъ со вставкою германскихъ словъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ спискахъ, которые мы имѣемъ, не древнѣе другого; даже можно было бы полагать, что онъ новѣе. Двѣ главы особенно, какъ кажется, указываютъ на это: 1) глава LXI, озаглавленная *de Chrenecruda* [2]), и говорящая объ уступкѣ имущества, находится, равнымъ образомъ, въ обоихъ текстахъ; но чисто-латинскій текстъ излагаетъ ее, какъ постановленіе, имѣющее силу, тогда какъ текстъ съ глоссами прибавляетъ: „*Въ настоящее время* это уже не имѣетъ дѣйствія“; 2) въ главѣ LVIII, § 1-ый, текстъ съ глоссою говоритъ: „*По древнему* закону, кто выроетъ или ограбитъ тѣло, уже погребенное, будетъ изгнанъ“ и т. д. Этотъ законъ, названный здѣсь древнимъ, находится въ чисто-латинскомъ текстѣ безъ всякаго замѣчанія.

---

[1]) Geschichte und Auslegung des salischen Gesetzes. Bremen, 1808, in 8.

[2]) Т.-е. *о зеленой травѣ*; слово, вѣроятно, испорченное, отъ древнихъ германскихъ словъ, которыя соотвѣтствуютъ новѣйшимъ: *grün* —зеленый (*green* по-англійски) и *Kraut*—трава, растеніе.

Нельзя было бы отвергать, что эти два мѣста текста съ глоссами указываютъ, повидимому, на болѣе позднее время.

Отъ такого сравненія текстовъ Віарда переходитъ къ изслѣдованію предисловій и указываетъ въ немъ неправдоподобія и противорѣчія. Бо̀льшая часть манускриптовъ вовсе не имѣетъ предисловій; въ тѣхъ же, въ которыхъ есть предисловія, они весьма различны. Даже то, которое мы прочли, составлено изъ безсвязныхъ частей; другое, начиная со словъ: *Составители законовъ* и т. д., буквально переписано въ сочиненіи Исидора Севильскаго, писателя VII вѣка: *Разсужденіе объ этимологіяхъ и корняхъ*; третье, начиная словами: *Теодорикъ король франковъ* и т. д., равнымъ образомъ, находится въ началѣ манускрипта баварскаго закона. Имена первыхъ издателей закона салическихъ франковъ не одинаковы въ предисловіи и въ самомъ текстѣ закона. Изъ этихъ и многихъ другихъ обстоятельствъ Віарда заключилъ, что эти предисловія суть не что иное, какъ письменныя приложенія, помѣщенныя въ началѣ текста переписчиками, которые собрали, каждый по-своему, слухи, ходившіе въ народѣ, и потому не слѣдуетъ придавать имъ дѣйствительнаго значенія.

Впрочемъ, ни одинъ изъ древнихъ документовъ, ни одинъ изъ первыхъ лѣтописцевъ, разсказывавшихъ подробно исторію франковъ, ни Григорій Турскій, ни Фредегарій, напр., не говорятъ объ изданіи ихъ законовъ. Надо спуститься къ VIII в., чтобы найти мѣсто, которое упоминало бы о томъ, и только въ одной изъ хроникъ этого времени, наиболѣе запутанныхъ и лживыхъ, а именно: *Gesta francorum*, можно читать:

„Послѣ битвы, данной императоромъ Валентиніаномъ, въ которой палъ ихъ предводитель, Пріамъ, франки оставили Сикамбрію и водворились въ областяхъ Германіи, въ крайнихъ предѣлахъ теченія рѣки Рейна... Тамъ они избрали королемъ Фарамонда, сына Маркомира, и, поднявъ его на своихъ щитахъ, провозгласили длинноволосымъ королемъ; съ того времени они начали имѣть законъ, который издали въ германскихъ селеніяхъ, Бодегеймѣ, Салегеймѣ и Виндегеймѣ, ихъ древніе языческіе мудрецы, Визогастъ, Виндогастъ, Арегастъ и Салогастъ“ (*Gesta franc.*, c. 3).

На этомъ-то мѣстѣ основываются всѣ предисловія, надписи и разсказы, помѣченные въ началѣ манускриптовъ; они не имѣютъ иныхъ гарантій и не заслуживаютъ никакой вѣры.

Устранивъ такимъ образомъ косвенные документы, на которые опирается обыкновенно мнѣніе о глубокой давности и чисто германскомъ происхожденіи закона, Віарда прямо приступаетъ къ вопросу, и полагаетъ: во 1) что салическій законъ изданъ въ первый разъ на лѣвомъ берегу Рейна, въ Бельгіи, въ мѣстности, расположенной между Арденскимъ лѣсомъ, рѣкою Маасомъ, Лисъ и Шельдою, въ странѣ, гдѣ водворилось и долго господствовало племя салическихъ франковъ, которые преимущественно управлялись по этому закону, и отъ которыхъ онъ получилъ свое имя; во 2) что ни въ одномъ изъ текстовъ, существующихъ въ настоящее время, онъ не восходитъ, повидимому, выше VII вѣка; наконецъ, въ 3) что онъ былъ изданъ только на латинскомъ языкѣ. Это признано справедливымъ и для всѣхъ другихъ

варварскихъ законовъ, для рипуарскаго, баварскаго, алеманнскаго, и ничто не указываетъ на то, чтобы салическій законъ былъ исключеніемъ. Впрочемъ, на германскихъ діалектахъ ничего не писалось прежде царствованія Карла-Великаго, и Готфридъ Вейссембургскій, переводчикъ Евангелія, называетъ, еще въ IX вѣкѣ, франкскій языкъ *linguam indisciplinabilem*.

Таковы общіе результаты ученаго труда Віарда; вообще, я считаю ихъ основательными; онъ даже слишкомъ мало давалъ вѣса тѣмъ доказательствамъ, которыя, по моему мнѣнію, сильнѣе большей части доказательствъ, развиваемыхъ имъ съ такимъ остроуміемъ, то-есть, самому содержанію салическаго закона и фактамъ, которые ясно раскрываются въ немъ. Мнѣ кажется, изъ постановленій, идей, духа этого закона очевидно, что онъ принадлежитъ къ той эпохѣ, когда франки уже долго находились среди римскаго населенія; онъ безпрерывно упоминаетъ о римлянахъ, и не упоминаетъ о нихъ какъ о жителяхъ, разсѣянныхъ тамъ-и-сямъ по территоріи, но какъ о народонаселеніи многочисленномъ, трудолюбивомъ, земледѣльческомъ, уже низведенномъ, по крайней мѣрѣ, большею частью, до положенія колоновъ.

Отсюда слѣдуетъ также, что христіанство въ то время утвердилось между франками не недавно, что оно занимаетъ уже въ обществѣ и умахъ обширное мѣсто; въ немъ часто поднимается вопросъ о церквахъ, епископахъ, діаконахъ, клерикахъ: нельзя не признать во многихъ статьяхъ вліянія религіи на нравственныя понятія и перемѣну, уже внесенную ею въ варварскіе нравы. Однимъ словомъ, доказательства внутреннія, почерпнутыя изъ самаго закона, какъ мнѣ кажется, приводятъ къ заключенію въ пользу системы, поддерживаемой Віарда.

Я думаю, однако, что преданія, которыя, сквозь множество противорѣчій и басней, все еще проявляются въ предисловіяхъ и эпилогахъ, прибавленныхъ къ закону, имѣютъ болѣе важности и заслуживаютъ болѣе вниманія, чѣмъ то обыкновенно имъ оказывается. Они обнаруживаютъ, что съ VIII вѣка было распространено мнѣніе, народное воспоминаніе о томъ, что обычаи салическихъ франковъ были издавна собраны, еще ранѣе принятія христіанства, на мѣстности съ болѣе германскимъ характеромъ, чѣмъ та, которую они тогда занимали. Какъ бы ни были мало достовѣрны, какъ бы ни были испорчены памятники, въ которыхъ изложены эти преданія, они доказываютъ по крайней мѣрѣ ихъ существованіе. Изъ этого не слѣдуетъ опять заключать, что салическій законъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы его имѣемъ, относится къ весьма отдаленному времени, ни что онъ изданъ такъ, какъ разсказывается о томъ, ни даже что онъ былъ написанъ когда-либо на германскомъ языкѣ, но что онъ связанъ съ обычаями, собранными, передававшимися изъ рода въ родъ, когда франки жили у устья Рейна, измѣненными, распространенными, объясненными, изданными въ формѣ закона, въ нѣсколько пріемовъ, начиная съ того времени и до конца VIII вѣка. Вотъ, я полагаю, основательный результатъ, къ которому должно привести такое разсмотрѣніе.

Но прежде, чѣмъ мы оставимъ сочиненіе Віарда, остановимъ наше вниманіе еще на двухъ идеяхъ, которыя оно развиваетъ, и которыя,

какъ я полагаю, заключаютъ въ себѣ большую долю истины. Салическій законъ, по его мнѣнію, вовсе не законъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, т.-е. *не кодексъ*; онъ не былъ изданъ и обнародованъ законною, оффиціальною властью, будетъ ли то король, или же собраніе всего народа, или только однихъ вельможъ. Въ немъ можно видѣть одно простое исчисленіе обычаевъ и судебныхъ рѣшеній, *сборникъ*, сдѣланный какимъ-нибудь судьею, варварскимъ клерикомъ, сборникъ, подобный *Зерцалу саксовъ*, *Зерцалу швабовъ*, и многимъ другимъ древнимъ памятникамъ германскаго законодательства, которые, очевидно, имѣютъ не другой характеръ. Віарда основываетъ это предположеніе на примѣрѣ многихъ другихъ народовъ, стоящихъ на той же самой степени цивилизаціи, и на довольно значительномъ количествѣ другихъ остроумныхъ доводовъ. Отъ него ускользнулъ одинъ, можетъ быть, самый рѣшительный; это — текстъ самаго закона салическаго. Въ немъ читается:

„Если кто ограбитъ мертваго, прежде чѣмъ зарыли тѣло въ землю, тотъ будетъ присужденъ заплатить 1.800 денаріевъ (что̀ составляетъ 45 сол.); и по другому рѣшенію (*in alia sententia*) 2.500 денаріевъ (что̀ составляетъ 62 сол. съ половиною)“ [1]).

Очевидно, здѣсь не законодательный текстъ, ибо онъ содержитъ для одного и того же преступленія два различныя наказанія, и слова *по другому рѣшенію* — именно такія, какія могутъ встрѣтиться въ юридическомъ языкѣ какого-нибудь сборника приговоровъ.

Віарда думаетъ кромѣ того — и это только подтвердило бы вышеизложенное мнѣніе — что салическій законъ заключаетъ не все законодательство, не все право салическихъ франковъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ памятникахъ IX, X и XI вѣковъ встрѣчаются извѣстные случаи, которые отмѣчены, какъ разрѣшенные *secundum legem salicam* (по салическому закону), и о которыхъ текстъ этого закона не дѣлаетъ никакого упоминовенія. Извѣстныя формы брака, извѣстныя правила обрученія прямо опредѣлены *secundum legem salicam*, и между тѣмъ нигдѣ въ немъ не встрѣчаются. Отсюда можно заключить, что многіе изъ обычаевъ салическихъ франковъ никогда не были записаны и не вошли въ составъ текста, который мы теперь имѣемъ. Вотъ сколько можно привести подробностей, а я опустилъ ихъ еще гораздо болѣе; я хотѣлъ представить не что иное, какъ одинъ результатъ споровъ, которыхъ предметомъ была только исторія салическаго закона. Именно потому спорили, что не отдавали себѣ отчета, не заботливо изслѣдовали происхожденіе и видоизмѣненія этого закона, и потому-то такъ странно ошибались въ его сущности. Теперь мы приступимъ къ изслѣдованію самаго законодательства, и постараемся внести и туда нѣсколько точную критику, ибо и въ этомъ отношеніи впадали удивительнымъ образомъ въ заблужденіе и декламацію.

Оба текста неравныхъ размѣровъ. Текстъ со вставками германскихъ словъ заключаетъ 80 главъ и 420 стат. или параграфовъ; чисто-латинскій текстъ имѣетъ только 70, 71, 72 главы, въ различныхъ

---

[1]) Pact. leg. Salic. изд. Герольда, глава XVII, de expoliationibus, § 1.

манускриптахъ, и 406, 407, 408 статей. Вольфенбюттельскій манускриптъ, впрочемъ, дѣйствительно весьма перепутанный, имѣетъ ихъ даже больше.

При первомъ взглядѣ нельзя не удивиться отсутствію всякаго порядка въ этомъ законѣ. Онъ говоритъ обо всемъ: о политическомъ правѣ, о правѣ гражданскомъ, о правѣ уголовномъ, о судопроизводствѣ гражданскомъ, о судопроизводствѣ уголовномъ, о сельской полиціи, и обо всемъ этомъ перемѣшанно, безъ всякаго различія и классификаціи. Если бы переписать статьи нашихъ разныхъ сводовъ законовъ, каждую отдѣльно, и, перемѣшавъ ихъ въ урнѣ, вынимать ихъ оттуда одну за другою, то порядокъ, который установилъ бы случай въ ихъ содержаніи и расположеніи, ничѣмъ не отличался бы отъ расположенія салическаго закона.

Всматриваясь ближе въ содержаніе этого закона, видишь, что въ сущности это *уголовный* законъ, что уголовное право занимаетъ въ немъ первое мѣсто, почти даже все мѣсто. *Политическое* право является тамъ только косвенно, въ намекахъ на учрежденія и на явленія, которыя разсматриваются, какъ уже утвержденныя, и которыя законъ не имѣетъ цѣлью ни утверждать, ни даже высказать. Что касается *гражданскаго* права, то оно заключаетъ нѣкоторыя болѣе точныя распоряженія, существенно обязательныя и вставленныя съ намѣреніемъ. То же самое и въ *гражданскомъ судопроизводствѣ*. Въ отношеніи *судопроизводства уголовнаго* салическій законъ предполагаетъ почти все уже извѣстнымъ, установленнымъ; онъ только пополняетъ нѣкоторые пробѣлы, уясняетъ въ извѣстныхъ случаяхъ обязанности судей, свидѣтелей и проч.; здѣсь господствуетъ карательный элементъ; онъ очевидно имѣетъ цѣлью подавить преступленія и устрашить наказаніями. Это уголовный кодексъ: въ немъ считается 343 статьи уголовныхъ и только 65 по всѣмъ другимъ предметамъ.

Таковъ характеръ всѣхъ рождающихся законодательствъ; уголовными законами народы дѣлаютъ первый явный шагъ, первый письменный шагъ, если я могу такъ сказать, къ выходу изъ варварскаго состоянія. Они вовсе не думаютъ писать политическое право: власти, которыя управляютъ, формы ихъ дѣйствія, все это—факты извѣстные, всѣми признанные.

Это не такое время, когда разсуждаютъ о конституціяхъ. Равнымъ образомъ, гражданское право существуетъ, какъ фактъ; соглашенія людей и отношенія ихъ между собою предоставлены правиламъ врожденной справедливости, или же они совершаются по извѣстнымъ началамъ, извѣстнымъ формуламъ, общепринятымъ; законное опредѣленіе этой части права приходитъ вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ развитіемъ общественнаго состоянія. То въ религіозной формѣ, то въ формѣ чисто свѣтской, уголовное право является первымъ въ законодательномъ развитіи народовъ; ихъ первое стремленіе къ улучшенію гражданской жизни состоитъ въ томъ, чтобы напередъ противопоставить преграды, напередъ объявить наказанія за необузданность личной свободы. Салическій законъ принадлежитъ именно къ такой эпохѣ исторіи нашего общества.

Для того, чтобы узнать его точнѣе, чтобы освободиться отъ тѣхъ

шаткихъ положенiй и разсужденiй, которыхъ онъ былъ предметомъ, постараемся разсмотрѣть его: 1) при исчисленiи и опредѣленiи преступленiй, 2) въ приложенiи наказанiй и 3) въ уголовномъ судопроизводствѣ. Вотъ три существенныхъ элемента всякаго уголовнаго законодательства.

I. Предусмотрѣнныя салическимъ закономъ преступленiя почти всѣ подводятся подъ два главные класса: кража и насилiе противъ лицъ. Изъ 343 статей уголовнаго права 150 относятся къ случаямъ воровства, и въ томъ числѣ 74 статьи предвидятъ и наказываютъ покражу животныхъ, а именно: 20—покражу свиней; 16 — лошадей; 13—буйволовъ, быковъ и коровъ; 7—овецъ и козъ; 4—собакъ; 7—птицъ, и 7 — пчелъ. Законъ входитъ по этому предмету въ самыя мелочныя подробности; преступленiя и наказанiя разнообразятся, смотря по возрасту, полу, числу украденныхъ животныхъ, мѣсту и времени кражи и проч. Случаи насилiя противъ лицъ занимаютъ 113 статей, изъ которыхъ 30 по одному только дѣлу увѣчья, которое также предвидится во всемъ своемъ разнообразiи; 24 по насилiю противъ женщинъ и т. д.

Я не стану много распространяться въ этомъ исчисленiи преступленiй: въ нихъ явно выражается двойной характеръ законодательства. 1) Оно принадлежитъ мало развитому, несложному обществу. Откройте уголовные кодексы прошлыхъ эпохъ: роды преступленiй въ нихъ гораздо разнообразнѣе; и въ каждомъ родѣ классификацiя отдѣльныхъ случаевъ гораздо менѣе подробна; въ одно и то же время замѣчаешь и болѣе разнообразные факты, и болѣе общiя идеи. Здѣсь только тѣ преступленiя, которыя должны возникать при первомъ сближенiи людей между собою, какъ бы просты ни были ихъ отношенiя, какъ бы ни была однообразна ихъ жизнь. 2) Оно также ясно обнаруживаетъ весьма глубокое и необузданное общество, въ которомъ безпорядокъ въ личной волѣ и личныхъ силахъ доходитъ до крайней степени, въ которомъ никакая общественная власть не предупреждаетъ ихъ необузданности, въ которомъ безопасность лица и собственности ежеминутно стоятъ на краю погибели. Такое отсутствiе всякаго стремленiя обобщить частные случаи, привести преступленiя къ ихъ простому и общему характеру свидѣтельствуетъ въ то же время о маломъ интеллектуальномъ развитiи и о торопливости законодателя. Онъ ничего не соображаетъ; онъ находится подъ влiянiемъ безотлагательной необходимости; онъ беретъ, такъ сказать, на мѣстѣ преступленiя каждое дѣйствiе, каждый случай воровства, насилiя, чтобы тутъ же опредѣлить ему наказанiе. Будучи самъ грубъ, онъ борется съ людьми грубыми и умѣетъ одно только—вносить новую статью закона при каждомъ случаѣ, когда только совершается преступленiе, хотя бы оно было мало отлично отъ тѣхъ, которыя были уже указаны.

II. Отъ преступленiй перейдемъ къ наказанiямъ и посмотримъ, каковъ характеръ салическаго законодательства въ этомъ отношенiи. При первомъ взглядѣ мы будемъ поражены его мягкостью. Это законодательство, которое въ случаяхъ преступленiя раскрываетъ столь необузданные нравы, вовсе не заключаетъ въ себѣ суровыхъ наказанiй: и не только оно несурово, но даже имѣетъ, повидимому, къ лич-

ности и свободѣ людей особенное уваженіе, хотя только тогда, когда дѣло идетъ о людяхъ свободныхъ; если же дѣло коснется рабовъ или даже колоновъ, въ законодательствѣ снова появляется звѣрская жестокость; оно изобилуетъ пытками и смертными казнями; въ отношеніи же свободныхъ людей, франковъ, и даже римлянъ законодательство крайне умѣренно. Встрѣчается только нѣсколько случаевъ смертной казни, отъ которой, впрочемъ, все же можно откупиться: нѣтъ ни тѣлесныхъ наказаній, ни тюремныхъ заключеній. Говоря справедливо, единственная пеня, внесенная въ салическій законъ, есть вира; *Wehrgeld, Widrigeld* [1]), т.-е. извѣстная сумма, которую виновный обязанъ заплатить обиженному или его семейству. Съ *Wehrgeld* соединяется довольно часто то, что̀ германскіе законы называютъ *fred* [2])—сумма, платимая королю или магистрату, какъ вознагражденіе за нарушеніе общественнаго спокойствія. Этимъ ограничивается карательная система закона.

Вира есть первый шагъ уголовнаго законодательства за предѣлы порядка, основаннаго на личномъ мщеніи. Право, на которое опирается эта пеня, право, которое лежитъ въ основѣ салическаго закона и всѣхъ законовъ варваровъ, есть право каждаго человѣка самому творить судъ и расправу, самому мстить за себя силою; это—война между обидчикомъ и обиженнымъ. Вира есть попытка замѣнить войну порядкомъ, основаннымъ на законѣ; она есть способъ, предоставляемый обидчику избавиться, заплативъ извѣстную сумму, отъ мести обиженнаго; она налагаетъ на обиженнаго обязанность отказаться отъ употребленія силы.

Не думайте, однакоже, чтобы вира уже при своемъ происхожденіи приносила такіе результаты; обиженный долго еще сохранялъ право выбора между вирою и войною, право отказываться отъ *Wehrgeld* и прибѣгать къ личной мести. Хроники и всѣхъ родовъ документы рѣшительно не дозволяютъ въ томъ сомнѣваться. Я готовъ допустить, что въ VIII вѣкѣ вира окончательно стала обязательною, и что отказъ довольствоваться ею считался тогда насиліемъ, а не правомъ, но можно сказать положительно, что не всегда было такъ, и въ началѣ вира была только попыткою, довольно мало дѣйствительною, положить конецъ безпорядочной борьбѣ личныхъ силъ, чѣмъ-то въ родѣ установленнаго закономъ вознагражденія со стороны обидчика обиженному.

Въ Германіи, и особенно въ послѣднее время, сложилось по этому поводу крайне высокое понятіе о варварахъ. Люди, обладающіе рѣдкими познаніями и умомъ, были поражены не только ихъ уваженіемъ къ личности и свободѣ человѣка, которое обнаруживается въ такомъ родѣ пени, но и многими другими чертами, которыя, какъ имъ казалось, можно открыть въ немъ. Я остановлюсь только на одномъ обстоятельствѣ.

---

[1]) Деньги защиты (отъ wehren, wahren, bewahren), ручательство. См. мои: Essais sur l'hist. de France, p. 197.

[2]) Отъ Friede—миръ.

Если разсматривать дѣло съ возвышенной и моральной точки зрѣнія, то, говорятъ они, каковъ радикальный недостатокъ новѣйшихъ уголовныхъ законодательствъ? Они разятъ, они наказываютъ, не заботясь о томъ, принимаетъ ли виновный наказаніе или нѣтъ, признаетъ ли онъ свой проступокъ, сообразуется ли воля его съ волею закона или нѣтъ; они дѣйствуютъ единственно путемъ принужденія; правосудіе нисколько не заботится о томъ, чтобы предстать предъ тѣмъ, кого оно касается, въ какомъ-либо другомъ видѣ, а не въ видѣ силы.

Вира имѣетъ, такъ сказать, карательную физіономію, но совершенно отличную; она предполагаетъ и требуетъ признанія въ преступленіи со стороны обидчика; она есть съ его стороны свободный актъ. Онъ можетъ отказать въ ней и подвергнуться опасностямъ личной мести обиженнаго; когда же онъ подчиняется ей, онъ признаетъ себя виновнымъ, и предлагаетъ вознагражденіе за преступленіе. Съ другой стороны, обиженный, принимая виру, примиряется съ обидчикомъ; онъ торжественно обѣщаетъ забвеніе, прекращеніе мести; такъ что вира, какъ пеня, имѣетъ гораздо болѣе нравственный характеръ, чѣмъ наказанія, опредѣляемыя болѣе учеными законодательствами; она свидѣтельствуетъ о глубокомъ чувствѣ нравственности и свободы.

Говоря такъ, я излагаю, только въ болѣе сжатыхъ чертахъ, идеи нѣкоторыхъ новѣйшихъ германскихъ писателей, и въ числѣ ихъ одного молодого человѣка, недавно умершаго, къ глубокому сожалѣнію науки, г-на Рогге, который развилъ эти идеи въ своемъ опытѣ: *О судебной системѣ германцевъ*“ (издано въ Галлѣ, въ 1820 г.). Помимо многихъ замѣчательныхъ взглядовъ и нѣкоторыхъ, основанныхъ на вѣроятности, объясненій древняго общественнаго быта германцевъ, я полагаю, въ этой системѣ есть общій недосмотръ и важный недостатокъ въ пониманіи человѣка и варварскаго общества.

Источникъ заблужденія, если я не ошибаюсь, состоитъ въ весьма ложной идеѣ, которую часто составляли себѣ о свободѣ, встрѣчающейся, повидимому, въ первомъ возрастѣ народовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ эту эпоху свобода отдѣльныхъ лицъ была дѣйствительно велика. Съ одной стороны, между первобытными людьми встрѣчается неравенство, не слишкомъ различествующее и не слишкомъ глубокое; неравенство, вытекающее изъ богатства, древности рода, въ тѣ времена не могло еще развиться сильно и производило только весьма преходящія слѣдствія. Съ другой стороны, у варваровъ совершенно нѣтъ, или почти совершенно, общественной силы, способной сдержать или подавить волю отдѣльныхъ лицъ. Поэтому люди не управляются твердо ни другими людьми, ни обществомъ. Ихъ свобода фактическая: каждый дѣлаетъ почти все, что̀ хочетъ, сообразно съ собственной силой, на свой рискъ и страхъ. Я говорю: сообразно съ собственной силой; въ ту эпоху такое существованіе свободныхъ лицъ на самомъ дѣлѣ было только борьбою силъ, т.-е. войною между отдѣльными лицами и семействами, борьбою постоянною, измѣнчивою, жестокою, варварскою, какъ и самыя лица, которыя ее вели.

Но это еще не общество; оно, однако, не замедлило сдѣлаться

замѣтнымъ уже и въ варварскую эпоху; со всѣхъ сторонъ являются всевозможныя усилія выйти изъ хаотическаго состоянія и вступить на путь общественнаго порядка. Ядъ всюду ищетъ себѣ противоядія. Такъ того требуетъ та таинственная жизнь, та скрытая сила, которая управляетъ судьбами человѣческаго рода.

Въ настоящемъ случаѣ обыкновенно являются два противоядія: 1° между людьми обнаруживается неравенство; одни становятся богатыми, другіе—бѣдными; одни—благороднаго, другіе—темнаго происхожденія; одни патроны, другіе кліенты; одни господа, другіе рабы; 2° развивается общественная власть, возникаетъ собирательная сила, которая, во имя общества и его интересовъ, провозглашаетъ и примѣняетъ извѣстные законы.

Такимъ образомъ рождаются съ одной стороны *аристократія*, съ другой—*правительство*, т.-е. два способа подавленія воли индивидуальныхъ лицъ, два средства подчинить многихъ людей иной волѣ, отличной отъ ихъ собственной.

Но въ свою очередь само противоядіе опять дѣлается ядомъ: аристократія давитъ, общественная власть давитъ; давленіе влечетъ за собой новый безпорядокъ, отличный отъ перваго, но тѣмъ не менѣе глубокій и невыносимый. Однако, въ нѣдрахъ общественной жизни, вслѣдствіе одной продолжительности ея существованія и при содѣйствіи множества вліяній, развиваются, выясняются, усовершенствуются отдѣльныя личности, единственно реальныя существа; ихъ умъ уже не такъ узокъ, и воля ихъ не такъ безпорядочна; они замѣчаютъ, что они легко могли бы жить въ мирѣ и безъ такого громаднаго неравенства и общественной власти, т.-е., что общество легко могло бы существовать, не платя за то такъ дорого своею свободою. Тогда какъ прежде обнаруживалось усиліе создать общественную власть и вызвать неравенство между людьми, теперь начиналось стремленіе къ противоположной цѣли, къ ограниченію правительства и аристократіи; т.-е. общество стремилось къ состоянію, которое, по внѣшности по крайней мѣрѣ, и разсматриваемое только съ этой стороны, походитъ на то, въ которомъ оно находилось въ первый возрастъ своей общественной жизни при свободномъ развитіи личной воли, на то положеніе, въ которомъ человѣкъ дѣлаетъ, что̀ хочетъ на свой рискъ и страхъ.

Если я ясно выразилъ свою мысль, то понятно теперь, въ чемъ заключается важная ошибка поклонниковъ варварскаго быта: пораженные въ немъ, съ одной стороны, незначительностью развитія или общественной власти, или неравенства между людьми, съ другой стороны, обширностью личной свободы, которая тамъ встрѣчается, они заключили изъ того, что то общество, несмотря на грубость своихъ формъ, въ сущности находилось въ своемъ нормальномъ состояніи, подъ властью законныхъ началъ; наконецъ, говорятъ они, оно было столь совершенно, что и послѣ періода самаго блестящаго прогресса все видимо стремилось возвратиться къ древнему быту. Они забыли только одно: они не позаботились сравнивать самихъ людей этихъ двухъ эпохъ общественной жизни; они забыли, что, въ первую эпоху, грубые, невѣжественные, жестокіе, управляемые страстью, всегда гото-

вые прибѣгать къ силѣ, люди были неспособны жить въ мирѣ по разуму и справедливости, т.-е. жить въ обществѣ безъ внѣшней силы, которая бы принуждала ихъ къ тому. Прогрессъ общества состоитъ прежде всего въ томъ, что человѣкъ преобразуется, *дѣлается способнымъ* къ свободѣ, т.-е. способнымъ управлять самимъ собою по началамъ разума. Если свобода погибла при самомъ вступленіи человѣка на общественное поприще, то это потому, что самъ человѣкъ былъ неспособенъ сохранять ее при своемъ движеніи впередъ; пусть онъ снова овладѣетъ и все болѣе и болѣе пользуется ею; это — цѣль, это совершенствованіе общества; но отнюдь не таково было первоначальное состояніе, условія варварской жизни. Въ ней свобода была не что иное, какъ господство силы, т.-е. разрушеніе или скорѣе отсутствіе общества. Вотъ что̀ вводило въ обманъ столь многихъ ученыхъ относительно характера варварскихъ законодательствъ и въ особенности того, которымъ мы занимаемся. Они видѣли тамъ главныя внѣшнія условія свободы и перенесли на нихъ чувства, идеи и людей другого общественнаго возраста. Та теорія виры, которую я только что изложилъ, не имѣетъ другого источника: несообразность въ ней очевидна; вмѣсто того, чтобы придавать этому роду наказанія столько нравственной цѣны, должно смотрѣть на него только, какъ на первый шагъ къ тому, чтобы выйти за предѣлы вѣчной войны и варварской борьбы матеріальныхъ силъ.

III. Что касается уголовнаго судопроизводства, способа преслѣдованія и суда преступленій, то салическое законодательство весьма неполно и почти умалчиваетъ объ этомъ предметѣ; оно разсматриваетъ судебныя учрежденія, какъ фактъ, и не говоритъ ни о трибуналахъ, ни о судьяхъ, ни о формахъ судебнаго изслѣдованія. По временамъ встрѣчаются постановленія о вызовѣ и явкѣ въ судъ, объ обязанности свидѣтелей и судей, объ испытаніи горячей водой и проч.; но все это нѣсколько случайныхъ распоряженій: для того же, чтобы пополнить ихъ, чтобы построить систему учрежденій и обычаевъ, съ которыми они были связаны, слѣдовало бы отложить текстъ совершенно въ сторону и даже все то, что̀ составляетъ предметъ законодательства. Изъ свѣдѣній, которыя заключены въ законодательствѣ относительно уголовнаго судопроизводства, я остановлюсь только на двухъ пунктахъ: на различіи факта и права, и на свидѣтеляхъ или *conjuratores* (присяжные).

Когда обидчикъ, по вызову обиженнаго, явился въ *mallum*, т.-е. въ собраніе свободныхъ людей, передъ судьями, какими бы то ни было, графами (*comes*), рахимбургами или ариманами и проч., призванными произвести приговоръ, ихъ задача состояла въ томъ, чтобъ заявить то, что̀ постановлялъ законъ относительно предложеннаго дѣла: передъ ними не должны были происходить пренія объ истинности или ложности дѣла; имъ представлялись условія, по которымъ долженъ былъ разрѣшиться тотъ первый пунктъ; потомъ сообразно съ закономъ, которому были подчинены обѣ тяжущіяся стороны, судьи обязаны были опредѣлить количество виры и всѣ подробности наказанія. Что касается до постановленія самаго дѣла, то оно опредѣлялось передъ судьями различными способами, посредствомъ божьяго

суда, испытанія горячею водою, поединка и пр., иногда показаніями свидѣтелей, чаще же всего клятвою свидѣтелей (*conjuratores*).

Обвиненный являлся въ сопровожденіи извѣстнаго числа людей, своихъ родственниковъ, сосѣдей, друзей, шести, восьми, девяти, двѣнадцати, пятидесяти, семидесяти-двухъ, даже ста, въ извѣстныхъ случаяхъ, и эти лица должны были присягать, что онъ не сдѣлалъ того, въ чемъ его обвиняютъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и обиженный имѣлъ также своихъ свидѣтелей. При этомъ не было ни допроса, ни разбора показаній, ни изслѣдованія дѣла въ собственномъ смыслѣ этого слова; *conjuratores* просто подтверждали подъ присягой истинность того, что̀ утверждалъ обиженный, или того, что̀ отрицалъ обвиненный. Въ этомъ-то и состояло самое главное средство постановить дѣло, общая система законодательства варваровъ; *conjuratores* гораздо рѣже упоминаются въ законѣ салическихъ франковъ, чѣмъ въ другихъ законодательствахъ варваровъ, напр., у франковъ рипуарскихъ: нѣтъ сомнѣнія однакоже, что они и у салическихъ франковъ равно были въ употребленіи и составляли основу уголовнаго судопроизводства.

Эта система, какъ и система виры, служила предметомъ большого удивленія для многихъ ученыхъ; они видѣли въ ней два рѣдкихъ достоинства: могущество связей семейства, дружбы, сосѣдства, и довѣріе закона къ правдивости человѣка. „Германцы, говоритъ Рогге, никогда не чувствовали потребности въ настоящей системѣ доказательствъ. Все, что̀ можетъ быть страннымъ въ этомъ утвержденіи, тотчасъ же исчезнетъ само собою, когда кто проникнется, подобно мнѣ, полною вѣрою въ благородный характеръ и, что̀ выше всего, въ безграничную правдивость нашихъ предковъ“ [2]).

Было бы забавно перейти отъ этой фразы къ чтенію Григорія Турскаго, поэмы *Нибелунговъ*, и всѣхъ памятниковъ, поэтическихъ и историческихъ, заключающихъ въ себѣ описаніе древнихъ германскихъ нравовъ: хитрость, обманъ, отсутствіе честности, являются въ нихъ на каждомъ шагу, то въ самой утонченной формѣ, то съ самою глубокой дерзостью. Подумаетъ ли кто, что германцы были иными предъ судомъ, чѣмъ въ жизни, и что протоколы ихъ процессовъ — если только существовали тогда протоколы—изобличили бы во лжи историковъ? Я не хочу дѣлать германцамъ особеннаго упрека за эти пороки; это—пороки варварскихъ народовъ во всѣ эпохи, подъ всѣми широтами; о томъ свидѣтельствуютъ американскія преданія точно такъ же, какъ и европейскія, Иліада, какъ и *Нибелунги*. Я далекъ и отъ того, чтобы отрицать ту врожденную нравственность человѣка, которая не оставляетъ его никогда, ни въ какомъ положеніи, ни въ какомъ возрастѣ общества, и примѣшивается къ самому необузданному господству невѣжества и страсти. Но всякій пойметъ безъ труда, чѣмъ могли быть очень часто при такихъ нравахъ клятвы тѣхъ *conjuratores*.

Что касается духа племенного или семейнаго, правда, онъ былъ силенъ у германцевъ, и доказательствомъ тому, въ числѣ многихъ

---

[1]) *Ueber das Gerichtswesen der Germanen*, въ предисловіи, стр. 6.

другихъ, служатъ *conjuratores*; но этотъ духъ имѣлъ для себя не всѣ причины, и произвелъ не всѣ моральныя послѣдствія, которыя ему приписываются; быть обвиненнымъ, значило подвергнуться нападенію; близкіе къ нему люди слѣдовали за нимъ и окружали его передъ судомъ, какъ на полѣ битвы. Въ нѣдрахъ варварства семейный бытъ былъ состояніемъ вѣчной войны; что же тутъ удивительнаго, если фамиліи группируются и приходятъ въ движеніе, когда имъ грозитъ война въ той или другой формѣ?

Настоящее происхожденіе *conjuratores* заключается въ томъ обстоятельствѣ, что всякое другое средство постановить фактъ было тогда почти неприложимо къ дѣлу. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ требуется для настоящаго судебнаго изслѣдованія, каковы должны быть интеллектуальное развитіе и публичный авторитетъ для сближенія и сопоставленія различнаго рода доказательствъ, для собранія и обсужденія свидѣтельствъ, для того, чтобы только призвать свидѣтелей передъ судей и добиться отъ нихъ истины, въ присутствіи обвинителей и обвиненныхъ? Ничего подобнаго не могло быть въ обществѣ, которымъ управлялъ салическій законъ; и если прибѣгали тогда къ божьему суду или къ присягѣ родственниковъ, то не потому, что такой методъ былъ выбранъ какъ лучшій, и не по какимъ-либо нравственнымъ соображеніямъ, а просто потому, что тогда не умѣли и не могли дѣйствовать лучше.

Таковы главныя положенія этого законодательства, которыя, какъ мнѣ казалось, заслуживаютъ нашего вниманія. Я ничего не сказалъ объ отрывкахъ права политическаго, права гражданскаго, судопроизводства гражданскаго, разсѣянныхъ мѣстами, ни даже о знаменитой статьѣ, которая постановляетъ, что „салическая земля не можетъ достаться женщинѣ, и что всѣ наслѣдственныя права предоставляются мужескому полу“ [1]). Всякому извѣстно теперь, каковъ ея настоящій смыслъ. Нѣкоторыя распоряженія относительно формальностей, которыми человѣкъ можетъ отдѣлиться отъ своего семейства [2]), освободиться отъ всякихъ обязанностей родства и получить полную независимость, весьма любопытны и проливаютъ много свѣта на тогдашнее состояніе общества; но они занимаютъ мало мѣста въ законѣ и нисколько не опредѣляютъ своей цѣли. Повторяю, это законодательство есть въ сущности уголовный кодексъ. Разсматривая его въ цѣломъ, нельзя не признать въ немъ сложное, неустановившееся переходное законодательство. Въ немъ каждую минуту чувствуется переходъ изъ одной страны въ другую, отъ одного общественнаго состоянія къ другому, отъ одной религіи къ другой, отъ одного языка къ другому языку; на немъ отпечатлѣны всѣ превращенія, какія только могутъ совершаться въ жизни народа. Потому-то существованіе этого законодательства было кратко и ничтожно: начиная, можетъ быть, съ X-го вѣка, оно уже было замѣнено множествомъ мѣстныхъ обычаевъ, которымъ, безъ сомнѣнія, оно во многомъ послужило источни-

---

[1]) Именно на этой статьѣ основаны были, въ XIV вѣкѣ, права Филиппа Валуа на престолъ.

[2]) Гл. LIII, § 1—3.

комъ, но которые равнымъ образомъ черпали и въ другихъ источникахъ, въ римскомъ правѣ, въ правѣ каноническомъ, въ потребностяхъ обстоятельствъ, и когда, въ XIV вѣкѣ, обратились къ салическому закону, чтобы установить престолонаслѣдіе, о немъ, навѣрное, уже давно говорили не иначе какъ только по воспоминанію и въ нѣкоторыхъ важныхъ случаяхъ.

Кромѣ салическаго закона, народы, утвердившіеся въ Галліи, руководились еще тремя другими варварскими законодательствами, а именно: рипуарскимъ, бургундскимъ и визиготскимъ.

Гизо.

Ист. цив. во Франц., I, лекц. 10.

См. примѣчаніе къ ст. 3.

74.—Правленіе Клодовея.

(591 г.).

Когда умеръ на дорогѣ въ Галлію изгнанный изъ Италіи императоръ Авитъ, и тѣло его было перенесено и положено у ногъ св. Юліана въ Бріудѣ, на престолъ императорскій вступилъ Марціанъ [1]), а въ Галліи начальникомъ войскъ [2]) былъ назначенъ Эгидій, родомъ римлянинъ (въ 457 г.). У народа же франковъ въ то время правилъ Гильдерикъ [3]), человѣкъ распущенныхъ нравовъ и необыкновенно сластолюбивый; онъ оскорбилъ многихъ франковъ въ лицѣ ихъ дочерей. Раздраженный такимъ образомъ народъ отнялъ у него власть (459 г.); и когда онъ узналъ, что франки хотѣли даже его убить, то ушелъ въ Турингію, оставивъ вмѣсто себя одного преданнаго человѣка [4]) съ тѣмъ, чтобы онъ льстивыми рѣчами укротилъ возмущенныхъ франковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гильдерикъ условился съ нимъ о знакѣ, который онъ долженъ былъ ему подать въ случаѣ возможности для него возвратиться въ страну; а именно, они разрубили золотой солидъ пополамъ, и король взялъ одну половину съ собой, а другую

---

[1]) Авторъ или позднѣйшій переписчикъ назвалъ по ошибкѣ Марціана вмѣсто Майоріана.

[2]) Magister equitum, который былъ въ то же время намѣстникомъ императора въ той части Галліи, которая не была еще занята варварами.

[3]) Гильдерикъ былъ третій по числу изъ историческихъ королей франковъ, сынъ Меровея и внукъ Клодіона. Его относятъ ко времени между 456 и 481 годомъ.

[4]) По хроникѣ Эмоина (X ст.), это былъ Віомадъ, но власть надъ франками ввѣрилъ ему Эгидій.

оставилъ себѣ его другъ, говоря: „Когда я тебѣ пришлю эту половину, и она придется съ твоею, такъ что вмѣстѣ составятъ цѣлую монету, тогда ты можешь возвратиться домой безъ всякаго опасенія". Итакъ, отправившись въ Турингію, Гильдерикъ укрылся у короля Бизина и его жены, Бизины. Послѣ же его изгнанія франки единодушно избрали своимъ королемъ того Эгидія, котораго римская республика (т.-е. имперія), какъ мы сказали выше, послала въ Галлію начальникомъ войска [1]). Эгидій правилъ у нихъ уже восемь лѣтъ, и тогда (467 г.) вѣрный другъ Гильдерика, уговоривъ тайно франковъ, послалъ къ нему вѣстниковъ съ половинкой солида, которую онъ хранилъ. Гильдерикъ, понявъ по извѣстному ему знаку, что франки сожалѣютъ о немъ, и получивъ даже отъ нихъ просьбу возвратиться, оставилъ Турингію, и былъ возстановленъ въ своемъ королевствѣ. Когда они [2]) такимъ образомъ правили въ одно и то же время, Бизина, о которой мы упомянули выше, оставила своего мужа и явилась къ Гильдерику. Король заботливо разспрашивалъ ее, что было причиною такого далекаго ея странствованія, и, какъ разсказываютъ, она отвѣчала слѣдующее: „Я тебя знала, какъ человѣка храбраго и мужественнаго, и потому пришла жить съ тобою; но да будетъ и тебѣ извѣстно, что еслибы гдѣ-нибудь за моремъ нашелся человѣкъ, болѣе тебя храбрый, то я пожелаю жить съ нимъ". Гильдерикъ, обрадованный такими рѣчами, вступилъ съ нею въ бракъ. Она родила ему сына (около 470 г.) и назвала его *Клодовеемъ*. Это былъ могучій и храбрый воинъ.

(Разсказавъ легенду о рожденіи Клодовея, Григорій Турскій, по обычаю всѣхъ лѣтописцевъ, дѣлаетъ большое отступленіе и разсказываетъ жизнь епископовъ овернскихъ, Веneranда и Рустика, епископовъ турскихъ, въ церкви св. Мартина, Евстахія и Перпетуя, говоритъ о церкви св. Симфоріона, еще прибавляетъ о жизни епископа Намація и его жены, построившей церковь св. Стефана, о жизни многихъ другихъ епископовъ и между прочимъ о Сидоніѣ-Аполлинаріѣ, переходитъ къ дѣламъ итальянскимъ и вестготскимъ, и наконецъ возвращается внезапно къ главной нити разсказа, прерваннаго въ преданіи о рожденіи Клодовея, переходя такимъ образомъ отъ 470 къ 481 году).

Послѣ всѣхъ этихъ происшествій Гильдерикъ умеръ [3]), и ему наслѣдовалъ сынъ его Клодовей (481 г.). Въ пятый годъ правленія Клодовея, Сіагрій, король римлянъ [4]), правилъ въ городѣ Суассонѣ, который занималъ прежде его отецъ Эгидій, о которомъ мы говорили

---

[1]) Т.-е. франки подчинились римскому правительству.

[2]) Т.-е. Эгидій и Гильдерикъ; но Лёбель (Greg. v. Tours und seine Zeit, стр. 542) полагаетъ, что дѣло идетъ о Бизинѣ и Гильдерикѣ.

[3]) Въ своей столицѣ Турнэ; его могила была найдена въ 1653 г., и плита ея хранится теперь въ Луврѣ въ Парижѣ.

[4]) Такъ называетъ франкскій лѣтописецъ намѣстника императоровъ Сіагрія, сына Эгидія, который, послѣ 476 г., могъ справедливо носить подобный титулъ или по крайней мѣрѣ быть тѣмъ въ глазахъ франковъ.

выше; когда Клодовей напалъ на него, съ родственникомъ своимъ Рагнаромъ [1])—а этотъ былъ тоже король—и предлагалъ Сіагрію выбрать мѣсто для битвы, Сіагрій не уклонялся и безъ боязни выступилъ впередъ. Обѣ стороны сразились. Сіагрій, видя, что его армія поколебалась, обратилъ тылъ и поспѣшно бѣжалъ къ вестготскому королю Аларику въ Тулузу. Клодовей немедленно отправляетъ пословъ къ Аларику, съ требованіемъ выдать Сіагрія, угрожая въ противномъ случаѣ пойти войной на него. Аларикъ боялся изъ-за Сіагрія навлечь на себя гнѣвъ франковъ—а готы вообще трусливы—и сдалъ его въ руки посланныхъ, въ оковахъ. Клодовей посадилъ Сіагрія въ темницу, овладѣлъ его королевствомъ и приказалъ тайно убить (486 г.). Въ это время многія церкви были разграблены войсками Клодовея, потому что онъ тогда еще былъ погрязшимъ въ заблужденіяхъ язычества. Непріятель похитилъ въ одной церкви чашу необыкновенной величины и красоты, вмѣстѣ съ другими церковными украшеніями. Епископъ этой церкви [2]) отправляетъ посольство къ королю, прося, если онъ не можетъ возвратить другихъ священныхъ сосудовъ, то, по крайней мѣрѣ, пусть возвратитъ ту чашу. На слова посланнаго король отвѣтилъ: „Иди за мной къ Суассону, потому что тамъ будетъ произведенъ раздѣлъ добычи; и если эта чаша выпадетъ на мою долю, то я охотно исполню просьбу святого отца“. Прибывъ въ Суассонъ, король приказалъ разложить всю добычу посреди своихъ воиновъ, и сказалъ: „Я прошу васъ, мои храбрые воины, уступить мнѣ, кромѣ моей части, по крайней мѣрѣ, вотъ эту чашу“, и онъ указалъ на ту, о которой мы говорили. На эти слова болѣе разсудительные отвѣчали: „Славный король, все, что̀ мы видимъ здѣсь, принадлежитъ тебѣ, и мы сами подчинены твоей власти; поэтому пусть будетъ такъ, какъ ты хочешь, потому что никто не можетъ противиться твоему могуществу“. Послѣ того, какъ они это произнесли, одинъ изъ воиновъ, легкомысленный, завистливый и вспыльчивый, закричалъ громкимъ голосомъ, поднялъ свою обоюдоострую сѣкиру и разрубилъ чашу, говоря: „Ты ничего не получишь, кромѣ того, что̀ достанется тебѣ по жребію“. Всѣ были поражены, но король съ кроткимъ терпѣніемъ перенесъ оскорбленіе, и когда чаша досталась ему, отдалъ ее посланному отъ епископа, затаивъ въ сердцѣ обиду. Спустя годъ, онъ собралъ для военнаго смотра всѣ свои войска на Мартовскихъ поляхъ [3]), гдѣ всякій долженъ былъ представить свое оружіе въ наилучшемъ порядкѣ. Когда Клодовей обходилъ ряды, то подошелъ, между прочимъ, и къ тому, который ударилъ по чашѣ, и сказалъ: „Никто не содержитъ оружія такъ дурно, какъ ты, твое копье, мечъ, сѣкира не въ порядкѣ“. Вырвавъ у него изъ рукъ сѣкиру, ко-

---

[1]) Король франковъ, жившихъ около Камбрэ.

[2]) По показаніямъ Фредегарія (гл. XVI) и Фродоарда, это былъ св. Ремигій, реймскій епископъ. См. о немъ ниже, ст. 76.

[3]) Это было вмѣстѣ и военнымъ смотромъ и народнымъ собраніемъ, которое происходило обыкновенно до Пипина Короткаго 1-го марта, а послѣ него 1-го мая, кромѣ цѣли сдѣлать смотръ, короли франковъ на Мартовскихъ поляхъ совѣщались съ предводителями, издавали законы и т. д.

роль бросилъ ее на землю, и когда воинъ наклонился поднять ее, Клодовей, схвативъ свою сѣкиру обѣими руками, разрубилъ ему черепъ, говоря: „Вотъ какъ ты поступилъ съ чашею въ Суассонѣ". Человѣкъ умеръ; Клодовей приказалъ другимъ удалиться, и этимъ поступкомъ распространилъ большой страхъ вокругъ себя. Онъ много воевалъ и выигралъ много сраженій. Въ десятый годъ своего правленія онъ, силою оружія, подчинилъ своей власти турингов.

Жилъ въ то время Гундевей, король бургундовъ, одного характера съ королемъ Атанарикомъ (вестготскимъ), этимъ гонителемъ вѣры, о которомъ мы говорили въ другомъ мѣстѣ. У него было четыре сына: Гундобадъ, Годегизель, Гильперикъ и Годомаръ. Гундобадъ убилъ мечемъ своего брата Гильперика, приказалъ бросить въ воду, съ камнемъ на шеѣ, жену этого самаго Гильперика; потомъ осудилъ на изгнаніе двухъ ихъ дочерей, изъ которыхъ старшая, пойдя въ монастырь, называлась Кроной, а младшая Кротекильдой [1]. Когда Клодовею приходилось часто отправлять пословъ въ Бургундію, они встрѣтили молодую Кротекильду. Замѣтивъ ея красоту и умъ, и узнавъ, что она королевской крови, они извѣстили о томъ короля Клодовея. Король немедленно отправилъ посла къ Гундобаду, просить Кротекильду въ супружество. Тотъ, не смѣя отказать, отдалъ ее на руки посланнымъ, и они поспѣшили привести ее къ королю. Клодовей былъ внѣ себя отъ радости и женился на ней (493 г.). Онъ имѣлъ уже прежде отъ одной наложницы сына, по имени Теодорика.

Когда у Клодовея родился отъ королевы Кротекильды первый сынъ (494 г.), она, желая, чтобы новорожденный былъ крещенъ, неотступно убѣждала своего мужа, говоря: „Ваши боги, которымъ вы поклоняетесь, ничтожны; они не имѣютъ власти ни надъ собою, ни надъ другими, и вырублены изъ камня, дерева или металла. Имена, которыя вы имъ даете, были именами людей, а не боговъ: такъ, Сатурнъ, говорятъ, спасся бѣгствомъ, чтобы не быть свергнутымъ съ престола своимъ сыномъ; Юпитеръ, постыднѣйшій виновникъ всякаго распутства, безчестившій мужчинъ и женщинъ, бывшихъ съ нимъ даже въ родствѣ, не воздержался отъ кровосмѣшенія съ сестрой, которая сама называетъ себя *сестрой и женой Юпитера* [2]. Что̀ творили Марсъ и Меркурій [3]? Они скорѣе обладали волшебнымъ искусствомъ, чѣмъ могуществомъ, приличнымъ божеству. Но тотъ, кому

---

[1]) Позднѣйшая форма: Клотильда.

[2]) Григорій Турскій страннымъ образомъ влагаетъ въ уста Клотильды упреки Клодовею за римскую миѳологію, а не германскую, и намекаетъ на соблазнительную исторію Юпитера, которая едва ли даже могла быть извѣстна королю франковъ во всѣхъ своихъ поэтическихъ подробностяхъ, хотя, съ другой стороны, Клотильда, какъ принцесса бургундская, могла быть хорошо знакомою съ римскою литературою и знать Виргилія настолько, чтобы сдѣлать ссылку на вышеприведенныя слова Юноны у поэта (Вирг. Энеида, I, 46).

[3]) Говоря о Марсѣ и Меркуріѣ, Клотильда коснулась наконецъ германской миѳологіи, потому что этою латинскою формулою обозначали верховныхъ національныхъ боговъ Германіи: Донара и Одина.

слѣдуетъ поклоняться прежде всего, однимъ своимъ словомъ сотворилъ изъ ничего небо, землю и море, и все, что въ нихъ заключается; онъ заставилъ солнце свѣтить и украсилъ небо звѣздами; населилъ воды рыбами, землю животными и воздухъ птицами; онъ по своей волѣ украшаетъ поля жатвами, деревья плодами, лозы виноградомъ; рука его сотворила родъ человѣческій, и, по благости его, всякая тварь должна служить и почитать человѣка, имъ созданнаго". Но хотя королева и сказала все это, душа короля не подвинулась къ вѣрѣ. Онъ отвѣчалъ ей: „По волѣ нашихъ боговъ все создано и произведено; а вашъ богъ, очевидно, безсиленъ, и, что самое главное, всѣмъ извѣстно, онъ даже не изъ рода боговъ". Между тѣмъ сильная вѣрой королева окрестила своего сына; она приказала украсить церковь завѣсами и коврами, чтобы блескомъ легче склонить къ вѣрѣ того, кто не тронулся увѣщаніями. Новорожденный былъ окрещенъ и получилъ имя Ингомера; но онъ скоро умеръ, еще въ бѣлыхъ одеждахъ крещенія [1]). Король, опечаленный такою потерей, не упустилъ случая упрекнуть королеву и съ горечью говорилъ ей: „Еслибъ дитя было освящено во имя нашихъ боговъ, то навѣрное осталось бы въ живыхъ; но какъ его окрестили во имя вашего бога, то онъ и не могъ жить". Королева отвѣчала: „Я благодарю Всемогущаго Бога, создателя вселенной, за то, что Онъ не считалъ меня недостойной видѣть плодъ моего чрева во царствіи своемъ. Моя потеря не огорчила меня: я знаю, что дѣти, которыхъ Богъ беретъ отъ міра въ бѣлыхъ одеждахъ, будутъ наслаждаться его лицезрѣніемъ". Королева родила вслѣдъ за тѣмъ другого сына (495 г.), который получилъ въ крещеніи имя Клодомира. Новорожденный опять заболѣлъ, и король говорилъ: „Иначе и не могло случиться; Клодомиръ послѣдуетъ за своимъ братомъ; его окрестили во имя вашего Христа, онъ долженъ немедленно умереть". Но, по волѣ Господа и молитвамъ матери, дитя выздоровѣло.

Между тѣмъ, королева не переставала проповѣдывать королю объ истинномъ Богѣ и отреченіи отъ идоловъ; но ничто не могло привести его къ вѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока наконецъ не началась война съ алеманнами [2]), во время которой онъ по необходимости долженъ былъ исповѣдать то, что до сихъ поръ упорно отвергалъ. Обѣ арміи, вступивъ въ битву, сражались съ ожесточеніемъ, и франки были близки къ погибели. Видя такую опасность, Клодовей поднялъ глаза къ небу и воскликнулъ, утопая въ слезахъ, отъ всего сердца: „Іисусе Христе, ты, котораго Кротекильда называетъ сыномъ Бога живого, ты, который, говорятъ, помогаешь находящимся въ опасности и даешь побѣду надѣющимся на тебя; съ благоговѣніемъ взываю къ твоей не-

---

[1]) Т.-е. на той же недѣлѣ: новокрещенный оставался цѣлую недѣлю въ той бѣлой одеждѣ, которую носилъ при крещеніи.

[2]) Въ 496 г. На основаніи словъ того же Григорія Турскаго, сказанныхъ мимоходомъ ниже (гл. 37; см. ниже, стр. 542), эта знаменитая битва происходила при Цюльпихѣ (Tolbiacum), недалеко отъ Бонна. По показаніямъ же одного біографа св. Ведаста, Клодовей послѣ битвы отправился къ Тулу, и, слѣдов., сраженіе происходило въ верхнихъ частяхъ р. Рейна.

бесной помощи. Если ты поможешь мнѣ побѣдить враговъ, и если я испытаю на дѣлѣ твое могущество, которое испытываютъ народы, вѣрные тебѣ, то и я увѣрую въ тебя и приму крещеніе во имя твое. Я взывалъ къ моимъ богамъ, но вижу, что они не могутъ мнѣ помочь; я убѣжденъ теперь, что они не имѣютъ власти, потому что не помогаютъ тѣмъ, которые имъ покланяются. Теперь я взываю къ тебѣ, и въ тебя хочу вѣрить. Помоги мнѣ только спастись отъ моихъ враговъ!" Едва онъ сказалъ это, какъ алеманны обратили тылъ и побѣжали; увидѣвъ же своего короля мертвымъ, они подчинились власти Клодовея, говоря: „Остановись, умоляемъ тебя, избивать нашъ народъ; мы твои". Онъ прекратилъ кровопролитіе и возвратился, заключивъ миръ, по совѣщаніи съ своими людьми; потомъ Клодовей разсказалъ королевѣ, какъ, призвавъ имя Христа, онъ одержалъ побѣду. Случилось же это въ пятнадцатый годъ его правленія (496 г.) [1]).

Тогда королева тайно призвала святого Ремигія, епископа Реймскаго, прося его внушить сердцу короля слово спасенія. Святитель пригласилъ его къ себѣ и началъ секретно отъ другихъ убѣждать увѣровать въ истиннаго Бога, творца неба и земли, и оставить идоловъ, которые не могутъ защищать ни себя, ни другихъ. Клодовей отвѣчалъ ему: „Я охотно повиновался бы тебѣ, святѣйшій отецъ; но есть препятствіе: народъ [2]), который слѣдуетъ за мной, не потерпитъ, чтобы оставляли его боговъ. Потому я пойду къ нимъ и повторю твои слова". Итакъ, онъ пошелъ къ своимъ; но прежде чѣмъ онъ началъ говорить, весь народъ, при содѣйствіи Клодовею божества, воскликнулъ въ одинъ голосъ: „Благочестивый король, мы оставляемъ смертныхъ боговъ, и готовы служить безсмертному Богу, во имя котораго проповѣдуетъ Ремигій". Дали о томъ знать епископу, и онъ, внѣ себя отъ радости, приказалъ приготовить священныя купели. Улицы были разукрашены разноцвѣтными тканями; церкви обвѣшаны бѣлыми завѣсами; приготовили баптистерій; повсюду разливалось благоуханіе; зажгли благовонные свѣточи; и баптистерій наполнился божественнымъ благоуханіемъ. Богъ сподобилъ такой милости присутствующихъ, что имъ казалось, будто они находятся среди благовоній рая. Король просилъ епископа окрестить его первымъ. Новый *Константинъ* приблизился къ купели, которая должна была исцѣлить въ немъ древнюю проказу и смыть въ новой водѣ пятна, которыя наложены были его прошедшей жизнью. Когда онъ вошелъ, чтобы получить святое крещеніе, то угодникъ божій началъ говорить своими вдохновенными устами: „Склони выю, укрощенный сикамбръ [3]); обого-

---

[1]) Но южная Алеманнія отдалась подъ покровительство Теодорика-Великаго; франкамъ подчинились только части Алеманніи, лежавшія на лѣвомъ берегу Рейна, и долина Неккара до нижнихъ теченій Майна. Послѣдняя страна сдѣлалась съ того времени совершенно франкскою и даже была извѣстна подъ именемъ Франконіи.

[2]) Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ выраженіе „народъ" означаетъ собственно дружину, войско.

[3]) *Сикамбрами* называлось одно изъ колѣнъ франкскихъ, жившее на рѣкѣ *Сигъ* (Sieg), откуда произошло и самое ихъ названіе. Они были ужасомъ римлянъ, и когда

творяй то, что ты истреблялъ, и истребляй то, что обоготворялъ". Святой епископъ Ремигій былъ епископъ съ замѣчательными познаніями, и въ совершенствѣ изучилъ краснорѣчіе, а по своей святости былъ столь знаменитъ, что даромъ чудесъ равнялся со святымъ Сильвестромъ. У насъ есть и теперь книга [1]) о его жизни, гдѣ разсказывается, какъ онъ воскресилъ мертваго.

Итакъ, король, исповѣдавъ Всемогущаго Бога во Святой Троицѣ, былъ крещенъ во имя Отца и Сына и Святого Духа, и помазанъ святымъ мvромъ, и осѣненъ знакомъ креста [2]). Такимъ же образомъ было крещено болѣе трехъ тысячъ человѣкъ изъ его дружины, такъ же какъ и сестра его Альбофледа, которая, спустя нѣсколько времени, отошла ко Господу; такъ какъ король былъ опечаленъ ея смертью, то святой Ремигій написалъ къ нему письмо съ утѣшеніемъ; оно начиналось такъ: „Я огорченъ и очень огорченъ вашей печалью, т.-е. смертью вашей сестры Альбофледы, блаженной памяти. Но насъ можетъ утѣшать то, что она, оставивъ міръ, достойна болѣе зависти, чѣмъ слезъ". Другая сестра Клодовея, по имени Лантегильда, впавшая въ аріанскую ересь, также обратилась, признавъ Сына и Святого Духа равными Отцу, и получила святое помазаніе.

Въ это время два брата, Гундобадъ и Годегизель, правили въ странѣ, которая простирается вдоль Роны и Соны (т.-е. Бургундія), и въ провинціи Марсели; они и ихъ народъ слѣдовали аріанской сектѣ. Братья объявили другъ другу войну (500 г.). Годегизель, узнавъ о побѣдахъ короля Клодовея, отправилъ тайное посольство сказать ему: „Если ты мнѣ поможешь въ борьбѣ съ братомъ, такъ чтобы я могъ его убить въ сраженіи или изгнать изъ королевства, то я буду платить тебѣ дань, какую ты самъ назначишь". Клодовей охотно принялъ предложеніе, обѣщалъ посылать помощь всюду, гдѣ то окажется необходимымъ, и въ назначенное время двинулъ войско противъ Гундобада. При этомъ извѣстіи Гундобадъ, не зная ничего о вѣроломствѣ своего брата, послалъ ему сказать: „Спѣши ко мнѣ на помощь, потому что франки идутъ противъ насъ, и нападаютъ на нашу землю, чтобъ овладѣть ею. Будемъ единодушны въ борьбѣ съ этимъ народомъ, нашимъ врагомъ, съ тѣмъ, чтобы, раздѣлившись, не испытать участи, которую испытали другіе народы". Годегизель отвѣчалъ: „Я отправляюсь съ моимъ войскомъ, и окажу тебѣ помощь". Три короля двинули свои войска въ одно время, т.-е. Клодовей пошелъ противъ Гундобада и Годегизеля, со всѣми боевыми принадлежностями, и достигъ крѣпости Дижона. Тамъ они вступили въ бой на берегу рѣки Ушъ (Ouche); Годегизель перешелъ на сторону Клодовея, и они соединенными силами разбили войско Гундобада. Этотъ по

въ эпоху переселеній сикамбры слились съ другими колѣнами и исчезли, ихъ имя сохранялось въ народной памяти и сдѣлалось синонимомъ вообще героя.

[1]) Григорій разумѣетъ краткую біографію св. Ремигія, приписываемую Фортунату, и которая сохранилась до нашего времени.

[2]) Очевидно, Григорій не зналъ о легендѣ, по которой голубь въ клювѣ принесъ мvро; эта легенда встрѣчается въ первый разъ въ IX вѣкѣ, у Гинкмара, въ его жизнеописаніи св. Ремигія.

слѣдній, узнавъ о коварствѣ своего брата, котораго онъ ни въ чемъ не подозрѣвалъ, обратилъ тылъ, бросился бѣжать по берегамъ и болотамъ Роны, и заперся въ городѣ Авиньонѣ. Одержавъ такимъ образомъ побѣду, Годегизель обѣщалъ Клодовею часть своего королевства и спокойно удалился; онъ вступилъ въ городъ Вьеннь съ тріумфомъ, какъ будто бы вся власть находилась въ его рукахъ. Король Клодовей, усиливъ свои войска, началъ преслѣдовать Гундобада, чтобы выгнать его изъ Авиньона, гдѣ онъ находился, и погубить. Гундобадъ, пораженный ужасомъ, каждую минуту ожидалъ смерти. Но съ нимъ былъ Аридій [1]), украшенный титуломъ *illustris* (сіятельный), человѣкъ храбрый и умный; Гундобадъ позвалъ его къ себѣ и сказалъ ему: „Козни окружаютъ меня со всѣхъ сторонъ; я не знаю, что̀ дѣлать; варвары пришли сюда, чтобъ насъ убить и опустошить потомъ всю страну“. Аридій отвѣчалъ: „Тебѣ надобно умилостивить жестокость этого человѣка, чтобы избѣжать смерти: поэтому я, если ты одобришь мое намѣреніе, притворюсь, будто бы убѣжалъ отъ тебя и желаю перейти на сторону Клодовея; когда же я получу доступъ къ нему, то буду дѣйствовать такимъ образомъ, что онъ не погубитъ ни тебя, ни твоей страны. Старайся только исполнять все, что̀ онъ будетъ отъ тебя требовать по моему совѣту, до тѣхъ поръ, пока Господь, въ своей благости, не приведетъ твоего дѣла къ хорошему концу“.—„Я исполню, сказалъ король, все, что̀ ты потребуешь“. При этихъ словахъ Аридій простился съ Гундобадомъ, желая ему всякаго счастья, и, прибывъ къ королю Клодовею, сказалъ ему: „Я твой покорный рабъ, благочестивѣйшій король; я оставилъ малодушнаго Гундобада, чтобъ предстать предъ твое могущество. Если твоя милость удостоитъ бросить на меня взглядъ, то ты и твое потомство будете имѣть во мнѣ честнаго и вѣрнаго слугу“. Король принялъ его съ большимъ радушіемъ и оставилъ близъ себя, какъ человѣка пріятнаго въ разговорахъ, разумнаго въ совѣтахъ, справедливаго въ сужденіяхъ и вѣрнаго во всѣхъ поручаемыхъ ему дѣлахъ. Наконецъ, когда Клодовей подступилъ со всѣмъ своимъ войскомъ къ городу, Аридій сказалъ ему: „Если слава твоего величія, о, король! соизволитъ принять съ благосклонностью ничтожные совѣты моей слабости, хотя ты не имѣешь надобности въ совѣтѣ, то я повергъ бы ихъ на твое благоусмотрѣніе съ полною преданностью, и они могли бы быть полезны и для тебя самого, и для городовъ, на области которыхъ ты желаешь напасть. Для чего, продолжалъ онъ, содержать армію противъ непріятеля, который держится въ такомъ сильно укрѣпленномъ мѣстѣ? Ты разоряешь деревни, истребляешь луга, вырываешь виноградники, вырубаешь оливковыя деревья, уничтожаешь посѣвы хлѣба въ странѣ, и не можешь между тѣмъ нанести ему никакого вреда. Отправь лучше къ нему посла, и наложи на него ежегодную дань; такимъ образомъ, и страна будетъ сохранена, и ты будешь имѣть всю власть на будущее время надъ своимъ данникомъ. Если онъ откажетъ, тогда дѣй-

[1]) Аридій принадлежалъ къ числу тѣхъ галло-римскихъ аристократовъ, которые перешли на службу къ варварамъ-завоевателямъ, чтобы не потерять своего общественнаго положенія и выгодъ.

ствуй, какъ хочешь“. Королю понравился этотъ совѣтъ, и войско франковъ удалилось по его приказанію; отправивъ къ Гундобаду посла, онъ потребовалъ отъ него ежегодной опредѣленной дани. Гундобадъ немедленно внесъ ее и обѣщалъ платить на будущее время.

Спустя немного времени, Гундобадъ, возстановивъ свои силы, отказался платить королю Клодовею обѣщанную дань, выступилъ съ войскомъ противъ своего брата Годегизеля и осадилъ его въ Вьеннѣ. Когда же вслѣдствіе того обнаружился у осажденныхъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, чувствительный въ особенности для простого народа, Годегизель, опасаясь, что дѣло дойдетъ и до него, приказалъ выслать изъ города всѣхъ бѣдныхъ людей. Въ числѣ изгнанныхъ былъ работникъ, которому ввѣренъ былъ присмотръ за водопроводами. Онъ, раздраженный тѣмъ, что и его выгнали вмѣстѣ съ другими, отправился, въ бѣшенствѣ, къ Гундобаду, и указалъ ему, какимъ образомъ можно проникнуть въ городъ и отомстить брату; самъ онъ повелъ чрезъ водопроводъ войска, а впереди поставилъ значительное число людей, вооруженныхъ желѣзными ломами, потому что отверстіе было прикрыто большимъ камнемъ. Поднявъ этотъ камень ломами, подъ руководствомъ самого работника, они проникли въ середину города и очутились въ тылу у непріятеля, между тѣмъ какъ осажденные были заняты метаніемъ стрѣлъ съ вершины стѣнъ; при звукѣ трубъ, осаждающіе овладѣваютъ воротами, отворяютъ ихъ и вторгаются всѣ разомъ. Тѣснимые войсками съ обѣихъ сторонъ, осажденные были изрублены, а Годегизель убѣжалъ въ аріанскую церковь, гдѣ и былъ убитъ вмѣстѣ съ еретическимъ епископомъ. Франки, которые находились у него на службѣ, удалились въ одну башню. Гундобадъ запретилъ дѣлать имъ какое-нибудь насиліе, и, взявъ ихъ въ плѣнъ, послалъ въ изгнаніе къ королю Аларику, въ Тулузу, напередъ умертвивъ сенаторовъ [1]) и бургундовъ, бывшихъ на сторонѣ Годегизеля; потомъ онъ овладѣлъ всею страною, которая называется теперь Бургундіей [2]), и установилъ для бургундовъ весьма кроткіе законы, съ тѣмъ, чтобы его народъ не угнеталъ римлянъ [3]).

Гундобадъ, познавъ суетность еретическихъ вѣрованій и исповѣдавъ Христа, Сына Божія и Святого Духа, какъ равныхъ Отцу, тайно просилъ помазанія у святого Авита, епископа Вьеннскаго. Святитель сказалъ ему: „Если ты точно вѣришь, то долженъ слѣдовать тому, что̀ преподалъ намъ самъ Господь; онъ сказалъ: *И такъ, всякаго, кто исповѣдаетъ Меня предъ человѣками, исповѣдаю и Я предъ Отцемъ Моимъ, сущимъ на небесахъ. А кто отречется отъ Меня предъ человѣками, отрекусь отъ того и Я предъ Отцемъ Моимъ, сущимъ на небесахъ* [4]). Это же самое онъ далъ уразумѣть своимъ возлюбленнымъ

---

[1]) Senatores—такъ назывались галло-римскіе аристократы, потомки древнихъ галловъ, засѣдавшихъ въ римскомъ сенатѣ.

[2]) Бургундское королевство простиралось отъ Вогезъ до Дюрансы и отъ Альпъ до Луары.

[3]) *Lex Gundobada*—одно изъ первыхъ варварскихъ законодательствъ, въ которомъ положеніе завоеванныхъ галло-римлянъ было уравнено съ завоевателями.

[4]) Матѳ. X, 32, 33.

святымъ, блаженнымъ апостоламъ, когда объявилъ имъ, какимъ преслѣдованіямъ будутъ они подвергнуты для испытанія, говоря: „*Остерегайтесь людей: ибо они будутъ отдавать васъ въ судилища, и въ синагогахъ своихъ будутъ бить васъ. И поведутъ васъ къ правителямъ и царямъ, за Меня, для свидѣтельства предъ ними и предъ язычниками* [1]). Но ты, король, который не боишься, что тебя возьмутъ, ты вѣрно трепещешь народнаго возмущенія, когда не рѣшаешься всенародно исповѣдать Создателя. Оставь эту безразсудную мысль, и то, чему, ты говоришь, вѣришь, дерзни объявить предъ народомъ, потому что, по словамъ блаженнаго апостола: *Поелику сердцемъ вѣруютъ, къ оправданію, и устами исповѣдуютъ, ко спасенію* [2]). Пророкъ сказалъ также: *Я буду восхвалять тебя, Господи, среди большого собранія, я восхвалю тебя среди безчисленнаго народа* [3]). И еще: *Я восхвалю тебя, Господи, среди племенъ и воспою твою славу среди народовъ* [4]). Если ты страшишься народа, о, король! то ты забываешь, что народъ долженъ слѣдовать твоей вѣрѣ скорѣе, чѣмъ ты долженъ покровительствовать народному безумію. Если ты отправляешься на войну, то идешь впереди своихъ войскъ, а они слѣдуютъ за тобой, куда ихъ поведешь. Такимъ образомъ, будетъ лучше, если они пойдутъ и къ познанію истины, имѣя тебя впереди, вмѣсто того, чтобъ пребывать въ заблужденіи, погубивъ тебя; потому что *Бога не обманешь* [5]), и онъ не обратитъ своей любви на того, кто для царства земного отказывается исповѣдать его въ этомъ мірѣ“. Гундобадъ хотя былъ тронутъ этимъ разсужденіемъ, но сохранялъ свое заблужденіе до конца дней, и никогда не хотѣлъ всенародно исповѣдать равенство трехъ лицъ Троицы. Блаженный Авитъ былъ въ тѣ времена человѣкомъ замѣчательнаго краснорѣчія; такъ, когда началась ересь въ Константинополѣ, и когда то Евтихій, то Сабеллій [6]) утверждали, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ не имѣлъ ничего божескаго, то Авитъ, по просьбѣ короля Гундобада, писалъ противъ этихъ заблужденій. У насъ сохраняются отъ этого спора удивительныя *Письма*, которыя служатъ и теперь къ назиданію церкви, какъ прежде служили для пораженія ереси. Авитъ написалъ книгу поученій, шесть книгъ въ стихахъ о происхожденіи міра и на различные другіе предметы, и девять книгъ Писемъ, между которыми находятся и тѣ, о которыхъ было говорено выше; въ одной проповѣди, *О дняхъ молитвы*, онъ разсказываетъ, что тѣ дни, которые мы проводимъ предъ праздникомъ Вознесенія Господня, были установлены Мамертомъ епископомъ Вьенны въ престольномъ городѣ, въ которомъ жилъ и Авитъ, по случаю большого числа явленій, которыя устрашили городъ. Тамъ часто случались землетрясенія, и дикіе звѣри, какъ, напримѣръ, олени и волки, вбѣгая въ ворота, безбоязненно бродили по городу. Такъ продолжа-

---

1) Матѳ. X, 17, 18.
2) Ап. Павелъ къ Рим. X, 10
3) Псал. XXXIV, 18.
4) Псал. LVI, 9.
5) Пос. къ Галат. VI, 7.
6) Сабелій III вѣка, и Евтихій—V в.

лось это цѣлый годъ, а когда наступила пасха, то весь народъ въ своемъ благочестіи ожидалъ отъ божественнаго милосердія, что, по крайней мѣрѣ, этотъ великій день положитъ конецъ всеобщему бѣдствію; а между тѣмъ въ самую эту великую ночь, когда происходила литургія, королевскій дворецъ, лежавшій внутри стѣнъ, внезапно былъ объятъ небеснымъ пламенемъ; тогда всѣ, пораженные ужасомъ, устремились изъ церкви, опасаясь, что весь городъ будетъ пожранъ огнемъ или поглощенъ землею. Святой епископъ упалъ ницъ передъ алтаремъ и со слезами и рыданіями умолялъ Бога о милосердіи. Нужно ли прибавлять, что молитва славнаго святого достигла неба, и потоки слезъ, пролитые имъ, угасили пожаръ? Между тѣмъ какъ все это происходило, приблизился праздникъ Вознесенія Господня, какъ мы сказали выше; Авитъ по этому случаю предписалъ народу постъ, установилъ молитвы, порядокъ трапезы и щедрую раздачу денегъ. Всѣ ужасы съ тѣхъ поръ прекратились; и слухъ объ этомъ, распространившійся по всѣмъ провинціямъ, побудилъ всѣхъ епископовъ подражать тому, что̀ внушила вѣра Авиту. Установленныя имъ торжества празднуются до сихъ поръ во всѣхъ церквахъ, во имя Христа, съ сокрушеніемъ сердца и умиленіемъ духа.

Аларикъ, король го̀товъ, видя, что король Клодовей безпрестанно покоряетъ новые народы, отправилъ пословъ сказать ему: „Если бы мой братъ захотѣлъ, то, я думаю, мы могли бы, съ помощью Божіею, увидѣться другъ съ другомъ“ [1]). Клодовей не отказывался, и отправился къ нему. Встрѣтившись на островѣ Луары, близъ мѣстечка Амбуаза, на землѣ города Тура, они, переговоривъ, поѣли, попили, обѣщали другъ другу дружбу и разошлись въ мирѣ.

Съ того времени многіе галлы начали сильно желать распространенія господства франковъ [2]). А вслѣдствіе того, епископъ города Родеца, Квинтіанъ, былъ изгнанъ какъ приверженецъ франковъ; ему говорили: „Вотъ тебѣ за твое желаніе, чтобы владычество франковъ простиралось надъ этой страной“. Спустя нѣсколько дней, когда возникъ споръ между нимъ и гражданами, готы, жившіе въ городѣ, возъимѣли противъ него подозрѣніе, потому что граждане укоряли епископа въ томъ, что онъ желаетъ подчиниться власти франковъ; по совѣщаніи объ этомъ дѣлѣ, готы составили планъ убить его; но человѣкъ божій, извѣщенный о томъ, всталъ въ полночь съ самыми вѣрными служителями и, удалившись изъ города, пришелъ въ Клермонъ, гдѣ ласково былъ принятъ епископомъ, святымъ Евфразіемъ, который прежде слѣдовалъ за Апрункуломъ Дижонскимъ; онъ надѣлилъ Квинтіана домами, землею, виноградниками, и удержалъ его при себѣ, говоря: „Дохода съ этой церкви будетъ достаточно для насъ обоихъ; пусть любовь, проповѣданная святымъ апостоломъ, обитаетъ, по крайней мѣрѣ, между служителями Бога“. Епископъ ліонскій также удѣлилъ изгнаннику часть имущеста, принадлежавшую его церкви въ Оверни. Другія событія, относящіяся къ святому Квинті-

---

[1]) Историки несогласны относительно времени этого свиданія. Оно происходило въ 506, или 504, или 498 г.

[2]) Причины того были религіозныя: франки были католики, а вестготы—аріане.

ану, перенесенныя имъ испытанія, какъ подвиги, которые Господь удостоилъ совершить его руками, разсказываются въ отдѣльной книгѣ о его жизни [1]).

Король Клодовей сказалъ, между тѣмъ, своимъ: „Меня крайне печалитъ то, что эти аріане владѣютъ частью Галліи; пойдемъ съ помощью божіею и, побѣдивъ ихъ, подчинимъ страну нашей власти". Когда всѣ одобрили эту рѣчь, король двинулъ войска (507 г.) и направился къ Пуатье, гдѣ находился тогда Аларикъ. Часть франкскаго войска должна была пройти по землямъ г. Тура, и Клодовей, изъ уваженія къ святому Мартину, запретилъ въ этой странѣ брать что-нибудь, кромѣ травы и воды. Одинъ изъ воиновъ, найдя сѣно, принадлежавшее бѣдному человѣку, сказалъ: „Вѣдь король приказалъ не брать ничего, кромѣ травы? А это именно трава, заключилъ онъ, и мы не нарушимъ его повелѣніе, если возьмемъ себѣ сѣно". Сказавъ это, онъ прибѣгнулъ къ насилію и отнялъ у бѣднаго сѣно. Дѣло дошло до короля, и онъ на мѣстѣ убилъ солдата мечемъ, примолвя: „Какъ же мы будемъ надѣяться на побѣду, если кто-нибудь изъ насъ оскорбитъ святого Мартина?" Этого было совершенно достаточно, чтобы войско воздержалось на будущее время отъ всякаго грабежа въ этой странѣ. Король отправилъ даже пословъ въ базилику святого, говоря: „Идите, и, можетъ быть, вы получите отъ святой базилики какое-нибудь предзнаменованіе побѣды". Потомъ, вручивъ имъ подарки для святого мѣста, онъ прибавилъ: „Господи, если ты мнѣ въ этомъ дѣлѣ поможешь, и если ты рѣшилъ передать въ мои руки этотъ невѣрующій народъ, твоего вѣчнаго врага, то удостой меня и открой твою благость ко мнѣ при входѣ въ базилику святого Мартина, для того, чтобы я зналъ, какъ ты милостивъ къ своему слугѣ". Послы поспѣшили, и когда, слѣдуя повелѣнію короля, вошли въ базилику, тотъ, который руководилъ пѣніемъ, далъ знакъ запѣть слѣдующій антифонъ: „*Господи, ты одѣлъ меня силою для брани и подчинилъ мнѣ тѣхъ, которые возставали противъ меня; ты заставилъ враговъ обратить передо мною тылъ, и уничтожилъ тѣхъ, которые ненавидѣли меня* [2]). Посланные, услышавъ эти слова псалма, воздали благодареніе Богу, предложили дары святому исповѣднику и, радостные, возвратились дать отчетъ королю. Король, прибывъ съ войскомъ къ берегамъ Вьенны, не зналъ, въ какомъ мѣстѣ перейти эту рѣку, которая въ то время разлилась, вслѣдствіе сильныхъ дождей; но, ночью, Клодовей молился Господу указать ему бродъ, гдѣ бы онъ могъ перейти; и при разсвѣтѣ дня лань, росту выше обыкновеннаго, руководимая Богомъ, на глазахъ всѣхъ вошла въ рѣку и, перейдя ее въ бродъ, указала народу. гдѣ ему пройти. Прибывъ къ Пуатье, король, находясь еще вдали, изъ своей палатки, замѣтилъ огонь, который, поднявшись отъ базилики святого Гиларія, казалось, направился на него, какъ будто означая тѣмъ, что съ помощью наставленій блаженнаго исповѣдника Гиларія онъ легче восторжествуетъ надъ еретическими войсками, противъ которыхъ этотъ пастырь часто сражался за

---

[1]) Григ. Тур. ссылается на свое сочиненіе: *Жизнеописанія Отцовъ*, гл. IV.

[2]) Псал. XVII, 39, 40.

вѣру. Клодовей снова приказалъ своимъ никого не грабить ни на мѣстѣ, ни въ походѣ, и не присвоивать собственности чьей бы то ни было.

Жилъ въ то время человѣкъ великой святости, аббатъ, именемъ Максенцій, удалившійся, по страху Господню, въ свой монастырь, построенный на землѣ Пуатье: мы не назвали самаго монастыря, потому что онъ носитъ и до сихъ поръ имя „кельи святого Максенція“ [1]). Монахи этого монастыря, видя толпу приближавшихся солдатъ, просили аббата выйти изъ кельи къ нимъ на помощь. Такъ какъ онъ медлилъ, то монахи, пораженные ужасомъ, отворили дверь кельи и заставили его выйти. Максенцій неустрашимо вышелъ на встрѣчу непріятелю, какъ будто съ намѣреніемъ просить мира. Но одинъ изъ воиновъ обнажилъ мечъ, чтобъ отрубить ему голову, и его рука, поднятая уже наравнѣ съ ухомъ, онѣмѣла, а мечъ упалъ на землю; виновный воинъ бросился къ ногамъ святого человѣка, испрашивая у него прощенія. При этомъ другіе возвратились поспѣшно къ войску, объятые великимъ ужасомъ и боясь быть наказанными смертью. Но блаженный исповѣдникъ помазалъ пораженную руку освященнымъ масломъ и, осѣнивъ ее знаменіемъ креста, исцѣлилъ его; а монастырь, по его заступничеству, избавился отъ всякаго насилія. Максенцій сдѣлалъ много и другихъ чудесъ; если кому любопытно узнать ихъ, онъ найдетъ ихъ въ книгѣ о его жизни. Былъ же тогда двадцать пятый годъ правленія Клодовея (506 г.).

Между тѣмъ, король Клодовей сразился съ Аларикомъ, королемъ го̀товъ, на поляхъ Вуглэ [2]), въ десяти миляхъ (по нынѣшнему 2 нѣмец. мили) отъ Пуатье. Готы сражались дротиками, а франки мечами. Первые, по обыкновенію, обратились въ бѣгство, и король Клодовей, съ помощью Бога, одержалъ побѣду. Съ нимъ находился, въ качествѣ союзника, сынъ Сигберта-Клавдія [3]), по имени Клодрикъ. Сигбертъ хромалъ отъ раны въ колѣнѣ, полученной въ сраженіи противъ аллемановъ подъ стѣнами Тольбіака [4]). Когда король обратилъ уже въ бѣгство го̀товъ и убилъ короля ихъ, Аларика, какъ вдругъ два воина напали на него и поразили его копьями съ двухъ сторонъ; но онъ избѣгнулъ смерти, спасенный латами и быстротою коня. Множество овернцевъ, пришедшихъ съ Аполлинаріемъ [5]), и знатнѣйшихъ сенаторовъ погибло въ этомъ сраженіи. Амаларикъ, сынъ Аларика, убѣжалъ въ Испанію, и мудро управлялъ королевствомъ своего отца. Клодовей же отправилъ своего сына Теодорика въ Овернь, чрезъ земли городовъ Альби и Родеца: онъ подчинилъ всѣ эти земли власти отца, отъ предѣловъ го̀товъ до земель бургундовъ [6]). Аларикъ правилъ

---

[1]) Отъ монастыря это имя перешло и на городъ St. Maixent.

[2]) *In campo Vogladense* (Vouglé-sur-le-Clain); по другимъ изслѣдованіямъ, сраженіе происходило близъ Vivonne, въ 507 г.

[3]) Короля франковъ, жившихъ около Кёльна.

[4]) Цюльпихъ, между Бонномъ и Юлихомъ. См. выше, стран. 534.

[5]) Сынъ извѣстнаго епископа Сидонія Аполлинарія.

[6]) Въ этой войнѣ Клодовей дѣйствовалъ по плану, составленному Ремигіемъ, епископомъ реймскимъ, и король отдалъ ему потомъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

двадцать два года. Клодовей, простоявъ зиму въ Бордо и захвативъ съ собою въ Тулузѣ всѣ сокровища Аларика, подошелъ къ Ангулему и удостоился такой милости отъ Господа, что стѣны города распались, въ его глазахъ, сами собою. Тогда онъ прогналъ оттуда го̀товъ, и подчинилъ ихъ городъ своей власти. Довершивъ такимъ образомъ свои побѣды, онъ возвратился въ Туръ, гдѣ и одарилъ щедро базилику святого Мартина (508 г.).

Клодовей получилъ въ это время отъ императора (византійскаго) Анастасія, при грамотѣ, титулъ консула, и облеченный, въ базиликѣ святого Мартина, въ пурпуровую тунику и хламиду, возложилъ на свою голову корону [1]); потомъ, сѣвъ на лошадь, онъ собственной рукой и съ большою щедростью раздавалъ золото и серебро народу, стоявшему по дорогѣ отъ двора базилики святого Мартина до городской церкви. Съ этого дня его называли не иначе, какъ тѣми выраженіями, которыя приличествуютъ консулу или Августу [2]). Онъ оставилъ Туръ и прибылъ въ Парижъ, гдѣ и утвердилъ резиденцію своего королевства. Вслѣдъ за тѣмъ, къ нему присоединился и Теодорикъ.

По смерти Евстахія Турскаго, епископомъ этого города былъ посвященъ Лициній, восьмой епископъ послѣ святого Мартина. При немъ-то и происходила война, о которой мы говорили, и также въ его время король Клодовей пришелъ въ Туръ. Говорили, что этотъ епископъ былъ на востокѣ посѣщалъ святыя мѣста, видѣлъ Іерусалимъ и другія мѣста страданія и воскресенія Господа, какъ то описано въ евангеліи.

Во время своего пребыванія въ Парижѣ король Клодовей послалъ (509 г.) тайно сказать сыну Сигберта [3]): „Твой отецъ сдѣлался старъ и хромаетъ на больную ногу. Если бы онъ умеръ, то королевство его перешло бы къ тебѣ вмѣстѣ съ нашей дружбой“. Прельщенный желаніемъ достигнуть того, Сигбертъ задумалъ убить своего отца. Однажды король, выйдя изъ Кёльна, переправился за Рейнъ, чтобы прогуляться въ лѣсу Буконіи [4]). Въ то время, какъ онъ отдыхалъ въ своей палаткѣ, сынъ его подсылаетъ убійцъ съ приказаніемъ убить его, въ увѣренности послѣ его смерти захватить въ свои руки всю

Два любопытныя письма, по этому случаю, отъ Ремигія къ Клодовею, помѣщены въ изданіи произведеній Григорія Турскаго, сдѣланномъ извѣстнымъ бенедиктинцемъ dom Ruinat, въ 1699 г.

[1]) Въ то время Византія имѣла обычай награждать титуломъ консула германскихъ королей, какъ бы въ знакъ своей власти надъ западомъ, и они охотно принимали такую награду, потому что она возвышала ихъ значеніе въ глазахъ римскихъ подданныхъ.

[2]) Въ прологѣ къ салическому закону Клодовей названъ проконсуломъ, а титулъ консула встрѣчается только на монетахъ его преемниковъ; Григорій перевелъ, очевидно, позднѣйшій обычай на старое время.

[3]) Короля рипуарскихъ франковъ, жившихъ по обоимъ берегамъ Рейна, на востокъ отъ р. Мааса и по крайней мѣрѣ до Фульды. Столицею былъ Кёльнъ.

[4]) *Buchonia*, въ Гессенѣ, на Фульдѣ.

власть. Но, по правосудію Господню, онъ самъ попалъ въ яму, которую вражески выкопалъ своему отцу; а именно, онъ отправилъ пословъ къ королю Клодовею сказать: „Мой отецъ умеръ, и я овладѣлъ его королевствомъ и сокровищами. Пришли ко мнѣ твоихъ людей, и я охотно отдамъ имъ изъ этихъ сокровищъ все, что̀ тебѣ понравится“. Клодовей отвѣчалъ: „Благодарю тебя за твое доброе расположеніе, и прошу только показать моимъ посламъ твои сокровища, а ты оставайся ихъ полнымъ обладателемъ“. Клодерикъ представилъ имъ всѣ сокровища, и когда они разсматривали различныя вещи, сказалъ имъ: „Вотъ въ этомъ небольшомъ ящикѣ мой отецъ имѣлъ обыкновеніе складывать золотыя монеты“. — „Опусти, замѣтили они, твою руку на самое дно, чтобы ничего отъ тебя не укрылось“. Онъ исполнилъ это, и когда при томъ очень нагнулся, то одинъ изъ посланныхъ, поднявъ руку, вонзилъ ему въ черепъ сѣкиру; такъ этотъ недостойный сынъ испыталъ ту же участь, которую приготовилъ своему отцу. Клодовей же, узнавъ о смерти Сигберта и его сына, отправился въ Кёльнъ, созвалъ народъ со всей страны и говорилъ такъ: „Да будетъ вамъ извѣстно, что̀ случилось. Въ то время, какъ я плылъ по рѣкѣ Шельдѣ, Клодерикъ, сынъ моего родственника, безпокоилъ своего отца, говоря ему, что я ищу его убить. И когда Сигбертъ убѣжалъ въ Буконію, онъ самъ послалъ убійцъ, которые бросились на короля и, такимъ образомъ, умертвили его. Клодерикъ также погибъ, не знаю кѣмъ убитый, въ то время, какъ онъ открывалъ сокровища своего отца. Что же касается до меня, я совершенно непричастенъ этому дѣлу. Я не могу проливать кровь своихъ родственниковъ: это—преступленіе. Но если все такъ случилось, то я дамъ вамъ совѣтъ, которому, если хотите, послѣдуйте: обратитесь ко мнѣ и живите подъ моею защитою“. Услышавъ такія слова, рипуарскіе франки, одобривъ предложеніе крикомъ и шумомъ оружія, подняли Клодовея на щитъ [1]), въ знакъ признанія его королемъ. Итакъ, Клодовей, получивъ королевство и богатства Сигберта, подчинилъ своей власти и весь его народъ. Каждый день Богъ повергалъ къ стопамъ короля его враговъ и расширялъ королевство, ибо Клодовей ходилъ съ сердцемъ правымъ предъ Господомъ, и поступалъ такъ, какъ могло быть пріятно его очамъ.

Вслѣдъ затѣмъ Клодовей обратился противъ короля Гарарика [2]). Еще во время войны съ Сіагріемъ, Гарарикъ, призываемый на помощь Клодовеемъ, держался въ сторонѣ, не приставая ни къ кому и ожидая случая заключить союзъ съ тѣмъ, кто одержитъ побѣду. Въ отмщеніе за то, Клодовей напалъ на него, успѣлъ хитростью окружить, и взялъ въ плѣнъ, съ сыномъ; потомъ наложивъ на нихъ оковы, приказалъ обрѣзать волосы и сдѣлалъ Гарарика священни-

---

[1]) Меровингскіе франки не имѣли такого обычая; у нихъ власть короля была наслѣдственною. См. изслѣдованія о томъ у Лебеля, Greg. v. T. und seine Zeit, стр. 224.

[2]) Около 509 г. Гарарикъ, какъ полагаютъ, былъ королемъ одного колѣна салическихъ франковъ, жившихъ около Thérouenne, въ департаментѣ Па-де-Кале.

комъ, а сына его діакономъ. Когда Гарарикъ жаловался на такое униженіе и плакалъ, то, разсказываютъ, его сынъ сказалъ ему: „Эти вѣтви (т.-е. волоса) были срѣзаны съ зеленаго дерева, и не высохли совершенно; скоро они снова выростутъ и увеличатся. Дай Богъ, чтобы тотъ, кто это сдѣлалъ, умеръ такъ же скоро!“ Клодовею показалось это угрозой отпустить себѣ волосы и умертвить его, а потому онъ приказалъ отрубить имъ головы обоимъ. Послѣ ихъ смерти онъ овладѣлъ ихъ королевствомъ, сокровищами и народомъ.

Въ то время (около 509 г.) въ Камбрэ правилъ король, по имени Рагнаръ (Ragnacharius), столь порочный, что едва спасались отъ него самые близкіе родственники. У него былъ совѣтникъ, нѣкто Фарронъ, одинаково погрязшій въ развратной жизни. Разсказываютъ, что когда подавали королю какое-нибудь кушанье, или приносили подарокъ, то онъ имѣлъ обыкновеніе говорить, что это для него и его Фаррона, что̀ раздражало франковъ. Между тѣмъ, у Клодовея случились золотые запястья и набедренники—собственно они были мѣдные, но позолоченные такимъ образомъ, что совершенно походили на золотые—онъ отправилъ ихъ знатнымъ *лейдамъ* [1]) Рагнара, чтобы при ихъ помощи занять его мѣсто. Затѣмъ Клодовей послалъ противъ него армію, и когда Рагнаръ часто посылалъ соглядатаевъ и спрашивалъ ихъ, какъ велико число войскъ, то они отвѣчали: „Это очень большое подкрѣпленіе для тебя и твоего Фаррона“. Между тѣмъ, Клодовей приближается и начинаетъ сраженіе. Рагнаръ, видя свое войско разбитымъ, приготовился бѣжать, но былъ схваченъ своими; они связали ему руки на спину и выдали, вмѣстѣ съ братомъ его Рикаромъ, Клодовею. Клодовей сказалъ ему: „Зачѣмъ ты обезчестилъ свой родъ, позволивъ себя связать? лучше было бы погибнуть“; и съ этими словами поднявъ сѣкиру, разрубилъ ему голову; потомъ король обратился къ Рикару: „Если бы ты помогъ брату, то, конечно, онъ не былъ бы связанъ“; и убилъ его однимъ ударомъ сѣкиры. Послѣ ихъ смерти, тѣ, которые предали Рагнара, узнали, что золото, которое они получили отъ Клодовея, было поддѣльное. Разсказываютъ, что когда они жаловались королю, онъ отвѣчалъ: „Нѣтъ никакого грѣха награждать подобнымъ золотомъ тѣхъ, кто добровольно предаетъ на смерть своего господина“, и прибавилъ къ тому, что они должны быть довольны и тѣмъ, что имъ оставлена жизнь, и не требовать вознагражденія за измѣну своимъ господамъ. Услышавъ это, они поспѣшили снискать его расположеніе, и увѣряли его, что они довольны тѣмъ, что имъ оставлена жизнь. Оба короля, о которыхъ мы говорили, были родственники Клодовея. У нихъ былъ еще братъ, Ригномеръ, въ городѣ Манѣ (Mans), но и онъ былъ убитъ по его приказанію. Когда такимъ образомъ всѣ погибли, Клодовей овладѣлъ ихъ землями и сокровищами. Погубивъ еще и многихъ другихъ королей, даже самыхъ близ-

---

[1]) *Leudes*. По мнѣнію проф. Waitz (Deutsche Verfassungsgesch. II, 223), это были дружинники, получившіе отъ короля его землю, подъ условіемъ вѣрности и службы; а Roth (Geschichte des Beneficialwesens, стр. 276) считаетъ ими покоренныхъ жителей.

кихъ родственниковъ, изъ боязни, чтобы они не отняли у него королевства, Клодовей подчинилъ своей власти всю Галлію. Между тѣмъ, собравъ однажды своихъ, онъ, говорятъ, съ сожалѣніемъ вспомнилъ о родственникахъ, которыхъ самъ же погубилъ: „Горе мнѣ, я остался какъ странникъ среди чужой земли, и не имѣю родственниковъ, которые могли бы мнѣ помочь въ случаѣ несчастія!“ Но это не значило, что онъ былъ опечаленъ ихъ смертью, а говорилъ такъ по хитрости, разсчитывая узнать, не остался ли еще кто-нибудь въ живыхъ, чтобы умертвить всѣхъ до послѣдняго.

Затѣмъ, Клодовей умеръ въ Парижѣ [1]), и былъ погребенъ въ базиликѣ святыхъ Апостоловъ [2]), которую онъ самъ построилъ, по согласію съ королевой Кротекильдой. Онъ скончался спустя пять лѣтъ послѣ битвѣ при Вуглэ. Если сосчитать всѣ дни его царствованія, то оно продолжалось тридцать лѣтъ, а жилъ онъ сорокъ пять. Отъ смерти святого Мартина до смерти Клодовея, случившейся въ одиннадцатый годъ епископскаго служенія Лицинія Турскаго [3]), считаютъ сто двѣнадцать лѣтъ. По смерти своего мужа, королева Кротекильда удалилась въ Туръ, и тамъ, укрывшись въ монастырѣ святого Мартина, провела остатокъ дней въ добродѣтели и милосердіи, рѣдко посѣщая Парижъ.

Григорій Турскій.

Десять кн. церковн. истор. франк.:

II. 11, 12; 27—43.

Григорій, епископъ Турскій (Gregorius Turonensis), родился 540 г. въ Клермонѣ (Arverna), главномъ городѣ Оверни, и умеръ въ Турѣ, 17 ноября 594 года (въ епископскомъ званіи съ 572 г.). Онъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ писателей западной Европы, въ первую эпоху ея существованія послѣ паденія з. р. имперіи. По своему происхожденію, образованію и положенію въ свѣтѣ, Григорій считалъ своимъ первымъ отечествомъ католическую церковь и только уже затѣмъ онъ является патріотомъ Галліи: вотъ потому франки въ его глазахъ были избавителями Галліи отъ ига вестготскихъ аріанъ и своими заботами содѣйствовали распространенію католическаго единства; самое сочиненіе его, составившее всю его литературную славу, носитъ названіе: Historia ecclesiastica Francorum, т.-е. „*Церковная* исторія франковъ“, не потому, чтобы авторъ писалъ исторію церкви въ Галліи; она можетъ быть названа одинаково и, даже болѣе, свѣтскою исторіею; но въ

---

[1]) Ноября 27 дня 511 года.

[2]) Св. Петра и Павла. Въ десятомъ вѣкѣ эта церковь получила названіе св. Женевьевы, тамъ погребенной (противъ нынѣшняго Пантеона, въ Латинскомъ кварталѣ).

[3]) Григорій Турскій ошибается: Лициній былъ избранъ въ 509 г.

этомъ названіи выражается общая точка зрѣнія автора на цѣль исторіи, какъ ее понимали въ то время люди его партіи; а именно, дѣятельность франковъ явилась въ глазахъ католическаго писателя орудіемъ торжества церкви. Почему не должно удивляться, если Григорій, разсказавъ, какъ мы видѣли, напримѣръ, возмутительные поступки Клодовея, наивно заключаетъ: „Каждый день Богъ повергалъ къ стопамъ короля его враговъ и расширялъ королевство, ибо Клодовей ходилъ съ сердцемъ *правымъ* предъ Господомъ и поступалъ такъ, какъ могло быть пріятно его очамъ“ (см. выше, стр. 544). Чтобы понять характеръ произведеній Григорія, необходимо потому знать событія его жизни, подъ вліяніемъ которыхъ сложились его политическія убѣжденія.

Григорій происходилъ изъ самой знатной галло-римской фамиліи въ Оверни или, какъ тогда называли, сенаторской, т.-е. ведшей свое начало отъ галловъ, которые успѣли получить во времена имперіи почетный титулъ сенатора. Такъ какъ церковь, послѣ паденія имперіи, одна открывала дорогу къ общественному вліянію, если кто не хотѣлъ идти кланяться ко двору новыхъ варварскихъ владѣтелей, то всѣ знатныя фамиліи домогались епископскихъ мѣстъ, и фамилія Григорія, какъ самая знатная, занимала большую часть епископскихъ престоловъ въ южной Галліи: въ Клермонѣ, Лангрѣ, Ліонѣ, Турѣ, сидѣли или родные дяди, или другіе родственники Григорія. Въ Турѣ епископскій престолъ сдѣлался даже наслѣдственнымъ въ его фамиліи, и Григорій говоритъ, что, за исключеніемъ пяти лицъ, всѣ его предшественники были изъ его дома.

Въ послѣдніе годы существованія имперіи родина Григорія, Овернь, за свою честь доставить Риму императора въ лицѣ овернца Авита, поплатилась страшнымъ разореніемъ, когда Авитъ былъ свергнутъ. Въ 474 году овернцы, несмотря на всѣ усилія Сидонія Аполлинарія, были завоеваны и разграблены; въ борьбѣ вестготовъ съ франками, послѣ битвы при Вуглэ, гнѣвъ Клодовея обрушился на овернцевъ. При раздѣленіи Клодовеемъ монархіи, Овернь досталась его сыну Теодорику Австразійскому, и, по случаю войны его съ братомъ Гильдебертомъ, произведя возстаніе, была снова опустошена изъ конца въ конецъ, въ 532 и 533 г. Съ того времени Овернь составляла постоянный удѣлъ австразійскихъ Меровинговъ; при сынѣ того Теодорика, Теодебертѣ, родился Григорій Турскій. Но въ 555 г. сынъ Теодеберта, Теодебальдъ, умеръ бездѣтнымъ, и Овернь досталась Лотарю I, который отдалъ ее въ управленіе своему сыну Крамну. Возстаніе Крамна противъ отца и содѣйствіе ему въ томъ со стороны овернцевъ кончилось новымъ разгромомъ страны, въ 557 г., когда Григорій Турскій достигъ 17-лѣтняго возраста. Такимъ образомъ, юность будущаго историка Галліи прошла среди всеобщаго бѣдствія его небольшой родины, которая менѣе чѣмъ въ 100 лѣтъ была четыре раза подвержена страшному опустошенію. Это мѣстное обстоятельство бросило тѣнь на историческій трудъ Григорія, и онъ невольно принималъ паденіе своей провинціи за паденіе всего міра, чему еще болѣе должны были содѣйствовать послѣдующія обстоятельства его жизни въ Турѣ, который случайнымъ образомъ сдѣлался центромъ борьбы Фредегунды и Брунегильды. Вотъ введеніе Григорія къ своему труду: „Такъ какъ въ Галліи науки впали въ пренебреженіе, даже совершенно погибли, то не нашлось ни одного ученаго, который обладалъ бы достаточнымъ даромъ слова, чтобы въ прозѣ или въ стихахъ описать все, что̀ случилось на нашихъ глазахъ. А между тѣмъ, много совершилось и добраго, и худого: дикія толпища людей безбожныхъ свирѣпствуютъ, озлобленіе королей велико; еретики нападаютъ на церкви, вѣрные защищаютъ ихъ; во многихъ

вѣра во Христа согрѣта, а у немалаго числа она остыла; святыя мѣста вѣрными украшены, а людьми безбожными опустошены. Кто-то уже не разъ жаловался на такой порядокъ вещей и говорилъ: „горе нашему времени! науки погибли, и въ народѣ не найдется никого, кто бы могъ описать совершающееся!“ Такъ какъ я нерѣдко слышалъ подобныя сожалѣнія, то, чтобы сохранить воспоминаніе о прошедшемъ и передать настоящее потомству, я и рѣшился изобразить насилія людей безбожныхъ и жизнь правдивыхъ, хотя, быть можетъ, рѣчь моя будетъ слишкомъ проста и безъискусственна. Впрочемъ, я утѣшался тѣмъ, что̀ мнѣ, къ величайшему изумленію, приходилось часто выслушивать отъ нашихъ, а именно, что въ наше время весьма немногіе понимаютъ ученаго и образованнаго писателя, а писатель, излагающій простымъ языкомъ, доступенъ многимъ [1]). Въ отношеніи же лѣтосчисленія я счелъ за лучшее начать съ сотворенія міра въ первой книгѣ, главы которой слѣдуютъ такъ:“ и проч.

Личная исторія Григорія была не менѣе печальна: онъ рано лишился отца своего, Флоренція, и матери Арментаріи; его родной дядя и воспитатель, Галлъ, епископъ клермонскій, также скончался, прежде нежели Григорій достигъ совершеннолѣтія. Духовное образованіе расположило его вступить въ церковное общество; опасная болѣзнь привела Григорія по обѣту на гробницу св. Мартина въ Туръ, въ 563 г., гдѣ былъ епископомъ его родственникъ Евфроній. Это обстоятельство рѣшило дальнѣйшую участь Григорія.

Незадолго до того времени, въ 561 г., умеръ Лотарь I, и Овернь досталась лучшему изъ его сыновей, Сигберту, подъ вліяніемъ котораго Григорій успѣлъ въ 572 г. получить епископскій престолъ въ г. Турѣ. Но еще болѣе Григорій былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ покровительству жены Лотаря I, знаменитой Радегунды, дочери турингскаго короля Бергара, которая еще при жизни мужа удалилась въ Пуатье и основала женскій монастырь, сдѣлавшійся скоро центромъ образованности въ Галліи. Туда собрались всѣ литературныя знаменитости того времени и между прочими извѣстный того времени поэтъ Венанцій Фортунатъ. Дружба съ послѣднимъ и все общество Радегунды имѣло самое большое вліяніе на образованіе Григорія, какъ писателя.

Положеніе епископа Турскаго при Григоріѣ было весьма затруднительно, потому что на это время выпала эпоха борьбы дѣтей Лотаря I, Сигберта съ Гильдебертомъ и ихъ женъ, Брунегильды и Фредегунды, и притомъ борьба постоянно сосредоточивалась около Тура и Пуатье. Григорій былъ постоянно сторонникомъ Сигберта и Брунегильды, и даже не разъ подвергалъ себя за то

---

[1]) Григорію Турскому, заключенному въ монастырѣ или вращавшемуся въ одномъ высшемъ сословіи тогдашняго общества, могло быть непонятно явленіе, которое какъ нельзя болѣе было естественно. Его наивное замѣчаніе представляетъ даже драгоцѣнное свидѣтельство о весьма любопытномъ фактѣ, которое должно было поразить современниковъ. Вторженіе германскихъ народовъ и распаденіе римской имперіи было вмѣстѣ освобожденіемъ національностей запад. Европы, которое и выразилось въ появленіи народной рѣчи: латинскій языкъ, языкъ администраціи, языкъ высшаго общества началъ уступать мѣсто мѣстнымъ, народнымъ языкамъ, и это явленіе Григорій выразилъ въ своемъ замѣчаніи о томъ, что писатели, употреблявшіе болѣе грубую рѣчь, т.-е. болѣе народную, читаются легче, чѣмъ писатели, подражавшіе Цицерону, Виргилію и пр.

опасностямъ со стороны ихъ противника, Гильперика. Насильственная его смерть, въ 584 г., вывела Григорія изъ затруднительнаго положенія, потому что Туромъ овладѣлъ третій сынъ Лотаря I, Гунтрамъ Бургундскій, давно уже стоявшій въ дружескихъ отношеніяхъ съ епископомъ. Но настоящая политическая роль Григорія и преобладающее его вліяніе въ Галліи начинается только по смерти Гунтрама, когда этотъ усыновилъ Гильдеберта Австразійскаго, сына Гильперика и Брунегильды (585 г.) Въ 592 г. умираетъ Гунтрамъ, и Григорій спѣшитъ къ Брунегильдѣ въ Орлеанъ поздравить ея сына съ соединеніемъ Бургундіи и Австразіи въ рукахъ ея сына, Гильдеберта. Вмѣстѣ съ тѣмъ это было послѣднее событіе, которымъ заключилъ Григорій свою исторію франковъ; годъ спустя онъ и самъ умираетъ (594 г.).

Отъ литературной дѣятельности Григорія до насъ дошли почти всѣ его труды, а именно: 1) *Десять книгъ церковной исторіи франковъ* (Historiae ecclesiasticae Francorum libri X); 2) *Книга о славѣ мучениковъ* (De gloria martyrum): обзоръ чудесъ Спасителя, Іоанна Крестителя и потомъ позднѣйшихъ святыхъ; съ этой книгой стоятъ въ связи: 3) *Четыре книги о чудесахъ св. Мартина* (De miraculis St Martini), 4) *О чудесахъ св. Юліана* (изъ Оверни), 5) *О чудесахъ исповѣдниковъ* (De miraculis confessorum); всѣ эти книги самъ Григорій, въ приведенномъ имъ спискѣ своихъ сочиненій, соединяетъ подъ однимъ заглавіемъ: *Семь книгъ о чудесахъ* (Libri septem miraculorum). Это сочиненіе въ то время имѣло самый живой интересъ, потому что назначалось для католической пропаганды, и, по своему содержанію и по формѣ, было разсчитано для дѣйствія на народныя массы; тѣмъ не менѣе оно имѣетъ большое историческое значеніе, доставляя мимоходомъ драгоцѣнныя извѣстія о народномъ бытѣ, на который историки въ собственномъ смыслѣ этого слова не обращали никакого вниманія. Наконецъ, еще два сочиненія Григорія: *Молитвенникъ* (De cursibus ecclesiasticis) и *Истолкованіе псалтиря*, но они не дошли до насъ.

Первое изъ всѣхъ поименованныхъ сочиненій есть вмѣстѣ и самое важное. Это—„Исторія франковъ". Она начинается краткимъ очеркомъ всемірной исторіи отъ сотворенія міра, въ пользу тѣхъ, которые, по словамъ Григорія, „отчаяваются, въ ожиданіи свѣтопреставленія (qui approrinquante mundi fine desperant). Для древнѣйшей свѣтской исторіи авторъ посвящаетъ только двѣ небольшія главы, ne videamur unius tantum Hebraeae gentis habere notitiam (чтобы не подумали, что мы знаемъ только одну еврейскую исторію). Въ этомъ отдѣлѣ познанія Григорія, а это значитъ и его времени, были крайне поверхностны: онъ полагаетъ, что египетскія пирамиды были хлѣбными запасными магазинами; Нилъ у него течетъ съ востока на западъ, и т. п. Кромѣ очерка всемірной исторіи свѣтской и библейской, Григорій помѣщаетъ въ *первую* книгу разсказъ о введеніи христіанства въ Галліи и исторію первыхъ ея мучениковъ. Во *второй* книгѣ Григорій, оставляя позади себя всемірную и гальскую исторію, приступаетъ къ франкской исторіи и излагаетъ самый фактъ завоеванія Галліи франками; хотя въ этой книгѣ, какъ и въ первой, авторъ придерживается старыхъ хроникъ, но такъ какъ Кладовей жилъ за 50 лѣтъ до его времени, то устныя преданія начинаютъ играть важную роль и сообщаютъ живой интересъ историческому изложенію Григорія. *Третья и четвертая* книга до 21-й главы касаются событій отъ смерти Клодовея до соединенія его монархіи Лотаремъ I (511—561 г.); это было время, на половину прожитое самимъ авторомъ, и потому разсказъ заимствуется исключительно изъ устъ

очевидцевъ. Съ *пятой* и до конца (т.-е. послѣднія шесть книгъ) Григорій пишетъ какъ очевидецъ и какъ лицо, принимавшее во многихъ событіяхъ непосредственное участіе, и при томъ съ такою подробностью, что на долю *пятой* и *шестой* книги достается всего 23 года, а на долю *седьмой*, *восьмой*, *девятой* и *десятой* какихъ-нибудь семь лѣтъ, до 591 года.

Относительно критическаго таланта Григорія Турскаго и степени достовѣрности его разсказовъ нельзя произнести общаго приговора для всей написанной имъ исторіи франковъ. Первыя четыре книги, по духу того времени, могли быть только компиляціею съ предшествовавшихъ авторитетовъ, и потому Григорій является отвѣтственнымъ лицомъ только въ послѣднихъ шести книгахъ, гдѣ онъ собираетъ свѣдѣнія отъ живыхъ лицъ или наблюдаетъ самъ, а слѣдов. и вопросъ о томъ, *могъ* ли онъ прилагать критику къ своимъ источникамъ, рѣшается утвердительно. Въ этомъ отношеніи Григорія упрекаютъ за его наклонность къ легендамъ и вообще къ легковѣрію, съ которымъ онъ объясняетъ историческіе факты посредствомъ чудеснаго. Но этотъ упрекъ долженъ быть обращенъ скорѣе къ его времени, нежели лично къ нему. Гораздо болѣе справедливо будетъ замѣтить недостатокъ въ Григоріѣ опредѣленныхъ и точныхъ познаній относительно случавшагося въ сосѣднихъ государствахъ, и полное отсутствіе критики при изложеніи ихъ. Но сосѣди франковъ были большею частью аріане, и потому легко понять причину легковѣрія Григорія относительно ихъ состоянія. Такъ, наприм., въ исторіи остготовъ, передавая нелѣпую выдумку объ отравленіи Амалазунтою своей матери, Григорій не только не старается провѣрить этого слуха, но еще присоединяетъ замѣчаніе о томъ, что если бы остготы вѣрили въ Троицу, какъ франки, то Амалазунтѣ не удалось бы отправить матери. Но въ отношеніи исторіи франковъ Григорій обнаруживаетъ явную попытку провѣрить факты критикою; такъ, наприм., при вопросѣ о происхожденіи франковъ хотя авторъ не былъ счастливъ въ своихъ выводахъ, но тѣмъ не менѣе старался сопоставить различныя мнѣнія и выбрать изъ нихъ то, которое ему казалось болѣе правдоподобнымъ; самая наклонность къ легендѣ и чудесному значительно уменьшается въ произведеніи Григорія Турскаго по мѣрѣ того, какъ онъ обращается къ главному своему предмету; такъ женитьба Клодовея на Клотильдѣ Бургундской, бывшая, безъ сомнѣнія, предметомъ многихъ легендъ, у Григорія разсказана безъ всякихъ особенныхъ прикрасъ.

Въ первый разъ „Исторія франковъ“ была напечатана въ 1511 г. въ Парижѣ; но какъ это изданіе, такъ и всѣ послѣдующія были затемнены трудомъ бенедиктинца dom *Ruinart*, который сдѣлалъ первое точное изданіе текста, на основаніи строгаго выбора между манускриптами и ихъ провѣрки (1699 Paris). Изданіе Руинара служитъ основаніемъ всѣмъ послѣдующимъ до нашего времени. Въ знаменитомъ сборникѣ dom *Bouquet*, Scriptores rerum gallic. et francic., оно только перепечатано (II, стр. 75—390). Въ наше время явилось только одно изданіе, провѣрившее Руинара: Guadet et Taranne. Par. 1836—37, 2 vols (одно изданіе текста, другое — перевода на франц., и третье — текста съ переводомъ, 4 vols. 1836 — 38). Французскій переводъ Григорія Турскаго у Гаде и Тараня основывался на переводѣ *Гизо*, помѣщенномъ имъ въ Collect. de mémoires relatifs à l'histoire de France (весь I томъ и II, 1 — 152 стр.). Въ послѣдующіе годы переводъ Гизо былъ изданъ *Жакобомъ* (Jacobs, Alfr.) съ поправками и превосходно составленною географіею по Григорію Турскому: Grégoire de Tours et Frédégaire, trad. de Guizot; nouvelle édition, entièrement revue et augmentée

de la géographie de ces deux historiens. Par. 1860—61, 2 vols. Изъ нѣмецкихъ переводовъ лучшій и позднѣйшій *Giesebrecht*, Zehn Bücher fränkischer Geschichte von Bischof Gregorius von Tours; помѣщено въ дешевомъ изданіи *Пертца*, Die Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit in deutscher Bearbeitung. VI Jahrhund. 4 und 5 Bände. Berl. 1851, съ весьма обстоятельною біографіею Григорія Турскаго, составленною переводчикомъ. Монографіи: въ одинъ годъ явилось двѣ, а именно: *Kries*, De Gregorii Turonensis episc. vita et scriptis. Wratislav. 1839; и *Löbell*, Gregor. von Tours und seine Zeit. Leipzig, 1839. Послѣднее сочиненіе пользуется самою большою извѣстностью и можетъ быть названо образцовымъ по практическимъ пріемамъ автора и искусству изложенія. Ср. *Des Francs*, Etudes sur Grég. de Tours ou de la civilisation en France au VI siècle. Chambery, 1861 (всего 108 стр.).

Прочія вышеупомянутыя сочиненія Григорія Турскаго изданы тѣмъ же Руинаромъ; изъ нихъ семь книгъ о чудесахъ переведены на французскій языкъ. Les livres des miracles et autres opuscules, trad. par Bordier. Paris. 1857.

75.—Крещеніе Клодовея.

(ок. 960 г.).

Между тѣмъ, изготовляютъ переходъ отъ королевскаго дворца до баптистерія; вывѣшиваютъ полотна, дорогія ткани; украшаютъ дома по обѣимъ сторонамъ улицы; убираютъ церковь; умащаютъ баптистерій бальзамическими мазями и наполняютъ различнаго рода благоуханіями. Народу, преисполненному Господней благодати, кажется, что онъ дышетъ наслажденіями рая. Шествіе выходитъ изъ дворца: духовенство его открываетъ съ книгами св. Евангелія, крестами и хоругвями, и поетъ церковные гимны и пѣсни; вслѣдъ за тѣмъ идетъ епископъ, ведя короля за руки; наконецъ, слѣдуетъ королева съ народомъ. Во время шествія, говорятъ, король спросилъ епископа, не въ царство ли небесное, которое онъ ему обѣщалъ, они идутъ: „Нѣтъ, отвѣчалъ прелатъ, но это врата, открывающія путь, который ведетъ туда". Когда они вошли въ баптистерій, священникъ, который несъ святой елей, будучи остановленъ толпой, не могъ приблизиться къ святой купели, такъ что при благословеніи купели, по предначертаніямъ провидѣнія, не было святого елея. Тогда первосвятитель поднимаетъ глаза къ небу и молча молитъ небо со слезами. Въ ту минуту бѣлый какъ снѣгъ голубь опускается, неся въ клювѣ склянку, наполненную святымъ елеемъ, ниспосланнымъ съ неба. Вмѣстѣ съ тѣмъ распространяется восхитительное благоуханіе, которое упояетъ присутствующихъ восторгомъ, котораго они до тѣхъ поръ не испытывали. Святой епископъ беретъ склянку, кропитъ елеемъ воду въ купели, и голубь мгновенно исчезаетъ. Внѣ себя отъ радости при видѣ такого великаго чуда благодати, король отрекается отъ сатаны, его суетности и дѣлъ, и настоятельно проситъ крещенія. Въ ту минуту,

когда онъ склоняетъ голову надъ источникомъ жизни: „Склони голову со смиреніемъ, Сикамбръ“, восклицаетъ краснорѣчивый святитель, „обоготворяй то, что ты жегъ, и жги, что до сихъ поръ обоготворялъ“. По исповѣданіи символа каѳолической вѣры, король три раза погружается въ воды купели, и вслѣдъ затѣмъ, во имя святой и нераздѣльной Троицы, Отца, Сына и Святого Духа, благочестивый епископъ принимаетъ его и освящаетъ божественнымъ помазаніемъ. Альбофледа и Лантекильда, сестры короля, также получаютъ крещеніе, вмѣстѣ съ 3,000 человѣкъ изъ войска франковъ, не считая множества женщинъ и дѣтей. Итакъ, мы можемъ думать, что этотъ день былъ на небѣ днемъ радости для святыхъ ангеловъ, какъ и на землѣ люди благочестивые и вѣрные услышали о томъ съ великимъ восторгомъ.

Флодоардъ.

Истор. реймской церкви, гл. XIII.

Флодоардъ (Flodoardus, а по друг. списк. Frodoardus; род. 894 г. (?) въ Эперне, ум. священникомъ въ Реймсѣ, 966 г.) — одинъ изъ самыхъ важныхъ писателей для послѣдующей эпохи исторіи Франціи; замѣчательный вѣрностью и безпристрастіемъ въ своихъ показаніяхъ относительно ближайшихъ къ его жизни событій—оставилъ послѣ себя: 1) *Historiarum ecclesiae Remensis libri IV*, т.-е. „Четыре книги исторіи реймской церкви“, которая доведена имъ до 949 года — лучшее историческое произведеніе той эпохи и по правильности латинскаго языка, и по отчетливости изложенія. Оно издано у *Bouquet*, Scriptor. rer. gall. et francic. VIII, стр. 154 — 175. Новѣйшее изданіе съ франц. перев. сдѣлалъ *Lejeune*, 2 vols. Reims, 1854: прежній переводъ у *Guizot*, Collect. de mémoires rel. a l'hist. de France, V т. (весь). См. о жизни Флодоарда и его сочиненіяхъ у *Bähr*, Gesch. d römischen. Literatur im karoling. Zeitalter, стр. 274 и слѣд.

Отъ того же автора осталось: 1) „Хроника“ (Chronicon) отъ 919 г. до 966 г., пользующаяся большимъ авторитетомъ; лучшее изданіе у *Pertz*, Monumenta Germaniae, III, 363 — 407; отдѣльное изданіе текста съ французск. перевод: Flodoardi Chronicon etc. ed. *Bandeville*, Reims. 1855. — 2) Fragmentum de romanis pontificibus: De Gregorio papa II et de S. Bonifacio doctore et martyre (экзаметромъ).

76.—Письмо святого Ремигія къ Клодовею.

(въ 481 г.).

До насъ дошла великая новость, что вы счастливымъ образомъ получили въ свои руки управленіе военными дѣлами [1]). Но не ново то, что̀ ты начинаешь быть тѣмъ, чѣмъ были всегда твои отцы. Особенно ты долженъ дѣйствовать такимъ образомъ, чтобы Богъ не оставилъ тебя теперь, когда твои достоинства и скромность вознаграждены твоимъ возвышеніемъ на высоту почестей, потому что ты знаешь, какъ говорятъ обыкновенно, что по концу судятъ о дѣйствіяхъ человѣка. Ты долженъ избрать себѣ совѣтниковъ, которые придали бы блеску твоему доброму имени, показать себя чистымъ и честнымъ въ управленіи твоими бенефиціями [2]), почитать епископовъ и всегда прибѣгать къ ихъ совѣтамъ. Если ты сохранишь согласіе съ ними, то все пойдетъ хорошо въ твоей провинціи [3]). Покровительствуй своихъ гражданъ [4]), утѣшай бѣдствующихъ, помогай вдовамъ, питай сиротъ, такъ чтобы всѣ тебя боялись и любили. Пусть изъ твоихъ устъ исходитъ справедливость. Не надобно ничего требовать ни у бѣдныхъ, ни у чужеземцевъ, и не унижай себя до того, чтобы принимать подарки. Пусть твоя преторія будетъ открыта всѣмъ, и да не выйдетъ никто изъ нея огорченнымъ. Всѣ богатства, которыя ты получилъ отъ своего отца, употреби на облегченіе участи плѣнныхъ и на освобожденіе ихъ отъ ига рабства. Если будетъ приведенъ къ тебѣ какой-нибудь странникъ, не давай ему почувствовать, что онъ чужеземецъ. Шути съ молодыми людьми, разсуждай о дѣлахъ со стариками, и если ты хочешь быть королемъ, то поступай такъ, чтобы тебя считали достойнымъ того.

Св. Ремигій.

Script. Franc., t. I. Изд. Duchesne.

Св. Ремигій (S Remigius, St.-Remi, род. около 438 г., ум. въ 533 г.; въ званіи епископа г. Реймса съ 461 г.), по услугамъ, оказаннымъ имъ распро-

---

[1]) Rumor ad nos magnus pervenit, administrationem vos secundum *rei bellicae* suscepisse. Отецъ Клодовея, Гильдерикъ, имѣлъ римскій титулъ магистра войскъ (magister militum), и Ремигій смотритъ на Клодовея, какъ на преемника того званія, которымъ пользовался его отецъ.

[2]) Земли, уступленныя римскими императорами варварамъ, съ условіемъ нести воинскія повинности.

[3]) Сѣверная Галлія, надъ которой распространилась его власть, какъ римскаго военачальника.

[4]) Галло-римлянъ, за которыхъ и ходатайствовалъ святой Ремигій у Клодовея

страненію католичества въ Галліи, называется апостоломъ франковъ. Онъ игралъ весьма важную роль въ борьбѣ Клодовея съ вестготами и руководилъ его дѣйствіями; но, къ сожалѣнію, до насъ дошли самые бѣдные письменные памятники политической дѣятельности св. Ремигія: всего нѣсколько писемъ, собранныхъ знаменитымъ историкомъ XVII вѣка, исторіографомъ Франціи при Ришелье, *Duchesne* (или Quercetanus, въ переводѣ его фамиліи на латинск. яз., по модѣ того времени: Historiae Francorum scriptores coaetanei ab ipsius gentis origine usque ab Philippi IV tempora... cum epistolis regum. reginarum, pontificum, ducum etc. Paris. 1636—49. 5 vol. Первый томъ доходитъ до Пипина.

---

77. — Междоусобія дѣтей Клодовея.

(591 г.).

По смерти Клодовея его четыре сына, а именно: *Теодорикъ*, *Клодомиръ*, *Гильдебертъ* и *Лотаръ*, овладѣвъ королевствомъ, раздѣлили его между собою на равныя части [1]). Теодорикъ имѣлъ уже сына по имени Теодеберта, замѣчательной красоты и отличныхъ качествъ. Такъ какъ дѣти Клодовея были сильны своимъ войскомъ, то Амаларикъ, король Испаніи, сынъ Аларика, просилъ у нихъ сестру въ замужество. Они удостоили его своего согласія и отправили ее въ Испанію со множествомъ драгоцѣнныхъ украшеній...

Королева Кротекильда (Клотильда, вдова Клодовея), обратившись къ Клодомиру и другимъ сыновьямъ, говорила имъ такъ: „Любезныя дѣти, если вы не хотите, чтобъ я раскаялась въ томъ, что вскормила васъ нѣжностью, то пусть ваше негодованіе сравняется съ моею кровной обидой, и вы приложите ревностное стараніе къ тому, чтобы отмстить смерть моего отца и моей матери“ [2]). Они, услышавъ такія рѣчи, напали на Бургундію, и пошли на ея королей, Сигимунда и его брата Гадомара. Войска бургундскія были побѣждены, и Гадомаръ обратился въ бѣгство. Сигимундъ же, спасаясь у отшельниковъ Агауна, былъ схваченъ Клодомиромъ (523 г.) и отведенъ вмѣстѣ съ женою и дѣтьми въ Орлеанъ, гдѣ его заключили и держали плѣннымъ. По удаленіи королей франкскихъ, Гадомаръ сосредоточиваетъ свои силы, соединяетъ бургундцевъ и овладѣваетъ королевствомъ. Тогда Клодомиръ, вознамѣрившись идти на него вторично, рѣшился умертвить Сигимунда. Блаженный Авитъ, аббатъ въ Миси [3]), пастырь

---

[1]) Теодорикъ (Thierry) имѣлъ свою резиденцію въ *Реймсѣ*; Лотарь—въ *Камбре* и *Турне*; Гильдебертъ въ *Парижѣ*, и Клодомиръ —въ *Орлеанѣ*.

[2]) Въ Бургундіи правили тогда дѣти Гундобада, Сигимундъ и Гадомаръ; Гундобадъ умертвилъ отца Клотильды Гильперика.

[3]) Нынѣ St Mémin de Micy, знаменитое аббатство, близъ Орлеана.

многоуважаемый въ ту эпоху, сказалъ ему: „Если, обративъ свои взоры къ Богу, ты измѣнишь свое намѣреніе, и если не допустишь покуситься на жизнь плѣнныхъ, то Богъ будетъ съ тобою и ты пойдешь на побѣду; но если ты умертвишь ихъ, то самъ попадешь въ руки враговъ и погибнешь ихъ смертью: съ тобою, твоею женой и дѣтьми поступятъ такъ, какъ ты поступишь съ Сигимундомъ, его женою и дѣтьми". Но Клодомиръ, презирая такое предостереженіе, отвѣчалъ: „По моему мнѣнію, неблагоразумно, идя на одного непріятеля, другого держать въ своихъ рукахъ: оставляя одного въ тылу въ то время, когда другой нападаетъ съ фронта, я могу очутиться между двухъ непріятелей. Побѣда достанется легче и будетъ рѣшительнѣе, если я отдѣлю одного отъ другого: умертвивъ этого, я безъ труда умерщвлю и того". Вслѣдъ за тѣмъ, умертвивъ Сигимунда съ женою и дѣтьми въ Колумнѣ (apud Columnam, нынѣ деревня Coulmiers, въ 18 километр. на в. отъ Орлеана, гдѣ когда-то былъ колодезь, называемый Puits de St Sigismond; Сигимундъ былъ причисленъ къ лику святыхъ за свою смерть), онъ приказалъ бросить ихъ тѣла въ колодезь и отправился въ Бургундію, призывая на помощь къ себѣ короля Теодорика (женатаго на дочери умерщвленнаго Сигимунда). Теодорикъ отказался отъ права мести за тестя и обѣщалъ явиться на войну. По соединеніи войскъ обоихъ братьевъ при Виронціи (н. Vézérance, на р. Изерѣ), мѣстечкѣ, расположенномъ на земляхъ города Вьенны, они вступили въ бой съ Гадомаромъ. Гадомаръ обратился въ бѣгство, и Клодомиръ бросился за нимъ въ погоню, не на дальнемъ разстояніи отъ своихъ; но бургунды, подражая воинскому крику франковъ, звали его къ себѣ: „Сюда, сюда! повороти коня, мы твои!" Онъ повѣрилъ имъ, обернулъ коня и попалъ въ самую середину непріятеля, который отрубилъ ему голову, воткнулъ ее на пику и поднялъ на воздухъ. При видѣ этого франки, узнавъ, что Клодомиръ убитъ, соединили свои силы, напали на Гадомара, смяли бургундовъ и покорили всю страну своей власти (524 г.). Лотарь немедленно женился на Гунтеукѣ, женѣ Клодомира своего брата, а вдова Кротекильда, по снятіи траура, взяла къ себѣ дѣтей убитаго сына: Теодовальда, Гунтара и Клодовальда. Гадомаръ же снова овладѣлъ королевствомъ.

Между тѣмъ Теодорикъ, не забывшій вѣроломства Герминефрида [1]), короля турингОвъ, вознамѣрился идти на него и позвалъ на помощь брата своего Лотаря, обѣщая ему часть добычи, если Богъ даруетъ побѣду (528 г.)..... Франки разбили турингОвъ, овладѣли страною и подчинили ее своей власти...... Но во время еще своего пребыванія въ Турингіи Теодорикъ вознамѣрился убить своего брата Лотаря. Спрятавъ вооруженныхъ людей, онъ пригласилъ его къ себѣ, какъ бы для совѣщанія по одному секретному дѣлу. Вооруженные люди были помѣщены за ковромъ, протянутымъ отъ одной стѣны до другой; но коверъ оказался короткимъ, и потому изъ-подъ него выглядывали ноги убійцъ. Лотарь, предупрежденный относительно западни, которая его ожидала, явился въ сопровожденіи сво-

---

[1]) Герминефридъ незадолго передъ тѣмъ просилъ помощи Теодорика противъ своего брата, но по одержаніи побѣды не исполнилъ условій союзнаго договора.

ихъ и вооруженный. Теодорикъ тотчасъ понялъ, что его заговоръ открытъ, придумалъ какую-то басню и началъ говорить о разныхъ предметахъ. Наконецъ, не зная, какъ лучше загладить свою измѣну, онъ подарилъ брату большое серебряное блюдо. Лотарь попрощался, поблагодарилъ за подарокъ и воротился домой. Но Теодорикъ началъ жаловаться своимъ, что онъ пожертвовалъ блюдомъ по пустякамъ, и сказалъ своему сыну Теодеберту: „Пойди къ дядѣ и попроси его уступить тебѣ мой подарокъ". Тотъ пошелъ и получилъ желаемое. Теодорикъ былъ чрезвычайно искусенъ въ подобнаго рода хитростяхъ.......

Пока Теодорикъ былъ въ Турингіи, разнесся слухъ по Оверни, что онъ убитъ. Аркадій [1]), одинъ изъ городскихъ сенаторовъ (т.-е. аристократовъ галло-римскихъ), пригласилъ по этому случаю Гильдеберта овладѣть страною, и король немедленно отправился въ Клермонъ. Въ тотъ день случился столь густой туманъ, что ничего нельзя было разсмотрѣть въ нѣсколькихъ шагахъ. Король часто говорилъ: „я хотѣлъ бы увидѣть своими глазами Овернскій Лиманъ, о которомъ мнѣ говорили, какъ о самой веселой и восхитительной мѣстности". Но Богъ не исполнилъ его желанія. Такъ какъ городскія ворота были заперты, и не было никакихъ другихъ средствъ проникнуть въ городъ, то Аркадій ввелъ непріятеля, сломавъ запоръ у однихъ воротъ. Но вслѣдъ за тѣмъ пришло извѣстіе, что Теодорикъ здравымъ возвратился изъ Турингіи. Когда же это извѣстіе подтвердилось, Гильдебертъ оставилъ Клермонъ и отправился въ Испанію, гдѣ его сестра Кротекильда претерпѣвала всякаго рода мученія, за привязанность къ католичеству, отъ своего мужа, короля Амаларика.......

Между тѣмъ, Лотарь и Гильдебертъ, по возвращеніи своемъ изъ Испаніи, вознамѣрились напасть на Бургундію. Они пригласили и Теодорика, но этотъ отказался. Однако, франки, повиновавшіеся ему, объявили: „Если ты откажешься идти на Бургундію съ братьями, то мы тебя оставимъ и пойдемъ за ними". Теодорикъ же, помня невѣрность жителей Оверни, отвѣчалъ имъ: „Вы пойдете за мной, и я поведу васъ въ страну, гдѣ вы найдете столько золота и серебра, сколько пожелаете, и гдѣ стада, рабы и одежды въ изобиліи; но не слѣдуйте за ними". Франки, увлеченные такими обѣщаніями, клялись дѣлать все, что̀ онъ захочетъ. Теодорикъ немедленно началъ готовиться къ походу, давая нѣсколько разъ слово предоставить своимъ сподвижникамъ всю добычу и плѣнныхъ. Между тѣмъ, Лотарь и Гильдебертъ отправились въ Бургундію; они осадили Отёнъ и, обративъ Гадомара въ бѣгство, покорили всю Бургундію (533 или 534 г.). Теодорикъ же, явившись съ войскомъ въ Овернь, опустошилъ и разорилъ всю страну. А Аркадій, виновникъ преступленія, вѣроломство котораго причинило странѣ такое разореніе, убѣжалъ въ городъ Буржъ, который въ то время находился въ королевствѣ Гильдеберта......

---

[1]) Сынъ знаменитаго Сидонія-Аполлинарія.

Пока все это происходило, королева Кротекильда жила въ Парижѣ [1]), и Гильдебертъ, видя, что его мать сосредоточила всю свою любовь на дѣтяхъ Клодомира, о которомъ мы говорили выше, сталъ завидовать и бояться, чтобы, вслѣдствіе расположенія королевы, они не получили части королевства и послалъ тайно сказать своему брату, королю Лотарю: „Наша мать держитъ у себя сыновей нашего брата, и хочетъ отдать имъ королевство. Скорѣй пріѣзжай въ Парижъ, и мы вмѣстѣ посовѣтуемся, какъ поступить съ ними, то-есть, обрѣзать ли имъ волосы, чтобы сравнять ихъ съ народомъ, или не лучше ли будетъ убить ихъ и раздѣлить поровну между нами королевство нашего брата?“ [2]). Лотарь, обрадованный такимъ предложеніемъ, пріѣзжаетъ въ Парижъ. Гильдебертъ распустилъ, между тѣмъ, въ народѣ слухъ, что два короля съѣзжаются для того, чтобы возвести на престолъ тѣхъ дѣтей. Но когда Лотарь прибылъ, то братья приказали сказать королевѣ, которая жила тогда въ этомъ же самомъ городѣ: „Пришли къ намъ дѣтей для возведенія ихъ на престолъ“. Она, исполненная радости и не подозрѣвая коварства, накормила и напоила внучатъ и отправила ихъ, говоря: мнѣ будетъ казаться, что я не потеряла своего сына, когда увижу, что вы сидите на его мѣстѣ“. Но дѣти были немедленно схвачены, разлучены съ своими служителями и воспитателями, и ихъ отдали всѣхъ подъ стражу, дѣтей отдѣльно и отдѣльно служителей. Тогда Гильдебертъ и Лотарь послали къ королевѣ Аркадія, о которомъ мы говорили выше, съ ножницами и обнаженнымъ мечемъ. Когда онъ пришелъ къ Кротекильдѣ, то показалъ ей ножницы и мечъ, говоря: „Что̀ ты предпочитаешь, преславная королева: твои сыновья, наши властители, спрашиваютъ тебя, какъ ты думаешь относительно тѣхъ дѣтей: прикажешь ли имъ жить съ остриженными волосами или предать смерти?“ Королева, пораженная такимъ вопросомъ и внѣ себя отъ гнѣва, при видѣ обнаженнаго меча и ножницъ, отвѣчала, не давъ себѣ подумать, въ припадкѣ горя, которое овладѣло ею, и сама не сознавая, что̀ она говоритъ: „Я хотѣла бы, если ихъ не возведутъ на тронъ, скорѣе видѣть ихъ мертвыми, чѣмъ остриженными“. Но Аркадій, мало обращая вниманія на ея отчаяніе, и не заботясь о томъ, что̀ она могла бы сказать, обдумавъ все хладнокровно, поспѣшно возвратился и передалъ слышанное имъ, говоря: „Королева согласна; кончайте ваше дѣло; она сама дала приказаніе исполнить намѣреніе“. Тотчасъ Лотарь схватываетъ старшаго за руку, бросаетъ его на землю и съ лютостью убиваетъ, вонзая ему ножъ подъ мышки. При крикѣ дитяти братъ его падаетъ къ ногамъ Гильдеберта и, обнимая его колѣни, говоритъ ему со слезами: „Спаси меня, мой добрый отецъ, чтобы и я не погибъ, какъ мой братъ!“ Тогда Гильдебертъ, съ лицомъ, орошеннымъ слезами, сказалъ: „Я прошу тебя, мой милый

---

[1]) Ей принадлежала опека надъ тремя малолѣтними дѣтьми ея убитаго сына, Клодомира Орлеанскаго.

[2]) Изъ этихъ словъ видно, что дѣти Клодомира удерживали за собою наслѣдство своего отца.

братъ, будь великодушенъ и подари мнѣ эту жизнь; я тебѣ дамъ за него все, что̀ ты хочешь; пусть только онъ не погибнетъ“. Лотарь отвѣчалъ ему съ яростью: „Или оттолкни его отъ себя, или ты умрешь за него. Ты, говорилъ онъ, самъ возбуждалъ меня къ этому дѣлу, а теперь обнаруживаешь такую готовность къ вѣроломству“. При этихъ словахъ Гильдебертъ оттолкнулъ дитя къ Лотарю, который, схвативъ его, поразилъ его ножемъ въ то же мѣсто, какъ и его брата, и убилъ. Вслѣдъ за тѣмъ они умертвили ихъ слугъ и воспитателей. Послѣ умерщвленія дѣтей Клодомира Лотарь сѣлъ на лошадь и отправился, не безпокоясь нисколько объ убійствѣ своихъ племянниковъ; а Гильдебертъ удалился въ предмѣстье города. Королева положила тѣла обоихъ дѣтей въ одинъ гробъ, и провожала ихъ съ большою торжественностью и въ глубокомъ траурѣ до базилики святого Петра [1]), гдѣ приказала похоронить ихъ вмѣстѣ. Одинъ былъ десяти лѣтъ, другой семи. Убійцы не могли поймать въ свои руки третьяго брата, по имени Клодовальда: нашлись храбрые люди, которые его спасли. Впослѣдствіи онъ, презирая царство земное, посвятилъ себя Господу, остригъ самъ себѣ волосы и сдѣланъ былъ клерикомъ. Клодовальдъ прославилъ себя добрыми дѣлами и умеръ священникомъ [2]). Оба короля раздѣлили на равныя части королевство Клодомира. Что же касается до королевы Кротекильды, то она обнаружила такое величіе, что была уважаема всѣми; ревностно подавая милостыню, она посвятила себя благочестивымъ бдѣніямъ, и заботилась объ одной чистотѣ нравовъ и добродѣтели. Она надѣляла церкви, монастыри и святыя мѣста всѣмъ, что̀ имъ было необходимо. Она дѣлала благодѣянія съ такимъ чистосердечіемъ и усердіемъ, что всѣ смотрѣли на нее не какъ на королеву, но какъ на рабыню Господа, посвятившую себя въ цѣлости на служеніе Ему. Ни королевство дѣтей, ни честолюбіе міра, ни богатства не могли увлечь ее своею гордынею на погибель, и чрезъ свое униженіе она была возвеличена благодатью.

Григорій Турскій.

Дес. кн. церк. ист. франк.: III, 1, 6—12, 18.

См. выше, примѣчаніе къ ст. 74.

---

[1]) Нынѣ церковь св. Женевьевы.

[2]) Около 560 года, основавъ, близъ Парижа, монастырь, въ деревнѣ, которая тогда называлась Nogent, и съ того времени получила отъ него наименованіе Saint-Cloud (нынѣ дворецъ).

78. — Фредегунда и Брунегильда.

(въ 591 г.).

Король Лотарь (I) [1]), въ пятьдесятъ-первый годъ своего правленія (561 г.), отправился въ путь для поклоненія гробу св. Мартина съ большими подарками, приводя себѣ на память всѣ прегрѣшенія, какія онъ могъ сдѣлать по своей небрежности, и прибылъ въ Туръ. Онъ умолялъ съ глубокими вздохами блаженнаго исповѣдника, испрашивая у Господа помилованія за свои грѣхи и забвенія всего, что̀ онъ совершилъ по своему неразумію. По возвращеніи оттуда, въ 51-й годъ своего правленія, Лотарь охотился въ лѣсу Кюизѣ, почувствовалъ припадокъ лихорадки, былъ отвезенъ въ свое помѣстье въ Компіени, и тамъ, жестоко мучимый болѣзнью, восклицалъ: „О! что̀ нужно думать о томъ королѣ небесъ, который убиваетъ столь могущественныхъ королей земель!“ Его четыре сына перенесли трупъ въ Суассонъ съ великими почестями, и похоронили въ базиликѣ блаженнаго Медара. Лотарь умеръ, спустя одинъ годъ и одинъ день по умерщвленіи Крамна [2]).

Гильперикъ, послѣ похоронъ отца, поспѣшно овладѣлъ сокровищами, собранными имъ въ помѣстьѣ Брень [3]), обошелъ всѣхъ могущественныхъ франковъ и склонилъ ихъ на свою сторону подарками. Затѣмъ онъ вступилъ въ Парижъ и овладѣлъ резиденціею Гильдеберта; но ему не удалось удержать ее надолго, потому что его братья, соединившись вмѣстѣ, изгнали его изъ Парижа, и всѣ четверо, а именно: Гарибертъ, Гунтрамъ, Гильперикъ и Сигбертъ, раздѣлились между собою. На долю *Гариберта* досталось королевство Гильдеберта, со столицею *Парижъ*; *Гунтрамъ* получилъ королевство Клодомира, со столицею *Орлеанъ*; *Гильперикъ*—королевство отца Лотаря со столицею *Суассонъ*, и *Сигбертъ* — королевство Теодорика, со столицею *Реймсъ* (561 г.) [4]).

По смерти Лотаря на Галлію напали гунны [5]); Сигбертъ отправилъ противъ нихъ армію, и, сразившись съ ними, побѣдилъ ихъ и обратилъ въ бѣгство; впослѣдствіи король гунновъ, отправивъ посоль-

---

[1]) Лотарь I, сынъ Клодовея, умертвившій своихъ племянниковъ и соединившій, въ 458 г., по смерти братьевъ, всю монархію франковъ.

[2]) *Chramnus*, сынъ Лотаря I, возмутившійся въ Оверни противъ отца и умерщвленный по его приказанію.

[3]) *Braine-sur-Vesle*—$1^1/_2$ мили отъ Суассона по дорогѣ къ Реймсу.

[4]) Только столицы остались прежними отъ перваго раздѣла, но границы были другія; такъ, напр., Туръ, принадлежавшій прежде Орлеану, теперь достался Парижу.

[5]) Подъ этимъ именемъ разумѣлись тогда авары, прибывшіе съ береговъ Волги и занявшіе мѣсто древнихъ гунновъ.

ство къ Сигберту, снискалъ его дружбу. Въ то время, когда Сигбертъ былъ занятъ войною съ гуннами, его братъ Гильперикъ напалъ на Реймсъ и овладѣлъ другими городами, принадлежавшими его удѣлу. Вслѣдствіе того между ними вспыхнула война, тѣмъ болѣе печальная, что она была междоусобною борьбою. Сигбертъ, возвратившись побѣдителемъ изъ похода противъ гунновъ, овладѣлъ Суассономъ, и, найдя тамъ Теодеберта, сына короля Гильперика, взялъ его въ плѣнъ и удалилъ въ изгнаніе. Потомъ, выступивъ противъ Гильперика, онъ далъ ему сраженіе, обратилъ его въ бѣгство и подчинилъ себѣ подвластные ему города. Теодебертъ же, сынъ Гильперика, оставался плѣнникомъ цѣлый годъ въ Понтіонѣ (въ Шампани, подлѣ г. Vitri-le-Brûlé); будучи милосерднымъ, Сигбертъ возвратилъ его отцу живымъ и здравымъ, одаривъ при томъ подарками; но Теодебертъ, давъ клятву никогда ничего не предпринимать противъ него, нарушилъ впослѣдствіи свою клятву; таковы бываютъ результаты нашихъ грѣховъ!

Король же Гунтрамъ, получивъ, какъ и его братья, свой удѣлъ (т.-е. Бургундію), отставилъ патриція [1]) Агрёколу, возложилъ это достоинство на Цельза, мужа рослаго, широкоплечаго, одареннаго физическою силою, дерзкимъ языкомъ, всегда готоваго на отвѣтъ и искуснаго законника. Корыстолюбіе этого человѣка доходило до того, что нерѣдко онъ отнималъ имущество церквей и присвоивалъ его себѣ. Услышавъ разъ, какъ въ церкви читали правоученіе изъ пророка Исаіи (V, 8), а именно: „Горе тому, кто къ дому присоединяетъ домъ и къ землѣ землю, пока наконецъ не хватитъ мѣста“, Цельзъ, говорятъ, воскликнулъ: „Вотъ недобрыя слова: горе мнѣ и моимъ дѣтямъ!“ Онъ, умирая, оставилъ сына, который кончилъ свои дни бездѣтнымъ и завѣщалъ бо̀льшую часть имущества церквамъ, которыя были ограблены его отцомъ.

Добрый король Гунтрамъ избралъ сначала своею наложницею [2]) Венеранду, служанку одного изъ своихъ лейдовъ, и она родила ему сына, по имени Гундобада. Послѣ того онъ женился на Маркатрудѣ, дочери Магнакара [3]), и отправилъ сына своего Гундобада въ Орлеанъ. Но Маркатруда, родивъ сама сына, изъ ненависти къ Гундобаду, старалась умертвить его и, разсказываютъ, приказала отравить его въ питьѣ. По смерти Гундобада, она, по волѣ провидѣнія, потеряла и своего сына и навлекла на себя гнѣвъ короля; онъ удалилъ ее и она вскорѣ умерла. Послѣ нея король взялъ въ жены Аустригильду, по прозванію Бабила, отъ которой онъ имѣлъ сыновей Лотаря и Клодомира.

Король Гарибертъ взялъ въ жены Ингобергу, отъ которой онъ

[1]) Такъ короли бургундскіе называли своихъ правителей.

[2]) Франкскіе короли, несмотря на христіанство, держались прежняго обычая имѣть наложницъ, и духовенство смотрѣло на то весьма снисходительно, какъ видно и изъ того, что Григорій Т. говоритъ о настоящемъ случаѣ, какъ о дѣлѣ обыкновенномъ, и не забываетъ назвать Гунтрама *добрымъ* человѣкомъ.

[3]) Одинъ изъ значительныхъ герцоговъ франкскихъ.

имѣлъ дочь, вышедшую впослѣдствіи замужъ въ Кентъ [1]). Ингоберга имѣла въ то время въ своемъ услуженіи двухъ молодыхъ дѣвицъ, дочерей одного бѣднаго человѣка: одна, по имени Марковьева, носила монашеское платье; другая называлась Мерофледа. Король былъ къ нимъ весьма расположенъ, но онѣ были дочерьми, какъ мы сказали, шерстобоя. Ингоберга, изъ ревности, призвала этого ремесленника работать у себя, разсчитывая, что видъ его внушитъ королю отвращеніе къ дочерямъ. Когда онъ занялся работой, королева позвала мужа. Король, воображая увидѣть что-нибудь новое, началъ осматривать все и замѣтилъ вдали, что ихъ отецъ чинитъ сукно. При этомъ зрѣлищѣ вспыхнувъ отъ гнѣва, онъ оставилъ Ингобергу и взялъ въ жены Мерофледу. Онъ имѣлъ женою еще одну дѣвушку, по имени Теодегильду, отецъ которой былъ пастухъ, т.-е. овечій сторожъ, и, какъ говорятъ, имѣлъ отъ нея сына, который умеръ немедленно послѣ рожденія.

Во времена этого же короля Леонцій (еписк. въ Бордо) собралъ въ городъ Сентъ епископовъ своей провинціи и низложилъ Эмерія съ епископскаго престола, на томъ основаніи, что онъ удостоился этой чести безъ соблюденія каноническихъ правилъ. Дѣйствительно, Эмерій былъ поставленъ декретомъ Лотаря, безъ согласія митрополита [2]), находившагося тогда въ отсутствіи. Когда они его изгнали и выбрали на его мѣсто Ираклія, священника въ Бордо, подписавъ собственноручно актъ избранія, новый епископъ отправился къ Гариберту для передачи ему этого акта. Проѣзжая чрезъ Туръ, онъ сообщилъ блаженному Евфронію о всемъ случившемся и просилъ его подписать актъ, но божій человѣкъ торжественно отказался. Пройдя городскія ворота Парижа, священникъ изъ Бордо представился королю и сказалъ ему: „Мой привѣтъ преславному королю! апостольскій [3]) престолъ посылаетъ твоей свѣтлости самое щедрое благословеніе“. — „Развѣ ты былъ въ Римѣ, отвѣчаетъ ему король, что приносишь намъ благословеніе папы?“ — „Это твой отецъ Леонцій, заговорилъ снова посланный, вмѣстѣ съ епископами своей провинціи, шлетъ тебѣ привѣтствіе, извѣщая при этомъ, что Эмулъ (такъ имѣли обычай называть Эмерія еще съ дѣтства) лишенъ епископства, потому что онъ былъ назначенъ въ городъ Сентъ, въ противность каноническимъ правиламъ. Итакъ, они препровождаютъ теперь тебѣ актъ новаго избранія на его мѣсто, дабы преступители каноновъ были по справедливости наказаны, а могущество вашей власти прошло бы изъ вѣкъ въ вѣка“. Онъ продолжалъ еще говорить, но прогнѣванный король приказалъ его вывести, посадить въ повозку, наполненную терновникомъ, и отправить въ заточеніе, говоря: „Не думаешь ли ты, что у Лотаря не осталось ни одного сына, чтобы принудить повиноваться постановленіямъ ихъ отца, и что эти люди могутъ, безъ нашего согласія, свергнуть епископа, поставленнаго его властью?“ И вслѣдъ затѣмъ онъ возстановилъ сверженнаго епископа

---

[1]) Алдеберга или Берта, бывшая за королемъ Кента, Этельбертомъ.

[2]) Такъ назывались старшіе между епископами.

[3]) Въ то время не одинъ папа, но и всѣ епископы-митрополиты называли свой престолъ апостольскимъ.

руками благочестивыхъ людей, отправленныхъ имъ туда, и послалъ нѣсколькихъ изъ своихъ приближенныхъ истребовать у Леонція 1000 золотыхъ солидовъ, а другихъ епископовъ наказать каждаго по своимъ средствамъ. Такъ наказывается оскорбленіе, нанесенное князьямъ.

Послѣ того Гарибертъ женился на Марковьевѣ, сестрѣ Мерофледы. За это они были оба отлучены отъ церкви св. Германомъ; и такъ какъ король отказывался оставить ее, то она была сражена по опредѣленію божію и умерла. Вскорѣ за нею послѣдовалъ и самъ король Гарибертъ (между 567 и 570 г.). Послѣ его смерти одна изъ его женъ, Теодегильда, отправила пословъ къ королю Гунтраму, предлагая ему свою руку. Король отвѣчалъ ей: „Пусть она торопится явиться ко мнѣ со всѣми своими сокровищами: я возьму ее въ жены и возвеличу въ глазахъ народовъ такъ, что, живя со мною, она будетъ пользоваться высшими почестями, нежели какъ то было съ моимъ братомъ“. Обрадованная такимъ отвѣтомъ, она собрала все, что̀ имѣла, и пустилась въ дорогу. Видя это, король сказалъ: „Гораздо болѣе будетъ справедливо мнѣ владѣть этими сокровищами, чѣмъ ей, потому что она была недостойна ложа моего брата“. Затѣмъ, отобравъ у нея большую часть сокровищъ и оставивъ ей бездѣлицы, онъ отправилъ ее въ монастырь, въ Арлѣ. Но она съ трудомъ подчинялась правиламъ поста и бдѣнія, и тайно обратилась къ одному готу, обѣщая ему, если онъ согласится увезти ее въ Испанію и жениться на ней, то она убѣжитъ изъ монастыря съ своими богатствами и охотно послѣдуетъ за нимъ. Она успѣла уже уложить свои вещи, приготовляясь къ бѣгству изъ монастыря, но бдительность настоятельницы предупредила ея планъ и открыла ея намѣренія: она была жестоко высѣчена, заперта подъ стражею, и оставалась тамъ до конца своей жизни въ этомъ мірѣ, подвергаясь великимъ страданіямъ.

Король Сигбертъ, видя, что его братья избираютъ женъ, недостойныхъ себя, и по своему капризу сочетаются бракомъ даже съ служанками, отправилъ посольство въ Испанію съ богатыми подарками, и приказалъ просить руки Брунегильды, дочери короля Атанагильда. Это была молодая дѣвушка, обходительная, миловидная, благопристойныхъ и скромныхъ нравовъ, хорошая совѣтница и пріятная въ бесѣдахъ. Отецъ ея согласился, и послалъ ее къ вышеупомянутому королю съ большими сокровищами. Сигбертъ, собравъ своихъ предводителей и приготовивъ большой пиръ, женился на ней, къ величайшему своему удовольствію (566 г.). Она исповѣдывала аріанскую вѣру; но обращенная проповѣдью епископовъ и убѣжденіями мужа, она увѣровала и исповѣдала блаженную Троицу во единомъ Богѣ, получила священное помазаніе, и, сдѣлавшись католичкой, продолжаетъ до сихъ поръ еще пребывать въ вѣрѣ Христа.

Видя это, король Гильперикъ, имѣвшій уже многихъ женъ, просилъ руки Гайлесвинты, сестры Брунегильды, обѣщая чрезъ своихъ пословъ оставить другихъ женъ, если получитъ руку, достойную себя, дочери короля. Отецъ, взявъ съ него это обѣщаніе, рѣшился послать ему свою дочь точно такъ же, какъ и предъидущую, съ большими богатствами. Гайлесвинта была старше Брунегильды. Прибывъ къ ко-

ролю Гильперику, она была принята имъ съ большими почестями, и соединилась съ нимъ бракомъ. Онъ даже полюбилъ ее страстной любовью, и дѣйствительно, она принесла ему съ собой большія сокровища. Но любовь къ Фредегундѣ, прежней его женѣ, породила между ними много ссоръ. Гайлесвинта была уже обращена въ католическую вѣру и мvропомазана. Жалуясь королю на то, что она терпитъ постоянныя оскорбленія и не пользуется у него никакимъ уваженіемъ, Гайлесвинта просила у него позволенія возвратиться въ свое отечество, оставляя ему сокровища, которыя она принесла съ собою. Но король не исполнилъ этой просьбы подъ ничтожнымъ предлогомъ, уговорилъ ее ласковыми словами, а наконецъ приказалъ одному рабу удавить ее. Онъ нашелъ Гайлесвинту мертвою въ постели. Послѣ ея смерти Богъ проявилъ свое могущество въ одномъ чудѣ. Лампада, которая горѣла передъ ея могилой и висѣла на шнуркѣ, упала на каменный полъ, вслѣдствіе того, что шнурокъ оборвался, хотя никто не прикасался къ ней; при этомъ полъ не обнаружилъ никакой твердости, такъ что лампада вошла въ него, какъ въ мягкую массу, погрузившись до половины, и нисколько не разбилась; всѣмъ, бывшимъ свидѣтелями этого происшествія, оно показалось большимъ чудомъ. Что касается до короля, то, оплакавъ ея смерть, онъ опять женился на Фредегундѣ, спустя нѣсколько дней. Послѣ того его братья, вступившись за смерть королевы, объявили его лишеннымъ власти. Гильперикъ имѣлъ въ то время трехъ сыновей отъ Авдоверы, своей первой жены: Теодеберта, о которомъ мы говорили выше, Меровея и Клодовея.

Григорій Турскій.

Дес. кн. Церк. истор. франк., IV. 21—28.

См. выше примѣчаніе къ ст. 74.

---

79. — Св. Колумбанъ и Брунегильда.

(731 года).

Случилось однажды святому Колумбану явиться къ Брунегильдѣ, которая жила въ то время близъ селенія Брокоріака (близъ г. Autun). Брунегильда, узнавъ, что онъ пришелъ во дворецъ, привела къ святому мужу дѣтей Теодорика [1]), прижитыхъ имъ въ незаконномъ бракѣ. Увидѣвъ то, св. Колумбанъ спрашиваетъ, съ какою цѣлью ему пред-

[1]) Т.-е. правнуковъ Брунегильды: Теодорикъ былъ внукъ Сигберта и правилъ отъ 596 г. до 613 г., по смерти своего отца Гильберта.

ставляютъ этихъ дѣтей. Брунегильда отвѣчаетъ на то: „Это сыновья короля; ты укрѣпи ихъ своимъ благословеніемъ“. „Знай, говорилъ Колумбанъ, что они никогда не наслѣдуютъ королевскаго скипетра, потому что они дѣти преступной жизни“. Брунегильда, придя въ ярость отъ такихъ словъ, приказала немедленно увести дѣтей. Когда святой мужъ выходилъ изъ дворца, то едва успѣлъ онъ переступить черезъ порогъ, какъ раздался какой-то ударъ, потрясшій весь домъ и наведшій ужасъ на всѣхъ; не укротилась одна только ярость той презрѣнной женщины. Брунегильда употребляетъ противъ него козни и чрезъ нарочныхъ даетъ приказаніе ближайшимъ монастырямъ не впускать къ себѣ св. Колумбана, не принимать его монаховъ и не давать имъ никакихъ подаяній. Св. Колумбанъ, узнавъ, что и король вооруженъ противъ него, отправляется къ нему, чтобы своими увѣщаніями переломить его несчастное упорство. Король тогда находился въ мѣстечкѣ Списсіѣ. Колумбанъ прибылъ туда передъ закатомъ солнца. Короля извѣстили, что святой мужъ находится въ Списсіѣ, но не хочетъ остановиться въ королевскомъ домѣ. Теодорикъ на это отвѣчалъ, что лучше оказать всѣ почести святому мужу, надѣлить его приличными подарками, чѣмъ накликать на себя гнѣвъ Господа оскорбленіемъ его слугъ. Затѣмъ король приказываетъ приготовить все необходимое для принятія раба божія съ королевскими почестями, и все это отправить къ нему. Посланные явились къ Колумбану и, согласно повелѣнію Теодорика, поднесли ему все посланное королемъ. Замѣтивъ, что ему подаютъ кушанья и напитки съ королевскими почестями, онъ спросилъ, что̀ все это значитъ? Ему говорятъ, что все это посылаетъ ему король. Оттолкнувъ отъ себя съ отвращеніемъ поданное ему, Колумбанъ воскликнулъ: „Написано, что Всевышній отвергаетъ дары нечестивыхъ, ибо недостойно осквернить уста слугъ божіихъ пищей, посланной человѣкомъ, который закрываетъ имъ двери не только въ своемъ, но даже и въ чужихъ домахъ“. Сказавъ это, онъ разбилъ въ дребезги всю посуду, вылилъ вино и брашно на полъ, а все другое разбросалъ. Испуганные слуги разсказали о происшедшемъ королю, и имъ овладѣлъ страхъ: вмѣстѣ съ своей бабкой, на разсвѣтѣ, онъ отправляется къ божьему человѣку; оба они просятъ прощенія за свои проступки и обѣщаютъ впредь исправиться. Успокоенный этими обѣщаніями, св. Колумбанъ возвратился въ монастырь. Но обѣщанное исполнялось недолго; оно было скоро нарушено, постыдные поступки слѣдовали одинъ за другимъ, и король продолжалъ предаваться обычному распутству. Узнавъ о томъ, блаженный Колумбанъ отправилъ къ королю посланіе, полное горькихъ упрековъ, и угрожалъ отлученіемъ отъ церкви, если онъ замедлитъ исправленіемъ. Это привело въ негодованіе Брунегильду. Она старается всѣми силами вооружить короля противъ блаженнаго Колумбана; уговариваетъ придворныхъ вельможъ (proceres aulicos) и всѣхъ знатныхъ (optimates) содѣйствовать ей къ возбужденію гнѣва короля противъ божьяго человѣка. Она понуждаетъ и епископовъ, чтобы они, поколебавъ славу его благочестія, охуждали написанный имъ уставъ, которому онъ подчинилъ своихъ монаховъ. Придворные повиновались презрѣнной королевѣ и начали возмущать короля противъ божьяго человѣка. Они

настаивали, чтобы король приступилъ къ разсмотрѣнію его устава. Уступая такимъ настоятельнымъ просьбамъ, король отправился къ божьему человѣку въ Луксовію (н. Luxeuil, въ депар. Haute-Sâone) и спросилъ: почему онъ уклоняется отъ обычая своихъ собратій, и не всѣхъ христіанъ допускаетъ въ свою среду, замкнувшись въ своей оградѣ. Блаженный Колумбанъ, какъ мужъ смѣлый и сильный духомъ, отвѣтилъ королю, говоря, что у него нѣтъ обычая людямъ свѣтскимъ и чуждымъ благочестія открывать доступъ внутрь жилищъ слугъ божіихъ, но что у него устроено особое помѣщеніе, гдѣ удобно можно принимать всѣхъ приходящихъ. На это король отвѣчалъ: „Если ты хочешь пользоваться дарами нашей щедрости и получать отъ насъ вспомоществованіе, то устрой такъ, чтобы вездѣ въ монастырѣ твоемъ былъ открытъ доступъ для всѣхъ“. На это божій человѣкъ возразилъ: „Если ты хочешь нарушить то, на что̀ до сихъ поръ наложена была узда монастырской дисциплины, то будь увѣренъ, что не достигнешь своей цѣли ни твоими вспомоществованіями, ни подарками, какіе бы они ни были. И если ты пришелъ сюда для того, чтобы разрушить убѣжище слугъ господнихъ и осквернить монастырскій уставъ, то знай, что въ такомъ случаѣ твое королевство разрушится до основанія и погибнетъ вмѣстѣ съ твоимъ родомъ“. Потомъ оказалось, что король дѣйствительно имѣлъ такое намѣреніе и уже вошелъ съ этой цѣлью въ столовую, но, устрашенный тѣми рѣчами, вернулся назадъ. Человѣкъ божій жестоко порицалъ короля за его намѣреніе, такъ что этотъ ему возразилъ: „Не думаешь ли ты, что я возложу на тебя мученическій вѣнецъ? Нѣтъ, продолжалъ король, я не дойду до такого безразсудства, чтобы совершить подобнаго рода преступленія; я желаю только того, что̀ мнѣ кажется разумнымъ и полезнымъ. А такъ какъ ты уклоняешься отъ нашихъ обычаевъ, то можешь себѣ идти туда, откуда пришелъ“. Его придворные единогласно прибавили, что они не хотятъ имѣть въ странѣ своей человѣка, который не хочетъ соединяться съ другими. Въ отвѣтъ на это блаженный Колумбанъ говорилъ, что онъ не выйдетъ изъ ограды монастыря, развѣ только въ томъ случаѣ, когда его изгонятъ силой. Затѣмъ король вышелъ изъ монастыря, оставивъ тамъ одного изъ своихъ придворныхъ, по имени Баудольфа, который выгналъ божьяго человѣка изъ монастыря и удалилъ въ изгнаніе въ окрестности города Везоціона (Vesotio или Vesontio, н. Безансонъ), гдѣ онъ оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока король не рѣшилъ окончательно этого дѣла.

Бэда Преподобный.

Жизнь св. Колумбана, XIX и XX.

См. выше, примѣчаніе къ ст. 66. „Жизнеописанія святыхъ“, а между прочими и жизнь св. Колумбана, только приписываются Бэдѣ, но стоятъ въ каталогѣ тѣхъ его сочиненій, въ подлинности которыхъ нынѣ сомнѣваются, и потому текстъ ихъ можно найти въ однихъ старыхъ изданіяхъ Бэды, какъ, наприм., въ кельнскомъ, 1688 г. Бэдѣ несомнѣнно принадлежатъ только жизне-

описанія св. Феникса, Кутберта и Анастасія, потому что онъ самъ указываетъ на нихъ.—Св. Колумбанъ родился около 540 г., въ Ирландіи, и умеръ въ Италіи 615 года. Оставя родину, онъ переселился во Францію и въ 590 г. основалъ тамъ монастырь въ Люксейлѣ. Изгнанный Брунегильдой, Колумбанъ удалился въ Женеву, а оттуда въ Италію, гдѣ и основалъ монастырь Боббіо, въ Сардиніи, на с.-в. отъ Генуи. Св. Колумбанъ оставилъ послѣ себя знаменитый *Уставъ*, которымъ долго руководились монастыри во Франціи, и текстъ котораго можно найти въ полномъ изданіи его сочиненій: изд. *Sirmin*, 1667 г.— Настоящимъ авторомъ жизни св. Колумбана считаютъ одного изъ ближайшихъ его современниковъ, монаха монастыря Боббіо, Іону, который поселился тамъ въ 618 г., три года спустя послѣ смерти основателя. Изъ монографій о Колумбанѣ замѣчательны: 1) *Smith*, Life of S. Colomba, etc. Edinb. 1798; 2) *Knottenbelt*, Disputatio historica-theologica de Columbano. Lugd. Bat. 1839; 3) *Gianelli*, Vita di S. Colombano etc. Torin. 1844.

---

80. — О первой эпохѣ междоусобія дѣтей Лотаря I до смерти Сигберта.

(1840 г.).

Вскорѣ по смерти Лотаря I и раздѣленіи его четырьмя сыновьями Галліи между собою (561 г.), двое изъ нихъ, Сигбертъ Австразійскій и Гильперикъ Нейстрійскій, женились на двухъ сестрахъ, Брунегильдѣ и Гайлесвинтѣ, дочеряхъ вестготскаго короля Атанарика (см. выше у Григорія Турскаго, въ ст. 73). Но Гильперикъ, по проискамъ своей наложницы Фредегунды, приказалъ умертвить Гайлесвинту, и такимъ образомъ вызвалъ родовую месть со стороны ея сестры Брунегильды и мужа ея, Сигберта. Междоусобія продолжались чрезъ нѣсколько поколѣній и окончились гибелью большей части Меровинговъ и соединеніемъ Галліи въ рукахъ уцѣлѣвшаго изъ нихъ Лотаря II, потомка Фредегунды. Первая же эпоха междоусобій обнимала время отъ умерщвленія Гайлесвинты до убійства Сигберта (567—575 г.).

У франковъ и вообще у всѣхъ народовъ германскаго племени, когда совершалось какое-нибудь убійство, ближайшій родственникъ убитаго немедленно назначалъ съѣздъ всѣмъ своимъ роднымъ и союзникамъ, призывая ихъ, именемъ чести, явиться съ оружіемъ, потому что съ той минуты начиналась война между убійцею и всѣми, кто былъ соединенъ съ жертвою какими-либо узами родства. Какъ мужъ сестры Гайлесвинты, Сигбертъ считалъ себя обязаннымъ къ мести. Онъ отправилъ гонцовъ къ королю Гунтраму, который, нимало не сомнѣваясь въ выборѣ между двумя враждующими сторонами, присталъ къ сторонѣ обиженной, быть можетъ, изъ повиновенія народнымъ обычаямъ, или потому, что отвратительное преступленіе короля Гильперика изгоняло его изъ семьи. Вслѣдъ за тѣмъ была

объявлена война (568 г.), и начались враждебныя дѣйствія, хотя не съ одинаковою ревностью со стороны двухъ братьевъ, возставшихъ на третьяго. Сигбертъ, возбуждаемый местью жены своей, Брунегильды, имѣвшей надъ нимъ неограниченную власть и внезапно обнаружившей свой въ высшей степени пылкій характеръ, хотѣлъ биться до послѣдней крайности; онъ не отступалъ даже отъ мысли о братоубійствѣ. Но Гунтрамъ, по христіанскому ли чувству, или по свойственной ему слабости воли, скоро измѣнилъ свою роль союзника на роль посредника. Просьбами и угрозами онъ принудилъ Сигберта не быть судьею въ своемъ дѣлѣ, а законнымъ порядкомъ созвать миролюбиво народъ, и ждать его приговора.

Дѣйствительно, по закону франковъ, или, лучше сказать, по народнымъ ихъ обычаямъ, всякій, кто считалъ себя обиженнымъ, могъ избирать или частную войну, или общественный судъ; но лишь только приговоръ былъ произнесенъ, война становилась уже незаконною. Судебное собраніе называлось mâl, то-есть, свѣтъ. Чтобъ имѣть право участвовать въ немъ, надлежало принадлежать къ разряду поземельныхъ владѣльцевъ, или, по германскому выраженію, къ числу почетныхъ мужей, *аримановъ* (arimans) [1]). Въ большемъ или меньшемъ числѣ, смотря по роду и важности предстоящихъ дѣлъ, судьи являлись въ собраніе въ полномъ вооруженіи и, не покидая оружія, усаживались на скамьяхъ, разставленныхъ въ кружокъ. До перехода черезъ Рейнъ и покоренія Галліи франки производили судъ на открытомъ воздухѣ, на холмахъ, освященныхъ древними религіозными обрядами. Принявъ, послѣ своего завоеванія, христіанство, они оставили этотъ обычай, и mâl созывался королями или графами въ каменныхъ или деревянныхъ строеніяхъ; но, несмотря на такую перемѣну, мѣсто засѣданій сохранило названіе, данное ему прежде въ языческой Германіи; по старому его продолжали называть на древне-германскомъ языкѣ, *Мальбергъ*, Гора Совѣта [2]).

Когда воззваніе, обнародованное въ трехъ франкскихъ королевствахъ, объявило, что черезъ сорокъ ночей (таково было принятое въ законахъ выраженіе) король Гунтрамъ соберетъ торжественный сеймъ для примиренія королей Гильперика и Сигберта, то важнѣйшіе вожди и богатые владѣльцы прибыли, съ своими дружинами, въ назначенное мѣсто. Открылся торжественный судъ, о подробностяхъ котораго современные писатели не упоминаютъ; но приблизительно ихъ можно возстановить по различнымъ постановленіямъ, актамъ и судебнымъ формуламъ. Изъ нихъ не трудно по аналогіи извлечь слѣдующіе факты, правда, только предполагаемые, но которые до нѣкоторой степени могутъ дополнить пробѣлъ историческихъ свидѣтельствъ.

Когда всѣ собрались, король Гунтрамъ занялъ мѣсто на высокомъ креслѣ, а прочіе судьи сѣли на простыхъ скамьяхъ, каждый съ мечемъ при бедрѣ и служителемъ, стоявшимъ позади со щитомъ и ко-

---

[1]) Этотъ классъ людей, въ законахъ и публичныхъ актахъ, называется также: *Rachimburgii*, *Racimburdi* (*Rekin-burghe*), сильная порука.

[2]) *Malbergum, Mallobergum, Mallebergium — locus judicii. — Ducange, Glossar.*

пьемъ его. Призванный какъ истецъ, первый явился король Сигбертъ, и отъ имени жены своей, королевы Брунегильды, обвинялъ Гильперика въ умышленномъ участіи въ убіеніи Гайлесвинты, сестры Брунегильды. Срокъ въ четырнадцать ночей данъ былъ обвиняемому, чтобы онъ явился въ свою очередь и клятвенно оправдался.

Законы франковъ требовали, чтобы такая очистительная клятва подтверждена была извѣстнымъ числомъ свободныхъ людей: шестью въ случаяхъ маловажныхъ и семьюдесятью-двумя въ дѣлахъ болѣе значительныхъ или по важности фактовъ, или по высокому званію подсудимыхъ. Обвиняемый долженъ былъ явиться посреди круга, обставленнаго судейскими скамьями, въ сопровожденіи всѣхъ тѣхъ, которые должны были произнести съ нимъ клятву. Тридцать-шесть человѣкъ становились по правую, и тридцать-шесть по лѣвую его руку; послѣ того, по требованію главнаго судьи, онъ обнажалъ мечъ и клялся оружіемъ въ своей невинности; тогда свидѣтели, разомъ обнаживъ свои мечи, приносили на нихъ ту же клятву. Никакое свидѣтельство, ни въ древнихъ хроникахъ, ни въ современныхъ актахъ, не даетъ повода думать, чтобы Гильперикъ старался оправдаться судебнымъ порядкомъ въ преступленіи, въ которомъ его обвиняли; по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ предсталъ одинъ предъ собраніемъ франковъ и сѣлъ, не сказавъ ни слова. Сигбертъ всталъ и трижды сказалъ судьямъ: „Скажите намъ законъ салическій“. Потомъ онъ молвилъ въ четвертый разъ, указывая на Гильперика: „Я требую отъ васъ сказать ему и мнѣ то, что̀ предписываетъ законъ салическій“.

Такова была установленная форма для требованія суда съ противникомъ, уличеннымъ собственнымъ своимъ признаніемъ; но въ настоящемъ случаѣ отвѣтъ на такое требованіе могъ быть данъ только послѣ продолжительныхъ преній, потому что дѣло шло о преступленіи, къ которому общій законъ франковъ можно было примѣнить только по аналогіи. Для предупрежденія, или, по крайней мѣрѣ, для скорѣйшаго окончанія частныхъ распрей, законъ этотъ постановлялъ, что, въ случаѣ убійства, виновный долженъ заплатить наслѣдникамъ убитаго извѣстную сумму денегъ, соразмѣрную съ его званіемъ. За домашняго раба платили отъ пятнадцати до тридцати-пяти золотыхъ солидовъ, за лейда изъ варваровъ, или за галло-римскаго данника, сорокъ-пять солидовъ; за римлянина-владѣльца сто солидовъ, и вдвое за франка, или всякаго другого варвара, подчиненнаго салическому закону [1]). Въ каждомъ изъ этихъ разрядовъ пеня утроивалась, если убитый, рабъ или крѣпостной, римлянинъ или варваръ, непосредственно зависѣлъ отъ короля, какъ слуга его, какъ вассалъ, или какъ человѣкъ, занимавшій какую-либо общественную должность. Такимъ образомъ, за королевскаго поселянина платили девяносто золотыхъ солидовъ; триста за римлянина, допущеннаго къ королевскому столу, и шестьсотъ солидовъ за варвара, украшеннаго почетнымъ

---

[1]) По новѣйшей оцѣнкѣ Герара (Guerard), въ его „Запискѣ о монетной системѣ франковъ, при короляхъ первыхъ двухъ династій“ (Revue de la Numismatique française, novembre et décembre 1837), золотой су, или солидъ, котораго дѣйствительная цѣна была въ 9 фр. 28 сант., равнялся нынѣшнимъ 99 фр. 53 сант.

титуломъ, или состоявшаго въ дружинѣ, *antrusti*, то-есть, королевскаго наперсника.

Пеня эта, по уплатѣ которой виновный избавлялся отъ дальнѣйшаго преслѣдованія и мести, называлась на германскомъ языкѣ *веръгельдъ*, *wehr-geld*, охранная плата, а на латинскомъ: *композиція*, *compositio*, т.-е. умиреніе, потому что она прекращала войну между обидчикомъ и обиженнымъ. За убійство лицъ королевскаго сана не было установлено веръ-гельда; въ этомъ тарифѣ человѣческой жизни они стояли внѣ и выше всякой принятой закономъ оцѣнки. Съ другой стороны, варварскіе обычаи нѣкоторымъ образомъ давали князьямъ право на человѣкоубійство; и вотъ почему не распространивъ, посредствомъ толкованій, значенія салическаго закона, нельзя было ни опредѣлить, что̀ предписывалось имъ въ дѣлѣ, возникшемъ противъ короля Гильперика, ни назначить пеню, которую слѣдовало уплатить родственникамъ Гайлесвинты. Не имѣя возможности съ точностью судить по закону, собраніе поступило по собственному произволу и произнесло приговоръ почти въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

„Вотъ приговоръ преславнаго короля Гунтрама и благородныхъ мужей, засѣдающихъ въ *Маль-Бергѣ*. Города Бордо, Лиможъ, Кагоръ, Беарнъ и Бигоръ, которые Гайлесвинта, сестра наипревосходнѣйшей госпожи Брунегильды, по прибытіи своемъ въ землю франковъ, получила, какъ вѣдомо всякому, въ *утренній даръ* и вдовій участокъ, перейдутъ отъ сего дня во владѣніе королевы Брунегильды и ея наслѣдниковъ, дабы, чрезъ посредство таковой пени, возстановленъ былъ отнынѣ миръ божій между преславными государями Гильперикомъ и Сигбертомъ“ [1]).

Оба короля подошли одинъ къ другому, держа въ рукѣ небольшія древесныя вѣтви, которыми обмѣнялись въ знакъ честнаго слова, даннаго взаимно, одному—не покушаться возвращать того, что̀ утратилъ онъ, по приговору народа, другому — не требовать ни подъ какимъ предлогомъ бо̀льшаго вознагражденія. „Братъ, сказалъ тогда австразійскій король, дарую тебѣ впредь миръ и безопасность за смерть Гайлесвинты, сестры Брунегильды. Отнынѣ тебѣ нечего бояться ни жалобъ моихъ, ни преслѣдованій, и если, чего избави Боже, случится, что ты будешь потревоженъ или мною, или моими наслѣдниками, или кѣмъ-либо другимъ отъ ихъ имени, или снова будешь призванъ въ совѣтъ за реченное убійство для уплаты мнѣ вознагражденія, то да будетъ нынѣшняя вира вдвойнѣ возвращена тебѣ“ [2]). Собраніе разошлось, и оба короля разстались, повидимому, примиренные (569 г.).

Но король Гильперикъ никакъ не могъ сродниться съ мыслью, что онъ долженъ повиноваться рѣшенію суда въ удовлетвореніе за обиду; напротивъ того, онъ надѣялся возвратить современемъ свои города, или вознаградить себя на счетъ владѣній Сигберта. Этотъ замыселъ, созрѣвшій и хранимый въ тайнѣ въ продолженіе почти

---

[1]) Greg. Turon., Hist. Franc. т. II, стр. 344. (Script. rer. gall. et francic.).
[2]) Marculfi formul., apud. Script. rer. gallic. et franc., т. IV, стр. 495 и 512.

пяти лѣтъ, внезапно обнаружился въ 573 году. Гильперикъ, не имѣя точнаго понятія ни о положеніи, ни объ относительной важности городовъ, объ утратѣ которыхъ сѣтовалъ, зналъ, однако, что Беарнъ и Бигоръ были самые незначительные и самые отдаленные отъ центра его владѣній. Размышляя о средствахъ возвратить силою то, что̀ было уступлено противъ воли, Гильперикъ нашелъ, что планъ его завоеванія будетъ и удобнѣе въ исполненіи, и выгоднѣе, если, взамѣнъ двухъ небольшихъ городовъ, лежавшихъ близъ подошвы Пиренеевъ, онъ пріобрѣтетъ города Туръ и Пуатье, обширные, богатые и совершенно ему сподручные. Съ этой мыслью онъ собралъ въ принадлежавшемъ ему городѣ Анжерѣ войско и ввѣрилъ надъ нимъ начальство Клодовею, меньшому изъ трехъ сыновей, отъ Авдоверы, первой своей жены.

Безъ всякаго предварительнаго объявленія войны Клодовей пошелъ на Туръ. Несмотря на укрѣпленія этого древняго города, онъ вступилъ въ него безъ сопротивленія, потому что Сигбертъ, такъ же какъ и оба другіе короля, содержалъ постоянный гарнизонъ только въ городахъ, гдѣ самъ имѣлъ пребываніе, а граждане, большею частью гальскаго происхожденія, мало думали о томъ, которому изъ франкскихъ королей должны они повиноваться. Овладѣвъ Туромъ, сынъ Гильперика направился на Пуатье, который также скоро отворилъ передъ нимъ свои ворота. Здѣсь Клодовей утвердилъ свою главную квартиру, стоя въ центрѣ между Туромъ и городами Лиможемъ, Кагоромъ и Бордо, завоевать которые ему еще предстояло [1]).

Узнавъ о томъ неожиданномъ нападеніи, король Сигбертъ отправилъ гонцовъ къ брату своему Гунтраму, прося его помощи и совѣта. Участіе, которое Гунтрамъ принималъ, шесть лѣтъ тому назадъ, въ примиреніи двухъ королей, казалось, возлагало на него въ отношеніи къ нимъ нѣкоторую обязанность судьи, право взысканія съ того, кто не сдержалъ даннаго слова и нарушилъ приговоръ народный. Съ этою мыслью, согласною, впрочемъ, съ наклонностью къ справедливости, составлявшей особенную черту его характера, онъ взялъ на себя трудъ усмирить враждебное покушеніе Гильперика и принудить его снова подчиниться условіямъ раздѣльнаго трактата и приговора франковъ. Не дѣлая нарушителю клятвеннаго мира ни представленій, ни предварительнаго вызова, Гунтрамъ отправилъ противъ Клодовея войско, подъ предводительствомъ лучшаго изъ своихъ военачальниковъ, Эонія Муммола, родомъ галла, мужествомъ равнаго храбрѣйшимъ изъ франковъ, но превосходившаго всѣхъ ихъ воинскими дарованіями.

Муммолъ въ то время только-что поразилъ въ нѣсколькихъ битвахъ и оттѣснилъ даже за Альпы лонгобардовъ, которые, владѣя сѣверомъ Италіи, покушались проникнуть въ Галлію и грозили завоевать области, лежавшія близъ Роны. Онъ двинулся изъ Шалона-на-Сонѣ, столицы бургундскаго королевства, съ быстротою, уже стяжавшею ему побѣды, и пошелъ на городъ Туръ по дорогѣ черезъ Не-

---

[1]) Greg Turon, Hist. Franc. II. 227.

веръ и Буржъ. При его приближеніи молодой Клодовей, возвратившійся въ Туръ съ намѣреніемъ выдержать тамъ осаду, рѣшился отступить и, въ ожиданіи подкрѣпленій, занялъ удобную позицію на пути въ Пуатье, не въ дальнемъ разстояніи отъ этого города. Между тѣмъ, турскіе граждане миролюбиво приняли галло-римскаго предводителя, занявшаго городъ именемъ короля Сигберта. Чтобы на будущее время они были менѣе равнодушны къ политическимъ событіямъ, Муммолъ заставилъ всѣхъ ихъ присягнуть на вѣрность. Если воззваніе его къ епископу и турскому графу было согласно съ другими подобнаго рода актами, то всѣ горожане и жители городского округа, *римляне, франки и всякаго иного племени*, получили приказаніе собраться въ епархіальную церковь и произнести передъ святынею клятву въ томъ, что въ совершенной чистотѣ, какъ истые лейды, они пребудутъ вѣрными государю своему, преславному королю Сигберту.

Между тѣмъ, поджидаемое Клодовеемъ подкрѣпленіе прибыло въ его станъ близъ Пуатье. Оно состояло изъ толпы, собранной въ окрестностяхъ и предводимой Сигеромъ и Василіемъ; первый былъ франкъ, второй римлянинъ, оба усердные сторонники короля Гильперика и сильные по своему богатству. Войско это, многочисленное, но неустроенное, состоявшее большею частью изъ поселянъ и крестьянъ, образовало авангардъ нейстрійской арміи и первое сразилось съ воинами Муммола. Несмотря на свое мужество и даже ожесточеніе въ битвѣ, Сигеръ и Василій не могли преградить пути къ Пуатье величайшему, или, лучше сказать, единственному тактику того времени. Атакованные съ фронта и фланговъ, они съ огромной потерею были опрокинуты на франковъ Клодовея, которые тотчасъ же обратились въ бѣгство и разсѣялись. Оба предводителя были убиты въ смятеніи, и сынъ Гильперика, не имѣя при себѣ довольно войска для обороны Пуатье, бѣжалъ по дорогѣ въ Сентъ (Saintes). Овладѣвъ послѣ такой побѣды городомъ, Муммолъ счелъ порученіе свое оконченнымъ, и, заставивъ гражданъ, подобно тому, какъ въ Турѣ, присягнуть на вѣрность королю Сигберту, возвратился въ королевство Гунтрама, не удостоивъ преслѣдованіемъ нейстрійцевъ, бѣжавшихъ въ маломъ числѣ за сыномъ своего короля.

Клодовей не заботился о сборѣ своихъ разсѣянныхъ войскъ и о возвращеніи въ Пуатье; но боясь встрѣтить преграду къ отступленію на сѣверъ, или, можетъ быть, изъ юношеской удали, вмѣсто того, чтобы двинуться къ Анжеру, продолжалъ слѣдовать въ противоположную сторону и направился къ Бордо, одному изъ пяти городовъ, которыми овладѣть было ему приказано. Онъ явился у воротъ этого большого города съ горстью людей, плохо вооруженныхъ, и на первый вызовъ его отъ отцовскаго имени городскія ворота передъ нимъ растворились; фактъ удивительный, изъ котораго ясно открывается правительственное безсиліе королевской власти Меровинговъ. Въ такомъ большомъ городѣ не нашлось довольно войска для защиты правъ королевы Брунегильды и верховной власти короля Сигберта отъ толпы бѣглецовъ, бездомныхъ и изнуренныхъ: сынъ Гильперика могъ безпрепятственно водвориться въ немъ полнымъ властителемъ и занять

съ своими людьми палаты, принадлежавшія въ то время фиску, а когда-то составлявшія собственность императоровъ, доставшуюся королямъ германскимъ вмѣстѣ съ наслѣдіемъ цезарей.

Молодой Клодовей почти уже мѣсяцъ жилъ въ Бордо, величая себя побѣдителемъ и представляя собою вице-короля, когда герцогъ Сигульфъ, одинъ изъ охранителей пиренейской границы или мархіи, осмѣлился сдѣлать на него нападеніе [1]). Эта граница, которую должно было оборонять отъ готовъ и басковъ, вся принадлежала австразійскому королю, и отъ его имени сдѣлано было воззваніе по обоимъ берегамъ Адура. Нѣкоторыя указанія, почерпнутыя изъ послѣдующихъ фактовъ, даютъ поводъ думать, что, не желая оставить безъ войскъ свои укрѣпленія, герцогъ, или, какъ говорили на германскомъ языкѣ, *маркграфъ* [2]), призвалъ къ ополченію всѣхъ жителей той страны; охотники, пастухи и дровосѣки, почти столь же дикіе, какъ сосѣди ихъ, баски, заодно съ которыми они часто грабили купеческіе караваны, налагали дань на небольшіе города, или противились франкскимъ правителямъ. Тѣ изъ горцевъ, которые отозвались на призывъ австразійскаго вождя, явились на сборное мѣсто, кто пѣшій, кто конный, съ обычнымъ своимъ оружіемъ, то-есть, въ охотничьей одеждѣ, съ рогатиной въ рукѣ и съ трубой или рогомъ черезъ плечо. Предводимые марк-графомъ Сигульфомъ, они вступили въ Бордо, ускоряя ходъ, чтобы напасть внезапно и направляясь къ той части города, гдѣ были расположены нейстрійцы (573 г.).

Внезапно настигнутые непріятелемъ въ превосходныхъ силахъ, нейстрійцы успѣли только вскочить на коней, посадить на лошадь своего принца и, окруживъ его, умчаться съ нимъ по направленію къ сѣверу; но враги съ ожесточеніемъ пустились ихъ преслѣдовать, одушевляемые надеждою захватить въ плѣнъ королевскаго сына и истребовать за него богатый выкупъ, или, можетъ быть, увлекаясь побужденіемъ народной ненависти къ франкскому племени. Для взаимнаго поощренія къ погонѣ, или чтобъ устрашить бѣглецовъ, или просто отъ разгула южной веселости, они трубили на бѣгу въ охотничьи рога и трубы. Цѣлый день, припавъ къ гривѣ своего коня и побуждая его шпорой, Клодовей слышалъ за собою звуки роговъ и клики охотниковъ, гнавшихся по его слѣдамъ, какъ въ лѣсу за оленемъ. Но къ вечеру, по мѣрѣ того, какъ становилось темнѣе, погоня постепенно замедлялась, и вскорѣ нейстрійцы могли продолжать путь свой не торопясь. Такъ возвратился юный Клодовей на берега Луары, къ стѣнамъ Анжера, изъ котораго недавно вышелъ, предводя многочисленнымъ войскомъ.

Такой ничтожный конецъ похода, столь дерзко предпринятаго, навелъ на душу Гильперика мрачную и яростную досаду. Не одна корысть, но и оскорбленная гордость побуждали его отважиться на

---

[1]) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 228.—Fredegarii, Hist. Franc., т. II, стр. 407.—Aimoini monac. floriac. *De gest. Franc.* III, стр. 71.

[2]) Marc, рубежъ, граница; graf—начальникъ округа, правитель, судья.

все, лишь бы только возвратить свои завоеванія и отвѣчать на вызовъ, который, казалось, ему сдѣлали. Рѣшась блистательно отмстить за оскорбленіе своей чести, онъ собралъ на берегахъ Луары войско, гораздо многочисленнѣе перваго, и ввѣрилъ надъ нимъ начальство Теодеберу, старшему изъ своихъ сыновей.

Осторожный Гунтрамъ разсудилъ на этотъ разъ, что вторичное вмѣшательство съ его стороны будетъ, по всей справедливости, безполезно для примиренія братьевъ и, конечно, разорительно для него. Отказавшись отъ посредничества, онъ распорядился такъ, что въ случаѣ неудачи могъ остаться въ сторонѣ и не мѣшаться въ распрю. Заботу о примиреніи обоихъ королей онъ возложилъ на духовный соборъ; по его приказанію, всѣ епископы королевства, по своему положенію не принимавшіе участія въ королевской ссорѣ, съѣхались въ нейтральномъ городѣ Парижѣ, куда, по раздѣльному договору, не могъ вступить ни одинъ изъ сыновей Лотаря безъ согласія двухъ другихъ. Соборъ отправилъ къ нейстрійскому королю самыя убѣдительныя посланія, прося сохранить клятвенный миръ и не посягать на права брата. Но рѣчи и посланія были безполезны. Гильперикъ, не внимая ничему, продолжалъ готовиться къ бою, и члены собора возвратились къ королю Гунтраму съ единственнымъ результатомъ своего посольства: вѣстью о неизбѣжной войнѣ. Между тѣмъ, Теодебертъ перешелъ Луару и совершилъ движеніе, имѣвшее нѣкоторое подобіе стратегическаго соображенія; вмѣсто того, чтобы, по примѣру младшаго своего брата, двинуться на Туръ, онъ пошелъ къ Пуатье, гдѣ австразійскіе вожди, начальствовавшіе въ Аквитаніи, сосредоточили свои силы. Главнѣйшій изъ нихъ, Гондебальдъ, имѣлъ неблагоразумную отважность сразиться на равнинѣ съ нейстрійцами, превосходившими его своими силами и притомъ болѣе одушевленными, нежели войска, состоявшія подъ его начальствомъ; онъ былъ совершенно разбитъ и въ одно сраженіе лишился всего. Побѣдители вошли въ Пуатье, и Теодебертъ, владѣя этимъ городомъ въ центрѣ австразійской Аквитаніи, могъ свободно двинуться на каждый изъ городовъ, которыми овладѣть было предписано. Онъ избралъ направленіе къ сѣверу и вступилъ въ турскія земли, лежащія на лѣвомъ берегу Луары. По отцовскому ли приказанію, или по собственному своему внушенію, онъ велъ войну жестокую, разнося всюду, гдѣ ни проходилъ убійство и опустошеніе. Граждане Тура съ ужасомъ увидѣли со стѣнъ своихъ облака дыма, который, поднимаясь со всѣхъ сторонъ вокругъ, говорилъ о пожарахъ сосѣднихъ деревень. Хотя они и были связаны съ королемъ Сигбертомъ священною клятвой, однако, заглушивъ религіозныя опасенія, сдались на произволъ побѣдителя и умоляли его быть только милосердымъ.

Покоривъ Пуатье и Туръ, нестрійская армія осадила Лиможъ, который отворилъ ей ворота, и изъ Лиможа пошли на Кагоръ. Длинный ея путь былъ обозначенъ разореніемъ селеній, грабежомъ домовъ и оскверненіемъ святыни. Храмы были опустошены и преданы сожженію, священники умерщвлены, инокини оскорблены и монастыри разрушены до основанія. При слухѣ о такомъ опустошеніи, общій страхъ распространился по всей Аквитаніи, отъ береговъ

Луары до Пиренеевъ. Эта обширная и прекрасная земля, куда шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ вступили франки не врагами туземныхъ жителей, но противниками готовъ, первыхъ ея властелиновъ, поборниками православной вѣры противъ еретической силы; эта благодатная страна, по которой дважды проносилась брань, не оставивъ глубокаго слѣда за собою, гдѣ римскіе нравы сохранялись почти не тронутыми, и германскіе государи, властвовавшіе за Луарой, были извѣстны только своею ревностью къ благочестію—страна эта внезапно была лишена того спокойствія, которымъ наслаждалась около полустолѣтія.

Зрѣлище такихъ жестокостей и святотатствъ поражало умы изумленіемъ и скорбію. Войну Теодеберта въ Аквитаніи уподобляли гоненію Діоклеціана; съ простодушнымъ удивленіемъ сравнивали преступленія и разбои нейстрійскихъ войскъ съ благочестивыми подвигами Клодовея Великаго, соорудившаго и обогатившаго такое множество храмовъ. Епископы и аквитанскіе сенаторы [1]), весь патріотизмъ которыхъ заключался въ христіанскомъ вѣрованіи, то разглашали хулы и проклятія въ библейскомъ духѣ, то разсказывали одинъ другому съ улыбкой надежды о чудесахъ, которыя, по общимъ слухамъ, совершались въ разныхъ мѣстахъ въ наказаніе за безчинство *варваровъ*. Такъ называли они франковъ; но слово это само-по-себѣ не заключало въ себѣ ничего оскорбительнаго: оно служило въ Галліи только для означенія господствующаго племени, подобно тому, какъ туземное племя называли римлянами.

Основаніемъ этихъ народныхъ разсказовъ, которымъ изумленное воображеніе придавало суевѣрный оттѣнокъ, нерѣдко бывалъ самый простой случай. Въ нѣсколькихъ лье отъ Тура, на правомъ берегу Луары, былъ монастырь, знаменитый мощами святого Мартина; пока франки опустошали правый берегъ, десятка два изъ нихъ взяли лодку, съ намѣреніемъ переправиться на другую сторону и разграбить богатую обитель. Не имѣя для управленія лодкой ни багровъ, ни веселъ, они употребили на то свои копья, держа ихъ остріемъ кверху, а древкомъ упираясь въ рѣчное дно. Иноки, видя приближеніе непріятеля, не могли сомнѣваться въ его намѣреніяхъ и вышли къ нему на встрѣчу, восклицая: „Берегитесь, варвары! берегитесь тутъ приставать: это монастырь блаженнаго Мартина". Но несмотря на то, франки высадились, перебили иноковъ, истребили всю монастырскую движимость, похитили все, что̀ только было тамъ драгоцѣннаго, и, увязавъ, уложили на свое судно. Лодка, дурно управляемая и черезъ мѣру нагруженная, наткнулась на одну изъ отмелей, засоряющихъ русло Луары, и сѣла на мель. Отъ колебанія, происшедшаго во время этой остановки, многіе изъ тѣхъ, которые управляли лодкой, стараясь всѣми силами сдвинуть тяжелое судно, оступились и попадали впередъ на остріе копій, воткнувшихся въ ихъ грудь; другіе, объятые вмѣстѣ и ужасомъ, и страхомъ, стали кричать о помощи. Тогда прибѣжали иноки, съ которыми франки обо-

---

[1]) Т.-е. аристократы.

шлись такъ дурно, и, подъѣхавъ на лодкѣ, съ удивленіемъ увидѣли случившееся. Взявъ назадъ, по настоянію самихъ грабителей, всю добычу, похищенную въ монастырѣ, иноки отплыли къ берегу съ пѣніемъ за упокой тѣхъ, которые погибли такимъ неожиданнымъ образомъ.

Между тѣмъ какъ все это происходило въ Аквитаніи, король Сигбертъ собиралъ всѣ силы своего королевства, чтобы идти на Теодеберта и принудилъ Гильперика отозвать его и ограничиться предѣлами, назначенными ему родственнымъ договоромъ. Онъ призвалъ къ оружію не только франковъ съ береговъ Мааса, Мозеля и Рейна, но и всѣ зарейнскія германскія племена, признававшія власть или покровительство потомковъ Меровея. Таковы были свевы, или швабы, и алеманы—послѣдній остатокъ двухъ нѣкогда могущественныхъ союзовъ; туринги и бойовары, сохранявшіе свою народность подъ управленіемъ наслѣдственныхъ герцоговъ; наконецъ, многіе народы Нижней-Германіи, отдѣлившіеся или по доброй волѣ, или насильственно, отъ грознаго союза саксовъ—враговъ и соперниковъ франкскаго владычества. Эти зарейнскіе народы, какъ ихъ тогда называли, были совершенные язычники, и если тѣ изъ нихъ, которые были ближе къ гальскимъ предѣламъ, приняли нѣкоторыя сѣмена христіанства, то страннымъ образомъ примѣшивали къ нимъ обряды старой своей религіи, принося въ жертву животныхъ, а въ торжественныхъ случаяхъ даже людей [1]). Къ такимъ свирѣпымъ наклонностямъ присоединились хищничество и жажда завоеваній, влекшія ихъ на западъ и подстрекавшія искать за рѣкою, подобно франкамъ, своей доли въ добычѣ и земляхъ Галліи.

Франки это знали и съ недовѣрчивостью наблюдали за малѣйшими движеніями своихъ соплеменниковъ, всегда готовыхъ переселиться по ихъ слѣдамъ, или попытаться покорить ихъ. Для отстраненія этой опасности Клодовей Великій сразился съ швабами и алеманами въ знаменитой битвѣ при Толбіакѣ. За пораженіемъ этого авангарда зарейнскихъ народовъ послѣдовали другія побѣды, одержанныя преемниками Клодовея. Теодорикъ покорилъ турингскій народъ и многія племена саксовъ, а самъ Сигбертъ выказалъ противъ послѣднихъ свою дѣятельность и мужество. Какъ король Австразійской Франціи и охранитель общей границы, онъ держалъ германскіе народы въ страхѣ и уваженіи къ королевской власти франковъ; но вербуя ихъ въ свое войско и ведя подъ своими знаменами въ средоточіе Галліи, онъ долженъ былъ возбудить въ нихъ старинную зависть и страсть къ завоеванію и воздвигнуть бурю, страшную вмѣстѣ и галламъ, и франкамъ.

Зато, при извѣстіи о такомъ великомъ вооруженіи Австразіи, чувство безпокойства распространилось между подданными не только Гильперика, но даже и Гунтрама, который самъ раздѣлялъ ихъ опасенія. Несмотря на малую наклонность свою начинать распрю безъ продолжительныхъ и сильныхъ на то побужденій, Гунтрамъ не поколебался однако принять общее возстаніе зарейнскихъ языческихъ

---

[1]) Procopii, De bello gothico, apud Script. rer. gallic. et franc., т. II, стр. 37.

народовъ за дѣйствіе, враждебное всѣмъ христіанамъ въ Галліи, и на просьбу Гильперика о помощи далъ отвѣтъ благопріятный: „Оба короля имѣли свиданіе, говоритъ современный историкъ, и заключили союзъ подъ взаимною клятвой не доводить своего брата до погибели“ [1]). Предвидя, что Сигбертъ вознамѣрится идти на юго-западъ и занять какой-либо пунктъ на дорогѣ между Парижемъ и Туромъ, Гильперикъ сосредоточилъ свои силы на восточномъ берегу Сены, для воспрепятствованія переправы. Гунтрамъ, съ своей стороны, прикрылъ войсками сѣверную свою границу, не обезпеченную никакими естественными преградами, и самъ переѣхалъ въ Труа, для наблюденія за ходомъ дѣлъ.

Въ 574 году войска австразійскаго короля, послѣ продолжительнаго похода, подошли наконецъ къ Арсису-на-Обѣ. Тутъ Сигбертъ остановился, и не двигаясь далѣе, ждалъ донесеній передовыхъ отрядовъ. Чтобы вступить въ королевство Гильперика, не перемѣняя направленія, Сигбертъ долженъ былъ перейти Сену нѣсколько выше слиянія ея съ Обомъ, въ мѣстѣ, называвшемся тогда *Двѣнадцать-Мостовъ* (les Douze-Ponts), а нынѣ *Мостъ-на-Сенѣ* (*Pont-sur-Seine*); но всѣ мосты были сняты, лодки уведены, и нейстрійскій король стоялъ невдалекѣ станомъ, готовый сразиться, если непріятель предприметъ переправу въ бродъ. Лье въ десяти, безъ малаго, къ югу, Сена на обоихъ своихъ берегахъ принадлежала къ государству, или, какъ тогда выражались, къ удѣлу Гунтрама. Сигбертъ немедленно потребовалъ отъ него свободнаго пропуска. Отправленное имъ требованіе было коротко и ясно: „Если ты не дозволишь мнѣ переправиться черезъ рѣку въ твоемъ удѣлѣ, то я пойду на тебя со всѣмъ своимъ войскомъ“.

Присутствіе такой страшной арміи сильно подѣйствовало на воображеніе короля Гунтрама, и тѣ же самыя опасенія, которыя заставили его соединиться съ Гильперикомъ, побудили разорвать этотъ союзъ и нарушить клятву. Всѣ подробности, которыя онъ узнавалъ черезъ своихъ лазутчиковъ и мѣстныхъ жителей о числѣ и видѣ австразійскихъ войскъ, рисовали страшными красками передъ нимъ опасность, въ которую отказъ могъ бы его повергнуть. Дѣйствительно, если войска меровингскихъ королей и обыкновенно бывали безпорядочны, то эти дикимъ буйствомъ своимъ превосходили все, что было извѣстно со времени великихъ нашествій. Отборныя дружины состояли изъ населявшаго берега Рейна франкскаго народа, наименѣе образованнаго и едва лишь проникнутаго христіанскимъ духомъ; большая часть войска была орда варваровъ въ полномъ смыслѣ слова. Это были странныя лица, какія рыскали по Галліи во времена Аттилы и Клодовея, и съ тѣхъ поръ встрѣчались только въ народныхъ преданіяхъ; тѣ же воины съ повисшими усами и волосами, подобранными въ кисть на темени, они метали топоромъ въ лицо непріятелю и поражали его издали зубчатыми копьями. Подобное войско не могло пройти безъ грабительства, даже въ странѣ дружелюбной; но Гунтрамъ предпочелъ лучше подвергнуться какимъ-нибудь кратковремен-

---

[1]) Greg. Turon. Hist. Franc., т. II, стр. 229.

нымъ грабежамъ, нежели навлечь на себя всѣ случайности вторженія и побѣды. Онъ далъ свободный пропускъ, вѣроятно, черезъ мостъ въ Труа, и свидѣлся въ этомъ городѣ съ братомъ своимъ Сигбертомъ, которому клятвенно обѣщалъ ненарушимый миръ и искреннюю дружбу.

Узнавъ о такой измѣнѣ, Гильперикъ немедленно снялся съ позиціи своей на лѣвомъ берегу Сены и старался поспѣшнымъ отступленіемъ укрыться внутрь своихъ владѣній. Онъ шелъ не останавливаясь до окрестностей Шартра и расположился станомъ на берегахъ Луары, близъ селенія Аваллоція, что̀ нынѣ Аллюи (Alluye). Во время этого продолжительнаго шествія его постоянно преслѣдовали и тѣснили непріятельскія войска. Нѣсколько разъ Сигбертъ, думая, что онъ остановится, вызывалъ его, по германскому обычаю, на битву; но нейстрійскій король, вмѣсто отвѣта, ускорялъ ходъ и продолжалъ свой путь. Едва укрѣплялся онъ на новой позиціи, какъ вѣстникъ изъ австразійской арміи объявлялъ ему слѣдующее предложеніе: „Если ты не подлый человѣкъ, то готовь поле битвы и прими сраженіе“. Никогда подобный вызовъ, сдѣланный франку, не оставался безъ отвѣта, но Гильперикъ потерялъ всю свою природную гордость. Послѣ безполезныхъ усилій избѣжать непріятеля, доведенный до послѣдней крайности, и не чувствуя въ себѣ мужества вепря, окруженнаго псами, онъ прибѣгнулъ къ мольбамъ и просилъ мира, обѣщая дать полное удовлетвореніе (574 г.).

Сигбертъ, несмотря на свой строптивый характеръ, былъ однако великодушенъ; онъ согласился предать все забвенію, съ тѣмъ только, чтобы немедленно были ему отданы города Туръ, Пуатье, Лиможъ и Кагоръ, и чтобъ войска Теодеберта возвратились изъ-за Луары. Побѣжденный по собственному сознанію и вторично разочарованный въ своихъ надеждахъ, Гильперикъ присмирѣлъ, какъ звѣрь, пойманный въ тенета. Онъ даже выказалъ добродушіе, которое, казалось, смѣшано было въ германскомъ характерѣ съ самою звѣрскою свирѣпостью и самымъ хитрымъ эгоизмомъ, и безпокоился о томъ, что̀ постигнетъ жителей четырехъ городовъ, которые ему подчинились. „Прости имъ, говорилъ онъ брату, и не взыскивай съ нихъ; ибо если они тебѣ и измѣнили, то потому только, что я мечемъ и огнемъ къ тому ихъ принудилъ“. Сигбертъ былъ столько человѣколюбивъ, что внялъ такому заступничеству.

Оба короля казались очень довольными другъ другомъ, но въ австразійской арміи возникло сильное неудовольствіе. Войска, набранныя за Рейномъ, роптали на неожиданный миръ, лишившій ихъ добычи, которую они надѣялись пріобрѣсти въ Галліи. Они негодовали на то, что были приведены издалека не для битвъ и поживы, обвиняли короля Сигберта въ томъ, что онъ примирился, когда долженъ былъ сразиться. Весь станъ былъ въ волненіи и готовился страшный бунтъ. Король, не обнаруживъ никакого смущенія, вскочилъ на коня и прискакалъ къ толпамъ, гдѣ кричали мятежники. „Что̀ у васъ, спросилъ онъ: чего вы хотите?“ — „Битвы! закричали они со всѣхъ сторонъ: дай намъ случай сразиться и добыть сокровищъ, иначе мы не воротимся домой“. Эта угроза могла повлечь за собою новое завоеваніе земель въ нѣдрахъ Галліи и раздробленіе

франкскаго господства; но Сигбертъ нимало не смутился и, сохраняя твердость, успѣлъ безъ большого труда усмирить гнѣвъ дикарей кроткими рѣчами и обѣщаніями.

Станъ сняли и войско тронулось обратно къ берегамъ Рейна. Оно пошло по парижской дорогѣ, но не вступало въ этотъ городъ, потому что Сигбертъ, вѣрный своимъ обязательствамъ, уважалъ его неприкосновенность. Въ продолженіе всего пути австразійскія дружины разоряли мѣста, по которымъ проходили, и окрестности Парижа долго помнили ихъ шествіе. Большая часть селеній и деревень была выжжена, дома разграблены, и множество жителей отведено въ неволю, такъ что король не могъ ни предупредить, ни остановить подобныхъ насилій. „Онъ просилъ и увѣщевалъ“, говоритъ Григорій Турскій, „не дѣлать этого, но не могъ превозмочь буйства народовъ, пришедшихъ съ другого берега Рейна“.

Эти язычники входили въ церкви только для того, чтобъ обворовать ихъ. Въ богатой базиликѣ Сенъ-Дени одинъ изъ вождей взялъ кусокъ шелковой ткани, вышитой золотомъ и усыпанной драгоцѣнными каменьями, покрывавшей гробницу мученика; другой не побоялся влѣзть на самую гробницу, достать оттуда и снять копьемъ изображеніе св. Духа—золотого голубя, привѣшаннаго къ карнизу придѣла. Эти грабежи и святотатства оскорбляли Сигберта, какъ короля и какъ христіанина; но чувствуя слабость вліянія своего на духъ войска, онъ поступилъ съ нимъ, какъ дѣдъ его Клодовей съ воиномъ, разбившимъ реймскую чашу. Пока армія шла, онъ смотрѣлъ сквозь пальцы и скрывалъ свой гнѣвъ; но по возвращеніи, когда всѣ эти неукротимые воины, расходясь въ свои племена и жилища, разсѣялись по разнымъ мѣстамъ, онъ велѣлъ схватить по одиночкѣ и предать смерти тѣхъ, которые наиболѣе отличились разбоемъ и неповиновеніемъ.

Подобныя опустошенія, кажется, ознаменовали переходъ австразійцевъ и чрезъ сѣверные предѣлы бургундскаго королевства, и эта обида, тяжко оскорбившая Гунтрама, повлекла разладъ между нимъ и Сигбертомъ. Съ другой стороны, миролюбіе нейстрійскаго короля было непродолжительно; увидѣвъ себя внѣ опасности, онъ возвратился къ своей постоянной мысли и снова обратилъ жадные взоры на аквитанскіе города, которыми владѣлъ короткое время. Ссора, возникшая между братьями, казалась ему благопріятнымъ обстоятельствомъ для возобновленія своего предпріятія; онъ поспѣшилъ воспользоваться случаемъ, и менѣе нежели черезъ годъ по заключеніи мира послалъ сказать Гунтраму: „Пусть братъ мой пойдетъ со мною, мы повидаемся, и сообща пойдемъ на врага нашего, Сигберта“. Предложеніе это было очень охотно принято; оба короля имѣли свиданіе, одарили другъ друга въ знакъ дружбы и заключили наступательный союзъ противъ австразійскаго брата. Гильперикъ, въ полной надеждѣ на успѣхъ, послалъ къ берегамъ Луары новыя войска подъ начальствомъ сына своего, Теодеберта, вторично переправившагося черезъ нее въ 575 году, а самъ вступилъ въ реймскія земли, составлявшія западный предѣлъ Австразійскаго королевства. Его нашествіе сопровождалось такими же опустошеніями, какъ война Теодеберта въ Аквитаніи; онъ жегъ селенія, уничтожалъ жатвы и грабилъ все, что̀ только можно

было взять съ собою. Слухъ объ этихъ разбояхъ дошелъ до Сигберта въ одно время съ извѣстіемъ о составленномъ противъ него союзѣ. Онъ уже разъ простилъ Гильперика вопреки настояніямъ своей жены, не хотѣвшей ни мира, ни перемирія съ убійцей Гайлесвинты; теперь негодованіе его было взрывомъ человѣка, простого сердцемъ, но горячаго характеромъ, который вдругъ узнаетъ, что его обманули. Онъ разразился ругательствами и проклятіями. Но этотъ кипучій гнѣвъ, родъ горячки, припадокъ, который могъ снова утихнуть отъ покорности врага, не былъ надеженъ и не удовлетворялъ Брунегильду. Она привела въ дѣйствіе все вліяніе свое на мужа, чтобы вселить въ душу его болѣе обдуманную жажду мщенія и направить его злобу къ единственной цѣли, братоубійству. Кончить съ злодѣемъ—таковъ былъ вопль сестры Гайлесвинты. На этотъ разъ Сигбертъ ее послушалъ, и съ цѣлью биться на смерть снова воззвалъ къ восточнымъ франкамъ и зарейнскимъ народамъ, призывая ихъ къ войнѣ на Гильперика.

Для возбужденія этихъ людей, трудно сговорчивыхъ, къ борьбѣ отчаянной, австразійскій король обѣщалъ имъ все: денегъ, добычи, даже города и земли въ Галліи. Онъ пошелъ прямо къ западу, на помощь реймской области, что̀ избавило его отъ заботъ на счетъ перехода черезъ Сену. При его приближеніи Гильперикъ, избѣгая битвы, какъ и въ прежнюю войну, отступилъ вдоль по теченію Марны и искалъ удобной позиціи около Нижней-Сены. Сигбертъ преслѣдовалъ его до самыхъ стѣнъ Парижа; но тутъ остановился, польстясь мыслью завладѣть городомъ, который считался въ то время весьма крѣпкимъ, и устроить въ немъ складъ для военныхъ запасовъ, а въ случаѣ нужды и вѣрное убѣжище. Какъ ни благоразумна была такая мысль, однако, подчиняясь ей, король австразійскій поступилъ дерзко, чего, безъ сомнѣнія, не рѣшился бы сдѣлать, еслибъ жажда мщенія не заглушила въ немъ всякаго голоса совѣсти и страха.

По смыслу раздѣльнаго договора, заключеннаго восемь лѣтъ назадъ, Парижъ, размежеванный на три участка, считался городомъ нейтральнымъ, входъ въ который воспрещенъ былъ каждому изъ трехъ сыновей Лотаря подъ самою священною клятвой—подъ опасеніемъ всевозможныхъ религіозныхъ угрозъ. До сихъ поръ ни одинъ изъ братьевъ не осмѣливался преступить клятвы и презрѣть проклятія, призванныя на того, кто ее нарушитъ. Сигбертъ на это отважился: онъ предпочелъ скорѣе пожертвовать своей душою, нежели пренебречь единственнымъ средствомъ для успѣшнаго достиженія своей цѣли. Парижъ, дѣйствительно, былъ ему необходимъ какъ опорный пунктъ, или, употребляя новѣйшее выраженіе, какъ базисъ дальнѣйшихъ его дѣйствій, смотря по тому, хотѣлъ ли онъ идти на западъ, противъ Гильперика, или на югъ, противъ Теодеберта. Итакъ, вопреки договору, онъ потребовалъ сдачи города и вступилъ въ него безъ всякаго сопротивленія.

Учредивъ свое пребываніе въ Парижѣ, король Сигбертъ прежде всего занялся отправленіемъ войскъ противъ Теодеберта, который, пройдя Аквитанію по прошлогодней дорогѣ, вступилъ уже въ Лиможъ. Полоса земли между городами Туромъ и Шартромъ, заключав-

шая въ себѣ области Шатодёнъ и Вандомъ, принадлежала австразійскому королевству; Сигбертъ рѣшился набрать тамъ войско, чтобы сберечь тѣмъ силы, приведенныя имъ съ собою. Вѣстники его ходили изъ села въ село, призывая всѣхъ свободныхъ мужей явиться въ назначенномъ мѣстѣ, въ какомъ кто могъ оружіи, отъ кирасы и копья до простого ножа и окованной желѣзомъ дубины. Но ни въ городахъ, ни въ окрестностяхъ никто не отвѣчалъ на воззваніе, и несмотря на пеню въ шестьдесятъ золотыхъ солидовъ, налагаемую на ослушника королевскихъ повелѣній, жители Шатодёна, Вандома и окрестностей Тура не вооружались и не покидали жилищъ своихъ. Эти люди знали только одно, что земля ихъ составляетъ участокъ Сигберта, и что взимаемыя съ нихъ подати принадлежатъ австразійской казнѣ; а такъ какъ король, отъ котораго они зависѣли, не давалъ имъ прежде чувствовать своей правительственной власти никакимъ дѣйствіемъ, и какъ приказаніе это впервые отъ него исходило, то они и не обратили на него большого вниманія.

Еслибъ такое пассивное сопротивленіе было продолжительно, то оно заставило бы австразійскаго короля раздѣлить свои силы. Для скорѣйшаго и миролюбиваго прекращенія этого сопротивленія Сигбертъ отправилъ искуснѣйшихъ своихъ переговорщиковъ, Годегизеля, палатнаго мэра, и Гунтрама, по прозванію *Бозе*, то-есть человѣка хитраго, пронырливаго и смѣтливаго, одареннаго, несмотря на свое германское происхожденіе, тою гибкостью ума, которая составляла принадлежность только галло-римскаго племени. Оба австразійца успѣшно выполнили свое порученіе и вскорѣ перешли черезъ Луару съ войскомъ, плохо вооруженнымъ, но довольно многочисленнымъ для того, чтобъ осмѣлиться помѣрять силы свои съ франками Теодеберта.

Эти франки, и безъ того сильно напуганные извѣстіемъ объ австразійскомъ вторженіи, встревожились еще болѣе, когда узнали, что на нихъ идетъ войско и что отступленіе имъ отрѣзано. Но Теодебертъ, какъ ни упало духомъ его войско, рѣшился, какъ истинный германецъ, идти на встрѣчу непріятелю. Онъ выступилъ изъ Лиможа и шелъ занять позицію на берегахъ Шаранты, въ восьми или десяти миляхъ отъ Ангулема; во время этого перехода часть его войска разбѣжалась, такъ что передъ началомъ битвы онъ былъ почти всѣми оставленъ; несмотря на то, онъ сражался съ большимъ мужествомъ и былъ убитъ въ схваткѣ. Галльскіе поселяне, составлявшіе войско Годегизеля и Гунтрама-Бозе, не питали такого благоговѣнія къ потомкамъ Меровинга, какъ франки: безъ уваженія къ длиннымъ волосамъ, отличавшимъ сына короля Гильперика отъ прочихъ, они обобрали его наравнѣ съ другими трупами и оставили нагимъ на полѣ битвы. Но вождь австразійскій, по имени Арнульфъ, боялся такого нечестія, и хотя былъ врагомъ Теодеберту, однако съ почтеніемъ поднялъ тѣло юнаго принца, обмылъ его по обыкновенію и, облачивъ въ богатыя одежды, похоронилъ на собственный счетъ въ городѣ Ангулемѣ.

Между тѣмъ король Гунтрамъ, вторично уступивъ своимъ миролюбивымъ наклонностямъ, или побуждаемый страхомъ, примирился съ

Сигбертомъ. Гильперикъ узналъ объ этой новой измѣнѣ въ одно время съ вѣстью о смерти сына и истребленіи аквитанскаго войска. Приведенный этимъ двойнымъ несчастіемъ въ совершенное отчаяніе и помышляя только о спасеніи жизни, онъ оставилъ берега Сены, поспѣшно прошелъ чрезъ все свое королевство и укрылся въ стѣнахъ Турне съ женою, дѣтьми и преданными ему воинами. Крѣпкое положеніе этого города, первоначальной столицы франкскаго государства, побудило Гильперика избрать въ немъ убѣжище. Въ ожиданіи осады онъ занялся наборомъ людей и пополненіемъ боевыхъ запасовъ, пока Сигбертъ, свободный въ своихъ движеніяхъ по всей Нейстріи, овладѣвалъ городами этого королевства.

Занявъ тѣ, которые лежали къ сѣверу и востоку отъ Парижа, онъ направился на западъ, рѣшась все завоеванное, и города, и земли, отдать въ уплату своимъ зарейнскимъ воинамъ. Намѣреніе это возбудило во всѣхъ франкахъ, даже австразійскихъ, сильныя опасенія. Австразійцы не желали имѣть своихъ природныхъ враговъ сосѣдями въ Галліи, а нейстрійцы, съ своей стороны, страшились утраты собственности, порабощенія и всѣхъ бѣдствій, неразлучныхъ съ завоеваніемъ страны. Первые представили королю возраженія и роптали; вторые съ нимъ переговаривались. Обсудивъ между собою, какъ поступить въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, вожди и *ариманы* Нейстріи отправили къ Сигберту посланіе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Франки, которые прежде стояли за короля Гильдеберта, а потомъ сдѣлались ленниками (hommes-liges) короля Гильперика, хотятъ нынѣ предаться тебѣ, и предлагаютъ, если придешь къ нимъ, поставить тебя королемъ надъ собою“.

Таковъ былъ нѣсколько странный языкъ германской политики, и такимъ-то образомъ франки пользовались правомъ покидать правившаго ими государя и переходить подъ власть другого потомка Меровея. Королевская сила каждаго изъ сыновей Лотаря заключалась не столько въ обширности и богатствѣ земель, составлявшихъ ихъ владѣнія, сколько въ числѣ воиновъ, которые состояли подъ ихъ покровительствомъ, и, по германскому выраженію, повиновались устамъ ихъ [1]). Не было ничего положительнаго или постояннаго въ распредѣленіи франкскаго народонаселенія между королями, которыхъ оно составляло силу; оно не соотвѣтствовало въ точности очертанію земель, такъ что иной государь могъ имѣть вассаловъ даже въ чужомъ королевствѣ. Между этими вассалами или лейдами самые преданные, самые полезные, какъ тогда выражались, были тѣ, которые, живя близъ короля и составляя его постоянную стражу, пользовались, въ видѣ платы, общимъ съ нимъ столомъ или произведеніями его помѣстій. Менѣе можно было полагаться на вѣрность тѣхъ, которые поселялись вдалекѣ, въ собственныхъ своихъ жилищахъ, пользовались, съ коро-

---

[1]) *Mund*, отъ котораго происходятъ слова *mundeburdis*, *mundiburdium*, *mundeburde* и пр. (Marculfi formul. IV, стр. 757).—Судя по нѣкоторымъ корнямъ германскихъ языковъ, *ротъ* въ древней Германіи былъ символомъ власти, а *ухо*—подчиненности.

левскаго согласія, *феодомъ* или землями въ видѣ вознагражденія [1]. Они-то, для спасенія своей собственности, измѣнили дѣду Гильперика и предложили королевство Сигберту; напротивъ того, первые, болѣе вѣрные, но не столь многочисленные, послѣдовали за бѣжавшимъ королемъ своимъ въ Турне. Сигбертъ съ радостію принялъ посольство и предложеніе нейстрійцевъ; онъ увѣрилъ ихъ клятвою, что ни одинъ городъ не будетъ преданъ войскамъ на разграбленіе и обѣщалъ прибыть въ собраніе, гдѣ, по обычаю предковъ, его должны были провозгласить королемъ. Потомъ онъ совершилъ родъ военной рекогносцировки до предѣловъ Руана и, удостовѣрясь, что ни одинъ изъ крѣпкихъ городовъ на западѣ не намѣренъ ему сопротивляться, возвратился въ Парижъ.

Брунегильда, желая отклонить мужа отъ обращенія къ братской любви и для личнаго надзора за исполненіемъ своего мщенія, оставила городъ Мецъ и прибыла къ Сигберту. Она была такъ увѣрена въ несомнѣнности своего торжества, что предприняла это путешествіе съ обѣими дочерьми, Ингундою и Клодесвиндою, и сыномъ Гильдебертомъ, четырехлѣтнимъ ребенкомъ. Повозки съ ея имуществомъ были наполнены сокровищами и всѣмъ, что̀ только было у нея лучшаго изъ золотыхъ уборовъ и драгоцѣнныхъ вещей. Казалось, она, изъ женскаго тщеславія, хотѣла всѣхъ ослѣпить и явиться въ одно и то же время и великолѣпною въ своемъ уборѣ, и грозною для враговъ. Брунегильда, еще юная и замѣчательная по красотѣ своей, лучше другихъ меровингскихъ женъ соотвѣтствовала понятію о королевѣ, которое галльскій народъ создавалъ себѣ по преданіямъ ри̂мской имперіи. Дочь короля, рожденная въ странѣ, гдѣ королевская власть, хотя и въ варварскомъ племени, однако являла величіе совершенно царственное, Брунегильда вселяла общее уваженіе высокимъ родомъ и достоинствомъ своего обхожденія. Въ день ея вступленія въ Парижъ жители толпами стремились къ ней на встрѣчу; духовенство и особы сенаторскихъ фамилій спѣшили привѣтствовать ее; но человѣкъ, который, по духовному и вмѣстѣ съ тѣмъ административному значенію, стоялъ во главѣ всего города, епископъ Германъ, чтимый нынѣ во святыхъ, не вышелъ ей на встрѣчу.

То былъ поборникъ просвѣщенія и христіанской вѣры, одна изъ тѣхъ нѣжныхъ натуръ, которымъ зрѣлище римскаго міра, подвластнаго варварамъ, причиняло нестерпимое отвращеніе, и которыя истощали силы свои въ тщетной борьбѣ съ свирѣпымъ насиліемъ и страстями франкскихъ королей. Съ самаго начала междоусобной войны святой Германъ старался быть посредникомъ между Гильперикомъ и Сигбертомъ, а по прибытіи послѣдняго тщетно возобновлялъ свое ходатайство и увѣщанія. Утомленіе и печаль разстроили его здоровье: онъ занемогъ и во время тѣлесныхъ страданій настоящая и будущая судьба Галліи представлялась ему въ краскахъ еще болѣе мрачныхъ. „Отчего, восклицалъ онъ: не имѣемъ мы ни минуты спокойствія? Отчего не можемъ сказать, подобно апостоламъ, въ проме-

[1]) О значеніи *феода* и *аллода* см. Lettres sur l'hist. de France, par. A. Thierry; письмо X.—См. ниже, ст. 88.

жуткѣ двухъ гоненій: Вотъ наконецъ сносные дни? [1]). Одержимый недугомъ, не будучи въ состояніи высказать Брунегильдѣ своихъ увѣщаній въ пользу мира, онъ изложилъ ихъ письменно. Письмо это, переданное ей клерикомъ франкскаго происхожденія, по имени Гондульфомъ, и дошедшее до насъ, начинается почтительными извиненіями и увѣреніями въ преданности, потомъ продолжается слѣдующимъ образомъ:

„Стану ли повторять слухи, которые ходятъ въ народѣ? Они смущаютъ меня, и я желалъ бы имѣть возможность скрыть ихъ отъ вашего свѣдѣнія. Говорятъ, что ваши совѣты и наущенія побуждаютъ преславнаго короля Сигберта къ упорному ожесточенію на погибель нашего края. Если я повторяю подобные толки, то не потому, что имъ вѣрю, но чтобы упросить васъ не доставлять никакого повода къ такимъ важнымъ обвиненіямъ. Хотя земля наша съ давнихъ уже поръ не можетъ назваться счастливою, однако мы еще не отчаяваемся въ божіемъ милосердіи, которое властно остановить мстительную руку, лишь бы тѣ, на комъ лежитъ бремя правленія, не увлекались жаждою убійства, любостяжаніемъ, источникомъ всякаго зла, и гнѣвомъ, потемняющимъ здравый разумъ.

„Богу это извѣстно, мнѣ и того довольно: я желалъ бы умереть для продленія ихъ дней, желалъ бы умереть прежде нихъ, дабы не видѣть на глазахъ своихъ погибели ни ихъ самихъ, ни нашего края. Но они не перестаютъ пребывать въ безпрерывной войнѣ и распрѣ, обвиняя другъ друга, ни мало не помышляя о судѣ божіемъ и не желая ничего предоставить опредѣленію его всемогущей воли. Какъ ни одинъ изъ нихъ мнѣ не внемлетъ, то я къ вамъ обращаю мое моленіе, ибо если, ради ихъ раздоровъ, королевство склонится къ гибели, то ни вамъ, ни дѣтямъ вашимъ великаго торжества въ томъ не будетъ. Да возрадуется же эта страна, принявъ васъ къ себѣ; докажите, что вы призваны для спасенія, а не для погибели ея; укротивъ гнѣвъ короля, склонивъ его терпѣливо ждать суда божьяго, вы разсѣете въ прахъ всѣ дурные толки народа.

„Съ горестью пишу къ вамъ объ этомъ, ибо знаю, какъ ниспровергаются короли и народы, оскорбляющіе Господа. Кто надѣется на силу собственной руки своей, будетъ попранъ и не стяжаетъ побѣды; кто довѣрчиво полагается на многочисленность своихъ воиновъ, тотъ далекъ отъ безопасности и впадетъ въ страхъ смерти; кто величается сокровищами сребра и злата, тотъ подвергнется поруганію и бѣдствію прежде, нежели насытитъ свое любостяжаніе. Такъ мы читаемъ въ св. Писаніи.

„Безславно побѣдить собственнаго брата, подвергнуть въ униженіе родное семейство и разорить владѣніе, основанное предками. Кто ратуетъ другъ противъ друга, тотъ ратуетъ самъ противъ себя, каждый изъ нихъ стремится къ разрушенію собственнаго своего блага, а врагъ, стерегущій ихъ и уже близкій къ нимъ, радуется, видя ихъ погибель... Мы читаемъ, что царица Эсѳирь была орудіемъ Бога для

---

[1]) Germani Paris, episc. Epist., apud. *Script. rer. gallic. et franc.*, т. IV. стр. 80.

спасенія цѣлаго народа; возсіяйте же и вы благоразуміемъ и чистотою вашей вѣры, отклоняя государя короля Сигберта отъ намѣренія, противнаго божескому закону, и даруя народу наслажденіе благами міра, пока вѣчный Судія не изречетъ суда своего. Кто отвергнетъ любовь братскую, пренебрежетъ увѣщаніями супруги, не вонметъ гласу истины, на того всѣ пророки ополчатся глаголомъ, того всѣ апостолы поразятъ проклятіемъ, и самъ Богъ разсудитъ его по своей всемогущей волѣ".

Чувство горести, напечатлѣнное на каждомъ словѣ этого письма, нѣсколько высокомѣрная важность слога и даже презрительный способъ рѣчи о короляхъ, не называя ихъ,—все это имѣло въ себѣ нѣчто повелительное; но все было безполезно. Брунегильда имѣла характеръ въ высшей степени мстительный и непреклонный, образецъ котораго олицетворенъ въ древней германской поэзіи въ женщинѣ того же имени [1]). Она не обратила вниманія ни на угрозы религіи, ни на эти старыя предостереженія людской опытности относительно превратности счастія. Нимало не помышляя о своемъ положеніи, дѣйствительно затруднительномъ въ томъ случаѣ, еслибы мужъ подвергся какой-нибудь неудачѣ, она болѣе нежели когда-либо сгорала нетерпѣніемъ дождаться отъѣзда его въ Турне, чтобъ нанести тамъ послѣдній ударъ и увѣнчать свою побѣду братоубійствомъ.

Сигбертъ послалъ сначала часть войска обложить Турне и начать осаду; самъ же готовился къ отправленію туда, гдѣ предназначено было поставить его королемъ западныхъ франковъ. Ни Парижъ, ни другой какой городъ не могли быть удобны для этого обряда, которому надлежало совершиться на открытомъ воздухѣ, посреди воинскаго стана. Сборнымъ мѣстомъ избрано было королевское помѣстье Нейстріи, Витри-на-Скарпѣ, потому ли, что оно лежало невдалекѣ отъ Турне, или, можетъ быть, потому, что сѣверное положеніе дѣлало его болѣе удобнымъ для сбора франкскаго народа, который, чѣмъ ближе къ сѣверу, тѣмъ гуще населялъ Галлію. Въ минуту отъѣзда, когда король отправлялся въ путь, въ сопровожденіи отборной дружины всадниковъ, всѣхъ одинаково вооруженныхъ раскрашенными щитами и копьями со значкомъ, внезапно предсталъ предъ нимъ мужъ, блѣдный, въ святительскомъ облаченіи, то былъ епископъ Германъ, возставшій съ болѣзненнаго одра для послѣдней и торжественной попытки къ примиренію. „Король Сигбертъ, сказалъ онъ: если ты идешь не съ тѣмъ, чтобы умертвить своего брата, то возвратишься здравъ и побѣдоносенъ; но если у тебя другая мысль, то умрешь самъ: ибо рекъ Господь устами Соломона: копаяй яму для брата впадетъ въ ню". Король нимало не былъ смущенъ этой неожиданной рѣчью, намѣреніе его было твердо, и онъ увѣренъ былъ въ побѣдѣ. Онъ проѣхалъ мимо, не отвѣтивъ ни слова, и скоро потерялъ изъ виду городскія ворота, за которыми жена и трое дѣтей остались до возвращенія его.

Проѣздъ Сигберта черезъ королевство, которое принадлежало ему

---

[1]) *Брингильда* въ скандинавской Эддѣ, и *Брунгильта* въ Нибелунгахъ. Это сходство именъ совершенно случайно.

по праву избранія, казался предварительнымъ торжествомъ. Городскіе жители галльскаго происхожденія и духовенство встрѣчали его съ крестнымъ ходомъ; франки садились на коней и примыкали къ его поѣзду. Всюду раздавались клики на языкахъ латинскомъ и древне-германскомъ. Отъ береговъ Сены до Соммы галло-римляне, въ отношеніи къ численности, были господствующимъ народомъ; но къ сѣверу отъ этой рѣки германскій оттѣнокъ обнаруживался все болѣе и болѣе. Чѣмъ далѣе подвигались впередъ, тѣмъ чаще въ массѣ туземцевъ являлись лица франкскаго происхожденія: они не составляли, подобно тому, какъ въ центрѣ Галліи, только небольшія дружины праздныхъ воиновъ, разселенныхъ вдалекѣ одни отъ другихъ, но жили племенами и земледѣльческими поселеніями по берегамъ болотъ и окраинамъ лѣсовъ бельгійской провинціи. Витри, близъ Дуэ, находился, такъ сказать, на рубежѣ между этими двумя полосами; франки сѣверные, хлѣбопашцы и фермеры, и франки южные, боевые вассалы, съ равнымъ удобствомъ могли тамъ сойтись для провозглашенія новаго короля. Одинъ только изъ числа богатыхъ владѣльцевъ и вождей Нейстрійскаго королевства, по имени Ансовальдъ, не явился на сборище; отсутствіе его было замѣчено и впослѣдствіи прославило его за вѣрность королю въ несчастіи.

Обрядъ совершился на равнинѣ, окруженной шатрами и ставками тѣхъ, кому, за недостаткомъ помѣщенія въ домахъ Витри, пришлось расположиться въ открытомъ полѣ. Франки, въ полномъ вооруженіи, образовали обширный кругъ, въ срединѣ котораго сталъ король Сигбертъ, окруженный своими чиновниками и вельможами. Къ нему подошли четыре сильные воина, держа щитъ, на который они посадили короля и подняли на плечи. На такомъ подвижномъ тронѣ Сигбертъ трижды обнесенъ былъ по кругу, сопровождаемый вождями и привѣтствуемый толпою, которая, желая придать болѣе шума своимъ крикамъ, ударяла мечами плашмя о щиты, окованные желѣзомъ. Послѣ третьяго круга посвященіе короля по древнимъ германскимъ обрядамъ было совершено вполнѣ, и съ этой минуты Сигбертъ имѣлъ право воспользоваться названіемъ короля франковъ, какъ *Остеръ-* такъ и *Неостеръ-Рика*. Остальная часть дня и нѣсколько послѣдовавшихъ затѣмъ дней прошли въ увеселеніяхъ, потѣшныхъ битвахъ и великолѣпныхъ пирахъ, на которыхъ король, не жалѣя запасовъ, собранныхъ въ Витри, угощалъ всѣхъ и каждаго въ своемъ новомъ помѣстьѣ.

Въ нѣсколькихъ миляхъ оттуда Турне, осажденный австразійскимъ войскомъ, былъ театромъ сценъ иного рода. Насколько Гильперикъ могъ по своей грубой натурѣ предаваться душевнымъ страданіямъ, онъ чувствовалъ горесть человѣка, всѣми покинутаго и низложеннаго; Фредегунда, волнуясь отъ страха и отчаянія, приходила, какъ дикій звѣрь, въ бѣшенство. Во время пріѣзда въ Турне она была беременна, и почти въ концѣ; вскорѣ же потомъ, посреди тревогъ осады и опасеній смерти, одолѣвавшихъ ее днемъ и ночью, она родила сына. Въ первую минуту, по неимѣнію присмотра и пищи, она хотѣла бросить и погубить ребенка, котораго считала новою причиной опасности; но это было одною мгновенною мыслью, и материнская нѣж-

ность превозмогла. Новорожденный былъ окрещенъ и воспринятъ отъ купели епископомъ Турне, причемъ, вопреки франкскимъ обычаямъ, получилъ чуждое германскому языку имя Самсона, которое родители его, бѣдствуя, избрали въ предзнаменованіе своего освобожденія (575 г.).

Считая положеніе свое почти безнадежнымъ, король ждалъ развязки съ какимъ-то безстрастіемъ; но королева, не столь слабая духомъ, придумывала тысячу различныхъ средствъ, составляла проекты для бѣгства и, осматриваясь кругомъ, ловила малѣйшій лучъ надежды. Между воинами, пришедшими въ Турне дѣлить участь своего государя, она замѣтила двухъ, которые лицомъ и рѣчами обнаруживали ей глубокое сочувствіе и преданность: то были двое юношей, родомъ изъ теруанской области, происхожденіемъ франки, склонные къ тому фанатическому самоотверженію, которымъ такъ тщеславились вассалы среднихъ вѣковъ. Для привлеченія этихъ двухъ воиновъ Фредегунда употребила все свое искусство, всѣ обаянія своей власти: она призвала ихъ къ себѣ, говорила о своемъ злополучіи и безнадежности положенія, отуманила головы ихъ хмельными напитками, и когда увѣрилась, что они совершенно обворожены, стала убѣждать ихъ отправиться въ Витри и умертвить короля Сигберта. Молодые воины обѣщали исполнить все, что̀ бы ни приказала имъ королева; тогда, вручивъ каждому изъ нихъ по длинному ножу, или, какъ называли ихъ франки, *скрамасаксы*, лезвее ихъ, для большей предосторожности, она намазала ядомъ. „Идите, сказала она имъ: и если воротитесь живы, я осыплю почестями и васъ, и потомство ваше; если же падете, то во всѣ святыя мѣста раздамъ за васъ милостыню [1])“.

Юноши вышли изъ Турне и, выдавъ себя за бѣглецовъ, прошли сквозь австразійское войско и направились по дорогѣ, ведшей къ королевскому помѣстью Витри. Когда они прибыли туда, во всѣхъ покояхъ дворца раздавалось еще веселіе пировъ и празднествъ. Они объявили, что пришли изъ нейстрійскаго королевства поклониться королю Сигберту и переговорить съ нимъ. Въ эти первые дни правленія Сигбертъ старался быть привѣтливымъ и принималъ всякаго, кто требовалъ отъ него суда или защиты. Нейстрійцы просили свиданія наединѣ и были безъ труда къ тому допущены; ножи, заткнутые за поясомъ, не возбудили ни малѣйшаго подозрѣнія, потому что составляли принадлежность германской одежды. Пока король слушалъ ихъ благосклонно, одного съ одной, а другого съ другой стороны, они разомъ выхватили свои скрамасаксы и въ то же время нанесли ему два удара въ бокъ. Сигбертъ вскрикнулъ и упалъ мертвый. На этотъ крикъ вбѣжали съ обнаженными мечами королевскій окольничій (camerier) Гарегизель, и одинъ готъ, по имени Сигила; первый былъ убитъ, а второй раненъ убійцами, оборонявшимися съ изступленною яростью. Но вслѣдъ затѣмъ подоспѣли другіе вооруженные воины; комната наполнилась народомъ, и оба нейстрійца, окруженные со всѣхъ сторонъ, пали въ неравномъ бою (575 г.).

---

[1]) Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 230.—Gasta rer. franc., стр. 562.—*Скрамасаксъ*—ножъ для защиты.

Узнавъ объ этомъ происшествіи, австразійцы, осаждавшіе Турне, поспѣшно снялись и пошли обратно въ свою землю. Каждый изъ нихъ нетерпѣливо желалъ узнать, что происходитъ у него дома, потому что неожиданная смерть короля должна была возбудить въ Австразіи тьму безпорядковъ, насилій и грабежей. Такимъ образомъ, эта страшная и многочисленная армія направилась обратно къ Рейну, оставивъ Гильперика и давъ ему свободу двинуться куда угодно. Избѣжавъ почти несомнѣной гибели, онъ покинулъ Турне, дабы сперва вступить во владѣніе своимъ королевствомъ. Помѣстье Витри, свидѣтель столькихъ событій, было мѣстомъ, куда онъ прежде всего отправился. Онъ не нашелъ уже тамъ блистательнаго собранія нейстрійцевъ; всѣ они возвратились къ своимъ занятіямъ; только нѣсколько австразійскихъ слугъ стерегли тѣло Сигберта. Гильперикъ увидѣлъ трупъ этотъ безъ угрызеній совѣсти и безъ вражды, и пожелалъ, чтобы похороны брата были достойны королевскаго сана. По его приказанію, Сигбертъ былъ облаченъ, по германскому обычаю, въ драгоцѣнныя одежды и оружіе, и великолѣпно погребенъ въ деревнѣ Ламбръ-на-Скарпѣ.

Такова была развязка этой длинной драмы, начавшейся убійствомъ и окончившейся тѣмъ же—настоящей трагедіи, въ которой есть все: и страсти, и характеры, и суровый рокъ, составлявшій душу древней трагедіи и придающій событіямъ дѣйствительной жизни высокое величіе поэзіи. Нигдѣ не видна такъ ясно печать непреодолимой судьбы, какъ въ исторіи меровингской династіи. Эти сыны полудикихъ завоевателей, рожденные съ отцовскими понятіями въ наслажденіяхъ роскоши и искушеніяхъ власти, не знали страстямъ своимъ ни мѣры, ни воздержанія. Тщетно люди, болѣе ихъ опытные въ дѣлахъ міра и способѣ жизни, возвышали голосъ свой, склоняя ихъ къ умѣренности и благоразумію: они не внимали ничему и губили себя по невѣжеству. И тогда говорили: перстъ Божій на нихъ. Таково христіанское изреченіе; но видя, какъ слѣпо увлекались они потокомъ своихъ грубыхъ побужденій и безпорядочныхъ страстей, подобно ладьѣ, уносимой теченіемъ, можно было, даже не бывъ пророкомъ, угадать и предсказать конецъ, ожидавшій почти всѣхъ ихъ.

Однажды, когда семейство Гильперика, возстановленное въ своемъ величіи, жило въ бренскихъ хоромахъ, два галльскіе епископа, Сальвій Альбійскій и Григорій Турскій, прогуливались вдвоемъ вокругъ дворца, послѣ аудіенціи. Среди бесѣды, какъ бы пораженный внезапною мыслью, Сальвій вдругъ прервалъ разговоръ и сказалъ Григорію: „Не видишь ли чего надъ кровлей этого зданія?“ — Вижу, отвѣчалъ турскій епископъ:— новый теремъ, выстроенный королемъ. — „И больше ничего не замѣчаешь?“ —Ничего, возразилъ Григорій: если ты замѣтилъ еще что-нибудь, скажи мнѣ, что такое?—Епископъ Сальвій глубоко вздохнулъ и сказалъ: „Я вижу мечъ гнѣва божія, висящій надъ этимъ домомъ“ [1]). Черезъ пять лѣтъ король нейстрійскій погибъ жестокою смертью.

Брунегильда получила извѣстіе объ этой катастрофѣ въ Парижѣ, куда и поспѣшилъ Гильперикъ, чтобы захватить ее въ свои руки.

Авг. Тьерри.

Réc. des temps Mérоving. Разсказъ второй

[1]) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 264.

См. выше, примѣч. къ ст. 27.—Полный переводъ всѣхъ семи разсказовъ на русскій языкъ сдѣланъ редакціею журнала Отеч. Зап., какъ прибавленіе къ V книжкѣ 1848 года, за исключеніемъ Préface и Considérations sur l'histoire de France, въ семи главахъ.

81.—Лѣнивые короли.

(въ 820 г.).

Домъ Меровинговъ, изъ котораго въ прежнее время франки избирали себѣ королей, прекратился, какъ обыкновенно то принимаютъ, вмѣстѣ съ королемъ Гильдерикомъ (III), который по приказанію римскаго папы Стефана [1]) былъ низложенъ, обстриженъ и заточенъ въ монастырь. Хотя этотъ родъ угасъ только съ его смертью, но онъ уже давно не имѣлъ никакой жизненной силы и обращалъ на себя вниманіе однимъ тщеславнымъ титуломъ королей, потому что могущество и государственная власть находились въ рукахъ высшихъ сановниковъ двора, называвшихся *майордомами*, которые собственно управляли государствомъ. На долю короля оставалось только довольствоваться однимъ королевскимъ титуломъ и представлять собою изображеніе правителя, возсѣдая на тронѣ съ длинными волосами и отпущенною бородою [2]) и выслушивая отовсюду являвшихся къ нему посланниковъ, которымъ онъ давалъ, при прощаніи, отвѣты, заранѣе ему продиктованные и заученные наизусть такимъ образомъ, что можно было подумать, будто онъ говорилъ отъ самого себя.

Король, кромѣ безполезнаго титула и скуднаго содержанія, которое выдавалъ ему майордомъ по своему усмотрѣнію, имѣлъ единственное, впрочемъ очень мало доходное, помѣстье, составлявшее его собственность, помѣщеніе и прислугу, весьма немногочисленную и едва достаточную для самаго необходимаго. Всюду, куда бы король ни отправлялся, онъ ѣхалъ въ повозкѣ, запряженной парою воловъ, которыми правилъ пастухъ. Такъ онъ ѣздилъ во дворецъ, на народныя собранія, которыя ежегодно происходили для блага государства; тѣмъ же порядкомъ онъ отправлялся и обратно домой. Самое же управленіе государствомъ и все, что̀ только нужно было привести въ исполненіе или устроить во внутреннихъ или внѣшнихъ дѣлахъ, о всемъ этомъ заботился майордомъ [3]).

---

[1]) Еще папа Захарій, умершій въ 755 г., незадолго передъ своею смертью далъ такое приказаніе, которое его преемникъ Стефанъ только подтвердилъ.

[2]) „Волосы и борода были признаками и украшеніемъ, свойственными классу знатныхъ свободныхъ. Кто позволялъ остричь себѣ волосы и бороду, тотъ подчинялся тѣмъ какъ бы отцовской власти того, кто его остригъ. (См. у Павла Дьякона IV, 40; VI, 52). Свободный могъ переходить въ рабство одною передачею своихъ остриженныхъ волосъ“. *J. Grimm.*, Deutsche Rechtsalterthümer, стр. 146 и 239.

[3]) Пояснительнымъ примѣромъ для этого краткаго выраженія значенія майордома можетъ служить одно мѣсто въ „Хроникѣ города Метца“ (Annales Mettenses

Въ то время, когда Гильперикъ былъ низложенъ, званіе майордома носилъ отецъ короля Карла, Пипинъ, и притомъ по праву наслѣдства. Отецъ Пипина, Карлъ (Мартеллъ) отлично дѣйствовалъ въ этомъ званіи, полученномъ имъ отъ своего отца Пипина (т.-е. Геристальскаго); въ это же званіе выбирали только тѣхъ изъ франковъ, которые превосходили другихъ древностью своего высокаго рода и богатствомъ владѣній. Карлъ (Мартеллъ) отнялъ у вельможъ ту огромную власть, которую они себѣ присвоили-было во всей франкской землѣ; прогналъ обратно въ Испанію сарацинъ, помышлявшихъ о завоеваніи Галліи, разбивъ ихъ на голову въ двухъ большихъ сраженіяхъ, сперва въ Аквитаніи, у города Пиктавія [1]), а потомъ на рѣкѣ Биррѣ, близъ Нарбоны.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ Пипинъ, отецъ короля Карла (т.-е. Великаго) вмѣстѣ съ своимъ братомъ Карломаномъ отправлялъ наслѣдованную ими отъ отца должность въ совершенномъ согласіи другъ съ другомъ, оставляя тѣнь власти королю Гильдерику (III), Карломанъ отказался отъ заботъ о мірскихъ дѣлахъ по неизвѣстнымъ причинамъ, но вѣроятно изъ любви къ жизни созерцательной, и удалился на свободѣ въ Римъ. Тамъ онъ сложилъ съ себя свѣтскую одежду, сдѣлался монахомъ и нѣсколько лѣтъ, вмѣстѣ съ прочею братіею, прибывшею съ нимъ для той же цѣли, пользовался желаннымъ спокойствіемъ на горѣ Сарактѣ [2]), гдѣ онъ построилъ монастырь при церкви св. Сильвестра (747 г.). Но скоро онъ принужденъ былъ искать другого убѣжища, потому что его либимое спокойствіе очень часто было нарушаемо многими знатными франками, которые, исполняя свои обѣты, совершали путешествія въ Римъ и заходили съ привѣтствіями къ своему прежнему повелителю. Когда онъ увидѣлъ, что эти многочисленныя посѣщенія мѣшаютъ его цѣли, то оставилъ гору и удалился въ провинцію Самніумъ, въ монастырь свят. Бенедикта, на горѣ Казино, гдѣ и провелъ остатокъ дней своихъ, ведя благочестивый образъ жизни [3]).

Пипинъ, по опредѣленію римскаго папы, былъ возведенъ изъ майордомовъ въ короли (752 г.). Послѣ того какъ онъ съ небольшимъ

у *Pertz*, Mon. Germ. I, 314—336) подъ 692 г., гдѣ говорится о Пипинѣ Геристальскомъ, отцѣ Карла Мартелла:

„Каждый годъ, перваго марта, по старому обычаю, онъ созывалъ франковъ на всеобщее собраніе, въ которомъ, при уваженіи Пипина къ королевскому имени, предсѣдательство предоставлялось тому, кого онъ самъ въ своемъ уничиженіи и кротости поставилъ выше себя. На этомъ собраніи принимались подарки отъ всѣхъ франкскихъ вельможъ, разсуждали о мирѣ и защитѣ церкви Господней, вдовъ и сиротъ, опредѣлялись наказанія за похищеніе женщинъ и за поджоги, отдавались приказанія людямъ военнымъ быть наготовѣ, чтобы имѣть возможность, какъ только получатъ приказаніе, двинуться по назначенію. Покончивъ всѣ эти дѣла, Пипинъ отправлялъ короля съ почетной свитой въ его помѣстье *Мамакку*“ (н. Maumagues, на лѣвомъ берегу р. Оазы, въ окрестностяхъ г. Нойона).

[1]) Т.-е. Пуатье.

[2]) Monte-Orete, къ сѣверу отъ Рима.

[3]) Онъ умеръ въ Віеннѣ, 17 августа 755 г.

пятнадцать лѣтъ (752—768) правилъ единовластно франками и кончилъ войну противъ герцога Вайфара Аквитанскаго, продолжавшуюся 9 лѣтъ сряду; онъ умеръ въ Парижѣ отъ водяной болѣзни, оставивъ послѣ себя двухъ сыновей, Карла и Карломана, которые милостью божіей наслѣдовали королевство. Сами франки, на всеобщемъ собраніи народа, поставили ихъ обоихъ королями, однако съ условіемъ, чтобы они раздѣлили государство на двѣ равныя части: *Карлъ* долженъ былъ получить ту часть, которою владѣлъ отецъ его Пипинъ, а *Карломанъ* другую, которою когда-то управлялъ дядя его Карломанъ. Это условіе было принято съ обѣихъ сторонъ, и каждый вступилъ во владѣніе своею частью, которая ему досталась по опредѣленію (*768 г.*).

Миръ между ними сохранялся съ величайшимъ трудомъ, потому что приверженцы Карломана старались разссорить братьевъ и хотѣли даже возбудить между ними войну. Но такое опасеніе, какъ показали послѣдствія, не имѣло твердаго основанія: послѣ смерти Карломана, жена [1]) его съ своими дѣтьми и знатнѣйшими приверженцами убѣжала въ Италію, и, бросивъ безъ всякой причины брата своего мужа, отдалась вмѣстѣ съ семействомъ подъ покровительство лонгобардскаго короля Дезидерія. Карломанъ, послѣ *двухъ* [2]) лѣтъ правленія вмѣстѣ съ своимъ братомъ, умеръ отъ болѣзни. Карлъ же, по смерти брата, былъ, по всеобщему признанію, провозглашенъ королемъ франковъ (771 г.).

Эгингардъ.

Жизнь Карла Великаго. I—IV.

Эгингардъ (Eginhardus или Einhardus, ум. аббатомъ монастыря фонтенельскаго въ 844 г.), родомъ франкъ изъ земли гессенской, получилъ воспитаніе при дворѣ Карла В., и былъ впослѣдствіи самымъ приближеннымъ къ нему лицомъ. Между прочими его сочиненіями самое замѣчательное: „Жизнь Карла Великаго“ (Vita Karoli Magni imperatoris: 750—815); оно составило эпоху въ историческомъ искусствѣ среднихъ вѣковъ, и по своему содержанію и формѣ отступило отъ привятаго изложенія хроникъ. Эгингардъ написалъ этотъ трудъ вскорѣ послѣ смерти Карла (814 г.), и во всякомъ случаѣ ранѣе 821 года.—О жизни и сочиненіяхъ Эгингарда см. подробнѣе во II томѣ, въ примѣчаніи къ ст. 1.

82.—О значеніи и происхожденіи власти палатнаго мэра.

(1831 г.).

Первымъ палатнымъ мэромъ, упоминаемымъ въ лѣтописяхъ, былъ *Гогонъ* (Goggon), посланный въ Испанію къ Атанагильду просить

---

[1]) *Гирберга*, какъ ее называютъ другіе лѣтописцы; она родила въ 770 г. сына Пипина.

[2]) Это показаніе не точно: Пипинъ-Короткій умеръ 24 сент. 768 г., въ томъ же году, 18 окт., былъ коронованъ Карломанъ, и умеръ 4 дек. 771 г., слѣдов. онъ правилъ не два, но слишкомъ три года.

отъ имени Сигберта руки Брунегильды (около 565 г.). Самое званіе палатнаго мэра имѣетъ два источника для своего происхожденія: римскій и франкскій или германскій. Въ римской имперіи, при дворѣ цезарей, такимъ палатнымъ мэромъ можетъ считаться такъ называемый *magister officiorum*, который, при императорахъ, успѣлъ пріобрѣсть такое же могущество, какъ *мэръ* въ домѣ короля франковъ. Если такимъ образомъ разсматривать званіе мэра съ точки зрѣнія его римскаго происхожденія, то мы должны будемъ сказать, что оно при Сигбертѣ и его предшественникахъ было временнымъ, при Лотарѣ пожизненнымъ, и наслѣдственнымъ при Клодовеѣ II: оно не могло соединяться съ званіемъ пресвитера и епископа. У писателей того времени палатный мэръ носилъ различныя названія: magister palatii, praefectus aulae, rector aulae, gubernator palatii *major domus*, rector palatii, moderator palatii, praepositus palatii, provisor aulae regiae, provisor palatii.

Разсматривая со стороны франкскаго происхожденія, палатный мэръ былъ именно тѣмъ *dux*, герцогомъ (Heerzog), или военнымъ предводителемъ, избраніе котораго зависѣло сколько отъ короля, столько и отъ дружины; еще Тацитъ сказалъ: *Reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt* [1]). Вотъ причина необыкновенности того явленія, что у одного и того же народа совмѣщались двѣ независимыя другъ отъ друга верховныя власти. Могло легко случиться, и дѣйствительно случилось, что одна изъ нихъ получила перевѣсъ. Мэры, обнаруживъ въ себѣ качества великихъ людей, чего не представляли ихъ властители, кончили тѣмъ, что вытѣснили ихъ. Начавъ съ уничтоженія общихъ сеймовъ, они захватили въ свои руки и королевство, овладѣвъ такимъ образомъ единовременно и властью, и свободой. Но палатные мэры нисколько не были мятежниками: они имѣли право одержать верхъ, потому что ихъ власть проистекала или отъ народа, или отъ того, кто былъ избранъ его представителемъ, а не отъ короля; ихъ народное избраніе, какъ начальниковъ арміи, давало имъ законную власть. Необходимо потому отложить въ сторону тѣ старыя мнѣнія, по которымъ палатные мэры разсматривались, какъ мятежные подданные, притѣснявшіе своихъ властителей и покусившіеся на ихъ корону. Одинъ—король, другой—начальникъ арміи, но властвующій тѣмъ не менѣе на основаніи избранія (reges et duces sumunt), сталкиваются взаимно; послѣдній торжествуетъ надъ первымъ, вотъ и все. Представитель одного сана погибаетъ, и званіе палатнаго мэра соединяется съ королевскимъ достоинствомъ, чрезъ одно и то же избраніе. Не было бы потеряно столько времени на чтенія и изысканія, съ цѣлью порицать или оправдать узурпацію палатныхъ мэровъ, не было бы столько пущено въ ходъ глубокихъ соображеній объ опасностяхъ должности, берущей перевѣсъ, еслибъ обратили все вниманіе на двойственное происхожденіе званія палатнаго мэра, который вовсе не былъ исключительнымъ magister officiorum, т.-е. министромъ королевскаго двора, а слѣдовательно королевскимъ чиновникомъ, но

---

[1]) „Короли выбираются по знатности происхожденія, а герцоги (duces) по доблести". Тац., *Герм.*

который былъ въ то же время, и еще болѣе, военнымъ предводителемъ, свободно избраннымъ своими сподвижниками. Слово „избраніе" встрѣчается въ лѣтописяхъ очень часто, когда дѣло идетъ о назначенія палатнаго мэра, и не разъ повторяется въ нихъ выраженіе въ родѣ слѣдующаго: Omnes Austrasii, cum *eligerent* Chrodinum majorem domus, etc., т.-е. „Всѣ австразійцы, *избравъ* Кродина майордомомъ" и т. д.

Шатобріанъ.

Analyse raisonnée de l'hist. de France.

См. выше, примѣчаніе къ ст. 21.—„Анализъ исторіи Франціи" Шатобріана стоитъ въ связи съ Etudes historiques того же автора, и имѣетъ то же самое значеніе. Шатобріанъ оказываетъ услугу наукѣ не микроскопическимъ изслѣдованіемъ памятниковъ и анализовъ ихъ по буквамъ, но проницательностью воззрѣнія и свѣжестью мысли, которая отразилась на послѣдующихъ поколѣніяхъ и вызвала ихъ къ ученой дѣятельности. Потому Вильмень (*Villemain.* M. de Chateaubriand, sa vie, ses écrits etc., стр. 555) весьма справедливо замѣчаетъ, говоря: „Шатобріанъ, надобно въ томъ сознаться, подѣйствовалъ живительно и на воображеніе людей, и на критику, и на исторію. Вотъ въ чемъ заключается его право на великое мѣсто, которое ему принадлежитъ въ судьбахъ современной образованности, несмотря на всѣ его собственныя заблужденія и превратность времени. Начиная съ Байрона до Августина Тьерри, почти на каждомъ талантѣ нашей эпохи отпечатлѣлся геній Шатобріана, а при помощи этихъ талантовъ онъ проникъ и въ духъ самаго вѣка".

83.—Карлъ-Мартеллъ майордомъ.

(874 г.).

Карлъ, бывшій майордомомъ и княземъ австразійцевъ (Karolus major domus et princeps Austrasiorum), предавъ все опустошенію и разоривъ владѣнія саксовъ, дошелъ до мѣстечка Визора. Ратбодъ, герцогъ фризовъ, умираетъ, и Карлъ наноситъ войну саксамъ, и съ той, и съ другой стороны пало множество мертвыхъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ вторгся въ Байоварію и подчинилъ ее своей власти, хотя и съ большимъ трудомъ. Когда же она снова возстала, онъ прибылъ туда вторично и при помощи своего храбраго войска усмирилъ ее. Затѣмъ Карлъ опять отправился въ Саксонію, а оттуда пошелъ на свевовъ противъ Лантфрида, и наказалъ ихъ за причиненныя ими большія опустошенія. Изъ земли саксовъ онъ двинулъ свое войско противъ Эвдона (Eudo, Odo), герцога аквитанцевъ, и дошелъ до самой Гасконіи, обративъ непріятеля въ бѣгство.

Сарацины же, придя въ Галлію съ многочисленнымъ войскомъ и сопровождаемые огромнымъ флотомъ, опустошили вдоль и поперекъ

множество городовъ Аквитаніи Вьенской провинціи. Карлъ выступилъ въ походъ противъ нихъ, разбилъ ихъ жестоко и принудилъ вернуться въ Испанію. Эта битва произошла въ октябрѣ мѣсяцѣ. Онъ велъ много и другихъ войнъ въ различныхъ странахъ и по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ снова прибылъ въ Гасконію, опустошилъ Аквитанію, а послѣ смерти Эвдона Карлъ началъ войну съ его сыновьями и довелъ ихъ до крайняго положенія. Исходъ этой войны былъ сомнителенъ, потому что съ обѣихъ сторонъ много пало, и они рѣшились заключить миръ, который впрочемъ продолжался недолго.

Сарацины же, опустошивъ почти всю Аквитанію и широко разнеся огонь и желѣзо по прочимъ провинціямъ, причинили злѣйшее опустошеніе Бургундіи. Эта страна почти вся была предана пламени, монастыри осквернены, равно какъ и прочія святыя мѣста, и безчисленное множество народу захвачено въ плѣнъ и отправлено въ Испанію. Карлъ опять отправился въ походъ противъ сарацинъ. Онъ сразился съ ними храбро, множество истребилъ, а прочихъ, которые пережили пораженіе, принудилъ къ бѣгству; но между ними спаслись немногіе.

Въ городѣ Вьеннѣ Виликарій наслѣдовалъ преподобному епископу Австреберту. Во время нашествія сарацинъ, когда они сожгли знаменитую церковь свят. мучениковъ, находившуюся по ту сторону Роны, Виликарій перенесъ кости блаженнаго Ферреола, вмѣстѣ съ головой Юліана мученика, въ городъ. Вскорѣ онъ построилъ тамъ небогатую церковь въ честь этихъ святыхъ, въ которой онъ и положилъ ихъ мощи. Тотъ же Виликарій, когда ожесточенные и нѣсколько обезумѣвшіе франки начали присвоивать себѣ святыя церковныя утвари, видя, что и его вьеннская церковь недостойно унижается, отказался отъ епископской власти и вступилъ въ монастырь святыхъ мучениковъ въ Агаунѣ, гдѣ онъ велъ благочестивую жизнь.

Послѣ опустошенія Вьенской и Ліонской провинцій, церкви обѣихъ этихъ странъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ оставались безъ епископовъ, а святыя церковныя утвари перешли въ святотатственныя и варварскія руки свѣтскихъ людей. Въ семьсотъ-сорокъ-второй годъ по воплощеніи Господнемъ умеръ Карлъ, сынъ Пипина, герцогъ франковъ (dux Francorum), власть его перешла къ Карломану и брату его Пипину; Гильдерика же помѣщаютъ (substituitur) на престолѣ франковъ.

Адо.

Сокращ. хроника о шести возраст. міра. 714—741 г.

Адо (Ado, ум. 874 г.), епископъ города Вьенны, составилъ Chronicon, sive Breviarium chronicorum de sex mundi aetatibus ab Adamo usque ad a. 869. Изданіе: у *Pertz*: Monum. Germaniae, II, стр. 315—323, съ двумя безъименными продолженіями до 1031 г. Этотъ трудъ можетъ дать понятіе вообще о формѣ и характерѣ безчисленныхъ средневѣковыхъ хроникъ; о сраженіи при Пуатье съ маврами, напримѣръ, говорится заурядъ съ какою-нибудь стычкою съ саксами.

84.—Письмо Григорія III къ Карлу-Мартеллу.

(740 г.).

Мы находимся въ крайней нуждѣ, и денно и нощно льются слезы изъ очей нашихъ, ибо мы должны постоянно смотрѣть на то, какъ церковь Господня оставлена тѣми, на которыхъ она возложила свои надежды, и какъ Луитпрандъ, и Гильпрандъ, короли лонгобардовъ, огнемъ и мечомъ уничтожаютъ въ Равеннѣ все, что̀ уцѣлѣло отъ прошлогодняго опустошенія. Они даже и сюда, въ римскіе предѣлы, прислали свои войска и подобный же вредъ причинили намъ и теперь еще причиняютъ: они разрушили все крыльцо св. Петра и, что̀ только нашли, все унесли съ собою. А отъ тебя [1]), нашъ свѣтлѣйшій сынъ, къ которому мы обратились какъ къ нашему прибѣжищу, до сихъ поръ нѣтъ еще никакой помощи. По крайней мѣрѣ заставьте этихъ королей, оставивъ всѣ притязанія, вывести назадъ свои войска, если ихъ ложныя представленія имѣютъ для васъ болѣе вѣсу, чѣмъ наша истина. Они теперь насмѣхаются надъ нами и говорятъ: „Можетъ себѣ приходить вашъ Карлъ, котораго вы призывали на помощь, вмѣстѣ съ войскомъ франковъ; пусть они, если въ состояніи, помогутъ вамъ и вырвутъ васъ изъ нашихъ рукъ“.

Не вѣрь, мой сынъ, льстивымъ доносамъ и совѣтамъ этихъ королей; это чистая ложь, что они тебѣ пишутъ о герцогахъ сполеттскомъ и беневентскомъ, будто бы тѣ провинились предъ ними. Они сами преслѣдуютъ герцоговъ, и единственно потому, что тѣ не хотѣли, въ прошедшемъ году, напасть на насъ и, вмѣстѣ съ этими королями, ограбить римскій народъ, но, напротивъ, объявили, что не будутъ сражаться противъ святой церкви Господней и противъ ея народа. Оба герцога были теперь готовы дать королямъ, по древнему обычаю, присягу въ вѣрности. Но эти короли ищутъ только предлога къ тому, чтобы погубить и ихъ, и насъ, и извѣщаютъ васъ ложно съ одною цѣлью, чтобы изгнать свѣтлѣйшихъ герцоговъ и на ихъ мѣста поставить своихъ собственныхъ злыхъ людей, которые еще болѣе притѣсняли бы церковь Господа, и лишили бы ее имущества св. Петра, а народъ его увести въ неволю.

Для того же, чтобы узнать настоящее положеніе дѣла, ты, наихристіаннѣйшій сынъ мой, пришли сюда вѣрнаго человѣка, неспособнаго быть подкупленнымъ, чтобы твоя благочестивая душа собственными очами могла узрѣть, какъ преслѣдованіе насъ, такъ и униженіе церкви Господней.

Умоляю тебя во имя живого и истиннаго Бога и ради святыхъ ключей отъ гроба св. Петра, которые мы при семъ посылаемъ тебѣ, не предпочитай дружбы королей лонгобардскихъ любви къ князю Апостоловъ, но докажи намъ, что ты—вся наша послѣ Бога опора;

---

[1]) Папа обыкновенно называетъ Карла *subregulus*.

и тогда твоя вѣра и доброе имя будутъ извѣстны всѣмъ народамъ, а мы скажемъ вмѣстѣ съ пророкомъ (Псал. 28): „Да услышитъ Господь тебя въ нуждѣ, и имя Бога Іаковля да защититъ тебя“.

Папа Григорій (III).

Папа Григорій III правилъ отъ 731 до 741 г. Онъ первый обратилъ вниманіе на значеніе франковъ для будущей власти папъ въ Италіи и нѣсколько разъ обращался потому къ Карлу-Мартеллу. Карлъ, занятый безпрерывными домашними войнами, не отвѣчалъ папѣ; но изъ этого письма видно, что могли быть и другія причины, остановившія Карла. Это письмо приводится во многихъ лѣтописяхъ того времени; такъ, наприм., въ лѣтописи г. Моиссіака (ю.-з. Фр.), гдѣ подробно объясняются обстоятельства, при которыхъ было писано и получено письмо. Изд. у Pertz, Mon. Germ., I, 280—313.

85.—Битва при Пуатье.

(1836 г.).

За сто лѣтъ до времени Карла-Мартелла, въ началѣ VII вѣка, южная Галлія, а именно Аквитанія, получила отдѣльнаго герцога въ лицѣ младшаго сына Лотаря II, Гариберта. Между тѣмъ какъ на сѣверѣ Меровинги уступали свое мѣсто Карловингамъ, ихъ аквитанская линія должна была сдѣлаться предметомъ нападенія со стороны послѣднихъ. Кромѣ того, съ 711 г., по завоеваніи Испаніи маврами, герцоги аквитанскіе имѣли на своихъ рукахъ новаго непріятеля и стали между двухъ огней. Современникъ Карла-Мартелла, Одонъ или Эвдонъ, герцогъ Аквитанскій, принужденъ былъ въ одно время бороться и съ властелиномъ франковъ и съ вали Испаніи Абдъ-эль-Рахманомъ; одинъ изъ подчиненныхъ послѣдняго, Аби-Несса, женившись на дочери Одона и разсчитывая на помощь тестя, возсталъ на сѣверѣ Испаніи противъ вали. Въ 731 году Абдъ-эль-Рахманъ двинулся на непокорнаго вассала; но Одонъ былъ не въ состояніи помочь зятю: Карлъ-Мартелъ, безъ всякой причины, перешелъ Луару и, опустошивъ сѣверныя части Аквитаніи, удалился; но онъ тѣмъ отвелъ Одона отъ мавровъ. Между тѣмъ, Абдъ-эль-Рахманъ, истребивъ своего противника, рѣшился преслѣдовать и его тестя Одона: весною слѣдующаго года (732), съ значительнымъ войскомъ, онъ перешелъ Пиренеи, и такимъ образомъ 30 лѣтъ спустя послѣ перваго утвержденія мусульманъ въ Испаніи— Галліи, а вмѣстѣ съ нею и всему западу, могла предстоять та же самая участь.

Планъ Абдъ-эль-Рахмана [1]) состоялъ въ томъ, чтобы съ высотъ Пиренеевъ обрушиться прямо на Васконію и Аквитанію. До того

[1]) У латин. писателей: *Abderamus*.

времени мавры всегда претерпѣвали неудачу во всѣхъ своихъ покушеніяхъ проникнуть въ эти провинціи по долинѣ р. Одъ (Aude) и чрезъ Септиманію. На этотъ разъ Абдъ-эль-Рахманъ хотѣлъ провести туда свое войско новымъ путемъ, и открыть такимъ образомъ исламизму новую дорогу въ Галлію. Впрочемъ, онъ нисколько не былъ намѣренъ вести серьезную войну, дѣлать завоеваніе, въ томъ смыслѣ, какой мавры придавали этому слову; онъ хотѣлъ только пройтись вдоль и поперекъ, ограбить, опустошить возможно большее пространство страны, и въ самое короткое время отомстить смерть своихъ предшественниковъ, Эль-Самаха и Анбессы, и возстановить или даже и увеличить по сю сторону Пиренеевъ ужасъ мусульманскаго оружія. Въ этомъ отношеніи всѣ арабскіе историки выражаются точно и говорятъ въ одинъ голосъ; сверхъ того, нашъ взглядъ на значеніе и цѣль похода Абдъ-эль-Рахмана подтверждается всѣми подробностями, дошедшими до насъ объ этой экспедиціи. Мы ни въ чемъ не видимъ прямого намѣренія завоевать и утвердиться въ завоеванной землѣ; мавры никогда не употребляютъ обыкновенныхъ военныхъ мѣръ упроченія успѣховъ оружія, и вслѣдствіе или совершеннаго незнанія этого факта, или отвлеченнаго пониманія его, многіе новѣйшіе историки весьма ошибались въ своихъ сужденіяхъ относительно общественныхъ и политическихъ результатовъ битвы при Пуатье, о которой я намѣренъ говорить.

Сосредоточивъ свою армію у верховьевъ Эбро, Абдъ-эль-Рахманъ направился къ Пиренеямъ чрезъ Пампелуну, прорѣзалъ страну иберійскихъ васковъ, прошелъ долиною Генги (Hengui), перешагнулъ вершину, прославленную съ того времени въ героическихъ романахъ среднихъ вѣковъ подъ именемъ „Ронсевальскихъ-воротъ“ (Porte de Roncevaux), и вступилъ въ гальскую Васконію, по долинѣ рѣки Бидузы. Кажется, арабы совершили этотъ переходъ, идя по одному ущелью и въ одну колонну, что̀ дозволяетъ сдѣлать предположеніе о немногочисленности ихъ. Лучшіе памятники, относящіеся къ этому походу Абдъ-эль-Рахмана, представляютъ его армію грозною по числу, но ничего не опредѣляютъ съ точностью, а потому всякое соображеніе съ нашей стороны относительно этого вопроса было бы совершенно произвольно. Армія состояла изъ разноплеменныхъ отрядовъ, а именно: 1) изъ народонаселенія арабскаго и варварійскаго, утвердившагося въ Испаніи съ первыхъ дней ея покоренія, 2) изъ арабскихъ подкрѣпленій, прибывшихъ позже изъ Египта, 3) изъ подкрѣпленій арабо-африканскихъ, явившихся съ другой стороны пролива, и наконецъ, 4) изъ добровольныхъ искателей приключеній, прибывшихъ по одиночкѣ или небольшими отрядами изъ различныхъ частей имперіи калифовъ, чтобы раздѣлить судьбу Абдъ-эль-Рахмана. Одинъ арабскій писатель, говоря о подкрѣпленіяхъ, переправившихся изъ Африки, называетъ ихъ многочисленными, что̀ даетъ возможность считать ихъ приблизительно въ числѣ десяти или двѣнадцати тысячъ человѣкъ. По понятіямъ и привычкамъ испанскихъ и африканскихъ арабовъ, такой отрядъ войска считался уже арміей; предположивъ, что египтянъ было въ половину менѣе, я думаю сказать слишкомъ много; отдѣльныхъ же волонтеровъ нельзя насчитывать болѣе нѣсколькихъ

сотенъ; итакъ, если положить, что чужеземная часть арміи Абдъ-эль-Рахмана, прибывшая извнѣ полуострова, состояла изъ двадцати или двадцати-пяти тысячъ человѣкъ, то я полагаю, что это будетъ наибольшее число, какое только можно допустить по соображенію. Что же касается до остальной арміи, состоявшей изъ испанскихъ мусульманъ, то вычисленіе ея объема должно быть еще болѣе сложнымъ, и слѣдовательно тѣмъ произвольнѣе; но если кто захотѣлъ бы болѣе преувеличить, нежели уменьшить, то я допустилъ бы цифру отъ сорока до сорока-пяти-тысячъ человѣкъ, такъ что вмѣстѣ съ иностранными двадцатью-пятью-тысячами вся армія Абдъ-эль-Рахмана была maximum отъ шестидесяти-пяти до семидесяти тысячъ человѣкъ. Исторія не упоминаетъ ни о какомъ сопротивленіи Абдъ-эль-Рахману въ грозныхъ пиренейскихъ дефилеяхъ, которыя ему пришлось проходить; онъ уже достигъ равнинъ, когда встрѣтилъ Эвдона (Eudon), который, съ главнымъ своимъ отрядомъ, приготовился пересѣчь ему дорогу и отбросить въ горы. Одинъ арабскій писатель, достойный довѣрія въ этомъ случаѣ, утверждаетъ, что Эвдонъ, котораго онъ титулуетъ не совсѣмъ удачно графомъ этой страны, далъ арабамъ нѣсколько сраженій, изъ которыхъ нѣкоторыя выигралъ, но чаще бывалъ побѣждаемъ и принужденъ отступать передъ своимъ противникомъ изъ города въ городъ, отъ рѣки къ рѣкѣ, съ вершины на вершину, и наконецъ дошелъ до Гаронны, по направленію къ Бордо.

Очевидно, что проектъ Абдъ-эль-Рахмана состоялъ въ томъ, чтобы овладѣть этимъ городомъ, котораго древняя слава и богатство не могли быть ему неизвѣстны. Поэтому герцогъ перешелъ Гаронну и сталъ на правомъ берегу рѣки, впереди города, съ той его стороны, которую онъ считалъ необходимымъ или болѣе удобнымъ защищать; но Абдъ-эль-Рахманъ, не давъ ему времени утвердиться на позиціи, переправился чрезъ Гаронну силою и далъ аквитанцамъ большое сраженіе, въ которомъ послѣдніе были разбиты съ огромнымъ урономъ; одинъ Богъ знаетъ число тѣхъ, которые тамъ погибли, говоритъ Исидоръ Беджскій [1]). Абдъ-эль-Рахманъ, одержавъ побѣду, напалъ на Бордо, взялъ его приступомъ и отдалъ своему войску на разграбленіе. По франкскимъ хроникамъ, церкви были сожжены и большая часть жителей истреблена мечемъ. Хроника города Моассака [2]), Исидоръ Беджскій и арабскіе историки не говорятъ ничего подобнаго; но нѣкоторые изъ послѣднихъ даютъ понять о томъ, что приступъ былъ изъ самыхъ кровавыхъ. Неизвѣстно, какое значительное лицо, неясно обозначенное названіемъ графа, было тамъ убито въ числѣ другихъ; вѣроятно, графъ города, котораго мавры приняли за Эвдона, и которому, вслѣдствіе этой ошибки, сдѣлали честь, отрубивъ голову. Грабежъ былъ чрезвычайный; историки побѣдителей говорятъ о немъ съ преувеличеніемъ, истинно восточнымъ; если придавать вѣру всему, что̀ они разсказываютъ, то на каждаго солдата пришлось множество топазовъ, аметистовъ, изумрудовъ, кромѣ золота, о которомъ уже и не говорятъ въ подобныхъ случаяхъ. Вѣрно одно,

---

[1]) *Isidore de Beja*—лѣтописецъ испанскій VIII вѣка.

[2]) *Mussiacum*—близъ Montauban, въ долинѣ Гаронны.

что мавры вышли изъ Бордо, отягощенные добычей, и что съ того времени ихъ движенiе не было такъ быстро и свободно, какъ прежде.

Оставивъ за собой Гаронну и взявъ направленiе къ сѣверу, они достигли р. Дордоны, переправились чрезъ нее и устремились на грабежъ въ страну, открывшуюся передъ ними, съ единственной цѣлью добычи, и даже безъ опредѣленнаго плана хотя бы и для такой цѣли. Вѣроятно только то, что они раздѣлились на отряды, чтобы легче добывать фуражъ и повсемѣстнѣе разграбить страну. Если вѣрить тому, что говорятъ современныя легенды и преданiя, и что весьма вѣроятно, одинъ изъ этихъ отрядовъ прошелъ чрезъ Лимузинъ, а другой проникъ за скалистыя горы. гдѣ берутъ начало Тарнъ и Луара; а въ такомъ случаѣ не трудно будетъ заключить, что мавры успѣли перебывать въ самыхъ доступныхъ и самыхъ богатыхъ мѣстностяхъ Аквитанiи; даже вѣроятно, что нѣкоторые изъ отрядовъ армiи Абдъ-эль-Рахмана, болѣе другихъ предпрiимчивые или болѣе жаждавшiе корысти, переправились чрезъ Луару и проникли до Бургундiи. То, что говорятъ легенды и хроники о разрушенiи Отёна (Autum) и осадѣ Санса (Sens) сарацинами, не можетъ быть простымъ вымысломъ; потому что изъ многочисленныхъ вторженiй мавровъ въ Галлiю, ни къ одному нельзя отнести этихъ происшествiй съ такой достовѣрностью, какъ къ вторженiю Абдъ-эль-Рахмана. О разрушенiи Отёна не сохранилось никакихъ частностей; но то, что говоритъ хроника г. Моассака о разрушенiи этого города, не должно быть принимаемо буквально. Что же касается до Санса (Sens), то онъ или не былъ атакованъ такимъ сильнымъ войскомъ, какъ Отёнъ, или лучше защищался. Городъ, какъ кажется, нѣсколько дней былъ осаждаемъ и сильно стѣсненъ; но Эббонъ (Ebbon), тамошнiй епископъ, а, можетъ быть, и свѣтскiй его сеньоръ, храбро выдержалъ частые приступы, стоя во главѣ осажденныхъ, и, наконецъ, въ одной вылазкѣ захватилъ врасплохъ и разбилъ мавровъ, которые, будучи принуждены удалиться, ограничились разоренiемъ окрестныхъ мѣстъ.

Можно полагать, что въ теченiе трехъ мѣсяцевъ отряды Абдъ-эль-Рахмана, въ полномъ смыслѣ слова обошли всѣ долины, горы и берега Аквитанiи, не встрѣчая ни малѣйшаго сопротивленiя въ чистомъ полѣ. Армiя Эвдона была до того разбита на Гароннѣ, что даже остатки ея исчезли и перемѣшались съ массой доведеннаго до отчаянiя народонаселенiя. Поля, деревни, мѣстечки пустѣли при приближенiи какого-нибудь изъ тѣхъ отрядовъ, которые мстили бѣглецамъ, разрушая и сожигая все, что они оставили за собою: жатву, сады, жилища, церкви. Мусульмане были особенно враждебны монастырямъ: они ихъ грабили съ изступленiемъ и рѣдко оставляли на мѣстѣ послѣ грабежа. Города, окруженные стѣнами, и крѣпости были единственными мѣстами, гдѣ христiанское населенiе могло имъ сопротивляться болѣе или менѣе, а такъ какъ цѣль вторженiя ограничивалась только тѣмъ, чтобы взять и разграбить все, что было легко и доступно, то иногда самый незначительный отпоръ могъ заставить ихъ удалиться отъ мѣста, въ которомъ они жадно разсчитывали получить добычу.

Только въ послѣднее время пребыванiя Абдъ-эль-Рахмана въ Акви-

таніи можно было заключить по распоряженіямъ этого предводителя, что онъ имѣлъ въ виду какой-то опредѣленный планъ дѣйствія и предполагалъ сконцентрировать свои силы, до тѣхъ поръ разбросанныя по различнымъ мѣстностямъ. Въ Испаніи или, вѣроятнѣе, во время своего вторженія въ Галлію онъ могъ слышать о городѣ Турѣ и о существованіи тамъ знаменитаго аббатства, сокровища котораго превосходили все, что̀ могла имѣть какая-нибудь другая церковь Галліи. По этимъ свѣдѣніямъ, Абдъ-эль-Рахманъ рѣшился идти на Туръ, взять его и похитить, вмѣстѣ съ сокровищами аббатства, останки, чѣмъ, какъ онъ зналъ, не слѣдовало пренебрегать. Для того онъ соединилъ свои силы, и во главѣ всей арміи направился къ Туру; прибывъ къ Пуатье, мавры нашли ворота запертыми, а жителей на стѣнахъ, въ полномъ вооруженіи и съ рѣшимостью смѣло защищаться. Обложивъ городъ, Абдъ-эль-Рахманъ взялъ одно изъ его предмѣстій, гдѣ находилась знаменитая церковь святого Гиларія (St Hilaire), ограбилъ ее вмѣстѣ съ близъ лежавшими домами и въ заключеніе поджегъ, такъ что отъ всего предмѣстья осталась одна куча пепла. Но этимъ и ограничился его успѣхъ; храбрые жители Пуатье, заключенные въ своемъ городѣ, продолжали мужественно держаться; и потому мавры, не желая тратить времени, которое надѣялись съ бо̀льшею выгодой употребить въ Турѣ, направились къ этому послѣднему городу. Нѣкоторые арабскіе историки утверждаютъ, что городъ былъ взятъ; но это очевидная ошибка: неизвѣстно даже, дошло ли дѣло до осады. Достовѣрно одно, что Абдъ-эль-Рахманъ былъ уже близко къ городу, когда непредвидѣнныя препятствія помѣшали исполненію его плана.

Я долженъ при этомъ случаѣ возвратиться къ герцогу аквитанскому, храброму и несчастному Эвдону; легко понять его печальное и горькое положеніе какъ правителя, послѣ сраженія при Бордо. Безъ войска, какъ потерянный, видя свою страну во власти всепоражающаго непріятеля, онъ могъ обратиться только къ одному лицу, способному быстро возстановить его власть въ странѣ, но такимъ лицомъ былъ Карлъ, его врагъ, котораго онъ боялся, и которому онъ не могъ простить измѣннической войны предшествовавшаго года, въ тотъ самый моментъ, когда онъ былъ готовъ порѣшить дѣло съ тѣми испанскими мусульманами, которые его же теперь побѣдили. Однако, крайняя необходимость на минуту превозмогла его гордость, память прошедшаго и опасенія въ будущемъ; Эвдонъ съ поспѣшностью отправился въ Парижъ, явился къ Карлу, разсказалъ ему свое бѣдствіе и заклиналъ его вооружиться противъ мавровъ, прежде чѣмъ они, опустошивъ и ограбивъ Аквитанію, покусятся повторить то же самое въ Нейстріи. Карлъ согласился на все, но съ условіемъ, которое должно было очень уменьшить для Эвдона бремя его признательности. Тотчасъ же были приняты мѣры къ тому, чтобы въ возможно короткій срокъ собрать всѣ силы франковъ.

Одинъ арабскій историкъ приводитъ довольно любопытный разговоръ, который, по его предположенію, произошелъ между королемъ и однимъ лицомъ, явившимся просить его помощи противъ Абдъ-эль-Рахмана. „О! какое безчестіе наслѣдуютъ отъ насъ наши внуки, го-

ворить это лицо; арабы намъ угрожали; мы устремились поразить ихъ на востокѣ, а они пришли къ намъ съ запада! Эти-то самые арабы, которые въ такомъ маломъ числѣ и съ такими незначительными средствами покорили Испанію, страну столь населенную и съ такими огромными средствами; отчего никто не можетъ имъ сопротивляться, между тѣмъ какъ они не употребляютъ даже кольчугъ въ сраженіи?!“—„Я думаю, отвѣчалъ Карлъ, по словамъ историка, что ихъ не слѣдуетъ останавливать въ началѣ ихъ набѣга; они подобны быстрому потоку, который уноситъ все, что̀ сопротивляется ему. Въ началѣ дѣла смѣлость замѣняетъ имъ численность и броню; но если дать имъ время остыть, обременить себя добычей и плѣнниками, поссориться за право предводительства, то при первой неудачѣ они наши“ [1]).

Эти рѣчи, разумѣется, не что иное, какъ выдумка историка, который ихъ приводитъ, но тѣмъ не менѣе онѣ любопытны и заслуживаютъ вниманія исторіи, въ томъ смыслѣ, что близко подходятъ къ происшествію и вѣрно рисуютъ то состояніе, въ которомъ франки нашли мавровъ. Карлу для того, чтобы собрать свои войска, понадобилось почти столько же времени, сколько нужно было Абдъ-эль-Рахману для совершеннаго опустошенія Аквитаніи; и въ то время, въ которое послѣдній соединилъ свои силы, чтобы идти къ Туру, должно было довольно точно соотвѣтствовать тому времени, когда Карлъ, съ своей стороны, готовъ былъ начать походъ; это было около половины сентября. Ни одинъ историкъ не говоритъ о мѣстѣ, въ которомъ Карлъ переправился чрезъ Луару; но все заставляетъ думать, что этотъ переходъ происходилъ при Орлеанѣ.

Абдъ-эль-Рахманъ находился еще подъ стѣнами или въ окрестностяхъ Тура, когда узналъ, что франки приближались къ нему большими переходами. Считая невыгоднымъ ожидать ихъ въ этой позиціи, онъ снялся съ лагеря и отошелъ къ Пуатье, преслѣдуемый по пятамъ гнавшимся за нимъ непріятелемъ; но огромное количество добычи, обоза, плѣнниковъ, которые находились при его арміи, затрудняло его маршъ, и сдѣлало отступленіе болѣе опаснымъ, нежели сраженіе. По словамъ нѣкоторыхъ арабскихъ историковъ, была минута, когда онъ думалъ приказать своимъ солдатамъ бросить всю эту пагубную добычу и сохранить только боевыхъ лошадей и оружіе. Такой приказъ былъ въ характерѣ Абдъ-эль-Рахмана; между тѣмъ, онъ не рѣшился на него и разсудилъ ожидать непріятеля на поляхъ Пуатье, между р. Вьеной и р. Кленомъ (Vienne et Clain); возлагая всю надежду на храбрость мавровъ, франки не замедлили показаться. Христіанскія хроники, карловингскія и другія не заключаютъ въ себѣ ни малѣйшихъ подробностей относительно этой замѣчательной битвы при Пуатье. Одна только хроника Исидора Беджскаго представляетъ что-то въ родѣ описанія, но описанія, замѣчательнаго только своими варваризмами и неясностью. Тѣмъ не менѣе, за недостаткомъ лучшаго, оно имѣетъ свою цѣну и представляетъ даже интересныя черты, изъ которыхъ многое, кажется, записано со словъ очевидца, мавра.

[1]) Achmed-el-Mocri. MS. an 704. fol. 72.

Я постараюсь извлечь эти черты, соединяя ихъ съ тѣми немногими указаніями, которыя встрѣчаются у арабскихъ историковъ послѣдующихъ временъ и носятъ на себѣ положительный характеръ.

Обѣ арміи приблизились другъ къ другу съ нѣкоторой смѣсью любопытства и ужаса, очень естественнаго между народностями столь различными, одинаково храбрыми и съ одинаковою воинскою славою. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ арміи Карла находилось много галло-римлянъ, и Исидоръ Беджскій называетъ ее европейскою (*Europenses*); а арабы говорили, что она состояла изъ людей различныхъ языковъ. Но главную часть арміи, лучше вооруженную, самую значительную, составляли франки, особенно франки Австразіи. Въ первый разъ они встрѣтились съ маврами на полѣ сраженія, и все позволяетъ думать, что эти послѣдніе никогда до тѣхъ поръ не видали арміи, такъ хорошо устроенной, сплоченной, и воиновъ столь рослыхъ, украшенныхъ дорогими перевязами, покрытыхъ крѣпкими латами, съ блестящими щитами, и походившихъ, по длинѣ своихъ рядовъ, на желѣзныя стѣны. Поэтому неудивительно, что въ разсказѣ Исидора проглядываетъ, несмотря на неловкость и варваризмы выраженія, желаніе дать понять о томъ изумленіи, которое поразило мавровъ при первомъ ихъ взглядѣ на франкскую армію. Что касается численной ея силы, то она неизвѣстна; должно, однако, полагать, что она была, по крайней мѣрѣ, столь же многочисленна, какъ и у арабовъ; историки послѣднихъ называютъ ее безчисленною.

Цѣлую недѣлю Абдъ-эль-Рахманъ и Карлъ стояли лагеремъ другъ противъ друга, откладывая съ часу на часъ, со дня на день рѣшительное сраженіе и ограничиваясь угрозами, засадами, стычками; но въ началѣ седьмого или восьмого дня Абдъ-эль-Рахманъ, ставъ во главѣ своей конницы, подалъ знакъ къ атакѣ, которая скоро сдѣлалась всеобщею. Успѣхъ сраженія колебался между обѣими сторонами до приближенія вечера, когда одинъ отрядъ франкской конницы проникъ въ непріятельскій лагерь, или для того, чтобы грабить, или для того, чтобы зайти въ тылъ маврамъ, которые сражались впереди и закрывали его своими рядами. Замѣтивъ такой маневръ, мусульманская конница оставила свой постъ, и бросилась защищать лагерь, или, лучше сказать, добычу, которая была тамъ сложена. Это отступленіе конницы испортило весь порядокъ битвы у мавровъ, и Абдъ-эль-Рахманъ быстро поскакалъ, чтобы остановить отступавшихъ, но франки, уловивъ благопріятную минуту, бросились въ то мѣсто, гдѣ произошелъ безпорядокъ, и произвели кровавую стычку, во время которой погибло множество мавровъ, и въ числѣ ихъ самъ Абдъ-эль-Рахманъ.

Таковъ былъ, по словамъ одного мусульманскаго писателя, ходъ самаго пагубнаго сраженія для мавровъ, которое произошло при Пуатье. Теперь, чтобы согласить съ послѣдующимъ этотъ случай, очень вѣроятный самъ по себѣ, и которому ничто не противорѣчитъ въ самой ясной и положительной части разсказа Исидора, надобно предположить, что мавры, потерявъ своего предводителя и тысячи убитыхъ, тѣмъ не менѣе къ ночи овладѣли своимъ лагеремъ, между тѣмъ какъ франки, съ своей стороны, возвратились въ свой, считая это сраженіе

скорѣе началомъ побѣды, нежели окончательнымъ пораженіемъ; поэтому-то они располагали возобновить битву на другой день. На разсвѣтѣ франки вышли изъ своего лагеря и построились для битвы, въ томъ же порядкѣ, какъ наканунѣ, ожидая, что и мавры, съ своей стороны, сдѣлаютъ то же самое; но къ величайшему ихъ удивленію, въ лагерѣ мавровъ не слышно было никакого движенія, ни шума, еще менѣе волненія и тревоги, обыкновенно предшествующихъ сраженію. Изъ палатокъ не показывался никто; никто не выходилъ, не входилъ, и чѣмъ болѣе франки смотрѣли или слушали, тѣмъ болѣе увеличивались ихъ удивленіе и сомнѣніе.

Были посланы лазутчики для болѣе точнаго разузнанія дѣла; они проникли въ лагерь, осмотрѣли палатки; все было пусто. Мавры ночью, въ глубочайшей тишинѣ, вышли изъ лагеря, оставивъ на мѣстѣ все разграбленное богатство, и такимъ поспѣшнымъ отступленіемъ признали себя болѣе побѣжденными, чѣмъ были на дѣлѣ.

Франки, продолжая изумляться этому бѣгству, не могли повѣрить лазутчикамъ, и полагали сначала, что все это военная хитрость: они ожидали, подходили, осматривали лагерь со всѣхъ сторонъ, прежде чѣмъ убѣдились, что мавры дѣйствительно ушли и оставили имъ поле сраженія и свою добычу.

Но они и не думали преслѣдовать непріятеля и весело дѣлили награбленное варварами у несчастныхъ аквитанцевъ, которымъ пришлось такимъ образомъ перемѣнить только одного врага на другого.

Вотъ все, что̀ я могъ собрать, болѣе опредѣленнаго и положительнаго объ этой битвѣ при Пуатье, столь знаменитой и столь же малоизвѣстной. Безъ сомнѣнія, она прославила имя христіанъ, франковъ и Карла, которому, говорятъ, доставила прозваніе Мартелла (т.-е. молота), равносильное бичу сарацинъ; но историки, конечно, преувеличили важность и результаты этой побѣды, когда полагали, что она доставила Европѣ окончательное торжество христіанства и западной цивилизаціи надъ арабскимъ исламизмомъ и его духомъ, и думали, что она была важнѣе, значительнѣе или рѣшительнѣе многихъ другихъ, одержанныхъ прежде и послѣ нея надъ тѣми же самыми непріятелями, и за то же дѣло, силами галло-римлянъ и франковъ. Это утвержденіе и предположеніе не вытекаютъ изъ фактовъ и даже не могутъ быть согла́сованы съ ними.

Странно одно, что какъ арабскіе, такъ и христіанскіе историки до того мало знали о битвѣ при Пуатье, что безпрерывно смѣшивали ее съ тулузскою и даже переносили ея подробности на первую. У многихъ арабско-испанскихъ писателей обѣ битвы обозначены однимъ именемъ Balat-el-choada (т.-е. мостовая мучениковъ); но вѣроятнѣе то, что первоначально это названіе давалось исключительно тулузской битвѣ......

Дѣйствительныя послѣдствія сраженія при Пуатье для аквитанцевъ были не менѣе ужасны, какъ и для арабовъ. Карлъ-Мартеллъ взялся за оружіе противъ послѣднихъ единственно въ надеждѣ обратить его противъ первыхъ: онъ слишкомъ долго домогался овладѣть Аквитаніею, чтобы пропустить такой прекрасный случай. Онъ стоялъ въ сердцѣ государства Эвдона, во главѣ арміи, могущественной, по-

бѣдоносной, преданной, когда Эвдонъ не успѣлъ еще собрать остатковъ своей разсѣянной арміи. Соблазнъ былъ великъ, и Карлъ ему не сопротивлялся. Недовольный спасеніемъ Аквитаніи, онъ хотѣлъ ее завоевать и уже считалъ завоеванною; Эвдонъ принужденъ былъ признать Карла-Мартелла верховнымъ властителемъ всѣхъ своихъ владѣній и дать ему клятву въ вѣрности и подчиненіи какъ его подданный.

Форіэль.

Hist. d. l. Gaule mèridion. etc. III, стр. 118—135.

См. примѣчаніе къ ст. 28.

86.—Возведеніе Пипина на престолъ и его война съ лонгобардами.

(въ 875 г.).

Пипинъ послалъ (749 г.) Утгарда, вюрцбургскаго епископа, и своего капеллана Фульрада къ Захарію, бывшему въ то время святителемъ римскимъ (pontifex romanus) съ цѣлью спросить его, должны ли продолжать оставаться короли франковъ, если они не имѣютъ почти никакой власти и ограничиваются однимъ королевскимъ титуломъ? Святитель Захарій далъ имъ такой отвѣтъ: „Королемъ должно называть того, кто правитъ государствомъ“ [1]). По возвращеніи пословъ, франки, свергнувъ Гильперика, носившаго въ то время королевскій титулъ, и слѣдуя совѣтамъ пословъ и святителя Захарія, избрали и поставили у себя королемъ Пипина. Гильперикъ же былъ постриженъ и отправленъ въ монастырь. Затѣмъ, Пипинъ, сдѣлавшись королемъ франковъ, пошелъ войной на Саксонію, гдѣ въ крѣпости, называемой *Vuitberg*, саксоны убили епископа Гильдегарія. Побѣдивъ врага, Пипинъ дошелъ до самаго того мѣста, которое называется Риме (Rhime). По возвращеніи оттуда, король получилъ извѣстіе, что братъ его, Грифонъ, имѣвшій намѣреніе вторгнуться въ Италію, былъ убитъ подъ Моривенною; смерть брата, хотя и измѣнившаго своему отечеству, была ему прискорбна. По смерти святителя Захарія ему наслѣдовалъ Стефанъ. Въ это время св. Бонифацій, архіепископъ, управлялъ майнцскою церковью (Mogontiacensem ecclesiam). Этотъ преподобный проповѣдникъ обратилъ ко Христу великое множество фризовъ. Виликарій покинувъ престолъ церкви г. Вьенна, отправился сперва въ Римъ и тамъ сдѣлался извѣстнымъ папѣ Стефану; спустя

---

[1]) Responsum dedit, regem potius illum debere vocâri, qui rempublicam regeret.

же немного времени, онъ получилъ въ управленіе монастырь мучениковъ въ Агаунѣ. Айстульфъ, король лонгобардовъ, самымъ вѣроломнымъ образомъ нарушилъ завѣщанія, которыми его предшественники одарили св. Петра, и передалъ имущества римской церкви въ управленіе своимъ сподвижникамъ (facultates romanae ecclesiae militibus suis dedit). Побуждаемый этимъ обстоятельствомъ, папа Стефанъ прибылъ къ Пипину во Францію (in Franciam) [1]), съ намѣреніемъ просить у него помощи. Въ то же время явился во Францію братъ короля Пипина, Карломанъ, по совѣту, какъ обыкновенно полагаютъ, короля Айстульфа, и съ согласія своего аббата, державшаго сторону лонгобардовъ: Карломану было порученно противодѣйствовать успѣхамъ просьбы святителя Стефана. Святитель Стефанъ, помазавъ Пипина королемъ, вмѣстѣ съ нимъ помазалъ и двухъ его сыновей, Карла и Карломана. Блаженный Бонифацій, архіепископъ, проповѣдуя слово божіе во Фризіи, умеръ мученическою смертью. Король Пипинъ, послѣ помазанія апостольскаго, поспѣшилъ съ войскомъ въ Италію и, проходя черезъ городъ Вьеннь, оставилъ тамъ своего брата Карломана, монаха, вмѣстѣ съ королевою Бертрадой; Карломанъ и умеръ тамъ отъ болѣзни. Айстульфъ же, услышавъ о прибытіи короля Пипина, преградилъ альпійскіе проходы, и, вмѣстѣ съ лонгобардами, вышелъ на встрѣчу Пипину. Но король Пипинъ, сильно наступая на врага при содѣйствіи св. Петра, открылъ себѣ входъ въ Италію. Стефана же, папу, отправилъ въ его резиденцію, въ сопровожденіи Фульрада и другихъ слугъ, а самъ осадилъ Павію, гдѣ заперся Айстульфъ. Но видя невозможность спастись, король лонгобардовъ обѣщалъ возвратить все блаженному Петру и римской церкви. Вмѣстѣ съ клятвой, онъ далъ сорокъ заложниковъ. Такимъ образомъ, Айстульфъ былъ освобожденъ отъ осады, а король Пипинъ вернулся во Францію. Но Айстульфъ, какъ человѣкъ вѣроломный, во всемъ солгалъ. По этой причинѣ король Пипинъ вторично вторгся въ Италію, осадилъ Павію и заперъ въ ней Айстульфа. Айстульфъ, стѣсненный отовсюду, еще разъ клятвенно обѣщалъ возвратить все. Сверхъ того, король Пипинъ передалъ святымъ апостоламъ, Петру и Павлу, Равенну и весь Пентаполь. По возвращеніи Пипина, Айстульфъ, отправясь на охоту, погибъ, пораженный внезапно правосудіемъ божіимъ.

Адо.

Сокращ. хроника о шести возраст. міра. 749—756 г.

См. выше примѣчаніе къ ст. 83.—Срав. эту хронику, написанную на югѣ Галліи, и притомъ позже, съ сѣверною хроникою, ближайшею по времени къ описываемому событію, и составленною партизаномъ Карловинговъ, въ слѣдующей ниже ст. 87.

---

[1]) Подъ *Франціею* въ то время еще разумѣлись одни мѣста древняго жительства франковъ, слѣдов. именно то, что теперь не называется Франціею.

87.—Временникъ правленія Пипина-Короткаго.

(830 г.).

741-ый годъ. Въ этомъ году Карлъ майордомъ (Karlus majordomus, т.-е. Карлъ-Мартеллъ) кончилъ дни свои, оставивъ наслѣдниками трехъ сыновей, а именно: Карломана, *Пипина* (Pipinum) и Грифона; последній изъ нихъ, Грифонъ, самый младшій, родился отъ Сванагильды, племянницы Одилона, герцога байоаровъ (т.-е. баваровъ). Она своими дурными совѣтами возбудила въ сынѣ надежду овладѣть всѣмъ королевствомъ, такъ что Грифонъ, нимало не медля, занялъ городъ Лаудунъ (н. Laon), и вызвалъ тѣмъ братьевъ на борьбу. Они, собравъ войско и осадивъ Лаудунъ, принудили брата къ сдачѣ, и потомъ приступили къ устройству государства и возвращенію провинцій, которыя, послѣ смерти ихъ отца, отложились отъ союза франковъ (a Francorum societate) [1]. А чтобы, по прибытіи ихъ домой, сохранить вездѣ внѣшнюю безопасность, Карломанъ, взялъ съ собою Грифона, приказалъ держать его подъ стражею въ „Новомъ замкѣ“ (Novum Castellum, н. Neufchateau, въ Луксембургѣ, на в. отъ г. Мезьера), находящемся вблизи Арденъ; говорятъ, что Грифонъ оставался подъ стражею до самаго того времени, когда Карломанъ отправился въ Римъ.

742 г. Карломанъ и Пипинъ, овладѣвъ королевствомъ франковъ, сначала вознамѣрились возвратить (recipere) себѣ Аквитанію, вступивъ въ борьбу съ Гунольдомъ, герцогомъ той провинціи. Они вторгаются съ войскомъ въ ту Аквитанію, и, взявъ какую-то крѣпость, называемую Луккасъ (н. Loches, въ области Тура, за Луарой), прежде нежели выступили изъ провинціи, раздѣляютъ между собою въ мѣстечкѣ, называемомъ Старый-Пиктависъ (н. Vieux Poitiers, на рѣкѣ Кленнѣ, близъ ея сліянія съ р. Вьеннь), королевство, которымъ до того времени управляли сообща; въ томъ же году, по возвращеніи домой, Карломанъ вторгся съ войскомъ въ Алеманнію, которая отложилась отъ союза франковъ (a societate Francorum), и опустошилъ ее огнемъ и мечемъ.

743 г. Карломанъ и Пипинъ пошли соединенными силами на Одилона, герцога байоаровъ, и послѣ битвы разсѣяли его войско; возвратившись оттуда, Карломанъ отправился одинъ въ Саксонію и, овладѣвъ крѣпостью, называемою Hohseoburg (н. Seeburg въ графствѣ Мансфельдъ, на ю.-з. отъ Галле), взялъ при этомъ въ плѣнъ Теодорика саксонца, правителя (primarium) того мѣста.

---

[1]) Латинское выраженіе чисто-германскаго понятія о государствѣ, которое состояло въ союзѣ, т.-е. въ соединеніи людей для завоевательной цѣли, а когда завоеваніе было довершено, для цѣлей административныхъ. Слово *Societas* было бы потому всего лучше перевести названіемъ *дружины*, которая обратилась, послѣ завоеванія, въ высшее сословіе, имѣвшее политическое значеніе, т.-е. участіе въ управленіи. Въ то время не признавать власти короля потому самому значило вмѣстѣ не признавать власти всей его дружины (Societas).

744 г. Тѣ же братья, Карломанъ и Пипинъ, соединенными силами напали на Саксонію и вторично взяли въ плѣнъ вышепоименованнаго Теодорика.

745 г. (*746 г.*) [1]). Въ этомъ году Карломанъ открылъ своему брату Пипину то, о чемъ давно уже помышлялъ, а именно—свое намѣреніе оставить мірскія дѣла и служить Богу, въ монашескомъ одѣяніи. Почему на нынѣшній годъ экспедиція была отложена, и, чтобы дать возможность Карломану привести въ исполненіе его желаніе и приготовить его въ дорогу—рѣшился же онъ отправиться въ Римъ—Пипинъ также ничего не предпринималъ, прилагая стараніе о томъ, чтобы братъ явился туда, куда онъ желалъ, прилично и почетно.

746 г. (*747*). Карломанъ отправился въ Римъ и, отложивъ въ сторону мірскую славу, измѣнилъ и самое одѣяніе. Онъ построилъ на горѣ Соракте монастырь въ честь св. Сильвестра (н. San Silvestro на горѣ Monte-Oreste), гдѣ нѣкогда во время гоненій, воздвигнутыхъ при императорѣ Константинѣ, этотъ святой, какъ разсказываютъ, скрывался. Проживъ тамъ нѣкоторое время, онъ возъимѣлъ лучшее намѣреніе и, оставивъ то мѣсто, перешелъ съ мыслью служить Богу, въ монастырь св. Бенедикта (въ провинціи Самніи), построенный на горѣ Казино, и тамъ принялъ монашескую одежду.

747 г. (*748*). Братъ Карломана и Пипина, именемъ Грифонъ, не желая быть въ подчиненіи у своего брата, Пипина, хотя онъ жилъ у него въ почетѣ, собравъ войско, убѣжалъ въ Саксонію за рѣку Овакру, и тамъ, окруживъ себя саксонами, заперся въ мѣстечкѣ, называемомъ Оргеймъ. Пипинъ же отправился съ войскомъ франковъ чрезъ Турингію и, борясь противъ замысловъ брата, вторгся въ Саксонію и укрѣпился за рѣкою Миссага (н. Meissau) въ мѣстечкѣ, называемомъ Сканинги (н. Schoeningen, въ Брауншвейгѣ). Сраженія между ними не произошло, и они разошлись миролюбиво.

748 г. (*749*). Грифонъ, не довѣряя саксонамъ, ушелъ въ Байоарію и при помощи войскъ, которыя къ нему стекались изъ *Франціи* (de Francia [2]), покорилъ своей власти самое герцогство, захвативъ Тассилона и Гильтруда, а Свитгера, явившагося къ нему на помощь, принялъ. Когда слухъ о томъ дошелъ до Пипина, онъ отправился въ Байоарію съ огромнымъ войскомъ, взялъ въ плѣнъ брата вмѣстѣ со всѣми его сопровождавшими или явившимися къ нему, возстановилъ Тассилона на герцогствѣ, и, возвратившись домой, одарилъ Грифона, какъ герцога, двѣнадцатью графствами. Но Грифонъ, не довольствуясь такимъ даромъ (beneficio), въ тотъ же самый годъ бѣжалъ къ Вайфарію, герцогу Аквитаніи.

---

[1]) Разсказъ о событіяхъ 745 года, повидимому, совершенно опущенъ, потому что событія, отмѣченныя подъ годами 745, 746, 747, 748, 749, 750, совершились всѣ годомъ позже, а именно: 746, 747, 748, 749, 750, 751. Доказательствомъ тому служитъ разсказъ о перенесеніи мощей св. Германа (у Bouquet, V, 426), гдѣ порядокъ всѣхъ этихъ событій опредѣленъ съ точностью.

[2]) Подъ именемъ *Francia*, въ ту эпоху, разумѣлось только мѣсто жительства франковъ, т.-е. берега Рейна, Бельгія и сѣверная часть нынѣшней Франціи.

749 г. (*750*). Буркардъ, вюрцбургскій епископъ, и капелланъ пресвитеръ Фольрадъ, отправлены въ Римъ къ папѣ Захарію, чтобы совѣщаться съ нимъ относительно королей, которые были въ то время во Франціи, и которые только носили титулъ королей, но не имѣли никакой королевской власти; вышепоименованный святитель (pontifex) отвѣчалъ чрезъ посланныхъ, что лучше называться королемъ тому, у кого находится верховная власть, и, давъ свое полномочіе, повелѣлъ поставить Пипина королемъ.

750 г. (*751*). Въ этомъ году, по благословенію римскаго святителя, Пипинъ получилъ титулъ короля франковъ, и въ честь такого достоинства былъ помазанъ освященнымъ елеемъ отъ руки блаженной памяти Бонифація, архіепископа и мученика; въ то же время, по обычаю франковъ, его возвели на престолъ королевства (solium regni), въ городѣ Свессонѣ (н. Суассонъ). Гильдерикъ же, носившій ложно титулъ короля, по обстриженіи головы былъ отправленъ въ монастырь.

752 г. (Пропускъ).

753 г. Въ этомъ году король Пипинъ съ большимъ войскомъ вторгся въ Саксонію, и хотя саксоны упорно сопротивлялись ему, однакоже смирились послѣ пораженія, а онъ самъ дошелъ до мѣста, называемаго Рими (н. Remen, близъ Миндена), на берегахъ рѣки Визуры. Во время этого похода былъ убитъ Гильдигарій, архіепископъ (кельнскій), у горы, называемой Юбургъ (н. Ибургъ, на ю. отъ Оснабрюка). По возвращеніи короля изъ Саксоніи явился вѣстникъ смерти брата его Грифона, разсказавшій, кѣмъ и какъ онъ былъ убитъ. Въ томъ же году прибылъ къ королю Пипину папа Стефанъ, въ городъ, называемый Каризіакъ (н. Kiersy-sur-Oise, на сѣв. отъ Суассона), умоляя короля защитить его и римскую церковь отъ враждебныхъ дѣйствій лонгобардовъ. Явился туда и Карломанъ, братъ короля, уже поступившій въ монахи, съ тѣмъ, чтобы, по приказанію своего аббата, противодѣйствовать просьбамъ римскаго святителя у короля; полагаютъ, однако, что Карломанъ поступалъ такимъ образомъ противъ своей воли, потому что не смѣлъ пренебрегать приказаніями своего аббата, да и аббатъ не дерзалъ противиться настояніямъ короля лонгобардовъ, который ему то повелѣлъ.

754 г. Стефанъ-папа, получивъ отъ короля Пипина увѣреніе относительно защиты римской церкви, самъ помазалъ его елеемъ въ честь королевскаго достоинства, и вмѣстѣ съ нимъ двухъ его сыновей, Карла (Karlum) и Карломана; всю зиму онъ оставался во Франціи. Въ томъ же году Бонифацій, архіепископъ майнцскій (Magontiacensis), проповѣдуя слово божіе въ Фризіи, былъ убитъ язычниками и принялъ мученическій вѣнецъ.

755 г. Король Пипинъ, по приглашенію и мольбѣ вышеназваннаго римскаго святителя, вторгся въ Италію съ вооруженною рукою, чтобы потребовать отъ короля лонгобардовъ должнаго блаженному апостолу Петру (propter justitiam Sancti Petri apostoli exigendam). Такъ какъ лонгобарды оказали сопротивленіе и преградили всѣ горные проходы въ Италію, то жестокая битва произошла въ ущельяхъ самыхъ горъ; лонгобарды уступили, и франкскія войска проникли въ Италію, хотя по тяжелой дорогѣ, но безъ особеннаго труда. Гей-

стульфъ же (Heistulfus, а по друг. Aistulfus), король лонгобардовъ, не дерзая помѣряться въ рукопашномъ бою, былъ осажденъ королемъ Пипиномъ въ городѣ Папіи (т.-е. Павіи); осада не снималась до тѣхъ поръ, пока Пипинъ не получилъ 40 заложниковъ для удостовѣренія въ томъ, что Гейстульфъ возвратитъ должное святой римской церкви (pro reddenda sanctae Romanae ecclesiae justitia). По выдачѣ 40 заложниковъ и по клятвенномъ подтвержденіи обѣщаній, Пипинъ возвратился въ свое королевство, а Стефана-папу отпустилъ въ Римъ съ капелланомъ пресвитеромъ Фольрадомъ и съ немалымъ отрядомъ франковъ. Карломанъ же монахъ, братъ короля, оставшійся въ Вьеннѣ съ королевою Бертрадою, еще до возвращенія Пипина изъ Италіи, схватилъ лихорадку и кончилъ дни свои; тѣло его, по приказанію короля, было перенесено въ монастырь св. Бенедикта, гдѣ онъ принялъ монашескую одежду.

756 г. Гейстульфъ, король лонгобардовъ, хотя въ предшествовавшемъ году далъ заложниковъ и клятвенно обязался какъ самъ, такъ и его вельможи (optimates), возвратить должное святой римской церкви, но ничего изъ обѣщаннаго не выполнилъ на дѣлѣ. Потому Пипинъ король снова вступилъ въ Италію съ войскомъ и, осадивъ запершагося въ Папіи Гейстульфа, принудилъ тѣмъ къ выполненію данныхъ обѣщаній. Равенна, Пентаполь и весь экзархатъ, принадлежащій Равеннѣ, были сданы Пипину (redditam sibi), а онъ передалъ (tradidit) ихъ святому Петру. По совершеніи этого Пипинъ возвратился въ Италію. Гейстульфъ же, по удаленіи его, помышляя не столько о томъ, какъ не выполнить обѣщаннаго, сколько о томъ, какую найти хитрость для измѣненія того, что̀ уже было выполнено, на охотѣ упалъ съ лошади, и при этомъ получилъ такое поврежденіе, что въ нѣсколько дней кончилъ жизнь. Ему наслѣдовалъ въ королевскомъ санѣ его маршалъ (comes stabuli), Дезидерій.

757 г. Константинъ императоръ отправилъ къ Пипину королю множество подарковъ, между которыми былъ и органъ; когда византійскіе послы прибыли къ нему въ Компендій (н. Compiègne), онъ имѣлъ тамъ въ то время общее собраніе своего народа (populi sui generalem conventum). Туда же явился и Тассилонъ, герцогъ байоаріевъ, вмѣстѣ съ вельможами (primoribus) своего племени, и, по франкскому обычаю, вложивъ свои руки въ руки короля, объявилъ себя въ вассальной зависимости (in vassalicum semetipsum commendavit) и клятвенно обѣщалъ надъ тѣломъ св. Діонисія сохранить вѣрность какъ самому королю Пипину, такъ и его дѣтямъ, Карлу и Карломану; и не только тамъ, но еще и надъ тѣломъ св. Мартина и св. Германа онъ подтвердилъ подобною же клятвой обѣщаніе вѣрности вышеназваннымъ государямъ до конца дней жизни. Равнымъ образомъ, и всѣ вельможи, и старѣйшины изъ байоаріевъ, явившихся къ королю, обѣщали въ вышепоименованныхъ святыхъ мѣстахъ хранить вѣрность королю и его дѣтямъ.

758 г. Пипинъ король вторгся съ войскомъ въ Саксонію, хотя саксоны мужественно сопротивлялись и оборонялись въ своихъ укрѣпленіяхъ, но онъ, поразивъ передовые отряды, проникъ за валъ, которымъ они старались оградить свою родину. Въ нѣсколькихъ стычкахъ

Пипинъ множество изъ нихъ положилъ на мѣстѣ и принудилъ дать обѣщаніе подчиниться вполнѣ его волѣ и, въ знакъ уваженія къ нему, присылать ежегодно на общее собраніе 300 лошадей въ даръ. Заключивъ такой договоръ и, по саксонскому обычаю, подтвердивъ клятвою для бо̀льшаго обязательства, Пипинъ возвратился въ Галлію вмѣстѣ съ войскомъ.

749 г. Родился у Пипина короля сынъ, котораго онъ желалъ назвать по своему имени Пипиномъ. Но младенецъ былъ похищенъ преждевременною смертью и умеръ на третьемъ году отъ рожденія. Въ этомъ году король праздновалъ Рождество Господне въ Лонкларѣ (н. Glare, въ Арденнахъ), а Пасху въ Іопилѣ (н. Jupille, близъ Люттиха), и не предпринималъ ни одного похода за предѣлы своего королевства.

760 г. Вайфарій, удерживая въ своей власти имущество, принадлежавшее церквамъ, основаннымъ подъ покровительствомъ короля Пипина, не хотѣлъ возвратить его епископамъ (rectoribus) тѣхъ святыхъ мѣстъ, и, пренебрегая самимъ королемъ, увѣщевавшимъ его чрезъ своихъ посланныхъ, заставилъ Пипина, своимъ упорствомъ, предпринять противъ него войну. Король, созвавъ отовсюду войска, вторгся въ Аквитанію и объявилъ, что онъ намѣренъ силою возстановить имущество и права церквей (res et justitias ecclesiarum exacturum). Когда же Пипинъ расположился лагеремъ на мѣстѣ, называемомъ Tedoad (н. Doué, близъ г. Saumur, на Луарѣ), Вайфарій, не дерзая сразиться, отправилъ къ королю посольство, и обѣщалъ исполнить всякое приказаніе, возвратить должное церквамъ и выдать заложниковъ, какіе будутъ потребованы: онъ выдалъ даже двухъ знатнѣйшихъ вельможъ изъ своего племени, Адалгерія и Итерія. Этимъ поступкомъ онъ до того смягчилъ короля, что тотъ немедленно отказался отъ войны. Взялъ съ собою заложниковъ, выданныхъ для бо̀льшей вѣрности въ исполненіи обѣщаннаго, Пипинъ прекратилъ войну, и, по возвращеніи домой и распущеніи войска, зимовалъ въ Каризіакѣ, гдѣ отпраздновалъ и Рождество Господне и Пасху.

761 г. Вайфарій герцогъ, хотя и выдалъ заложниковъ, и клялся сохранить миръ, однако, предпочитая отмстить за войну, нанесенную ему въ предшествовавшемъ году повелъ свое войско для опустошенія владѣній франковъ и дошелъ до г. Кабиллона (н. Шалонъ-на-Сонѣ). Когда дошелъ слухъ о томъ до Пипина, занятаго въ то время общимъ собраніемъ въ мѣстечкѣ Дуріе (н. станц. желѣзной дороги Düren, между Кельномъ и Ахеномъ), король, собравъ отовсюду войска, съ большою силою вторгся въ Аквитанію и взялъ приступомъ нѣсколько городовъ и укрѣпленій: между ними главными были Борбонисъ (н. Bourbon), Кантила (н. Chantelle, близъ Клермона) и Клармонтисъ (Clermont). Нѣкоторые города сдались побѣдителю добровольно, и въ особенности укрѣпленія арверновъ (жителей Оверни), которые преимущественно страдали отъ войны. Король же, предавъ огню и мечу все, что̀ лежало внѣ укрѣпленій, и дойдя до города Лимовиковъ (Limovicae, н. Limoges), возвратился домой. Зиму онъ провелъ въ помѣстьѣ Каризіакѣ, гдѣ и отпраздновалъ Рождество Господне и Пасху. Въ этой экспедиціи съ королемъ былъ его перво-

рожденный сынъ Карлъ, къ которому, по смерти отца, перешла верховная власть (imperii summa).

762 г. Пипинъ король, желая положить конецъ начатой имъ войнѣ, снова вторгся въ Аквитанію съ великимъ войскомъ: по взятіи же г. Битурики (н. Bourges) и крѣпости Тоарковъ (Toarci, н. Thouars), возвратился. Зиму провелъ въ помѣстьѣ Гентиліакѣ (н. Gentilly, близъ Парижа), и тамъ же торжественно праздновалъ дни Рождества Господня и Пасхи.

763 г. Когда настало удобное время года, Пипинъ король, окончивъ общее собраніе въ Нивернахъ (н. Nevers) и собравъ отовсюду войска, напалъ на Аквитанію и, опустошивъ огнемъ и мечемъ все, что лежало внѣ укрѣпленій, подошелъ къ г. Кадурціи (н. Cahors). Оттуда же, возъимѣвъ намѣреніе возвратиться во Францію со всѣмъ своимъ войскомъ, отступилъ чрезъ Лемовику (Lemovica, вышеназванный Limevicae, н. Limoges). Тассилонъ, герцогъ Байоаріи притворившись коварно больнымъ, воротился изъ этой экспедиціи домой, съ твердымъ намѣреніемъ отложиться и никогда больше не показываться на глаза королю. Король же, распустивъ войска по зимнимъ квартирамъ, расположился на зимовку въ помѣстьѣ Лонкларъ и тамъ праздновалъ Рождество Господне и Пасху. Въ то время случилась такая сильная и суровая зима, что съ нею не могла сравниться, по стужѣ, ни одна зима предшествовавшихъ годовъ.

764 г. Король Пипинъ, находясь въ нерѣшимости выбрать между двумя войнами—аквитанская была уже давно начата, а байоарская, по случаю отпаденія герцога Тассилона, еще предстояла — созвалъ общее собраніе своего народа въ Вормаціи (н. Worms, на Рейнѣ). Экспедиція была отложена на будущее время, и въ этотъ годъ Пипинъ оставался дома. Онъ провелъ зиму въ помѣстьѣ Каризіалѣ, и тамъ торжественно праздновалъ дни Рождества Господня и святой Пасхи. Въ этомъ году произошло солнечное затменіе за день до іюньскихъ нонъ (*nonae*—въ римскомъ календарѣ *девятый* день предъ *idus*, которые раздѣляли мѣсяцъ почти пополамъ, и слѣдовательно *пятое* число мѣсяца; затменіе же произошло по нашему календарю 4 іюня), въ шестомъ часу (т.-е., по-нашему, въ полдень).

765 г. Въ этомъ году король Пипинъ оставался дома и не переступалъ предѣловъ своего королевства, по поводу аквитанской войны, хотя она не была еще окончена. Но онъ присутствовалъ на общемъ собраніи своего народа въ помѣстьѣ Аттиніакѣ (н. Attigny-sur-Aisne, между Реймсомъ и Седаномъ), зимовалъ въ Аквегранѣ (Aquaegrani, н. Aix-la-Chapelle или Aachen), гдѣ и праздновалъ какъ Рождество Господне, такъ и Пасху.

766 г. Пипинъ король, созвавъ въ Авреліанахъ (н. Orleans) совѣтъ (conventu habito) по поводу вопроса объ аквитанской войнѣ, отправился въ Аквитанію, возстановить разрушенное Вайфаріемъ укрѣпленіе Аргентомагъ (н. Argenton, на ю.-з. отъ Chateauroux), и оставивъ какъ тамъ, такъ и въ Битурикѣ франкскій гарнизонъ, возвратился домой и отпраздновалъ Рождество Господне въ Салмонціакѣ (н. Samoucy, близъ г. Laon), а Пасху въ Гентиліакѣ.

767 г. Когда поднялся вопросъ о св. Троицѣ и святыхъ иконахъ

между восточною и западною церквами, то-есть между римлянами и греками, король Пипинъ, созвавъ совѣтъ въ помѣстьѣ Гентиліакѣ, назначилъ синодъ для того же вопроса; по окончаніи же этого дѣла, онъ отправился въ Аквитанію на вышеупомянутую войну, послѣ праздника Рождества Господня. Направившись чрезъ Нарбону, Пипинъ взялъ приступомъ Толозу (Toulouse), и покорилъ Альбіензійскій и Гавульдонскій округъ (Albiensem et Gavuldonum pagas, н. почти весь департаментъ Tarn и Lozere, въ Лангедокѣ). Возвратившись оттуда въ г. Вьеннь, гдѣ отпраздновалъ и пасху, онъ возстановилъ силы войска; потомъ, почти въ концѣ лѣта, отправился оканчивать войну. Въ Битурикѣ, по франкскому обычаю, король сдѣлалъ собраніе на открытомъ полѣ. Оттуда, придя къ рѣкѣ Гароннѣ, онъ овладѣлъ многими крѣпостями, скалами и пещерами, въ которыхъ защищалась многочисленная непріятельская армія; главными изъ завоеванныхъ мѣстъ были Скораліа, Торинна и Петроція (н. Scoraille, Turenne и Peiruce). По возвращеніи въ Битурику, Пипинъ распустилъ войско на зимовку, а самъ, оставаясь въ томъ мѣстѣ, отпраздновалъ Рождество Господне. Въ томъ году умеръ папа римскій, Павелъ, и съ вѣстью о томъ посланный явился туда къ королю.

768 г. Когда король Пипинъ увидѣлъ, что наступило удобное время для веденія войны, то, собравъ отовсюду войско, потянулся къ г. Сантоникѣ (н. Saints). Захвативъ на дорогѣ Римистайна, король подошелъ къ вышеупомянутому городу, и тамъ ему были выданы мать, сестра и племянники Вайфарія герцога. Принявъ ихъ милостиво, онъ приказалъ смотрѣть за ними, а самъ отправился къ рѣкѣ Гароннѣ, гдѣ къ нему явился Эровинъ съ другою сестрою вышепоименованнаго герцога, въ мѣстечкѣ, называемомъ Montes (неизвѣстно гдѣ?) и выдалъ королю, какъ самого себя, такъ и ее. Послѣ такихъ счастливыхъ дѣлъ король возвратился и праздновалъ пасху въ крѣпости, называемой Сельсъ (Sels). Потомъ, взявъ съ собою жену и семейство, Пипинъ снова пошелъ въ г. Сантонику. Оставивъ ихъ въ томъ мѣстѣ, онъ рѣшился со всѣмъ войскомъ преслѣдовать герцога Вайфарія, и не прежде успокоиться, пока не возьметъ въ плѣнъ или не убьетъ мятежника. Умертвивъ же горцога Вайфарія на землѣ Петрагорика (н. Perigueux) и окончивъ, какъ ему казалось, аквитанскую войну, онъ возвратился въ Сантонику. Оставаясь тамъ нѣкоторое время, король впалъ въ болѣзнь. Его перенесли больного въ Туръ, гдѣ онъ молился св. Мартину. Оттуда прибывъ въ Парижъ, Пипинъ умеръ въ восьмой день предъ октябрьскими календами (23 сент.); тѣло его было погребено въ базиликѣ блаженнаго Діонисія мученика (н. St Denis, близъ Парижа). Сыновья же его, Карлъ и Карломаннъ, съ согласія всѣхъ франковъ, провозглашенные королями, облеклись въ знаки королевскаго достоинства, Карлъ въ г. Новіомѣ (н. Noyon), а Карломаннъ въ г. Свессонѣ (н. Soissons). Карлъ, старшій по рожденію, отправился въ Ахенъ, гдѣ праздновалъ Рождество Господне, а пасху въ Ратумагѣ (н. Rouen).

Эгингардъ.

Annales, a. 741—768.

См. выше, примѣчаніе къ ст. 81.—Автору „Жизни Карла В.“ приписываютъ, между прочимъ, также и „Анналы“, которыя начинаютъ 741 г. и оканчиваются 829 г.; въ пользу этого мнѣнія стоялъ извѣстный издатель Monumenta Germaniae, *Pertz*. Впрочемъ, и онъ полагаетъ, что до 788 г. Анналы Эгингарда представляютъ исправленную въ языкѣ и дополненную копію съ *Annales Laureshamenses* (monast. Laureshamense, н. Lorsch между р. Неккаромъ и Майномъ), составитель которыхъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Эгингардомъ; на этомъ обстоятельствѣ основывается вмѣстѣ съ тѣмъ и мнѣніе, что копія должна принадлежать именно Эгингарду; кромѣ того, Annales останавливаются именно на 829 г., когда окончилась политическая дѣятельность Эгингарда, что опять служитъ подтвержденіемъ мнѣнія Пертца.—Для дополненія, провѣрки и критической оцѣнки Анналовъ Эгингарда обыкновенно принимаются: 1, Annales Laureshamenses, помѣщенныя у Pertz, I, 22—39, какъ источникъ Эгингарда, и 2, Annales Mettenses (г. Метца), изданныя тамъ же, I, 314—336, хотя составленныя только въ концѣ X вѣка, но составитель ихъ пользовался древними документами, не дошедшими до насъ.

88.—О государственномъ правѣ у франковъ въ эпоху Меровинговъ.

(1820 г.).

Наши историки, отзываясь вообще довольно благосклонно о короляхъ франковъ, дѣлаютъ имъ, однако, всѣ безъ исключенія, одинъ упрекъ, по ихъ мнѣнію, чрезвычайно важный, а именно, говорятъ новѣйшіе критики, короли франковъ обнаружили большое незнаніе политики, постановляя многихъ наслѣдниковъ, или, какъ выражаются, раздѣляя корону, которая по своей природѣ должна быть нераздѣльна. Другіе писатели даже старались снять этотъ укоръ съ памяти Клодовея и Карла В., и для достиженія своей цѣли утверждали, что, несмотря на кажущуюся внѣшность, достоинство королевское оставалось всегда нераздѣльнымъ; что старшій изъ братьевъ пользовался превосходствомъ надъ прочими; что, однимъ словомъ, тогда, какъ и послѣ, былъ одинъ только *король Франціи*. Но нѣтъ никакой необходимости въ такомъ предположеніи, и притомъ мало основательномъ, чтобы извинить Клодовеямъ и Карламъ то, что они не дѣйствовали какъ Лудовикъ XV. Можно даже, нисколько не унижая чести тѣхъ королей, жившихъ во время, совершенно отличное отъ нашего, признаться, что они нимало не были знакомы съ началами нашей политики.

И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть менѣе сообразно нашимъ представленіямъ о королѣ, какъ тѣ дѣти Меровея, съ длинными волосами, жирно умащенными, не прогорьклымъ масломъ, подобно простымъ германскимъ воинамъ, но благовонными мазями? Являясь въ

странѣ цивилизованной настоящими предводителями номадовъ, они кочевали или проходили чрезъ города Галліи, грабя повсюду и руководясь при этомъ одною простою мыслью набрать побольше богатствъ деньгами, драгоцѣнными камнями и утварью; пріобрѣсть дорогія одежды, лучшихъ лошадей и красивыхъ женъ; и наконецъ, окружить себя тѣмъ, посредствомъ чего можно добыть вышеисчисленные предметы, а именно, дружину смѣлыхъ сподвижниковъ, „людей сердца и отваги", какъ выражались древнія хроники. По праву завоеванія, и какъ первые люди среди воинственной націи, короли обратили, во всѣхъ частяхъ Галліи, большое число домовъ и земель въ свою собственность, сдѣлавшуюся ихъ наслѣдіемъ, ихъ al-od, какъ говорилось на языкѣ франковъ [1]). Самые города разсматривались ими какъ части такихъ алодовъ, и были потому предметомъ владѣнія и наслѣдства. Пріобрѣсть новыя богатства, увеличить число удальцевъ, которые обезпечивали бы своему предводителю владѣніе прежними богатствами и добыли что-нибудь вновь—такова была единственная цѣль политики. Постоянно озабоченные матеріальными интересами, короли употребляли въ то же время всевозможныя мѣры къ тому, чтобы возвратить себѣ то, что̀ они должны были при раздѣленіи добычи отчуждить, т.-е. они старались отнять у своихъ сподвижниковъ ихъ feh-ods, феоды [2]), или награды землею, которыми они платили имъ за прежнія заслуги. Страсть къ пріобрѣтенію и наслажденію стихала въ нихъ только во время болѣзни или при приближеніи смерти. Тогда ихъ воображенію представлялись ужасы, которыми угрожала христіанская религія, и которые удваивались смутными воспоминаніями о древнихъ повѣрьяхъ ихъ отцовъ. Чтобы умирить божество, они полагали лучше всего употребить въ отношеніи его тѣ мѣры, которыя были бы хороши противъ нихъ самихъ, и приносили въ церкви свои золотыя чаши, пурпуровыя одежды, жертвовали лошадей и земли изъ своей казны. Наконецъ, въ минуту смерти, они отечески раздѣляли между всѣми своими сыновьями *алоды*, которые наслѣдовали отъ предковъ, и все, что̀ успѣли пріобрѣсть сами. Эти сыновья и жили и умирали, какъ отцы; и всякое поколѣніе возобновляло подобный раздѣлъ утвари, полей, городовъ, не думая при этомъ ни о чемъ другомъ, кромѣ того, что̀ занимаетъ каждаго отца, а именно обезпечить интересы и притязанія своихъ дѣтей.

Будутъ ли или нѣтъ порицать раздѣлы, которые дѣлали короли франковъ, предъ смертью, между своими дѣтьми, во всякомъ случаѣ ошибочно видѣть въ нихъ настоящее распаденіе общественнаго тѣла и публичной власти. Въ Галліи въ VI, VII и VIII вѣкахъ не было

---

[1]) *Od* или *ot*, на древнихъ германскихъ діалектахъ, означаетъ *богатство, собственность*; *al-od* въ буквальномъ переводѣ: *собственность всего*, цѣлость собственности; отъ *al*—новѣйшее *alles*, т.-е. все. Ср. выше 580 стр.

[2]) *Feh* или *feo*, на франкскомъ языкѣ, означаетъ всякаго рода движимую собственность, какъ-то: стада, деньги, и, въ болѣе широкомъ смыслѣ, доходъ, военное жалованье: *feh-od* буквально—*propriété-solde*, жалованная собственность. Отсюда происходитъ латинское выраженіе *feodum* и *feudum*, точно такъ же, какъ и наше *fief*, которое послужило матеріаломъ столь многимъ безполезнымъ преніямъ.

ничего подобнаго, что̀ мы обыкновенно разумѣемъ подъ этими словами, употребляя ихъ въ новѣйшихъ языкахъ. Въ то время раздѣленіе того, что̀ называютъ монархіею, не имѣло въ сущности характера политическаго акта; этотъ характеръ сообщился впослѣдствіи, мало-по-малу, и при томъ косвеннымъ образомъ. Такъ какъ королевскіе домены (удѣлы), раскинутые по всему лицу завоеванной страны, находились въ большемъ количествѣ именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ колѣна франковъ утверждались по преимуществу, то сыновья королей, получивъ каждый долю своего наслѣдства, имѣли весьма естественно перевѣсъ надъ небольшими собственниками, феодалами, тѣми воинами, которые расположились въ окрестностяхъ ихъ удѣловъ.

Такимъ образомъ, правительственная власть была слѣдствіемъ, а не предметомъ раздѣла, и раздѣлъ въ дѣйствительности относился къ одной личной собственности, какъ движимой, такъ и недвижимой. Ничто такъ не доказываетъ справедливость этого положенія, какъ жребій, къ которому часто прибѣгали дѣти короля, въ случаѣ раздѣла. Даже и нынѣ, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, раздѣляютъ наслѣдство посредствомъ жребія; но никогда и никому не приходило на мысль дѣлить такимъ образомъ общественную администрацію и государственныя должности. Личныя убѣжденія дѣтей королей франкскихъ содѣйствовали много такому способу воззрѣнія. Повидимому, они мало придавали значенія территоріальнымъ доменамъ, и обращали главное вниманіе на серебро и драгоцѣнную утварь; они спѣшили овладѣть послѣднимъ и оспаривали съ жаромъ другъ у друга добычу. Они разсуждали такъ, что раздача золота и драгоцѣнностей предводителямъ и удальцамъ составляетъ для нихъ вѣрнѣйшее средство сдѣлаться королями, подобно отцамъ, т.-е. быть признанными числомъ солдатъ, достаточнымъ для поддержанія провозглашеннаго ими главы. Иногда въ ту самую минуту, когда отецъ закрывалъ глаза, дѣти, не заботясь о его послѣдней волѣ, спѣшили ограбить сокровищницу, уносили оттуда, сколько могли, и удалялись съ добычею въ свои области, чтобы пріобрѣсть новыхъ сподвижниковъ, а вѣрность прежнихъ еще болѣе укрѣпить. Это именно случилось послѣ погребенія Лотаря I, въ 561 г., и при смерти Дагоберта, въ 638 г. Вотъ какимъ образомъ два современныхъ историка разсказываютъ о томъ.

„Король Лотарь былъ на охотѣ въ лѣсу Кюизъ, его схватила лихорадка, и онъ былъ перенесенъ въ Компьень. Тамъ, мучимый жестоко болѣзнью, онъ часто повторялъ на своемъ языкѣ (т.-е. на германскомъ): „Увы! (wa!) что̀ должно думать о королѣ небесномъ, который убиваетъ столь великихъ королей?“ Преисполненный печали, онъ отдалъ душу. Его четыре сына, Гарибертъ, Гунтрамъ, Гильперикъ и Сигбертъ, перенесли тѣло въ Суассонъ съ большими почестями и погребли въ базиликѣ св. Медара. Послѣ похоронъ отца, Гильперикъ овладѣлъ сокровищами, хранимыми въ области Брэнь и, обратившись къ самымъ могущественнымъ франкамъ, онъ уговорилъ ихъ, при помощи подарковъ, служить подъ его начальствомъ. Вслѣдъ за тѣмъ, Гильперикъ пошелъ на Парижъ и овладѣлъ городомъ; но онъ не могъ удержать его надолго, потому что остальные братья соединились съ цѣлью изгнать его оттуда. Послѣ того они раздѣлили по частямъ и

по жребію и земли города. Гарибертъ получилъ королевство своего дяди Гильдеберта, съ столицею Парижъ; Гунтрамъ—королевство другого дяди Клодомира, съ столицею Орлеанъ; Гильперику досталось королевство отца, съ столицею Суассонъ (оно называлось впослѣдствіи Нейстріею), наконецъ, Сигбертъ получилъ на свою долю королевство дяди Теодорика, съ столицею Реймсомъ. Немного времени спустя, когда Сигбертъ пошелъ на войну противъ гунновъ, дѣлавшихъ вторженіе въ Галлію, Гильперикъ воспользовался его отсутствіемъ, чтобы овладѣть Реймсомъ и другими ему принадлежавшими городами; между ними послѣдовала междоусобная война. Побѣдивъ гунновъ, Сигбертъ овладѣлъ Суассономъ и, найдя тамъ Теодеберта, сына Гильперика, взялъ его въ плѣнъ; потомъ онъ пошелъ на самого Гильперика, далъ ему сраженіе, побѣдилъ и овладѣлъ снова своими городами..........“ (Григор. Тур. Ист. франк., IV, 21 и слѣд.).

„По смерти Дагоберта, Пипинъ, королевскій майордомъ, и другіе предводители австразійскихъ (восточныхъ) франковъ, пожелали и сдѣлали королемъ Сигберта, старшаго изъ его дѣтей. Самый младшій, по имени Клодовей, былъ объявленъ королемъ нейстрійскихъ (западныхъ) франковъ, подъ опекою матери Нантильды. Сигбертъ не замедлилъ отправить вѣстниковъ къ Нантильдѣ и къ королю Клодовею съ требованіемъ принадлежавшей ему части изъ сокровищъ отца. Кунибертъ, кёльнскій епископъ, Пипинъ и нѣсколько другихъ главныхъ предводителей въ Австразіи (Oster), отправились въ Компьенъ, куда, по приказанію Клодовея и съ согласія Эги, его майордома, принесли сокровища Дагоберта, и они были раздѣлены поровну. Часть, слѣдующую Сигберту, доставили въ Метцъ, представили ему самому и сдѣлали опись......“ [1]).

Случалось иногда, что франкскіе короли, при своей жизни, посылали своихъ сыновей для управленія тѣми частями территоріи, гдѣ они имѣли большіе домены, или съ цѣлью собиранія доходовъ, или съ тѣмъ, чтобы наблюдать за дѣйствіями сосѣднихъ собственниковъ, или, наконецъ, чтобы упрочить и распространить свои учрежденія въ странѣ, куда они направили свои походы. Такія назначенія, имѣвшія болѣе домашній, нежели политическій характеръ, но даваемыя иногда съ большою торжественностью, а именно съ согласія вождей той территоріи, гдѣ сынъ короля долженъ былъ расположиться, такія назначенія всегда представлялись нашими историками чѣмъ-то подобнымъ оффиціальному раздѣлу государства. Такой ложный взглядъ поддерживался злоупотребленіемъ политическихъ терминовъ латинскаго языка со стороны составителей хроникъ. Въ сущности, дѣло шло только о томъ, чтобы предоставить дѣтямъ прежде времени пользованіе отцовскимъ имуществомъ; но эта совершенно частная сдѣлка влекла за собою обыкновенно иного рода послѣдствія. Сынъ, утвердившись въ

---

[1]) Chunibertus... cum aliquibus primatibus Auster...... (Fredegarii Chron., cap. LXXXV, apud Script. rer. gall. et francic., t. II, pag. 445). *Auster* или *Oster*, на франкскомъ языкѣ, означаетъ востокъ; *Austria* и *Austrasia* суть его латинизированныя формы; трудно угадать, какимъ искаженіемъ языка дошли до послѣдней формы.

королевскихъ доменахъ, въ той или другой обширной провинціи, сближался съ сосѣдними собственниками, легко пріобрѣталъ ихъ расположеніе, и когда королевство дѣлалось вакантнымъ, онъ дѣлался ихъ вождемъ, преимущественно предъ всѣми другими; всѣ, по выраженію хроникъ, желали ихъ единодушно. Такимъ образомъ, дѣла шли самымъ естественнымъ порядкомъ, и ничего не происходило такого, что̀ могло бы случиться, напримѣръ, въ случаѣ политическаго раздѣленія монархіи Лудовика XIV.

Когда факты разъяснены, то и вопросъ о томъ, былъ ли раздѣлъ совершаемъ волею однихъ королей франковъ, или не иначе какъ съ согласія народнаго собранія, дѣлается яснымъ самъ собою. Пока дѣло шло о раздѣленіи между дѣтьми богатствъ или земель, король не нуждался ни въ чьемъ согласіи: онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ, какъ всякій собственникъ, какъ отецъ семейства. Но чтобы сынъ былъ признанъ главою со стороны сподвижниковъ, жившихъ въ той или другой мѣстности, необходимо было ихъ согласіе на то, и обычай требовалъ такого согласія. Отсюда и произошло кажущееся смѣшеніе абсолютной власти королей франкскихъ съ началомъ совѣщательнымъ, какъ то безпрерывно встрѣчается у составителей хроникъ.

Весьма ошибаются тѣ, которые, приписывая титулу короля или слишкомъ древнее, или слишкомъ новое значеніе, полагаютъ, что завоеваніе франковъ дало Галліи центральную и однообразную администрацію. Даже и въ тѣ времена, когда дѣти Клодовея присутствовали на публичныхъ играхъ въ амфитеатрѣ города Арля, и чеканили въ Марсели золотую монету, ихъ правительство, собственно говоря, существовало то̀лько на сѣверъ отъ Луары, гдѣ обитали франкскія колѣна. Внѣ этихъ предѣловъ вся ихъ администрація ограничивалась военнымъ постоемъ. Толпы солдатъ бродили по территоріи, въ родѣ подвижныхъ колоннъ, для поддержанія страха, или располагались въ за̀мкахъ городовъ, заставляли выкупать гражданъ, но не управляли ими, предоставляя эту заботу или ихъ муниципалитету, или безусловной власти епископовъ. Такимъ образомъ, когда являлось нѣсколько королей вмѣстѣ, они не выбирали себѣ отдѣльныхъ опредѣленныхъ провинцій, но жили въ нѣсколькихъ миляхъ другъ отъ друга. За исключеніемъ мѣстности, колонизированной завоевателями (т.-е. сѣверной Галліи), все остальное пространство Галліи было предметомъ собственности, но не правительства. Результатомъ того было то, что столицы четырехъ королевствъ (Парижъ, Орлеанъ, Суассонъ и Реймсъ) находились на пространствѣ какихъ-нибудь шестидесяти льё; что, при раздѣленіи, въ одинъ удѣлъ входили такія отдаленныя другъ отъ друга мѣстности, какъ Вермандуа и Алби, и что, наконецъ, одинъ и тотъ же городъ раздѣлялся на нѣсколько частей; если ближе всмотрѣться во всѣ эти странности, то нельзя не убѣдиться, что во всѣхъ этихъ политическихъ сдѣлкахъ идея собственности преобладала надъ идеею объ администраціи.

Города, лежавшіе на югѣ, были несравненно обширнѣе сѣверныхъ городовъ, и, слѣдовательно, могли скорѣе быть избраны для резиденціи, по нашимъ понятіямъ; но тѣмъ не менѣе короли, владѣвшіе ими, не избирали ихъ своимъ мѣстопребываніемъ. Они смотрѣли

на нихъ, какъ на помѣстья богатыя, но чуждыя. Единственный король первой расы, Гарибертъ, братъ Дагоберта I, устроился на югъ отъ Луары (въ Аквитаніи); но и онъ обратился къ тому, послѣ тщетной попытки добыть себѣ королевство на сѣверѣ; самыя выраженія заключеннаго имъ договора съ братомъ доказываютъ, что въ то время, по понятіямъ франковъ, владѣніе даже особою обширною территоріею, но лежавшею за предѣлами ихъ колоній, не сообщало никакого политическаго характера лицу владѣтеля [1]). Вотъ самый разсказъ историковъ: „Лотарь (II) умеръ, и его старшій сынъ, Дагобертъ, приказалъ всѣмъ *лейдамъ Австразіи* (Остера), которыми онъ начальствовалъ, собраться въ походъ [2]). Онъ отправилъ пословъ въ *Нейстрію* (Неостеръ) и *Бургундію*, предлагая избрать себя въ короли [3]). Когда онъ пришелъ въ Реймсъ и приближался къ Суассону, всѣ епископы и *лейды* королевства бургундовъ подчинились ему. Бо̀льшая часть епископовъ и вождей Нейстріи выразили также желаніе имѣть его правителемъ. Въ то же время Гарибертъ, его братъ, дѣлалъ всѣ усилія, чтобы получить королевство; но, по собственному неумѣнью вести дѣла, имѣлъ мало успѣха. Дагобертъ овладѣлъ всѣмъ королевствомъ Лотаря, какъ въ *Неостеррикѣ*, такъ и въ странѣ бургундовъ, и захватилъ всѣ сокровища [4]). Наконецъ, побуждаемый состраданіемъ къ брату Гариберту и по совѣту старѣйшихъ, вступилъ съ нимъ въ переговоры, и уступилъ ему, для частной жизни, страну на югъ отъ Луары до Пиренеевъ, заключающую въ себѣ округи г. Тулузы, Кагоры, Ажана, Сента и Периге. Онъ утвердилъ эту уступку договоромъ, подъ условіемъ, чтобы Гарибертъ никогда не дѣлалъ притязаній на королевство ихъ отца. Такимъ образомъ, Гарибертъ, избравъ Тулузу столицею, правилъ въ Аквитаніи...“ (Фредегарій, Хрон., въ Script. rer. gall. et francic. II, стр. 435).

Между многообразными раздѣлами галльской территоріи, которые производились династіею Меровинговъ, ни одинъ не былъ продолжителенъ и не повторялся въ опредѣленныхъ границахъ, исключая одного раздѣла территоріи, къ сѣверу отъ Луары, на Остеръ и Не-

---

[1]) Хотя со времени правленія дѣтей Клодовея южные чужеземцы, какъ-то: греки и итальянцы, называли всю Галлію *Франціею*, Francia, а англо-саксы и скандинавы — *Франкландомъ*, т.-е. землею франковъ, но это названіе, на языкѣ самихъ франковъ, давалось исключительно только той части территоріи, которая раздѣлялась на Австразію и Нейстрію.

[2]) *Leude*, *leute*, *liude*, на древнихъ тевтонскихъ діалектахъ, означало собственно *народъ*, *людъ*. Иногда это названіе давали спеціально однимъ сподвижникамъ короля. Здѣсь оно принято въ болѣе обширномъ смыслѣ. Наши историки не совсѣмъ справедливо обратили это названіе въ выраженіе извѣстнаго ранга, и писали въ единственномъ числѣ *un* leude, что̀ такъ же нелѣпо, какъ сдѣлать изъ слова *gens* единственное число, откинувъ букву s.

[3]) *Neuster*, повидимому, сложное слово изъ отрицательной частицы *ni* или *ne* и *oster*, востокъ. Такъ, франки въ эпоху завоеванія, вмѣсто *est* и *ouest*, говорили *est* и *non-est*.

[4]) *Neosterric*, т.-е. Neoster-rike или Neosterreich—западное государство; какъ Osterric или Osterreich—восточное государство.

остеръ, или Остеррикъ и Неостеррикъ (Австразія и Нейстрія). Это было единственное дѣленіе, которое въ теченіе этого періода представляло характеръ политическаго отдѣленія, и, повидимому, образовало два особенныхъ государства. Но и это явленіе вовсе не было результатомъ фантазіи королей франкскихъ, которымъ, худо ли, хорошо ли, пришло въ голову разрубить такимъ образомъ свои владѣнія; тотъ раздѣлъ имѣлъ для себя болѣе важныя причины. Одно наименованіе частей: *Восточная* и *Западная*, что̀, повидимому, выражало ихъ географическое положеніе, на самомъ же дѣлѣ это наименованіе, по отношенію къ племенному составу франкской націи, говорило о болѣе глубокомъ различіи. Страна, расположенная на востокъ отъ Арденнъ и теченія рѣки Шельды, образующая восточный край, была если не населена въ цѣлости, то, по крайней мѣрѣ, подъ властью племени, совершенно отличнаго отъ того, которое господствовало на западѣ и югѣ, отъ Арденнъ до предѣловъ Бретани. Принадлежа къ одной племенной конфедераціи, франки, утвердившіеся между Рейномъ и Маасомъ, назывались *рипуарскими* (ripewares), т.-е. береговыми людьми: имя, по всей вѣроятности, сложное изъ латинскаго корня и германскаго [1]); но они никогда не смѣшивались съ франками *салическими*, размѣстившимися между Маасомъ и Луарою. Эти послѣдніе, образовавъ собою авангардъ, при всеобщемъ переселеніи, сдѣлались съ самаго начала племенемъ преобладающимъ, которое могло давать другимъ властителей и подчинять всѣхъ своей политикѣ.

Клодовей, распространивъ свои владѣнія далеко на югъ Галліи, обратилъ оружіе противъ своихъ сподвижниковъ и истребилъ одного за другимъ королей восточныхъ франковъ. Подъ управленіемъ этого грознаго вождя и его дѣтей, вся конфедерація франковъ, повидимому, составляла одинъ народъ; но, несмотря на внѣшность соединенія, старый духъ племенного различія и даже соперничества раздѣлялъ между собою двѣ главныя трибы завоевателей Галліи, отличныхъ другъ отъ друга закономъ, нравами и, можетъ быть, самымъ діалектомъ: потому что верхне-нѣмецкій языкъ (hochdeutsch, если будетъ дозволено употребить это новѣйшее выраженіе) долженъ былъ преобладать у франковъ австразійскихъ, а нижне-нѣмецкій (plattdeutsch) — у нейстрійцевъ. Первые, австразійцы, населяя послѣдніе предѣлы галло-франкскихъ владѣній и служа защитою ихъ противъ возобновлявшихся вторженій языческихъ народовъ Германіи, не могли не питать, среди занятій бранной жизни, желанія быть независимыми и даже достигнуть политическаго преобладанія надъ своими южными единоплеменниками. Они старались не только освободиться, но даже образовать свою собственную конфедерацію. Для достиженія такой цѣли первымъ средствомъ было имѣть отдѣльныхъ королей; на этомъ

---

[1]) *Ripa*, кажется, было названіемъ, исключительно усвоеннымъ въ теченіе VI и V ст. римскому берегу Рейна. Что же касается до сліянія его съ словомъ тевтонскимъ *ware*, т.-е. мужъ, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, и подобные примѣры нерѣдки. Свевы, занимавшіе древнюю страну бойевъ, при истокахъ Дуная, получили названіе *байоваровъ*, т.-е. людей бойевъ, нынѣ *баварцы*. Саксы, утвердившіеся въ Кентѣ, въ Англіи, перемѣнили свое національное имя на новое: *Cantwares*.

основывалось усердіе, съ которымъ толпились *лейды Остера*, какъ выражались франки, около дѣтей короля, отправляемыхъ къ нимъ: они надѣляли ихъ дѣйствительнымъ королевствомъ, иногда съ согласія, а иногда противъ воли ихъ отцовъ. Они доходили до того, что побуждали дѣтей къ возстанію, которое льстило ихъ національному чувству и подавало надежды образовать у себя независимое государство. Такое соперничество произвело междоусобныя войны, которыя длились все VII-ое столѣтіе и борьба могла заключиться только перемѣною династіи, которая перенесла господство отъ салическихъ франковъ къ рипуарскимъ, отъ Меровинговъ къ Карловингамъ.

Среди этой борьбы франковъ сѣверо-восточныхъ съ юго-западными, необходимо первые должны были восторжествовать, и самая резиденція новаго правительства могла легко быть перенесена съ береговъ Сены или Энь (Aisne) на берега Мааса или Рейна. На самомъ дѣлѣ, австразійское населеніе вовсе не было такъ разсѣяно, какъ нейстрійское, расположившееся среди галло-римлянъ: австразійцы, поддерживаемые новыми выходцами изъ Германіи, которыхъ увлекала или страсть къ приключеніямъ или побуждала новая религія стать въ ряды войска королей христіанскихъ, образовали собою сплошную массу, менѣе разслабленную отъ праздности, роскоши и примѣра римскихъ нравовъ. Воинственная энергія древнихъ завоевателей скоро переродилась у нейстрійцевъ въ мелкія междоусобія, грабежи и оспариваніе другъ у друга клочковъ завоеванной земли. Богатыя фамиліи, и въ особенности королевская, предались чувственнымъ наслажденіямъ. Даже можно утверждать, что Меровинги, которыхъ сами историки называютъ лѣнивыми королями (rois fainéants), были развращаемы съ намѣреніемъ и весьма искусно тѣми, которые захватили въ свои руки опеку надъ ними; и если бы нейстрійскіе франки не были такъ деморализованы, то фамилія Пипина, несмотря на всю свою политику, дѣлала бы напрасныя усилія для пріобрѣтенія королевскаго титула.

Первый король этой второй фамиліи (т.-е. Карловинговъ) опять раздѣлилъ Галлію между своими двумя сыновьями, какъ то дѣлали и древніе короли, именно по градусамъ долготы. Но и въ этомъ раздѣлѣ королевства Остеръ и Неостеръ были одни разсматриваемы, какъ государства, прочая же обширная территорія, лежавшая внѣ ихъ, присоединялась къ нимъ, какъ дополненіе. Нейстрія, доставшаяся Карлу Великому, простиралась до Пиренеевъ чрезъ Аквитанію, часть которой также принадлежала ему; другое королевство, полученное его братомъ Карломаномъ, имѣло своими послѣдними предѣлами Рейнъ и Средиземное море. Но когда смерть послѣдняго соединила подъ однимъ скипетромъ оба королевства, этотъ способъ раздѣла не воспроизводился никогда болѣе съ такою точностью. Нестрія, потерявъ прежнее преобладаніе, утратила свой національный характеръ; между тѣмъ другая галльская провинція, Аквитанія, разсматриваемая при древнихъ короляхъ, какъ удѣлъ, при новыхъ раздѣлахъ составила отдѣльное государство. Такая огромная перемѣна не могла произойти случайно: она была результатомъ могущественной реакціи національнаго духа южныхъ туземцевъ противъ правительства, основаннаго за-

воеванiемъ. Эта страна, освобожденная въ первый разъ, хотя и не безусловно, несмотря на частыя возстанiя, пользовалась въ то время странною привилегiею сообщать сыновьямъ королей королевскiй титулъ и власть, нерѣдко направленную враждебно противъ ихъ отцовъ. Сынъ императора Карла Великаго, Лудовикъ-Благочестивый, былъ королемъ Аквитанiи, совершенно въ иномъ смыслѣ, нежели братъ Дагоберта I; и послѣ, когда Лудовикъ вступилъ на императорскiй престолъ, аквитанцы избрали себѣ королемъ одного изъ его сыновей, противъ воли отца. Таково было начало переворота, которое, послѣ упорныхъ и кровавыхъ войнъ, завершилось окончательнымъ распаденiемъ государства франковъ; но и это вторичное распаденiе такъ же мало можетъ быть вмѣнено въ ошибку Карловингамъ, какъ и первые раздѣлы при Меровингахъ. Все это было дѣломъ развитiя нацiональнаго духа и того напора массъ, которому не можетъ противостоять никакое могущество въ мiрѣ.

Авг. Тьери.

Lettr. sur l'hist. de France. Письмо X.

См. примѣчанiе къ ст. 68.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

БІОГРАФИЧЕСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ, ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ПЕРВОМЪ ТОМѢ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

ВВЕДЕНІЕ.

I. Общія понятія о наукѣ вообще и объ исторической наукѣ въ особенности.

II. Древній міръ въ эпоху паденія з. р. имперіи.

(V-й вѣкъ).

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ.

ОТЪ ПАДЕНІЯ З. Р. ИМПЕРІИ ДО КАРЛА ВЕЛИКАГО

(VI, VII и VIII столѣт.).

ГЕРМАНІЯ.

ИТАЛІЯ.

ИСПАНІЯ.

БРИТАНІЯ.

ГАЛЛІЯ.

Карта Западной Европы, предъ завоеваніемъ Испаніи маврами, 711 г., въ приложеніи.

КАРТА
ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ
предъ
завоеваніемъ Испаніи Маврами
(711 г)

Къ Ист средн вѣк писателяхъ

М Стасюлевича

КАРТОГР ЗАВ А ИЛЬИНА С.П.Б.